ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 4

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ВОЙНЫ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 4

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия восьмого тома:
В. Г. Титов (*председатель*), А. В. Торкунов, А. О. Чубарьян, А. А. Токовинин, О. Н. Белоус, В. И. Татарищев, Д. Е. Любинин, В. И. Ткаченко, А. И. Кузнецов, Е. П. Бажанов

Авторский коллектив восьмого тома:
М. М. Наринский (*руководитель авторского коллектива*), А. Ю. Борисов, В. И. Бойко, Т. Н. Вадковская, Н. Ю. Васильева, В. И. Винокуров, В. В. Воротников, Т. А. Закаурцева, В. П. Зимонин, А. А. Кошкин, И. Э. Магадеев, А. В. Мальгин, С. М. Монин, А. Ф. Носкова, Е. О. Обичкина, А. Н. Панов, В. О. Печатнов, А. В. Ревякин, О. А. Ржешевский, А. Ю. Сидоров, А. А. Чурилин, С. В. Шилов

При участии:
А. Н. Залеевой, Н. В. Илиевского, Е. Н. Орловой, С. В. Павлова, Е. С. Сенявской, А. М. Соколова, Д. Н. Филипповых

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Н. А. Абрамов, Т. В. Анисимова, И. С. Даниленко, М. А. Елисеева, О. В. Власов, С. В. Запорожцева, В. К. Гапон, Ю. В. Кожухов, Д. И. Крылов, С. Я. Лавренов, М. В. Лесенкин, Г. А. Малахов, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, М. С. Полянский, Н. Г. Михальцов, Ю. В. Рубцов, О. В. Саксонов, С. И. Саксонов, М. А. Селиванов, В. В. Соколов, С. Б. Страшко, А. В. Тимченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 **Великая** Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — М.: Кучково поле, 2014. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0394-6

Восьмой том посвящен советской внешней политике и дипломатии в годы войны. Показан их вклад в достижение победы над блоком фашистских агрессоров. Проанализированы основные направления внешнеполитической деятельности СССР во время Великой Отечественной войны: формирование и укрепление антигитлеровской коалиции, развитие отношений с нейтральными государствами, усилия по разложению блока агрессоров. Большое внимание уделено рассмотрению конкретных акций СССР в сфере международной политики и дипломатии.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0394-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война была не только вооруженной борьбой на полях сражений, войной экономик, войной за ресурсы, войной разведок, это было столкновение различных общественно-политических систем, идеологий, моделей миропорядка, противостояние охватывало концепции и практику внешней политики. Ставке нацистской Германии на агрессию и территориальные захваты СССР противопоставил борьбу за сохранение независимости и суверенного существования, освобождение порабощенных стран и народов от фашистского гнета и физическое выживание.

Изучение широкого круга отечественных и зарубежных источников и литературы позволяет отвергнуть и опровергнуть утверждения фальсификаторов истории в отношении советской внешней политики периода Великой Отечественной и в целом Второй мировой войн. Одно из распространенных и наиболее абсурдных искажений исторической правды состоит в попытках возложить на Германию и Советский Союз равную ответственность за возникновение Второй мировой войны. Один только генеральный план «Ост»[1] не оставляет камня на камне от этой версии.

При этом речь идет и о советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. В социокультурном отношении война — явление глубоко отвратительное, античеловеческое, нецивилизованное. Но есть договор и договоры, компромисс и компромиссы, и при угрозе войны, смертельно опасной для государства, задача политики найти этот компромисс.

Советско-германский договор о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 г., как своего рода дипломатический и геостратегический феномен не только дал нашей стране некоторую паузу-передышку, оттянул начало войны для жизненно необходимой подготовки, но и разрушил намерения японского правительства вовлечь Германию и Италию в военную коалицию, направленную против СССР[2].

Бесспорно, советско-германский пакт о ненападении был выгоден и А. Гитлеру. Нацистское руководство договором с Москвой, который оно так спешило подписать, частично решало задачу изоляции Польши в грядущей войне Германии против этого государства. Вместе с тем нет никаких оснований считать, что пакт стал решающим шагом к развязыванию Второй мировой войны. Хорошо известно, что принципиальное решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще в апреле 1939 г., то есть до начала контактов с СССР. В секретной директиве А. Гитлера утверждалось: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы ее уничтожение большевизмом»[3].

Несомненно, основным поджигателем войны стала фашистская Германия вместе с ее союзниками. Именно А. Гитлер сделал ставку на территориальную экспансию и агрессию, установление германского господства в Европе, а затем и преобладание в мире. «С точки зрения историчности и научной аргументации превращать Россию из победителя во Второй

мировой войне в агрессора могут только люди, которые явно находятся не в ладах со своей совестью или имеют корыстные интересы... Реальность такова, что сегодня мы действительно столкнулись с сознательным искажением истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и их результатов, которые впоследствии стали определять судьбу послевоенного мироустройства»[4].

Внешняя политика и дипломатия СССР были нацелены на обеспечение благоприятных международных условий для достижения победы над опасным врагом, над коалицией агрессоров. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность осуществлялась по директивам государственно-политического руководства Советского Союза. Важную роль в их реализации играл Наркомат иностранных дел (НКИД). Участники сражений на фронтах дипломатической борьбы: аналитики и шифровальщики, сотрудники центрального аппарата НКИД в Москве и в Куйбышеве, работники советских представительств за границей — все отдавали максимум сил для формирования благоприятной внешнеполитической обстановки для СССР в годы войны.

Советская внешняя политика являла собой сложный комплекс мероприятий и акций на разных направлениях, но все ее основные аспекты осуществлялись в тесной взаимосвязи. На первом плане стояло формирование наиболее благоприятных внешнеполитических условий для организации отпора нацистской Германии и ее союзникам, а в дальнейшем — для полного их разгрома. Внешнеполитическая деятельность СССР опиралась на самоотверженную борьбу армии и флота, всего советского народа против фашистских захватчиков. Только с учетом эволюции военно-политической обстановки можно понять и объяснить те или иные шаги советского руководства на международной арене.

В новых условиях формировалось такое важнейшее направление, как военная дипломатия. С началом Великой Отечественной войны перед внешней политикой и дипломатией СССР встали новые трудные задачи. Со всей силой проявилась потребность поиска союзников в борьбе против нацистской Германии и ее сателлитов. Проводя линию на сплочение противников агрессоров, советское руководство могло опираться на опыт борьбы за коллективную безопасность накануне Второй мировой войны.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, выступая по радио 3 июля 1941 г., заявил: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[5].

Общие интересы противостояния блоку агрессоров привели к формированию ставшей «уникальным явлением в мировой истории» антигитлеровской коалиции (по англо-американской терминологии — Grand Alliance): «В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и ее союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различными социальными системами и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной ее силой являлись СССР, Великобритания, США. Важная роль в коалиции принадлежала Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран»[6].

Укрепление коалиции, преодоление разногласий в ее рамках требовали непрестанных усилий руководства СССР, его внешнеполитического ведомства и советских дипломатических работников. Антигитлеровская коалиция стала примером плодотворного сотрудничества государств с различным общественно-политическим строем. СССР внес свой позитивный вклад в формирование международно-правовой базы коалиции, заключив ряд договоров о союзе (или дружбе), взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Англией, Францией, Чехословакией, Югославией, Польшей, а также соглашения с США о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

Антигитлеровская коалиция имела многоаспектный характер: политическое и военное сотрудничество ее участников, совместные военно-политические акции в отношении третьих стран, помощь союзников поставками в СССР вооружений и материалов для ведения войны.

Практика антигитлеровской коалиции обогатила советскую внешнюю политику новыми методами дипломатической деятельности. Это и переписка главы советского правительства И. В. Сталина с премьер-министрами Великобритании и президентами США, и конференции руководителей ведущих держав антигитлеровской коалиции. Весьма поучителен опыт подготовки и проведения встреч большой тройки на высшем уровне в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Формирование и развитие антигитлеровской коалиции продемонстрировало важность правильного понимания коренных интересов государств для их взаимодействия на международной арене. Советскому руководству удавалось в рамках коалиции последовательно отстаивать национально-государственные интересы СССР. Исследование роли внешней политики Советского Союза в формировании и укреплении антигитлеровской коалиции является одной из приоритетных задач авторского коллектива тома.

Антигитлеровская коалиция была союзом не только государств, но и народов. Советская внешняя политика и освободительная борьба народов — одна из проблем, рассматриваемых в предлагаемом вниманию читателей труде. Советский Союз сыграл решающую роль в освобождении народов стран, ставших жертвами агрессоров. В декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. было торжественно заявлено: «Советский Союз осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов... Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны». Одновременно советское руководство выразило убеждение, «что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы»[7].

Одно из направлений нападок на советскую внешнюю политику периода Великой Отечественной войны — искаженные трактовки освободительной миссии Красной армии за пределами Советского Союза в 1944—1945 гг. Зачастую политические деятели и историки стран Восточной Европы толкуют о замене фашистской оккупации на советскую, о лишении народов этих стран права на свободу и подлинную независимость. При этом перечеркивается вклад Вооруженных сил Советского Союза в освобождение этих стран от фашистских оккупантов и профашистских режимов. Однако именно это освобождение создало предпосылки для последующего развития стран Восточной Европы в качестве самостоятельных независимых государств. Конечно, нет необходимости отрицать, что советское руководство стремилось установить в освобожденных странах близкие социально-политические режимы и сформировать соответствующую систему безопасности по периметру границ СССР.

Заметным аспектом советской внешней политики и дипломатии во время войны были отношения с нейтральными государствами. Российские историки обоснованно утверждают: «Значительное число стран мира не принимало участия в вооруженной борьбе. Мотивы нейтралитета, который в ряде случаев (Швейцария, Ирландия) сохранялся на протяжении всей войны, были обусловлены самыми различными политическими целями правительств, историческими условиями и традициями»[8]. Советский Союз с уважением относился к позиции нейтральных государств. Не случайно после начала Великой Отечественной войны именно к правительству нейтральной Швеции была обращена просьба советского руководства взять на себя защиту интересов СССР и советских граждан в Италии, Германии, Румынии, Словакии, Венгрии, Финляндии и Дании. СССР стремился не допустить укрепления связей нейтральных стран с блоком агрессоров. Советское государство настаивало на соблюдении этими государствами, например Швецией, подлинного нейтралитета, исключавшего какие-либо действия в пользу нацистской Германии.

В период военных успехов германское руководство усиливало давление на Швецию, разрабатывало планы оккупации Швейцарии. В конечном итоге, сохранение их нейтралитета было предопределено переломом в противостоянии в пользу антигитлеровской коалиции. По достижении коренного перелома в войне Советский Союз стал более энергично добиваться ориентации нейтральных стран на коалицию противников агрессоров. Особое место в мировой политике периода войны занимала нейтральная Швейцария, ставшая средоточием деятельности разведывательных служб различных стран.

Важным направлением советской внешней политики стали усилия, направленные на то, чтобы не допустить расширения и укрепления блока агрессоров. СССР стремился к его ослаблению и разложению. При этом советское руководство никогда не отождествляло народы стран фашистского блока и их правителей. В приказе Верховного главнокомандующего И. В. Сталина от 23 февраля 1942 г. по случаю годовщины Красной армии говорилось: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»[9].

Советское руководство последовательно отстаивало требование о безоговорочной капитуляции Германии. Принципы безоговорочной капитуляции были нацелены на полную оккупацию Германии и принятие на себя союзниками высшей правительственной власти в побежденной стране. При этом СССР добивался признания принципа своего верховенства в советской зоне оккупации и последовательно выступал за денацификацию, демилитаризацию и демократизацию Германии. Важную роль в советской политике по германскому вопросу в конце войны играли требования Советского Союза о репарациях с Германии.

По мере роста масштабов поражений фашистского блока все острее вставал вопрос о выходе из войны союзников нацистской Германии, их переходе на сторону антигитлеровской коалиции. Поражения итальянских войск на восточном фронте и в Северной Африке создали предпосылки для свержения фашистского режима Б. Муссолини и выхода Италии из коалиции агрессоров. Советское руководство проявляло реализм в оценке внутриполитической ситуации в Италии. СССР прилагал также энергичные военно-политические усилия для вывода из войны на стороне фашистского блока Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии.

При этом по отношению к сателлитам фашистской Германии предлагалось применять более гибкие условия, чем требования безоговорочной капитуляции. В проекте памятной записки советского руководства правительствам США и Великобритании, подготовленном Наркоматом иностранных дел СССР в конце декабря 1943 г., отмечалось: «Поскольку сама формула «безоговорочная капитуляция» является неконкретной в отношении каждой в отдельности вражеской страны, не следует ли в практике переговоров с представителями вражеских государств трем нашим правительствам договориться о тех конкретных условиях, которые могут быть применены по отношению к данной вражеской стране для облегчения ее выхода из войны и для ускорения ее капитуляции. Советскому правительству представляется, что такая дифференциация в практическом применении условий капитуляции должна будет способствовать развалу гитлеровского блока вражеских стран и тем самым ослабит вражеские силы, действующие против союзников»[10].

Логическим продолжением Великой Отечественной войны стала кампания СССР против милитаристской Японии в августе 1945 г. Советское руководство проводило последовательный курс на поддержку борьбы Китая и других жертв агрессии в Азии против японских захватчиков. Вместе с тем Советский Союз стремился не допустить своего втягивания в войну на два фронта и осуществлял искусное дипломатическое маневрирование, чтобы избежать войны с Японией до завершения военных действий в Европе. При этом героическая борьба Красной армии против союзников Японии в Европе оказывала влияние и на положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. СССР вступил в войну с Японией в августе 1945 г., обеспечив выгодные для себя условия послевоенного урегулирования соглашениями с союзниками по антигитлеровской коалиции. Присоединение СССР к действиям союзников против Японии обеспечило быстрое завершение Второй мировой войны.

В данном томе рассматриваются не только общие установки советской внешней политики и их реализация, но и особенности действий СССР в различных регионах мира с учетом их специфики. Роль СССР во Второй мировой войне, его участие в антигитлеровской коалиции создавали предпосылки для активизации советской внешней политики на Среднем Востоке и в Северной Африке, Азии и Латинской Америке. Внешняя политика и дипломатия СССР во время Великой Отечественной войны сделали важный шаг к превращению страны в ведущего субъекта мировой политики. Вместе с тем учет характерных черт того или иного региона позволял наращивать эффективность усилий советской дипломатии.

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны рассматривается авторами как динамичное явление, прошедшее определенные этапы в своем развитии. Эти этапы были в первую очередь обусловлены ходом вооруженной борьбы Красной армии против сил нацистской Германии, ее союзников и сателлитов. Срыв гитлеровских планов молниеносной войны против СССР, успешная борьба Вооруженных сил Советского Союза за коренной перелом в ходе войны, закрепление и развитие наступательной стратегии Красной армии, завершение разгрома агрессоров на территории зарубежной Европы — все эти явления оказывали определяющее воздействие на советскую внешнюю политику. Вместе с тем изменения внешней политики СССР были связаны с общей эволюцией международной обстановки, со сдвигами в расстановке сил на мировой арене. Наложение эволюции советской внешней политики в целом на ее региональные особенности позволяет представить полнокровную картину деятельности СССР на международной арене в ходе Великой Отечественной войны.

Борьба за создание наиболее благоприятных условий для разгрома агрессоров сочеталась с усилиями, направленными на обеспечение безопасности СССР в послевоенном мире путем закрепления выгодных границ и формирования советской сферы влияния по периметру этих границ. Советское руководство добилось реализации важной части требований относительно гарантий безопасности СССР в послевоенном мире, вместе с тем оно последовательно выступало за создание после войны международной организации, призванной сохранять мир и пресекать в зародыше международные конфликты.

Еще в декабре 1941 г. И. В. Сталин в беседе с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом заявил: «В будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка желательно было бы создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу»[11]. На завершающем этапе войны СССР принял активное участие в создании Организации Объединенных Наций, ставшей одним из основных элементов послевоенного миропорядка.

Анализ основных приоритетов советской внешней политики и путей их реализации является важнейшей задачей редакционной комиссии и авторов труда. При этом внешняя политика СССР не идеализируется, показываются как ее успехи, так и неудачи.

В томе освещается не только внешняя политика СССР, но и его дипломатия, которая была нацелена на противоборство с дипломатией блока агрессоров. Трудные испытания периода войны обогатили советскую дипломатическую практику. Важную роль играла военная дипломатия: деятельность военных миссий, усилия военных атташе, согласование текущих международных военно-политических вопросов. После перенесения действий Вооруженных сил Советского Союза за пределы нашей страны возросло значение координации действий советской дипломатии с военными советами фронтов. В целом советская дипломатия успешно решала поставленные перед ней сложные задачи. Рассмотрение характерных особенностей советской дипломатии периода Великой Отечественной войны стало одной из задач авторов восьмого тома фундаментального многотомного труда.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне принесла заметное изменение его международного положения. СССР вошел в тройку ведущих держав-победительниц, стал одним из учредителей Организации Объединенных Наций, постоянным членом ее Совета Безопасности. Изменение международных позиций Советского Союза к концу

войны позволило ему стать одной из опор послевоенной ялтинско-потсдамской системы международных отношений.

Мировые войны XX в. имеют два внутренних смысла: во-первых, были потрясены сами основы цивилизации и, во-вторых, капитализм, созревший для распада и трансформации в социальное общество, дал еще один чудовищный побег — олигархию. Э. Генри с полным основанием классифицирует «олигархический деспотизм» как «фашизм»[12].

Восьмой том строится по проблемно-хронологическому принципу. Основные акции советской внешней политики рассматриваются в хронологической последовательности. Авторы тома стремились сочетать повествование о фактической стороне событий с анализом основных тенденций и явлений советской внешней политики и дипломатии периода войны.

Издание содержит обширное приложение документов, часть которых публикуется впервые. Знакомство с документами позволяет почувствовать пульс напряженной борьбы на международной арене, ощутить накал дипломатических баталий. Том проиллюстрирован фотографиями, плакатами периода Великой Отечественной войны, имеет приложение и необходимые указатели.

Представленный труд подготовлен специалистами Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Дипломатической академии МИД России, Института всеобщей истории и Института славяноведения РАН, Историко-документального департамента МИД России, специалистами некоторых других научных учреждений Российской Федерации.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда) Военного университета, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов, других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробно об этом говорилось в первом и втором томах настоящего фундаментального издания (См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012).

[2] Подробно см.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2002. С. 93–95.

[3] Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 376.

[4] Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4. С. 7.

[5] Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 103.

[6] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. С. 705.

[7] Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 322.

[8] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 258.

[9] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 46.

[10] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 330.

[11] Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 503–504.

[12] *Генри Э.* Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями / Пер. с англ. испр. и доп. издания 1937 и 1938 гг. М., 2004. С. 226.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА ВОЙНЫ

Советская внешняя политика накануне войны

Источниковая база изучения внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны была заложена еще в советский период. Важнейшим источником стала публикация переписки И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время войны[1]. Изучение переписки позволяет выявить ключевые проблемы формирования и эволюции антигитлеровской коалиции во время войны, дает возможность изучить характерные подходы советского руководства к вопросам взаимодействия с союзниками по коалиции, к проблемам послевоенного мироустройства.

Значительным этапом публикации источников стало издание документов международных конференций периода Великой Отечественной войны[2], которые позволили исследовать основные позиции советского правительства по важнейшим международным проблемам. Материалы конференций показывают последовательную борьбу советского руководства, сотрудников Народного комиссариата иностранных дел за объединение усилий для разгрома агрессоров, национально-государственные интересы СССР, создание стабильного послевоенного мира.

Серьезным вкладом в формирование доступного комплекса источников по истории внешней политики Советского Союза периода войны стала публикация документов об отношениях СССР с ведущими государствами антигитлеровской коалиции: США, Англией и Францией[3]. Изучение этих документов и материалов позволяет проанализировать различные аспекты советской внешней политики периода войны, показать вклад советской дипломатии в укрепление антигитлеровской коалиции. Удачным дополнением этих основополагающих изданий, подготовленных Министерством иностранных дел СССР, стал сборник документов по советско-американским отношениям периода войны, выпущенный международным фондом «Демократия»[4]. Сборник развил и расширил содержание выпущенного ранее двухтомника по советско-американским отношениям в годы Великой Отечественной войны.

Важным этапом в наращивании источниковой базы по рассматриваемой теме стала публикация документов внешней политики СССР за 1939–1942 гг. Издание этой серии началось в 1957 г., но в 1977 г. было приостановлено и возобновлено лишь в 1992 г. Министерством иностранных дел России. Опубликованные до 2013 г. документы охватили первые четыре года Второй мировой войны и составили XXII–XXIV серии, изданные в восьми книгах[5]. Первые из этих томов представляют собой подборку широкого спектра документов, раскрывающих внешнеполитическую деятельность СССР накануне Второй мировой войны и в ее начальный период. Последующие тома являются ценным изданием документальных материалов о внешнеполитической деятельности СССР в период тяжелейших испытаний, обрушившихся на нашу страну после нападения гитлеровской Германии и ее союзников. Опубликованные документы показывают различные направления деятельности советской дипломатии — от укрепления антигитлеровской коалиции до контактов с нейтральными государствами. Большинство документов, включенных в названные тома, ранее не публиковалось. Издание носит научный характер, снабжено ценными примечаниями и указателями.

Фундаментальное издание документов внешней политики СССР дополняется материалами по отдельным проблемам международной жизни. Среди этих изданий заслуживает внимания сборник документов о внешней политике СССР по отношению к Германии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., подготовленный совместно с немецкими коллегами[6]. В этой публикации был введен в научный оборот большой массив советских внешнеполитических документов, касающихся Германии. Основой издания стали фонды Архива внешней политики Российской Федерации. Составители ставили перед собой две основные задачи: показать советскую политику в германском вопросе с учетом отношений СССР с его главными союзниками и раскрыть особенности формирования послевоенной политики советского руководства в отношении Германии на основе доступных документов НКИД. Бóльшая часть документов сборника была опубликована впервые. В издание включены содержательные примечания и полезные указатели.

К названным сборникам примыкает публикация документов из Архива Президента Российской Федерации и Архива внешней политики Российской Федерации, раскрывающих процесс формирования и укрепления антигитлеровской коалиции[7]. В центре внимания книги находятся материалы, связанные с визитом британского министра иностранных дел А. Идена в Москву в декабре 1941 г., и документы, освещающие визит советского наркома иностранных дел В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае — июне 1942 г. Публикация бесед И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта и других документов позволяет воссоздать достоверную картину советских усилий по налаживанию и укреплению отношений с Великобританией и США в период Великой Отечественной войны. В труде подчеркивается: «В результате интенсивных, порой драматических переговоров, которые велись под контролем или при личном участии И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, были приняты и документально оформлены важнейшие решения, объединившие усилия СССР, США и Великобритании в борьбе с агрессией нацистской Германии, ее союзников и сателлитов»[8].

Заслуживает внимания и документальный труд[9], в котором на основе анализа документов из российских и британских архивов воссоздается содержательная панорама отношений между советским и английским руководством с сентября 1941 г. до июля 1945 г. В книгу включены не только дискуссии И. В. Сталина с У. Черчиллем, но и записи бесед В. М. Молотова с британскими руководителями, обмен телеграммами между Москвой и советским посольством в Лондоне. В публикацию вошли отрывки из мемуаров участников событий, ее органично дополняют записи некоторых важных бесед лидеров двух стран. В труде особо подчеркивается мысль о том, что И. В. Сталин и У. Черчилль «искали и находили подходы друг к другу, принимая решения в интересах объединения усилий во имя борьбы против нашествия агрессоров. Тем более ценен не имеющий прецедента в истории опыт сотрудничества руководителей СССР, США и Великобритании, его возможностей и пределов, поучительных поисков Сталиным и Черчиллем взаимных компромиссов, в том числе в личных отношениях, также необходимых для достижения общей цели»[10].

Публикации документов дополняются мемуарами и дневниками политических деятелей и дипломатов. К сожалению, В. М. Молотов не оставил мемуаров, но в какой-то степени этот пробел восполнили записи бесед с ним, опубликованные писателем Ф. И. Чуевым[11]. Он встречался с В. М. Молотовым на его даче в 1969–1986 гг., и его записи — это не стенограммы и не диктовки, а воспроизведение писателем высказываний собеседника. Значительное место в этих беседах заняла советская внешняя политика периода Великой Отечественной войны, деятельность В. М. Молотова в качестве наркома иностранных дел. Он оставил ценные свидетельства о внешнеполитических событиях, участником которых являлся, а также яркие портретные зарисовки тех политических и государственных деятелей, с которыми контактировал. Однако о некоторых моментах внешней политики Советского Союза нарком не рассказывал. Так, он отрицал подписание секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г.[12]

Большое значение имеют мемуары советского государственного деятеля и дипломата А. А. Громыко[13]. В годы войны он был советником посольства СССР в США, а с 1943 г. — Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. А. А. Громыко участвовал в подготовке и проведении конференций большой тройки в Тегеране, Ялте и Потсдаме, руководил советскими делегациями на конференциях в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. Мемуары А. А. Громыко показывают общую атмосферу на этих конференциях, рисуют портреты их участников, позволяют уточнить советскую позицию по отдельным вопросам. Несомненный интерес вызывают характеристики советских дипломатов, содержащиеся в мемуарах одного из ведущих политических деятелей СССР.

Интерес представляют дневники участников событий. Заметным пополнением источников по внешней политике СССР периода войны стала публикация личного дневника советского политика и дипломата И. М. Майского[14]. Военный период с 1939 по 1943 г. отражен во второй книге этого издания. Занимая пост посла СССР в Великобритании, И. М. Майский день за днем освещал и анализировал события, связанные с внешнеполитическим курсом СССР, развитием отношений между Советским Союзом и Великобританией. В дневнике посла нашли освещение его контакты с политическими и общественными деятелями Англии, несомненный интерес представляют его оценки событий, размышления об эволюции международной обстановки. Дневник позволяет лучше понять развитие предвоенного международно-политического кризиса, политику Великобритании в 1939–1941 гг., является ценным источником при изучении роли СССР и Англии в формировании и становлении антигитлеровской коалиции после 22 июня 1941 г. Записи И. М. Майского дают возможность в ряде случаев уточнить мотивы тех или иных акций советского руководства. Составители снабдили издание содержательными примечаниями и комментариями.

Следует отметить, что советская историография внешней политики СССР периода Второй мировой войны была в значительной степени идеологизирована, выдержана в пропагандистском духе. Просчеты и ошибки, как правило, замалчивались или отрицались[15].

Во второй половине 1980-х гг. в отечественной историографии начали появляться публикации, в которых освещались различные версии по многим вопросам внешней политики СССР в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь дискуссии развернулись вокруг советско-германского пакта о ненападении, заключенного в августе 1939 г. и прилагавшегося к нему секретного протокола, особенно после того как в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г. и других секретных договоренностей с Германией[16]. Тем самым были открыты возможности для критического анализа руководства государства накануне и в ходе Второй мировой войны.

В 1990 г. был издан документальный труд, в котором публиковались документы 1939 г.[17] В нем подчеркивалась ответственность нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, подвергалась критике политика Англии и Франции, сделавшая невозможной реализацию создания системы коллективной безопасности накануне Второй мировой войны. В труде отмечалось, что «СССР в основном проводил курс на коллективную безопасность

и предотвращение военной катастрофы»[18]. Советско-германские договоренности 1939 г. оценивались как вынужденный временный компромисс с обеих сторон. Вместе с тем авторы осуждали демонстрацию дружбы с Германией советской стороной и пропагандистские демарши советского руководства по поводу побед германского оружия.

В ряде работ просчеты в сфере внешней политики и дипломатии связывались с деформациями социализма внутри страны, уверенностью И. В. Сталина в том, что ему удастся оттянуть столкновение с Германией и А. Гитлер не начнет войну против СССР в 1941 г.[19] Заявлялось, что, «переоценив свои способности влиять на политику других стран, Сталин совершил ряд просчетов стратегического и идейно-политического характера»[20].

В работах периода перестройки подчеркивалось, что в антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны переплетались элементы недоверия и взаимной подозрительности со стремлением общими усилиями добиться разгрома фашизма, сохранить союзнические отношения. Накапливавшиеся взаимные претензии союзников в полной мере сказались после завершения Второй мировой войны[21]. Критический подход к деятельности советского руководства в международной сфере высказывался и в других работах[22]. Несмотря на то что в этих работах отмечалось возрастание международного влияния Советского Союза к концу войны, внешняя политика «тоталитарно-бюрократического государства» оценивалась критически[23].

В других работах, посвященных кануну Великой Отечественной войны, все основные внешнеполитические акции СССР рассматриваемого периода оценивались положительно, включая советско-германский договор о ненападении от августа 1939 г. Так, В. Я. Сиполс делает вывод: «Центральное место во внешней политике СССР в то время занимала проблема предотвращения или хотя бы отсрочки нападения со стороны фашистской Германии. Но чрезвычайно сложными были отношения даже с Англией, Францией и США... Что касается советской дипломатии, то она своей активной деятельностью способствовала провалу планов «крестового похода» против СССР»[24]. А в книге «Великая Победа и дипломатия», в которой освещается история внешней политики и дипломатии СССР в период Великой Отечественной войны, доказывается, что советская дипломатия внесла существенный вклад в Великую Победу, высоко оценивается создание мощной коалиции СССР, Англии и США, значительно превосходившей по своим ресурсам блок фашистских агрессоров, отмечается, что Советский Союз обеспечил при решении послевоенных проблем защиту своих государственных интересов, безопасность своих границ в Европе и на Дальнем Востоке, что сыграло важную роль при решении многих вопросов послевоенного мирного урегулирования[25].

В 2000-х гг. в отечественной историографии была сделана попытка отойти от категоричных суждений и оценок в достижениях и просчетах советской внешней политики и дипломатии в 1939–1941 гг.[26] Обращалось внимание на то, что СССР вошел в число ведущих держав, делавших мировую политику, смог не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений. В результате, исходя из тех целей, которые преследовало советское руководство, договор СССР с Германией августа 1939 г. — «вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей»[27]. Кроме того, преодолевались несостоятельные стереотипы в отношении советской политики в Восточной Европе[28].

Также стали появляться работы, в которых проблемы советской внешней политики 1939–1941 гг. освещались с использованием многофакторного метода, предполагающего учет самых различных, порой весьма противоречивых явлений и тенденций. В них подчеркивалось: «Только на основе многофакторного анализа возможно раскрытие всех сложностей и противоречивых тенденций развития в напряженные месяцы конца 1939 и 1940–1941 гг.»[29]. Однако вместе с тем, оценивая тактику И. В. Сталина накануне нападения фашистской Германии на СССР, отмечается, что она обрекала страну на пассивность и в военной, и во внешнеполитической областях[30].

Вопросы советской внешней политики и дипломатии периода войны освещались и в работах по истории Второй мировой войны, и в трудах по международной деятельности

СССР. В них подчеркивается, что внешняя политика и дипломатия СССР периода войны опирались прежде всего на достижения Красной армии на полях сражений. Масштабная картина борьбы советского народа и его вооруженных сил против агрессоров была дана в фундаментальном труде «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки», изданном в четырех книгах[31].

Некоторые аспекты советской внешней политики нашли освещение в труде «Мировые войны XX века»[32]. В частности, в нем отмечается, что советское правительство в дни тяжелейших испытаний 1941 г. высказалось за сближение с западными демократиями в соответствии с военными интересами страны. Антигитлеровская коалиция во главе с СССР, Великобританией и США успешно выполнила основную задачу разгрома стран-агрессоров. В рамках коалиции советская дипломатия добивалась скорейшего оформления договоренностей с Западом по вопросам послевоенного устройства. Руководители СССР, США и Великобритании смогли выработать в годы войны взаимоприемлемые решения по многим вопросам на международных конференциях и в ходе двусторонних переговоров. Однако к концу войны внутри большой тройки стали нарастать недоверие, подозрительность, политические разногласия. Отсюда и «неспособность победителей сохранить на длительное время международное сотрудничество»[33].

Истории деятельности Наркомата иностранных дел СССР накануне и в период Великой Отечественной войны посвящены соответствующие главы второго тома юбилейного труда «Очерки истории Министерства иностранных дел России»[34]. Освещая события кануна Великой Отечественной войны, в издании особо подчеркивается мысль о том, что дипломатические донесения советских представителей, направлявшиеся в Москву, недвусмысленно свидетельствовали о готовившемся нападении фашистской Германии на СССР. К сожалению, советское руководство оставляло их без должного внимания. В главе о деятельности НКИД в годы Великой Отечественной войны показана многоплановая активность советской дипломатии: укрепление антигитлеровской коалиции, развитие отношений с нейтральными странами, усилия, направленные на развал фашистского блока. Обоснованно подчеркивая ключевое значение встреч руководителей стран большой тройки, в издании справедливо обращается внимание на повседневную деятельность экспертов наркомата по подготовке прорывных решений в отношениях между союзниками[35].

Большое значение в освещении проблем советской внешней политики, оценке внешнеполитических акций СССР и других стран накануне и в годы войны имеют вышедшие в свет тома фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»[36].

Антигитлеровская коалиция

Формирование и развитие антигитлеровской коалиции традиционно составляет одно из главных направлений исследований отечественных историков Второй мировой войны. Это объясняется как значимостью данной проблемы, так и той важной ролью, которую сыграл в этом процессе Советский Союз. Многое в этом изучении было сделано уже в 1960-х гг., когда, с одной стороны, расширилась источниковедческая база исследований за счет публикаций официальных документов и мемуаров участников событий, а с другой — изменилась обстановка внутри страны, что позволило отойти от жестких пропагандистских штампов в трактовке отношений между союзниками, заложенных еще в книге «Фальсификаторы истории», изданной в 1948 г.[37]

Пожалуй, наиболее представительной и широкой по своему охвату работой этого периода стало вышедшее в 1964 г. капитальное исследование видного советского дипломата и историка В. Л. Исраэляна, в котором становление и функционирование антигитлеровской

коалиции впервые рассматривались на всем протяжении ее существования[38]. Хотя в фокусе внимания автора была дипломатическая история коалиции, она анализировалась в тесной связи с ситуацией на фронтах войны, военной стратегией союзников и внутренней обстановкой в США и Великобритании. Написанная на основе широкого круга источников и литературы, насыщенная значительным количеством фактического материала, эта работа стала отправной точкой для дальнейшего изучения данной проблематики. Характерна была и новая для того времени авторская оценка антигитлеровской коалиции как общего достижения союзников: «Создание антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Англией явилось выдающимся событием в истории второй мировой войны, крупнейшим завоеванием свободолюбивых народов в борьбе против фашистских агрессоров, в значительной степени предопределившим исход всей войны»[39]. Неслучайно данная работа и по сей день остается, по сути, единственной попыткой в отечественной историографии рассмотреть всю историю антигитлеровской коалиции в рамках одного исследования. В этом смысле ее можно сравнить с классической в англо-американской историографии работой Г. Фейса по дипломатической истории войны[40].

Дальнейшее изучение проблематики антигитлеровской коалиции в нашей стране пошло по пути углубленного исследования отдельных аспектов этой огромной темы. В концептуальном отношении окончание холодной войны и советского периода отечественной истории дало простор для корректировки сложившихся подходов и появления новых интерпретаций событий. Историки стали более пристально и критически относиться к советской внешней политике, различать в ней существование разнонаправленных тенденций, многовариантности выбора внешнеполитического курса основных участников антигитлеровской коалиции[41].

Заметным явлением стал выход в 1995 г. первого совместного труда ведущих российских, американских и британских историков по антигитлеровской коалиции «Союзники в войне». В нем проводится сравнительный анализ военной стратегии, состояния экономики и общества трех великих держав в годы войны, что позволило дать комплексную картину состояния Великого альянса, сопоставить достижения национальных исторических школ, выявив общие моменты и различия в их подходах к изучаемой проблематике[42].

Изучению «внутреннего тыла» стран антигитлеровской коалиции посвящен труд «Война и общество»[43]. Главным направлением изучения антигитлеровской коалиции является проблема второго фронта — узловая для межсоюзнических отношений, имевшая особое значение для Советского Союза, вынесшего на себе основную тяжесть войны с нацистской Германией. Эгоистическая политика США и Великобритании по затягиванию открытия второго фронта еще со времен самой войны стала главным предметом советской критики, которая затем перекочевала и в отечественную историографию. В годы холодной войны проблематика второго фронта превратилась в поле острой полемики с англо-американской научной и мемуарной литературой. В качестве оправдания действий своих правительств в ней приводились следующие основные доводы: военные операции союзников в Северной Африке, Италии, бомбардировки территории Германии и ее европейских союзников являлись фактически эквивалентом второго фронта и оказали большую помощь СССР; людские и материальные ресурсы союзников в 1941–1943 гг. были недостаточными для успешного вторжения на Север Франции; некоторые американские исследователи возлагали главную ответственность за отсрочки с открытием второго фронта на англичан, утверждая, что США выступали за ускорение этой операции.

В 1970-х — начале 1980-х гг. в отечественной историографии появилось несколько работ с подробным анализом политико-дипломатической борьбы по вопросу второго фронта[44]. На базе доступных советских и зарубежных источников в них дополнены и конкретизированы имевшиеся в то время представления о политике союзников, показана реальная сложность дипломатической борьбы по вопросу о втором фронте и дана более взвешенная картина всего комплекса межсоюзных противоречий, в том числе и разногласий между США и Великобританией по проблеме второго фронта. Анализ в этих работах строится на противопоставлении двух линий в вопросе о втором фронте — советской и англо-американской[45].

Ряд исследователей делал основной упор на противоречия внутри антигитлеровской коалиции, подчеркивая ее конфликтный потенциал[46]. Именно этот глубинный конфликт интересов, коренившийся в антисоветизме западных держав, и вызывал, согласно этой точке зрения, противоречия с СССР по второму фронту. В доказательство приводился обширный и в целом достоверный фактический материал о скрытых связях деловых и политических кругов США и Великобритании с нацистской Германией, о тайных сепаратных контактах между союзниками и германскими агентами, об активности наиболее враждебно настроенных к СССР представителей западных спецслужб, политиков и дипломатов.

Другие исследователи придерживались более сдержанной оценки мотивов и политических целей союзников в вопросе о втором фронте[47]. Полностью признавая корыстный интерес англо-американцев в затягивании лобового удара по Германии, они склонны были объяснять его не намерением обескровить Советский Союз и подорвать его послевоенные позиции, а понятным стремлением к сбережению своих сил и средств за счет союзника, у которого нет иного выхода, кроме как продолжать сражаться. Несколько иначе они подходили и к вопросу о степени готовности союзников к открытию второго фронта, признавая наличие объективных препятствий к этому вплоть до 1943 г. Однако данный вопрос остается сравнительно мало разработанным в отечественной историографии, что связано с общим недостатком внимания к углубленному изучению военного строительства и военной стратегии США и Великобритании в годы войны на основе первоисточников.

При более углубленном анализе англо-американских отношений в годы войны ряд исследователей корректирует былое представление о том, что У. Черчилль и британский истеблишмент в целом в вопросе о втором фронте вели за собой «упирающихся» американцев. На деле, показывают они, между Лондоном и Вашингтоном по данному вопросу существовал весьма широкий «стратегический консенсус»[48].

В целом, несмотря на продолжающиеся дискуссии, для отечественной историографии второго фронта характерна бóльшая преемственность оценок между советским и постсоветским периодами, чем по другим проблемам антигитлеровской коалиции. Эта преемственность также во многом объясняется и самим содержанием проблемы, в котором моральное преимущество находится явно на стороне Советского Союза. Тем не менее, несмотря на окончание холодной войны, проблематика второго фронта остается полем столкновения взглядов отечественной и англо-американской исторических школ, при этом в западной по-прежнему преобладает тенденция к преувеличению роли второго фронта и принижению вклада СССР в общую победу союзников.

Другим важным направлением в изучении антигитлеровской коалиции отечественной исторической наукой является анализ двусторонних отношений между союзниками. Импульс такому изучению дали публикации советских архивных документов по отношениям СССР с США, Великобританией, Францией, Югославией, Чехословакией и другими участниками антигитлеровской коалиции в годы войны. В результате появился целый комплекс работ, в которых детально рассматриваются межсоюзные отношения на двустороннем уровне. Центральное место здесь принадлежит анализу советско-американских отношений, имевших особое значение для всей антигитлеровской коалиции.

Массовое открытие отечественных архивов в 1990-х — начале 2000-х гг. в сочетании с новыми возможностями работы в архивах США заметно расширили источниковедческую базу исследований и дали возможность для свежего взгляда, казалось бы, на уже изученные проблемы, а также для расширения фронта исследований и постановки новых проблем[49]. Эти работы отличает не только свежий и богатый фактический материал, почерпнутый из американских и российских архивов, но и новый концептуальный подход к проблематике, который, во-первых, включает в себя изучение всего комплекса основных факторов, влиявших на отношения между СССР и США, а во-вторых — анализ различных аспектов этих отношений: дипломатии, разведки, военного сотрудничества, внешнеполитического планирования и пропаганды. Двойная трансформация советско-американских отношений (от холодного мира на рубеже 1940-х гг. к боевому союзу, а затем к его развалу и началу холодной

войны) впервые прослеживается как единый процесс двустороннего взаимодействия. На основе сравнительного анализа политики США и СССР раскрыт ряд особенностей и закономерностей протекания этого процесса, что позволило точнее определить вклад каждой из сторон как в создание Великого альянса, так и в его распад[50].

В ряде работ детально исследуется важнейший аспект советско-американских отношений — проблемы послевоенного урегулирования в Европе и их влияние на отношения между СССР и США, в том числе и в широком социокультурном контексте. Это позволяет выявить глубинные и долгосрочные детерминанты советско-американского взаимодействия, накладывавшие жесткие ограничения на сближение двух стран[51].

Активно продолжается и начатое еще в 1970-х гг. изучение роли Франции в антигитлеровской коалиции, ее отношений с США и СССР, причем с участием французских историков[52].

В последние годы заметно растет интерес исследователей к «человеческому измерению» союзных отношений: роли общественного мнения, человеческих контактов и взаимного восприятия стран антигитлеровской коалиции. На большом фактическом материале американских архивов и прессы исследуется роль общественного мнения в формировании политики США на советском направлении, советско-американо-британские контакты на разных уровнях — от рядовых граждан до высшего политического руководства. Выявлены сдвиги во взаимном восприятии двух обществ под воздействием боевого сотрудничества в борьбе с фашизмом[53].

Еще одно развивающееся направление отечественной историографии антигитлеровской коалиции — изучение торгово-экономических связей между СССР, США и Великобританией в годы войны. Ключевой проблемой здесь являлась тема ленд-лиза, которой и был посвящен ряд работ. На основе документов центральных и местных архивов, а также воспоминаний участников событий была воссоздана подробная картина осуществления ленд-лизовских поставок по северному и тихоокеанскому маршрутам, даны новые, более взвешенные оценки масштабов этой помощи и ее реального вклада в военные усилия СССР[54].

В целом, отечественная историография вносит большой вклад в изучение антигитлеровской коалиции, хотя здесь есть еще немало возможностей для научного анализа.

Восточная Европа в советской политике в годы Великой Отечественной войны

За истекшие 20–25 лет в российской исторической науке происходили существенные перемены в понимании прошлого, в том числе и в истории отношений со странами Восточной Европы. Процесс осмысления совершался на основе собственного жизненного и творческого опыта, а также благодаря открытию архивных фондов. Новая информация позволила исследователям более детально изучить страницы пройденного советским обществом пути, глубже понять цели и действия СССР на международной арене.

Страны Восточной Европы, расположенные по периметру границ СССР, а также Югославия и Албания занимали особое место во внешнеполитической работе советского руководства и в исторической науке СССР. Это объяснялось объективными обстоятельствами: многовековое соседство государственных территорий, общие славянские корни титульных этносов в ряде стран региона. Напоминанием служили рожденная в XIX в. идея «славянской взаимности»[55] и славянский сегмент населения внутреннего и внешнего приграничья неславянских государств. Играли роль традиции сосуществования малых славянских этносов в многонациональных странах и некая духовная родственность со славянским зарубежьем титульного населения. Всё вместе взятое определяло отдельное геополитическое место Восточной Европы на континенте, формировало здесь зону приложения, взаимодействия

и столкновения противоречивых интересов крупных государств, а в годы мировых войн — и США, создавало конфликтогенную атмосферу национально-политического и международного напряжения.

Для советского руководства Восточная Европа представляла особый внешнеполитический интерес. После Первой мировой войны в условиях революционного подъема в Европе реализация приоритетных интересов государства с новым общественным строем виделась в продвижении на Запад идеи социализма и применения советского опыта. Однако в реальной политике Советского Союза идеологическая составляющая его намерений уже в 1920-е гг. смещалась на политическую периферию. Определяющей тенденцией выступала задача обеспечить безопасность с Запада путем обретения геополитического влияния в центре и на востоке континента.

В связи с неосуществимостью в 1930-е гг. идеи создания коллективной безопасности с участием СССР и с наличием угрозы его изоляции в результате политики западных держав, пошедших на мюнхенский сговор осенью 1938 г., акцент делался на тезисе враждебного окружения Советского Союза. Одновременно прилагались усилия к тому, чтобы избежать участия СССР в большой внутренней войне в мире капитала. С началом Второй мировой войны определяющей целью советской внешней политики все больше становился вопрос о послевоенной геополитической безопасности СССР вместе со странами Восточной Европы.

Для западных держав, организаторов геополитической карты Восточной Европы по итогам Первой мировой войны, озабоченных собственной безопасностью, восточноевропейская территория в межвоенное время виделась санитарным кордоном, ограждавшим континент от влияния СССР и одновременно служившим препятствием советскому участию в европейской политике. Нацистская Германия рассматривала малые страны востока и юго-востока Европы как стартовую зону борьбы за жизненное пространство и мировое господство.

Геополитические цели малых стран в ту пору не были консолидированными: одни стремились наладить отношения с Германией, другие безуспешно пытались объединиться в интересах нейтрализации угрозы и с запада (Германия), и с востока (СССР). Между 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. действовавшие в эмиграции правительства Польши и Чехословакии, захваченных фашистской Германией, возобновили попытки создать региональный инструмент безопасности региона после войны. Но идея конфедерации выглядела малопродуктивной по причине несовпадающего отношения лидеров этих стран к союзу с СССР и разной меры их заинтересованности в объединении.

После 22 июня 1941 г. ситуация принципиально изменилась. Общность цели — борьба с фашистской Германией — рождала широкую коалицию, включая СССР. Этот факт изменял и геополитическое предназначение восточноевропейского пространства. Движение процессу определения его роли в послевоенной Европе придали поддержка Советского Союза, выраженная У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, сопротивление Красной армии, ее крупная победа под Москвой и предложенная в декабре 1941 г. И. В. Сталиным схема советско-польской и польско-германской границ, ставшая важнейшим элементом послевоенной реконструкции континента. Проект региональной конфедерации малых стран не обретал перспективы как из-за нараставших непреодолимых разногласий между лидерами Польши (В. Сикорский) и Чехословакии (Э. Бенеш) в понимании роли СССР в войне и определении геополитической судьбы региона, так и из-за негативной реакции советского руководства.

К концу 1943 г. прояснилось единодушное мнение большой тройки о предназначении региона быть барьером от повторной германской агрессии. СССР доставалась роль гаранта безопасности и мира в регионе. В конечном счете, благодаря победам Красной армии общими военно-политическими усилиями великих держав, через противоречия и компромиссы, состоялось превращение замысла в реальность. СССР становился одной из великих держав мирового сообщества, а Восточная Европа — сферой его геополитических интересов, в чем политическое руководство видело достаточное условие обеспечения безопасности Советского государства.

На обоснование этой стратегической цели средствами идеологии и конкретно-историческими материалами, оправдание непомерно высокой цены, заплаченной в годы войны за ее достижение, и была направлена советская историография. Она лишь воспроизводила, как правило, достоверный, но отретушированный и идеологически ранжированный фактографический ряд событий без соотнесения их с ситуацией в странах региона и в отрыве от объективных возможностей собственной страны.

С распадом СССР начался этап верификации национально-государственных интересов, включая инструменты их внешнеполитического обеспечения. В новой ситуации определялось место увеличившегося территориально «внешнего» восточноевропейского региона в стратегии и внешнеполитической деятельности России. Согласно новым знаниям и объективным условиям в стране совершался критический анализ отношений с союзниками по советскому блоку, существовавшему более 40 лет. Пересматривались концептуальные установки и субординация целей в этом зарубежье. Одновременно в отечественной историографии происходил процесс переосмысления советских идеологических норм.

Исторически корректное отражение внешней политики СССР в Восточной Европе формировалось в постсоветской историографии постепенно. Первой попыткой дать отчасти обновленное толкование роли СССР в истории стран Восточной Европы стали однотомные обобщающие коллективные монографии по истории с древнейших времен до наших дней Болгарии (М., 1987), Румынии (М., 1987), Чехословакии (М., 1988), Венгрии (М., 1991), Албании (М., 1992) и Польши (М., 1993). Однако эти книги готовились в условиях, когда отечественные архивы только открывались и процесс осмысления прошлого лишь начинался. Наибольшие сложности ожидали авторов разделов, посвященных внешней политике СССР межвоенного времени, периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также первого послевоенного десятилетия в отношении стран, находившихся в составе блока. Удавалось тогда не все. Серьезные пробелы в знании фактологического материала, обеспечении достоверными источниками не позволяли объяснять «забытые» ранее события.

В конце XX — начале XXI в. главной формой научной жизни российских специалистов по истории восточноевропейских стран и роли в ней СССР были дискуссии, конференции по общим темам и конкретным вопросам. С 1988 г. в формате круглого стола обсуждалась, как тогда казалось, менее политически уязвимая проблема антифашистского движения Сопротивления в странах региона. Акцент делался на анализе советского воздействия на формирование политических целей, облика и размежевания в движении. Итогом стала книга, подготовленная в основном сотрудниками Института славяноведения РАН[56]. Ее следует в той же мере, что и предыдущие, отнести к переходным работам.

Понятно, что научный интерес в ту пору концентрировался на тех вопросах, которые прежде цензурировались. В истории региона к таким вопросам, безусловно, относили события, связанные с последствиями пакта Молотова — Риббентропа и внешнеполитической деятельностью руководства СССР на начальном этапе Второй мировой войны, когда жертвами германской агрессии стали страны восточноевропейского региона. Первые итоги размышлений российских ученых были отражены в сборнике статей «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989). Заслуживает внимания книга «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941 гг. Дискуссии, комментарии, размышления» (М., 2007). В ней опубликованы материалы круглых столов, прошедших в Институте славяноведения в 1989–1990 и 2000–2002 гг.

Останавливаясь на историографии названного периода, надо подчеркнуть, что повышенный интерес к событиям между августом — сентябрем 1939 г. и июнем 1941 г. совершенно естественен. С этим временем неразрывно связано содержание внешней политики СССР в отношении региона после 22 июня 1941 г.

Дискуссии рубежа XX–XXI вв. показали многообразие тематики и порой существенные расхождения в оценках учеными советской внешней политики. Это многообразие отражено в коллективных трудах и сборниках статей, изданных в России за последнюю четверть века.

Книги прямо касаются восточноевропейского региона, или он рассматривается внутри тематически широких, обобщающих работ[57].

Многочисленные публикации документов советского времени из архивохранилищ России, обсуждения в научном сообществе актуальных исторических тем способствовали разработке ранее выведенных за рамки научного поиска проблем советской внешней политики, переосмыслению комплекса действий руководства СССР, его целеполагающих установок, промежуточных и стратегических задач[58]. Изучению вновь подвергался этап, предшествовавший началу Великой Отечественной войны. Ученые тщательно анализировали действия советского руководства, раскрывали подлинные интересы западных держав, намерения и просчеты лидеров малых стран региона, повлекшие за собой национальные трагедии кануна и периода войны.

К настоящему времени из архивов извлечена бóльшая часть комплекса документов о событиях, предшествовавших заключению советско-германского договора о ненападении, и его последствиях. На добротной документальной основе исследуются причины подписания СССР документа, до сих пор не имеющего единодушных оценок. Среди российских ученых бытуют как полярные суждения, так и мнения более сложные. Далеко не все специалисты согласны с исключительно негативной оценкой пакта. Некоторые из них, отмечая стратегические просчеты и созвучные той внешнеполитической атмосфере моральные изъяны этого шага руководства СССР, относят к тактическим выгодам пакта с Гитлером неожиданную на определенном отрезке времени перспективу утвердиться в Восточной Европе, при этом «оставаясь как бы в стороне от военного противостояния»[59].

Выводы многих ученых опираются на всесторонний анализ основной тенденции в советской внешней политике до 22 июня 1941 г. — любой ценой избегая участия в войне, не допустить консолидации Европы без учета интересов СССР. В этой связи анализируется политика западных держав и Польши, элита которой не разглядела в приоритетной тенденции советского курса отложенного во времени национального интереса страны. Как элемент эпохи исследователи отмечают имевшую место некоторую враждебность ряда государств восточноевропейского региона к СССР, что, несомненно, влияло на планы и дела людей, подписывавших договоры и формировавших ситуацию в Европе накануне 22 июня 1941 г.

Заслуживают внимания те работы, в которых не преувеличиваются позитивные и не маскируются негативные результаты советско-германского пакта. В них соотносятся действия советского руководства летом 1939 г. с текущими задачами обеспечения безопасности СССР. Эти действия расцениваются как тактический выигрыш при стратегическом просчете ставки на масштабное сотрудничество с Германией. Летом 1939 г. «СССР стремился избежать вовлечения в войну, сохранить тогда польское государство... отвести угрозу, направив германскую агрессию на Запад»[60].

В некоторых работах на первый план выдвигаются позитивные для СССР последствия пакта — события, столь резкого по воздействию на ситуацию в Европе и не ставшего препятствием для 22 июня 1941 г. Советско-германский договор о ненападении расценивается «как значительный успех советской дипломатии». Иное дело — договор от 28 сентября 1939 г., который в российской историографии, как правило, считается ошибочным. Особое отношение и к разделу довоенной территории Польши. СССР не приобрел этнически польских земель, а лишь восстановил историческую справедливость, соединив разделенные границей украинский, белорусский и литовский народы, выступил «в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах»[61]. Это подтверждается и составом населения, проживавшего на территориях, отошедших к Советскому Союзу[62].

Известно, что отношения Советского Союза с Чехословакией и Югославией были разрушены развитием внешнеполитической ситуации в Европе. Без объявления сторонами состояния войны были прерваны отношения с Польшей. Для СССР основанием служила международная норма (rebus sic stantibus), допускавшая такие действия в сентябре 1939 г. вследствие коренного изменения ситуации. С началом Отечественной войны межгосударственные контакты были восстановлены с правительствами, сформированными в эмиграции.

В отечественной историографии советского периода в освещении истории этих отношений преобладала критическая тональность в адрес польского правительства. Основное внимание уделялось описанию процесса создания компартиями оккупированных фашистской Германией Польши, Чехословакии, Югославии и Албании подпольных политических организаций и партизанских отрядов, разоблачению политических режимов в Венгрии, Румынии и Болгарии, формированию во всех странах региона антигитлеровских и антифашистских национальных фронтов, освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе в 1944–1945 гг. и возникновению власти, где решающими позициями располагали коммунисты[63].

Начавшееся с середины 1980-х гг. открытие российских архивов позволило создавать работы, отвечавшие научным требованиям максимально правдивого воссоздания времени войны и разносторонней советской политики в отношении оккупированных гитлеровцами или зависимых от них стран. Появились монографические исследования, книги и статьи, воспроизводившие отношения СССР с правительствами в эмиграции, историю выхода стран-сателлитов из союза с Германией и урегулирования отношений с СССР[64].

Нет возможности перечислить многие десятки книг и статей, опубликованных в настоящее время российскими специалистами по восточноевропейскому региону. Так в отечественной науке создавался задел для глубоких исследований всех проявлений советского воздействия на историю стран Восточной Европы, в том числе долгосрочных советских целей, оформление которых начиналось во время войны и завершалось в первые послевоенные годы. В результате сложилось многоаспектное исследовательское направление, получившее собирательное наименование «советский фактор в странах Восточной Европы». Это широкое понятие вмещало в себя ряд крупных исторических, весьма сложных и неоднозначных сюжетов, трудных для объяснения и восприятия в СССР — России и регионе как в прошлом, так и в настоящем: тесно связанные между собой геополитические и геостратегические интересы СССР в регионе в обстановке перехода Европы от войны к миру; участие СССР в организации многопартийной национальной власти и прежде всего силовых структур; внутриполитическая борьба за ее облик; роль советского руководства в рождении восточного военно-политического блока. Этот комплекс ключевых проблем нашел отражение в ряде авторских и коллективных монографий[65], а также многих научных статей[66].

В настоящее время разработаны многие важные проблемы: внутреннее положение в регионе в военное время; развитие двусторонних отношений малых стран с СССР; облик и национальная специфика движения Сопротивления в оккупированных и зависимых от фашистской Германии странах; деятельность коммунистов в условиях оккупации и эмиграции и переход компартий с общественной периферии в начале Отечественной войны в центр политической жизни в 1944–1945 гг. На конкретных материалах исследованы геостратегические интересы СССР в Центральной Европе и на Балканах, а также замысел и причины поражений двух крупных антигитлеровских восстаний в горах Словакии и в Варшаве. В 1990-х — начале 2000-х гг. по всем этим вопросам шли научные дискуссии. Как в публикациях, так и в дискуссиях преобладали, как правило, две точки зрения.

Сторонники одной из них считали, что идеология и классовые принципы определяли намерения и реальную политику советского руководства независимо от конкретных национальных обстоятельств и международных обязательств СССР перед антигитлеровской коалицией. Они настаивали на том, что политика Москвы изначально была направлена на установление советского общественного строя в странах Восточной Европы[67]. Однако при таком подходе выводятся за скобки те принципы общественного устройства, которые были налицо в регионе в первые послевоенные годы: система связи с обществом через многопартийность; коалиционный облик правительств, сформированных в 1944–1945 гг.; реальная политическая борьба за власть и внешнеполитическую ориентацию с элементами борьбы вооруженной в отдельных странах; буржуазно-демократические преобразования в экономике, социальной и культурной сферах; далеко не советская модель отношений с занимавшей прочные позиции церковью.

Объяснения объективных внутренних причин и международной обусловленности сохранения этих рудиментов прошлого приверженцы этой точки зрения находят в лавировании и примитивном обмане населения коммунистами, относя их лишь к тактике, камуфляжу, коммунистической пропаганде[68]. В своих утверждениях они игнорируют действие внешнего, западного фактора на развитие общественных процессов в регионе. Абсолютизированное ими внутреннее советское присутствие, как они полагают, и обусловило изначальную обреченность региона на социализм советского типа независимо от общественных позиций и настроений.

Впоследствии позиция представителей рассматриваемой точки зрения претерпела некоторую эволюцию. В более поздних работах констатируется, что в политике руководства СССР присутствовали, сливаясь в единое целое, два компонента: идеологически мотивированное распространение коммунистической власти за пределами СССР и геополитическая задача — обеспечение безопасности советских границ[69].

Сторонники иной точки зрения учитывают влияние советского фактора в Восточной Европе, но считают, что, скорее всего, до 1948 г. нет достаточных оснований говорить о слиянии в действиях Москвы, хотя бы в равной мере, идеологических задач (распространение социалистического строя в конкретном регионе) с геополитическими целями (исключение внешней угрозы вообще). Можно привести примеры, когда в сфере своего влияния Москва ограничилась геополитическими задачами (Австрия, Финляндия).

Опираясь на документы высшего эшелона советской власти, изучая его реальные политические установки, представители этой точки зрения не видят оснований говорить об изначальной обреченности всего региона на советизацию. Они полагают, что на рубеже войны и мира в субординации внешнеполитических приоритетов советского руководства было сохранение взаимодействия с партнерами по коалиции, а вовсе не социалистическая перестройка и тем более мировая революция. Основополагающим приоритетом в национально-государственных интересах выступало обеспечение послевоенной безопасности страны, в том числе посредством создания пояса из дружественных (по терминологии тех лет) сопредельных государств. В этом виделось надежное средство защиты от возможного повторения, как тогда считали, новой германской агрессии, обеспечения целостности страны и безопасности региона, гарантом чего выступал СССР. Всё то, что активно вставало на пути, подавлялось политическими и силовыми инструментами. При таком подходе «проблема безопасности приобрела фактически аксиоматический характер и явилась основой стратегического курса СССР»[70].

Второй основной аргумент этих историков состоит в утверждении, что советская сторона при реализации своего приоритетного интереса учитывала сложные позиции каждого конкретного общества и обусловленную тем меру своих возможностей[71]. Поэтому советское руководство содействовало созданию, безусловно, невраждебной СССР, хотя идеологически вовсе неродственной коалиционной власти. В ней участвовали разные силы, объединенные общей программой преобразований в соответствии с социальными запросами большинства населения.

Опубликованные документы того времени дают этим историкам основания считать, что целью советского военно-политического пребывания в регионе не было намерение установить свою оккупационную администрацию или насадить советский опыт, используя военную силу или политический приказ компартиям. По их мнению, идеологическая составляющая в политике СССР (классовое содержание власти и изменение общественного строя) на протяжении ряда лет имела в регионе явно подчиненный характер[72].

В обоснование этой позиции приводятся конкретно-исторические материалы, которые свидетельствуют о последовательном стремлении СССР, передавая везде разную долю власти своим классовым союзникам — коммунистам, не вызывать социальные противостояния и политические конфликты, разрешаемые лишь насилием. Эти материалы позволяют рассматривать тактику демократических блоков как форму объединения во власти различных

политических сил, принимавших новую роль СССР и участие коммунистов во власти. Социально-политический компромисс, этот антипод классовой конфронтации и основной способ обеспечить внутреннюю стабильность для восстановления и развития региона, был ключевым в рассуждениях И. В. Сталина, который располагал опытом сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и переносил его на внутреннюю жизнь стран Восточной Европы.

Идея компромисса лежала в основе концепции «национальных путей к социализму». В этом состояло, по мнению сторонников второй точки зрения, принципиальное отличие режима народной демократии от советского типа власти. Даже весьма высокая доля участия компартий во власти не являлась еще определяющим признаком, а лишь возможной предпосылкой советизации, если под этим термином понимать советскую модель организации власти. Утверждение иного общественного строя пришлось на следующую эпоху, когда с исчезновением общего врага разрушилась военно-политическая коалиция великих держав и в их политике оформилась другая целеполагающая установка: идеология стала играть первостепенную роль в определении стратегии[73].

Таким образом, постепенно среди специалистов по истории Восточной Европы наметились заметные шаги к сближению, которые заслуживают внимания с точки зрения поиска научной истины. Сторонники оценки народно-демократического режима как многопартийного для переходного общества все активнее вводят в свои аргументы геополитические мотивы намерений СССР. Сторонники же мнения о превалирующем влиянии идеологии на действия Советского Союза в регионе соглашаются, что замыслы советского руководства и компартий стран региона развивались, приспосабливаясь к обстановке и переменам в политике великих держав. Это означает, что обсуждение учеными времени народной демократии в Восточной Европе все еще имеет место.

В разной мере исследованы такие проблемы, как принудительное перемещение крупных этнических групп коренного населения в результате изменения границ и территорий, прежде всего за счет потерпевшей поражение фашистской Германии. Как полагают исследователи, при реконструкции карты Восточной Европы победители стремились, наказывая Германию, исключить и существование национальных меньшинств, чтобы предотвратить внутри- и межгосударственные противоречия в регионе. Решением проблемы служили массовые принудительные депортации (выселения, переселения, эвакуации, перемещения, оптации или обмен населением). Они затронули судьбы многих миллионов немцев, поляков, украинцев, венгров, словаков, сербов, румын и других народов[74].

На конкретно-историческом материале рассматривается важнейшая геополитическая роль СССР в послевоенной реконструкции региона. В многочисленных научных статьях приводится новый документальный материал по истории национально-территориальных конфликтов и способам их разрешения. Анализируются проекты, которые создавались в эмигрантских правительствах стран Восточной Европы, исследуются с этой точки зрения материалы заседаний глав антигитлеровской коалиции. Ставятся вопросы, которые в советские времена не звучали, в научный оборот вводятся новые документы.

На сегодняшний день история советской политики в Восточной Европе в годы войны объемно и обстоятельно представлена завершенной серией книг «Славянские народы в XX веке»[75]. В них отражается современный уровень научных знаний ведущих отечественных специалистов, понимание ими роли СССР в истории стран Восточной Европы.

Таким образом, российская историография накопила и проанализировала большой объем доброкачественного конкретно-исторического материала. Благодаря усилиям исследователей советская политика в Восточной Европе в годы Великой Отечественной войны перестала быть одноцветной и линейной, став многообразной и противоречивой в достижении генеральной цели, а именно — безопасности страны посредством влияния, контроля и разной меры соотнесения советских интересов с интересами стран Восточной Европы.

Политика СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Значительное внимание современная отечественная историография уделяет деятельности советской дипломатии на Дальнем Востоке и регионе Тихого океана в годы Второй мировой войны. За период после 1991 г. введен в оборот большой массив ранее неизвестных архивных документов и материалов, опубликован ряд монографий и статей, которые во многом уточняют и дополняют сложившиеся представления о внешнеполитическом курсе СССР в отношении Азиатско-Тихоокеанского театра боевых действий.

Первым опытом российско-японского сотрудничества в области исторической науки стал сборник документов, подготовленный совместно Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) и Фондом японских историков[76]. Первый раздел книги составили рассекреченные постановления Политбюро ЦК ВКП(б) из «особой папки», посвященные Японии. Они освещают усилия советской дипломатии, направленные на заключение двустороннего пакта о ненападении, а также урегулирование конфликтных ситуаций, возникавших вокруг КВЖД, консульств Японии и Маньчжоу-Го, японских концессий на Северном Сахалине и т. д. Некоторые постановления Политбюро посвящены подготовке СССР к возможному военному столкновению с Японией и мерам по укреплению обороны Приамурья и Приморья.

Ряд материалов политико-дипломатического характера вошел в сборник документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), посвященный Советско-японской войне 1945 г.[77]

В 2007 г. вышел в свет пятый том документальной серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай», освещающий политику СССР и Коминтерна в отношении Китая за период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г.[78] Включенные в него архивные документы свидетельствуют о стремлении СССР содействовать сохранению единого антияпонского фронта в Китае, не допустить вспышки гражданской войны в этой стране, ориентировать КПК на сопротивление японским захватчикам.

Особо следует сказать о фундаментальном и пока не завершенном проекте «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы», который уже стал крупнейшей публикацией документов в истории отечественного китаеведения. В четвертом томе (издан в двух книгах в 2000 г.), открывшем данную серийную публикацию и охватывающем период 1937–1945 гг.[79], представлен богатейший пласт ранее неизвестных документов внешней политики СССР в отношении гоминьдановского Китая. Бесспорный интерес представляют, в частности, документы второй части тома, вскрывающие подоплеку подготовки визита в Москву Сун Цзывэня и его переговоров с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Их итогом, как известно, стало подписание 14 августа 1945 г. советско-китайского договора о дружбе и союзе. Впоследствии незаслуженно забытый по соображениям идеологической конъюнктуры, этот договор в действительности стал крупной победой советской дипломатии и существенно укрепил международные позиции СССР на Дальнем Востоке.

Советская помощь Китаю в годы антияпонской войны остается предметом пристального интереса российских исследователей. За последние годы вышли в свет работы, содержащие обширный фактический материал о ее конкретных формах и масштабах[80]. Значение двустороннего сотрудничества трудно переоценить: в первые, самые трудные годы войны СССР являлся фактически единственным поставщиком вооружений Китаю, который в то время своего оружия (за исключением стрелкового) не производил. Интересные наблюдения о советской политике на китайском направлении содержатся в работах российских китаеведов и советских дипломатов, работавших в годы войны в советском полпредстве в Чунцине[81].

Заметным событием в изучении советской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в годы войны стал выход в свет трудов, в которых представлен современный взгляд на ключевые проблемы военной и дипломатической борьбы в АТР, в том числе: советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г., тихоокеанское «измерение» отношений между СССР

и США, происхождение и уроки Советско-японской войны 1945 г.[82] Большой интерес представляют сборники, посвященные событиям у озера Хасан, военному конфликту на реке Халхин-Гол и совместным действиям СССР и МНР в войне с Японией в 1945 г.[83]

В изданных трудах, посвященных политике в отношении Японии, комплексно проанализирована военно-политическая история взаимоотношений СССР и Японии с момента возникновения первого очага Второй мировой войны, дается взвешенный и реалистичный взгляд на подготовку и заключение советско-японского пакта о нейтралитете, высказывается аргументированное мнение по ряду ключевых, до конца не выясненных проблем. Знало ли японское правительство и насколько подробно о плане и сроках нападения Германии на СССР? Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.? Были ли осведомлены в Токио о ялтинских договоренностях по Дальнему Востоку? Делается вывод о том, что начавшаяся война Японии на Тихом океане «не исключала ее нападения на Советский Союз... при условии явного поражения советских войск в войне с Германией», и отмечается, что только после Курской битвы японский генштаб впервые приступил к разработке планов оборонительных, а не наступательных действий на случай войны против СССР[84].

В работах российских японоведов рассматриваются различные точки зрения на советско-японские и российско-японские отношения, в том числе порой и радикальные суждения (например, предложение поэтапно отдать Токио северные территории)[85]. Следует отметить, что в работах российских японоведов введено в научный оборот большое количество значимых отечественных и зарубежных архивных документов, которые содержат новые сведения о политике СССР.

Нашло отражение в отечественной историографии и советско-американское измерение тихоокеанской войны. Рассматриваются проблемы борьбы против японской агрессии сквозь призму сопоставления политики СССР и США в регионе Дальнего Востока, аспекты присоединения к Советскому Союзу островов Курильской гряды, делается вывод о том, что в 1931—1945 гг. задача обеспечения собственной безопасности перед лицом японской угрозы являлась для СССР доминирующей в его дальневосточной политике, отличавшейся большой осторожностью и ставившей целью не допустить нападения на него Японии[86].

В изданных работах нашла свое отражение и деятельность советской внешней разведки в Японии и Китае[87]. Наиболее подробно и обстоятельно эта проблема исследована в фундаментальном труде «Великая Отечественная война 1941—1945 годов». На основе широкого использования новых архивных документов и публикаций освещается роль стратегической и военной разведок в решении многих внешнеполитических, военных проблем не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на Европейском театре военных действий. Приводятся новые данные, факты о деятельности резидентур, значении сведений, добытых различными видами разведки для стратегического планирования и ведения вооруженной борьбы как на советско-германском фронте, так и на Тихоокеанском театре войны, обеспечения внешнеполитических акций советского правительства[88].

Таким образом, следует констатировать, что отечественная историография за последнее двадцатилетие вышла на новый уровень осмысления проблематики политики СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в годы Второй мировой войны. Подавляющее большинство исследователей согласны с тем, что вступление СССР в войну против Японии было правомерно и обусловлено не только исполнением союзнического долга, но и реализацией собственных геополитических интересов. При этом нашей стране удалось избежать вовлечения в длительные военные операции против Японии, а также одновременных действий на двух фронтах. И с военной, и с политической точек зрения дальневосточная политика СССР была лишена крупных стратегических просчетов и успешно выполнила те задачи, которые перед ней ставились.

В целом российской историографией создана серьезная научная база для дальнейшего исследования советской внешней политики в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I–VI. М., 1978–1980.

[3] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983.

[4] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. М., 2004.

[5] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1–2. 1939 г. М., 1992; Т. XXIII. Кн. 1–2. 1940–1941 гг. М., 1995–1998; Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000; Т. XXV. Кн. 1–2. 1942 г. М., 2010.

[6] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996.

[7] *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942 гг. М., 1997.

[8] Там же. С. 5.

[9] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004.

[10] Там же. С. 8.

[11] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

[12] Там же. С. 20.

[13] *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1–2. М., 1990.

[14] *Майский И. М.* Дневник дипломата. В 2-х кн. М., 2006.

[15] См.: История внешней политики СССР. 1917–1980 гг. В 2-х т. М., 1980.

[16] 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 497.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 379.

[19] *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991. С. 182–209.

[20] *Загладин Н. В.* История успехов и неудач советской дипломатии (Политологический аспект). М., 1990. С. 119.

[21] Там же. С. 123.

[22] Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992; *Сахаров А. Н.* Война и дипломатия. 1939–1945 гг. М., 1995.

[23] Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. С. 348.

[24] *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941 гг. М., 1997. С. 410–411.

[25] *Сиполс В. Я.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945 гг. М., 2000. С. 351–352.

[26] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. М., 2000.

[27] Там же. С. 81.

[28] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939—194 гг. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007.

[29] См.: *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 15.

[30] Там же. С. 461.

[31] Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998—1999.

[32] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3—4. М., 2002.

[33] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 250.

[34] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917—2002 гг. М., 2002.

[35] Там же. С. 326—327.

[36] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012; Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012; Т. 4. Освобождение советской территории. 1944 г. М., 2012; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013; Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы войны. М., 2013; Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013.

[37] Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948.

[38] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М., 1964.

[39] Там же. С. 117.

[40] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1967.

[41] *Филитов А. М.* Советский Союз в антигитлеровской коалиции: проблема многовариантности выбора внешнеполитического курса // Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993. С. 120.

[42] Союзники в войне. 1941—1945 гг. М., 1995.

[43] Война и общество. 1941—1945 гг. В 2-х кн. М., 2002—2004; Война и общество в XX веке. В 3-х кн. М., 2008.

[44] *Кулиш В. М.* История второго фронта. М., 1971; *Земсков И. В.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; и др.

[45] См.: *Земсков И. В.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. С. 38.

[46] *Безыменский А. Л.* Тайный фронт против второго фронта. М., 1987; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия. 1941—1945 гг.

[47] *Ржешевский О. А.* История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988; *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. М., 2005; *Орлов А. С.* Союз ради общей победы. М., 1990.

[48] *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны. М., 1969; *Ундасынов И. Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965.

[49] *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны. 1941—1945 гг. М., 1983; *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *Печатнов В. О.* Московское посольство Аверелла Гарримана // Новая и новейшая история. 2002. № 3—4; *Печатнов В. О.* Сталин и Рузвельт — союзники в войне // Великая Победа. Приложение к «Вестнику МГИМО — Университет». Т. 9. М., 2013.

[50] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки.

[51] *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941—1945 гг. М., 2006; *Мальков В. Л.* Путь к имперству. США в первой половине XX века. М., 2004; *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

[52] *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы Второй мировой войны. М., 1974; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006.

[53] См.: *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы США в годы войны 1941—1945 гг. Воронеж, 1995; *Быстрова И. В.* «Поцелуй через океан»: Большая тройка в свете личных контактов. М., 2011; *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939—1945 гг. М., 2000.

[54] *Супрун М. Н.* Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 1—3. Архангельск — Москва, 1991—2000; Ленд-лиз и Россия. Сб. / Сост. и науч. ред. М. Н. Супрун. Архангельск,

2006; *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1998; *Паперно А. Х.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998; *Краснов В. И., Краснов Н. В.* Ленд-лиз для СССР. М., 1998; *Соколов В. В.* Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 6.

[55] *Марьина В. В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997; *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002.

[56] Советское славяноведение. 1989. № 1; Новая и новейшая история. 1990. № 6; Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995.

[57] См.: Советские военнопленные и движение Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1991; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. Сентябрь 1940 — июнь 1941 г. М., 1992; Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994; Другая война. 1939–1945 гг. М., 1995; Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995; Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999; Война и политика. 1939–1941 гг. М., 2001; Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002; Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. 1. Ставрополь, 2004; Польша — СССР. 1945–1989 гг. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Россия в XX веке. Война 1939–1945 гг. Современные подходы. М., 2005; «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университет. М., 2009; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006; Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1941 год. М., 2011; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1942 год. М., 2012; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1943 год. М., 2013; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013.

[58] См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг.; *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. Документы. Факты. Суждения. М., 2000, 2002; *Васильева Н. В., Гаврилов В. А., Миркискин В. А.* Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005; *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945 гг.; *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда 30–40-х годов. М., 2007; *Яковлева Е. В.* Польша против СССР. 1939–1950 гг. М., 2007; *Мартиросян А. Б.* На пути к мировой войне. М., 2008; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Борьба за Европу. 1939–1941 гг. Документы. Факты. Суждения. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008; *Широкорад А. Б.* Непримиримое соседство. М., 2008; *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.; *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. М., 2013; и др.

[59] См.: *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. С. 30–31.

[60] Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 269; «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университет. М., 2009. С. 65, 42–44.

[61] *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. 1918–1939 гг. М., 2001. С. 408.

[62] В общей численности населения этих территорий в 1931 г. поляки составляли менее 29,3%, преобладали украинцы — 41,3%, белорусы — 17%, евреи — 9,3%, прочие — 3,2% (Wysiedlenia, wyp dzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem polskich. DEMART, 2008. S. 12, 14).

[63] Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.

[64] См.: *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1982; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения. 1945–1949 гг. М., 1990; *Марьина В. В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001, 2009; Польша — СССР. 1945–1989 гг. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; *Марьина В. В.* СССР и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг.; Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2007, 2009; *Валева Е. Л.* Болгария во Второй мировой войне // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 гг. СПб., 2010; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1942 год. М., 2012.

[65] *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1993; У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; Война и политика. 1939–1941 гг. М., 1999; Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; и др.

[66] См.: *Гибианский Л. Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 40-е годы // Холодная война: новые подходы, новые документы М., 1995; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, финал. Т. 2. М., 1997; *Наринский М. М.* Европа: проблема границ и сфер влияния. 1939–1947 гг. // Свободная мысль. 1998. № 3; *Марьина В. В.* «Ворота на Балканы»: Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 гг. // Война и политика. 1939–1941 гг. М., 1999; *Марьина В. В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; *Гуськова Е. Ю.* Балканы как отражение геополитических итогов Второй мировой войны // Военный альманах. М., 2005; *Волокитина Т. В.* Операция Красной армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // Comisia bilaterală istoricilor din România şi Federaţia Rusă: Sesiunea a IX-a. Constanţa, 2005; *Валева Е. Л., Волокитина Т. В.* Советский фактор в Болгарии в годы Второй мировой войны: дискуссионные вопросы болгарской историографии // Славяноведение. 2011. № 3; и др.

[67] См.: У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 16–17, 19, 35.

[68] См.: СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине — второй половине 40-х годов // Советское славяноведение. 1991. № 6; *Гибианский Л. Я.* Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.

[69] *Гибианский Л. Я.* Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian Histori — Histoire Rüsse. The soviet global impact: 1945–1991. Idyllwild, California. Vol. 29. 2002. Nos. 2–4. 210–211, 214; Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 142.

[70] См.: *Волокитина Т. В.* Сталинизм в Восточной Европе в 40-е годы XX века: к проблеме изучения (Дискуссионные аспекты) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов. М., 2005. С. 32–38; *Носкова А. Ф.* Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой // Studia Slavica — Polonica. К 90-летию И. И. Костюшко. М., 2009. С. 217.

[71] В этой связи можно привести мнение Кристины Керстен — одной из самых вдумчивых исследователей истории Польши в период войны и первые послевоенные годы: «Каким было польское общество после пятилетней войны и оккупации — вот вопрос, который должен быть поставлен, когда изучаешь историю формирования коммунистической системы власти. Независимо от внешних условий, созданных международными договорами, и непосредственно от присутствия Красной Армии в Польше, общество,

его состояние, позиции и поведение решающим образом воздействовали на характер политических процессов. Нельзя понять событий того времени без осознания положения в момент окончания войны, в котором находились 24 млн поляков» (*Kersten K.* Narodziny systemu w adzy. Polska. 1943—1947. Warszawa, 1985. S. 119).

[72] См.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественные процессы в странах Восточной Европы в 1944—1948 гг.; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953 гг. Очерки истории. М., 2002. С. 27—60.

[73] См.: *Носкова А. Ф.* Октябрьская революция 1917 года в России и проблема советизации стран Восточной Европы на рубеже 40—50-х годов XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009.

[74] Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий). М., 1994; Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 гг. М., 2004; *Марьина В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг. М., 2003; *Пушкаш А. И.* Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918—1945 гг. М., 2006; *Мельтюхов М. И.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях. 1917—1940 гг. М., 2006; *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 гг. М., 2008; Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. СПб., 2009; Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945—1989 гг. СПб., 2010; Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011; Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012.

[75] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х кн. М., 2005; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

[76] ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917—1941 гг. М., 2001.

[77] Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7—2). М., 2000.

[78] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943 г. М., 2007.

[79] Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937—1945 гг. Кн. 1. 1937—1944 гг.; Кн. 2. 1944—1945 гг. М., 2000.

[80] *Мировицкая Р. А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941—1945 гг. М., 1999; *Телицын В. Л.* Пылающий Китай. Военные конфликты в Китае и советские «добровольцы». М., 2003. *Сотникова И. А.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3.

[81] *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937—1952 гг. М., 1999; *Капица М. С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996; *Крутиков К. А.* На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003.

[82] Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010; *Александров А. А.* Великая победа на Дальнем востоке. Август 1945 г.: от Забайкалья до Кореи. М., 2004; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой М., 2002; *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; и др.

[83] «На границе тучи ходят хмуро...» (К 65-летию событий у озера Хасан). Аналитические материалы. М., 2005; Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009; Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911—1946 гг. Сб. документов. В 2-х ч. Москва — Улан-Удэ, 2008.

[84] См.: *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война. 9 августа — 2 сентября 1945 г. Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006; *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010; *Кошкин А. А.* Предыстория заключения пакта Молотов — Мацуока. 1941 г. // Вопросы истории. 1993. № 6; *Кошкин А. А.* Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его послед-

ствия // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945 гг. М., 1995; *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996; *Славинский Б. Н.* Советская оккупация Курильских островов. Август — сентябрь 1945 г. Документальное исследование. М., 1993; *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999.

[85] *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий»; *Славинский Б. Н.* Советская оккупация Курильских островов. Август — сентябрь 1945 г. Документальное исследование; *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг.

[86] См.: *Печатнов В. О.* От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки; *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931–1945 гг. М., 2007; *Сафронов В. П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001; Курилы — острова в океане проблем. М., 1998; Русские Курилы. История и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002; *Вишневский Н. В.* Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2000; *Ткаченко Б. И.* Проблема эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке. Владивосток, 1996.

[87] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 2. 1917–1933 гг.; Т. 3. 1933–1941 гг.; Т. 4. 1941–1945 гг. М., 1996, 2003, 2007; *Гаврилов В. А., Горбунов Е. А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004; *Горбунов Е. А.* Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.

[88] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией; Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы войны.

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ: ДОСТИЖЕНИЯ, ОШИБКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Альтернативы кануна войны

К 1939 г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений фактически завершила свое существование, пройдя несколько этапов. Эти этапы не всегда были синхронны в двух основных подсистемах тогдашнего мира — европейской и азиатской. Тем не менее очевидно, что в период с 1918 по 1922 г. происходило становление основных политико-правовых механизмов нового миропорядка. Эти механизмы оказались излишне статичными и потребовали изменения в следующий период (1922–1931), который характеризовался тем, что ни один из участников мировой системы не был готов сломать вооруженным путем хрупкий статус-кво. Нарастание напряженности на Дальнем Востоке, условный отсчет которому может быть положен вторжением Японии в Маньчжурию в 1931 г., а также произошедший в 1933 г. приход нацистов к власти в Германии повлекли за собой, соответственно, разрушение Вашингтонского порядка и нарастание нестабильности в Европе.

Это ясно понимали в Советском Союзе. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. И. В. Сталин привел «перечень важнейших событий, положивших начало новой империалистической войне» (при этом он не упомянул об оккупации Японией в 1935 г. китайской провинции Чахар). Сталин констатировал, что «в 1935 г. Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 г. Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в Испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 г. Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 г. Германия захватила Австрию, а осенью 1938 г. — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 г. Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань. Таким образом, война, так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения»[1].

Последовательно осуществленные гитлеровским режимом (при попустительстве западных демократий) ремилитаризация Рейнской зоны, аншлюс Австрии и реализация мюнхенского сговора привели не просто к ревизии, а к настоящему слому установлений Версаля. Это способствовало ослаблению позиций самих западных демократий, прежде всего Франции. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме от 12 октября 1938 г.

сообщал в Москву: «В том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз». Даже вчерашние поклонники политики умиротворения «уже усвоили ряд непреложных и... неприятных истин, а именно что:

1) Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 миллиона человек и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;

2) Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. кв. км;

3) получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;

4) захватила в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе;

и что одновременно Франция:

а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе;

б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1—1,5 млн человек...

в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника»[2].

Вывод, содержавшийся в последнем пункте, оказался ключевым для руководства СССР. Именно он и составлял основу советской мотивации к изменению внешнеполитического курса весной — летом 1939 г., во многом объяснявшуюся опасениями внешнеполитической изоляции СССР, столь реальной после Мюнхена, ставшего роковым просчетом западных демократий.

Объективно к 1939 г. на дальневосточный очаг будущей мировой войны влияло бурное развитие событий в Европе, которые привлекали все большее внимание мировой и советской дипломатии. Именно в 1939 г. Советский Союз превратился в непосредственного участника предвоенного международно-политического кризиса. Однако это участие мотивировалось не желанием разрушить установления Версаля, а стремлением не быть погребенным под обломками Версальской системы и (в условиях широкомасштабного конфликта на реке Халхин-Гол в Монголии) не допустить агрессии Японии непосредственно против СССР. Эта задача могла быть решена, в частности, через незамедлительное создание максимально широкого и подконтрольного СССР лимитрофного пояса безопасности. В отдельных случаях соответствующие усилия наталкивались на совершенно иное понимание ситуации теми национальными правительствами, чьи страны попадали в зону безопасности СССР и одновременно в зону интересов западных демократий или государств оси — как в случаях с Финляндией и Балканами. Особо ярким и наиболее успешным вариантом формирования пояса безопасности стала географическая переадресация агрессора на другое направление, как это произошло с Японией, которая, испытав мощь советского оружия в событиях на Хасане и Халхин-Голе, в последующие годы сосредоточилась на Китайском, Индокитайском и Тихоокеанском театрах военных действий.

Утрата старых политико-правовых основ международного поведения порождала невиданный цинизм всех участников международных отношений. «Война создала новую ситуацию в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности»[3]. Нестабильность международного порядка была порождена угрозой со стороны всего трех государств: Германии, Японии и Италии, но национальный эгоизм других участников этих исторических событий не позволил эффективно воспрепятствовать реализации агрессивных планов[4]. И это при том, что даже сама коалиция агрессоров не была монолитной. Так, Италия все свои реальные внешнеполитические задачи решила к середине 1939 г. Внутренний же характер итальянского режима оставлял широкие возможности воздействия на его внешнюю политику как со стороны Лондона и Парижа, так и со стороны Москвы. Другой участник оси — Япония глубоко увязла в китайско-маньчжурских проблемах. Реально динамичным агрессором являлась только Германия, где жесткая национал-социалистическая идеология служила инструментом консолидации режима и общества с ориентацией на внешнюю экспансию.

Республиканские войска на позиции при обороне Мадрида. Испания

Японская штурмовая группа на улице Шанхая. Китай

Выступление А. Гитлера в венском дворце Хофбург во время аншлюса Австрии

Советская внешняя политика в этот период была подчинена двуединой логике: страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени непосредственное вовлечение в конфликт. В отличие от Великобритании и Франции, «умиротворивших» А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть разрушивших версальские установления, СССР пошел в последующем на договоренности с Германией в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация действий советского руководства объективно была более резонной, оправданной. Официально задачи СССР в области внешней политики ставились следующим образом:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами мира (в т. ч. с Германией);

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»[5].

Тем самым советское руководство выдвигало на первый план борьбу за национально-государственные интересы СССР в собственной трактовке. Оно заявило о стремлении проводить осторожную, прагматичную политику, по возможности оставаться вне начавшейся империалистической войны, добиваться максимально выгодных договоренностей с потенциальными партнерами.

Уже к лету 1939 г. стало ясно, что создать систему коллективной безопасности с участием СССР в большей степени из-за позиции «миролюбивых» западных демократий не удается. Поэтому Германия заняла приоритетное место в советском внешнеполитическом дискурсе.

Замена наркома М. М. Литвинова на В. М. Молотова в мае 1939 г. — символ перехода к другой внешнеполитической тактике. Предыдущая ставка на создание системы коллективной безопасности в Европе слишком долго не приносила ярких, видимых результатов, что и неудивительно, так как любое кропотливое дело не может сопровождаться перманентными и громкими триумфами. Более того, когда мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж — Прага — Москва, политическому руководству СССР пришлось искать альтернативные решения в условиях угрозы внешнеполитической изоляции.

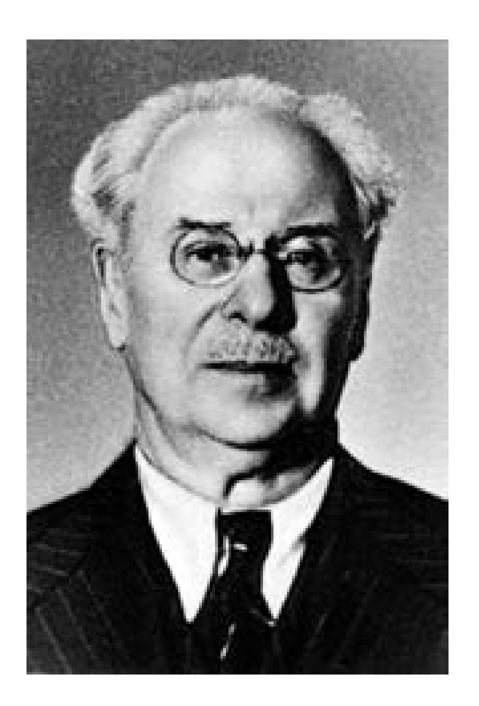
Вместе с тем стоит отметить, что был период (с марта по август 1939 г.) попыток Советского Союза совместить две линии в международных делах: поиск договоренностей с Великобританией и Францией и наращивание взаимодействия с Германией. Но здесь определенную негативную роль сыграли англо-французы, которые, не поняв дипломатического маневра советской стороны, сбавили обороты в поисках компромисса с Москвой.

И. В. Сталин пошел на контакты с Берлином, тем более что договоренности с гитлеровским режимом и даже соглашения с ним — это сценарий, который первыми опробовали западные демократии. Рассуждения о моральных соображениях советского руководства, впрочем как и руководства любой другой европейской страны в тот период, неуместны — слишком малую роль играли эти соображения для самих лидеров той эпохи.

У Советского Союза выбор потенциальных союзников оставался небогатым: Великобритания в связке с США или дальнейшее сохранение взаимодействия со странами оси. Со второй половины 1940 г. СССР возвратился к «перевернутому» сценарию марта — августа 1939 г.: с одной стороны, продолжалось сотрудничество с Германией, а с другой — началось восстановление контактов с Великобританией и США. Очевидно, что все это было построено на старой идее — получить выигрыш во времени и пространстве и оттянуть войну, а может быть, даже предотвратить ее. Другое дело, что этот выигрыш, вероятно, уже не казался И. В. Сталину столь очевидным, как в августе 1939 г., да и советский вариант соглашения с Германией становился все более проблематичным. Слишком большие военные и экономические силы воздействовали на внешнеполитическую машину Германии, притом сохранялся ее идеологический стержень — расширение жизненного пространства арийских народов. Почти миллионные силы вермахта по периметру СССР были явно избыточны для контроля над поверженными территориями и предназначены для дальнейшего похода на восток.

М. М. Литвинов

В. П. Потемкин

В. М. Молотов

А. Я. Вышинский

После назначения В. М. Молотова народным комиссаром иностранных дел[6] прием дел осуществлялся в присутствии специальной комиссии в составе Л. П. Берии и Г. М. Маленкова[7]. Некоторое время спустя к ним присоединился заместитель Л. П. Берии по НКВД В. Г. Деканозов, который впоследствии был переведен на пост заместителя наркома иностранных дел. На «усиление» наркомата в феврале 1940 г. была брошена и такая одиозная личность, как бывший генеральный прокурор СССР и государственный обвинитель на больших процессах А. Я. Вышинский, ставший первым заместителем В. М. Молотова вместо известного дипломата В. П. Потемкина, назначенного на пост наркома просвещения РСФСР.

Вместе с тем в этот период прослеживается и стремление И. В. Сталина сохранить М. М. Литвинова в своем резерве. Об этом можно судить по телеграмме И. В. Сталина руководящим сотрудникам НКИД: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»[8].

Эта телеграмма была разослана в качестве циркулярной полпредам в наиболее важных странах, а также высшим руководителям центрального аппарата НКИД. Очевидно, что этот шаг имел своей целью не только информирование конкретных дипломатов, но и формирование установки для комментирования данного кадрового решения в их беседах с зарубежными представителями. Не используя в телеграмме формулировку относительно литвиновской увлеченности «англо-французским направлением», И. В. Сталин, вероятно, стремился заранее публично не демонстрировать намечавшееся расширение контактов с Германией. Но в то же время вина за происшедшее косвенно возлагалась и на В. М. Молотова, который не сработался со своим наркомом и оказался одной из сторон конфликта.

Новый нарком В. М. Молотов не был столь осторожным. Он объяснял свое назначение более серьезными — не тактическими, а идеологическими ошибками М. М. Литвинова. На собрании в наркомате в июле 1939 г. В. М. Молотов говорил следующее: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, пришедшим в НКИД»[9].

Личные свойства М. М. Литвинова, широкие профессиональные горизонты позволяли ему делать достаточно гибкой тактику советской дипломатии в рамках общего внешнеполитического курса. Что же касается В. М. Молотова, то первый год его работы в НКИД совпал с периодом чрезвычайной международной напряженности, да и отсутствие необходимого опыта не могло не сковывать действий нового главы советского внешнеполитического ведомства. Эта скованность выражалась в том, что директивы полпредам стали максимально сухими, слабовариативными, и сам В. М. Молотов в беседах с зарубежными представителями следовал заранее заготовленному и утвержденному сценарию. Это выглядело тем более странно, что полномочия председателя Совнаркома теоретически давали больше свободы действий, чем было у М. М. Литвинова.

Поставив во главе НКИД приближенного человека, И. В. Сталин был вынужден сам больше заниматься внешней политикой. Не стоит также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что обязанности по СНК и участие в Политбюро занимали у В. М. Молотова определенную часть времени, и он объективно должен был нормировать время, отводимое наркомату. А стремление контролировать всё, не делегируя полномочий, вело к реальному торможению работы НКИД. Такой стиль работы стал передаваться и вниз по инстанциям наркомата. Полпреды в своих сообщениях в центр все меньше предлагали инициативных шагов, полпредства начали запрашивать у Москвы разрешения даже по рутинным вопросам. В концентрированном виде характерная безынициативность и стремление действовать по

указанию начальства проявлялись в действиях нового первого заместителя наркома А. Я. Вышинского[10], который главным документом в своем общении с сотрудниками НКИД сделал рассылку записей проведенных им бесед.

В результате репрессий в НКИД сложилась сложная кадровая ситуация. М. М. Литвинов подробно изложил ее в записке, адресованной И. В. Сталину 3 января 1939 г.: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений... Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии... С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46.

Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека) или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведование полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКИД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих. Нет в НКИД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала... Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.

Такое положение создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКИД органами НКВД. Дело в том что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКИД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устраняются от секретной работы («рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКИД всякую ценность, по распоряжению 7-го отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года...

Можно было бы свернуть полпредскую сеть... Но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах по крайней мере консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т. п.»[11].

По разным оценкам, в 1936–1940 гг. репрессиям подверглись приблизительно 2–2,5 тыс. сотрудников центрального аппарата и полпредств. Только в высшем звене были репрессированы семь заместителей наркома, более 40 полпредов, сменилось практически всё руководство оперативных отделов и управлений[12]. Такое же положение было и во внешней и военной разведке. Следует отдать дань уважения самоотверженности всех сотрудников полпредств и разведки, снабжавших в подобных условиях центр информацией, необходимой для осуществления внешней политики.

Приход нового наркома ознаменовался так называемым «молотовским набором» дипломатов. 1939 г. — последний год предвоенных массовых репрессий в НКИД. Кадровые потери начали восполняться прежде всего из партийно-комсомольского актива передовых отраслей промышленности. В отличие от первых послереволюционных наборов здесь была и своя специфика: у советской власти уже появился небольшой резерв молодых ученых, преподавателей. Ярким примером выходцев из этой среды стал А. А. Громыко, пришедший в НКИД

из Академии наук СССР. 19 августа 1939 г. для ускоренной подготовки внешнеполитических кадров была учреждена Высшая дипломатическая школа (ВДШ), ныне Дипломатическая академия. ВДШ создавалась на базе ранее существовавшего Института подготовки дипломатических и консульских работников[13]. В ВДШ отбирались лица, имевшие, как правило, высшее образование. Школа представляла собой «специализированную аспирантуру», так как «по ее окончании слушатель получал право защиты кандидатской диссертации по истории международных отношений, истории внешней политики и международному праву»[14].

Важным шагом стало приведение регламента внешних сношений СССР в соответствие с мировой практикой. Так, в течение всего послереволюционного периода дипломатические представители СССР именовались полномочными представителями, при этом в верительных грамотах указывался их класс в соответствии с Венским регламентом 1815 г. Между тем становилось все более очевидным, что «учреждение поста полпреда вместо ранее существовавших в России... наименований глав дипломатических представительств не принесло каких-либо политических выгод. Наоборот, это порой использовалось некоторыми странами в целях дискриминации советских дипломатов, которых пытались ставить ниже дипломатических представителей других государств»[15]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. для советских дипломатических представителей были установлены три ранга. В указе говорилось, что «в целях установления для дипломатических представителей СССР рангов, общепринятых в международных дипломатических отношениях, и приведения этих рангов в соответствие со значением и объемом возлагаемых на дипломатических представителей СССР полномочий Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить для дипломатических представителей СССР, аккредитуемых при иностранных правительствах, ранги:

а) Чрезвычайного и Полномочного Посла,

б) Чрезвычайного и Полномочного Посланника,

в) Поверенного в Делах».

Несомненно, приведение советской дипломатической службы и практики внешних сношений в соответствие с международными стандартами было необходимо. Так, те же протокольные несоответствия мировой практике создавали и проблемы содержательного характера. Государственным протоколом большинства стран в то время, впрочем, как и сейчас, была предусмотрена практика обмена краткими речами посла, вручающего свои верительные грамоты, и главы государства, эти грамоты принимающего. Такая процедура помогает сторонам «сверить часы», предоставляет послу возможность декларировать направления и приоритеты будущей работы, оценить в определенной степени работу своего предшественника. Принимающая сторона также может высказать свои ожидания, пожелания и озабоченности. Все это было не характерно для советской дипломатической практики. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, как правило, речей не произносил и заявлений не делал, и несомненно, это сказывалось на динамике дипломатических отношений и вызывало недоумение, а возможно, и раздражение иностранных послов. Так, когда посол вишистской Франции Г. Бержери при посещении В. М. Молотова пожаловался на подобную процедуру, НКИД отреагировал в своей холодно-выдержанной манере, заявив, что «в СССР нет никаких ограничений по поводу заявлений при вручении верительных грамот. Если посол пожелает и если ему поручено, то он сможет сделать такое заявление»[16]. Очевидно, что послу иностранного государства не могут запрещать подобные действия, другое дело, что дипломатический протокол веками разрабатывался именно с целью поощрения и содействия содержательной части дипломатии.

Приход В. М. Молотова в какой-то степени повысил роль НКИД в системе органов власти Союза ССР. Это прежде всего связано с тем, что впервые после краткосрочного пребывания Л. Д. Троцкого на посту народного комиссара оказался представитель руководства коммунистической партии, более того, глава правительства. Так, Г. В. Чичерин никогда не входил в состав Политбюро, а в ЦК избирался уже в конце своей карьеры — в 1925 и 1927 гг. М. М. Литвинов членом ЦК стал в 1934 г.[17], но не имел никаких шансов войти в состав Политбюро.

А. А. Громыко

Стоит отметить и такой факт, что НКИД при В. М. Молотове уже не имел функционального и политического соперника в лице Коминтерна и его исполкома, что осложняло жизнь предыдущих наркомов. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) оказался сильно ослаблен в 1936–1939 гг., а поворот в сторону налаживания контактов с Берлином значительно уменьшил роль Коминтерна в советской внешней политике.

В целом можно констатировать, что НКИД с приходом В. М. Молотова и далее под его руководством превращался во внешнеполитическое ведомство того типа, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих пятидесяти лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие и талантливые личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной, где в силу ее значительных масштабов функция играла бóльшую роль, чем ее конкретный исполнитель.

Начало «молотовского периода» в дипломатии совпадает с мировыми тенденциями развития дипломатической службы. Ведомства иностранных дел во всех странах Западной Европы росли численно, причем прежде всего за счет кадров центрального аппарата, куда с развитием средств коммуникации стекалось все больше информации. Роль посольств и их автономность в такой ситуации начала снижаться, что продолжается и сейчас. Воздушный транспорт сделал более доступными визиты руководителей внешнеполитического ведомства непосредственно в интересующую страну. Расширились прямые контакты по линии специализированных ведомств (НКО, НКВТ, НКВД — НКГБ), которые шли параллельно или независимо от посольских контактов и согласовывались с центральным аппаратом НКИД. Для большинства стран Европы период новой дипломатии наступил после Второй мировой войны, когда довоенные устои оказались сломаны мировой трагедией. В Советском Союзе этот процесс начался с приходом В. М. Молотова в НКИД, когда только отлаженная машина внешнеполитического ведомства могла частично компенсировать людские потери.

Начало нового этапа контактов СССР с западными странами, как правило, датируется 23 марта 1939 г., когда в Москву прибыл английский министр Р. Хадсон, формально отвечавший за внешнюю торговлю Великобритании, но тем не менее с самого начала его визит

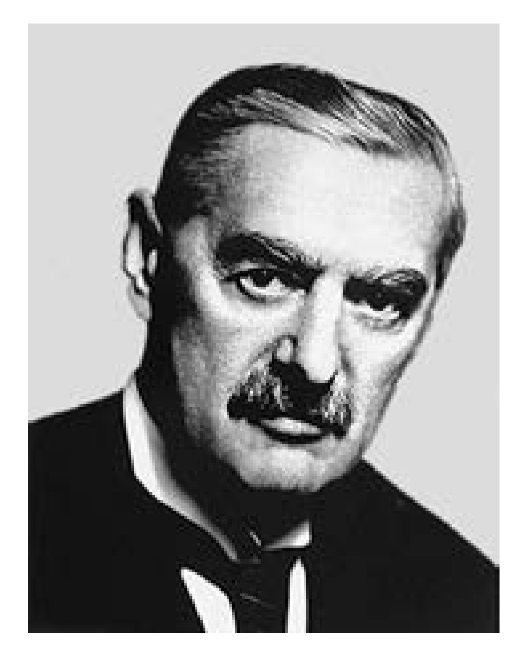
большинством наблюдателей расценивался как политическая миссия. К сожалению, коммюнике по итогам визита оказалось неутешительным, а его лейтмотив — справедливым и для последующих месяцев переговоров. В коммюнике говорилось, что «обе стороны выяснили свои позиции; при этом вскрылся ряд существенных разногласий».

Вместе с тем подчеркивалось, что «личный контакт, установленный между полномочным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира»[18]. В дальнейшем переговоры велись в трехстороннем формате: СССР — Великобритания — Франция, основываясь на постоянном контакте глав дипломатических представительств указанных стран (У. Сидс и П. Наджиар, соответственно) с НКИД СССР. Последнее было не самым удачным дипломатически решением. Столь важные консультации требовали вмешательства в них более высокопоставленных лиц, но ни французское, ни британское правительства, где по-прежнему были сильны мюнхенские настроения, на это не пошли.

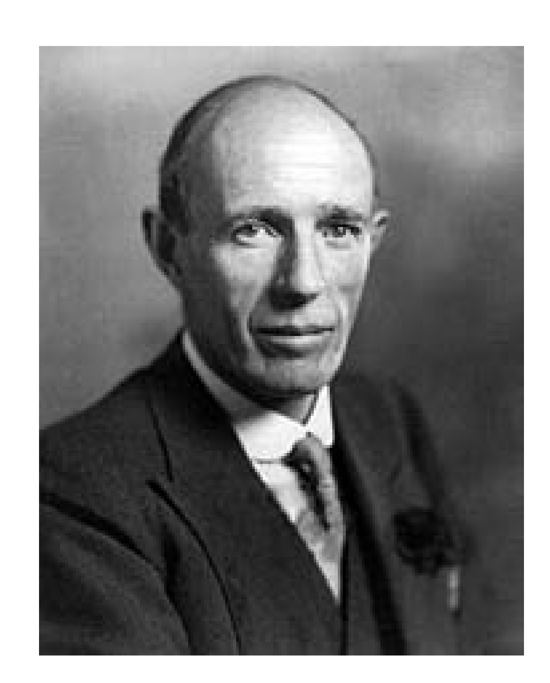
Необходимость большей инициативы со стороны западных демократий в тот момент была очевидна многим. «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву Галифакса, чтоб он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?» — такой прямой вопрос был задан британскому премьеру во время дебатов в Палате общин 19 мая 1939 г. Но ответ Н. Чемберлена был весьма показательным: «Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение... Нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран»[19]. На настойчивые попытки депутатов уточнить, какие правительства он имеет в виду, премьер не ответил.

С приходом В. М. Молотова на пост наркома позиция СССР на переговорах с Англией и Францией стала более жесткой. Психологически и политически советское руководство готово было идти на переговоры с Германией, тем более что в конце мая 1939 г. Берлин предпринял инициативные шаги в этом направлении. Придерживаться линии на сотрудничество с Лондоном и Парижем Москву могли бы побудить только серьезные встречные шаги со стороны британских и французских правящих кругов. Ситуация в Европе говорила о том, что агрессоры становятся все более наглыми и сплоченными: 7 апреля 1939 г. Б. Муссолини вторгся в Албанию[20], а 22 мая в Берлине Германия и Италия подписали «Стальной пакт», который еще более упрочил их союз. «Неагрессивные» же страны оставались по-прежнему разрозненными. К концу мая СССР, Великобритания и Франция вышли на согласованное признание немедленного и автоматического характера взаимопомощи в случае агрессии. Советская сторона предлагала подписать трехсторонний обязывающий пакт, что было подчеркнуто В. М. Молотовым 31 мая 1939 г. в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР.

В ходе переговоров можно выделить две основные проблемы: во-первых, перечень стран, подпадающих под трехсторонние гарантии, а во-вторых, вопрос о косвенной агрессии. Возникновение первой проблемы вполне логично, поскольку у каждой из сторон были свои предпочтения. СССР пытался внести в «гарантийный» список Латвию, Эстонию и Финляндию, но противниками таких гарантий выступали прежде всего правительства самих этих государств, опасавшиеся, что СССР может прийти им на помощь (и очевидно, что в силу своей близости сделает это более массированно и быстро, чем западные союзники), используя тот или иной предлог, связанный с германской угрозой. Великобритания и Франция, руководствуясь в какой-то степени именно этими соображениями, также не соглашались на подобные гарантии и увязывали свое согласие с советскими гарантиями Нидерландам и Швейцарии. Резонная позиция советской стороны о невозможности нашей действенной помощи столь удаленным странам восторжествовала. К концу июля 1939 г. стороны пришли к согласию по списку стран, которым предоставлялись гарантии: Бельгия, Греция, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Финляндия, Эстония. Даже эта трудная проблема была решена в ходе переговоров, при этом стороны обсуждали достаточно жестко сформулированные, но вполне понятные и законные интересы.

Н. Чемберлен

Э. Галифакс

Разногласия возникли при обсуждении вопроса о косвенной агрессии. По советскому проекту дополнительного письма к тройственному соглашению, «выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против одной из договаривающихся сторон — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»[21]. На Западе существовали опасения, что обязательства по противодействию косвенной агрессии могли бы быть использованы Советским Союзом для оправдания своего вмешательства в дела соседних стран. Вопрос о косвенной агрессии оказался слишком трудным для достижения компромисса, что, наверное, не случайно — к середине лета становилось все более очевидным, что наиболее вероятным объектом агрессии, причем прямой, может оказаться Польша. Соответственно, усилия трех держав — не столько всех вместе, сколько каждой по отдельности — концентрировались на Варшаве и векторе Варшава — Берлин.

В трехстороннем формате стороны решили перейти к практической стороне обеспечения гарантий и начали переговоры по военным вопросам. Решение об этом было принято 23 июля 1939 г., а собственно переговоры начались 12 августа. Очевидно, что на тот момент — с выбором восточного направления в агрессивной политике фашистской Германии — военная угроза была более актуальной для СССР, отсюда и соответствующая реакция. Великобритания и Франция, понимая, что военная угроза от них гораздо дальше, а политико-дипломатическая подготовка активных шагов А. Гитлера на западном направлении гораздо слабее, к военным переговорам отнеслись менее ответственно.

К предстоявшим переговорам стороны подходили по-разному. Советская военная миссия была представлена наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым, командующими ВВС и ВМФ. Французскую делегацию возглавлял член военного совета генерал Ж. Думенк, британскую — отставной адмирал Р. Дракс, не имевший письменного мандата на ведение переговоров и заключение соглашения. Англичане были настроены на затягивание переговоров, они добирались до СССР морем, а инструкции

предписывали Р. Драксу вести переговоры «как можно медленнее», в отношении военного соглашения он был инструктирован «ограничиться как можно более общими формулировками»[22]. 8 августа 1939 г. посольство США в Лондоне было проинформировано, что английская военная миссия в Москве получила указание «предпринять все усилия, чтобы тянуть с переговорами до 1 октября»[23]. Французская миссия, наоборот, получила указания «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»[24].

В связи с этим вполне обоснованно в инструкциях к переговорам, имевшихся у К. Е. Ворошилова, говорилось о необходимости выяснения полномочий переговорщиков[25]. Кроме того, советскому руководству было известно, что британский премьер выступал противником какого-либо обязательного договора с СССР. В это время в Лондоне велись переговоры с Германией, сообщения о которых появились в печати. Так, с 18 по 21 июля 1939 г. ближайший советник Н. Чемберлена Г. Вильсон вел переговоры с эмиссаром Г. Геринга Г. Вольтатом. В развитие мюнхенской сделки обсуждалась широкая программа англо-германского сотрудничества в военно-политической и торгово-экономической сферах. Предлагалось согласовать «сферы особых интересов». В Лондоне в обмен на обещание от посягательств Третьего рейха готовы были отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также убедить Францию отказаться от договора взаимопомощи с СССР[26]. Полпред И. М. Майский сообщал из Лондона, что англо-германские переговоры свидетельствовали о стремлении британского правительства договориться с Германией оставить «в покое Запад и повернуться лицом к Востоку»[27].

Переговоры в Москве стали буксовать с первых дней. Ключевым стал вопрос о пропуске Красной армии на территорию Польши и Румынии в случае нападения на эти страны. В Великобритании и Франции хорошо понимали значение этого фактора. Британский генеральный штаб подчеркивал: «Необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... без немедленной и эффективной помощи поляки смогут оказывать сопротивление в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется лучшим средством предотвращения войны»[28]. Но Форин-офис не воспользовался этой рекомендацией.

Постановка вопроса о «польском транзите» для советских войск и отсутствие ответа со стороны западных держав вместе с другими причинами привели к свертыванию миссии. Другой причиной было то, что на момент ведения переговоров ни Лондон, ни Москва, ни Париж не прекращали обдумывать запасные сценарии договоренностей с Германией. Берлин для всех трех столиц оставался политическим контрагентом на европейской арене, неудобным, но контрагентом, а не изгоем, как того заслуживал нацистский режим, не скрывавший содержания своей идеологии и внешнеполитической программы.

Тем временем Германия все активнее предлагала Советскому Союзу решить вопрос о коренном улучшении политических отношений между двумя странами. 2 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп пригласил советского поверенного в делах Г. А. Астахова и заявил о готовности Берлина урегулировать противоречия, в том числе посредством подписания секретного протокола[29]. О том же заявил В. М. Молотову и германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург. В это время Германия завершала подготовку к нападению на Польшу, и военно-политическому руководству Третьего рейха было важно заручиться гарантией невмешательства СССР в эту войну. Однако Советский Союз не спешил вступать в переговоры. В Берлине понимали, что единственным способом нейтрализовать Советский Союз (а заодно и сорвать московские переговоры) было предложить ему такие гарантии, в том числе и территориальные приобретения, которые могли бы ослабить опасения военного столкновения с Германией[30]. Несмотря на заманчивость такого предложения, советское руководство не спешило, даже после того как 11 августа состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) о начале официальных контактов с Берлином по всем указанным вопросам.

В результате зашедших в тупик переговоров — формально из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территории навстречу германским армиям — возникли подозрения, в том числе и у советской стороны, о способности и готовности западных стран совместно выступить против фашистской Германии. Это грозило ситуацией, что Советский

И. фон Риббентроп

Ф. фон Шуленбург

Союз может остаться один на один с самой тогда могущественной военной машиной Германии, к которой могли присоединиться и другие страны. В условиях военного конфликта с Японией на реке Халхин-Гол это означало бы войну на два фронта[31]. Английский историк Дж. Робертс так оценивает сложившуюся в то время ситуацию: «Сталин не верил, что Великобритания и Франция всерьез намерены вести войну с Гитлером. Наоборот, он опасался, что переговоры были для них только искусным маневром, посредством которого они хотели заставить СССР вести войну за них»[32].

Миссия французского генерала Ф. Мюсса, имеющая целью убедить польское руководство согласиться на пропуск советских войск, не увенчалась успехом. И все же 21 августа 1939 г. французское правительство распорядилось подписать в Москве военную конвенцию, но ответа из Варшавы и Лондона не последовало. Позднее из британских источников стало известно, что 23 августа планировался прилет Г. Геринга в Великобританию для встречи с Н. Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах[33]. Лишь во второй половине дня 23 августа, когда уже было объявлено о предстоявшем визите И. фон Риббентропа в Москву, польский министр иностранных дел Ю. Бек, которому французы поставили ультиматум, сообщил, что в случае нападения Германии на Польшу сотрудничество с СССР не исключается[34]. Телеграмма во французское посольство прибыла лишь 24 августа[35].

Еще 21 августа А. Гитлер отправил экстренное личное послание И. В. Сталину, где, ссылаясь на нетерпимое «напряжение между Германией и Польшей», предложил срочно направить в Москву министра И. фон Риббентропа для заключения договора о ненападении и секретного протокола к нему. Советское руководство должно было сделать выбор: с одной стороны, затяжные переговоры с Великобританией и Францией в условиях надвигавшейся войны Германии с Польшей, угрозы изоляции СССР и войны на два фронта без союзников, с другой — укрепление собственной безопасности путем заключения соглашения с Германией. Не ставя крест на переговорах с англичанами и французами, И. В. Сталин принял решение о приезде И. фон Риббентропа в Москву[36].

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. договор о ненападении сроком на 10 лет был подписан в Москве наркомом В. М. Молотовым и министром И. фон Риббентропом. Его содержание было стандартным и соответствовало другим договорам о ненападении, заключавшимся Советским Союзом, за исключением второй статьи: «В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»[37]. Это позволяло СССР остаться в стороне от немецко-польской войны. А статья четвертая исключала продолжение тройственных переговоров в Москве и участие СССР в любой коалиции против Германии. Эта статья противоречила положениям Антикоминтерновского пакта, а сам договор не был согласован с Японией, что вызвало обострение германо-японских отношений.

К договору прилагался секретный протокол о разграничении сфер интересов Германии и СССР, состоявший из трех пунктов. Второй пункт касался непосредственно Польши: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Таким образом, сфера действий германских войск не распространялась на восточную часть Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Согласно первой статье аналогичная линия проводилась и по северной границе Литвы (в то время она не имела общей границы с СССР). Это означало, что Германия не будет покушаться на северо-западных соседей Советского Союза — Финляндию, Латвию и Эстонию. Де-факто признавалась принадлежность Литве Виленской области с городом Вильно, оккупированной поляками в 1920 г. В третьем пункте был зафиксирован интерес Советского Союза к Бессарабии[38].

Советско-германский договор о ненападении с секретным проколом был для советской стороны вынужденным решением. «Геополитические преимущества этого соглашения были неоспоримы: Сталину удалось получить от Гитлера много больше, чем мог предложить ему демократический Запад. Хотя бы на время была ослаблена германская угроза. Заключение советско-германского договора о ненападении в нарушение Антикоминтерновского пакта заставило Японию отказаться от планов войны с СССР, что на время устранило угрозу войны на два фронта. На западных границах СССР возникали благоприятные условия для последующего воссоединения Прибалтики[39], Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР, не говоря уже о Бессарабии. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в оперативных военных планах Гитлера), сколько в пространстве, позволившем, по словам Молотова, «отдалить германские войска» от прежних советских границ. Советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, теперь обеспечивало возможности для наращивания глубины обороны, необходимой для защиты страны»[40].

Советско-германский договор вызвал беспрецедентную по масштабам реакцию в мире. Полпред СССР в Великобритании И. М. Майский, для которого события 23 августа тоже оказались неожиданными, писал в своем дневнике: «Вчера поздно ночью в Москве подписан пакт о ненападении между СССР и Германией... Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны. Надо подождать дальнейших сведений из Москвы. В городе смятение и негодование. Особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отказе от прошлого, в протягивании руки фашизму... Смущаться, однако, не приходится. Надо показать выдержку и спокойствие. Лейбористы перебесятся. «И это пройдет!» Консерваторы держатся много спокойнее. Они никогда всерьез не верили ни в Лигу Наций, ни в коллективную безопасность и сейчас гораздо проще воспринимают возврат Европы к политике «национального интереса». Точно возвращаются домой из «дворца мира» — высокого, торжественного, но страшно неудобного и непривычного для них здания»[41].

Подписание договора о ненападении между СССР и Германией. г. Москва, 23 августа 1939 г.

22 августа 1939 г., накануне подписания советско-германского соглашения, секретариат исполкома Коминтерна принял следующее решение: «Рекомендовать партиям перейти в наступление против буржуазной и социал-демократической печати со следующей установкой: а) эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам... в) СССР — решительный противник агрессоров, друг чехословацкого народа и Испанской Республики, преданных Англией и Францией, защитник народов, борющихся за свою независимость, много месяцев уже добивается соглашения с Англией и Францией для совместных действий против агрессоров. Английское и французское правительства сознательно затягивали переговоры, старались использовать переговоры с СССР как средство, чтобы добиться компромисса с Германией за счет СССР. Под их влиянием Польша отклонила возможную эффективную помощь СССР. Люди Мюнхена — Чемберлен и Бонне — являются главным препятствием для заключения соглашения между Англией и Францией... и СССР... г) своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР помогает соседним малым Прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира; д) этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов и капитулянтов Второго Интернационала, стремящихся направить агрессию против страны социализма; е) СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу; ж) ...переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР»[42].

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и

Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется об'ектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г. (лист № 1)

- 2 -

Статья 1У.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья У.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта .

Статья У1.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья УП.

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР

За Правительство Германии:

Договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г. (лист № 2)

Судя по дневнику временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова, пункт о разъединении агрессоров совпал с ощущением ситуации, которое было у союзников Германии — Японии и Италии. За 23 августа в дневнике имеется следующая запись: «Газеты буквально заполнены вопросом предстоящего подписания пакта о ненападении между СССР и Германией... Нужно отметить общую растерянность прессы... Пресса почти вся целиком обрушилась на МИД и правительство за то, что они благодаря своим бессмысленным и длительным обсуждениям мероприятий по европейским делам проморгали этот важный шаг... Следующий момент, на который следует указать, это отмечающийся всеми большой удар по японо-германским отношениям, и в частности по Антикоминтерновскому соглашению в той его части, которая направлена против СССР. Небезынтересно и то, что газеты, правда, в очень осторожной форме, но сразу же начали обсуждать возможность заключения такого же пакта между Японией и СССР». Напомним, что как раз 20 августа 1939 г. советские и монгольские войска перешли в решительное наступление у реки Халхин-Гол, 23 августа окружили 6-ю японскую армию, а к 28 августа завершили ее разгром.

25 августа Н. И. Генералов отмечал в своем дневнике: «В газетах прямо указывается на то, что проводившаяся до сих пор Японией внешняя политика потерпела крах... Для Японии сейчас не остается иного пути, как только изменить ее... Провал внешней политики и необходимость изменения таковой стараются объяснить не результатом провала японской авантюры в Китае, а «вероломством» Германии, отказавшейся «от антикоминтерновских принципов»... В связи с этим... ставится вопрос: в каком направлении должна Япония вести свою будущую внешнюю политику... Здесь имеются лишь два пути, каждый из которых диаметрально противоположен другому... Первый путь состоит в том, чтобы изменить политику по отношению к СССР в сторону улучшения... Однако вряд ли Япония пойдет по этому пути... Вступление на него было бы равносильно признанию провала японской авантюры в Китае, от которой ни военщина, ни дворцовые круги пока не думают отказываться... Поэтому наиболее вероятным путем этой «новой» внешней политики Японии будут попытки сближения ее с Англией... Однако нужно отметить, что этот второй путь содержит в себе не меньшие противоречия, которые не позволят Японии легко договориться с Англией и Америкой... Если Япония не откажется от своего намерения установить новый порядок в Азии, то при ее попытках сближения с Англией, Америкой и Францией последние предложат Японии восстановить довоенный порядок в Китае»[43].

Такое воздействие на Японию договора о ненападении также можно считать еще одним выигрышем. Пакт продемонстрировал Токио, что пафос «антикоминтерновского» союза не очень заботит Германию. А поражение на Халхин-Голе заставило японцев глубже задуматься о собственных интересах.

Как ни парадоксально, но самая невнятная реакция на пакт была из Варшавы. Это, по всей видимости, объясняется тем, что Польша находилась в плену, как минимум, трех наличествовавших в Варшаве иллюзорных сценариев. Первый из них, укрепившийся в сознании польского руководства, восходил еще к 1934 г., когда был подписан польско-германский протокол о мирном разрешении споров, и основывался на уверенности в том, что Польша скорее союзник Германии, чем ее противник. Тем более что от реализации агрессивных германских планов Польша получила и свои «крохи» в виде передачи ей чехословацкой Тешинской области.

Кроме того, советскому руководству были известны планы Польши, предлагавшей Гитлеру свои услуги по овладению Украиной. Еще в январе 1939 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек после переговоров с Берлином заявил «о полном единстве интересов в отношении Советского Союза»[44]. В то же время советская внешняя разведка сообщила о переговорах Ю. Бека с И. фон Риббентропом, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту при условии, если Германия поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю[45].

Второй иллюзорный сценарий, который, впрочем, при более благоприятных обстоятельствах имел шанс стать реальным, предусматривал помощь западных стран Польше. 25 августа

1939 г. было подписано польско-британское соглашение о взаимопомощи с секретным (конфиденциальным) протоколом[46], но оно отсрочило войну только на пять дней — с предполагавшегося 26 августа до 1 сентября. Гитлер считал, что если ему без дипломатического боя сдали Чехословакию, то и за Польшу Запад не станет драться. А без участия в такой военной кампании СССР и Франции для Лондона она становилась просто нереальной.

Как известно, соглашению предшествовали английские гарантии безопасности Польши, которые были объявлены Н. Чемберленом еще 31 марта 1939 г. в Палате общин. Все это было направлено на воспрепятствование очередному агрессивному акту Германии и укрепление пошатнувшегося после Мюнхенского соглашения авторитета Великобритании. Впоследствии британский военный историк Б. Лиддел Гарт заявил: «Гарантии Польше были весьма верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны»[47].

Соглашение от 25 августа 1939 г. гарантировало независимость Польши, а не сохранность ее территориальной целостности. Эту особенность отметила британская пресса сразу после выступления Н. Чемберлена в Палате общин, а также подчеркивают и современные историки. Некоторые из них делают вывод о том, что «британская политика была направлена на заключение нового четырехстороннего пакта с исключением из его состава СССР», а также о сопричастности Великобритании к началу Второй мировой войны[48].

В секретном протоколе к англо-польскому соглашению от 25 августа 1939 г. перечисляются страны и территории (Данциг, Бельгия, Голландия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония, Венгрия) как жизненно важные и относящие к сфере политических интересов договаривающихся сторон. Причем защита интересов Латвии и Эстонии предоставлялась в равных долях Польше и СССР[49], хотя последний был включен без его ведома.

К началу войны в Европе внешнеполитическая обстановка существенно изменилась. Фашистской Германии и ее союзникам противостояли разрозненные силы англо-франко-польской коалиции. В результате политики советского руководства в предвоенные годы удалось обезопасить страну от втягивания в войну, отвести японскую угрозу на Дальнем Востоке, но, к сожалению, не уберечь страну от нацистской агрессии. Кроме того, произошло ослабление роли Советского Союза как политического лидера в борьбе с фашизмом. Германия избежала войны на два фронта, надеясь на нейтралитет Англии и Франции в войне с Польшей.

Накануне Второй мировой войны «Сталин не только не планировал развязать войну, он опасался, что он сам и его режим станут главными жертвами крупного военного конфликта. Именно это в конечном итоге подтолкнуло его поставить все на соглашение с Гитлером: такое соглашение не гарантировало мир и безопасность, но оно давало больше всего шансов рассчитывать на то, что Советский Союз не окажется втянутым в войну. Несомненно, как и все остальные, Сталин ожидал, что если Великобритания и Франция объявят Германии войну, то начнется затяжной военный конфликт, война на истощение, которая даст Советскому Союзу время и возможность укрепить оборону. Он был слишком осторожен, чтобы поставить все на простое повторение сценария Первой мировой войны»[50].

Начало Второй мировой войны и позиция СССР

1 сентября 1939 г. фашистская Германия совершила агрессивное вооруженное нападение на Польшу. 3 сентября, выполняя свои союзнические обязательства, Великобритания и Франция объявили войну Германии. В войну вступили британские доминионы (Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия), а также все колониальные владения Англии и Франции. Так началась Вторая мировая война.

Советское руководство в своих внешнеполитических акциях руководствовалось советско-германским договором о ненападении и заняло позицию нейтралитета.

Немецкие солдаты ведут бой на окраине польского города Пабианице

Заместитель командующего армией «Варшава» генерал-майор Тадеуш Кутшеба
на переговорах о капитуляции гарнизона Варшавы

Польские и немецкие офицеры в вагоне на переговорах о капитуляции Варшавы

Солдаты вермахта проходят мимо указателя на дороге в районе Львова

Объявив Германии войну, Англия и Франция не предприняли сколько-нибудь активных боевых действий. Тем самым Польша, рассчитывавшая на помощь союзников, была обречена. В целом за две недели боев действующая польская армия лишилась половины своего личного состава. 12 сентября моторизованные германские части находились уже в районе Львова[51]. К концу сентября поражение польских вооруженных сил стало свершившимся фактом. Декретами А. Гитлера от 8—12 октября 1939 г. Польское государство было ликвидировано, западная часть тогдашней Польши присоединена к Германии, а на оставшейся территории создавалось «генерал-губернаторство польских областей». Основой политики гитлеровцев стало уничтожение польской государственности, геноцид польского и еврейского населения.

В столь катастрофических условиях польским руководящим кругам все же удалось 30 сентября сформировать правительство в эмиграции.

Фашистская Италия, не успевшая завершить подготовку к войне, заняла позицию невоюющего союзника Германии. А Япония заявила, что не будет вмешиваться в нынешнюю войну в Европе.

С началом Второй мировой войны остро встал вопрос о внешнеполитической ориентации Турции. Анкара пыталась вести переговоры с Советским Союзом об ограниченном военно-политическом сотрудничестве в районе Балкан и Черного моря. Однако германское руководство, по сути, сорвало возможные советско-турецкие договоренности. Миссия министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в Москву в октябре 1939 г. оказалась безрезультатной[52]. В итоге дипломатических маневров 19 октября был подписан тройственный договор о взаимопомощи между Турцией, Великобританией и Францией, подразумевавший агрессию европейской державы против одного из участников договора в районе Средиземноморья и Балкан. Правда, по настоянию Анкары действие договора не распространялось на ситуации, способные вовлечь Турцию в вооруженный конфликт с СССР.

Советское руководство пыталось воспрепятствовать заключению этого договора. Во время беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с Ш. Сараджоглу нарком заявил: «Мы ознакомились с проектом англо-франко-турецкого пакта о взаимопомощи. Мы внимательно также старались изучить статьи этого договора и пришли к выводу, что для нас не совсем ясно назначение этого документа в целом, т. е. против кого именно будет направлен этот пакт о взаимной помощи, заключаемый Турцией с Англией и Францией. Мы хотели бы знать, насколько Турция связана необходимостью вести эти переговоры как с англичанами, так и с французами и как далеко Турция зашла в этих переговорах. Мы хотели бы знать также, насколько турецкое правительство считает для себя обязательным заключение этого пакта с англичанами и французами и не лучше ли было бы этого пакта не заключать»[53]. Однако помешать сближению Турции с Англией и Францией советское руководство не смогло.

США оставались вне войны до декабря 1941 г., хотя и поддерживали англо-французскую коалицию[54].

Стремясь закрепить завоевания рейха в Европе и вывести Англию из войны, А. Гитлер в октябре 1939 г. выступил со своими «мирными предложениями». Он заявил, что Польша, созданная Версальским мирным договором, не имеет никаких шансов возродиться. Нацистский фюрер заверял, что он не намерен выдвигать каких-либо требований в отношении Великобритании и Франции, за исключением более справедливого раздела колониальных владений. Он обвинял Англию и Францию в развязывании и затягивании войны. Однако британские и французские руководители отвергли его попытки добиться признания германской гегемонии в Европе.

В начальный период Второй мировой войны внешняя политика СССР основывалась на советско-германском договоре о ненападении, заключенном в августе 1939 г. Руководство Советского Союза стремилось извлечь для себя максимум выгод, формально оставаясь вне войны. К середине сентября 1939 г., когда германские войска пересекли границу «сфер интересов Германии и СССР», советское руководство заявило: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его

правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам»[55].

В сложившейся ситуации части Красной армии получили приказ вступить на территорию Польши и занять восточную часть страны — территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Почти не встречая сопротивления польских войск, Красная армия за 12 дней продвинулась на запад на 250–350 км[56]. Советское государство получило территориальный выигрыш, но одновременно Польша перестала существовать в качестве буфера между СССР и Германией. Нацистский рейх укрепил свое положение в Европе и приобрел границу с Советским Союзом, которая, однако, могла бы оказаться на 250–350 км восточнее, если бы СССР остался безучастным в отношении происходивших событий.

Завершение вооруженных действий и ликвидация независимой Польши породили целый ряд вопросов, требовавших разрешения советским и германским руководством. И. В. Сталин предложил передать Германии Люблинское воеводство и западную часть Варшавского воеводства (до Буга), а за это немцы согласились бы включить Литву в сферу интересов СССР.

27 сентября 1939 г. начались переговоры вновь прибывшего в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с главой советского правительства и наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. В переговорах принял участие И. В. Сталин. В результате на следующий день, 28 сентября, был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, в котором было заявлено: «Правительство СССР и германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям... Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение»[57]. Граница проходила по линии западнее Гродно, Белостока, немного западнее Бреста, в основном по рекам Сан и Буг.

Подписанный при этом дополнительный протокол во изменение договоренностей 23 августа включил территорию Литвы в сферу интересов СССР, а дополнительную часть территории Польши — в сферу интересов Германии. В другом дополнительном секретном протоколе обе стороны обязались не допускать на своих территориях никакой польской агитации, враждебной в отношении другой стороны[58].

В связи с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии у Советского Союза осложнились отношения с эмигрантским правительством Польши, ухудшились отношения с Великобританией и Францией. У СССР появилась непосредственная граница с фашистской Германией.

По секретным советско-германским соглашениям от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Эстония, Латвия и Литва, а также Финляндия входили в сферу интересов Советского Союза. В конце сентября — начале октября советское руководство оказало усиленный нажим на правительства трех Прибалтийских государств, добиваясь от них заключения двусторонних пактов о взаимопомощи с правом для СССР иметь на территории этих стран военные базы и размещать там свои воинские гарнизоны. В результате пакт о взаимопомощи СССР с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией — 5 октября, договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области, которые раньше принадлежали Польше, и о взаимопомощи между СССР и Литвой — 10 октября. По этим договорам обе стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны одной из великих европейских держав.

По донесению временного поверенного в делах СССР Н. Г. Позднякова, Литва праздновала это событие: «С утра весь город (Вильно. — *Прим. ред.*) украсился государственными

флагами... Люди... поздравляли друг друга»[59]. Посол США в Литве О. Норем сообщал «о праздничном колокольном звоне» и о том «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно», и о готовящихся праздничных манифестациях[60].

Советский Союз передал Литве и ту небольшую территорию, которая по советско-германскому соглашению попадала в сферу интересов Германии, выкупив ее у Германии. Еще до ввода фашистских войск в эту часть Южной Литвы, 13 июля 1939 г., В. М. Молотов сообщил Ф. фон Шуленбургу, что Советский Союз «просит германское правительство найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы». В результате переговоров советское правительство выкупило эту территорию за 7,5 млн золотых долларов, или 31,5 млн марок. Часть суммы была погашена задолженностью Германии, другая — поставками зерна[61].

Эстония, Латвия и Литва предоставили СССР право иметь на их территории военные и военно-морские базы, а также размещать на этих базах гарнизоны численностью до 20–25 тыс. человек[62]. Британский министр иностранных дел Э. Галифакс признавал, что договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой «стабилизировали отношения и явились вкладом в дело укрепления мира в Восточной Европе»[63].

Пакты о взаимопомощи были целесообразной и оправданной мерой в условиях войны, обеспечивая государственные интересы СССР в Балтийском регионе. Заключение договоров СССР о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой стало частью установления контроля Советского Союза над его сферой влияния. «Мы думаем, — говорил И. В. Сталин Г. Димитрову 25 октября 1939 г., — что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования»[64].

О соответствии этих договоров нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе МИД Прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций[65]. В сообщении литовского посланника во Франции главе МИД Литвы о закрытом совещании послов Прибалтийских стран в Париже 28 ноября 1939 г. говорилось: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений, не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»[66].

Сразу после подписания договора о дружбе и границе советское и германское правительства выступили с совместным заявлением. Они утверждали, что урегулирование ими вопросов, возникших в результате распада Польского государства, создало основу для прочного мира в Восточной Европе и для скорейшего завершения войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией — с другой. Правительства двух стран заявили: «Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»[67].

30 ноября 1939 г. И. В. Сталин в ответе на вопрос редактора газеты «Правда» заявил: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». Он утверждал, что «правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны»[68].

Советская сторона тщательно выполняла взятые на себя обязательства. Последний товарный поезд пересек германскую границу в ночь на 22 июня 1941 г., за несколько часов до нападения нацистского рейха на СССР. Поставки в Германию включали промышленную технологию и оборудование, а также военные материалы, при этом германская сторона стремилась всячески тормозить ответные поставки Советскому Союзу[69].

Меры по укреплению безопасности СССР

Начавшаяся Вторая мировая война резко изменила ситуацию на северо-западных рубежах СССР. Обострение обстановки потребовало в первую очередь принятия мер для защиты Ленинграда. Граница Советского Союза с Финляндией проходила всего в 32 км от этого важнейшего политического и экономического центра СССР. Учитывая это, советское руководство приняло решение продолжить проходившие с февраля 1937 г. переговоры с Финляндией и добиться укрепления безопасности своих северо-западных границ. Однако расхождение в политике двух стран затрудняло переговорный процесс. Осложнения во взаимоотношениях с Финляндией произошли еще во время гражданской войны, которая охватила эту страну в 1918 г. и закончилась победой сил, поддержанных немецкими войсками, что сыграло решающую роль в закреплении прогерманской линии во внешней и военной политике Финляндии[70].

Активизация германо-финляндских контактов произошла летом 1939 г., когда Финляндию посетил начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер. В своем отчете он написал, что финские военные, несомненно, являются сторонниками Германии[71]. Посещение Ф. Гальдером Карельского перешейка еще больше обострило советско-финляндские отношения.

Советский Союз, используя договоренности с Германией, согласно которым Финляндия входила в его сферу интересов, в октябре 1939 г. предложил по дипломатическим каналам заключить между двумя странами оборонительный союз, договор о взаимной помощи и на его основе решить другие вопросы безопасности. Переговоры, начавшиеся 12 октября, продолжались с перерывами в течение месяца. Вопрос о заключении договора, аналогичный тому, что был подписан с Латвией, Эстонией и Литвой, не рассматривался, так как финляндская сторона это предложение категорически отвергла[72].

Переговоры были весьма острыми. Советская сторона требовала передать СССР ряд островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и предоставить в аренду часть полуострова Ханко, а в качестве компенсации Финляндии предлагалась вдвое большая территория в Восточной Карелии, в результате чего граница от Ленинграда отодвигалась на 70 км. Договориться по данным вопросам не удалось. В последний момент советская сторона ограничила свои условия, однако финская делегация не изменила своих позиций. Финны категорически отказались уступать полуостров Ханко или другие близлежащие острова для создания военной базы, контролирующей вход в Финский залив в защиту Ленинграда с моря. Переговоры зашли в тупик.

После прервавшихся переговоров советское руководство пришло к выводу, что в условиях начавшейся мировой войны военно-политические проблемы в отношениях с Финляндией необходимо решать силой. 28 ноября 1939 г. советское руководство денонсировало договор о ненападении с Финляндией, который был заключен в 1932 г. и затем в 1934 г. продлен на 10 лет, а на следующий день разорвало с ней дипломатические отношения. В ноте наркома В. М. Молотова посланнику Финляндии утверждалось: «Ввиду сложившейся обстановки, ответственность за которую ложится исключительно на Правительство Финляндии, Правительство СССР не может больше поддерживать нормальных отношений с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»[73]. Видный государственный деятель Финляндии У. Кекконен позднее вспоминал о своей беседе с В. М. Молотовым в Москве в начале 1950-х гг.: «Я высказал сожаление, что события прошлого приняли такой оборот, и сказал, что не знаю, была ли в этом виновата только Финляндия, и что, возможно, Финляндия явилась главным виновником, Молотов ответил, что и мы (то есть СССР. — *Прим. ред.*) тоже были виноваты. Следовательно, обоюдное подозрение вызвало не лучшие действия обеих сторон»[74].

30 ноября 1939 г. части Красной армии перешли границу с Финляндией и начали боевые действия на ее территории. Началась война, которую стали называть «зимней войной». При этом делалась ставка на скоротечную победоносную военную кампанию.

Переход финской границы советскими частями в районе деревни Хаутаваара

В. М. Молотов подписывает договор о взаимопомощи и дружбе с правительством О. Куусинена. 2 декабря 1939 г.

Пожары и разрушения после налета советской авиации на Хельсинки

Финские солдаты, погибшие при обороне высоты 65,5 в укрепленном районе Ляхде

По инициативе И. В. Сталина после начала «зимней войны» было образовано народное правительство так называемой Финляндской Демократической Республики (ФДР) во главе с руководителем финской компартии О. Куусиненом. Министрами правительства стали «красные финны», эмигрировавшие ранее в СССР. Народное правительство в качестве своей первой задачи выдвигало «окончание войны и заключение мира». 2 декабря В. М. Молотов и О. Куусинен подписали в Москве договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР[75].

С этого момента Красная армия на основании подписанного договора уже не вела войну с Финляндией, а оказывала «помощь восставшему финскому народу». Однако никакого восстания в Финляндии не последовало, поскольку широкой поддержки финского населения правительство О. Куусинена не получило. Наоборот, финская пропаганда распространила информацию о том, что Советский Союз планирует при помощи правительства О. Куусинена ликвидировать государственную независимость Финляндии[76]. В итоге образование народного правительства стало негативно влиять на отношение к СССР финского населения, а также мирового сообщества. Все это привело к осложнению для Советского Союза международной обстановки. 14 декабря 1939 г. Лига Наций осудила действия СССР против Финляндии и в тот же день исключила его из своего состава[77].

С ходу прорвать мощную линию финских укреплений на Карельском перешейке части Красной армии не смогли, военные действия приняли затяжной характер. В ходе «зимней войны» выявился ряд серьезных недостатков в подготовке Красной армии к боевым действиям, особенно в суровых зимних условиях. Подводя итоги военной кампании против Финляндии на совещании при ЦК ВКП(б) в апреле 1940 г., И. В. Сталин подчеркнул, что виной тому стал психологический настрой Красной армии на легкую победу: «Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она стала приспосабливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться»[78].

Соединенные Штаты Америки в январе 1940 г. ввели «моральное эмбарго» на торговлю с СССР, которое действовало до января 1941 г. Воюющие стороны по-разному отнеслись к войне Советского Союза против Финляндии. Германия заняла позицию нейтралитета в отношении СССР. Посол Германии в Москве Ф. фон Шуленбург заявил наркому В. М. Молотову, что «германское правительство и германская общественность не имеют оснований и не желают вмешиваться в конфликт между СССР и Финляндией или тем более выражать симпатии по отношению к Финляндии и Скандинавии»[79].

Отношение Франции и Англии к СССР было откровенно враждебным. Их военное и политическое руководство обсуждало возможность отправки на помощь Финляндии экспедиционного корпуса, а также бомбардировки советских нефтяных промыслов на Кавказе (Баку). Планировавшаяся акция была призвана нанести удар по советскому потенциалу, а также укрепить экономическую блокаду Германии. Однако выявились разногласия между французами и британцами, поскольку Лондон опасался последствий вовлечения Советского Союза в войну на стороне Германии. В результате замыслы вооруженных действий против СССР не были реализованы[80].

Пока Франция и Великобритания пытались согласовать свои планы, война СССР с Финляндией подошла к концу. Части и соединения Красной армии получили существенное преимущество в танках, авиации, артиллерии. В феврале 1940 г. они прорвали линию укреплений Финляндии и перешли в наступление по всему фронту. Финляндия оказалась на грани поражения, ее руководство вынуждено было пойти на уступки. Советское руководство опасалось международных осложнений и также стремилось завершить затянувшуюся войну.

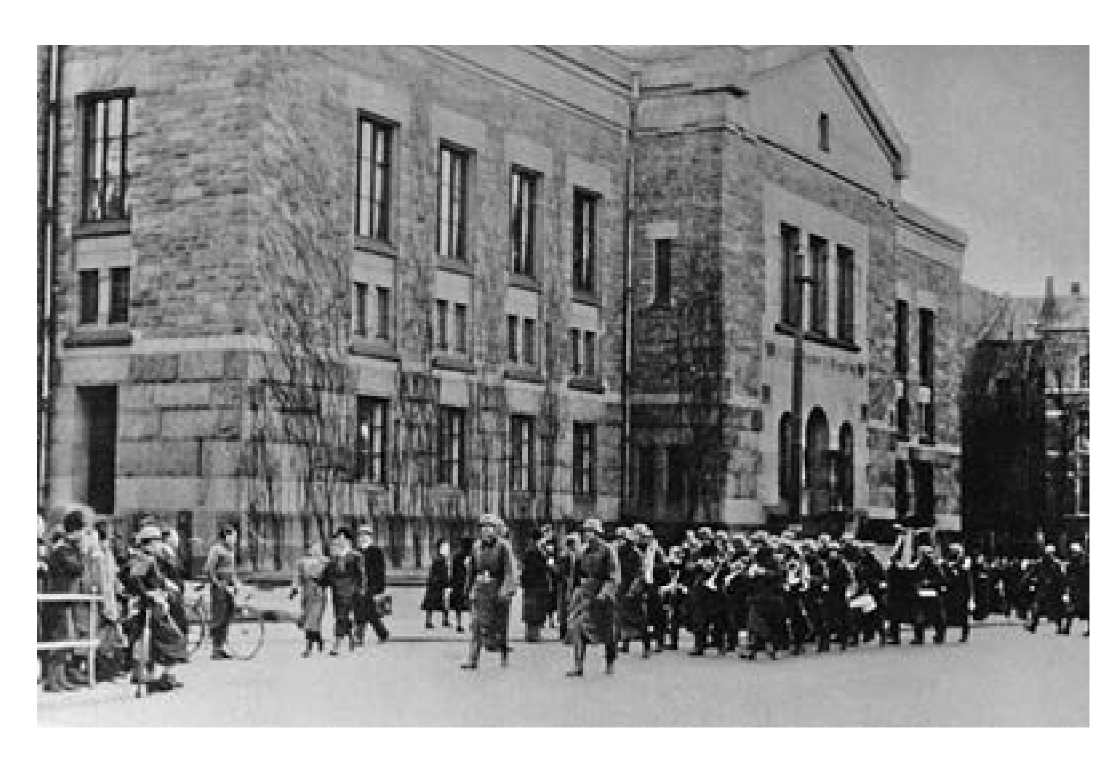
Министр иностранных дел Финляндии В. Таннер сообщает по радио об окончании Советско-финляндской войны

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Военные действия между двумя странами прекращались немедленно, и устанавливалась новая линия государственной границы Советского Союза с Финляндией: в состав СССР вошли весь Карельский перешеек с городом Выборгом, западное и северное побережье Ладожского озера и некоторые другие территории, которые уступила Финляндия, а также был предоставлен в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко в Финском заливе для создания там военно-морской базы[81].

Советское руководство добилось укрепления безопасности Ленинграда. Но Советско-финляндская война усилила в Финляндии враждебность к СССР. К тому же эта война выявила серьезные просчеты и недостатки в подготовке Красной армии. Маршал А. М. Василевский впоследствии рассказывал: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны. Все это надо было как-то объяснить. Вот тогда и было созвано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко»[82].

Как уже говорилось, Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, но активных боевых действий не предпринимали. Политические и военные руководители западных держав не использовали благоприятную ситуацию, когда значительная часть германских вооруженных сил была занята польской кампанией. Позднее начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль признавал: «Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших на западе во время нашей войны с Польшей против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными»[83].

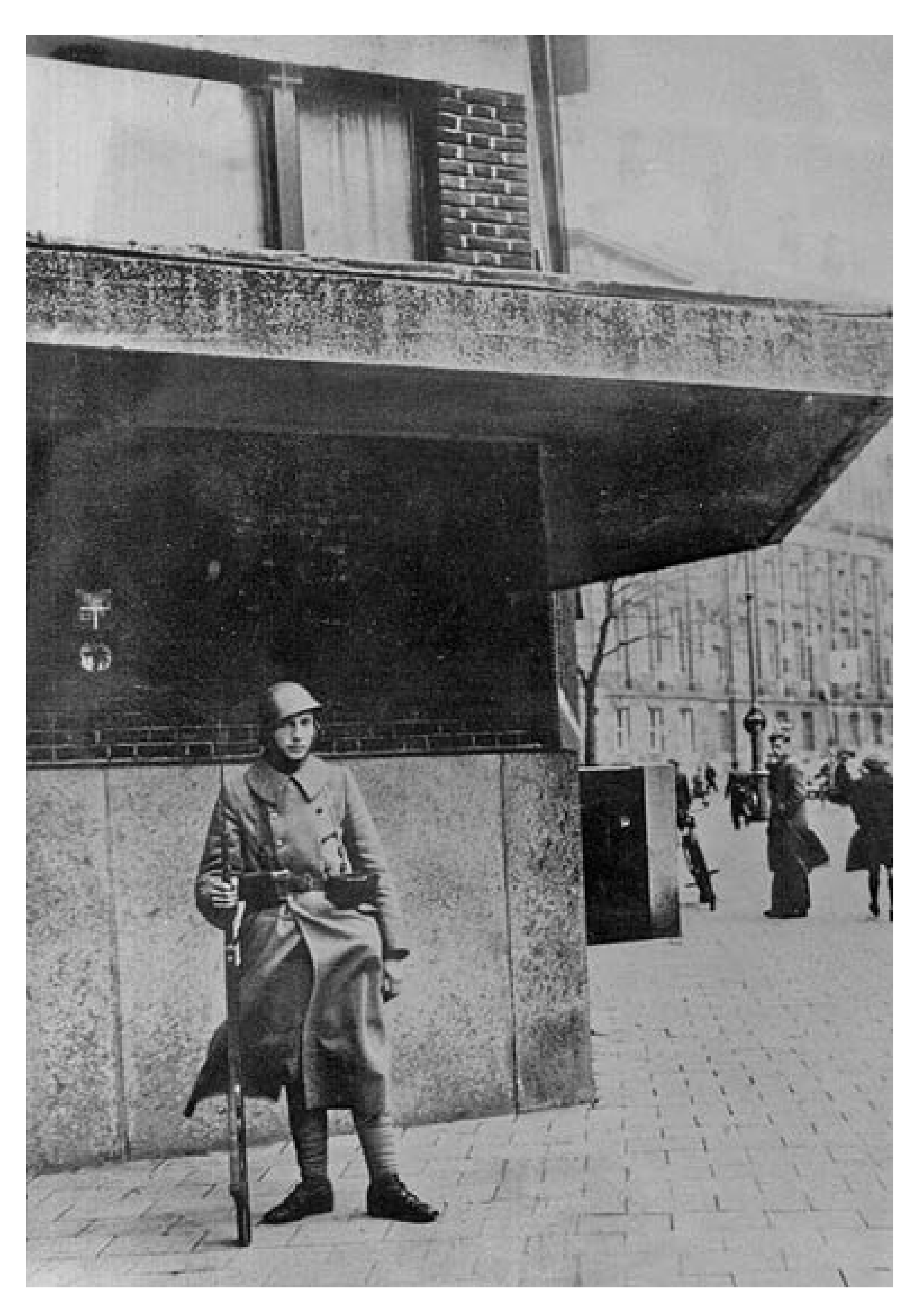
Высший англо-французский военный совет в Абвиле 12 сентября 1939 г. пришел к выводу: «Не спешить начинать крупные наземные операции, подождать максимального наращивания наших средств». Что касается Польши, то союзники решили: «Мы мало что можем сделать для нее, исход войны определится на западном фронте»[84].

Войска Германии входят в столицу Норвегии

Немецкие пулеметчики контролируют перекресток в Осло

Военное положение в Голландии. Охрана общественных зданий

Колонна бельгийских танков

Центр Роттердама и церковь святого Лоренца после немецкой бомбардировки

Два немецких солдата меняют позицию во время боя в разрушенном французском городке

Колонна французских военнопленных в Рокруа движется к месту сбора

Представители Франции направляются в штабной вагон маршала Фоша для переговоров о перемирии с представителями Германии

Военные руководители Англии и Франции убеждали политических деятелей в неготовности своих вооруженных сил к наступательным военным действиям. К тому же в Лондоне и Париже существовали опасения чрезмерного усиления СССР и влияния большевизма в результате активных вооруженных действий западных держав против Германии. Отсюда англо-французский курс на затяжную войну. При этом делалась ставка на максимальное наращивание сил и средств западных союзников при одновременном ослаблении Германии экономической блокадой. Таким образом, несмотря на объявленную войну, активных боевых действий на суше воюющие стороны не вели. Такое положение получило название «странная война», которая продолжалась с 3 сентября 1939 г. до 9 апреля 1940 г.

Англия и Франция отвергли мирные предложения фашистской Германии в октябре 1939 г., но так и не развернули активных наземных вооруженных действий. 28 марта 1940 г. главы правительств Великобритании и Франции (Н. Чемберлен и П. Рейно) подписали совместную декларацию с обязательствами двух стран не заключать ни сепаратного перемирия, ни сепаратного мира с Германией[85]. Последующие события показали, что в действительности эта декларация не имела реального значения.

В апреле 1940 г. «странная война» завершилась вследствие активизации германских вооруженных сил. 9 апреля фашистская Германия начала военные действия против Дании и Норвегии. Дания была быстро оккупирована и превращена в германский протекторат. В связи с поражением Дании Исландия, находившаяся с ней в персональной унии, 10 апреля взяла

в свои руки ведение внешнеполитических дел. Британские войска заняли этот остров 10 мая с согласия Вашингтона. Частью территории Датского королевства был и остров Гренландия. США воспрепятствовали занятию Гренландии канадскими войсками и, объявив остров частью Западного полушария, распространили на него действие доктрины Монро[86].

Норвегия объявила войну Германии и обратилась за помощью к Англии и Франции. Англо-французские силы высадили десанты в некоторых норвежских портах, но противостоять германскому натиску они не смогли. Норвежская армия потерпела поражение, ее остатки вместе с англо-французскими частями эвакуировались в Англию, куда в июне также перебрались норвежское правительство и король Норвегии. В оккупированной стране фашистская Германия создала марионеточное правительство во главе с бывшим военным министром Норвегии В. Квислингом, имя которого стало нарицательным обозначением коллаборационистов.

10 мая 1940 г. германские вооруженные силы начали широкомасштабное наступление на Западе. Они вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург, обходя линию мощных французских укреплений (линию Мажино). 14 мая голландская армия капитулировала, 28 мая та же участь постигла бельгийскую армию.

15 мая германские войска прорвали фронт французских и английских войск под Седаном и начали развивать наступление на территории Франции, окружая группировку войск союзников в районе Дюнкерка, на севере Франции. Только приказ А. Гитлера приостановить наступление позволил англичанам эвакуировать морем из Дюнкерка британский экспедиционный корпус и часть французской армии — всего свыше 330 тыс. солдат и офицеров.

Позднее командующий германской группой «А» Г. фон Рундштедт вспоминал: «Мои руки были связаны личным приказом Гитлера. Англичане карабкались на суда, стоявшие у берега, а я торчал около порта и не мог пошевелить пальцем»[87]. Почти все оружие и снаряжение этой группировки попало в руки фашистской Германии.

5 июня 1940 г. немецкие танковые группировки возобновили наступление на территории Франции в южном и юго-западном направлениях. 10 июня в войну против Франции вступила фашистская Италия, несмотря на готовность французского руководства пойти на уступки в колониальных вопросах. В тот же день французское правительство покинуло Париж и обосновалось в Бордо. Французская армия была дезорганизована и деморализована, в руководстве страны все громче звучали голоса сторонников немедленного перемирия с фашистской Германией. 14 июня немецкие войска вступили в Париж, объявленный «открытым городом». В тот же день состоялась беседа французского посла в Москве Э. П. Лабонна с наркомом В. М. Молотовым. Посол сделал устное заявление, в котором спросил, «согласно ли советское правительство на обмен мнениями о средствах сохранения европейского равновесия сил, которое находится под угрозой»[88]. В. М. Молотов пообещал доложить об этом советскому правительству.

В правящих кругах Франции все громче звучали голоса сторонников перемирия с Германией. Британское правительство во главе с У. Черчиллем добивалось согласования с ним условий перемирия. Оно настаивало на том, чтобы французский флот ни в коем случае не попал в руки немцев. 16 июня, в обстановке поражения Франции, Лондон предложил проект франко-британского союза с общими органами в области обороны, внешней политики, финансов и экономики[89]. Однако французские пораженцы не стали даже обсуждать это предложение. В тот же день было сформировано новое французское правительство во главе с маршалом Ф. Петеном.

Это правительство немедленно обратилось к Германии с просьбой о заключении мира. А. Гитлер отказался вести переговоры о мире, но согласился заключить перемирие. 22 июня 1940 г. в музейном штабном вагоне маршала Ф. Фоша, в котором было заключено Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну, состоялось подписание нового перемирия между Германией и Францией. 25 июня в Риме было подписано перемирие между Италией и Францией, и в тот же день оба соглашения о перемирии вступили в силу[90]. Военные действия Франции против Германии и Италии были прекращены. Франция в тот момент вышла из войны побежденным государством.

Маршал Ф. Петен на встрече с А. Гитлером

Поражение Франции коренным образом изменило всю военно-политическую ситуацию и нарушило расчеты советского руководства на затяжную войну на Западе. Фашистская Германия приобрела доминирующее положение на Европейском континенте. В Москве нарастало беспокойство в связи с резким усилением Германии. Маршал А. М. Василевский отмечал: «Новая преступная акция фашистской Германии в Западной Европе — захват ею не только малых стран, но и Франции — не могла не вызывать у нас чувства повышенной настороженности. Мы должны были учитывать, что Германия подчинила себе почти весь военно-промышленный комплекс Европы, ее военный потенциал значительно усилился, а ее агрессивные аппетиты возросли»[91].

Единственным воюющим противником Германии оставалась Великобритания со своими доминионами и колониями. В июле 1940 г. британское правительство отклонило очередные «мирные предложения» А. Гитлера. Тогда же англичане предприняли активные действия, чтобы не допустить перехода французского флота в руки фашистской Германии. Британские военно-морские силы потопили значительную часть французских кораблей на рейде алжирского порта Мерс-эль-Кебир близ Орана и в порту Дакар (Западная Африка). В ответ правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Великобританией.

Британское руководство приступило к интенсивной реализации программы наращивания вооруженных сил. В то же время Лондон пытался укрепить свои внешнеполитические позиции. В Москву был направлен новый британский посол С. Криппс, призванный улучшить отношения с СССР. 1 июля он имел беседу с И. В. Сталиным, перед началом которой передал личное послание У. Черчилля советскому лидеру. Британский премьер писал: «В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления

У. Черчилль

С. Криппс

Германией гегемонии над континентом»[92]. Британское руководство предлагало обсудить вопрос о согласовании действий для сдерживания германской агрессии и «восстановления европейского баланса сил».

В ходе беседы И. В. Сталин заявил, что «он считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе. Для того чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет»[93]. Высказывания главы Советского государства свидетельствуют о том, что он видел в Британской империи мощный противовес германскому господству в Европе. Вместе с тем он недооценивал гегемонистские устремления Третьего рейха, хотя и делал оговорку, что об опасности господства Германии в Европе говорить еще рано.

Время для переориентации советской политики на союз с Великобританией еще не пришло. «Договариваясь с Германией и фактически сведя отношения с Англией и Францией к минимуму, Москва лишила себя возможности игры на противостоянии и балансировании. И как только Германия разгромила Францию, Советский Союз оказался визави с Германией, искренность целей которой подвергалась все бóльшему сомнению. Постоянное взаимное раздражение, разногласия и стычки по экономическим вопросам усиливали беспокойство в Москве. Но у Сталина практически уже не было выбора. Германия настолько набрала силу, что для СССР был немыслим переход в англо-американский лагерь (к тому же при ослаблении Англии и угрозе немецкого вторжения на Британские острова)»[94].

Советское руководство приняло решение, не отказываясь от ориентации на Германию, использовать сложившуюся ситуацию для укрепления геополитических позиций СССР. В сложной обстановке лета 1940 г. руководство страны не могло не учитывать информацию, получаемую от разведок и других источников, о враждебных отношениях правящих кругов Прибалтийских государств к СССР, об их связях с Германией[95]. На фоне неудач Красной армии в войне с Финляндией правительства Прибалтийских стран активизировали прогерманскую деятельность.

А. Сметона

Ю. Урбшис

В одном из проектов «Инструкции послам по поводу Московского договора», разработанной литовскими дипломатами, говорилось: «Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»[96]. Руководства Прибалтийских республик и после заключения договоров о взаимопомощи с СССР продолжали сохранять конфиденциальные контакты с нацистами. Генштабы этих республик разрабатывали планы по ликвидации советских военных баз и гарнизонов[97].

Советское военно-политическое руководство придавало важное значение развертыванию воинских контингентов в Прибалтике. В приказе наркома обороны СССР от 7 ноября 1939 г. говорилось: «Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе»[98].

В конце 1939 — начале 1940 г. у руководства стран Прибалтики сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических — на Балтике[99].

После того как Германия захватила Норвегию и Данию, развязала активные боевые действия против Франции, а также учитывая активность правительств Прибалтийских стран противодействию договорам с СССР, советское руководство решило: «Пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»[100].

Быстрое нарастание нацистской угрозы, катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира, не оставляли иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии и стали катализатором, побудившим руководство СССР предъявить ультиматум странам Прибалтики. В нотах советского правительства руководства Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня) обвинялись в недружественных

действиях в отношении СССР и нарушениях соответствующих двусторонних пактов о взаимопомощи. В советском ультиматуме требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск[101].

Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, находившийся в Москве, просил продлить срок действия советского ультиматума (с полуночи 14 июня до 10 часов утра 15 июня), чтобы успеть связаться со своим правительством. В ответ В. М. Молотов заявил: «Мотивов ультиматума нет нужды передавать, а те три пункта быстро зашифруйте и до 10 часов утра получите ответ. Кроме того, какой бы ни был ваш ответ, войска завтра все равно вступят в Литву»[102].

Руководители трех Прибалтийских государств пытались найти поддержку в Берлине, но Германия соблюдала договоренности с СССР. 17 июня статс-секретарь германского МИДа Э. Вайцзеккер разослал всем дипломатическим миссиям Германии циркулярную телеграмму, в которой говорилось: «Беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, проводимая советским правительством с намерением обеспечить более тесное сотрудничество этих стран с Советским Союзом, касается только России и Прибалтийских государств. Поэтому, ввиду наших неизменно дружественных отношений с Советским Союзом, у нас нет никаких причин для волнения»[103].

Правительства Литвы, Латвии и Эстонии вынуждены были принять советские требования. 15–17 июня 1940 г. советские войска вступили на территорию стран Прибалтики. Одновременно в них были направлены особые уполномоченные советского правительства: в Литву — В. Г. Деканозов, в Латвию — А. Я. Вышинский, в Эстонию — А. А. Жданов. Сопротивления дополнительному вводу советских войск оказано не было, по прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также исполняющего обязанности президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). Командованию советских войск по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику[104].

Был снят запрет с деятельности коммунистических партий, что привело к их активизации. В Литве (17 июня), Латвии (20 июня) и Эстонии (21 июня) были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства. Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений. При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (дуайены и послы были представлены главам МИДов трех стран)[105].

Первые политические шаги новых правительств: освобождение политзаключенных, снятия ряда запретов, установленных прежними правительствами, возвращение гражданства политэмигрантам, улучшение материального положения населения, либерализация общественной жизни, разоружение военизированных организаций, составлявших опору прежних режимов и т. п. снискали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

14–15 июля 1940 г. состоялись выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и государственную думу Эстонии. Предвыборная кампания была проведена в крайне сжатые сроки, что способствовало созданию привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, которые быстро развернули свои оргструктуры и составили внятную предвыборную программу. Списки «буржуазных кругов» часто снимались с выборов по формальным и неформальным причинам. Выборы принесли полную победу блокам, сформированным коммунистами трех стран. 21–22 июля новые парламенты Литвы, Латвии и Эстонии объявили о восстановлении или установлении в государстве советской власти и обратились с просьбой принять каждую республику в состав СССР[106]. 3–6 августа 1940 г. процесс включения республик Прибалтики в состав СССР был завершен.

К. Улманис

К. Пятс

Следует отметить, что в условиях начавшейся войны Советский Союз улучшил свое геополитическое и геостратегическое положение. В докладе на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. В. М. Молотов подчеркнул: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»[107].

Решив вопрос о включении в состав СССР Прибалтийских республик, советское руководство занялось проблемой Бессарабии. Из-за так называемого бессарабского вопроса советско-румынские отношения в течение многих лет были напряженными. Этот вопрос возник в 1918 г., когда Румыния в условиях распада Российской империи оккупировала и, нарушив собственные обещания, аннексировала Бессарабию. Советское правительство никогда не признавало включение Бессарабии в состав Румынии, да и самой Румынии не удалось добиться юридического признания аннексии со стороны великих держав.

В решении бессарабского вопроса основную роль сыграл внешний фактор — коренное изменение международной ситуации, а условия для его практической реализации создало заключение советско-германского договора о ненападении. В секретном дополнительном протоколе было зафиксировано разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии». В свою очередь, Германия заявила о своей «полной политической незаинтересованности в этих областях»[108].

29 марта 1940 г., после окончания войны с Финляндией, В. М. Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»[109].

Румыния после заключения с фашистской Германией «нефтяного пакта» отказалась от англо-французских гарантий собственной безопасности, которые ей были предоставлены

Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущев общаются с бессарабскими крестьянами

в апреле 1939 г., и вышла из Лиги Наций. В официальной декларации было объявлено о том, что Румыния «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин — Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»[110]. На румыно-советской границе развертывались крупные группировки войск, строились оборонительные сооружения.

В. М. Молотов в беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом 23 июня 1940 г. заявил: «Советский Союз хотел разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила на это предложение. Теперь советское правительство послало полпреда в Румынию и хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя»[111].

Германское правительство в своем ответе признало права Советского Союза на Бессарабию и «своевременность постановки этого вопроса перед Румынией». Вместе с тем оно отметило, что «вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии»[112]. В целом германское руководство поддержало позицию СССР по бессарабскому вопросу. И. фон Риббентроп направил румынскому правительству рекомендацию «безоговорочно принять требования советского правительства»[113].

Используя обстановку, сложившуюся после поражения англо-французских войск, советское правительство 26 июня 1940 г. предъявило Румынии ультиматум. В 10 часов вечера

В. М. Молотов вручил румынскому посланнику в Москве ноту советского правительства, в которой содержались следующие требования:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу;

2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

В документе говорилось: «Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего решения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов... Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу... Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии тесно связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»[114].

Получив принципиальное согласие румынского руководства, советские войска 28 июня 1940 г. начали занимать территорию Бессарабии и Северной Буковины. 1 июля они вышли на новую границу с Румынией и закрепились на ней. Большая часть Бессарабии вошла в состав вновь образованной Молдавской ССР, а меньшая, южная ее часть была присоединена к Украинской ССР.

Укрепление геополитических позиций СССР в 1939—1940 гг. увеличило его роль в ходе Второй мировой войны и отодвинуло советскую границу на запад. С другой стороны, фашистская Германия стала доминирующей силой в Европе. В состав германского рейха были включены Австрия, Судетская область, западная часть Польши, Данциг (Гданьск), Мемель (Клайпеда), Эльзас-Лотарингия и северная часть Словении. Богемия и Моравия (территория Чехословакии) и часть Западной Польши стали германскими протекторатами. Непосредственными союзниками фашистской Германии или странами прогерманской ориентации были Италия, Испания, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Финляндия и Хорватия.

После поражения Франции германское руководство колебалось между двумя направлениями дальнейшей агрессии: подготовить высадку на Британские острова и сломить сопротивление англичан либо готовить нападение на СССР, о котором А. Гитлер заговорил летом 1940 г.

Поскольку высадка на Британские острова представляла большие трудности, А. Гитлер решил сломить сопротивление англичан массированными ударами с воздуха. Беспрецедентная по масштабам борьба между военно-воздушными силами Германии и Великобритании получила название «битва за Англию». Она продолжалась с августа 1940 г. по май 1941 г. Великобритания пользовалась также растущей поддержкой со стороны США. В сентябре 1940 г., когда Великобритания нуждалась в срочном укреплении своего военно-морского флота, США согласились передать ей 50 своих эсминцев в обмен на право создать восемь военно-морских и военно-воздушных баз на островах в Атлантическом океане, входивших в состав Британской империи (аренда на 99 лет). Тогда же в США впервые в истории был принят закон об обязательной воинской повинности[115].

Поражение Франции повлияло и на положение в Азии и Африке. В августе — сентябре 1940 г. японцы поставили под свой контроль Северный Индокитай. В Северной Африке итальянские силы начали с территории итальянской колонии Ливии наступление на Египет, но были остановлены британскими войсками. Военные действия в Северной Африке велись ограниченными вооруженными силами на узкой полосе территории по берегу Средиземного моря. Южнее находилась непреодолимая для войск пустыня Сахара. Великобритания ответила наступлением на итальянское Сомали в Восточной Африке. Весной 1941 г. британские силы, получив подкрепления, освободили от итальянцев Эфиопию и заняли итальянскую колонию Эритрею. Вся Восточная Африка перешла под британский контроль.

Что касается советского руководства, то оно после начала Второй мировой войны сохраняло нейтралитет. Исходя из сложившейся международно-политической ситуации, СССР добился возвращения Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединения Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, выгодного изменения границы с Финляндией. Тем самым приоритет отдавался укреплению безопасности и на этой основе усилению влияния СССР в Восточной Европе.

Однако произошли и неблагоприятные для СССР изменения в расстановке сил в Европе и мире. По словам В. М. Молотова, советско-германское сотрудничество «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке... Германия получила безопасный тыл»[116]. Германский рейх добился преобладания на Европейском континенте, нарастил свой военно-промышленный потенциал, увеличил свою агрессивность, превратившись в чрезвычайно опасного соседа СССР.

Нарастание противоречий между СССР и Германией

После поражения Франции гитлеровская Германия стремилась закрепить свое господствующее положение в Европе. Пользуясь поддержкой Берлина, Болгария и Венгрия потребовали территориальных уступок со стороны Румынии. В августе 1940 г. было достигнуто болгаро-румынское соглашение об уступке Румынией Болгарии Южной Добруджи (области между нижним течением реки Дунай и Черным морем). Более сложно оказалось разрешить венгеро-румынский спор по поводу Трансильвании (пограничный район со смешанным населением). 30 августа под давлением Германии и Италии Румыния должна была подчиниться решениям так называемого «венского арбитража»: Трансильвания была разделена на две части, и северная часть с двумя миллионами жителей отошла к Венгрии[117].

При этом Советский Союз был оттеснен от решения вопросов Юго-Восточной Европы. 31 августа 1940 г. нарком В. М. Молотов заявил германскому послу Ф. фон Шуленбургу, что «германское правительство нарушило статью 3 договора о ненападении от 23.08.1939 г., где говорится о консультациях в вопросах, интересующих обе стороны. Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т. к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах. Между тем вопреки договору германское правительство не консультировалось по этому вопросу с советским правительством, а только поставило его в известность о свершившихся фактах, т. е. ограничилось последующей информацией»[118]. Этот эпизод стал предвестником последующего противостояния СССР и Германии на Балканах.

Укрепляя отношения со своими союзниками, германское руководство инициировало подписание в Берлине 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта с участием Германии, Италии и Японии. Пакт стал договором о политическом, экономическом и военном союзе коалиции агрессоров. Он имел в виду взаимную поддержку участников пакта всеми средствами, включая военные, в случае нападения на одно из трех государств «со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте». Не трудно догадаться, что имелись в виду США и СССР. Правда, камуфлируя свои агрессивные замыслы в отношении СССР, участники пакта сделали оговорку, что заключенный договор «никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»[119].

Однако в узком кругу своих сотрудников министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп после подписания Тройственного пакта говорил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»[120]. Япония признавала руководство Германии

и Италии в создании «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия признавали руководство Японии в формировании «нового порядка» в рамках «великого восточноазиатского пространства». Тройственный пакт стал стержнем формирования широкой коалиции агрессоров в Европе и Азии. Впоследствии к нему присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Испания, прогитлеровские Словакия и Хорватия, Таиланд (Сиам), марионеточное государство Маньчжоу-Го и прояпонское китайское правительство Ван Цзинвэя в Нанкине.

Реакция советского правительства на Тройственный пакт, как отмечал американский посол в Москве Л. Штейнгардт в телеграмме госсекретарю США от 28 сентября 1940 г., была отрицательной. По сообщению посла, сотрудники германского посольства в Москве откровенно говорили, что СССР недоволен Тройственным пактом. Они считали, что пакт означал принципиальное изменение германской политики в отношении СССР. Сугубо доверительно немцы высказывали мнение, что Германия готовилась к войне против СССР весной следующего года[121].

Вдохновленная успехами своего германского союзника, фашистская Италия решила предпринять самостоятельную агрессивную акцию на Балканах. В конце октября 1940 г. итало-албанские войска с территории Албании вторглись в Грецию. В ответ Греция объявила войну Италии и обратилась за помощью к Англии. Британцы направили на помощь грекам свой экспедиционный корпус в составе двух дивизий и одной танковой бригады. Греческие войска упорно сопротивлялись. В октябре — декабре 1940 г. они нанесли ряд поражений итальянским войскам. Британцы, со своей стороны, совершили мощный авиационный налет на основную базу итальянского флота в порту Таранто и вывели из строя три из шести итальянских линкоров. В итоге к весне 1941 г. Б. Муссолини вынужден был просить помощи у А. Гитлера.

Став доминирующей силой в Европе, Германия все меньше считалась с интересами СССР. Берлин не консультировался с Москвой при осуществлении «венского арбитража» и заключении Тройственного пакта. Между «партнерами» возник «кризис взаимопонимания».

Советское руководство стремилось разъяснить возможность новых договоренностей с германскими лидерами относительно разграничения сфер интересов в Европе и Средиземноморье. Именно с этой целью состоялся визит главы советского правительства и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин 12—14 ноября 1940 г. В директивах к берлинской поездке, изложенных В. М. Молотову И. В. Сталиным, ставилась задача осуществить серьезный зондаж дальнейших намерений германских партнеров. Советское руководство стремилось закрепить и расширить сферу влияния СССР на основе дальнейшего развития сотрудничества с Германией. При этом Совнарком добивался включения в сферу интересов Советского Союза Финляндии (где дело считалось решенным не до конца), стран Юго-Восточной Европы: Румынии, Венгрии и Турции. Как отмечал В. М. Молотов: «Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию». Кроме того, советское руководство проявляло интерес к вопросам Ирана, Греции и Югославии[122].

В Берлине В. М. Молотов провел беседы с А. Гитлером и И. фон Риббентропом. Он настойчиво ставил вопросы о возможности новых советских акций против Финляндии, включении Болгарии в сферу интересов СССР путем предоставления ей соответствующих гарантий, об учете советской заинтересованности в судьбе Румынии, Венгрии, Турции. В беседе с И. фон Риббентропом В. М. Молотов подчеркнул: «По мнению советского правительства... установление сфер интересов между СССР и Германией, происшедшее в 1939 году, касалось определенного этапа. Это разграничение, принятое в прошлом году, исчерпано в ходе событий 1939—1940 годов, за исключением вопроса о Финляндии, который еще полностью не решен». Советский нарком ставил вопрос о новом «разграничении сфер интересов на длительный срок» с учетом обязательств участников Тройственного пакта[123].

В. М. Молотов в Берлине

В. М. Молотов и Г. Геринг

Встреча В. М. Молотова и А. Гитлера

Однако нацистские лидеры вовсе не собирались предоставить Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. В отношении Финляндии А. Гитлер раздраженно подчеркивал заинтересованность Германии в сохранении мира на Балтике. Что касается советских гарантий Болгарии, то фюрер ссылался на необходимость консультаций с Б. Муссолини и согласие самой Болгарии. А. Гитлер отметил: «Германия в ходе борьбы с Англией должна идти и туда, куда она не хотела бы идти, но она временно из-за интересов борьбы против Англии вынуждена это делать, — на Балканы»[124].

И. фон Риббентроп усиленно подталкивал В. М. Молотова к развитию сценария борьбы против Англии, полагая, «что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на юг, т. е. к Индийскому океану»[125]. Оценивая результаты своих заключительных бесед с А. Гитлером и И. фон Риббентропом, В. М. Молотов телеграфировал И. В. Сталину в Москву: «Обе беседы не дали желательных результатов... Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»[126].

Пытаясь отвлечь внимание советских руководителей от Юго-Восточной Европы, А. Гитлер и И. фон Риббентроп стремились склонить московских партнеров к участию в дележе Британской империи и подталкивали к борьбе за выход к Индийскому океану через Персидский залив. Тем самым достигалось бы ослабление двух основных противников Германии: одного — действующего, другого — потенциального. Выдавая стратегический замысел германского руководства, немецкая газета «Нахтаусгабе» писала об итогах визита главы советского правительства: «Поездка Молотова в Берлин привела к полному краху британского стремления помешать политическому наступлению держав оси. Это наступление простирается на юг и на запад, на Европу и на Африку. Оно простирается также на восток, вплоть до сферы японских интересов. Важнейшим признаком успеха этого наступления является то, что Англия не в состоянии оказать на него никакого воздействия»[127].

Визит В. М. Молотова в Берлин выявил нараставшие советско-германские противоречия. 25 ноября 1940 г. И. В. Сталин сказал Г. Димитрову: «Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения»[128]. Итоги поездки В. М. Молотова были весьма тревожным сигналом для советского руководства: «Стало ясно, что ничего реального СССР от сотрудничества с Германией уже не получит. А в условиях, когда в Москву поступало все больше информации о переброске немецких войск на Восток, у Сталина оставалась только одна цель и возможность — максимально отодвигать столкновение. Ослаблять постоянное напряжение, усиливая темпы перевооружения Красной армии»[129].

Со своей стороны, гитлеровское руководство использовало переговоры с Москвой для маскировки подготовки к нападению на СССР. В декабре 1940 г. А. Гитлер подписал окончательный вариант «плана Барбаросса» — плана нападения на СССР. По замыслу фюрера, германские вооруженные силы должны были подготовиться к тому, чтобы разгромить Советский Союз в ходе быстрой и энергичной военной кампании. При этом германская армия должна была предотвратить отступление боеспособных советских войск на «широкие просторы русской территории». А. Гитлер рассчитывал на участие Румынии и Финляндии в войне против СССР[130].

В заключительной беседе с В. М. Молотовым И. фон Риббентроп выдвинул идею соглашения между участниками Тройственного пакта и Советским Союзом о взаимном уважении сфер влияния четырех держав[131]. Москва готова была рассмотреть это предложение, но на собственных условиях, созвучных изложенным В. М. Молотовым в Берлине[132].

Между тем сама возможность воспользоваться еще одним шансом оттянуть время неизбежной в будущем агрессии появилась не без инициативы Японии. Этот факт не нашел до сих пор достаточно широкого освещения в отечественной историографии и поэтому заслуживает более тщательного рассмотрения.

Вынужденный временный отказ Японии от агрессии против СССР, решающую роль в котором сыграли уроки событий на озере Хасан и особенно на реке Халхин-Гол, тем временем усилил ее внимание к южному направлению. Американский историк Дж. Макшерри считает, что «демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие

последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»[133]. Другой историк из США А. Кукс пишет, что японское командование «немедленно сместило стратегический акцент от войны против России в направлении проникновения на юг». Он расценивает Халхин-Гол как поворотный пункт, связывая это событие с последующим развитием войны на Тихом океане[134].

Однако все было не так просто. В условиях начавшейся мировой войны и фактического отказа Германии развернуть в то время совместно с Японией боевые действия против СССР японское военно-политическое руководство стало судорожно просчитывать различные варианты возможного развития военных событий и свое место в них. В японской блоковой политике наступал новый этап.

Одной из самых грандиозных схем, прорабатывавшихся в течение примерно года (с сентября 1939 г. по конец 1940 г.), была идея организации военного союза не только между Японией, Германией и Италией, но и... с привлечением Советского Союза. Смысл идеи заключался в том, чтобы попытаться создать всемирную коалицию недемократических и антидемократических государств, к первой категории которых Токио не без оснований относил СССР, а ко второй — фашистско-милитаристскую коалицию, противостоявшую «союзу демократических держав», возглавляемых Соединенными Штатами и Великобританией[135].

Что подтолкнуло Японию к поиску такого решения, и были ли у нее основания надеяться на его успех?

Нерешенной проблемой японского военно-политического руководства в то время был Китай, агрессия против которого, рассчитанная на три месяца, затянулась на годы, и конца этой войне не было видно. В Токио понимали: основная причина срыва планов блицкрига — значительная военная и экономическая помощь, предоставляемая Китаю из-за рубежа, а самым главным поставщиком этой помощи, безусловно, был и продолжал оставаться Советский Союз. Другими словами, СССР представлялся японским лидерам главным виновником их неудач в Китае[136]. В этой ситуации найти возможность прекращения советской помощи китайскому народу означало обеспечить вероятность быстрой победы в Китае и освобождение рук для развертывания наступления в южном направлении.

Еще более сильным источником неприятностей, учитывая жестокий провал японских агрессивных вылазок в районе озера Хасан и у реки Халхин-Гол, мог стать для Японии СССР в случае войны с ним один на один. После того как Германия 1 сентября 1939 г. вторглась в Польшу и особенно после того как А. Гитлер весной 1940 г. повернул направление фашистской агрессии на северо-запад Европы, Япония не могла рассчитывать на скорое военное столкновение между СССР и Германией.

Все это делало положение не имевшей мощных и надежных союзников Японии на Дальнем Востоке бесперспективным и подталкивало ее к временной ревизии своих подходов к Советскому Союзу.

Были, однако, и другие соображения. Ввод советских войск на территорию Польши в сентябре 1939 г., Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и занятие Советским Союзом части приграничных земель Финляндии создали у японского руководства ощущение, что военные действия СССР направлены лишь на обеспечение безопасности своих западных границ, и иллюзию того, что Советский Союз при определенных условиях мог бы пойти на присоединение к коалиции против англо-американцев и на установление «нового глобального порядка», предусматривавшего деление мира на четыре зоны влияния.

В японских военно-политических кругах нашлось немало сторонников такой идеи, выдвинутой прагматичными военными. Японские послы — в СССР С. Того и в Италии Т. Сиратори, да и в самом японском МИДе считали, что сговор между Советским Союзом и Японией оказал бы психологическое давление как на Китай, так и на США и способствовал бы благополучному для японской стороны завершению непопулярной войны на китайской территории[137].

Редактор тесно связанной с военными кругами газеты «Хоти» Б. Мики 29 декабря 1939 г. в беседе с полпредом СССР в Японии К. А. Сметаниным, сославшись на свои многочисленные

Д. А. Жуков

С. А. Лозовский

консультации с представителями военных и деловых кругов, высказал мнение, что для того чтобы создать крепкий мир во всем мире, необходимо поделить этот мир на сферы влияния: отдать Германии Европу и Африку, Советскому Союзу — юг, то есть Турцию, Иран, территорию до Персидского залива и Индию, Японии — Восточную Азию, а США — Америку[138].

В ноябрьском за 1942 г. номере журнала «Коа» бывший посол Японии в СССР Ё. Татэкава в статье «Впечатления от СССР» писал: «При заключении японо-германо-итальянского военного союза шли разговоры о привлечении и СССР на сторону оси в целях использования последнего против союзных стран. Однако этого Германии сделать не удалось вследствие чрезмерных требований со стороны Советского Союза»[139]. Посол умалчивал о том, что впервые эта идея была выдвинута японцами.

В докладной записке советника полпредства СССР в Токио Д. А. Жукова, хранившейся в фонде секретариата заместителя НКИД С. А. Лозовского за 1940 г., сообщалось о «ширящихся в японских военно-политических кругах настроениях в пользу нормализации отношений с СССР с тем, чтобы внимание последнего могло быть полностью обращено на европейские проблемы». Так, бывший посол Японии Т. Сиратори в интервью газете «Хоти» заявил, что «урегулирование отношений с СССР является для нас (Японии. — *Прим. ред.*) самой неотложной задачей. Добившись отказа СССР от помощи Чан Кайши, мы должны добиться того, чтобы он двинул всю свою силу на запад и на юг Европы».

В подобных высказываниях советник полпредства СССР видел проявления недовольства правящих кругов установлением «дружественных отношений между СССР и Германией», стремление добиться «ослабления внимания Советского Союза на дела на Дальнем Востоке» и заставить США и Англию, подвергнутых запугиванию возможностью сближения Японии с СССР, «пойти на уступки Японии в дальневосточных делах»[140].

Д. А. Жуков отмечал далее, что стремление к нормализации отношений с СССР прослеживалось в выступлениях в парламенте и в прессе высших руководителей Японии. Так, 16 ян-

варя 1940 г. новый министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил в интервью: «Исходя из новой ситуации, создавшейся в результате усиления советско-германского сближения, Япония... не без разумных на то оснований, должна была урегулировать отношения с Советским Союзом самостоятельным путем. Мы намерены сделать все возможное для урегулирования отношений с Советским Союзом». В том же духе высказывался 17 января на пресс-конференции только что занявший пост премьер-министра Японии адмирал М. Ионаи[141].

В то же время Х. Арита счел необходимым заявить в парламенте, что отношения Японии с Германией и Италией становятся «более сердечными, чем когда-либо с момента заключения Антикоминтерновского соглашения», а военный министр С. Хата твердо сказал парламентариям, что «кровь, пролитая в Номонхане (на Халхин-Голе. — *Прим. ред.*), никогда не будет забыта»[142].

В этих условиях естественным для советского правительства было стремление сделать все для того, чтобы отвести японскую угрозу от своих границ, тем более что у японской стороны стали все более четко проявляться антиамериканские настроения, поддерживавшиеся Берлином.

В «Обзоре внешней политики Японии за 1940 г.» советник полпредства СССР Я. А. Малик отмечал, что одним из элементов внешнеполитической программы «военщины и экстремистского лагеря» Японии являлось «временное урегулирование отношений с СССР для обеспечения северных границ Японии и концентрации всего внимания на южную экспансию».

К. А. Сметанин в докладе В. М. Молотову о беседах 3 и 6 июня 1940 г. с германским послом О. Оттом сообщал, что если 30 мая О. Отт выдвигал идею объединения СССР, Японии и Германии в противовес Англии и США, то теперь он говорил о блоке СССР, Японии и Чан Кайши при содействии Германии против США[143].

В докладной записке на имя С. А. Лозовского от 20 сентября 1940 г., анализируя отношение к СССР нового японского правительства во главе с Ф. Коноэ, в частности высказывание министра иностранных дел Ё. Мацуоки, советник полпредства СССР Д. А. Жуков делал вывод, что определенное желание постараться достичь какого-либо конкретного соглашения с СССР имеет для японских правящих кругов цель, «закрепив свои позиции на севере, сосредоточить свое внимание на разрешении китайской проблемы и на южной экспансии»[144]. В этот период в том же направлении повысил активность, причем явно с подачи японских «друзей», германский посол О. Отт.

В дневнике К. А. Сметанина за 30 декабря 1940 г. отмечается, что 28 декабря на завтраке в полпредстве СССР в ответ на напоминание германского посла О. Отта о прежних беседах относительно «необходимости освобождения японцев от давления на них на севере с тем, чтобы они могли быть более свободными на юге», К. А. Сметанин «в осторожной форме» заметил, что «осуществление стремления на юг с урегулированием северных вопросов зависит во многом от японцев»[145]. Кстати, употребленный оборот «в осторожной форме» свидетельствует о том, что советский полпред, вероятно, не имел конкретных указаний правительства СССР вести прямые и серьезные переговоры о четырехстороннем союзе. Очевидно, что советское руководство отдавало себе отчет (а дипломаты ориентировали его в этом духе) в том, что Япония ведет по отношению к СССР «политику с двойным дном». «Как мне кажется, — справедливо отмечал Д. А. Жуков, — это желание урегулировать отношения с СССР, высказываемое некоторыми «трезвыми политиками» из правящей клики Японии, не отодвигает, конечно, на задний план желание отомстить за «кровь, пролитую на Хасане и у Номонхана», как заявил бывший военмин Хата на последней сессии парламента. Желание урегулировать отношения с СССР диктуется необходимостью, страстным стремлением поскорее покончить с китайской авантюрой, развязав себе руки, получить кое-какие выгоды из второй империалистической войны, без чего Япония не в состоянии поправить свою экономику, расшатанную китайской авантюрой»[146].

К концу 1940 г. и германское руководство склонялось к тому, чтобы прозондировать возможность присоединения Советского Союза к Тройственному пакту на собственных условиях. Тем самым Берлин преследовал двойственную цель: столкнуть СССР с Вели-

А. Гитлер пожимает руку И. Риббентропу во время присоединения Болгарии к Тройственному пакту

кобританией и ослабить ее международные позиции, а также замаскировать развернутую Германией подготовку к нападению на СССР.

Ответ советского правительства был передан 25 ноября. Формально СССР выразил готовность «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но выдвинул ряд условий, по существу, исключавших его присоединение к Тройственному пакту, ибо эти условия затрагивали интересы Германии. Так, Советский Союз вновь потребовал оказать содействие в заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи, создания режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, а для этого — гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР. Особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР». Советский Союз требовал немедленно вывести немецкие войска из Финляндии и оказать давление на Японию с тем, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине[147].

В итоге германское руководство уклонилось от ответа на советские предложения. Таким образом, советское руководство в ответ на германские и японские дипломатические маневры выдвигало конкретные требования, руководствуясь национально-государственными интересами СССР. Берлин и Токио не смогли побудить Москву содействовать реализации замыслов Германии и Японии.

Немецкий танк на берегу горной речки в Греции

Итальянские солдаты у пулемета на позиции в Греции

Группа британских пленных у разрушенного дома в Греции

Немецкие солдаты на улицах оккупированной столицы Греции — города Афины

Греческий генерал Г. Цолакоглу и обергруппенфюрер СС Й. Дитрих
во время подписания капитуляции Греции

Зимой 1940 — весной 1941 г. европейские державы вели активную борьбу за контроль над Балканским регионом и Средиземноморьем. Еще в начале сентября 1940 г. Болгария при поддержке Германии и Италии добилась возвращения ей Румынией Южной Добруджи, утраченной после Первой мировой войны. В конце сентября советское руководство предложило правительству Болгарии заключить пакт о взаимопомощи между двумя странами. Однако София не считала возможным заключать с СССР какой-либо политический договор.

В конце ноября 1940 г. Москва вновь выдвинула инициативу в отношении двустороннего договора о взаимопомощи с Болгарией. При условии заключения такого договора СССР готов был не только предоставить гарантии Болгарии, но и поддержать ее «справедливые территориальные притязания» на Балканах (в отношении Греции и Турции), а также оказать Софии экономическую помощь. Заключение советско-болгарского договора снимало бы возражения Москвы против подписания Болгарией Тройственного пакта[148]. Однако болгарское правительство отклонило советские предложения и интенсифицировало переговоры о присоединении к Тройственному пакту.

Советское правительство пыталось отстаивать свои интересы в Болгарии через контакты с Берлином. 25 ноября В. М. Молотов сделал послу Ф. фон Шуленбургу заявление, в котором, в частности, говорилось: «Советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим безопасно-

сти СССР. Ввиду всего этого советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением интересов безопасности СССР»[149].

Однако реакции на эти протесты из Берлина не последовало. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и дала согласие на ввод в страну германских войск. В тот же день группировка вермахта численностью почти 700 тыс. человек начала размещаться в Болгарии. Германия заметно усилила свои позиции на Балканах, и это кардинально меняло всю ситуацию в регионе — Германия становилась господствующей силой на Балканах. Такого положения не могли компенсировать «ни последовавшая затем высадка английского ограниченного контингента в Греции, ни неудача итальянского наступления против греческой армии в марте»[150].

Действия Германии вызвали справедливое неприятие советского руководства. Нарком В. М. Молотов ясно сформулировал советскую позицию в заявлении германскому послу Ф. фон Шуленбургу 1 марта 1941 г.:

«1. Очень жаль, что, несмотря на предупреждение со стороны советского правительства в его демарше от 25 ноября 1940 года, германское правительство сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию.

2. Ввиду того что советское правительство остается на базе его демарша от 25 ноября, германское правительство должно понять, что оно не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР»[151].

Советско-германские противоречия становились все более явными.

25 марта 1941 г. о присоединении к Тройственному пакту заявило правительство Югославии. Но эта акция вызвала недовольство значительной части населения Югославии и ее армейских кругов. 27 марта группа офицеров военно-воздушных сил при поддержке сербской демократической оппозиции совершила проанглийский военный переворот: произошла смена королевской власти, было сформировано новое правительство национального единства.

Новое руководство Югославии ориентировалось на Великобританию и СССР. Советское правительство поддерживало антигерманские настроения в Югославии. Первый заместитель наркома А. Я. Вышинский в беседе с посланником Югославии в Москве М. Гавриловичем 3 апреля 1941 г. сказал, «что югославское правительство должно решительно отстаивать свою независимость, не допускать, чтобы под всякими предлогами немецкие агенты проникли, просочились в разные учреждения, фактически захватили их в свои руки. Нужно не забывать, что независимость страны лучше всего можно сохранить, сохранив сильную армию»[152].

5 апреля 1941 г. Советский Союз и Югославия заключили договор о дружбе и ненападении. Стороны взаимно обязались «воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга и уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность СССР и Югославии»[153]. При этом СССР выразил готовность оказать Югославии материально-техническую помощь, в частности поставками оружия.

Советско-югославский договор должен был стать предупреждением Германии о советской позиции. Однако гитлеровское руководство, готовившее нападение на СССР, не намеревалось считаться с позицией Москвы. Фашистская Германия с участием Италии и Венгрии быстро подготовила мощный удар по Югославии и Греции. Военные действия начались 6 апреля 1941 г. Всего против двух балканских стран были брошены свыше 80 дивизий[154]. Ни Югославия, ни Греция не располагали танковыми и моторизованными дивизиями, их авиация по численности почти в пять раз уступала германской. Военный успех агрессоров был предрешен. 15 апреля 1941 г. король и правительство Югославии выехали в Грецию, а затем перебрались в Египет. 17 апреля представители верховного командования югославской армии подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Югославия перестала существовать как единое независимое государство. Территория страны была разделена на четыре оккупационные зоны: Германии, Италии, Венгрии и Болгарии. Черногория стала «губернаторством» Италии. Марионеточными государствами,

полностью зависимыми от оккупантов, стали Хорватия и Сербия. Советский Союз не смог оказать Югославии реальной помощи.

Греция также не в силах была противостоять превосходящим силам агрессоров. Греческие вооруженные силы потерпели поражение, и 29 апреля 1941 г. представители их командования подписали акт о капитуляции. Основные силы британского экспедиционного корпуса были эвакуированы в Египет. Туда же англичане вывезли короля Греции и правительство страны. В начале июня вся территория Греции была оккупирована германскими, итальянскими и болгарскими войсками.

20 мая 1941 г. германское командование организовало высадку массированного воздушного десанта на греческий остров Крит. К 1 июня сопротивление базировавшихся на острове британских войск было сломлено, Балканский регион оказался полностью под контролем фашистских агрессоров и их ставленников. Ни Великобритания, ни Советский Союз не смогли этому помешать.

СССР не удалось воспрепятствовать германской экспансии в этом регионе и расширению Тройственного пакта. События на Балканах выявили особенности политической линии советского руководства: добиваться укрепления международных позиций СССР; оставаться вне воюющих группировок; оказывать осторожное противодействие дальнейшему усилению Германии; не поддерживать военные усилия Англии.

Военная кампания на Балканах вынудила германское руководство отсрочить нападение на Советский Союз, которое первоначально намечалось на середину мая 1941 г.

Советская помощь Китаю и Монголии в борьбе против японской агрессии

Советско-китайское военно-политическое сотрудничество имеет богатую историю, оно скреплено кровью многих сотен граждан СССР, отдавших свои жизни в общей борьбе за суверенитет и независимость Китая, на которые не раз посягала Япония.

Основа для многолетнего упорного сопротивления Китая японской агрессии закладывалась при помощи СССР задолго до вторжения вооруженных сил Японии в китайскую Маньчжурию в сентябре 1931 г., ставшего отправной точкой масштабной экспансии в эту и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Знаковым событием в этом отношении было решение руководства молодой Советской республики от 4 января 1923 г. поддержать созданную в 1921 г. Национально-демократическую партию Китая (Гоминьдан Сунь Ятсена). Эта партия сформировала свое правительство на юге Китая со столицей в Гуанчжоу (Кантон) и обратилась к СССР с просьбой оказать китайской революции материальную и военную помощь, а также прислать советников. Это решение послужило своеобразной отправной точкой в военном сотрудничестве двух стран. В том же году в Москву прибыла китайская военная делегация во главе с начальником генерального штаба южно-китайского правительства Чан Кайши, которая была принята на самом высоком уровне. В ходе переговоров удалось достичь договоренности о предоставлении Китаю военных советников для оказания помощи его руководству в создании своих вооруженных сил и подготовке в Советском Союзе китайских национальных военных кадров[155].

Первые группы советских политических и военных советников прибыли в Кантон в сентябре 1923 г. Всего по 1927 г. в Китае работали около 135 советников из Советского Союза. Главным политическим советником в Южном Китае был назначен М. М. Бородин, главным военным советником — П. А. Павлов.

Одним из основных направлений деятельности советских специалистов, работавших в национально-революционных вооруженных силах, являлось обучение и воспитание

офицерских кадров. С этой целью были созданы различные офицерские школы, в которых обучались и будущие командиры войск, руководимых Коммунистической партией Китая (КПК). Самой крупной из них была школа Вампу (Хуанпу) в Южном Китае. Расходы, связанные с ее организацией и деятельностью на протяжении 1924–1925 гг., полностью взяло на себя советское правительство. Весь учебный процесс в школе — от составления учебных программ до индивидуальных занятий с курсантами — был возложен на советских военных советников. Особое значение придавалось преподаванию специальных дисциплин, политической подготовке курсантов. К середине 1926 г. в школе были подготовлены более 6 тыс. офицеров, составивших костяк армии революционного юга.

Были созданы школы: артиллерийская, пулеметная, пехотная, кавалерийская и контрразведчиков. Первый выпуск офицеров (250 кавалеристов и 115 артиллеристов) был проведен в конце сентября 1925 г. В том же году 70 курсантов окончили инженерную школу, а 38 генералов и офицеров — высшую пехотную школу. В результате деятельности советников была создана китайская кавалерия (как особый род войск)[156].

Большое значение для повышения военно-теоретического и военно-практического уровня китайских офицеров имело их обучение в военных учебных заведениях СССР. В 1927 г. 50 человек стали выпускниками советских военных академий, а 56 человек (35 авиаспециалистов и 21 пехотный и артиллерийский командир) — военных училищ. В том же году в советские военные учебные заведения были приняты 163 человека[157]. Китайские военнослужащие, обучавшиеся в СССР, стали наиболее подготовленными офицерами Национально-революционной армии (НРА) Китая.

Обстановка в Китае была в то время весьма непростой, в стране бушевала гражданская война. После смерти в 1925 г. Сунь Ятсена в Гоминьдане значительно укрепились позиции Чан Кайши, который в 1927 г. произвел военный переворот с целью установления личной власти, выступив против коммунистов. Обострение межпартийных противоречий в Китае сказалось и на межгосударственных отношениях с Советским Союзом: дело доходило до вооруженных столкновений, как это было, например, в 1929 г. в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и разрыва дипломатических отношений[158]. К тому же США и Англия стремились укрепить в Китае свои позиции.

Внешняя политика Японии в 1920–1930-х гг. характеризовалась такими шагами, как давно готовившаяся отправка в 1927 и 1928 гг. японских войск в Шаньдун, тайное и открытое вмешательство в междоусобицу милитаристских клик Китая, провозглашение непримиримой борьбы с коммунистическим и другими оппозиционными движениями не только в Японии, но и повсюду в Азии.

Овладение Маньчжуро-Монгольским регионом не было самоцелью. Японские милитаристы рассматривали этот регион, в первую очередь Маньчжурию, как «арсенал» Японии, которой были нужны естественные богатства этих земель. Без обладания Маньчжурией с ее ресурсами и выгодным геостратегическим положением военные и политические лидеры страны не представляли возможным ни достижение одной из своих заветных целей — овладение восточной частью территории СССР, ни порабощение всего Китая, ни вытеснение «белых колонизаторов» из Восточной и Юго-Восточной Азии[159].

После захвата Маньчжурии в начале 1930-х гг. Япония начала планомерную колонизацию китайских территорий. По составленному в 1936 г. плану через 20 лет предполагалось на 50 млн жителей Маньчжурии иметь 5 млн японских колонистов. К 1945 г. в Маньчжурии уже насчитывалось около 1 млн японских колонистов. Мужчины расценивались как резерв для формирования частей Квантунской армии[160]. Закрепление колонистов сопровождалось массовым изгнанием китайских крестьян с их исконных земель.

Даже сокращенный перечень злодеяний японских оккупантов в материалах Токийского процесса составил два объемистых тома. Как отмечалось в обвинительном акте, японские агрессоры в широких масштабах осуществляли «нарушения признанных обычаев и правил войны путем убийств населения, увечья, глумления над военнослужащими, интернированными гражданскими лицами... хищения общественной и частной собственности, бес-

смысленного, не оправданного военной необходимостью разрушения городов и деревень, совершения массовых убийств, насилий, грабежей, разбоя, пыток и других жестокостей в отношении беспомощного гражданского населения захваченных стран»[161].

Направленность японской экспансии на северо-восток Китая, несмотря на некоторые неудобства, в принципе устраивала США и Англию, ибо это означало приближение японских войск к советской границе. Реакция США и других западных держав на широкомасштабную агрессию Японии в Северо-Восточном Китае ограничивалась, как правило, словесным осуждением и посылкой от Лиги Наций комиссии В. Литтона, которая без труда определила, что захват Маньчжурии — чистой воды агрессия. Япония, понимавшая, что к открытому конфликту с Западом она еще не готова, выдвинула в Лиге Наций, казалось, беспроигрышный аргумент: Маньчжурия оккупирована с единственной целью — сделать ее оплотом в борьбе против Советского Союза, так как происходящий под его влиянием рост коммунизма в Китае «представляет собой вопрос огромной важности для европейских государств, Соединенных Штатов, по сравнению с которым все другие проблемы теряют всякое значение»[162].

Но Япония не учла, что общественное мнение в Европе в те дни уже становилось антифашистским: к власти рвался А. Гитлер, требовавший пересмотра итогов Первой мировой войны. 24 февраля 1933 г. международное сообщество утвердило доклад В. Литтона, после чего Япония демонстративно вышла из состава Лиги Наций[163]. Оставалось ждать санкций, однако их не последовало.

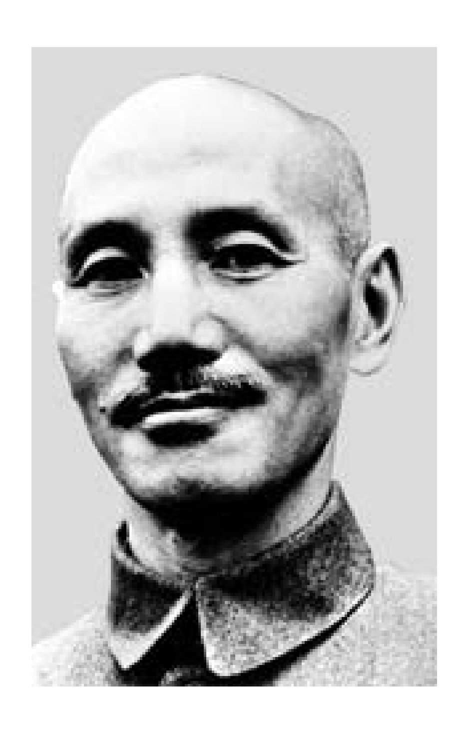
31 мая 1933 г. китайское правительство вынуждено было пойти на подписание перемирия с японским командованием, признав контроль японцев над Северо-Восточным Китаем и частью Северного Китая[164].

Громкая на словах, но поразительно беззубая на деле позиция ведущих держав мира объясняется прозаически просто. В Вашингтоне считали, что военные действия Японии в Маньчжурии заставят Чан Кайши, правителя Центрального Китая, ориентироваться на США и Англию, приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к столкновению Японии и СССР. Принималось в расчет и то, что Япония могла быть использована в случае необходимости для подавления национально-освободительного движения в Китае. Интересы Франции сводились главным образом к тому, чтобы отвлечь внимание Японии от Индокитая, где доминировал Париж[165].

Более того, империалистические державы, особенно США и Великобритания, поощряя северное направление японской агрессии, на протяжении 1930-х гг. оказывали Токио все возраставшую экономическую помощь и прямую военную поддержку. В период с осени 1931 г. и по 1932 г. включительно американские деловые круги предоставили Японии военную помощь на сумму 181 млн долларов. Сразу после вторжения японских войск в северо-восточные провинции Китая поток военно-стратегических материалов, которые импортировала Япония из США, Англии и Франции, многократно возрос. Политика умиротворения и поощрения японского агрессора имела недвусмысленный антисоветский подтекст[166].

Лишь Советский Союз, который не был в то время допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в вашингтонскую договорную систему, неизменно требовал прекращения японской агрессии.

12 декабря 1932 г. были восстановлены дипломатические и консульские отношения между Советским Союзом и Китаем[167]. СССР, провозгласивший идеи общего разоружения и создания системы коллективной безопасности, приложил немалые усилия, чтобы, опираясь на Коминтерн, объявивший вооруженный конфликт в Маньчжурии «агрессивной войной Японии против Китая», объединить усилия антифашистских сил в борьбе за мир. «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на VII конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма... Это ознаменовало возврат России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную

Чан Кайши

концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»[168]. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна не нашел понимания у правительств западных держав, да и позиция руководства СССР была не всегда последовательна.

7 августа 1936 г. японское правительство приняло «Основные принципы национальной политики». С этого времени в числе главных противников стали называться наряду с СССР и Соединенные Штаты[169]. Но это ни в коей мере не означало, что подготовка на северном, континентальном направлении была ослаблена. Наоборот, военные приготовления здесь резко активизировались, что в известной мере вуалировалось бумом высказываний о необходимости движения на юг.

7 июля 1937 г. Япония развязала прямую агрессию против Китая[170]. Советское руководство с полным основанием усматривало в этом угрозу безопасности своей стране с востока, поскольку японское военное командование последовательно создавало на северо-востоке Китая военно-стратегический плацдарм, в том числе для последующего нападения на Советский Союз и Монгольскую Народную Республику, что впоследствии подтвердилось вооруженными вторжениями японских войск на советскую территорию у озера Хасан и в Монголию в районе реки Халхин-Гол.

Советский Союз вполне обоснованно считал, что противодействие Китая японской агрессии способствует отвлечению, хотя бы временному, японских вооруженных сил от реализации планов нападения на советские Сибирь и Дальний Восток. Исходя из этого, а также поддерживая справедливую войну Китая против японских захватчиков, СССР продолжал оказывать китайскому правительству значительную помощь.

21 августа 1937 г. между Советским Союзом и Китаем был подписан договор о ненападении. В тот период это был, по существу, единственный международно-правовой документ, укреплявший позиции Китая в войне с Японией. Заключение договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга, а было, по

сути, соглашением о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами. При подписании документа стороны обменялись устными декларациями, не подлежавшими оглашению. Одна из них зафиксировала обязательство СССР не заключать с Японией договор о ненападении, пока нормальные отношения между Китаем и Японией не будут восстановлены[171]. Москва выполнила это свое обязательство, ограничившись подписанием с Японией 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете.

В то же время стратегия Советского Союза состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта — на западе и востоке, и эта стратегия сохранялась до 1945 г. Договор не содержал прямого обязательства Советского Союза принимать участие в войне против Японии на стороне Китая, но и не препятствовал, как и пакт о нейтралитете с Японией, осуществлению ему косвенной помощи, не давая Токио формального повода обвинять СССР в антияпонской направленности договора. Примечательно, что Китай вел борьбу с японским агрессором без официального объявления войны Японии, которая скрывала факт ведения тотальной войны против Китайской Республики под эвфемизмом «инцидент». Лишь 9 декабря 1941 г., после вступления в войну с Японией США, китайское руководство также объявило о состоянии войны с Японией.

Обстановка в Китае в то время была довольно сложной. Его промышленность и сельское хозяйство находились на крайне низком уровне, к тому же в стране продолжалась затяжная гражданская война между войсками гоминьдановского правительства, вооруженными формированиями не подчинявшихся ему провинций и народно-революционными силами Китая. Перед нападением японских агрессоров Китай не располагал единой армией: существовали армия центрального правительства, вооруженные формирования губернаторов провинций и Красная армия — вооруженные силы, руководимые китайской компартией. Единого командования, четкой организационной структуры не было, в вооружении и снабжении наблюдался полный разнобой.

Учитывая военно-техническую отсталость Китая, японское командование делало ставку на молниеносную войну. Оно предполагало за неделю захватить Шанхай, за месяц — Северный Китай, за три месяца — весь Китай. Предполагалось ударами с севера на юг и от Шанхая на запад в районе Уханя окружить и уничтожить главные силы китайской армии.

Японские войска развернули широкомасштабное наступление одновременно в Северном и Центральном Китае. Здесь завязались ожесточенные бои. В этой обстановке руководство Гоминьдана было вынуждено вступить в сотрудничество с китайской компартией, к чему давно призывала Москва. В результате был образован единый национальный антияпонский фронт. Находившаяся под контролем компартии местность в пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся (Шэньганьнин) была объявлена Особым районом Китайской республики. Части Красной армии в Северном Китае (45 тыс. человек) стали именоваться 8-й народно-революционной армией (НРА), а в Центральном Китае (12 тыс. человек) — Новой 4-й НРА. Они вошли в состав Национальной армии Китая, но руководство ими осталось в руках компартии[172].

Расчет китайского командования был на затяжную войну — изнурение, истощение физических и моральных сил противника, однако под ударами японских войск слабая, хотя и многочисленная китайская армия вынуждена была отходить. В Центральном Китае, применив маневр на окружение и отравляющие вещества, японцы 12 ноября 1937 г. овладели Шанхаем и создали угрозу тогдашней столице Китая — Нанкину. Используя достигнутый успех, японские войска во второй половине ноября начали наступление вдоль железной дороги Шанхай — Нанкин и шоссе Ханчжоу — Нанкин. К концу ноября Нанкин был охвачен японскими войсками с трех сторон, а 7 декабря подвергся варварской бомбардировке японской авиацией. 13 декабря японцы ворвались в китайскую столицу и учинили кровавую резню, в результате которой погибли около 50 тыс. человек (за шесть недель по приказу своего командования японцы уничтожили более 200 тыс. мирных жителей и безоружных военнопленных)[173]. В результате падения Шанхая и Нанкина образовались два изолированных фронта борьбы — северный и южный. Столица Китая была перенесена в Чунцин.

Захватив плацдармы в Северном и Центральном Китае, японское командование приступило к подготовке дальнейших операций. Захватчики устраивали массовые расправы над населением и военнопленными, применяли химическое и бактериологическое оружие. Однако Китай продолжал борьбу, и Япония постепенно втягивалась в затяжную войну. Стабилизации обстановки в Китае во многом способствовала помощь, оказанная Советским Союзом борющейся за независимость стране.

Чан Кайши неоднократно обращался к Советскому Союзу с призывами вступить в военные действия против Японии на стороне Китая. В частности, 26 ноября 1937 г. он направил И. В. Сталину телеграмму с просьбой послать советские войска в Китай «для спасения опасного положения в Восточной Азии»[174], на что СССР пойти не мог. В обстановке нараставшей напряженности и неопределенности в Европе и на Дальнем Востоке Советский Союз не считал возможным вступать в открытый военный союз с Китаем и тем самым фактически открывать фронт войны с Японией. Однако письмо Чан Кайши стало формальным поводом увеличить объемы и ассортимент поставляемой Китаю помощи.

В ответ на обращения китайского лидера Москва вплоть до нападения Германии на Советский Союз отвечала, что СССР может вступить в войну с Японией только при одном из следующих трех обстоятельств: а) в случае, если Япония нападет на СССР; б) в случае совместного вступления в войну с Японией одновременно трех держав: США, Великобритании и СССР; в) в случае, если Лига Наций примет решение, рекомендующее тихоокеанским державам предпринять военные акции против Японии[175].

Несмотря на то что ведущие страны мира выступили с осуждением Японии, никаких санкций против нее не было принято. У западных держав в Китае были достаточно крупные экономические интересы, но в те дни казалось, что раздираемый междоусобными противоречиями Китай падет в течение буквально нескольких недель. Сохранения своих экономических позиций и обеспечения поворота японской агрессии на север, против СССР, как представлялось западным лидерам, в первую очередь Англии, можно было достичь лишь компромиссом с побеждающей, как казалось, Китай Японией.

Японские стратеги были убеждены, что им ничего не грозит со стороны США, Англии и Франции. Уверенность в безнаказанности привела к тому, что японские офицеры потопили в Янцзы американскую и захватили английскую канонерские лодки. Американцы отметили несколько сотен «случаев посягательства на американские права в Китае». Американский президент, исходя из всего этого, пригласил к себе английского посла Р. Линдсея и предложил осуществить совместную блокаду Японии.

Реакция в Лондоне была близкой к панике: правительство Н. Чемберлена в те дни готовило тайную сделку с Токио. 13 января 1938 г. Н. Чемберлен официально отверг американский план и пошел на интенсивные переговоры с Токио об «урегулировании» всех спорных вопросов, связанных с японской агрессией в Китае, и о гарантии британских интересов в Южном и Центральном Китае, как отмечал советский разведчик Р. Зорге, за счет уступок Японии в ее действиях «севернее Желтой реки»[176]. Английские и японские государственные деятели не жалели теплых слов, выражая надежды на будущее сотрудничество, несмотря на то что к тому времени в Нанкине уже были убиты свыше 200 тыс. мирных жителей. Все это развязывало руки японским милитаристам, поскольку Япония могла не опасаться блокады.

Советской дипломатией был сделан в то время правильный вывод: «Правительство Чемберлена совместно с фашистскими правительствами Германии и Италии заинтересованы вытащить Японию из затеянной ею опасной авантюры в Китае и толкнуть ее против СССР»[177]. Советский Союз тогда остался один на один с японской угрозой.

Советский Союз уже осенью 1937 г. начал масштабные поставки в Китай военной техники. В 1938 г. он предоставил Китаю заем в 100 млн и передал безвозмездно 100 тыс. долларов. В период между августом 1937 г. и январем 1939 г. в Китай было поставлено советской военной техники и оружия на сумму 300 млн рублей, в том числе 361 самолет, также были направлены добровольцы, в первую очередь летчики. Эта помощь постоянно наращивалась.

Колонна японских танков на дороге в Китае

Китайский пулеметчик в уличных боях

На сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю уже 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение[178].

В дальнейшем СССР продолжал предоставление Китаю льготных кредитов, в счет которых китайская армия получила боевую технику для вооружения 20 дивизий. В 1937–1941 гг. СССР поставил Китаю свыше тысячи самолетов, около сотни танков, тысячи единиц артиллерийского и стрелкового оружия. При решении задач повышения боеготовности и оснащенности своих вооруженных сил китайское правительство широко опиралось не только на материальную помощь со стороны СССР, но и на опыт советских военных и гражданских специалистов. К началу апреля 1939 г. в оказании непосредственной военной помощи Китаю активно участвовали 5002 советских добровольца, в том числе 46 военных советников (к октябрю 1939 г. советнический аппарат вырос до 80 человек), 11 инструкторов, 24 различных специалиста, 446 человек из состава особых авиационных групп (включая авиатехников), а также 4475 бойцов и командиров, которые охраняли и обслуживали трассу Алма-Ата — Урумчи — Ланьчжоу (227 из них погибли или умерли от ран, в основном летчики-добровольцы — 211 человек)[179]. Кроме того что советская позиция ясно демонстрировала нежелание СССР мириться с усилением агрессивных тенденций в политике Японии, его помощь Китаю была еще и существенным фактором, направленным на срыв японских планов блицкрига в этой стране.

Для оказания помощи китайскому народу в борьбе с японскими агрессорами в Китай вновь и вновь направлялись большие группы советских военных советников и специалистов-добровольцев. Среди советских военных советников в период с 1937 по 1947 г. были видные в будущем военачальники П. Ф. Батицкий, М. И. Дратвин, П. Ф. Жигарев, К. П. Казаков, А. Я. Калягин, А. А. Лучинский, П. С. Рыбалко, Г. И. Тхор, А. И. Черепанов, В. И. Чуйков и многие другие. На 1 января 1941 г. в Китае насчитывалось 140 советских военных советников[180], проводивших большую работу по совершенствованию организационно-штатной структуры китайской армии, ее обучению и повышению оперативной подготовки китайских офицеров и генералов. Советские инструкторы-танкисты готовили экипажи китайских танков, как и инструкторы-артиллеристы и пехотинцы, принимали непосредственное участие в боевых действиях. В отражении японской агрессии велика заслуга советских летчиков-добровольцев.

В октябре 1937 г. в Китай отправились 177 летчиков бомбардировочной авиации и 101 летчик-истребитель, а в декабре к ним присоединились 63 летчика-бомбардировщика. Кроме того, тремя группами с ноября 1937 г. по январь 1938 г. в Китай прибыли еще 39 летчиков-истребителей, а также техники и ремонтники. Первые летчики-добровольцы находились в исключительно сложных условиях: им приходилось воевать с численно превосходящим противником, к тому же ограниченность аэродромной сети и полная неподготовленность имевшихся аэродромов к боевой деятельности вынуждали летчиков зачастую совершать полеты на предельную дальность. Боевая работа авиации проходила ежедневно: истребители прикрывали порученные им объекты, бомбардировщики бомбили аэродромы, суда на Янцзы и боевые порядки наступавших японских войск.

В 1937–1938 гг. организацией боевых действий советских летчиков-добровольцев и осуществлением связи с китайским командованием занимался помощник военного атташе в Китае по ВВС будущий главный маршал авиации П. Ф. Жигарев. В середине 1938 г. его сменил опытный летчик, участник боев в Испании Г. И. Тхор. Старшим советником по вопросам использования авиации (до середины марта 1938 г.) был Герой Советского Союза комбриг П. В. Рычагов, возглавлявший всю работу советских летчиков-добровольцев и формировавший авиационные группы для распределения их по фронтам Центрального и Южного Китая. Всего в 1937–1941 гг. в Китае побывали более 700 советских военных авиаторов-добровольцев (летчиков, штурманов, стрелков-радистов и авиатехников)[181].

В воздушных боях над Китаем советские летчики проявляли мужество, отвагу, боевое мастерство, нередко жертвуя жизнью. Смелыми и решительными действиями в небе Китая

Японские танки во время наступления в монгольской степи

Японский офицер ведет наблюдение во время боев на реке Халхин-Гол

Советские солдаты и офицеры фотографируются у разбитого японского бомбардировщика

Советские и японские офицеры на переговорах о прекращении огня на Халхин-Голе

они наносили серьезный урон авиации противника. К 1 мая 1938 г. было сбито 625 японских самолетов, практически уничтожены «непобедимые» японские авиаэскадрильи «Воздушные самураи» и «Четыре короля воздуха». В ВВС Японии выбыли из строя 1206 человек. А к 1940 г. японцы, по официальным данным, потеряли на земле и в воздухе 986 самолетов[182].

В этот наиболее тяжелый период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была чисто символической. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов, 450 тонн пороха и в 10 раз меньше финансов, чем от СССР[183].

Затянувшаяся война в Китае по-прежнему сильно беспокоила японское руководство. Оно понимало, что одной из причин упорного сопротивления Китая являлась многообразная помощь ему со стороны СССР. Агрессивная акция Токио в районе озера Хасан не только не привела к снижению объема этой помощи, но и побудила расширить ее, что позволяло в какой-то мере снижать темпы японских приготовлений к войне против Советского Союза. Летом 1939 г., несмотря на ведение советскими войсками военных действий в Монголии, в Китай были направлены более 400 советских летчиков-добровольцев и авиатехников[184].

Провал японской агрессии в районе озера Хасан привел к дальнейшему снижению авторитета Японии среди европейских союзников, который был окончательно подорван событиями у реки Халхин-Гол в Монголии спустя год. Переговоры о тройственном военном союзе были сорваны, и Гитлер счел необходимым заключить союз («Стальной пакт») лишь с Италией. Но Японии удалось убедиться в том, что СССР сам не имел агрессивных намерений и не был готов идти на развитие военных действий за пределами своих границ, хотя японская пропаганда продолжала утверждать, что Чанкуфэн (Хасан) — результат агрессивной советской политики, что именно Советский Союз спровоцировал вооруженный конфликт.

К сожалению, в том, что касается позиции западных стран, которые были в состоянии вместе с Советским Союзом в зародыше ликвидировать замыслы Японии на мировую экспансию, принципиальных изменений не произошло. Западные державы вновь не сделали необходимых выводов из своей, по сути, подстрекательской политики в отношении Японии и отказались от сотрудничества с СССР.

Продолжая «политику Мюнхена» на Дальнем Востоке, Вашингтон, Лондон и Париж оказывали значительную помощь агрессору, отказывая в этом Китаю. Например, закон о нейтралитете США в течение первых двух лет японо-китайской войны не давал возможности Китаю закупать оружие и военные материалы в США. В то же время Вашингтон поставлял в Японию все необходимое для осуществления ее агрессии. Только в 1937 г. США экспортировали в Японию свыше 5,5 млн тонн нефти и более чем на 150 млн иен станков. В 1937–1939 гг. они предоставили Японии военную помощь и стратегическое сырье на сумму 511 млн долларов, что составило почти 70% всего американского экспорта в эту страну. Не менее 17% стратегических материалов шло в Японию из Англии. Лишь 26 июля 1939 г. Вашингтон расторг торговое соглашение с Японией, однако до июля 1940 г. продолжались безлицензионные поставки самолетов, запчастей к ним, оптических приборов, станков, нефти, свинца, металлолома и других стратегически важных товаров[185].

Для обоснования правомерности претензий на монгольскую территорию Япония в 1935 г. пошла на «картографическую агрессию», сфальсифицировав прохождение границы между Монголией и Маньчжоу-Го по реке Халхин-Гол, тогда как фактически она проходила в 20–25 км от реки, о чем свидетельствовали многочисленные документы монгольской стороны[186]. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть стратегическую выгодность Монголии в качестве плацдарма для нанесения удара по кратчайшему направлению в сторону Байкала в целях наиболее эффективного решения задач варианта «Оцу» плана войны против СССР «Хати-го».

Братское взаимодействие СССР и МНР было гарантией суверенитета Монголии и безопасности советских границ. Еще 27 ноября 1934 г. по просьбе правительства МНР Советский Союз заключил с ней устное соглашение, в котором предусматривалась прямая военная взаимопомощь в случае нападения какой-либо третьей стороны[187]. В декабре 1935 — январе

1936 г. на советско-монгольских переговорах в Москве были приняты важные решения об укреплении обороноспособности МНР, техническом оснащении и боевой подготовке ее армии, защите границ от японо-маньчжурских захватчиков[188]. «Мощный натиск» в январе 1936 г. на «закрытые ворота границ Внешней Монголии», о котором писал во «Франкфуртер цайтунг» Р. Зорге, был не только отбит при первых же столкновениях, но и временно отложен из-за попытки фашистского переворота в Японии 26 февраля[189].

С разработкой плана «Хати-го» Япония развернула пропагандистскую кампанию, целью которой являлось убедить японское и международное общественное мнение в том, что СССР намеревается использовать МНР в качестве плацдарма для большевизации Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и Китая[190].

В докладной записке народному комиссару иностранных дел СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Японии М. М. Славуцкий писал, что активно дискутирующийся в Японии вопрос о создании «независимой» Монголии «своим острием направлен против МНР». «Пресса пестрит сообщениями, — докладывал в очередной записке полпред, — что войска МНР вступают или вступили в военные действия против Японии»[191].

Длительные переговоры между монгольскими и японо-маньчжурскими властями ни к чему не привели, так как Японию не устраивал никакой другой вариант, кроме того, который создавал предлог для агрессии в любой удобный момент, что и произошло в мае 1939 г.

Японские планы завоевать так называемую Внешнюю Монголию, которую как Китай, так и Япония, несмотря на формирование в 1921 г. на этой территории Монгольской Народной Республики и признание ее Советским Союзом, считали частью Китайского государства, и создать стратегический плацдарм для нападения на СССР провалились, а сокрушительное поражение на поле боя убедило большую часть правящих кругов Японии, за исключением ряда военных руководителей, в опасности и бесперспективности ведения крупномасштабных операций против Вооруженных сил Советского Союза.

Разгром японских войск в монгольских степях (события на Халхин-Голе международный Токийский процесс квалифицировал как агрессивную войну Японии против СССР и МНР)[192] и всесторонняя помощь со стороны СССР Китаю в течение всего периода агрессии Японии в этой стране имели огромное значение для организации сопротивления японскому нашествию со стороны китайского народа. Этот факт можно оценить еще глубже, если учесть, что к 1939 г. Китай потерял в войне более четверти своей территории, на которой проживали 170 млн человек, располагались важнейшие предприятия по производству угля (76%), чугуна (76%), нефти (99,8%), бóльшая часть железных дорог (84%) была захвачена японскими оккупантами[193]. Отмечая важность указанных выше конкретных фактов советской помощи Китаю, китайский историк Хэ Ли свидетельствует об «эффективности деятельности института военных советников из СССР», которыми были разработаны планы более 10 операций, подготовлены более 100 тысяч китайских военнослужащих, не говоря уж о том, что каждый десятый из воевавших в Китае советских летчиков погиб здесь в воздушных боях[194].

Значение принципиальной позиции СССР по отношению к агрессии Японии против Китая отмечали в свое время лидеры Гоминьдана и компартии этой страны. Так, в сентябре 1939 г. Чан Кайши в телеграмме И. В. Сталину констатировал: «С начала антияпонской войны Япония так и не смогла полностью использовать свои вооруженные силы против нас, так как значительная их часть была связана присутствием ваших сил на границах Северо-Восточного Китая»[195]. А Мао Цзэдун 28 сентября 1939 г. писал: «Когда Япония напала на Китай, а Англия, США и Франция стали проводить политику невмешательства, Советский Союз не только заключил с Китаем договор о ненападении, но и активно стал помогать Китаю в борьбе против японских захватчиков»[196].

Великобритания, которая несла от японской политики наибольшие потери в Южном и Центральном Китае и Гонконге, продолжала занимать аналогичную умиротворенческую позицию. После неоднократного откладывания в июле 1939 г. в Токио открылась конференция между британскими и японскими официальными лицами с целью найти выход из сложившейся ситуации. 22 июля было достигнуто и подписано соглашение, одобренное

Монгольские кавалеристы в ходе боев на Халхин-Голе

Советские авиаторы и маршал Х. Чойбалсан на приеме в советском посольстве в Улан-Баторе

обоими правительствами, которое должно было послужить, но так и не послужило, базой для последующих переговоров. Одобрение британским правительством соглашения было расценено всеми как дипломатическая победа Японии и признание слабости Великобритании на Дальнем Востоке.

На первом этапе войны в Китае (до конца октября 1938 г.) японцы, несмотря на провал планов блицкрига, сумели захватить наиболее густонаселенные и экономически важные районы Китая с городами Бэйпин (Пекин), Тяньцзин, Шанхай, Нанкин, Кантон и Ухань[197]. К осени 1939 г. японцы контролировали более 25% всей территории Китая с населением около 200 млн человек[198]. Однако благодаря деятельности советских военных советников и материальной помощи Китаю со стороны СССР Япония не смогла разгромить китайскую армию. Если в первый год войны японским войскам удалось продвинуться до 1000 км при темпе 12–18 км в сутки, то за второй год глубина продвижения японцев снизилась до 250–300 км при темпе 2–3 км в сутки. Резко сократились потери в китайской армии. Если в первый год войны китайская армия потеряла убитыми и ранеными в пять раз больше, чем японская, то во второй год потери воюющих сторон сравнялись. Китайцы, сохранив свои основные вооруженные силы, создали фронт на тысячи километров в несколько оборонительных линий, разрушив в тылу врага дороги на 60–100 км в глубину и лишив противника возможности использовать свое преимущество в технике[199]. Период относительного затишья китайское военное командование использовало для пополнения своих поредевших в предыдущих боях дивизий, оснащения их за счет поступавшей из Советского Союза военной техники и всемерного развертывания партизанской войны в тылу японцев[200].

16 июня 1939 г. был подписан советско-китайский торговый договор, который обеспечил надежную экономическую основу связей Китая с СССР в неблагоприятных условиях захвата Японией практически всех крупных китайских портов и блокады побережья. Основной поток советских грузов в Китай направлялся по железной дороге и далее советским автотранспортом по специально построенной в короткие сроки шоссейной дороге через провинцию Синьцзян[201].

Значительная и эффективная помощь Советского Союза Китаю вызывала серьезную обеспокоенность Японии, которая рассчитывала на скоротечную военную кампанию, поскольку считала Китай слабым, раздробленным государством, а оказалась не в состоянии сломить сопротивление китайского народа. Одной из причин, по которой Токио пошел на заключение с Москвой пакта о нейтралитете, являлся расчет на то, чтобы с его помощью воспрепятствовать продолжению советско-китайского сотрудничества. Неслучайно еще 2 июля 1940 г. японский посол в СССР С. Того на встрече с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым внес предложение подписать пакт о нейтралитете, обусловив готовность японской стороны пойти на такой шаг тем, что советская сторона по своей воле откажется от предоставления помощи чунцинскому правительству. Однако постановка вопроса о заключении пакта о нейтралитете между Москвой и Токио с подобным условием была оценена советским руководством как политика японского вмешательства в советско-китайские отношения и отклонена.

После нападения 22 июня 1941 г. Германии на Советский Союз Москва была вынуждена сосредоточить все силы на борьбе с фашистскими захватчиками и приостановила оказание военной и иной помощи Китаю. Однако Чан Кайши продолжал ставить вопрос о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке, предлагая создать единый антияпонский фронт США, Великобритании, СССР и Китая. Советская сторона отмечала, в свою очередь, что главной для СССР являлась победа на антигерманском фронте, что будет означать общую победу против государств-агрессоров[202].

Проводя политику в отношении Китая, советскому руководству приходилось учитывать наличие китайской компартии, которая располагала своими вооруженными силами и базой в освобожденных районах. Москва побуждала руководство КПК к сотрудничеству с Гоминьданом в борьбе с японской агрессией. Однако Мао Цзэдун и его сторонники в руководстве компартии зачастую не проявляли активности в ведении антияпонской борьбы, стреми-

лись накапливать силы для противостояния с китайским центральным правительством, не желавшим идти на компромисс с оппозиционными силами. Это приводило к усугублению раскола страны в то время, когда особо остро ощущалась необходимость единства действий в борьбе за национальную независимость Китая.

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, Япония продолжала готовиться к большой войне с СССР. В Маньчжурии сооружался так называемый железобетонный пояс, который смог бы обеспечить скрытное наращивание сил и развертывание японской армии к готовящейся войне. В рамках этих приготовлений с 1939 г. осуществлялся трехлетний план развития северных районов Маньчжурии. К 1941 г. число укрепленных районов у советских границ достигло 13, а затем было доведено до 17. Их расположение и малая глубина говорили о том, что японская армия готовится к наступлению, а не к обороне. Шло и активное наращивание сил Квантунской группировки войск. Число дивизий за период с лета 1937 г. по лето 1941 г. возросло в четыре раза, а численность личного состава достигла 350 тыс. человек.

Быстрыми темпами увеличивалась техническая оснащенность группировки. За 1937–1941 гг. число орудий выросло более чем в четыре раза, танков — в два раза, самолетов — в три раза[203]. Масштабные приготовления Японии к военным действиям против СССР, создавая угрозу советским границам, отвлекали тем не менее японские вооруженные силы от операций, ведущихся на китайском фронте, и способствовали облегчению положения правительственных и подчиненных КПК китайских войск.

Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко в сообщении от 14 октября 1940 г. о военно-политическом положении Китая, адресованном И. В. Сталину и В. М. Молотову, отмечал: «Существование на севере Китая народно-революционных войск помимо политического значения имеет для нас и большое военное значение, так как оно является постоянной угрозой для японской армии как в северокитайских провинциях, так и в Маньчжурии. Кроме того, они в значительной мере препятствуют созданию японцами в Северном Китае плацдарма для нападения на СССР»[204]. Нарком также поставил вопрос о необходимости увеличения количества военных специалистов, сокращенного к тому времени до 60 человек. В Китай был направлен В. И. Чуйков с группой военных советников, уже имевший опыт работы в этой стране. Работать военным советникам приходилось в очень непростой обстановке, они принимали все меры для активизации действий китайской армии, в то время как Чан Кайши занимал выжидательную и провокационную позицию. При помощи советских военных советников китайские войска в 1941 г. смогли отбить все атаки японцев. Япония ни в одной из своих наступательных операций в Китае в этот период не добилась решающего успеха[205].

Вследствие внутреннего неустройства и политических противоречий, раздиравших страну, действия китайских войск против японских оккупантов приобретали, однако, все более ограниченный характер. В 1942 г. последовало обострение отношений СССР с чунцинским правительством. Многие советские военные советники были отозваны из Китая, хотя некоторая часть военных специалистов продолжала работать в стране до середины 1944 г., несмотря на то что Советский Союз в это время вел тяжелейшую войну с германским агрессором.

После того как фашистская Германия вероломно напала на СССР, военные приготовления Японии в Китае к войне с Советским Союзом еще более активизировались. Реализуя программу срочных военных мероприятий по мобилизационному развертыванию Квантунской группировки войск и приведению ее в полную боевую готовность (план «Кантокуэн»), Япония довела численность Квантунской группировки до 700 тыс. человек. Кроме того, ее командованию подчинялись марионеточные войска Маньчжоу-Го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа).

По мере приближения немецких войск к Москве в руководящем эшелоне Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР. В этой обстановке к концу 1941 г. Япония сосредоточила в Маньчжурии из состава своих вооруженных сил до 50% пехотных дивизий, 75–80% кавалерийских частей, около 60% танковых полков, половину артиллерийских частей и сухопутной авиации[206].

Отсюда можно сделать вывод, что главным в то время японское командование считало готовящийся фронт войны с СССР, а не с Китаем. Таким образом, с одной стороны, даже не воюя, Советский Союз облегчал судьбу борющихся с японскими агрессорами сил Китая, спасал многие сотни и тысячи жизней китайцев, а с другой — ситуация в Китае уже в который раз позволяла Японии использовать территорию этой страны для подготовки нападения на СССР, в ходе которой была отмобилизована Квантунская группировка войск и быстрыми темпами оборудовался маньчжурский плацдарм. Лишь срыв Советским Союзом германского плана блицкрига и память об уроках Хасана и Халхин-Гола удерживали Японию от развертывания агрессии против СССР.

Пакт о нейтралитете с Японией

В 1930-е гг. советское руководство не могло не заботиться о дальневосточных рубежах СССР, по соседству с которыми развертывала экспансию милитаристская Япония, разжигая первые очаги будущего пожара мировой войны.

Показателями напряженности в отношениях между двумя странами были сотни провокаций на границах СССР, крупнейшей из которых стала провалившаяся вооруженная попытка японцев закрепиться на принадлежавших СССР господствующих высотах у приморского озера Хасан в июле — августе 1938 г., а также крупный советско-японский конфликт в районе реки Халхин-Гол, на спорном участке границы между Монгольской Народной Республикой и марионеточным прояпонским государством Маньчжоу-Го весной — летом 1939 г. Обе стороны стремились прощупать политическую волю и боеспособность потенциального противника, в случае же успеха военной агрессии у реки Халхин-Гол Япония планировала овладеть территорией МНР и обеспечить себе плацдарм, позволявший развернуть военные действия непосредственно против СССР, перерезать Транссиб и выйти к озеру Байкал.

В первые месяцы конфликта японские войска имели успех, однако к середине августа 1939 г. советское командование создало в районе конфликта существенный перевес над японцами по численности войск, количеству танков, артиллерийских орудий и самолетов. 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, 23 августа окружили японскую 6-ю армию, а 28 августа завершили ее разгром. Японское руководство убедилось в преимуществе Красной армии. В сентябре 1939 г. бывший японский премьер-министр Ф. Коноэ признался германскому послу в Токио О. Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Советская Армия в боях в районе реки Халхин-Гол»[207]. 15 сентября в Москве было подписано советско-японское соглашение о прекращении боевых действий в районе реки Халхин-Гол.

Японское военно-политическое руководство продолжало разрабатывать планы экспансии в двух направлениях: широкомасштабная акция против советского Дальнего Востока после наращивания мощи Квантунской группировки войск и завоевание британских, французских и голландских колоний в районе южных морей, а затем создание на этой основе обширной японской колониальной империи — «великой восточноазиатской сферы совместного процветания».

Начавшаяся 18 сентября 1931 г. захватом граничащей с Советским Союзом Маньчжурии японская экспансия в Азии, ввод на территорию этой китайской провинции крупной группировки сухопутных войск Японии, пересечение ими в декабре того же года КВЖД и продвижение их к советским границам[208] создавали реальную угрозу безопасности СССР на Дальнем Востоке. Следует отметить, что для правительств США, Великобритании и Франции Япония представлялась ключевым союзником в борьбе с коммунистическим и национально-освободительным движениями, а также Советским Союзом.

Запад не только не осудил агрессию Японии на севере Китая, но и занял позицию «умиротворения» агрессора, а точнее, поощрения его подготовки к войне против СССР путем политико-дипломатических и территориальных уступок за счет других народов, что стало прообразом такой же политики в Европе, известной как «мюнхенский сговор».

В этих условиях советское руководство предприняло ряд политико-дипломатических шагов в целях сорвать планы организаторов агрессии против Советского Союза. Осудив захват Японией Маньчжурии, руководство СССР, не имея реальных рычагов воздействия на агрессора, сочло необходимым заявить о позиции строгого нейтралитета, не преминув привести в октябре войска созданной в августе 1929 г. Особой Дальневосточной армии в конечных пунктах КВЖД на границе с Китаем в состояние боевой готовности и приступить к оказанию помощи китайским вооруженным формированиям оружием и боеприпасами[209].

Япония на несколько лет стала главной военной угрозой безопасности СССР, что потребовало от советской дипломатии выработки и осуществления конкретных мер противостояния этой угрозе.

В конце декабря 1931 г. министром иностранных дел Японии был назначен посол во Франции К. Ёсидзава — сторонник развития добрососедских отношений с Советским Союзом. Советская дипломатия решила воспользоваться проездом К. Ёсидзавы через Москву для того, чтобы поставить перед японским правительством вопрос об укреплении советско-японских отношений. Во время встречи с ним 31 декабря нарком иностранных дел М. М. Литвинов в очередной раз предложил заключить между СССР и Японией пакт о ненападении[210]. Он отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, а также подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»[211]. К. Ёсидзава обещал обсудить этот вопрос в Токио.

В Японии не было сомнений в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИДа Японии С. Того (впоследствии посол в СССР и министр иностранных дел Японии), говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»[212]. Однако как раз это и не устраивало японское руководство, которое затянуло ответ на советское предложение (в течение 1932 г. Москва неоднократно его повторяла) на целый год и, в конце концов, в декабре 1932 г. официально заявило об отказе принять его[213].

Несмотря на отрицательную реакцию японского правительства, настойчивость советской дипломатии вполне себя оправдала. Предложение советского Наркомата иностранных дел почти два года стояло в центре внимания японской общественности, которая не могла не признать миролюбивый характер внешней политики СССР[214]. К. Утида, сменивший летом 1932 г. К. Ёсидзаву на посту министра иностранных дел Японии, даже счел необходимым заявить советскому полпреду А. А. Трояновскому 28 июля 1932 г., что его «правительство никаких агрессивных намерений против СССР не имеет»[215]. Активные шаги советской дипломатии затрудняли японской военщине обеспечение поддержки со стороны общественного мнения в подготовке к агрессии против СССР, которая, однако, наращивалась с каждым годом в соответствии с постоянно обновляемыми планами войны.

Советские предложения о заключении с Японией пакта о ненападении в последующем выдвигались неоднократно, в том числе 24 апреля 1933 г. в ответ на японский демарш по поводу восстановления Москвой в декабре 1932 г. дипломатических отношений с Китаем[216]. Однако эйфория по поводу успехов в оккупации и, по сути, колонизации Маньчжурии, где спешно создавалась инфраструктура расширения экспансии на соседние провинции Китая и военно-промышленная база агрессии против СССР и Монголии (в январе 1935 г. японо-маньчжурские войска вступили в китайскую провинцию Чахар, непосредственно

граничащую с МНР)[217], мешала японскому политическому и военному руководству проявить политический реализм. Оно решило, что договор о ненападении с Советским Союзом будет лишь мешать Японии в нужный момент напасть на него.

Руководство СССР отдавало себе отчет (особенно после заключения 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединились Италия и другие страны, а в феврале 1939 г. — марионеточное прояпонское образование Маньчжоу-Го) в нарастании военной угрозы на восточных и западных границах страны[218].

Активно формировался у границ СССР региональный антикоммунистический блок — ось «Япония — Маньчжоу-Го — Китай», который замышлялся как «ядро общевосточной коалиции» под эгидой Японии, направленной против Советского Союза, национально-освободительного и революционного движения в странах Азии[219]. Именно эта цель и являлась основной причиной нападения Японии в июле 1937 г. на Китай, где в оккупированных районах было создано несколько прояпонских временных правительств, включая и правительство нового Китая в Нанкине во главе с Ван Цзинвеем, изменившим лидеру Гоминьдана Чан Кайши[220].

Большое внимание в Токио уделялось Внутренней Монголии, в которой намечалось «укрепить позиции Японии против Советского Союза»[221]. В 26-страничном аналитическом обзоре «Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке» О. Ямады, бывшего главнокомандующего японской Квантунской группировкой войск, подготовленном им 8–9 апреля 1946 г., отмечалось, что в 1939 г. все марионеточные режимы, создававшиеся по мере продвижения японских войск во Внутреннюю Монголию, были «слиты в одно целое автономным правительством Монгольского Союза, возглавляемым князем Томсук Тонлопом (Дэван)... Это означало, что Внутренняя Монголия рассматривалась Японией как совершенно самостоятельная единица, независимая от нового Китая; таким образом, была создана антикоммунистическая зона Северо-Западного Китая»[222].

Остро чувствовали усиление антисоветских настроений в Японии советские дипломаты. В докладной записке полпреда СССР в Японии М. М. Славуцкого заместителю наркома иностранных дел Б. С. Стомонякову от 5 марта 1938 г. сообщалось: «Главное место японская военщина отводит нам. В своих запросах депутаты (японские. — *Прим. ред.*)... говорят о неудовлетворенности японо-советскими отношениями; при этом некоторые прямо высказывают беспокойство, заявляя, что отношения с нами беспокоят деловые круги, но военщина запугивает их и ведет злобную кампанию против нас, организуя в парламенте агрессивного характера запросы, которые, как Ивакура (является директором дока Кавасаки, что само собой говорит о его связи с военщиной) 22 февраля, касаясь наших отношений (давление на концессии, рыболовный вопрос), заявляют о «необходимости не только дипломатических мер, но и применения силы». Были и такого рода выступления, что противоречия между СССР и Японией неизбежны и что поэтому «необходимо усиление военной подготовки против СССР». Араки (генерал, в прошлом военный министр. — *Прим. ред.*), прикрываясь демагогическими вывертами, выступил с очередной статьей о возможности японо-советской войны. Военный министр Сугияма во всех своих выступлениях в парламенте доказывал необходимость увеличения вооружений, мотивируя их увеличением «вооружения СССР и других стран». В своей защите законопроекта о мобилизации всей страны военный министр, как и остальные члены правительства, говорит о надвигающемся «национальном кризисе» и в первую очередь подчеркивает нас. Именно стремлением подготовиться к большой войне, с одной стороны, и стремлением к полной фашизации Японии, с другой, объясняется это упорное подчеркивание «национального кризиса», опасности войны с нами. Этим объясняется и организованно ведущаяся злобная кампания против нас»[223].

В связи с этим советское правительство было вынуждено занять жесткую позицию. В письме М. М. Славуцкому руководство НКИД отмечало: «Мы желали бы избежать дальнейшего обострения наших отношений с Японией и, исходя из этого, занимаем умеренную позицию в отношении ряда конфликтов. Однако провокационное поведение японских властей и позиция японского МИДа, к тому же еще подстегиваемого глубоко враждебным нам

Сигэмицу (посол Японии в СССР. — *Прим. ред.*), планомерно стремящихся к обострению наших отношений, вынуждают нас давать японцам отпор по ряду вопросов»[224].

После развертывания Японией войны в Китае Советский Союз единственный выступил в Лиге Наций за решительные санкции против агрессора. Не получив поддержки со стороны европейских правительств, СССР принял односторонние меры. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении, и СССР немедленно начал оказывать Китаю материальную помощь[225]. Кроме того, что советская позиция ясно демонстрировала нежелание СССР мириться с усилением агрессивных тенденций в политике Японии, его помощь Китаю была еще и существенным фактором, направленным на срыв японского плана блицкрига в этой стране и последующего развертывания агрессии против СССР.

Реакция Советского Союза на вторжение Японии в Китай вызвала противодействие японских руководителей. Опираясь на поддержку своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту, в июле — августе 1938 г. Япония предприняла попытку открытого нападения на территорию Советского Союза в районе озера Хасан, а в мае — сентябре 1939 г. — у монгольской реки Халхин-Гол. Развернувшиеся здесь события имели внутреннюю связь с событиями в Западной Европе, где в это время фашистская Германия также перешла к прямым актам вооруженной агрессии. Именно в 1938 г. гитлеровцы захватили Австрию и Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. — расчленили и ликвидировали независимую Чехословакию. Еще когда конфликт на Халхин-Голе не был разрешен, нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу. Очаги войны, вспыхивавшие то в одном, то в другом месте планеты, вскоре переросли в пожар мировой войны.

Открытому вторжению на территорию СССР предшествовали нарушения границ, которых только в период 1936—1938 гг. было отмечено 231, в том числе 35 случаев крупных боевых действий. 8 июля 1938 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков принял японского посла М. Сигэмицу и обратил его внимание на опасные действия японо-маньчжурской стороны, связанные с применением химического оружия[226].

Лишь решительный вооруженный отпор агрессивным акциям Японии в Приморье и в Монголии, у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, осуществленный Вооруженными силами Советского Союза и подкрепленный дипломатическими шагами Москвы, смог отрезвить японское политическое руководство и вынудить его изменить тактику выстраивания отношений с СССР при сохранении стратегического курса на подготовку к войне с ним.

Курс советского руководства на сближение с Германией способствовал смягчению противоречий между Москвой и Токио. Еще во время визита в Москву в августе 1939 г. И. фон Риббентроп в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым выразил готовность внести вклад в улаживание разногласий между СССР и Японией. Германское руководство подталкивало японского союзника к нормализации отношений с СССР и более активным выступлениям против Великобритании[227].

Ситуация изменилась летом 1940 г. с поражением Франции, Голландии и резким ослаблением международного влияния Великобритании. В правящих кругах Японии расценили сложившуюся обстановку как благоприятный шанс для развертывания японской экспансии в Юго-Восточной Азии. В июне советник полпреда СССР в Японии Я. А. Малик сообщал в НКИД: «Создается впечатление, что немцы не только дали согласие японцам не мешать им в осуществлении южной экспансии, но и определенно толкают Японию на этот шаг. Ибо за последнее время японская пресса открыто и нагло требует экспансии на юг, захвата Индокитая и Голландской Восточной Индии»[228].

При этом требовалась стабилизация отношений с СССР. Именно в июне 1940 г. было достигнуто двустороннее соглашение об уточнении границы в районе реки Халхин-Гол, в основном в соответствии с советскими пожеланиями.

2 июля посол Японии в Москве С. Того в беседе с В. М. Молотовым выдвинул предложение заключить соглашение о нейтралитете. Оно предусматривало поддержание мирных и дружественных отношений между обеими странами, уважение территориальной целостности друг друга. Ключевая статья предложенного японской стороной текста гласила: «Если одна

Ф. Коноэ

Ё. Мацуока

их договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»[229]. Вместе с тем японское предложение содержало неприемлемое для СССР условие положить в основу пакта советско-японский договор 1925 г., базировавшийся на Портсмутском договоре 1905 г. Японское предложение было направлено на то, чтобы уменьшить советскую помощь Китаю и обеспечить благоприятные условия для развертывания японской экспансии в Юго-Восточной Азии.

Японское правительство во главе с Ф. Коноэ, пришедшее к власти в июле 1940 г., одобрило программу внешнеполитических мероприятий, в которой в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» с применением в удобный момент военной силы. Программой предусматривалось: завершение войны в Китае, обеспечение за Японией района южных морей и создание «великой азиатской сферы совместного процветания». В программе выдвигались задачи: укрепление союза Японии с Германией и Италией; стабилизация японо-советских отношений заключением соглашения о ненападении с целью спокойной подготовки вооруженных сил к войне; осуществление активных мер по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии[230].

Заключение Тройственного пакта усилило международные позиции Японии в Азии. Вместе с тем зондаж возможности СССР присоединиться к Тройственному пакту, предпринятый во время визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., открывал возможности для улучшения советско-японских отношений.

30 октября 1940 г. новый японский посол в Москве заявил, что его правительство прекращает с СССР переговоры о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о заключении пакта о ненападении, аналогичного советско-германскому[231]. Тем самым японская сторона предлагала заключить более обязывающий и далеко идущий договор.

Подписание пакта о нейтралитете между СССР и Японией. 13 апреля 1941 г.

Однако советское руководство не было готово пойти на договоренности с Японией, которые могли бы заметно ухудшить отношения СССР с США и Китаем. Официально Москва увязывала заключение договора о ненападении с Японией с возвращением Советскому Союзу Южного Сахалина и передачей ему Курильских островов, утраченных ранее Россией[232]. Подобные условия были неприемлемы для Токио. Япония настаивала на заключении договора о нейтралитете, который сопровождался бы продажей Северного Сахалина Японии. Нарком В. М. Молотов ответил японскому послу, что о продаже Северного Сахалина не может быть и речи. Подобное предложение можно расценивать «только как шутку»[233]. Советское руководство держалось твердо и вместе с тем конструктивно, упорно добиваясь заключения с Японией именно пакта о нейтралитете. Японская сторона была не менее Советского Союза заинтересована в подобном соглашении.

12 марта 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока выехал в Европу. Одной из целей поездки было урегулирование отношений между Японией и СССР. 24 марта, будучи в Москве, он в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым выразил пожелание улучшить отношения Японии с Советским Союзом[234]. Советские руководители приветствовали подобные намерения. И. В. Сталин сказал, что считает улучшение отношений между двумя странами «не только необходимым, но и вполне возможным»[235].

После этого Ё. Мацуока отбыл в Берлин и Рим. Перед визитом японского министра А. Гитлер издал специальную директиву, в соответствии с которой целью германской политики было как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании. Во время бесед в Берлине А. Гитлер убеждал Ё. Мацуоку, что Япония получила чрезвычайно выгодный шанс

для нападения на Сингапур: «Никогда не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация»[236]. Директива запрещала сообщать японцам какую-либо информацию о «плане Барбаросса» — фюрер не доверял своему союзнику и слишком переоценивал свои силы.

Таким образом, германские руководители подталкивали Японию к активному участию в борьбе против Британской империи и ничего не сообщили представителям Токио о подготовке к нападению на Советский Союз. Не знал об этом и Б. Муссолини, с которым также встречался японский министр. Переговоры японского министра иностранных дел в Берлине оказали большое влияние на позицию японского руководства в отношении Советского Союза.

Вернувшись в Москву, на обратном пути в Токио, Ё. Мацуока 7 апреля 1941 г. в беседе с В. М. Молотовым вновь попытался предложить подписание двустороннего пакта о ненападении при одновременной продаже Северного Сахалина Японии. Нарком отметил, что было бы более правильно говорить о покупке Советским Союзом у Японии Южного Сахалина и части северных Курильских островов. На следующей встрече с В. М. Молотовым 9 апреля Ё. Мацуока, согласившись на заключение пакта о нейтралитете, продолжал возражать против ликвидации японских концессий на Северном Сахалине[237].

12 апреля состоялась беседа японского министра иностранных дел Ё. Мацуоки с И. В. Сталиным с участием В. М. Молотова. Японский министр заявил, что хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР и для этой цели готов «заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига... Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами». Он также подчеркнул, что у него «с молодых лет сложилось такое убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР... Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах». Ё. Мацуока подталкивал советских руководителей к экспансии в направлении южных морей, к тому, чтобы «стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана»[238].

И. В. Сталин в ходе беседы отметил: «СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам». Он поддержал мнение японского министра, «что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе»[239]. Тем самым советский лидер ясно давал понять, что он готов к сотрудничеству с Японией в Азии, но на советских условиях.

Со своей стороны, Токио был заинтересован в благожелательной позиции СССР при развертывании японской экспансии в южном направлении и нарастании противоборства с Британской империей. Именно к такому варианту развития событий японских руководителей подталкивал Берлин. В результате Ё. Мацуока согласился решить вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине путем обмена письмами между министрами иностранных дел Японии и СССР[240].

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Договор был заключен сроком на пять лет и предусматривал, что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В тексте соглашения говорилось, что если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Одновременно была подписана совместная декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и прояпонского государственного образования Маньчжоу-Го[241].

Посредством секретного обмена письмами между Ё. Мацуокой и В. М. Молотовым была оформлена договоренность о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине в течение нескольких месяцев после подписания пакта о нейтралитете (впоследствии,

после начала советско-германской войны, об этом японском обязательстве предпочитали не вспоминать).

На следующий день И. В. Сталин, вопреки советской практике и принятому протоколу, лично приехал на вокзал проводить Ё. Мацуоку. На перроне он на глазах у всех собравшихся подошел к германскому послу Ф. фон Шуленбургу и попросил его приложить максимум усилий, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Этот публичный акт должен был подчеркнуть стремление Кремля развивать хорошие отношения с Германией и Японией.

Заключение пакта о нейтралитете с Японией стало несомненным успехом советской внешней политики. Оно снижало напряженность в советско-японских отношениях и служило сдерживающим фактором в наращивании японской военной мощи у советских границ. В то же время Токио обеспечил себе благоприятные условия для развития экспансии в направлении южных морей. Российские исследователи отмечают: «Обе договаривающиеся стороны при этом преследовали свои цели. СССР стремился с помощью этого пакта уменьшить угрозу войны на два фронта: против Германии — на западе и Японии — на востоке. Япония же стремилась застраховаться от конфликта с СССР, когда она вступит в войну против Англии и США»[242].

Накануне нападения Германии на Советский Союз

Вся германская военная машина готовилась к началу войны против СССР. Одновременно Берлин развернул массированную кампанию дезинформации: германские войска якобы намеревались осуществить высадку на Британские острова. Великобритания оставалась единственным противником Третьего рейха, и в Лондоне не скрывали своих надежд на столкновение Германии с СССР.

В Берлине уточнялись отдельные аспекты «плана Барбаросса», вырабатывались общие политические директивы для командования вооруженными силами. 30 марта 1941 г. А. Гитлер собрал в рейхсканцелярии около 250 генералов и высших офицеров, которые должны были участвовать в ведении войны против СССР. Он заявил: «Предстоящую войну с Советским Союзом нельзя вести по обычным военным законам. Это будет война на уничтожение, борьба двух мировоззрений»[243]. Планировалось ликвидировать советский государственный и политический аппарат, территорию СССР колонизовать, а население превратить в послушную рабочую силу. Гитлеровское руководство ориентировало германские органы на проведение политики геноцида и расширения жизненного пространства рейха.

14 июня 1941 г. фюрер собрал еще одно большое совещание своих военачальников и вновь обосновал решение начать войну против Советского Союза в качестве важного шага для создания нацистской империи на Востоке. По свидетельству одного из участников совещания, «у собравшихся господствовало уверенное настроение». Вся военная подготовка агрессии исходила из предпосылки, что основные силы Красной армии будут уничтожены в течение шести — восьми недель в масштабных сражениях на окружение. Не позднее наступления зимы войска агрессоров должны были выйти на линию Архангельск — Волга — Астрахань[244]. С точки зрения международной политики реализация «плана Барбаросса» призвана была лишить Великобританию последнего потенциального союзника в Европе и расчистить гитлеровскому руководству путь к полному господству на континенте.

И. В. Сталин получал многочисленные предупреждения о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, но необходимо также учитывать и массированную кампанию по дезинформации, развернутую нацистскими спецслужбами. В Советском Союзе не исключали возможности изменения военно-политической ситуации в Европе в результате активизации действий Германии против Англии. Вместе с тем предпринимались и неко-

торые меры, которые могли служить инструментом давления на германское руководство, чтобы побудить его к новым переговорам. Неслучайно 6 мая 1941 г. И. В. Сталин занял пост председателя Совнаркома (главы правительства) СССР, а В. М. Молотов стал его заместителем и сохранил пост наркома иностранных дел. Комментируя назначение И. В. Сталина главой советского правительства, германский посол Ф. фон Шуленбург сообщал в Берлин: «Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией»[245].

В своей речи 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий[246] И. В. Сталин проводил мысль, что война на два фронта для Германии гибельна, никакой разумный политик на это не решится. Германское нападение на Советский Союз в 1941 г. он считал политически и стратегически неоправданным и поэтому маловероятным. Всю информацию, противоречившую его оценкам ситуации, он либо отвергал, либо ставил под сомнение.

Однако А. Гитлер расценивал обстановку лета 1941 г. иначе. Он считал, что западный фронт после падения Франции больше не существует, а Англия не является для Германии реальной угрозой на Европейском континенте. По мнению фюрера, основной надеждой британцев являлся как раз Советский Союз. И. В. Сталин недооценил авантюризм А. Гитлера, его ставку на блицкриг — быструю победоносную военную кампанию. С другой стороны, советский лидер опасался, что англичане достигнут соглашения с нацистским руководством на антисоветской основе. Эти его опасения усилились в связи с полетом 10 мая 1941 г. в Англию заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса. Он надеялся договориться с прогермански настроенными деятелями Великобритании о заключении мира на условиях Берлина, однако британские руководители не могли принять господство Германии в Европе, и миссия Р. Гесса не привела к желаемому результату[247].

Советское руководство прилагало максимум усилий, чтобы не раздражать А. Гитлера. В январе 1941 г. оно приняло германские предложения относительно окончательного урегулирования линии границы между двумя странами (до Балтийского моря) в связи с включением Литвы в состав СССР. Тогда же было подписано новое соглашение СССР и Германии о взаимных товарных поставках[248]. Советский Союз тщательно выполнял свои экономические обязательства в отношении Германии. В начале мая были предприняты новые шаги для сохранения отношений партнерства с Германией. В Москве были закрыты посольства Бельгии, Норвегии, Греции, Югославии, а их дипломатические представители вынуждены были покинуть Советский Союз.

Советский Союз, Великобритания и США предпринимали меры по улучшению своих отношений. Еще в апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по сути, переговоры между СССР и США, которые длились девять месяцев. В основном шло обсуждение экономических вопросов. На одной из встреч заместитель госсекретаря США С. Уэллес сообщил полпреду К. А. Уманскому имеющуюся у них информацию о готовившемся вторжении фашистской Германии в Советский Союз. В доверительном порядке он сказал: «По конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, германские военные планы заключаются в том, чтобы после достижения победы над Англией, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР. Американское правительство учитывает, что советское правительство, возможно, отнесется к этой информации с недоверием и будет рассматривать ее как пропаганду, интригу или неправду. Однако американское правительство подчеркивает, что располагает не подлежащими сомнению доказательствами правдивости этой информации, которую оно передает советскому правительству лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение»[249].

Не дождавшись реакции из Москвы, правительство США поручило своему послу в Москве Л. Штейнгардту довести эту информацию непосредственно до сведения советского правительства. 15 апреля 1941 г. посол сообщил заместителю наркома С. А. Лозовскому, что, по полученным посольством из Берлина достоверным сведениям, Германия готовит напа-

дение на Украину и сконцентрировала против Молдавии восемь дивизий. Л. Штейнгардт просил довести эту информацию до В. М. Молотова. Однако С. А. Лозовский заметил, что он не думает, чтобы Германия напала на СССР, Советский Союз всегда готов и не даст захватить себя врасплох[250].

Сложные отношения у СССР были с Великобританией. Прилет в Англию Р. Гесса получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР, возникновения англо-германской коалиции в войне против нашей страны. Советская разведка с 1937 г. сообщала об англо-германском сближении, переговорах, которые велись в Лондоне и Берлине. Полученное в Москве после прилета Р. Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу. Начиная с 14 мая поступали сведения о встречах Р. Гесса, позволявшие сделать вывод, что это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. Неслучайно англичане надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Р. Гесса[251].

После публикации 14 июня 1941 г. заявления ТАСС, которое было адресовано не только Берлину, но и Лондону, и Вашингтону[252], А. Иден сообщил И. М. Майскому о готовности Великобритании оказать СССР помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии и немедленно сделать об этом сообщение правительства[253]. А через два дня, 15 июня, У. Черчилль известил Ф. Рузвельта о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил его поддержку. Однако эта информация не была доведена до советского руководства[254].

Таким образом, внешнеполитическая деятельность Советского Союза, направленная на то, чтобы уберечь страну от войны с фашистской Германией, не оправдалась. Однако было выиграно трудное сражение за союзников, хотя и дорогой ценой. Буквально накануне нападения Германии и ее сателлитов на Советский Союз между СССР, Великобританией и США была достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии. С началом Великой Отечественной войны в истории внешней политики и дипломатии наступил совершенно новый этап.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–12 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 12–15.

[2] Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 576.

[3] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–12 марта 1939 г. Стенографический отчет. С. 12–15.

[4] Интересную характеристику английским «умиротворителям» дал президент Ф. Рузвельт на частном обеде с полпредом К. А. Уманским 30 января 1939 г.: «Должен сообщить Вам по секрету и прошу не разглашать вне семейного круга: правительство Англии заболело тяжелым психическим заболеванием, среди них повальная эпидемия политического самоубийства. Кто этого не знает, тот ничего в английской политике не понимает» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Л. 35).

[5] Системная история международных отношений. 1918–2000 гг. В 4-х т. М., 2000–2004. Т. 2. Документы 1910–1940 гг. М., 2000. С. 165.

[6] Официально назначение В. М. Молотова было оформлено указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. (см.: Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 327).

[7] Указанные лица прибыли в здание НКИД утром 4 мая и участвовали в своеобразном представлении руководящего состава наркомата В. М. Молотову. Процедура происходила в форме индивидуальных бесед, а точнее — ответов на вопросы прибывших. При этом присутствовал и М. М. Литвинов. Подробнее см.: *Рощин А. А.* НКИД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1995.

[8] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 45.

[9] Российская дипломатия в свете мирового и исторического опыта. Ученые записки МГИМО МИД России. М., 1996. С. 62–63.

[10] Как писал в своей статье о Вышинском его бывший помощник — известный дипломат, а впоследствии профессор МГИМО И. Г. Усачев: «[Вышинский] не зарекомендовал себя как большой специалист по переговорам, где требуется вдумчивость, умение анализировать, разгадывать ходы противника, видеть пределы возможных уступок с его стороны и чувствовать, где нельзя переходить рубеж» (*Усачев И. Г.* Последняя роль (воспоминания дипломата) // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 381). Еще более определенно о Вышинском высказывался А. А. Громыко: «Дипломатии он никогда не учился и фактически к ней не приобщился... Я должен со всей ответственностью заявить, что фигура Вышинского зловещая» (*Громыко А. А.* Памятное. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 511).

[11] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 2. Л. 4–7.

[12] Дипломатический ежегодник. М., 1990. С. 499–500.

[13] Институт (сначала курсы) был учрежден в 1934 г., а в 1936 г. состоялся его первый выпуск. Из 30 выпускников только 16 были направлены на работу в НКИД (Дипломатический ежегодник. М., 1994. С. 195).

[14] *Селянинов О. П.* Тетради по истории дипломатической службы государств. М., 1992. С. 131–132.

[15] Там же. С. 130.

[16] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 631.

[17] В 1940 г. М. М. Литвинов был выведен из состава ЦК ВКП(б).

[18] История дипломатии. М., 1945. В 3-х т. Т. 3. С. 675.

[19] Там же. С. 677.

[20] Интересно, что первой страной, признавшей «европейское приобретение» Италии — Албанию, стала Литва. Так, в письме от 1 августа 1939 г. поверенный в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанд сообщал: «Новый литовский посланник в Риме Лозорайтис вручил на днях здесь верительные грамоты, в тексте которых указан титул не только императора Абиссинии, но и короля Албании. Литва, таким образом, оказалась первой европейской страной, фактически признавшей захват Албании». В постскриптуме Л. Б. Гельфанд добавляет: «Перед уходом диппочты аналогичные верительные грамоты вручил и новый норвежский посланник» (Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 566).

[21] Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 90.

[22] Documents of Britisch Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. London, 1953. P. 763–764.

[23] Foreign Relation of the United States. 1939. Vol. 1. Washington, 1956. P. 294.

[24] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 244.

[25] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 584.

[26] См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2005. С. 54–57; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 242–245.

[27] Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 119.

[28] *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941 гг. М., 1997. С. 71.

[29] См.: СССР — Германия. 1939–1941 гг. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 194–197.

[30] См.: Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 184–185.

[31] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 245–246.

[32] *Робертс Дж.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до холодной войны / Пер. с англ. М., 2014. С. 61.

[33] См.: Документы внешней политики. 1939 г. Кн. 1. М., 1992. С. 606–607; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 246.

[34] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 246.

[35] Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 45.

[36] См.: *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 287.

[37] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 462.

[38] Там же. Т. XXII. Кн. 1. С. 632.

[39] Известно, что права России на владение территорией Литвы, Латвии и Эстонии были закреплены Ништадтским мирным договором 1721 г. Этот договор, входящий в корпус международно-правовых актов, из которых многие почти трехсотлетней давности, — основа легитимности территорий современных государств мира. Россия навечно получила эти территории не просто как победитель в Северной войне, но в результате их покупки — уплаты Российским царским двором Шведскому королевству «двух миллионов ефимков... с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным» (См.: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 122; *Нарочницкая Н. А.* Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М., 2010. С. 136).

[40] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 248.

[41] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 647.

[42] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 69–70.

[43] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 626.

[44] *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 116.

[45] Очерки истории Российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 3. 1933–1944 гг. М., 1997. С. 289–290.

[46] Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 323.

[47] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 26.

[48] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 251.

[49] Там же. С. 252.

[50] *Робертс Дж.* Указ. соч. С. 67.

[51] Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 230.

[52] Правда. 18 октября 1939 г.

[53] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 146.

[54] *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* История внешней политики США. М., 2012. С. 237–238.

[55] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 96.

[56] Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 221.

[57] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 134.

[58] Там же. С. 135–136.

[59] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Л. 60.

[60] См.: *Нарочницкая Н.* Указ. соч. С. 139.

[61] Об этом свидетельствуют документы Архива германской внешней политики, опубликованные в Военно-историческом журнале (См.: *Горлов С.* СССР и территориальные проблемы Литвы / Военно-исторический журнал. 1990. № 7).

[62] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 138–140, 161–163, 173–175.

[63] Там же. С. 191.

[64] *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949 г.). София, 1997. С. 184–185.

[65] Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 г. М., 1990. С. 52.

[66] СССР и Литва в годы Второй мировой войны В 2-х т. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. Вильнюс, 2006. С. 364.

[67] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 136–137.

[68] СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. В 2-х т. Т. 2. Вильнюс, 1989. С. 28.

[69] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013. С. 48–51.

[70] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 334.

[71] Там же.

[72] Там же. С. 335.

[73] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 344.

[74] *Кекконен У.* Финляндия и Советский Союз / Пер. с фин. М., 1975. С. 233.

[75] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 355–358.

[76] *Paasikivi J. K.* Toimintani Mosskovassa jaSuomessa 1939–41. I. Njkvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 124.

[77] Известия. 16 декабря 1939 г.

[78] Зимняя война 1939–1940 гг. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998. С. 276.

[79] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 387.

[80] *De Réau E.* Edouard Daladier 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 403–405.

[81] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 140–143.

[82] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 444.

[83] Цит. по: История международных отношений. В 3-х т. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. М., 2012. С. 375–376.

[84] *De Réau E.* Edouard Daladier 1884–1970. P. 389.

[85] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. В 3-х кн. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 261.

[86] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 113.

[87] *Смирнов В. П.* Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 85.

[88] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 344.

[89] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 396–397.

[90] История Франции. Т. 3. М., 1973. С. 227–228.

[91] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 106.
[92] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 399.
[93] Там же. С. 395.
[94] *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 306.
[95] См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 91–92.
[96] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. В 2-х т. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. С. 339, 341.
[97] См.: Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 31–38; От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 184.
[98] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М., 1994. С. 123.
[99] См.: Великая Отечественная война в 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 330–331.
[100] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953 гг. М., 2008. С. 77.
[101] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. С. 599.
[102] *Урбшис Ю.* Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 57.
[103] СССР — Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 2. С. 55.
[104] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 332.
[105] Там же.
[106] 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллин, 1989. С. 155–160.
[107] Известия. 2 августа 1940 г.
[108] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 334–335.
[109] Известия. 30 марта 1940 г.
[110] АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19.
[111] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 365.
[112] Там же. С. 374.
[113] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. Примечания. М., 1998. С. 801.
[114] Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1935–1941 гг. М., 2000. С. 310–315.
[115] *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* Указ. соч. С. 242–243.
[116] СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 2. С. 74, 108.
[117] Подробнее см.: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М., 2008.
[118] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 546.
[119] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 103.
[120] История дипломатии. Документы и материалы. В 5-ти т. 2-е изд. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 102.
[121] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. Примечания. С. 813.
[122] Там же. Ч. 1. С. 30–32.
[123] Там же. С. 41.
[124] Там же. С. 49.
[125] Там же. С. 73.
[126] Там же. С. 81.
[127] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 163. Л. 2–3.
[128] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 203.
[129] *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 328.

[130] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 124–128.

[131] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 79.

[132] Там же. С. 136–137.

[133] *MacSherry J.* Stalin, Gitler and Europe. Vol. 1. The Origins of World War II 1939–1945. Cleveland, 1968. P. 22.

[134] *Coox A.* Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. N. Y., L., 1985. Vol. II. Supercover.

[135] *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L.; N. Y., 1989. P. 83.

[136] Ibid. P. 84.

[137] Ibid.

[138] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 89. Л. 64.

[139] Там же. Ф. 146. Оп. 29. Д. 31. Л. 557.

[140] Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56.

[141] Там же. Л. 56–57.

[142] Там же. Л. 57–58.

[143] Там же. Оп. 3. Д. 165. Л. 101.

[144] Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67.

[145] Там же. Оп. 3. Д. 162. Л. 104.

[146] Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67.

[147] Внешняя политика СССР. Сб. документов. М., 1946. Т. 4. С. 547.

[148] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 109–110, 137–138.

[149] Там же. С. 344.

[150] СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941 гг. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 400.

[151] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 444.

[152] Там же. С. 514.

[153] Там же. С. 522–523.

[154] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 77.

[155] Вооруженные силы Китая. История и современность. М., 1989. С. 81.

[156] См.: Там же.

[157] Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С. 26.

[158] См.: Конфликт на КВЖД. Из истории советских Вооруженных сил. Хабаровск, 1989.

[159] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110-ти т. Т. 8. Дайхонэй рикугун бу (Секция сухопутных войск ставки). Ч. 1. Сёва дзюгонэн гогацу мадэ (до мая 1941 г.). Токио, 1967. С. 138–139.

[160] Квантунская армия представляла собой крупное объединение сухопутных войск Японии. До сентября 1931 г. постоянно дислоцировалась на территории Квантунской области (Ляодунский полуостров Северо-Восточного Китая), затем — в Маньчжурии (до августа 1945 г.), превратившись в стратегическую Квантунскую группировку войск, включавшую три фронтовых объединения.

[161] *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. Историографический анализ. М., 2010. С. 202.

[162] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 336.

[163] *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 99–100.

[164] Там же. С. 100.

[165] Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-исторический очерк. М., 1989. С. 15.

[166] Там же.

[167] См.: *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 96.

[168] *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. P. 19, 29–30.

[169] История войны на Тихом океане / Пер. с яп. В 5-ти т. Т. II. М., 1957–1958. С. 340–342.

[170] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 36.

[171] Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М., 2012. С. 8–9.

[172] Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 37–38.

[173] Великая Победа: многотомное продолжающееся издание. Т. VIII. Расплата. М., 2011. С. 85.

[174] Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Документы и материалы. Кн. 1. 1937–1944 гг. М., 2000. С. 163.

[175] *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 2. М., 2006. С. 329.

[176] Рихард Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971. С. 209.

[177] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 47. Л. 97.

[178] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 167–175; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. С. 72.

[179] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 37; Д. 1303. Л. 21; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1944 гг. С. 308–309; Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1995. С. 87.

[180] Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 92.

[181] Там же. С. 94.

[182] *Яковлев В. П., Боброва К. В.* Рожденный летать и сражаться. Документальная повесть. М., 2012. С. 105.

[183] *Сапожников Б. Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.

[184] Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 108.

[185] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 40.

[186] *Coox A.* Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Vol. 1. P. 145–147.

[187] Советско-монгольские отношения 1921–1974 гг. Документы и материалы. М., 1975. Т. 1. С. 548.

[188] Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 666; История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 71–72.

[189] Frankfurter Zeitung. Januar 13, 1937.

[190] *Coox A.* Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Vol. 1. P. 147.

[191] АВП РФ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 180. Л. 27, 38.

[192] Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 157.

[193] *Хэ Ли.* Канжи чжаньчжэн ши (История войны сопротивления Японии). Шанхай, 1987. С. 117; *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974 гг. М., 1977. С. 129–132, 265; Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-исторический очерк. С. 181–182.

[194] *Хэ Ли.* Канжи чжаньчжэн ши (История войны сопротивления Японии). С. 273.

[195] Шицзе лиши. 1987. № 4. С. 9.

[196] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения / Пер. с кит. М., 1953. Т. 3. С. 79.

[197] История войны на Тихом океане. Т. II. С. 183–184.

[198] The Far Eastern Situation. Lecture Delivered 17 Oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. P. 8.

[199] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. С. 74.

[200] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 204.

[201] Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 21.

[202] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Док. № 497. С. 671–672; Док. № 498. С. 673.

[203] См.: *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии. Сентябрь 1939 — декабрь 1941 г. М., 1959. С. 101.

[204] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 175.

[205] *Чуйков В. И.* Миссия в Китае. М., 1983. С. 220.

[206] *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 152, 169.

[207] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.

[208] *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 94.

[209] *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. М., 2007. С. 46–47, 67; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 148; *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006. С. 27–28.

[210] Впервые правительство СССР обратилось к Токио с предложением о подписании между двумя государствами договора о ненападении в мае 1927 г., что было встречено в штыки командованием японской армии, считавшей, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий». Попытка посла СССР в Японии А. А. Трояновского 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Г. Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Г. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время» (См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2002. С. 35; Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969. С. 16; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. С. 147).

[211] Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 746.

[212] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 167.

[213] *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Указ. соч. С. 29–30; *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 95.

[214] Осака асахи. 30 ноября 1932 г.

[215] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. Д. 10. Л. 20.

[216] *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 96; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. С. 154, 156; *Сафронов В. П.* Указ. соч. С. 169–170.

[217] *Сафронов В. П.* Указ. соч. С. 131.

[218] War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N. Y., 1966. P. YII.

[219] War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 11. Fundamental Policy to Deal with the China Incident (Decided at the Council in the Imperial Presence on January 1938). P. 1.

[220] Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 25.

[221] War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Appendix No. 2. Hayashi Cabinet's China Policy and Guidance Principles for North China. P. 11–111.

[222] ЦХИДК. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 23.

[223] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 47. Л. 79.

[224] Там же. Л. 9–10.

[225] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 175; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. С. 167–175.

[226] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 58. Л. 193–194.

[227] СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 1. С. 65–66.

[228] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 333–334.

[229] Там же. С. 402.

[230] *Кошкин А. А.* Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 137.

[231] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 10–11.

[232] Там же. С. 111–112.

[233] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 313.

[234] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 497–502.

[235] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 314.

[236] *Кошкин А. А.* Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 140.

[237] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 317–318.

[238] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 561.

[239] Там же. С. 562.

[240] Там же. С. 563–564.

[241] Там же. С. 565–566.

[242] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 104.

[243] *Проэктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 267.

[244] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 47.

[245] СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 162.

[246] Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.

[247] *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 222–227.

[248] Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 292–294.

[249] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 246.

[250] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 390–391.

[251] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 гг. С. 433–440.

[252] Правительства Великобритании и США заявляли, что окажут помощь СССР, если он подвергнется неспровоцированной агрессии.

[253] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2-х кн. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 года. М., 2006. С. 407–408.

[254] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 391.

ПЕРЕСТРОЙКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИИ СССР НА ВОЕННЫЙ ЛАД

Начало войны и новые задачи внешней политики СССР

С первых дней войны обеспечение необходимых международных условий для организации отпора фашистской агрессии, освобождения захваченных советских территорий и полного разгрома врага стало стратегической задачей советской внешней политики. Важнейшей предпосылкой ее решения было создание прочной коалиции с противниками Германии. Успех во многом зависел также от широкой мобилизации международных общественных и политических сил в поддержку борьбы с агрессорами.

Приоритетом отечественной дипломатии становилось установление надежного сотрудничества с западными державами в военной, политической и экономической областях. В драматической ситуации начального периода войны особую важность для СССР приобрела их материальная помощь, прежде всего поставки союзниками вооружения. Главной задачей в работе с западными державами было скорейшее открытие второго фронта в Европе.

Политическое значение качественно новых отношений Советского Союза с западными державами, создание с ними коалиции выходили за рамки сугубо военного взаимодействия на время войны. Установление союзнических связей между СССР и капиталистическими государствами, десятилетиями проводившими откровенно антисоветскую политику, означало крах попыток сдерживания и изоляции Советского Союза на международной арене, признание его роли в мировых делах. Это требовалось закрепить политико-дипломатическими средствами.

Изменившиеся реалии необходимо было использовать для обеспечения долгосрочных интересов СССР. Уже тогда нужна была развернутая программа послевоенного урегулирования, нацеленная на надежное укрепление международной стабильности и советских внешнеполитических позиций. Требовалось согласовать с западными союзниками общую линию государств, противостоящих фашистскому блоку, в вопросе об ответственности военных преступников.

Взяв курс на установление тесного взаимодействия с противниками нацистской Германии, отечественная дипломатия придавала первостепенное значение диалогу с Великобританией. Однако даже перед лицом общей опасности найти верную тональность для обеспечения партнерского диалога с Лондоном было непросто. Перестройку советско-английских

Расчет немецкой гаубицы

Советский бронепоезд, уничтоженный немецкой артиллерией у Новоград-Волынского

Румынские артиллеристы ведут огонь из пушки во время боя в Молдавии

Немецкий пулеметный расчет на позиции в Литве

отношений затрудняли не только идеологические противоречия и различия в общественно-политическом строе СССР и Великобритании, предопределившие конфронтацию между ними в 1920–1930-е гг. Взаимное недоверие и настороженность основывались и на недавнем политическом опыте.

Английская политика во многом способствовала ремилитаризации Германии, росту там реваншистских настроений и агрессивности. Англия осенью 1938 г. активно участвовала в мюнхенском сговоре с А. Гитлером и Б. Муссолини, приведшем к гибели Чехословакии и развалу важной межгосударственной структуры, обеспечивающей безопасность в Европе. Именно на английской стороне лежала значительная доля вины за срыв в августе 1939 г. советско-англо-французских переговоров о заключении договора взаимопомощи. Не забыты были, конечно, и военные приготовления англичан против Советского Союза весной 1940 г.

В то же время в британских политических кругах болезненно воспринимали заключение советско-германского договора о ненападении и поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 г., а также Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. Негативно реагировали в Великобритании и на присоединение Прибалтийских республик к СССР. Кроме того, некоторые представители английской стороны высказывали серьезные сомнения в способности СССР отразить немецкую агрессию.

Тем не менее Советский Союз и Великобритания смогли в изменившейся обстановке достаточно быстро найти общий язык, хотя трения между ними, порой серьезные, существовали в течение всей войны. Большое значение для делового советско-английского диалога имели переписка и личные контакты между руководителями обеих стран.

Важным шагом к установлению подлинно союзнических отношений между СССР и Великобританией стало заключение 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии. В его основе лежали взаимные обязательства сторон об оказании друг другу помощи и поддержки всякого рода, а также отказе от ведения сепаратных переговоров с противником и заключения с ним сепаратного мира. Соглашение положило начало формированию антигитлеровской коалиции, стало первым документом, в котором СССР и Великобритания выступили как равноправные партнеры, взявшие на себя вполне конкретные обязательства по отношению друг к другу.

Непросто накануне фашистского вторжения в СССР складывались советско-американские отношения. Только в январе 1941 г. США отказались от «морального эмбарго» применительно к СССР, введенного в связи с Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и серьезно сказавшегося на двусторонних связях. В американских правящих и деловых кругах, в конгрессе постоянно ощущались антисоветские настроения.

Бывший английский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж в мае 1941 г. заметил в этой связи в беседе с И. М. Майским, что «сейчас Уолл-стрит более враждебен к СССР, чем лондонский Сити. В результате получается, что когда британское правительство даже хочет сделать какой-либо шаг для улучшения советско-английских отношений, Вашингтон ставит ему палки в колеса»[1]. На двусторонних советско-американских отношениях болезненно сказывался также целый ряд дипломатических инцидентов.

Как подчеркнул В. М. Молотов в беседе с американским послом Л. Штейнгардтом 29 июня 1941 г., в Советском Союзе оценили позицию, занятую США в связи с нападением Германии, как «не вполне ясную»[2]. Но главное — Вашингтон не спешил оказать помощь СССР: на советские заявки о поставках военных материалов и промышленного оборудования реакция американских правящих кругов была явно замедленной. Не складывался и политический диалог.

Советский Союз также беспокоила неопределенность позиции США в отношении Японии. На фоне ставшей вполне серьезной угрозы японского нападения на советский Дальний Восток перед советской дипломатической службой была поставлена задача выяснить, «какие меры американское правительство может и хочет предпринять для предотвращения или затруднения выступления против СССР Японии и какова будет его позиция в случае такого

выступления». Посол СССР в США получил прямые указания добиваться от президента Ф. Рузвельта публичного или конфиденциального демарша перед правительством Японии с целью предупредить последнее против враждебных действий в отношении СССР[3]. Однако американские должностные лица, в том числе президент США, предпочитали не давать ответа на прямо поставленные советской стороной вопросы[4].

Но постепенно советско-американские отношения стали наполняться практическим содержанием. Полезной в этом плане оказалась поездка в Москву в конце июля 1941 г. советника президента США Г. Гопкинса, по итогам которой в Соединенных Штатах сделали вывод об отсутствии в СССР пораженческих настроений и целесообразности оказания ему помощи[5].

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Советского Союза в годы войны стало противодействие расширению фашистской коалиции и пресечению попыток распространения влияния стран оси на сопредельные СССР нейтральные государства. Особого дипломатического мастерства потребовала настойчиво и целенаправленно проводившаяся деликатная дипломатическая работа по использованию противоречий в коалиции агрессоров для ее ослабления и перехода на сторону антифашистского союза ее участников. В интересах антифашистской борьбы умело использовались возможности нейтральных государств. Для более оперативной работы по развитию отношений с представительствами расположенных в Лондоне эмигрантских правительств и в связи большой загруженностью посла СССР в Великобритании И. М. Майского было решено создать в Лондоне еще один дипломатический пост — посла при находившихся там союзных правительствах. Первым на этот пост был назначен опытный дипломат А. Е. Богомолов[6].

Перед советской внешней политикой стояла также масштабная задача оказания помощи народам оккупированных стран Европы. Необходимо было не только содействовать их вооруженной борьбе с фашистскими поработителями, обеспечить освобождение оккупированных государств, но и оказать помощь восстановлению ими утраченной государственности и национального суверенитета.

С первых месяцев Великой Отечественной войны НКИД развернул энергичную работу по установлению и нормализации отношений с правительствами оккупированных нацистской Германией государств. Особый акцент при этом был сделан на славянские государства Восточной Европы, народы которых имели многовековой опыт противостояния германской экспансии и угнетению. В этих государствах сопротивление гитлеровским захватчикам носило наиболее организованный и массовый характер. В первую очередь руководство НКИД приняло меры по установлению отношений с находившимися в эмиграции правительствами Чехословакии и Польши.

Восстановление в июле 1941 г. дипломатических связей между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой (ЧСР), ставшей одной из первых жертв агрессивной гитлеровской политики, приобрело большое политическое и пропагандистское звучание. СССР и ЧСР договорились о формировании национальных чехословацких воинских частей на советской территории. Позднее возглавляемое Э. Бенешем чехословацкое правительство в эмиграции первым выступило за заключение с Советским Союзом договора о взаимопомощи не только во время войны, но и в послевоенный период.

Труднее развивался диалог с находившимся в Лондоне польским правительством в эмиграции. Взаимопонимание сторон осложняло наследие 1939 г. Изменению ситуации способствовала заявленная советской стороной политика воссоздания независимого государства в границах национальной Польши. При этом вопрос о характере государственного режима в возрожденной Польше советское правительство считало ее внутренним делом[7]. Советская сторона придавала большое значение нормализации отношений с польским правительством в эмиграции. В начале декабря 1941 г. состоялся визит в Москву его главы генерала В. Сикорского, которого лично принял И. В. Сталин. Результатом визита стала межправительственная декларация «О дружбе и взаимной помощи», подписанная сторонами 4 декабря 1941 г.[8]

Ф. Рузвельт

Г. Гопкинс

Визит в Москву Г. Гопкинса — близкого друга и советника президента США Ф. Д. Рузвельта. Конец июля 1941 г.

С О Г Л А Ш Е Н И Е

О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ.

Правительство Союза ССР и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.

Настоящее Соглашение заключено в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

Оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, "12" июля 1941 года.

ПО УПОЛНОМОЧИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР - ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И НАРОДНЫЙ КОМИССАР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ПО УПОЛНОМОЧИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ - ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СССР

С О Г Л А Ш Е Н И Е
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ О ВЗАИМНЫХ ПОСТАВКАХ, КРЕДИТЕ И ПОРЯДКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (называемое ниже "Правительство Соединенного Королевства"), желая договориться о взаимных поставках и о связанных с ними платежах, согласились о следующем:

<u>Статья 1</u>

а) Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства условились поставлять друг другу товары. Такие взаимные поставки товаров будут регулироваться особыми списками, подлежащими согласованию между обеими Договаривающимися Сторонами. Эти списки могут дополняться или изменяться по соглашению между обеими Договаривающимися Сторонами.

б) Если какая либо Договаривающаяся Сторона попросит другую Сторону действовать в качестве ее агента по закупке любых товаров в третьих странах, то такая сделка

не будет подпадать под действие настоящего Соглашения.

Статья 2

Если не будет иной письменной договоренности, принятие товаров, поставляемых согласно статьи 1 настоящего Соглашения, будет производиться:

а) в случаях, когда отправка совершается на судах иных, чем суда продавца,- в порту отгрузки; и

б) в случаях, когда отправка осуществляется на судах продавца,- в порту разгрузки.

Статья 3

а) Цены, взимаемые продавцом с покупателя за товары, поставляемые согласно статьи 1 настоящего Соглашения, будут основываться на мировых ценах. Однако, в отношении цены на любой товар, касательно которого Правительство Соединенного Королевства имеет или будет иметь соглашение с Правительством любого иностранного государства, заключенное после 2-го сентября 1939 года, Союз Советских Социалистических Республик будет пользоваться режимом по крайней мере столь же благоприятным, каким пользуется эта страна.

б) Цены будут во всех случаях исчисляться фоб порт отгрузки; покупатель будет оплачивать фрахт от этого порта и далее и будет нести риски морской перевозки.

в) Все контракты будут заключаться в фунтах стерлингов, причем цены, которые нормально котируются в долларах США, будут пересчитываться в фунты стерлингов по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день заключения контракта.

Статья 4

Торговая Делегация Союза Советских Социалистических Республик в Соединенном Королевстве и Британское Правительственное Бюро по страхованию от военных рисков договорятся о страховании от морского и военного рисков товаров, закупленных советскими организациями согласно настоящему Соглашению, советских судов, совершающих перевозку этих товаров, а также золота и таких других, принадлежащих Союзу Советских Социалистических Республик, грузов и судов, обслуживающих перевозку этих грузов, которые время от времени будут согласовываться между Договаривающимися Сторонами.

Статья 5

а) Все платежи между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством за предусмотренные настоящим Соглашением поставки будут производиться, по получении уведомления о том, что поставки товаров произведены, в фунтах стерлингов через счет, который должен быть открыт в Банке Англии (ниже называемый "Счет") на имя Государственного

Банка Союза Советских Социалистических Республик. Для этой цели Государственный Банк Союза Советских Социалистических Республик и Банк Англии совместно договорятся о технических мероприятиях, необходимых для осуществления указанных платежей.

б) Погашение Правительством Союза Советских Социалистических Республик существующей задолженности по Соглашению о гарантии экспортных кредитов 1936 года может также производиться в каждый трехмесячный период через Счет, в пределах стоимости товарных поставок Правительства Союза Советских Социалистических Республик по настоящему Соглашению за этот период.

в) Через Счет могут также производиться другие платежи, о которых оба Банка могут время от времени договариваться с одобрения их соответствующих Правительств.

Статья 6

Счет будет балансироваться тридцать первого октября 1941 года и впоследствии в конце каждого трехмесячного периода. Всякое дебетовое сальдо будет регулироваться следующим образом:

а) В размере 40% - фунтами стерлингов, полученными Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик от продажи Банку Англии долларов США или золота, подлежащего доставке в центры, согласо-

ываемые между Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик и Банком Англии, или поставкой платины в таких количествах, которые Правительство Соединенного Королевства будет время от времени устанавливать, причем стоимость этой платины в фунтах стерлингов будет согласовываться между обоими Правительствами.

Продажи долларов США Банку Англии будут производиться по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день продажи.

Продажи золота Банку Англии будут производиться, при отсутствии иной договоренности между Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик и Банком Англии, по официальной цене золота в США в день продажи, причем доллары США будут пересчитываться в фунты стерлингов по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день продажи.

б) В размере 60%-в фунтах стерлингов, подлежащих внесению на Счет Правительством Соединенного Королевства в порядке кредитования Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Всякое кредитовое сальдо будет находиться в свободном распоряжении Государственного Банка Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 7

а) Общая сумма ссуд, предоставленных согласно настоящему Соглашению Правительством Соединенного Королевства Правительству Союза Советских Социалистических Республик, не будет превышать суммы в десять миллионов фунтов стерлингов. Когда общая сумма этих ссуд будет приближаться к указанной сумме в десять миллионов фунтов стерлингов, Договаривающиеся Стороны войдут в переговоры о дальнейшем кредите, который будет предоставлен на тех же условиях и использован в тех же целях,которые изложены в настоящем Соглашении.

б) Сумма каждой выдаваемой таким образом ссуды будет погашаться в фунтах стерлингов или в долларах США, по выбору Правительства Союза Советских Социалистических Республик,- пятью равными годовыми взносами, из которых первый будет уплачен в конце третьего года и последний в конце седьмого года,считая в каждом случае со дня выдачи ссуды.

в) Проценты, считая каждый раз со дня выдачи ссуды, по ставке три процента годовых от суммы задолженности по ссудам,будут оплачиваться в фунтах стерлингов или в долларах США, по выбору Правительства Союза Советских Социалистических Республик,по полугодиям - тридцатого апреля и тридцать первого октября.

г) Пересчет фунтов стерлингов в доллары США, в целях исчисления платежей согласно настоящей статьи, будет производиться по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день наступления срока платежа.

Заключительная статья

Настоящее Соглашение войдет в силу в день подписания и будет действовать в течение всего периода использования кредитов и производства поставок по этому Соглашению.

В свидетельство чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими соответствующими Правительствами для этой цели, подписали настоящее Соглашение и приложили к нему свои печати.

Совершено в Москве в двух экземплярах 16 Августа 1941 года, на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

От имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик

А. Микоян

От имени Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии

R Stafford Cripps

Д О Г О В О Р

МЕЖДУ СССР И СОЕДИНЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ О СОЮЗЕ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СООБЩНИКОВ В ЕВРОПЕ И О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии,

желая подтвердить условия Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным договором;

желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими Об"единенными Нациями при выработке Мирного Договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Великобритании от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае нападения на одну из Высоких договаривающихся Сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе,

решили с этой целью заключить Договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Вячеслава Михайловича Молотова, Народного Комиссара Иностранных Дел,

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Достопочтенного Антони Идена, Члена Парламента, Министра Иностранных Дел Его Величества,

которые по пред"явлении своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть I

Статья I. В силу союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья II. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

Часть II

Статья III./I/ Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании об"единиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

/2/ Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья IУ. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье Ш /пункт 2/, в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон она будет признана излишней, в виду принятия ими предложений, упомянутых в статье Ш /I/. Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи УШ.

Статья У. Высокие Договаривающиеся Стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Об"единенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья УI. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья УП. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья УШ. Настоящий Договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в Москве возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть I-я настоящего Договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть II-я настоящего Договора остается в силе на период 20 лет. После того, если одна из Договаривающихся Сторон в конце указанного периода в 20 лет не сделает за 12 месяцев до срока заявления о своем желании отказаться от Договора, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся Сторон не сделает 12-месячного письменного

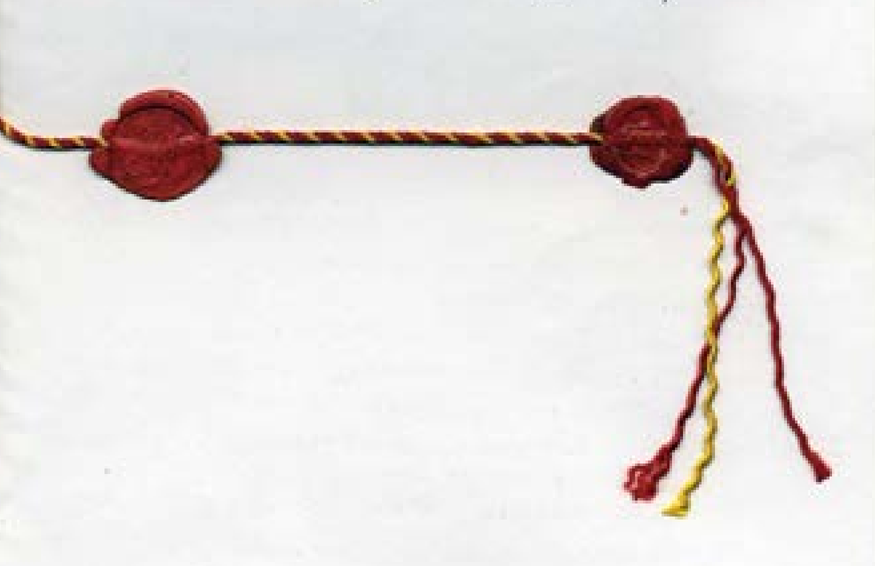
предупреждения о своем намерении прекратить его действие.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в Лондоне в 2-х экземплярах на русском и английском языках 26 мая 1942 года.

Оба текста имеют одинаковую силу.

В. Молотов Anthony Eden

ОСОБО СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

Конференции в составе Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки г-на К.Халла, Министра Иностранных Дел Соединенного Королевства г-на А.Идена и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик В.М.Молотова, происходившей в Москве 19-30 октября 1943 года.

В обсуждении участвовали:

от США - г-н Гарриман, генерал-майор Дин, бригадный генерал Ванденбург, капитан Уэйр.

от Великобритании - г-н Керр, генерал Исмей.

от СССР - Маршал К.Е.Ворошилов, А.Я.Вышинский, генерал-майор Грызлов.

"РАССМОТРЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОКРАЩЕНИЮ СРОКОВ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ В ЕВРОПЕ"

(Внесено Советской Делегацией 19 октября 1943 г.)

По поставленному в повестке дня Конференции представителей Правительства США, Соединенного Королевства и СССР вопросу Народный Комиссар Иностранных Дел В.М.Молотов внес 19 октября с.г. следующие предложения, которые были вручены в письменном виде г.Антони Идену и г.Корделлу Халлу:

"В целях сокращения сроков войны имеется в виду:

1. Осуществить такие безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Северную Францию и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны.

В связи с этим Советское Правительство считает необходимым выяснить, остается ли в силе заявление г-на Черчилля и г-на Рузвельта в начале июня 1943 года о том, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года.

2. Сделать Турецкому Правительству предложение от имени трех держав о немедленном вступлении Турции в войну.

3. Сделать Швеции предложение от имени трех держав о предоставлении союзникам авиационных баз для борьбы против Германии".

В отношении п.1 предложений Советской Делегации от 19 октября 1943 года Министр Иностранных Дел Великобритании

Народный Комиссар Иностранных Дел В.М.Молотов заявил, что Советское Пра-

г-н Иден и Государственный Секретарь США г-н Хэлл подтвердили 20 октября 1943 года, что заявление, сделанное британским генерал-лейтенантом Исмеем и американским генерал-майором Дином (см.приложение: заявление генерал-лейтенанта Исмея и заявление генерал-майора Дина), являются точным отражением самых последних решений их Правительств, принятых на Квебекской конференции в августе 1943 года.

Что касается вопроса, поставленного Советской Делегацией о том, остается ли в силе заявление, сделанное г-ном Черчиллем и г-ном Рузвельтом в начале июня 1943 года относительно того, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года, - то г-н Иден и г-н Хэлл дали утвердительный ответ, заявив, что решение предпринять вторжение в Северную Францию весной 1944 года было подтверждено на последней Конференции в Квебеке при соблюдении условий, упомянутых генералом Исмеем в его заявлении. Г-н Иден и г-н Хэлл добавили, что это решение не изменилось, и приготовления для осуществления указанной выше операции проводятся в данное время так быстро, как возможно.

б) В отношении пунктов 2-го и 3-го предложений Советской Делегации (о Турции и Швеции).

вительство принимает к сведению заявления г.Идена и г.Хэлла, а также заявление ген-лейтенанта Исмея и ген.-майора Дина и выражает надежду, что изложенный в этих заявлениях план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок.

Г-н Хэлл, г-н Иден и В.М.Молотов признают желательным, чтобы Правительства Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Советского Союза продолжили изучение вопроса о Турции и Швеции.

(c) Делегаты Соединенных Штатов представили Конференции следующие предложения:

(1) Чтобы, в целях осуществления сквозной бомбардировки промышленной Германии, были предоставлены базы на территории СССР, на которых самолеты США могли бы пополнять запасы горючего, производить срочный ремонт и пополнять боеприпасы.

(2) Чтобы более эффективно осуществлялся взаимный обмен сведениями о погоде. Для того, чтобы достигнуть этого, необходимо укрепить средства связи между США и СССР.

(3) Чтобы было улучшено воздушное сообщение между этими двумя странами.

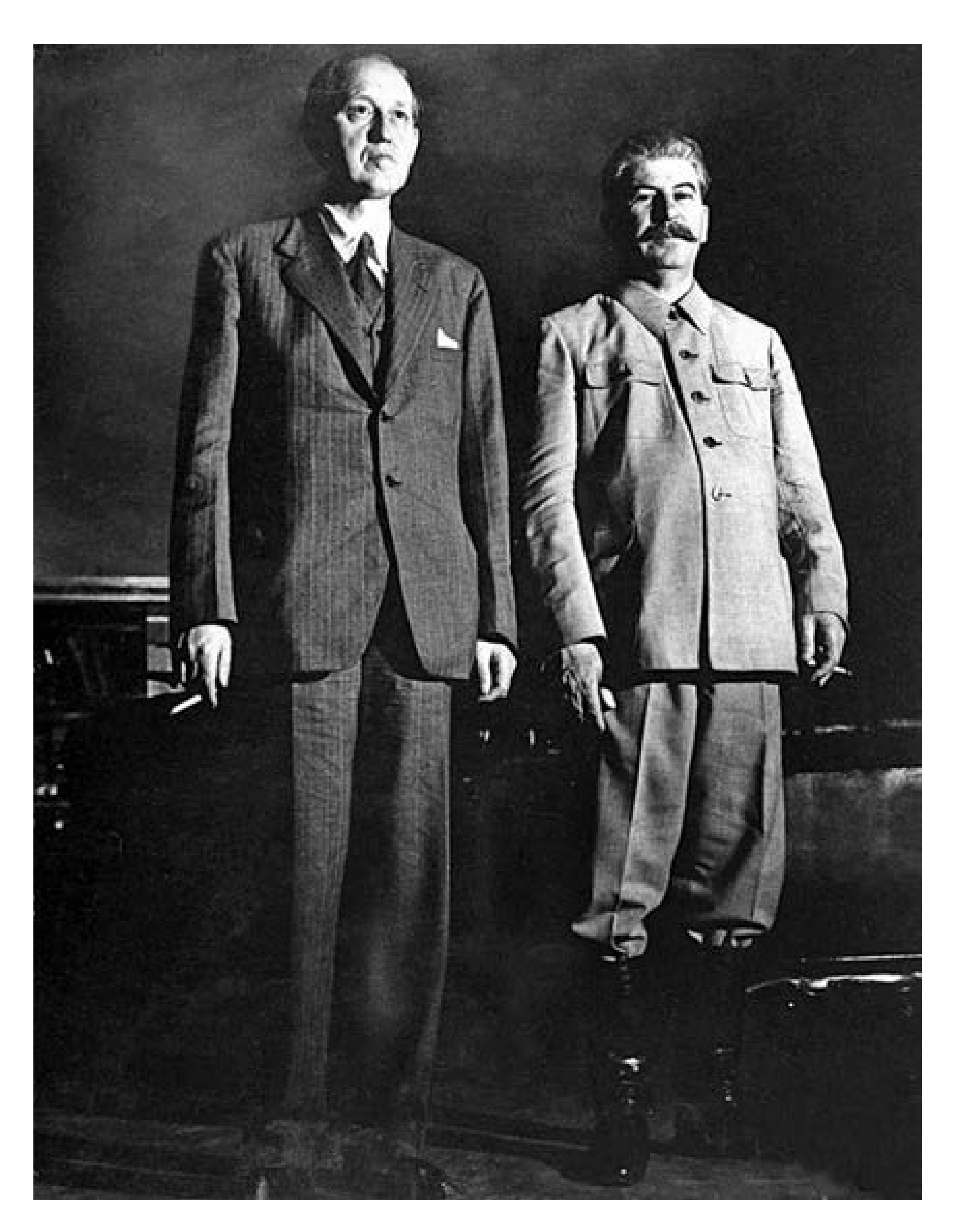
В.М.Молотов сказал, что СССР в принципе согласен на предложения Соединенных Штатов и что соответствующим советским властям будет дано указание встретиться с генералами Дином и Ванденбургом для обсуждения конкретных мероприятий, которые были бы необходимы для осуществления этих предложений.

Cordell Hull

Москва, ...1.. ноября 1943 года.

В. Молотов

Anthony Eden

Г. Гопкинс и И. В. Сталин

И. М. Майский

К. А. Уманский

Война подтвердила значение задачи поддержания дружественных отношений с сопредельными Советскому Союзу государствами, сохранявшими нейтралитет. Такие отношения были гарантией надежности советского тыла в период напряженных военных действий на советско-германском фронте. В условиях ожесточенного противоборства Красной армии с немецко-фашистскими захватчиками вполне реальной становилась угроза использования противником территорий этих стран для враждебных действий против Советского Союза.

Усилия по противодействию фашистской агентуре в Турции, Иране и Афганистане, недопущение изменений их внешнеполитического курса, препятствование сближению этих стран с фашистским альянсом также стали важной частью внешнеполитической деятельности СССР. Причем особенностью дипломатической работы на этом направлении была тесная координация действий с английскими союзниками.

Существенное значение для удержания Турции от втягивания в планы стран оси имел советско-английский демарш, предпринятый в августе 1941 г. В согласованных представлениях двух правительств отмечалась готовность уважать территориальную неприкосновенность Турции и оказать ей всяческую помощь и содействие в случае нападения со стороны какой-либо европейской державы. Этот демарш сыграл положительную роль для укрепления турецких позиций в условиях усиливавшегося немецкого нажима на Анкару.

Отечественная дипломатия предпринимала активные меры по вытеснению германского влияния из Ирана, добиваясь прекращения враждебной деятельности там германской агентуры и высылки из страны наиболее активных деятелей немецкой «пятой колонны». Фактическое бездействие иранских властей в этой связи сделало необходимым ввод на иранскую территорию советских и английских войск в августе 1941 г.

События в Иране стали серьезным предупреждением для афганских властей. Афганское правительство быстро отреагировало на одновременные демарши советского и английского правительств 11 октября 1941 г., содержавшие рекомендации выслать из страны членов немецкой и итальянской колонии и взять под строгое наблюдение деятельность миссий Германии и Италии.

Центральное место в повседневной работе по развитию отношений СССР с зарубежными государствами, особенно с западными державами, занимали советские послы. От их авторитета и влияния в политических, общественных и журналистских кругах, устойчивых связей, дипломатического мастерства во многом зависело взаимодействие с западными державами. К началу Великой Отечественной войны в НКИД сформировалась группа дипломатов «нового призыва», уже имевших некоторый опыт работы в центральном аппарате и за рубежом. Им уделяли внимание руководители СССР, следившие за их профессиональным ростом. Значительный вклад в укрепление внешнеполитических позиций СССР в военные годы внесли А. Е. Богомолов, С. А. Виноградов, А. А. Громыко, Ф. Т. Гусев, А. И. Лаврентьев, В. З. Лебедев, Я. А. Малик, Г. М. Пушкин. В начальный период войны среди советских послов выделялись опытные и авторитетные И. М. Майский и К. А. Уманский.

Во многом усилиями И. М. Майского в июле 1941 г. было заключено соглашение о совместных действиях против Германии, началось сближение с находившимися в эмиграции чехословацким и польским правительствами. Ему принадлежала также инициатива организовать имевшую большое значение для советско-американского диалога поездку в Москву Г. Гопкинса — советника и близкого друга президента США.

Совершенно в другой политической атмосфере приходилось работать послу в США К. А. Уманскому. Посольство под его руководством не смогло добиться от американцев ответа на крайне важные для Москвы вопросы, связанные с перспективами политики США в условиях нараставшей на Дальнем Востоке военной угрозы. В результате уже в ноябре 1941 г. К. А. Уманского на посту посла в Вашингтоне сменил многоопытный дипломат, бывший нарком иностранных дел М. М. Литвинов.

Война потребовала также серьезных организационных перемен в Народном комиссариате иностранных дел, который являлся одним из важнейших и наиболее авторитетных институтов в структуре государственного управления Советского Союза. Возглавлявший его нарком В. М. Молотов входил в число высших руководителей Советского государства. После начала Великой Отечественной войны его роль еще более возросла — он стал также заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны. Это в полной мере отражало рост значения НКИД и важность возложенных на него задач.

В условиях начавшейся войны организованно и слаженно работали советские дипломатические загранучреждения, в том числе во вражеских странах. Тяжелые испытания выпали на долю сотрудников посольства в Берлине, оказавшихся в полной изоляции. Однако весь посольский аппарат — как оперативно-дипломатический, так и административно-технический состав — работал в этих условиях самоотверженно. В действие был введен план мероприятий на случай чрезвычайной ситуации. В установленном в подобных случаях порядке были уничтожены секретные документы и шифры, а также архивы и консульские материалы.

Руководство НКИД буквально в первые часы вражеского нашествия приняло меры, связанные с обменом советских и германских дипломатов. Многие советские граждане были арестованы, заключены в концентрационные лагеря, их пытались склонить к измене Родине. Тяжелейшие испытания выпали на долю дипломатов и членов их семей в ходе эвакуации через восточноевропейские страны и Балканы в запломбированных железнодорожных вагонах без пищи и воды.

Настойчивая работа аппарата НКИД после сложных переговоров при посредничестве шведской и болгарской миссий в Москве, принявших на себя защиту, соответственно, советских интересов в Германии и немецких — в СССР, увенчалась договоренностью об одновременном обмене советских и германских граждан. В результате 979 советских граждан возвратились домой, а из СССР было репатриировано 237 граждан Германии.

В первые недели войны в обстановке высокого патриотического подъема почти все сотрудники наркомата и все слушатели Высшей дипломатической школы записались в народное ополчение или вступили в ряды Красной армии. В отделах остались один-два

человека, что потребовало выборочного отзыва сотрудников НКИД из ополчения и даже с фронта. Позднее аппарат стал пополняться также за счет дипломатов, возвратившихся из-за рубежа. Резкое увеличение объема служебной деятельности вызвало необходимость перевода НКИД на круглосуточный режим работы[9]. И в центральном аппарате, и в зарубежных представительствах дипломаты активно включились в решение новых задач, стоявших перед НКИД, в первую очередь связанных с развертыванием взаимодействия с западными державами, а также с отслеживанием ситуации на сложном дальневосточном направлении и у южных границ СССР. Это потребовало от них напряжения всех сил, организованности и во многом новых подходов.

В октябре 1941 г. основной состав НКИД и члены дипломатического корпуса в связи с ухудшением военной ситуации были эвакуированы из Москвы в Куйбышев, где аппарат наркомата возглавлял А. Я. Вышинский. В. М. Молотов с группой сотрудников все годы Великой Отечественной войны находился в Москве. Такое размещение руководства и основных подразделений НКИД создавало существенные неудобства, поскольку информация от советских представителей за рубежом шла прямо на стол к И. В. Сталину без экспертной оценки в наркомате. Кроме того, это делало необходимым частые командировки сотрудников НКИД в Москву.

В наркомате заблаговременно, еще в июне, был принят план первоочередных мер по отправке в тыл наиболее ценных материалов, установивший очередность эвакуации из Москвы архивных документов с учетом их важности. В приоритетном порядке были подготовлены к вывозу договоры, ноты, архивы секретариатов, коллегии и т. п. Позднее была создана специальная комиссия по разгрузке архивов от материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения. Отобранные материалы в течение июля — августа по железной дороге были отправлены в Куйбышев и Мелекесс, где немедленно приведены в рабочее состояние.

С учетом произошедших изменений во внешнеполитических приоритетах Советского Союза и в кадровой ситуации в наркомате произошла реорганизация, связанная с внутренней перегруппировкой имевшихся сил. Во второй половине 1941 г. структура НКИД была изменена за счет реорганизации и переименования отделов, ведавших европейскими странами: 1-й европейский отдел стал курировать Западную и Северную Европу, 2-й европейский отдел — Великобританию и доминионы, 3-й европейский отдел — вражеские государства, 4-й европейский отдел занимался Балканами и Чехословакией, в одно подразделение объединили два американских отдела. Такая структура НКИД просуществовала до 1944–1945 гг.

Тем не менее в ходе войны с учетом качественно новых проблем, возникших перед советской внешней политикой, на базе НКИД создавались специальные комиссии для обсуждения особо важных вопросов, в частности связанных с послевоенным урегулированием. В эти комиссии наряду с видными государственными деятелями, военачальниками и учеными привлекались сотрудники наркомата.

С началом Великой Отечественной войны перед отечественной дипломатией по-новому встала задача организации информационного обеспечения внешнеполитической деятельности СССР. НКИД и посольства сыграли важную роль в окончательном прорыве сохранявшейся на Западе информационной блокады нашей страны.

Необходимость создания особого оперативного органа для освещения событий на фронтах военных действий с фашистской Германией и ее союзниками, а также для противодействия вражеской пропаганде, в том числе за рубежом, остро обозначилась буквально с первых дней войны. Созданную для этой цели государственную структуру — Советское информационное бюро возглавил секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. Его заместителем стал С. А. Лозовский, сохранивший за собой пост заместителя наркома иностранных дел. С. А. Лозовский и курируемый им отдел печати НКИД внесли особый вклад в организацию и развертывание деятельности Совинформбюро, работа которого отличалась оперативностью и точностью реакции.

А. И. Лаврентьев

В. З. Лебедев

Существенное значение для разъяснения в Англии положения на советско-германском фронте имел издававшийся в Лондоне ежедневный бюллетень «Советские военные новости», тираж которого вырос в конце войны до 50 тыс. экземпляров. В Швеции большой популярностью пользовался выпускавшийся советским посольством бюллетень, тираж которого в 1942 г. составлял 10 тыс. экземпляров.

Важным направлением работы для советских дипломатов стало их непосредственное участие в общественных мероприятиях — конференциях, митингах и собраниях, проводившихся в союзных государствах. Их выступления перед представителями политических и деловых кругов, учащимися, на промышленных предприятиях и в портах с рассказами о военной ситуации на советско-германском фронте и в Советском Союзе имели важное политическое и пропагандистское значение. В работе по сбору средств на нужды Красной армии и нашего тыла наряду с дипломатами активно участвовали и члены их семей.

Деятельность советских диппредставительств и их сотрудников в годы войны проходила в трудных, нередко опасных условиях. Даже переезд сотрудников к месту работы в Англии, Швеции, на Американский континент был связан с большим риском. Дипломатические представительства в Англии, Японии, Китае работали в обстановке постоянной угрозы массированных воздушных налетов. При этом материальные условия жизни советских дипломатов были очень скромными. Тем не менее сотрудники загранучреждений добровольно отчисляли в Фонд обороны значительную часть своей заработной платы.

Ведущая роль Советского Союза в борьбе с фашистской Германией и ее сателлитами способствовала укреплению международных позиций и авторитета СССР на мировой арене. Это проявилось, в частности, в расширении системы международных отношений Советского Союза с зарубежными государствами, увеличении числа советских представительств за рубежом и иностранных — в Москве. Если до фашистского нашествия СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами, то в 1943 г., после Тегеранской конференции, — уже с 31 государством, а в мае 1945 г., после победы над фашистской Германией, — с 41 государством. Возросший объем работы продиктовал увеличение числа сотрудников НКИД с 641 человека в 1941 г. до 775 человек в 1945 г.[10]

Посол Великобритании в СССР С. Криппс и посланник США Г. Гопкинс

Как отмечалось ранее, приоритетным направлением в деятельности отечественной дипломатии с нападением Германии на СССР явилось установление надежного всестороннего сотрудничества с западными державами — противниками нацистской Германии.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, получив утром 22 июня 1941 г. сообщение о нападении Германии на СССР, занялся подготовкой заявления английского правительства, предупредив Би-би-си, что выступит по радио в девять часов вечера. Еще 15 июня он предусмотрительно сообщил президенту США Ф. Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и ко времени своего выступления получил его поддержку. В подготовке выступления У. Черчилля принимали участие министр иностранных дел А. Иден, начальник генерального штаба фельдмаршал Д. Дилл, министр снабжения лорд У. Бивербрук, находившийся в то время в Лондоне британский посол в СССР С. Криппс и только что вернувшийся из США американский посол Дж. Вайнант.

В своем выступлении премьер-министр заявил, что Англия окажет Советскому Союзу «любую экономическую и техническую помощь, которая в наших возможностях и которая может быть ему полезна». Поставив себе в заслугу последовательную борьбу с коммунизмом, У. Черчилль так объяснил поворот в британской политике: «Гитлер хочет уничтожить русскую державу, потому что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии, авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»[11].

И. М. Майский записал в своем дневнике: «Радиоречь премьера вечером 22 июня была не только замечательна по форме и внутренней силе — она с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было то, что премьер ударил своей дубиной неожиданно, не давая никому опомниться. Это сразу задало тон — и здесь, и в Америке»[12].

Правительство Великобритании демонстрировало готовность принятия конкретных военных и экономических мер для установления сотрудничества с СССР. По всей Англии прокатились митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения было настроено на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с СССР во имя победы над нацистской Германией[13]. Уже 27 июня 1941 г. в Москву прибыли члены английской военной и дипломатической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кэдбюри, крупный бизнесмен. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым.

В последующие дни состоялся ряд встреч советских руководителей с С. Криппсом, на которых обсуждались конкретные вопросы организации военного, экономического, а затем и политического сотрудничества двух стран, а также совещания экономических экспертов. При этом решение экономических вопросов с советской стороны было возложено на наркома внешней торговли А. И. Микояна, который вел переговоры непосредственно с С. Криппсом и Л. Кэдбюри. Между ними обсуждались не только экономические вопросы, но и различные варианты проведения совместных боевых действий британских и советских вооруженных сил против немецко-фашистских войск в Заполярье.

На одной из встреч В. М. Молотова с С. Криппсом встал вопрос о необходимости включения в договор статьи об оплате расходов по снабжению английских вооруженных сил, действующих на территории СССР. Вопрос возник после напоминания В. М. Молотова о том, что на советское предложение о посылке английских войск на наш фронт британское правительство так и не дало ответа. С. Криппс, однако, утверждал, что «в СССР имеются английские вооруженные силы: подводные лодки, минные тральщики и эсминцы, а также авиационная часть в районе Мурманска. Он уже получил счета на оплату расходов по

снабжению этих английских войск в сумме 72 000 рублей». На это В. М. Молотов заметил, что английские вооруженные силы в СССР можно разглядеть в ходе теперешних крупных событий «только в увеличительное стекло»[14]. В конечном итоге нарком иностранных дел обещал доложить вопрос С. Криппса правительству.

Ф. И. Голиков на встрече 9 июля 1941 г. с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом и его заместителем А. Кадоганом, которые в отличие от военного министра Г. Маргесона тепло приняли советского генерала, поставил вопрос о необходимости «совместных операций на севере, максимального усиления британских воздушных налетов на Германию, вплоть до Берлина, а также срочного развертывания десантных операций в Северной Франции»[15].

8 и 10 июля с С. Криппсом вел переговоры И. В. Сталин, которому было вручено личное послание У. Черчилля, положившее начало их переписке в годы войны. Основная дискуссия советских и британских руководителей развернулась вокруг политического документа, определявшего союзнические отношения между странами на период войны. Советская сторона, как и ранее на переговорах В. М. Молотова с С. Криппсом, считала необходимым заключение именно политического соглашения, но Лондон возражал, мотивируя тем, что переговоры о таком соглашении могут создать препятствия для установления военного и экономического сотрудничества, ради которого британские миссии и прибыли в Москву. И. В. Сталин возразил: «Главное в том, чтобы создать ясность в вопросе о взаимопомощи между Англией и СССР. Обстановка требует заключения соглашения о взаимной военной помощи между нашими странами. Соглашение должно быть без резервов, без задних мыслей»[16]. На следующий день У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о готовности военного кабинета подписать «совместную декларацию».

В конечном итоге стороны договорились назвать документ «соглашением», которое было подписано 12 июля 1941 г. В. М. Молотовым и С. Криппсом. В нем, в частности, отмечалось: «Правительство Союза ССР и правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»[17].

К документу прилагался протокол, в котором говорилось, что соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит. Соглашение и достигнутые договоренности послужили началом англо-советского сотрудничества и создания антигитлеровской коалиции.

Первое официальное заявление правительства США о нападении Германии на СССР последовало 23 июня 1941 г. В меморандуме Госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией и «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой Американского материка»[18]. А 24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»[19].

26 июня посол СССР в США К. А. Уманский получил указание В. М. Молотова: «Вам следует немедленно пойти к Рузвельту или Хэллу, а при его отсутствии — к Уэллесу и, сообщив о вероломном нападении Германии на СССР, запросить, каково отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Вопросов о помощи сейчас не следует ставить. О результатах беседы телеграфируйте. К кому именно обратиться, к Рузвельту или Хэллу, решите по обстановке»[20].

После встречи с исполняющим обязанности госсекретаря С. Уэллесом советский посол сообщил В. М. Молотову, что «официально нотифицировал» о вероломном нападении немцев. С. Уэллес, со своей стороны, заявил: «Американское правительство считает СССР

жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство далее считает, что тот отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован, выражаясь словами г-на Молотова, борьбой за честь и свободу СССР, но соответствует интересам Соединенных Штатов Америки. Поэтому в соответствии с заявлениями, уже сделанными президентом, американское правительство заверяет советское правительство, что оно готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами. Свою решимость проводить эту линию американское правительство уже доказало двумя актами: отменой блокирования советских финансовых операций и, что более важно, решением не применять к СССР ограничений, предписанных актом о нейтралитете». Далее С. Уэллес подчеркнул особое значение установившихся отношений США с Великобританией: «Американское правительство, естественно, будет консультироваться о своей помощи СССР с британским правительством в связи с теми обязательствами, которые США взяли на себя перед Великобританией. В свою очередь, британское правительство уже держит американское правительство в курсе тех вопросов тесного сотрудничества, которые обсуждаются между СССР и Великобританией»[21].

Все это были исключительно важные заявления официальных властей, в которых намечались контуры союзных отношений в борьбе с германо-японской агрессией. Заявления сторон были продуманы и понятны, их тональность заметно изменилась в положительном направлении.

29 июня 1941 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов имел беседу с послом США в СССР Л. Штейнгардтом, который заявил: «Декларация Рузвельта и отношение американского правительства сводятся к выражению желания готовности дать всякую возможную помощь Советскому Союзу, которая окажется в силах США, чтобы Советский Союз победил Гитлера при условии, если и когда Советский Союз попросит такой помощи». Затем Л. Штейнгардт пространно информировал В. М. Молотова о затруднениях, которые могут возникнуть при выполнении поставок «требуемого Советским Союзом оборудования, сырья и других промышленных изделий»[22].

В тот же день К. А. Уманскому была направлена следующая телеграмма: «Вам следует теперь пойти к Рузвельту или Хэллу (Уэллесу) и поставить перед ним вопрос о возможности оказания Советскому Союзу помощи следующими поставками: 1) самолеты-истребители одномоторные — 3 тысячи, 2) самолеты-бомбардировщики — 3 тысячи, 3) станки, прессы и молоты для авиазаводов — на 30 млн долларов, 4) зенитные пушки от 25 до 47 миллиметров — 20 тысяч штук с боекомплектами, 5) крекинг и другие установки для выработки высокооктанового авиагорючего и установки для выработки авиамассы, 6) толуола — 50 тысяч, 7) оборудование для заводов по выработке толуола, 8) оборудование для шинного завода, 9) оборудование для завода по производству проката легких сплавов. Желательно, чтобы был предоставлен кредит на пять лет по этим товарам. Результаты телеграфируйте. В. Молотов»[23].

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Жители Нью-Йорка провели 2 июля 1941 г. многотысячный митинг под лозунгом «Борьба СССР против гитлеровской Германии — наша собственная борьба». По данным опроса общественного мнения, проведенного 1 октября 1941 г., более 73% американцев высказались за установление сотрудничества США с Советским Союзом и оказание ему помощи в борьбе с гитлеровцами. Причем 22% американцев полагали, что это сотрудничество должно быть таким же полным, как с Англией. В то же время Г. Трумэн, тогда сенатор от штата Миссури, опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» призыв к правительству следовать иному курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»[24]. Однако государственные лидеры США отклонили позицию этой части истеблишмента.

С. Уэллес

Л. Штейнгардт

26 июня 1941 г. исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес (К. Хэлл был болен) сообщил советскому послу К. А. Уманскому, что американское правительство выражает нашей стране свое чувство сожаления по поводу «грабительского, трусливого и предательского нападения Германии на СССР»[25]. Он заверил в готовности правительства США оказать Советскому Союзу всю возможную поддержку.

3 июля И. В. Сталин в своем выступлении заявил, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы... В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувства благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными»[26].

Ключевое значение для определения своей позиции руководителями Великобритании и США об оказании СССР всемерной помощи в борьбе с германской агрессией имели приезд в Москву 30 июля 1941 г. специального помощника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса и его переговоры с И. В. Сталиным 30 и 31 июля 1941 г. Официальная цель визита — изучение вопроса об осуществлении материальной помощи СССР. Неофициальная — Г. Гопкинсу была поставлена сверхзадача: определить, как долго продержится Россия[27]. Дело в том что за редким исключением в американских и английских правящих кругах сформировалось убеждение, что СССР в борьбе с Германией потерпит поражение. Подавляющее большинство политических и военных руководителей Англии и США сходились на том, что Вооруженные силы Советского Союза не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским войскам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Ф. Рузвельту исходить из следующих предпосылок:

«1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.

2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.

3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»[28].

Однако Ф. Рузвельт, Г. Гопкинс, Дж. Дэвис и их единомышленники, в числе которых находился и бывший военный атташе США в СССР «красный генерал» Ф. Фэймонвилл, заняли позицию уверенности в силах советского сопротивления, понимали, что поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

Для сотрудников НКИД и советского правительства не явилось неожиданностью, что положение на советско-германском фронте будет в конечном итоге определять не только объем и характер англо-американских поставок в СССР, но и влиять на союзнические отношения в целом.

Во время переговоров с И. В. Сталиным Г. Гопкинс получил полную информацию о положении на советско-германском фронте и неотложных нуждах Красной армии. Он заявил, что ни американское, ни английское правительства не захотят посылать тяжелое вооружение на советско-германский фронт до тех пор, пока не состоится совещание представителей трех держав для изучения стратегических интересов каждого фронта мировой войны, каждой страны. И. В. Сталин ответил, что он приветствует созыв такого совещания, и перечислил поставки, которые Советский Союз хотел бы получить из США в первую очередь: «1) зенитные орудия калибром 20 или 25 или 37 мм; 2) алюминий; 3) пулеметы 12,7 мм; 4) винтовки 7,62 мм». Характеризуя положение с танками, глава Советского государства подчеркнул также, что СССР «необходима помощь Соединенных Штатов в снабжении сталью и танками». Беседы с И. В. Сталиным произвели на Г. Гопкинса большое впечатление. В первом же отчете Ф. Рузвельту и К. Хэллу он писал из Москвы: «Я имел две продолжительные и удовлетворительные беседы со Сталиным, и я сообщу вам лично то, что он передает через меня. Однако уже теперь я хотел бы сказать вам, что я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»[29].

Переговоры Г. Гопкинса в Москве оказали положительно влияние на дальнейшее развитие советско-англо-американских отношений. 2 августа 1941 г. между послом СССР в США К. А. Уманским и исполняющим обязанности государственного секретаря США С. Уэллесом состоялся обмен нотами о продлении на год — до 6 августа 1942 г. — советско-американского торгового соглашения от 4 августа 1937 г. и об экономическом содействии США Советскому Союзу. В ноте С. Уэллеса указывалось: «Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов». Далее в ноте говорилось, что правительство США будет дружественным образом рассматривать соответствующие советские заказы, предоставлять им приоритет, выдавать неограниченные лицензии на экспорт и благожелательно рассматривать предложения «об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для целей ускорения доставки в Советский Союз товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза»[30].

В своем ответе посол СССР в Соединенных Штатах от имени советского правительства выразил благодарность правительству США за дружественное решение и уверенность в том, что это экономическое содействие «будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом в его вооруженном сопротивлении агрессору»[31].

Обмен нотами об экономическом содействии Соединенных Штатов Советскому Союзу явился, по определению К. А. Уманского, своего рода «американским эквивалентом» советско-английскому соглашению от 12 июля 1941 г., поскольку он официально закреплял сотрудничество США и СССР.

Расширение масштабов войны и ее угроз большинству стран мира способствовало англо-американскому сближению и общему объединению усилий в борьбе с агрессором.

Важным политическим событием явилась Атлантическая хартия, подписанная 14 августа 1941 г. Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем на двусторонней встрече у острова Ньюфаундленд. Правительства Великобритании и США заявляли об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В целом Атлантическая хартия носила демократический характер, однако непоследовательно излагался вопрос о признании права народов на самоопределение вплоть до государственного отделения, не говорилось о роли и месте СССР в обеспечении системы послевоенной безопасности. Выявились серьезные разногласия, которые свидетельствовали о стремлении каждой из сторон занять ведущее положение в послевоенном мире.

Для обсуждения Атлантической хартии в сентябре 1941 г. в Лондоне состоялась межсоюзническая конференция, в которой приняли участие представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции. Советское правительство выступило со специальной декларацией, в которой выразило свое согласие с основными принципами хартии, но внесло ряд существенных дополнений. В декларации прежде всего определялся характер войны и разоблачались агрессивные цели гитлеровского блока, четко формулировалась главная задача народов и государств, которые вели войну против фашистской Германии и ее союзников, — добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовав для этого все свои силы и средства. СССР вновь выдвинул идею коллективной безопасности, которую отстаивал в предвоенные годы как одно из главных условий прочного мира, а также важность проблемы всеобщего разоружения. В заключении советской декларации, зачитанной 24 сентября И. М. Майским, подчеркивалось, что практическое применение ее принципов «неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»[32].

Как и следовало ожидать, наиболее трудно решались проблемы, связанные с участием вооруженных сил Великобритании, а затем и США в операциях, целью которых было ослабить давление противника на том или ином участке советско-германского фронта, или с проведением совместных операций вооруженными силами союзных стран. Впервые этот вопрос затронул А. Иден в беседе с И. М. Майским 13 июня 1941 г., сообщив, что «в случае нападения Германии бритпра (британское правительство. — *Прим. ред.*) готово было бы помочь своей авиацией на Ближнем Востоке, отправить в Москву военную миссию для передачи опыта войны, всемерно развивать экономическое сотрудничество через Персидский залив и Владивосток»[33].

29 июня 1941 г. В. М. Молотов в беседе с С. Криппсом заявил, что ввиду происходящего сейчас мощного наступления германских и финских частей в районе Мурманска, не говоря уже о том, что имеется крупный нажим на всех остальных фронтах, советское правительство специально отмечает актуальность участия английских военных кораблей и авиации в этом районе: «Военно-морская помощь со стороны Англии в районе Петсамо и Мурманска была бы как раз своевременной. Однако, разумеется, желательны всемерное усиление действий английской авиации против Германии и на западе, а также десанты на побережье Франции». С. Криппс ответил, что «английское правительство в принципе согласно сделать все для того, чтобы помочь Советскому Союзу, но он не может гарантировать, что эксперты, рассмотрев вопрос операции в районе Мурманска, вынесут определенное и положительное решение»[34].

И. В. Сталин поручил генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову, который направлялся в ранге руководителя советской военной миссии в Англию и США, обсудить с союзниками последовательное осуществление трех операций: создание общего с англичанами фронта на севере Европы; высадку значительного контингента английских войск на Севере Франции; боевые действия английских войск на Балканах.

Ф. И. Голиков

9 июля 1941 г., на следующий день после прибытия в Англию, Ф. И. Голиков был принят в министерстве иностранных дел А. Иденом, А. Кадоганом и А. Батлером. На приеме Ф. И. Голиков заявил о твердой решимости советского народа добиться победы над врагом, высказался «за незамедлительное проведение совместных боевых действий Англии и СССР на севере Европы, в районе Заполярья. Мы хотели бы также, чтобы английская авиация значительно увеличила мощь своих бомбовых ударов по военным объектам гитлеровской Германии, в том числе и по Берлину. Было также отмечено, что желательны поставки из Англии в СССР материальных и технических средств для ведения войны. Но самое главное, что ждали советские люди от своих союзников, — это открытие второго фронта в Европе, высадки значительного контингента английских войск во Франции. Иден в целом сочувственно отнесся к высказанным мною предложениям»[35].

Согласованное между Г. Гопкинсом и И. В. Сталиным американское предложение о созыве в Москве трехсторонней конференции по взаимным военным поставкам было после доклада Г. Гопкинса о результатах поездки в Москву одобрено Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Они направили И. В. Сталину послание, полученное в Москве 15 августа, в котором подтвердили необходимость созыва такой конференции: «Мы полностью осознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления»[36].

Несмотря на то что к этому времени удалось замедлить наступление немецких войск и Красная армия непрерывно наносила противнику контрудары, обстановка на советско-германском фронте в целом ухудшилась. С начала войны немцы продвинулись на северо-западном направлении до 750 км и блокировали Ленинград с суши, на юге — до 800 км и захватили Киев. На центральном участке фронта приближались к Москве.

А. Кадоган и А. Гарриман

А. Иден и К. Хэлл

И. В. Сталин в письмах от 3 и 13 сентября 1941 г. сообщил У. Черчиллю о необходимости активной военной помощи. Если в письме от 3 сентября в качестве главных были поставлены вопросы о создании в этом году второго фронта «где-либо на Балканах или во Франции», с тем чтобы оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и о поставках Советскому Союзу 30 тыс. тонн алюминия к началу октября и ежемесячно как минимум 400 самолетов и 500 танков[37], то в письме от 13 сентября ставился вопрос о высадке 25–30 британских дивизий в Архангельске или транспортировке их через Иран в южные районы СССР «для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции»[38].

У. Черчилль дипломатично отклонил советские предложения, но обещал «приложить все усилия, чтобы начать вам отправку снабжения немедленно», а также, что «по всей вероятности, можно будет оказать вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь»[39].

Наиболее последовательным сторонником открытия второго фронта и совместных действий вооруженных сил союзников был лорд У. Бивербрук. Он писал Г. Гопкинсу: «Сопротивление России предоставило нам новые возможности. По-видимому, оно оголило Западную Европу от германских войск и сделало невозможным для держав «оси» где-либо наступательных действий в других местах. Сопротивление России создало близкую к взрывной ситуацию в каждой оккупированной немцами стране, сделав западноевропейское побережье уязвимым для атаки британских войск... Ведь если мы не поможем России сейчас, может случиться, что она не выдержит натиска, и Гитлер, свободный от всякой угрозы с Востока, сконцентрирует все свои силы против нас на Западе. Он не будет ждать, пока мы подготовимся. И мы допустим большую ошибку, ожидая чего-то сейчас. Мы должны нанести удар сейчас, пока не поздно»[40].

В июле 1941 г. распорядительным порядком правительствами США и Великобритании по итогам лондонских переговоров Ф. И. Голикова было принято решение о передаче СССР 200 истребителей «Томагавк». Советская миссия добивалась, чтобы английское правительство передало также 700 истребителей этого типа, находившихся в Египте, но англичане отказывались, ссылаясь на необходимость их использования на Ближнем Востоке.

Первый морской конвой с военным грузом, отправленный из США, находился в пути. 2 августа 1941 г. было продлено действие торгового соглашения США с СССР. 16 августа СССР и Великобритания подписали соглашение о порядке оплаты военных поставок, по которому Великобритания предоставила для этой цели кредит в сумме 10 млн фунтов стерлингов на льготных условиях. 31 августа из Англии в Архангельск прибыл первый конвой с военными грузами, среди которых были 41 самолет типа «Томагавк», магнитные мины, секретная опытная радиостанция и другое военное имущество. К этому времени уже были достигнуты и действовали базовые соглашения между СССР и Великобританией о взаимопомощи в войне.

19 августа 1941 г. была проведена совместная операция советских и британских войск по разрушению угольных шахт на острове Шпицберген, с тем чтобы лишить вермахт топлива в случае захвата им архипелага. Координировались в Заполярье некоторые действия советского Северного флота с силами британских ВМС и ВВС. В августе 1941 г. вместе с советскими летчиками защищали Мурманск от налетов немецкой авиации летчики 151-го крыла британских ВВС, позднее награжденные за свое мастерство советскими орденами. Ущерб Германии наносили бомбардировки английской авиации.

Поездка миссии Ф. И. Голикова в США в июле — августе 1941 г. показала более сильное противодействие в этой стране влиятельных группировок, препятствующих оказанию помощи СССР. «В те дни, — вспоминал Ф. И. Голиков, — посол и я были вынуждены доложить советскому правительству о препятствиях, с которыми столкнулась военная миссия в ходе переговоров с официальными представителями органов США. Мы сообщали, что имеется ряд трудностей, без преодоления которых нельзя рассчитывать на успешное рассмотрение вопроса о материальных поставках Советскому Союзу. Миссия в своей деятельности непременно наталкивалась на сопротивление военного ведомства и Госдепартамента США

(в том числе лично С. Уэллеса. — *Прим. ред.*). Буквально на каждом шагу нам «ставили палки в колеса», практическое дело подменяли бесконечными словопрениями, проволочками, разного рода бюрократическими препонами... Докладывая обстановку и свои соображения советскому правительству, мы имели в виду, что это совпадает по времени с приездом Гопкинса в Москву»[41].

31 июля Ф. И. Голикова пригласил на беседу Ф. Рузвельт, чего не сделал У. Черчилль. «Нас было трое: К. Уманский, А. Репин (главный инженер ВВС РККА) и я. В приемной мы были предупреждены, что нам отводится 15 минут. С первых же минут встречи мы почувствовали благожелательное отношение Рузвельта к представителям Советского государства. Он держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из нас. Когда прошло 15 минут, президент не высказал никакой торопливости». В результате состоялось обсуждение наиболее острых вопросов создавшегося положения с поставками, о трудностях переговоров с представителями американской стороны, их нервозности и натянутости. Ф. Рузвельт сообщил о решении правительства выделить для СССР 200 самолетов П-40, подробно расспрашивал о возможности их доставки через советский Дальний Восток и Сибирь.

Ф. И. Голиков заявил о необходимости личного вмешательства президента как верховного главнокомандующего в решение вопроса о материально-технических поставках, подчеркнул, что только он может положить конец волоките, что многие вопросы, в которых заинтересован СССР, решаются англичанами и американцами без участия советских представителей, а «комитет трех», созданный по инициативе Ф. Рузвельта и призванный согласовать эти интересы, до сих пор не приступил к работе. При обсуждении с президентом советской заявки на основные военные поставки был составлен список материалов, которые могли быть предоставлены СССР. «На этом собственно и закончился разговор с президентом, — резюмировал Ф. И. Голиков, — Расстались мы с ним по-дружески»[42].

Советская военная миссия находилась в США в общей сложности 37 дней. Представители миссии совместно с послом К. А. Уманским встречались с ведущими государственными деятелями США и получили их поддержку, в том числе государственного секретаря К. Хэлла, министра финансов Г. Моргентау (имелось в виду получение от США займа на оплату американских поставок), ряда других министров и влиятельных лиц, специального помощника президента А. Гарримана.

Ко времени Московской конференции в решении вопросов о взаимном сотрудничестве трех держав, в том числе о военных поставках в СССР, были достигнуты некоторые положительные результаты.

Конференция открылась в Москве 29 сентября и завершила работу 1 октября 1941 г. Делегацию Великобритании возглавлял министр снабжения лорд У. Бивербрук, США — специальный помощник президента, ведавший вопросами ленд-лиза, А. Гарриман (в 1943–1946 гг. — посол США в СССР). В советскую делегацию входили В. М. Молотов (глава делегации), К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голиков, Н. Г. Кузнецов, М. М. Литвинов, А. И. Шахурин, Н. Д. Яковлев.

В архивных документах и материалах Московской конференции отмечается напряженная обстановка во время ее проведения, вызванная приближением к Москве немецких войск — началась операция вермахта «Тайфун». Положительное влияние на зарубежных участников конференции оказал тот факт, что, несмотря на нахождение Москвы в прифронтовой полосе, налеты немецкой авиации не принесли противнику ощутимых результатов благодаря многоярусной системе противовоздушной обороны, созданной в предыдущие месяцы. Кроме того, «всех иностранных представителей, которые оказывались в Москве, поражала атмосфера спокойствия, выдержанности и четкой дисциплины»[43].

28 сентября 1941 г., накануне открытия конференции, главы английской и американской делегаций были приняты И. В. Сталиным. У. Бивербрук и А. Гарриман передали ему рекомендательные письма с полномочиями, подписанные соответственно У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. По свидетельству Р. Шервуда, «Сталин сделал откровенный обзор военного положения, как это было раньше в беседе с Гопкинсом, заявив, что превосходство Герма-

нии над Россией составляет: в авиации — 3 : 2, по танкам — 3 : 1 или 4 : 1, по числу дивизий 320 : 280. Сталин сказал, однако, что превосходство в танках имеет абсолютно решающее значение для немцев, потому что без них немецкая пехота по сравнению с русской слаба. Сталин весьма подробно остановился на необходимых ему поставках, закончив заявлением, что больше всего он нуждается в танках, а затем в противотанковых орудиях, броне, истребителях и разведывательных самолетах и, что довольно важно, в колючей проволоке». По окончании этой беседы А. Гарриман отметил: «Бивербрук и я считали, что встреча была чрезвычайно дружественной, и мы были более чем довольны оказанным нам приемом»[44].

29 сентября советская делегация, возглавляемая народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым, вручила американской и английской делегациям «Программу заявок, начиная с октября 1941 г. до конца июня 1942 г.». В документ для А. Гарримана были включены списки предметов и вооружения, материалов и оборудования, поставку которых в СССР из США советская делегация считала необходимой в 1941–1942 гг. В списке «А» (предметы вооружения) предусматривались поставки до конца 1941 г. и на первое полугодие 1942 г.: ежемесячно до 400 самолетов (истребителей и бомбардировщиков поровну), по 500 танков, 30 тыс. противотанковых ружей и другого вооружения. В списке «Б» (материалы, оборудование и другие изделия, кроме вооружения) обозначались номенклатура поставок и их количество. На указанный период планировались поставки 14,5 тыс. металлорежущих станков, 19 промышленных установок, 265 тыс. тонн цветных металлов, 871,3 тыс. тонн стали и изделий из нее, а также другие поставки — всего на сумму 847 млн долларов.

Согласно списку, переданному У. Бивербруку, советской стороне было необходимо в тот же период получать ежемесячно 200 самолетов (из них одна треть — бомбардировщики, две трети — истребители), 250 танков (одна треть — средних, две трети — легких), 1200 станков (в первом полугодии 1942 г.), некоторое количество военных кораблей и другое вооружение.

По предложению советской делегации для подготовки рекомендаций по конкретным обсуждаемым вопросам были созданы шесть комиссий трех государств: авиационная, армейская, военно-морская, транспортная, сырья и оборудования и медицинского снабжения, которые приступили к работе в тот же день. Окончательные решения по советской заявке от 29 сентября принимались во время встреч глав американской и английской делегаций с И. В. Сталиным 29 и 30 сентября.

А. Гарриман в своих донесениях президенту 1 и 10 октября отметил реалистический характер запросов, их соответствие масштабам советской обороны. Не было ни одного отказа на 89 наименований, указанных в списке. Но во многих случаях заявки уменьшались или должны были дополнительно согласовываться в соответствующих министерствах Англии и США. Вместе с тем У. Бивербрук заявил в Москве, что стремится к тому, чтобы Великобритания «шла далеко, очень далеко, чтобы получилось ощущение настоящего сотрудничества»[45].

В работе профильных комиссий, которая шла параллельно с заседаниями глав делегаций, приняли участие ответственные руководители, высококвалифицированные эксперты трех стран. В авиационной комиссии советский нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин поставил вопрос о поставке ежемесячно 300 бомбардировщиков, подчеркнув в ответ на предупреждение о трудностях освоения зарубежной военной техники: «Мы имеем много замечательных летчиков, которые не боятся новых машин и быстро овладевают новой материальной частью»[46]. Дискуссии о количестве поставок, их сроках, тактико-технических данных конкретных видов вооружений, их эксплуатации, маршрутах доставки в той или иной форме обсуждались каждой комиссией.

1 октября 1941 г. В. М. Молотов, А. Гарриман и У. Бивербрук подписали секретный протокол о поставках, согласованных тремя правительствами. Он получил название «Первый московский протокол». Был установлен срок его действия — с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. В протоколе говорилось, что западные союзники приняли на себя обязательство поставлять СССР ежемесячно согласованное количество вооружения, военных материалов, сырья и продовольствия, в том числе 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитные пушки, 2 тыс. тонн канадского алюминия, олово, свинец и другие металлы, 1200 штук металлорежущих

станков и прочее. На конференции было также принято решение о советских сырьевых поставках Англии и США.

Первая партия грузов в счет поставок по Московскому протоколу была доставлена в СССР в конце октября. Тогда же Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину о решении американского правительства применить к СССР закон о ленд-лизе, в рамках которого Советскому Союзу предоставлялся беспроцентный заем в 1 млрд долларов на оплату этих поставок. Официально об этом было объявлено 7 ноября 1941 г.

На конференции по инициативе советской делегации обсуждались вопросы о расширении англо-советского соглашения от 12 июля 1941 г. в союзный договор не только на время войны, но и на послевоенный период, а также об участии английских войск в боевых действиях на советско-германском фронте и ряд других.

Особое поручение — о свободе вероисповедания в СССР выполнил А. Гарриман. «Имея в виду огромную важность этого вопроса с точки зрения общественного мнения в Соединенных Штатах, президент надеется, что Вы будете в состоянии добыть у высших властей советского правительства какое-либо заявление, которое могло быть опубликовано в американской печати», — писал А. Гарриману государственный секретарь США К. Хэлл[47].

Оппозиция Ф. Рузвельту в конгрессе США особенно активно выступала против законопроектов, способствовавших формированию антигитлеровской коалиции. Изоляционисты и другие оппозиционные президенту конгрессмены объединили свои силы, и законопроекты президента принимались минимальным количеством голосов. Заявление советского правительства, в котором был заинтересован Ф. Рузвельт, способствовало утверждению позиций президента в конгрессе: конкретно такое заявление имело значение для принятия законопроекта о распространении на СССР закона о ленд-лизе.

4 октября 1941 г. заместитель председателя Совинформбюро С. А. Лозовский сделал на пресс-конференции специальное заявление о свободе вероисповедания в Советском Союзе и разъяснил, что согласно советской конституции «свобода отправления религиозных культов признается за всеми гражданами». В заявлении подчеркивалось, что «представители всех религий в СССР решительно выступают против нацистского бандитизма и варварства»[48].

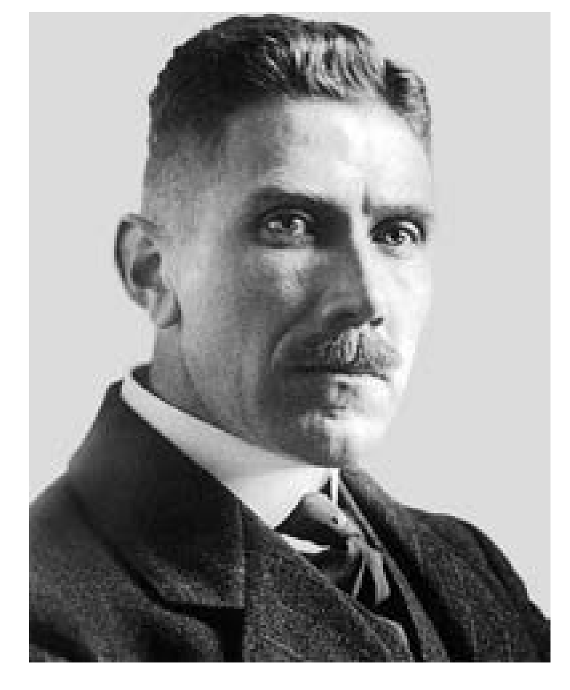
Результаты особого поручения Ф. Рузвельта внимательно анализировались советскими дипломатами. Временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко 10 октября в сообщении об обсуждении и утверждении в Палате представителей законопроекта о дополнительных ассигнованиях по ленд-лизу отмечал: «Как и следовало ожидать, поправка о невключении Советского Союза в число стран, подлежащих финансированию, по этому закону была отвергнута 162 голосами против 21. Рузвельт и его окружение тщательно подготовили провал этой поправки... Заявление Лозовского по религиозному вопросу повлекло здесь разрядку атмосферы»[49].

Борьба советской дипломатии за расширение международного фронта сил, противостоящих фашистской агрессии

Становление союзнических отношений между Москвой и Лондоном позволило правительству СССР совместно с правительством Великобритании осуществить во второй половине 1941 г. и весной 1942 г. ряд важных мер в районе Ближнего и Среднего Востока. Страны этого региона объявили о своем нейтралитете во Второй мировой войне, но их правители в своем большинстве стремились к сближению с Германией и исторически проводили враждебную политику по отношению к России. Одним из экономических рычагов давления на правительства этих стран было усиление германского капитала во внешней торговле, за контроль над которой Германия вела борьбу с Англией.

И. Инёню

Ф. фон Папен

Проникнув на важнейшие государственные посты и установив клановые связи на различных уровнях власти, немецкие агенты оказывали влияние на политику этих стран, что в разной степени представляло общую угрозу как для Советского Союза, так и для Англии.

Острая борьба развернулась вокруг Турции — участницы Первой мировой войны на стороне Германии. Турецкие правящие круги лавировали между фашистским блоком и англо-американскими союзниками и неизменно следовали антисоветскому курсу. 19 октября 1939 г., после начала Второй мировой войны, Турция подписала трехсторонний договор о взаимопомощи с Англией и Францией, но отказалась поддержать их военной силой. После поражения Франции прогерманский курс в политике турецкого правительства приобрел приоритетное значение.

4 марта 1941 г. турецкий президент И. Инёню принял германского посла в Анкаре Ф. фон Папена, который вручил ему личное послание А. Гитлера с одобрением политики турецкого правительства. Между А. Гитлером и И. Инёню установилась регулярная переписка. 18 июня 1941 г., за несколько дней до нападения Германии на СССР, между Германией и Турцией был подписан договор «О дружбе и ненападении», которым Турция фактически ставилась в положение союзника Германии в войне против СССР, игнорируя союзные отношения с Англией. Само нападение фашистской Германии на СССР, как свидетельствует Ф. фон Папен, было с одобрением встречено правительством Турции, некоторые круги которой вынашивали далеко идущие цели, направленные против Советского Союза. Имея в виду эти круги, Ф. фон Папен сообщил в Берлин, что они склонны, по-видимому, «присоединить к себе ценнейшие бакинские месторождения нефти»[50].

В результате англо-советских переговоров было принято решение выступить с совместным демаршем в турецкой столице. 10 августа 1941 г. советский посол в Турции С. А. Виноградов сделал следующее заявление турецкому правительству: «Советское правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монтрё[51] и заверяет турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и британское правительство, готово скрупулезно уважать

территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, советское правительство, как и британское правительство, тем не менее было бы готово оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы»[52]. Указанный демарш в отношении Турции был одной из первых совместных дипломатических акций СССР и Англии, разоблачал измышления о якобы агрессивных намерениях государств антигитлеровской коалиции.

Еще более опасной для Англии и СССР была обстановка в Иране. Летом 1941 г. влияние Германии на политику этой страны резко возросло. Немецкие концерны контролировали более 50% ее внешней торговли. Тысячи немецких агентов действовали в Иране. Число лиц немецкой национальности в стране возросло, по британским данным, до 3 тыс. человек[53].

С нападением Германии на СССР иранское правительство объявило о нейтралитете страны, но Реза-шах Пехлеви и влиятельные политические, военные и промышленные круги Ирана поддерживали с Германией дружеские отношения и готовились к встрече немецких войск, наступавших на южном крыле советско-германского фронта, вынашивая планы захвата советского Азербайджана. Немецкая «пятая колонна» развернула в стране антианглийскую и антисоветскую пропаганду, которая объявила персов (до 1935 г. Иран назывался Персией) «чистокровными арийцами».

Директивой № 32 верховного командования вермахта, подписанной 11 июня 1941 г., предусматривалось осенью 1941 — зимой 1942 г. после освоения «завоеванного пространства на востоке» проведение ряда стратегических операций на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а также в Средиземноморье, в том числе «наступление из Закавказья через Иран»[54]. Готовясь к использованию Северного Ирана в своих военных целях, гитлеровцы организовали там склады оружия и боеприпасов. В течение нескольких месяцев 1941 г. они перебросили в Иран 11 тыс. тонн вооружения и боеприпасов. В июле и августе под видом туристов в Иран прибыли сотни германских офицеров. В это же время в Иране появился и один из руководителей германской разведки адмирал В. Канарис. Опираясь на поддержку прогерманских правителей страны, гитлеровцы, по существу, готовились открыть здесь новый фронт Второй мировой войны.

Чтобы предотвратить угрозу со стороны южного соседа, правительство СССР летом 1941 г. трижды (26 июня, 19 июля и 16 августа) направляло ноты иранскому правительству о несовместимости покровительства иранских властей фашистской агентуре с принципами советско-иранского договора 1921 г.[55] и официальным заявлением о нейтралитете в мировой войне. Английское правительство выдвинуло аналогичное требование иранскому руководству. После отказа Тегерана выполнить требования союзнических держав У. Черчилль предложил И. Сталину осуществить совместную кампанию в Иране.

Директивой Ставки Верховного главнокомандования от 23 августа 1941 г. был развернут Закавказский фронт (командующий — генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). 25 августа советские войска в составе трех армий (одна из них предназначалась для прикрытия границы с Турцией) вступили на территорию Ирана и заняли по согласованию с Великобританией северные районы страны[56]. Кое-где в Иране было оказано незначительное сопротивление советским и английским войскам, однако вскоре оно было подавлено. 8 сентября 1941 г. в Тегеране было подписано англо-советско-иранское соглашение, положившее начало сотрудничеству трех стран в период войны. Соглашением устанавливались районы размещения английских, советских и иранских войск. Одновременно иранское правительство взяло на себя обязательство выслать германские, итальянские, румынские и венгерские миссии, а также не допускать каких-либо действий, которые могли бы нанести ущерб СССР и Англии в их борьбе с гитлеровской Германией. Правительство Ирана обязалось содействовать перевозке через иранскую территорию военных грузов союзников. СССР и Англия, со своей стороны, должны были оказывать Ирану экономическую помощь. На следующий день, 9 сентября, меджлис утвердил это соглашение, и оно вступило в силу. Дальнейшим развитием этого соглашения был договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, подписанный

29 января 1942 г. Однако Реза-шах, в руках которого была сосредоточена реальная власть, отказался выслать из страны фашистскую агентуру, что вынудило советское и английское правительства отдать приказ о дальнейшем продвижении своих войск, которые вступили в Тегеран. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына и бежал из страны. Так были сорваны гитлеровские планы превращения Ирана в плацдарм, направленный против СССР и Великобритании, захвата и оккупации его территории немецкими войсками.

11 октября 1941 г. советские и английские представители в Афганистане одновременно вручили ноты афганскому правительству. Немало германских и итальянских агентов окопалось в различных учреждениях и ведомствах Афганистана. Работавшие в министерствах военном и общественных работ различные германские «эксперты», «экономические советники» и другая немецкая агентура усилили свою подрывную деятельность по организации диверсионных банд, которые нападали на советские пограничные посты, пытались забрасывать террористические группы в Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан.

Положительное значение имело и совместное англо-советское выступление в Афганистане. По предварительной договоренности советские и английские представители в Афганистане вручили 11 октября 1941 г. одновременно ноты афганскому правительству. В ноте СССР говорилось, что советское правительство, руководствуясь чувством дружбы к афганскому народу и уважения его национальной независимости, выразило свою готовность оказывать всемерное содействие дальнейшему процветанию Афганского государства, а также укреплять и развивать экономические отношения между СССР и Афганистаном. В ноте еще раз подтверждалось, что «советское правительство не имеет никаких агрессивных намерений в отношении политической и территориальной неприкосновенности Афганистана и неизменно стремится осуществлять политику дружбы и сотрудничества с Афганистаном в интересах обеих стран». Далее в ноте указывалось, что развитию советско-афганской дружбы, однако, угрожает подрывная деятельность немецкой и итальянской агентуры в Афганистане. От имени советского правительства посол СССР заявил, что «преступная деятельность германо-итальянской агентуры, к сожалению, не встречает должного отпора и предупредительных мер со стороны афганского правительства». Посол напомнил, что подписанный 24 июня 1931 г. договор между СССР и Афганистаном о нейтралитете и взаимном ненападении предусматривал: «Договаривающиеся стороны не допустят и будут препятствовать на своей территории организации и деятельности группировок, а также будут препятствовать и деятельности отдельных лиц, которые вредили бы другой договаривающейся стороне». Учитывая сложившуюся международную обстановку и основываясь на советско-афганском договоре 1931 г., советское правительство сочло необходимым рекомендовать афганскому правительству высылку членов немецкой и итальянской колоний из Афганистана и взятие под строгое наблюдение деятельности германской и итальянской миссий в Кабуле[57].

Сделанные представителями СССР и Англии заявления были рассмотрены афганским правительством, и 16 октября 1941 г. министр иностранных дел Афганистана сообщил послу СССР в Кабуле, что афганское правительство, «исходя из дружественных отношений, существующих между Афганистаном и СССР, и желая еще раз показать советскому правительству, что дружба Афганистана к его соседям, и в частности к СССР, является искренней, решило принять совет правительства СССР и удалить из Афганистана немцев и итальянцев». В конце октября началась высылка немецких и итальянских агентов из Афганистана.

В результате совместных действий СССР и Англии в течение короткого времени удалось значительно улучшить политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, ликвидировать основные силы гитлеровской агентуры или ограничить ее деятельность.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. 3 июля 1941 г. в телеграмме НКИД послу СССР в Великобритании И. М. Майскому отмечалось, что советское правительство готово нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма, за восстановление их независимости и суверенитета[58].

В. Сикорский подписывает декларацию о сотрудничестве с СССР

Еще 23 июня 1941 г., выступая по лондонскому радио в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский обратился с предложением к СССР установить сотрудничество в борьбе с Германией, но на условиях возвращения в состав Польши Западной Украины и Западной Белоруссии и восстановления довоенных границ страны. Такая позиция В. Сикорского, разумеется, не способствовала позитивному обсуждению вопроса, которое началось 5 июля 1941 г. в Лондоне и велось при посредничестве британского правительства. В результате длительных переговоров была найдена компромиссная формула, согласно которой советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных перемен в Польше, признавались утратившими силу, а решение территориальных вопросов откладывалось на более позднее время. Каждая из сторон трактовала эту формулу по-своему. Так, В. Сикорский считал, что она означала отказ Москвы от территориальных претензий осени 1939 г. Тем не менее эта формула на тот период устраивала обе стороны. Москва, понимая, что послевоенная советско-польская граница будет зависеть от исхода войны, избегала заблаговременного ее определения, ничем не рискуя, и облегчала отношения с западными державами, союзниками Польши. Кроме того, при взаимном желании партнеров вопрос о границе не мог служить препятствием для двустороннего сотрудничества, что было особенно важно для польского правительства, представители которого получали доступ на советскую территорию и возможность контакта со своими соотечественниками[59].

30 июля 1941 г. И. М. Майский и В. Сикорский подписали в Лондоне «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании Польской армии на территории СССР»[60]. Составной частью соглашения был протокол об амнистии «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других

достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений». Существовал и секретный протокол о том, что «различного рода претензии частного и общественного характера будут рассматриваться в порядке последующих переговоров между обоими правительствами»[61]. Важнейшим пунктом, развитым и закрепленным совместным военным соглашением от 16 августа 1941 г., было обязательство сторон создать на территории СССР польскую армию. Командующим был назначен генерал Войска Польского В. Андерс, выпускник царского Пажеского корпуса[62].

В новой польской армии были заинтересованы оба правительства, хотя мотивация сторон далеко не во всем совпадала. В. Сикорский писал, что если возникнет перспектива прихода Красной армии в Польшу, он приложит все старания, чтобы польская армия, сформированная в России, вступила туда одновременно. Поэтому, полагал премьер-министр, надо сохранять формально дружественные отношения с Москвой.

Советская сторона на этапе позитивных изменений в отношениях с Польшей подходила к вопросу создания армии как к выполнению своих обязательств перед новым союзником. Это был политический аспект проблемы. Существовала и потребность, особенно острая в 1941 — начале 1942 г., в получении дополнительных воинских частей для участия в боях на советско-германском фронте, что специально оговаривалось в соглашении: польские армейские части будут выдвинуты на фронт по достижении полной боевой готовности, как правило соединениями не менее дивизии, и использованы в соответствии с планами Верховного командования СССР.

Но уже едва ли не в первые недели возникли трудности в выполнении этого соглашения. Положение на советско-германском фронте резко ухудшилось, вооружения для создаваемых польских частей не хватало. Западные союзники, согласившись вооружить поляков, тем не менее в течение года не направили в СССР ни одного транспорта с вооружением для польской армии. Этот и другие вопросы из организационных проблем все больше превращались в предмет политических разногласий, что было использовано польской стороной для обоснования вывода армии в Иран, поддержанного представителем президента США по ленд-лизу А. Гарриманом. В этих условиях была предпринята попытка заинтересовать поляков расширением призыва в армию и, если не исключить, то отложить ее вывод из СССР, что удалось сделать в ходе переговоров с В. Сикорским, посетившим Москву. Во время переговоров с И. В. Сталиным 3 декабря 1941 г., в ходе которых советский лидер выразил непоколебимую веру в победу над Германией (вермахт находился в 30–40 км от Москвы), В. Сикорский вопреки обещанию, данному У. Черчиллю, согласился оставить армию в СССР, получив согласие Москвы на вывод 25 тыс. солдат и всех моряков и летчиков для пополнения польских частей в Великобритании. Советская сторона также согласилась на расширение польской армии до 90 тыс. человек (при первоначально установленной численности 30 тыс.) и предоставление на ее нужды займа в 300 млн рублей. Вариант конкретных территориальных предложений Польши, который также обсуждался, был изложен в материалах, врученных А. Идену во время его визита в Москву 15–22 декабря 1941 г.[63]

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залеский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения вышли из состава правительства. В. Сикорский и поддержавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следовало решать после войны.

18 июля 1941 г. в Лондоне было заключено соглашение между правительствами СССР и Чехословацкой Республики, в котором обе стороны согласились немедленно обменяться посланниками и взаимно обязались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии. Советское руководство также согласилось на создание на его территории национальных воинских частей под командованием лица, на-

значенного чехословацким правительством, и действующих под верховным командованием СССР. Документ подписали Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании И. М. Майский и министр иностранных дел Чехословацкой Республики Я. Масарик.

Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословацкого государства и антигитлеровской коалиции в целом. Как только в Лондоне стало известно о подписании этого документа, английское правительство срочно решило также установить с чехословацким правительством дипломатические отношения. Несколько часов спустя после подписания этого соглашения Я. Масарик получил ноту английского министра иностранных дел А. Идена об окончательном признании чехословацкого правительства, которое до того признавалось только как временное.

Новейшие исследования российских ученых раскрывают ранее неизвестную предысторию этих событий. Непосредственное отношение к заключению советско-чехословацкого соглашения имела тайно находившаяся в Москве с апреля 1941 г. чехословацкая военная миссия, которую возглавлял полковник Г. Пика. В состав миссии входил и подполковник Л. Свобода — будущий командир первой чехословацкой воинской части, созданной на территории СССР. После нападения Германии на СССР военная миссия стала фактически официальным представителем чехословацкого эмигрантского правительства в Москве, признанию которого с ее стороны уже ничто не препятствовало. Миссии было предоставлено помещение в поселке Мамонтовка в 25 км от столицы.

14 июня 1941 г. полковник Г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях и предлагал приступить к осуществлению полной программы. С этой целью предлагалось Советскому Союзу официально заявить: «СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью освобождения независимой Чехословакии; СССР признает чехословацкое правительство в Лондоне как единственного представителя чехословацкого народа и д-ра Бенеша как руководителя борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма; СССР признает чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельно участвующего в войне государства; СССР будет всеми силами поддерживать на своей территории всякого рода чехословацкие инициативы, направленные на разгром Германии; СССР разрешит организовать чехословацкие военные части, которые будут сражаться против агрессора, напавшего на СССР; после поражения Германии СССР позволит чехословацкому народу свободно принять решение о своем политическом устройстве по принципу самоопределения народов, уважаемому Советами».

В свою очередь, говорилось в письме, чехословацкое правительство обязуется по просьбе СССР предоставить «всю имеющуюся у него политическую и военную информацию о ситуации в Германии и на оккупированных территориях», а также содействовать всеми средствами поискам сведений, «которые могут интересовать советское правительство и советскую армию». Чехословацкое правительство, по словам Г. Пики, брало на себя обязательство «тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором»[64].

На следующий день Г. Пика сообщил президенту Э. Бенешу и военному министру чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне С. Ингру о направленном им письме, подчеркнув: «У меня впечатление, что здесь с признанием спешить не будут. У них другие заботы».

29 июня 1941 г. глава чехословацкой военной миссии был принят народным комиссаром государственной безопасности Л. П. Берией. Г. Пика предложил наркому проект создания чехословацкой воинской части в СССР на основе добровольного вступления в нее всех чехословацких эмигрантов, проживавших на территории Советского Союза, лиц, содержавшихся в советских тюрьмах и лагерях (после соответствующей их проверки), а также остальных чехов, словаков и карпатских украинцев — советских граждан. Л. П. Берия, радушно принявший Г. Пику, заверил его, что советское правительство пойдет навстречу этим просьбам[65].

Я. Масарик

27 сентября 1941 г. в Москве было заключено военное соглашение между верховными командованиями СССР и Чехословакии, составленное в соответствии с политическим договором от 18 июля 1941 г. Соглашением устанавливался порядок формирования и нахождения чехословацких воинских частей на территории СССР, их участия в совместных боевых действиях, снабжения и материального обеспечения правительством СССР. Предусматривалось, что все возникающие вопросы будут решаться непосредственно командующим чехословацкими воинскими частями на территории СССР и соответствующими представителями Генерального штаба Красной армии. Соглашение подписали уполномоченный Верховного командования СССР генерал-майор А. М. Василевский и уполномоченный Верховного командования Чехословакии Г. Пика[66].

Советский Союз оказывал всемерную политическую, дипломатическую и моральную поддержку народам Югославии, которая была оккупирована немецкими и итальянскими войсками в апреле 1941 г. Сербия была взята Германией под непосредственное управление. Хорватию провозгласили независимой и посадили на хорватский престол итальянского герцога Сполетто. Фактически же ею управлял немецкий ставленник, главарь усташей А. Павелич. В состав Хорватского государства включили Боснию и Герцеговину. Словению разделили между Германией и Италией. Черногорию превратили в итальянское губернаторство. Из числа сателлитов гитлеровской Германии часть Македонии получила царская Болгария, а хортистская Венгрия — Бачку, Баранью и некоторые другие районы страны.

Положение в Югославии осложнялось тем, что силы Сопротивления были разобщены. Партизанам, возглавляемым И. Б. Тито, противостояли четники генерала Д. Михайловича, военного министра королевского правительства в эмиграции, которое находилось в Лондоне. При этом английское правительство добивалось подчинения Д. Михайловичу партизан И. Б. Тито и пыталось получить на это согласие советского правительства под предлогом создания общего фронта борьбы с оккупантами, с которым могли бы сотрудничать как Ве-

ликобритания, так и Советский Союз. Но попытки партизан И. Б. Тито установить контакты с разрозненными отрядами Д. Михайловича не принесли положительных результатов, они нередко заканчивались вооруженными столкновениями, в которых были замечены случаи поддержки четников немецкими войсками.

С нападением Германии на СССР реальной силой сопротивления в Югославии стала компартия во главе с И. Б. Тито. 22 июня 1941 г. она призвала народы Югославии к вооруженному восстанию, которое было намечено на 7 июля — в Сербии, 13 июля — в Черногории, 22 июля — в Словении. 27 июля произошло вооруженное восстание в Боснии и Герцеговине. В Македонии вооруженная борьба против оккупантов началась позднее. В Хорватии, несмотря на террор и массовые расстрелы заложников, усташи не смогли воспрепятствовать развитию национально-освободительного движения.

Народы Югославии в своем большинстве дружески относились к Советскому Союзу. Одним из символов надежды в те первые тяжелые месяцы жизни страны был заключенный 5 апреля 1941 г. в Москве договор о дружбе и ненападении между Югославией и Советским Союзом, который в результате быстрого разгрома югославской армии не принес реальных результатов, но оставил о себе память и надежду. Из-за сложившейся в то время военно-политической обстановки на фронте Советский Союз не имел возможности оказать Югославии помощь вооруженными силами, но делал все возможное, чтобы политически и морально поддержать ее население.

Начиная с июля 1941 г. Совинформбюро систематически сообщало о народно-освободительном движении и боевой деятельности югославских партизан. Московские газеты в июле напечатали выдержки из листовок, подпольно изданных в Югославии, в которых говорилось о том, что в стране усиливается партизанское движение, и содержался призыв развернуть партизанскую войну. Только за июль в центральных советских газетах было опубликовано более ста статей, заметок и телеграмм о положении в Югославии. 20 ноября 1941 г. советские партизаны направили приветствие партизанам Югославии, которое было передано московским радио и опубликовано 22 ноября в югославской партизанской печати. Московское радио в передачах на многих языках, в том числе на языках народов Югославии, как и в статьях Совинформбюро сообщало о боевых действиях партизан, помогая укреплению позиций народно-освободительного движения на международной арене. При этом Совинформбюро имело возможность пользоваться информацией о положении в Югославии, которая поступала по радио в Москву.

В ответ на настойчивые попытки британской дипломатии добиться от Советского Союза поддержки четников Д. Михайловича Народный комиссариат иностранных дел направил 3 августа 1942 г. югославскому представительству в СССР ноту, в которой охарактеризовал Д. Михайловича и его четников как коллаборационистов. В ноте отмечалось, что в ряде пунктов Югославии при разгроме партизанами воинских частей оккупантов были взяты в плен действовавшие вместе с ними сотни четников, а также захвачены документы, подтверждавшие факт сотрудничества генерала Д. Михайловича с немецкими и итальянскими оккупантами. Поддержка Советским Союзом борьбы народов Югославии против фашизма способствовала росту авторитета нашей страны в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Взаимные консультации с английским правительством помогали установлению отношений с силами французского Сопротивления, которые возглавил генерал Ш. де Голль. После разгрома Франции и ее капитуляции страна была разделена на оккупированную часть, включавшую две трети ее территории, в том числе главные промышленные области, побережье Ла-Манша и Бискайского залива, и не оккупированную южную часть, управляемую правительством Виши (по названию одноименного города, где оно находилось), которое возглавил маршал Ф. Петэн. Именно он обратился к А. Гитлеру с просьбой о перемирии, которое было заключено в Компьене 22 июня 1940 г. В июле 1940 г. в Виши группа депутатов и сенаторов незаконно приняла на себя функции парламента и предоставила Ф. Петэну всю полноту исполнительной и законодательной власти.

Тем временем Ш. де Голль и его сторонники сформировали движение «Свободная Франция» и укрепляли свои позиции. «Голлисты, — сообщало советское посольство в Виши руководству НКИД в декабре 1940 г., — имеют много сторонников среди крестьянства, интеллигенции, студенчества, среди мелкобуржуазных слоев французского населения. С каждым месяцем это движение усиливается»[67].

23 июня 1940 г. английское правительство опубликовало заявление о том, что оно не признает независимого характера правительства Виши, а затем признало Ш. де Голля «главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединяются к нему для защиты дела союзников». 7 августа 1940 г. между Ш. де Голлем и английским правительством было подписано соглашение, определявшее порядок формирования французских вооруженных сил, систему их финансирования и характер отношений с правительством Англии. В ведение Ш. де Голля были переданы находившиеся в Англии французские воинские части.

Сохраняя официальные отношения с Виши, правительство СССР проявляло естественный интерес к движению «Свободная Франция» как к потенциальному союзнику. Надо сказать, что общая атмосфера советско-французских отношений, исторический опыт, прежде всего советско-французский договор о взаимопомощи, заключенный в 1935 г., способствовали их позитивному развитию, что и произошло вскоре после нападения Германии на СССР. 24 июня 1941 г. Ш. де Голль телеграфировал делегации «Свободной Франции» в Лондоне: «Лично обратитесь к Майскому и в сдержанной, но ясной форме заявите от моего имени, что французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»[68].

8 августа 1941 г. И. М. Майский телеграфировал в НКИД: «Меня посетили профессоры Кассен и Дежан, политические представители генерала де Голля в Лондоне, которые поставили передо мной вопрос об установлении тех или иных официальных отношений между советским правительством и движением Свободная Франция. На мой вопрос, в какой форме они представляют себе эти отношения, представители генерала ответили, что им рисуется примерно тот же характер отношений, который сейчас существует между британским правительством и генералом де Голлем. Я ответил, что сообщу об их предложении правительству и по получении ответа информирую их. Кассен и Дежан сообщили, что армия де Голля насчитывает в настоящее время около 80 тыс. человек и что политический центр Свободной Франции де Голль намерен перенести из Браззавиля в Бейрут, хотя окончательного решения об этом еще не принято»[69].

Английская сторона сообщила свою точку зрения 7 июля, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании «еще не признало организацию де Голля в качестве правительства и оказалось бы в стеснительном положении, если бы советское правительство пошло в отношении де Голля на большую степень признания, чем та, на которую пошло правительство Его Величества»[70].

В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и французским Комитетом национального освобождения начались переговоры, в ходе которых И. М. Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством». Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию. Вскоре произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом Свободной Франции, что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР[71].

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов (например, по польскому), это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Важные усилия советской дипломатии были направлены на использование противоречий внутри фашистского блока, ограничение возможности подключения новых стран к войне против СССР, открытия новых фронтов. В связи с этим особое внимание уделялось отношениям с Японией, которая, несмотря на заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о ненападении, продолжала проводить враждебную политику в отношении Советского Союза, создавала опасность вступления в войну на стороне своей союзницы — фашистской Германии.

22 июня 1941 г., в день нападения фашистской Германии на СССР, министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока, подписавший лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете, прибыл в императорский дворец. Там он весьма энергично стал убеждать японского монарха Хирохито как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Ё. Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию»[72]. При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»[73]. Эту позицию Ё. Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки.

С первого дня войны в СССР были озабочены опасностью присоединения к своему германскому союзнику милитаристской Японии. 23 июня, выполняя указание Москвы, посол СССР в Токио К. А. Сметанин на встрече с Ё. Мацуокой задал вопрос о позиции Японии в отношении советско-германской войны. Уклонившись от определенного ответа, министр тем не менее заявил, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы». Подобное заявление не исключало расторжения пакта или нарушения его в одностороннем порядке. К. А. Сметанин обратил внимание министра на необходимость «быть объективным в своих анализах настоящих фактов... как подобает деятелю, которого советский народ принимал у себя, считал и считает как сторонника улучшения дружественных отношений между СССР и Японией»[74].

В принятом 2 июля 1941 г. на совещании высшего политического и военного руководства в присутствии императора («Годзэн кайги» — императорские совещания) документе «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» в отношении Советского Союза было решено: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей Империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ»[75].

Накануне, 1 июля 1941 г., японское руководство направило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом». При этом выражались «надежда на скорое окончание советско-германской войны и заинтересованность в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы». Верховное командование Японии охарактеризовало это послание как «дипломатическую прелюдию начала войны».

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день императорского совещания Ё. Мацуока на встрече с советским послом К. А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать пакт о нейтралитете»[76]. Сразу после этого он встречался с германским послом О. Оттом, которому объяснил, что причиной такой формулировки советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того что военная подготовка еще не закончилась. «В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится про-

тив СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам (то есть немцам. — *Прим. ред.*)»[77].

Однако Москва была незамедлительно информирована о решениях императорского совещания 2 июля. Резидент советской военной разведки Р. Зорге уже 3 июля сообщил в центр: «Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной армии. Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья... Источник Инвест (Хоцуми Одзаки) думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР».

Затем поступили сведения несколько иного характера. 10 июля Р. Зорге сообщил в Москву: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной армии. Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку». Одновременно резидент сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее»[78].

Указанный советским разведчиком вероятный срок японского нападения на СССР был довольно точным. Как стало известно из рассекреченных японских документов, 25 июня 1941 г. японским верховным командованием был утвержден график подготовки и ведения войны против СССР. Согласно этому графику принятие решения о начале войны должно было состояться 10 августа, а начало военных действий — 29 августа 1941 г.[79]

Генеральный штаб и военное министерство Японии осуществили летом 1941 г. комплекс мероприятий для подготовки наступательных операций против Вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах план этих мероприятий получил наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии»), сокращенно «Кантокуэн». 11 июля императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза. В результате проведенной мобилизации численность Квантунской армии была удвоена. К началу августа на территории Маньчжурии и в Корее были сосредоточены 850 тыс. солдат и офицеров японской армии. Количество танков в нацеленной против СССР группировке по сравнению с 1937 г. удвоилось, а самолетов — утроилось[80].

Получая разведданные о наращивании японских сил на советской границе, руководство Советского Союза по линии дипломатии прилагало большие усилия с целью не допустить японского нападения. Еще 29 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, принимая посла Японии в Москве Ё. Татэкаву, высказал мнение, что Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР. При этом нарком выразил пожелание, чтобы «Япония и СССР как две соседние страны считались бы как с интересами данного момента, так и с интересами будущего и не делали бы каких-либо шагов к ухудшению отношений». В ответ посол отметил, что он целиком присоединяется к высказанному Молотовым мнению, чтобы «обе стороны воздерживались от шагов, способных ухудшить отношения между обеими странами»[81].

О намерении не давать Японии повода для вступления в войну на стороне Германии свидетельствует специальное приглашение В. М. Молотовым посла Ё. Татэкавы в НКИД для разъяснения существа заключенного 12 июля 1941 г. англо-советского соглашения. Во время беседы советский министр особо подчеркивал, что «соглашение с Англией не касается Японии» и оно «не может дать почву к недоразумениям между СССР и Японией». При этом

в очередной раз были даны заверения в том, что СССР будет соблюдать и придерживаться пакта о нейтралитете с Японией[82].

Дипломатические акции дополняли военные усилия, которые предпринимались для укрепления боеспособности СССР на Дальнем Востоке на уровне, не позволявшем японскому командованию реализовать так называемую «стратегию спелой хурмы», предусматривавшую нападение на Советский Союз в момент его максимального ослабления в восточных районах страны. Зная о таких расчетах японского правительства из донесений разведки, советское руководство в самые трудные первые месяцы борьбы на советско-германском фронте направило на запад лишь отдельные части и соединения, поддерживая равенство сил с Квантунской армией.

Для обострения японо-советских отношений Токио использовал любой повод. В середине июля в Японии была развернута пропагандистская кампания против решения советского морского командования минировать прилегающие к советскому побережью воды в связи с опасностью нападения действовавших на Дальнем Востоке германских рейдеров и подводных лодок. При этом несколько зон в дальневосточных водах СССР объявлялись опасными для судоходства. Эта проблема была поднята японцами на уровень министерств иностранных дел двух стран. Хотя минирование территориальных и прилегающих вод являлось суверенным правом СССР, НКИД занял примирительную позицию, направив 27 июля 1941 г. в министерство иностранных дел Японии памятную записку, в которой разъяснял, что «объявленные опасные зоны преследуют исключительно оборонительные цели и расположены в непосредственной близости от советских берегов. Кроме того, при установлении этих зон также учтены интересы японских рыбопромышленников, пользующихся правами рыболовства в советских водах Дальнего Востока на основании рыболовной конвенции, и ни один из районов японского рыболовства на советском побережье не включен в опасную зону»[83]. Однако японская сторона продолжала нагнетать напряженность вокруг вопроса об «опасных зонах».

Готовились и провокации иного рода. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское руководство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять»[84]. Начальник и заместитель начальника генерального штаба Японии разъясняли начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательным»[85].

В июле японский МИД согласовал с командованием сухопутных сил требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании координационного совета документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». Документом предписывалось заставить советскую сторону прекратить поддержку Китая, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск по всей территории Дальнего Востока[86].

Сменивший Ё. Мацуоку на посту министра иностранных дел Т. Тоёда 5 августа на встрече с К. А. Сметаниным призвал прекратить поддержку Советским Союзом Китая. По существу, правящие круги Японии требовали едва ли не капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. В ответ советское правительство напомнило японским министрам, что в соответствии с договоренностью Япония должна к октябрю 1941 г. ликвидировать свои нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине и что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. В ответ на запросы НКИД о ликвидации концессий заявлялось, что «для японской стороны разрешить этот вопрос стало затруднительным»[87]. Не желая обострять советско-японские отношения вокруг концессий, советское правительство хотя и заявляло о необходимости выполнить соглашение о ликвидации концессий, вместе с тем было вынуждено мириться с создавшимся положением.

В августе 1941 г. японское правительство предприняло дипломатический демарш, заявив недовольство по поводу поставок в СССР из США через Дальний Восток товаров, в частности нефтепродуктов. 23 августа по этому поводу сделал заявление советскому послу министр иностранных дел Т. Тоёда, а два дня спустя японский посол Ё. Татэкава в расширенном варианте изложил японские претензии наркому иностранных дел В. М. Молотову. При этом не скрывалось, что поставки из США «касаются защиты интересов союзников Японии — Германии и Италии». Было недвусмысленно заявлено, что «Япония интересуется тем, не будут ли эти товары, в особенности боеприпасы, военные материалы, употреблены на войне непосредственно на Дальнем Востоке в том случае, если там сложится такая обстановка, когда будет трудно сохранить пакт о нейтралитете между Японией и СССР»[88]. Это уже была неприкрытая угроза. В своем ответе советское правительство определило японское представление как попытку «воспрепятствовать осуществлению нормальных торговых отношений между Советским Союзом и США... как недружелюбный по отношению к СССР акт»[89].

29 июля 1941 г. в «Секретном дневнике войны» японского генштаба было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю»[90].

Надежды японских стратегов на резкое ослабление группировки советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не оправдались. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17% советских дивизий и около трети механизированных частей[91]. Особенно беспокоило японских руководителей сохранение на Дальнем Востоке значительных сил советской военной авиации. В одном из документов императорской ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью — тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»[92].

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Германский посол в Токио О. Отт сообщил в Берлин, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхин-гольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»[93].

Накануне намеченной даты начала войны против СССР, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее Империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь»[94].

Альтернативой вступлению в войну на севере против Советского Союза было продолжение военного наступления в Юго-Восточной Азии. В сентябре 1940 г. японские войска вторглись на территорию Индокитая, заняв его северную часть. 26—27 июля 1941 г., несмотря на протесты США и Великобритании, японцы оккупировали и южную часть полуострова, выйдя на подступы к Филиппинам и Индонезии. В ответ американское правительство наложило секвестр на японские активы в США и расторгло торговые соглашения с Японией, лишив ее поставок нефти и других важнейших стратегических материалов. Такие же решения приняли Великобритания и Голландия. Эти экономические меры еще больше обострили японо-американские и японо-английские отношения и усилили позиции сторонников вооруженного захвата богатых сырьевыми ресурсами районов на юге. Хотя в случае оккупации советского Дальнего Востока и Сибири японцы планировали овладеть ресурсами этих регионов, для их разработки требовалось время. Сырье же, в первую очередь нефть, требовалось Японии незамедлительно и в большом количестве. Начальник отдела ставки полковник М. Цудзи писал после войны: «В начале августа в военном министерстве пришли к выводу, что в случае операций против СССР в течение полугода — года будут израсходованы все запасы нефти... Поэтому, что касается нефти, то, кроме движения на юг, выхода не было»[95]. Ведь только в

Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн тонн нефти, что примерно в 20 раз превышало добычу нефти в Японии.

В пользу первоначального нанесения удара на юге было и то, что в отличие от советского Дальнего Востока оборона предназначенных к оккупации районов в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане была на низком уровне. В представленном 30 июля 1941 г. японскому правительству предварительном плане войны на юге вскрывались слабость обороны Малайи, серьезные недостатки в позиции США на Филиппинах и незначительные возможности сопротивления в Голландской Индии.

Немаловажным фактором при определении первоначального направления распространения агрессии были климатические условия театра предстоящих боевых действий. Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и Сибири в 1918–1922 гг., когда не подготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери, командование японской армии во всех планах войны и вооруженных провокаций исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Х. Осима разъяснял германскому руководству: «В это время года (осень и зима) военные действия против СССР можно предпринять лишь в небольших масштабах... Нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»[96].

Примечательный диалог на эту тему произошел после нападения японского флота на Пёрл-Харбор между заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским и японским послом Ё. Татэкавой. Когда посол отметил, что Япония вынуждена вести войну в жарком климате, заместитель наркома как бы в шутку спросил: «А где же лучше вести войну — в жарком климате или в таком, как здесь, холодном?» Поняв суть вопроса, посол ограничился замечанием о том, что в жарких местах, так же как и в холодных, имеются свои хорошие и плохие стороны[97].

Следует отметить, что склоняясь в силу указанных причин к удару на юге, японское руководство отнюдь не отказывалось и от нападения на СССР в случае его поражения в войне с Германией. Начальник генерального штаба Х. Сугияма и его заместитель К. Цукада заявляли на заседаниях координационного совета: «Вы хотите знать, что важнее — юг или север? Здесь нет различий по важности. Порядок и метод (действий) будут зависеть от обстановки»[98]. Обстановка же в конце лета 1941 г. сложилась таким образом, что на первый план выдвинулась задача овладения сырьевыми ресурсами на юге, в первую очередь нефтью. Решить эту задачу предполагалось военным путем.

3 сентября 1941 г. на заседании координационного совета участники совещания пришли к выводу, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге»[99]. В принятом на императорском совещании 6 сентября документе «Программа осуществления государственной политики Империи» было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США.

14 сентября 1941 г. Р. Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжурии. — *Прим. ред.*) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени»[100].

Приняв такое решение, японские политики в дипломатических контактах с советскими представителями стали чаще по своей инициативе говорить о важности сохранения нейтралитета между двумя странами, ибо нейтралитет Советского Союза был необходим Японии на период военных действий в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. С другой стороны, японское правительство весьма беспокоила перспектива союза в войне между США, Великобританией и СССР. Ставилась задача не допустить такого сближения, особенно объединения сил трех держав против Японии. Эта озабоченность учитывалась в Москве. После успешного контрнаступления советских войск под Москвой и начала войны на Тихом океане СССР мог

Линкор «Мэриленд» около линкора «Оклахома», перевернувшегося во время японской атаки Пёрл-Харбора

Взрыв эсминца «Шоу» во время налета на Пёрл-Харбор

позволить себе тверже отстаивать собственные интересы во взаимоотношениях с Японией. Это проявилось, в частности, при подписании в конце 1941 г. соглашения о рыболовной конвенции, когда японские дипломаты вынуждены были учитывать и экономические интересы нашей страны.

Тем не менее военная подготовка к нападению на СССР продолжалась. Весной 1942 г. Квантунская группировка войск была вновь усилена, достигнув своей максимальной численности в 1,2 млн солдат и офицеров. Японским генштабом были составлены вариант плана «Кантокуэн» на 1942 г. и график проведения операций. По плану генштаба решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий намечалось на май 1942 г.[101] По этим же причинам советское правительство воздержалось от денонсации пакта о нейтралитете с Японией и предоставления американским ВВС баз на советском Дальнем Востоке[102].

В связи с планами летней кампании 1942 г. на советско-германском фронте руководство Германии усилило нажим на правительство Японии, требуя от него выполнения обязательств по совместной борьбе против Советского Союза. Разъясняя стратегию А. Гитлера в отношении японо-советской войны, И. фон Риббентроп убеждал японского посла в Берлине Х. Осиму: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен». На это Х. Осима отвечал, что он «уверен в необходимости нападения Японии на Россию»[103].

Но в Токио считали иначе. В ответе японского правительства германскому руководству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление против России приведет к чересчур большому распылению сил Японии» и оно «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными действиями на юге Китая». Однако при этом было заявлено, что ответ японского правительства не является окончательным и, «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны»[104].

Хотя руководство милитаристской Японии так и не осмелилось начать войну с СССР, оно по согласованию с Берлином создавало постоянную угрозу нападения, провоцировало вооруженные конфликты на границе, задерживало и топило торговые суда, вынуждая держать на Дальнем Востоке и в Сибири большую часть советских войск и вооружений, столь необходимых в ожесточенной борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками. Политика Японии в отношении Советского Союза в 1941—1942 гг. находилась в глубоком противоречии с положениями советско-японского пакта о нейтралитете, являлась формой содействия нацистской Германии в войне против СССР. Срыв германских планов молниеносной войны против СССР, поддержание высокой боеспособности Красной армии на Дальнем Востоке создали условия, при которых средствами дипломатии принудили японское правительство отказаться от вероломного нападения на Советский Союз.

Союзным отношениям держав антигитлеровской коалиции, объединивших усилия в борьбе с агрессорами, были присущи весьма острые противоречия по многим вопросам политики и стратегии, которые либо устранялись, либо смягчались путем взаимных компромиссов в ходе личных встреч их лидеров, а также других видных государственных деятелей, в процессе обмена посланиями и целенаправленной деятельности дипломатических служб. Это в первую очередь относилось к взаимоотношениям СССР с западными союзниками. В англо-советских отношениях неотложного решения требовали проблемы военного взаимодействия сторон и послевоенного устройства Европы, в первую очередь будущих западных границ СССР. От позиций сторон по этим вопросам зависел успех согласованного между И. В. Сталиным и У. Черчиллем визита английского министра иностранных дел в Москву и его главной цели — подписания союзного договора между Великобританией и СССР.

Советская и английская делегации обстоятельно готовились к переговорам. В Лондоне разработали британский проект соглашения, а в Москве были подготовлены проекты двух договоров. Принципиальных различий между проектами соглашения и договоров, судя по их текстам, не было[105]. Английская сторона подчеркивала естественную связь возможного соглашения с Атлантической хартией, подписанной 14 августа 1941 г., с основными положениями которой в сентябре 1941 г. СССР выразил согласие. Советская сторона предлагала заключить более обязывающий договор, подписанный высшими должностными лицами обоих государств. Действительность оказалась намного сложнее.

8 декабря 1941 г. на борту крейсера «Кент» министр иностранных дел Великобритании А. Иден направился в Советский Союз для ведения переговоров, имевших целью укрепить сотрудничество двух стран в войне против нацистской Германии и ее союзников в Европе. А. Идена сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган, личный советник О. Харви, представитель Форин-офиса Ф. Робертс, заместитель начальника британского генерального штаба и другие лица. С делегацией также убыл из Лондона в Москву посол СССР в Великобритании И. М. Майский.

Военное положение Советского Союза было крайне тяжелым. С началом войны немецкие войска продвинулись в глубь страны на 300–600 км, захватив территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, вели бои на подступах к Ленинграду. Войска Юго-Западного и Южного фронтов оставили Киев, Одессу, Донбасс. Противник подошел вплотную к Севастополю и в ноябре достиг Ростова-на-Дону. На главном, центральном направлении дивизии вермахта приближались к Москве. 20 октября 1941 г. Москва и прилегающие к городу районы были объявлены на осадном положении. Обстановка достигла критического рубежа, когда противник форсировал в ноябре канал Москва — Волга и на какое-то время достиг Химок.

В руках противника оказались мощнейшие промышленные и сырьевые ресурсы страны. Однако постепенно в ожесточенной борьбе все большее значение приобретали твердость духа народа, его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Героическая оборона Бреста, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Москвы способствовала срыву гитлеровского плана молниеносной войны. 5–6 декабря 1941 г. Красная армия перешла под Москвой в контрнаступление, кардинально изменившее обстановку на фронте и оказавшее большое влияние на военно-политическое положение в мире.

Визит Идена совпал с чрезвычайным событием — внезапным нападением Японии 7 декабря 1941 г. на Пёрл-Харбор, главную военно-морскую базу США на Тихом океане, то есть началом войны между США и Японией. Это известие застало А. Идена на пути из Лондона в Скапа-Флоу, где его ожидал крейсер «Кент». Великобритания в это время находилась в не менее трудном положении, хотя угроза вторжения вермахта непосредственно на Британские острова на какое-то время миновала. Страна вела войну более двух лет, разгромила итальянские армии в Восточной и Северной Африке, но потерпела поражение в битве за Францию и утратила позиции на скандинавском и балканском плацдармах. Контрнаступление 8-й британской армии в Африке, начатое 18 ноября, вынудило итало-немецкие войска к отступлению от границ Египта. Успех в Африке должен был укрепить позиции А. Идена на переговорах, равно как и контрнаступление Красной армии под Москвой — позиции И. В. Сталина.

Англия была вынуждена вступить в войну с Японией. Вслед за ударом по Пёрл-Харбору японские вооруженные силы атаковали важнейшие стратегические позиции Великобритании на Тихом океане, высадив 8 декабря десант в Британской Малайе и Таиланде. Японская авиация, разбомбив британские аэродромы в Малайе и Сингапуре, 10 декабря потопила линкор «Принц Уэльский» и крейсер «Рипалс», составлявшие основу мощи восточного флота Великобритании, остатки которого укрылись затем в Австралии. Это означало, что практически все имперские владения Великобритании в Восточной Азии, включая Сингапур, Цейлон и Индию, оказались без прикрытия с моря, что в условиях превосходства японского флота, авиации и сухопутных войск грозило катастрофой.

12 декабря английская делегация во главе с А. Иденом прибыла в Мурманск и в тот же день выехала поездом в Москву. Из Мурманска А. Иден направил телеграмму У. Черчиллю: «Глубоко сожалею о потере кораблей «Принц Уэльский» и «Рипалс». Согласен, что в сложившейся обстановке мы ничего не сможем предложить русским за исключением уже обещанных поставок. Я сделаю все возможное, чтобы произвести на Сталина впечатление значимостью наших операций в Ливии и нашей решимостью их продолжать. Необходимость обеспечения пути через Средиземное море возросла из-за превосходства японских сил на Тихом океане и потенциальной угрозы британскому влиянию на Индийском океане. Аргументы в пользу ослабления нашего воздушного наступления во Франции теперь приобретают новую силу. Если Вы решите воздержаться (от предварительно согласованной посылки эскадрильи английских самолетов из Ливии на советско-германский фронт. — *Прим. ред.*) с тем, чтобы обеспечить поддержку в Ливии и на Дальнем Востоке, я уверен, что Сталин отнесется к этому с пониманием»[106].

В Вологде к английской делегации присоединился посол Великобритании в СССР С. Криппс (посольство было эвакуировано из Москвы в Куйбышев). В Москве около полуночи с 15 на 16 декабря А. Идена и сопровождавших его лиц встречали заместитель председателя Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант А. М. Василевский, комендант Москвы генерал-майор К. Р. Синилов и другие официальные лица.

На следующий день, 16 декабря, состоялась первая беседа И. В. Сталина с А. Иденом, в которой также приняли участие с советской стороны — В. М. Молотов и И. М. Майский, а с английской — С. Криппс (переводил И. М. Майский). После взаимных приветствий и выраженного А. Иденом удовлетворения вновь оказаться в Москве и встретиться с И. В. Сталиным (А. Иден посетил Москву в 1935 г.) глава Советского государства предложил проекты двух договоров: о военной взаимопомощи и разрешении послевоенных проблем. Бегло ознакомившись с названными текстами, глава английской делегации заявил, что каких-либо принципиальных возражений против такого рода договоров у него нет, но он хотел бы, конечно, несколько внимательнее изучить предложенные тексты и, может быть, внести в них те или иные поправки.

Рассказывая А. Идену о положении на фронте, И. В. Сталин отметил: «Немцы имеют еще крупное превосходство в танках, и танки нам очень нужны, особенно «Валентины», которые оказываются вполне пригодными для операций в зимнее время. Танки «Матильда», наоборот, пригодны для операций летом, но не зимой, ибо их моторы недостаточно сильны для зимнего времени. Мы наступаем и будем наступать на всех фронтах. Германская армия, в конце концов, вовсе не так сильна. Репутация ее сильно раздута»[107].

А. Иден заявил, что, уезжая из Англии, он имел у себя «в кармане» 10 эскадрилий самолетов, которые и хотел предложить для посылки на советский фронт, как только это позволят операции в Ливии. Однако сейчас он получил сообщение, что эти десять эскадрилий британское правительство вынуждено направить в Сингапур.

На что И. В. Сталин ответил, что вполне понимает положение британского правительства и не имеет возражений против переадресовки названных десяти эскадрилий. Затем он высказал мнение, что Япония, конечно, может иметь некоторые первоначальные успехи, но, в конечном счете, через несколько месяцев она должна потерпеть крах.

Глава английской делегации отметил, что слова И. В. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям. И тогда советский лидер спросил: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и наши войска успешно будут оттеснять немцев на западе, не думает ли он, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например, на Балканах?

А. Иден заметил, что один из мотивов, заставляющих британское правительство вести операции в Ливии, сводится как раз к тому, чтобы подготовить возможности для наступательных операций в Европе. Затем он поинтересовался, действительно ли И. В. Сталин думает, что Япония может потерпеть крах, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

И получил утвердительный ответ. И. В. Сталин пояснил, что силы японцев очень истощены и они долго не смогут держаться, а если вдобавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее[108].

18 декабря во время третьей беседы обсуждались поправки к англо-советскому договору и вопрос о совместном с Красной армией участии британских войск на южном (на Украине) и северном (в Петсамо и Северной Норвегии) участках советско-германского фронта. Операцию на севере А. Иден расценил как «весьма желательную и осуществимую». Затем дискуссия касалась обсуждения второго договора: о разрешении послевоенных проблем и вопроса о признании границ СССР 1941 г. Стороны пришли к выводу, что на этот раз придется отложить подписание договора. А. Иден заявил, что ему теперь ясна ситуация, он знает, о каких трудностях идет речь, и по возвращении в Лондон постарается принять меры.

Заключительная беседа А. Идена с И. В. Сталиным состоялась 20 декабря. Советская и британская стороны стремились, по крайней мере, к внешнему компромиссу. Глава английской делегации направил У. Черчиллю телеграмму: «Наша работа завершилась на дружественной ноте. Заключительные дискуссии были наилучшими, и я уверен, что визит удался. Мы преодолели, по меньшей мере, некоторые из прежних подозрений. Сталин, я убежден, искренне стремится к военному соглашению».

По согласованию сторон 29 декабря в Лондоне и Москве было опубликовано коммюнике, в котором говорилось: «Беседы, происходившие в дружественной атмосфере, констатировали единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающиеся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным. Обмен мнениями по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области. Обе стороны уверены, что московские беседы знаменуют собой новый и важный шаг вперед в деле дальнейшего сближения СССР и Великобритании»[109].

Московские беседы во время визита А. Идена знаменовали собой новый этап в деле консолидации антигитлеровской коалиции. Конечно, до «единства взглядов» руководства СССР, США и Великобритании было далеко, однако возможности и препятствия в укреплении союзнических отношений прояснились, что в дальнейшем способствовало принятию взаимоприемлемых решений в интересах борьбы с агрессорами.

Укрепление союза трех держав

Вечером 11 декабря 1941 г. московское радио передало сообщение Совинформбюро «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». В сообщении впервые говорилось о начале советского контрнаступления: «6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»[110].

Ход и исход битвы за Москву имели огромное значение для последующих событий как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Важнейший ее итог состоял в том, что Германии не удалось осуществить свой план молниеносной войны против СССР. Переход советских войск в контрнаступление зимой 1941—1942 гг. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении планов нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии,

Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к Советскому Союзу, к прилагаемым им усилиям в борьбе с агрессором. Противнику был нанесен удар такой силы, который заставил его вначале отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига одновременно означал и переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически не была готова.

16 декабря 1941 г. Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов ваших армий в защите вашей великой нации»[111].

Подтверждением международного значения успехов советских войск в битве под Москвой может также служить выступление 20 января по лондонскому радио генерала Ш. де Голля. Он сказал: «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России... В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим»[112]. При этом «советский народ обеспечил себе достойных союзников в борьбе, заслужил искреннее восхищение во всем мире своим героическим мужеством, организованностью, дисциплиной и неустрашимым духом борьбы, твердой уверенностью в своей конечной победе»[113].

В эти же дни произошло важное событие на дипломатическом фронте борьбы с агрессорами. В ходе конференции глав правительств США, Англии, состоявшейся в Вашингтоне 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г., Ф. Рузвельт и У. Черчилль после консультаций с советским правительством подготовили проект декларации государств, борющихся против держав оси. 1 января 1942 г. в Вашингтоне представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии подписали декларацию 26 государств, получившую впоследствии наименование Декларации Объединенных Наций. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация Объединенных Наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, способствовала сплочению в рамках многостороннего соглашения всех государств, находившихся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других государств[114].

Теперь необходимо было на практике закрепить основные положения декларации. В союзных отношениях с Великобританией и США неотложного решения требовало заключение официальной договоренности о взаимопомощи в целях разгрома агрессоров и открытии западными союзниками в 1942 г. второго фронта в Европе.

19 мая 1942 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов вылетел в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против фашистских агрессоров. Положение на фронтах Второй мировой войны для СССР, Великобритании и США, еще не закрепивших свой союз соответствующими договорными обязательствами, оставалось крайне сложным.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт на конференции в Вашингтоне. 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г.

До прибытия В. М. Молотова в Великобританию между Москвой и Лондоном велись интенсивные переговоры через советского полпреда И. М. Майского и путем прямого обмена письмами между И. В. Сталиным и У. Черчиллем. В центре внимания находились вопросы взаимодействия двух сторон, поставок в Советский Союз вооружения и боевой техники, заключения союзного договора между СССР и Великобританией, который не удалось подписать во время приезда А. Идена в Москву в декабре 1941 г., и открытия второго фронта. Советская дипломатия придерживалась при этом в основном тех же позиций, что и при переговорах А. Идена в Москве.

На следующий день после прилета В. М. Молотова в Великобританию состоялась его первая беседа с У. Черчиллем. В. М. Молотов сообщил, что он уполномочен вести переговоры с английским руководством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам. Первый из них касался двух договоров о послевоенном устройстве мира и гарантиях советских границ, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между А. Иденом и И. В. Сталиным. Второй вопрос, по которому он направлялся в США, — это открытие второго фронта на Западе. Инициатива постановки этого вопроса исходила не от советского правительства, его выдвинул на рассмотрение в самом срочном порядке президент США Ф. Рузвельт. Советское правительство посчитало необходимым поручить В. М. Молотову обсудить этот вопрос перед отъездом в США с У. Черчиллем и А. Иденом.

Самолет В. М. Молотова

В. М. Молотов и советские летчики

Встреча В. М. Молотова на аэродроме в Лондоне

И. М. Майский, В. М. Молотов и У. Черчилль

У. Черчилль и В. М. Молотов после переговоров

При рассмотрении первого вопроса сразу же возник ряд серьезных проблем. Черчилль заявил, что советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации и к советскому проекту неодобрительно относится Ф. Рузвельт. В. М. Молотов, в свою очередь, обратил внимание английского премьера на тот факт, что подписание англо-советских договоров возможно при признании советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г.: «Мы не можем уступить в этом вопросе. Никто в СССР после понесенных жертв не одобрит советское правительство, если оно отступит от требования восстановления того, что было нарушено Гитлером... Если это невозможно, то лучше отложить подписание договоров».

Подводя итог дискуссии, У. Черчилль отметил, что «невозможно подписать документы, которые подчеркивают разногласия, что цель английской политики — это дружба с СССР». Переходя к вопросу о втором фронте, английский премьер-министр особо подчеркнул, что как Великобритания, так и США «готовы вторгнуться на Европейский континент самыми большими силами». Но советскую сторону волновали не только силы, но и сроки вторжения союзников на континент.

Впервые вопрос о создании второго фронта был официально поставлен в личном послании главы советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И. В. Сталин писал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»[115]. У. Черчилль отклонил советское предложение, указывая на недостаток сил и угрозу поражения десанта.

В сентябре 1941 г. в связи с серьезным ухудшением военного положения СССР И. В. Сталин вновь поставил вопрос о втором фронте. В своих посланиях от 3 и 13 сентября 1941 г. он писал У. Черчиллю, что гитлеровская Германия перебросила на восточный фронт более 30 свежих пехотных дивизий, большое количество танков, самолетов и активизировала действия 46 дивизий своих союзников, в результате чего Советский Союз потерял больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда. «Немцы считают опасность на Западе блефом, — говорилось в послании, — и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан»[116]. У. Черчилль, признав, что на Советский Союз легла вся тяжесть борьбы против фашистского нашествия, что расчет гитлеровцев построен на ликвидации своих противников поодиночке, тем не менее повторил свои доводы о невозможности открытия второго фронта[117].

В США события развивались по иному сценарию. В начале 1942 г. Управлением военного планирования штаба армии США был разработан план высадки англо-американских войск на севере Франции, который 28 февраля начальник этого управления Д. Эйзенхауэр, в то время бригадный генерал, представил на рассмотрение начальника штаба армии генерала Дж. Маршалла. Д. Эйзенхауэр считал необходимым предпринять немедленные действия с тем, чтобы оттянуть с советско-германского фронта «значительную часть германской армии». Эта операция, указывал он, будет иметь как военное, так и политическое значение, она должна быть «так продумана и так представлена русским, чтобы они убедились в значимости оказываемой им поддержки». Поскольку операцию можно было осуществить только через Ла-Манш, Д. Эйзенхауэр рекомендовал, чтобы США и Великобритания без промедления приняли конкретный план такого наступления, которое сможет связать немецкие военно-воздушные и сухопутные силы уже к концу лета[118].

Ф. Рузвельт одобрил эту инициативу и решил направить в Лондон для переговоров Г. Гопкинса и Дж. Маршалла. В послании У. Черчиллю от 3 апреля 1942 г. он писал: «То,

о чем расскажут Вам Гарри и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и умом. Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута»[119]. Г. Гопкинс и Дж. Маршалл, в принципе, получили согласие британского правительства на открытие второго фронта (операция «Раундап») и высадку ограниченного десанта западных союзников (операция «Следжхаммер»).

Названные события предшествовали встрече наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и премьер-министра Великобритании У. Черчилля и фактически задавали тон обсуждению вопросов, связанных с открытием второго фронта, во время утреннего заседания 22 мая 1942 г. В краткой информации о заседании, направленной в Москву, В. М. Молотов говорил, что оно проходило с участием У. Черчилля, К. Эттли, А. Идена и начальников штабов. На заседании У. Черчилль дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 г. или, может быть, в конце 1942 г., а также что Ф. Рузвельт стоит на его позиции. Главное препятствие, по его утверждению, заключалось в том, что у англичан и американцев не было достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям.

Ориентация британского премьера на открытие второго фронта в 1943 г., фактическое отклонение советских требований о признании в договоре западных границ СССР и условий обеспечения их безопасности привели советского наркома к выводу о бесперспективности позиции, занятой британской стороной. В ходе обсуждения стороны сделали несколько взаимных уступок, но статья о признании границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. в новом проекте отсутствовала. В. М. Молотов и И. М. Майский отправили этот проект в Москву со следующим заключением: «Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». Ответная телеграмма, полученная в Лондоне 24 мая, привела В. М. Молотова в замешательство. В ней говорилось: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях наших границ, на том или ином участке нашей страны будем решать силой... Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку».

26 мая 1942 г. В. М. Молотов и А. Иден подписали исторический «Договор Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны»[120]. Договор, необходимый как для Великобритании, так и для СССР, заключался сроком на 20 лет с гарантией сотрудничества как в годы войны, так и в послевоенное время. С подписанием англо-советского договора курс на укрепление антигитлеровской коалиции получил важную опору. Еще одной такой опорой должен был стать договор с США.

Во время пребывания в Англии В. М. Молотов имел встречи и беседы с послом США в Великобритании Дж. Вайнантом, председателем Национального комитета Свободной Франции Ш. де Голлем, лордом У. Бивербруком и специальным представителем президента США А. Гарриманом. Беседы носили конструктивный характер и способствовали укреплению дипломатического фронта борьбы с фашистской агрессией.

27 мая У. Черчилль сообщил Ф. Рузвельту: «На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали и, как Вайнант несомненно информировал Вас, что мы полностью изменили положения договора. Теперь они, по моему мнению, свободны от тех возражений, которые были у нас обоих, и полностью совместимы с нашей Атлантической хартией. Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов — государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне ваши впечатления»[121].

Прибытие В. М. Молотова в США

Встреча Ф. Рузвельта и В. М. Молотова

В те же дни между И. В. Сталиным и У. Черчиллем была достигнута договоренность о повторном визите В. М. Молотова в Великобританию на обратном пути из США. Стороны также согласились сообщить о предстоящем подписании англо-советского договора правительству Турции.

27 мая 1942 г. В. М. Молотов и сопровождающие его лица вылетели в Вашингтон. Визиту наркома иностранных дел СССР в США предшествовал ряд важных событий. Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

28 декабря президент США отменил распоряжение о приостановке поставок Советскому Союзу, отданное после нападения Японии на Пёрл-Харбор. В феврале 1942 г. президент Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов для оплаты поставок по ленд-лизу на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договоренность по предложению США об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном — сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, все еще не было.

К тому же между СССР и США имелся ряд разногласий. Они были вызваны, хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, как главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против гитлеровского вермахта, исход которой был далеко не ясен.

Постоянные осложнения в отношениях вызывало невыполнение американской стороной согласованных поставок в СССР по ленд-лизу, которые за период с 1 октября 1941 г. по 30 июля 1942 г. составили около 30% от договорного на этот период объема. Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага. С этой целью В. М. Молотов и был приглашен в Вашингтон. Предстояло обсудить вопрос о втором фронте, подписать соглашение о взаимной помощи в войне и завершить работу над проектом американо-английских поставок в СССР на 1942–1943 гг. Это был первый официальный визит на таком уровне в истории межгосударственных отношений СССР и США.

В день прилета, 29 мая, состоялись четыре встречи и беседы В. М. Молотова с Ф. Рузвельтом. Президент США принял наркома иностранных дел СССР незамедлительно. И. В. Сталин и У. Черчилль внимательно следили за ходом переговоров в Вашингтоне и фактически являлись их участниками.

Безусловно, Ф. Рузвельт был хорошо осведомлен относительно мнения британской стороны о невозможности реализовать намерение и осуществить высадку англо-американских войск во Франции в 1942 г. Среди прочих многих важной тому причиной было то, что операцию в 1942 г. предстояло в основном проводить силами британских войск. Достаточное количество войск США перебросить через океан и подготовить к операции представлялось в оставшееся время практически невозможным.

30 мая 1942 г. состоялась основная беседа с Ф. Рузвельтом о втором фронте, при этом присутствовали начальник штаба американской армии генерал Дж. Маршалл, главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Э. Кинг, Г. Гопкинс. Ф. Рузвельт сообщил присутствующим, что причина необходимости открытия второго фронта в 1942 г. вызвана неблагоприятным положением на советско-германском фронте. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 г.

В свою очередь, В. М. Молотов прямо поставил вопрос перед Ф. Рузвельтом, Дж. Маршаллом и Э. Кингом: смогут ли США и Великобритания оттянуть и сковать эти 40 дивизий, из которых большинство уже не являются полноценными дивизиями? В том и в другом случае внесение ясности имело большое значение. В ответ Дж. Маршалл заявил о трудностях в переброске войск в Англию и через пролив в Европу, отметив, что это прежде всего вопрос необходимого количества десантных средств. Э. Кинг хотел бы, чтобы советские военно-морские силы оказали помощь в деле конвоирования караванов при подходе к Мурманску, а также при защите этих конвоев от германского военно-морского флота в районе Нарвика и Киркинеса.

31 мая Ф. Рузвельт собрал совещание с участием Дж. Маршалла, Э. Кинга и Г. Гопкинса с тем, чтобы дать более определенный ответ В. М. Молотову по вопросу о втором фронте. Предварительно он подготовил проект телеграммы У. Черчиллю, в которой говорилось о целесообразности начать операцию в августе 1942 г. Но Дж. Маршалл предложил слово «август» исключить. В результате текст, касающийся сроков операции, указывал 1942 г. с добавлением следующих слов: «Мы все понимаем, что из-за погодных условий операция не может быть отложена до конца года»[122]. У. Черчилль ответил: «Маунтбеттен объяснит Вам некоторые практические трудности операции среднего масштаба в этом году, какими они нам здесь представляются. Все приготовления необходимо продолжать с максимальной скоростью»[123].

1 июня 1942 г. состоялась заключительная встреча Ф. Рузвельта с В. М. Молотовым, на которой также присутствовали Г. Гопкинс и М. М. Литвинов. Ф. Рузвельт сообщил о возможности установления мира между СССР и Финляндией, за который выступали оппозиционные круги этой страны, предложил установить регулярную воздушную связь Вашингтона с Москвой и авиалинию Аляска — Сибирь, которую в последующем использовать для переброски самолетов (эти предложения были вручены также в письменном виде), передал М. М. Литвинову проект соглашения с СССР о займе и аренде и высказал возможность не взимать процентов с этих операций[124].

Переходя к главному вопросу, Ф. Рузвельт заявил: «Мы надеемся, что второй фронт будет создан в 1942 году, но вопрос времени зависит от тоннажа. Мы можем ускорить создание второго фронта только путем получения большого количества тоннажа». При этом президент США предложил сократить англо-американские поставки в СССР в 1942–1943 гг., начиная с 1 июля, с 8 до 4,4 млн тонн для переброски за счет этого войск и вооружений США на Британские острова. При этом сокращение поставок в СССР не должно было коснуться танков, боеприпасов, самолетов и орудий.

В. М. Молотов ответил, что сокращение поставок нежелательно, аргументировал негативные последствия такого решения и передал записку с просьбой советского правительства об увеличении поставок самолетов и грузовиков и регулярной отправке в СССР одного каравана судов из США с конвоированием военно-морскими силами США. Ф. Рузвельт обещал изучить этот вопрос[125].

В. М. Молотов информировал И. В. Сталина о содержании переговоров. Заключительная встреча с Ф. Рузвельтом не прояснила вопроса об открытии второго фронта в 1942 г. Предложение о сокращении поставок имело двусмысленный подтекст: столь необходимые поставки сократятся, а второго фронта не будет. Огромная ответственность за обсуждаемые решения, их неопределенность отражались в скупости информации, направляемой В. М. Молотовым в Москву, хотя, по словам Г. Гопкинса, заключительная встреча с Ф. Рузвельтом «ослабила напряженность»[126]. В Москве особое внимание обратили на постановку вопроса о сокращении поставок и содержание коммюнике по итогам поездки, предложенного В. М. Молотовым.

3 июня И. В. Сталин направил В. М. Молотову телеграмму с выражением недовольства за скупость посылаемой им в Москву информации. Далее в телеграмме говорилось: «Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике: один — о переговорах в Англии, а другой — о беседах в США. Мы считаем, далее, абсолютно необходимым, чтобы в обоих

Экз.№ 2   СЕКРЕТНО.

Тов.СТАЛИНУ И.В.

Тов.МОЛОТОВУ В.М.

Нами было поручено Советской Закупочной Комиссии в Вашингтоне выяснить возможность предоставления в наше распоряжение некоторого количества американских морских пароходов для доставки грузов в СССР из Западных портов Америки через Берингов пролив арктическим путем.

Сегодня получено сообщение от т.т.Беляева и Акулина, что генерал Бэрнс предложил нам в счет Ленд-Лиза поставить 5 пароходов, водоизмещением 5 – 6 тыс.тонн.

Эти пароходы поступают в собственность СССР, укомплектовываются советскими командами, грузятся товарами для СССР и под советским флагом идут в бухту Провидения. Дальше они примыкают к каравану советских судов, идущих в Арктику.

Тов.Беляев и тов.Акулин для этих получаемых от американцев судов подбирают команды из команд тех советских судов, которые находятся в ремонте в американских портах.

Для ремонтирующихся же судов команды будут посланы из Владивостока.

(А.МИКОЯН).

38/6787. 14/VII-42

14.УП.42 г.
5/нс № 36637

Сообщение А. И. Микояна об американских пароходах. 1942 г.

экз.№ 1

СОВ.СЕКРЕТНО

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В дополнение к нашим сообщениям от 25 ноября и 3-го декабря о грузах, прибывших в Северные порты СССР, препровождаю уточненные данные о них.

По сообщениям нашего Торгпредства в Лондоне, первый караван под № JW-54 должен был состоять из 32 сухогрузных пароходов и 1 танкера, из них 22 парохода и 1 танкер из Англии и 10 пароходов из США. Караван разбивался на две самостоятельных группы судов. Первая группа судов прибыла в наши Северные порты (Мурманск и Архангельск) 24 и 25-го ноября и вторая группа – 2 и 3 декабря. Фактически прибыло в наши порты 29 пароходов и 1 танкер. 3 английских парохода, ввиду их неподготовленности, не вышли из Англии.

На указанных 30 судах доставлено 168,9 тыс.тонн грузов. Перечень наиболее важных грузов прилагается.

А.МИКОЯН.

мп.5экз.
6.XII.43г.
№ 18931

3/12-43

Сообщение А. И. Микояна о грузах, прибывших в Северные порты. 1943 г.

коммюнике помимо всего прочего был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому поводу имеется полная договоренность. Считаем также необходимым, чтобы в обоих коммюнике было сказано о поставках Советскому Союзу военных материалов из Англии и США»[127].

4 июня 1942 г. В. М. Молотову и М. М. Литвинову из Москвы была направлена директива: «Придется принять предложение Рузвельта о сокращении нашей заявки на тоннаж и о том, чтобы ограничиться вывозом из Америки главным образом предметов вооружения и оборудования для заводов. Нужно только настаивать, чтобы 4 400 000 коротких тонн по вывозу из США и Англии в северные порты СССР и порты Персидского залива были выполнены беспрекословно. Видимо, это необходимо для США и Англии для того, чтобы освободить свой тоннаж для подвоза войск в Западную Европу на предмет создания второго фронта. Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведем войну не с ней, а с Германией. Предоставляем тебе решить вопрос, кому подписать договор о займе и аренде: тебе или Литвинову. Настаиваем на том, чтобы в обоих коммюнике было упомянуто о втором фронте и о поставках вооружения для СССР в той или иной форме. Это нужно, так как внесет неуверенность в ряды гитлеровцев и нейтральных стран во всей Европе»[128].

В. М. Молотов скептически отнесся к заверениям Ф. Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как И. В. Сталин верил в реальную возможность достижения этой цели. Подтверждением может служить телеграмма И. В. Сталина, направленная советскому послу в Вашингтоне после отъезда В. М. Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Ф. Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств в целях обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки, как свидетельствуют переговоры, сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Ф. Рузвельтом наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта и положение на советском фронте заметно ухудшилось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы.

Тем не менее И. В. Сталин 6 июня 1942 г. телеграфировал М. М. Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это изложено в пункте 4-м нашей телеграммы № 2712, и добавлением, что советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году»[129]. Однако ни в 1942 г., ни в 1943 г. второй фронт так и не был открыт[130].

6 июня Ф. Рузвельт направил У. Черчиллю телеграмму, в которой дал свою оценку визиту В. М. Молотова: «Я весьма удовлетворен визитом. Он в большей степени способствовал этому, чем я ожидал, и я уверен, что он лучше понимает обстановку здесь, нежели до приезда»[131].

11 июня 1942 г. К. Хэлл и М. М. Литвинов подписали «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии» — важный документ, юридически закрепивший создание антигитлеровской коалиции. В советско-американском коммюнике о посещении Вашингтона народным комиссаром иностранных дел СССР говорилось, что «при переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»[132].

8 июня 1942 г. В. М. Молотов прибыл из США в Великобританию, где его уже ожидали указания И. В. Сталина: «Надо поскорее выработать и представить нам проект совместного коммюнике с Англией. Это коммюнике должно обязательно включать, кроме вопроса о Договоре, также вопросы о втором фронте в Европе и о военных поставках в СССР»[133].

В Лондоне состоялись две беседы В. М. Молотова с У. Черчиллем, касавшиеся вопросов поставок в СССР вооружений и необходимых материалов, а также проблем второго фронта. В ходе заключительной беседы 10 июня 1942 г. У. Черчилль заявил, что формулировка о втором фронте в 1942 г. «не означает, что английское правительство связывает себя определенным обязательством в отношении даты второго фронта». Британский премьер вручил В. М. Молотову «Памятную записку», которая официально ставила советское правительство в известность, что на деле Великобритания не может «дать никакого обещания в этом вопросе»[134].

31 июля 1942 г. У. Черчилль направил И. В. Сталину два послания. В одном из них говорилось: «Я хотел бы, чтобы Вы пригласили меня встретиться с Вами лично в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте. Мы могли бы совместно обсудить вопросы, связанные с войной, и в дружеском контакте принять совместные решения. Я мог бы сообщить Вам планы наступательных операций в 1942 году, согласованные мной с президентом Рузвельтом. Я привез бы с собой моего начальника Имперского штаба»[135].

Договорились встретиться в Москве. 12 августа самолет с английской делегацией приземлился на центральном аэродроме в Москве. В тот же день состоялась первая беседа У. Черчилля с И. В. Сталиным, которая продолжалась около четырех часов. При этом присутствовали В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, британский посол в Москве А. К. Керр, посол США А. Гарриман[136].

У. Черчилль напомнил, что его договоренности о втором фронте с В. М. Молотовым в мае 1942 г. были лимитированы словами о том, что он не может дать Советскому Союзу «никакого обещания на этот год». Американцы и англичане «не в состоянии предпринять операции в сентябре месяце, который является последним месяцем с благоприятной погодой... Но, как известно Сталину, Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году». Он также говорил о недостатке десантных средств, о малом количестве американских дивизий на Британских островах, о том, что было бы просто неразумным начать высадку в 1942 г. без всякой гарантии на успех, прервав тем самым большие приготовления к операциям в 1943 г.

13 августа 1942 г. в ходе второй беседы с У. Черчиллем глава Советского государства отметил, что расхождения между западными союзниками и СССР состоят в том, что «англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным» и что западные союзники не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР оружия и других материалов. У. Черчилль привел конкретные данные о количестве судов, готовых к отправке в СССР. В срыве поставок, по его мнению, виноват только А. Гитлер. «Мы, — заявил И. В. Сталин, — теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых». У. Черчилль ответил, что океаны, моря и транспорт — это факторы, в которых нельзя обвинять западных союзников, и они докажут, что тоже «не лишены храбрости», что «в настоящее время на стороне Англии две могучие страны — США и Россия. И поэтому впереди верная победа».

Следующая встреча двух лидеров состоялась 15 августа. За день до этого У. Черчилль направил И. В. Сталину специальное послание («Памятную записку») в ответ на меморандум советского лидера по поводу второго фронта. В меморандуме И. В. Сталин констатировал, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 г., вопрос о котором был предрешен и отражен в опубликованном 12 июня 1942 г. совместном коммюнике, наносит большой ущерб Красной армии и общему делу союзников[137].

У. Черчилль в своем послании вновь заявил, что ни Англия, ни США «не нарушили никакого обещания» в отношении Советского Союза. Он понимает, какую боль и разочарование привез в Москву, имея в виду невозможность для Англии и США открыть второй фронт в 1942 г. Однако именно поэтому он полагал, что «лучше ему самому приехать в СССР» и «достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным». Смысл ответа И. В. Сталина сводился к тому, что он и У. Черчилль узнали и поняли друг друга, «и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия». И. В. Сталин был склонен смотреть на дело «оптимистически».

Секретно
Экз. Един.

СПРАВКА

ОБ АНГЛИЙСКИХ СУДАХ, ОТПРАВЛЯЕМЫХ С ГРУЗАМИ из АНГЛИИ В СССР.

ОКТЯБРЬ	6 судов в среднем по 5 100 т. брутто-тоннаж	- 30.600
НОЯБРЬ	9 судов в среднем по 4 600 т.	- 41.692
ДЕКАБРЬ	6 судов в среднем по 6 200 т.	- 37.450
ЯНВАРЬ	3 судна в среднем по 3 600 т.	- 14.350
ФЕВРАЛЬ	17 судов в среднем по 5 500 т.	- 92.999
МАРТ	11 судов в среднем по 6 000 т.	- 65.720
АПРЕЛЬ	7 судов в среднем по 5 200 т.	- 36.560
МАЙ	8 судов в среднем по 7 000 т.	- 56.000
	Всего с ОКТЯБРЯ по МАЙ около	-376.371
ИЮНЬ /намечено/	8 судов в среднем по 7 000 т.	- 56.000

ВСЕГО включая июнь .... 432.371.

КОНТР-АДМИРАЛ /ХАРЛАМОВ/.

9 июня 1942 года.

Справка об английских судах, отправляемых с грузами из Англии. 1942 г.

ПОСТАВКИ США И АНГЛИИ С НАЧАЛА
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО 1 января 1943 г.

1. Поставлено США всего на 1.549,3 млн.долларов.

В том числе:

по закону о Ленд-Лизе – 1.451,4 млн.долларов,
на наличные и в счет
50 млн.долл.кредита – 97,9 " "

	Поставлено	Завезено в СССР и в порты Персидского залива
Самолеты всего	2.535	1.584
В том числе:		
бомбардировщики	1.111	855
истребители	1.374	700
Танки всего	3.262	1.981
Автомобили грузовые всего	68.034	34.566

II. Поставлено Англией всего на 548,3 млн.долларов

В том числе:

по соглашению о военных поставках – 379,4 млн.долларов
по кредитному соглашению – 169,9 " "

	Поставлено	Завезено в СССР и в порты Персидского залива
Самолеты всего	2.124	1.972
Танки всего	2.483	2.093
Автомобили грузовые всего	2.886	2.801.

Поставки Англии и США в СССР с июня 1941 г. по 1 января 1943 г.

У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о переброске на Британские острова американских войск. К 9 апреля 1943 г., как планировалось союзным командованием, их число должно было достигнуть 1 043 400 человек. Британский премьер сказал также, что положение с транспортом вскоре должно улучшиться: американцы организуют надежную систему конвоирования судов, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе.

В опубликованном 18 августа 1942 г. коммюнике отмечалось, что в результате переговоров был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями[138].

По возвращении в Англию У. Черчилль выступил 8 сентября с большой речью в Палате общин, представив свою поездку как триумфальную: «Для меня имела исключительное значение встреча со Сталиным. Главная цель моего визита состояла в том, чтобы установить такие отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова... Одно совершенно очевидно — это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома»[139].

И. В. Сталин дал оценку визиту У. Черчилля через два месяца в докладе, посвященном 25-й годовщине Октябрьской революции: «Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании г-ном Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран»[140].

Усилия представителей Народного комиссариата иностранных дел СССР не ограничивались лишь укреплением союза великих держав. Советская дипломатия продолжала борьбу за расширение антигитлеровской коалиции, привлечение в ее состав новых стран. 10 июля 1942 г. было подписано соглашение «Об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Голландией», которое вступало в силу немедленно и предусматривало обмен посланниками[141]. Послы Норвегии в СССР и СССР в Норвегии были возведены в ранг Чрезвычайных и Полномочных Послов. Преобразованы в посольства дипломатические представительства Чехословакии, Югославии и Норвегии при правительстве СССР. Все это и многое другое давало большие возможности сотрудничества СССР с этими странами, расширяло и укрепляло ряды стран антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 274–275.

[2] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 47.

[3] АВП РФ. Ф. 0483. Оп. 24с. П. 23. Д. 2. Л. 274–275, 283.

[4] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 62.

[5] Там же. С. 482.

[6] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2000 гг. М., 2002. С. 282.

[7] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 гг. М., 1983. С. 63.

[8] Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 322–324.

[9] Новая и новейшая история. № 4. 1997. С. 161.

[10] Историко-документальный департамент МИД России. Информационный бюллетень № 7. Май 2002 г. С. 28–37.

[11] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. III. Великий союз. М., 1955. С. 364–365.

[12] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 гг. В 2-х кн. Кн. 2. В 2-х ч. Ч. 2. 22 июня 1941 — 1943 г. М., 2009. С. 7.

[13] Подробнее см.: *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945 гг. М., 2000.

[14] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 363.

[15] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 73, 75.

[16] Там же. С. 71.

[17] Там же. С. 82–83.

[18] *Langer W., Gleason S.* The Undeclared War. 1940–1941. N.-Y., 1953. P. 541.

[19] FDR Library, Hyde NY Presidential Press Conferences. Press Confence. June 24, 1941.

[20] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 39.

[21] Там же. С. 40.

[22] Там же. С. 62–63.

[23] Там же. С. 62.

[24] New York Times. June 23, 1941.

[25] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 40.

[26] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16.

[27] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 511.

[28] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.

[29] FRUS. 1941. Vol. 1. P. 814.

[30] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 95, 97.

[31] Там же.

[32] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 321–323.

[33] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 гг. Кн. 2. Ч. 1. 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 г. С. 407–408.

[34] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 64–65.

[35] *Голиков Ф. И.* Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 1969. № 3. С. 102–103.

[36] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 16.

[37] Там же. С. 29.

[38] Там же. С. 32.

[39] Там же. С. 30–31.

[40] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 109.

[41] *Голиков Ф. И.* Советская военная миссия в Англии и США // Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 103.

[42] Там же. С. 106.

[43] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 12.

[44] *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 606–608.

[45] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 437.

[46] Там же. С. 437–438.

[47] FRUS. 1941. Vol. I. P. 100.

[48] Правда. 5 октября 1941 г.

[49] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 354–355.

[50] *Исраэлян В.* Антигитлеровская коалиция (дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964. С. 34–35.

[51] Конвенция Монтрё 1936 г. — конвенция, восстановившая суверенитет Турции над проливами из Черного в Средиземное море, принятая на конференции о режиме черноморских проливов, проходившей 22 июня — 21 июля 1936 г. в городе Монтрё (Швейцария).

[52] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 226.

[53] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 874.

[54] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 138.

[55] Статья шесть советско-иранского договора 1921 г. предусматривала: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» (Цит. по: История дипломатии. Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 204).

[56] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (1). М., 1996. С. 127.

[57] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 356–359.

[58] Там же. С. 107.

[59] Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 318.

[60] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 200–201.

[61] Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 318.

[62] В. Андерс происходил из прибалтийских баронов, служил в русской, германской и польской армиях. В конце сентября 1939 г. взят в советский плен, находился в госпитале, затем был арестован.

[63] Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 319–321.

[64] *Марьина В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. В 2-х кн. М., 2007–2009. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 20.

[65] Там же. С. 21.

[66] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 18–20.

[67] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 гг. М., 1983. С. 379.

[68] Там же. С. 44.

[69] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 225–226.

[70] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 380.

[71] Там же. С. 50–52.

[72] Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сб. документов). Токио, 1963. С. 458.

[73] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972. С. 84.

[74] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 29.

[75] Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сб. документов). С. 463; *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012.

[76] *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., Л., 1950. С. 244.

[77] Там же.

[78] Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18. М., 1997. С. 186–187.

[79] Дайтоа сэнсо кокан си. Дайхонъэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. Токио, 1968. С. 322.

[80] Там же. С. 329; *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

[81] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 67–68.

[82] Там же. С. 155–156.

[83] Там же. С. 189.

[84] *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии. Сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г. М., 1959. С. 159.

[85] ГАРФ. Ф. 7867. Д. 297. Л. 306–307.

[86] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 4. С. 98.

[87] *Кудо Митихиро.*Ниссо тюрицу дзёяку но кёко (Обман японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 156–157.

[88] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 260–261.

[89] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 158.

[90] Дайтоа сэнсо кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 64.

[91] Дайтоа сэнсо кокан си. Дайхонъэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. С. 351.

[92] Дайтоа сэнсо кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 66.

[93] *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 167.

[94] Дайтоа сэнсо кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 68.

[95] *Гаврилов В. В., Горбунов Е. А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 408.

[96] *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 147.

[97] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 487.

[98] *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Внешняя политика Японии в отношении СССР (1931–1945). М., 1989. С. 217–224.

[99] *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 68.

[100] Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18. С. 192.

[101] Дайтоа сэнсо кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 81.

[102] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 872.

[103] *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1952. С. 378–379.

[104] Там же. С. 379–380.

[105] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 184–186.

[106] The Eden Memoirs. The Reckoning. L., 1965. P. 288.

[107] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 509.

[108] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–38.

[109] Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 563.

[110] Сообщения Советского информбюро. Т. 1. Июнь — декабрь 1941 г. М., 1944. С. 407–408.

[111] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 10.

[112] *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Т. 1. М., 1957. С. 657–658.

[113] Известия. 31 декабря 1941 г.

[114] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 875.

[115] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 85.

[116] Там же. С. 112.

[117] Там же. С. 114.

[118] *Stoler M.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare. 1941–1943. Westport (Connecticut), 1977. P. 31–32.

[119] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 441.

[120] Документы внешней политики СССР. Т. XXV. В 2-х кн. Тула, 2010. Кн. 1. С. 391–393.

[121] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 490.

[122] The White House Papers of Harry Hopkins: An Intimate Story by Robert E. Sherwood. Vol. II. January 1942 — July 1945. L., 1949. P. 573; Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 502–503.

[123] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 504.

[124] Л. Гарднер так комментирует эти размышления Рузвельта: «После колкой дискуссии о Финляндии Рузвельт вернулся к ответственности, которую каждое из государств большой четверки должно взять на себя после войны. России, сказал он, предстоит участие в системе опеки, управления трудным процессом перехода колониальных территорий к независимости. Он назвал Французский Индокитай, Малайю и Голландскую Индию. Можно только догадываться, о чем думал Молотов, когда Рузвельт весело размахивал этим списком колоний, которые следовало поставить под покровительство великих держав» (*Gardner L.* Spheres of Influence: The Great Power Position Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993. P. 142).

[125] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 187–190.

[126] The White House Papers of Harry Hopkins: An Intimate Story by Robert E. Sherwood. Vol. II. January 1942 — July 1945. P. 580.

[127] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 205.

[128] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 258–259.

[129] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.

[130] *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 110.

[131] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 508.

[132] Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 467–471.

[133] *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 301.

[134] Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 2. С. 465–466.

[135] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Ч. II. Т. 3–4. М., 1991. С. 347.

[136] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 265–276, 279–283.

[137] Там же. С. 276–278.

[138] Там же. С. 283.

[139] Public Record Office. FO 371 50804. P. 7.

[140] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 74.

[141] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 37.

УКРЕПЛЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Борьба советской дипломатии за открытие второго фронта

Внешняя политика СССР в конце 1942 — начале 1943 г. по-прежнему во многом определялась военной обстановкой. На Советском Союзе лежало основное бремя вооруженной борьбы с Германией, и он нес огромные потери, в то время как его западные союзники избегали лобового столкновения с вермахтом. Естественно, что важнейшей задачей советской дипломатии оставалось ускорение открытия второго фронта.

Высадка союзников в Северной Африке 8 ноября 1942 г. (операция «Факел») не облегчила положения на советско-германском фронте. Военное командование США в своих внутренних оценках называло ее чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на Европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу». Отмечалось, что даже в случае успеха эта операция, «вероятно, не приведет к переброске с русского фронта ни единого немецкого солдата, танка или самолета»[1]. У. Черчилль в своем кругу тоже признавал, что эта операция никак не может заменить обещанного второго фронта: «Факел» — это только 13 дивизий, тогда как мы готовились двинуть против врага в 1943 году 48 дивизий... — писал он руководству британского генштаба 18 ноября 1942 г. — Мы дали понять Сталину, что в 1943 году будет большое вторжение на континент, а теперь планируем использовать на 35 дивизий меньше, чем предполагали в апреле — июле, или немногим больше одной четверти. Нет смысла закрывать на это глаза или воображать, что эта разница не будет замечена»[2].

В Советском Союзе, разумеется, хорошо видели эту разницу, тем более что «Факел» не только не оказывал немедленной помощи Красной армии, но и создавал для нее дополнительные проблемы. Для обеспечения нужд этой операции сокращались поставки в СССР по ленд-лизу. В июле 1942 г. союзники приняли решение отменить 18-й северный конвой из-за больших потерь, понесенных предыдущим конвоем PQ-17. Со следующего, 19-го каравана в сентябре 1942 г. без предупреждения советской стороны была снята крупная партия истребителей «Аэрокобра», срочно затребованных американским командованием для нужд «Факела». Это вызвало естественное возмущение советского правительства, так как истребители были крайне необходимы под Сталинградом, где шли ожесточенные сражения. 20 сентября в телеграмме советскому послу в Лондоне И. В. Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об «Аэрокобрах» я считаю верхом наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то,

что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»[3].

У. Черчилль задним числом объяснил И. В. Сталину происхождение этого решения, но тот, судя по всему, так и не поверил в непричастность к нему англичан. Более того, в начале октября 1942 г., когда развернулись решающие бои под Сталинградом, У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о приостановке отправки дальнейших северных конвоев до января следующего года, оправдывая это большими потерями от немецкого флота и авиации.

Дополнительным поводом для обострения советско-британских отношений стала позиция Лондона в вопросе о наказании военных преступников, заявленная Форин-офисом 7 октября после консультаций с США и другими западными союзниками, но безо всякого согласования с Москвой. В ответном заявлении от 14 октября советское правительство потребовало немедленной организации суда над военными преступниками, оказавшимися на территории Объединенных Наций[4]. Первым из них был назван Рудольф Гесс, находившийся в Великобритании после своего перелета туда в мае 1941 г. В Москве давно подозревали, что миссия Р. Гесса была попыткой сговора А. Гитлера с англичанами за спиной Советского Союза, и новый демарш Лондона на фоне других накопившихся противоречий только усугубил эти подозрения. И. В. Сталин в телеграмме И. М. Майскому от 19 октября 1942 г. писал, что Р. Гесса «Черчилль, по-видимому, держит про запас... У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»[5]. И. М. Майский в ответ предложил свой анализ мотивов британской политики, заключив: «Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель»[6]. И. В. Сталин частично согласился с анализом посла, хотя остался при своем мнении о лицемерии британского лидера: «Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его. Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября — октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения. Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»[7].

Некоторая стабилизация ситуации под Сталинградом к середине ноября 1942 г. в сочетании с успешной высадкой союзников в Северной Африке ослабили напряженность в союзных отношениях. И. В. Сталин, ранее сомневавшийся в успехе «Факела», приветствовал его обнадеживающее начало. Тон его переписки с союзниками заметно потеплел. Менялась ситуация и на советско-германском фронте. К концу ноября успех советского наступления под Сталинградом показал, что в гигантской битве на Волге наступил перелом. «Судьба великого сражения, продолжающегося под Сталинградом, еще не решена окончательно, но вполне вероятно, что русское наступление будет иметь далеко идущие последствия для германской мощи... — отмечал У. Черчилль в меморандуме для британского военного командования от 2 декабря. — К концу 1942 года мы сможем сделать один вполне определенный вывод — в 1943 году не произойдет никакой существенной переброски германских войск с Восточного на Западный театр военных действий. Это будет фактом первостепенного значения»[8].

Сталинградская битва, имевшая огромный резонанс во всем мире, дала первый толчок к расширению дипломатических связей СССР с «малыми» членами антигитлеровской коалиции, прежде всего в Латинской Америке. При этом инициативу, как правило, проявляли сами эти страны на волне стремительно растущих симпатий к Советскому Союзу как главной боевой силе в борьбе с фашизмом.

Видную роль в этом процессе сыграл посол СССР в США М. М. Литвинов, через которого шли переписка и соответствующие переговоры. Первой на этот путь встала Куба, в октябре 1942 г. предложившая наладить дипломатические отношения с СССР. Они были установлены в феврале 1943 г., причем первым советским посланником на Кубе стал по совместительству М. М. Литвинов. В начале 1943 г. были восстановлены дипломатические отношения СССР с Уругваем и Колумбией.

Высадка американских войск на побережье Алжира в ходе операции «Факел»

Большое значение имело восстановление межгосударственных отношений с Мексикой, прерванных в 1936 г. В конце октября 1942 г. министр иностранных дел этой страны Э. Падилья заявил, что правительство Мексики «с удовлетворением восприняло бы восстановление отношений с СССР как дань восхищения огромным вкладом, который внесло в дело демократии героическое сопротивление советского народа преступной агрессии нацистской диктатуры»[9]. Советское правительство ответило согласием, и после обмена нотами между М. М. Литвиновым и послом Мексики в США в ноябре 1942 г. дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены. На первых порах роль советского посланника исполнял по совместительству М. М. Литвинов, а в июне 1943 г., когда миссии обеих стран были преобразованы в посольства, им стал посол К. А. Уманский. Первый посланник Мексики в Москве привез И. В. Сталину письмо президента своей страны А. Камачо, в котором, в частности, говорилось: «Великолепная борьба, которую ведет Советская армия против войск тоталитарных держав и которая решительно поддерживается всем народом Советского Союза, вызвала в Мексике, так же как и во всем мире, самый горячий энтузиазм»[10].

Победа под Сталинградом создавала благоприятные возможности для активизации военных действий союзников против Германии. В феврале 1943 г. Объединенный комитет по разведке при британском Комитете начальников штабов (КНШ) дал следующую оценку новой ситуации на советско-германском фронте: «Каковы бы ни были намерения или планы Германии, мы считаем, что настало время признать, что поражение, нанесенное ей в России, возможно, является невосполнимым. Для своей кампании в России она создала самую большую и сложную военную машину из когда-либо существовавших. Эта машина была побита и повреждена до такой степени, что вряд ли может быть восстановлена... Мы считаем, что может возникнуть ситуация (и к ней нам следует быть готовыми), при которой Германия вообще окажется не в состоянии стабилизировать и удерживать линию фронта в

России. Если это произойдет, то организованное немецкое сопротивление в России может рухнуть». Далее в докладе прогнозировались геополитические последствия этого краха: Германия будет всеми силами сдерживать «вторжение с востока» и может открыть фронт на западе (вплоть до «приглашения» англо-американских войск) в надежде на сепаратный мир с США и Великобританией. Европейские сателлиты Германии будут один за другим выходить из войны, Румыния и Болгария подпадут под контроль Москвы и т. д. 22 февраля 1943 г. КНШ согласился в принципе с основным содержанием доклада, но сделал оговорку о том, что он, «возможно, рисует слишком оптимистическую картину. Пока еще преждевременно с уверенностью предсказывать ход дальнейших операций в России»[11].

Однако союзники не спешили воспользоваться новыми возможностями, открывшимися после Сталинграда, рассчитывая и впредь на решающий вклад СССР в разгром вермахта. В результате победы на Волге, как сообщал из Лондона И. М. Майский, в британских кругах укрепилось настроение «самоуспокоенности»[12].

Тем не менее наметившийся перелом в ходе войны ставил в повестку дня согласование планов союзников на дальнейшую перспективу. На сей раз участие СССР в этом обсуждении коалиционной стратегии выглядело особенно обоснованным и даже необходимым. Ф. Рузвельт предложил англичанам провести трехстороннюю встречу военных штабов. Но это предложение было отклонено У. Черчиллем, доказывавшим американскому президенту, что советские представители не будут иметь необходимых полномочий и ограничатся известными требованиями открытия второго фронта. У. Черчилль писал президенту США в конце ноября 1942 г.: «Они наверняка потребуют крепкого второго фронта в 1943 г. в виде массированного вторжения на континент с запада, юга или с обоих этих направлений»[13].

Вместо совещания штабов трех стран У. Черчилль предложил воспользоваться согласием И. В. Сталина на встречу большой тройки в Исландии, о которой шла речь на переговорах в Москве в августе 1942 г. Ф. Рузвельт с готовностью согласился, однако отклонил другую идею У. Черчилля — провести до встречи с И. В. Сталиным двустороннее совещание для выработки совместной англо-американской позиции. «Я не хочу, чтобы у Сталина создалось впечатление, что мы обо всем договорились между собой еще до встречи с ним», — отвечал он британскому премьеру[14]. Местом встречи трех лидеров был выбран город Касабланка на севере Африки. С этим предложением оба лидера и обратились к И. В. Сталину в близких по тексту посланиях, причем авторство этой идеи было приписано Ф. Рузвельту.

Однако И. В. Сталин вежливо отказался от встречи с западными партнерами, что некоторые западные историки считают его ошибкой — упущенной возможностью повлиять на стратегические решения союзников[15]. Крайняя занятость делами фронта, на которую он сослался, была достаточно убедительной, хотя, наверное, не единственной тому причиной. Свою роль могли сыграть стойкая неприязнь к дальним путешествиям (особенно авиационным перелетам), нежелание встречаться с западными партнерами на чужой, неподконтрольной территории и, главное, стремление укрепить свои военно-стратегические позиции перед решающими обсуждениями большой стратегии. И. В. Сталин также отклонил рекомендацию И. М. Майского настоять на участии других советских представителей в работе конференции в Касабланке с тем, как предлагал посол, «чтобы мы не оказались в стороне от предстоящих совещаний и не были вновь поставлены перед фактом уже принятых без нас решений»[16].

Отказ И. В. Сталина приехать в Касабланку был встречен У. Черчиллем с чувством облегчения. В беседе с И. М. Майским премьер так описал свое объяснение мотивов И. В. Сталина, которое он дал Ф. Рузвельту: «Сталин — реалист. Его не проймешь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: «Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году?» А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более что дома у него действительно делаются большие дела»[17].

Ф. Рузвельт приветствует почетный караул американских солдат. г. Касабланка, 1943 г.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль за столом с высшими офицерами союзников на конференции в Касабланке

Записка И. В. Сталина
В. М. Молотову в Лондон

вне всякой очереди

Лондон

Совпосол

Молотову. 1. Проект договора, переданный тебе Иденом, ~~[illegible]~~ получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. ~~Там~~ нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остается

руки свободными.
Вопрос о границах,
или скорее о гарантиях без-
опасности наших
границ на том или
ином участке наших
стран, будет решаться
силой.

2. Мы предлагаем
отбросить поправки
к старым прежним договорам
и принять за основу
проект Идена, объеди-
няющий оба договора,

к проекту Идена:

3. Наши поправки:

Часть 1 статья 1. – вместо слов „в силу Союза, установленного между нами" сказать „в силу Союза, установленного между Великобританией и СССР." Далее:

Часть 2, конец статьи 5 вместо слов – „не вмешиваться во внутренние дела других народов" сказать: „не вмешиваться во внутренние дела других государств".

~~62~~ (4) (18)

4. Если есть у вас другие поправки сообщите нам поскорее.

5. Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь ~~поскорее~~ в Америку.

Инстанция.

1. т. Сталину
~~т. Молотову~~
2. т. Деканозову

24/V 42

Ф. Рузвельт и У. Черчилль в Касабланке

Пресс-конференция в Касабланке

Решения англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.), которая прошла при преимуществе хорошо подготовленной британской стороны, отражали основные приоритеты стратегии Великобритании: упор на дальнейшие операции в Средиземноморье (операция «Хаски» по высадке в Сицилии с последующим вторжением на Апеннинский полуостров), наращивание сил на Британских островах для будущей высадки на Европейский континент (операция «Болеро»), усиление бомбардировок территории Германии и приоритетное значение Европейского театра военных действий по сравнению с Тихоокеанским. Второй фронт в 1943 г. пока еще не отменялся, но, как хорошо понимали военные планировщики обеих стран, продолжение средиземноморской стратегии было плохо совместимо с масштабным вторжением на север Франции.

«Крылья «Болеро» и «Раундап» уже опалились в пламени «Факела», — резюмировал итоги встречи начальник группы стратегического планирования США генерал А. Ведемейер. — Когда же в Касабланке было решено продолжать средиземноморские операции, я знал, что форсирование Канала в 1943 году для решающего разгрома Германии... больше не состоится»[18]. Кроме того, в Касабланке союзники объявили о принципе безоговорочной капитуляции в отношении Германии и других стран оси. Это была американская инициатива, поддержанная и У. Черчиллем, хотя он впоследствии пытался дистанцироваться от этого решения, усилившего, по его мнению, силу немецкого сопротивления. Главным мотивом Ф. Рузвельта было заверить Москву в решимости англо-американцев довести борьбу с фашизмом до победного конца, ослабить советские подозрения насчет возможности их сговора с Германией, а заодно исключить возможность заключения сепаратного мира между ней и Советским Союзом, которого тогда еще опасались на Западе. Дополнительным мотивом служило стремление хоть как-то компенсировать отсутствие второго фронта.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль хорошо понимали, что «цель безоговорочной капитуляции для англо-американцев недостижима без Красной армии»[19]. Советское руководство в целом позитивно отнеслось к этой инициативе и впоследствии не раз ссылалось на этот принцип в своей политике. Так, в приказе от 1 мая 1943 г. И. В. Сталин говорил о борьбе «до полного разгрома гитлеровских армий и безоговорочной капитуляции Германии»[20].

Хотя руководители Великобритании и США даже в переписке между собой еще не признавались в отказе от второго фронта в 1943 г., они хорошо понимали, что итоги Касабланки вряд ли понравятся И. В. Сталину. «Всем нам было очевидно, — писал генерал А. Ведемейер, — что ни одна из операций вокруг островов Средиземного моря не создаст для русских второго фронта и не отвлечет силы «оси» с Восточного фронта»[21]. Поэтому Ф. Рузвельт и У. Черчилль решили сообщить об итогах встречи И. В. Сталину в специальном совместном послании от 25 января 1943 г. Информирование Москвы о решениях в Касабланке было необходимо и для демонстрации единства антигитлеровской коалиции перед всем миром. Неслучайно в коммюнике по итогам встречи говорилось, что «премьер Сталин был полностью информирован о военных решениях», принятых на конференции[22].

Это утверждение являлось преувеличением, ибо совместное послание было сформулировано в обнадеживающих, но расплывчатых тонах. В нем провозглашалось намерение «заставить Германию встать на колени» уже в текущем году, говорилось об отвлечении сил вермахта с советско-германского фронта как основной задаче союзников, но не содержалось никаких конкретных обязательств. Сами западные лидеры не обольщались относительно реакции Москвы на свое сообщение. «Ничто на свете не будет приемлемо для Сталина, кроме высадки 50–60 дивизий во Франции этой весной, — писал У. Черчилль А. Идену и Военному кабинету. — Думаю, что он будет разочарован и даже взбешен совместным посланием»[23]. Однако в ответном послании обоим лидерам от 30 января 1943 г. И. В. Сталин воздержался от предметной оценки намеченных операций и лишь запросил от них более конкретную информацию. Он исходил из того, что союзники продолжают придерживаться своего обязательства об открытии второго фронта в 1943 г.

Обещанное разъяснение принятых в Касабланке решений готовилось в Лондоне с большой тщательностью. Составленный У. Черчиллем проект послания был согласован с

Ф. Рузвельтом, который придал ему менее конкретный характер. Имперский генеральный штаб одобрил правку президента и в дополнение рекомендовал убрать из проекта оставшуюся в нем привязку грядущего форсирования Ла-Манша к сентябрю 1943 г. «Нам не следует связывать себя столь определенным обещанием», — писали британские военные[24]. Тем не менее У. Черчилль в своем послании И. В. Сталину, полученном в Москве 12 февраля, пренебрег этой рекомендацией, опасаясь, видимо, резкой сталинской реакции на столь явный отход от предыдущих обязательств.

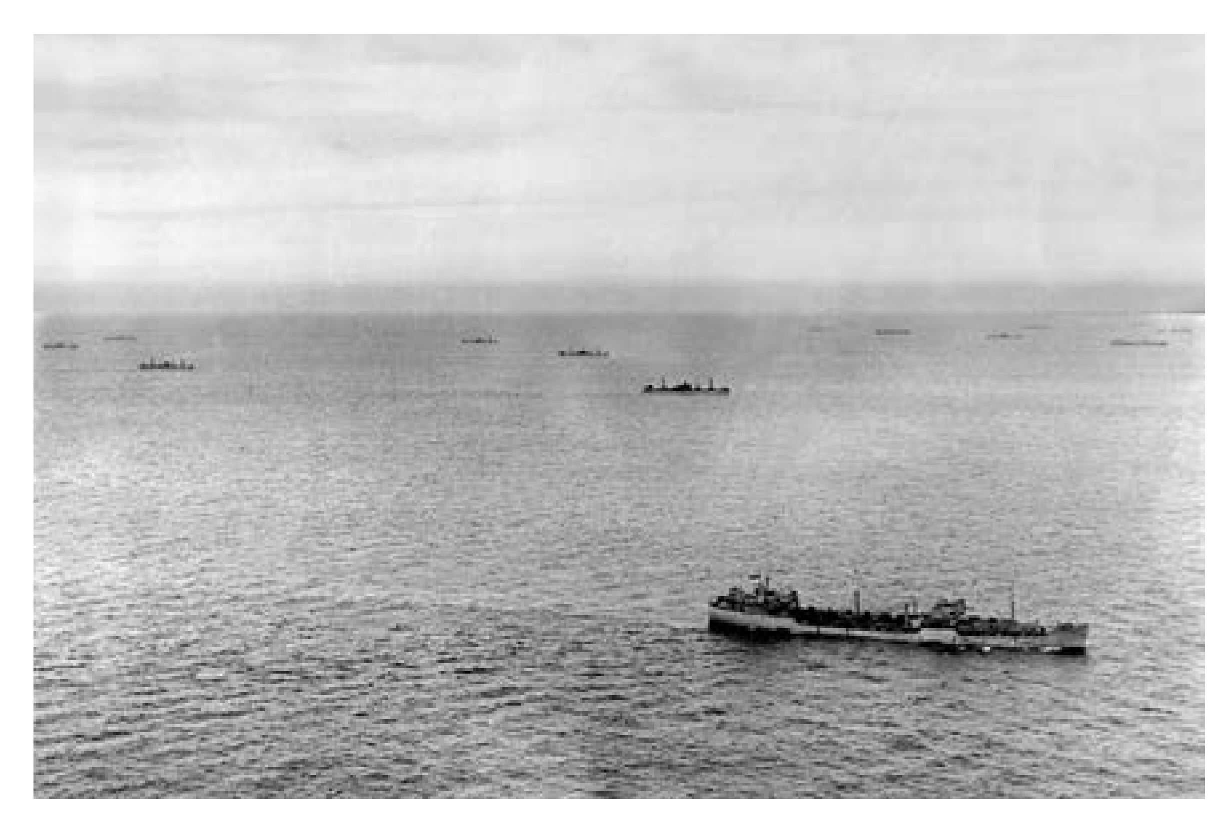
Таким образом, после очередного нажима на союзников И. В. Сталин получил весьма определенное обещание открытия второго фронта во Франции в августе — сентябре 1943 г. Но и эта произвольная трактовка касабланкских решений его не устраивала, поскольку была отступлением от ранее принятых союзниками обязательств относительно сроков вторжения во Францию. Ситуация еще более осложнялась тем, что в феврале наступление союзников в Северной Африке захлебнулось и первоначальные сроки завершения «Факела» были серьезно нарушены. Это грозило окончательно сорвать открытие второго фронта в 1943 г. и давало вермахту передышку для активизации на советско-германском фронте. «Все это пахнет плохо, — резюмировал в своем дневнике И. М. Майский. — Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня — июля. Операции нелегкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, не гладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подброске подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш бритпра (британское правительство. — *Прим. ред.*) будет тянуть, примеряться, откладывать... Что же выйдет из второго фронта?»[25]

В своем ответе У. Черчиллю от 16 февраля И. В. Сталин выразил серьезную озабоченность затягиванием «Факела», которое, по его словам, уже привело к переброске на советско-германский фронт дополнительных 27 дивизий противника. Он также предложил перенести высадку союзников на севере Франции с августа — сентября на весну — начало лета: «...чем раньше мы совместно используем создавшиеся в гитлеровском стане затруднения на фронте, тем больше оснований рассчитывать на разгром Гитлера в скором времени. Если не учесть всего этого сейчас и не использовать нынешний момент в наших общих интересах, то может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться»[26].

Придерживаясь той же линии, И. М. Майский в своей беседе с А. Иденом 18 февраля 1943 г. поднял вопрос о пересмотре решений в Касабланке в свете новой обстановки на советско-германском фронте. Германия, доказывал посол, может быть разбита уже в 1943 г., если советское наступление подкрепить «достаточно крепким ударом с запада» путем вторжения во Францию. «Сицилию, Италию и т. д. можно отложить, ибо, если оправдаются надежды, возлагаемые на второй фронт... то вопрос о Средиземном море решается сам собой»[27].

Министр расценил демарш И. М. Майского как санкционированный Москвой, что, естественно, увеличивало его вес в глазах англичан[28]. Предложение И. М. Майского по распоряжению У. Черчилля было рассмотрено А. Иденом и генштабом, которые признали его «непрактичным», подтвердив правильность принятых в Касабланке решений. Неслучайно в приказе Верховного главнокомандующего по случаю годовщины создания Красной армии вопрос о военной помощи со стороны союзников был обойден стороной, что свидетельствовало о недовольстве советской стороны их политикой в отношении второго фронта.

11 марта 1943 г. У. Черчилль направил И. В. Сталину новое послание, в котором оправдывал пассивность союзников в Тунисе, ссылался на трудности форсирования Ла-Манша и расписывал планы будущих операций союзников в Италии. При этом он избегал определения конкретных сроков высадки во Франции, оставляя за союзниками свободу рук в решении этого вопроса. Не удивительно, что это послание было встречено в Москве с тревогой. Положение на советско-германском фронте к тому времени вновь осложнилось в результате упорного сопротивления немцев и просчетов командования Юго-Западного фронта. Проведя перегруппировку сил и нарастив преимущество в танках на направлениях главных

Конвой союзников в Атлантике

контрударов, германские войска под командованием Э. фон Манштейна прорвали правый фланг Юго-Западного фронта. Советскими войсками были оставлены Павлоград, Красноармейск, Краматорск, угроза нависла и над Харьковом. 15 марта после тяжелых боев город был вновь захвачен вермахтом[29]. На этом фоне новые проволочки союзников с открытием второго фронта воспринимались в Москве особенно болезненно.

В своем ответе У. Черчиллю от 15 марта 1943 г. И. В. Сталин подчеркнул осложнение обстановки на советско-германском фронте и предупредил премьера о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции: «После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новое крупное мероприятие по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета... Неопределенность Ваших заявлений относительно намеченного англо-американского наступления по ту сторону Канала вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать»[30].

Конец марта принес еще одну плохую весть — решение западных союзников об очередной приостановке северных конвоев в СССР до сентября, о котором У. Черчилль информировал И. В. Сталина в своем послании от 29 марта 1943 г. Это решение, по словам союзников, вызывалось нехваткой тоннажа и эскорта, необходимых для подготовки высадки в Сицилии (операция «Хаски») при одновременном продолжении плановых поставок в Советский Союз. История повторялась: как и в 1942 г., северные конвои становились жертвой англо-американской стратегии «мягкого подбрюшья» с той разницей, что на этот раз потери конвоев сократились и не имели большого значения в принятии подобного решения.

И. В. Сталин дал «стоический», по выражению У. Черчилля, ответ на это известие, квалифицировав «этот неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США», которое «не может не отразиться на положении советских войск»[31].

Хотя союзники несколько увеличили поставки в СССР по тихоокеанскому и южному маршрутам, это не могло полностью компенсировать потери от прекращения отправки северных конвоев. В итоге накануне нового летнего наступления вермахта (операция «Цитадель») советские войска оказались лишены значительной части обещанной помощи. В целом обязательства союзников по Второму протоколу (июнь 1942 — июнь 1943 г.), по американским данным, были выполнены на 76% (3,054 вместо 4,02 млн тонн). За этот период было поставлено 3816 самолетов и 1206 танков, что составляло незначительную часть советского производства этих типов боевой техники[32]. Большая часть поставок по ленд-лизу в СССР пришлась на период уже после коренного перелома в войне, при этом общая сумма затрат на ленд-лиз для СССР за годы войны составила всего 4% от совокупных военных расходов США и Великобритании[33].

В апреле 1943 г. отношения с союзниками несколько улучшились в связи с завершением основных военных операций в Северной Африке, но вскоре их осложнил кризис в советско-польских отношениях, нараставший с начала 1943 г. Упорное нежелание польской стороны признать присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, проблема гражданства поляков, оставшихся на этой территории, ограничения на работу польских благотворительных организаций в Советском Союзе, проблема выезда поляков из СССР — всё это обостряло отношения между Москвой и эмигрантским правительством В. Сикорского. В марте в Москве был создан «Союз польских патриотов» во главе с писательницей Вандой Василевской, который занял критическую позицию в отношении «лондонских поляков».

Судя по всему, к этому времени И. В. Сталин уже принял решение порвать с правительством В. Сикорского дипломатические отношения. Это подтверждается и указанием В. М. Молотова послу при союзных правительствах в изгнании А. Е. Богомолову от 22 апреля 1943 г. немедленно прекратить отношения с правительством В. Сикорского, «не прерывая формально отношений с поляками»[34]. Однако И. В. Сталин хотел предварить свое решение извещением союзников. 21 апреля У. Черчиллю и Ф. Рузвельту были направлены идентичные послания, в которых сообщалось о намерении советского правительства прервать с правительством В. Сикорского дипломатические отношения[35].

«Лондонцы», со своей стороны, также готовились сжечь мосты, связывающие их с Москвой. Еще в конце марта, после срыва переговоров польского посла Т. Ромера с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, министр иностранных дел правительства В. Сикорского конфиденциально предупреждал англичан о возможности разрыва дипломатических отношений с СССР[36].

У. Черчилль и Ф. Рузвельт не хотели подрывать свои отношения с главным союзником, чтобы ублажить «лондонских поляков». В то же время они стремились сохранить прозападное правительство В. Сикорского. Поэтому их позиция свелась к тому, чтобы сгладить разгоревшийся конфликт: с одной стороны, уговорить И. В. Сталина повременить с официальным разрывом, а с другой — заставить «лондонцев» дезавуировать свой антисоветский демарш.

24 апреля 1943 г. в Москве было получено послание У. Черчилля по польскому вопросу, в котором премьер просил И. В. Сталина не спешить с публичным объявлением своего решения, обещая оказать давление на правительство В. Сикорского. У. Черчилль также призывал советского лидера ускорить выезд оставшихся в СССР поляков для нормализации советско-польских отношений. Ф. Рузвельт поддержал позицию У. Черчилля в своем послании И. В. Сталину от 25 апреля, назвав демарш кабинета В. Сикорского ошибкой.

«Да, трудный народ поляки, — жаловался И. М. Майскому министр иностранных дел Великобритании А. Иден, — и я бы просил членов советского правительства верить тому, что мы, члены британского правительства, далеко не всегда знаем, что делает или собирается делать польское правительство»[37]. Однако в Москве этому вряд ли верили.

В. Сикорский

Новое польское заявление от 28 апреля 1943 г. носило половинчатый характер и было сделано от имени польского информационного агентства, что снижало его официальный статус. Но было уже поздно. Еще 25 апреля вечером В. М. Молотов вызвал посла Т. Ромера и вручил ему ноту о разрыве отношений, почти дословно повторявшую послание И. В. Сталина от 21 апреля (это произошло еще до получения послания У. Черчилля от 25 апреля с описанием подвижек в польской позиции под английским давлением). В Вашингтоне и Лондоне стали опасаться, что вслед за этим будет создано польское правительство на территории СССР в противовес лондонскому, как предупреждали из Москвы послы А. Керр и У. Стэндли[38].

По совету своих дипломатов и с одобрения президента США У. Черчилль направил И. В. Сталину новое послание с выражением сожаления по поводу разрыва советско-польских отношений и озабоченности в связи с распускаемыми нацистской пропагандой слухами о создании нового «польского правительства на русской земле». И. В. Сталин в своем ответе У. Черчиллю и В. М. Молотов во время вручения ему этого послания А. Керром[39] с возмущением отвергли такую идею как выдумку геббельсовской пропаганды. М. М. Литвинов и И. М. Майский получили личное указание И. В. Сталина объяснить принимающей стороне «абсурдность» подобных слухов[40]. Эти заверения произвели впечатление в Лондоне: «Черчилль и Кадоган вздохнули с облегчением», как сообщал И. М. Майский о встрече с ними 30 апреля[41].

В ответ на просьбы союзников советское правительство согласилось ускорить выезд поляков из СССР. В послании У. Черчиллю от 4 мая 1943 г. впервые выдвигалась идея реорганизации лондонского правительства под совместной эгидой большой тройки в целях укрепления единства антифашистского фронта. Это предложение для западных лидеров выглядело весьма умеренным и приемлемым компромиссом. «Мне кажется, что ответ Сталина очень дружественный и разумный, — телеграфировал У. Черчилль А. Идену на пути в США для очередной встречи с Ф. Рузвельтом. — Замечательно, что он направил такое по-

слание, особенно включив в него абзац о выезде поляков как важном вопросе. Дальнейшие размышления укрепляют мое ощущение, что польское правительство совершило глупую и недостойную ошибку большого масштаба и что во имя будущего Польши необходима его серьезная перестройка. Я рад, что Вы уже начали говорить об этом с Сикорским»[42].

В. Сикорский под нажимом англичан начал склоняться к идее создания кабинета в узком составе, в работе которого не участвовали бы наиболее антисоветски настроенные члены его правительства. «Сикорскому надо внушить, что он и его окружение совершают безнадежную ошибку, когда они затевают публичные атаки против России, — писал У. Черчилль А. Идену. — Запретить им отвечать на протесты русских — лишь малая толика заслуженного наказания за их глупость. Я все больше прихожу к тому, что мы не должны слишком нежничать с этими неразумными людьми. Надеюсь, что Вы сумеете убедить Сикорского перестроить свое правительство. Пока он этого не сделает, нам нужно держать его на расстоянии»[43]. Таким образом, идея реорганизации польского правительства по инициативе И. В. Сталина стала выдвигаться в повестку дня союзной дипломатии. Однако польский вопрос и в дальнейшем осложнял взаимоотношения союзников.

Наметившийся перелом в ходе войны на фоне обострения отношений с Советским Союзом подтолкнул Ф. Рузвельта к попытке установить прямой личный контакт с И. В. Сталиным в обход британского премьера. Президент был уверен, что сможет скорее найти общий язык с советским лидером, чем У. Черчилль. К тому же он не хотел мириться с тем, что премьер-министр взял на себя роль посредника между ним и И. В. Сталиным. Такая встреча требовала особой подготовки, и Ф. Рузвельт вновь прибегнул к использованию доверенного личного эмиссара. На сей раз им стал бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис, который пользовался доверием президента и имел хорошую репутацию в СССР. Миссия Дж. Дэвиса готовилась в обстановке глубокой секретности, кроме президента в нее был посвящен только Г. Гопкинс. Ф. Рузвельт уведомил британского премьера об этом плане только в июне, причем приписал его авторство И. В. Сталину, чему У. Черчилль не очень поверил[44]. Сам И. В. Сталин был заранее проинформирован Ф. Рузвельтом через М. М. Литвинова о предстоящей миссии Дж. Дэвиса и идее «встречи без Черчилля»[45].

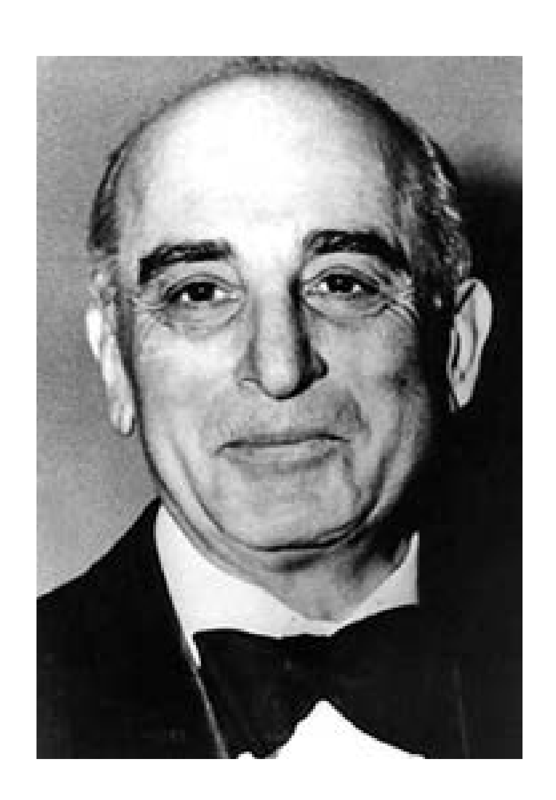
20 мая 1943 г. на встрече в Кремле Дж. Дэвис передал И. В. Сталину послание президента США, содержание которого хранилось в тайне не только от англичан, но и от американского посла У. Стэндли. Главным в послании было предложение о неформальной встрече двух лидеров в районе Берингова пролива для обсуждения дальнейших военных планов. В беседе с Дж. Дэвисом И. В. Сталин высказал удивление исключением У. Черчилля, но тем не менее положительно отреагировал на тайное приглашение Ф. Рузвельта и даже назвал в качестве возможного места двусторонней встречи город Фербенкс на Аляске, более удаленный от советской границы, чем район, предложенный президентом. Временем встречи он предложил июль — август.

И. В. Сталина, как и Ф. Рузвельта, видимо, привлекала возможность «встречи умов» (по выражению президента), которая, кроме прочего, давала возможность выяснения англо-американских разногласий и использования их в своих целях. Сам Дж. Дэвис был вполне удовлетворен реакцией И. В. Сталина, сообщив Ф. Рузвельту, что его миссия увенчалась полным успехом и что в результате, «в принципе, было достигнуто полное согласие». В письменном отчете для президента Дж. Дэвис предупреждал: «Если Великобритания и Соединенные Штаты не откроют этим летом второй фронт, это окажет далеко идущее воздействие на Советский Союз как в отношении ведения войны, так и его участия в послевоенном мироустройстве»[46].

Миссия Дж. Дэвиса совпала с объявлением о роспуске Коминтерна, сделанным исполкомом этой организации 22 мая 1943 г. Этот шаг был предпринят по инициативе И. В. Сталина, выдвинутой на его встрече 8 мая с генеральным секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Г. Димитровым и членом Президиума ИККИ Д. Мануильским. Президиум исполкома Коминтерна обсудил и одобрил это решение на заседаниях 13 и 17 мая.

У. Стэндли

Дж. Дэвис

Публично И. В. Сталин объяснял роспуск Коминтерна невозможностью руководить зарубежными компартиями из единого центра и стремлением разоблачить ложь гитлеровской пропаганды о намерении Москвы «большевизировать» другие страны через их компартии[47]. Однако сутью принятого решения было не прекращение советской поддержки зарубежных компартий и свертывание руководства ими со стороны Москвы, а изменение форм этой работы применительно к новой обстановке. А она требовала объединения всех антифашистских сил для противодействия оккупантам, которому препятствовала репутация компартий как инструментов советского влияния. Разъясняя подготовленное постановление на Политбюро, И. В. Сталин говорил: «...компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг, несомненно, усилит компартии как национальные рабочие партии»[48].

Роспуск Коминтерна был тем более уместен, что в Москве в это время развертывалась большая работа по активизации антифашистского сопротивления: было принято решение о формировании польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, подготавливалось создание национального комитета «Свободная Германия» и аналогичных органов применительно к Италии, Венгрии, Румынии. Не менее важно было ослабить опасения союзников насчет «экспорта революции» на Запад и тем самым укрепить отношения с ними в ответственный для всей антигитлеровской коалиции момент. Неслучайно И. В. Сталин торопил с объявлением об этом решении, стремясь приурочить его к англо-американской конференции в Вашингтоне, на которой решалась судьба второго фронта[49].

Многие функции Коминтерна по связям с зарубежными компартиями взял на себя вновь созданный Отдел международной информации ЦК ВКП(б). Фактически им руководил Г. Димитров, хотя в тех же целях устранения коминтерновской привязки официальное

руководство отделом было возложено на А. С. Щербакова. Большая часть инфраструктуры ИККИ была также передана в подчинение Отдела международной информации ЦК ВКП(б), при котором создавались закрытые институты (№ 101, 205 и 99), занимавшиеся связями с международным коммунистическим движением[50].

Хотя и Ф. Рузвельт, и У. Черчилль сомневались в полном прекращении поддержки Москвой зарубежных компартий, в западных столицах это решение было воспринято как позитивный шаг в сторону отхода СССР от идеи мировой революции и укрепления антигитлеровской коалиции. Роспуск Коминтерна, отмечалось в отчете посольства США в Москве за 1943 г., «стал ободряющим признаком желания Советского Союза улучшить отношения с союзниками... и внес важный вклад в улучшение этих отношений»[51].

У. Черчилль даже намеревался отправить И. В. Сталину специальное приветственное послание по этому поводу, но ему помешала занятость на вашингтонском совещании с Ф. Рузвельтом[52]. В те же дни Лондон и Москва обменялись теплыми поздравлениями в связи с первой годовщиной заключения советско-английского договора. Казалось, что в союзных отношениях вновь наступает светлая полоса, не омрачаемая даже польским вопросом. Во внутренней переписке британские дипломаты радовались тому, что «польский узел удалось изолировать от общих англо-советских отношений и он не нанес им ущерба»[53]. Однако вскоре ситуация вновь осложнилась в связи с результатами англо-американских переговоров под кодовым названием «Трайдент», проходивших в Вашингтоне с 12 по 25 мая 1943 г. На сей раз вопрос о приглашении на них советской стороны даже не обсуждался.

Начало этих переговоров совпало с окончанием операций союзников в Тунисе. Установление контроля над Северной Африкой давало дополнительные козыри в пользу продолжения «средиземноморской стратегии». В ходе вашингтонских переговоров У. Черчилль и его военное командование смогли убедить Ф. Рузвельта в том, что развитие успеха в Средиземноморье обещает наилучшие перспективы на 1943 г.: эффективное использование уже имеющихся там сил для вывода из войны Италии, оттягивание сил вермахта с восточного фронта, вероятность вступления в войну Турции на стороне союзников, увеличение их военного вклада в разгром стран оси. Американцы, со своей стороны, настояли на продолжении «Болеро» — концентрации сил на Британских островах для последующего вторжения на Европейский континент. Открытие второго фронта вновь откладывалось, но впервые по настоянию США определялась его ориентировочная дата — 1 мая 1944 г.

4 июня 1943 г. в Москве было получено послание Ф. Рузвельта с информацией о решениях, принятых на «Трайденте». Сообщалось, в частности, что вторжение на север Франции планируется теперь на весну 1944 г. Дополнительная информация с детализацией позиции союзников была получена от И. М. Майского по результатам его беседы с У. Черчиллем 9 июня. «Черчилль, — сообщал посол, — выражал всяческие сожаления по поводу того, что англо-американцам пришлось отложить операции «через канал» до будущего года, но заверял, что «ничего лучшего сейчас, к сожалению, нельзя придумать». Во всех рассуждениях У. Черчилля об операциях во Франции чувствовалось чрезвычайное желание как-нибудь, под каким-либо подходящим предлогом их избежать, ибо «это трудные операции, неизбежно требующие больших жертв и усилий»... Изложенный разговор с Черчиллем, — резюмировал И. М. Майский, — окончательно определяет позицию Англии и США в этой войне, по крайней мере на данном этапе. Говорю «окончательно», ибо во все время разговора чувствовалось, что высказываемые Черчиллем мысли, расчеты и наметки глубоко продуманы и прочувствованы и что Черчилль будет их отстаивать с упорством английского бульдога»[54].

В те же дни подробное донесение из Вашингтона отправил в НКИД М. М. Литвинов. В нем он с тревогой писал об антисоветской подоплеке отсрочек с открытием второго фронта, сохранении враждебности к СССР со стороны значительной части общественного мнения, сопротивлении рузвельтовской политике и колебаниях самого президента в отношении советского союзника[55].

И. В. Сталин, видимо, тоже понимал окончательность решений «Трайдента», поэтому в своем ответе от 11 июня он не пытался оспорить или переубедить Ф. Рузвельта и У. Черчил-

ля, а просто обвинил союзников в грубом нарушении данных обещаний и констатировал тяжкие последствия принятых ими решений для своей страны: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий. Что касается советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»[56].

Этот ответ не стал неожиданностью для союзников, хорошо понимавших, что их сообщение явится для И. В. Сталина «разорвавшейся бомбой» (именно так в разговорах между собой окрестили информацию о «Трайденте» для СССР в английских дипломатических кругах)[57]. «Сдержанность его тона, — комментировал из Москвы А. Керр, — на мой взгляд, не должна вводить нас в заблуждение о том, что он не испытывает настоящей тревоги и возмущения и что его вера в наши намерения не была серьезно подорвана. Он не преувеличивает того впечатления, которое это новое разочарование наверняка произведет на народ, которому предстоит еще одна голодная зима, и на Красную армию, которая поймет, что ей придется и дальше нести на себе главное бремя сухопутной войны еще месяцев десять или около того»[58].

Получив ответ главы советского правительства, У. Черчилль решил дать более аргументированное оправдание позиции союзников и с согласия Ф. Рузвельта направил И. В. Сталину новое послание, полученное в Москве 19 июня 1943 г. При его составлении премьер прислушался к совету А. Керра, который в той же телеграмме от 14 июня подчеркивал, что единственная надежда смягчить последствия решения о новой отсрочке второго фронта — это срочно провести встречу на высшем уровне с тем, чтобы И. В. Сталин не чувствовал, что важнейшие решения коалиционной войны принимаются без участия СССР. Иначе, по мнению посла, эта новая отсрочка «окончательно утвердит Сталина и его народ в их глубоком убеждении (которое только-только начало ослабевать) в том, что мы и американцы не ведем с ними честную игру, а намеренно даем им истечь кровью до самой смерти»[59]. В конце послания У. Черчилль, словно в ответ на недовольство И. В. Сталина исключением СССР из принятия важнейших стратегических решений, предложил провести встречу большой тройки в Скапа-Флоу — военной базе на севере Шотландии.

Однако расчет У. Черчилля смягчить сталинскую реакцию этим предложением не оправдался. И. В. Сталин видел в У. Черчилле главного вдохновителя двойной игры союзников в вопросе о втором фронте и ответил ему гневным посланием от 24 июня, в котором с цитатами перечислялись все предыдущие обещания премьера на сей счет. В заключение говорилось: «Это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и президентом без участия советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики. Нечего и говорить, что советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага. Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»[60].

Отповедь И. В. Сталина имела в Лондоне большой резонанс. «Звучит очень внушительно, — признал в своем дневнике первый заместитель А. Идена А. Кадоган, — особенно когда цитируются предыдущие послания премьер-министра!»[61]

У. Черчилля особенно уязвило обвинение в сознательном обмане своего боевого союзника. И. М. Майский, которого премьер принял 3 июля 1943 г., в своей депеше в Москву дал живое описание этой реакции: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, — сказал премьер, — оно не вполне учитывает действительное положение вещей». Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков. «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей... Приходится на ходу перестраиваться, менять планы». В ходе разговора Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о «доверии к союзникам» (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нем большое смущение»[62].

Хотя премьер-министр ответил И. В. Сталину весьма сдержанно, он был настолько уязвлен, что начал подумывать о прекращении переписки с советским вождем. Об этом У. Черчилль сообщил послу А. Керру, который в ответ призвал премьера отказаться от своего намерения и войти в положение советской стороны: «Здесь, в Москве, наша слабость очевидна. Сталин дважды во всеуслышание заявлял о нашем намерении высадиться в этом году в Западной Европе и дважды нам приходилось его разочаровывать. Наша слабость — не в неспособности открыть второй фронт, а в том, что мы уверили его в намерении это сделать». Посол напомнил У. Черчиллю о необходимости сотрудничать с И. В. Сталиным «не только в разгроме Гитлера, но и в последующие годы, поскольку от этого зависят жизни миллионов людей, а во многом — и будущее всего мира. Поэтому, я считаю, что мы должны сохранять его доверие даже с ущербом для себя»[63]. В итоге У. Черчилль, так и не дождавшись ответа от И. В. Сталина на свое послание, сам возобновил переписку с ним в начале июля.

Другим ответом И. В. Сталина на решения «Трайдента» и суровым предупреждением союзникам стал отзыв популярных на западе послов — ветеранов советской дипломатии И. М. Майского, а затем и М. М. Литвинова, которых сменили молодые дипломаты жесткой молотовской школы А. А. Громыко и Ф. Т. Гусев. Показательно, что И. М. Майский получил указание о вызове в Москву 25 июня 1943 г.[64], то есть сразу после гневного сталинского ответа У. Черчиллю на его послание от 19 июня, которое, видимо, стало для И. В. Сталина последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Официально послы вызывались в Москву для консультаций, но опытные дипломаты догадывались о сути происходящего. Это сообщение, телеграфировал в Москву И. М. Майский 29 июня, произвело на А. Идена впечатление, «близкое к впечатлению от разорвавшейся бомбы... Из слов Идена можно было понять, что мой вызов в Москву он связал с посланием т. Сталина от 24 июня и все это вместе истолковал как явный симптом ухудшения отношений между СССР и Англией»[65]. Преемник И. М. Майского в Лондоне Ф. Т. Гусев впоследствии также объяснял отзыв своего предшественника недовольством Москвы поведением союзника в вопросе о втором фронте[66]. О том же сообщал и А. А. Громыко, описывая американскую реакцию на отзыв М. М. Литвинова[67].

Под влиянием вашингтонских решений союзников изменилась и позиция И. В. Сталина в вопросе о встрече с Ф. Рузвельтом, обсуждавшейся во время майского визита Дж. Дэвиса. Сначала он затянул с ответом на напоминания из Вашингтона, а в начале августа послал Ф. Рузвельту вежливый отказ от этой идеи, ссылаясь на обстановку на советско-германском фронте, где развернулась решающая фаза битвы на Курской дуге. Объяснение выглядело вполне обоснованным, но, думается, что И. В. Сталин, помимо прочего, хотел еще раз выразить союзникам свое недовольство, да и сама встреча теряла смысл, поскольку главные стратегические решения уже были приняты без участия СССР. Советскому руководству стало ясно, что и в 1943 г. в войне с Германией придется рассчитывать лишь на собственные силы. Не менее очевидным было и то, что только новый большой успех на полях сражений мог

заставить англо-американцев всерьез считаться с интересами Советского Союза и подвигнуть их к проведению согласованной коалиционной стратегии. Таким успехом стала победа советских войск на Курской дуге. Отныне стратегическая инициатива полностью перешла к Красной армии. «Три огромных сражения под Курском, Орлом и Харьковом, занявшие всего два месяца, — писал впоследствии У. Черчилль в своих мемуарах, — означали конец германской армии на восточном фронте»[68].

Военные разведки США и Великобритании в своих оценках ситуации, сложившейся в результате летнего советского контрнаступления, пришли к выводу о том, что вермахт отныне не сможет перебросить значительные силы на запад для противодействия будущей высадке союзников. Напротив, ему пришлось оголить западный фронт для сдерживания Красной армии[69]. Так победы Красной армии на фронте Великой Отечественной войны подготавливали почву для успеха второго фронта.

Политика СССР в отношении третьих стран

После разгрома немцев на Курской дуге стало ясно, что победа над Германией отныне является лишь вопросом времени. Советское руководство обретало новую уверенность в своих силах, а западные союзники начинали понимать необходимость более тесного взаимодействия с СССР на основе учета его интересов. Одновременно в западных столицах нарастали опасения долгосрочных последствий усиления роли Советского Союза, зародившиеся после Сталинградской битвы. Это подпитывало стремление союзников закрепиться в своей сфере влияния, не допустив там укрепления советских позиций.

Важным регионом такого соперничества стала Италия, которая после высадки союзников на Сицилии в начале июля 1943 г. стала выходить из войны на стороне Германии. 25 июля режим Б. Муссолини рухнул, и было образовано новое правительство Италии во главе с бывшим сподвижником дуче — маршалом П. Бадольо. В повестку дня союзной дипломатии выдвигался вопрос об условиях капитуляции Италии и обращении с этой страной. С учетом того, что Италия была главным союзником фашистской Германии в Европе и первым крупным государством, выходящим из войны, вопрос этот имел принципиальное значение.

Хотя Италия находилась в сфере действия англо-американских войск, участие СССР в решении этого вопроса представлялось необходимым не только в Москве, но также в Лондоне и Вашингтоне. Оно предусматривалось условиями союзного советско-английского договора 1942 г., и дипломаты союзников понимали опасность грубого отстранения Советского Союза от итальянских дел, призывая по крайней мере своевременно информировать Москву о своих действиях в Италии. Иначе, предупреждал посол США в Москве У. Стэндли, у советского руководства будут основания считать, что «к нему относятся не в духе сотрудничества»[70]. Речь шла не только о союзническом долге, но и о том, что исключение СССР могло создать опасный прецедент на будущее для самих западных союзников. «Когда наступит перелом и русские армии начнут продвигаться вперед, нам тоже захочется влиять на условия капитуляции и оккупации враждебной и союзной территории», — писал из Лондона посол США Дж. Вайнант[71]. В то же время союзники стремились свести советское участие в итальянских делах к минимуму, дабы сохранить свое преимущественное влияние в Италии.

А. Иден в контактах с временным поверенным в делах СССР в Лондоне А. А. Соболевым обещал, что «до сообщения условий (капитуляции. — *Прим. ред.*) итальянцам они будут сообщены советскому правительству и обсуждены с ним в полном согласовании с англо-советским договором о союзе»[72]. У самого А. А. Соболева, однако, сложилось впечатление, что эти заверения даются «для отвода глаз» и что на самом деле «имеет место сговор и согласование условий между британским и американским правительствами, а потом, когда эти условия будут окончательно сформулированы и согласованы, в самый последний момент они будут предложены советскому правительству для рассмотрения»[73].

Д. Эйзенхауэр

Г. Макмиллан

30 июля 1943 г. британское правительство в памятной записке информировало Москву о предварительных условиях капитуляции Италии. Хотя они были разработаны без советского участия, правительство СССР не стало против них возражать, поручив главнокомандующему на Средиземноморском театре генералу Д. Эйзенхауэру подписать их от своего имени[74].

3 августа 1943 г. А. Керр передал В. М. Молотову так называемые «краткие условия» капитуляции, касавшиеся военных вопросов. Однако на этом консультации прекратились, хотя события вокруг капитуляции Италии стремительно развивались. Англо-американцы стремились минимизировать свои потери за счет сделки с любыми итальянскими властями, способными обеспечить вывод Италии из войны. Безо всяких консультаций с Москвой союзники де-факто признали правительство П. Бадольо, вступив с ним в переговоры о капитуляции. Это вызывало в Москве понятное недовольство и подозрительность. Только 18 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль направили И. В. Сталину послание с информацией о ходе переговоров с П. Бадольо и новых условиях капитуляции. К тому же при передаче послания в нем оказались пропуски, затруднявшие его понимание.

Реакция Москвы была весьма резкой. В ответном послании Ф. Рузвельту и У. Черчиллю И. В. Сталин выразил крайнее недовольство недостаточной информированностью советской стороны о действиях союзников в Италии, почти дословно используя фразеологию депеши А. А. Соболева. «До сих пор, — писал он, — дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно». Для исправления ситуации глава советского правительства предложил «создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», и прежде всего с Италией, расположив комиссию на первое время на Сицилии[75].

П. Бадольо

Резкий тон сталинского послания, по словам А. Идена в беседе с И. М. Майским, «вызвал сильное раздражение у Черчилля и Рузвельта, и ему, Идену, будто бы пришлось затратить немало усилий на то, чтобы смягчить такое их настроение. Я ответил, — продолжал в своей телеграмме И. М. Майский, — что если бы Черчилль или Рузвельт могли прикоснуться к «советской земле» нынешним летом и пощупать политический пульс нашего народа, то они пришли бы к выводу, что т. Сталин говорил еще слишком мягко в своих выражениях»[76].

Однако, несмотря на свое недовольство, союзники были вынуждены согласиться с законным требованием лидера СССР. Хотя советское участие в такой комиссии может стать «помехой», телеграфировал А. Идену посол А. Керр, «допуск советского правительства в создаваемые нами органы откроет дверь для нас и американцев, когда придет время определять будущее Финляндии и Восточной Европы»[77]. Британский кабинет также одобрил эту идею и поручил У. Черчиллю проинформировать об этом И. В. Сталина, что и было сделано в совместном послании лидеров Великобритании и США от 29 августа 1943 г.

Дав принципиальное согласие на создание военно-политической комиссии по Италии, союзники не спешили с реализацией этой идеи. Они всячески затягивали решение данного вопроса, а также стремились заранее ограничить юрисдикцию и полномочия будущего органа, особенно в военных делах. Об этом свидетельствовали послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта И. В. Сталину от 4 сентября. Президент США, в частности, предлагал послать советского представителя в штаб Д. Эйзенхауэра. Это предложение было нацелено на то, чтобы создать впечатление советского участия в итальянских делах, а возможно, и вообще снять вопрос о комиссии с повестки дня.

В ответ на проволочки союзников И. В. Сталин писал: «После получения Ваших предыдущих сообщений я ожидал, что вопрос о создании военно-политической комиссии трех стран будет решен положительно и безотлагательно. Однако решение столь срочного вопроса затянулось. Дело, конечно, не в тех или иных деталях, о которых нетрудно будет сговориться. Что касается посылки советского офицера к генералу Эйзенхауэру, то она никак не может

заменить военно-политическую комиссию, которая должна была бы уже работать, а между тем ее все еще нет»[78].

8 сентября 1943 г. под давлением союзников правительство П. Бадольо объявило о капитуляции Италии. Это объявление было приурочено к высадке англо-американских войск в Салерно (операция «Аваланш») с тем, чтобы исключить сопротивление итальянских войск и повернуть их против немцев. Условия перемирия были согласованы Соединенными Штатами, Советским Союзом и Великобританией. В ответ на капитуляцию Италии войска вермахта быстро заняли Рим, а правительство П. Бадольо бежало на юг страны под защиту союзников. Высадка прошла успешно, но вскоре ввиду упорного сопротивления свежих частей вермахта и ошибок англо-американского командования продвижение союзников захлебнулось.

Начало «Аваланша», заставившего немцев перебросить в Италию дополнительные крупные резервы, было хорошей новостью для СССР, хотя эта передислокация еще не затронула силы вермахта на советско-германском фронте. В своем поздравлении союзникам И. В. Сталин отметил их вклад в облегчение положения Красной армии. Боевые успехи сопутствовали и советским вооруженным силам: 16 сентября был взят Новороссийск — один из последних опорных пунктов вермахта на Кавказе. Военные успехи улучшали общую атмосферу союзных отношений, создавая благоприятный фон для предстоящих встреч представителей трех великих держав.

Настойчивость советской дипломатии в вопросе о создании военно-политической комиссии по Италии принесла свои плоды. После внутренних консультаций У. Черчилль и Ф. Рузвельт ускорили работу по созданию трехсторонней комиссии, определившись с составом и полномочиями нового органа, которые они постарались свести к чисто совещательным функциям. У. Черчилль назначил британским членом комиссии своего представителя при штабе Д. Эйзенхауэра Г. Макмиллана, а Ф. Рузвельт — известного дипломата Р. Мэрфи. По инициативе У. Черчилля и с согласия Москвы и Вашингтона в состав комиссии был также приглашен представитель французского Комитета национального освобождения. Советским представителем в комиссии был назначен первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, что лишний раз свидетельствовало о большом значении, которое придавалось ее работе в Москве.

Иначе подходили к этому вопросу в западных столицах. Ф. Рузвельт предложил создать в ближайшем будущем союзную комиссию под началом генерала Д. Эйзенхауэра, которая бы наделялась широкими контрольными полномочиями в отношении правительства П. Бадольо и, по существу, выхолащивала функции трехсторонней военно-политической комиссии по Италии. Советское руководство выразило несогласие с этой идеей и настаивало на передаче всех контрольных полномочий (за исключением руководства военными операциями) военно-политической комиссии[79]. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников. У. Черчилль на заседании кабинета отметил, что советское предложение подчинить союзную комиссию трехсторонней комиссии «для нас явно исключено»[80].

Хотя англо-американцы «хотели бы избежать создания исключающего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно с учетом сильного влияния итальянских коммунистов»[81]. Информирование советской стороны об этой американской инициативе носило чисто формальный характер, поскольку еще до получения советского ответа Ф. Рузвельт уже направил соответствующую директиву Д. Эйзенхауэру[82]. Это предвещало дальнейшие разногласия между союзниками по итальянским делам.

13 октября 1943 г. Италия, наконец, объявила войну Германии, и в тот же день была опубликована «Декларация о признании Италии совместно воюющей стороной», инициированная союзниками и согласованная с Москвой. В ней одобрялось это решение правительства П. Бадольо и говорилось о готовности сотрудничать с ним, в то же время признавалось право итальянского народа на последующее изменение своего политического строя. При этом подписанные ранее условия капитуляции Италии полностью сохраняли свою силу.

Высадка союзных войск в Италии. Салерно, 1943 г.

Тем временем союзники продолжали курс на сведение к минимуму реальных полномочий трехсторонней комиссии по Италии, вскоре переименованной в Консультативный совет по вопросам Италии. В нахождении для этого благовидных предлогов американская дипломатия проявляла даже большее усердие, чем британская. 14 октября НКИД получил меморандум посольства США, в котором предлагалось «пойти навстречу» просьбам Китая, Бразилии, Греции и Югославии о включении их в состав этой комиссии[83]. Комментируя эту инициативу в своем кругу, У. Черчилль иронически писал А. Идену: «Госдепартамент теперь атакует эту комиссию с другой стороны, предлагая включить в нее Китай и Бразилию. Это, конечно, смехотворно, но, вероятно, нацелено на то, чтобы убить ее»[84].

В послании И. В. Сталину от 16 октября 1943 г. Ф. Рузвельт стремился оправдать такое расширение разделением членов комиссии на трех учредителей и остальных. И. В. Сталин ответил на него сухим согласием на снижение статуса французского представительства в комиссии. В последующем союзники продолжили свою линию на умаление роли СССР в итальянских делах, а И. В. Сталин умело использовал этот прецедент для обеспечения преимущественных советских позиций в союзных контрольных органах в Венгрии, Болгарии и Румынии.

Важным направлением советской внешней политики было укрепление отношений с французским Сопротивлением в лице организации «Сражающаяся Франция» и ее лидера генерала Ш. де Голля. Ф. Рузвельт и У. Черчилль относились к нему с большой неприязнью, считая неуправляемого генерала сумасбродным карьеристом, не имеющим прочной поддержки

Ш. де Голль

в самой Франции и критически настроенным в отношении англосаксов. Англо-американцы делали главную ставку на более послушную и предсказуемую фигуру — главнокомандующего французской армией генерала А. Жиро. В конце мая У. Черчилль даже предложил своему кабинету обсудить, «не стоит ли нам устранить де Голля как политическую силу и поставить этот вопрос перед парламентом и самой Францией»[85]. Американский президент был настроен еще более нетерпимо. «Рузвельт потерял терпение (и благоразумие) в отношении де Голля, — записал в дневнике А. Кадоган, — он требует его голову на блюде. Премьер-министр, естественно, склонен его поддержать. Все это, конечно, крайне неразумно»[86]. Британские и американские дипломаты не разделяли острой неприязни своих лидеров к Ш. де Голлю и стремились ее сглаживать.

Советское руководство относилось к организации Ш. де Голля гораздо более позитивно. Еще в марте 1942 г. в Москве появилась «миссия связи» «Свободной Франции» во главе с Р. Гарро. Летом того же года движение «Свободная Франция» было переименовано в «Сражающуюся Францию», а ее Национальный комитет — во Французский национальный комитет, который обратился к союзникам с просьбой о признании. Москва заявила о своем согласии, но союзники заблокировали этот шаг. Идя навстречу предложениям Ш. де Голля об участии его организации в совместной борьбе со странами оси, советское руководство одобрило создание французского авиаотряда на территории СССР.

25 ноября 1942 г. в Москве было подписано «Соглашение между представителями командования Красной армии и представителями военного командования «Сражающейся Франции» об участии французских ВВС в операциях в Советском Союзе». Оно предусматривало формирование французской эскадрильи «Нормандия — Неман», которая комплектовалась

Командир эскадрильи «Шербур» полка «Нормандия — Неман» и его советские товарищи у истребителя Як-9

из прибывших в СССР французских летчиков и обеспечивалась всем необходимым (включая боевые самолеты) за счет советской стороны[87]. Полк «Нормандия» впоследствии прошел славный боевой путь от Орла до Кёнигсберга, участвовал в битве на Курской дуге. Хотя его вклад в общее дело был весьма скромным, советско-французское братство по оружию имело большое политическое значение, в том числе для авторитета самой «Сражающейся Франции». «Может быть, это капля воды в океане, — говорил при создании эскадрильи Р. Гарро, — но сердца всей французской нации с нашими солдатами, которые будут сражаться вместе со своими русскими братьями»[88].

Помимо военной помощи, СССР оказывал «Сражающейся Франции» и скрытую политическую поддержку через Коминтерн, настраивая французскую компартию на сотрудничество с Ш. де Голлем в целях объединения всех антифашистских сил Франции. 27 января 1943 г. Сталин прямо заявил в беседе с Р. Гарро, что он «никогда не признает другой Франции», кроме «Сражающейся Франции»[89]. Такая позиция объяснялась тем, что в Москве видели в Ш. де Голле и его организации демократическую и независимую политическую силу, настроенную на решительную борьбу с фашистской Германией. Подобный настрой подогревался действиями США и Великобритании, которые воспринимались в Москве с опасениями. Поступавшие по каналам разведки донесения говорили о том, что «в результате визита А. Идена (в Вашингтон в марте 1943 г. — *Прим. ред.*) между Англией и США достигнута полная договоренность по французскому вопросу. Правительства обеих стран недовольны позицией де Голля из-за его усиливающегося стремления играть большую политическую роль в послевоенной Франции. Обе стороны доверяют больше Жиро, лишенному политических амбиций. Англия и США решили добиться соглашения между Жиро и де Голлем, имея в виду, однако, не дать последнему возможность играть доминирующую роль в этом соглашении»[90].

Однако тенденция к объединению французского Сопротивления вокруг организации Ш. де Голля набирала силу. В мае 1943 г. в Париже был создан подпольный Национальный совет Сопротивления, объявивший Ш. де Голля «единственным руководителем французского Сопротивления». Последующие переговоры между Ш. де Голлем и генералом А. Жиро привели к сформированию в Алжире Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в качестве «центральной французской власти». Комитет, руководство которым Ш. де Голль на первых порах разделял с А. Жиро, обратился к Объединенным Нациям с просьбой о своем официальном признании в качестве единственного законного представителя Франции.

Выбор советского правительства был ясен. В ориентировке А. Е. Богомолову от 16 июня 1943 г. В. М. Молотов подчеркивал необходимость поддержки Ш. де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями. 19 июня В. М. Молотов в письме британскому послу А. Керру заявил о готовности советского правительства признать ФКНО. Задержка в его признании, подчеркивал нарком, «отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»[91].

Однако британское правительство при поддержке Белого дома не только отказалось это сделать, но и попросило Москву последовать своему примеру[92]. В послании от 23 июня У. Черчилль призвал И. В. Сталина повременить с признанием ФКНО, мотивируя это сомнениями англо-американского командования относительно дальнейших намерений Ш. де Голля. Посол США в Москве У. Стэндли получил аналогичное указание Госдепартамента для передачи В. М. Молотову, в котором говорилось, что признание ФКНО «было бы крайне нежелательным и даже вредным с точки зрения наших общих военных усилий против стран оси»[93].

О том, как расценили это послание в Москве, ясно говорит ориентировка В. М. Молотова для А. Е. Богомолова: «Как Вы видите, англичане и американцы продолжают откладывать признание Комитета, добиваясь, возможно, полного подчинения де Голля Жиро, то есть по существу — подчинения своей линии в вопросе об отношении к Французскому комитету и французским делам вообще или же устранения де Голля»[94].

Однако из уважения к союзникам И. В. Сталин согласился не надолго отложить официальное признание ФКНО, оставаясь тем не менее на своей принципиальной позиции в оценке его деятельности. «Советское правительство, — отвечал он У. Черчиллю, — не располагает в настоящее время информацией, которая могла бы подтвердить нынешнюю позицию британского правительства относительно Французского комитета национального освобождения и, в частности, относительно генерала де Голля. Поскольку, однако, британское правительство просит отложить признание Французского комитета и дало через своего посла заверение, что без консультации с советским правительством не будет предпринято никаких шагов в этом деле, советское правительство готово пойти навстречу британскому правительству»[95].

Одновременно с целью выяснения обстановки, сложившейся в Алжире вокруг Ш. де Голля и А. Жиро, советское руководство решило направить туда посла А. Е. Богомолова. Но Лондон и Вашингтон, опасаясь советского участия в их отношениях с ФКНО и укрепления позиций Ш. де Голля в результате этого визита, воспротивились этой миссии.

И. М. Майский в Лондоне получил сообщение союзников о том, что «поездка Богомолова в Алжир нежелательна в настоящее время» ввиду сложности военной обстановки[96]. Аналогичные разъяснения получил в Вашингтоне и А. А. Громыко от госсекретаря К. Хэлла, который заявил, что «поскольку визит Богомолова в Алжир связан с политической ситуацией, он почти наверняка осложнил бы и без того деликатную политическую обстановку в ущерб предстоящим военным операциям»[97]. Неубедительность подобного отказа лишь усиливала подозрения в Москве относительно подлинных намерений союзников в этом важном вопросе. Отложив миссию А. Е. Богомолова, советское руководство тем не менее установило прямой контакт с Ш. де Голлем в Алжире, направив туда советского разведчика И. И. Агаянца как представителя международной Комиссии по репатриации, имевшей свое отделение в Алжире[98].

Окончательно вопрос об официальном признании ФКНО был решен лишь в конце лета 1943 г., когда 26 августа под давлением СССР и после взаимного согласования союзники объявили об этом публично. Но США сделали это с существенными оговорками, признав ФКНО «как орган, управляющий теми французскими территориями, которые признают его власть». Сходным образом сформулировала свою позицию и Великобритания. Москва же заявила о своем безоговорочном признании ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании»[99].

Как писал впоследствии в своих мемуарах сам Ш. де Голль, «Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением... Лондон прибег к тем же выражениям... Москва проявила настоящую широту»[100]. В октябре полномочным представителем СССР при ФКНО был назначен А. Е. Богомолов. Тогда же страны обменялись официальными военными миссиями, образованными в Москве и Алжире.

Хотя это еще не означало установления межгосударственных отношений, поддержка Советского Союза сыграла важную роль в дальнейшем укреплении позиций ФКНО как вне Франции, так и внутри нее. Вместе с тем советская дипломатия умело сочетала поддержку Ш. де Голля и его организации с необходимостью согласования этой своей линии с западными союзниками. Она подталкивала их к более активной поддержке ФКНО и в то же время не шла на поводу у амбициозного Ш. де Голля. Генерал и его окружение, сообщал из Алжира А. Е. Богомолов, «хотят признания Национального комитета временным французским правительством до освобождения Франции и нащупывают наше отношение к этому вопросу. Союзники до открытия ими сколько-нибудь серьезных военных действий в Европе хотят спихнуть де Голля и заменить его более слабым политическим деятелем»[101]. Советская формула признания комитета, уточнил В. М. Молотов на встрече с Р. Гарро в начале ноября, «означает, что мы еще не считаем комитет французским правительством, но видим в нем зародыш французского правительства»[102].

Перелом в ходе войны, наметившийся уже после Сталинградской битвы, ставил перед советским руководством новые задачи по закладыванию основ послевоенного порядка в Европе. Эта проблематика стала активно обсуждаться и в англо-американских переговорах, прежде всего во время визита в США А. Идена (19 марта — 4 апреля 1943 г.). Союзники скупо информировали Москву об их содержании, заверяя в отсутствии планов каких-либо закулисных сделок за спиной СССР. В Москве относились к этим заверениям с понятной настороженностью, тем более что одной из идей, активно обсуждавшихся в западных политических кругах, было создание конфедеративных объединений в Восточной Европе. В Москве расценивали такие проекты как попытку возрождения пресловутого санитарного кордона на западных границах Советского Союза. «Идея конфедерации рассматривается советскими кругами не только как безжизненная, но и как вредная и опасная для нашего общего дела борьбы с немецким засильем в Европе, — говорилось в указаниях В. М. Молотова И. М. Майскому от 11 марта 1943 г. — С другой стороны, советские круги учитывают заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений, и советским кругам было бы понятно, если бы это нашло свое выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопомощи как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период»[103].

Таким образом, советское правительство продолжало рассматривать двусторонние и коллективные договоры о взаимопомощи как основу обеспечения совместной борьбы с фашизмом и послевоенной безопасности. Однако на сей раз к чисто геополитическим соображениям добавлялись и национально-исторические, основанные на идее славянской солидарности, которая заметно укрепилась в годы войны. Славянские народы Европы стали основными жертвами германской агрессии и сформировали наиболее массовое движение Сопротивления. Стремление к объединению их усилий в борьбе против фашистской тирании и ликвидации ее рецидивов после войны было вполне естественным, и Советский Союз как самая могущественная славянская держава мог реально претендовать на лидирующую роль в этом процессе.

Э. Бенеш

М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Э. Бенеш

20 марта 1943 г. в ходе встречи с А. Е. Богомоловым чехословацкий премьер Э. Бенеш впервые выступил с инициативой заключения пакта о взаимопомощи с СССР на время войны и послевоенный период по типу советско-английского договора 1942 г. Кроме того, Э. Бенеш предложил заключить и трехсторонний договор с участием Польши. Москва положительно откликнулась на первое предложение, сочтя второе несколько преждевременным.

Начался процесс согласования содержания двустороннего договора по дипломатическим каналам. Однако вскоре он натолкнулся на сопротивление британской дипломатии. Стремясь сохранить свои особые позиции в Европе и вынашивая идею сколачивания под своей эгидой послевоенного западного блока, Лондон отнюдь не был заинтересован в создании системы коллективной безопасности на континенте с опорой на СССР. Позиция Вашингтона была более терпимой: американцев устраивало, что договор не предусматривал никакого советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии, ограничивая ее зависимость от Советского Союза сферой безопасности. Неслучайно во время своего майского визита в США Э. Бенеш не встретил со стороны Ф. Рузвельта возражений против заключения договора с СССР. Но Лондон не оставлял попыток блокировать такое соглашение.

В конце июня Э. Бенеш информировал А. Е. Богомолова о том, что А. Иден возражает против заключения советско-чехословацкого договора, мотивируя это наличием некоего «молчаливого джентльменского соглашения» между СССР и Великобританией о том, что они не будут заключать никаких договоров с малыми странами по послевоенным вопросам без взаимного согласования[104].

А. Иден назвал этот принцип «самоограничением» великих держав. Подобная мотивировка была явной натяжкой, поскольку, хотя этот вопрос и обсуждался во время визита В. М. Молотова в Лондон летом 1942 г., никакого соглашения на этот счет достигнуто не было. «Иден передергивает», — резко отреагировал В. М. Молотов в телеграмме А. Е. Богомолову[105]. Советская сторона стремилась сохранить свободу рук в заключении подобных договоров с соседними малыми странами, не ставя это в зависимость от согласований с Лондоном и Вашингтоном. Истинная причина вмешательства англичан, как писал в НКИД заместитель А. Е. Богомолова П. Д. Орлов, «определяется их большой боязнью того, что вслед за Чехословакией по ее пути могут последовать и другие страны, что, конечно, не в английских интересах»[106]. Обструкционистская позиция А. Идена получила поддержку британского кабинета и самого У. Черчилля.

Нажим англичан поставил правительство Э. Бенеша в сложное положение. Не желая отказываться от своей инициативы, оно в то же время опасалось испортить отношения с британским союзником, оказывавшим покровительство и финансовую поддержку эмигрантскому правительству Чехословакии. Поэтому Э. Бенеш стал откладывать свой визит в СССР, выжидая, чтобы Москва и Лондон сами урегулировали свои разногласия по данному вопросу. «Его (Э. Бенеша. — *Прим. ред.*) сомнения — это просто страх перед англичанами, которые могут ему сильно напортить и у которых он сидит в кармане», — сообщал в НКИД после очередной беседы с премьером А. Е. Богомолов[107]. В Москве проявили гибкость и согласились повременить с визитом, рассчитывая тем временем смягчить позицию Лондона. Однако переписка между НКИД и британским МИДом по данному вопросу не дала ощутимого результата[108]. А. Иден продолжал упорствовать, препятствуя в том числе опубликованию уже подготовленного проекта договора в печати. Глава британской дипломатии, по словам Э. Бенеша в беседе с советским представителем, имел установку: «Против договора не возражать, но немедленному подписанию всячески препятствовать, так как за Чехословакией могут последовать другие»[109].

Как и в случае с ФКНО, советская дипломатия придерживалась последовательной самостоятельной линии в этом вопросе. Она активно добивалась согласия англичан на заключение союзного договора с Чехословакией и в то же время воздействовала на колеблющегося Э. Бенеша с «целью затруднить ему отступление от прежде занятой им позиции», как говорилось в указаниях наркома иностранных дел А. Е. Богомолову[110].

Окончательно сломить сопротивление англичан удалось только на Московской конференции министров иностранных дел союзных держав в октябре 1943 г. После ее завершения

состоялся визит Э. Бенеша в Москву, во время которого 12 декабря 1943 г. и был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. Он был составлен по типу советско-английского договора 1942 г. и предусматривал оказание помощи (в том числе военной) в случае угрозы агрессии со стороны Германии или другого государства. Подписание договора стало крупной победой советской дипломатии, закрепившей советско-чехословацкое сближение на годы вперед. «Чехословацкая модель» наряду с советско-английским договором 1942 г. могла стать прообразом новых отношений между СССР и европейскими странами на послевоенный период.

Успехи Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге дали мощный импульс движению Сопротивления, прежде всего в оккупированных Германией и Италией странах Европы. В Югославии, Албании, Болгарии началось формирование национально-освободительных армий на базе партизанских отрядов.

Наибольший размах вооруженное сопротивление приняло в Югославии, Национально-освободительная армия которой уже к концу 1942 г. насчитывала почти четверть миллиона человек. Ее главной организующей силой стала компартия Югославии, а признанным лидером — Иосип Броз Тито. СССР развернул широкую программу военной помощи югославскому Сопротивлению. С начала 1944 г. и до конца войны Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) получила вооружение для 12 пехотных и двух авиационных дивизий, включая 491 самолет, 895 артиллерийских орудий, 65 танков Т-34[111].

Вместе с тем Москва сдерживала И. Б. Тито в его борьбе за власть с югославским королем и эмигрантским правительством, не желая обострять отношения с союзниками и ослаблять общий фронт антифашистских сил в стране. В связи с созданием НОАЮ Г. Димитров рекомендовал И. Б. Тито учитывать, что «Советский Союз находится в договорных отношениях с югославским королем и правительством и что открытое выступление против последних создаст добавочные трудности в деле общих военных усилий и во взаимоотношениях между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой, с другой стороны»[112].

В Албании вооруженное сопротивление было направлено против итальянских оккупационных войск. СССР последовательно выступал поборником свободы и независимости оккупированных стран. В декабре 1942 г. советское правительство выступило с декларацией «О независимости Албании», в которой выражалась уверенность в том, что «борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми странами изгонят захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе в Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом»[113]. Изложенные в этом документе демократические принципы впоследствии стали основой всей советской программы в отношении порабощенных фашистами стран.

Очередное англо-американское совещание по вопросам стратегии ведения войны, намеченное на август 1943 г. в канадском Квебеке (кодовое название «Квадрант»), союзники решили провести без участия и даже без формального приглашения на него СССР. Посол А. Керр, правда, рекомендовал заблаговременно информировать И. В. Сталина о предстоящем совещании и пригласить его или В. М. Молотова в Квебек, а в случае отказа советской стороны предложить приезд А. Идена в Москву после «Квадранта» для информирования о его решениях. Он объяснял затянувшееся молчание И. В. Сталина в переписке с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом недовольством отстранения СССР при принятии ключевых военно-политических решений[114].

Сам А. Иден предложил премьер-министру другой вариант — информировать Москву о предстоящей встрече и «дать Сталину или Молотову шанс принять в ней участие» с уверенным расчетом на их самоотвод[115]. Однако У. Черчилль выступил категорически против и этого символического жеста. 1 августа 1943 г. он телеграфировал А. Идену: «Не может быть и речи о приглашении русских на эту встречу, которая служит продолжением наших обсуждений в начале года, была заложена в тогдашних решениях и к тому же имеет дело в основном с проблемами войны против Японии, в которой Россия не является воюющей стороной». Премьер мотивировал это нежеланием ставить под угрозу конфиденциальность англо-американских консультаций[116].

И. Б. Тито

В итоге 7 августа на имя И. В. Сталина было направлено послание британского правительства, в котором сообщалось о предстоящей англо-американской встрече, содержалось обещание информировать советское правительство обо всех ее решениях, касающихся Европейского театра, и повторялось предложение У. Черчилля о встрече трех лидеров в Скапа-Флоу (Шотландия) или «в любом месте, которое удобно маршалу и президенту»[117].

Это послание и послужило поводом для сталинского ответа премьеру от 9 августа. Ф. Рузвельту он ответил днем раньше, вежливо забрав назад свое предложение о летней встрече с президентом за пределами СССР, переданное через Дж. Дэвиса. И. В. Сталин объяснял свой отказ занятостью делами фронта, что в условиях развернувшегося советского наступления звучало вполне правдоподобно. Но главным, пожалуй, было то, что «Сталин не хотел идти на трехстороннюю встречу с пустыми руками. Ему нужны были впечатляющие победы на советско-германском фронте, чтобы при встрече с Рузвельтом и Черчиллем можно было жестко и уверенно ставить важнейшие военно-политические вопросы, по которым союзники не имели согласия»[118].

Однако отказ от встречи на высшем уровне нужно было как-то смягчить. Наконец, ясно понимая всю важность такой встречи и будучи чужд импровизациям, И. В. Сталин хотел как следует подготовить ее и в дипломатическом отношении. Неслучайно в составленный В. М. Молотовым проект послания Ф. Рузвельту он собственноручно добавил четыре последних абзаца, предложив провести встречу «ответственных представителей» обеих стран с возможным подключением англичан[119]. При этом, правда, оставалось не совсем ясным, какой именно уровень представительства имелся в виду.

Но уже на следующий день у И. В. Сталина, видимо, окончательно созрела мысль о проведении совещания представителей всех трех держав до встречи большой тройки. В его послании У. Черчиллю от 9 августа тезис об откладывании встречи на высшем уровне сочетался со вполне определенным предложением: «Тем не менее, чтобы не откладывать выяснения вопросов, интересующих наши страны, целесообразно было бы организовать встречу ответственных представителей наших государств, причем о месте и времени такой

встречи можно было бы договориться в ближайшее время»[120]. Так появилась идея проведения совещания министров иностранных дел, которая вскоре начала воплощаться в жизнь. Тем не менее в западной (а иногда и российской) литературе авторство этой идеи ошибочно приписывается англо-американцам.

В Лондоне и Вашингтоне, где были встревожены долгим молчанием Москвы и ожидали ее негативной реакции на свои новые сепаратные переговоры, вздохнули с облегчением: «Оно (послание И. В. Сталина. — *Прим. ред.*) гораздо лучше, чем я смел надеяться, и серьезно разряжает обстановку, — телеграфировал А. Иден премьеру У. Черчиллю в Квебек. — Нам, видимо, следует сразу же согласиться на такую встречу в принципе, а время, место, повестку дня и состав участников определить позднее»[121]. Рекомендации А. Идена британскому премьеру были одобрены на заседании кабинета 11 августа. Министры «выразили общее удовлетворение тоном и содержанием послания премьера Сталина»[122].

Посол США в Лондоне Дж. Вайнант в тот же день сообщал в Вашингтон, что сталинская идея встречи второго уровня была сразу же подхвачена в Форин-офисе как «крайне полезная» и руководство министерства уже начинало продумывать ее содержание[123]. Одним из мотивов столь быстрой положительной реакции было желание сгладить негативный общественный резонанс вокруг отсутствия СССР на «Квадранте». «Тот факт, что Россия не будет представлена на предстоящем совещании в Канаде, наверняка станет предметом публичного обсуждения, — говорилось в решении упомянутого заседания кабинета. — Поэтому стоит ускорить подготовку конференции, предложенной премьером Сталиным»[124]. В совместном послании от 29 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль выразили полное согласие с его предложениями.

Но еще до этого решения оба лидера направили И. В. Сталину другое совместное послание — об итогах «Квадранта», подготовленное Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ)[125]. На совещании в Квебеке (14–24 августа 1943 г.) союзники в развитие «Трайдента» договорились о приоритете подготовки вторжения на север Франции при продолжении операций в Средиземноморье с целью окончательно оторвать Италию от стран оси и оккупировать ее.

Планы операции «Оверлорд» стали обретать конкретные очертания. После захвата плацдарма предполагалось расширять его за счет переброски на континент 3–5 новых дивизий ежемесячно. Попытки У. Черчилля перенести основной упор на военные действия в Италии и захват островов в Эгейском море для выхода на Балканы были отвергнуты американской стороной. Информируя И. В. Сталина о принятых в Квебеке решениях, союзники умалчивали о заключении там секретного соглашения по продолжению англо-американского сотрудничества в области создания атомного оружия, разработка которого должна была оставаться в глубокой тайне от советского лидера. Однако И. В. Сталин не стал отвечать на это послание союзников.

Воздействие битв и сражений, изменивших ход войны на международное положение и внешнюю политику СССР

Колоссальные изменения, произошедшие в ходе войны в течение 1943 г., оказали глубокое воздействие на внешнюю политику и дипломатию СССР. Главным сдвигом стало резкое усиление международных позиций Советского Союза. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна крупной войне, Россия стала в ряды великих мировых держав»[126]. Коренной перелом в войне создавал новую расстановку сил внутри большой тройки. Становилось

ясно, что Советский Союз сможет теперь не только разбить основные силы вермахта, но и выйдет из войны новой великой державой с заметно укрепившимися позициями в мире. К этому сводились прогнозы как военных, так и гражданских экспертов США, еще недавно прорабатывавших сценарии последствий «падения России».

«Если СССР выйдет из этой войны покорителем Германии, — писал летом 1943 г. один из основоположников современной геополитики Г. Маккиндер, — он станет самой мощной сухопутной державой мира». И что еще важнее, Советский Союз будет контролировать «величайшую естественную крепость Земли» — евразийский «хартлэнд»[127].

«Когда Германия будет разгромлена, — подчеркивалось в меморандуме Комитета стратегического обзора (сентябрь 1943 г.), — Россия будет обладать военной машиной, которой к востоку от Рейна и Адриатики не сможет бросить успешный вызов ни одна страна или комбинация стран»[128].

Советский Союз, который на протяжении большей части межвоенного периода находился в относительной международной изоляции и рассматривался подчас как изгой Версальской системы, теперь выходил на авансцену мировой политики. Эта трансформация глобального порядка сопровождалась серьезными изменениями во внешней и внутренней политике СССР, отражалась на том, как его руководство позиционировало свое государство и как оно действовало на международной арене и внутри страны.

Международные позиции Советского Союза укреплялись. Одним из немаловажных показателей было количество государств, установивших с ним дипломатические отношения: их число к концу 1943 г. достигло 31 по сравнению с 24 в сентябре 1942 г.[129] Помимо государств Латинской Америки среди них были такие крупные страны, как Канада, Австралия, Египет. Дело было, однако, не только в количестве. В большинстве случаев эти страны сами стремились к налаживанию отношений с СССР как новой мировой державой, отказываясь от прежних претензий и условий. Когда Египет в августе 1943 г. попытался сопроводить установление дипломатических отношений обязательством Москвы не вмешиваться во внутренние дела Египта (ссылаясь на советско-английское соглашение 1921 г.), И. М. Майский, находившийся в Каире проездом в Москву, дал ясно понять: ситуация 1921 г. и та, что существует сейчас, радикально отличаются[130].

В том, что касается усиления позиций СССР в мире, серьезное значение имела и субъективная сторона дела — советское руководство ощущало себя все более уверенно. Показательно, что, обсуждая осенью 1943 г. мероприятия в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро ЦК ВКП(б) среди тем партийных докладов и бесед выделило «укрепление международного положения Советского Союза»[131].

О скором поражении Германии сотрудники НКИД стали упоминать и в беседах с иностранными представителями, как, к примеру, это сделал 10 августа 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский в разговоре с послом Китая в СССР Фу Бинчаном. Посол впервые получил такую информацию от высокопоставленного советского представителя[132].

Превращение СССР в великую державу сопровождалось важными изменениями в характере внешней политики, ее внешнеполитическом инструментарии. Налицо была определенная «традиционализация» советской внешней политики в плане усиления ее преемственности с политикой исторической России, а также снижение роли «революционной» составляющей. Это проявлялось не только в таких официальных шагах, как роспуск Коминтерна, но и в перестройке вселенской большевистской идеологии и символики в более традиционном национально-патриотическом ключе, а также во внутренней и внешнеполитической пропаганде. Знаковым было постановление ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1943 г. о том, что «ныне существующий гимн Советского Союза «Интернационал» не отвечает положению Советского государства»[133]. Новый государственный гимн СССР, окончательно одобренный в декабре 1943 г., был выдержан в сугубо патриотическом ключе, что не замедлили отметить западные обозреватели. По сути, предпринималась попытка связать идеалы социализма с национально-патриотической риторикой и практикой, вписать социалистическую стадию развития в контекст исторического пути России.

США-020.

Экз. № 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Исх. № 1/л — 2 июня 1943 г.

ПОЛИТИКА США.

Говоря о политике США, как одной из ведущих Об'единенных наций, необходимо, конечно, различать между их военной политикой и политикой в собственном смысле слова, определяющей их дипломатические устремления. Нас в настоящее время, конечно, занимает в первую очередь военная политика, и я с нее начну.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА США.

При отсутствии между СССР и США какого либо органа постоянного контакта, совещательного или хотя бы информационного характера, вроде англо-американских военноморских комиссий или Тихоокеанского совета, и при сугубой секретности военного дела, у нас имеется очень мало возможностей следить за военной политикой США. К тому же стратегические планы союзников составляются и меняются в основном в Лондоне, а не в Вашингтоне.

Основной вопрос о том, придавать ли первостепенное значение борьбе против европейских членов оси или против Японии, можно было считать до настоящего времени решенным в пользу первого варианта. В печати, да и в Конгрессе,было немало статей и речей, исходящих главным образом от изоляционистов, в пользу сосредоточения военных усилий США на борьбе с Японией, но это и с военной точки зрения настолько нелепо, что вряд ли имеется много сторонников этой концепции

Записка М. М. Литвинова о политике США. 1943 г.

6

в военном и морском ведомствах. Президент, Госдепартамент, военный и морской министры решительно против этой концепции. Отдавая некоторую дань сторонникам этой концепции и уступая довольно сильному давлению Китая и Австралии, Рузвельту приходится направлять немало военноморских и воздушных сил на театры военных действий в Тихом океане, выделяя для этого весьма значительные транспортные средства. Главнейшей же стратегической задачей для США является борьба против Гитлера, тем более, что на этой точке зрения стоит и английская стратегия.

ВТОРОЙ ФРОНТ.

Что касается средств борьбы с Гитлером, то в первые месяцы моего пребывания в Вашингтоне, когда у меня был очень частый контакт с Рузвельтом, у меня создалось впечатление, что он целиком убежден в необходимости скорейшего открытия второго фронта и непременно в Западной Европе, но от этого убеждения его, очевидно, постепенно отклоняли некоторые его военные советники, а главным образом Черчилль. По имеющимся сведениям, Черчилль, указывая на трудность и даже опасности высадки в Западной Европе, настаивал во всяком случае на участии в этой высадке значительных американских сил. Он выдвигал это условие, зная заранее его невыполнимость, ввиду отсутствия транспортных средств, для доставки в Европу значительной американской армии с необходимым снаряжением. План высадки в Северной Африке Рузвельт считает своим, но я отнюдь не уверен, что он не был подсказан ему тем же Черчиллем, потерявшим надежду на одоление Роммеля одними британскими силами.

7

3.

К тому же этот план должен был похоронить на долгое время мысли о высадке на Западе. Можно, не боясь впасть в ошибку, полагать, что в вопросе о военной политике Черчилль ведет Рузвельта на буксире.

Нам известны стратегические планы, выработанные в Касабланке. Имею основание думать, что у американских, а возможно и британских, правящих кругов за последнее время возникли сомнения в целесообразности, достаточности, а может быть и выполнимости этих планов. Уэллес мне прямо говорил о предстоящем пересмотре их. Он вероятно имел ввиду предстоявший новый приезд Черчилля в Вашингтон, и поэтому надо думать, что этот пересмотр является предметом совещаний между Рузвельтом и Черчиллем в Вашингтоне. Беспокоит меня, однако, прибытие с Черчиллем генерала Уэйвелла, вызывающее опасение, как бы снова не был поднят вопрос об активизации военных операций в бассейне Тихого океана. Один американский генерал говорил мне в пути, будто поездка Уэйвелла является камуфляжем для введения Гитлера в заблуждение. Сомневаюсь, чтобы это было так. Отказ от принятых в Касабланке решений отнюдь не означает высадки в других местах. Допускаю отказ для ближайшего времени от всяких высадок при усилении бомбежек в Германии и особенно в Италии, в надежде принудить последнюю к капитуляции этим путем.

Англичане и американцы будут, вероятно, ссылаться на транспортные трудности в переброске на Британские острова северо-африканских армий, считающихся наиболее боеспособными и единственно имеющими военный опыт. Я склонен думать, что на открытие второго фронта даже на Юге, а тем

более на Западе Европы рассчитывать не приходится без сильнейшего давления с нашей стороны.

Проводя разделительную черту между политическими целями Англии и Америки и их стратегическими планами, необходимо иметь ввиду известное взаимодействие между теми и другими. Не подлежит сомнению, что военные рассчеты обоих государств строятся на стремлении к максимальному истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем. Открытие второго фронта в желательном нам пункте могло бы быть ускорено в случае возникновения у англичан и американцев опасений катастрофических последствий нашего единоборства с Гитлером. Наши успехи под Сталинградом и на Северном Кавказе, а также некоторые наши собственные заявления, не оставляют пока места таким опасениям. Они будут выждать развития военных действий на нашем фронте.
Не могу, однако, отделаться от мысли, что при желании мы могли бы оказывать немалое влияние на стратегические планы союзников.

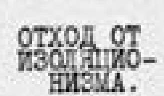
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ США.

Переходя к политическим целям США, я должен напомнить, что эти цели не отличались ясностью и четкостью в течение всего периода между 1 и 2 мировыми войнами, особенно в отношении европейских дел. Некоторой определенностью отличалась американская политика в отношении Западного полушария и прилегающих к нему островов. Могли быть споры о том, следует ли предоставить большую или меньшую независимость Кубе, Филиппинам и Порто-Рико, но все течения политической мысли в США сходились в твердом решении отстаивать и укреплять доктрину Монроэ, не допус-

кать чьего бы то ни было вмешательства в дела Латинской Америки, вытеснять оттуда влияние и конкуренцию европейских стран и установить максимальный контроль США над Западным полушарием. Вызвала в Америке некоторую тревогу экспансия Японии в Китае, и Американское правительство вступало с ней даже в переговоры по этому поводу. В отношении европейских же дел все президенты, начиная с Вильсона, не исключая и Рузвельта, на деле проводили политику изоляционизма. Рузвельт, который лично несомненно стоит за самое широкое участие в США в решении всех мировых проблем, делал некоторые жесты в сторону платонического сближения с Лигой наций, произносил проповеди и делал дипломатические демарши в пользу мира, участвуя даже в Брюссельской конференции в связи с нападением Японии на Китай, но воздерживался от каких бы то ни было связывающих его актов, обязательств и соглашений. Проведение акта о нейтралитете и строгое соблюдение его даже во время гражданской войны в Испании было наиболее конкретным выражением американского изоляционизма, перечеркнувшим все жесты Рузвельта в пользу европейского мира. Эта политика являлась мерой сил американского изоляционизма.

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ. Ошибочно думать, что изоляционизм опирается исключительно на непромышленные среднезападные штаты Америки. К изоляционистам примыкает немало крупных промышленников и финансистов. Исходят они из мысли, что США со своими богатыми минеральными и растительными ресурсами могут благополучно существовать, как замкнутое в себе государство, ведя внешнюю торговлю с другими государствами в меру сохранения высоких таможенных тарифов и совершенно

не вмешиваясь в дела остальных континентов, будучи ограждены и защищены от них двумя океанами. Крайние изоляционисты идут настолько далеко, что готовы предоставить полную свободу экспансии Японии в Азии, считая, что Китай сам не может побороть свою отсталость, и что Япония наведет там порядок, при котором легче будет Америке вести дела с Китаем, чем теперь. Более умеренные изоляционисты так далеко не идут: они несколько опасаются японской экспансии, но готовы махнуть рукой на всю Европу, предоставив ее ее собственной судьбе. Изоляционизм наряду с англо- и советофобством во внешней политике обычно сочетается с крайним консерватизмом, реакционностью и антисемитизмом во внутренней политике. В нацизме изоляционисты, как и реакционеры Англии и других стран, готовы видеть единственную контрсилу против коммунизма и потому не считают нужным с ним бороться. Небесприятна им была и борьба Гитлера с Англией. Изоляционизм был также могучим орудием борьбы против Рузвельта, а следовательно и против его внутренней политики уступок рабочему движению и сокращения прибылей крупных промышленников и банкиров. Отсутствие политической рабочей партии в США, организационная слабость либерально-радикальных кругов, наступившая после депрессии 1929-32 г.г. эра нового экономического благополучия и вытекающий отсюда политический индифферентизм широких масс, создавали благоприятную питательную среду для изоляционизма и всего с ним связанного. Считаясь с этими обстоятельствами, Рузвельт долгое время делал большие уступки изоляционизму в своей внешней политике.

ОТХОД ОТ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА.

Нападение Гитлера на мелкие и средние европейские страны, имеющие значительное количество выходцев в США, разгром Франции и создание непосредственной опасности существованию Англии, возросшее значение авиации, уничтожающей даже океанские пространства, побудили Рузвельта начать постепенно осторожный отход от позиций изоляционизма, выразившийся в отмене акта о нейтралитете, в уступке Великобритании военных судов в обмен на морские базы, а затем в проведении закона о Ленд-Лизе.

Нападение Японии на Перл Харбор и об'явление Америке войны ~~Японией~~ Германией и Италией полностью развязали руки президенту. Не приходится сомневаться в том, что, не имея возможности вступить в войну по собственной инициативе, Рузвельт, как и его приближенные, были рады быть втянутыми в войну. Достаточно вспомнить соответственные замечания, сделанные в Кремле осенью 1941 года Гарриманом. Любопытно отметить, что когда президент мне сообщил о японском нападении по телефону через несколько часов после моего прибытия в Вашингтон, когда я находился на завтраке у Девиса, последний встретил это сообщение словами "слава богу". Изоляционисты, продолжавшие ворчать на тему о том, что участия США в войне при иной политике Рузвельта можно было бы избежать, должны были примириться с фактом и прекратить пропаганду невмешательства и пассивности.

Каковы цели, преследуемые США в настоящей войне? На этот вопрос ответить трудно при том разброде, который существует как в правящих кругах, так и в разрезе обеих политических партий.

12

8.

По вопросу о международной политике нет выкристаллизованной единой программы ни у республиканской, ни у демократической партии. Республиканская партия, в которую входит большинство изоляционистов, включает также таких вождей, как Уилки, который фактически поддерживает внешнюю политику Рузвельта. С другой стороны, демократическая партия включает в себя немало изоляционистов. Приходится поэтому делить американских политиков, грубо говоря, на изоляционистов и анти-изоляционистов, причем и те и другие имеют, конечно, разные градации.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ИЗОЛЯЦИОНИСТОВ И НАЦИОНАЛИСТОВ.

Не подлежит сомнению, что крайние изоляционисты, если не высказываются открыто, то мечтают о скорейшем прекращении войны как в Европе, так и в бассейне Тихого океана, путем компромиссного мира за счет Британской империи и Советского Союза. По мере затяжки войны, при отсутствии ясного перевеса той или другой воюющей стороны, эти изоляционисты становятся все смелее и откровеннее. За последнее время стали раздаваться голоса на тему о том, что так как СССР уже показал невозможность преодоления гитлеровских сил, а Англия и Америка - нанесения сокрушительного удара Японии, война должна кончиться ничьей, а потому пора начать переговоры о мире. Более умеренные изоляционисты высказываются за прекращение войны в Европе, или хотя бы участия США в ней, при продолжении борьбы с Японией. Подобные высказывания сопровождаются нападками на Англию и СССР или только на СССР. Не примыкая к изоляционистам, некоторые американские националисты, не возражая против продолжения войны, требуют, чтобы США уже теперь обеспечили за собой выигрышные позиции, соответствующие той помощи, которую США оказывает другим Об'единенным нациям не только

X

Это империалисты?

своими военноморскими и воздушными силами, но и своей военной промышленностью на основе Ленд-Лиза. Речь идет в первую очередь об обеспечении за США господства на мировых воздушных и морских путях с получением соответствующих баз. Не прочь они поживиться за счет Британской империи, подлежащей по их мнению ликвидации или сокращению. Их мало интересуют такие вопросы, как послевоенная судьба Германии, Франции и других европейских стран. Маскируя свои истинные устремления, они часто облачаются в тогу защитников Атлантической хартии, всех и всяких громких международных этических принципов, используя их для нападок на Великобританию и на СССР. В этой маскировке они перекликаются с радикальными интеллигентскими кругами, кричащими о справедливом мире и о справедливости для всех народов, включая и германский. Однако, исчерпывающей конкретной программы послевоенного устройства изоляционисты, полуизоляционисты и националисты пока не выдвигают.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ И ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ КРУГИ.

Промежуточные интеллигентские круги, которые оказывают некоторую поддержку изоляционистам в их лицемерной стопроцентной защите Атлантической хартии и вытекающих отсюда нападках на Великобританию и СССР, примыкают, однако, к анти-изоляционистам и рузвельтовцам в их стремлении к доведению войны до победоносного конца, до безусловной капитуляции стран Оси. В этой среде вырабатываются и пропагандируются различнейшие конкретные программы послевоенного устройства. Наиболее полным конкретным планом территориального переустройства мира является план, выдвинутый известным

14

10.

теоретиком карточной игры "бридж" Кальбертсоном. Наиболее спорным в этих кругах вопросом является устройство Германии, а именно необходимо ли ее расчленить, или же обезвредить путем перевоспитания или другими мерами, достаточно ли ограничиться устранением нацистской верхушки или же следует признать виновным в войне весь германский народ и соответственно наказать его.

АНТИИЗОЛЯЦИОНИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ.

В антиизоляционистском лагере тон задают, конечно, правительственные круги и рузвельтовское окружение. Их общая линия состоит в доведении войны до победоносного конца с искоренением нацизма и фашизма, по крайней мере в их нынешних формах, и в самом широком участии США в решении послевоенных проблем и в дальнейшей международной жизни. За пределами этой общей линии начинается, однако, значительное расхождение по отдельным частным вопросам.

ГОСДЕПАРТАМЕНТ И ОКРУЖЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА.

Нельзя говорить об едином мнении по всем вопросам даже в таком правительственном органе, как госдепартамент. Формально политика госдепартамента должна определяться государственным секретарем Хэллом. В силу, однако, своей старости и личных отношений, существующих между Рузвельтом с одной стороны и помощниками госсекретаря с другой, Хэлл отнюдь не является полным хозяином в своем ведомстве. Чтобы понять это, надо иметь ввиду, что к числу его помощников принадлежат такие люди как Уэллес, Берле, Брекенридж Лонг, которые, обладая лично большими средствами, иногда десятками миллионов, совершенно независимы от своей карьеры. Делая во время президентской избирательной кампании значительные денежные взносы в партийную кассу, они обес-

Не то...

печивают себе влияние на президента, чего нельзя сказать про Хэлла, связанного с президентом лишь партийными и идеологическими узами. Хэлл находится в неладах с некоторыми своими помощниками, и сами эти помощники между собой. Каждый старается оказывать влияние и давление на президента в пользу своих собственных теорий и концепций. Этим об'ясняется также то, что в окружении Рузвельта находит свое место такой человек как Берле, который, по всеобщему мнению, проводит в госдепартаменте свою линию и поддерживает контакт с наиболее реакционными элементами европейской политической эмиграции.

Следует кстати отметить, что и другие ведомства находятся под руководством таких людей, совершенно независимых от служебной карьеры, как например министр торговли – крупнейший миллионер Джесси Джонс, республиканские военный министр Стимсон, морской – Нокс (владелец газеты "Чикаго Дейли Ньюз"), крупные деятели промышленности Нельсон, Штеттиниус, Рокфеллер и другие.

Некоторое единодушие имеется в непосредственном окружении Рузвельта, к которому относятся такие люди как Гарри Гопкинс, Моргентау (хотя́ и состоятельный человек), член Верховного суда Франкфуртер, ньюйоркский судья Розенман, вицепрезидент Уоллес, министр внутренних дел Икес, Джозеф Девис (тоже совершенно независимый и богатейший человек) и другие. Эти люди целиком поддерживают рузвельтовскую линию, либо в силу единомыслия с ним, либо в силу личной преданности ему и преклонения перед ним, но некоторые из них иногда и сами оказывают влияние на президента. С другой стороны, президент тесно сотрудничает с такими лицами как адмирал Леги и некоторые

16

12.

генералы, которые держатся совершенно иного мировоззрения, чем Рузвельт.

ПОЛИТИКА РУЗВЕЛЬТА.

В основном надо признать, что внешняя политика США определяется Рузвельтом, хотя она и претерпевает иногда в ходе осуществления некоторые изменения со стороны исполнительных органов. В определении и проведении своей политики Рузвельт опирается на прогрессивную часть промышленной и финансовой буржуазии, ищущей рынков не только за пределами США, но и вне Западного полушария. Придерживаясь буржуазно-радикального мировоззрения, Рузвельт находит поддержку и среди промежуточных и интеллигентских слоев буржуазии и в наиболее передовой рабочей среде. Он честолюбив и стремится создать себе крупное имя в истории и для этого играть большую роль в международных делах. Он убежденный антинацист и антифашист и лично ненавидит Гитлера и Муссолини. Можно поэтому не сомневаться в том, что поскольку это будет зависеть от Рузвельта и пока он останется на своем нынешнем посту, США не выйдет из войны до полного разгрома стран Оси. Он вряд ли думает вести и закончить войну совершенно бескорыстно, и рассчитывает извлечь для своей страны максимальные выгоды. Как я в свое время сообщал, он мыслит себе эти выгоды главным образом за счет ослабления Британской империи. В этом пункте он рассчитывал одно время на сотрудничество с нами, но, не встретив с нашей стороны никакого отклика, он за последнее время несколько умерил свою антибританскую установку. Он полагал, что в отношении разрешения некоторых послевоенных проблем ему легче будет сговориться с нами, чем с Великобританией, и этим я склонен об'яснять его настойчивые предложения

о встрече с товарищем Сталиным. Его предварительная наметка в разрешении послевоенных задач нашла свое выражение, в прошлогодних беседах со мной, а также в совещаниях с Иденом, о которых сообщалось тов. Майским и мною. Конечно, готовых решений по всем вопросам у него нет, и на него продолжает оказываться давление со стороны руководящих лиц госдепартамента. Напомню вкратце, что он говорил о разоружении и расчленении Германии, о присоединении к Польше Восточной Пруссии, о лишении Франции, Бельгии, Голландии и Англии их колониальных владений, о предоставлении одним из этих владений немедленно, а другим через некоторое время, самостоятельности и об установлении над остальными международной опеки, и о директории четырех держав, которые должны иметь решающее слово в международных вопросах и т.д. В дальнейшем он, несомненно, будет доступен влиянию как с нашей стороны, так и со стороны Великобритании и особенно Латиноамериканских стран, к голосу которых он, как и госдепартамент, чутко прислушивается.

США И АНГЛИЯ.

Об американо-английских отношениях приходится мало узнавать сверх того, что пишется в газетах. Госдепартамент не считает нужным делиться со мной сведениями в этой области, подчеркивая время от времени, что мы сами де не желали тройственного контакта. Может быть англичане, как союзники, менее скрытны. Известно, что было немало разногласий между Лондоном и Вашингтоном в отношении сперва Виши, затем соглашения с Дарланом, и по поводу захвата островов Сан-Пьер и Микелон. Было также немало недоразумений в области поставок по Ленд-Лизу. Мне представляется, что чем меньше мы контактируем с американцами, тем теснее они сплачиваются с англ~~ичана~~

личанами, и что отношения между ними за последние полтора года значительно и заметно улучшились, чему, конечно, немало содействовали частые встречи Черчилля с президентом, постоянные приезды представителей английского правительства и разных ведомств в Вашингтон и поездки американских представителей в Лондон. Даже в общественном мнении, в котором проскальзывало раньше немало враждебности к Англии, заметен некоторый перелом, благодаря обильной британской агитации и пропаганде.

США И КИТАЙ

Немало усилий американская дипломатия употребляет на укрепление дружественных отношений с Китаем, и в частности на ухаживание за Чан Кай-ши. Эта политика в основном определяется серьезными опасениями возможного выхода Китая из войны путем заключения сепаратного договора с Японией. Эти опасения питаются слухами, пускаемыми время от времени самими китайцами. Жена китайского посла в Лондоне Веллингтона Ку недавно выступила в Нью-Йорке с открытыми прямыми угрозами сепаратного мира. Хотя она считается особой несерьезной и даже разошедшейся со своим мужем, трудно допустить, чтобы она позволила себе такое выступление без указания свыше. Приезд и удачные выступления в США жены Чан Кай-ши значительно укрепили позиции Китая. Находящийся постоянно в Вашингтоне китайский мининдел Сун, лично пользующийся большими американскими симпатиями, оказывает беспрерывное давление на президента как личным контактом, так и через посредство Тихоокеанского совета.

Представленные в этом совете государства, несомненно, ведут общую линию давления на президента в сторону усиления тихоокеанских фронтов. За исключением представи-

теля Голландии, который, естественно, заинтересован больше в борьбе против Гитлера, чем против Японии, остальные члены Тихоокеанского совета ведут беспрерывную агитацию за предоставление приоритета войне против Японии. Особенно выделяется активность Австралии, которая за эти полтора года уже дважды присылала в Вашингтон своего министра иностранных дел для временного замещения своего посланника. Это давление, которое поддерживается также генералом Мак-Артуром, дает несомненные результаты в смысле усиленных отправок американской авиации и предметов вооружения в Китай и живой силы плюс снаряжение на ближайшие к Австралии острова. США несомненно содержат на этом театре военных действий военноморские и воздушные силы, не соответствующие его значению, в ущерб борьбе против Гитлера и Муссолини. Недоразумения, существующие между Китаем и Англией, Америка считает нужным компенсировать усилением своего собственного внимания к Китаю.

США И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Наибольшее внимание американская дипломатия уделяла и уделяет отношениям с Латиноамериканскими странами и вовлечению их в общую борьбу против стран оси, и им удалось привлечь (за исключением Аргентины) все Латиноамериканские государства, из которых одни порвали отношения со странами оси, а другие об'явили им войну. США приходится за это расплачиваться поставками в эти страны, а также закупками излишков тамошнего сырья, опять таки тратя на это транспортные средства в ущерб военным и морским операциям против Гитлера.

США И ОСТАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Госдепартамент, и в частности сам Хэлл, проявлял раньше большой интерес к Виши, а в настоящее время к Испании. Хэлл вменяет себе в особую заслугу, что якобы

20

благодаря сохранению в течение долгого времени 16.
представителей в Виши и Северной Африке удалось совершить высадку в Марокко и Алжире и заключить соглашение с Дарланом. Равным образом Хэлл наивно полагает, что ему удастся удержать Франко от выступления на стороне Гитлера и Муссолини умелым ухаживанием за ним и исключением Испании из морской блокады. Со стороны либерально-радикальных кругов наиболее сильным нападкам подвергается как раз политика госдепартамента в отношении Виши, Дарлана и Франко. В области этих вопросов, несомненно, ведущую роль играл госдепартамент, соответственно обрабатывающий президента, пользуясь отсутствием у него времени внимательно относиться к таким вопросам.

Кое-какие американские подачки выпадают на долю Турции, хотя госдепартамент никаких иллюзий насчет возможности переманивания Турции на сторону Об'единенных наций не питает. Он, однако, считает достаточным сохранение Турцией сколько нибудь благожелательного нейтралитета.

Не так (Бенеш?)

Представленным в Вашингтоне безземельным ~~государст-~~ правительствам США уделяет мало внимания, хотя и наблюдается известная градация теплоты в этих отношениях: наилучшее отношение к наиболее реакционным правительствам, и наименьшими симпатиями пользуется правительство Бенеша. Параллельно этому, госдепартамент в лице Берле поддерживает постоянный контакт с наиболее реакционными представителями эмиграции этих стран.

РУЗВЕЛЬТ И СССР.

Отношение Рузвельта к СССР по сравнению с 1933 г., когда я впервые с ним познакомился, несомненно несколько ухудшилось. Наименьшую роль тут сыграл неразрешенный вопрос о долгах, который теперь совершенно позабыт, а скорее повлияла враждебная агитация Буллита и в особен-

21

17.

ности некоторые моменты нашей внешней политики. Он все же дружелюбнее относится к нам, чем кто бы то ни было из видных американцев и явно желает сотрудничать с нами. В настоящее время, несомненно, вызывает его недовольство неудовлетворение ни одной из обращенных им к нам просьб, наше явное нежелание обсуждать с ним текущие и послевоенные политические вопросы и установить постоянный контакт с ним. Вряд ли, однако, это недовольство сказывается сколько нибудь заметно на исполнении поставок по Ленд-Лизу. Мне документально известно, что в пределах данных им обещаний он активно подталкивал исполнительные органы по удовлетворению наших заявок.

США ни в малейшей мере не заинтересованы экономически или внешнеполитически в проблеме Прибалтики или в спорных между нами и Польшей пограничных вопросах. Рузвельт, учитывая предстоящую президентскую избирательную кампанию, не безразличен, однако, к голосам выходцев из Прибалтики и Польши, а также американских католиков, а потому не склонен публично поддерживать наши требования. Финских выходцев в Америке сравнительно немного, но Финляндия в течение многих лет пользовалась большими симпатиями в США. Финляндия ловко использовала репутацию якобы единственной страны, платящей Америке долги по первой мировой войне. На самом деле никакого финляндского военного долга не существовало, и Финляндия платит лишь за послевоенные поставки, но общественное мнение Америки до сих пор находится в заблуждении по этому вопросу. Упорное игнорирование Финляндией подсказываний с американской стороны о выходе из войны и заключении сепаратного соглашения с нами несомненно подре-

вало ее популярность и интерес американцев к ней. 18.

При послевоенном решении наших споров с пограничными государствами Рузвельт не станет активно поддерживать их претензий, если он очутится перед совершившимися фактами. В противном случае Рузвельт, прислушиваясь к американскому общественному мнению, будет стараться придавать решениям хотя бы внешний вид "международной справедливости" и соответствия Атлантической хартии.

ПОЛИТИКА США В СЛУЧАЕ СМЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА.

Я все время говорил о политике США при президентстве Рузвельта. Смена президента, которая может иметь место в будущем году, внесет немало изменений в эту политику. При зависимости президента от сената трудно сказать, в состоянии ли будет даже Рузвельт целиком реализовать свою политику и не постигнет ли его судьба Вильсона. На этот счет существуют в Америке лишь догадки и сомнения. Некоторые крупные политические и промышленные деятели, не стесняясь моим присутствием, спорили на эту тему и не могли придти к определенному решению относительно возможности возврата к изоляционизму. Еще труднее ответить на этот вопрос в случае смены президента. Ближайшие друзья Рузвельта, как например Гопкинс и Девис, высказываются чрезвычайно оптимистически, не допуская никаких сомнений в избрании Рузвельта в четвертый раз. Как я уже сообщал, вицепрезидент Уоллес более трезво оценивает ситуацию и допускает провал Рузвельта. Я считаю, что еще меньше шансов на избрание имеет сам Уоллес, Мак-Натт или какой либо другой кандидат демократической партии. Из республиканских кандидатов

определенным антиизоляционистом можно считать лишь Уилки, но его шансы значительно подмочены его слишком яркими выступлениями. Он еще мечтает сколотить во время выборов промежуточную партию из республиканцев и демократов. Это вряд ли ему удастся. Другие республиканские кандидаты, губернаторы штатов Минесота и Массачузетс, окончательно не определились и могут взять любое направление в своей политике. Вопреки своему обещанию не выставлять своей кандидатуры, может еще выплыть в последнюю минуту ньюиоркский губернатор Дьюи - явный изоляционист. Но любой президент должен будет учитывать общественное мнение, которое создастся к концу войны, даже в тех случаях, когда он целиком с ним расходится.

СИЛА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В США и ОБРАБОТКА ЕГО.

Значение общественного мнения в США, находящего свое выражение преимущественно в прессе и радио, колоссально и не может быть переоценено. Вот почему представленные в Вашингтоне воюющие государства не останавливаются перед тратой огромнейших средств и сил на пропаганду и обработку общественного мнения. Совершенно бешеную пропаганду ведут польское посольство и консульства и связанные с ними многочисленные польские общественные организация. По этому же пути идут и прибалтийские страны. Даже Англия, достаточно знакомая американцам, содержит в Нью-Йорке для пропагандистских целей информационное бюро в 200 человек. Наряду с послом имеется 3-4 посланника, 6 советников, 17 первых секретарей, 14 вторых и 16 третьих секретарей, которые главным образом занимаются раз'ездами по стране для агитации и пропаганды. Чрезвычайно отстает в этом отношении не только от английского, но и от других посольств советское.

21

20.

которое имеет один единственный информационный орган (отдел печати), состоящий из 3 человек, и которое, кроме посла, не имеет ни одного человека, который мог бы самостоятельно выступать на митингах и собраниях. Между тем, общественное мнение Америки, отдавая дань восхищения героизму и успехам Красной армии, продолжает в основном в большинстве штатов оставаться крайне враждебным к СССР. Надо сказать, что госдепартамент палец о палец не ударяет для борьбы с этой враждебностью, хотя кое-что в этом отношении делается Военно-Информационным Бюро. Враждебность питается в значительной степени существующими предрассудками и ложными представлениями, вытекающими из полного невежества в отношении нашей страны. Американцы сами начинают это сознавать и пред'являют огромный спрос на раз'яснение сути и жизни Советского Союза, а этот спрос посольство и консульства могут удовлетворить лишь в минимальной степени.

25

РЕЗЮМЕ:

1. В президентсво Рузвельта выход США из войны по инициативе президента или правительства или при их содействии немыслим. В случае значительной затяжки войны без видимых шансов на победу, сенат, поддавшись агитации изоляционистов, может пытаться путем отказа в кредитах вызвать серьезный кризис, но при противодействии президента и правительства преждевременное прекращение войны мало вероятно. Такая возможность может стать реальной в случае избрания президентом изоляциониста или полуизоляциониста.

2. Без серьезного давления с нашей стороны, на открытие второго фронта в Западной Европе в близкое время рассчитывать не приходится. Не очень вероятно даже англо-американское наступление с северо-африканских баз. Если не предвидится скорой встречи тов.Сталина с Рузвельтом, то давлению должна быть придана особая форма.

3. При фактическом разрешении нами самими вопроса о наших западных границах серьезного противодействия со стороны США ожидать не следует. Поскольку, однако, потребуется для этого содействие США, последнее будет зависеть в значительной мере от общественного мнения США.

4. В правящих кругах США имеется недовольство СССР главным образом по линии отсутствия контакта и нашей сдержанности в обсуждении послевоенных проблем. Недовольство общественного мнения Америки идет по той же линии, но оно питается также предрассудками и невежеством в отношении нашей страны.

5. Отсутствие американо-советского контакта укрепляет англо-американские взаимоотношения и усиливает нашу изоляцию.

26

ВЫВОДЫ:

Если мы отдаем себе отчет в роли и значении США в ходе войны против наших общих врагов, а в особенности после войны, из которой она выйдет наименее обессиленной и истощенной и наиболее могущественной в промышленном и финансовом отношениях, и если мы хотим устранить существующие недоразумения и подготовить условия для взаимного понимания и сотрудничества, то само собой напрашиваются следующие мероприятия:

27

3.

1. Создать в Вашингтоне какой нибудь орган постоянного военно-политического контакта с президентом и военным ведомством. Рузвельт в свое время предлагал создать общесоюзническую комиссию, но мы должны были это отвергнуть, поскольку имелись ввиду не только европейский и африканский, но и тихоокеанский театры военных действий. Нет, однако, по моему, оснований уклоняться от участия в американо-англо-советской комиссии для обсуждения военно-политических вопросов, вытекающих из общей борьбы с европейскими странами оси. Это отнюдь не значит обсуждать стратегические планы нашей войны с Германией. Подобные вопросы не обсуждаются и в Тихоокеанском совете. Тем не менее, члены его все же время от времени получают по крайней мере полезную информацию о ходе военных действий и по некоторым политическим проблемам и могут излагать свои пожелания и требования. В предлагаемой комиссии достаточно иметь посла и одного генерала, а если возможно то и адмирала. Создание подобной комиссии: 1) позволяло бы нам во время влиять на стратегические планы Англии и США, 2) давало бы нам полезную информацию, 3) положило бы конец жалобам и недовольству не только со стороны общественного мнения, но и правящих кругов по поводу того, что мы де единственная из Об'единенных наций, уклоняющаяся от контакта с другими и якобы преследующая какие то скрытые цели.

2. Начать в советской печати и в устных выступлениях обсуждение в дискуссионном порядке послевоенных проблем.

3. Поставить посла в условия возможно частых выступлений перед американской общественностью для раз'яснения

28
24.

нашей общей политики и отдельных ее моментов, как в настоящем, так и в прошлом.

4. Возникающие политические вопросы, поскольку они касаются не только англо-советских отношений, обсуждать одновременно с лондонским и вашингтонским правительствами.

5. Укрепить информационный орган посольства некоторым количеством работников с хорошим знанием английского языка. Если таковых не имеется, то направить в посольство одного или нескольких серьезных политически-грамотных работников, которые могли бы хотя бы по русски составлять статьи и речи и ответы на запросы для перевода на английский язык. Обязательно при этом разрешить посольству принять ~~[illegible]~~ надежных американцев для переводческой и редакторской работы.

6. Посылать в США время от времени для публичных выступлений представителей науки и искусства, особенно по музыке. Наиболее желательным является приезд Краснознаменного ансамбля. Переезд его мог бы быть совершен на одном из наших тихоокеанских пароходов.

М.Литвинов

(М.М.Литвинов)

Отп.4 э.КЧ/АП
№1-Сталину
№№2 и 3-Молотову
№4-дело

Послано
тт. Ворошилову
Микояну
Берия
Маленкову
Вышинскому
Деканозову
Лозовскому
Корнейчуку 32ъ.л

Так, планируя агитационную работу в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро постановило: «В докладах и беседах, а также в областных, краевых и республиканских газетах необходимо показать, что в результате Октябрьской революции преодолена вековая отсталость России и наша страна превратилась в могущественную индустриальную и колхозную державу, способную отстоять свою свободу и независимость. Красная армия и советский народ защищают свое социалистическое отечество, защищают самый передовой строй в мире — советский строй»[134].

Западные представители обращали особое внимание на усиление славянской линии во внешней политике СССР, проявившееся, в частности, в создании Всеславянского комитета, который стал налаживать связи с другими славянскими народами. Комментируя работу его пленума в октябре 1943 г., поверенный в делах США в СССР М. Гамильтон считал, что речь идет о дрейфе советской политики в сторону «панславизма старого типа, когда Россия претендовала на лидерство в славянском мире»[135].

Британские политики, учитывавшие давний опыт отношений Великобритании с царской Россией, тоже заговорили о том, что внешняя политика СССР при И. В. Сталине «быстро возвращается к традиционным линиям давних царских дней»[136]. Суммируя настроения экспертов Северного департамента Форин-офиса, ответственного за отношения с СССР, британский историк М. Фолли писал: «Они полагали, что Сталин и его политика «социализма в отдельно взятой стране» превратили Советский Союз из «революционной идеи» в национальное государство. Война ускорила изменения в Советском государстве, имеющие консервативный характер»[137]. В целом, подобная трансформация советской внешней политики воспринималась на Западе как весьма позитивное явление, поскольку эта политика становилась прагматической, предсказуемой и открытой для реалистических компромиссов.

Важным процессом в рамках укрепления международных позиций СССР была его легитимация как «нормального» государства, полноценного члена международного сообщества (в ситуации войны сводившегося к Объединенным Нациям и поддерживавшим их государствам). Такие факторы, как образ государства за рубежом, характер его восприятия союзниками по антигитлеровской коалиции, имели немаловажное значение для проведения Москвой эффективной внешней политики. В американском и британском общественном мнении СССР к осени 1943 г. все явственнее представал в качестве надежного союзника в войне и даже как государство, напоминающее западные демократии. Популярный американский журнал «Кольер», в октябре 1939 г. убеждавший своих читателей в том, что «кроме как в умах неизлечимых мечтателей, никакого реального различия между коммунизмом и фашизмом не существует», в 1943 г. писал уже совсем в другом ключе. Россия, говорилось на его страницах, «эволюционирует... в сторону чего-то, напоминающего демократию, в том виде как она существует у нас и в Великобритании»[138].

Улучшению образа СССР в американском общественном мнении большое значение придавал президент США Ф. Рузвельт. В частности, он курировал работу над фильмом «Миссия в Москву» по одноименной книге близкого к нему политика Дж. Дэвиса. По мнению Управления военной информации, этот фильм «представлял русский народ очень доброжелательно. Были приложены все усилия, чтобы показать, что русские и американцы не так уж сильно отличаются друг от друга»[139].

Еще более радикальным было изменение прежних представлений об СССР в Великобритании. Лорд У. Бивербрук, сочувственно относившийся к политике сотрудничества с СССР, еще в феврале 1942 г. подчеркивал: «Когда мы вступили в союз с Россией, прошлое было забыто»[140]. Действительно, ранее сложно было представить, что британское правительство на официальном уровне будет пышно праздновать день Красной армии (как это произошло в феврале 1943 г.) или что У. Черчилль будет поздравлять с днем рождения главу государства, которое он ранее призывал уничтожить. Хотя подобные жесты со стороны британского премьера не означали радикальных изменений в его отношении к Советскому Союзу, однако они в немалой степени отражали атмосферу союзнических отношений той поры.

В январе 1944 г. У. Черчилль писал А. Идену о «глубоких изменениях, которые происходят в характере Русского государства и правительства», и даже отмечал «новое доверие, которое зреет в наших сердцах в отношении Сталина»[141]. В обзорах британского общественного мнения за июль — август 1943 г., поступавших в министерство информации, также говорилось о восхищении военными успехами России, ее стратегией, о вере в возможности советского союзника.

Особую роль в восприятии СССР за рубежом играл вопрос об отношениях Советского государства с Русской православной церковью (РПЦ). Примирение советской власти с церковью, отмеченное исторической встречей И. В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г., безусловно, было связано с патриотической деятельностью церкви во время Великой Отечественной войны — ее положительное значение И. В. Сталин особо отметил во время беседы[142].

Однако на этот шаг влияли и внешнеполитические соображения, а сам он, в свою очередь, имел заметные международные последствия. Нормализация отношений церкви с государством должна была продемонстрировать возросшую зрелость советской системы, укрепив благоприятный образ СССР в глазах общественного мнения стран-союзников. С образованием Совета по делам РПЦ при СНК СССР, который не случайно курировал В. М. Молотов, резко расширились международные контакты РПЦ, начиная с визита в Москву делегации Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским (С. Гарбеттом) в октябре 1943 г.

Усилия советского руководства по укреплению репутации СССР за рубежом через нормализацию отношений с РПЦ не прошли даром. Воинствующий атеизм раннего советского режима был одним из главных раздражителей в его отношениях с Западом. Теперь эта «религиозная карта» выбивалась из рук антисоветской пропаганды. О британской реакции на встречу И. В. Сталина с церковными иерархами могли судить члены советской профсоюзной делегации во главе с Н. М. Шверником, посетившие Великобританию как раз в сентябре — октябре 1943 г. Начальник охраны Н. М. Шверника в последующем вспоминал: «...я был в Англии. И как раз в это время в Москве Сталин принял главу Русской православной церкви. Так вы не можете себе представить реакцию англичан на это событие! Это трудно передать. Вдруг Сталин принимает Патриарха! И если кто-то в Англии и относился с недоверием к СССР, все тут же повернулись к нам лицом»[143].

Посольство США в Москве характеризовало изменения в религиозной политике советского руководства как «беспрецедентно благожелательное отношение советского государства к церкви», которое необходимо принимать во внимание при оценке «общей ситуации» в советско-американских отношениях[144]. Для аналитиков Госдепартамента, настроенных несколько более скептично, новая религиозная политика Москвы была частью славянской внешнеполитической линии. Эксперт по европейским проблемам Э. Дюрброу указывал в октябре 1943 г. на «возможную связь между [панславянским] движением и признанием и восстановлением Патриарха православной церкви в России. Есть основания предполагать, что среди южных славян, которые также являются православными, подавление религии [в СССР] было одним из препятствий для выражения полной симпатии советскому правительству»[145].

Отмеченные изменения во внешней и внутренней политике СССР были прежде всего связаны с необходимостью мобилизации и национального сплочения всей страны в борьбе со смертельным врагом. Но в то же время они служили своеобразной данью участия Советского Союза в антигитлеровской коалиции, поскольку учитывали общественное мнение и запросы его западных союзников. В целом укрепление международных позиций СССР, рост его авторитета и престижа во всем мире стали большим политическим капиталом советской внешней политики, создавая благоприятные возможности для достижения ее целей и укрепления антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем эти процессы имели и свою теневую сторону. В военно-политических кругах Запада нарастали опасения, связанные с усилением Советского Союза и угрозой его превращения в опасного конкурента. Уже после Сталинградской битвы военные и политические эксперты США и Великобритании стали задаваться вопросами о том, насколько

Патриарх Сергий

далеко зайдет Красная армия в своем продвижении на Запад и какую цену запросит СССР за свой решающий вклад в разгром фашистской Германии[146]. Пока эти опасения накапливались подспудно, но советская внешняя политика должна была учитывать и эту реальность.

Новая роль СССР в составе антигитлеровской коалиции ярко проявилась в ходе подготовки Московской конференции министров иностранных дел, а также Тегеранской конференции. Известно, что сам выбор мест проведения этих конференций стал предметом острого дипломатического торга между И. В. Сталиным и союзниками, которые предлагали другие, более удобные для себя варианты. Но И. В. Сталин не уступал. В посланиях Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 8 сентября 1943 г. он предложил местом встречи представителей трех держав назначить Москву и не собирался отступать от своего выбора. Дело было не только в соображениях престижа. Проведение конференции на своей территории давало И. В. Сталину явное преимущество перед Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в отслеживании работы конференции и воздействии на ее ход.

Что касается Тегерана, то и здесь позиция Москвы с самого начала была непреклонной, несмотря на сильное сопротивление Ф. Рузвельта, называвшего возможный срыв встречи из-за этих разногласий «трагедией». «Совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*) не намерено отступать от намеченного ранее для встречи с Рузвельтом пункта встречи, — сообщал В. М. Молотов послу в США А. А. Громыко 12 октября 1943 г. «для личной ориентировки», — «Каир» или какой-то крейсер не могут быть приняты для этого»[147].

Тегеран, находившийся недалеко от границы с СССР и в котором в тот момент размещались советские войска, был гораздо удобнее для И. В. Сталина, чем для его партнеров, особенно Ф. Рузвельта, которому пришлось отправиться за 12 тыс. миль для встречи с советским лидером. Хотя то, что И. В. Сталин сумел настоять на своем выборе, говорило не

столько о его дипломатическом искусстве, сколько о новом авторитете СССР, с которым приходилось считаться его западным партнерам.

Коренной перелом в ходе войны ставил перед советской дипломатией и новые задачи. В отношении нейтральных государств задача удержания их от перехода на сторону оси сменялась необходимостью противодействия их «мирным проискам» — попыткам стать посредниками в заключении сепаратного мира СССР с Германией. Подобный зондаж с лета 1943 г. начал предприниматься японской дипломатией, а в нейтральной Швеции такие предложения поступали непосредственно от германских эмиссаров. Следуя своим союзническим обязательствам, Москва исправно информировала Вашингтон и Лондон о подобных контактах, ожидая от них такой же взаимности. Новой задачей стал отрыв от Германии ее европейских союзников: Финляндии, Болгарии, Венгрии и Румынии. Уже летом 1943 г. советская дипломатия начала прилагать большие усилия, чтобы вывести из войны Финляндию. Весной следующего года с ней было заключено перемирие на весьма щадящих для финнов условиях. Правительства Болгарии, Венгрии и Румынии, которые Москва призывала порвать с Германией пока не поздно, не решились повернуть оружие против вермахта, что впоследствии по условиям перемирий привело к размещению на их территории советских войск.

Но наиболее явно смена внешнеполитических приоритетов отразилась в развернувшейся подготовке к завершению войны и послевоенному урегулированию. Принципиальные основы советской программы послевоенного миропорядка были впервые изложены в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции. Она включала в себя следующие пункты: освобождение народов Европы от фашистских агрессоров и оказание им содействия в восстановлении своей государственной независимости; предоставление освобожденным народам полного права самим решать вопрос о своем государственном строе; наказание фашистских преступников за совершенные ими злодеяния; создание условий для исключения новой агрессии со стороны Германии; восстановление разрушенной оккупантами экономики на базе всестороннего сотрудничества европейских народов[148].

Наряду с провозглашением этих публично заявленных целей в Москве началась аналитическая проработка конкретных проблем перехода от войны к миру. Одной из площадок открытого обсуждения этой проблематики стал новый журнал «Война и рабочий класс», который начал выходить с июня 1943 г. С самых первых номеров этого издания на его страницах по инициативе М. М. Литвинова (выступавшего под псевдонимом Н. Малинин) началось обсуждение послевоенных международных проблем[149].

Постановлением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при НКИД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым и Комиссия по вопросам перемирия во главе с К. Е. Ворошиловым[150]. Несколько позднее к ним добавилась Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил И. М. Майский. Комиссии были составлены из опытных советских дипломатов и военных, которые в закрытом режиме занялись анализом поставленных перед ними проблем и выработкой практических рекомендаций по их решению. Хотя деятельность этих комиссий широко развернулась с начала 1944 г., уже в первых их разработках просматривались принципиальные черты подхода советской дипломатии к проблемам послевоенного устройства.

Основу этого подхода составлял поиск обеспечения безопасности Советского Союза в послевоенный период с учетом геополитических уроков межвоенного периода и самой войны. Великая Отечественная война с ее огромными материальными и людскими потерями, оккупацией значительной части страны, само существование которой было поставлено на карту, преисполнила советское руководство решимостью не допустить повторения подобной катастрофы в будущем. Война показала опасные бреши в обеспечении безопасности государства: проницаемость его западных границ, ограниченность выхода в Мировой океан, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, острая нехватка потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации,

современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы. Грядущая победа давала уникальную возможность ослабить эти уязвимости, перевести огромные жертвы советского народа и военные успехи Красной армии в долговременное укрепление международных позиций СССР и тем самым восстановить историческую справедливость в отношении России, нарушенную в неудачных войнах предшествовавших десятилетий. Приближавшийся разгром сильнейших исторических противников России — Германии и Японии, военное доминирование Красной армии на евразийском пространстве, новый международный авторитет СССР как признанного члена победоносной антифашистской коалиции — всё это открывало редкую возможность для коренного укрепления мировых позиций СССР, обеспечения его интересов безопасности на десятилетия вперед.

Главной стратегической задачей оставалась защита огромной и уязвимой территории страны. В политическом плане это предполагало предотвращение возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Долговременное обезвреживание Германии (а в Азии — Японии) в сочетании со скорым, как ожидалось, выводом американских войск из Европы после победы сулило благоприятный военный баланс на Европейском континенте, при котором, как отмечал в своей записке начала 1944 г. «Желательные основы послевоенного мира» И. М. Майский, «в послевоенной Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия»[151].

Поэтому возрождение Франции представлялось желательным «без ее былого военного могущества», а Италию следовало ослабить репарациями, изъятием колоний и сужением границ. «Моральный принцип наказания — он неплох на будущее время, — говорил на заседании комиссии М. М. Литвинова академик Е. В. Тарле, — ведь предстоят еще тревожные времена, и память об известного рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь воздействие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокаций с нашей стороны»[152].

В отношении Германии среди советских экспертов еще не было единой позиции, хотя необходимость ликвидации ее военного потенциала и денацификации признавалась всеми: члены комиссии М. М. Литвинова выступали за максимально жесткое обращение с поверженной Германией, вплоть до разделения ее на несколько частей, тогда как комиссия К. Е. Ворошилова предлагала более умеренную линию, которая, в конце концов, и возобладала[153].

В геополитическом отношении главное решение проблемы безопасности виделось в наращивании глубины обороны, прежде всего на западном направлении, служившем основным коридором вражеских вторжений. С учетом опыта войны и межвоенного периода (санитарный кордон), когда большинство стран Восточной Европы служили средством изоляции СССР, а позднее присоединились к странам оси, главным способом решения этой задачи считалось сохранение западных границ 1941 г. вкупе с созданием пояса безопасности из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики.

При таком варианте западные соседи СССР сохраняли свое независимое существование, хотя и входили бы в советскую сферу безопасности. В этом русле шли предложения И. М. Майского о заключении договоров о взаимопомощи с Румынией, Югославией и Болгарией и размещении советских военных баз в Финляндии, отсюда же и рекомендации комиссий М. М. Литвинова и И. М. Майского о подходе к тем или иным восточно-европейским странам. Другими словами, под дружественными государствами подразумевалось нечто вроде традиционной открытой сферы влияния, ограничиваемой внешней и военной политикой.

На Дальнем Востоке ту же задачу наращивания глубины обороны предлагалось решить за счет возвращения территорий и прав, утраченных Россией в войне с Японией или уступленных ей позднее (Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, КВЖД и ЮМЖД), плюс Курилы. В сочетании с планировавшимся советским участием в оккупации Северного Хоккайдо это обеспечивало бы полный контроль над Охотским морем и устойчивый выход советского флота в Тихий океан.

Самым уязвимым флангом оставалась южная граница СССР в районе Закавказья с выходом на недружественные Турцию и Иран и с расположенными поблизости главными месторождениями нефти и производственными мощностями по ее переработке. Это признавала в своих оценках и разведка США, а в Москве хорошо понимали, что в случае войны район Баку станет одной из главных стратегических целей противника (о чем свидетельствовали и известные советскому правительству англо-французские планы его бомбардировок в 1940 г.). Опыт войны также показал стратегическое значение Ирана как транзитного коридора, ведущего к территории СССР. Иран, писал в той же записке И. М. Майский, «прикрывает наш Кавказ и обеспечивает нашу связь с Персидским заливом»[154]. В этом контексте рассматривался проект создания просоветского Иранского Азербайджана на севере Ирана, продолжавший в новой форме усилия царской дипломатии рубежа XIX–XX вв. по укреплению там сферы влияния России в противовес Великобритании. Сюда же можно отнести и предпринятую позднее попытку вернуть пограничные районы Карса и Ардагана, отошедшие в 1921 г. к Турции (когда, по словам В. М. Молотова в беседе с турецким послом, СССР «был обижен в территориальном вопросе»)[155].

Другой важнейший урок войны состоял в необходимости обеспечения свободного выхода через Балтийское и Черное моря, которые активно использовались германским флотом против СССР. С этой целью советская дипломатия планировала получить Кёнигсберг с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии. Большое значение придавалось и укреплению советского влияния над режимом балтийских проливов. Они, подчеркивал М. М. Литвинов в специальной записке на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова, лежат «на линии коммуникаций между советскими портами Балтийского моря и портами СССР в Ледовитом океане, в Белом и Черном море и в Тихом океане... и имеют такое же значение для Советского Союза, как, например, Панамский канал для США... Опыт первой и второй мировых войн показывает, какой ущерб может быть нанесен Советскому Союзу при овладении господством над проливами враждебным государством и разъединении советских балтийских портов со всем остальным миром»[156].

Для решения этой задачи М. М. Литвинов делал основной упор на интернационализации Кильского канала и балтийских проливов, а Народный комиссариат ВМФ и соответствующий региональный отдел НКИД предлагали склонить Норвегию и Данию к соглашению о совместной обороне архипелага Шпицберген и острова Борнхольм[157].

По той же схеме предлагалось оказать давление на Турцию с целью обеспечения свободного прохода через черноморские проливы. В 1944–1945 гг. эксперты НКИД разработали несколько вариантов решения этой проблемы, начиная с частичного пересмотра конвенции Монтрё и заканчивая совместной советско-турецкой охраной проливов с предоставлением Советскому Союзу военно-морской базы в этой зоне (последняя идея была заимствована из разработок царского МИДа конца XIX в.)[158].

В целом, стратегические проекты советских планировщиков шли в русле традиционных геополитических устремлений России и при всей своей амбициозности не имели масштаба глобальной геополитической или идеологической экспансии. Эти запросы представлялись в Москве обоснованными не только стратегически, но и морально, ибо считались заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма. По этой логике СССР, превратившийся за годы войны из международной парии в общепризнанную великую державу, по крайней мере имел не меньше прав, чем США и Великобритания, на свою сферу влияния.

Стратегическая обоснованность большей части этих геополитических запросов СССР поначалу признавалась и на Западе — как в открытой печати[159], так и во внутренних оценках англо-американских военных и дипломатов. Например, в специальном аналитическом докладе 1944 г. «Стратегические интересы России с точки зрения ее безопасности» эксперты высшего органа британской разведки — Объединенного разведывательного комитета — ставили себя на место советских экспертов и констатировали, что главными стратегическими приоритетами СССР должны являться: необходимость защиты огромных границ (особенно

на самом уязвимом западном направлении), ликвидация на возможно долгий период способности главных исторических врагов России — Германии и Японии к новой агрессии, обеспечение свободного выхода в Мировой океан, грандиозная задача послевоенного восстановления народного хозяйства страны.

Авторы резонно подчеркивали, что для решения этих задач СССР «будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ее мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения»[160]. В целях обеспечения своей безопасности СССР пойдет «путем создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и за счет ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии. В Европе Россия будет считать Финляндию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и в меньшей степени Югославию в качестве своего защитного пояса... Она захочет преобладать в Черном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы. На Среднем Востоке она захочет контролировать Северную Персию. На Дальнем Востоке помимо приобретения Южного Сахалина и Курил она будет стремиться заполучить какую-то форму контроля над Маньчжурией и Кореей — вероятно, в духе тех привилегий, которые она имела в Маньчжурии до 1904 года, когда Россия владела Дайреном и Порт-Артуром и ведущими к ним коммуникациями»[161].

По ряду пунктов британские эксперты предусматривали даже более обширную сферу советского влияния, чем ту, на которую впоследствии реально претендовал Советский Союз. Вопреки их прогнозам Москва не пошла на захват Маньчжурии и Кореи, не стала перекрывать для Запада доступ к нефтяным ресурсам Ирана, Ирака и Саудовской Аравии или добиваться нейтрального статуса для Норвегии и Турции. Показательно, что даже столь расширенное толкование сферы советского влияния не вызывало тогда большой тревоги британской разведки. Прогнозируемая ими на послевоенный период стратегическая система Советского Союза почти не пересекалась со стратегической орбитой Британской империи, а значит, сохранялась возможность сосуществования и даже сотрудничества большой тройки после войны[162].

Советские планировщики также исходили из того, что подобное расширение зоны советского влияния удастся совместить с сохранением ровных отношений с Западом. Эти надежды зиждились на нескольких основных посылках. Одной из них было представление о США как о мощной и растущей, но отдаленной державе, интересы которой мало сталкиваются с интересами СССР и которая не сможет представлять реальную военную угрозу Советскому Союзу.

М. М. Литвинов, например, считал, что «отсутствуют основательные причины для серьезных и длительных конфликтов между США и СССР в какой-либо части света (за исключением, может быть, Китая)»[163]. Другой важной посылкой была надежда на возможность «полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства» с Великобританией, которая выйдет из войны резко ослабленной, столкнется с сильнейшей американской конкуренцией и будет заинтересована в стабилизации отношений с СССР. В сферу влияния Англии, по мнению М. М. Литвинова, могли войти Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция, а Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия могли бы составить нейтральную зону.

Считавшийся неизбежным англо-американский антагонизм не только исключал или, по крайней мере, сильно затруднял формирование англо-американской коалиции против СССР, но и сулил советской дипломатии свободу рук и возможность использовать эти противоречия в своих интересах. Так, например, признавая огромную стратегическую важность бывших итальянских колоний в Африке для Великобритании и предвидя ее сильное сопротивление советским запросам, М. М. Литвинов рассчитывал в этом на помощь США как противника британского империализма: «Для того чтобы сбить Англию с ее позиций, нам, несомненно, потребуется сильная поддержка со стороны США». В то же время и Великобритания с ее

флотом и широкой сетью военных баз, считал И. М. Майский, «может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США».

Вырисовывался своеобразный союз трех великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер влияния друг друга. Хорошо понимая опасность раскола мира на враждующие военно-политические блоки, М. М. Литвинов и его коллеги рассчитывали избежать его как путем сохранения сотрудничества между членами большой тройки, так и за счет сохранения этих сфер влияния открытыми и ограниченными лишь сферой безопасности. Так, «полюбовный раздел» с Великобританией, по М. М. Литвинову, должен был основываться на том, что «Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности». Для придачи этим сферам большего международно-правового обоснования М. М. Литвинов даже предлагал облачить их в форму «региональных секций» в рамках будущей ООН, которые бы закрепили лидирующее положение великих держав в пределах зон их региональной ответственности без ущемления независимости остальных входящих в них стран (зона США при этом должна была охватывать все Западное полушарие и большую часть Азиатско-Тихоокеанского региона).

В обеспечении послевоенной безопасности СССР, по мнению комиссий НКИД, должен был опираться прежде всего на собственные силы, сохраняя свободу действий. Как подчеркивал в сентябре 1943 г. видный дипломат Б. Е. Штейн в одном из докладов комиссии М. М. Литвинова: «В интересах Советского Союза будет сохранение полной свободы маневрирования в Европе»[164]. Важнейшей предпосылкой этого было дальнейшее укрепление оборонного потенциала страны, прежде всего его промышленной и научной базы. Советское руководство, с его настороженностью к капиталистическому Западу и тяжелым опытом прошлого в отношениях с ним, было готово при необходимости отстаивать свои интересы и в одиночку.

Вместе с тем советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путем достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. Оно было необходимо не только для окончательного разгрома общего врага, но и для совместного обезвреживания Германии и Японии после войны. В рамках такого сотрудничества было бы легче заключать мирные договоры с сателлитами Германии, добиваться международно-правового признания послевоенных границ СССР, отстаивать дружественные правительства в соседних государствах, и хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно по Польше), согласованный раздел сфер влияния был гораздо предпочтительнее конфронтационно-силового. Кроме того, только при сохранении отношений в рамках большой тройки можно было рассчитывать на использование англо-американских противоречий, выдерживая при этом, по словам С. А. Лозовского на заседании комиссии М. М. Литвинова, «генеральную линию нашей внешней политики, не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»[165].

Наконец, сотрудничество с Западом, особенно с США, считалось обязательным для получения экономической и финансовой помощи, столь необходимой для восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Неслучайно на встрече с главой Управления военного производства США Д. Нельсоном в октябре 1943 г. И. В. Сталин поднял вопрос о масштабных закупках американского промышленного оборудования после войны за счет долгосрочного кредита.

Даже в чувствительной области военного сотрудничества советское руководство не исключало взаимодействия с союзниками после войны. Еще во время поездки В. М. Молотова в США (май — июнь 1942 г.) И. В. Сталин поддержал рузвельтовскую идею «четырех полицейских» — создания объединенной вооруженной силы Англии, СССР, США и Китая для предотвращения агрессий в будущем. Идея новой международной организации безопасности понравилась ему. На конференции в Тегеране И. В. Сталин поставил перед Ф. Рузвельтом

вопрос о создании стратегических пунктов великих держав не только для контроля над Германией, но и над стратегически важными точками Европы, Дальнего Востока и Северной Африки. Президент поддержал эту идею, но уклонился от ее конкретизации. Возможность для дальнейшей проработки этого вопроса была упущена.

В процессе подготовки к Московской конференции советское правительство обсуждало и еще более далеко идущие идеи. Был подготовлен один интересный документ, который до сих пор не нашел освещения в исторической литературе. Речь идет о проекте послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю (датированном 25 сентября), в котором для обсуждения на предстоящей конференции выдвигалась идея заключения военно-политического союза большой тройки. Имелось в виду, опираясь на советско-английский договор 1942 г., заключить соглашение, предусматривавшее «еще большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира и безопасности народов». Такое соглашение, подчеркивалось в документе, «не должно быть простой декларацией, но должно быть соглашением, определяющим политические отношения между нашими странами, как в период войны, так и в послевоенный период на длительный срок». Подобная мера, говорилось в тексте, могла бы иметь «выдающееся значение»[166].

Послание осталось неотправленным, а сам этот вопрос на Московской конференции не поднимался. Видимо, в Москве решили, что почва для его конструктивного обсуждения еще не готова. Но сам факт обсуждения подобной идеи в советском руководстве говорит о том, что в СССР серьезно относились к развитию союзного сотрудничества и после войны, стремясь поставить его на прочную правовую основу. Однако далеко не всё в этом деле зависело от Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Memorandum for the President (n. d.) // National Archives (College Park, Maryland) (далее — NA), Record Group (далее — RG) 165, ABC 381(9–25–41), Sec. VII; Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // Ibid.

[2] General Ismay, for C. O. S. Committee. November 8, 1942 // Churchill Archive, Cambridge University (далее — CHAR), 20/67.

[3] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 286.

[4] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. С. 318.

[5] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 294.

[6] Документы внешней политики СССР. Т. XXV. В 2-х кн. Кн. 2. Тула, 2010. С. 293.

[7] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 378.

[8] Note by the Minister of Defense. December 2, 1942 // The National Archives (Kew, England) (далее — TNA), Prime Minister's Office (далее — PREM), 3/499/7.

[9] Советско-мексиканские отношения. 1917–1980 гг. Сборник документов. М., 1981. С. 42.

[10] Там же. С. 43.

[11] The German Military Situation. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee. February 15, 1943; The German Military Situation. Report by the Chiefs of Staff. February 22, 1943 // TNA, Cabinet Office. Cabinet Papers (далее — CAB), 66/34.

[12] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 336–340.

[13] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1–3. Princeton, 1984. Vol. 2. P. 43.

[14] Ibid. P. 53–54.

[15] *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. Chicago, 1997. P. 185.

[16] Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 2. С. 446–447.

[17] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 221–222.

[18] *Wedemeyer A.* Wedemeyer Reports! N. Y., 1958. P. 192.

[19] *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. P. 190.

[20] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 100.

[21] *Wedemeyer A.* Wedemeyer Reports! P. 187.

[22] Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 848.

[23] For Deputy Prime Minister, Foreign Secretary and War Cabinet. January 26, 1943 // CHAR 20/128.

[24] For Prime Minister, n. d. // TNA, PREM 3/333/3.

[25] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. В 2-х кн. М., 2006–2009. Кн. 2. Ч. 2. С. 227–228.

[26] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 93.

[27] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 29–30.

[28] Memorandum by the Foreign Secretary. February 17, 1943 // TNA, PREM 3/333/3.

[29] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 2-е изд. М., 1975. С. 322–325.

[30] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 104–105.

[31] Там же. С. 110–111.

[32] Report on War Aid Furnished by the United States to the USSR. June 22, 1941 — September 20, 1945. Washington, 1946. P. 3; Война и общество. 1941–1945 гг. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2002. С. 351–352.

[33] *Harrison M.* The Soviet Economy and Relations with the United States and Britain, 1941–1945 // The Rise and Fall of the Grand Alliance. Ed. by A. Lane and H. Temperly. 1996. P. 74–75.

[34] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 182. Л. 145.

[35] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 120.

[36] Cadogan to Prime Minister. March 31, 1943 // TNA, PREM 3/354/8.

[37] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 57. Л. 177.

[38] From Moscow to Foreign Office. April 26, 1943 // TNA, PREM 3/354/8; *Dunn C.* Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 185.

[39] From Moscow to Foreign Office. May 1, 1943 // TNA, FO 954/19.

[40] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 385. Л. 126.

[41] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 57. Л. 128.

[42] Prime Minister to Foreign Secretary. May 10, 43 // CHAR 20/128.

[43] Prime Minister to Foreign Secretary, n. d. // Ibid.

[44] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 2. P. 283.

[45] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 314–315.

[46] Davies to Roosevelt. May 29, 1943 // *Franklin D.* Roosevelt Library (Hyde Park, New York) (далее — FDRL), President's Secretary File, Joseph Davies; Davies to the President and the Secretary of State. May 27, 1943 // FRUS. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Washington, 1961. P. 5.

[47] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1944. С. 90.

[48] Коммунист. 1991. № 7. С. 95–96.

[49] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1997. С. 68.

[50] Там же. С. 72–74.

[51] Review of Soviet Foreign Policy During 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.

[52] Prime Minister to Deputy Prime Minister. May 23, 1943 // CHAR 20/128.

[53] C. Warner to A. Kerr. May 28, 1943 // TNA, FO 800/301.

[54] АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 288–290.

[55] Там же. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 16, 21.

[56] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 69–70.

[57] Warner to Kerr. July 8, 1943 // TNA, FO 800/301.

[58] From Moscow to Foreign Office. June 14, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.

[59] Ibid.

[60] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 138.

[61] The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. London, 1971. P. 538.

[62] АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 295–298.

[63] From Moscow to Foreign Office. July 1, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.

[64] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 29.

[65] Там же. П. 7. Д. 59. Л. 132–130.

[66] По заветам Ленина (Некоторые вопросы советской внешней политики и дипломатии). М., 1969. С. 127.

[67] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 3. Д. 25. Л. 265.

[68] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1951. P. 259.

[69] Possible Transfer of German divisions from Russia. November 20, 1943 // NA, RG 165, Military Intelligence Division. Regional Files, 1922–1944. Union of Soviet Socialist Republics. Box 3140.

[70] Memorandum for the President. July 31, 1943 // FDRL, Map Room Files (далее — MR). Box 8.

[71] Winant to the President and Secretary of State. July 26, 1943 // FRUS, 1943, Europe, Vol. II. Washington, 1964. P. 335.

[72] АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 302.

[73] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 410.

[74] Там же. С. 412–413.

[75] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 149.

[76] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 189–182.

[77] Text of the telegram received by Foreign Office from His Majesty's Ambassador at Moscow dated August 24 // FDRL, MR. Box 8.

[78] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 157.

[79] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 368–369, 371–372.

[80] W. M. (43) 142nd Conclusions, Minute 3, Confidential Annex. October 18, 1943 // TNA, CAB 65/40/5.

[81] *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. P. 223.

[82] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 368–369, 371–372.

[83] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 285–286.

[84] Prime Minister to Foreign Secretary. October 18, 1943 // CHAR/20/ 148.

[85] Prime Minister for Deputy Prime Minister and Foreign Secretary. May 21, 1943 // CHAR 20/128.

[86] The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 537.

[87] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 128–130.

[88] Там же.

[89] СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 156.

[90] Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 418.

[91] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 398; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 222.

[92] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 394–395.

[93] SecState to American Embassy, Moscow. June 30, 1943 // NARA, RG 84, U. S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944. Box 18, 711. French Committee of National Liberation.

[94] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 99–96.

[95] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 138–139.

[96] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 172–171.

[97] SecState to American Embassy, Moscow. July 7, 1943 // NARA, RG 84, U. S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944. Box 18, 711. Italy.

[98] СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 151–152.

[99] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 246–248, 252.

[100] *Голль Ш. де.* Военные мемуары. Единство. 1942–1946 гг. / Пер. с фр. М., 1960. С. 161.

[101] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 323.

[102] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 179. Л. 140–138.

[103] Там же. П. 22. Д. 174. Л. 102–101.
[104] Там же. Д. 177. Л. 40.
[105] Там же. П. 23. Д. 183. Л. 113.
[106] Там же. П. 6. Д. 53. Л. 235–238.
[107] Там же. Д. 52. Л. 260–257.
[108] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 408–409, 422–423.
[109] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53. Л. 230.
[110] Там же. П. 23. Д. 183. Л. 126.
[111] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 10. М., 1979. С. 212.
[112] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. С. 36.
[113] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 329.
[114] From Moscow to Foreign Office. July 30, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
[115] Minute from the Foreign Secretary to the Prime Minister. July 31, 1943 // Ibid.
[116] Prime Minister for Foreign Secretary. August 1, 1943 // CHAR 20/129.
[117] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 393.
[118] *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 250.
[119] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 366. Л. 16–19.
[120] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 142.
[121] For Prime Minister from Foreign Secretary. August 10, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
[122] W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex. August 11, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
[123] From London to the Secretary of State. August 11, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
[124] W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex. August 11, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
[125] Memorandum for the President and Prime Minister. August 24, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
[126] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 362.
[127] *Mackinder H.* The Round World and the Winning of Peace / Foreign Affairs, July 1943. P. 595–605.
[128] JCS 506. September 18, 1943 // NA, RG 218, Geographic File, 1042–1945, CCS 337 (9–12–43), Sec. 1.
[129] СССР и германский вопрос. Документы из АВП РФ. Т. 1. М., 1996. С. 27.
[130] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 679.
[131] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 131.
[132] *Foo Y. W.* Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow: the Wartime Diaries of Fu Bingchang. Basingstoke, 2011. P. 94.
[133] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1380. Л. 9.
[134] Там же. Д. 1384. Л. 130.
[135] FRUS, 1943, Europe, Vol. III. Washington, 1963. P. 584.
[136] W. P. (42) 524. November 12, 1942 // TNA, CAB 66/31/4.
[137] *Folly M.* «A Long, Slow and Painful Road»: The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-operation with the USSR from Teheran to D-Day // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 3. P. 477.
[138] *Adler L. K., Paterson T. G.* Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarism, 1930's — 1950's // The American History Review. 1970. Vol. 75. No. 4. P. 1050–1051.
[139] *Bennett T.* Culture, Power, and Mission to Moscow: Film and Soviet-American Relations during the World War II // The Journal of American History. 2001. No. 2. P. 506, 509.
[140] W. P. (42) 71. February 7, 1942 // TNA, CAB/66/22/1.
[141] *Reynolds D.* From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 119.
[142] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 315.
[143] *Логинов В. М.* Живой Сталин. Откровения главного телохранителя вождя. М., 2010. С. 80.
[144] FRUS. 1943. Vol. III. P. 863.

[145] Ibid. P. 861. No. 2.

[146] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 212–213.

[147] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 19. Д. 150. Л. 64.

[148] Правда. 7 ноября 1943 г.

[149] *Малинин Н.* О «целях войны» // Война и рабочий класс. 1943. № 3.

[150] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.

[151] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 21–22.

[152] Там же. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 110–111.

[153] Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.

[154] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 27.

[155] Там же. Оп. 07. П. 2. Д. 31. Л. 7.

[156] Там же. П. 17. Д. 175. Л. 162–163.

[157] Советско-норвежские отношения. 1917–1955 гг. М., 1997. С. 360, 383–386.

[158] Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. М., 2004. С. 94–96.

[159] The New York Times. May 28, 1945.

[160] Russia’s Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442. October 18, 1944 // TNA, CAB 81/125.

[161] Russia’s Strategic Interests and Intentions from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442. December 18, 1944 // TNA, CAB 81/126.

[162] *Печатнов В.* Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI. 2010. № 5.

[163] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 173. Л. 50.

[164] Там же. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 11.

[165] Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 51.

[166] РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 263. Л. 81.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НА МОСКОВСКОЙ И ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Международная обстановка к осени 1943 г.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, да и в целом во Второй мировой, ставший результатом прежде всего побед Вооруженных сил Советского Союза, кардинальным образом менял стратегическую ситуацию в мире. Все яснее становился тот факт, что Германия и ее союзники не имеют шансов на победу. В 1943 г. в СССР, США и Великобритании «было выпущено самолетов — в 3,5 раза, танков и самоходных артиллерийских установок — в 6 раз, орудий и минометов — в 4,6 раза больше, чем в странах оси»[1].

О коренных изменениях в ходе войны говорило и начало распада фашистского блока: вышла из войны Италия, пораженческие настроения нарастали в союзной Финляндии и странах-сателлитах — Венгрии и Румынии, со стороны которых все активнее шел зондаж по поводу возможного выхода из войны. После окончания битвы на Курской дуге «японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом»[2].

Несмотря на позитивные для стран антигитлеровской коалиции изменения, они отнюдь не означали, что война уже выиграна. Как писал в июне 1943 г. британский государственный деятель У. Бивербрук, «все решительно изменилось в пользу союзников... И все же, несмотря на все это, как на Западе, так и на Востоке игру еще предстоит выиграть. Русские лишь вернулись на те рубежи, которые они занимали в это время в прошлом году. Англо-американцы еще нигде не вступили на Европейский континент»[3]. Неслучайно в Вашингтоне и Лондоне тогда активно обсуждалась возможность создания фашистской Германией «европейской крепости» для удержания своих завоеваний на континенте. На советско-германском фронте одним из ключевых рубежей считалась река Днепр.

Тем самым для стратегической ситуации осени 1943 г. была характерна двойственность: с одной стороны, было очевидно, что фашистская Германия и ее союзники проиграли войну, с другой — для достижения окончательной победы от ведущих государств антигитлеровской коалиции требовалось еще большее напряжение сил. Если первое обстоятельство повышало внимание СССР, США и Великобритании к послевоенным проблемам, то второе придавало огромную значимость конкретным шагам трех держав в определении планов дальнейшего ведения войны. Именно это и определяло значение осени 1943 г. — периода проведения Московской и Тегеранской конференций, как поворотной точки в дипломатической истории

Второй мировой войны. От решений, принятых СССР, США и Великобританией применительно к их действиям во все еще продолжавшейся войне, напрямую зависели контуры послевоенного мира. Перед ведущими государствами антигитлеровской коалиции стояли серьезные вопросы, касавшиеся их взаимодействия и требовавшие скорого разрешения. Они были общими для СССР, США и Великобритании, однако каждая из трех великих держав подходила к ним по-своему.

Первый вопрос заключался в том, насколько союзники могут доверять друг другу, поскольку без определенного минимума доверия их взаимодействие было крайне затруднительным. Для СССР принципиальное значение имел фактор второго фронта: «Действительно ли политика США и Великобритании достойна доверия, учитывая то, что ключевой запрос — об открытии военных действий в Северной Франции — ими не выполняется?»[4] Вопрос второго фронта помимо своего стратегического значения играл для Москвы роль пробного камня в отношениях с западными союзниками, и затягивание с его открытием воспринималось крайне негативно. Даже такие знатоки англо-американской политики, как посол в Великобритании И. М. Майский и посол в США М. М. Литвинов, видели в этом стремление к «максимальному истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем»[5].

Сомнения насчет намерений союзника существовали также в среде американской и британской политических элит. В Вашингтоне уже в начале 1943 г. бывший посол в СССР У. Буллит призывал не допустить, чтобы русские «заменили нацистов в качестве повелителей Европы». В группу американских «пессимистов», с крайним недоверием относившихся к СССР, входили и другие политические и военные деятели (например, помощник военно-морского атташе США в Анкаре Дж. Эрл и генерал А. Ведемейер), объединенные убеждением «в «неисправимости» сталинского режима, исключавшей возможность нормального сосуществования с ним»[6].

Президент Ф. Рузвельт, все яснее осознававший на протяжении 1943 г. возрастающую роль СССР в послевоенном мире, оказывал сдерживающее влияние на подобные настроения. В Великобритании ситуация складывалась несколько иная. Премьер-министр У. Черчилль был одним из тех политиков, кто практически всегда питал по отношению к действиям Москвы скрытые или явные опасения. Показательно, что в ноябре 1943 г. У. Черчилль, хорошо знавший историю, вдруг вспомнил об О. Кромвеле: «Кромвель был великим человеком, не так ли?.. Но он допустил одну ужасную ошибку. С детства напуганный мощью Испании, он упустил усиление Франции. Не будет ли это сказано и обо мне?» Как отмечает один из британских исследователей, эта ремарка явно выдавала «страх Черчилля перед намерениями русских»[7].

В донесениях разведки, шедших в Москву, также отмечались подозрения британских политиков по отношению к истинным целям, преследуемым СССР: «Англичане... боятся, что после открытия союзниками второго фронта СССР сократит свои военные усилия против Германии и этим даст возможность Германии побольше «потрепать» союзников»[8].

Помимо вопроса о доверии между союзниками по антигитлеровской коалиции, важной была и проблема выяснения совместимости внешнеполитических целей трех государств и возможности их согласования. Хотя все три ведущие державы присоединились к Атлантической хартии августа 1941 г., ее положения явно нуждались в конкретизации. Вопрос о различии государственных целей имел непосредственное отношение к послевоенному планированию, которое развернулось во всех трех столицах.

В Советском Союзе эта работа проводилась в основном комиссиями НКИД. В Великобритании появился Подкомитет по планированию после прекращения военных действий, входивший в структуру Комитета начальников штабов (КНШ), и Комитет по условиям перемирия и гражданской администрации (под председательством заместителя премьер-министра К. Эттли)[9]. В США активизировал свою деятельность Совещательный комитет по вопросам внешней политики, перед которым была поставлена задача разработки «документов, которые могут служить основой для более конкретного рассмотрения возможных политических линий и предложений»[10].

Особую заинтересованность в выяснении целей союзника после войны проявляли Вашингтон и Лондон. В своих мемуарах государственный секретарь США К. Хэлл описывал ситуацию следующим образом: «Россия во всем была сфинксом для других государств в мире, за исключением того, что она выстояла и героически сражалась»[11]. О подобной критике в отношении «закрытости» советских внешнеполитических целей руководство СССР было осведомлено. М. М. Литвинов еще в июне 1943 г. писал о том, что отсутствие постоянного контакта и сдержанность советской стороны в обсуждении послевоенных проблем вызывают в Вашингтоне недовольство. В связи с этим посол рекомендовал «создать в Вашингтоне какой-нибудь орган постоянного военно-политического контакта с президентом и военным ведомством». Это могло, с его точки зрения, принести СССР три основных дивиденда: дать возможность влиять на стратегические планы Великобритании и США; получить полезную информацию; положить конец недовольству как в американских правительственных кругах, так и в общественном мнении, связываемому с нежеланием СССР обсуждать послевоенные проблемы[12].

Записка М. М. Литвинова наглядно демонстрировала взаимосвязь двух проблем: выявления целей союзников по антигитлеровской коалиции и дальнейшей судьбы самой коалиции. Каким образом в результате коренного перелома в войне трансформируются отношения между СССР, США и Великобританией? — таков был еще один ключевой вопрос, стоявший перед большой тройкой к осени 1943 г.

Советско-американо-британский треугольник не был «равнобедренным»: связи между Вашингтоном и Лондоном были теснее, нежели те, что каждая из этих столиц поддерживала с Москвой. Наиболее наглядное выражение на протяжении зимы — лета 1943 г. этот факт получил в проведении англо-американских конференций, в которых Советский Союз не принимал участия (в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке). Практика предварительных двусторонних консультаций с последующим сообщением СССР согласованной точки зрения отнюдь не устраивала Москву и рассматривалась как «сговор» — эта мысль отчетливо прозвучала в послании И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 22 августа.

Как в записке М. М. Литвинова, так и в послании И. В. Сталина содержалась идея о том, что альтернативой британо-американскому «сговору» может стать углубление сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, что позволило бы Советскому Союзу усилить свою роль при принятии решений в рамках коалиции. Однако оставался вопрос о том, насколько далеко сам СССР готов был пойти в деле интеграции в трехстороннюю систему планирования и принятия решений, сохраняя при этом необходимую свободу действий? Ответ на этот вопрос зависел и от того, насколько союзники готовы были учитывать интересы Москвы.

На асимметрию отношений в советско-американо-британском треугольнике в Вашингтоне и Лондоне смотрели по-разному. Ф. Рузвельт стремился к укреплению отношений США с СССР. Президент, по словам британского министра иностранных дел А. Идена, сказанным И. М. Майскому еще в апреле 1943 г., считал, что «англо-советские отношения значительно ближе и теснее, чем американо-советские. Он хотел бы сделать американо-советские отношения более похожими на англо-советские»[13]. В качестве важного шага США в этом направлении можно рассматривать решение о создании в октябре 1943 г. американской военной миссии в Москве наподобие уже существовавшей там британской. В этом же русле предпринимались и настойчивые попытки Ф. Рузвельта организовать личную встречу с И. В. Сталиным в обход У. Черчилля.

В этих попытках видно «безошибочное указание на меняющиеся приоритеты Рузвельта»[14], а именно — повышение внимания к проблемам послевоенного мира, в котором СССР и США будут наиболее могущественными державами. Президент на протяжении 1943 г. все яснее видел, как Великобритания отстает по своей военной и экономической мощи от США и СССР, как на фронтах Второй мировой войны советские и американские войска играют всё большую роль по сравнению с британскими. Советско-американское сближение давало возможность Ф. Рузвельту добиться и другой немаловажной цели — лишить У. Черчилля роли «брокера» в отношениях между Вашингтоном и Москвой, стать «осью» военного союза трех держав[15].

Нацеленность Вашингтона на сближение с СССР неизбежно должна была сказаться и на англо-американских отношениях. Как ясно писал один из ближайших помощников Ф. Рузвельта Г. Гопкинс в августе 1943 г., России «необходимо оказать всяческую помощь, должны быть приложены все усилия для обеспечения ее дружбы». Для достижения этой цели рекомендовалось не только сменить посла в Москве (что и было вскоре сделано: вместо близкого к группе «пессимистов» У. Стэндли был назначен А. Гарриман), но и несколько дистанцироваться от Великобритании[16].

У. Черчилля такие перспективы, по понятным причинам, мало устраивали. Общее направление его мыслей осенью 1943 г. неплохо передает разговор с представителями доминионов, который состоялся 10 сентября в Вашингтоне: «...наши отношения с русскими развивались бы лучше, если бы вначале мы сумели обеспечить тесные связи с американской стороной. Для нас очень важно не позволить русским каким-либо образом сыграть на противоречиях с Соединенными Штатами»[17]. Если летом — осенью 1943 г. Ф. Рузвельт все активнее думал о сближении с СССР, то У. Черчилль в этот период, напротив, делал главный акцент на идее британо-американского союза как основы послевоенного мира. В речи в Гарвардском университете премьер-министр подчеркивал: «...ничто не будет работать слаженно или на протяжении долгого времени без единых усилий британского и американского народов. Если мы вместе, нет ничего невозможного. Если мы разделены, все пойдет крахом»[18].

Специфика положения премьер-министра также обусловливала повышенную роль дипломатии в его общей стратегии. Если И. В. Сталин и Ф. Рузвельт могли прежде всего опираться на растущий военно-экономический потенциал собственных государств, то У. Черчилль умелыми действиями за столом переговоров должен был противодействовать этой тенденции, остановив или по крайней мере смягчив процесс «эрозии британского влияния»[19].

Таким образом, осенью 1943 г. СССР, США и Великобритания стояли перед тремя ключевыми вопросами, ответ на которые должен был определить дальнейшее развитие антигитлеровской коалиции:

1. Насколько союзники могут доверять друг другу?
2. Каковы их намерения и цели в отношении послевоенного устройства мира?
3. Претерпит ли советско-американо-британский треугольник трансформацию и произойдет ли сближение И. В. Сталина и Ф. Рузвельта в ущерб посреднической роли У. Черчилля?

Данные вопросы, переведенные в плоскость конкретных военно-политических проблем, по сути, и находились в центре Московской и Тегеранской конференций 1943 г.

Московская конференция министров иностранных дел трех держав

Несмотря на все новые победы союзников на фронтах Второй мировой войны летом — осенью 1943 г., состояние отношений между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой было, по оценкам современников, далеко не лучшим. На встрече Ф. Рузвельта с А. Иденом 21 августа Г. Гопкинс прямо говорил об «ухудшении отношений с Россией»[20]. В беседах с И. М. Майским в августе — сентябре А. Иден признавал, что считает неудовлетворительным ряд аспектов во взаимоотношениях обеих стран. И. М. Майский выразил с этим согласие[21]. Отзыв послов: И. М. Майского — из Лондона и М. М. Литвинова — из Вашингтона, рассматривался многими как подтверждение пессимистических оценок.

Тот факт, что СССР отсутствовал на Квебекской конференции в августе 1943 г., еще нагляднее подчеркивал необходимость встречи представителей большой тройки для выявления намерений друг друга относительно послевоенного мира и согласования дальнейшей стратегии ведения войны. Непосредственный импульс к созыву Московской конференции был дан И. В. Сталиным в посланиях Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 8 и 9 августа. К концу сентября было окончательно согласовано и место проведения конференции, которым по настоянию советской стороны стала Москва[22].

Ф. Рузвельт и У. Черчилль на Квебекской конференции

Важным был вопрос и о повестке дня грядущей конференции — она в немалой степени могла продемонстрировать, чего стороны ожидают от встречи. И. В. Сталин с самого начала упирал на необходимость «заранее установить круг вопросов, подлежащих обсуждению, и наметки предложений, которые должны быть приняты на совещании». Настойчивость Москвы в конкретизации повестки дня конференции и позиций союзников на ней вызывала настороженность в Вашингтоне и Лондоне, которые не спешили открывать свои карты. Как сообщал из столицы США У. Черчилль, он с Ф. Рузвельтом считал нежелательным «заблаговременное изложение наших взглядов по всем вопросам», запрашиваемое Москвой. Оба лидера выступали за «исследовательский характер» встречи, акцентируя преимущества непринужденной дискуссии и неформальной повестки дня, однако глава советского правительства сумел настоять на своем[23].

Мотивы, по которым советская сторона настаивала на практически-подготовительном характере конференции и стремилась максимально подробно представлять себе список вопросов и предложений, выносившихся на обсуждение, были вполне объяснимы. Московская конференция должна была стать первым союзническим совещанием высокого ранга и подготовкой первой встречи на высшем уровне, поэтому стремление И. В. Сталина, привыкшего к тщательной подготовке своих шагов, узнать намерения союзников и обеспечить предсказуемость работы конференции было вполне понятно. К подобным действиям располагала и подозрительность в отношении намерений союзников.

Например, в записке заместителя наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова «К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел» подход союзников к предстоящей конференции трактовался как стремление «отвлечь наше внимание и внимание мировой общественности (в том числе общественного мнения Англии и Америки) от острого вопроса об открытии второго фронта в Европе», а также использовать эту встречу «для прощупывания наших позиций по основным вопросам нашей нынешней и послевоенной внешней политики. В первую очередь имеется в виду наша позиция в германском вопросе»[24]. Советская сторона опасалась того, что предложенный Вашингтоном и Лондоном исследовательский характер конференции исключит возможность получить от американцев и британцев конкретные обязательства в отношении главной проблемы, интересовавшей Москву, — второго фронта. Более того, подобное предложение подкрепляло опасение, что США и Великобритания стремятся лишь выведать советские намерения, использовать конференцию в своего рода разведывательных целях.

Эти опасения не были беспочвенными. У. Черчилль на заседаниях кабинета министров 4–5 октября 1943 г. подчеркивал, что «значение конференции заключается прежде всего в возможности выяснить взгляды русских». С его точки зрения, на данной стадии отсутствовала необходимость в том, чтобы сами британцы окончательно сформировали свои «мнения по вопросам, влекущим за собой серьезные последствия, которые должны быть решены после войны»[25]. За этим скрывалось явное нежелание брать на себя обязательства в отношении СССР, которые были бы связаны с вопросами послевоенного урегулирования. Ведь по мысли У. Черчилля, высказанной еще в Квебеке, «в следующем году Россия будет слабее относительно нас и США, нежели сейчас» (с чем Ф. Рузвельт был согласен)[26].

Таким образом, советская сторона стремилась максимально ясно представлять себе еще до начала конференции, о чем конкретно собираются говорить в Москве американцы и британцы, и, исходя из этого, тщательно проработать собственную позицию. Поэтому с началом конференции торопиться не стоило. Как писал В. Г. Деканозов, лишь по получении англо-американских предложений «будет видно, какие вопросы интересуют их сейчас в первую очередь. Тогда можно будет решить и вопрос о целесообразности для нас самого совещания». Состав советской делегации на конференцию был утвержден Политбюро относительно поздно — 14 октября[27].

Советская дипломатия стремилась заранее получить проекты Вашингтона и Лондона в отношении перечня вопросов, предлагаемых к обсуждению, и предложений по ним. С 19 сентября они начали поступать в Москву.

Британский проект повестки дня, переданный в этот день послом А. Керром наркому иностранных дел В. М. Молотову, включал в себя широкий круг проблем, которые можно сгруппировать вокруг трех основных тем: «принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией»; цели советской политики в отношении стран Восточной и Центральной Европы, а также Французского комитета национального освобождения (ФКНО); институционализация трехстороннего взаимодействия СССР, США и Великобритании путем создания «аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества».

Американский проект, переданный 20 сентября, был более лаконичен. В нем яснее, чем в британском, был выделен приоритетный пункт — «Декларация четырех государств» (большая тройка плюс Китай) по вопросу о всеобщей безопасности, которая была призвана обеспечить продолжение сотрудничества стран антигитлеровской коалиции после окончания войны. Прилагался и предварительный проект декларации. Ф. Рузвельт и К. Хэлл рассматривали ее принятие в качестве одной их главных целей США на конференции[28].

В американской повестке дня также фигурировали вопросы об обращении с Германией, экономической реконструкции после войны и пункт, озаглавленный «Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны». Если идея, стоявшая за ним, аналогична британской — углубление сотрудничества между ведущими государствами антигитлеровской коалиции, то предлагаемый ме-

ханизм иной: консультации в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел[29].

Получив первое представление о круге вопросов, выносившихся на обсуждение Вашингтоном и Лондоном, советская сторона 29 сентября выступила с собственными предложениями, сразу заявив о своих приоритетах. Первым пунктом значилось: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе». Причем речь шла о принятии США и Великобританией безотлагательных мероприятий, «которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш» еще в 1943 г. В письме американскому посольству особо оговаривалось, что поскольку речь идет о совещании представителей трех государств, американское предложение о рассмотрении на нем «Декларации четырех» не может быть принято[30]. Москва опасалась осложнений с Японией в случае подписания СССР столь важного документа с участием Китая. По мнению В. Г. Деканозова, «в совещании трех министров и особенно в предполагаемой встрече трех глав правительств англо-американцы видят шаг вперед в деле возможного обострения советско-японских отношений»[31]. О неготовности СССР обсуждать «Декларацию четырех» в Москве И. В. Сталин дополнительно написал лично Ф. Рузвельту 6 октября.

Непосредственная подготовка СССР к конференции в сентябре — октябре 1943 г. была сосредоточена в комиссии под председательством заместителя наркома М. М. Литвинова. Помимо самостоятельных разработок проектов по тем или иным вопросам послевоенного устройства комиссия внимательно анализировала поступивший от американцев и британцев список вопросов для обсуждения на конференции, пытаясь выявить цели Вашингтона и Лондона, а также подготавливая предложения по позиции, которую стоит занять СССР. Итоговый документ, суммировавший советскую точку зрения на предстоящей конференции, был представлен В. М. Молотовым И. В. Сталину 18 октября в присутствии М. М. Литвинова, В. Г. Деканозова, А. Я. Вышинского и других[32].

Настрой представителей трех государств перед началом самой конференции не отличался оптимизмом. В НКИД были недовольны тем, что, несмотря на неоднократные просьбы, отнюдь не по всем пунктам повестки дня от американцев и британцев поступили конкретные предложения. «В ходе конференции может оказаться, что нам предлагают совсем не то, что мы обсуждали, или могут быть выдвинуты новые предложения, нами не предусмотренные», — предупреждал М. М. Литвинов[33].

В этой связи он предлагал при необходимости прибегать к выжидательной тактике, прерывая обсуждение некоторых вопросов для того, чтобы «обдумать внесенные предложения» и позднее вернуться к ним. О намерении советской стороны не торопиться с мерами, которые могут быть истолкованы как уверенность в успехе конференции, свидетельствует и изменение плана протокольных встреч. Если изначально предполагалось, что уже в день прилета К. Хэлл и А. Иден будут приняты И. В. Сталиным в присутствии В. М. Молотова, то в конечном проекте осталась лишь встреча с наркомом[34]. Сам В. М. Молотов 12 октября в ответ на «большие ожидания», которые возлагал на конференцию А. Керр, указал послу на «сложные проблемы», стоявшие перед министрами иностранных дел, и призвал всех дипломатов работать «по-стахановски»[35]. Информация о настрое британцев, поступавшая по каналам советской разведки, также не вызывала большого оптимизма[36].

Настроения К. Хэлла и А. Идена были схожими. У К. Хэлла резкое разочарование вызывала позиция СССР в отношении «Декларации четырех», подписание которой на конференции было особенно важным для государственного секретаря. Отнюдь не ободряющими были и напутствия У. Черчилля А. Идену: «Я очень сочувствую Вам в связи с этой безрадостной конференцией и хотел бы быть с Вами»[37]. Получая сигналы о твердой позиции руководства Советского Союза, англо-американцы готовились к жесткому торгу. «Мы тоже будем упрямы», — телеграфировал А. Иден А. Керру 13 октября[38].

Визит американской делегации во главе с К. Хэллом (его сопровождали новый посол А. Гарриман и глава военной миссии США в Москве генерал-майор Дж. Дин), намеченный сначала на 15 октября, несколько раз откладывался. А. Иден подстраивал дату своего при-

Заседание Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Октябрь 1943 г.

бытия в Москву под К. Хэлла. В итоге обе делегации прилетели 18 октября. В тот же день состоялась их встреча с В. М. Молотовым: обсуждались вопросы предоставления информации прессе, время первого официального заседания конференции, состав лиц, которые будут на нем присутствовать[39].

19 октября заседания конференция официально начались в особняке НКИД на Спиридоньевской улице. На первом заседании ее председателем по настоянию К. Хэлла и А. Идена[40] был избран В. М. Молотов, что повышало его личную ответственность за исход встречи. После выяснения вопроса о правомочности конференции три министра согласовали повестку дня. Большим облегчением для К. Хэлла стали слова В. М. Молотова о готовности советской стороны включить в нее вопрос о «Декларации четырех». Учитывая, что это означало фактический отказ от ранее занятой позиции, а также принимая во внимание настороженность сотрудников НКИД в отношении любого осложнения отношений с Японией, есть все основания предполагать, что это было личное решение И. В. Сталина.

В. М. Молотов добился того, что главный для советской делегации вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны стоял в повестке дня первым. 19 октября нарком представил по нему предложения СССР. Советское требование о втором фронте было смягчено: основной акцент сместился с предложения «безотлагательных мероприятий» еще в 1943 г. на стремление выяснить, остается ли в силе ранее данное У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом обещание о вторжении в Северную Францию весной 1944 г. К тому же в целях сокращения сроков войны советская делегация считала возможным сделать предложение от имени трех держав двум нейтральным государствам — Турции и Швеции: первой — о немедленном вступлении в войну, второй — о предоставлении авиационных баз для борьбы против фашистской Германии[41]. Смягчение советской позиции по второму фронту было по достоинству оценено

союзниками. Уже 20 октября А. Иден сообщал в Лондон, что «мы очутились в неожиданно спокойных водах... нет никаких обвинений насчет недавнего прошлого»[42].

Для ответа на главный вопрос советской делегации о подтверждении открытия второго фронта на заседание 20 октября, которое проходило в узком составе ввиду секретности обсуждавшихся вопросов, были приглашены британский и американский военные представители — генерал-лейтенант Г. Исмей и генерал-майор Дж. Дин[43]. В своих выступлениях они резюмировали решения, принятые на Вашингтонской и Квебекской конференциях 1943 г., подчеркнув нараставший объем воздушных бомбардировок и усиление ВВС США и Великобритании как важнейшее условие успешной высадки на континенте. Военные также предоставили весьма подробную информацию о количестве дивизий, которое планировалось задействовать в операции «Оверлорд», необходимых десантных кораблях и численности авиационных частей и соединений. Все это должно было убедить советскую делегацию в серьезности намерений США и Великобритании, а также продемонстрировать открытость и доверие, с которыми они предоставляли столь секретные сведения.

Однако в этих сообщениях были и настораживающие для советской стороны моменты. Первый из них касался условий проведения «Оверлорда», в том числе наличия не более 12 германских моторизованных дивизий на территории Франции, Бельгии и Нидерландов к моменту вторжения, а также невозможности для фашистской Германии перебросить с других фронтов «более чем 15 первоклассных дивизий в течение первых двух месяцев операций». Примечательно, что У. Черчилль готов был, по всей видимости, считать и эти условия слишком мягкими. В телеграмме А. Идену от 18 октября он подчеркивал, что «максимальное сосредоточение германских сил, которое американцы и мы сможем преодолеть, — 8 дивизий на четвертый день после высадки. Это не было одним из изначальных условий, но следует из них»[44].

Неслучайно на заседании 28 октября член Государственного Комитета Обороны К. Е. Ворошилов поставил перед союзниками вопрос: «...что будет, если немцы смогут перебросить больше дивизий, например 16 или 17 дивизий? Послужит ли это поводом для отмены или затяжки операции?»[45]. Не менее справедливым был вопрос К. Е. Ворошилова и о достоверности сведений по количеству германских моторизованных дивизий к моменту вторжения. Г. Исмей сослался на хорошую разведку, полагаясь, видимо, на перехват германской радиосвязи (операция «Ультра»). Тем не менее, как показали дальнейшие события, сомнения К. Е. Ворошилова были в немалой степени оправданны[46].

Второй пункт в докладах Г. Исмея и Дж. Дина, который таил в себе новые противоречия, заключался в том, что «масштаб первоначального наступления в значительной степени обусловливается тоннажем и количеством специальных десантных средств, которые будут иметься к тому времени в нашем распоряжении». Речь шла не только о производстве новых десантных средств, но и о передислокации уже имевшихся, а это неизбежно ставило вопрос о приоритетах союзнической стратегии ведения войны.

Англо-американский ответ был «в общем и целом удовлетворителен»[47]. В. М. Молотов получил заверение в том, что ранее принятое решение о сроках «Оверлорда» остается в силе, доклады Г. Исмея и Дж. Дина были переданы советской стороне в письменном виде и составили приложения № 1 и 2 к особо секретному протоколу по итогам конференции[48]. Также было принято решение о подготовке трехстороннего договора по обмену военной информацией, который, однако, к концу 1943 г. так и не был заключен[49].

Обсуждение двух других советских предложений по сокращению сроков войны проходило по несколько иному сценарию. Главными действующими лицами были В. М. Молотов и А. Иден. К. Хэлл, ссылаясь на невозможность обсуждать военные вопросы без консультации со своим правительством, занимал выжидательную или уклончивую позицию. О резонах СССР при формулировании предложения о давлении на Турцию с целью ее вступления в войну можно судить по телеграммам советского посла в Анкаре С. А. Виноградова. В июле, в частности, он писал В. М. Молотову: «В связи с изменившейся международной обстановкой... нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы».

Г. Исмей

Схожую мысль уже в октябре 1943 г. на встрече с А. Иденом высказал И. В. Сталин: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах»[50]. С. А. Виноградов предлагал организовать одновременное давление СССР, Англии и США на Анкару с целью использовать турецкую территорию в качестве плацдарма для кампании союзников на Балканах. «А если Турция откажет, то отказ не был бы «бесполезен» для нас, так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить»[51]. Тем самым советское предложение по Турции представлялось практически беспроигрышным: в случае его принятия можно было оттянуть силы Германии на Балканы, в случае отклонения — ослабить позиции Турции в глазах Лондона и Вашингтона, что могло затем благоприятно сказаться при решении вопроса о проливах.

В процессе подготовки НКИД к Московской конференции акценты были смещены: главным стало немедленное вступление Турции в войну, а не постепенное ее «уговаривание» (сначала базы, затем объявление войны Германии)[52]. Не исключено, что свою роль в выдвижении вопроса играли и тактические причины: поскольку американцы и британцы не могли предложить конкретных мероприятий по созданию второго фронта уже в 1943 г., то можно было ожидать от них уступок по менее значимым проблемам.

На британскую позицию по вопросу о Турции серьезно влияла ситуация вокруг Додеканесских островов, ряд из которых был занят Великобританией после выхода Италии из войны и за которые в октябре 1943 г. шли сражения с немцами. Потеря британцами и итальянцами 4 октября острова Кос увеличивала заинтересованность Лондона в ускоренном получении от Турции права пользования аэродромами в Юго-Западной Анатолии[53]. В связи с этим А. Иден 25 октября выступил с компромиссным предложением: сначала обратиться к туркам с запросом о предоставлении авиабаз (это сдвинуло бы их «с позиции нейтралитета на позицию невоюющей стороны»), а уже затем предложить им вступить в войну[54].

В Вашингтоне на ситуацию смотрели несколько иначе. Ф. Рузвельт писал К. Хэллу о том, что «в настоящий момент мы не считаем целесообразным подталкивать Турцию к всту-

плению в войну», так как она потребует взамен большое количество военных материалов, что может негативно сказаться на операциях в Италии и готовящемся вторжении во Францию[55]. Государственный секретарь довел эту позицию до советской стороны в меморандуме от 28 октября 1943 г.

В конечном счете, В. М. Молотов счел возможным пойти на компромиссное решение по турецкому вопросу. Во время встречи 1 ноября А. Иден подчеркнул значение турецких авиабаз для операций британских сил: без них падет остров Лерос, вторжение на занятый немцами Родос будет крайне осложнено[56]. Британский министр предложил вариант, который и вошел в «Протокол о Турции», подписанный СССР и Великобританией в тот же день. В нем говорилось о необходимости сделать Турции совместное предложение о вступлении в войну до конца 1943 г., а пока запросить у Анкары предоставления авиабаз «и других возможностей, которые могут быть признаны желательными двумя правительствами». При подписании данного протокола А. Иден шел на определенный риск, несколько выходя за пределы данных ему инструкций. Тем не менее логика в его действиях явно прослеживалась. «Я убежден, — доносил он в Лондон, — что в наших интересах действовать именно так: мы сможем получить базы сейчас, надавить на Турцию по вступлению в войну в течение двух месяцев и в то же время удовлетворить пожелания советского правительства по вопросу, которому оно придает особое значение»[57].

Благодаря настойчивости А. Гарримана и нежеланию Вашингтона отделяться от союзников США несколько изменили свою позицию — 10 ноября 1943 г. они также присоединились к «Протоколу о Турции»[58].

Если к обсуждению турецкого вопроса на Московской конференции по крайней мере британцы были готовы, то предложения СССР по Швеции вызвали у них удивление. По признанию А. Идена, эта мысль была для него новой. За идеей советской стороны надавить на Стокгольм в целях получения авиабаз стояло несколько соображений. Отношение Москвы к шведской политике, особенно к транзитным перевозкам военных грузов в Финляндию, было негативным. В начале сентября 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский причислял Швецию (наряду с Испанией, Португалией, Швейцарией, «не говоря уже о Турции») «к так называемым нейтральным странам, которые, по сути, помогали немцам»[59].

Во время беседы со шведским посланником В. Ассарсоном 18 сентября В. М. Молотов указал на то, что перевозки военных материалов, необходимых для войны против СССР, в Германию и Финляндию по железным дорогам Швеции (как и транзит через ее территориальные воды) продолжаются[60]. Наиболее подробный список нарушений Швецией своего нейтралитета был подготовлен для НКИД 1-м управлением НКГБ в ноябре 1943 г.[61] Совместное давление трех держав на Стокгольм, как представлялось, могло заставить Швецию изменить позицию.

Выдвигая свои предложения по Швеции, советское руководство учитывало и опыт британцев. 8 октября в соответствии с соглашением с Португалией от 17 августа 1943 г. войска Великобритании получили военные базы на Азорских островах. Это был пример удачного давления на нейтральное государство с целью получения у него баз — схожего СССР хотел добиться и в отношении Швеции. Не только В. М. Молотов упоминал о прецеденте с Азорами, но и Ф. Рузвельт полагал, что эти недавние события учитывались советской стороной[62]. Не исключено также, что И. В. Сталин имел насчет шведских авиационных баз и собственные соображения. Во время бесед в начале декабря 1943 г. с командующим авиацией дальнего действия А. Е. Головановым «его интересовал вопрос, можем ли мы, не проводя наземных операций, силами одной авиации заставить правительство Финляндии выйти из войны»[63]. В этом случае базы на территории Швеции могли быть отнюдь не лишними.

В ответ на советские предложения по Швеции А. Иден поставил вопрос о помощи, которую Стокгольм может запросить в обмен на авиационные базы, и также заметил, что «мнение Швеции имеет некоторое отношение к тому, что думает советское правительство о Финляндии»[64]. Действительно, цели СССР в отношении Финляндии вызывали обеспокоенность за рубежом, причем не только в Стокгольме, но и в Вашингтоне[65].

На Московской конференции министров иностранных дел союзных государств

В. М. Молотов, не собиравшийся начинать дискуссию еще и по финскому вопросу, отказался связывать проблему шведских баз и Финляндии. В итоге конкретных решений по данному предложению принято не было — три державы согласились лишь продолжить изучение вопроса.

Второй вопрос повестки — «Декларация четырех государств» — вызвал на конференции серьезные дискуссии. К. Хэлл, обрадованный готовностью В. М. Молотова обсуждать его в Москве, 21 октября представил новый вариант декларации (за день до этого он был втайне передан и китайскому послу в Москве Фу Бинчану, который переправил его копию в Чунцин)[66]. В новый вариант, в частности, был добавлен пункт о том, что декларация не затрагивает отношений государств, подписавших ее, с державами, с которыми они «не находятся в состоянии войны»[67]. Это было сделано, чтобы успокоить СССР по поводу возможного обострения отношений с Японией. Для достижения этой же цели К. Хэлл согласился удалить из текста декларации пункт о технической комиссии, которая должна была координировать действия четырех держав «в случае возникновения угрозы миру».

За стремлением Вашингтона включить Китай в число государств, подписавших «Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», стояли серьезные соображения. Ф. Рузвельт не только рассчитывал на поддержку Китая в планируемой международной организации, но и предвидел потенциал его развития в будущем. В разговорах с Г. Гопкинсом в ноябре 1943 г. он упоминал о том, что через 50 лет Китай будет служить противовесом британскому и иному европейскому влиянию в Азии, сдерживать советские амбиции в регионе, быть заслоном против возрождающейся Японии[68].

На заседании 26 октября В. М. Молотов согласился с этим предложением — по всей видимости, с ведома И. В. Сталина. 30 октября Фу Бинчан от имени Китая поставил свою подпись под декларацией.

Вопрос о создании «международной организации для поддержания мира и безопасности», о которой говорилось в четвертом пункте декларации, с точки зрения советской делегации,

был тесно связан с поставленным Лондоном вопросом «о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности». Предложение британцев сводилось к подписанию декларации, в которой помимо косвенного одобрения создания конфедераций в Европе говорилось бы о том, что СССР, США и Великобритания «не будут стремиться к созданию каких-либо отдельных районов ответственности в Европе»[69].

В комиссии М. М. Литвинова считали, что британское предложение вызвано двумя основными причинами: во-первых, Лондон стремился успокоить Вашингтон, опасавшийся возрождения политики «сфер влияния»; во-вторых, на него могли воздействовать «со свойственными им напористостью и способностью к закулисным интригам» поляки, опасавшиеся ввиду ходивших в Лондоне разговоров того, что Польша перейдет в советскую зону[70]. В качестве контрпредложения М. М. Литвинов предлагал выступить с идеей создания специальной комиссии из представителей СССР, США и Великобритании для совместной разработки проблемы международной организации по охране безопасности.

В. М. Молотов во многом учел эти рекомендации. На заседании 28 октября нарком выступил с предложением о создании комиссии для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации»[71]. Тем самым советская сторона не только избавилась от британской декларации, «имеющей целью дать удовлетворение полякам, туркам и другим, опасающимся нашего влияния на востоке Европы»[72], но и выступила в качестве сторонницы дальнейших шагов в деле международного сотрудничества, как заявил К. Хэлл. Этот пункт декларации впоследствии стал важной вехой на пути создания Организации Объединенных Наций.

Хотя А. Иден не стал подробно развивать британские планы о создании федераций в Европе, одно упоминание о них вызывало у СССР настороженность. Рассматривая в сентябре 1943 г. возможность образования федерации в масштабе всей Европы, советский дипломат Б. Е. Штейн отмечал: «...проектируемая теперь европейская федерация объективно может быть лишь орудием английской гегемонии на континенте Европы... Учитывая неизбежное ослабление ряда европейских государств после Второй мировой войны, Советский Союз вряд ли будет заинтересован в том, чтобы укреплять эти государства при помощи европейской федерации и, таким образом, способствовать созданию политического организма, более мощного, чем отдельные государства... при выборе между двумя концепциями: европейской федерации или отдельных союзов (конфедераций) скорее следует отдать предпочтение отдельным союзам, а не общеевропейской федерации»[73].

В проекте заместителя наркома А. Е. Корнейчука от 15 октября подобные соображения получили свое дальнейшее развитие. В ответ на поступившее британское предложение о создании объединений европейских государств в нем отмечалось следующее: «...нельзя не учитывать того, что освобожденные от гитлеровской тирании народы Европы прежде всего будут заинтересованы в восстановлении своих национальных прав, своего благосостояния и своего государственного суверенитета». Исходя из того, что членами предполагаемых объединений, по логике Лондона, могли стать государства, ныне являющиеся сателлитами Германии, какое-либо решение по данному вопросу было бы «в нынешних условиях, во всяком случае, преждевременным»[74].

Опираясь на эти идеи, 26 октября В. М. Молотов изложил в целом негативное отношение советской стороны к обсуждению вопроса о федерациях, подчеркнув также, что некоторые подобные проекты «напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно»[75]. В итоге, А. Иден снял вопрос с обсуждения, отложив его на «соответствующий благоприятный момент».

Если В. М. Молотов опасался британских проектов в отношении стран Центральной и Восточной Европы, то и А. Иден настороженно относился к возможным действиям Москвы в этом регионе. Британские опасения наглядно проявились при обсуждении вопроса «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам». К октябрю 1943 г. этот вопрос уже имел свою историю, начало которой можно отнести к британской

ноте от 9 июня 1942 г. Тогда, во время пребывания В. М. Молотова в Лондоне, обсуждался вопрос о заключении соглашения между СССР и правительством Югославии в эмиграции. «Иден, — как говорилось в памятной записке посольства СССР в Великобритании от 26 июля 1943 г., — предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся в изгнании, договоров по послевоенным вопросам без предварительной взаимной консультации и согласования. В. М. Молотов обещал изучить этот вопрос и доложить об этом предложении советскому правительству»[76].

Летом 1943 г. А. Иден снова поднял эту тему, пытаясь заблокировать заключение готовившегося советско-чехословацкого соглашения. Последовала нотная переписка между Лондоном и Москвой, однако и на сей раз она не дала конкретных результатов. Накануне Московской конференции было подготовлено новое британское предложение, переданное А. Керром В. М. Молотову 1 октября[77]. Его условия были жестче, нежели предлагавшиеся в июне 1942 г. Если раньше речь шла о незаключении договоров без взаимной консультации и согласования, то теперь СССР и Великобритания должны были вовсе не вести переговоров с другими европейскими странами «в отношении вопросов, касающихся мирного урегулирования или послевоенного периода». В. М. Молотов обратил внимание на изменение сути британских предложений и попросил разъяснений[78].

Вопрос был поднят на Московской конференции 24 октября. За день до этого В. М. Молотов разослал американцам и британцам проект договора «о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Чехословакией сроком на 20 лет. В проекте особо оговаривалась возможность присоединения к нему при обоюдном согласии СССР и Чехословакии третьей страны, граничащей с ними, — подразумевалась Польша. Целью подобного пункта было сделать договор более приемлемым для Лондона.

На заседании 24 октября, выяснив, что англо-американского «фронта» в данном вопросе не существует (К. Хэлл сослался на свою непосвященность в советско-британскую переписку по этой проблеме и не проявил особой заинтересованности), В. М. Молотов перешел в наступление. Он подчеркнул положительное значение договора для СССР и Чехословакии, а также тот факт, что он «заключается между двумя государствами, имеющими общую границу, против возможной агрессии Германии в будущем, между двумя государствами, являющимися союзниками в теперешней войне против Германии». Нарком также зачитал советское заявление по вопросу о договорах по послевоенным вопросам. В нем, в частности, указывалось на право СССР и Великобритании «заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств»[79].

Данное заявление было показательным для концепций безопасности, существовавших у советского руководства в данный период. В НКИД господствовало убеждение в том, что вопросы послевоенного устройства «надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим себе будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости и безопасности»[80]. В заявлении В. М. Молотова подчеркивался при этом и другой аспект, своего рода минимум требований СССР — обеспечение «непосредственной безопасности», то есть отсутствие непосредственных угроз границам СССР в виде соседних враждебных государств. В реализации этой цели советская сторона стремилась сохранить максимальную свободу рук, не ставя заключение договоров с приграничными государствами в зависимость от консультаций и соглашений с Лондоном и Вашингтоном.

Договор с Чехословакией был важен для Москвы и как определенная альтернатива британским планам конфедераций. Он задавал иной образец выстраивания системы европейской безопасности: не в виде объединений отдельных малых государств, а за счет двусторонних договоров о взаимопомощи между малым государством и великой державой.

Заявление А. Идена о том, что у него «нет возражений против договора» СССР и Чехословакии, приятно удивило В. М. Молотова. Однако британский министр еще в период подготовки к конференции предусмотрительно зарезервировал возможность одобрения советско-чехословацкого договора при двух основных условиях: возможности присоединения к нему Польши и наличия благоприятной атмосферы при обсуждении других вопросов, затрагивавших советско-польские отношения[81].

Хотя А. Иден дал согласие на советско-чехословацкий договор 24 октября, обсуждение польского вопроса, с которым он связывал свое согласие на договор, состоялось лишь 29 октября. Настрой сторон не предвещал достижения крупных результатов. Советское правительство продолжало придерживаться точки зрения о невозможности возобновления дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции, пока оно не изменит своей «враждебной позиции» в отношении СССР[82]. По каналам разведки в августе — октябре в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства «к оказанию сопротивления Красной армии при вступлении ее на территорию Польши». Указывалось на то, что польское правительство и военные круги «фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Допускают, что англичане знают об указанных инструкциях (об оказании сопротивления Красной армии. — *Прим. ред.*) уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их»[83].

Несмотря на нежелание возобновлять отношения с польским эмигрантским правительством, советское руководство не хотело предпринимать резких шагов, которые могли бы создать впечатление о создании в СССР нового польского правительства вокруг «Союза польских патриотов». Показательно, что в ноябре 1943 г. И. В. Сталин лично вычеркнул имя председателя этого союза В. Л. Василевской из списка представленных к награждению орденом Ленина[84] — такой жест мог быть неправильно истолкован за рубежом. Вместе с тем 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, формировавшаяся на территории СССР с мая 1943 г., пользовалась вниманием советского правительства. Об этом красноречиво свидетельствовали решения о награждении ее солдат и офицеров советскими государственными наградами[85]. Советская сторона хотела продемонстрировать роль дивизии в борьбе с Германией, противопоставив ее агентам польского правительства, которые, с советской точки зрения, сотрудничали с немцами.

Таким образом, ожидать принятия серьезных решений по Польше на Московской конференции было затруднительно. На заседании 29 октября А. Иден вновь заявил о желательности возобновления дипломатических отношений между СССР и Польшей, отдельно упомянув проблему поставок польскому движению Сопротивления оружия и военных материалов. В. М. Молотов подчеркнул, что «оружие можно давать только в надежные руки», выразив также недовольство советской стороны в связи с тем, что участие 2-го польского корпуса (бывшая армия В. Андерса) в военных действиях затягивается[86]. На том обсуждение польского вопроса и закончилось[87].

Расхождения советской и британской позиций выявились и по вопросам ситуации в Югославии. А. Иден стремился скоординировать политику Лондона и Москвы в отношении партизан во главе с И. Б. Тито и четников во главе с министром обороны эмигрантского правительства Д. Михайловичем. Фактически британский министр хотел использовать влияние СССР на И. Б. Тито с целью смягчить его позицию в отношении эмигрантского правительства и короля Петра и укрепить позиции Д. Михайловича, добившись одновременной отправки советской военной миссии как к партизанам, так и четникам. В. М. Молотов избегал конкретных обязательств, ссылаясь на недостаточность информации, которой располагала советская сторона (что, скорее, было дипломатическим ходом, чем отражением реальной ситуации). Нарком заявил о планах по отправке военной миссии к И. Б. Тито, дав понять при этом, что по поводу аналогичной миссии к Д. Михайловичу, который «поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно»[88], у Москвы есть серьезные сомнения. При этом был поставлен вопрос о получении у британцев базы в Африке для того, чтобы поддерживать связь с предполагавшейся к отправке советской военной миссией в Югославии[89].

Еще одна проблема, по которой советская и британская позиции не совпадали, заключалась в так называемых «мирных пробных шарах» со стороны вражеских государств. В течение 1943 г. и Москва, и Лондон неоднократно информировали друг друга о различных маневрах союзников Германии по выходу из войны и поискам компромиссного мира. Так, накануне Московской конференции от А. Керра поступала информация о зондаже со стороны Венгрии, а В. М. Молотов сообщил британскому правительству о дипломатических маневрах Японии[90].

Тем не менее в этой дипломатической переписке говорилось отнюдь не обо всем. Так, несмотря на неоднократные заявления советской стороны о том, что ключевым принципом в отношениях «союзников с Венгрией и другими сателлитами Германии и Италии» должна быть безоговорочная капитуляция[91], 9 сентября британский посол в Турции Х. Нэджбэлл-Хьюджесен передал венгерскому дипломату Л. Верешу условия предварительного соглашения о перемирии. Хотя в нем оговаривалось, что Венгрия должна объявить о безоговорочной капитуляции как можно скорее, тем не менее пока соглашение оставалось в тайне, при этом венгерские власти должны были пойти на сокращение своих военных усилий в пользу Германии, дабы продемонстрировать действительную готовность сотрудничать с союзниками. В конце сентября в Лондоне была подготовлена специальная миссия Управления специальных операций (СОЕ) для отправки в Венгрию с целью проведения саботажа на железных дорогах и военных заводах[92].

За советско-британскими разногласиями по данному вопросу стояла не просто борьба теоретических концепций. Принцип безоговорочной капитуляции больше всего отвечал интересам СССР в обеспечении своей безопасности, позволяя добиться наиболее жестких условий в отношении фашистских стран-сателлитов. Так, в частности, в документе о капитуляции Венгрии комиссия К. Е. Ворошилова предусматривала оккупацию Вооруженными силами Советского Союза ее территории, а также установление контроля «над судоходством по реке Дунаю и другим водным путям Венгрии»[93]. Напротив, отказ от принципа безоговорочной капитуляции открывал дверь планам, подобным тем, что развивались применительно к Венгрии весной — осенью 1943 г. спецслужбами как Великобритании, так и США. Их основная суть сводилась к тому, чтобы поддерживались контакты с оппозиционными группами в странах-сателлитах, которые должны были «выйти на свет» в период высадки англо-американских войск на Балканах. Это могло перекрыть Красной армии доступ в Восточную и Центральную Европу[94].

Учитывая взрывоопасный потенциал вопроса о «пробных мирных шарах», на Московской конференции министры иностранных дел сошлись на минимальной договоренности о необходимости информировать друг друга о «всякого рода пробных предложениях мира» и консультироваться с целью согласованных действий «в отношении подобных предложений».

Взаимная осторожность характеризовала и обсуждение на конференции германского вопроса. Еще в период подготовки к ней НКИД считал, что «одним из наиболее актуальных вопросов, по которым англо-американцы хотели бы прощупать нашу позицию, является германский вопрос, в частности вопрос о нашем отношении к условиям будущего перемирия с Германией и вопрос о ее послевоенном устройстве». М. М. Литвинов полагал, что у Вашингтона и Лондона отсутствуют готовые предложения по данному вопросу, выдвинут же он был «главным образом в результате антисоветской пропаганды, связанной с некоторыми нашими выступлениями и с образованием комитета «Свободная Германия» и Союза офицеров»[95].

Дополнительным стимулом к сдержанности при обсуждении германского вопроса служило и другое соображение, выдвинутое М. М. Литвиновым: «...не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее в этих целях в военном, экономическом и территориальном отношениях, и что публичное обсуждение этих мер может быть лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может сплачивать немцев и

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

Конференции в составе Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки г-на К.Хэлла, Министра Иностранных Дел Соединенного Королевства г-на А.Идена и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик В.М.Молотова, происходившей в Москве 19-30 октября 1943 года.

В Конференции принимали участие:

от США	- г-н Гарриман, генерал-майор Дин, г-н Хакворт, г-н Дан, г-н Болен и эксперты.
от Великобритании	- г-н Керр, г-н Стрэнг, генерал Исмей, г-н Вильсон и эксперты.
от СССР	- Маршал К.Е.Ворошилов, А.Я.Вышинский, М.М.Литвинов, В.А.Сергеев, генерал-майор Грызлов, Г.Ф.Саксин и эксперты.

Повестка дня:

1. РАССМОТРЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОКРАЩЕНИЮ СРОКОВ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СООБЩНИКОВ В ЕВРОПЕ. (Предложено СССР).	См. особо секретный протокол Конференции.
2. а) ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ НАЦИЙ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ. (Предложено США)	а) Принят текст Декларации. Декларация была подписана 30 октября (См.приложение № 1).
б) ОБ УЧРЕЖДЕНИИ КОМИССИИ ТРЕХ ДЕРЖАВ. (Предложено СССР).	б) Признано желательным, чтобы Представители Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза провели предварительный обмен взглядов по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности, имея в виду, что эта работа будет проведена, прежде всего, в Вашингтоне, а также в Лондоне и Москве.

Протокол Московской конференции министров иностранных дел большой тройки

3. СОЗДАНИЕ АППАРАТА ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ, ТРЕБУЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНОГО И ТЕСНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, В ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИИ И КОМПЕТЕНЦИИ ПОЛИТИКО-ВОЕННОЙ КОМИССИИ В АЛЖИРЕ. (Предложено Соединенным Королевством).	а) Решено создать Европейскую Консультативную Комиссию в Лондоне. (См.приложение № 2) б) Решено создать Консультативный Совет по вопросам Италии. (См.приложение № 3)
4. ОБМЕН МНЕНИЯМИ О ПОЛОЖЕНИИ В ИТАЛИИ И НА БАЛКАНАХ. (Предложено Соединенным Королевством).	
а) Информация о положении в Италии и на Балканах.	а) Состоялся письменный и устный обмен информацией.
б) Предложение СССР о политике в отношении Италии.	б) Принят текст Декларации (См.приложение № 4)
в) Предложение Советского Правительства о передаче Советскому Союзу части итальянского военного (1 линкор, 1 крейсер, 8 эскадренных миноносцев, 4 подводных лодки) и торгового (общим водоизмещением 40.000 тонн) флотов, перешедших в распоряжение англо-американских вооруженных сил в результате капитуляции Италии	в) Г-н Иден и г-н Хэлл не выдвинули возражений против предложения Советского Правительства, но резервировали окончательный ответ.
5. МЕТОДЫ РАССМОТРЕНИЯ ТЕКУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, А ТАКЖЕ ТЕХ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ В ХОДЕ ВОЙНЫ. (Предложено США)	См. решение по пункту 3-а.
6. ОТНОШЕНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ КОМИТЕТУ, В ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТРОПОЛИИ И СОЗДАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.	Состоялся обмен мнений по представленному на обсуждение Конференции Правительствами США и Соединенного Королевства документу:

"Основная схема управлени освобожденной Франции". (См. приложение № 5) В связи с поставленными Советской Делегацией вопросами и сделанными ею замечаниями представленный документ передан на рассмотрение Европейской Консультативной Комиссии.

7. А. ОБРАЩЕНИЕ С ГЕРМАНИЕЙ И ДРУГИМИ ВРАЖЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЕВРОПЕ.

а) Международный военный, политический и экономический контроль над Германией в течение периода перемирия.

б) Шаги, направленные к окончательному урегулированию: будущий статут германской правительственной системы, границы и другие вопросы, срок периода перемирия.

(Предложено США)

Состоялся обмен мнениями, показавший единодушие по основным вопросам.

Вопрос передан для детальной разработки в Европейскую Консультативную Комиссию.

В. ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ОБРАЩЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ И ДРУГИМИ ВРАЖЕСКИМИ СТРАНАМИ В ЕВРОПЕ.

а) В течение периода перемирия, например, Контрольная Комиссия и пр.

б) При мирном урегулировании, например, границы, военная оккупация, разоружение, репарации, децентрализация германской правительственной системы и т.д. (Австрия).

(Предложено Соединенным Королевством).

Принят текст Декларации об Австрии.
(См. приложение № 6)

8. ВОПРОС О СОГЛАШЕНИЯХ МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ И МАЛЫМИ СОЮЗНИКАМИ ПО ПОСЛЕВОЕННЫМ ВОПРОСАМ. (Предложено Соединенным Королевством).	Состоялся обмен мнениями. Принято к сведению заявление г-на Идена об отсутствии возражений против заключения Советско-Чехословацкого Договора, проект которого был ему сообщен.
9. СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ТУРЦИИ. (Предложено Соединенным Королевством).	Вопрос рассматривался при обсуждении пункта 1-го.
10. СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ. (Предложено Соединенным Королевством).	Принято следующее предложение, выработанное Комиссией, которая была назначена Конференцией: 1. После обмена мнениями Комиссия находит, что нет фундаментальной разницы в политике любого из трех Правительств в отношении Ирана; 2. Комиссия не была в состоянии достигнуть соглашения о целесообразности немедленного опубликования любой декларации или деклараций в отношении Ирана; 3. Опубликование такой декларации или деклараций может быть далее обсуждено представителями трех Правительств в Тегеране, чтобы эти три Правительства могли притти к соглашению о целесообразности опубликования такой декларации или деклараций после подписания предполагаемого Ирано-Американского Соглашения и после соответствующей консультации с Иранским Правительством.

11. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И ПОЛЬШЕЙ И ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ ВООБЩЕ. (Предложено Соединенным Королевством).	Состоялся обмен мнениями.
12. БУДУЩЕЕ ПОЛЬШИ, ДУНАЙСКИХ И БАЛКАНСКИХ СТРАН, ВКЛЮЧАЯ ВОПРОС КОНФЕДЕРАЦИЙ. (Предложено Соединенным Королевством)	Состоялся обмен мнениями. Принято к сведению заявление Советской Делегации. (См.приложение № 7).
13. МИРНЫЕ ПРОБНЫЕ ШАРЫ СО СТОРОНЫ ВРАЖЕСКИХ ГОСУДАРСТВ. (Предложено Соединенным Королевством).	Состоялся обмен мнениями. Принято следующее решение: "О линии поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран"- "Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза договариваются немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложения мира, которые они могут получить от правительств, отдельных группировок или лиц страны, с которой любая из трех сторон находится в состоянии войны. Правительства трех Держав далее договариваются консультироваться друг с другом с тем, чтобы согласовывать свои действия в отношении подобных предложений".

14. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНЫХ СТРАН, ОСВОБОЖДАЕМОЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАСТУПЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗНИКОВ. (Предложено Соединенным Королевством).	Состоялся обмен мнениями. Вопрос передан в Европейскую Консультативную Комиссию.
15. А. ПОСЛЕВОЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ. (Предложено Соединенным Королевством).	Признано необходимым продолжить изучение поставленных вопросов.
Б. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ. (Предложено США).	
а) Сотрудничество в возмещении военного ущерба в СССР.	а) Признано желательным приступить к переговорам между Народным Комиссариатом Иностранных Дел и Посольством США в Москве.
в) Совместные действия по оказанию помощи другим странам.	в) Приложено к настоящему Протоколу заявление Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки по параграфу "в" "Совместные действия по оказанию помощи другим странам". (См. Приложение №8).
с) Сотрудничество на международной основе при рассмотрении таких вопросов, как продовольствие и сельское хозяйство, транспорт и средства связи, финансы и торговля и международное бюро труда.	с) Приложен к настоящему Протоколу Меморандум Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки по параграфу "с" "Основа нашей программы по вопросам международного экономического сотрудничества". (См. приложение №9).

	д) Вопрос о репарациях.	д) Состоялся обмен мнениями, в процессе которого было указано на спорность некоторых моментов представленного меморандума.
16.	СОВМЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ. (Предложено Соединенным Королевством).	Вопрос снят с повестки дня Конференции по предложению г-на Идена.
17.	ВОПРОС О СОВМЕСТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕВРОПУ В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. (Предложено Соединенным Королевством).	Обсуждался по пункту 12-му повестки дня.
18.	ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ ЗА СОВЕРШАЕМЫЕ ЗВЕРСТВА. (Предложено Соединенным Королевством).	Принят текст Декларации. (См.Приложение № 10).
19.	О ВЗАИМНОМ ОБМЕНЕ ВОЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ. (Предложено Соединенным Королевством).	Принято следующее решение: "Достигается договоренность, что в целях обеспечения всех союзников, занятых уничтожением противника, всей информацией, касающейся общего врага, Союзники должны взаимно и постоянно информировать друг друга о всех поступающих в их распоряжение технических военных сведениях, касающихся германской армии, военно-морского флота и воздушных вооруженных сил а также боевого качества соединений противника и применяемой тактики".

20. ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ КОНФЕРЕНЦИИ.

Решено опубликовать документы, приложенные к настоящему Протоколу под №№ 1,4,6,10.

Cordell Hull

В. Молотов.

Anthony Eden

Москва, "1" ноября 1943 года.

усиливать их сопротивление». По данным советской разведки, и сами британцы не питали особых надежд на принятие решений по Германии на Московской конференции. «Иден считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу», — говорилось в одном из донесений[96].

Показательно, что даже американское правительство, о планах которого по раздроблению Германии («план Уэллеса») было известно как Лондону, так и Москве[97], вело себя достаточно осторожно и не конкретизировало вариантов децентрализации Германии. При обсуждении данного вопроса на заседании 25 октября А. Иден и В. М. Молотов также воздержались от детальной разработки темы. Британский министр сослался на то, что его правительство «еще не приняло окончательного решения», а В. М. Молотов, по воспоминаниям К. Хэлла, положительно отреагировавший на его предложения и даже заявивший в частной беседе об энтузиазме И. В. Сталина по их поводу[98], на официальном заседании высказывался осторожно. Помимо опасений о том, что разговоры о расчленении Германии могут быть «на руку Гитлеру», нарком также упомянул: советское правительство, «вероятно, несколько отстало в изучении данного вопроса... наши руководители сейчас больше заняты военными проблемами»[99].

Помимо взаимной настороженности достижению конкретных договоренностей по германскому вопросу препятствовал тот факт, что и внутри самих союзных правительств по нему не было единства. Особенно это касалось СССР и Великобритании. Несмотря на то что комиссия М. М. Литвинова в сентябре — октябре 1943 г. представила достаточно подробные разработки по разделению Германии на несколько государств (от трех до семи)[100], в комиссии К. Е. Ворошилова преобладали более осторожные мнения в этом вопросе[101]. В чем-то схожая дилемма существовала и в британском кабинете министров, где высказывались две точки зрения. Согласно первой из них, политика раздробления Германии была нецелесообразной. Вторая точка зрения состояла в том, что «хотя было бы непрактичным разделять Германию на отдельные государства, многое говорит в пользу изоляции и даже отделения Пруссии, чье негативное влияние дважды привело к европейской войне»[102].

Главным практическим решением Московской конференции, связанным с германским вопросом, стала «Декларация об Австрии». Это было во многом британское детище. Разрабатывая австрийскую проблему еще в мае, А. Иден исходил из того, что заявление о предоставлении независимости Австрии после войны усилит там движение Сопротивления, а также может стать первым шагом в разработке дальнейших планов относительно ее судьбы. И один из вариантов — Центрально- либо Юго-Восточно-европейская конфедерация, в которую помимо Австрии могли войти Польша, Чехословакия и Венгрия[103]. В этом отношении британское предложение об Австрии было связано и с проблемой конфедераций, что верно отметили и в комиссии М. М. Литвинова[104]. В итоге на самой конференции стороны сошлись на условиях, которые устраивали всех. В «Декларации об Австрии» признавалась незаконность аншлюса, подчеркивалось желание трех держав видеть «восстановленной свободную и независимую Австрию», а также отмечалось, что «ее собственный вклад в дело ее освобождения», не снимая с нее ответственности за участие в войне на стороне Германии, будет «неизбежно» принят во внимание. Декларация была встречена позитивно (в частности, «Движение свободных австрийцев» в Великобритании выражало «глубокую благодарность»)[105], ее положения использовались в советской радиопропаганде на Австрию[106].

Если А. Иден шел на уступки В. М. Молотову в вопросах «Декларации четырех», отказываясь от формулировок, которые могли сократить свободу внешнеполитического маневра СССР, а также по проблеме «самоограничения» великих держав, то он рассчитывал, что успешное решение вопроса о Военно-политической комиссии (ВПК) позволит в определенной степени сбалансировать эти уступки. Самому созданию комиссии, которая бы занималась согласованием политических курсов трех государств, он отводил важное место, без нее, по его словам, невозможно никакое мирное урегулирование: «В подобном случае очень скоро после завершения одной войны мы будем готовиться к следующей»[107].

Подписание «Декларации четырех государств»
на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 30 октября 1943 г.

Ухватившись за идею послания И. В. Сталина от 22 августа о создании Военно-политической комиссии «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», британский министр решил убить сразу двух зайцев: во-первых, функции ВПК, образованной 26 сентября, главным образом для рассмотрения вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, необходимо расширить; во-вторых, перенести место ее расположения из Алжира в Лондон[108]. Последнее соображение, явно нацеленное на укрепление британских дипломатических позиций перед лицом Вашингтона, должно было, как надеялись в Лондоне, встретить в Москве положительную реакцию[109].

Британские расчеты были не безосновательны. М. М. Литвинов, еще в начале октября размышляя о планах создания союзной комиссии, отмечал, что ее пребывание «в Вашингтоне или Лондоне имеет для нас то преимущество, что наши представители не будут обязаны высказать сразу свое мнение по спорным вопросам, ссылаясь на необходимость получения инструкций из Москвы». Тем не менее он предлагал «добиваться создания этой комиссии в Москве»[110]. В. М. Молотов, однако, не стал выступать с подобными предложениями.

Поскольку Военно-политическая комиссия в Алжире, уже существовавшая к началу Московской конференции, занималась итальянскими делами, А. Идену было необходимо каким-то образом соотнести новую предлагаемую им комиссию (в Лондоне) со схемой контроля и управления Италией. На заседании 22 октября он изложил свою концепцию, суть которой НКИД суммировал следующим образом: «В настоящее время в Италии и Алжире не создавать никаких межсоюзнических органов, кроме Контрольной комиссии; в Италии ключевую роль в течение периода военных действий должна играть Контрольная комиссия во главе с союзным главнокомандующим; после занятия Рима и возвращения туда итальянского правительства создается Консультативный совет при главнокомандующем, состоящий из высоких комиссаров (представителей США, Великобритании, СССР, а также, «если будет решено»,

ФКНО, Греции и Югославии), имеющий право предоставлять рекомендации главнокомандующему; после окончания военной кампании в Италии Консультативный совет получает от главнокомандующего «исполнительную власть над работой по контролю»[111]. Внося указанные предложения, А. Иден стремился максимально сократить влияние СССР на ситуацию в Италии, сосредоточив контроль над ней в руках главнокомандующего, действующего по инструкциям англо-американского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ).

Советские предложения, сформулированные в середине октября, были направлены на расширение функций Военно-политической комиссии в Алжире: она должна была «направлять и координировать деятельность организуемых на вражеских территориях военных органов и любых гражданских властей союзников по вопросам перемирия и контроля за осуществлением перемирия», издавать время от времени «инструкции и директивы для правительства Италии и при аналогичных обстоятельствах для правительств других стран оси с тем, что военно-оперативные вопросы полностью подлежат ведению союзных главнокомандующих»[112]. Лондон, однако, «на изъятие контрольных полномочий у главнокомандующего» не собирался идти ни при каких обстоятельствах[113].

К 24 октября НКИД сформулировал свою позицию по предложениям А. Идена о межсоюзных органах. Советская сторона соглашалась с созданием Военно-политической комиссии в Лондоне из представителей трех держав (участие ФКНО в ней считалось нецелесообразным), а также с образованием Консультативного совета по Италии с участием представителей ФКНО, Греции и Югославии, «не допуская дальнейшего расширения». Особо оговаривалось, однако, что Консультативный совет должен начать «функционировать немедленно на юге Италии, не дожидаясь занятия Рима», не будучи подчинен союзному главнокомандующему[114].

Готовность СССР согласиться с «итальянскими» предложениями А. Идена вызвала недоумение в британском МИДе, где понимали, что они сводят советское влияние на ситуацию в Италии к минимуму[115]. Однако в НКИД, по всей видимости, в конечном счете, готовы были отнести Апеннинский полуостров в зону британских интересов[116]. К тому же создавался немаловажный прецедент для ситуации в Центральной и Восточной Европе. Не исключено и то, что по вопросу о Военно-политической комиссии советской стороной изначально выдвигались завышенные требования, дабы, постепенно отступая от них, получить уступки и от союзников.

Хотя сама идея создания Военно-политической комиссии в Лондоне не вызывала протестов с советской стороны, пунктом советско-британских разногласий стал вопрос о ее функциях. В. М. Молотов стремился свести их к подготовке условий перемирия с Германией и ее союзниками, а также контролю над осуществлением принятых условий перемирия[117].

Как следует из предложений по данному меморандуму, представленных комиссией К. Е. Ворошилова, советская сторона хотела добиться четырех основных целей: закрепить применение принципа безоговорочной капитуляции; усилить роль главнокомандующего на данном театре военных действий в реализации условий перемирия; создать возможности для вхождения в комиссию по вопросам перемирия в Европе союзных республик СССР, на территории которых происходили военные действия; обеспечить принципы равенства и единогласия в руководящем органе комиссии, что фактически давало бы Москве право вето[118].

Не хотел также В. М. Молотов и того, чтобы комиссия в Лондоне становилась единственной площадкой, на которой обсуждались бы все европейские проблемы. Это могло сократить свободу дипломатического маневра СССР. В итоге нарком умело использовал предложение К. Хэлла о том, «чтобы в Вашингтоне, Лондоне или Москве собирать совещание во главе с министром иностранных дел при участии двух послов союзных государств»[119].

В целом, советские поправки были в немалой степени учтены в итоговых решениях по Европейской консультативной комиссии (ЕКК, так стала называться комиссия в Лондоне) и Консультативного совета в Италии. Хотя круг вопросов, которые могла рассматривать ЕКК, теоретически оставался весьма широким («европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать»), советская сторона добилась не только возможности пересмотреть компетенцию комиссии, но и того, что разработка условий капитуляции стран оси была признана одной из первых

ее задач. Упоминался также формат трехстороннего обсуждения в соответствии с предложениями К. Хэлла, поддержанными В. М. Молотовым. В отношении Консультативного совета в Италии были учтены советские запросы о его незамедлительном создании, а также пожелание о прикомандировании к верховным комиссарам небольшого штата «технических советников, гражданских и военных» (британская делегация настаивала ранее на упоминании лишь технических советников)[120].

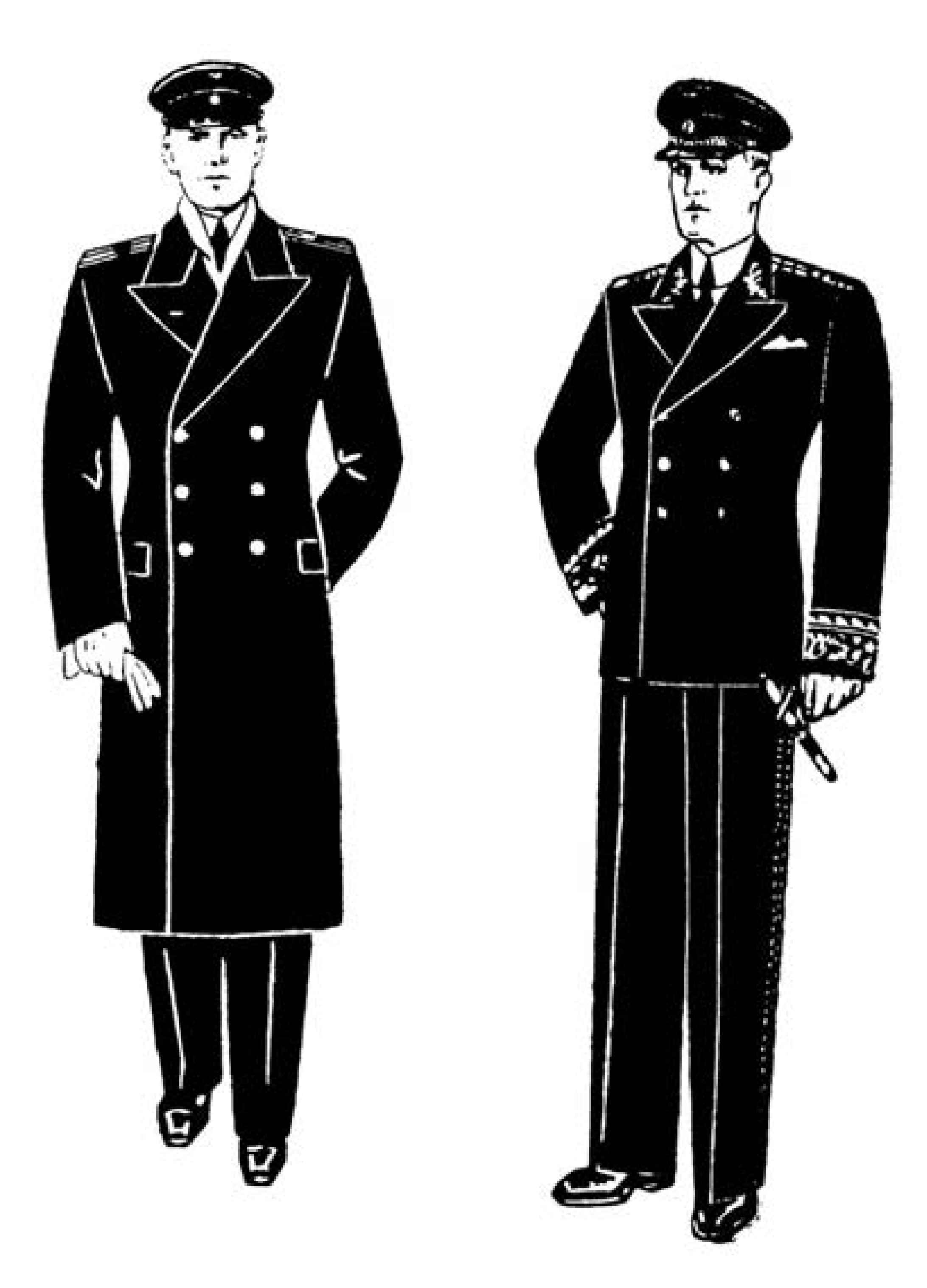
Если с тем фактом, что военный контроль над ситуацией в Италии будет сосредоточен в руках американцев и британцев, советская сторона согласилась относительно легко, то по вопросу о проведении там политических мероприятий по демократизации она первоначально заняла более жесткую позицию, которую в ходе дискуссии В. М. Молотов, однако, несколько смягчил.

В опубликованной «Декларации об Италии» выражалось единство взглядов трех стран на меры, которые необходимо было провести на итальянской территории, и даже подчеркивалось, что хотя время, «когда будет возможно полностью осуществить вышеуказанные принципы», определяется ОКНШ, СССР, США и Великобритания будут «консультироваться друг с другом по этому вопросу» (данная фраза была вставлена по настоянию К. Хэлла). Опасения Москвы по поводу промедления с демократизацией итальянского правительства были не беспочвенны. 8 ноября У. Черчилль заявил своим коллегам по кабинету, что он выступает против расширения состава итальянского правительства до занятия Рима. Кабинет поддержал его мнение[121].

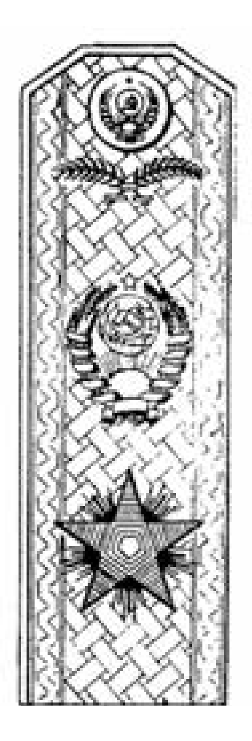
Различие точек зрения сказалось и при обсуждении французского вопроса. Ярко проявившись еще в ходе признания ФКНО в августе 1943 г., оно давало о себе знать и во время Московской конференции. Направленная А. Иденом В. М. Молотову 24 октября «Основная схема управления освобожденной Францией» была нацелена на сведение роли ФКНО к минимуму. Комитет мог направить миссию по гражданским делам при штабе главнокомандующего, однако ей отводились консультативные функции. Назначение французского офицера, который должен был управлять гражданскими делами, также входило в компетенцию главнокомандующего. На заседании 27 октября В. М. Молотов ясно указал на те положения этой схемы, которые вызывали у СССР сомнения. Было решено, что вопрос будет передан на рассмотрение ЕКК.

Если при обсуждении большинства указанных выше проблем основная дискуссия разворачивалась между В. М. Молотовым и А. Иденом, то в вопросах о послевоенном экономическом сотрудничестве с СССР и экономической реконструкции после войны партию первой скрипки играл К. Хэлл. В американских предложениях по данным проблемам многое устраивало советскую сторону. Готовность Вашингтона вести переговоры по вопросам восстановления СССР после войны была подтверждением для Москвы, что предложения, сделанные еще в ходе визита Д. Нельсона, достаточно серьезны[122]. Позитивно воспринимались даже меры по либерализации международной торговли, с которыми выступали американцы. Как писал нарком внешней торговли А. И. Микоян В. М. Молотову еще до начала конференции, «советская сторона заинтересована в том, чтобы были облегчены условия международной торговли, и в связи с этим для нас нет оснований отказываться от участия в международных соглашениях по данному вопросу». А. И. Микоян предусматривал возможность пойти в отдельных случаях на полную отмену таможенных пошлин на ввозимые в СССР товары, он не был против вхождения СССР в Международную валютную организацию и принятия за основу американского проекта Международного стабилизационного фонда[123].

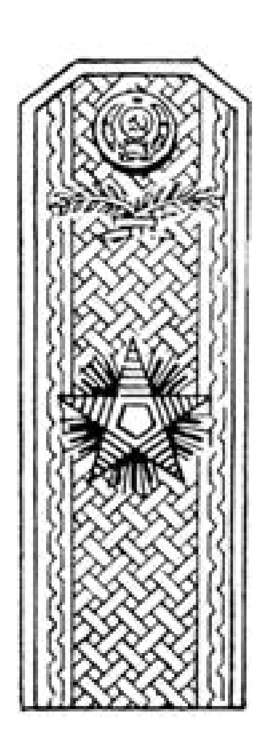
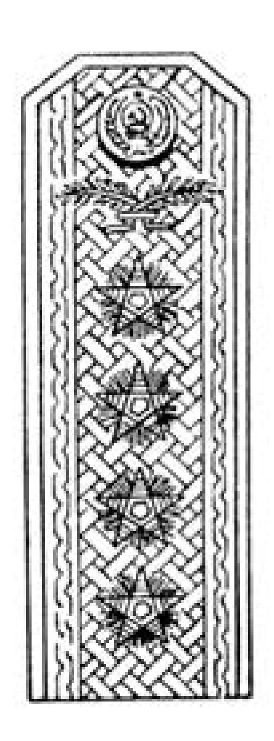
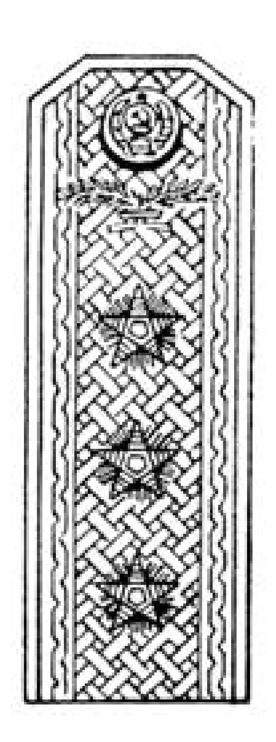
В. М. Молотов, опираясь на эту точку зрения, говорил на конференции о том, что «наши экономические органы относятся положительно к тем предложениям, которые сформулированы американским правительством» по вопросу международного экономического сотрудничества. Противоречия, однако, вызвал вопрос о репарациях. В. М. Молотова не удовлетворило то, что в американских предложениях не говорилось о репарациях со стран — союзников Германии, а также то, что объем репараций связывался с тем, насколько они могут быть получены «без такого ущерба для уровня жизни в Германии и для роста производства, который создал бы серьезные экономические и политические проблемы».

Парадная форма сотрудников НКИД СССР

Погоны народного комиссара (с 1946 г. министра) иностранных дел СССР

Погоны сотрудников НКИД СССР

ПРИКАЗ

по Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР

№ 213 7 октября 1943 года г. Москва

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1943 года «Об установлении рангов для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» и Постановлением СНК СССР от 28 мая 1943 года «О введении форменной одежды для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» **приказываю:**

1. Всем дипломатическим работникам Народного Комиссариата Иностранных Дел перейти на ношение форменной одежды и знаков различия — погон с 1 ноября 1943 года.

2. Присвоить ношение парадной форменной одежды следующему составу дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел: советникам Наркоминдела, заведующим отделами, заместителям заведующих отделами, помощникам заведующих отделами, экспертам-консультантам, помощникам Наркома и заместителей Наркома.

3. Обязать управляющего делами т. Христофорова обеспечить всех дипломатических работников Посольств и Миссий СССР за границей парадной форменной одеждой в шестимесячный срок.

4. Объявить всему дипломатическому составу Народного Комиссариата Иностранных Дел Постановление СНК СССР от 28 мая 1943 года «О введении форменной одежды для дипломатических работников Народного Комиссариата Иностранных Дел, Посольств и Миссий СССР за границей» с приложениями.

5. Выполнение § 4 данного приказа и контроль за правильным ношением форменной одежды и знаков различия возложить на Протокольный Отдел НКИД (т. Молочкова).

Народный Комиссар Иностранных Дел

В. МОЛОТОВ.

Приказ по НКИД СССР от 7 октября 1943 г. о введении форменной одежды для сотрудников НКИД, посольств и миссий СССР за рубежом

Нарком отказывался следовать этой логике, подчеркивая, что «не в меньшей, а в большей мере заслуживает внимания вопрос о жизненном уровне тех стран, которые пострадали от нападения Германии», о чем в предложениях К. Хэлла говорилось «неясно»[124]. В. М. Молотов, не последовав в этом вопросе рекомендациям комиссии М. М. Литвинова[125], высказался против принятия на конференции решения о создании комиссии по репарациям.

Еще одним вопросом, по которому выявились разногласия в позициях СССР с одной стороны и Великобритании и США с другой, был Иран. Целью союзников являлось подписание на конференции документа, в котором была бы сформулирована общая позиция трех держав по Ирану. И Лондон, и Вашингтон хотели получить от Москвы подтверждения обязательства о выводе войск из Ирана «не позднее шести месяцев после окончания войны с Германией и ее соучастниками», зафиксированного в советско-английско-иранском договоре от 29 января 1942 г. За этим стояли подозрения по поводу возможных действий СССР в Иране, которые новая советско-английская декларация (наряду с отдельным заявлением США аналогичного содержания) должна была несколько смягчить[126]. Британцы надеялись, что в отдельной декларации по общей политике трех государств в Иране будут даны заверения союзников в стремлении облегчить продовольственную и транспортную ситуацию в стране. Американская сторона хотела видеть в тексте данной декларации одобрение деятельности зарубежных советников при иранском правительстве, являвшихся в основном гражданами США[127].

Все эти попытки англо-американцев вызывали в Москве настороженность. Советские представители в комиссии по Ирану, работавшей в рамках Московской конференции (заместитель наркома С. И. Кавтарадзе и заведующий 3-м европейским отделом НКИД, бывший посол в Тегеране А. А. Смирнов), не видели смысла в повторении обязательств в отношении вывода войск. Ссылаясь на отсутствие договора между США и Ираном, аналогичного советско-английско-иранскому, они ушли от подписания декларации[128]. Еще меньше симпатий вызывало американское предложение относительно зарубежных советников. За их деятельностью в НКИД пристально следили еще с 1942 г.[129] и рассматривали ее через призму утверждения американского и британского влияния в Иране. Британское предложение о совместной политике по улучшению продовольственной и транспортной ситуации в Иране также не обещало советской стороне дивидендов. И в том, и в другом отношении ситуация была достаточно тяжелой, а средства СССР по ее улучшению ограничены. Лондону же это было на руку: приобщив Москву к декларации, он мог «разделить» иранскую критику политики союзников, а также приободрить Иран в свете его недавнего вступления в войну с Германией (с 9 сентября 1943 г.). Наконец, еще один довод советской стороны в пользу воздержания от каких-либо решений по иранскому вопросу состоял в том, что Москва не хотела создавать ситуации, при которой дела, касавшиеся Ирана, решались бы без его ведома и участия.

В итоге, предложение по вопросу «Совместная политика в Иране», принятое Московской конференцией, было, по сути, лишено конкретики. Стороны заявили об отсутствии «фундаментальной разницы» в политике в отношении Ирана, признали невозможность достичь согласия по вопросу о целесообразности немедленного опубликования какой-либо декларации по Ирану и согласились продолжить обсуждение вопроса дипломатическими представителями в Тегеране[130].

Более конкретных результатов на конференции в Москве удалось достичь по вопросу подписания «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Первоначально она даже не входила в повестку дня конференции, однако, в конце концов, стала одним из ее символов (так называемая «Московская декларация»). Ее инициатором был У. Черчилль. Непосредственным стимулом к выдвижению его предложения стала ситуация на Додеканесских островах, военные действия на которых привлекали особое внимание премьера. Выступая перед британским кабинетом 8 октября, У. Черчилль упомянул о недавнем расстреле немцами 100 итальянских офицеров на острове Кос и заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединенных

Штатов и России о том, что такое же количество германских офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда»[131]. 12 октября послание с проектом декларации было отправлено И. В. Сталину. В нем отмечалось, что по мере освобождения от фашистского господства все новых территорий «отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства». У. Черчилль рассчитывал, что угроза возвращения фашистов в места совершения ими преступлений может оказать «сдерживающее влияние на террор врага»[132].

К проблеме германских преступлений на захваченных территориях в Москве по понятным причинам относились особенно внимательно, причем позиция союзников в этом вопросе вызывала определенное недовольство. На протяжении 1941–1943 гг. В. М. Молотов направил посольствам и миссиям, аккредитованным на территории СССР, несколько нот, касавшихся зверств германских властей на захваченных территориях. Ответов, по существу, на них не поступало. Как писал С. А. Лозовский в мае 1943 г., «вот уже четвертая нота о зверствах немцев, но ни один посол и ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу»[133].

Не удивительно, что к идее У. Черчилля в Москве отнеслись позитивно. 22 октября В. М. Молотов сообщил К. Хэллу, что И. В. Сталин, в принципе, «не возражает против подписания декларации по вопросу о немецких зверствах». Ф. Рузвельт предложил, чтобы декларация была согласована уже в Москве. В итоге ее текст, принятый с небольшими поправками, в которых подчеркивалась роль «чудовищных преступлений», совершенных на территории СССР, был принят на конференции и опубликован от имени Ф. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля[134].

Хотя в центре Московской конференции находились переговоры трех министров иностранных дел, И. В. Сталин зримо и незримо присутствовал на ней. На протяжении работы конференции В. М. Молотов ближе к ночи посещал кабинет И. В. Сталина и, по всей видимости, информировал его о ходе переговоров[135].

Важную роль играли и личные встречи И. В. Сталина с А. Иденом (21 и 27 октября) и К. Хэллом (25 октября и на ужине 30 октября). Помимо обсуждения вопросов, непосредственно к Московской конференции не относившихся (северные конвои, британский персонал, место проведения будущей конференции глав правительств и другие), И. В. Сталин во время встреч с британским министром иностранных дел давал своего рода сигналы о реакции советского правительства на ход конференции. Если 21 октября Верховный главнокомандующий был достаточно сдержан: «Дела идут пока хорошо», то спустя шесть дней он был настроен оптимистичнее: «Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции». А на ужине 30 октября И. В. Сталин уже совершенно уверенно сказал К. Хэллу: «У вас была удачная конференция»[136].

«Беседы министра со Сталиным прошли очень хорошо, — докладывал в Лондон первый заместитель А. Идена А. Кадоган. — Он (А. Иден. — *Прим. ред.*) считает, что мы недооценивали ощущение изоляции, которое до сих пор испытывали русские и которое лишь еще больше обострялось на фоне их огромных побед. Теперь очевидно, что они изо всех сил стремятся к успеху конференции»[137].

Наиболее значимым по своим долгосрочным последствиям было заявление И. В. Сталина, сделанное К. Хэллу во время ужина 30 октября. Государственный секретарь сообщил его содержание Ф. Рузвельту лишь 2 ноября, соблюдая максимальную секретность: одна часть сообщения была зашифрована кодом ВМФ, другая — армейским. Его суть состояла в обещании И. В. Сталина о том, что СССР окажет помощь в войне с Японией после нанесения поражения Германии[138]. Хотя эти слова главы советского правительства не соответствовали настроениям, преобладавшим в это время в НКИД, они, безусловно, не были спонтанными. Решение ГКО о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань под руководством НКВД, принятое в августе 1943 г., уже могло рассматриваться как важный индикатор в изменении советской позиции[139]. В сентябре был заметен и интерес к получению от союзников сведений по Дальнему Востоку. В обмен на предоставление британцам

информации, поступавшей от агента Сильвера (приближенного Субхаса Чандра Боса, главы Индийской национальной армии), советские органы хотели получать от Лондона разведданные именно по Дальнему Востоку[140].

Итоги Московской конференции были расценены как большой успех во всех союзных столицах. Ф. Рузвельт в послании У. Черчиллю называл конференцию «подлинным началом британо-российско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорому поражению Гитлера»[141]. У. Черчилль также считал, что Московская конференция достигла «больших результатов»[142]. Но дело было не только в достигнутых на ней конкретных соглашениях, а и в самой атмосфере союзной солидарности, впервые за все время войны столь явственно проявившейся во время Московского форума. Неслучайно А. Иден в своем отчете перед парламентом говорил о царившей на конференции «дружеской атмосфере взаимной заинтересованности и взаимного доверия»[143].

Западные союзники в один голос констатировали на редкость конструктивную позицию советской стороны, сделавшей все возможное для успеха конференции. В ее ходе, телеграфировал А. Иден У. Черчиллю, «было много признаков того, что члены советского правительства искренне хотят поставить отношения с нами и Соединенными Штатами на почву постоянной дружбы»[144]. А. Керр, как и другие западные участники переговоров, так характеризовал главную причину этого нового настроя: «Советы почувствовали, что они впервые свободно допущены в наш интимный круг как равные»[145]. Советник Госдепартамента Ч. Болен на совещании в посольстве США в Москве отмечал, что конференция ознаменовала «возвращение СССР в качестве члена сообщества наций, наделенного соответствующей ответственностью»[146].

И в самом деле, удовлетворение от вхождения на равных в клуб великих держав ощущается даже в сухом циркуляре В. М. Молотова для НКИД по итогам конференции: «Замечания и предложения советской делегации весьма серьезно принимались во внимание. В общем, работу конференции, принимая во внимание поставленную перед ней задачу, общую повестку дня, а также то, что это была первая встреча трех министров, следует считать удовлетворительной»[147].

Положительные оценки итогов Московской конференции были вполне оправданны. Конференция, перед началом которой мало кто ожидал позитивных результатов, знаменовала собой углубление сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции. Тот факт, что министрам иностранных дел удалось достигнуть согласованных решений по столь широкому кругу вопросов, говорил о наличии определенного сходства в позициях трех государств и их готовности идти на компромиссы. Принятие на конференции «Декларации четырех» указывало на возможность продолжения сотрудничества СССР, США и Великобритании и после окончания войны. Стремление В. М. Молотова ускорить процесс разработки вопросов, связанных с будущим учреждением «всеобщей международной организации», подчеркивало заинтересованность Советского Союза в укреплении своего нового статуса одной из ведущих держав мира. Особое значение имело и решение о создании ЕКК, которое означало продвижение в институционализации сотрудничества антигитлеровской коалиции, создавало механизм трехстороннего обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий.

Советская дипломатия в ходе Московской конференции действовала весьма успешно. Идя на уступки в одних вопросах (присоединение Китая к «Декларации четырех»), в других она жестко отстаивала свои позиции, убедив прежде всего британскую сторону уступить по немаловажным пунктам (договор с Чехословакией, компетенция ЕКК). Сам трехсторонний формат конференции, наряду с нежеланием Вашингтона создавать у Москвы впечатления англо-американского «заговора», давал советской дипломатии пространство для маневра. Грамотно прощупав пункты разногласий между США и Великобританией, В. М. Молотов их умело использовал. Согласие И. В. Сталина на последующее вступление СССР в войну с Японией давало серьезный стимул к советско-американскому сближению, при котором Лондону было бы сложнее играть роль «брокера».

Для В. М. Молотова успешное завершение Московской конференции, председателем которой он являлся, было и большим личным достижением. «Его положение в качестве второго после Сталина человека стало более явно, чем в мои предыдущие визиты», — писал А. Гарриман Ф. Рузвельту[148]. Сочетая жесткость в отстаивании советских позиций с умением учитывать мнение партнеров, В. М. Молотов произвел сильное личное впечатление на западных участников. «Молотов проводил заседания с неизменным тактом, мастерством и хорошим настроем, — говорилось в британском отчете о конференции. — Его манера вести дискуссию завоевала наше уважение и искреннюю признательность»[149].

Разумеется, Московская конференция не разрешила всех противоречий в антигитлеровской коалиции. Хотя американские и британские представители подтвердили решение об открытии второго фронта весной 1944 г., это еще не гарантировало его точного соблюдения. В своих внутренних оценках американцы и особенно англичане резервировали за собой возможность изменения намеченного срока[150].

По ряду вопросов на Московской конференции не удалось достичь решения (будущее Германии, Польша, Иран, проблема федераций), некоторые совместные решения (как «Декларация об ответственности гитлеровцев за свершенные преступления») впоследствии имели различные интерпретации при их применении на практике[151]. Не стало полностью сбалансированным после конференции и взаимодействие в рамках большой тройки. Несмотря на то что советской стороне удалось сделать шаг по направлению к равноправному сотрудничеству с США и Великобританией, это отнюдь не означало свертывания особых отношений между Лондоном и Вашингтоном.

В целом же, положительные результаты Московской конференции, безусловно, преобладали. Являясь самой длительной по продолжительности конференцией трех держав в годы войны и весьма сложной по своей повестке дня, она способствовала консолидации государств антигитлеровской коалиции, принесла компромиссные решения по целому ряду дипломатических вопросов, а также в немалой степени подготовила результаты следующей, Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Тегеранская конференция 1943 г.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль, как известно, давно приглашали И. В. Сталина на встречу втроем. Однако только теперь, после коренного перелома в ходе войны, советский лидер почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы принять это приглашение. За ним уже стояли великие военные победы, возросшая мощь и авторитет Советского государства, позволявшие рассчитывать на успешное отстаивание интересов СССР. Ему же принадлежало и предложение о месте созыва конференции. В посланиях У. Черчиллю и Ф. Рузвельту от 8 сентября 1943 г. И. В. Сталин соглашался со сроками предполагаемой встречи, указанными ранее Ф. Рузвельтом, но в качестве места ее проведения впервые предлагал «страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран». У. Черчилль быстро согласился и вскоре предложил кодовое название для встречи — «Эврика». Ф. Рузвельта, однако, вариант Тегерана не устраивал. Ссылаясь на необходимость подписания (в течение 10 дней) документов, поступавших из конгресса, он призывал И. В. Сталина перенести место встречи в Египет или Асмару (бывшую столицу итальянской Эритреи), а после подсказки У. Черчилля — в Хаббанию близ Багдада[152].

Для И. В. Сталина выбор Тегерана был весьма удобен: с одной стороны, соглашаясь покинуть пределы СССР, он делал шаг навстречу союзникам; с другой — организация конференции в соседнем Иране не требовала длительного перелета и многодневного отсутствия в Москве. Там он мог быть уверен в собственной безопасности, ситуация контролировалась советскими военными органами и могла быть обеспечена надежная связь со Ставкой. О том,

что тегеранский вариант стал рассматриваться в Москве заблаговременно, свидетельствует ряд косвенных фактов. Так, уже «в августе в иранскую столицу направилась группа специалистов советских органов госбезопасности с целью выяснить условия, необходимые для проведения конференции и обеспечения безопасности ее участников»[153].

15 октября 1943 г. в Тегеран прибыл 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД, приступивший к патрулированию улиц, охране советского посольства и комендатуры, других важных объектов, «а затем и зданий, где непосредственно проходила Тегеранская конференция»[154].

В итоге, Ф. Рузвельт согласился на Тегеран только 8 ноября. В послании И. В. Сталину он сослался на то, что нашел способ, как избежать рисков со сроками подписания документов. Говоря о времени проведения конференции (предлагался промежуток с 27 по 30 ноября), Ф. Рузвельт фактически передавал «ключи» в руки И. В. Сталина: «Мы... будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде». Одновременно президент приглашал В. М. Молотова и советского военного представителя на конференцию в Каир (22–26 ноября), но при этом рукой Г. Гопкинса из послания была вычеркнута фраза об участии в данной конференции Чан Кайши[155].

Готовясь к встрече с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, И. В. Сталин хотел заранее знать повестку дня конференции. Это отвечало не только общей настороженности советской дипломатии по отношению к капиталистическим государствам, но и личному подходу И. В. Сталина. «Он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу», он «владел предметом разговора досконально»[156]. Однако, как поспешил проинформировать В. М. Молотова А. Гарриман, в прошлом встречи между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем «проходили в весьма неофициальной обстановке. Не было никакой повестки дня. Президент и премьер-министр давали возможность своим военным советникам вести переговоры и приглашали их тогда, когда нужно было выносить решение». В. М. Молотов возражать не стал[157]. Даже согласившись на подобный сценарий, И. В. Сталин терял не так уж много. Фактически он имел карт-бланш по вопросу о сроках своего пребывания в Тегеране и при необходимости мог всегда уехать. Кроме того, недавно прошедшая Московская конференция уже очертила примерный круг вопросов, которые могли быть затронуты на встрече лидеров.

Несмотря на отсутствие повестки дня будущей конференции, было ясно, что советская сторона обязательно поднимет вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г. При таком сценарии была бы создана реальная угроза жизненным центрам Германии, отвлечены германские силы с фронта войны с СССР. Одновременно это позволило бы реализовать интересы Советского Союза в сфере безопасности в Восточной и Центральной Европе. Как следовало из документов комиссии К. Е. Ворошилова, по окончании войны Вооруженные силы СССР (по документам о капитуляции соответствующих государств) должны были занять территорию Финляндии, Румынии, Венгрии, принять участие в оккупации Германии[158].

В преддверии Тегеранской конференции концепции дальнейшего ведения войны, разрабатывавшиеся в Москве и Вашингтоне, были явно ближе друг к другу, нежели те, что держал в уме У. Черчилль. СССР и США по ряду пунктов имели сходные интересы[159].

Во время совещаний на борту линкора «Айова», на котором Ф. Рузвельт переплыл Атлантический океан для встречи с У. Черчиллем и Чан Кайши в Каире, президент, размышляя о политических последствиях открытия второго фронта, говорил: «Пусть британцы берут Францию, Люксембург, Бельгию, Баден, Баварию и Вюртемберг... Соединенные Штаты должны занять северо-западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»[160]. Однако для осуществления подобных планов необходимо было серьезное американское военное присутствие в Западной Европе. Именно его операция «Оверлорд» и позволяла осуществить.

Посольство СССР в Тегеране

Позиция Великобритании была иной. Осенью 1943 г. У. Черчилль видел, как США наращивают свою мощь, как Ф. Рузвельт и американское командование все более настойчиво продавливают вариант «Оверлорда». Все яснее становилось и превосходство американских сил при проведении этой операции. В этой обстановке У. Черчилль пытался придать максимально возможный приоритет тому театру военных действий, на котором Великобритания сохраняла превосходство, — итальянскому. Продолжение итальянской кампании с занятием Рима и закреплением на линии По — Римини дало бы еще одно преимущество — возможность развернуть дальнейшие военные действия на восток, организовать «правофланговое наступление из северной Италии, используя Истринский полуостров и Люблянский проход на Вену»[161].

Привлекал премьер-министра и балканский сценарий дальнейшего развития событий. Еще в июле 1943 г. У. Черчилль говорил командующему союзными силами в Италии генералу Д. Эйзенхауэру о том, что «если бы мы могли удерживать вход в Адриатическое море, дабы отправить хотя бы немного кораблей в порты Далмации и Греции, все западные Балканы могли бы вспыхнуть». Схожую мысль он повторил во время совещания с начальниками штабов 18 ноября на Мальте: «Новые усилия должны быть предприняты, чтобы установить контроль в Адриатике... если наши операции в иных частях Средиземноморья вызовут задержку во взятии Рима, они должны быть отложены. Представляется, что военное командование должно провести операции на Балканах»[162]. В случае успехов планов У. Черчилля высадка англо-американских войск на Балканах и их присутствие в юго-восточной Европе,

став «детонаторами»[163] внутриполитических изменений в странах оси, преградили бы путь на запад советским войскам. С точки зрения Лондона, это не только сэкономило бы британские силы, но и сократило бы влияние Советского Союза.

И. В. Сталин прибыл в Тегеран 26 ноября, Ф. Рузвельт и У. Черчилль — днем позже. Важным организационным моментом, остававшимся пока нерешенным, был вопрос о том, где остановится Ф. Рузвельт на время конференции. В то время как советское и британское посольство стояли вплотную друг к другу, американская миссия находилась в удалении, что создавало проблемы, связанные с постоянным передвижением по городу. Еще 22 ноября в послании И. В. Сталину президент задал вопрос: «Где, по Вашему мнению, должны мы жить?» — словно намекая на возможность приглашения с советской стороны. У. Черчилль, ознакомленный с этим посланием раньше, чем оно дошло до Москвы (24 ноября), хотел перехватить инициативу, предложив Ф. Рузвельту остановиться в британском посольстве и оповестив об этом И. В. Сталина[164].

Однако президент не хотел упускать возможности установить личный доверительный контакт с И. В. Сталиным и втайне зондировал почву для переезда в советскую резиденцию через своих представителей в Тегеране[165]. После некоторых переговоров президент с готовностью принял приглашение советской стороны, подтвержденное В. М. Молотовым А. Гарриману в ночь с 27 на 28 ноября. Нарком подчеркнул угрозу, связанную с возможными враждебными актами в отношении руководителей трех государств в случае их перемещения по городу. В 15 часов 28 ноября Ф. Рузвельт переехал в главное здание посольства СССР (советская делегация расположилась в других зданиях на его территории).

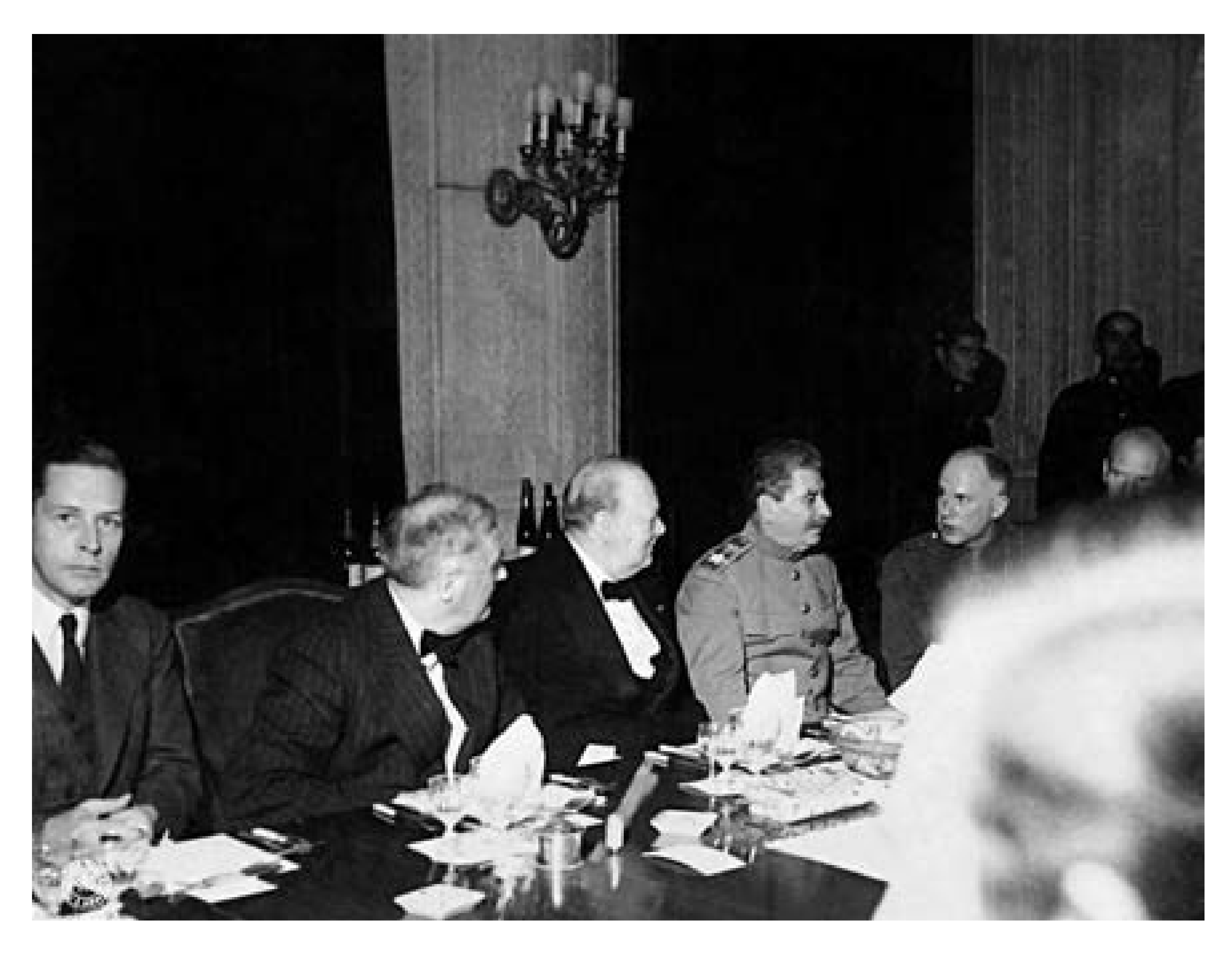
В разговоре с К. Е. Ворошиловым в тот же день до начала открытия самой конференции Ф. Рузвельт заявил, что чувствует себя в советском посольстве не только в абсолютной безопасности, но и «что здесь, в этом зале, мы примем такие важные решения, которые принесут огромную пользу для союзников». Ворошилов ответил, что «вопрос о его безопасности не может даже стоять, и он может чувствовать себя здесь, как дома»[166]. Таким образом, еще до официального открытия конференции И. В. Сталин получил немаловажное преимущество — возможность двусторонних встреч с Ф. Рузвельтом.

Все участники конференции понимали, что вопрос об открытии второго фронта будет ключевым на Тегеранской конференции. И советская, и американская сторона знали, что главное противодействие может исходить от У. Черчилля. Беседуя с премьер-министром до начала официального открытия конференции, К. Е. Ворошилов сообщил ему о непростом положении на советско-германском фронте. По результатам разговора советский военачальник записал: «Да-да, я это знаю, — заявил Черчилль, — мы должны все сделать и сделаем, чтобы облегчить положение ваших армий, ведь мы понимаем, в каком мы долгу у вас», — сквозь слезы (крокодиловы) проговорил Черчилль, протягивая мне руку»[167].

Первое заседание конференции 28 ноября начал Ф. Рузвельт «как самый молодой из присутствующих». После обзора ситуации на Тихоокеанском театре военных действий Ф. Рузвельт поставил вопрос, напрямую связанный со вторым фронтом: как использовать англо-американские войска в Средиземном море, учитывая невозможность проведения высадки во Франции ранее 1 мая 1944 г.?

В своем ответе И. В. Сталин дал, по словам А. Идена, «крайне интересный обзор ситуации на русском фронте»[168], подчеркнув масштаб происходивших сражений (со стороны Германии и сателлитов в них принимали участие 260 дивизий, со стороны СССР — от 300 до 330), а также сложности, с которыми сталкивалась Красная армия: потерю Житомира (19 ноября) и Коростеня (25 ноября). Затем глава советского правительства ясно расставил приоритеты: итальянский театр имеет вспомогательное значение (обеспечение свободного плавания по Средиземному морю), главное — «удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии»[169].

У. Черчилля подобные перспективы не устраивали. Указывая на имеющийся до планируемого начала «Оверлорда» промежуток времени, он предлагал использовать его для захвата Рима (что должно было, согласно его расчетам, произойти в январе) и продвижения

И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт за столом переговоров на Тегеранской конференции

до линии Пиза — Римини. Отсюда можно было предпринимать высадку в Южной Франции, осуществлять рейды в Югославию. При этом увеличивалась возможность вступления в войну Турции. Хотя среди всех этих операций У. Черчилль упомянул и «Оверлорд», но он явно терялся среди других предложенных вариантов.

И. В. Сталин как раз на это и обратил внимание: «По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 г. была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы могли бы соединиться во Франции». В Италии же глава советского правительства предлагал перейти к обороне, «отказавшись от захвата Рима», и начать операцию в Южной Франции. К концу первого заседания ключевая проблема выявилась достаточно рельефно.

У. Черчилль заявил, что считает «очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет выдержана точно дата 1 мая». Учитывая вышеприведенные размышления британского премьера, можно было судить о том, что новая отсрочка «Оверлорда» на деле означала бы разворот стратегии в сторону от Северной Франции на Балканы и в Центральную Европу. Фактически, за частным, казалось бы, вопросом о дате начала «Оверлорда» скрывалась ключевая проблема, касавшаяся как дальнейшей стратегии ведения войны, так и определения очертаний послевоенного мира.

Обсуждение проблемы второго фронта продолжили 29 ноября военные представители[170]. Начальник британского генштаба генерал А. Брук развил рассуждения, ранее высказанные У. Черчиллем: необходимо использовать имеющийся до начала «Оверлорда» промежуток времени для активных военных действий в Италии с перспективой операций и на Балканах. Его американский коллега генерал Дж. Маршалл указал на проблемы, связанные с недостатком десантных кораблей, — тема, уже хорошо знакомая советским военным. В своем выступлении К. Е. Ворошилов поставил вопрос ребром: «...из доклада генерала Маршалла он понял, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной операцией, считает ли генерал Брук... эту операцию также главной операцией?». По воспоминаниям одного из переводчиков советской делегации В. М. Бережкова, «резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство»[171]. Британский военачальник ушел от прямого ответа, еще раз подчеркнув роль военных действий в Италии. Когда К. Е. Ворошилов повторил свой вопрос, диалог стал в чем-то напоминать их пикировку год назад, в августе 1942 г. в Москве[172]. Было ясно, что необходимо достигнуть принципиального политического решения, исходя из которого и происходило бы планирование военных операций.

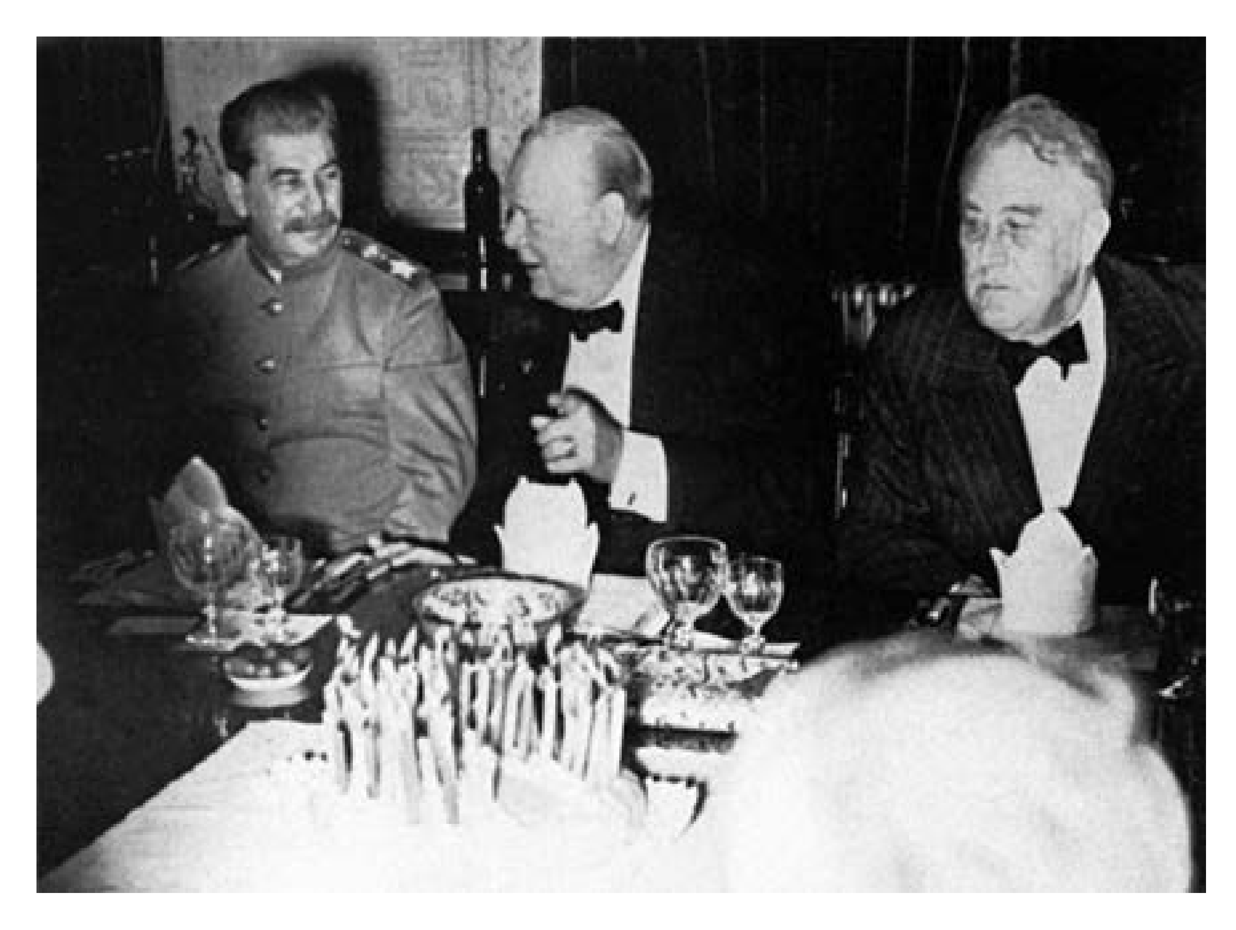
В промежутке между заседанием военных представителей и новой встречей глав правительств произошла церемония передачи почетного меча — дара короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города[173]. Задуманная британцами еще давно (А. Иден говорил о ней В. М. Молотову и И. В. Сталину во время Московской конференции)[174], на данной стадии Тегеранской конференции она еще раз подчеркнула решающий вклад СССР в войну с общим противником.

На таком фоне началось второе заседание глав правительств 29 ноября. И. В. Сталин, как ранее и К. Е. Ворошилов, решил прямиком выяснить главное, оставляя детали в стороне: «Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд». Ответ Ф. Рузвельта: «Этот вопрос еще не решен», явно разочаровал И. В. Сталина, усматривавшего в этом неготовность союзников к разработке операции.

У. Черчилль, встревоженный возможностью советского вмешательства в этот вопрос, напрямую спросил И. В. Сталина, кого он хотел бы видеть на посту главнокомандующего этой операцией[175]. Глава советского правительства, однако, дал понять, что «русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет главнокомандующим». Подобный ответ, как отмечал В. М. Бережков, явно приободрил У. Черчилля[176]. Используя все свое красноречие, он начал развивать ранее высказанные мысли. Силы, находящиеся в Средиземноморье, не должны простаивать, ожидая «Оверлорда», их можно применить для самых разных целей: в Италии, для захвата Родоса, в Южной Франции. У. Черчилль, прибегая к излюбленной британской дипломатической практике, предлагал передать часть вопросов в военную комиссию, часть — на обсуждение В. М. Молотова, А. Идена и Г. Гопкинса.

И. В. Сталин мог увидеть за всем этим отвлекающие маневры, стремление уйти от обсуждения главного. Поэтому он четко расставил приоритеты: «Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции»[177]. Затем И. В. Сталин перешел в наступление, подвергнув сомнению правильность британских данных по германским силам на Балканах и пригрозив возможностью своего скорого отъезда.

После того как У. Черчилль заявил, что не может дать обязательства о проведении «Оверлорда» в мае 1944 г., И. В. Сталин прозрачно намекнул: «Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?». За этой фразой официального протокола вполне могла стоять и более красочная сцена: «Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте»[178]. В итоге обстановку разрядил Ф. Рузвельт, однако его слова скорее указывали на согласие с логикой И. В. Сталина, чем У. Черчилля: «Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море».

Лидеры держав большой тройки на торжественном приеме в британском посольстве в Тегеране, устроенном по случаю дня рождения У. Черчилля. 30 ноября 1943 г.

В итоге было решено, что Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласуют свои точки зрения и сообщат их И. В. Сталину, а комиссия в составе министров иностранных дел и Г. Гопкинса рассмотрит тем временем ряд поднятых на заседании вопросов.

Заседание ОКНШ, на котором должны были быть согласованы точки зрения британцев и американцев, состоялось утром 30 ноября. Они сошлись на 1 июня как дате начала операции по высадке в Северной Франции. Проект решения был отправлен Ф. Рузвельту, который собственноручно исправил срок о начале «Оверлорда» «к 1 июня» на «в течение мая»[179]. Он предпочел несколько приукрасить решение ОКНШ, нежели рисковать новым туром дискуссий с И. В. Сталиным.

В результате принятых ОКНШ решений Ф. Рузвельт 30 ноября во время ланча смог «сообщить маршалу Сталину приятную для него новость» о том, что «Оверлорд» намечен на май 1944 г. и будет проведен «при поддержке десанта в Южной Франции». И. В. Сталин выразил «большое удовлетворение», согласно американской записи[180], данным решением и заверил Ф. Рузвельта и У. Черчилля, что «к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам»[181].

Мысли, высказанные во время этой неофициальной беседы, были повторены в тот же день на официальном заседании конференции. И. В. Сталин был явно доволен тем, что по главному вопросу ему удалось достичь своей цели. Свидетельством тому стала не только выраженная им готовность задержаться в Тегеране до 3 декабря для обсуждения политических

вопросов, но и предоставленная информация о методах дезинформации противника, которые использовала советская разведка. В итоге, в военных решениях конференции указывалось, что «операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 года, вместе с операцией против Южной Франции... советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт». По сути, речь шла о новом этапе коалиционной войны с более тесной, чем прежде, координацией военных действий трех государств: «...военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе»[182].

Решение о согласовании сроков проведения «Оверлорда» косвенно также получило отражение в формулировке «Декларации трех держав», которая должна была продемонстрировать немцам и мировому общественному мнению единство союзников: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»[183].

Большинство исследователей отмечают, что окончательное решение об «Оверлорде» было принято в Тегеране под совместным нажимом И. В. Сталина и Ф. Рузвельта на их основного оппонента У. Черчилля. Как следует из телеграммы по итогам Тегеранской конференции, оценки советской делегации были несколько иными: «Вначале Черчилль и Рузвельт отказывались назвать срок начала операции «Оверлорд»... Рузвельт, хотя и прямо не поддержал Черчилля в отношении операций в Средиземном море, но также указал, что из-за недостатка десантных средств «Оверлорд», возможно, придется отложить... В результате обсуждения этого вопроса и после нажима с нашей стороны Черчилль и Рузвельт заявили, что операция «Оверлорд» будет предпринята в точно установленный месяц весной 1944 года»[184].

С проблемой второго фронта были непосредственно связаны еще два вопроса, обсуждавшиеся в Тегеране. Первый из них касался Японии. Несмотря на, казалось бы, далекие друг от друга проблемы «Оверлорда» и войны в Тихом океане, в Москве понимали их фактическую взаимосвязь[185]. И. В. Сталин хорошо знал о том, что при личной встрече Ф. Рузвельт может поставить вопрос об участии СССР в войне с Японией. Так, еще 19 июля временный поверенный в делах СССР в США (вскоре посол) А. А. Громыко передал в Москву содержание разговора с Г. Гопкинсом, в котором помощник президента заявлял, что «при встрече Рузвельт задал бы вопрос, каково будет отношение советского правительства к Японии после того, как Германия будет разбита»[186].

О том, что СССР был готов пойти навстречу американским пожеланиям, учитывая как собственные интересы на Дальнем Востоке, так и с целью ускорить открытие второго фронта в Европе, свидетельствовало еще неформальное заявление И. В. Сталина К. Хэллу во время Московской конференции. В Тегеране глава советского правительства уже 28 ноября подчеркнул, что вступление СССР в войну с Японией «может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать». Это заявление У. Черчилль при личной встрече с И. В. Сталиным 30 ноября назвал «историческим»[187]. Такая реакция премьер-министра в немалой степени была связана с неожиданностью для британского руководства, что Москва сама поднимет в Тегеране вопрос о войне с Японией[188]. Безусловно, заявление И. В. Сталина принимал в расчет и Ф. Рузвельт — это был еще один стимул поддержать Москву в вопросе второго фронта.

Президент хотел сразу перевести разговор относительно Японии в практическое русло и получить от советской разведки данные «о выпуске самолетов и строительстве тоннажа в Японии»[189], а также запрашивал информацию относительно Приморского края, которая могла быть необходима для размещения там американских бомбардировщиков, интересовался сведениями о дальневосточных портах, возможным взаимодействием с СССР при наступлении на северную часть Курильских островов[190].

И. В. Сталин не спешил с конкретными ответами на американские предложения. Приняв принципиальное решение о вступлении в войну против Японии после нанесения поражения Германии, он не торопился тотчас же осложнять отношения с Токио. Показательно, что запросы американцев о сотрудничестве с советскими органами по транзиту материалов, поступавших из зоны Персидского залива через советскую территорию для Китая, не находили

Торжественная церемония вручения Меча Сталинграда в посольстве СССР в Тегеране.
29 ноября 1943 г.

в это время большого отклика[191]. Но уже одним своим заявлением по Японии И. В. Сталин внес вклад в позитивное для советской стороны решение вопроса второго фронта. Ф. Рузвельт не только с еще большей готовностью стал поддерживать идею «Оверлорда», но и отказался на данный момент от выделения новых ресурсов на Тихоокеанский театр военных действий — операция «Пират» (высадка на Андаманских островах в Бенгальском заливе), обсуждавшаяся на Каирской конференции, была отменена[192].

Проблема вступления в войну Турции также была неразрывно связана с определением дальнейшей стратегии ведения боевых действий. И. В. Сталин, в отличие от В. М. Молотова на Московской конференции, выразил в Тегеране сомнение в том, что Турцию удастся убедить вступить в войну. По сообщениям разведки, поступавшим в Москву накануне Тегеранской конференции, можно было судить о том, что Анкара достаточно твердо была настроена придерживаться, по крайней мере официально, политики нейтралитета. В сообщении закордонного агента НКГБ от 19 ноября, ссылавшегося на доклад министра иностранных дел Н. Менеменджиоглу, говорилось: «Турция согласна вступить в войну немедленно после того, как союзники откроют настоящий и успешный второй фронт против Германии или если Турция сама подвергнется агрессии со стороны Германии или Болгарии»[193].

В ходе самой Тегеранской конференции И. В. Сталин достаточно быстро понял, что любое упоминание о Турции будет играть на руку планам У. Черчилля, отвлекавшим внимание от «Оверлорда» в пользу Балкан. Тем самым резонно было сделать основной акцент именно на требовании об открытии второго фронта. Это не только отвечало основным стратегическим интересам СССР, но и было наиболее вероятным способом убедить Турцию вступить в войну.

Наибольший интерес в вовлечении Анкары в войну до конца 1943 г. демонстрировал У. Черчилль. Американские представители были настроены более сдержанно. Позиция Вашингтона оставалась той же, что была заявлена на Московской конференции: вступление Турции в войну может отвлечь силы от «Оверлорда». В итоге, решения, принятые в Тегеране по Турции, носили расплывчатый характер. Стороны согласились, что с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года. Было согласовано, что для достижения этой цели Ф. Рузвельт, У. Черчилль и А. Я. Вышинский встретятся в Каире с турецким президентом И. Инёню (встреча состоялась 4–6 декабря 1943 г.).

Проблема Турции помимо вопроса об открытии второго фронта была тесно связана с другим важным вопросом, касавшимся уже больше послевоенного устройства, а именно — режимом черноморских проливов. Инициатива исходила от У. Черчилля, который заявил на заседании 29 ноября о том, что «если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл»[194].

Такой ход премьер-министра был отнюдь не спонтанным. В британском правительстве уже в январе 1943 г. всерьез думали о возможных требованиях СССР в отношении доступа к незамерзающим портам и контроля над проливами. Результатом размышлений КНШ по данным проблемам стал доклад от 20 сентября, в котором подчеркивалось, что с точки зрения британских интересов Советскому Союзу не могут быть предоставлены ни физический контроль над зоной проливов (в виде, к примеру, военных баз вблизи них), ни неограниченное право прохода военно-морских судов. Если, однако, без определенных уступок по вопросу проливов не обойтись, считали военные, то следует пойти на пересмотр действующей конвенции о статусе проливов, подписанной в 1936 г. в швейцарском городе Монтрё[195]. И. В. Сталин был в курсе этих рекомендаций, поскольку этот доклад Москва получила по каналам разведки[196].

Таким образом, неслучайно в Тегеране советская сторона хотела уточнить намерения У. Черчилля в отношении пересмотра режима проливов. Реагируя на заявление британского премьер-министра на заседании 29 ноября, а также, по всей видимости, имея в виду информацию, поступавшую от советской разведки, 30 ноября И. В. Сталин заявил: «Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода... если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили

Выступление Маршала Советского Союза С. М. Буденного в посольстве СССР в Тегеране после вручения Меча Сталинграда

режим проливов». Попытки В. М. Молотова добиться от У. Черчилля уточнения его позиции по изменению режима проливов не принесли, однако, результатов. Британский премьер, держа в уме возможную реакцию турок на столь важные разговоры у них за спиной[197], не стал вдаваться в детали. В целом, обсуждение вопроса о проливах было отложено[198].

Наконец, еще один вопрос, обсуждавшийся в связи с возможным вступлением Турции в войну, касался Болгарии. У. Черчилль хотел выяснить реакцию СССР на возможное начало военных действий между Турцией и Болгарией: объявит ли Москва войну Софии в подобном случае? С точки зрения британцев, «дипломатические и подрывные действия» со стороны СССР были одним из трех основных способов добиться капитуляции Болгарии наряду с воздушными бомбардировками и вступлением Турции в войну[199].

Болгария занимала важное место в системе обеспечения безопасности СССР. Тот факт, что Советский Союз в отличие от Великобритании и США не находился с ней в состоянии войны, мог стать немаловажным преимуществом в деле послевоенного сближения двух государств. В Тегеране И. В. Сталин отнюдь не торопился говорить о готовности СССР вступить в войну с Болгарией. На заседании 1 декабря он указал на то, что от Турции следует требовать вступления в войну «именно против Германии». Возможные сценарии, которые глава советского правительства обрисовал Ф. Рузвельту и У. Черчиллю в случае подобного шага Анкары (Болгария не нападет на Турцию, Турция не нападет на Болгарию; Германия оккупирует Болгарию, последняя «обратится к советскому правительству с просьбой о помощи»)[200], также не предполагали открытой конфронтации СССР и Болгарии.

Тем не менее И. В. Сталин заверил союзников в том, что если Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, СССР окажется с Болгарией в состоянии войны. Это и было зафиксировано в военных решениях конференции[201]. Учитывая, однако, что И. В. Сталин явно сомневался в готовности Турции вступить в войну с Германией, подобное заявление могло преследовать тактические цели и не означало, что Москва стремилась к открытой конфронтации с Софией.

Вопрос о совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии также был поднят в Тегеране. Советская сторона подтвердила ранее заявленное стремление отправить военную миссию к И. Б. Тито, а британцы согласились предоставить базу в Каире для поддержания связи с этой миссией[202]. Согласно американской записи переговоров, В. М. Молотов даже выступил с идеей отправки миссии и к Д. Михайловичу, против чего советская сторона выступала ранее. А. Иден, однако, не стал настаивать на данном предложении[203].

Еще один вопрос, который со времени Московской конференции связывался с мерами по сокращению сроков войны, затрагивал Швецию. Хотя американские дипломаты ожидали, что И. В. Сталин будет настаивать на «значении сотрудничества Швеции в ведении войны»[204], советская сторона не стала развивать ранее высказанную идею получения авиабаз. В Тегеране шведский вопрос не обсуждался, однако была затронута другая связанная с ним проблема — Финляндия. На заседании 1 декабря И. В. Сталин сообщил о демаршах, предпринимавшихся финнами через заместителя шведского министра иностранных дел Э. Бохемана для организации переговоров с Москвой. Попытки советского посланника в Швеции А. М. Коллонтай выяснить взгляды финнов на условия выхода из войны привели к получению 29 ноября послания, переданного через того же Э. Бохемана, о готовности Хельсинки принять советско-финляндскую границу 1939 г. с некоторыми поправками в пользу СССР. И. В. Сталина подобный ответ не удовлетворил: он увидел в нем свидетельство того, что финны «не хотят серьезных переговоров с советским правительством. Они еще верят в победу Германии»[205].

Преградой на пути выхода Финляндии из войны были опасения ее руководства по поводу возможных требований Москвы. Официально советская позиция была озвучена еще в марте 1943 г., когда США, не находившиеся в состоянии войны с Финляндией, пытались выступить посредником в переговорах между Москвой и Хельсинки. Минимальными условиями, которые выдвигал СССР, были: немедленный разрыв Финляндии с Германией и удаление германских войск из Финляндии, восстановление советско-финляндского мирного договора 1940 г. «со всеми вытекающими из этого последствиями», демобилизация финской армии, возмещение, «хотя бы в половинном размере», нанесенного Финляндией ущерба[206]. В октябре к этим условиям было добавлено и требование о возврате города и порта Петсамо, который РСФСР уступила Финляндии по Тартускому мирному договору 1920 г.[207] К числу требований, которые не озвучивались, но подразумевались в это время в Москве, относился также пункт об оккупации территории Финляндии (включая Аландский архипелаг и острова Финского залива) Вооруженными силами Советского Союза по акту о ее капитуляции[208].

В ходе Тегеранской конференции И. В. Сталин несколько смягчил ранее заявленную НКИД позицию. В отношении Петсамо он выразил готовность рассматривать его как элемент обмена: СССР возвращал себе этот ранее переданный Финляндии город, но при этом отказывался от прав аренды на полуостров Ханко (получены по мирному договору 1940 г. сроком на 30 лет)[209]. Для британцев, считавших, что Ханко — это, «безусловно, одно из мест, где русские захотят иметь базу»[210], такое заявление было неожиданным. В целом, слова И. В. Сталина о готовности вести переговоры с финнами указывали на более гибкую позицию по сравнению с той, что озвучивалась В. М. Молотовым ранее[211]. И хотя никаких конкретных решений по финскому вопросу в Тегеране принято не было, информация И. В. Сталина произвела положительный эффект: СССР не только информировал союзников о «пробных шарах» со стороны Хельсинки, но и демонстрировал готовность обсудить с ними свою возможную реакцию на них.

К. Е. Ворошилов показывает Меч Сталинграда Ф. Рузвельту

Если большинство из вышеуказанных вопросов касались непосредственного ведения войны, то ряд других затрагивал проблемы послевоенного устройства. Вопрос о западных границах СССР был в этом смысле одним из ключевых и наиболее сложных. При обсуждении ситуации вокруг Финляндии У. Черчилль заявил о том, что «Советский Союз должен иметь обеспеченные подходы к Ленинграду», Ф. Рузвельт также упомянул о том, что, согласно имеющейся у него информации, «финны готовы отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке»[212].

Во время личной встречи с И. В. Сталиным 1 декабря президент по собственной инициативе поднял вопрос о Прибалтийских республиках СССР. Он высказал И. В. Сталину свою давнюю идею: «Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно состав-

ляли часть Советского Союза, и когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита»[213]. И. В. Сталин заявил о том, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», подчеркнув, что плебисцит не должен проходить под какой-либо формой международного контроля. В телеграмме советским послам по итогам Тегеранской конференции И. В. Сталин собственноручно вставил в текст В. М. Молотова, описывавший его ответ Ф. Рузвельту, следующие слова: «...вопрос о Прибалтике не подлежит дискуссии, так как Прибалтика входит в состав СССР»[214]. По всей видимости, глава Советского государства хотел подчеркнуть для представителей СССР за рубежом жесткость занимаемой по данному вопросу позиции. Ф. Рузвельт, хотя и учитывавший настроения в США в период приближающихся выборов, мыслил, однако, весьма реалистично. Еще в марте он говорил А. Идену о том, что понимает: «...русские армии во время падения Германии будут находиться на территории балтийских государств, и никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда»[215].

Еще один непростой вопрос, который, по выражению В. М. Молотова, Ф. Рузвельт и У. Черчилль «щупали» в Тегеране[216], касался Польши. Его обсуждение выявило как разногласия, так и определенное сходство в точках зрения руководителей трех держав. Попытка Ф. Рузвельта поставить вопрос о восстановлении СССР отношений с эмигрантским польским правительством, как и схожий демарш А. Идена во время Московской конференции, натолкнулась на жесткую реакцию И. В. Сталина: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают»[217]. Подобные же оценки фигурировали в данных советской разведки[218].

Однако в рамках большой тройки имелась и некоторая общность взглядов по вопросу о Польше. По сути, главы всех трех государств сходились в том, что именно великие державы будут определять основные параметры решения польской проблемы. Как говорил Ф. Рузвельт А. Идену, «в конце концов, что будет иметь Польша, а что нет, решать крупным державам. Он, президент, не намерен идти на мирную конференцию и торговаться с Польшей или другими малыми государствами; в том, что касается вопроса Польши, важно добиться такого решения, которое будет способствовать поддержанию мира»[219].

В неформальном разговоре наедине с И. В. Сталиным 1 декабря президент был еще откровеннее, ясно дав понять, что в вопросе о Польше его волнуют в основном внутриполитические соображения — голоса избирателей польского происхождения[220]. Аппетиты эмигрантского польского правительства во всех трех союзных столицах расценивались как чрезмерные. А. Гарриман вспоминал о диалоге М. М. Литвинова с А. Иденом во время Московской конференции, когда заместитель наркома говорил о том, что Польша должна научиться существовать как малое государство в рамках этнографических границ и оставить претензии на статус великой державы[221]. А. Иден имел схожие претензии к полякам[222].

Таким образом, в рамках большой тройки к концу 1943 г. имелась определенная основа для компромисса по польскому вопросу на базе его решения великими державами. Конкретным выражением этого был относительный консенсус по вопросу границ Польши. И У. Черчилль, и А. Иден в качестве основы восточной границы Польши рассматривали линию Керзона с одним, однако, немаловажным изменением в пользу Польши — передачей ей Львова. В качестве компенсации за уступки на востоке Польша должна была получить Данциг, Восточную Пруссию и Верхнюю Силезию[223]. Ф. Рузвельт придерживался схожей точки зрения[224]. И британцы, и американцы предусматривали возможность существенных перемещений населения в период установления окончательных границ Польши и СССР.

Основа для базового компромисса по вопросу границ Польши выявилась в Тегеране достаточно быстро. Уже во время ужина после первого заседания 28 ноября И. В. Сталин упомянул о возможности передвинуть западную границу Польши до реки Одер и заявил о том, что «русские помогут полякам получить границу по Одеру»[225]. Показательно, что И. В. Сталин, руководствуясь, вполне вероятно, и стратегическими соображениями, в тактическом отношении смягчил советскую позицию по сравнению с той, что призывал придерживаться

НКИД. Накануне Московской конференции В. Г. Деканозов указывал на необходимость не ангажироваться по вопросу о «расширении Польши за счет Восточной Пруссии», так как у него не было уверенности в том, что «расширенная таким образом в своих границах Польша не будет представлять враждебного Советскому Союзу государства»[226].

Во время ужина 28 ноября У. Черчилль ухватился за слова И. В. Сталина, заявив о том, что при определении границы между СССР и Польшей соображения относительно советской безопасности должны быть «руководящим принципом». Он выдвинул известное предложение о «трех спичках»: как солдаты «принимают левее» во время строевых упражнений, так СССР, Польша и Германия должны передвинуться на запад[227].

У. Черчилль вновь вернулся к своей метафоре на заседании 1 декабря. И. В. Сталин подчеркнул, что «советское правительство стоит на точке зрения этой границы (1939 г. между СССР и Польшей. — *Прим. ред.*) и считает это правильным»[228]. Далее, согласно американской записи беседы, А. Иден заявил, что эта граница известна как линия Риббентропа — Молотова. И. В. Сталин ответил, что название не имеет значение, советская сторона в любом случае рассматривает ее как правильную, однако В. М. Молотов счел нужным уточнить: «Граница 1939 г. была линией Керзона». Участники конференции даже начали изучать расположение различных «линий» на карте, причем И. В. Сталин, хотя и признавая, что формально Львов лежит западнее линии Керзона, подчеркнул, что город находится в регионе с доминированием украинского населения и поэтому не может быть передан Польше[229].

Итогом всех этих дискуссий стала так называемая «Тегеранская формула»[230] по вопросу польских границ, предложенная У. Черчиллем: «В принципе, было принято, что очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах». В обмен на согласие с данной формулой И. В. Сталин, однако, выдвинул дополнительное условие — предоставление СССР незамерзающих портов Кёнигсберга и Мемеля с соответствующей частью территории Восточной Пруссии. Показательно, что в качестве аргумента он использовал не только стратегические соображения: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море», но и исторические: «...это исконно славянские земли»[231].

По словам одного из исследователей, У. Черчилль был «захвачен врасплох, но не стал возражать»[232]. Действительно, хотя в НКИД идеи о получении контроля над Кёнигсбергом развивались с декабря 1941 г.[233], Лондон о них не знал. После Тегеранской конференции А. Иден не стал говорить полякам о советской идее относительно Кёнигсберга. В декабре 1943 г. министр писал У. Черчиллю: «Чем больше я думаю насчет требования Сталина о Кёнигсберге, тем я больше убеждаюсь в том, что если поляки согласны вести переговоры на базе линии Керзона, мы должны очень сильно надавить на него (И. В. Сталина. — *Прим. ред.*), чтобы он отказался от этого требования... он добавил это требование в конце разговора, и оно могло быть лишь запоздалой мыслью. В любом случае, когда придет время, мы должны попытаться спасти Кёнигсберг для поляков, но это дело будущего»[234].

Не исключено, что постановка И. В. Сталиным вопроса о Кёнигсберге могла быть невольно спровоцирована самим У. Черчиллем. Еще на заседании 30 ноября У. Черчилль весьма неожиданно заявил о том, что «России необходимо иметь выход к незамерзающим портам... раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений». День спустя он заметил, что «позиции России как доминирующей морской и военно-воздушной державы в Балтийском море должны быть обеспечены»[235]. В немалой степени подобные заявления британского премьера были нацелены на зондирование намерений СССР в отношении мировых морских коммуникаций. О том, что у Москвы могут быть амбициозные планы в этом смысле (в том числе получение доступа к Персидскому заливу), А. Иден писал еще в начале 1942 г.[236]

Прошедшая перед Тегераном Каирская конференция дала дополнительный стимул к выяснению позиции Москвы по Дальнему Востоку. В коммюнике по ее итогам, опубликованном 1 декабря, говорилось, что все территории, захваченные Японией у Китая, должны быть возвращены последнему. Определенные опасения в связи с этим в Лондоне вызывал вопрос о Маньчжурии. Форин-офис считал, что «русские могут иметь определенные виды на распоряжение Маньчжурией»[237].

И. В. Сталин, уже знакомый с текстом Каирского коммюнике, заявил на заседании 30 ноября о своем согласии с тем, «чтобы была создана независимая Корея и чтобы Формоза и Маньчжурия были возвращены Китаю». Воспользовавшись моментом, Ф. Рузвельт упомянул о своей идее свободных портов, наличие которых могло облегчить СССР доступ к теплым морям. Президент не только зондировал советские намерения, но и стремился повысить интерес Москвы к вступлению в войну против Японии. Хотя этот обмен мнениями не привел к конкретным решениям, сам по себе он говорил о серьезном укреплении позиций СССР, перед которым открывались новые возможности по усилению своего присутствия на просторах Мирового океана. И. В. Сталин явно был доволен ходом обсуждений, заявив, что «если и дальше переговоры будут идти успешно, то он готов остаться еще на один день и выехать не 2-го, а 3-го декабря»[238].

К числу ключевых вопросов, затрагивавших послевоенное устройство, относились также германский и французский. Инициативу в начале обсуждения в Тегеране первого из них советские и американские документы приписывают разным лидерам. В телеграмме по итогам конференции, имея в виду заседание 1 декабря, В. М. Молотов писал о том, что «по инициативе Рузвельта был поставлен вопрос о послевоенном устройстве Германии»[239].

Однако американские записи указывают на то, что уже во время ужина 28 ноября И. В. Сталин начал дискуссию по германскому вопросу, указав, что любые меры по контролю и разоружению Германии не смогут предотвратить ее возрождения. При этом он не стал уточнять, какие меры СССР считает по-настоящему эффективными. Не исключено, что член американской делегации Ч. Болен, составивший меморандум по итогам этого разговора, был прав: «...очевидно, Сталин стремился вызвать дискуссию и выяснить взгляды президента и премьер-министра по данным вопросам, не раскрывая, однако, какие решения он предлагает сам»[240].

Во время нового обсуждения германского вопроса 1 декабря И. В. Сталин не выступал с конкретными предложениями, предпочитая предоставить инициативу Ф. Рузвельту и У. Черчиллю. Президент США обрисовал схему разделения Германии на пять самостоятельных государств, представлявшую собой несколько модифицированный вариант «плана Уэллеса». Также предлагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга (под управлением Объединенных Наций или четырех держав), Рурскую и Саарскую области (под контролем Объединенных Наций либо «попечителей всей Европы»)[241].

В вопросе о разделении Германии У. Черчилль, по словам В. М. Молотова, «был настроен менее решительно»[242]. Само по себе расчленение Германии не было его приоритетом. В разговоре с представителями британских доминионов в октябре он подчеркивал, что «нашей целью должна быть ликвидация двух зол — прусского милитаризма и нацистской тирании. Мы должны сконцентрироваться на этих двух главных целях и надеяться, что, действуя таким образом, мы разделим германский народ»[243]. Чрезмерное раздробление было опасно не только ввиду вызывавшего беспокойство усиления СССР, но и с учетом перспектив торгово-экономических отношений с будущей Германией.

В Тегеране У. Черчилль остановился на двух ключевых проблемах: изоляции Пруссии и отделения от Германии южных провинций (Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината от Саара до Саксонии включительно), которые должны были, по его мысли, войти в состав Дунайской федерации[244]. Идея была не нова, поскольку предложение А. Идена по Австрии на Московской конференции во многом преследовало ту же цель — образование федерации в Центральной Европе, куда бы вошли в том числе и южногерманские провинции.

Вполне предсказуемо британские планы создания конфедераций натолкнулись на критику И. В. Сталина: «Если мы решим дробить Германию[245], то не надо создавать новых объединений». Глава советского правительства подчеркнул: «Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга». Согласно американской записи беседы, И. В. Сталин также добавил, что было бы «большой ошибкой объединять венгров с немцами, так как немцы будут просто контролировать венгров»[246].

Обобщая, можно сказать, что позиция, занятая И. В. Сталиным по германскому вопросу, имела выжидательный характер. Тем не менее определенное сходство советских и американских подходов было налицо. Речь шла не только об общем принципе (необходимость расчленения Германии, в пользу которого высказывалась комиссия М. М. Литвинова), но и некоторых деталях. Так, к примеру, за установление контроля над Кильским каналом ратовал не только Ф. Рузвельт, но и комиссия К. Е. Ворошилова[247]. В целом, И. В. Сталин «положительно отнесся к плану Ф. Рузвельта, не предрешая вопроса о количестве государств, на которое следует раздробить Германию»[248], и не раскрывая советских планов. При этом наработки комиссии М. М. Литвинова по вопросу разделения Германии на три государства (Пруссия; Южно-Германское государство в составе Бадена, Вюртемберга, Баварии и Саксонии; Вестфальско-Рейнское государство) были достаточно близки планам, озвученным Ф. Рузвельтом[249].

Проблема Германии была тесно связана с перспективами дальнейшего сотрудничества стран большой тройки и планами создания после войны международной организации по обеспечению безопасности. Как общая германская угроза объединила СССР, США и Великобританию в деле ведения войны, так и проведение мероприятий по окончательной нейтрализации этой угрозы после завершения военных действий требовало их сотрудничества.

В Тегеране связь между указанными вопросами проявилась весьма наглядно. Во время встречи с И. В. Сталиным 29 ноября Ф. Рузвельт развил перед ним свои идеи о структуре международной организации, «которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны». В представлении президента, она должна была состоять из трех отдельных органов: во-первых, общей организации (35–50 государств), занимавшейся невоенными вопросами и имевшей право лишь давать рекомендации; во-вторых, Исполнительного комитета (10 или 11 государств), в компетенции которого находились бы сельскохозяйственные, экономические проблемы и здравоохранении; в-третьих, Полицейского комитета (СССР, США, Великобритания и Китай), который бы занимался вопросами предотвращения агрессии или нарушения мира.

Вопрос о структуре международной организации как таковой на Тегеранской конференции не входил в число приоритетных для советской делегации. Показательно, что в телеграмме по ее итогам он был предпоследним по счету[250]. Идеи И. В. Сталина, озвученные во время беседы с Ф. Рузвельтом, по всей видимости, не были окончательными. Он призывал учесть то, что Китай не будет иметь достаточной мощи для предъявления требований какой-либо европейской державе, что европейские государства не одобрят право Китая использовать механизм Полицейского комитета для навязывания им каких-либо решений. В связи с этим он предлагал создать не одну, а две организации (европейскую и дальневосточную либо европейскую и мировую). Ф. Рузвельт указал на сходство этой позиции с той, что занимал У. Черчилль[251]. Вместе с тем, когда В. М. Молотов в телеграмме по итогам конференции изложил указанную точку зрения И. В. Сталина в качестве реакции на предложения Ф. Рузвельта, руководитель Советского государства вычеркнул эти слова, вставив вместо них сухое: «Тов. Сталин не возражал».

Глава советского правительства не только не хотел на данной стадии ангажироваться по вопросу о международной организации, но и, вполне возможно, вновь прибегал к дипломатическому зондажу. Сознательно высказывая Ф. Рузвельту идеи, схожие с черчиллевскими (И. В. Сталин знал о проектах британского премьера), он проверял, как отреагирует президент. В пользу того, чтобы не ангажироваться по вопросу о международной организации в Тегеране, говорило и то, что советская точка зрения по нему не была окончательно

сформулирована[252]. Ф. Рузвельт все же посчитал, что И. В. Сталин является сторонником «регионального плана Черчилля»[253].

То, что действительно интересовало И. В. Сталина применительно к переговорам о международной организации в Тегеране, — это возможности, которые она предоставила бы большой тройке по занятию стратегических пунктов для предотвращения возможной будущей агрессии со стороны Германии и Японии. Причем, как можно было понять из слов И. В. Сталина, речь шла не только о пунктах на территории Германии и Японии, но и вне их[254]. Подобная мера давала бы будущей международной организации эффективные средства борьбы с угрозой агрессии и одновременно могла существенно расширить возможности СССР в обеспечении собственной безопасности. Ф. Рузвельт, для которого тезис о праве Объединенных Наций на занятие стратегических пунктов, был частью его излюбленной схемы «четырех полицейских», согласился с И. В. Сталиным, не углубляясь в обстоятельное обсуждение этой важной проблемы[255].

Вопрос о стратегических пунктах был связан с обсуждением в Тегеране не только судьбы Германии, но и Франции. По более позднему свидетельству, между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом даже состоялся диалог. Так, президент сказал: «Если будет мировая полицейская сила, нужны и полицейские участки в стратегических пунктах». На что Сталин ответил: «Вы захотите Дакар, не так ли?»[256] Упоминание о возможности передать часть французской колониальной империи под контроль Объединенных Наций после войны было отнюдь не случайным. Позиция, занятая главой советского правительства по французскому вопросу в Тегеране, была весьма неожиданной для союзников. Как говорил А. Иден британскому кабинету министров, «на Тегеранской конференции был обнаружен один из крайне интересных фактов», а именно, что «Сталин настроен крайне критично по отношению к французам... Он говорил о том, что французы по-настоящему не постарались в этой войне, он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее»[257].

Действительно, с первого дня конференции И. В. Сталин высказывал весьма критические суждения как в отношении бывшего и нынешнего руководства Франции, так и, в меньшей степени, Ш. де Голля. Во время ужина 28 ноября он подчеркнул, что прогерманская позиция, занятая нынешним правящим классом Франции, не дает оснований для сохранения за ней ряда колониальных владений. В последующем пересказе В. М. Молотова идеи главы советского правительства были таковы: «При этих условиях нельзя гарантировать, что стратегически важные пункты Французской империи, если они останутся в руках Франции после нынешней войны, не будут использованы против союзников Германией и Японией в случае их попытки развязать новую войну. Чтобы этого не случилось, такие стратегические пункты должны быть взяты под контроль[258] международной организацией, созданной для поддержания мира»[259]. И. В. Сталин также настаивал на том, что Франция приложила недостаточно усилий в войне, ее правители «открыли фронт» для германской армии, по поводу чего он даже вступил в небольшой спор с У. Черчиллем[260].

Эти высказывания не противоречили общей позитивной линии СССР в отношении ФКНО. Во-первых, большая часть этих критических замечаний относилась к вишистской Франции, являвшейся союзницей Германии, — она должна была, исходя из этого, понести наказание после войны. Характер подобного наказания, по крайней мере потеря части колониальной империи, вполне к тому же соответствовал давней позиции СССР по борьбе с колониализмом. Во-вторых, как заметил представитель американской делегации Ч. Болен, эти высказывания были направлены прежде всего на выяснение позиций американцев и британцев, представляя собой дипломатический зондаж[261]. Ряд действий И. В. Сталина в отношении ФКНО осенью 1943 г. говорил о его благожелательном настрое в отношении данной организации. Так, в сентябре он не только дал согласие на обмен военными миссиями с ней, но и лично заявил ее главе в Москве генералу Э. Пети, что «Франция в будущем снова возродится... мы и впредь будем помогать французам»[262].

Вместе с тем подобные дружественные шаги не означали, что Москва готова удовлетворить все запросы Ш. де Голля. Идеи французского генерала (в передаче директора его

Перед официальной кино- и фотосъемкой. г. Тегеран, 1943 г.

Официальная кино- и фотосъемка по окончании Тегеранской конференции

кабинета Г. Палевского) о том, что «все важные дела послевоенной Европы будут решаться двумя силами — СССР и Францией», в условиях 1943 г. вполне резонно могли расцениваться как чересчур амбициозные. Показательно, что неоднократные попытки Ш. де Голля летом — осенью 1943 г. организовать встречу с И. В. Сталиным не увенчались успехом. Москва предпочитала подождать дальнейшего развития событий, не собираясь на данном этапе осложнять отношения с Вашингтоном и Лондоном разногласиями по Франции[263]. Таким образом, позиция, занятая И. В. Сталиным в Тегеране, отвечала скорее тактическим целям по выявлению американской и британской позиции по французскому вопросу.

В целом, обсуждение французского вопроса в Тегеране проходило, как это признавал А. Иден[264], под знаком советско-американского сближения за счет некоторой маргинализации У. Черчилля. Особенно показательной в этом смысле была проблема Индокитая. Когда во время личной встречи 28 ноября И. В. Сталин заявил о том, что «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима», Ф. Рузвельт полностью согласился с ним[265]. Хотя в данном случае речь шла о французском колониализме, президент был не лучшего мнения и о его британском варианте[266]. Неслучайно в Тегеране И. В. Сталин и Ф. Рузвельт сошлись и в вопросе по Индии, признав, что это «больное место Черчилля», хотя никто из двоих не стал осложнять отношения с Лондоном обсуждением данной проблемы на конференции.

Одним из заметных решений Тегеранской конференции, стоявшим несколько особняком от всех вышеперечисленных, стало принятие «Декларации трех держав об Иране». Модификации (по сравнению со временем Московской конференции) подверглась не только советская позиция по данному вопросу, но и общий контекст его обсуждения. Британцы, проявившие инициативу по Ирану во время конференции в Москве, продолжили свои усилия и после нее. По свидетельству американского посланника в Иране Л. Дрейфуса, они поставили иранские власти в известность о дискуссиях в Москве[267], стремясь тем самым привлечь официальный Тегеран к своим попыткам склонить СССР к подписанию декларации.

Созыв конференции большой тройки в иранской столице был хорошим стимулом для этого. Еще до ее начала, 25 ноября, премьер-министр А. Сохейли упоминал о декларации в беседе с американцами. После прибытия Ф. Рузвельта в Тегеран на желательность подписания декларации намекнул президенту его личный представитель бригадный генерал П. Хэрли, имевший в Иране хорошие связи. Сами иранские власти основную ставку делали все же на британцев.

Именно в беседе с А. Иденом 29 ноября А. Сохейли и министр иностранных дел М. Саед напрямую заговорили о желательности подписания на конференции «объединенного коммюнике», которое бы содержало следующие пункты: признание союзниками помощи в войне, оказываемой Ираном; подтверждение его независимости, суверенитета и территориальной целостности; учет его экономических нужд при обсуждении мирного договора по итогам войны.

В тот же день А. Сохейли информировал о своем демарше и Л. Дрейфуса. Американцы оперативно, в тот же день, подготовили проект декларации по Ирану, предусмотрительно не став упоминать в нем о «зарубежных советниках» — пункте, вызывавшем у СССР негативную реакцию. Роль посредника взял на себя П. Хэрли. 30 ноября он переговорил с А. Иденом, согласовав американскую и британскую позицию по декларации, а затем с Ф. Рузвельтом, убеждая его обсудить этот вопрос лично с И. В. Сталиным. Хотя уже днем ранее В. М. Молотов выразил А. Сохейли согласие СССР на подписание декларации, П. Хэрли опасался, что советская делегация не твердо стоит на этой позиции, и хотел подстраховаться личным вмешательством президента[268].

В итоге, текст декларации был согласован уже в последний день конференции, вечером 1 декабря. «Декларация трех держав об Иране» удовлетворяла основным запросам иранской стороны. В ней признавалась помощь Ирана «в деле ведения войны против общего врага» (особенно в транспортировке грузов по ленд-лизу для СССР), указывалось на готовность

трех держав оказывать ему экономическую помощь (при учете, однако, требований, накладываемых войной), рассмотреть экономические проблемы Ирана после войны, «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана»[269].

Американские дипломаты были удивлены поворотом в советской позиции по этому документу, подозревая, что за этим стоит «общий сдвиг последнего времени в отношении СССР к Ирану»[270]. Причиной изменения советской позиции, судя по всему, стало личное вмешательство И. В. Сталина. Еще накануне отъезда в Тегеран, по воспоминаниям главного маршала авиации А. Е. Голованова, верховный главнокомандующий сделал резкий выговор наркому внутренних дел Л. П. Берии, который выступил против идеи встречи И. В. Сталина во время предстоящей конференции с молодым шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви[271]. Нарком В. М. Молотов в последующем вспоминал: «В Тегеране в 1943 г. Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана — тот даже растерялся. Берия был против такого визита»[272].

Визит И. В. Сталина к 24-летнему шаху, состоявшийся 1 декабря в Тегеране, был хорошо рассчитан. И. В. Сталин стал единственным из глав большой тройки, кто запросил встречи с шахом на его собственной территории. Ф. Рузвельт, отклонивший предложение М. Р. Пехлеви быть его гостем во дворце, встретился с шахом 30 ноября на территории советского посольства. У. Черчилль в тот же день, после довольного долгого ожидания, принял его в британском посольстве[273]. Своим решением лично поехать к шаху И. В. Сталин не только оказал последнему большую честь (особенно на фоне неуклюжих действий Ф. Рузвельта и У. Черчилля), но и подверг себя определенному риску. В отчете службы безопасности И. В. Сталина говорилось: «Место и время беседы были известны агентуре противника», что потребовало проведения дополнительных мероприятий[274].

Позднее В. М. Молотов характеризовал встречу И. В. Сталина с М. Р. Пехлеви как попытку получить шаха в союзники[275]. Действительно, в ходе разговора И. В. Сталин не только заверил М. Р. Пехлеви в своем стремлении укрепить Иран и личные позиции шаха, но и выразил готовность пойти на конкретные шаги в этом направлении: для начала передать иранской армии двадцать танков и двадцать самолетов, а также отправить советских офицеров в качестве инструкторов[276]. Эти предложения должны были не только развеять разного рода опасения иранских властей, связанные с пребыванием советских войск на севере страны (в том числе относительно политической ситуации в Иранском Азербайджане)[277], но и продемонстрировать шаху готовность Москвы помочь в укреплении его армии. М. Р. Пехлеви придавал этому вопросу большое значение.

Визит И. В. Сталина к шаху был серьезным дипломатическим успехом СССР. Уже после окончания Тегеранской конференции М. Р. Пехлеви направил И. В. Сталину послание, в котором подчеркивал: «Ваш визит к нам оставил у меня весьма глубокие воспоминания». В другом послании, на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, шах выражал «удовлетворение, которое вызвала у меня декларация Тегеранской конференции об Иране, декларация, выработке которой ваша страна содействовала столь действенным образом»[278].

Посланник Л. Дрейфус в своем отчете об организации Тегеранской конференции прямо писал о грубых ошибках американской делегации в отношениях с шахом на фоне дипломатичного обращения с ним И. В. Сталина. В Лондоне соглашались с тем, что И. В. Сталин своим визитом к шаху «одержал важную личную победу»[279].

В немалой степени эта оценка действий главы советской делегации может быть распространена и на результаты обсуждения большинства других вопросов на Тегеранской конференции. И. В. Сталину удалось добиться от Ф. Рузвельта и У. Черчилля обязательств по главному вопросу — открытию второго фронта. Наличие относительно точной даты начала «Оверлорда» служило немаловажным залогом того, что в этот раз высадка на севере Франции наконец-то будет предпринята. Четко расставив приоритеты, глава советского правительства сумел одновременно представить ряд шагов, отвечавших собственным интересам СССР, в качестве уступок союзникам: заявление о вступлении СССР в войну против Японии после поражения Германии и проведение военных операций на советско-германском фронте в

период «Оверлорда». Глава советской делегации умело демонстрировал готовность СССР действовать в духе солидарности антигитлеровской коалиции, делясь информацией о «мирных пробных шарах» (как он сделал в случае с Финляндией) и словно призывая союзников действовать аналогичным образом. Несколько смягчив позицию НКИД в отношении западной границы Польши, он сумел сделать еще один шаг в сторону признания Лондоном и Вашингтоном западной границы СССР. Проведя зондаж позиций США и Великобритании по вопросам о судьбе Германии и Франции, он не стал детально раскрывать советских планов по ним. Благоприятным для советской стороны было и все большее осознание Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем решающей роли партизан, а не четников, в движении Сопротивления в Югославии.

В Тегеране проявились сильные стороны сталинской личной дипломатии: настойчивость, уверенное владение проблематикой переговоров, умение «продавить» нужное решение, способность играть на противоречиях между союзниками. В целом, он произвел сильное впечатление на западных партнеров. Даже А. Брук, далеко не поклонник главы советского правительства, вынужден был признать: «Ни разу в своих заявлениях он не сделал какой-либо стратегической ошибки, оценивал все последствия той или иной ситуации быстро и точно»[280].

Характерной чертой дипломатии И. В. Сталина также была тактика «кнута и пряника», уже неплохо известная в это время, прежде всего британцам[281]. Пусть и не в такой ярко выраженной форме, как в период переговоров с У. Черчиллем в августе 1942 г., И. В. Сталин применял ее и в Тегеране. Жестко отстаивая свою точку зрения по вопросу о втором фронте, он смягчил ранее заявленную советскую позицию по Ирану, выразил готовность прислушиваться к мнениям союзников по вопросам переговоров с Финляндией. Личные подарки Ф. Рузвельту и У. Черчиллю также помогли ему снискать расположение партнеров. Тактика «кнута и пряника» проявлялась и в других отношениях. Разница в отношении И. В. Сталина к Ф. Рузвельту и У. Черчиллю в Тегеране была заметна всем, присутствовавшим на конференции. По отношению к президенту он держался подчеркнуто вежливо, даже почтительно, не позволяя себе колкостей, неудобных вопросов и язвительных замечаний.

Однако и в отношениях с Ф. Рузвельтом И. В. Сталин не отказывался от тактики дипломатического зондажа. Глава Советского государства, который, по словам В. М. Молотова, «своим-то далеко не всем доверял»[282], сохранял настороженность и в отношении президента — проверить его намерения было отнюдь не лишним. Именно в этом смысле можно истолковывать слова И. В. Сталина, сказанные Ф. Рузвельту во время ужина 28 ноября, о желательности конкретизировать понятие безоговорочной капитуляции: «Какое количество оружия, средств транспорта и т. д. должен выдать противник... не называя их безоговорочной капитуляцией»[283]. В. М. Молотов, воспринявший их, по всей видимости, всерьез, дал указание разработать вопрос В. Г. Деканозову. Однако на проекте памятной записки, поступившей в декабре 1943 г. от последнего и составленной в духе заявления И. В. Сталина в Тегеране, В. М. Молотов написал: «Вопрос отпал»[284]. Можно предполагать, что сразу отличить зондаж И. В. Сталина от действительного внешнеполитического виража подчас не в силах был даже В. М. Молотов.

Несмотря на это, в целом, в Тегеране в отношениях И. В. Сталина и Ф. Рузвельта царило согласие. Подобная ситуация отнюдь не нравилась британцам, считавшим, по словам А. Брука, что «президент в кармане у Сталина»[285]. Частые «уколы» И. В. Сталина в адрес У. Черчилля, если оставить в стороне морально-этический аспект дела, были весьма эффективным инструментом дипломатии. Благодаря тонкому анализу И. М. Майского в период его пребывания в Лондоне в качестве посла и личному знакомству с У. Черчиллем И. В. Сталин достаточно неплохо представлял себе «эмоциально-художественный» темперамент британского премьера[286]. Создать для британского премьера некомфортный психологический климат на конференции, использовать готовность Ф. Рузвельта «подыграть» И. В. Сталину в этом вопросе — все это способствовало достижению конкретных политических результатов.

По большому счету, И. В. Сталину в Тегеране удалось достичь поставленных целей. Сделать это стало возможным без серьезного ущерба для его основных обязанностей по

руководству военными действиями СССР. Во время конференции И. В. Сталин не только лично контролировал обсуждение широкого круга дипломатических вопросов, но и оставался «на прямой связи» с фронтом: три раза в день ему докладывали сведения о военной обстановке[287].

Тегеранская конференция официально закончилась 1 декабря: «Рузвельт и Черчилль, намеревавшиеся остаться на конференции до 3 декабря, изменили решение в связи с резким ухудшением погоды, которое могло задержать их отлет в Каир» для встречи с И. Инёню[288]. И. В. Сталин также вылетел из иранской столицы 1 декабря, отправившись в Москву тем же путем, каким прибыл в Тегеран (самолетом до Баку, а далее поездом). В Москву он вернулся 6 декабря.

Решения Тегеранской конференции имели огромное значение. Фактически за непосредственным коренным переломом на фронтах войны произошел новый коренной перелом, была пройдена поворотная точка — на этот раз в стратегии ведения войны странами антигитлеровской коалиции. Военные решения конференции указывали на то, что коалиционная война вступает в новую фазу. Договоренность об одновременном проведении «Оверлорда» на западе Европы и советских наступательных действий на востоке говорила о том, что отношения в рамках большой тройки наполнились «новым содержанием — согласованием планов их военных операций»[289].

Решения по широкому кругу вопросов (от помощи партизанам в Югославии до совместных действий по дезинформации противника), достигнутые в Тегеране, указывали на готовность трех сторон формулировать общую стратегию на различных театрах военных действий, глубже посвящать друг друга в свои планы и предпринимать действия по их совместной реализации.

Все это явно свидетельствовало об усилении доверия между СССР, США и Великобританией. «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — говорилось в «Декларации трех держав», принятой на конференции и опубликованной 7 декабря[290]. В трех столицах признавали успех конференции. Ф. Рузвельт в послании И. В. Сталину 3 декабря характеризовал ее как огромный успех[291]. В отчете британскому кабинету министров А. Иден говорил о том, что «на протяжении всех сложных дискуссий отношение маршала Сталина было дружественным и в наивысшей степени нацеленным на сотрудничество»[292]. Учитывая достигнутый в Тегеране успех, И. В. Сталин неслучайно стремился подчеркнуть позитивное отношение советской стороны к результатам конференции. Заголовок сводки ТАСС по ее итогам он собственноручно исправил с нейтрального «Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании» на «Конференция лидеров трех союзных держав»[293]. Его правка циркуляра В. М. Молотова советским послам по итогам конференции также показательна: она сглаживала моменты расхождений между союзниками и усиливала впечатление об их согласии по основным вопросам[294]. Такой же оптимистический тон был задан всей советской пропаганде.

Общее укрепление антигитлеровской коалиции, отразившееся в решениях, принятых на Тегеранской конференции, сопровождалось серьезными процессами внутренней трансформации самой коалиции. Рост военно-экономических потенциалов СССР и США при относительном ослаблении вклада Великобритании в войну указывал на то, что в рамках большой тройки появляются два лидера. После Тегерана У. Черчилль говорил, что именно во время этой конференции он почувствовал, «какая мы маленькая нация». По его словам, «маленький бедный английский ослик» оказался между «огромным русским медведем» с одной стороны и «огромным американским буйволом» с другой[295].

Изменение стратегического баланса сил в рамках антигитлеровской коалиции наиболее ярко проявилось в Тегеране в связи с вопросом о создании второго фронта. Обоюдная заинтересованность СССР и США в его открытии на севере Франции в 1944 г. перевесила все красноречие и дипломатическое искусство У. Черчилля. И. В. Сталин, по одному из свидетельств, констатировал: «Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться. Однако противник он достойный!»[296]

В результате решения о приоритете операции «Оверлорд» над британской средиземноморской и балканской стратегией не только открывался путь к скорейшей победе над Германией, к реальной возможности «сломать ей хребет», по выражению главнокомандующего ВМФ США адмирала Э. Кинга[297]. По сути, за этим решением проглядывали контуры послевоенного мира. Нанесение основного удара в Северной Франции создавало условия для серьезного усиления позиций СССР в Восточной и Центральной Европе, а США — в Западной. В единодушном осуждении колониализма И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом в Тегеране просматривалась и другая ключевая черта послевоенного мира — постепенный закат колониальных империй, в том числе главной из них — Британской. У. Черчилль словно предчувствовал масштабы грядущих изменений, говоря в Тегеране: «Проблемы колоссального значения проходят перед нашими глазами, а мы лишь пылинки, осевшие в ночи на карту мира»[298].

Решения Тегеранской конференции указывали и на еще один потенциальный путь дальнейшего развития международных отношений — закрепление роли большой тройки как ведущих держав послевоенного мира, согласованно определяющих основные контуры системы безопасности в рамках всеобщей международной организации. Неслучайно Ф. Рузвельт, основной сторонник этой концепции, начал конференцию с приветствия собравшихся на ней участников как «членов новой семьи», а закончил следующими словами: «Мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших государств могут составить единое гармоничное целое, развиваясь вместе ради общего блага нас самих и всего мира. Покидая эту историческую встречу, мы можем впервые видеть в небе традиционный символ надежды — радугу»[299].

Каким из этих надежд суждено воплотиться в жизнь, а каким — нет, должно было показать дальнейшее развитие событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 21.

[2] *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 219.

[3] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 413.

[4] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1958. С. 138.

[5] СССР и германский вопрос. Т. 1. М., 1996. С. 670. Прим. 90.

[6] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 104.

[7] *Horne A.* Macmillan. Vol. 1. L., 1988. P. 205.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 294.

[9] W. P. (43) 351. July 31, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers 66/40/1.

[10] *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington, 1950. P. 164.

[11] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 2. P. 1247.

[12] *Roberts G.* Litvinov's Lost Peace, 1941–1946 // Journal of Cold War Studies. 2002. Vol. 4. No. 2. P. 32.

[13] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 206.

[14] *Kimball W. F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 90.

[15] *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton, 2012. P. 59.

[16] *Roll D. L.* The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. Oxford, 2013. P. 294.

[17] W. P. (43) 430. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/30.

[18] W. P. (43) 398. September 20, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/40/48.

[19] *Reynolds D.* From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 121.

[20] Eden to Cadogan, August 21, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 954/2.

[21] *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945 гг. М., 2000. С. 199

[22] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1978. С. 39–43, 47–48.

[23] Там же. С. 37–43.

[24] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.

[25] W. M. (43) 135th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/1.

[26] Eden to Cadogan. August 21, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 954/2.

[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 13.

[28] *Sainsbury K.* The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill, and Chiang-Kai-Shek, 1943. Oxford, 1986. P. 12.

[29] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 43–47; Американский ежегодник. М., 1974. С. 141–173.

[30] Там же. С. 51.

[31] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.

[32] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 421; *Roberts G.* Molotov: Stalin's Cold Warrior. Washington, 2012. P. 67.

[33] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 326–327.

[34] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 32, 36.

[35] *Watson D.* Molotov and the Moscow Conference. October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Camb. April 2002). P. 10.

[36] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 432.

[37] From Foreign Office to Moscow. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/3.

[38] From Cairo to Foreign Office. October 16, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.

[39] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. Washington, 1963. P. 563–565.

[40] Так писал сам Молотов в ориентировке советским дипломатическим представителям по результатам конференции (АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67).

[41] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 90.

[42] From Moscow to Foreign Office. October 20, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.

[43] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 92–106.

[44] From Foreign Office to Moscow. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/3.

[45] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 210.

[46] См.: *Ferris J.* Intelligence and OVERLORD: A Snapshot from 6 June 1944 // The Normandy Campaign 1944: Sixty Years On / Ed. by J. Buckley. L., 2006. P. 191.

[47] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 68.

[48] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 340–348.

[49] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. Washington, 1963. P. 792–798.

[50] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 123.

[51] Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л. Н. Нежинский, А. В. Игнатьев. М., 1999. С. 458.

[52] *Roberts G.* Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 71. No. 59.

[53] *Tamkin N.* Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–1945. Basingstoke, 2009. P. 132.

[54] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 296.

[55] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 644.

[56] Ibid. P. 693–694.

[57] W. M. (43) 149th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. November 2, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/7.

[58] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 373. Прим. 100.

[59] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.

[60] *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 323–324.

[61] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 580–583.

[62] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 644.

[63] *Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная. М., 2004. С. 367.

[64] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 103–104.

[65] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 24, 683.

[66] *Foo Y. W.* Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow. Basingstoke, 2011. P. 104–105.

[67] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 256.

[68] *Roll D. L.* The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. P. 306.

[69] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 65.

[70] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 285.

[71] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 187.

[72] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 323.

[73] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10–12.

[74] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 318.

[75] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 180.

[76] Там же. С. 290.

[77] W. P. (43) 423. September 28, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/23.

[78] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 57–58, 70–71.

[79] Там же. С. 159.

[80] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.

[81] W. P. (43) 423. September 28, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/23.

[82] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.

[83] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 178–179, 399, 431.

[84] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 5.

[85] Там же. Л. 4.

[86] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 234–235; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 12. Л. 47–57.

[87] The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945. L., 1976. P. 157–158.

[88] Эти данные подтверждались информацией Тито, поступавшей в Москву, а также сведениями разведки. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 192. Л. 4; *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 160–168.

[89] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 143–146, 239–240.

[90] Там же. С. 363–364; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1983. С. 456.

[91] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 389.

[92] *Meszerics T.* Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 203; В целом о британской политике на юго-востоке Европы см.: *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. L., 1976.

[93] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 284.

[94] *Meszerics T.* Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 202, 210.

[95] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 264, 286–287.

[96] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 432.

[97] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 21; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 369.

[98] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. P. 1285.

[99] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 169.

[100] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263.

[101] *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 103–105; *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 гг. М., 2009. С. 70.

[102] W. M. (43) 135th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/1.

[103] W. P. (43) 218. May 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers 66/37/18.

[104] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 301.

[105] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 112.

[106] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 10.

[107] W. P. (43) 217. May 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/37/17.

[108] W. P. (43) 444. October 6, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/44. Британские предложения по ВПК были сообщены Москве 17 октября.

[109] W. M. (43) 137th Conclusions, Min. 4, Conf. Annex. October 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/3.

[110] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 276–277.

[111] Там же. С. 328.

[112] АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 40.

[113] W. M. (43) 142nd Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. October 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/5.

[114] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.

[115] *Rothwell V.* Anthony Eden: A Political Biography, 1931–1957. Manchester, 1992. P. 76.

[116] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10.

[117] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 227.

[118] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 313–314.

[119] *Watson D.* Molotov and the Moscow Conference. October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Camb. April 2002). P. 16.

[120] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 322–324.

[121] W. M. (43) 151st Conclusions. November 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/19.

[122] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 298–299.

[123] АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 37, 39, 57–57об.

[124] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 232.

[125] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 292.

[126] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 573–574, 733.

[127] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 274–275, 288.

[128] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 674–679.

[129] АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 13.

[130] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 317; Данное предложение было принято по инициативе американских представителей. См.: Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 679.

[131] W. M. (43) 137th Conclusions. October 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/5.

[132] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 173–175.

[133] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 660. Прим. 62.

[134] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 336–337.

[135] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). С. 421–423.

[136] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 685.

[137] From Foreign Office to Washington. October 29, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37030.

[138] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 147.

[139] *Hasegawa T.* Racing the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan. Camb. (Mass.), 2005. P. 24.

[140] The Guy Liddell Diaries: 1942–1945. Vol. II / Ed. by N. West. L., 2005. P. 122.

[141] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 42.

[142] W. M. (43) 148th Conclusions. November 1, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/36/16.

[143] House of Commons. November 11, 1943. P. 1324.

[144] For Prime Minister from the Secretary of State. October 29, 1943 // Chartwell Papers, 20/118.

[145] From Foreign Office to Canada e. a. November 8, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37031.

[146] Staff Meeting at American Embassy. November 9, 1943 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological Files, Cont. 170.

[147] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67.

[148] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 65.

[149] From Moscow to Foreign Office. November 6, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/37031.

[150] W. M. (43) 147th Conclusions, Min. 1, Conf. Annex. October 27, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/6.

[151] См.: *Kochavi A. J.* The Moscow Declaration, the Kharkov Trial, and the Question of a Policy on Major War Criminals in the Second World War // History. 1991. Vol. 76. No. 248. P. 401–417.

[152] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 55–60.

[153] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 389.

[154] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 689.

[155] My Dear Mr. Stalin: the Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed. by S. Butler. New Haven, 2005. P. 181.

[156] *Берия С. Л.* Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 235.

[157] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 79–80.

[158] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 273–274.

[159] *Stoler M. A.* War by Conference // The International History Review. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 623; Несколько иную позицию см.: *Eubank K.* Summit at Teheran. N. Y., 1985.

[160] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 254.

[161] *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. V. Boston, 1985. P. 304.

[162] C. O. S. (Sextant). November 18, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.

[163] *Stafford D.* The Detonator Concept: British Strategy, SOE and European Resistance after the Fall of France // Journal of Contemporary History. 1975. Vol. 10. No. 2. P. 185–217.

[164] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 82–84.

[165] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 439–440, 475.

[166] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 18.

[167] Там же. Л. 17.

[168] W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[169] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 97.

[170] Там же. С. 103–113.

[171] *Бережков В. М.* Тегеран, 1943. М., 1968. С. 60.

[172] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 6–7.

[173] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 466–467.

[174] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 218. Л. 6.

[175] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 542.

[176] *Бережков В. М.* Указ соч. С. 68.

[177] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 132.

[178] *Бережков В. М.* Указ соч. С. 75.

[179] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 564. No. 10.

[180] Ibid. P. 565.

[181] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141.

[182] Там же. С. 155.

[183] Там же. С. 173–175.

[184] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 99.

[185] *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999. С. 327.

[186] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 351–352.

[187] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 95, 137.

[188] C. O. S. (Sextant). November 26, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.

[189] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 8.

[190] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 113, 118–120.

[191] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. III. P. 785.

[192] Иден подчеркивал прямую связь между этим решением и заявлением Сталина относительно Японии. См.: W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[193] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 561.

[194] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 127.

[195] *Lewis J.* Changing Direction: British Military Planning for Post-War Strategic Defence, 1942–1947. 2nd ed. L., 2003. P. 58.

[196] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 576–577.

[197] После окончания войны И. Инёню как раз с этой точки зрения и критиковал переговоры в Тегеране. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 45(1). Л. 200.

[198] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141, 147, 157.

[199] J. S. (Sextant) 9. November 25, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /99/25.

[200] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 156–157.

[201] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 589.

[202] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 149.

[203] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 575; W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[204] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 182.

[205] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 158.

[206] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 298–299.

[207] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 268.

[208] Там же. С. 273.

[209] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 160.

[210] W. P. (43) 438. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/38.

[211] См.: *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 323–324.

[212] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 159.

[213] Там же. С. 168–169.

[214] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101; Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510.

[215] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 13.

[216] РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 100.

[217] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 163.

[218] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 521–522.

[219] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 3. P. 15.

[220] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 168.

[221] *Kochanski H.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. Camb. (Mass.), 2012. P. 352.

[222] Eden to O'Malley. November 12, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/19.

[223] W. P. (43) 438. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/38; The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945. P. 160–163.

[224] Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. 1. P. 542.

[225] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510.

[226] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.

[227] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 512.

[228] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 165.

[229] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 599–601.

[230] *Sharp T.* The Origins of the 'Teheran Formula' on Polish Frontiers // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 381–393.

[231] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 167.

[232] *Kochanski H.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. P. 357.

[233] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 138.

[234] Eden to Churchill. December 24, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office /954/19.

[235] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 141, 159.

[236] W. P. (42) 96. February 24, 1942 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/22/26.

[237] W. M. (43) 163rd Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. November 29, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/14.

[238] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 143.

[239] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.

[240] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 510, 514.

[241] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 165–166.

[242] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101.

[243] W. P. (43) 430. October 5, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/41/30.

[244] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 166.

[245] При публикации в данное высказывание Сталина было внесено изменение, «смягчившее» его тон: «Если будет решено разделить Германию». См.: *Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 22.

[246] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 603.

[247] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 274.

[248] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.

[249] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263, 299–300, 309–312.

[250] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.

[251] См.: W. P. (43) 233. June 10, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /66/37/33.

[252] Показательно, что секретная разработка Штейна «Основные принципы создания Международной организации по охране безопасности и мира» (лишь в трех экземплярах) появилась уже после Тегеранской конференции — 16 декабря 1943 г. См.: АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298.

[253] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 596. No. 6.

[254] В американской записи беседы зафиксированы слова Сталина о «стратегических пунктах либо внутри Германии вдоль германских границ, либо даже дальше» (Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 532).

[255] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 117–118.

[256] *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. P. 200.

[257] W. M. (43) 169th Conclusions, Minute 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[258] Изначальный вариант Молотова, до правки Сталина, был жестче — «оккупированы».

[259] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103.

[260] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 514; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 4.

[261] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 514.

[262] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1983. С. 269–273.

[263] Там же. С. 245, 253; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 154–181.

[264] W. M. (43) 169th Conclusions, Minute 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[265] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 91.

[266] *Doenecke J., Stoler M.* Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies. Oxford, 2005. P. 54.

[267] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 841.

[268] Ibid. P. 619–620, 623–625, 629, 648–649, 840–842.

[269] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 176.

[270] Dreyfus to Secretary of State. December 9, 1943 //National Archives of the United States, Record Group 59, 123 P. Hurley.

[271] *Голованов А. Е.* Указ. соч. С. 352.

[272] *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002. С. 88.

[273] *Mayle P. D.* Eureka Summit. Newark, 1987. P. 128.

[274] *Жиляев В., Гамов А.* В поезде Сталина «зайцами» ехали уголовники // Комсомольская правда. 7 мая 2007 г.

[275] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 88–89.

[276] From Teheran to Foreign Office. December 7, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/35104.

[277] АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 73. Д. 40. Л. 8.

[278] Там же. Оп. 30. П. 75. Д. 18. Л. 3, 7.

[279] Minute. December 16, 1943 // The National Archives of Great Britain, Foreign Office 371/35104.

[280] *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, 2006. P. 188.

[281] Chirchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I / Ed. by W. F. Kimball. Princeton, 1984. P. 566.

[282] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 42.

[283] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 103.

[284] СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.

[285] *Nisbet R.* Roosevelt and Stalin // Modern Age. 1986. Vol. 30. No. 2. P. 110.

[286] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 гг. Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. С. 250.

[287] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2. М., 1989. С. 150.

[288] *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 190.

[289] *Сиполс В. Я.* Великая Победа и дипломатия. М., 2000. С. 187.

[290] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 175.

[291] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 111.

[292] W. M. (43) 169th Conclusions, Min. 2, Conf. Annex. December 13, 1943 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers /65/40/15.

[293] *Roberts G.* Stalin's Wars. P. 187.

[294] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.

[295] *Reynolds D.* From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. P. 122.

[296] *Голованов А. Е.* Указ. соч. С. 365.

[297] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran. Washington, 1961. P. 562.

[298] *Roll D. L.* The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. P. 323.

[299] *Kimball W. F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. P. 103.

УПРОЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЗИЦИЙ СССР

Международное положение СССР к началу 1944 г. и советские планы послевоенного мира

После встречи в Тегеране в отношениях между лидерами большой тройки сохранялась атмосфера дружелюбия и взаимопонимания. Это чувствовалось по тональности переписки между руководителями трех держав. «Конференция была весьма успешной, — писал Ф. Рузвельт И. В. Сталину, — она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела всеобщего мира в полнейшем согласии... Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине». «Тегеранская конференция прошла с большим успехом... — соглашался И. В. Сталин. — Теперь имеется уверенность, что наши народы будут дружно совместно действовать и в настоящее время и после завершения этой войны»[1].

Действительно, к началу 1944 г. международное положение СССР заметно укрепилось, и немаловажную роль в этом сыграли замечательные победы на полях сражений, изменившие ход Великой Отечественной и Второй мировой войн. С января 1944 г. Красная армия начала наносить один за другим свои ставшие потом знаменитыми «десять сталинских ударов»: Ленинград и Новгород, Корсунь-Шевченковский, юг Украины, Крым и другие. Слаженно работала советская экономика, наращивая выпуск военной продукции. Все более ощутимым становился теперь уже не прерывавшийся поток поставок по ленд-лизу, нужных для вооруженных сил, народного хозяйства и населения страны.

Западные союзники, правда, не добились в Италии столь же впечатляющих успехов, как Красная армия, и не сумели с ходу преодолеть немецкую оборонительную линию Густава. Но, по крайней мере, они надежно закрепились севернее Неаполя, пережидая там зимнюю непогоду, а с началом 1944 г. активизировали свои действия. Англосаксы явно выигрывали битву за Атлантику, вели широкое воздушное наступление на Германию. Развернулась подготовка к десантной операции в Северной Франции. На Тихоокеанском театре американцы и их союзники прорвали передовую линию японской обороны на островах в центральной и юго-западной части океана, не позволили японцам добиться успехов в Китае и Бирме. Экономика США, загруженная военными заказами, обеспечивала союзным армиям материальное превосходство над противником. Повсеместно крепло движение Сопротивления, поднималась волна национально-освободительной борьбы против захватчиков.

Салют в честь окончательного снятия блокады Ленинграда

Немецкая техника, захваченная в ходе Корсунь-Шевченковской операции

Немецкие пленные, захваченные войсками союзников в Италии

Бомбардировка немецкого города авиацией союзников

Коренной перелом в мировой войне стал очевидным фактом. СССР и его союзники прочно и окончательно овладели стратегической инициативой и теперь уже до конца войны определяли ход событий на фронтах. Эти кардинальные перемены были достигнуты прежде всего благодаря титаническим усилиям Советского Союза и его героической Красной армии при несомненном очень серьезном вкладе его западных союзников. Свою лепту внес и Китай.

В международных отношениях также происходили заметные изменения. Крепла антигитлеровская коалиция, и Тегеранская конференция ясно показала, что расчеты противника на развал этого союза потерпели крах. При всех сложностях и противоречиях большая тройка скоординировала свои военные усилия в борьбе против Германии и Японии и нашла общий язык по многим политическим вопросам, которые предстояло решать в военные и послевоенные годы.

В конце 1943 г. в состоянии войны с державами оси находилось 37 стран (СССР, США, Великобритания, Китай, Сражающаяся Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Бельгия, Греция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Чехословакия, Югославия, Индия, Филиппины, Ирак, Иран, Эфиопия, Боливия, Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Эквадор).

К концу этого же года еще семь государств разорвали отношения со странами оси: Египет, Саудовская Аравия, Венесуэла, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили. В противостоящем блоке числилось семь государств (Германия, Япония, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, Таиланд, а также марионеточные правительства Словакии и Хорватии)[2].

Фашистско-милитаристский блок начал разваливаться. Италия перестала быть союзницей Германии, более того, объявила ей войну. Другие сателлиты фашистской Германии тоже стали искать пути выхода из войны.

Нейтральные страны, например Турция и Швеция, все больше сторонились держав оси, хотя и не прерывали с ними свои связи. Португалия предоставила англичанам базы на Азорских островах.

Испания, ранее формально считавшаяся «невоюющей стороной», на деле активно помогала Германии и даже отправила воевать на восточный фронт «голубую дивизию». За все время существования через дивизию прошли более 40 тыс. человек (по другим оценкам, более 50 тыс.). Но в 1943 г. режим Ф. Франко заявил о переходе на позиции нейтралитета, а в октябре — о возвращении своих войск домой. Без особой огласки на Востоке остался сокращенный контингент, так называемый «голубой легион» вместе с «голубой эскадрильей».

Союзники постарались закрепить эту наметившуюся тенденцию в политике Испании по свертыванию фактической военной поддержки Третьего рейха. Британский посол в Мадриде сделал «энергичные представления» испанскому правительству, настаивая на полном выполнении объявленного им решения об отзыве «голубой дивизии», предупредив, что иначе эти полумеры произведут «плохое впечатление» на Объединенные Нации. В этом же духе с испанским послом в Лондоне говорил министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Он отметил, что «испанское правительство портило результат любого решения, которое оно принимало в пользу союзников, путем принятия какой-либо противомеры, которая фактически ликвидировала результат первого мероприятия». Об этих шагах британской дипломатии была информирована советская сторона[3].

Если с державами оси страны мира одна за другой разрывали отношения или пытались дистанцироваться от них, то с Советским Союзом, наоборот, многие стремились установить, расширить и повысить уровень своих связей и контактов. Последнее, в частности, было особенно важно в случае с таким крупным государством и активным участником антигитлеровской коалиции, как Канада[4].

В свое время, в 1924 г., Канада вслед за Великобританией признала Советский Союз, а затем так же, по примеру своей метрополии, в 1927 г. разорвала отношения с Советским государством. Их восстановление началось, когда СССР и Канада оказались союзниками

во Второй мировой войне. 5 февраля 1942 г. по предложению Москвы были установлены консульские отношения между двумя государствами, что должно было облегчить доставку грузов, переправляемых союзниками в СССР. 12 июня 1942 г. правительства двух стран договорились установить прямые дипломатические отношения и обменяться посланниками. Первым советским посланником в Оттаве стал Ф. Т. Гусев, до этого руководивший 2-м европейским отделом НКИД СССР (в августе 1943 г. он уехал послом в Лондон). Канадское представительство возглавил Л. Д. Уилгресс, до перехода на дипломатическую работу занимавший должность заместителя министра торговли и коммерции Канады.

Однако и этот уровень отношений вскоре перестал соответствовать потребностям двух стран. Тем более что с 1943 г. Канада напрямую участвовала в поставках по ленд-лизу в СССР, а ранее отправленные ею в Советский Союз грузы засчитывались в британскую квоту. 11 декабря 1943 г. уже по инициативе канадцев было заключено соглашение о преобразовании миссий в посольства. Первым послом Советского Союза в марте 1944 г. был назначен Г. Н. Зарубин, бывший глава Американского отдела НКИД СССР. В мае он прибыл в Оттаву и в следующем месяце вручил генерал-губернатору верительные грамоты. Канадская сторона соблюла преемственность, и первым послом Канады в Москве стал Л. Д. Уилгресс. Теперь две страны в полной мере могли решать вопросы двусторонних отношений напрямую, минуя Лондон и Вашингтон. Для Канады это было важное свидетельство утверждения ее самостоятельной роли на международной арене.

13 марта 1944 г. Л. Д. Уилгресс в беседе с заместителем наркома И. М. Майским заявил, что его страна не оспаривает право великих держав «играть первую скрипку в мировом концерте», но они «должны считаться с фактом существования в мире других стран, которые представляют силу второго порядка. Канада причисляет себя к таким государствам».

В канадском посольстве достаточно реалистично оценивали основные мотивы и цели послевоенной советской внешней политики. Л. Д. Уилгресс представлял себе картину послевоенного мира следующим образом: «...сильный Советский Союз со стратегическими целями; мирный послевоенный период реконструкции и восстановления; свободный контроль над Восточной Европой; предотвращение создания антисоветского союза в Западной Европе, учреждение англо-советского союза; и, наконец, постоянное ослабление Германии как военной силы»[5].

11 февраля 1944 г. в Оттаве было подписано соглашение о принципах, относящихся к предоставлению Канадой военных поставок СССР, согласно закону Канады о военных ассигнованиях (о взаимопомощи Объединенных Наций) от 1943 г.[6] Это соглашение закрепило роль Канады как важного источника военных поставок в Советский Союз, осуществлявшихся фактически на условиях ленд-лиза.

Последним британским доминионом вслед за Южно-Африканским Союзом (21 февраля 1942 г.), Канадой (12 июня 1942 г.) и Австралией (10 октября 1942 г.), обменявшимся в годы войны официальными представителями с СССР, стала Новая Зеландия. Эта страна была активным участником антигитлеровской коалиции. Ее войска воевали на Тихом океане, Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Новая Зеландия, ранее не имевшая каких-либо постоянных связей с Советским Союзом, в 1942 г. вступила в переговоры с Москвой.

13 апреля 1944 г. в Лондоне состоялся обмен нотами между высоким комиссаром Новой Зеландии в Великобритании и послом СССР в Великобритании об установлении дипломатических отношений между СССР и Новой Зеландией и обмене чрезвычайными и полномочными посланниками.

Сближение между Советским Союзом и Новой Зеландией, двумя союзниками в войне, было естественным и с обеих сторон диктовалось прежде всего политическими причинами. Такой шаг вполне соответствовал официально провозглашенному Москвой курсу на налаживание равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми, большими и малыми, государствами и готовности «жить в мире и дружбе» со всеми нациями. Интерес советского руководства к этой тихоокеанской стране был обусловлен предстоящей войной с Японией и возможностями обозначить свое присутствие в этом отдаленном регионе мира.

Ф. Т. Гусев

Посланник СССР в Канаде Ф. Т. Гусев и и премьер Канады

Определенным стимулом для Веллингтона в сближении с Москвой стали заключение англо-советского союзного договора в мае 1942 г. и активизация сотрудничества между участниками антигитлеровской коалиции в 1943 — начале 1944 г. Новозеландская общественность внимательно следила за происходившими событиями.

Миссия Новой Зеландии во главе с Ч. Босвеллом прибыла в Москву в августе 1944 г., и в том же месяце новозеландский посланник вручил свои верительные грамоты. Учреждение же советского представительства явно затянулось. Лишь в ноябре 1945 г., через полтора года после установления дипломатических отношений, советские дипломаты прибыли в Веллингтон. В декабре 1945 г. советский чрезвычайный и полномочный посланник И. К. Зябкин вручил верительные грамоты генерал-губернатору Новой Зеландии.

Правительство оккупированной нацистами Дании 22 июня 1941 г. разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Однако позднее возник «Совет свободы» — коалиция различных политических партий, фактически нелегальное правительство Дании. 18 апреля 1944 г. «Совет свободы» выразил желание восстановить отношения с СССР. Через пять дней советская сторона дала свое согласие (опубликовано 11–12 июня). Но теперь этот акт не касался Исландии (до 1940 г. состояла в личной унии с Данией), с которой дипломатические отношения были установлены отдельно 4 октября 1943 г. (произошел обмен миссиями, в декабре А. Н. Красильников был назначен первым посланником СССР в Исландии).

8 мая 1944 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Коста-Рикой. Связи с этой страной осуществлялись через посольство в Мексике.

Во второй половине 1944 г. процесс расширения дипломатических связей СССР продолжался. Были установлены отношения с Сирией (21–29 июля), Ливаном (31 июля — 3 августа), Никарагуа (10–12 декабря), Чили (11 декабря). Теперь уже не Москва добивалась признания, а у нее искали поддержки те, кто нуждался в соответствующем международном статусе.

Непросто проходил процесс международного признания патриотического движения «Сражающаяся Франция» (до июля 1942 г. — «Свободная Франция») во главе с генералом Ш. де Голлем, которое ставило себе целью освобождение Франции от нацистской оккупации и коллаборационистского режима Виши. В ноябре 1942 г. было подписано соглашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи. С апреля 1943 г. эта эскадрилья (с июля 1943 г. — полк) «Нормандия» участвовала в боевых действиях на советско-германском фронте.

3 июня 1943 г. в Алжире был создан Французский комитет национального освобождения (ФКНО) как центральный руководящий орган, представлявший государственные интересы Франции в 1943–1944 гг. Идя навстречу пожеланиям ФКНО, Советский Союз выразил готовность немедленно заявить о его дипломатическом признании. Однако из-за неприязненных отношений, сложившихся у Ш. де Голля с У. Черчиллем и особенно с Ф. Рузвельтом, этот процесс осложнился. Признание ФКНО одновременно всеми участниками большой тройки состоялось лишь 26 августа 1943 г.

Различия в подходах союзников, однако, сохранялись и далее. Советский Союз признал ФКНО в качестве «представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании», по существу — в качестве правительства де-факто. Французская компартия (ФКП) также приветствовала создание Французского комитета национального освобождения, призывала к его расширению за счет деятелей движения Сопротивления из самой Франции. 3 апреля 1944 г. два представителя ФКП вошли в состав ФКНО. Однако американцы и англичане рассматривали ФКНО лишь как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть, и действующий в пределах определенных ограничений во время войны[7]. 2 июня 1944 г. ФКНО был преобразован во Временное правительство Франции, которое возглавил генерал Ш. де Голль.

Военные победы Красной армии стали основой укрепления внешнеполитических позиций СССР. В свое время в том же Вашингтоне могли отнести Советскую Россию «к кате-

гории ущербных, недостойных доверия государств, с традиционалистски-примитивной культурой, общение с которыми должно быть ограничено по максимуму во благо самого русского народа и ради сохранения здоровья американской нации»[8]. Но теперь, на пятом году мировой войны, занимать такую позицию едва ли мог себе позволить кто бы то ни было из серьезных политиков. Советский Союз был уже не тот, что в 1920-е или даже в 1930-е гг. Это была уже другая страна. Не та, которая всего несколько лет назад искала союза с тогдашними мировыми грандами, но ее протянутую руку могли высокомерно не заметить или лишь для вида вступить с ней в переговоры, заранее зная, что договоренности не будет. Не та, чьи законные интересы можно было игнорировать, а ее предложения и инициативы пропустить мимо ушей. И не та, которую предполагалось использовать как разменную монету в чьих-то циничных расчетах или даже как пушечное мясо, стравив с другим «раздражителем» мировой политики — нацистской Германией.

Конечно, еще ощущалось печальное наследие политики умиротворения нацистской Германии, проводимой западными державами перед Второй мировой войной. Памятна еще была и «дружба» СССР с гитлеровской Германией в начале этой войны. Многие возникшие или усугубившиеся в то время проблемы ждали своего решения. И все же к 1944 г. ситуация в корне изменилась. Произошедшее после 22 июня 1941 г. во многом заслонило болезненные события предшествующего периода. Героизм и мужество Красной армии на полях сражений Великой Отечественной войны были очевидны всему человечеству, еще недавно застывшему на краю пропасти, в которую его толкала гитлеровская Германия со своими союзниками. Советский народ, своим потом и кровью вершивший крупнейшие в мировой истории военные победы, громко заявил о себе. Растущее военно-политическое могущество Советского государства недооценивать или тем более игнорировать стало невозможно. СССР на глазах превращался не просто в великую державу, а в один из центров мировой политики, сопоставимый с тем, что представлял тогда англосаксонский мир.

Коренной перелом в войне и забрезживший впереди свет грядущей победы, предстоящее освобождение стран Европы от гитлеровской оккупации и возможные политические схватки за определение ее будущего подтолкнули советское руководство к тому, чтобы заранее публично выступить со своей внешнеполитической программой в отношении Европы.

Такая программа была изложена И. В. Сталиным 6 ноября 1943 г. в докладе на торжественном заседании в честь 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры»[9].

Те задачи, что были оглашены, в общем и целом соответствовали истинным мотивам Советского Союза, но в той степени, в которой последние не выходили за их рамки или тем

более не вступали с ними в противоречие. Ведь интересы различных государств и народов далеко не всегда совпадали.

В советской историографии изображение советской внешней политики зачастую получалось плакатно-глянцевым, в какой-то степени оторванным от действительности. При этом ничего не говорилось о том, что внешнеполитическая деятельность была направлена также на обеспечение безопасности СССР в послевоенные годы, признание его новых западных границ, утверждение в соседних странах дружественных режимов вместо довоенного санитарного кордона и т. п.

К 1944 г. советское руководство активизировало разработку планов будущего устройства мира[10]. В то время существовало три органа, специально занимавшихся послевоенным внешнеполитическим планированием. При Наркомате иностранных дел СССР были образованы: Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (глава — бывший посол СССР в США, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов), Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (глава — бывший посол СССР в Великобритании, заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский) и Комиссия по вопросам перемирия (глава — маршал К. Е. Ворошилов).

10 января 1944 г. руководитель одной из этих комиссий И. М. Майский направил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову записку по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Гриф «совершенно секретно» позволял высказаться вполне откровенно. Подводя итоги собственным рассуждениям, изложенным в записке, И. М. Майский следующим образом суммировал свои мысли о желательных основах будущего мира:

«1) Общая установка: необходимо обеспечить СССР мир в Европе и в Азии сроком на 30–50 лет.

2) В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны лечь границы 1941 г. Сверх того, было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР с одной стороны и Финляндией и Румынией с другой должны быть заключены пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть также гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу.

3) Германия после войны должна быть оккупирована союзниками на срок не менее 10 лет, раздроблена на несколько более или менее независимых государств и подвергнута тройному разоружению — военному, индустриальному и идеологическому. На Германию должны быть наложены тяжелые репарационные платежи (в том числе трудом), а преступники войны в широком понимании этого термина подвергнуты суровому наказанию.

4) В остальной Европе не должно быть допущено создание отдельных государств или комбинаций государств с сильными сухопутными армиями. В послевоенной Европе должна остаться только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия.

5) Франция должна быть восстановлена как более или менее крупная держава, однако нецелесообразно содействовать возрождению ее былой военной мощи.

6) Италия должна быть сохранена как европейское государство (включая Сицилию и Сардинию), но без всяких владений в Африке.

7) Пиренейский полуостров не представляет сферы непосредственного интереса СССР, однако в плоскости общеевропейской политики для Советского Союза важно возрождение демократической и дружественной нашей стране республиканской Испании. С Португалией полезно было бы установить дипломатические отношения, что в обстановке послевоенной Европы, вероятно, произойдет само собой.

8) С точки зрения СССР нежелательно возникновение в послевоенной Европе различных федераций малых стран (Дунайской, Балканской, Скандинавской и т. д.).

9) Польша должна быть восстановлена как независимое и жизнеспособное государство, но по возможности в минимальных территориальных размерах. На Востоке в основу польско-советской границы должна быть положена граница 1941 года. На Западе допустимо присоединение к Польше всей или части Восточной Пруссии, а также некоторых частей Силезии. На этой базе Польша, если захочет, может присоединиться к советско-чехословацкому пакту.

10) Чехословакия должна быть по возможности усилена — территориально, политически и экономически. Ее следует рассматривать как форпост нашего влияния в центральной и юго-восточной Европе.

11) Венгрия путем пересмотра третейского решения о Трансильвании и другими способами должна быть сокращена в территории на базе строгого проведения этнографического принципа. На Венгрию должны быть наложены репарации, и в течение первых лет после войны она должна быть оставлена в состоянии международной изоляции.

12) На Балканах желательно заключение пактов взаимопомощи между Румынией, Югославией и Болгарией с одной стороны и СССР с другой. Отношения с Грецией в случае необходимости могут быть оформлены в виде тройного пакта между Англией, СССР и Грецией. Югославия должна быть восстановлена в своих прежних границах. Греция к своей довоенной территории должна добавочно получить Додеканес. Болгария должна вернуть Югославии и Греции аннексированные у них земли. Граница между Болгарией и Румынией должна быть установлена в соответствии с интересами СССР. Румыния и Болгария должны быть привлечены к платежам репараций. При проведении вышеуказанной программы необходимо соблюдение большой осторожности. Важно также избегать осложнений с Англией.

13) В Скандинавии в общем и целом должен быть оставлен предвоенный статус-кво, то же самое относится и к Бельгии и Голландии. СССР может не возражать против получения Англией баз в этих последних странах, однако получение Англией баз на атлантическом берегу Норвегии противоречило бы нашим интересам.

14) СССР заинтересован в сокращении влияния Турции, особенно на Балканах. Должны быть использованы все возможности для ослабления роли Турции в качестве «часового» на проливах...

15) СССР заинтересован в развитии и укреплении дружеских отношений с Ираном. Необходимо сохранение (с известными модификациями) тройного англо-советско-иранского пакта 1941 года, усиление советского влияния в северном Иране и создание международного органа для поддержки и развития транзитных путей через Иран.

16) СССР заинтересован в распространении и укреплении своего политического и культурного влияния в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Египте, для чего должны быть приняты меры дипломатического и культурно-политического характера. В отношении панарабского движения следует занять позицию принципиальной благожелательности, но без оказания ему активной помощи. В своей работе в данных районах СССР должен избегать конфликтов и осложнений с Англией.

17) СССР не заинтересован в войне с Японией, но очень заинтересован в разгроме Японии англо-американскими силами. Наиболее правильным с точки зрения интересов СССР было бы маневрировать так, чтобы получить Южный Сахалин и Курильские острова в порядке генерального межевания карты мира после поражения оси без того, чтобы СССР был втянут в военные действия с Японией. Это нелегко, но не невозможно.

18) СССР заинтересован в расширении и укреплении дружественных отношений с Китаем, однако степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти в Китае в послевоенный период.

19) СССР заинтересован в том, чтобы послевоенный режим во вражеских и оккупированных врагом странах был построен на принципах широкой демократии. Для достижения этой цели допустимо известное воздействие на внутреннюю политику названных стран извне, в сотрудничестве с Англией и США.

20) СССР заинтересован в создании международных органов для сохранения мира и безопасности в послевоенный период, построенных на принципе руководящей роли большой четверки (СССР, США, Англия, Китай) и на возможности для этих органов в случае необходимости проводить свои решения в принудительном порядке. Бывшие вражеские страны в течение первого послевоенного периода в международные органы данного типа не должны быть допущены.

21) СССР непосредственно не заинтересован в вопросе о колониях, однако ему придется на мирной конференции и в других местах принимать участие в решениях по колониальному вопросу. Необходимо в срочном порядке подработать данную проблему.

22) СССР чрезвычайно заинтересован в помощи со стороны США и Англии в деле своего восстановления после войны. Переговоры по этому поводу следовало бы начать теперь же. Желательно обеспечить получение в течение 5—10 лет после войны наиболее нужных для восстановления товаров на базе займа-аренды, а менее нужных — в порядке долгосрочных кредитов»[11].

Изложенные в записке взгляды И. М. Майского, надо полагать, в основе своей разделялись многими представителями государственно-политического руководства СССР. Для этих взглядов было характерно следующее.

Во-первых, ясное осознание растущего могущества СССР, его новой роли на международной арене как силы, во многом определяющей облик и направление развития послевоенного мира, как одного из действительно мировых центров.

Во-вторых, четкое представление о государственных интересах СССР, по крайней мере как они тогда понимались. Главное — это конкретные политические, военные, экономические интересы своей страны (именно своей!). Не мифические образы мировой революции, которые еще относительно недавно доминировали в советской внутренней и внешней политике, и не абстрактные общечеловеческие ценности, к которым в будущем политики будут усиленно призывать мировое сообщество.

В-третьих, почти полное отсутствие идеологии (в смысле экспорта революции) или перенос связанных с идеологией задач на отдаленное будущее. Чтобы «Европа, по крайней мере континентальная Европа, успела стать социалистической», потребуется 30—50 лет. О пролетарской революции, конечно, упоминалось, но лишь изредка (вроде как для порядка) и без особой веры в ее неизбежность, тем более без указаний на необходимость ее подталкивания. К тому же порой в довольно неожиданном контексте, например, для решения проблемы народонаселения во Франции.

Даже в важнейшем вопросе о государственном строе стран Восточной Европы (шире: «государственном строе вражеских и ныне оккупированных врагом стран»), из-за которого потом будет сломано столько копий, интерес СССР в том, чтобы этот строй после войны «базировался на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта». Причем в странах Западной Европы и в Чехословакии эти принципы, скорее всего, утвердятся «без какого-либо давления со стороны». Иначе будет обстоять дело в поверженных вражеских государствах и в странах Восточной Европы. «Здесь, возможно, для создания настоящих демократических режимов придется пустить в ход различные меры влияния извне, т. е., в первую очередь, со стороны СССР, США и Англии». Но, понятно, не для строительства социализма советского образца. «Демократия в государственном устройстве стран является одной из существенных гарантий прочности мира, а ведь основной задачей союзников после нынешней войны должно быть построение новой, более эффективной системы безопасности в Европе, да и за пределами Европы». Так что «есть основания думать, что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР, США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»[12].

В-четвертых, господство геополитики, а не идеологии. Главная задача внешней политики — обеспечение безопасности СССР. «Нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира,

по крайней мере в Европе и в Азии»[13]. Поэтому первостепенное значение — обеспечение выгодных стратегических границ и военно-политических союзов. Вплоть до того, что Болгария может не возвращать Греции Дедеагач (греческий Александруполис) — порт на Эгейском море. Это «могло бы представлять интерес для СССР в случае заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи», так как обеспечило бы выход СССР к Средиземному морю в обход Турции и проливов.

В-пятых, готовность учитывать интересы западных союзников. Например, на Балканах, где Англия «чрезвычайно заинтересована» в Греции, а потому «в отношении Греции СССР следует соблюдать особенно большую осторожность». «Можно было бы попытаться разрешить проблему в порядке заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Англией, Грецией и СССР (по примеру Ирана)», а не настаивать на двустороннем греко-советском пакте. Советскому Союзу нет оснований возражать против того, что Исландия фактически станет «чем-то вроде доминиона США», а Англия захочет иметь военные базы в Бельгии и Голландии. Но если западные державы потребуют базы на атлантическом берегу Норвегии, то тогда в порядке компромисса то же самое должен получить СССР. На Ближнем Востоке «необходима известная осторожность, чтобы избежать каких-либо конфликтов с Англией (и США)».

Правда, в отношении Японии, вопреки очевидной заинтересованности союзников, в войну самим не вступать, предоставив «честь» разгрома Японии англичанам и американцам, а свои интересы обеспечить на мирной конференции дипломатическими средствами. Впрочем, это опять-таки геополитика: чрезмерное усиление союзников тоже ни к чему. Война с Японией заставила бы США и Великобританию «несколько подрастрясти свои человеческие и материальные ресурсы» и тем самым охладила бы «империалистический пыл США в послевоенную эпоху». Вдобавок «это было бы также нашим реваншем за позицию англо-американцев в вопросе о втором фронте»[14].

В-шестых, расчет на сохранение после войны отношений сотрудничества и взаимопонимания с США, Великобританией и другими странами, что подтверждалось вышеприведенными примерами. Единственное, что может помешать — пролетарские революции в Европе. Вот тогда «основное противоречие капитализм — социализм выдвинется на первый план». Но если революций не будет (все рассуждения подводили именно к этому), то в первое послевоенное время «нет оснований ожидать, что отношения между СССР с одной стороны и США и Англией с другой будут плохими. СССР заинтересован в поддержании добрых отношений с США и Англией, исходя как из нужд своего хозяйственного восстановления после войны, так и из потребностей сохранения мира, для чего сотрудничество обеих названных стран крайне необходимо».

Из всего вышеизложенного следовал общий вывод о будущей политике Москвы: «Перед СССР вырисовываются примерно следующие линии возможной и желательной внешней политики в послевоенный период: укрепление дружественных отношений с США и Англией; использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой все более тесного контакта с Англией; всемерное усиление советского влияния в Китае; превращение СССР в центр притяжения для всех подлинно демократических средних и малых стран и подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе; поддержание международной беспомощности Германии и Японии вплоть до того момента, когда и если эти страны обнаружат искреннее стремление к переходу на рельсы настоящей демократии и социализма»[15].

В некоторых, и весьма важных, своих оценках и прогнозах И. М. Майский ошибся. Бросаются в глаза его пространные рассуждения о том, что США станут «твердыней в высшей степени динамического империализма, который будет энергично стремиться к широкой экспансии в различных частях света», тогда как Англия явится примером консервативного империализма, и думать ей придется в основном «не о новых завоеваниях, а о сохранении того, что у нее уже есть». Отсюда делался ошибочный вывод: «мировая ситуация в послевоенную эпоху будет окрашена в цвета англо-американских противоречий», при этом Англия

«явится фактором стабилизирующего порядка» и может понадобиться Советскому Союзу «для балансирования перед лицом империалистической экспансии США»[16].

Есть в записке и другие не оправдавшиеся, сомнительные и спорные суждения и заключения, но в целом этот документ представляет несомненный интерес для понимания тогдашнего внешнеполитического мышления, присущего по крайней мере части советского государственно-политического руководства. При этом следует иметь в виду, что записка И. М. Майского относится к самому началу 1944 г., то есть к периоду до начала освобождения Советским Союзом стран и народов Европы.

Позиция СССР в отношении Германии и Италии

Из всех проблем послевоенного мирного урегулирования центральное место занимал германский вопрос. Задумываться о будущем Германии и об обращении с ней после победы советские руководители стали уже в 1941 г., когда это еще могло показаться несбыточными мечтаниями[17]. Чем ближе было окончание войны, тем злободневнее становился германский вопрос. Что делать с поверженным противником сразу после победы над ним и в последующий период? Какую политику и какими методами проводить? Как обеспечить согласованную позицию союзных держав, у каждой из которых были свои интересы, планы и замыслы, далеко не всегда совпадавшие?

Долгие годы, со Второй мировой войны и вплоть до конца XX в., германский вопрос оставался одним из главных в системе международных отношений. В своем развитии он имел ряд этапов. Как отмечается в отечественной историографии, «первый поворотный пункт в развитии если не самой истории, то, во всяком случае, предыстории послевоенного германского вопроса, поскольку это касается его «советского измерения», приходится на 1943–1944 гг., когда этот вопрос стал первостепенным объектом процесса политического планирования, когда впервые был сформулирован набор альтернативных путей и методов его решения»[18].

Германский вопрос обсуждался в той или иной степени во всех трех комиссиях, созданных при НКИД для рассмотрения проблем послевоенного урегулирования. Причем высказывавшиеся их участниками мнения совсем не обязательно совпадали. Однако ведущую роль в выработке решений высшим руководством страны и в формировании реальных политических планов в отношении Германии играла комиссия К. Е. Ворошилова. Наиболее важные проекты документов, разработанные комиссией, утверждались лично И. В. Сталиным[19]. Советские документы по Германии после их детальной проработки в Москве передавались на согласование с союзниками.

На межсоюзническом уровне германский вопрос рассматривался в Европейской консультативной комиссии (ЕКК), учрежденной Московской конференцией министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. с местопребыванием в Лондоне. В нее вошли представители трех держав, которым предстояло председательствовать по очереди. Комиссия должна была «рассматривать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать по ним трем правительствам совместные рекомендации». Было высказано «пожелание, чтобы комиссия в качестве одной из первых своих задач как можно скорее выработала детальные рекомендации по поводу условий капитуляции» вражеских государств, а также «по поводу механизма, необходимого для обеспечения этих условий»[20].

Первое официальное заседание ЕКК состоялось 14 января 1944 г. Советский Союз в комиссии представлял посол СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев, Соединенные Штаты — посол США в Великобритании Дж. Вайнант, Великобританию — глава Центрально-Европейского департамента МИД У. Стрэнг (позднее в состав комиссии вошел и представитель Франции).

Брошенная немецкая техника в окрестностях Рима

Американские войска в Риме

Согласно «пожеланиям» Московской конференции, одним из первых, обсуждавшихся в ЕКК, был вопрос о безоговорочной капитуляции. Саму эту идею впервые огласил президент Ф. Рузвельт 13 января 1943 г. на англо-американской конференции в Касабланке. Хотя высказывались определенные опасения в том, не усилит ли это требование сопротивление немцев, тем не менее оно стало официальной позицией Объединенных Наций. ЕКК с января 1944 г. разрабатывала проект текста капитуляции. Но сам этот текст (именовавшийся «Условия капитуляции Германии») был согласован только в конце июля 1944 г.

Очень важным, но весьма сложным был вопрос о расчленении Германии, который уже поднимался каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции и обсуждался между ними. С одной стороны, расчленение — вроде бы лучший способ наказать и ослабить противника, чтобы не допустить угрозы реванша в будущем. С другой, кто возьмет инициативу и ответственность за это если не перед нынешним поколением немцев, ассоциировавшимся с нацизмом, то перед будущими? И как это потом скажется на отношениях Германии (точнее, германских государств) с державами-победителями?

В соответствии с принятым в Тегеране решением большой тройки вопрос о будущем Германии был передан в ЕКК[21]. Уже на втором заседании ЕКК 26 января 1944 г. британский представитель заявил, что считает необходимым как можно скорее приступить к изучению вопроса о расчленении Германии, и предложил создать в этих целях специальный комитет, проект положения о котором был тут же представлен. Советский и американский делегаты в принципе не возражали, но ввиду серьезности вопроса было решено обсудить проект на другом заседании. 18 февраля состоялось третье заседание лондонской комиссии, на котором советский представитель не выразил готовности форсировать обсуждение положения о комитете. Больше на заседаниях ЕКК этот вопрос не поднимался.

Можно предположить, что одной из причин сдержанности советской стороны было иное понимание очередности задач, стоявших перед ЕКК. Как говорилось в советской ноте правительству Великобритании от 30 января 1944 г., комиссия должна в первую очередь заняться «изучением условий сдачи вражеских государств и вопросами создания механизма, необходимого для обеспечения этих условий». Очевидно, говорилось в ноте, что только после решения этих вопросов она могла бы приступить к детальному изучению проблем об обращении с Германией[22].

Применительно к Германии ЕКК за время своей работы подготовила для правительств стран антигитлеровской коалиции ряд документов:

— проект соглашения о безоговорочной капитуляции Германии;

— предложения по разделу Германии на три оккупационные зоны, каждая из которых контролировалась бы государством-победителем, и о разделе Берлина на три сектора;

— о создании Союзного контрольного совета и о выработке его решений на основе консенсуса.

Документы свидетельствуют, что «советское планирование по германскому вопросу в период войны, если говорить о его магистральном направлении, было нацелено на продолжение межсоюзнического сотрудничества в деле ликвидации фашистского режима и восстановления демократического строя единой Германии; оккупация и разделение на зоны не были рассчитаны на длительное время и на интенсивное вмешательство с целью «экспорта революции»[23].

В конце 1943 — начале 1944 г. заметное место во внешней политике Советского Союза занимал вопрос об Италии. Требовалось определиться, как быть с этим недавним союзником фашистской Германии, одним из участников пресловутой оси Берлин — Рим — Токио. Известно, что свыше 200 тыс. итальянских солдат воевали в России. Многие из них там погибли, а примерно 60 тыс. оказались в плену. Италия первой отпала от гитлеровского блока, и теперь на ее примере можно было «отработать» модель отношений с поверженным противником и взаимодействия с союзниками по этому поводу. Эта страна важна была для военной стратегии англо-американцев, тем более рядом находились «любимые» У. Черчиллем Балканы. Оккупационная политика союзников должна была стать показательной с точки

зрения того, как они поведут себя в освобождаемых странах Европы, какие силы и режимы будут поддерживать, а какие — подавлять и отстранять и как поведут себя в отношении СССР[24]. Для Москвы итальянский вопрос был не менее важен, поскольку в Италии набирала силу коммунистическая партия. Предстояло разработать стратегию действий коммунистов в новой исторической обстановке.

Ситуация в Италии и вокруг нее была сложной. Режим Б. Муссолини пал, а сам дуче поначалу оказался под арестом. Фашизму, казалось, пришел конец. Италия не только вышла из войны на стороне Германии, но и 13 октября 1943 г. объявила войну своему вчерашнему партнеру по Тройственному пакту, получив при этом статус «совоюющей стороны».

Союзники с их подавляющим преимуществом на море и в воздухе могли бы организовать десант чуть ли не в любой точке Апеннин, и тогда гитлеровские войска на полуострове оказались бы отрезанными от Северной Италии. Однако англосаксы, овладев Сицилией, в начале сентября высадились на самом юге итальянского «сапога». Немцы, надо полагать, вздохнули с облегчением. Они эвакуировали свои гарнизоны с Сардинии и Корсики и успели подготовиться к обороне. К концу 1943 г. линия фронта проходила к югу от Рима по линии Густава. Как отмечал командующий германскими войсками в Италии генерал-фельдмаршал А. Кессельринг: насколько благоприятны были предпосылки для союзников, настолько незначительными были их успехи. Большая часть страны оставалась под контролем Германии и марионеточной Итальянской социальной республики (Республика Сало), созданной Б. Муссолини в северных и центральных районах страны.

Медленное продвижение англо-американских войск в Италии, где им противостояли гораздо более крупные, чем в Северной Африке, немецкие формирования, имело свои последствия для планов Лондона и Вашингтона в Европе в целом. Стало окончательно ясно, что идея вторжения на Балканы, хоть и была уже официально отвергнута, но все еще лелеема У. Черчиллем, могла бы обернуться для союзников совсем не теми результатами, на которые они рассчитывали. Застряв не только на Апеннинах, но и на Балканах, англосаксы вполне могли «пропустить» в Западную Европу Красную армию, темпы и масштабы наступления которой были намного значительнее, чем у союзников на итальянском фронте.

Англо-американские войска активизировались в начале 1944 г. С января по май они несколько раз пытались прорвать линию Густава в районе Монте-Кассино и лишь с четвертой попытки добились успеха. 4 июня 1944 г., за два дня до высадки в Нормандии, союзные войска вошли в оставленный немцами Рим.

Для англосаксов как бы само собой разумеющимся было то, что вопросы, касавшиеся Италии, они обсуждали и решали между собой, без Советского Союза. Однако советское правительство задевало не только это обстоятельство. Совсем недавно, в январе 1943 г., сами же западные союзники выдвинули в отношении держав оси требование безоговорочной капитуляции. Но теперь, хотя Б. Муссолини и был отставлен, союзники имели дело с королем, который много лет сотрудничал с дуче, и маршалом П. Бадольо, верой и правдой служившим фашистскому режиму. Хотя союзники оправдывались и предпринимали какие-то шаги навстречу, в глазах Москвы прецедент был создан. И впредь западные союзники уже не могли упрекать русских, что те слишком много берут на себя в решении судьбы восточноевропейских стран.

На Московской конференции министров иностранных дел Великобритании, США и СССР 19–30 октября 1943 г. отдельно обсуждалось положение в Италии и политика союзников в отношении этой страны. В специально принятой декларации об Италии особо подчеркивалось: «Политика союзников по отношению к Италии должна базироваться на основном принципе: что фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть полностью уничтожены и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии». Были намечены конкретные меры для осуществления этой политики[25].

Конференция постановила учредить Консультативный совет по вопросам Италии. Он состоял из представителей СССР, США и Великобритании, а также Французского комитета

национального освобождения (в феврале 1944 г. в него были введены представители Греции и Югославии). Как отмечалось в коммюнике об итогах Московской конференции, опубликованном 2 ноября 1943 г., «этот совет будет заниматься повседневными вопросами, исключая военные операции, и будет формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии»[26]. Местопребыванием Консультативного совета был Алжир, а затем, по мере продвижения фронта на Апеннинах, — Палермо, Неаполь, Рим. Первое заседание состоялось 30 ноября 1943 г.

Поначалу Совет обсудил ряд существенных проблем, касавшихся прав Италии в качестве совместно воюющей стороны, использования итальянских вооруженных сил, чистки государственного аппарата и армии от фашистских элементов, судьбы военнопленных и других. Учреждение Совета давало возможность Советскому Союзу хоть как-то быть в курсе ситуации в Италии и воздействовать на нее. Однако реально властью и свободой действий в Италии обладали прежде всего англо-американская военная администрации (АМГОТ) и Союзная контрольная комиссия (СКК), призванная осуществлять надзор над выполнением условий перемирия. Консультативный совет все больше оттеснялся в сторону.

На втором заседании Совета 3 декабря советский представитель поставил вопрос о включении представителя СССР в Союзную контрольную комиссию, которая была создана 10 ноября. Однако союзное командование только 26 января 1944 г. одобрило назначение советского представителя в комиссию, оговорив его консультативные функции. В официальном меморандуме СКК от 31 января 1944 г. указывалось, что советскому представителю будут предоставляться копии докладов и корреспонденция по усмотрению заместителя председателя или начальников секций СКК. Таким образом, положение советского представителя было неравноправным даже в вопросе получения информации, не говоря уже об участии в принятии решений.

В такой ситуации советское руководство решилось на необычный ход для отношений между двумя государствами, еще недавно находившимися в состоянии войны и не подписавшими мирного договора. В начале января 1944 г. итальянское правительство, пытаясь укрепить свое положение, предприняло шаги, направленные на установление прямых контактов с руководством Советского Союза. Когда 7 марта 1944 г. правительство Италии обратилось с просьбой об установлении непосредственных отношений и об обмене представителями, советская сторона заявила о своем согласии.

Западные союзники выразили обеспокоенность таким необычным шагом советского руководства, предпринятым без консультаций с ними и в обход Консультативного совета и Союзной контрольной комиссии, которые являлись официальными органами для взаимодействия с итальянским правительством в соответствии с решениями Московской конференции.

Разъясняя свою позицию, советская сторона указывала, что «до настоящего времени советское правительство, не имея прямого контакта с итальянским правительством, находилось в неравном положении по сравнению со своими союзниками, установившими с начала перемирия прямой контакт с правительством Бадольо через свои многочисленные учреждения и многочисленных представителей на территории освобожденной Италии. Установлением прямого контакта между советским правительством и правительством Италии в некоторой мере устраняется указанное выше неравенство и обеспечивается возможность непосредственных сношений между ними, как это уже давно имеет место в отношениях между Италией и правительствами Великобритании и Соединенных Штатов». При этом подчеркивалось, что предпринятые шаги являются «установлением отношений с правительством П. Бадольо де-факто». Это «не выходит за рамки фактических отношений между обоими правительствами и является лишь оформлением этих фактических отношений. В силу этого было принято решение не об установлении дипломатических отношений между обоими государствами и обмене послами или посланниками, а лишь об установлении непосредственных отношений и обмене представителями между правительствами»[27].

П. Тольятти

Случившаяся коллизия, конечно, отозвалась на межсоюзнических отношениях. «Этот эпизод показателен. В нем зерна холодной войны уже посеяны, хотя и не проросли. Западные союзники самым откровенным образом оттирают огромную европейскую Россию от участия в делах страны, непосредственно участвовавшей в войне с ней. Американцы и англичане грубым образом исключили Москву из процесса принятия в Италии самых важных решений. Сталину было самым непосредственным образом указано, что Италия входит в сферу западных интересов»[28].

В марте 1943 г., одновременно с поворотом, совершенным советской дипломатией в отношении Италии, и, очевидно, в связи с ним изменили свою политическую линию и итальянские коммунисты. Открывшиеся российские архивы позволили отечественным исследователям документально подтвердить неслучайное совпадение этих событий[29].

Внутриполитическая ситуация в Италии отличалась запутанностью и неустойчивостью. Король Виктор Эммануил III и правительство маршала П. Бадольо, принявшие сторону США и Великобритании, теперь видели в них свою главную защиту. Наверное, больше всего они боялись мести гитлеровцев, которые уже показали свою способность к самым дерзким и решительным мерам для того, чтобы покарать изменивших им союзников. Это нашло подтверждение и в похищении и освобождении Б. Муссолини, и в потоплении впервые примененными радиоуправляемыми бомбами уходившего к союзникам линкора «Рома», на борту которого, как некоторые предполагали, мог находиться король[30].

Профашистские элементы на освобожденной англо-американскими войсками территории Италии вынуждены были уйти в тень. Либералы, которые, по идее, могли бы заполнить вакуум власти, после многих лет фашистской диктатуры сами только приходили в себя. Всё громче заявляли о себе левые силы, прежде всего коммунисты. Они завоевали симпатии широких слоев своей самоотверженной борьбой против фашизма и теперь реально претендовали на участие во власти. Тем более что после роспуска Коминтерна коммунисты освободились, по крайней мере формально, от ярлыка «руки Москвы». Антифашисты создали комитеты национального освобождения (КНО), служившие им организационно-политической опорой.

Противостояние политических сил становилось все более очевидным. Широкое распространение в стране получили требования отречения короля и отставки правительства как выразителей интересов реакционных сил. С подобными призывами выступил Конгресс представителей антифашистских партий и комитетов национального освобождения, состоявшийся в январе 1944 г. в городе Бари, а вслед за ним прошедшая там же в марте конференция Итальянской коммунистической партии.

В этой сложной политической ситуации итальянские коммунисты, как многие и ожидали, поначалу заняли такую позицию: мобилизовать народ на борьбу против немецких оккупантов и остатков фашизма в Италии, добиваться немедленного отречения короля, отказаться от участия в правительстве П. Бадольо и разоблачать его политику, вести борьбу за создание временного демократического правительства с участием компартии. Об этом, в частности, писал лидер итальянских коммунистов П. Тольятти, подготовивший программный документ «Об очередных задачах коммунистов Италии». Однако эти установки оказались невостребованными.

В ночь с 3 на 4 марта 1944 г. И. В. Сталин принял П. Тольятти, который после пребывания в Москве должен был вернуться на родину. Исходя из необходимости согласования геополитических потребностей Советского Союза и политической линии своих коммунистических союзников в Италии, советский руководитель предложил следующее:

«1) Не требовать немедленного отречения короля.

2) Коммунисты могут войти в правительство Бадольо.

3) Концентрировать свои главные усилия на создании и укреплении единства в борьбе против немцев»[31].

Выдвинутые тезисы означали коренной поворот в прежней политической линии, проводившейся коммунистами в Италии. П. Тольятти потом так изложил сталинскую аргументацию новых задач итальянских коммунистов: «Существование двух лагерей (Бадольо-король и антифашистские партии) ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море. Если и дальше будет продолжаться борьба между этими двумя лагерями, это приведет к гибели итальянского народа. Интересы итальянского народа диктуют, чтобы Италия была сильной и имела сильную армию»[32].

В обстановке еще далеко не завершенной борьбы с очень сильным и опасным врагом — фашистской Германией — И. В. Сталин на первое место поставил геополитические интересы: сосредоточение всех сил на борьбе с Третьим рейхом, а в перспективе — создание сильной Италии как определенного противовеса влиянию Великобритании в Средиземноморье. Война заставила отодвинуть борьбу за демократию и социализм на второе место. Ради укрепления единства итальянского народа в борьбе против гитлеровцев коммунисты могли войти в правительство П. Бадольо, а вопрос об отречении короля отодвигался на будущее. Этими же соображениями диктовалось и установление прямых отношений СССР с итальянским правительством.

19 марта Москва обратилась к Вашингтону и Лондону с меморандумом, в котором отмечалось: на данном этапе правительства трех союзных держав выступают за сохранение правительства во главе с П. Бадольо в расчете, что оно обеспечит проведение в жизнь мероприятий по объединению демократических и антифашистских сил Италии в интересах усиления борьбы против общего врага. С другой стороны, отрицательное отношение к нынешнему правительству различных политических групп и течений не может быть преодолено без определенной реорганизации и улучшения итальянского правительства в соответствии с их пожеланиями. «Исходя из желательности и необходимости скорейшей ликвидации раскола в лагере политических групп и течений, расположенных сотрудничать с союзными демократическими странами, — говорилось в меморандуме, — советское правительство предлагает правительствам Великобритании и Соединенных Штатов предпринять шаги к возможному объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии на базе соответствующего улучшения состава правительства Бадольо»[33].

В марте П. Тольятти вернулся в Италию и стал вдохновителем новой политики компартии. 12 апреля король Виктор Эммануил III объявил об отречении от престола и передаче полномочий своему сыну Умберто в день, когда союзные войска войдут в Рим. 22 апреля было сформировано правительство национального единства во главе с П. Бадольо. Резиденцией совета министров Италии пока оставался Салерно (Рим был освобожден только 4 июня). В сформированное правительство национального единства вошли и коммунисты, а П. Тольятти стал министром без портфеля.

Так не без «советов» И. В. Сталина компартия Италии совершила поворот к политике национального единства в борьбе против фашизма и за демократические реформы. В истории эти события стали называться «поворот в Салерно».

СССР и страны Восточной Европы

3 января 1944 г. передовые части Красной армии вышли к довоенной польско-советской границе, существовавшей до 17 сентября 1939 г. А 5 января в Лондоне было опубликовано заявление эмигрантского правительства Польши по вопросу о советско-польских отношениях. Позиция польского руководства в этот период сводилась к следующему: линию Керзона не признавать, возможен пересмотр границы 1921 г. при условии оставления за Польшей Львова и Вильно и установления до мирной конференции не границы с СССР, а демаркационной линии, к востоку от которой администрацию осуществляет советская сторона под контролем западных союзников, а на неоспариваемых территориях — польское правительство.

11 января последовал ответ советского правительства. В нем говорилось, что советско-польская граница была установлена в соответствии с волей населения Западной Украины и Западной Белоруссии, выраженной на плебисците в 1939 г., и таким образом была исправлена несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 г. в отношении украинцев и белорусов, которые составляли на соответствующих территориях подавляющее большинство населения.

Советское правительство, отмечалось в документе, неоднократно заявляло, что «оно стоит за воссоздание сильной и независимой Польши и за дружбу между Советским Союзом и Польшей... на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ, на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши»[34]. Этой задаче могло бы послужить присоединение Польши к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. При этом успехи Красной армии на советско-германском фронте несут освобождение Польше и другим народам. В этой борьбе уже участвуют «Союз польских патриотов в СССР» и созданный им польский армейский корпус.

В заявлении подчеркивалось: «Теперь открывается возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства. Но Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Только таким образом можно было бы установить доверие и дружбу между польским, украинским, белорусским и русским народами. Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая... предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза. Запад-

ные границы Польши должны быть расширены путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее отнятых Германией, без чего нельзя объединить весь польский народ в своем государстве, которое получит тем самым и нужный выход к Балтийскому морю. Справедливое стремление польского народа к своему полному объединению в сильном и независимом государстве должно получить свое признание и поддержку». Далее в советском заявлении утверждалось, что эмигрантское польское правительство «оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом... организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше» и даже «нередко играет на руку немецким оккупантам»[35].

Как известно, вопрос о восточных границах Польши обсуждался на Версальской мирной конференции 1919 г., где была создана специальная комиссия по польским делам во главе с французским послом в Берлине Ж. Камбоном. При подготовке решения по вопросу о польско-русской границе эта комиссия исходила из решений делегации главных союзных держав — Англии, Франции, США, Италии, Японии, считавших необходимым включить в состав Польши только этнографически польские области. Это означало, что на западе от намеченной линии должны находиться лишь области, населенные по преимуществу поляками, а на востоке — в подавляющем большинстве украинцами и белорусами.

На этой основе была выработана линия восточной границы Польши, которая принята союзными державами (опубликована 8 декабря 1919 г. за подписью председателя Верховного совета союзных и объединившихся держав Ж. Клемансо). В июле 1920 г. та же линия была подтверждена на конференции союзных держав в Спа (Бельгия) и явилась основой для ноты британского министра иностранных держав Д. Керзона о советско-польской границе, направленной советскому правительству 20 июля 1920 г.

В 1920 г. Польша напала на Советскую Россию, однако вследствие неудач вынуждена была обратиться к союзным правительствам за посредничеством. Тогда Д. Керзон направил указанную выше ноту советскому правительству, в которой изложил примерную линию советско-польской границы, ставшую известной как линия Керзона. В ноте говорилось, что «линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг — восточнее Грубешова — через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Севернее Гродно указывалась граница между Польшей и Литвой. Однако польское правительство не согласилось с границей по линии Керзона и продолжило войну, навязав Советской России в итоге другую границу после захвата западных областей Украины и Белоруссии. Эта несправедливость была исправлена лишь в 1939 г.[36]

Никакие аргументы, впрочем, на эмигрантское правительство не действовали. Оно упрямо стояло на своем. Не помогло даже вмешательство западных держав, прежде всего Великобритании. Понимая всю иллюзорность надежд поляков, союзники пытались уговорить их согласиться на линию Керзона в обмен на приращение территории Польши на севере и западе за счет Германии в соответствии с решениями Тегеранской конференции. Не помогло даже знаменитое красноречие У. Черчилля, который потратил немало времени и сил, чтобы хоть как-то подвигнуть правительство С. Миколайчика к компромиссу.

Не сработали усилия англо-американцев и в отношении Москвы, которую они пытались уговорить возобновить отношения с эмигрантским польским правительством. В советском руководстве готовы были согласиться на это только при условии реорганизации польского правительства и признания линии Керзона как основы переговоров о границе[37].

В то же время Советский Союз стремился всячески поддержать и укрепить позиции тех польских политических сил, которые ориентировались на Москву. 1 января 1944 г. в Варшаве, в подполье, была провозглашена Крайова Рада Народова — политическая организация, созданная в качестве представительного органа польских национально-патриотических и антифашистских сил с перспективой преобразования в польский парламент.

Советские власти форсировали наращивание и подготовку вооруженных формирований, находившихся под политическим влиянием или даже контролем левых сил. В мае 1943 г. было принято решение о создании на территории СССР польских воинских частей. Сна-

чала речь шла о пехотной дивизии, в августе 1943 г. — о корпусе, в марте 1944 г. — об армии. В 1943 — начале 1944 г. заметно возросла советская помощь в развертывании партизанского движения в Польше. В западных областях СССР создавались польские партизанские отряды с последующим их перемещением на собственно польские земли, туда же забрасывались польские диверсионные группы, развернулась подготовка обученных кадров для партизан, было налажено снабжение их всем необходимым. В феврале 1944 г. начался массовый переход за Буг советских партизанских отрядов.

Разительным контрастом отношений СССР с Польшей выступало советско-чехословацкое взаимодействие. Английский журналист А. Верт по этому поводу писал: «Советские власти поддерживали достаточно корректные отношения с чехословацким «лондонским правительством» и не делали никаких попыток создать в противовес ему прокоммунистическое чехословацкое правительство в Москве или в освобожденной части Чехословакии. Они, казалось, были готовы провести в Чехословакии эксперимент с демонстрацией образчика сосуществования Востока с Западом»[38].

С 11 по 23 декабря 1943 г. в Москве с официальным визитом находился президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш. 12 декабря 1943 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов и чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер подписали договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой.

В частности, в договоре говорилось: согласившись взаимно объединиться в политике постоянной дружбы и дружественного послевоенного сотрудничества, как и взаимной помощи, стороны обязываются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в нынешней войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе (статья 1); обязались не вступать в сепаратные переговоры с гитлеровским или каким-либо иным правительством Германии, которое ясно не отказалось от агрессивных намерений, не вести переговоров и не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с Германией или с каким-либо иным государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе (статья 2); обязались, что в случае, если одна из них оказалась бы вовлеченной в послевоенный период в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою политику «Дранг нах остен», или с каким-либо объединившимся с Германией государством, то другая сторона немедленно окажет стороне, вовлеченной в военные действия, всяческую военную и другую поддержку и помощь (статья 3); после окончания войны стороны согласились на тесное и дружественное сотрудничество в соответствии с принципами: взаимного уважения независимости и суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, согласились в возможно больших масштабах развивать свои экономические отношения (статья 4); обязались не заключать союзов и не принимать участия в коалициях, направленных против другой стороны (статья 5).

К договору был приложен протокол, в котором говорилось, что в случае, если к этому договору пожелает присоединиться какая-либо третья сторона, граничившая с СССР или Чехословакией и представлявшая в этой войне объект германской агрессии, последней будет дана возможность, по обоюдному согласию правительств, подписать этот договор[39]. Имелось в виду, что такой третьей стороной договора могла бы стать Польша, естественно, при условии, что там утвердится лояльно относившееся к СССР правительство.

Президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш, выступая на подписании договора, подчеркнул, что рассматривает его как «акт величайшего значения в нашей национальной истории и взаимных отношений между Советским Союзом и Чехословакией». Договор стал «естественным этапом в ходе этой войны, направленной против бесчеловечного и грабительского немецкого шовинизма», который прежде всего стремился к уничтожению славянских государств: Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза. Этот договор также станет одним из звеньев будущего строя, который поможет укрепить мир в Европе[40].

Западные союзники официально положительно оценили советско-чехословацкий договор. Государственный департамент США сделал следующее заявление: «Договор о вза-

имной помощи, заключенный между правительствами Советского Союза и Чехословакии, обсуждался в течение нескольких месяцев. Этот договор до некоторой степени напоминает англо-советский договор от 1942 г. Полагают, что он не находится в противоречии с общей системой международной безопасности». Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, выступая в Палате общин, также приветствовал советско-чехословацкий договор[41].

Находясь в Москве, президент Э. Бенеш наградил орденами и медалями группу генералов, офицеров и бойцов Красной армии за боевые заслуги в войне против фашистской Германии и за содействие формированию и боевой подготовке чехословацких воинских частей в СССР.

Подписание советско-чехословацкого договора имело большое значение для обеих сторон. СССР заметно укрепил свои позиции в Центральной Европе и в период предстоящего освобождения региона, и в послевоенное время. В то же время Чехословакия уже не могла стать звеном антисоветского санитарного кордона, как кому-то захотелось бы. На практике демонстрировалась модель отношений Советского Союза с малым государством, основанная на принципах уважения суверенитета и независимости сторон. Тем самым, по идее, выбивалась почва из-под ног у тех, кто говорил о неизбежной «советизации» Восточной Европы.

Э. Бенеш уезжал из Москвы в прекрасном расположении духа. Заключение договора с СССР было важнейшим шагом в восстановлении целостности Чехословацкого государства и гарантией от повторения Мюнхена. Начиналась реализация разработанной им внешнеполитической концепции, в которой его стране отводилась роль моста между Востоком и Западом (как он сам выражался, «опираться на 50% на Восток и на 50% на Запад, а не на 100% на Запад»). Президент надеялся, что в послевоенной Чехословакии в сотрудничестве с коммунистами, но без вмешательства СССР, ему удастся провести необходимые преобразования и избежать социальных потрясений[42].

Была еще одна проблема в советско-чехословацких отношениях — судьба Подкарпатской Руси, как ее называли в Чехословакии, или Закарпатской Украины, как говорили в СССР. Она не была центральной темой переговоров в декабре 1944 г., но негласно уже имелось в виду, что ее судьба будет решаться на исходе войны.

В этой связи показателен такой факт. Во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании госсекретарь К. Хэлл получил из Нью-Йорка следующую телеграмму: «В качестве выбранных представителей всех самых крупных карпато-русских организаций США мы заявляем, что наш народ в Карпатской Руси, населяющий район Карпатских гор от реки Попрад до верховьев Тиссы, всегда искал политического объединения со своими братьями в России, и мы просим Вас учесть это естественное желание карпато-русского народа и гарантировать ему полное право на самоопределение». Письмо подписали Петр Ратика, председатель «Американского Карпато-Русского конгресса» и «Объединенного русского ортодоксального братства в Америке», и Михаил Холод, председатель «Лиги за освобождение Галиции и Карпатской Руси» и «Организации русского братства»[43].

В 1944 г. в ходе наступления Красной армии началось восстановление западной государственной границы СССР. В марте — июле советские войска вышли на границу с Румынией, Польшей, Финляндией и Германией. В октябре 1944 г. вся западная государственная граница СССР, существовавшая к началу войны, была восстановлена.

В связи с перенесением военных действий за пределы СССР, когда поднялось значение политического руководства войсками, возросла роль военных советов. В мае 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) провело совещание членов военных советов, которое обсудило их задачи в новой обстановке. На основе указаний руководства партии и директивы Главного политического управления Красной армии и Военно-морского флота от 19 июля 1944 г. военные советы развернули в войсках работу по интернациональному воспитанию советских воинов, повышению их бдительности и разъяснению смысла освободительной миссии Красной армии в странах Европы[44].

Отношения СССР с США и Великобританией в первой половине 1944 г.

Данный в Тегеране импульс дружелюбия и взаимопонимания в отношениях между лидерами большой тройки со временем стал в какой-то степени иссякать под воздействием сложных, острых и действительно трудноразрешимых проблем, которые во множестве порождались войной. Хотя некоторых из них, казалось, не должно было быть.

В течение нескольких месяцев в начале 1944 г. отношения Москвы с Вашингтоном и Лондоном осложняла проблема раздела итальянского флота. С объявлением 8 сентября 1943 г. перемирия между Италией и союзниками корабли и суда ее флота устремились в порты, контролируемые англосаксами, чтобы сдаться. В результате в распоряжении англичан и американцев оказались два новейших линкора «Италия» (бывший «Литторио») и «Витторио Венето» постройки 1940 г. (третий корабль из этой серии — «Рома» — 9 сентября 1943 г. был потоплен немецкой авиацией), а также три линкора времен Первой мировой войны — «Андреа Дорио», «Кайо Джулио» и «Джулио Чезаре», восемь крейсеров, 33 эсминца, подводные лодки, другие военные корабли и более ста торговых судов.

Основной вклад в разгром режима Б. Муссолини, безусловно, внесли англичане и американцы. Однако советская сторона также имела все основания предъявить претензии к поверженному противнику, которые едва ли можно было счесть чрезмерными (об этом, впрочем, никто тогда и не говорил). Италия — союзница фашистской Германии, вместе с ней она в июне 1941 г. напала на Советский Союз. Более 200 тыс. итальянских солдат находились на восточном фронте, что было сопоставимо с их численностью на других театрах военных действий.

Более того, флот Б. Муссолини тоже успел повоевать против СССР. 14 января 1942 г. было подписано соглашение, по которому «легкие итальянские силы» привлекались к содействию германским ВМС в войне против Советского Союза. Согласно международной конвенции в Монтрё, Турция не могла пропускать военные корабли воюющих держав через Босфор и Дарданеллы. Поэтому в апреле 1942 г. державы оси перебросили на Черное море по железной дороге, на специальных трейлерах или своим ходом по Дунаю шесть малых торпедных катеров, шесть сверхмалых подводных лодок и 10 взрывающихся катеров. В этих классах судов, в отличие от крупных надводных кораблей, итальянцы по всеобщему признанию были особенно сильны.

Базируясь по мере продвижения фронта в Евпатории, Ялте, Феодосии и Анапе, малые итальянские корабли принимали участие в боевых операциях против советского ВМФ и активно взаимодействовали с приморским флангом германской армии при осаде Севастополя и борьбе за Крым и Северный Кавказ. Всего с апреля 1942 г. по май 1943 г. флотилия совершила около 200 боевых выходов в море. По сведениям итальянских авторов, она могла занести в свой актив потопление двух советских эсминцев (это под вопросом), двух подводных лодок и трех грузовых судов, повреждение большого количества других кораблей. При этом итальянские потери от советских бомбардировок составили два торпедных катера и одну подводную лодку[45].

В конце лета — начале осени 1942 г., когда вермахт прорвался к Главному Кавказскому хребту и нацелился дальше, на Баку, военно-морские силы стран оси стали готовиться к действиям в новом районе, на Каспии. 23 сентября автоколонна с итальянскими сверхмалыми торпедными катерами и взрывающимися катерами была отправлена из Ялты в Мариуполь на Азовском море. Об этих приготовлениях стало известно англичанам. У. Черчилль тут же предупредил И. В. Сталина. В его послании от 30 сентября говорилось: «Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махач-Калу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания

строительства железнодорожной линии». Впрочем, уже 9 октября британский премьер-министр сообщил, что, как показали последние сведения, «осуществление германских планов отправки судов на Каспийское море по железной дороге приостановлено»[46].

Действительно, в октябре — ноябре 1942 г. наступательный порыв вермахта на Кавказе иссяк. Итальянские моряки на несколько месяцев застряли в Приазовье, а в марте 1943 г. вернулись в Италию. В мае итальянская черноморская флотилия торпедных катеров была расформирована: катера перешли к немцам, от них — к румынам (уцелевшие катера были затоплены в августе 1944 г. в Констанце). Итальянские сверхмалые подводные лодки в сентябре — октябре 1943 г. также были переданы румынам, которые так и не научились ими пользоваться. В августе 1944 г. они были захвачены советскими войсками в Констанце.

Итальянцы воевали с русскими не только на юге, но и на северо-западе. В 1942 г. всего за 20 дней через всю Европу на расстояние в 3 тыс. км они перебросили четыре своих торпедных катера из Средиземного моря на Ладожское озеро. Эти катера приняли участие в блокаде Ленинграда, «серьезно затруднили Советам судоходство и потопили канонерку и транспорт». С наступлением зимы катера были перевезены в Таллин, а их экипажи вернулись в Италию. В итоге катера передали Финляндии.

Вопрос о разделе итальянского флота советская сторона подняла на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. при обсуждении ситуации в Италии. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, ссылаясь на недавно приведенные У. Черчиллем в британском парламенте данные, предложил «немедленно передать Советскому Союзу из общего числа более 100 военных кораблей, перешедших к союзникам в силу капитуляции Италии, следующие военные корабли: 1 линкор, 1 крейсер, 8 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки... а также торговые суда водоизмещением в 40 тыс. тонн из общего количества судов общим водоизмещением более 150 тыс. тонн»[47]. Это, по тогдашним очень приблизительным оценкам советского Главного морского штаба, составляло примерно треть трофейного флота[48]. К. Хэлл и А. Иден обещали немедленно передать советские предложения своим правительствам.

На Тегеранской конференции И. В. Сталин и В. М. Молотов вновь затронули вопрос об итальянских кораблях. Причем было сказано, что если по каким-то соображениям их сейчас нельзя передать в собственность Советского Союза, то можно было бы взять во временное пользование с тем, чтобы употребить в интересах всех Объединенных Наций. На заседании 1 декабря И. В. Сталин заметил: «Мы знаем, что Великобритании и Соединенным Штатам нужны корабли, но мы просим немного». На что У. Черчилль и Ф. Рузвельт ответили одобрительно[49]. Союзники, таким образом, согласились с советским предложением, как и с тем, чтобы СССР получил свою долю к концу января 1944 г.

Далее в контактах И. В. Сталина с его партнерами по большой тройке по данной теме наступила долгая пауза. Хотя между собой англичане и американцы обсуждали эту проблему, подходы к ней у союзников поначалу не во всем совпадали.

Белый дом ясно изложил свою позицию. 8 января Ф. Рузвельт сообщил У. Черчиллю, что намерен «выделить одну треть захваченных итальянских кораблей для содействия военным усилиям СССР начиная с 1 февраля, сразу же, как только удастся получить эти корабли». Хотя военачальники высказали свои возражения против такого шага, но Объединенные Нации имели «право располагать любым итальянским кораблем или всем флотом, как им заблагорассудится». «Важно, — подчеркнул американский президент, — чтобы мы приобрели и сохранили доверие нашего союзника, и я полагаю, что следует приложить все усилия, какие только возможны», для выполнения обещания, данного Советскому Союзу... Как я полагаю, Вы согласитесь с тем, что мы не можем отречься от того, что мы говорили д. Д.»[50] (д. Д. — дядюшка Джо, так в своем кругу англосаксы называли И. В. Сталина).

Буквально на следующий день У. Черчилль вроде бы с готовностью согласился: «Мы не должны нарушать слово, данное Сталину относительно кораблей». Но затем как будто опомнился и стал делать все, чтобы СССР если бы и получил свое, то по минимуму. Он заявил Ф. Рузвельту, что категорически против передачи итальянских эсминцев и подлодок,

а из английских ресурсов они тоже не могут быть выделены, так как «они, несомненно, все нам понадобятся, чтобы выполнить наши огромные обязательства по операции «Оверлорд» и битве за Атлантику». Затем объявил, что «никогда не соглашался» на раздел итальянского флота на три части и опять-таки категорически настаивал, чтобы «были приняты во внимание потери, понесенные в войне с Италией. Мы вынесли всю тяжесть войны, начиная с 1940 года»[51]. Последнее его требование можно было бы назвать справедливым, если бы в Ялте и Потсдаме британский премьер при обсуждении вопроса о репарациях с Германии вспомнил и признал, кто вынес основную тяжесть войны с Третьим рейхом.

Когда выявились разногласия между западными союзниками, американский президент предложил британскому премьеру самый простой способ решения проблемы: «...возможно, лучше просто приказать союзному командующему в районе Средиземноморья Уилсону отбуксировать четыре итальянские подводные лодки в один из портов Соединенного Королевства, не давая итальянцам никаких объяснений относительно их использования в будущем»[52]. Но У. Черчилль продолжал изыскивать все новые поводы, лишь бы сделать по-своему.

И все же англичане и американцы нашли приемлемый для них вариант, который они и предложили Москве. 23 января 1944 г., когда уже можно было ожидать прибытия итальянских кораблей, от руководителей США и Великобритании поступило послание. Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявляли, что если уж И. В. Сталин пожелает, они конфиденциально обратятся к главе итальянского правительства маршалу П. Бадольо «с целью заключения необходимых соглашений без того, чтобы они стали широко известны итальянским военно-морским силам». Со ссылкой на англо-американский Объединенный комитет начальников штабов говорилось, что «настоящее время является неподходящим для осуществления передачи захваченных итальянских судов», поскольку «это значило бы изъять необходимые итальянские ресурсы, ныне используемые в происходящих операциях, и помешать получению нами помощи, оказываемой в настоящее время итальянскими ремонтными базами. Это могло бы привести к затоплению итальянских военных судов и к потере итальянского сотрудничества», а следовательно, подвергло бы риску высадку союзников в Северной и Южной Франции[53].

В этом послании впечатляла забота победителей о том, чтобы не вызвать недовольство побежденных, которые вообще-то сами смиренно ждали своей участи и видели в англосаксах единственную защиту от немцев, разъяренных изменой вчерашнего союзника. Конечно, у англичан и американцев могла быть своя, не доведенная до советской стороны информация, позволявшая сделать такие далеко идущие выводы. Но все же известно, что, например, оба уцелевших новейших итальянских линкора уже в сентябре были отправлены британцами в Александрию, а оттуда переведены в Большое Горькое озеро (зона Суэцкого канала), где они и простояли до конца войны, а потом были отправлены на слом.

Другие корабли могли быть задействованы союзниками для конвойной службы на путях снабжения, однако в Средиземном море вскоре не осталось ни одной немецкой подводной лодки, не говоря уже о крупных надводных кораблях, и охрана судов стала не актуальной. После 8 сентября 1943 г. на этом театре не состоялось ни одного морского боя. Тем не менее изъять «необходимые итальянские ресурсы» для их использования Советским Союзом, который обладал гораздо меньшим военно-морским потенциалом, чем англосаксы, но очень нуждался в его укреплении, союзники не сочли возможным.

Трудно себе представить, каким образом передача СССР нескольких кораблей, как утверждали английские и американские военные, могла помешать союзникам получать «помощь» от итальянских ремонтных баз и уж тем более «привести к затоплению итальянских военных судов и к потере итальянского сотрудничества». Настроение итальянских моряков в 1943 г. было совсем не таким, как у немецких в 1919 г. в Скапа-Флоу или у французских в 1942 г. в Тулоне. И те, и другие предпочли затопить свои корабли, но не отдавать их победителям. Некоторые же направлявшиеся к союзникам на Мальту итальянские корабли, как утверждают, подняли флаги, сигнализирующие о сдаче, «размером с теннисный корт»[54]. По словам У. Черчилля, «итальянский флот смело присоединился к союзникам»[55]. Это не мудрено. Во флоте, то есть в той части итальянских вооруженных сил, «где антифашистские

настроения были наиболее сильными, вовсе не наблюдалось колебаний, и, подчиняясь условиям перемирия по всем его пунктам, ВМФ направился на Мальту»[56].

В послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 23 января выдвигался новый вариант решения рассматриваемой проблемы. Союзники предлагали передать Советскому Союзу британский линейный корабль «Ройял Соверин», который только что прошел модернизацию в США и, в частности, был оборудован радиолокационными установками для всех типов вооружений, а также американский легкий крейсер. Оба корабля временно предоставлялись взаймы Советскому Союзу и ходили бы под советским флагом «до тех пор, пока без ущерба для военных операций не смогут быть предоставлены итальянские суда». На тех же условиях предлагалась передача торговых судов по 20 тыс. тонн от каждой из западных держав[57].

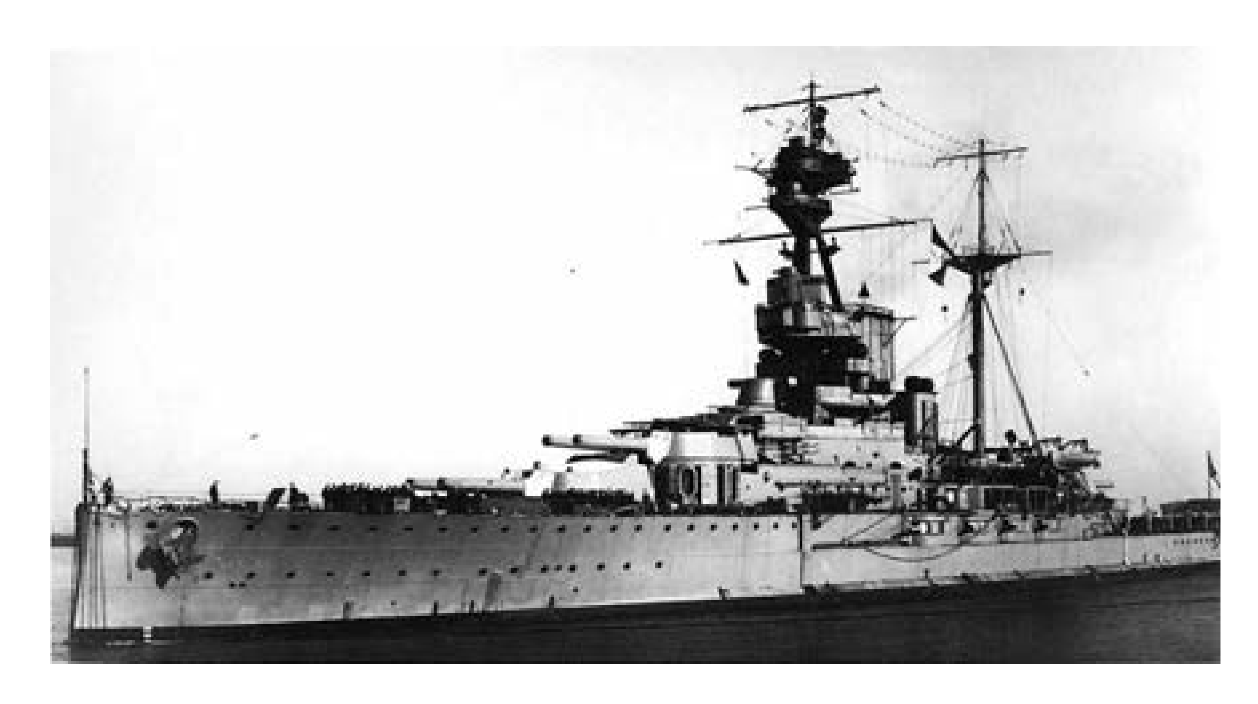
С трудом скрывая раздражение, И. В. Сталин через несколько дней ответил своим партнерам по большой тройке, что считал данный вопрос решенным и у него «не возникало мысли о возможности какого-либо пересмотра этого принятого и согласованного между нами троими решения». Теперь выясняется, «что это не так и что с итальянцами даже не говорилось ничего по этому поводу». Советская сторона, однако, заявила о готовности принять предложение союзников, чтобы не затягивать решение этого вопроса. Также было выражено согласие получить по этой же схеме (временно заменив итальянские корабли английскими и американскими) восемь эсминцев и четыре подводные лодки, о которых в послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля вообще ничего не было сказано[58].

Когда в Москве стали рассматривать новые предложения союзников, то сразу выяснилось, что вместо современных итальянских кораблей (по крайней мере таковыми должны были быть некоторые из трофеев) советской стороне союзники предлагали давно устаревшие экземпляры времен Первой мировой войны. Британский линейный корабль «Ройял Соверин» был включен в списки флота еще в 1916 г. В межвоенный период его модернизация свелась в основном к усилению зенитного вооружения, тогда как угол возвышения орудий главного калибра не был увеличен, и они уступали по дальности стрельбы артиллерии практически всех других линкоров. В годы Второй мировой войны «Ройял Соверин» нес службу в Атлантике, Средиземноморье и Индийском океане, ничем особо не отличившись. Из-за плохого состояния механизмов целый год, до сентября 1943 г., находился на капитальном ремонте в США и вскоре после этого был выведен в резерв.

По своим тактико-техническим характеристикам новейшие итальянские линкоры типа «Литторио» заметно превосходили его: водоизмещение (полное) — соответственно 46 тыс. и 31 тыс. тонн, скорость хода — 31 узел (в мае 1940 г. на ходовых испытаниях «Витторио Венето» показал самую высокую среди всех кораблей этого класса скорость — 32 узла) и 21 узел, главный калибр — девять 381-мм орудий против восьми 381-мм орудий у «Ройял Соверина».

Эсминцы тоже оказались постройки времен Первой мировой войны. Эти корабли Великобритания получила от США в 1940 г. по соглашению «эсминцы в обмен на базы», после чего они прошли модернизацию и перевооружение[59]. Ненамного более новым оказался выделенный Соединенными Штатами легкий крейсер «Милуоки», вошедший в состав флота в 1923 г. Только подводные лодки постройки 1936–1941 гг. можно было считать современными[60].

Понятно, что восторга у советской стороны эти предложения союзников не вызвали. И. В. Сталин обратился к ним с просьбой, чтобы хотя бы половина эсминцев была современной, а не старой. Согласившись, что передаваемые эсминцы «вполне пригодны для эскортной работы», он подчеркнул, что Советскому Союзу нужны корабли этого класса также и для других боевых операций. К тому же в результате военных действий со стороны Германии и Италии погибла значительная часть советских эсминцев, и надо было хотя бы частично восполнить эти потери[61]. Впрочем, И. В. Сталин, прекрасно понимавший все уловки западных союзников и видевший, к чему они клонят, не питал особых иллюзий относительно возможности согласия англосаксов на эту советскую просьбу. Когда нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов доложил в Ставке, что корабли передаются старые, Верховный главнокомандующий ответил: «Рассчитывать на передачу нам более современных судов не стоит»[62].

Линейный корабль «Ройял Соверин»

В западной литературе высказывается мнение, что советская претензия на часть итальянского флота «звучала малообоснованно, тем более что русские не вели морских боев против немцев, а англичане и американцы, несшие бремя войны на море против Германии и Японии и снабжавшие советскую военную машину морским путем, пытались использовать итальянские суда для открытия второго фронта в Северной Франции, который Советскому Союзу был нужен больше итальянских судов»[63].

Но, во-первых, что значит малообоснованно, когда речь идет о наказании страны-агрессора, армия и флот которой воевали против СССР. Во-вторых, на встрече большой тройки была достигнута договоренность о получении Советским Союзом кораблей, которую западные союзники в Тегеране рассматривали как обоснованную, а потом стали почему-то переиначивать на свой лад. В-третьих, эти корабли, прежде всего эсминцы и подводные лодки, нужны были советским союзникам как раз «для морских боев против немцев» на Севере, для участия в проводке арктических конвоев, которые везли грузы по ленд-лизу для «советской военной машины». Все полученные от союзников корабли были отправлены именно на Северный флот. В-четвертых, нет сведений о сколько-нибудь заметном участии итальянских кораблей в десантной операции в Северной Франции. И не только новейших линкоров, которые уже, наверное, начинали ржаветь без должного ухода в своем «отстойнике» — Суэцком канале, но и кораблей других классов. К моменту открытия второго фронта флот у союзников был уже настолько многочисленным, что проблема состояла скорее не в том, чтобы еще добавить кораблей, а в том, как обеспечить их экипажами.

В конечном счете, Советский Союз получил то, что ему полагалось. Весной — летом 1944 г. на линкоре, получившем название «Архангельск», легком крейсере «Мурманск», восьми эсминцах (потом добавили девятый «на запчасти», но его тоже ввели в строй) и четырех подлодках были подняты советские флаги, и они вошли в состав ВМФ СССР[64].

Если относительно передачи итальянских кораблей советская сторона выдвигала свои требованиями к союзникам, то последние нашли свой повод предъявить претензии Москве.

17 января 1944 г. в «Правде» было опубликовано сообщение ее собственного корреспондента из Каира, в котором со ссылкой на заслуживающие доверия источники говорилось о состоявшейся «в одном из прибрежных городов Пиренейского полуострова» секретной встрече нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа с английскими руководящими лицами на предмет выяснения условий сепаратного мира с Германией.

Во время войны в любом союзе малейшее подозрение даже о гипотетическом поползновении союзника к сепаратному миру с противником воспринимается крайне болезненно. И опровергается тоже очень эмоционально. На что У. Черчилль в послании И. В. Сталину от 24 января назвал подобные сообщения оскорбительными, а заодно вспомнил о бесконечной критике слева журналом «Война и рабочий класс» британской политики в Италии и Греции («булавочные уколы»). «Я никогда не стал бы вести переговоры с немцами отдельно», — с обидой писал он. На тот момент, наверное, так оно и было. Но летом 1943 г. союзники, не согласовав заранее этот вопрос с советским руководством, вступили в переговоры и признали в Италии власть короля и маршала П. Бадольо, которые были тесно связаны с режимом Б. Муссолини. Более того, через год, как известно, последовал «бернский инцидент», когда американцы и англичане вступили в переговоры с немцами как раз отдельно, не допустив к ним советских представителей. И это стало уже не «булавочным уколом», а серьезным фактором, подрывавшим доверие между союзниками в решающий период завершения войны.

И. В. Сталин ответил, ссылаясь на свободу печати. «Не следует придавать чрезмерного значения» сообщению в «Правде». Это, мол, право газеты. «Мы, русские, по крайней мере никогда не претендовали на такого рода вмешательства в дела британской печати». Журнал «Война и рабочий класс» — профсоюзный, за его статьи правительство «не может нести ответственности»[65].

Отношения между странами — это не только межгосударственные связи, но и контакты общественности, представления народов друг о друге. К концу 1943 — началу 1944 г. отношение к Советскому Союзу в странах Запада продолжало оставаться сложным и неоднозначным. Бесспорно, под влиянием выдающихся побед Красной армии на фронте, беспримерного мужества и героизма советского народа заметно усилились симпатии к СССР, искренняя радость и удовлетворение его успехами, готовность рассматривать его как надежного союзника и равноправного партнера в послевоенном мире.

Вместе с тем, отмечал еще в начале 1943 г. советский посол в Лондоне И. М. Майский в своем анализе внутриполитической ситуации в Великобритании, во всех социальных слоях британского общества почти с равной силой ощущались такие чувства, как «крайнее удивление мощью и жизнеспособностью СССР... радостного у одних, тревожного у других», а также «растущее чувство самоуспокоенности». Но чем выше по этажам общественной пирамиды, «тем больше чувство восхищения разбавляется примесью других, разъедающих чувств». Основная реакция той же интеллигенции, как известно, в огромной степени определяющей настроения общественности, — «тревожное недоумение». Привыкнув считать, что «свет исходит только из Англии», она вдруг увидела, что «коммунистическая диктатура», к которой она относилась «со смешанными чувствами неприязни и презрения», дает «совершенно изумительные образцы героизма, дальновидности, организационного искусства, государственной мудрости». Еще сложнее позиция господствующих классов: с одной стороны, довольных тем, что «русские так крепко бьют немцев» и тем самым можно по извечной традиции воевать чужими руками, но с другой — «а не слишком ли в результате усилятся большевики?». Отсюда и отношение ко второму фронту, который надо открыть не слишком рано и не слишком поздно, а как раз «вовремя»[66].

К концу 1943 г. эмоциональная насыщенность и степень поддержки тех или иных позиций могли измениться, но принципиальных перемен не произошло. Примерно такая же палитра чувств, эмоций, оценок и настроений существовала и в США, как и в Великобритании, накладываясь на массу устоявшихся взглядов и представлений о том, что такое Россия.

Большую роль в формировании международного имиджа Советского Союза играл вопрос о положении религии и церкви. В 1920–1930-е гг. сообщения о репрессиях против

Политическая карта мира к началу Первой мировой войны. 1914 г.

Политическая карта мира
после Октябрьской революции и образования СССР. 1923 г.

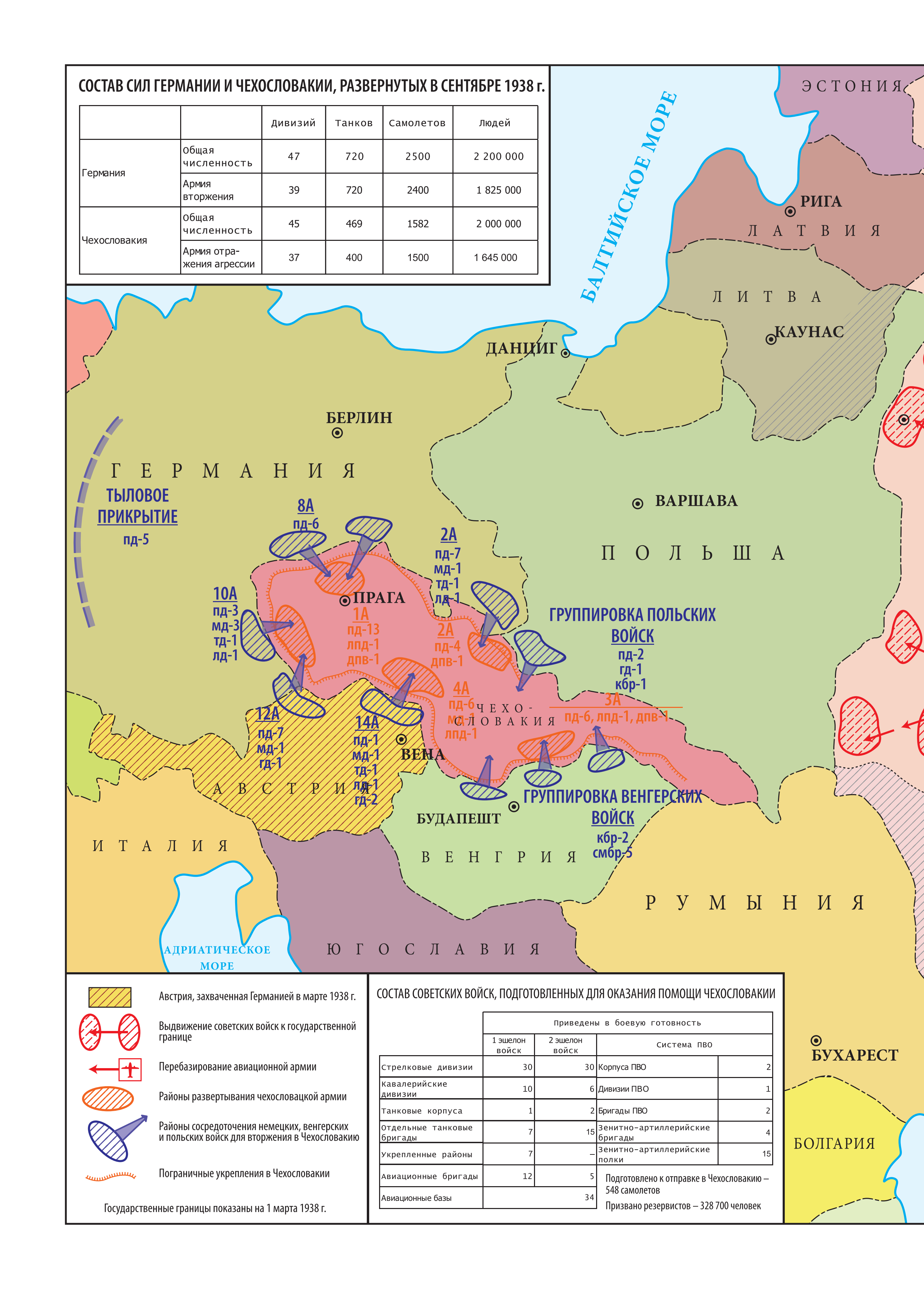
Японская агрессия на Дальнем Востоке.
1935–1939 гг.

Результаты фашистской агрессии в Европе.
Март 1935 г. – август 1939 г.

Территориальные захваты фашистского блока в Европе к 22 июня 1941 г.

СОСТАВ СИЛ ГЕРМАНИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ, РАЗВЕРНУТЫХ В СЕНТЯБРЕ 1938 г.

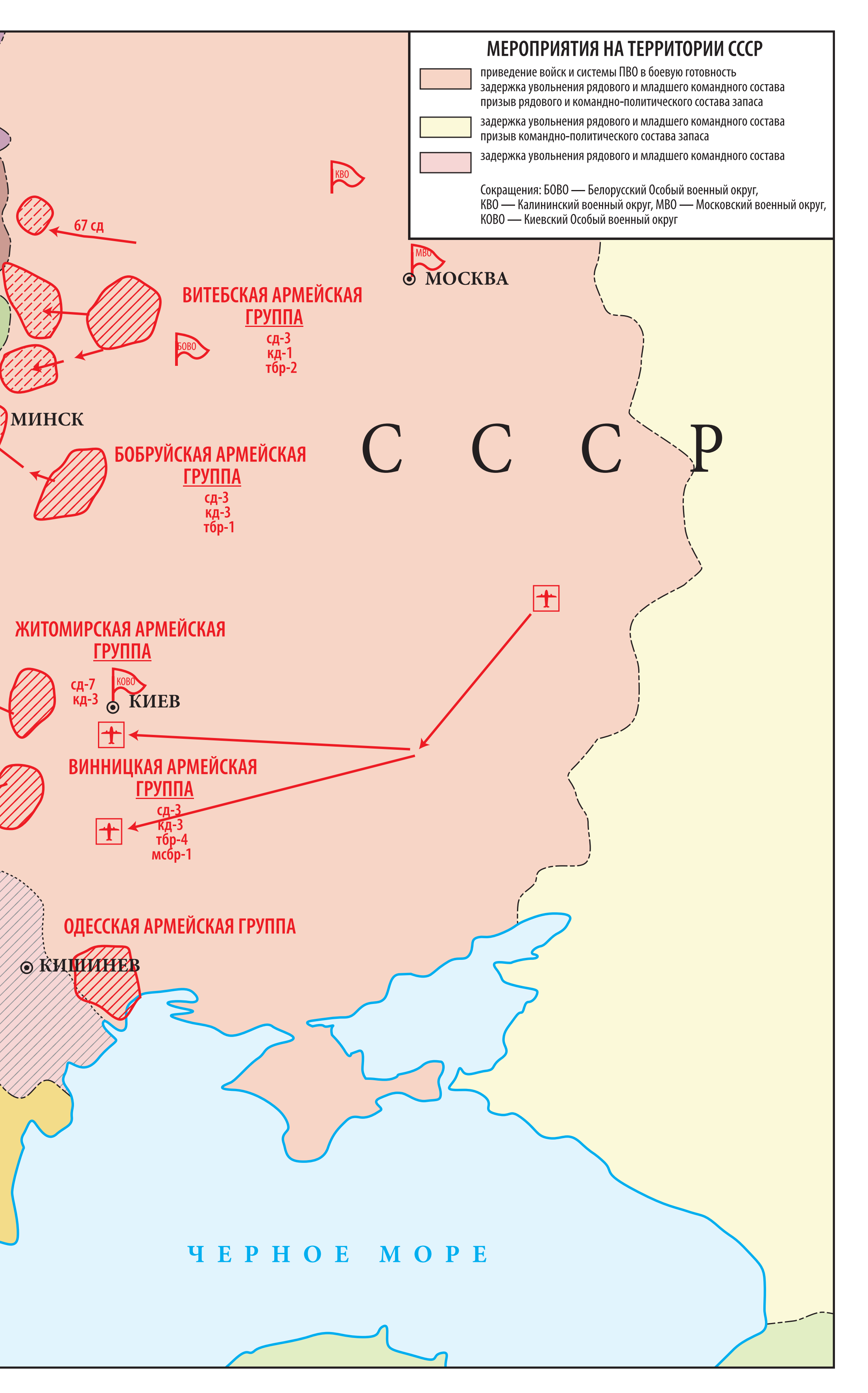
		Дивизий	Танков	Самолетов	Людей
Германия	Общая численность	47	720	2500	2 200 000
	Армия вторжения	39	720	2400	1 825 000
Чехословакия	Общая численность	45	469	1582	2 000 000
	Армия отра-жения агрессии	37	400	1500	1 645 000

СОСТАВ СОВЕТСКИХ ВОЙСК, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

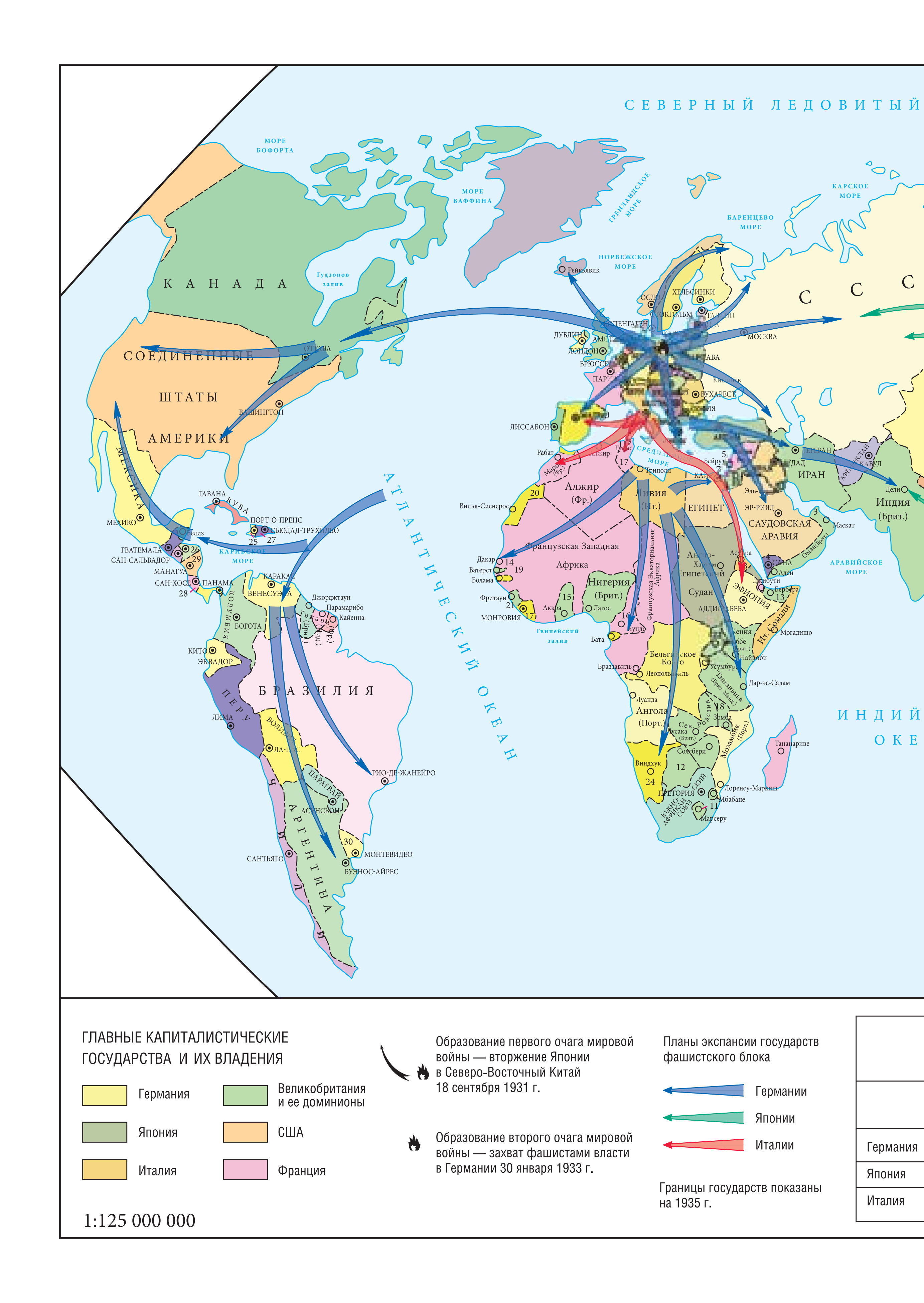
	Приведены в боевую готовность			
	1 эшелон войск	2 эшелон войск	Система ПВО	
Стрелковые дивизии	30	30	Корпуса ПВО	2
Кавалерийские дивизии	10	6	Дивизии ПВО	1
Танковые корпуса	1	2	Бригады ПВО	2
Отдельные танковые бригады	7	15	Зенитно-артиллерийские бригады	4
Укрепленные районы	7	–	Зенитно-артиллерийские полки	15
Авиационные бригады	12	5		
Авиационные базы	34			

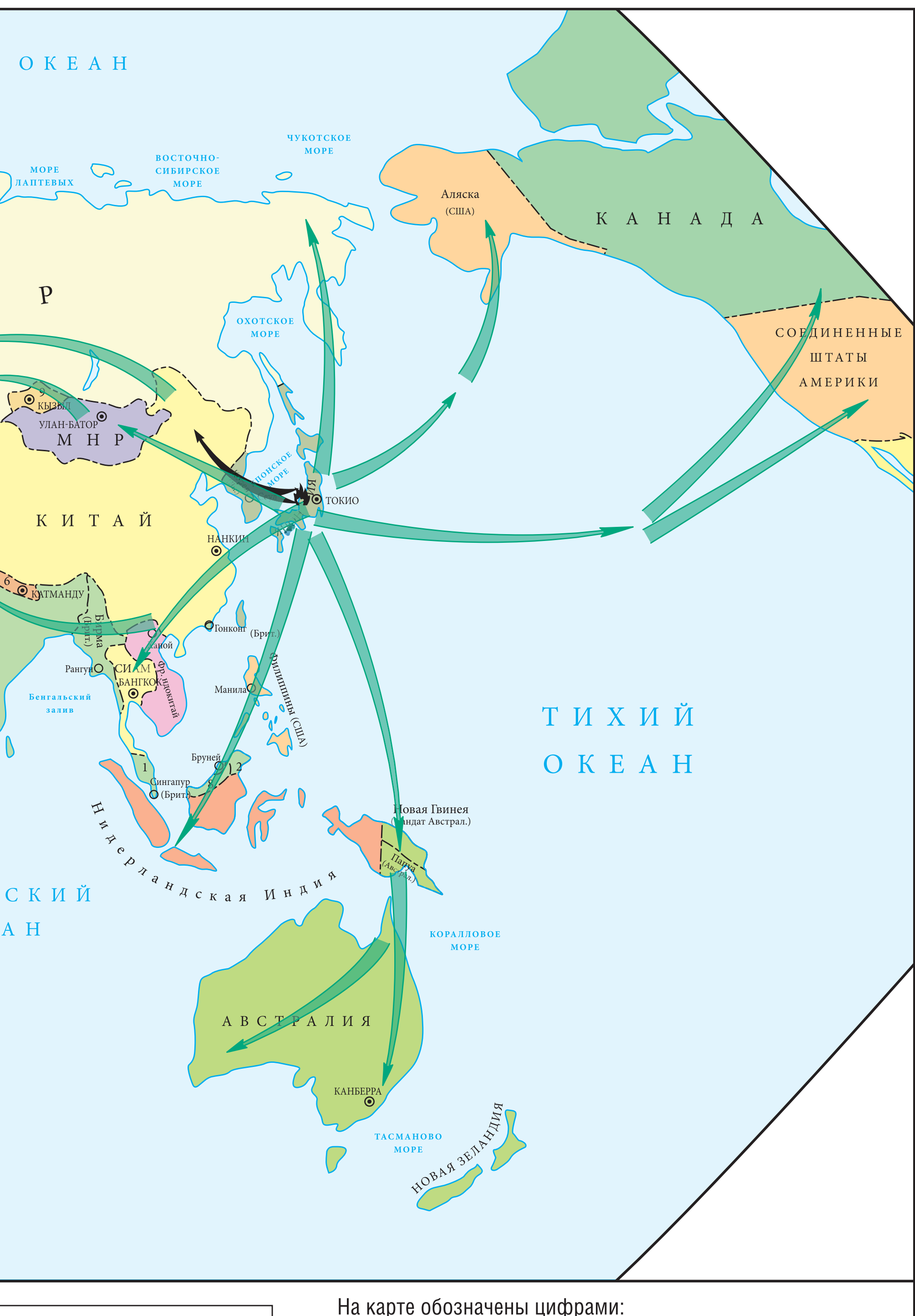
Подготовлено к отправке в Чехословакию – 548 самолетов

Призвано резервистов – 328 700 человек

Мероприятия СССР
по оказанию помощи
Чехословакии.
1938 г.

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ
МОРЕ БОФОРТА
МОРЕ БАФФИНА
ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
Гудзонов залив
КАНАДА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ
ОТТАВА
ВАШИНГТОН
МЕКСИКА
МЕХИКО
ГАВАНА
КУБА
ПОРТ-О-ПРЕНС
СЬЮДАД-ТРУХИЛЬО
Белиз
ГВАТЕМАЛА
САН-САЛЬВАДОР
МАНАГУА
САН-ХОСЕ
ПАНАМА
КАРИБСКОЕ МОРЕ
КАРАКАС
ВЕНЕСУЭЛА
КОЛУМБИЯ
БОГОТА
Джорджтаун
Парамарибо
Кайенна
КИТО
ЭКВАДОР
ПЕРУ
ЛИМА
БРАЗИЛИЯ
БОЛИВИЯ
ЛА-ПАС
ПАРАГВАЙ
АСУНСЬОН
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО
МОНТЕВИДЕО
БУЭНОС-АЙРЕС
САНТЬЯГО
ЧИЛИ
АРГЕНТИНА
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
Рейкьявик
ОСЛО
ХЕЛЬСИНКИ
СТОКГОЛЬМ
КОПЕНГАГЕН
ДУБЛИН
ЛОНДОН
БРЮССЕЛЬ
ПАРИЖ
ЛИССАБОН
МОСКВА
БУХАРЕСТ
СССР
Рабат
Алжир
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Триполи
Бейрут
ТЕГЕРАН
БАГДАД
ИРАН
КАБУЛ
Дели
Индия (Брит.)
Алжир (Фр.)
Ливия (Ит.)
ЕГИПЕТ
ЭР-РИЯД
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ
Маскат
Вилья-Сиснерос
Французская Западная Африка
Дакар
Батерст
Болама
Фритаун
МОНРОВИЯ
Аккра
Лагос
Нигерия (Брит.)
Французская Экваториальная Африка
Англо-Египетский Судан
Асмара
САНА
Аден
Джибути
Бербера
ЭФИОПИЯ
АДДИС-АБЕБА
Ит. Сомали
Могадишо
Найроби
Гвинейский залив
Бата
Браззавиль
Леопольдвиль
Бельгийское Конго
Дар-эс-Салам
Танганьика
Луанда
Ангола (Порт.)
Лусака
Зомба
Мозамбик (Порт.)
Солсбери
Виндхук
ПРЕТОРИЯ
Лоренсу-Маркиш
Мбабане
Масеру
ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ
Тананариве
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
ИНДИЙСКИЙ ОКЕ
ГЛАВНЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ ВЛАДЕНИЯ
Германия
Великобритания и ее доминионы
Япония
США
Италия
Франция
1:125 000 000
Образование первого очага мировой войны — вторжение Японии в Северо-Восточный Китай 18 сентября 1931 г.
Образование второго очага мировой войны — захват фашистами власти в Германии 30 января 1933 г.
Планы экспансии государств фашистского блока
Германии
Японии
Италии
Границы государств показаны на 1935 г.
Германия
Япония
Италия

ВОЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ СТРАН ФАШИСТСКОГО БЛОКА (в % ко всем расходам)

Финансовые годы		
1934/35	1937/38	1938/39
18,0	41,0	58,0
44,2	71,5	75,4
50,5	65,1	53,0

На карте обозначены цифрами:

АЗИЯ
1 Брит. Малайя
2 Брит. Сев. Борнео
3 Договорный Оман (Брит.)
4 Йемен
5 Ливан (Фр. мандат)
6 Непал
7 Палестина (Брит. мандат)
8 Саравак (Брит.)
9 Тувинская Нар. Республика
10 Трансиордания (Брит. мандат)

АФРИКА
11 Басутоленд (Брит.)
12 Бечуаналенд (Брит.)
13 Брит. Сомали
14 Гамбия (Брит.)
15 Золотой Берег (Брит.)
16 Камерун (Фр. мандат)
17 Либерия
18 Ньясаленд (Брит.)
19 Португальская Гвинея
20 Рио-де-Оро (Исп.)
21 Сьерра-Леоне (Брит.)
22 Уганда (Брит.)
23 Эритрея (Ит.)
24 Юго-Западная Африка (мандат Южно-Африканского Союза)

АМЕРИКА
25 Гаити
26 Гондурас
27 Доминиканская Республика
28 Коста-Рика
29 Никарагуа
30 Уругвай

Планы Германии, Японии и Италии в борьбе за мировое господство

СЕВЕРНЫЙ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Ханко
7
ТАЛЛИН
1
РИГА
2
3
ВИЛЬНЮС
КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
ЛЕНИНГРАД
Новгород
Белосток
Брест
МИНСК
БЕЛОРУССКАЯ ССР
Днепр
Смоленск
Гомель
УКРАИНСКАЯ ССР
КИЕВ
4
КИШИНЕВ
МОСКВА
Рязань
Курск
Николаев
Одесса
Днепр
ХАРЬКОВ
Днепропетровск
Симферополь
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Дон
Печора
Обь
Енисей
КАЗАНЬ
Волга
КУЙБЫШЕВ
СВЕРДЛОВСК
Иртыш
ЧЕЛЯБИНСК
РОССИЙС
ГРУЗ. ССР
ТБИЛИСИ
5
ЕРЕВАН
6
БАКУ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
КАЗАХСКАЯ ССР
Обь
НОВОСИБИРСК
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Сырдарья
ТУРКМЕНСКАЯ ССР
АШХАБАД
УЗБЕКСКАЯ ССР
Амударья
ТАШКЕНТ
ФРУНЗЕ
АЛМА-АТА
КИРГИЗСКАЯ ССР
СТАЛИНАБАД
ТАДЖИКСКАЯ ССР
Площадь СССР — 22,4 млн кв. км
Население — 194,1 млн чел.
(оценка на конец 1940 г.)

Протяженность сухопутных границ — ок. 20 тыс. км

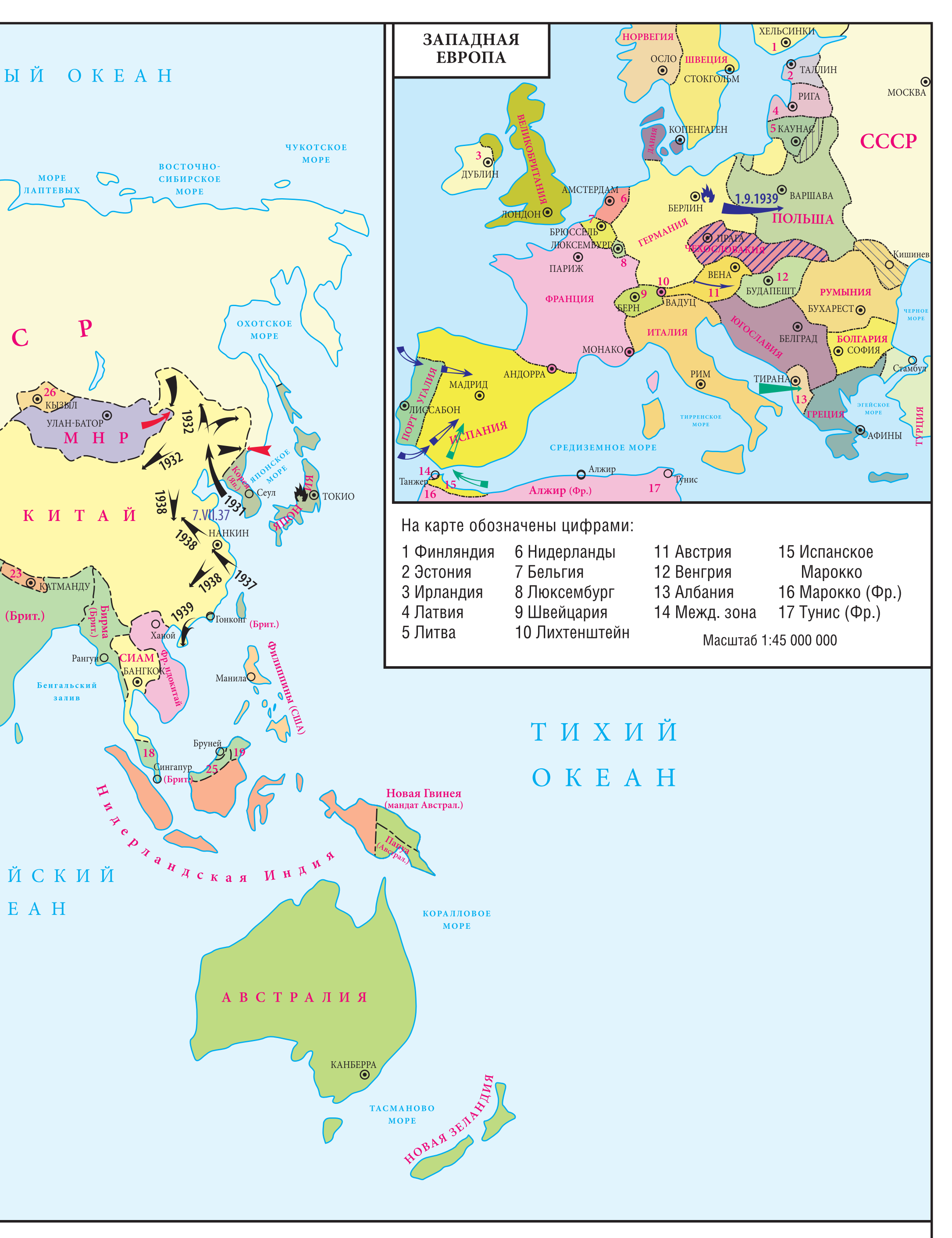
Протяженность морских границ — ок. 40 тыс. км

1:30 000 000

Цифрами на карте обозначены:
1 Эстонская ССР
2 Латвийская ССР
3 Литовская ССР
4 Молдавская ССР
5 Армянская ССР
6 Азербайджанская ССР
7 Полуостров Ханко — аренда СССР у Финляндии

Границы СССР к июню 1941 г.

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТ
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
МОРЕ БОФОРТА
МОРЕ БАФФИНА
ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
Гудзонов залив
КАНАДА
ОТТАВА
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ
ВАШИНГТОН
МЕКСИКА
МЕХИКО
ГАВАНА
КУБА
ПОРТ-О-ПРЕНС
СЬЮДАД-ТРУХИЛЬО
Белиз
ГВАТЕМАЛА
САН-САЛЬВАДОР
МАНАГУА
САН-ХОСЕ
ПАНАМА
КАРИБСКОЕ МОРЕ
КАРАКАС
ВЕНЕСУЭЛА
КОЛУМБИЯ
БОГОТА
Джорджтаун
Парамарибо
Кайенна
КИТО
ЭКВАДОР
ПЕРУ
ЛИМА
БРАЗИЛИЯ
БОЛИВИЯ
ЛА-ПАС
ПАРАГВАЙ
АСУНСЬОН
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО
ЧИЛИ
САНТЬЯГО
АРГЕНТИНА
МОНТЕВИДЕО
БУЭНОС-АЙРЕС
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
Рейкьявик
ОСЛО
СТОКГОЛЬМ
ХЕЛЬСИНКИ
ТАЛЛИН
РИГА
КОПЕНГАГЕН
КАУНАС
ДУБЛИН
АМСТЕРДАМ
ЛОНДОН
БЕРЛИН
ВАРШАВА
БРЮССЕЛЬ
ПАРИЖ
ПРАГА
ВЕНА
БЕРН
БУДАПЕШТ
Кишинев
БУХАРЕСТ
БЕЛГРАД
СОФИЯ
МАДРИД
ЛИССАБОН
РИМ
ТИРАНА
АФИНЫ
АНКАРА
МОСКВА
СС
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Рабат
Алжир
Тунис
Триполи
Марокко (Фр.)
Алжир (Фр.)
Ливия (Ит.)
ЕГИПЕТ
КАИР
Бейрут
Сирия (Фр.)
Амман
ИРАК
БАГДАД
ТЕГЕРАН
ИРАН
АФГАНИСТАН
КАБУЛ
Дели
Индия
Эль-Кувейт
ЭР-РИЯД
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ
Маскат
Оман (брит.)
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
САНА
Аден
Вилья-Сиснерос
Французская Западная Африка
Дакар
Батерст
Болама
Фритаун
МОНРОВИЯ
Аккра
Лагос
Нигерия (Брит.)
Французская Экваториальная Африка
Англо-Египетский Судан
Хартум
Асмара
Джибути
Бербера
ЭФИОПИЯ
АДДИС-АБЕБА
Ит. Сомали
Могадишо
Гвинейский залив
Бата
Яунде
Браззавиль
Леопольдвиль
Бельгийское Конго
Энтеббе
Кения
Найроби
Усумбура
Танганьика (Брит. Манд.)
Дар-эс-Салам
Луанда
Ангола (Порт.)
Сев. Родезия
Лусака
Зомба
Мозамбик (Порт.)
Солсбери
Виндхук
ПРЕТОРИЯ
Лоренсу-Маркиш
Мбабане
Масеру
ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ
Тананариве
ИНДИ
ОК
Вторжение Японии в Северо-Восточный Китай 18 сентября 1931 г. — образование первого очага мировой войны
Захват фашистами власти в Германии 30 января 1933 г. — образование второго очага мировой войны
Захват Японией Северо-Восточного (1931–1933 гг.), Северного, Центрального Китая и вторжение в Южный Китай (1937–1939 гг.)
Итало-германская интервенция в Испании 1936–1939 гг.
Захват Италией Эфиопии (1935–1936 гг.) и Албании (1939 г.)
Насильственное включение Австрии в состав Германии (аншлюс) 1938 г.
Захват Германией Чехословакии и ее расчленение между Германией, Венгрией и Польшей
Нападение японских войск на СССР и МНР и их разгром:
в районе оз. Хасан советскими войсками в 1938 г.
в районе р. Халхин-Гол советско-монгольскими войсками в 1939 г.
1.9.1939
Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. — начало Второй мировой войны
Территория Бессарабии, захваченная Румынией в 1918 г.
Территория Вильнюсской области, захваченная Польшей в 1920 г.

На карте обозначены цифрами:

АЗИЯ	АФРИКА		АМЕРИКА
18 Брит. Малайя	28 Басутоленд (Брит.)	38 Сьерра-Леоне (Брит.)	42 Гаити
19 Брит. Сев. Борнео	29 Бечуаналенд (Брит.)	39 Уганда (Брит.)	43 Гондурас
20 Договорный Оман (Брит.)	30 Брит. Сомали	40 Эритрея (Ит.)	44 Доминиканская Республика
21 Йемен	31 Гамбия (Брит.)	41 Юго-Западная Африка (мандат Южно-Африканского Союза)	45 Коста-Рика
22 Ливан (Фр. мандат)	32 Золотой Берег (Брит.)		46 Никарагуа
23 Непал	33 Камерун (Фр. мандат)		47 Уругвай
24 Палестина (Брит. мандат)	34 Либерия		
25 Саравак (Брит.)	35 Ньясаленд (Брит.)		
26 Тувинская Нар. Республика	36 Португальская Гвинея		
27 Трансиордания (Брит. мандат)	37 Рио-де-Оро (Исп.)		

Границы государств показаны на 1 марта 1938 г.
Масштаб 1:115 000 000

Политическая карта мира накануне Второй мировой войны

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ХЕЛЬСИНКИ
СТОКГОЛЬМ
ТАЛЛИН
РИГА
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
КОПЕНГАГЕН
ФИНЛЯНДИЯ
СССР
ВИЛЬНЮС
МИНСК
БЕРЛИН
ВАРШАВА
БОНН
ГДР
ПОЛЬША
ФРГ
ФРАНЦИЯ
ПРАГА
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
КИЕВ
ВЕНА
БЕРН
ШВЕЙЦАРИЯ
АВСТРИЯ
БУДАПЕШТ
ВЕНГРИЯ
КИШИНЕВ
ИТАЛИЯ
РУМЫНИЯ
БЕЛГРАД
ЮГОСЛАВИЯ
БУХАРЕСТ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
БОЛГАРИЯ
СОФИЯ
РИМ
ТИРАНА
АЛБАНИЯ
СТАМБУЛ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
ГРЕЦИЯ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ТУРЦИЯ
АФИНЫ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТУНИС (Фр.)
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
I
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Границы:
СССР на 1 января 1950 г.
Иностранных государств на 1 января 1950 г.
Примечание: коричневым пунктиром показаны государственные границы СССР на 22 июня 1941 г. и иностранных государств на 1 марта 1938 г.
I Карело-Финская ССР
В Европе
По решению Потсдамской конференции 17.07–2.08.1945:
1 часть бывшей Восточной Пруссии, переданная СССР
2 часть бывшей Восточной Пруссии, переданная Польше
3 земли к востоку от рек Одра (Одер) и Нейсе, возвращенные Польше
4 территория Гданьска (Данцига), возвращенная Польше
По советско-чехословацкому договору 29.06.1945:
5 Закарпатская Украина,воссоединенная с УССР
По советско-польскому договору 16.08.1945:
6 Белостокская область и район Пшемысля (Перемышля), переданные Польше

По мирным договорам 10.02.1947 с Финляндией, Италией, Болгарией и Венгрией:

7 область Печенга (Петсамо), возвращенная СССР

8 территории, отошедшие к Франции в районах перевала Малый Сен-Бернар, плато Мон-Сени, Мон-Табор-Шабертон, в верховьях рек Тине, Везюби и Руая

9 территории, отошедшие к Югославии: п-ов Истрия и часть области Юлийская Крайна, город Риека (Фиуме), коммуна Зара (Задар), о-ва Пелагружа (Пелагоса)

10 о-ва Додеканес (Южные Спорады), переданные Греции

11 Южная Добруджа (подтвержден договор между Болгарией и Румынией 7.09.1940, по которому Румыния возвратила Болгарии территорию Южной Добруджи)

12 территория на правом берегу Дуная в р-не Братиславы, переданная Чехословакии

На Дальнем Востоке

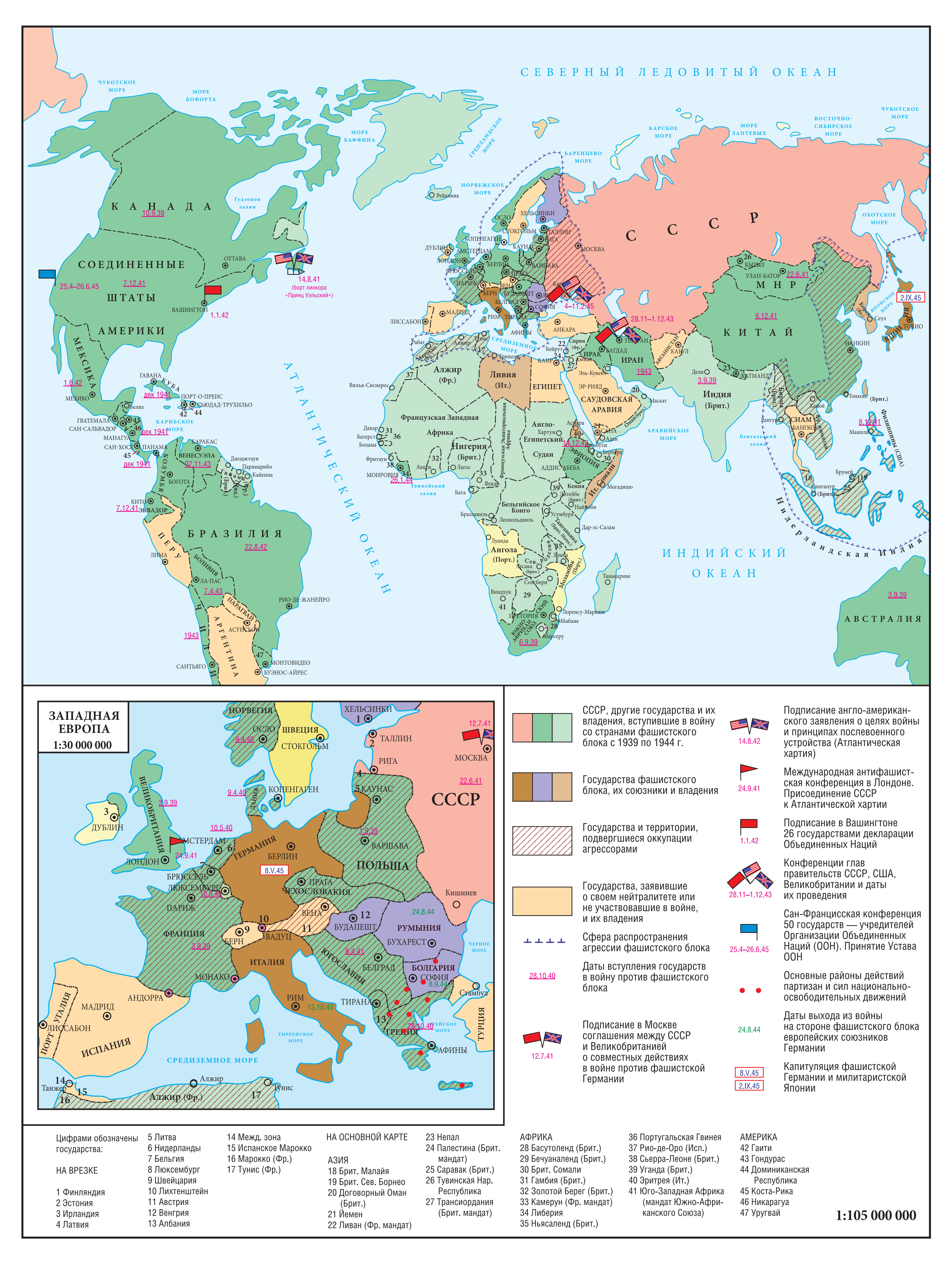
По решению Каирской конференции 1.12.1943:

13. Маньчжурия, о. Тайвань (Формоза) и о-ва Пэнхуледао, возвращенные Китаю

По решению Крымской (Ялтинской) конференции 11.02.1945:

14 Южный Сахалин и Курильские о-ва, возвращенные СССР

Карта мира после Второй мировой войны. Сентябрь 1945 г.

Антигитлеровская коалиция.
1941–1945 гг.

церкви и верующих вызывали волны антисоветской пропаганды, заметно ухудшали образ СССР на Западе. Но еще до начала войны советская власть стала предпринимать попытки исправить эту ситуацию, опираясь на ту часть духовенства, которая готова была сотрудничать с государством.

После 22 июня 1941 г. устоявшиеся за рубежом представления о положении религии и церкви в СССР наряду с другими подобными стереотипами стали препятствием для налаживания отношений с союзниками. Как известно, с первого дня войны Русская православная церковь (РПЦ) заняла патриотическую позицию. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) разослал по всем действующим храмам обращение, в котором призвал народ встать на защиту Родины, а церковь — разделить судьбу народа. Публичное заявление митрополита Сергия об отлучении от церкви любого священника или мирянина, кто, подобно Иуде, станет сотрудничать с нацистами, попало на страницы зарубежной прессы[67].

Советское руководство учло эту позицию церкви и стало все активнее использовать ее, прежде всего для мобилизации духовных сил народа на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, но также и для улучшения образа СССР в глазах международной общественности. Новый курс властей предполагал определенное оживление религиозной жизни, но под жестким контролем государства за деятельностью церкви.

Случайно или нет, но знаменитая встреча И. В. Сталина с церковными иерархами 4 сентября 1943 г. и последовавшее за ней через четыре дня избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси, а также образование 14 сентября Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР произошли незадолго до Тегеранской конференции. Известно, что западные лидеры, в частности Ф. Рузвельт, проявляли особый интерес к положению церкви в СССР.

В это время менялось и положение мусульман в Советском Союзе. В октябре 1943 г. в Ташкенте состоялся первый курултай улемов Средней Азии и Казахстана, который (с санкции властей) вынес решение о создании Духовного управления мусульман этого региона, а также принял обращение к мусульманам с призывом вместе со всеми народами сражаться против нацистских захватчиков. В Бухаре и Ташкенте были открыты медресе. В мае 1944 г. в Баку был проведен съезд мусульманского духовенства и верующих, на котором объявлено об образовании Духовного управления мусульман Закавказья. Съезд выступил с патриотическим обращением, которое распространялось среди мусульман не только в Закавказье, но также в Иране, Турции и арабских странах. В июне 1944 г. в Буйнакске (Дагестан) было организовано Духовное управление мусульман Северного Кавказа.

19 мая 1944 г. при СНК СССР был учрежден Совет по делам религиозных культов, обеспечивавший контакт власти со всеми конфессиями (кроме православия). Подобные мероприятия в совокупности с активизацией международных церковных связей должны были доказать западным политикам и общественности наличие свободы совести в СССР и отсутствие религиозных гонений. В определенной степени эти расчеты оправдывались. Так, архиепископ Йоркский Сирил Фостер Гарбет, который во главе делегации англиканского духовенства встречался с патриархом Сергием вскоре после его избрания, заявил в Москве: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать: есть ли в России свобода отправления религиозного культа? — и я отвечу, что, безусловно, да». Вернувшись домой, архиепископ действительно заверил журналистов, что благодаря советскому руководству положение церкви в СССР улучшилось, а «Сталин, будучи великим государственным деятелем, признал силу религии»[68].

В докладе наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова «Об откликах иностранных дипломатов и политэмигрантов на изменение внутренней политики Советского Союза в отношении религии» приводились слова одного из английских корреспондентов: «Изменение политики Советского Союза в отношении религии равносильно сейчас открытию второго фронта, так как у стран оси выбит козырь в деле их пропаганды против СССР, якобы угнетающего религию»[69].

Волна симпатий к Советскому Союзу, которая, может быть, не сразу после 22 июня 1941 г., но чем дальше, тем больше поднималась в США и Великобритании, породила немало общественных организаций, занимавшихся в тех или иных формах поддержкой Советского Союза, Красной армии и советского народа. Ведущей организацией такого рода в США стал комитет «Помощь России в войне» (Russian War Relief)[70]. Зародился он еще в 1941 г., когда группа бизнесменов, общественных и религиозных деятелей создала Временный комитет медицинской помощи России. В его состав, в частности, вошли те, кто участвовал в организации помощи голодающим в России в конце XIX — начале XX в. Например, А. Вардвелл, член миссии Красного Креста в России в 1917 г., в 1920-е гг. — вице-президент Американо-российской торговой палаты. Комитет сразу же получил от советского посла К. А. Уманского список необходимых медикаментов. Но вскоре выяснилось, что СССР остро нуждается в самых разнообразных товарах гражданского назначения. Для решения этой задачи в сентябре и была учреждена новая общественная организация под названием комитет «Помощь России в войне». Президентом комитета стал Э. Картер, а почетным председателем — А. Вардвелл. В совете директоров поначалу было два представителя русской эмиграции: инженер и изобретатель, «отец телевидения» В. К. Зворыкин и финансист С. Я. Семененко.

Довольно скоро комитет превратился в крупную, разветвленную структуру со своими региональными, женскими, молодежными, религиозными отделениями, количество которых по всей стране исчислялось сотнями. Он стал самым крупным общественным объединением из более чем 30 организаций, созданных для оказания помощи тем или иным народам в борьбе с державами оси. В октябре 1943 г. для координации деятельности всех структур, оказывавших гуманитарную помощь союзникам США, был создан Национальный военный фонд, в состав которого вошел и комитет «Помощь России в войне».

О статусе комитета в американском обществе говорило то, что его почетными членами являлись Элеонора Рузвельт — жена президента США, физики Альберт Эйнштейн и Роберт Оппенгеймер, математик Джон фон Нейман, актер Чарли Чаплин, писатель Леон Фейхтвангер.

Русские эмигранты инициировали создание в комитете «Помощь России в войне» Центрального русского комитета, почетным председателем которого стал уже упоминавшийся выше изобретатель В. К. Зворыкин, президентом — М. Холод, много лет возглавлявший Общество русских братств США, исполнительным секретарем — М. И. Конёнкова, жена знаменитого русского скульптора С. Т. Конёнкова. Почетными членами Русского комитета являлись такие известные фигуры, как экзарх Русской православной церкви в США митрополит Вениамин, митрополит Макарий, архиепископ Адам, экономист В. В. Леонтьев, философ и социолог П. А. Сорокин, зоолог А. И. Петрункевич, юрист и историк М. Т. Флоринский, историки Г. В. Вернадский и В. Г. Симхович, редактор нью-йоркского «Нового журнала» М. М. Карпович, писатель Г. Д. Гребенщиков, актер и режиссер М. А. Чехов, скульптор и художник-авангардист А. П. Архипенко, скульптор С. Т. Конёнков, пианист и композитор С. В. Рахманинов, виолончелист, композитор и дирижер Е. А. Цимбалист, певица М. М. Куренко, композитор А. Т. Гречанинов, скрипач И. Р. Хейфец, пианист В. С. Горовиц, дирижер С. А. Кусевицкий, виолончелист Г. П. Пятигорский и другие.

Комитет являлся некоммерческой организацией, главной целью которой было оказание материальной помощи и моральной поддержки советскому народу, испытывавшему тяжелейшие лишения в борьбе с гитлеровской агрессией. Осуществлялись сбор финансовых средств, приобретение и отправка в СССР лекарств и медицинской аппаратуры, продуктов питания, одежды, обуви, предметов домашнего обихода и т. д. Имелись собственные производственные предприятия (к концу 1944 г. их было более 20 тыс.) и склады.

К концу 1943 г. число частных пожертвований по сравнению с предыдущим годом возросло в 10 раз, и помощь комитета советской стороне составила 16 млн 681 тыс. долларов. К концу марта 1944 г. были произведены поставки на сумму 25 млн 65 тыс. долларов. В этом же году была проведена специальная акция: в СССР послали 4,5 млн фунтов семян

различных сельскохозяйственных культур, большая часть которых была подарена комитету американскими бизнесменами и фермерами.

С начала 1944 г. комитет полностью переориентировался на помощь гражданскому населению СССР (первоначально две трети поставок шло для нужд армии и лишь одна треть — для нужд тыла). Соответственно менялась и структура закупок товаров, предназначенных для Советского Союза. Если в 1942 г. 71 цент из каждого доллара тратился на лекарства и медикаменты, то в 1943 г. примерно 62 цента шли на одежду и текстиль (годом ранее — только 17 центов). При этом все грузы, отправлявшиеся комитетом в СССР, с самого начала были освобождены от таможенных пошлин специальным распоряжением министерства финансов США.

Большое значение комитет придавал пропагандистской работе, ознакомлению американцев с жизнью советского народа и положением на советско-германском фронте. Проводились многочисленные митинги и собрания, инициировались публикации в печати и радиопередачи, выпускались листовки, открытки и плакаты, организовывались кинофестивали.

Огромную роль в деятельности этой общественной организации играли рядовые американцы, искренне стремившиеся помочь советским людям. В качестве добровольцев они участвовали в разных кампаниях, проводившихся комитетом, в сборе пожертвований, готовили грузы к отправке, вели разъяснительную работу. По выходным дням простые американцы работали на предприятиях комитета.

Советские ведомства и организации активно контактировали и взаимодействовали с комитетом. Прежде всего это были внешнеторговое объединение «Разноэкспорт», Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), Совинформбюро. Распределением получаемых из США грузов занималась специальная комиссия, в состав которой входили представители военно-медицинской службы, наркоматов здравоохранения и образования, советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца, профсоюзов, различных социальных учреждений.

Советские власти были заинтересованы в успешной работе комитета «Помощь России в войне». Ведь в США не существовало ни одной общественной организации, которая занималась бы лоббированием советско-американских отношений. Дело было не только в материальной поддержке, но и в возможности стимулировать в американском обществе дружеские по отношению к СССР чувства и готовность помогать ему в противовес широко распространенным в этой стране антикоммунистическим настроениям.

Руководители комитета не раз бывали в Советском Союзе. Осенью 1943 г. СССР посетил президент комитета «Помощь России в войне» Э. Картер. Ему была предоставлена возможность посмотреть самые разные районы страны, двигаясь по маршруту Баку — Сталинград — Москва — Свердловск — Новосибирск — Ташкент.

Но производить нужное впечатление на американских представителей и находить с ними общий язык удавалось не всегда. Так, в январе 1944 г. в Москву приехал заместитель директора по связям с общественностью Л. Грулев. Он встречался с заместителем наркома иностранных дел, директором Совинформбюро С. А. Лозовским и другими ответственными работниками. Стороны, в частности, не пришли к единому пониманию того, как надо подавать информацию о советских делах для простых американцев. Советские представители считали, что надо прежде всего разоблачать фашистские преступления и показывать ужасные последствия войны для СССР. Американец же полагал, что в отношении его соотечественников, сильно отличавшихся от советских людей по своему менталитету, будет более действенным не только показывать фотографии бомбардировок, но и приводить примеры реальной помощи тем, кто пережил этот кошмар. Это могло бы подтолкнуть к оказанию материальной помощи пострадавшим. Более того, в среде советских руководителей даже высказывалось мнение, будто главная цель комитета — самореклама и преувеличение размеров помощи СССР или использование собранных средств для помощи другим союзным странам[71]. Но, к счастью, подобные обстоятельства все же не оказали решающего воздействия на комитет «Помощь России в войне» и на его отношения с советскими властями.

Показательно, что как в США супруга президента Элеонора Рузвельт была связана с оказанием гуманитарной помощи Советскому Союзу, так и в Великобритании жена премьер-министра Клементина Черчилль активно занималась такого же рода деятельностью. В 1941 г. она создала и возглавила общественный «Фонд помощи России» при Британском обществе Красного Креста. С 1941 по 1945 г. среди населения Британского содружества фондом было собрано пожертвований на сумму более 7 млн фунтов стерлингов. Причем Клементина Черчилль сама сделала первый взнос и убедила министров возглавлявшегося ее мужем правительства последовать ее примеру. Приобретенные на пожертвования лекарства, медицинское оборудование, протезы для инвалидов, продукты питания, одежда, одеяла и многое другое передавались Красному Кресту СССР.

Уже в самом конце войны, в апреле — мае 1945 г., Клементина Черчилль сама приехала в Советский Союз. В Москве супруге британского премьер-министра был вручен орден Трудового Красного Знамени, которым она была награждена «За выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий по оказанию медицинской помощи Красной армии и советскому народу». В советской столице Клементина Черчилль встретила день Победы[72].

В первой половине 1944 г. между союзниками продолжалась подготовка к открытию второго фронта. Утвержденный на англо-американской конференции в Квебеке (14—24 августа 1943 г.) план вторжения в Европу через Ла-Манш в 1944 г. содержал такое количество оговорок, что Вашингтон и Лондон имели возможность в любой момент снова отказаться от открытия второго фронта. Вторжение ставилось в зависимость от следующих обстоятельств: если ветер не будет слишком сильным; если прилив будет как раз такой, какой нужен; если луна будет именно в той фазе, какая требуется; если немецкая оборона за время между разработкой плана и его выполнением не будет усилена; если у немцев к тому времени в Северо-Западной Европе окажется не более 12 подвижных дивизий резерва и при условии, что немцы не смогут перебросить с русского фронта более 15 дивизий за первые два месяца и т. п.[73]

Тем не менее подготовка к масштабной десантной операции через Ла-Манш, которая должна была стать крупнейшей в мировой истории, набирала обороты. Союзники информировали советское военное командование о состоянии дел.

29 февраля 1944 г. исполняющий обязанности главы британской военной миссии контр-адмирал Д. Фишер и глава военной миссии США генерал-майор Д. Дин направили в советский Генеральный штаб письмо, в котором извещали о получении ими указания передавать советской стороне периодические отчеты в отношении развития операций «Пойнтбланк»[74] и «Оверлорд», которые присылались им начальниками Объединенного штаба.

В первом из этих отчетов содержались сведения о январских бомбардировках Германии с указанием тоннажа сброшенных бомб, оценочного количества жертв, нанесенного жилому фонду и промышленным предприятиям ущерба с разбивкой по городам (пункты 1—4); о ходе подготовки к операции «Оверлорд» (пункт 5); о состоянии британских и американских ВВС (пункт 6); о воздушно-десантных частях (пункт 7); о подготовке морского флота для штурма и сооружение плавучих средств для перевозки десанта на берег (пункт 8); об общей административной подготовке (пункт 9).

Если сведения о бомбардировках были весьма конкретны и развернуты, то информация, касавшаяся операции «Оверлорд», давалась в самой общей форме. Так, девятый пункт включал четыре подпункта. Первый из них содержал следующую информацию: «а) Подготовка районов сосредоточения, пунктов погрузки на суда, складов, мест сборки и районов транзита в центральном районе в основном закончена. Остальные пункты сбора, склады и т. д. строятся. Подготовлен проект плана организации якорных стоянок, порядок плавания судов, транспортных судов и каботажных судов». Следующие подпункты: б) Создание административно-снабженческих частей; в) Материальные ресурсы; г) Гражданский вопрос, были выдержаны в таком же лапидарном ключе[75].

Готовясь к операции «Оверлорд», союзники не забывали об обещании СССР оказать им в нужный момент серьезную поддержку, развернув наступление на восточном фронте. 10 апреля 1944 г. начальник британской военной миссии генерал-лейтенант М. Б. Берроуз

и начальник военной миссии Соединенных Штатов генерал-майор Д. Дин обратились к начальнику Генерального штаба Красной армии со следующим письмом:

«Дорогой Маршал Василевский, нам поручено Объединенной группой британских и американских начальников штабов информировать Вас как начальника Генерального штаба Красной армии о следующем:

1. Британское и американское верховное командование твердо намерено начать операцию «Оверлорд» 31 мая 1944 года при возможном отклонении от этого срока в 2 или 3 дня в ту или другую сторону, учитывая условия погоды и прилива.

2. В соответствии с обязательством, которое было дано маршалом Сталиным в Тегеране, нам поручено просить Генеральный штаб Красной армии подтвердить понимание британскими и американскими начальниками штабов, что Красная армия начнет в соответствующее время большое наступление, которое поможет англо-американским операциям тем, что оно сдержит максимальное количество германских дивизий на Востоке.

3. Британские и американские начальники штабов будут приветствовать любую информацию, которую советский Генеральный штаб может передать им в отношении планов Красной армии и сроков операций, указанных в параграфе два, выше.

4. Британские и американские начальники штабов снова выражают свое самое глубокое восхищение великолепными успехами Красной армии»[76].

5 июня 1944 г. генерал-лейтенант, начальник британской военной миссии М. Б. Берроуз и начальник военной миссии Соединенных Штатов генерал-майор Д. Дин сообщили начальнику Генштаба Красной армии маршалу А. М. Василевскому следующее: «Мы получили указание от командования Англо-американского объединенного штаба информировать Вас, что по условиям погоды штурм «Оверлорд» теперь намечается на 6 июня. Если погода не позволит начать штурм 6 июня, то предполагается, что необходимо будет отложить» еще на двадцать четыре часа[77].

6 июня 1944 г. союзные войска высадились в Нормандии. Второй фронт был, наконец, открыт. Советское руководство высоко оценило значение этого события.

23 июня 1944 г., выполняя свой союзнический долг, Красная армия развернула грандиозное наступление в Белоруссии. Грядущее поражение Третьего рейха, теперь стиснутого с двух сторон, уже ни у кого не вызывало сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 116.

[2] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 13–15.

[3] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 484, 498–499; Т. 2. С. 16–17, 445–446.

[4] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 197, 250–251, 372; *Поздеева Л. В.* Канада во второй мировой войне. М., 1986; Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 169–175.

[5] Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 172–173.

[6] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 79–85.

[7] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 22, 189–192, 195.

[8] *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 269.

[9] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 124–125.

[10] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71, 166–176; История европейской интеграции (1945–1994). М., 1995. С. 17–29; Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 223–256.

[11] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 23–48.

[12] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41.

[13] Там же. Л. 1.

[14] Там же. Л. 1–41.

[15] Там же. Л. 41.

[16] Там же. Л. 39–40.

[17] Например, в беседе с И. В. Сталиным британский министр иностранных дел А. Иден 16 декабря 1941 г. сделал весьма примечательное признание: «Британское правительство до сих пор всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от советского правительства» (Документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 501–510).

[18] Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. С. 223–256.

[19] *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 гг. М., 2009. С. 64; *Филитов А. М.* «Комиссия Ворошилова» — ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 2. С. 37–44.

[20] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 348–349.

[21] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 165–167.

[22] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 169–171.

[23] Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 136–143.

[24] На Западе тоже понимали важность этого первого опыта. Генерал Д. Эйзенхауэр в феврале 1943 г. предвидел особую значимость взаимодействия антигитлеровской коалиции в Италии: «Здесь неизбежно будет создан прецедент далеко идущего по объему и важности взаимодействия, которое послужит примером для дальнейшего сотрудничества в Европе» (*Уткин А. И.* Мировая холодная война. М., 2005. С. 15).

[25] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. С. 351–352.

[26] Там же. С. 349–351; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1984. С. 424.

[27] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 56–57; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 66–67.

[28] *Уткин А. И.* Указ. соч. С. 16.

[29] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 123–132.

[30] Независимое военное обозрение. 16 сентября 2011 г.

[31] *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War 1939–1953. Yale, 2008. P. 176.

[32] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 129–130.

[33] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 57–59; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 67–69.

[34] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 59–60.

[35] Там же. С. 59–61.

[36] Там же. С. 62–64, 685.

[37] Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 380–381.

[38] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 551.

[39] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. С. 373–376.

[40] Там же. С. 377–378.

[41] Там же. С. 693–694.

[42] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 151–165.

[43] АВП РФ. Ф. 6. Оп. 5б. П. 15. Д. 40. Л. 38.

[44] См.: Военно-исторический журнал. 1972. № 4.

[45] *Широкорад А. Б.* Италия. Враг поневоле. М., 2010. С. 240–253.

[46] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 84, 86.

[47] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября1943 г.). Сб. документов. С. 147–148.

[48] *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 2013. С. 329.

[49] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. С. 161–162.

[50] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 470–471.

[51] Там же. С. 472, 475–476, 526–528.

[52] Там же. С. 488.

[53] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 223–225; Т. 2. С. 119–121.

[54] *Atkinson R.* The Day of Battle. The War in Sicily and Italy. 1943–1944. N. Y., 2008. P. 244.

[55] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. Т. 5. Кольцо смыкается / Пер. с англ. М., 2010. С. 113.

[56] *Прокаччи Д.* История итальянцев / Пер. с ит. М., 2012. С. 511.

[57] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 224; Т. 2. С. 120.

[58] Там же. Т. 1. С. 227–229; Т. 2. С. 121–123.

[59] У. Черчилль — Ф. Рузвельту: «Само собой разумеется (!), что это будут преимущественно старые эсминцы, те, которые мы получили от вас... Тем не менее они вполне пригодны, могут нормально двигаться и сражаться» (Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 486).

[60] *Дашьян А. В., Патянин С. В., Митюков Н. В., Барабанов М. С.* Флоты второй мировой. М., 2009. С. 216, 219, 225, 232.

[61] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 246, 249–252.

[62] *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 330.

[63] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 334.

[64] *Васильев А. М.* Линейный корабль «Архангельск» // Гангут. 2001. № 27. С. 48–65; *Платонов А. В.* Как Северный флот пополнился линкором // Гангут. 2008. № 50. С. 87–99; *Харламов Н. М.* Трудная миссия. М., 1983.

[65] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 226–227, 229–230.

[66] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 336–340.

[67] Российская история. 2012. № 3. С. 107; *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011.

[68] Российская история. 2012. № 3. С. 109.

[69] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 212.

[70] Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 84–95.

[71] Там же. С. 95–96.

[72] Памятная доска с именем Клементины Черчилль установлена на здании Центральной городской больницы № 1 г. Ростова-на-Дону — одной из двух больниц, для которых в апреле 1945 г. во время посещения СССР она привезла с собой оборудование на сумму 400 тыс. фунтов стерлингов (в комплект входило буквально всё, от медицинской аппаратуры и медикаментов до кроватей для больных и инвалидных колясок, отделочных материалов, халатов, полотенец и т. п.) // Торгово-промышленные вести (Ростов-на-Дону). Май 2008 г.

[73] *Ингерсолл Р.* Совершенно секретно. М., 1947. С. 43–44.

[74] Операция «Пойнтбланк» (англ. Operation Pointblank) — кодовое название первой стадии совместных стратегических бомбардировок Германии и Франции силами ВВС Великобритании и США в период, предшествовавший Нормандской операции.

[75] АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. П. 24. Д. 249. Л. 3–9.

[76] Там же. Л. 1.

[77] Там же. Л. 10–11.

СССР И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАН ЕВРОПЫ

Стратегические цели советской внешней политики в 1944 г.

В начале 1944 г. решающим фронтом Второй мировой войны оставался советско-германский. Красная армия доказала, что сможет завершить задачу освобождения территории СССР, не дожидаясь активных боевых действий союзников в Европе. 26 марта 1944 г. войска 3-го Украинского фронта первыми вышли на советскую государственную границу — реку Прут близ города Унгены в Молдавии, а 8 апреля Красная армия подошла к границе СССР с Чехословакией.

Высадившиеся в июне 1943 г. на Сицилии войска союзников медленно продвигались с юга на север Италии. Им понадобился год, чтобы дойти до Рима. В июне 1944 г. итальянское правительство П. Бадольо, разорвавшее союз с фашистской Германией, объявило Рим «открытым городом», в который вошли войска союзников, но на севере страны все еще сохранялось германское военное присутствие.

6 июня 1944 г. войска западных союзников начали операцию «Оверлорд» в Нормандии, на побережье Ла-Манша. Второй фронт на западе Европы, наконец, был открыт.

В июне 1944 г. в ходе грандиозной Белорусской операции Красная армия продвинулась на запад на 550–600 км, освободив Белоруссию и восточную часть Польши до Вислы. 17 августа советские войска подошли к границе с фашистской Германией в Восточной Пруссии и вступили на территорию Польши. 4 сентября вышла из войны Финляндия, оставившая захваченные ею Карельский перешеек и Выборгскую область. 8 сентября части Красной армии переправились через Дунай и, не встретив сопротивления, вошли в Болгарию. 9 сентября было заключено соглашение о перемирии с Румынией, и румынская армия приняла участие в освобождении Венгрии и Югославии уже на стороне Объединенных Наций. 23 сентября начались тяжелые бои в Венгрии. 28 сентября Красная армия при содействии болгарских и югославских войск прорвала оборонительные укрепления вермахта на границе Болгарии с Югославией и завязала бои на югославской территории. В октябре 1944 г. довоенная государственная граница СССР была восстановлена на всем ее протяжении, и Красная армия продолжила освободительный поход в Восточной Европе.

Но на фоне этих успехов антигитлеровской коалиции, в конце 1944 — начале 1945 г. союзников ожидали два неожиданных по силе контрудара германских сил. На стыке франко-бельгийско-германской границы в Арденнах танковые дивизии СС сломили сопротивление союзников и перешли в наступление. Красная армия тогда же вела тяжелые бои против германских и венгерских войск между озером Балатон и Будапештом, а в Польше перегруппировывала силы, готовясь к новому наступлению на Варшаву.

Высадка американских войск в Нормандии

Оказание медицинской помощи солдатам 1-й пехотной дивизии США возле Кольвиль-сюр-Мер

Тела солдат 1-й американской пехотной дивизии на побережье Нормандии
в месте высадки «Омаха»

Группа пленных немцев под охраной канадского солдата

210-мм орудие береговой батареи «Маркуф», захваченное частями 9-й американской пехотной дивизии в Нормандии

Захваченный в Нормандии американцами немецкий радар

В этой обстановке одной из первоочередных задач советской внешней политики было обеспечение оптимальных международных условий для скорейшего разгрома фашистской Германии и прежде всего сохранение взаимопонимания с союзниками, их поощрение к активным наступательным действиям во Франции. В беседах и переписке В. М. Молотова с послами и руководителями, координирующими внешнюю политику США и Великобритании, как и в контактах И. В. Сталина с главами союзных держав, постоянно звучали напоминания о впечатляющих успехах Красной армии. Было ясно, что судьба послевоенной Европы будет зависеть от вклада каждого из союзников в победу над Германией.

Долгосрочной стратегической целью, нуждавшейся в немедленной проработке, было утверждение континентального и геополитического могущества СССР на длительный послевоенный период. А для этого требовалось закрепить плоды военных успехов, не дать англо-американским союзникам отстранить СССР от общего послевоенного урегулирования в Европе и обеспечить оптимальные условия последующей безопасности СССР на континенте благодаря территориальным преобразованиям вдоль западной границы и путем создания дружественных СССР правительств от Балтики до Адриатики.

В соответствии с этими стратегическими задачами можно выделить четыре направления советской внешней политики, характерных для 1944 г.:

1) поощрять к выходу из войны союзников Германии (Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария);

2) обеспечить дипломатические и политические условия для восстановления суверенитета восточноевропейских стран (народов), оккупированных захватчиками (Польша, Чехословакия, Югославия), в интересах Советского Союза, включая территориальные преобразования, и одной из сложнейших задач являлась нейтрализация польского правительства в Лондоне, занимавшего антисоветскую позицию;

3) при сохранении благоприятного климата внутри Объединенных Наций не допустить отстранения СССР от решения важнейших вопросов послевоенного урегулирования в Южной, Западной и Северной Европе (Греция, Италия, Франция, Норвегия);

4) по мере приближения к границам гитлеровской Германии обеспечить советские интересы в решении германской проблемы.

Неотъемлемой частью вопроса освобождения Европы было политическое урегулирование, которое у советского руководства подчинялось прежде всего геополитическим интересам и соображениям. Это была политика возможного, учитывающая соотношение сил союзников и внутреннюю расстановку сил и настроений в стране. Ярким примером может служить различие подходов союзников к политическим преобразованиям в Восточной Европе и странах Северной и Западной Европы — в Норвегии, Финляндии, Франции, Италии, Бельгии, а на юге-востоке Европы — в Греции.

Советская дипломатия в 1944 г. действовала в беспрецедентных условиях. Решающие победы в 1943 г., мощь и боевое оснащение Красной армии возвели СССР в ранг ведущей военной силы антигитлеровской коалиции, что открывало небывалые возможности для реализации самых смелых стратегических замыслов Москвы. Определяющий вклад в победу над фашистской Германией и громадные мобилизационные возможности превращали Советский Союз в одного из трех мировых лидеров, способного отстаивать собственный проект послевоенного мира, прежде всего устройство послевоенной Европы, что создавало благоприятные перспективы для решения исторических задач отечественной внешней политики. В Европе к ним относились: установление дружественных режимов для обеспечения безопасной границы от Балтики (включая признание вхождения трех балтийских государств в СССР) до Адриатики, укрепление позиций на Балканах, свободный выход в Средиземное море (пересмотр режима проливов).

Выполнение небывалых по широте, многообразию и значимости задач требовало от дипломатов огромного напряжения сил, интеллектуальной мобилизации, неустанной работы в срочном режиме, принятия тщательно обоснованных решений, поскольку от них зависели и международное положение СССР, и будущее Европы как в ближайшей, так и

в долгосрочной перспективе. Планируя деятельность внешнеполитического ведомства, И. М. Майский, 11 января 1944 г. отозванный с должности посла в Лондоне[1] и назначенный заместителем наркома, представил В. М. Молотову записку «О желательных основах будущего мира»[2].

Долгосрочную стратегическую цель советской дипломатии И. М. Майский видел в «создании такого положения, при котором в течение длительного срока (автор записки определил его минимум в 30 лет, а максимум в 50 лет, измерив жизнью двух поколений) были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира в Европе и Азии». Дипломатия должна была работать над тем, «чтобы СССР мог стать столь могущественным, что ему уже не страшна была никакая агрессия в Европе и Азии, и чтобы никакой державе или комбинации держав даже в голову не могло прийти такое намерение»[3].

Однако масштабы политического и социального переустройства Европы в планах И. В. Сталина были несколько иными, сужаясь до границ возможного, и определялись ситуацией на местах. Поэтому наряду с сохранением идеологического дискурса советских дипломатических документов (особенно тех, что, подобно записке И. М. Майского, предназначались для внутреннего пользования) советские дипломаты сознательно приглушали в отношениях с союзниками классовые мотивы своей политики. Здесь много значил опыт сравнительно недавнего прошлого, поскольку идеологический раскол помешал участию Советской России в мирном урегулировании после Первой мировой войны. В НКИД СССР учитывали уроки длительного исторического соперничества с западными державами на европейской периферии, особенно вблизи черноморских проливов, на Балтике и Балканах.

В свете новых задач и открывшихся возможностей возросла роль международной аналитики и прогнозирования. Еще в сентябре 1943 г. была создана Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при Наркомате иностранных дел (комиссия М. М. Литвинова) с привлечением специалистов-консультантов по отдельным странам и проблемам. В ее работе принимали участие два заместителя В. М. Молотова — С. А. Лозовский и Д. З. Мануильский, опытные дипломаты Я. З. Суриц и Б. Е. Штейн, ведущие историки-международники (в частности, академик Е. В. Тарле), которым поручались подробнейшие академические экскурсы в историю рассматриваемых вопросов.

В феврале 1944 г. М. М. Литвинов представил список вопросов, подлежавших изучению. Касательно стран, захваченных или союзных фашистской Германии, стояла проблема создания новой власти. Против соответствующих пунктов в отношении Польши, Финляндии, Венгрии В. М. Молотов поставил знаки вопроса. Другие страны сомнений тогда (в феврале 1944 г.) в этом отношении у наркома не вызывали[4]. 25 марта 1944 г. М. М. Литвинов заметил: «Наша комиссия с одобрения правительства должна подготовлять свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»[5].

Все «записки к обсуждению» в комиссии М. М. Литвинова представляли собой развернутое изложение более чем вековой истории соответствующего вопроса, в центре которой лежали соперничество России с западными державами, особенно с Великобританией и Францией, а также русско-турецкие противоречия и сложности решения польского и восточного вопросов. Тем не менее практические выводы и рекомендации, как правило, не столько вытекали из исторического опыта, сколько определялись военными победами и исходили из беспрецедентной ситуации — союзничества, основанного на непререкаемом превосходстве Красной армии. Так, союзники не стали вступать в обсуждение вопроса о восстановлении советского суверенитета над тремя Прибалтийскими республиками, несмотря на принципиальное несогласие с их присоединением к СССР в 1940 г. Советский посол в США А. А. Громыко в июле 1944 г. в записке «К вопросу о советско-американских отношениях» успокоил свое руководство на этот счет: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о Прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной армией»[6].

Хотя поддержание согласия внутри Объединенных Наций требовало определенной гибкости, советская линия как по отношению к союзникам фашистской Германии, так и к его

жертвам была подчинена неумолимой логике, определенной стратегическими интересами Советского государства. Советская внешняя политика благодаря одержанным победам, но, главное, в интересах окончательного разгрома фашистского блока обрела новый для нее стиль, руководствуясь прежде всего державными интересами.

В Вашингтоне отметили этот новый акцент, назвав его «тенденцией к национализму»[7]. На том же приоритете общей победы над врагом, который отодвигал на второй план идеологический раскол между союзниками, настаивал У. Черчилль. В личном послании В. М. Молотову в отношении политических перспектив Италии и Югославии он писал в апреле 1945 г.: «Несмотря на мои политические взгляды... я не позволяю ничему становиться на пути между британской политикой и высшей целью, а именно целью поражения гитлеровцев и изгнания их с территорий, которые они подчинили себе. Мое отношение к маршалу Тито и Ваше отношение к маршалу Бадольо дают мне уверенность, что наши взгляды на эти основные цели, а также подчинение им идеологических вопросов являются делом, по которому мы можем договориться»[8].

В ответе, отправленном 22 апреля 1944 г., В. М. Молотов выразил полное согласие с премьер-министром: «Несмотря на известное различие политических взглядов у руководящих кругов наших стран, мы действительно можем договориться по основным вопросам, которые встают перед нами, помня, что мы — союзники в главном и основном вопросе об обеспечении поражения гитлеровской Германии и об освобождении от гитлеровцев захваченных ими территорий, а также о том, что мы твердо решили наладить наше сотрудничество в послевоенный период»[9].

Следует отметить, что на этом фоне тон советской дипломатии в 1944 г. не оставался неизменным, испытывая влияние как военной, так и международной обстановки, которая зависела прежде всего от положения на фронтах. Так, в первой половине 1944 г. в связи с крайней заинтересованностью в обещанном и намеченном на июнь открытии второго фронта во Франции в отношениях с союзниками преобладала кооперативная логика, в духе которой СССР как член Объединенных Наций относил себя к демократическому миру, но подобная самоидентификация имела двойственный смысл. Для реализации политических целей послевоенного урегулирования в Восточной Европе советская дипломатия активно использовала в своих интересах противопоставление демократических держав — членов антигитлеровской коалиции странам фашистского блока. Однако главным критерием принадлежности демократическому лагерю в войне, разумеется, была не внутренняя либерализация режима, но решимость уничтожить германский нацизм и его союзников.

Встречной «предупредительностью» в рассматриваемый период была отмечена политика союзников в отношении Москвы. У. Черчилль и Ф. Рузвельт были заинтересованы в том, чтобы по завершении наступательной операции конца 1943 г., увенчавшейся освобождением Правобережной Украины и Крыма, Красная армия не ослабила своих наступательных усилий вне границ СССР. Этот сценарий был тем более возможен, что в Москве не скрывали разочарования в связи с затяжкой открытия второго фронта. Но замедление активных боевых действий на Востоке поставило бы под удар операцию «Оверлорд» — высадку союзников в Нормандии[10].

Таким образом, с весны до конца лета 1944 г. в отношениях между тремя великими державами преобладало стремление к согласию, фоном которого, однако, было взаимное недоверие: «СССР, сражающийся за свою жизнь против врага, оказавшегося также врагом США и Великобритании, может быть совсем не похож на СССР, когда он почувствует себя достаточно сильным, чтобы не нуждаться в услугах со стороны США или Великобритании»[11].

У. Черчилль проявлял беспокойство о том, что вступление советских войск в страны Центральной и Юго-Восточной Европы приведет к ослаблению позиций Англии в регионе, и предпринимал все усилия, чтобы обеспечить британские интересы, отстаивая политическую легитимность эмигрантских правительств, нашедших убежище в Лондоне.

По сути, речь в данном случае шла больше чем о классических сферах влияния — о возможности распространения советского влияния в зоне, которая прежде для Запада была

Партизаны бригады им. К. Е. Ворошилова и бойцы Красной армии на улице освобожденного Гомеля

Дети у руин дома в белорусской деревне Лозоватка

Красноармейцы в освобожденной деревне выравнивают дорогу

Колонна немецкой техники, уничтоженная под Бобруйском

буфером между СССР и Европой. Действительно, по мере продвижения Красной армии в Центральной и Восточной Европе к военной и дипломатической стратегии добавлялась советская политическая стратегия, нацеленная на установление не только дружественных, но и родственных режимов. Классовые и идеологические соображения здесь были неразрывны с задачей обеспечения послевоенной безопасности СССР. Индикатором этой смены приоритетов служил подход руководства Советского Союза к решению польского вопроса.

Сложные политические процессы, связанные с ликвидацией гитлеровского «нового порядка» в порабощенной фашистской Германией Европе, советское руководство рассматривало прежде всего с точки зрения собственных государственных интересов, что не могло не осложнить отношений с Лондоном и Вашингтоном. В документах, полученных из Вашингтона и датируемых февралем 1944 г., содержатся секретные материалы Госдепартамента США, в которых анализировалась «доктрина Монро по-советски... в смысле сфер безраздельного влияния». Досье было передано комиссии М. М. Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства.

В материале указано, что «хотя основные принципы стратегии и тактики марксизма-ленинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют в основном в зоне безопасности Советского Союза... Как часть борьбы против империализма Москва защищает марксистскую теорию, что народы могут осуществить реальное самоопределение только тогда, когда они свергнут капиталистических эксплуататоров... В соответствии с этим «федерация советских народов» должна расширяться как освободительная сила, а Красная армия рассматривается как классовое оружие для освобождения народа. Последняя тенденция к национализму в Советском Союзе может только подчеркивать позицию советского господства в Восточной Европе. Советский Союз рассматривает себя протектором государств или народов Восточной Европы, в частности славян, в интересах собственной безопасности. Включение государств, подобно Эстонии, Латвии и Литвы, в Советский Союз и недавние сообщения об изменениях в советской конституции, предоставляющей автономию союзным республикам в военных и иностранных делах, выдвигают возможность проведения экспансионистской программы, в которой степень советского уважения прав и независимости других европейских государств будет определяться самим советским правительством более или менее односторонне»[12].

Знакомство с этим документом было очень важным для руководителей советского внешнеполитического ведомства. Он подтверждал, что западные союзники строили свою политику тесного военно-политического сотрудничества с СССР в отношении третьих стран, прогнозируя и принимая как абсолютную данность классовую природу политической стратегии Москвы, и потому степень их возможного противодействия этой стратегии зависела от соотношения сил и заинтересованности в главном направлении борьбы против общего врага.

В тот момент советская дипломатия имела явные преимущества: военные трудности союзников во Франции, усугубившиеся зимой 1944—1945 гг. на фоне начала нового наступления советских войск в Восточной Европе, а также жизненная заинтересованность Великобритании и США во вступлении СССР в войну против Японии после разгрома фашистской Германии.

Опытный дипломат И. М. Майский, планируя курс советской дипломатии на 1944 г., считал возможным в отношении Японии проводить политику, зеркальную той, которой придерживались англо-американские союзники в первые годы войны СССР против фашистской Германии. Он считал стратегически необходимым для СССР разгром Японии, но хотел, чтобы сделано это было за счет союзников и их силами. Возможное вступление СССР в войну с Японией, которую уже вели англо-американцы, было для советской дипломатии дополнительным козырем в сложной геополитической игре.

СССР тоже были необходимы добрые отношения с союзниками, прежде всего исходя из военных потребностей. Их помощь вооружением, военной техникой и гуманитарными грузами была важна как для фронта, так и для восстановления разрушенных войной районов.

Вопрос о военных и товарных поставках постоянно звучал в беседах наркома иностранных дел В. М. Молотова с послами США и Великобритании А. Гарриманом и А. Керром. Планируя курс советской внешней политики на период освобождения и первые послевоенные годы, заместитель наркома И. М. Майский писал о значении долгосрочного экономического и технического сотрудничества с англо-американскими союзниками, считая тактически выгодным незамедлительное начало соответствующих переговоров: «США и Англия при известных условиях могут быть чрезвычайно важным источником помощи СССР в деле послевоенного восстановления. Переговоры по данному вопросу не следовало бы откладывать на послевоенное время, ибо сейчас, когда англичане и американцы находятся еще под «гипнозом» военной атмосферы, они могли бы легче пойти на известные уступки, чем позднее, когда в силу вступит обычная торгашеская психология мирного времени. К тому же в настоящий момент наши западные союзники испытывают некоторые «угрызения совести» ввиду недостаточности своей военной помощи СССР»[13].

Следует оговориться: содержание, приоритеты и, главное, цели послевоенного сотрудничества в Москве и Вашингтоне видели по-разному. Стратегия США была направлена на скорейшее восстановление либерального экономического порядка, одним из основных инструментов которого являлась международная валютная система под эгидой доллара. Поскольку принципиальные вопросы мирового послевоенного устройства решались согласием большой тройки, в послании от 25 февраля 1944 г. президент Ф. Рузвельт сообщал И. В. Сталину об американском плане создания механизма международной валютной стабилизации и интересовался его отношением к этому.

Ответы И. В. Сталина и В. М. Молотова свидетельствовали о том, что в Москве не было выработано стратегическое видение проблемы послевоенного валютного регулирования. Советская дипломатия имела иные приоритеты. Изначально рамки экономического сотрудничества в глазах советских руководителей предусматривали экономическое и технологическое содействие американских союзников послевоенному восстановлению СССР без каких-либо элементов интеграции. Соответственно, глава советского правительства не планировал ни реинтегрировать советскую экономику в мировую систему, ни участвовать в американском проекте. Поэтому ответ И. В. Сталина носил формальный характер и свидетельствовал об отсутствии какого-либо интереса к делу.

В том же ключе рассматривался вопрос об отношении советского руководства к плану Г. Моргентау по созданию Международного валютного фонда, из которого вскоре родилась международная валютная система Бреттон-Вудс[14]. В апреле 1944 г. А. Гарриман запросил у В. М. Молотова разъяснения официальной позиции Москвы по этому вопросу, поскольку вскоре было назначено его обсуждение в комиссии конгресса. 20 апреля В. М. Молотов вызвал А. Гарримана, который в тот же день по этому вопросу беседовал с наркомом финансов А. Г. Зверевым. В. М. Молотов вручил послу США заявление советского руководства, специально оговорив, что оно предназначено только правительству США. К большому удовлетворению американской стороны, вопрос был решен в пользу Вашингтона. Советская сторона давала карт-бланш американским союзникам по реализации плана Г. Моргентау, сопроводив свое согласие беспрецедентным свидетельством доверия: «Откровенно говоря, правительство СССР еще не успело изучить его основные положения, однако если правительству США необходимо иметь голос СССР для обеспечения должного эффекта во внешнем мире, то советское правительство согласно дать распоряжение своим экспертам, чтобы они солидаризировались с проектом г-на Моргентау»[15].

В приоритетных для себя вопросах советская дипломатия бдительно следила за соблюдением интересов СССР, не желая быть отстраненной от мирного урегулирования в Европе — в странах, остававшихся вне зоны боевых действий Красной армии, как это случилось в Норвегии и Италии, которые в представленном комиссией М. М. Литвинова плане послевоенного устройства были отнесены к нейтральной сфере. В ту же зону должны были войти Дания, Германия и Австрия, «с которыми обе стороны сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянной между собой консультации»[16].

А. Г. Зверев

Непременным условием реализации советских планов было участие Москвы в обсуждении всех вопросов военного и политического урегулирования, независимо от того, входила ли страна в зону боевых действий Красной армии. В принципе, взаимодействие с союзниками в отношении освобождаемых стран определялось договоренностями, достигнутыми в Тегеране относительно действий союзных главнокомандований в период так называемой «первой фазы», когда освобожденные районы входили в зону боевых действий. С одной стороны, подобный подход предоставлял советским руководителям все возможности решать вопросы суверенитета в освобождаемых Красной армией странах в своих интересах явочным порядком. Но с другой — существовала опасность, что Советский Союз, несмотря на свою огромную роль в общей победе, будет отстранен от решения судьбы западной части Европы.

Не менее настойчиво советская внешняя политика боролась за участие СССР в обсуждении всех проблем мирного урегулирования в освобожденных районах Европы. В ответ на сообщение о подписании англо-норвежского соглашения в обход Европейской консультативной комиссии (союзники сослались при этом на решения Московской конференции) 28 февраля 1944 г. В. М. Молотов сделал представление послу Великобритании А. Керру о передаче англо-норвежского соглашения на рассмотрение ЕКК в Лондоне с участием советского представителя.

Ответ от англо-американских союзников был представлен В. М. Молотову 19 марта 1944 г. послом США А. Гарриманом. Он сослался на пункт 14 протокола Московской конференции, в котором говорилось, что все вопросы, касающиеся периода военных операций на освобожденных территориях, не передаются ЕКК, а находятся в ведении военного командования. «Эти мероприятия во время первой, военной фазы (до разгрома Германии) носят оперативный характер. В этой фазе обмен мнениями и информацией должен производиться по дипломатическим каналам, а не в консультативном органе»[17].

Отстаивая свою точку зрения относительно судьбы польского правительства в изгнании в беседе с А. Гарриманом 3 марта 1944 г., И. В. Сталин заметил: «Лондонские поляки, видимо, считают нас дураками». К осени 1944 г., во многом опять же в связи с обострением

польского вопроса, тон советской дипломатии ужесточился, что заставило американского посла предупредить Вашингтон об изменении настроений в Москве. Свои наблюдения он изложил в письме к Г. Гопкинсу: «Я думаю, что те, кто возражает против такого сотрудничества, которое мы ожидаем, в последнее время одерживают верх и политика кристаллизуется в сторону того, чтобы заставить нас и британцев принять все советские шаги, подкрепляемые силой и престижем Красной армии. Требования по отношению к нам все более возрастают... В общем отношение к нам выглядит таким, что мы якобы обязаны помогать России и признать ее политический курс потому, что Россия выиграла для нас войну»[18].

Активизация действий союзников и их успехи на Европейском театре военных действий поставили на повестку дня советской внешней политики новые задачи. Речь шла о том, чтобы добиться соблюдения своих интересов при заключении соглашений с правительствами освобожденных союзниками стран Западной и Северной Европы. 3–4 марта 1944 г. ЕКК в Лондоне обсуждался британский проект соглашения с правительством Норвегии. Комиссия К. Е. Ворошилова «признала необходимым изменить проект в том смысле, чтобы он являлся не двусторонним, а трипартитным, с участием Соединенного Королевства, СССР и Норвегии», поскольку все эти три державы являются особо заинтересованными в освобождении Норвегии»[19]. Это было особенно важно в свете готовившихся изменений советско-финляндской границы, в результате которых СССР получал небольшой участок общей границы с Норвегией.

В то же время были предложены изменения в британские проекты соглашений с Нидерландами и Бельгией, освобождаемыми союзными экспедиционными силами. Они были изложены на заседании комиссии К. Е. Ворошилова 11 марта 1944 г., которая пришла к заключению, что в отличие от договора с Норвегией соглашения с Бельгией и Нидерландами должны быть двусторонними, заключенными только с британцами, и не выдвигала требования трехстороннего утверждения. Участие советской дипломатии в выработке этих соглашений ограничивалось их предварительным обсуждением в ЕКК. Все предусмотренные этими соглашениями мероприятия должны были «содействовать быстрому изгнанию немцев из Нидерландов и окончательной победе союзников» и никоим образом не затрагивали суверенитета нидерландского правительства[20]. Ту же позицию советская сторона занимала и в отношении Бельгии, только с той разницей, что в заключении комиссии отсутствовало указание на суверенитет бельгийского правительства, но содержалось положение: «Как только и в такой степени, как, по мнению главнокомандующего, военное положение позволит бельгийскому правительству принять на себя ответственность за гражданское управление, он соответственно нотифицирует об этом надлежащим представителям бельгийского правительства»[21].

В советских поправках к британскому проекту предлагалось заменить представителей Бельгийской военной миссии (бельгийских офицеров связи) в качестве посредников между главнокомандующим и бельгийским правительством представителями последнего. Эти поправки имели принципиальное значение и отражали стремление Москвы не допустить контроля англо-американского командования над послевоенной западноевропейской политикой. Кроме того, советская дипломатия стремилась к устранению консервативных элементов из политической жизни западноевропейских стран после освобождения. Принимая во внимание широкое участие довоенной политической элиты в коллаборационистском правительстве, советский проект содержал отсутствующее в британском варианте указание на обязанность главнокомандующего принять в опоре на бельгийских патриотов меры по устранению и обезвреживанию «местных фашистов, квислингов и иных немецких пособников»[22].

Отстаивание прав державы-победительницы, то есть члена директории, решающей политическую судьбу послевоенной Европы, являлось необходимой задачей советской внешней политики, что проявилось в решении итальянского вопроса. Поскольку военные действия на Апеннинском полуострове велись англо-американскими союзниками, в первые месяцы после подписания перемирия с правительством П. Бадольо Москва не могла вмешиваться в вопросы обращения с Италией. Между тем в начале года Ш. де Голль выдвинул требование о

включении в состав СКК в Италии представителей ФКНО, и 15 января 1944 г. В. М. Молотов поставил перед А. Гарриманом вопрос о подключении к ее работе и советских представителей. А. Гарриман заметил, что «это вызвало в США удивление», но нарком пояснил: требование СССР совершенно естественно, поскольку это Комиссия Объединенных Наций[23].

Разговор с А. Гарриманом происходил менее чем через неделю после пятого заседания Консультативного совета по вопросам Италии с участием А. Я. Вышинского, который посетил Сицилию и Сардинию, познакомился, как было указано в сообщении ТАСС, с официальными и неофициальными лицами — от самого П. Бадольо и членов его правительства до руководителей «различных союзных организаций»[24]. Выводы, которые А. Я. Вышинский сделал, на месте оценив положение в стране и потенциальные политические возможности коммунистов, имели к постановке вопроса самое прямое отношение. К тому же стремление Москвы к установлению непосредственных отношений с правительством П. Бадольо совпадало с интересами главы итальянского правительства. Оно стремилось упрочить собственные позиции на освобожденной территории, а прямые отношения с Москвой могли стать залогом лояльности партизанских сил, возглавляемых коммунистами. Кроме того, СССР не был заинтересован во всевластии военного командования союзников, что также создавало дополнительные дипломатические возможности для укрепления позиций итальянского правительства в том, что касалось управления Италией уже в «первой фазе».

7 марта 1944 г. итальянское правительство обратилось к Москве с просьбой об установлении непосредственных отношений, и уже 11 марта маршал П. Бадольо получил официальное согласие советского правительства[25]. Союзники представили Москве свои претензии относительно признания Советским Союзом нового итальянского правительства П. Бадольо, которое было сочтено односторонним и преждевременным.

13 марта британский посол А. Керр зачитал В. М. Молотову послание своего правительства, в котором говорилось, что решение Москвы об установлении фактических отношений с Италией и об обмене представителями с правительством П. Бадольо без консультаций с союзниками «подорвало бы всю основу Консультативного совета и Союзной контрольной комиссии». 19 марта А. Гарриман изложил и представил точку зрения американского правительства. Он указывал на ограниченный суверенитет правительства П. Бадольо, которому не полагалось вступать в какие-либо соглашения или взаимоотношения с Объединенными Нациями или нейтральными державами без согласия союзного главнокомандующего, поскольку в Италии велись боевые действия. В тот период союзный главнокомандующий на Средиземноморском театре считался верховной властью на освобожденной территории Италии[26].

В. М. Молотов на эти претензии ответил: «Наше положение в Италии не было равноправным». В частности, вопрос об отречении короля не обсуждался союзниками в присутствии советского представителя в СКК, а подобные решения должны были обсуждаться не только между англо-американцами, но и между тремя союзниками[27]. В НКИД был составлен меморандум правительства СССР правительству Великобритании, в котором давалось разъяснение советской позиции: «Не имея прямого контакта с итальянским правительством, советское правительство находилось в неравном положении по сравнению со своими союзниками и выступает за совместное с союзниками рассмотрение вопроса о реорганизации и улучшении итальянского правительства». По мнению Москвы, требовалось «предпринять шаги к объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии»[28].

Предмет озабоченности Советского Союза — реорганизация итальянского правительства — позволяет понять мотивы столь быстрой реакции на запрос П. Бадольо. Одним из стимулов была история с разделом захваченного союзниками итальянского флота, которая научила советскую сторону, что, будучи отстраненной от решения вопроса, она затем окажется в положении просителя. Но еще важнее были опасения чрезмерного послевоенного усиления британцев в Средиземноморье. Для этого желательно было обеспечить в Италии правительство, сильное благодаря поддержке всех демократических — антигерманских и антифашистских сил, в том числе коммунистов. Представители ИКП имели шансы занять

прочное положение в итальянском правительстве — место, завоеванное активным участием в антифашистском Сопротивлении.

30 марта в «Известиях» вышла редакционная статья «Итальянский вопрос», в которой отмечалось, что «улучшение состава» правительства П. Бадольо и «расширение его базы в направлении демократизации» является неотложной задачей.

16 апреля заместитель главы НКИД А. Я. Вышинский дал пресс-конференцию по итальянскому вопросу, на которой изложил содержание советских представлений на этот счет правительствам Англии и США. А. Я. Вышинский отметил, что и через семь месяцев после заключения перемирия с Италией в стране не создано объединения демократических и антифашистских сил и продолжается соперничество между правительством П. Бадольо и Постоянной исполнительной джунтой. Советское руководство обратилось к англо-американским союзникам с предложением рассмотреть в Консультативном совете по делам Италии вопрос о включении в правительство П. Бадольо «представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма», не называя, но прямо подразумевая в первую очередь коммунистов. Установление полноценных прямых отношений между СССР и правительством П. Бадольо должно было обеспечить благоприятное международное сопровождение политики внутреннего единства.

Непосредственное отношение к этим демаршам имело и возвращение в Италию секретаря итальянской компартии П. Тольятти, 28 марта прибывшего в Неаполь. Перед отъездом, ночью с 3 на 4 марта, лидер итальянских коммунистов выслушал советы И. В. Сталина, настаивавшего на необходимости создания в Италии единого фронта антифашистских сил, что требовало от ИКП серьезного изменения тактики. П. Тольятти рекомендовалось отсрочить планы немедленного упразднения монархии и при возможности войти в правительство П. Бадольо. И. В. Сталин считал, что внутренний раскол в Италии между королем и правительством П. Бадольо с одной стороны и антифашистским Сопротивлением с другой «ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море»[29]. Геополитические соображения в данном случае превалировали над идеологическими интересами, но отнюдь им не противоречили. Вернувшись в Неаполь, П. Тольятти выступил с инициативой формирования правительства национального единства.

Вскоре после этого правительство П. Бадольо было реорганизовано. В апреле 1944 г. в него вошли представители всех шести антифашистских партий, в том числе два министра-коммуниста. Те же силы руководили комитетами национального освобождения, которые стояли во главе движения Сопротивления на севере страны, в той части, которая еще находилась под немецкой оккупацией, что обеспечивало преемственность будущей национальной администрации по мере освобождения от немцев.

Для облегчения задачи ИКП и в собственных интересах советское руководство намерено было придерживаться отличной от англо-американцев линии в отношении Италии, в частности смягчить ее положение среди побежденных.

4 сентября 1944 г. в НКИД состоялось обсуждение записки «Об обращении с Италией»[30]. В ответ на реплику С. А. Лозовского: «Необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии и поддержать Югославию», М. М. Литвинов возразил: «Нам не выгодно, чтобы Средиземное море стало полностью английским морем. Кто нам в этом поможет? На Францию рассчитывать не приходится. Остается... Италия»[31]. 8 сентября комиссия М. М. Литвинова вернулась к обсуждению записки. Бывший нарком обосновал свою точку зрения: Италия «вступила в вооруженный конфликт с нашим государством... лишь в результате участия в политических комбинациях с враждебными нам государствами», следовательно «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии»[32].

24 мая 1944 г., вскоре после реорганизации правительства П. Бадольо, его представитель Пиетро Кварони прибыл в Москву. А в Италию был направлен М. А. Костылев — дипломатический представитель СССР при правительстве Италии[33]. 25 октября советский представитель передал министру иностранных дел итальянского правительства решение СССР установить с ним полные дипломатические отношения[34].

М. А. Костылев

Несмотря на отступление, фашистская Германия была далека от полного разгрома. Поэтому главная общая цель союзников — скорейший, полный и окончательный разгром фашистской Германии — отодвигала на задний план любые разногласия. Если основным аргументом советской внешней политики в 1944 г. была мощь Красной армии, то важнейшим международным условием в достижении победы являлось сотрудничество с Объединенными Нациями. Важным, хотя и не безусловным ресурсом советской дипломатии были также антифашисты в ряде стран прогерманского блока и силы внутреннего Сопротивления в захваченных фашистской Германией странах.

Польское подполье, ориентированное на эмигрантское правительство и большей частью явно антисоветское, являлось серьезным препятствующим фактором в реализации дипломатического курса Москвы. В то же время из-за изменчивости политической обстановки в странах — сателлитах фашистской Германии советскому руководству была свойственна крайняя осторожность и порой медлительность в определении своего отношения к патриотически настроенным антигерманским кругам, стремившимся к взаимодействию с Красной армией, как это произошло, например, в случае со словацкими оппозиционерами.

Хотя стороны мирились с существованием параллельных и даже противоположных интересов в том, что касалось послевоенного устройства, оставляя их защиту на послевоенное время, уже весной 1944 г., на общем благоприятном фоне военного сотрудничества с англо-американцами, на заседании Комиссии по подготовке мирных договоров заместитель наркома С. А. Лозовский предупредил: «Политическая задача нашей будущей внешней политики будет заключаться в том, чтобы не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»[35].

В советском руководстве рассчитывали сыграть на послевоенном англо-американском и англо-французском соперничестве и некоторое время строили планы советско-британских привилегированных отношений. Казалось, прямой диалог И. В. Сталина и У. Черчилля, А. Идена и В. М. Молотова на московских встречах в октябре 1944 г. создавал благоприятные предпосылки для подобной европейской «директории».

План был представлен М. М. Литвиновым, но обычно подобная работа выполнялась по поручению наркома. Записка была направлена В. М. Молотову 15 декабря 1944 г. под

названием «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества». В ней, в частности, указывалось, что «перед войной установлению нормальных и даже дружественных отношений мешала разность режимов»[36]. После войны основой привилегированных отношений Москвы и Лондона мог стать договор, который следовал духу антигитлеровской коалиции. «Смысл англо-советского договора в том, и на этом настаивать, чтобы не позволить себе и другим никаких действий, которые помогли бы Германии снова стать на ноги и готовиться к реваншу». Обоюдное стремление к обеспечению мира в Европе на максимально больший срок в своих интересах представляло, по мнению М. М. Литвинова, серьезную базу для сотрудничества. В документе упоминалось о британской политике восстановления Германии между войнами, но говорилось, что СССР должен стремиться не допустить этого.

М. М. Литвинов предвидел осложнения, преодолению которых могло способствовать четкое разграничение сфер безопасности — по сути, сфер влияния. «Единственное крупное противоречие, которое в англо-советских отношениях послевоенная эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображений равновесия сил в Европе. Соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского п-ова, а равно и Турцию. В английскую сферу, безусловно, могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция»[37].

На деле предметом договоренности должно было стать разграничение сфер влияния в послевоенной Европе, а также согласие Лондона на пересмотр конвенции Монтрё о проливах. Доказательство допустимости подобного диалога советские дипломаты, наверное, видели в оживленном «процентном» торге У. Черчилля и И. В. Сталина, а потом А. Идена и В. М. Молотова во время октябрьского визита британцев в Москву.

Важнейшей взаимной гарантией безопасности двух великих европейских держав, по мнению М. М. Литвинова, должна была остаться четвертая статья (второй параграф) англо-советского договора о взаимных гарантиях от нападения со стороны Германии или другого государства. М. М. Литвинов подчеркнул, что эта статья ни в коем случае не должна подвергаться никаким уточнениям или изменениям в послевоенный период в результате создания международной организации безопасности.

В 1944 г. отношения между союзниками прошли несколько этапов. Советская дипломатия быстро освоилась с ролью проводника интересов великой державы. Это право было завоевано огромными жертвами и беспрецедентными победами Красной армии. До лета 1944 г. самой острой проблемой являлось открытие второго фронта. В преддверии этого события СССР стремился избегать острых разногласий, ставя на первый план общность главной задачи — скорейшего разгрома Германии. Советская сторона активно содействовала реализации плана «Бодигард» по дезинформации немцев о месте и времени высадки союзников в июне 1944 г. Вслед за началом высадки союзников в Нормандии (операция «Оверлорд») советское командование предприняло, согласно обещанию, данному И. В. Сталиным в Тегеране, наступательную операцию «Багратион», оттянувшую на себя главные германские силы на восточном фронте.

Д. Эйзенхауэр писал А. Гарриману: «С картой в руках слежу за продвижением Красной армии и, конечно, испытываю огромный восторг от того, с какой скоростью она перемалывает боевую мощь врага... Обещаю, что мы тоже сделаем все, чтобы перебить свою долю немцев»[38]. Обмен посланиями, полными взаимного восхищения военными успехами, способствовал поддержанию атмосферы боевого союзничества. Через несколько дней после высадки союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.) И. В. Сталин заявил: «История войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения»[39].

Однако к осени ситуация несколько изменилась. Трудности, с которыми столкнулись союзники во Франции и Италии, доказали их зависимость от действий Красной армии. Кроме того, по мере освобождения стран Восточной Европы, особенно в связи с польским

вопросом в политике СССР, все острее вставала проблема обеспечения послевоенной безопасности. В Москве также понимали значение для союзников вступления СССР в войну с Японией. Все эти факторы создавали заметные преимущества для внешней политики СССР и позволяли советской стороне проявлять твердость, особенно в польском вопросе.

Далеко не по всем вопросам регионального влияния интересы союзников могли быть быстро гармонизированы. В первую очередь это относилось к Балканам, где намеревались доминировать британцы. В планы У. Черчилля входили ослабление Болгарии, «приручение» И. Б. Тито, контроль над королевским правительством Греции и нейтрализация партизанских отрядов в Югославии и Греции по мере продвижения союзных войск. Последнее предусматривалось выполнить также в странах массового антифашистского Сопротивления — Италии и Франции.

Отношение руководства СССР к этим планам следовало логике возможного, поэтому было нацелено на поддержание согласия с англо-американскими союзниками. Решение югославского и греческого вопросов осложнялось внутренним расколом между консервативными силами, поддерживавшими эмигрантские королевские правительства в Лондоне и Каире и подпольными центрами антифашистского Сопротивления, не согласными с восстановлением довоенных режимов. Весомая роль коммунистов в партизанском подполье и международный авторитет Красной армии создавали дополнительные рычаги советского влияния.

В период подготовки высадки союзников во Франции, когда укрепление сотрудничества с англо-американцами являлось приоритетным, И. В. Сталин предложил коммунистам тактику создания широкого национального фронта, предполагавшую сотрудничество всех национальных антифашистских сил и позволявшую коммунистам получить министерские портфели. Соответственно, советская дипломатия ратовала за скорейшее восстановление суверенитета подобных коалиционных правительств в ущерб полномочиям военного командования союзников.

У. Черчилль предпочитал классические предварительные договоренности о разделе сфер влияния. После известной беседы с И. В. Сталиным по поводу «процентного соглашения» он писал Ф. Рузвельту: «Совершенно необходимо, чтобы мы попытались достичь общей точки зрения относительно Балкан с тем, чтобы предотвратить гражданскую войну в ряде стран, при которой, видимо, Вы и я симпатизировали бы одной стороне, а Сталин — другой»[40]. Ф. Рузвельт считал, что необходимо оставить подобные вопросы для обсуждения большой тройки. Впрочем, к Ялтинской конференции стало ясно, что поведение в классическом стиле «концерта держав» стало анахронизмом. Между тем в ходе октябрьского визита в Москву У. Черчилль убедился, что в планы Москвы не входит посылка войск в Грецию и Адриатику. Соглашения И. В. Сталина с И. Б. Тито предусматривали также вывод советских войск из Югославии по завершении освобождения страны.

В соседней Греции объединение сил внутреннего Сопротивления состоялось не без участия СССР. Еще в декабре 1943 г. И. В. Сталин согласился с предложением У. Черчилля уполномочить премьер-министра Греции Э. Цудероса призвать греческих партизан к прекращению «гражданской войны» во имя совместной борьбы против немцев[41]. 4 сентября британские войска высадились в Греции, а 26 сентября на встрече в итальянском городе Казерте с руководителями Национально-освободительного фронта (ЭАМ)[42] было достигнуто соглашение о переподчинении партизанских отрядов Греции британскому командованию в Средиземноморье.

Позиция И. В. Сталина в греческом вопросе следовала тому же принципу, что и его советы коммунистам Италии и Франции. Она отвечала реалистичной политической стратегии, основанной на оценке возможностей Красной армии и Советского государства, и в то же время следовала логике главной стратегической задачи Москвы, требовавшей мобилизации и сплочения всех антифашистских сил для приближения победы.

Одной из целей визита британского премьера в Москву через две недели после совещания в Казерте было закрепление достигнутого влияния на Балканах. В своих мемуарах У. Черчилль рассказал, что на первой же встрече 10 октября, когда «создалась деловая атмосфера», он

набросал цифры на листке бумаги и тут же передал его И. В. Сталину: «Румыния: Россия — 90 процентов, другие — 10 процентов; Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов, Россия — 10 процентов; Югославия: 50:50 процентов; Венгрия: 50:50 процентов; Болгария: Россия — 75 процентов, другие — 25 процентов»[43]. Сталин внимательно прочел и, поставив на листе большую «птичку» синим карандашом, вернул листок У. Черчиллю.

Впоследствии неофициальные итоги обсуждения содержания этой записки назвали «процентным соглашением». Хотя официального соглашения не было, участники переговоров договорились о распределении влияния между СССР и Великобританией (вместе с США) в процентном отношении: 80:20 — для Румынии и Болгарии (в пользу СССР); 90:10 — для Греции (в пользу Великобритании); 50:50 — для Югославии и Венгрии[44].

При всех противоречиях и недоразумениях между СССР и англо-американскими союзниками главным вектором их отношений было поддержание атмосферы боевого содружества в борьбе против общего врага во имя общей цели — скорейшего разгрома Германии и ее сателлитов. Одним из центральных направлений общих дипломатических усилий была политика развала фашистского блока.

Политика развала фашистского блока

13 мая 1944 г. было опубликовано «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам фашистской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии»: «Сателлиты оси... своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины. Эти государства все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы... и содействовать победе союзников»[45].

В начале 1944 г. в связи с разгромом советскими войсками немецкой группы армий «Север» и приближением линии фронта к северо-западной границе СССР возникли перспективы вывода из войны Финляндии — одного из наиболее боеспособных союзников фашистской Германии. 16 февраля представитель финляндского правительства Ю. К. Паасикиви в неофициальном порядке обратился к советскому посланнику в Швеции А. М. Коллонтай, чтобы выяснить условия прибытия в Москву представителей Финляндии для переговоров о перемирии.

К тому времени советская сторона основательно продумала условия предстоящих соглашений о перемирии с членами гитлеровской коалиции. Постановлением Совнаркома от 4 сентября 1943 г. была создана Комиссия по перемирию при НКИД под председательством К. Е. Ворошилова. В ее задачи входила подготовка проектов документов об условиях капитуляции Германии и ее европейских союзников: Финляндии, Венгрии и Румынии. К работе были привлечены ведущие специалисты по истории международных отношений: В. М. Хвостов, А. Л. Нарочницкий, С. П. Кирсанов, Е. Георгиев, которым поручено составление справок о важнейших перемириях. В октябре — декабре 1943 г. комиссия подготовила проекты трех договоров о безоговорочной капитуляции Финляндии, Венгрии и Румынии.

Немаловажным был вопрос, кому принадлежат решающее слово и право принимать капитуляцию и подписывать соглашения о перемирии с союзниками фашистской Германии. Общий принцип был изложен В. М. Молотову в сопроводительной записке К. Е. Ворошилова к проекту документа о безоговорочной капитуляции Финляндии 13 октября 1943 г.: «Ввиду того что в войне против Финляндии принимают участие только вооруженные силы СССР, проект документа составлен от имени правительства СССР, и Объединенные Нации упоминаются в нем лишь во введении и в [ряде] пунктов. Комиссия считает этот принцип

Ю. К. Паасикиви

А. М. Коллонтай

тем более правильным, что в п. 9 «основных принципов окончания военных действий с европейскими членами оси» (наша редакция) указывается, что межсоюзные комиссии по перемирию создаются из представителей тех государств, вооруженные силы которых участвовали в военных действиях против данной державы»[46].

Сложные перипетии переговоров, инициированных самой Финляндией, но растянувшихся на долгие месяцы, способствовали выработке общих подходов для решения неотложной задачи скорейшего вывода из войны стран — сателлитов Германии.

19 февраля 1944 г., через три дня после обращения Ю. К. Паасикиви, А. М. Коллонтай передала ему условия перемирия, включающие шесть пунктов[47]. Сам Ю. К. Паасикиви считал их «неожиданно мягкими»[48]. Умеренность советских условий объяснялась двумя обстоятельствами: важностью скорейшего вывода Финляндии из войны и намерением создать вокруг СССР благоприятное международное окружение. В советском ответе было заявлено: если финляндское правительство принимает эти условия, Москва согласна принять делегацию Финляндии для переговоров о заключении перемирия. 8 марта правительство Финляндии ответило, что затрудняется принять советские условия перемирия без предварительного обсуждения, но в то же время был подтвержден разворот от войны к миру с СССР: «Финское правительство серьезно стремится восстановить в самый короткий срок мирные отношения между Финляндией и СССР». Однако главную трудность для Финляндии, как и для всех сателлитов фашистской Германии, представляло советское требование интернировать или изгнать немецкие войска из страны. Признавая справедливость этого условия, финляндское правительство осторожно замечало, избегая прямого указания на германскую армию: «Для того чтобы Финляндия после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на ее территории не находились иностранные войска, принадлежащие воюющей стране, однако вопрос настолько сложен, что он требует более детального обсуждения»[49].

Поскольку в Москве и так считали свои условия «минимальными и элементарными», советская сторона признала такой ответ «неудовлетворительным» и дала финляндскому

К. Энкель

правительству время на размышления до 18 марта. Ф. Рузвельт попытался содействовать благоприятному исходу переговоров: 16 марта он направил финнам заявление, в котором выражал надежду, что они воспользуются возможностью порвать свой союз с Германией[50]. Неофициально США известили Финляндию, что их отрицательный ответ на советские предложения может повлечь за собой разрыв дипломатических отношений с США[51].

Накануне указанной даты из Хельсинки был получен ответ, в котором финская сторона отказывалась «декларировать заранее принятие (советских. — *Прим. ред.*) условий... которые затрагивают существование всей нации, даже не получив твердой уверенности в интерпретации этих условий и их значении»[52]. Несмотря на то что советская сторона назвала такой ответ «по существу отрицательным», в Москву было предложено приехать одному или нескольким представителям Финляндии для интерпретации советских требований.

После приостановки переговоров с Хельсинки стало ясно, что в условиях, когда правительствам стран-сателлитов предстоял выбор между потенциальной угрозой советской оккупации и неотвратимым столкновением с вермахтом, уже расположившимся на их территории, следовало создать для них весомый стимул для перехода на сторону союзников. Таким стимулом стал отказ Объединенных Наций от принятого на Московской конференции принципа безоговорочной капитуляции в отношении сателлитов фашистской Германии в обмен на обязательство разоружить и интернировать германские части, находящиеся на их территории, что, по сути, означало присоединение к делу Объединенных Наций.

Инициатором такого подхода была британская сторона, заинтересованная в максимальном ослаблении гитлеровской коалиции на севере Европы. Соответствующие консультации с союзниками происходили на фоне начала двусторонних переговоров по выходу Финляндии из войны во второй половине марта 1944 г. В письме В. М. Молотову от 19 марта британский посол А. Керр предложил сохранить принцип безоговорочной капитуляции в отношении Германии, замечая, что в отношении ее малых союзников «можно было бы достичь лучших результатов, если бы формула безоговорочной капитуляции была молчаливо или открыто оставлена, поскольку строгое применение этого принципа могло бы противоречить политике

союзников, состоящей в том, чтобы выводить эти малые государства из войны в возможно скором времени»[53].

Через десять дней послу был вручен ответ В. М. Молотова: «Советское правительство считает, что предъявление требования безоговорочной капитуляции европейским странам-сателлитам в известных условиях может дать... отрицательный эффект, содействуя не ослаблению, а укреплению связей стран-сателлитов с Германией... Соглашаясь с британскими доводами, правительство СССР после согласования с Вашингтоном считает возможным решать этот вопрос в каждом конкретном случае. Решать этот вопрос после консультации между тремя союзниками, можно ли выставить вместо безоговорочной капитуляции «смягченные конкретные условия соглашения этой страны с союзными странами»[54].

Делегация из Хельсинки в тот момент уже находилась в Москве (с 26 марта). 27 и 29 марта состоялись встречи советских руководителей НКИД В. М. Молотова и В. Г. Деканозова с представителями Финляндии Ю. К. Паасикиви и К. Энкелем. Советская сторона передала конкретизированные предложения мира с Финляндией из шести пунктов. На первом месте стояло требование разрыва отношений с фашистской Германией и обязательства финляндского правительства интернировать или изгнать немецкие войска и корабли из страны не позднее конца апреля (то есть в течение месяца). Очень важным для финской стороны было разъяснение, что «советское правительство может оказать Финляндии помощь своими вооруженными силами». Вторым пунктом шло восстановление советско-финляндского договора 1940 г. Третий пункт предусматривал немедленное возвращение советских военнопленных и гражданских лиц, содержащихся в концлагерях и используемых на принудительных работах в Финляндии. В случае если между сторонами был бы подписан не договор о перемирии, а мирный договор, то это возвращение должно было стать обоюдным. Четвертое условие требовало демобилизации половины финской армии, тогда одной из самых боеспособных в Европе, в течение мая и перевода на мирное положение всей армии страны в течение июня — июля 1944 г. Пятый пункт предусматривал возмещение убытков, причиненных советской стороне военными действиями Финляндии и оккупацией советской территории: 600 млн американских долларов с выплатой в течение пяти лет товарами. Шестой пункт касался территориальных претензий Советского Союза и установления новой советско-финляндской границы. Он предусматривал возвращение Советскому Союзу Петсамо (Печенга) и прилегающей области, которые СССР вынужден был уступить Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 гг. В ответ на признание этих условий Москва соглашалась «отказаться в пользу Финляндии от своих прав на аренду Ханко и район Ханко без какой-либо компенсации»[55]. Примечательно, что советские условия перемирия не включали пункта об оккупации Финляндии.

Финская делегация, по официальному заявлению Наркомата иностранных дел, не оспаривала предложенного проекта, «не внесла никаких своих предложений об условиях перемирия» и отправилась на родину для его представления правительству и сейму. В Москве надеялись на положительный ответ, но в тот момент главным фактором принятия решения о выходе из войны и перемирия с СССР для Хельсинки оставалась позиция Берлина. В сложившихся обстоятельствах доминирующий союзник был опаснее врага. Отказ от немедленного перемирия с Советским Союзом в глазах правительства Финляндии был чреват меньшими рисками, чем военное столкновение с Германией на собственной территории, тем более если в этом столкновении примет участие Красная армия, пусть и на стороне Финляндии.

19 апреля правительство Финляндии через МИД Швеции заявило о том, что «принятие (советских. — *Прим. ред.*) предложений, которые отчасти неосуществимы уже по техническим причинам, ослабило и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может продолжать существовать как самостоятельное государство, и наложило бы на финский народ тяготы, которые по единодушному компетентному свидетельству в значительной мере превосходят размеры его сил». Отказываясь принять условия перемирия, составители ответа сохраняли ранее избранный тон, не вяжущийся с состоянием войны, которая продолжалась между двумя государствами, и оставляющий возможность неоднозначного толкования. Документ

оканчивался словами: «Финское правительство, которое серьезно стремится к восстановлению добрых и устойчивых мирных отношений со своим великим соседом на Востоке, сожалеет, что полученные им недавно предложения... не представляют возможностей для осуществления этого стремления»[56].

Ответ советского правительства, напротив, отвергал любую двусмысленность толкования уклончивых пассажей о «неосуществимости» реализации советских требований «по техническим причинам», их несовместимости с независимым существованием Финляндии и непосильных тяготах, которые они налагают на финский народ. С самого начала переговоров в Москве финны дали понять, что главным вопросом для них было требование изгнать со своей территории немецкие войска, поэтому советская дипломатия включила в условия перемирия пункт о возможной помощи со стороны Красной армии.

В советском заявлении прямо указывалось на единственную угрозу суверенитету Финляндии — условия союза с фашистской Германией: «У нынешней Финляндии нет государственной самостоятельности. Она потеряла ее с того момента, когда впустила немецкие войска на свою территорию. Теперь дело идет о том, чтобы восставить утерянную самостоятельность Финляндии путем изгнания немецких войск... Известно, что в результате того, что финское правительство пустило на свою территорию немецкие войска для совместного нападения на Советский Союз, вся северная половина Финляндии оказалась в руках немцев, которые и являются здесь подлинными хозяевами, превратившими Финляндию в полуоккупированную (так в тексте. — *Прим. ред.*) страну». В заключении заявления была определена советская точка зрения на позицию правительства Финляндии, которое «поставило свою страну на службу интересам гитлеровской Германии... Оно не хочет восстановления мирных отношений»[57].

Нажим Берлина привел к затягиванию выхода Финляндии из войны. Советской дипломатии в тот момент не удалось обеспечить политическое решение вопроса. 10 июня началось наступление Красной армии на выборгско-петрозаводском направлении. В этой связи И. Риббентроп посетил Хельсинки и угрозами добился обещания Финляндии не заключать мира без согласия Германии, о чем было заявлено в письме А. Гитлеру, направленном 26 июня президентом Финляндии Р. Рюти[58].

Тогда же комиссия К. Е. Ворошилова в более узком составе, определенном специальным постановлением Совнаркома от 29 июня 1944 г., пересмотрела первоначальный вариант и позже, за июль — август 1944 г., составила новые проекты условий капитуляции для каждого из бывших сателлитов фашистской Германии. Они были представлены В. М. Молотову и положены в основу соглашений о перемирии с Финляндией, Румынией, Венгрией, к которым добавилась и Болгария[59]. Первым был готов и 29 июня представлен проект условий капитуляции Финляндии, который являлся «сокращенным и несколько смягченным» вариантом более раннего проекта документа о безоговорочной капитуляции Финляндии. Июньский проект предполагал оставить Финляндии не половину ее армии для выполнения операций по интернированию немецких войск, но количество, «определенное советским военным командованием по его усмотрению и в зависимости от обстановки, которая сложится к моменту капитуляции Финляндии»[60].

К. Е. Ворошилов объяснил это изменение: «Учитывая позицию, занятую правительством Финляндии в последние дни, такое обязательство может оказаться скорее выгодным для Финляндии и для Германии, но не для нас. Поскольку финляндское правительство... решило продолжать войну вместе с Германией до конца, то проектируемые нами 50% финляндских войск могут перейти на сторону немцев и тем самым усилить сопротивление последних в момент их окончательного изгнания из Финляндии»[61].

Успешное продвижение Красной армии на выборгско-петрозаводском направлении привело к политическому кризису в Финляндии, приходу к власти нового правительства и смене президента страны. Им стал маршал К. Маннергейм. Только он мог взять на себя риск противостояния германскому нажиму. 17 августа новый президент заявил германскому фельдмаршалу В. Кейтелю, посетившему его по поручению А. Гитлера, что не считает себя связанным соглашениями, заключенными прежним президентом Р. Рюти[62].

Р. Рюти

К. Маннергейм

25 августа финский посланник в Швеции Г. Грипенберг через А. М. Коллонтай передал просьбу финского министра иностранных дел К. Энкеля о начале переговоров о перемирии или заключении мирного договора с СССР.

На этот раз советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия, чтобы финляндское правительство официально заявило о разрыве отношений с Германией и потребовало вывода немецких войск не позже 15 сентября, угрожая в противном случае их разоружением и интернированием с последующей передачей союзникам в качестве военнопленных. Важным добавлением стало указание на согласие с данными условиями англо-американских союзников.

К. Маннергейм стремился, с одной стороны, доказать готовность избавиться от германской армии, а с другой — получить от СССР гарантии о начале переговоров о перемирии. В своем обращении к советскому правительству от 2 сентября он заверил, что требуемое Москвой официальное заявление о разрыве отношений с Германией будет сделано после получения ответа от И. В. Сталина. Одновременно он предложил самостоятельно обеспечить эвакуацию или интернирование германских войск на южной части финской территории, прервать военные действия на южной части фронта и отвести на этом участке финские войска к границе 1940 г. Соответственно, на эту линию передвинулись бы и советские войска. Тем самым Красная армия без боев и потерь могла восстановить северную границу СССР. Финская армия из серьезного противника превращалась в потенциального помощника: финский посланник Г. Грипенберг сообщил А. М. Коллонтай, что финны готовы участвовать в разоружении немецких войск на севере страны, «но хотят договориться в Москве о координации и помощи в этом деле с советским военным командованием».

Советское правительство в ответ по-прежнему настаивало на важнейших предварительных условиях переговоров — публичном разрыве отношений Финляндии с Германией и выводе немецких войск из страны к 15 сентября, согласившись оказать Финляндии помощь в

Подписание Соглашения о перемирии с Финляндией. 19 сентября 1944 г.

их разоружении. При этом было дано согласие на прекращение военных действий на южном участке фронта, но только после выполнения вышеуказанного предварительного условия[63].

Переговоры в Москве начались 14 сентября. К советской и финской сторонам присоединились британцы. 19 сентября соглашение о перемирии было подписано. От имени Объединенных Наций его подписал А. А. Жданов. Финская сторона была представлена министром иностранных дел К. Энкелем и тремя генералами. Советский Союз добился отвода финских войск за линию советско-финляндской границы 1940 г. и возвращения области Петсамо. Финляндия должна была порвать с политикой фашистского толка: распустить прогитлеровские и антисоветские организации, освободить политических заключенных, отменить расистские законы, предать суду военных преступников[64]. Примечательно, что в отличие от условий соответствующих соглашений с Румынией и Болгарией соглашение с Финляндией оставляло финляндскому правительству максимум суверенитета.

Восстанавливалось действие советско-финляндского соглашения от 11 октября 1940 г. об Аландских островах. Советский Союз получил контроль над финскими торговыми судами и оговорил поставки финской продукции для военных целей. В то же время Москва снизила материальные претензии к Финляндии. Сумма возмещения ущерба, причиненного действиями финской армии на советской территории, была вдвое уменьшена по сравнению с первоначальными условиями. Вместо товарных поставок на 600 млн долларов с погашением в течение пяти лет Советский Союз согласился на 300 млн долларов с погашением в течение шести лет[65].

Советские офицеры разговаривают с финским военнослужащим во фронтовой полосе
после подписания перемирия между СССР и Финляндией

Финляндия брала на себя обязательства разоружить германские войска и передать их союзному (советскому) главнокомандованию, а также интернировать германских и венгерских граждан на своей территории. Кроме того, советской авиации были предоставлены аэродромы на южном и юго-западном побережье Финляндии, необходимые для проведения операций против немцев в Эстонии и германского флота на Балтике. Финляндия дала согласие на аренду территории для создания военно-морской базы в районе Порккала-Удд. Приложения к соглашению касались военного содействия Финляндии борьбе союзных сил против Германии, существенно облегчавшего боевые действия Красной армии на Балтике. Бывшая союзница Германии должна была предоставить все имеющиеся в ее распоряжении немецкие секретные материалы: карты минных полей, планы, карты и схемы боевых порядков[66].

В то же время Москва была недовольна недостаточной готовностью финнов безотлагательно выполнить главное условие перемирия — разоружение немецких войск. На севере финская армия начала военные действия спустя почти две недели — только 1 октября и, как отмечалось в сообщении ТАСС, «используя лишь незначительную часть своей армии»[67].

Все же благодаря перемирию и выходу Финляндии из войны были высвобождены значительные военные силы для наступления на других фронтах. Экономика и территория Финляндии были поставлены на службу военным потребностям Советского Союза. Советское Верховное главнокомандование получило от имени союзных держав руководство Союзной контрольной комиссией в Финляндии, в задачи которой входил надзор над соблюдением условий перемирия до заключения мирного договора. Северный сосед стал одним из первых в цепи сателлитов фашистской Германии, из которых советская дипломатия уже в 1944 г. начала сооружать послевоенный буфер безопасности на своих западных границах от Балтики до Адриатики. Примечательно, что в политическом плане советское правительство ограничилось требованием денацификации и дефашизации Финляндии и не пыталось повторить сценарий 1939 г. О смене общественно-политического строя в Финляндии не было и речи.

26 марта 1944 г. в результате мощного наступления на юге Украины советские войска вышли к границе СССР с Румынией на реке Прут[68]. На стороне Советского Союза воевали и румынские части. С 1942 г. в лагерях румынских военнопленных работали антифашистские школы и курсы, были проведены две конференции, а 3—4 сентября 1943 г. был образован Рабочий комитет румынских антифашистских организаций. 4 октября Государственный Комитет Обороны постановил сформировать две румынские добровольческие дивизии. В октябре 1943 — марте 1944 г. в Селецких военных лагерях под Рязанью была сформирована, обучена и снабжена советским оружием 1-я румынская добровольческая дивизия. Ее военнослужащие носили румынскую форму, около половины офицеров ранее служили в румынской армии, другая половина прошла подготовку в Селецких лагерях. Идеологическую работу в дивизии вели штатные политработники из политэмигрантов-коммунистов. В конце мая дивизия была включена в состав 2-го Украинского фронта и участвовала в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии. 25 марта 1945 г. советское правительство согласилось на создание 2-й румынской дивизии, которая, однако, так и не успела принять участия в боях.

В сделанном в связи с выходом Красной армии на советско-румынскую границу заявлении В. М. Молотов указал, что «вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника» и что «советские войска будут преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». При этом подчеркивалось: советское правительство «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»[69], что должно было подвигнуть правительство Румынии на выход из войны.

Англо-британские союзники были согласны с тем, чтобы советское правительство играло определяющую роль в выработке условий перемирия с румынами[70]. Со своей стороны, они

Н. В. Новиков

поддерживали продвижение советских войск челночными бомбардировками румынских стратегических объектов. С 1 июня 1944 г. самолеты американских ВВС садились в том числе и на советский аэродром под Полтавой. Помимо этого американцы надеялись использовать этот прецедент для предоставления им авиабаз на советской территории в Приморье и на Дальнем Востоке для будущих боев с Японией[71].

Советские дипломатические контакты с румынским правительством осуществлялись советским послом в Каире Н. В. Новиковым. 12 апреля 1944 г. он вручил представителю Румынии условия перемирия, согласованные с Вашингтоном и Лондоном. А накануне, 11 апреля, английский посол А. Керр передал В. М. Молотову послание У. Черчилля, в котором он выразил согласие с выдвинутыми Румынии советскими условиями. Важным для британской дипломатии был вопрос о разграничении полномочий союзников, то есть о советских прерогативах в Румынии и присутствии там представителей союзников. У. Черчилль писал: «Мы считаем разумеющимся, что в Румынии могут быть британские и американские представители по политическим вопросам подобно тому, как Вы имеете политических представителей в Италии»[72]. Через несколько дней, 15 апреля, в письме по поводу Югославии У. Черчилль предложил помощь в скорейшем согласовании советских условий с Вашингтоном: «Сообщите мне, желаете ли Вы, чтобы я что-либо сказал или сделал, чтобы помочь»[73].

25 апреля В. М. Молотову было передано послом А. Керром личное послание У. Черчилля: «Нам надо усилить со всех сторон нажим на румын, чтобы они сошли со своей безнадежной и преступной позиции... Тем временем мы продолжаем бомбежку; но мы считаем вас нашими вожаками в румынских делах»[74].

Нажим был необходим, поскольку правительство И. Антонеску отказалось принять советские условия. Причины этого были неоднозначны. С одной стороны, германское командование требовало от своих союзников продолжения войны. Оборонять Румынию была призвана мощная группировка немецко-румынских войск, в которой собственно румын было меньше половины (22 из 47 дивизий, 335 из 900 тыс. солдат и офицеров). С другой стороны, правительство Румынии предпочло бы договариваться с англо-американскими союзниками.

Румыния была для СССР ключом к Балканам — исторической зоне соперничества России и Британии. Советские руководители придавали чрезвычайную важность любым сведениям о неофициальных контактах союзников с Бухарестом.

В конце апреля 1944 г. В. М. Молотов, который тогда напрямую переписывался с У. Черчиллем, поскольку тот в отсутствие А. Идена взял на себя и обязанности министра иностранных дел, запросил разъяснения по поводу так называемой «миссии Шастелена». По полученным Москвой сведениям, в конце 1943 г. в Бухарест были направлены британскими властями несколько англичан (среди которых был и британский офицер Шастелен), о которых сообщалось в печати, что «они парашютисты, и которые считаются, кажется, военнопленными», но «они находятся фактически на положении полуофициальной британской миссии при пр-ве Антонеску», снабженной передатчиком и шифрами. При помощи этой британской группы велась оживленная политическая переписка между Бухарестом и румынским представителем в Каире А. Стирбеем, что свидетельствовало в глазах Москвы об оказываемом этой группе содействии со стороны И. Антонеску.

В. М. Молотов считал, что «такое положение не может существовать иначе, как при определенном соглашении между британским правительством и правительством Румынии». Между тем советское правительство не было официально информировано Лондоном об этой миссии, ее целях и задачах. В письме от 29 апреля 1944 г. В. М. Молотов обращал внимание У. Черчилля на то, что присутствие в Румынии при маршале И. Антонеску британской миссии «с неизвестными советскому правительству целями и в то время, когда Румыния вместе с Германией ведут войну против Советского Союза, может лишь ободрять правительство Антонеску и отнюдь не может способствовать ускорению капитуляции Румынии и принятию румынским правительством советских условий перемирия, согласованных с британским и американским правительствами»[75]. Подобные подозрения создавали двусмысленность, казалось бы, в гармоничных отношениях с британским союзником по вопросу о выводе Румынии из войны.

В ответе от 2 мая, переданном В. М. Молотову 5 мая, У. Черчилль сделал вид, что оскорблен напрасными подозрениями советского наркома. Для убедительности он употребил чуждый дипломатическому стилю идиоматический оборот, на что не преминул обратить внимание переводчик НКИД, — «вы открыли гнездо кобылы» (то есть нашли то, чего нет и быть не может). «Если вы не верите ни одному сказанному нами слову, то действительно было бы лучше предоставить делам идти своим чередом», но это недоверие «показывает, как трудна совместная работа даже накануне величайших в мире совместных военных операций»[76]. 10 мая В. М. Молотов ответил жестко: «Несмотря на все остроумие, послание неубедительно, т. к. не содержит никаких разъяснений... о миссии Шастелена в Румынии»[77]. Хотя этот обмен колкостями был свидетельством подспудного соперничества за послевоенное влияние в регионе, он не нарушил духа сотрудничества, царившего среди Объединенных Наций в преддверии высадки в Нормандии.

Ускорить события было призвано совместное «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии», опубликованное 13 мая 1944 г., в котором в отношении малых союзников рейха отменялся принцип безоговорочной капитуляции[78]. Это заявление не дало немедленных результатов, но указало благоприятную альтернативу, ускорив переход влиятельных сил в политических кругах указанных стран в оппозицию к прогерманским режимам.

В то время как первые дипломатические инициативы Москвы были отклонены правительством И. Антонеску, приближение советских войск и медленное, но неуклонное продвижение союзников в Италии способствовали перегруппировке румынских политических сил, вызвав оживление в стане противников режима и союза с А. Гитлером. Еще в 1943 г., после Сталинграда, в Румынии был создан подпольный Патриотический антигитлеровский фронт. Весной 1944 г. состоялось соглашение между коммунистами и социал-демократами о единстве действий, а в июне был создан их военный комитет.

Король Михай

Либеральная патриотическая оппозиция, придворные круги и часть армейской верхушки вошли в контакт с объединившимися левыми антифашистами. 20 июня 1944 г. было подписано соглашение о создании национально-демократического блока из двух так называемых «исторических» национал-либеральной и национал-царанистской (крестьянской) и двух находившихся в подполье (коммунистической и социал-демократической) партий. В подполье стали создаваться военные отряды, которые готовили восстание против И. Антонеску. Политическая развязка наступила в результате военного разгрома. С 20 по 23 августа в результате Ясско-Кишиневской наступательной операции Красной армии была окружена и в течение нескольких последующих дней ликвидирована основная группировка румынских войск, что стало главным сигналом к свержению диктаторского профашистского режима.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией при участии 1-й румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску на фронте протяженностью 580 км разгромили германские группы армий «Южная Украина», «Вёлер» и две румынские армии, поддержанные 4-м германским воздушным флотом и румынским авиакорпусом (610 самолетов).

23 августа военные отряды подпольного Патриотического антигитлеровского фронта начали вооруженное восстание для свержения правительства И. Антонеску. Несмотря на разгром основных румынских сил, И. Антонеску заявил о верности союзу с Гитлером и отказался прекратить сопротивление. Тогда король Михай, по примеру своего итальянского собрата, решил самостоятельно избавиться от диктатора, приказав арестовать премьер-министра во дворце, когда тот прибыл к нему на аудиенцию. Представители германской военной миссии во главе с генералом Э. Ганзеном были интернированы. В ночь на 24 августа король приказал прекратить военные действия.

Советской дипломатии предстояло оформить переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции. В ночь на 25 августа было опубликовано заявление советского правительства,

из которого явствовало, что Румынии дан шанс присоединиться к Объединенным Нациям, борющимся против нацизма. «Если румынские войска прекратят военные действия против Красной армии и если они обяжутся рука об руку с Красной армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, то Красная армия не будет их разоружать, сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу»[79].

Советскому послу в Анкаре С. А. Виноградову 25 августа 1944 г. была вручена нота румынского правительства, в которой король объявил о прекращении сопротивления (с 4 часов 24 августа), принятии ранее представленных советской стороной условий перемирия и готовности «приступить к полному удалению всех немцев, находящихся на румынской территории»[80]. Новое правительство возглавил адъютант короля генерал К. Сэнэтеску (в советских документах — Санатеску).

Однако до 30 августа упорные бои в Бухаресте и провинции продолжались. В ожидании румынской делегации В. М. Молотов в беседе с послами союзников А. Керром и А. Гарриманом (26 августа) пояснил, что «в целях поддержания авторитета нового румынского правительства» советское правительство внесло три дополнения в апрельские условия перемирия, касающиеся сокращения размера компенсации, выделения свободной зоны пребывания румынского правительства и предоставления немецким войскам 15-дневного срока для ухода из Румынии. В. М. Молотов был категоричен: «Переговоры по перемирию должны проходить в Москве. Там же будут обсуждены британские дополнения»[81]. Несмотря на то что в отношениях с Бухарестом решающая роль принадлежала Москве, советский нарком счел необходимым подчеркнуть единство политики союзников. На пресс-конференции 5 сентября на вопрос корреспондента «Нью-Йорк таймс» У. Лоуренса о начале переговоров о перемирии с Румынией В. М. Молотов сказал, что подготовка к ним «зависит не только от Советского Союза, но и от наших друзей — англичан и американцев»[82].

Великобританию на переговорах в Москве представлял посол А. Керр, Соединенные Штаты — посол А. Гарриман. Румынская правительственная делегация прибыла в Москву для ведения переговоров о перемирии 31 августа — в день, когда Красная армия и части сформированной в СССР румынской дивизии имени Тудора Владимиреску вступили в Бухарест. Румынские представители должны были дожидаться начала переговоров до 10 сентября.

Эта неделя была напряженной для советской дипломатии. Близилась развязка войны с Финляндией. В ночь на 4 сентября последовало долгожданное заявление финляндского правительства о разрыве отношений с Германией и выводе германских войск с финской территории. В то же время новое правительство Болгарии во главе с К. Муравиевым заявило о нейтралитете, что в глазах Москвы означало продолжение пассивной помощи Германии, в том числе возможный пропуск немецких войск на румынскую территорию для продолжения сопротивления Красной армии[83], и создавало неблагоприятные условия для завершения разгрома немецко-венгерских войск в Румынии. 5 сентября СССР заявил о разрыве отношений с Болгарией и о том, что «отныне он будет находиться в состоянии войны» с этой страной[84].

Соглашение о перемирии с Румынией было подписано 12 сентября. Румыния признавала факт поражения в войне против СССР, Великобритании, США и других Объединенных Наций и вступала на их стороне в войну против Германии и Венгрии «в целях восстановления своей независимости», для чего обязалась выставить 12 пехотных дивизий[85]. Советское главное командование на территории Румынии, как в Финляндии, выполняло функции союзного главнокомандования и действовало от имени союзных держав.

Прибывший в Москву вместе с У. Черчиллем в октябре 1944 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил советские условия перемирия с Румынией и Финляндией[86]. Из его беседы с В. М. Молотовым видно, что союзники согласились с тем, чтобы политические преобразования в Румынии совершались под влиянием Москвы. В беседе 14 октября, касаясь перехода румынских сил на сторону союзников, В. М. Молотов заметил,

что король «мог создать определенные трудности для лиц, желающих продолжать войну, но что теперь, когда положение изменилось, этот вопрос не имеет никакого значения. СССР вполне удовлетворен положением в Румынии». В. М. Молотов намекал на враждебность короля кругу диктатора И. Антонеску.

Согласно условиям перемирия румынские войска, включая флот и авиацию, отныне подчинялись союзному (советскому) главнокомандованию. Их главной задачей было разоружение и интернирование вооруженных сил Германии и Венгрии на румынской территории. Правительство Румынии обязано было полностью обеспечивать за свой счет все передвижения союзных (советских) войск по территории страны, поставить свои финансы, промышленность, инфраструктуру и транспорт на службу советскому (союзному) главнокомандованию для ведения боевых действий против Германии и ее сателлитов. Военное имущество Германии и Венгрии, в том числе германские корабли в румынских территориальных водах, передавалось в распоряжение советского главнокомандования в качестве трофеев.

СССР добился восстановления государственной границы с Румынией в соответствии с соглашением от 28 июня 1940 г., то есть международного признания территориальных изменений кануна Великой Отечественной войны. Советский Союз оставлял за собой Бессарабию и Северную Буковину. В качестве компенсации за вступление в войну на стороне Объединенных Наций союзные правительства заявили о том, что «считают несуществующим» решение Венского арбитража от 30 августа 1940 г., по которому к Венгрии отходила Северная Трансильвания, в основном населенная венграми, а также румыно-болгарский договор от 7 сентября 1940 г. об уступке Румынией Южной Добруджи с болгарским населением. Советские войска были готовы содействовать Румынии в операциях против Венгрии и Германии. Решение территориального вопроса в пользу Румынии было предопределено сравнительно быстрым разворотом Бухареста к миру и сотрудничеству с СССР.

25 октября Красная армия при участии румын очистила всю территорию страны от германских войск, потеряв убитыми и ранеными свыше 286 тыс. человек. Потери румынской армии на стороне Объединенных Наций насчитывали 58 330 человек. Далее она участвовала в боях в Венгрии и Чехословакии. Король — номинальный главнокомандующий румынской армией, одна часть которой продолжала воевать на стороне Германии, а другая после дворцового переворота перешла в оперативное подчинение командования советских 2-го и 3-го Украинских фронтов, был награжден высшим советским военным орденом Победы.

Поскольку Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и вела ее на деле против Германии и Венгрии, подписывая соглашение о перемирии, СССР согласился на частичное возмещение ущерба, причиненного ему румынской оккупацией в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение шести лет товарами. Речь шла о возмещении только одной трети нанесенного румынской агрессией ущерба, причем впоследствии и эта сумма была сокращена советским правительством еще почти на треть.

Власть румынской гражданской администрации (под контролем союзного командования) восстанавливалась по мере продвижения линии фронта на всей территории, отстоящей от зоны боевых действий не менее чем на 50–100 км. Политические преобразования в оккупированной советскими войсками Румынии на тот момент ограничивались мероприятиями по денацификации и дефашизации и наказанием военных преступников. Суверенитет королевского правительства сверх того был ограничен введением строгой цензуры (периодической печати, а также любых печатных изданий, кино, радио и театров) со стороны союзного (советского) главнокомандования. В соглашении было также предусмотрено создание Союзной контрольной комиссии, в задачи которой до заключения мира должен был входить контроль исполнения условий перемирия[87]. Председателем комиссии был назначен советский маршал Р. Я. Малиновский.

Результатом дипломатической и военной деятельности по выводу Румынии из войны помимо ускорения распада нацистского блока было обретение советскими войсками удобного стратегического плацдарма для продолжения войны в Венгрии и на Балканах. Ключевая роль

Красной армии в освобождении Румынии от немецко-фашистских войск заложила основы для утверждения советского влияния в регионе, в котором У. Черчилль стремился упрочить британское доминирование. Кризис монархии, крах прогерманского режима И. Антонеску и советская оккупация в сочетании с мобилизацией прокоммунистических сил и их ролью в падении режима И. Антонеску создали условия для политических преобразований в Румынии, благоприятных для Советского Союза.

Заключение мира с Болгарией имело особый характер. Объявив войну США и Англии на стороне держав оси в декабре 1941 г., правительство Болгарского царства не вело войны против СССР, поскольку в болгарском обществе сохранилось историческое чувство признательности за освобождение от турецкого ига. В то же время правительство Болгарии предоставило германскому союзнику для военных операций против СССР на Черном море свои морские порты Варну и Бургас, а также дунайский порт Рущук. Немецкая авиация использовала болгарские аэродромы, болгарский флот помогал разбитым Красной армией немцам эвакуироваться из Крыма. С весны 1944 г. роль болгарского плацдарма для Германии возросла в связи с поражениями румынских войск на Южной Украине и продвижением советских войск в Румынии. Болгария была ключом к Балканам, Адриатике и Средиземноморью. Советской дипломатии требовалось исключить на конечном этапе войны установление безраздельного контроля англо-американских союзников на Балканах, с учетом того, что именно они находились в состоянии войны с Болгарией на протяжении четырех лет. Вопрос становился все более актуальным в связи с медленным, но неуклонным продвижением англо-американских войск на север Италии.

11 февраля 1944 г. посол США А. Гарриман передал В. М. Молотову послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину, в котором говорилось, что болгарский посланник в Турции по возвращении из Софии обратился к одному из агентов американского генерала У. Донована. Посланник сослался на свои совещания с членами болгарского правительства и руководителями оппозиции и сказал, что ему поручено организовать переговоры с американским правительством с целью присоединения Болгарии к Объединенным Нациям[88].

Речь могла идти о стремлении Болгарии заключить перемирие с англо-американскими союзниками в ущерб советским интересам, и в Москве сочли необходимым затормозить деятельность дипломатии союзников. На запрос А. Гарримана о рассмотрении в ЕКК вопроса о мирных условиях для Болгарии В. М. Молотов ответил, что в Москве считают его неактуальным, поскольку англо-американские войска в данный момент находятся далеко от Болгарии, и нет никаких сведений о том, чтобы внутреннее положение в Болгарии требовало принятия срочных решений[89]. В тот момент главным в консультациях с союзниками был польский вопрос, но менее чем через месяц Москва решила активизироваться на болгарском направлении.

17 апреля 1944 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов вручил болгарскому посланнику в Москве И. Стаменову ноту, в которой Москва «настоятельно предлагала» правительству Болгарии «немедленно прекратить использование гитлеровской Германией болгарской территории и болгарских портов против Советского Союза»[90].

В ответной ноте от 24 апреля Болгария запросила у Москвы доказательств предъявленных обвинений и заявила, что утверждения советской стороны о предоставлении болгарских портов и аэродромов для военных действий против СССР «не отвечают действительности», напоминая, что София присоединилась к оси Берлин — Рим — Токио в то время, когда сам Советский Союз был связан пактом с Германией, и тогда оба эти обязательства не противоречили «корректным, лояльным и дружественным» болгаро-советским отношениям[91].

Советская сторона предложила Болгарии возобновить работу консульства СССР в Варне, закрытого по настоянию болгарского правительства осенью 1942 г., а также учредить новые консульства в портах Бургасе и Рущуке, что создало бы возможность проводить проверку фактов использования Германией болгарской территории в военных целях. Однако Болгария поставила предварительным условием возобновление экономических отношений с СССР, прерванных военными действиями на Черном море.

И. Багрянов

В ответной ноте 9 мая Москва указала, что в Болгарии в течение всей войны действовали консульства дружественных Германии стран, не занимавшиеся никакой торговой деятельностью, а потому расценила это условие как отказ от удовлетворения советских требований и намерение продолжать логистическую помощь Германии[92]. В ответ правительство Болгарии отправило заверения в «желании взаимопонимания и усиления отношений доверия и дружбы между двумя странами», но отказало в открытии советских консульств. Очередная советская нота от 18 мая содержала «серьезное предупреждение» правительству Д. Божилова[93], однако позиция Болгарии оставалась неизменной.

Летние военные успехи Красной армии в Румынии и англо-американских союзников в Италии и Франции заставили новое болгарское правительство И. Багрянова более чем через два месяца после получения советской ноты от 18 мая заявить, что теперь ответ на выдвинутые Москвой требования стал «одной из [его] первых задач». Только 29 июля Болгария согласилась, со множеством оговорок — «сообразуясь с возможностями момента» и «постепенно», удовлетворять советские требования, начиная с восстановления консульства в Варне с возможным последующим распространением зоны его компетенции на Бургас и Рущук. Болгарская сторона предупреждала советскую дипломатию, что требуемая Москвой резкая смена курса чревата осложнениями на Балканах, которые не были бы в интересах не только Болгарии, но и СССР[94].

В действительности опыт гитлеровских союзников, сателлитов и коллаборационистских правительств Европы показывал, что уже сама возможность смены внешнеполитического курса провоцирует Германию на отказ от признания их суверенных прав и полную оккупацию страны. Стараясь избежать вероятной войны с СССР, Болгария могла оказаться в состоянии вполне реальной войны с Германией, решившей ожесточенно драться до конца, — крайне опасный сценарий, тем более что военное присутствие Германии в Болгарии усиливалось по мере отхода фашистских войск из Румынии.

Между тем ход событий стремительно ускорялся, не оставив болгарскому правительству времени для дипломатических проволочек. Для советского правительства переход Болга-

рии на сторону Объединенных Наций под эгидой СССР был бы большим облегчением, снижением военных потерь, экономией сил и времени для решающего удара по Германии. В то же время советское руководство не хотело, чтобы заслуга выхода Болгарии из союза с Германией, а также первое слово в послевоенном урегулировании принадлежали англо-американцам. В Москве стремились придать большую динамичность вялым переговорам с Софией.

17 августа 1944 г. Красная армия подошла к границе с Германией в Восточной Пруссии и вступила на территорию Польши. На юге она приближалась к границам Болгарии, отчего вопрос о консульствах в глазах Москвы «потерял всякий смысл», о чем было заявлено через советского поверенного в делах в Софии 12 августа 1944 г. Речь теперь шла о большем, нежели открытие советских консульств. Советская дипломатия потребовала разрыва отношений Болгарии с Германией. Болгарское правительство продолжало настаивать на нейтралитете, что не мешало отступавшим из Румынии войскам вермахта использовать территорию страны для перегруппировки и переброски подкреплений на германо-советский фронт. Очередное новое правительство (3 сентября И. Багрянова сменил К. Муравиев) не изменило позиции в этом вопросе. Немцев в Софии по-прежнему боялись больше, чем Красной армии.

После безрезультатной попытки советского правительства ускорить добровольный выход Болгарии из союза с Германией[95] Москва предприняла решительный шаг. 5 сентября, на следующий день после известия о выходе из войны Финляндии и в то время, как румынская делегация должна была дожидаться в Москве начала переговоров о перемирии, СССР объявил Болгарии войну. Основанием послужил тот факт, что она позволяла отступающим немецким войскам создать новый очаг сопротивления союзникам на Балканах. Несмотря на более чем решительный тон, нота призвана была напомнить болгарам о симпатиях России к братскому славянскому народу — скорее жертве и невольному орудию могущественной Германии, чем ее добровольному союзнику.

В ноте отмечалось, что все три года войны советское правительство «считалось с тем, что маленькая страна Болгария не в состоянии сопротивляться мощным вооруженным силам Германии в такое время, когда Германия держала в своих руках почти всю Европу». Однако в изменившихся условиях, в связи с успешным наступлением антигитлеровской коалиции на востоке, на западе и на юге Европы, когда София «имеет полную возможность, не опасаясь Германии, использовать благоприятный момент и, подобно Румынии и Финляндии, порвать с Гитлером, присоединившись к антигитлеровской коалиции демократических стран», верность Болгарии союзу с Германией расценивалась Москвой как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»[96].

Вина за конфликт возлагалась на правящие круги Болгарии, которые «втянули болгарский народ в войну сначала против Англии и США, а потом и против Советского Союза, против братского русского народа, пролившего свою кровь за освобождение Болгарии». Соответствующее сообщение Информбюро НКИД СССР от 7 сентября 1944 г. завершалось апелляцией к болгарскому народу: «Болгарский народ должен найти в себе силы, чтобы порвать навязанный ему союз с гитлеровской Германией и восстановить независимость и национальную честь своей родины»[97].

Последнее заявление опиралось на имевшуюся информацию: с июля 1942 г. в Болгарии действовала организованная и боеспособная сила — подпольный Отечественный фронт в составе БКП, левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, левых социал-демократов, политической группы военных и интеллигентов «Звено», в 1944 г. преобразованной в партию. В августе был сформирован национальный комитет Отечественного фронта, с июля 1942 г. организованы партизанские отряды — четы, а в горах созданы крупные партизанские соединения. Наиболее влиятельной силой подполья являлись коммунисты во главе с одним из самых знаменитых антифашистов Г. Димитровым — председателем исполкома Коминтерна до его роспуска в 1943 г., проживавшим в СССР. Еще 24 июня 1941 г. политбюро ЦК БКП приняло решение о вооруженной борьбе против германских нацистов и их болгарских пособников.

Ответом на советскую ноту об объявлении войны было опубликованное в ночь на 6 сентября заявление болгарского МИДа о разрыве отношений с Германией и о том, что правительство Болгарии просит СССР о перемирии. Советская сторона поставила условием рассмотрения этой просьбы официальное заявление правительства Болгарии о разрыве с фашистской Германией. Соответствующее публичное заявление было сделано 7 сентября, а на следующий день болгарское правительство объявило войну Германии. В тот же день войска 3-го Украинского фронта под командованием Ф. И. Толбухина форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии. В обращении советского командования подчеркивалось: «Красная армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»[98]. Поскольку болгарская армия не оказала никакого сопротивления, советская Ставка Верховного главнокомандования приказала не разоружать ее.

Одновременно в Софии коммунисты организовали вооруженное восстание. Решение о его начале было принято на следующий день после объявления СССР войны Болгарии. 6 сентября политбюро ЦК БКП призвало народ к борьбе против фашистской диктатуры и назначило выступление на 9 сентября. Уже 6–7 сентября в крупных городах состоялись стачки и демонстрации, из тюрем были освобождены политические заключенные. В ночь на 9 сентября партизанские отряды и рабочие боевые группы без сопротивления заняли важнейшие стратегические пункты в столице. Часть софийского гарнизона перешла на сторону партизан. На смену свергнутому прогерманскому режиму пришло правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым. Новый регентский совет при малолетнем царе Борисе возглавил коммунист Т. Павлов. Правительство Отечественного фронта заявило о готовности воевать против Германии и обратилось к Объединенным Нациям с просьбой о перемирии. Находившиеся в Болгарии германские части с боями отступали к границам с Грецией и Югославией.

Союзников встревожила решимость советской дипломатии самостоятельно решить болгарскую проблему. До сих пор война с Болгарией была их войной, а следовательно, и победа над Болгарией могла быть их победой. 6 сентября 1944 г. британский и американский послы А. Керр и А. Гарриман были приняты В. М. Молотовым. А. Керр (после обсуждения проекта соглашения с Румынией) выразил от лица своего правительства удивление тем моментом времени, который советское правительство выбрало для объявления войны Болгарии. Он заметил, что если бы такой акт был предпринят раньше, он бы приветствовался британским правительством, однако советское руководство без консультации с союзниками не только разорвало отношения с Болгарией, но и объявило ей войну в тот момент, когда Болгария предпринимает попытки заключить мир. А. Керру поручили узнать, «означает ли этот шаг советского правительства, что оно намерено прекратить переговоры о перемирии, ведущиеся в настоящее время с Болгарией, ввиду того что при теперешнем положении англичане и американцы, ведя переговоры с болгарами, нарушили бы обязательство о том, чтобы не заключать сепаратного мира с общим врагом». По сути, Лондон давал понять, что разгадал дипломатический маневр советской стороны, для которой объявление войны Болгарии практически без риска реального военного столкновения было средством принять самое активное участие в подписании мира и оккупации балканского государства.

Прежде чем ответить, В. М. Молотов спросил мнение собеседников о том, «поможет ли разрыв СССР с Болгарией борьбе союзников против Германии». А. Керр ответил утвердительно. В. М. Молотов сказал: «Смена правительств в Болгарии была лишь переодеванием. После того как третье болгарское правительство не решило главного вопроса... вопроса о разрыве с Германией и объявлении ей войны, действия советского правительства были вынужденным и неотложным шагом»[99].

Переговоры о перемирии с Болгарией начались только 26 октября, после визита У. Черчилля в Москву и известного процентного торга. Им предшествовала серьезная дипломатическая борьба среди союзников по антигитлеровской коалиции. Обеспокоенный активизацией советской дипломатии на Балканах и опасным оборотом, который принимало решение польского вопроса, У. Черчилль прибыл в Москву в сопровождении главы британского

Консультативное совещание дипломатов СССР, Великобритании, США и Болгарии

Подписание Соглашения между СССР, Великобританией и США с одной стороны и Болгарией — с другой

МИДа А. Идена. На первой беседе с В. М. Молотовым 9 октября 1944 г. министр объяснил настойчивое желание У. Черчилля увидеть И. В. Сталина стремлением укрепить союзнические отношения. Британский лидер был в Квебеке, встречался с Ф. Рузвельтом и теперь приехал в Москву, чтобы показать, что «Англия тесно связана не только с Америкой, но и с Советским Союзом... Мы хотим подчеркнуть, что между нами тремя существует единство».

Помимо польского вопроса руководители британской дипломатии намеревались говорить об условиях перемирия «с некоторыми из бывших врагов», имея в виду прежде всего Болгарию[100]. А. Иден не скрывал, что «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено»[101]. Речь шла в том числе и о недавнем визите признанного англичанами руководителя югославских партизан И. Б. Тито в Москву без ведома британцев и его договоренностях с И. В. Сталиным относительно пребывания болгарской армии в Югославии, а также о недружественном обращении болгарских военных с английскими офицерами, попавшими в их руки. Капитулировав перед советскими войсками, «болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто союзники проиграли им войну». Они взяли под стражу британских офицеров, находящихся в Северной Греции. А. Иден просил Москву положить этому конец и дать болгарским властям в Греции указание с уважением относиться к британским офицерам в Греции и Югославии.

Таким образом, настойчивое напоминание А. Идена о союзнических обязательствах, предварявшее разговор, служило тому, чтобы подвигнуть Москву к более лояльному сотрудничеству с англо-американцами. В. М. Молотов согласился, сославшись на то, что с самого начала Лондон и Москва договорились в качестве предварительного условия потребовать от Болгарии вывода болгарских войск из Греции (где наступали британцы) и Югославии. Но он снял с себя ответственность за происшествие с британскими офицерами, заметив, что «советское правительство пока не вмешивалось ни через Толбухина, ни иначе в события за пределами Болгарии».

А. Иден предложил обсудить переговоры и условия перемирия с Болгарией и, преподнеся это как уступку советскому правительству, согласился, чтобы переговоры состоялись в Москве. В то же время он заявил, что не может пойти на еще одну уступку: чтобы после окончания войны с Германией британские и американские представители не участвовали в Союзной контрольной комиссии в Болгарии, так как они три года воевали с Болгарией. Поэтому А. Иден настаивал на пункте, предложенном американцами. Речь в нем шла о создании в Болгарии такого же контрольного аппарата союзников, какой должен был существовать в Германии. В. М. Молотов на этот счет возразил: «Сравнение с Германией непонятно, так как она будет разделена на зоны оккупации». В духе свежих «процентных» предложений британского премьера В. М. Молотов предложил «предоставить в Болгарии 90% Советскому Союзу»[102]. Здесь и начался знаменитый торг А. Идена и В. М. Молотова, названный впоследствии, как упоминалось ранее, «процентным соглашением», а на деле подтвердивший намерение СССР утвердить свою роль на Балканах на правах победителя в ущерб прежде всего британским интересам.

А. Иден видел в развитии событий в Болгарии повторение румынского сценария, к чему в Лондоне не были готовы: «В таком случае англичане и американцы будут в Болгарии в роли наблюдателей, какими они являются в СКК в Румынии». Оговорившись в ответ на соответствующее замечание В. М. Молотова, что союзники не хотят вводить в Болгарию свои войска (как в Германию), он предложил назначить председателем трехсторонней СКК в Болгарии советского представителя. На что В. М. Молотов заявил, что тогда у СССР будет 34% вместо 90%.

Британский министр подтвердил, что, по его мнению, события в Болгарии не должны развиваться по румынской модели. В Румынии английские и американские офицеры «являются лишь наблюдателями, а в Болгарии хотели бы после капитуляции Германии быть и активными участниками работы комиссии, хотя участие это будет меньше, чем у русских, т. к. в Болгарии будут находиться советские войска». В. М. Молотов заметил, что это было бы странное руководство. Позже в той же беседе он вернулся к вопросу руководства при участии

британских и американских представителей в СКК в Болгарии: «Руководство контрольными комиссиями в Италии и Румынии принадлежит англо-американскому и соответственно советскому командованию. Но что получится, если в случае с Болгарией будет установлен новый порядок, когда... три державы будут отвечать за работу КК. Есть опасность возникновения неразберихи и трений»[103].

А. Иден парировал, что не знает, как быть с процентами, но англичане хотят иметь в Болгарии бóльшую долю, чем в Румынии, где у них всего 10%. Тогда В. М. Молотов предложил для Болгарии, Венгрии и Югославии соотношение 75:25, что А. Идену показалось худшим вариантом, чем предыдущий. Торгуясь, В. М. Молотов предложил для Югославии — 50:50, для Болгарии — 90:10 и для Венгрии внести поправку — 75:25. Позже для Болгарии тоже было предложено 75:25 и 60:40 для Югославии. Но А. Иден не согласился на уменьшение с 50 до 40% в Югославии, так как Англия очень много помогала И. Б. Тито. Его предложения: для Югославии — 50:50, для Венгрии — 75:25, для Болгарии — 80:20.

В. М. Молотов продолжил торговаться: «50:50 для Югославии, только если для Болгарии принять соотношение 90:10. Если же для Болгарии принять 75:25, то для Югославии 40:60». Плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии. А. Иден упорно отстаивал права союзников: «Англия и США воевали с Болгарией в течение трех лет, болгары плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов». В. М. Молотов обосновал советские претензии: «Болгария, помогая немцам, причинила СССР больше ущерба, чем какой-либо другой стране». Оставив торг, А. Иден перевел разговор на Югославию, но В. М. Молотов просил срочно, в течение 24 часов, решить вопрос о Болгарии[104].

На следующий день, 11 октября 1944 г., А. Иден продолжил переговоры, изначально согласившись с советским руководством СКК в Болгарии в «первой фазе», то есть пока идет война. Он сказал, что Лондон не рассчитывает на активное участие в работе СКК (по предложению А. Идена ее можно было бы именовать не союзной, а советской с участием представителей Англии и США) в первый период. Но во втором периоде, после капитуляции Германии, они хотели бы играть более активную роль[105], что было зафиксировано в американском варианте статьи 18 проекта соглашения о перемирии. Для содействия военной операции союзников А. Иден предложил опубликовать предъявление Болгарии требований об отводе войск из Греции, против чего В. М. Молотов не возражал.

Уже 16 октября А. Иден сообщил В. М. Молотову о взятии английским десантом Афин. В то же время решено было оставить в Югославии болгарские войска, перешедшие на сторону союзников. В. М. Молотов заявил: «Имеется соглашение о том, что болгарские войска не могут находиться на территории Югославии без согласия советского командования и маршала И. Б. Тито. Такое согласие имеется»[106].

К тому моменту был решен трудный вопрос о руководстве СКК в Болгарии. Британская сторона настаивала на «желательности возвращения к американскому варианту по настоянию американской стороны, поскольку проект хотя и согласован на англо-советских переговорах, но необходимо согласие трех сторон». В. М. Молотов считал, что в статье 18 нет необходимости, поскольку она не была включена в условия перемирия с Финляндией и Венгрией. Ее не было даже в проекте перемирия с Венгрией[107]. Это возражение, однако, было снято уже на следующий день (14 октября), видимо, после консультации с И. В. Сталиным. Статья 18 была разъяснена: речь шла о такой редакции статьи, в которой была бы проведена «четкая дифференциация между характером работы СКК в Болгарии в первый и второй периоды ее деятельности». Советский нарком подтвердил, что «в отношении периода до поражения Германии нет разногласий, о большем участии британского и американского представителей в работе СКК во втором периоде достигнуто согласие».

Но для Москвы оставался важным вопрос о руководстве комиссией. В. М. Молотов предложил, чтобы в редакции статьи 18 было указано, что слова «под председательством советского представителя» были заменены словами «под председательством представителя союзного (советского) главнокомандования»[108]. Это означало, что союзники предоставляли

право советскому представителю действовать от имени Объединенных Наций, а не просто соглашались с его ролью председателя комиссии. Для СССР это был не только вопрос престижа, но и политический вопрос. Роль коммунистов в свержении профашистского режима и в новом правительстве Отечественного фронта позволяла надеяться на скорейшее превращение Болгарии не просто в дружественную страну, но и в идейно-политического союзника Москвы. Поскольку главным дипломатическим аргументом на тот момент была мощь Красной армии, советской стороне удалось закрепить свои прерогативы в болгарском урегулировании.

В. М. Молотову пришлось не только отстаивать права СССР, но и быть адвокатом Болгарии в целом ряде вопросов. Союзники внесли в текст протокола к соглашению о перемирии пункт об изъятии заграничных активов страны, так как они должны были послужить возмещению военного ущерба. СССР в таком случае ничего не выигрывал, поскольку Болгария не воевала против него. В. М. Молотову пришлось напомнить, что в соглашениях с Румынией и Финляндией (которые нанесли большой ущерб СССР) соответствующих пунктов не было. А. Иден предложил примириться с прежним упущением, признав, что «здесь была допущена ошибка». Тем не менее В. М. Молотов возразил против такого дополнения. Сославшись на И. В. Сталина, он вернулся к этому пункту на следующей встрече 16 октября 1944 г., заявив: «Было бы неправильно требовать от Болгарии то, что мы не требовали от Румынии и Финляндии. Тут речь идет о принципе. Мы не можем ставить Болгарию в худшее положение, чем Румынию и Финляндию. Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР, в то время как Румыния и Финляндия занимали советскую территорию и нанесли нам значительный ущерб»[109].

На том же основании советские переговорщики отклонили предложенный проектом союзников пункт об оккупации Болгарии. Дипломатия СССР стремилась не только отстоять свои права в болгарском вопросе, но доказать ценность сотрудничества новому болгарскому правительству. Принимая во внимание, что в стране утвердилась власть правительства Отечественного фронта, СССР не был согласен на жесткие условия, выдвинутые Великобританией и США.

Спорным был также вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников. В двух предыдущих случаях это право предоставлялось советским представителям, они же стояли во главе Союзной контрольной комиссии. В случае с Болгарией англосаксы настаивали на том, чтобы перемирие от союзных держав подписал верховный командующий союзными войсками на Средиземноморском театре генерал Г. Вильсон.

В. М. Молотов согласился далеко не сразу, в обмен на признание своего первенства в Болгарии, и преподнес свое согласие как серьезную уступку. При этом нарком стремился предстать защитником интересов союзников, выказав свое недоверие к их вчерашнему врагу: «Надо учитывать опасность, что если условия перемирия будут подписаны маршалом Толбухиным и генералом Вильсоном (командующим на Средиземном море), то это даст болгарам повод думать, что Болгария является черноморской и средиземноморской державой. У Болгарии может разыграться воображение»[110].

В итоге перемирие было доверено подписать командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. И. Толбухину и представителю верховного командующего союзников в Средиземноморье английскому генералу Д. Гаммеллю. Ф. И. Толбухин был также назначен председателем СКК в Болгарии. Переговоры с делегацией из Софии начались 26 октября.

Новый министр иностранных дел Болгарии, глава делегации П. Стайнов предварил их политическим заявлением, патетическим и трогательным. В нем была обозначена принципиально новая идентичность Болгарии, во главе которой стояло теперь правительство Отечественного фронта. П. Стайнов хотел показать, что перемирие приехал подписывать не представитель страны — союзницы А. Гитлера, предпринявшей «пакостную оккупацию» части территорий соседних Греции и Югославии, но посланец болгарского народа, который сам был жертвой пронацистского режима.

Уже через два дня, 28 октября 1944 г., в Москве представителями советского Верховного главнокомандования, верховного командующего союзников в средиземноморском районе и

правительства Отечественного фронта Болгарии было подписано соглашение о перемирии, условия которого в целом совпадали с условиями аналогичного соглашения с Румынией.

Болгария прекратила военные действия против всех Объединенных Наций и обязалась участвовать в борьбе против фашистской Германии под руководством советского главнокомандования. Были предусмотрены вывод болгарских войск и аннулирование оккупации территорий в Греции и Югославии, обеспечение свободного передвижения войск союзников (фактически советских войск) по территории страны, роспуск всех фашистских и профашистских организаций и недопущение впредь их существования, возврат имущества Объединенных Наций и возможность последующей выплаты репараций за понесенные ими военные расходы, передача в качестве трофеев союзному (фактически советскому) командованию всего военного имущества Германии и ее сателлитов, включая их суда, находившиеся в болгарских портах[111].

Работа Контрольной комиссии была подчинена советским интересам. А. Иден уже в декабре 1944 г. в послании В. М. Молотову жаловался на ограничения и препятствия, чинимые советскими военными властями в Болгарии работе Британской военной миссии, в частности неоговоренное ранее требование советского представителя генерала С. С. Бирюзова ограничить численность британского и американского представительств в СКК одиннадцатью офицерами с каждой стороны[112].

В. М. Молотов возложил вину за подобные «недоразумения» на самих союзников: «Эти жалобы, по-видимому... являются результатом неправильного представления о задачах и функциях СКК в Болгарии. Источником этого мне кажется неправильный взгляд на Болгарию как на страну «безоговорочно капитулировавшую», что, очевидно, определяет и... представление (британских военных властей. — *Прим. ред.*) о том, что на территории Болгарии представителям союзной державы должны быть предоставлены возможности, которые ни в какой мере не зависели бы от установленной деятельности СКК». Что касается кардинального уменьшения штата представителей союзников, то позицию генерал-полковника С. С. Бирюзова нарком назвал «принципиально правильной». Он напомнил, что в соответствии со статьей 18 соглашения о перемирии с Болгарией, до окончания военных действий с Германией СКК должна находиться под руководством союзного (советского) главнокомандования, а следовательно, вся работа СКК «осуществляется и направляется советской частью комиссии». Опыт работы СКК в Финляндии, Румынии и Болгарии показал, что для этого достаточно 200–220 человек, и СССР установил штат своих представителей, сотрудников и обслуживающего персонала в 200 человек, которым доверены все вопросы управления. У представителей же союзников задачи в основном информационные. США установили штат в 42 человека, а Лондон наметил штат в 168 человек, который нарком назвал «весьма преувеличенным». В. М. Молотов выразил надежду, что британское правительство «даст указания о сокращении этого штата до пределов, предложенных председателем СКК»[113]. Советские планы развития внутриполитической ситуации в Болгарии не предполагали активного участия в ней англо-американского персонала.

Несмотря на ускоренное продвижение советских войск к границам Венгрии, вынудившее венгерское правительство направить в Москву делегацию для переговоров о перемирии, выход этого союзника фашистской Германии из войны затянулся до весны 1945 г.

31 августа 1944 г. комиссией К. Е. Ворошилова был представлен «несколько смягченный» проект условий перемирия с Венгрией, который предполагалось «использовать в случае, если Венгрия, подобно Румынии, должна будет выйти из войны до капитуляции Германии»[114].

Однако окончание войны с Венгрией не повторило румынский сценарий. На фоне распада фашистского блока по периметру западных границ СССР Венгрия приобрела для Германии исключительное значение. 19 марта 1944 г. германские войска оккупировали Венгрию. В мае коммунисты инициировали создание нелегального Венгерского фронта в составе коммунистической, социал-демократической и национальной крестьянской партий. Стремясь избежать кровопролития и гражданского раскола, адмирал М. Хорти стремился вывести свою страну из войны и направил в Москву неофициальную делегацию, к которой советская сторона, по-видимому, отнеслась недоверчиво.

М. Хорти

Ф. Салаши

Венгерский вопрос обсуждался В. М. Молотовым и А. Иденом 9 октября, сразу после прибытия высокой британской делегации во главе с У. Черчиллем в Москву. А. Иден интересовался, думает ли В. М. Молотов, что немцы знают о письме М. Хорти И. В. Сталину. Нарком ответил осторожно: «Судить об этом пока трудно, но немцы, видимо, хотели бы найти лазейку для венгров, чтобы их спасти». В. М. Молотов рассказал, что накануне принимал делегацию венгров, которая доставила письмо М. Хорти маршалу И. В. Сталину[115].

11 октября 1944 г., после обсуждения В. М. Молотовым и А. Иденом вопроса о перемирии с Болгарией, в присутствии американского посла А. Гарримана В. М. Молотов сообщил, что венгерская делегация, находящаяся в Москве, получила от своего правительства письмо о том, что оно приняло предварительные условия и просит приостановить продвижение советских войск к Будапешту, так как венгерское правительство намеревалось перебросить с фронта венгерские войска на Будапешт против превосходящих немецких сил, поскольку имеется опасность германского удара, «за которым последуют убийства и погромы, которым нужно помешать» (в Будапеште тогда оставалось 200 тыс. евреев). Согласие советского правительства не встретило возражений союзников[116].

16 октября 1944 г. В. М. Молотов вручил А. Гарриману и А. Керру советские условия перемирия с Венгрией. При этом нарком пояснил, что проект «близко следует условиям перемирия с Румынией. Главное — сумма репараций 400 млн дол. с погашением в 5 лет»[117].

Однако переговоры с представителями М. Хорти скоро были прерваны. Положение в Венгрии приняло крайне неблагоприятный для Объединенных Наций оборот, что на долгие месяцы отсрочило ее выход из войны. 15 октября М. Хорти уступил власть лидеру фашистской партии «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши, выступавшему за укрепление союза с А. Гитлером для отражения советской угрозы. Выход Венгрии из войны вновь решался не дипломатами, а военными.

В конце сентября — начале октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), две румынские армии, румынский авиакорпус и 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску вышли на территорию Югославии и румыно-венгерскую границу. Против них находились группа армий «Юг» и часть сил группы «Ф». 6 октября советские танковые и конно-механизированные группы начали наступление на Дебрецен, Клуж и Ньиредьхазу. Форсировав реку Тиса, к 28 октября они с боями прошли от 130 до 275 км, освободив свыше трети территории Венгрии и Северной Трансильвании, в результате чего были созданы благоприятные условия для наступления на Будапешт и продвижения войск 4-го Украинского фронта на Ужгород и Мукачево.

На освобожденной территории в городе Сегед 2 декабря 1944 г. был создан Венгерский фронт национальной независимости, в который вошли коммунистическая, социал-демократическая, национальная крестьянская, буржуазно-демократическая партии, партия мелких сельских хозяев и профсоюзы. На местах роль временных органов власти исполняли национальные комитеты. 22 декабря 1944 г. в Дебрецене временное национальное собрание образовало коалиционное временное национальное правительство, направившее в Москву просьбу о перемирии. В. М. Молотов сообщил о ней послу США А. Гарриману, но тот сослался на отсутствие указаний из Вашингтона. Нарком настаивал на ускорении дипломатического завершения войны с Венгрией: «В Болгарии тоже было создано новое пр-во. Ни США, ни Великобритания не ставили тогда вопроса о том, признавать ли новое правительство в Болгарии, теперь в случае с Венгрией речь идет о разложении венгерской армии и о том, чтобы вывести Венгрию из войны»[118].

28 декабря временное национальное правительство Венгрии объявило войну Германии, но оно не контролировало ни большую часть территории страны, ни ядро вооруженных сил. В то же время сам факт существования временного венгерского правительства и контакты с ним имели для союзников по антигитлеровской коалиции большое значение с точки зрения послевоенного урегулирования. Эти контакты позволили найти в венгерском обществе политическую силу, легитимность которой в качестве законного представителя интересов венгерского народа подтверждалась признанием Объединенных Наций.

20 января 1945 г. в Москве представителями временного национального правительства Венгрии и советского Верховного главнокомандования, получившего также полномочия от командований Великобритании и США, было подписано соглашение о перемирии. Им признавался факт военного поражения Венгрии, выход ее из войны и объявление войны фашистской Германии. Венгерская сторона обязывалась разоружить германские войска на своей территории и передать их как военнопленных союзному командованию. Это было чисто формальным обещанием, поскольку наличных сил для этого у временного правительства не имелось. Тем не менее оно обязалось выставить против Германии восемь дивизий, предоставив их в распоряжение союзного (советского) главнокомандования. Для их формирования советское командование передало временному правительству 40 тыс. военнопленных, согласившихся участвовать в борьбе против фашистов, но до конца войны этот процесс не был закончен. Временное правительство обязалось также вывести войска с территории Румынии, Чехословакии и Югославии в пределы границ Венгрии по состоянию на 31 декабря 1937 г., возвратить СССР и другим Объединенным Нациям вывезенные из них ценности и материалы, частично возместить их убытки и передать им всё находящееся в стране германское имущество. Венгрия должна была содействовать Объединенным Нациям в деле задержания и передачи заинтересованным правительствам лиц, обвиняемых в военных преступлениях.

Проблема состояла в том, что боеспособные венгерские части по-прежнему подчинялись правительству Ф. Салаши, сохранившему верность А. Гитлеру, и Венгрия стала одним из последних опорных районов германской обороны в Восточной Европе. Впереди была Балатонская операция, которая стала последним из крупных оборонительных сражений Красной армии конца Второй мировой войны. Дипломатическое решение оставалось невозможным до военного разгрома германско-венгерских сил на венгерской территории. Вся территория Венгрии была освобождена только в начале апреля 1945 г. В боях за Венгрию погибли 140 тыс. советских воинов.

Внешнеполитические аспекты освобождения Чехословакии

Политическое урегулирование в отношении Чехословакии, неразрывное с освобождением ее территории, имело две стороны. Во-первых, речь шла о территориальном восстановлении расчлененного в 1938 г. Чехословацкого государства, а содействие советской стороны этому процессу должно было облегчить вторую задачу — утверждение в стране дружественного Советскому Союзу правительства.

В отличие от польского вопроса судьба Чехословакии в период освобождения решалась в атмосфере благожелательного сотрудничества Москвы с эмигрантским правительством Э. Бенеша. Президент Чехословакии старался поддерживать с Москвой отношения взаимопонимания и доверия, не стесняясь высказывать резкие замечания в адрес польских коллег, как и он, укрывшихся в Лондоне. В декабре 1943 г. его правительство заключило с СССР договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет, который предусматривал ведущую роль СССР в обеспечении послевоенной безопасности (от возможной германской агрессии) в Центральной и Восточной Европе и потенциальное подключение к этой системе Польши.

Для Москвы было стратегически важным избежать создания в регионе по периметру советских границ санитарного кордона, подобного образованному после Первой мировой войны. Курс Э. Бенеша определялся принципом, сформулированным государственным министром Г. Рипкой в одном из писем к представителю эмигрантского правительства в Женеве: «Равновесие между Западом и Востоком»[119].

У Э. Бенеша были основания опасаться возможного охлаждения отношений с Москвой. Он помнил уроки Мюнхенского соглашения и не очень полагался на добрую волю британцев в отстаивании интересов Чехословакии. Кроме того, после оккупации и расчленения Чехословакии в эмиграции образовались два центра — руководимый самим Э. Бенешем Государственный совет Чехословакии, укрывшийся в Лондоне, и единый центр компартии Чехословакии (включая представителей компартии Словакии) в Москве во главе с К. Готвальдом. Э. Бенеш старался, чтобы отношения между двумя ветвями чехословацкой эмиграции развивались гармонично. Чрезмерные амбиции и конкуренция с коммунистами могли закончиться разрывом с Москвой. Важно также было и то, что на территории СССР имелись значительные вооруженные формирования Чехословакии, активно участвовавшие в войне против фашистской Германии, опять-таки в отличие от отказавшейся от такого участия и тоже сформированной и вооруженной Советским Союзом польской дивизии В. Андерса.

В феврале 1942 — январе 1943 г. в городе Бузулуке (ныне Оренбургской области) был образован отдельный чехословацкий батальон под командованием подполковника Л. Свободы. С начала марта 1943 г. он активно участвовал в освобождении Украины и уже в мае 1943 г. был преобразован в 1-ю отдельную пехотную бригаду. За участие в освобождении Киева эта бригада была первой из иностранных частей награждена советским орденом Суворова 2-й степени, за освобождение Белой Церкви — орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. В январе 1944 г. в городе Ефремове Тульской области была сформирована 2-я отдельная чехословацкая воздушно-десантная бригада. Весной она вместе с 1-й бригадой составила 1-й чехословацкий армейский корпус, весной — летом 1944 г. были также созданы 3-я отдельная пехотная и 1-я отдельная танковая бригады, 1-й отдельный истребительный авиационный полк, специальные и вспомогательные части. В сентябре 1944 г. корпус в составе четырех бригад (всего около 16 тыс. человек) находился в оперативном подчинении командования 38-й армии 1-го Украинского фронта, возглавляемого Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. СССР передал чехословацким войскам свыше 30 тыс. винтовок и автоматов, около 4 тыс. пулеметов, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 142 танка и САУ, свыше 1260 автомашин и 151 самолет.

11 апреля 1944 г. советская армия вышла к границам Чехословакии. Э. Бенеш направил по этому случаю И. В. Сталину приветственное послание, в котором говорилось: «Наши совместные испытания и теперешняя наша совместная борьба гарантируют постоянство нашего союза как на сегодняшний день, так и для нашего будущего... Горячо и с благодарностью приветствуем части Красной армии, вступающие совместно с чехословацкими солдатами на землю нашей дорогой родины»[120]. В своем ответе И. В. Сталин подчеркнул: «Совместная борьба наших народов против общего врага приведет в скором времени к восстановлению свободы и независимости Чехословацкой Республики»[121].

Благодарность и дух союзничества, которыми отмечены эти послания, определили отношение советского руководства к восстановлению суверенитета правительства Чехословакии в освобожденных районах страны. 8 мая 1944 г. было подписано соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии[122]. Инициатива его заключения принадлежала Э. Бенешу. Еще 22 февраля президент Чехословакии передал через советского представителя при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедева просьбу начать переговоры о подписании соглашения об устройстве администрации в Чехословакии при вступлении туда частей Красной армии[123]. Руководство Советского Союза предложило, чтобы проект соглашения был составлен чехословацкой стороной. В преамбуле соглашения указывалось, что оно подчинено желанию обоих правительств, чтобы отношения эти «были решены в духе дружбы и союза». В документе содержалось напоминание, что СССР не признал и осудил решения Мюнхенской конференции и включение Чехии и Словакии в состав Третьего рейха в марте 1939 г. Для послевоенной судьбы Чехословакии первостепенное значение имела ссылка на советско-чехословацкий договор 1943 г., в котором было заявлено, что после восстановления мира стороны будут следовать принципам уважения к их независимости и суверенитету, равно как невмешательства во внутренние дела. Советское правительство обязалось содействовать восстановлению чехословацкой армии — важнейшему слагаемому суверенитета в годы войны.

Исходя из этих принципов, первая статья соглашения предоставляла главнокомандующему союзническими (советскими войсками) «власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в делах, относящихся к ведению войны». Чехословацкое правительство, полностью беря в свои руки власть управления общественными делами, должно оказывать советскому командованию всестороннее содействие через все свои гражданские и военные органы, а граждане страны и состав чехословацких вооруженных сил вне зоны боевых действий подлежали юрисдикции правительства Чехословакии. Еще до подписания соглашения его проект одобрил Ф. Рузвельт, о чем А. Я. Вышинский сообщил 30 апреля 1944 г.[124] Однако У. Черчилль, который пытался воспрепятствовать соглашению, медлил с ответом.

В советско-британских отношениях это были не лучшие дни. У. Черчилль пытался надавить на И. В. Сталина в польском вопросе и обменялся с главой советского правительства крайне резкими посланиями. В то время как отношение Москвы к польскому эмигрантскому правительству все более ужесточалось, атмосфера сотрудничества с эмигрантским правительством Чехословакии служила моделью конструктивного взаимодействия и союза довоенного политического истеблишмента, национальных антифашистских сил Сопротивления и наступающих советских армий. Однако на этом благоприятном дипломатическом фоне освобождение страны, ставшей стратегическим плацдармом германской обороны, затянулось более чем на год тяжелых боев.

Ожесточенное сопротивление немцев делало неотложной стратегической задачей советской внешней политики создание благоприятных международных условий для скорейшей победы над Германией. Большим осложнением для советского командования могла стать готовящаяся оккупация немцами территории Словакии, с которой ни у Москвы, ни у заграничного бюро чехословацкой компартии не было прямой связи. Поскольку Э. Бенеш имел с ней регулярную радиотелеграфную и курьерскую связь, сведения о происходящем в Словакии советские органы получали из Лондона через чехословацкого посла в СССР

З. Фирлингера, военного министра эмигрантского правительства С. Ингра или начальника военной миссии в СССР полковника Г. Пику, к которым, впрочем, в Москве не испытывали полного доверия[125].

После ликвидации независимой Чехословакии словацкая часть ее территории была поставлена на службу военным и продовольственным потребностям фашистской Германии, но оставалась вне зоны германской оккупации. А. Гитлеру, который сосредоточился на наступлении на СССР, не было нужды распылять силы для создания оккупационного режима в Словакии, где покорность населения обеспечивал марионеточный режим Й. Тисо. Кардинальные изменения военной обстановки заставили Германию приступить к созданию глубокоэшелонированной обороны по всему периметру границ между СССР и рейхом, и словацкая территория должна была стать частью этого оборонительного плацдарма. Верхи словацкого политического режима раскололись. Внутри его руководства сложилась патриотическая антигерманская партия.

В начале августа 1944 г. Москва получила подтверждение сообщений полковника Г. Пики о том, что патриотическое подполье имеет действительные связи с руководством армии словацкого марионеточного правительства. Это была информация о приземлении в расположении частей Красной армии словацкого самолета с пассажирами — руководителем компартии Словакии, членом Национального совета Словакии и членом Военного совета Словакии (все три организации подпольные) К. Шмидке и членом Военного совета подполковником М. Ферьенчиком[126]. В донесении упоминалось, что самолет, на котором они летели, был им предоставлен словацким военным министром. К. Шмидке стал связующим звеном между словацким подпольем и советским командованием, как и М. Ферьенчик[127]. 7 августа они по поручению министра обороны Словакии Ф. Чатлоша передали в Генеральный штаб РККА рекомендации, «как лучше сделать, чтобы вся словацкая армия приняла участие в борьбе против немцев». Подпольные Национальный совет и Военный совет «договорились о координации выступления словацкой армии и всего народа вместе с Красной армией», но сообщили в Москву о решимости, «если что-либо случится», выступить самостоятельно[128].

Немаловажным для отношения советского руководства к словацкому подполью было желание К. Шмидке связаться с Г. Димитровым и К. Готвальдом — главой КП Чехословакии, поскольку представленная им самим словацкая компартия была создана «на месте».

Содействие словацкого военного министра подпольному Национальному совету свидетельствовало об обоюдном стремлении к единству действий двух центров Сопротивления — связанной с Э. Бенешем патриотической оппозиции в руководстве правительственной словацкой армии и подпольного Национального совета, созданного коммунистами. Почти одновременно с К. Шмидке и М. Ферьенчиком, но желая их опередить, в СССР прибыл эмиссар военного министра нелегальной Словацкой народной рады бригадного генерала Я. Голиана, действовавшего в конкуренции с военным министром национальной обороны марионеточного прогерманского правительства Словакии генералом Ф. Чатлошем и желавшего опередить посланцев министра. Донесение об этом было направлено В. М. Молотову наркомом госбезопасности В. Н. Меркуловым.

Однако союз с правительством Э. Бенеша в Москве считали более предпочтительным — его расценивали как необходимого, благожелательного союзника. В то же время с правительством Э. Бенеша не было классового родства, как и исторически сложившейся враждебности, препятствовавшей компромиссу с польским эмигрантским правительством. Внутренняя ситуация в Словакии в большей степени соответствовала целям советской дипломатии.

7 и 8 августа в беседах с начальником Управления спецзаданий ГРУ Генштаба Красной армии генералом Н. В. Славиным К. Шмидке сообщил, что в Словакии наряду с правительством Й. Тисо действовал Национальный совет, ведущей силой и основательницей которого являлась компартия Словакии. В его состав входили восемь коммунистов и восемь представителей других партий (их Шмидке в первой беседе назвал «гражданскими»). Упомянул К. Шмидке и генерала Я. Голиана, который стал семнадцатым членом Национального совета. К. Шмидке утверждал, что коммунисты являлись ведущей партией в стране и что ее

поддерживали 60–70% населения. «Общее настроение всех кругов за тесный союз с Советским Союзом и за обеспечение всех мероприятий, направленных к продвижению Красной армии, и за полный разгром гитлеровской Германии»[129].

Несмотря на этот благоприятный информационный фон, советская сторона не торопилась поощрять заговорщиков из словацкой армии к организации вооруженного сопротивления немцам. Главная причина состояла в реальной оценке перспектив восстания, поскольку советский Генштаб располагал более достоверными сведениями об оперативной обстановке и германских силах. План предполагал, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны, но «он не принимал в расчеты возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное, он был составлен так, как будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам». Кроме того, советскому командованию было ясно, что соседняя Венгрия может принять самое активное участие в подавлении восстания на стороне А. Гитлера[130].

Еще 1 марта 1944 г. Г. С. Жуков (комиссар госбезопасности 3 ранга. — *Прим. ред.*) доложил И. В. Сталину, что руководство Генштаба Красной армии считает предложенный словаками план восстания нереальным, но полагает «целесообразным рассматривать операцию в Словакии только как возможность создания большого плацдарма активной партизанской борьбы... так как он свяжет известные силы немцев». Партизанское подполье было одним из важных факторов успехов Красной армии, и в мае 1944 г. руководитель загранбюро КПЧ в Москве К. Готвальд специально ездил в Киев, чтобы вместе с советскими товарищами разработать план развития партизанского движения на чехословацкой территории. 17 июня 1944 г. было принято соответствующее постановление КП(б) Украины: начать переброску в Чехословакию опытных советских партизанских командиров и чехословацких граждан, которые уже участвовали в действиях украинских и белорусских партизан[131].

Первый заместитель начальника Генштаба РККА генерал А. И. Антонов и заместитель наркома обороны генерал Ф. И. Голиков считали, что, если по политическим соображениям предложение чехов будет И. В. Сталиным принято, можно обещать чехословацкому правительству помощь оружием и людьми (переброской одной чехословацкой, сформированной в СССР, и одной советской парашютно-десантной бригад) и «порекомендовать чехам отказаться от мысли строить стабильную оборону всей Словакии против немцев в начальной фазе операций, а использовать эти две бригады как ядро для развертывания мощного партизанского движения за счет мобилизации и вооружения местного населения». Вместе с тем А. И. Антонов оговорился, что такая операция была бы очень трудной для советской стороны, потребовала бы привлечения большого количества транспортной авиации и повлекла бы большие людские и материальные потери. Судя по всему, политические соображения И. В. Сталина относительно Чехословакии уже обсуждались в военных ведомствах, поэтому А. И. Антонов и Ф. И. Голиков считали: «Поскольку для нас выгодно взять в свои руки строительство будущей чехословацкой армии, следует обещать чехам просимое ими, с учетом того, что мы не будем передавать чехам для организации производства наиболее секретные образцы нашего вооружения»[132].

27 августа Г. Пика известил И. В. Сталина о германских планах оккупировать Словакию уже в ближайшие дни и о решении генерала Я. Голиана оказать сопротивление немецким войскам. Э. Бенеш одобрял решение и просил советское командование поддержать восставших.

29 августа 1944 г. в Словакию были введены германские войска, наступавшие из Польши, Чехии и Австрии. В ночь на 30 августа Я. Голиан отдал приказ о начале вооруженного сопротивления немцам, и в тот же день словацкий Национальный совет объявил о свержении марионеточного правительства Й. Тисо. Уже 31 августа восстание охватило две трети территории страны. Центром его стал город Банска-Бистрица. Здесь 1 сентября Совет принял декларацию с требованиями восстановления единства Чехословакии и демократических преобразований. Из Москвы в Банска-Бистрицу самолетом прибыла группа руководителей компартии Чехословакии во главе с Я. Швермой. Против восставших, снабженных только стрелковым оружием, немцы бросили свыше 30 тыс. войск, в том числе две танковые дивизии.

2 сентября К. Готвальд передал через Г. Димитрова наркому иностранных дел В. М. Молотову записку «К событиям в Словакии». В документе говорилось, что в стране «развертывается мощная вооруженная народная война против вторгшихся немецких войск», и подчеркивалось, что компартия, «которая имеет сегодня решающее влияние в народе, принимала самое активное участие в подготовке восстания». По оценке К. Готвальда, «развернувшаяся в Словакии борьба является подлинно народным, глубоко демократическим освободительным движением». В то же время он указывал, что восстанием руководит словацкий Национальный совет, политическая платформа которого предполагает создание демократической Чехословацкой республики и «прочную дружбу с Советским Союзом». В заключение К. Готвальд добавил: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношении»[133]. Столь явное указание на природу восстания должно было ускорить решение советского руководства в пользу словацких патриотов.

Восстание внесло изменения в первоначальные планы советского командования. Из СССР по воздуху были переброшены несколько чехословацких подразделений и соединений советских партизан, оружие и боеприпасы. Обратными рейсами в СССР вывозились раненые партизаны. В ответ на запрос посла Чехословакии о подчинении чехословацких корпусов, сформированных, вооруженных и переброшенных в страну из СССР, а также партизанских соединений лондонскому правительству заместитель наркома А. Я. Вышинский 22 сентября подтвердил, что «советское правительство, разумеется, признает за Объединенными силами Сопротивления на чехословацкой территории права войска воюющей страны»[134].

Выполняя просьбу ЦК КПЧ о срочной помощи, 8 сентября начали наступление войска левого крыла 1-го Украинского фронта, в который входил чехословацкий корпус. 9 сентября перешли в наступление войска 4-го Украинского фронта, но на их пути лежал сильно укрепленный горный перевал Дукла. Только 6 октября здесь удалось подавить сопротивление врага, и советские и чехословацкие части вступили на территорию Словакии.

Посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер 8 октября 1944 г. телеграфировал в Лондон министру иностранных дел Я. Масарику: «Советы сделали для Словакии всё, что было в их силах. Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает тяжелые потери для Красной армии. Как на грех, подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление». Далее посол советовал просить Москву «немедленно послать в Словакию опытного советского генерала, который представлял бы там Верховное командование Красной армии», чтобы «помочь координировать действия всех частей, в частности войсковых и партизанских». Далее следовало прямое указание на роль Москвы в восстановлении единства Чехословакии: «В Словакии это оказало бы также хорошее политическое воздействие, так как влияние Советского Союза всегда будет объединяющим в духе нашего союзнического договора»[135].

Тон ответной телеграммы министра должен был подействовать на посла отрезвляюще, предостерегая от дальнейших изъяснений в излишней, по мнению Лондона, благодарности по отношению к советской стороне: «С глубокой благодарностью мы признаем, что сделали для нас Советы. Мы чрезвычайно удивлены Вашим утверждением, что Советы предприняли карпатское наступление по нашей просьбе. Что касается Лондона, то такой просьбы не было. В действительности как раз наоборот. Я лично вел переговоры о русской помощи, причем исключительно о поставках оружия, и вначале я очень ясно констатировал, что... мы просим помощи лишь в рамках советской стратегии и что мы очень хорошо знаем, что ради нас они не будут предпринимать никакого наступления». Я. Масарик просил посла сообщить, кто конкретно просил о карпатском наступлении, и добавил: «Если это произошло в Москве, то я снимаю с себя всякую ответственность»[136]. Посол вынужден был успокоить Я. Масарика, что о возможности подобной операции военный представитель Г. Пика говорил как о плане чехословацкого военного командования, но действительно ни о чем конкретно, кроме оружия, не просил.

Красная армия продвигалась в Словакии с тяжелыми боями. Параллельно с наступлением решались вопросы помощи голодающему словацкому населению сожженных немцами деревень. Командующий чехословацким армейским корпусом генерал Л. Свобода попросил посольство обратиться в НКИД за продовольственной помощью, поскольку, как сообщил сам генерал, чтобы спасти своих соотечественников от голода, он вынужден был урезать рацион своих бойцов. По личному приказу И. В. Сталина в тот же день начальнику тыла 1-го Украинского фронта было дано указание передать Л. Свободе 500 тонн муки для первых словацких районов, вызволенных из фашистской неволи[137]. Между тем немцы 27 октября заняли центр восстания — город Банска-Бистрицу и заставили партизан отступить в горы.

В советско-чехословацких отношениях того периода существовал достаточно деликатный вопрос, связанный с планами территориальных изменений, изложенными, в частности, в записке М. М. Литвинова «Об обращении с Германией». В документе говорилось: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину (в чехословацких документах — Карпатская Украина, в более поздних советских — Закарпатская Украина. — *Прим. ред.*), тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»[138].

26 ноября 1944 г. собрание местных комитетов освобожденной Красной армией территории Карпатской Украины приняло постановление о присоединении к СССР. Этот вопрос обсуждался на переговорах в Москве в конце декабря 1944 г., и советская сторона дала понять чехословацким представителям, что хотела бы, чтобы эта часть прежней территории Чехословакии была добровольно передана СССР в соответствии с волеизъявлением ее населения.

29 декабря уполномоченный чехословацкого эмигрантского правительства Ф. Немец в крайне осторожном письме, дабы исключить даже намек на какое-либо давление со стороны советских властей, советовал Э. Бенешу немедленно заняться проблемой Карпатской Украины, причем так, чтобы самому проявить инициативу в этом вопросе. Говоря о ситуации на местах, Ф. Немец предостерег чехословацкие органы от попыток немедленно восстановить суверенитет над этой территорией: «Исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном случае это означало бы господствовать путем насилия против народа и намерений советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своем тылу». Отказ от притязаний Ф. Немец считал крайне важным для дальнейших отношений с Москвой: «Дело теперь в том, используем ли мы стремление карпатского народа для улучшения нашей позиции или будем ждать, пока карпатский народ осуществит это без нашего согласия или даже вопреки нашей воле. Сегодня смелым решением мы можем многое выиграть, а неблагоразумием и колебаниями многое потерять». Чехословацкий уполномоченный считал «совершенно необходимым», чтобы его правительство официально сообщило Советскому Союзу о своей готовности удовлетворить требование прикарпатских украинцев о присоединении к СССР и начать об этом переговоры. Видимо, опасения В. М. Молотова, что подобное решение территориального вопроса еще до мирной конференции может привести к осложнениям с официальным Лондоном и представить Советский Союз в невыгодном свете, заставили автора заметить: «Дело СССР самому решить, вызовет или не вызовет решение этого вопроса уже теперь международные трудности. Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны»[139].

Тогда же В. М. Молотов передал через Ф. Немеца приглашение советского правительства эмигрантскому правительству в Лондоне переехать в какой-либо освобожденный город, ближе к чехословацкой территории. В качестве временной резиденции был предложен Львов. 30 декабря Э. Бенеш ответил, что «ожидал этого приглашения» и немедленно начинает подготовку к переезду. Однако из тактических соображений, «принимая во внимание Запад», Э. Бенеш высказал пожелание, чтобы переезд был бы осуществлен не во Львов или

другой советский город, а сразу в какой-нибудь город на территории его страны (например, в Кошице).

На замечание наркома, что такой переезд поможет установить более тесное взаимодействие между советским и чехословацким правительствами, Э. Бенеш сказал: «Я вполне согласен с тем, что нет достаточного контакта между нашим правительством и советским правительством, учитывая то, что самые важные наши дела решаются теперь в Москве, а не в Лондоне».

Но этот успех делал тем более важным полюбовное решение вопроса о Карпатской (Закарпатской) Украине, что он стал активно обсуждаться в западной печати и в лондонских эмигрантских кругах, в том числе близких чехословацкому правительству в изгнании, в духе, крайне неблагоприятном для СССР.

23 января 1945 г., в разгар успешного наступления советских войск в Карпатах, И. В. Сталин направил Э. Бенешу послание, призванное развеять подозрения в желании Москвы односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Глава советского правительства сослался на свою беседу с лидером чехословацких коммунистов К. Готвальдом, который передал, что чехословацкое правительство «испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине». Напомнив о праве народов на самоопределение, И. В. Сталин отметил: «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу». Советский лидер призвал Э. Бенеша в свидетели, что не дал тогда на это своего согласия. «Но из того, что советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что советское правительство намерено нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос». Такое предположение И. В. Сталин назвал оскорбительным для советского правительства и заявил, что, поскольку вопрос, конечно, придется решить, он «может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны»[140].

29 января Э. Бенеш ответил И. В. Сталину, что ни он лично, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали», что советское руководство имело намерение односторонне решить вопрос, и заверил Москву в том, что злонамеренные слухи на этот счет распускались противниками СССР и Чехословакии. Далее Э. Бенеш изложил свою позицию. Он ни в коем случае не хотел бы интернационализации проблемы. «Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим прийти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами». Письмо Э. Бенеша заканчивалось на высокой ноте: «Нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика»[141].

С 12 января по 18 февраля 1945 г. войска 2-го и 4-го Украинских фронтов, чехословацкий армейский корпус, 1-я и 4-я румынские армии взломали сильно укрепленные позиции противника в горно-лесистом районе и успешно завершили Западно-Карпатскую операцию, освободив Словакию и Моравию. После этого окончательно решился вопрос о переезде чехословацкого правительства из Лондона в Кошице, как и вопрос о реорганизации самого правительства. Переговоры велись между Э. Бенешем и И. В. Сталиным 17—31 марта 1945 г., во время визита президента Чехословакии в Москву.

10—11 мая 1945 г. немецкие войска в Чехословакии сложили оружие. При освобождении Чехословакии советские войска потеряли около 140 тыс. убитыми, чехословацкие регулярные части — 4 тыс. человек. Отношения между советским и чехословацким эмигрантским правительствами контрастировали с враждебностью и напряжением, которые возникли в тот период между Москвой и эмигрантским правительством Польши.

Польский и югославский вопросы

Ввиду приближения Красной армии к государственной границе СССР 1941 г., главным для советской дипломатии на польском направлении был вопрос о принципиальном признании территориальных приращений 1939 г., осуществленных уже после начала Второй мировой войны в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении. Упрочение антигитлеровской коалиции и решения Тегеранской конференции позволяли надеяться на благожелательное отношение союзников к требованиям СССР, тем более что их обоснованием были решения международного арбитража 1919 г., установившие советско-польскую границу по линии Керзона. Кроме того, после разгрома Германии Польше предлагали взамен территориальную компенсацию на западе за счет германской территории. Однако вопрос о границе стал камнем преткновения в отношениях советского руководства с правительством С. Миколайчика. Удовлетворение сущностных интересов Москвы ввиду жесткой позиции Лондона чем дальше, тем больше требовало его отстранения от политического решения польского вопроса.

С начала 1944 г. советское правительство активно содействовало созданию в Польше политического центра и сил Сопротивления, альтернативных тем, что подчинялись эмигрантскому польскому правительству в Лондоне. В Варшаве в ночь на 1 января 1944 г. образовалась подпольная Крайова Рада Народова, председателем которой стал коммунист Б. Берут[142]. США и Великобритания признавали законным представителем польского народа правительство Польши в Лондоне. Польский вопрос занимал важное место в отношениях Москвы с Лондоном и Вашингтоном, отстаивавших интересы эмигрантского правительства, отношения с которым Москва разорвала.

В первой половине 1944 г. затягивание с открытием второго фронта в Европе показало, что дело освобождения территории Восточной Европы от фашизма ляжет на советские войска. Это обстоятельство, а также важность вопроса определили стиль его решения: переговоры по польскому вопросу велись советской дипломатией в основном жестким языком ультимативных заявлений.

5 января 1944 г. эмигрантское польское правительство в Лондоне опубликовало декларацию по вопросу о советско-польских отношениях, в частности о советско-польской границе. Ознакомившись с ней, 7 января И. В. Сталин написал У. Черчиллю: «Как видно, нет основания рассчитывать на то, чтобы удалось образумить эти круги. Эти люди неисправимы»[143].

Ответное официальное заявление советского правительства по польскому вопросу было передано для ознакомления британскому поверенному в делах Дж. Бальфуру и послу США А. Гарриману 11 января 1944 г. В. М. Молотовым. Оно содержало развернутую программу развития советско-польских отношений на период освобождения, соответствующую советским интересам. В духе принципа Объединенных Наций о восстановлении суверенных прав народов в советском заявлении отстаивалась легитимность «новой восточной границы Польши, установленной в 1939 г. и нарушенной Гитлером», — это указание для члена антигитлеровской коалиции само по себе было весомым оправданием советских требований. Далее говорилось, что присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии (для поляков — Восточной Польши) «несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 г., который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белорусов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена».

Москва заявляла о стремлении к воссозданию «сильной и независимой Польши» и о желании «установить дружбу между СССР и Польшей... на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши». Этой задаче послужило бы присоединение Польши к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве[144].

Далее в заявлении косвенно обращалось внимание на альтернативные подчиненным Лондону польские силы, говорилось об имеющемся опыте советско-польского военного

сотрудничества, причем, естественно, речь шла не об армии В. Андерса, подчинявшейся эмигрантскому правительству, а о частях, сформированных на советской территории. «В освободительной борьбе уже выполняют свои задачи Союз польских патриотов в СССР и созданный им польский армейский корпус, который действует вместе с Красной армией».

Также говорилось о возможности территориального вознаграждения полякам за участие в общей борьбе с нацизмом, но не на востоке, а на западе, за счет Германии: «Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель». СССР предлагал границу по линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. В заключение было выражено отношение СССР к правительству С. Миколайчика: «Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом... своей неправильной политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам»[145].

Польское правительство отреагировало предложением вступить в переговоры, но уклонилось от комментариев по вопросу о предложенной СССР границе по линии Керзона. Союзники настаивали на компромиссе, на сотрудничестве СССР и польского правительства в Лондоне. 18 января А. Гарриман предложил от имени своего правительства «дружеские услуги» по посредничеству между СССР и эмигрантским правительством Польши, но услышал в ответ об условии, выдвинутом Москвой: это правительство должно быть реорганизовано[146].

В письме И. В. Сталину 1 февраля 1944 г. У. Черчилль также выступил адвокатом лондонских поляков. Премьер-министр передал советскому лидеру содержание беседы с представителями польского правительства в Лондоне. Прежде всего он подчеркнул, что с пониманием относится к советским требованиям по границе как справедливой компенсации в войне, чего не хотела учесть польская сторона, для которой не было различия между германской или советской аннексией. Недаром И. В. Сталин в беседе с американским послом А. Гарриманом возмущенно говорил об этих «польских помещиках»: «Все считают русских батраками. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские — дураки»[147].

Соглашаясь с позицией Советского Союза по границе, У. Черчилль напомнил членам польского правительства: «Хотя мы и вступили в войну из-за Польши, мы пошли на это не из-за какой-либо определенной линии границы... освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских армий». Поэтому он советовал польским министрам, чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с мнением союзников (включая СССР) «в вопросе о границах территории, которую она будет иметь». Речь шла о согласии на востоке на линию Керзона при условии компенсации на севере и западе. При этом У. Черчилль признался И. В. Сталину, что говоря о будущем приращении территории Польши за счет восточно-прусских земель, он не коснулся вопроса Кёнигсберга[148].

Далее У. Черчилль представил перечень вопросов, волновавших не только польских министров, но и его самого. Они касались политической организации власти по мере освобождения Польши от немцев советскими войсками. Во-первых, министры просили заверений в том, что Польша на отведенной ей новой территории будет свободна и независима. Во-вторых, они интересовались, будет ли позволено польскому правительству вернуться из Лондона и создать правительство на более широкой основе в соответствии с желанием народа и разрешено выполнять административные функции в освобожденных районах, если значительная часть территории Польши к западу от линии Керзона окажется занята советскими войсками. В-третьих, они были «глубоко озабочены вопросом об отношениях между польским подпольным движением и наступающими советскими войсками».

У. Черчилль хотел предупредить И. В. Сталина, что его стремление в будущем отстранить польское правительство в Лондоне серьезно осложнит отношения союзников с Москвой: «Если... успешное продвижение советских войск будет продолжаться и бóльшая часть Польши будет очищена от германских захватчиков, хорошие отношения между любыми силами, которые смогут говорить от имени Польши, и Советским Союзом, абсолютно необходимы.

Создание в Варшаве иного польского правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали, вместе с волнениями в Польше поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между тремя великими державами, от которых зависит будущее мира»[149].

Но советский руководитель не согласился с предложениями У. Черчилля. И. В. Сталин не верил в успех британского посредничества. Совсем скоро, в начале марта, он поделился своим отношением к демаршам британского премьера с А. Гарриманом: «Черчилль ничего не сможет сделать с поляками. Поляки обманывают Черчилля»[150]. А в мае в беседе с американским послом в Москве А. Гарриманом британский премьер-министр сетовал на неблагодарность И. В. Сталина в ответ на его посредничество, заявив, что С. Миколайчик готов был признать линию Керзона в качестве временной административной границы Польши на востоке[151].

Разумеется, именно эта условная временность не устраивала руководство Советского Союза, которое искало свое решение польского вопроса. Поэтому И. В. Сталин считал, что в вопрос о границе «уже теперь должна быть внесена полная ясность». Он требовал от польского правительства официального заявления, что линия границы, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что новой советско-польской границей должна быть линия Керзона. Он напомнил о том, что в Тегеране было решено: «Приращение польской территории на севере и на западе возможно только при удовлетворении интересов СССР». А это означало, что северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая Кёнигсберг как незамерзающий порт, должна отойти Советскому Союзу. Это «единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем, — заметил И. В. Сталин, — без удовлетворения этой минимальной претензии уступка Советского Союза, выразившаяся в признании линии Керзона, теряет всякий смысл»[152].

В первые месяцы 1944 г. И. В. Сталин заявлял: «С нынешним польским правительством мы не можем восстановить отношений... Профашистские акты польского правительства известны». Он говорил также о враждебных выступлениях польских послов в Мексике и Канаде, генерала В. Андерса на Ближнем Востоке, «переходящей всякие границы» враждебности СССР польских нелегальных изданий на оккупированной территории, уничтожении польских партизан по директивам польского правительства. Серьезные обвинения основывались не только на общих представлениях о враждебности польских политиков и военных, покинувших страну в 1939 г., и вступлении Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, но и на данных разведки и независимых (в том числе чехословацких) источников[153]. Для советского руководства улучшение советско-польских отношений было невозможным без реорганизации польского правительства, то есть удаления из него элементов, которые он называл «профашистскими» и «империалистическими», и включения в него людей «демократического образа мыслей»[154].

Письмо И. В. Сталина было своего рода комментарием к опубликованному ранее заявлению ТАСС. 16 января 1944 г. В. М. Молотов ознакомил с ним посла США А. Гарримана. На том основании, что в ответе польского правительства на советское заявление главный вопрос о признании линии Керзона игнорировался, СССР расценил это как «отклонение» своего требования. Советское руководство отказалось от переговоров с С. Миколайчиком, пояснив, что дипломатические отношения с его правительством были разорваны. Советская сторона напоминала, что «отношения прерваны по вине этого правительства, из-за его активного участия во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу убийств в Катыни», и заявляла, что, по мнению советских кругов, «нынешнее польское правительство не желает установить добрососедские отношения с Советским Союзом»[155].

Ни Ф. Рузвельт, ни У. Черчилль не считали возможным осложнять из-за Польши добрые отношения с главой советского правительства, необходимые для борьбы против фашистской Германии, а в будущем — и против Японии. Вместе с тем обострение польского вопроса в тот момент совершенно не устраивало Ф. Рузвельта, поскольку это была одна из больных тем предстоящей президентской избирательной кампании, которую хотелось бы замять, и он призывал И. В. Сталина к диалогу с лондонскими поляками. А. Гарриман заметил В. М. Мо-

лотову, что в ближайшие шесть месяцев до выборов Ф. Рузвельт заинтересован в том, чтобы в польском вопросе не было никаких моментов, которые могли бы возбудить общественное мнение в США и создать там противоречия[156].

По мнению Ф. Рузвельта, решение польского вопроса могло бы развиваться по чехословацкому сценарию, если бы С. Миколайчик, удалив из своего правительства непримиримых противников каких бы то ни было уступок Москве (вроде главнокомандующего польскими вооруженными силами К. Соснковского), примирился с И. В. Сталиным[157]. Кроме того, он считал крайне вредным любой внутренний раскол в польском освободительном движении, как и столкновение подпольной Армии Крайовой и Красной армии на территории Польши. Президент США написал И. В. Сталину 11 февраля 1944 г. по поводу его опасений на этот счет: «Я полностью осознал, что будущая безопасность вашей страны... в первую очередь касается Вас... В первую очередь надо рассмотреть вопрос о том, чтобы польские партизаны действовали вместе с вашими продвигающимися войсками, а не против них»[158].

Того же мнения придерживался посол США в Москве А. Гарриман. На совещании в посольстве 15 февраля 1944 г. А. Гарриман резюмировал советскую позицию: русские «не хотят коммунизировать Польшу, но они и не хотят, чтобы страна вернулась к открыто антисоветскому правлению... их отношение к (лондонскому. — *Прим. ред.*) правительству вполне обоснованно». В своей беседе с И. В. Сталиным 3 марта 1944 г. посол открыто заявил: «Мы не должны допустить, чтобы наши отношения с советским правительством были испорчены поляками»[159].

Советская дипломатия стремилась нейтрализовать антисоветские настроения в польской эмиграции в США, чтобы снять остроту польского вопроса в президентской избирательной кампании Ф. Рузвельта. В Москву при содействии председателя Союза польских патриотов В. Василевской в частном порядке были приглашены видные представители польской интеллигенции в США С. Орлеманьский[160] и О. Ланге, чтобы ознакомиться с положением поляков в СССР. И. В. Сталин принял их, хотя, как подчеркивалось, они «никого, кроме себя, не представляли». О. Ланге повторил представителю ТАСС слова, услышанные от И. В. Сталина: «Польша будет играть весьма важную роль в Европе... В интересах Советского Союза, чтобы Польша была сильной»[161].

Между тем на заседании 15 февраля 1944 г. польское правительство в Лондоне отклонило предложение о границе по линии Керзона, переданное ему британским правительством. В отличие от Ф. Рузвельта, желавшего затушевать разногласия с Москвой по польскому вопросу, У. Черчилль избрал линию давления на СССР. 6 марта этот курс был утвержден на заседании британского правительства[162]. Тон У. Черчилля в переписке с И. В. Сталиным по польскому вопросу ужесточился. Соответствующее представление В. М. Молотову сделал британский посол А. Керр в беседе 16 марта. Через день У. Черчилль направил И. В. Сталину жесткое послание[163].

Ответ И. В. Сталина с изложением позиции по Польше, врученный 23 марта, также был конфронтационным: «Бросается в глаза, что как Ваши послания, так и особенно заявление Керра пересыпаны угрозами по отношению к Советскому Союзу. Я бы хотел обратить Ваше внимание на это обстоятельство, так как метод угроз не только неправилен во взаимоотношениях союзников, но и вреден, ибо он может привести к обратным результатам». В ответ на заявление У. Черчилля, что, настаивая на границе по линии Керзона, СССР проводит «политику силы», И. В. Сталин, в свою очередь, обвинил британского премьера в отказе от достигнутых в Тегеране договоренностей. «Вы заявляете в послании от 7 марта, что вопрос о советско-польской границе придется отложить до созыва конференции о перемирии. Я думаю, что мы имеем здесь дело с каким-то недоразумением. Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. Поэтому было бы странно говорить о перемирии между СССР и Польшей. Но у советского правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний».

Особенно возмутило главу советского правительства предупреждение У. Черчилля о намерении выступить в Палате общин с заявлением, что все территориальные изменения отложены до перемирия или до мирной конференции держав-победительниц и что до тех пор Лондон не признает никаких «передач территорий, произведенных силой». Заранее можно было предположить, что после разгрома Германии, когда фактор военного могущества уже не будет решающим аргументом, Советскому Союзу окажется гораздо труднее отстоять свои территориальные интересы, чем на стадии освобождения, пока его силы необходимы союзникам для победы. И. В. Сталин прямо заявил: «Я не сомневаюсь, что народами Советского Союза и мировым общественным мнением такое Ваше выступление будет воспринято как незаслуженное оскорбление по адресу Советского Союза... Я понимаю это так, что Вы выставляете Советский Союз как враждебную Польше силу и, по сути дела, отрицаете освободительный характер войны Советского Союза против германской агрессии»[164]. Копия этого письма в тот же день была отправлена Ф. Рузвельту, который тогда меньше всего хотел обострения польского вопроса и еще меньше — ссоры с И. В. Сталиным.

Дипломатические маневры британцев показали: СССР должен был полагаться в своей внешней политике прежде всего на победы Красной армии и на просоветские силы в самой Польше. Во второй половине июля 1944 г. советские войска вместе с созданными на территории СССР польскими частями переправились через Западный Буг — линию советско-польской границы 1939 г. — и вступили на территорию Польши. Таким образом, в середине лета 1944 г. центр решения польского вопроса переместился в Москву.

Эту реальность признали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, но не хотело принять во внимание большинство в правительстве С. Миколайчика, который с 5 июня совершал большое турне по США в надежде заручиться поддержкой влиятельного американского крыла польской эмиграции, американского общественного мнения и повлиять на президента. Момент был критическим из-за продвижения Красной армии, но С. Миколайчик надеялся ввести польский вопрос в кампанию по подготовке президентских выборов в США. Однако его расчет оказался не соответствующим духу времени.

Это был период, когда советско-американские отношения находились на подъеме. Уже завершалась подготовка высадки в Нормандии, американские ВВС поднимались с аэродрома в Полтаве для бомбардировок германских объектов на востоке, в районе Львова. СССР занял прочное положение великой державы в международных отношениях. А. Гарриман в те дни заявил В. М. Молотову: «Теперь мне представляется, что мы боремся не на двух фронтах, а на одном фронте. Эта совместная борьба так сцементирует отношения между нашими странами, что никто не сможет их разорвать». В. М. Молотов ответил утвердительно, но официально: «Совместная борьба с общим врагом действительно является очень ценным видом сотрудничества», и поинтересовался, что значит в этих условиях предстоящий визит С. Миколайчика в США[165].

А. Гарриман поспешил успокоить В. М. Молотова относительно осложнений, которые этот визит мог бы иметь для советско-американских отношений. Он сказал, что С. Миколайчик собирался в США для консультаций, с условием, что не будет делать никаких официальных публичных заявлений[166]. Позже стало известно, что С. Миколайчик нарушил это условие и выступил в США с антисоветскими заявлениями. На соответствующее представление В. М. Молотова А. Гарриман пояснил, что в свое время неточно выразился. Он имел в виду, что от С. Миколайчика требовали не выступать с публичными речами перед широкой польской аудиторией[167].

Между тем Советский Союз с удовлетворением мог констатировать создание и укрепление на освобождаемой территории Польши альтернативного политического центра, патриотического, но ориентированного на Москву и признающего ее интересы в вопросе о границах. 21 июля был сформирован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Э. Осубка-Моравским. 22 июля ПКНО опубликовал манифест к польскому народу, в котором говорилось, что Крайова Рада Народова является временным парламентом, а ПКНО — законной временной исполнительной властью.

26 июля последовало заявление НКИД СССР об отношении Советского Союза к Польше[168]. В нем говорилось, что вступлением Красной армии в пределы Польши «положено начало освобождения многострадального польского народа от немецкой оккупации». В соответствии с освободительной миссией целью советских войск являются разгром германских вражеских армий и помощь польскому народу в деле «восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Действовать на польской территории они будут, как на «территории суверенного, дружественного, союзного государства». В связи с этим «советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

Это указание на суверенные права польского народа, а не польского эмигрантского правительства, принципиально важно, тем более что за ним следовало сообщение о решении заключить соглашение между советским командованием и польской администрацией — не с правительством С. Миколайчика в Лондоне, а с Польским комитетом национального освобождения. Правительство в эмиграции в этих документах игнорировалось, оно было исключено из процесса политической реорганизации в ходе освобождения страны.

Силам польского Сопротивления было адресовано важное обещание: «Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя» и что единственной задачей Красной армии в Польше является помощь полякам в освобождении от немецкой оккупации[169].

Соглашение с ПКНО разграничивало зоны ответственности между советским главнокомандующим и польской администрацией на период освобождения. В зоне военных действий после вступления советских войск верховная власть и вся ответственность возлагалась на советское командование. На освобожденной от немцев территории ПКНО руководил по законам Польской Республики установленными ею административными органами, продолжая заниматься организацией и формированием польского войска и содействовать Красной армии в осуществлении военных операций. По мере продвижения линии боевых действий далее на запад территории, переставшие быть зоной военных операций, полностью переходили под контроль ПКНО. Его связь с Москвой поддерживалась через Польскую военную миссию, а в зоне военных действий на территории Польши — через уполномоченного ПКНО. Важным указанием на уважение суверенных прав ПКНО были седьмая и восьмая статьи — о подчинении всех лиц, «принадлежащих к польским вооруженным силам», польским военным законам и уставам. Польские войска только в оперативном отношении подчинялись Верховному главнокомандованию СССР, но в делах организации и личного состава — польскому главному командованию[170].

На следующий день между правительством СССР и ПКНО было подписано соглашение о границе по линии Керзона с некоторыми изменениями в пользу Польши. По сравнению с границей 1939 г. Польше возвращали район Белостока по линии Гродно — Яловка — Немиров, к востоку от реки Буг. Одновременно СССР давал обязательство при определении польско-германской границы поддержать польское требование о границе по Одеру — Нейсе с включением Штеттина в состав Польши.

Советское правительство обменялось с ПКНО, находившимся на освобожденной территории Польши, официальными представителями. Советским военным властям в Польше предписывалось рассматривать только ПКНО как своего союзника в борьбе с немцами. В постановлении ГКО от 31 июля 1944 г. говорилось: «Никаких других органов управления, и в том числе выдающих себя за органы польского эмигрантского правительства (в Лондоне), кроме органов Польского комитета национального освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмиграционного правительства, среди которых обнаружено много гитлеровских агентов, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами»[171].

Несмотря на то что союзники не были ознакомлены с содержанием этого постановления, соглашение между Москвой и ПКНО усилило беспокойство англо-американцев. Одновременно обстоятельства заставили дипломатию союзников внимательнее присмотреться

к ПКНО и внутреннему положению в Польше в целом, стимулируя их к смене тактики в польском вопросе. Речь шла теперь уже о двух стадиях поиска компромисса: во-первых, между поляками из Лондона и из ПКНО, а во-вторых, о трехстороннем компромиссе между Москвой, поляками в Лондоне и ПКНО.

3 июня 1944 г. В. М. Молотов в беседе с А. Гарриманом обсуждал пребывание четырех представителей Польского национального комитета в Москве, среди которых были Б. Берут и Э. Осубка-Моравский. В. М. Молотов знал, как лучше представить американцу польских гостей — друзей Москвы. Чтобы быть приемлемыми для англо-американцев, временные политические органы в Польше должны были носить представительный, демократический, антифашистский и патриотический характер и не ассоциироваться исключительно с прокоммунистическими силами. Важно являлось также, чтобы за ними стояли реальные силы в самой Польше. На вопрос А. Гарримана, что эти люди собой представляют, нарком ответил: «Это, главным образом, интеллигенция, а также представители демократических рабочих кругов. [Они] представляют левые и демократические группы Польши. Есть представители польской социалистической партии, есть сочувствующие коммунистам, есть из крестьянской партии — наиболее крупной партии, одним из лидеров которой является Миколайчик. Некоторые из них занимаются военной работой по организации партизанского движения и всех других сил, борющихся против врага... среди них нет представителей подпольного движения, руководимого лондонским правительством, они стоят в оппозиции к лондонскому правительству»[172].

Когда А. Гарриман спросил В. М. Молотова, коммунист ли Б. Берут, тот ответил уклончиво: «Был, но выходил из партии», и сейчас якобы неизвестно, состоит ли в партии, он с давних пор был деятелем рабочего и профсоюзного движения и, главное, «является большим польским патриотом»[173]. На вопрос А. Гарримана, что делегаты рассказывают об отношении в Польше к эмигрантскому правительству, нарком ответил: «Они говорят (но они в оппозиции), что лондонское правительство не пользуется в Польше никакой поддержкой». А. Гарриман подчеркнул, что правительство США приветствовало бы объединение всех поляков и установление дружественных отношений между ними и Советским Союзом.

Лондон и Вашингтон выступали адвокатами эмигрантского правительства перед И. В. Сталиным вплоть до января 1945 г., то есть до официального признания Советским Союзом просоветского польского правительства Б. Берута. Впрочем, когда стала проясняться внутренняя обстановка в польском освободительном движении, но главное — на фоне состоявшейся долгожданной и успешной высадки союзников в Нормандии, в Москве решили не обострять отношений с Вашингтоном и Лондоном и на словах не отвергали возможности соглашения между умеренными элементами в эмигрантском правительстве и просоветскими силами. Такое решение могло бы снять серьезные противоречия с союзниками, обеспечив в глазах этих приверженцев демократической легитимности неоспоримую законность второго центра власти в Польше и установления дружественной СССР польской администрации в освобожденных районах.

Едва С. Миколайчик вернулся из США, У. Черчилль побудил его поехать в Москву. Предварительно вопрос о возможности визита С. Миколайчика в СССР был поставлен А. Гарриманом[174]. Глава эмигрантского правительства был лидером крестьянской партии, представленной в ПКНО и Крайовой Раде Народовой, и занимал более умеренную позицию по отношению к СССР, чем бóльшая часть его кабинета. У. Черчилль был заинтересован в соглашении лондонских поляков и ПКНО. Создание второго политического центра в самой Польше делало второстепенной проблему восстановления отношений СССР с польским эмигрантским правительством, зато все более актуальным становился вопрос о суверенных правах самого этого правительства.

И. В. Сталин согласился принять С. Миколайчика. В отличие от вопроса о советско-польской границе, И. В. Сталина устроили бы промежуточные политические комбинации при решительном перевесе сторонников ПКНО, принявших советские условия по границе, в составе правительства. К переговорам с С. Миколайчиком в Москву переместился центр

решения польского вопроса (географически и содержательно). В Москве находилась делегация Польского национального совета, здесь побывали представители поляков из США. Влиятельные фигуры американской ветви польской эмиграции не были тождественны по своим настроениям лондонским полякам. Что касается судьбы эмигрантского правительства, формула его «реорганизации», предложенная И. В. Сталиным в качестве предварительного условия восстановления с ним официальных отношений, видимо, была уже в тот момент лишь уступкой союзникам, поскольку речь шла не о замене того или другого министра, а о принципиальной смене его курса.

Организуя визит С. Миколайчика в Москву, У. Черчилль стремился ускорить компромиссное решение польского вопроса. В начале июля британский посол А. Керр предположил воспользоваться пребыванием С. Миколайчика, чтобы при содействии союзников «польский вопрос мог бы быть быстро разрешен Московской комиссией». В. М. Молотов тогда заговорил о необходимости участия в такой комиссии представителей разных фракций польских патриотов, причем именно из Варшавы (Польского национального совета) и из СССР, а не из Лондона, добавив: «Нельзя также обойтись без Ванды Василевской»[175].

А. Керр озвучил британский план, согласно которому «было бы желательно», чтобы С. Миколайчик был членом этой комиссии, и «если Миколайчик приедет в Москву, он возглавит Польский национальный совет и, таким образом, будет выступать от его имени». Английский сценарий был отвергнут В. М. Молотовым, который сказал: «Нужно об этом спросить делегатов Совета, которые прибыли именно из Польши. Если решение будет принято без представителей Польши, то это будет московское соглашение, а не польское соглашение». В. М. Молотов также напомнил, что решение польского вопроса важно не только для Польши, но и для США, поскольку его обострение чревато осложнениями для Ф. Рузвельта на предстоящих выборах[176].

С. Миколайчик прибыл в Москву 29 июля и 3 августа был принят И. В. Сталиным[177]. Во время переговоров с Б. Берутом, Э. Осубка-Моравским и другими членами люблинского правительства С. Миколайчику были предложены в будущем Объединенном польском правительстве четыре места из восемнадцати, а ему самому — пост премьера.

А. Гарриман следил за переговорами, контактируя с В. М. Молотовым и С. Миколайчиком, и сообщил об «искреннем стремлении советского правительства добиться урегулирования» в Польше путем создания коалиционного правительства. Он рекомендовал усилить соответствующий нажим на С. Миколайчика из Лондона и Вашингтона. Но вопрос о границе оставался камнем преткновения, и переговоры не дали главного результата. С. Миколайчик уклонился от соглашения, сказав, что должен возвратиться в Лондон, чтобы обсудить его с членами своего правительства. Таким образом, компромиссное решение польского вопроса не состоялось.

Варшавское восстание, которое началось 1 августа 1944 г. и о котором не были предупреждены ни люблинские поляки, ни советское военное командование, внесло в эти дипломатические разговоры серьезные коррективы. В беседе с В. М. Молотовым в последний день июля 1944 г. С. Миколайчик заметил, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве», но, к возмущению советской стороны, он умолчал о том, что восстание начнется уже на следующий день, и «не просил о помощи его участникам»[178].

Героическое выступление варшавян против общего врага — немецких оккупантов, казалось, должно было усилить позиции С. Миколайчика на переговорах с И. В. Сталиным, особенно если бы Варшава сразу же оказалась в руках подчиненной эмигрантскому правительству Армии Крайовой. Но советских руководителей насторожило, что С. Миколайчик сообщил И. В. Сталину о начавшемся 1 августа восстании только 3 августа, когда тому уже было о нем известно из мировых средств массовой информации. Как утверждал В. М. Молотов, о восстании в Москве узнали из сообщения агентства «Рейтер» только на следующий день после его начала[179]. Впрочем, лишь 3 августа польский премьер и был принят главой советского правительства.

Не могло понравиться И. В. Сталину и заявление С. Миколайчика, что он хотел бы как можно скорее выехать в Варшаву и создать там правительство. Через день из Варшавы

должен был приехать Б. Берут, рассказать об обстановке в восставшем городе и договариваться с С. Миколайчиком в Москве о составе будущего правительства Польши. Опираясь на сведения, предоставленные Б. Берутом, И. В. Сталин уяснил в течение ближайших дней смысл происходящего.

Устойчивая «нейтральная», но полная сочувствия восставшим версия мотивов варшавского выступления, подготовленного командующим Армии Крайовой генералом Т. Бур-Комаровским в контакте с эмигрантским правительством в Лондоне, свидетельствует о том, что освободительные задачи в нем переплетались с антисоветскими. «Ему важно было поднять дух борцов польского Сопротивления, доказать миру, что внутреннее сопротивление в Польше является реальной и действенной силой, освободить столицу до подхода русских и преградить коммунистам из Армии Людовой и Люблинского комитета путь к власти»[180].

Та же версия приводилась германским губернатором Варшавского округа Л. Фишером, плененным советскими войсками и допрошенным представителями советских спецслужб: «1 августа вспыхнуло ожидаемое немцами восстание национального движения Сопротивления. По совпадающим показаниям всех поляков-пленных, целью восстания являлся захват собственными силами Варшавы и всей территории до прибытия русских, для выработки лучшей позиции в отношении России»[181].

Подобно инициаторам восстания в Словакии, руководители варшавского восстания недооценили силы немцев и их решимости удерживать Варшаву. Предупрежденные о готовящемся восстании, немцы перебросили к городу свежие силы. Над восставшими варшавянами нависла смертельная угроза. Они напрасно ожидали поддержки от британских и американских ВВС.

9 августа, принимая С. Миколайчика, прибывшего в Кремль с прощальным визитом, глава советского правительства хотя и высказал убеждение, что восстание обречено, но адресовал слова сочувствия восставшим: «Просто жалко всех поляков»[182]. А. Гарриман сообщал в Вашингтон: «Миколайчик дал высокую оценку тем любезностям, которые были проявлены по отношению к нему Сталиным и Молотовым»[183].

Но после возвращения С. Миколайчика в Лондон польское эмигрантское правительство вновь отказалось согласиться на восточную границу Польши по линии Керзона. 13 августа последовало резкое заявление ТАСС в связи с варшавским восстанием, а 16 августа И. В. Сталин направил С. Миколайчику письмо, в котором объяснил отказ от обещания немедленно помочь Варшаве с воздуха: «Близкое знакомство с делом убедило меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения. К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намеками на то, что советское командование подвело варшавцев. Ввиду всего этого советское командование решило открыто отмежеваться от варшавской авантюры, т. к. оно не может и не должно нести никакой ответственности за варшавское дело»[184].

В ходе летнего наступления Красная армия продвинулась с тяжелыми боями на 600 км к Варшаве. Она действовала обходным маневром, и это навлекло на СССР обвинения в намеренном затягивании наступления и нежелании содействовать победе восставших. В. М. Молотов уже тогда объяснил необходимость обходного маневра несогласованностью выступления повстанцев с планами советского командования. 11 августа 1944 г. В. М. Молотов сказал А. Гарриману: «Непонятно, каким образом поляки рассчитывали осуществить это дело («взять Варшаву изнутри»). Они начали свое рискованное предприятие 1 августа. Мы узнали из телеграммы «Рейтера», полученной 2 августа. Нашим войскам теперь приходится брать Варшаву не в лоб, а обходным движением. Если бы наши войска попытались взять Варшаву в лоб, то это стоило бы колоссальных жертв. Теперь те обходные операции, которые начали наши войска, требуют времени, и это, конечно, создаст трудности для тех, кто начал борьбу в Варшаве... Ни советское правительство, ни советское командование не знали о том, что готовится попытка взять Варшаву изнутри. Миколайчик просил Сталина помочь Варшаве оружием с самолетов... Сталин обещал сделать все возможное»[185].

Сожженный в ходе восстания немецкий танк на улице столицы Польши

Улица Варшавы во время восстания

Однако с помощью Б. Берута, который приехал из Польши 5 августа[186], в Москве поняли, что мотивы инициаторов восстания были враждебными советской освободительной миссии. Публикации польской печати и радио, в течение двух недель обвинявших Москву в невмешательстве, усугубили раздражение против «лондонцев». 13 августа ТАСС опубликовал заявление с осуждением действий руководителей польских эмигрантских кругов.

Отношение Б. Берута и членов делегации ПКНО к действиям Красной армии контрастировало с настроениями поляков в Лондоне. В Москве его встретили как высокого официального представителя дружественной страны. Именно для него, а не для С. Миколайчика, «при встрече был выстроен почетный караул и были исполнены государственные гимны Польши и СССР. Аэродром был украшен польскими и советскими флагами»[187]. В своей краткой речи перед встречавшими Б. Берут сказал: «Я счастлив, что могу посетить эту страну, которую Польша — моя родина — приветствует как самую мощную страну, имеющую самую героическую армию, страну, в дружбе с которой моя родина хочет быть всегда». В том же духе выступил председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский, подчеркнувший, что «братство оружия... останется на долгие времена и будет фундаментом содружества» между Польшей и СССР[188].

Как показала подчеркнуто торжественная встреча руководителей КРН и ПКНО, в Москве после соглашения 26 июля 1944 г. рассматривали их в качестве главных собеседников в решении польского вопроса, и от способности С. Миколайчика договориться с ними зависела судьба самого польского премьера.

Для союзников вопрос стоял иначе: они выступали за соединение всех польских сил Сопротивления, но признание «люблинцев» все еще зависело от их способности договориться с С. Миколайчиком. Поэтому естественно, что И. В. Сталин изменил свое отношение к варшавскому восстанию в прямой связи с позицией польского эмигрантского правительства и информацией Б. Берута. На вопрос А. Гарримана, что заставило И. В. Сталина уже 14 августа отказаться от данного им обещания помочь варшавянам с воздуха, В. М. Молотов ответил: отношение к восстанию изменилось, «как только был вскрыт характер варшавского дела... Полученная советским правительством информация доказывает, что затея в Варшаве была начата авантюристами из Лондона и что, кроме того, эти авантюристы пытаются использовать свою затею во враждебных Советскому Союзу целях, распространяя клевету в отношении Советского Союза... Если бы выступление было согласовано с советским командованием, то оно принесло бы громадную помощь, но люди, начавшие его, не захотели этого сделать»[189]. В заключение нарком подчеркнул: «Советское правительство не желает взять на себя ответственности за него, в том числе и ответственности за самолеты, которые будут посланы для оказания помощи Варшаве»[190].

В том же духе И. В. Сталин 16 августа 1944 г. ответил на соответствующий запрос У. Черчилля: «Ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт»[191]. Тем самым И. В. Сталин хотел сделать акцент на том, насколько действия инициаторов восстания не соответствуют правилам взаимодействия и сотрудничества, установившимся в отношениях между СССР и англо-американскими союзниками.

Накануне А. Я. Вышинский уведомил А. Гарримана об отказе предоставлять полтавский аэродром для дозаправки самолетов союзников. В тот период США были крайне заинтересованы в дальнейшем использовании полтавского аэродрома для челночных операций, а В. М. Молотов дал понять, что решение этого вопроса может быть осложнено разногласиями по польской проблеме. В беседе с А. Гарриманом 17 августа 1944 г. нарком в ответ на настойчивые доводы американского посла в пользу пересмотра советского решения о помощи Варшаве с воздуха упомянул о желании своего правительства «вернуть аэродромы, задействованные в операции «Фрэнтик», советским войскам по причине их малого использования»[192].

Между тем в Вашингтоне рассчитывали в дальнейшем продолжить и развить подобное сотрудничество, получив базы на Дальнем Востоке для войны с Японией. А. Гарриман про-

комментировал советскую позицию: «Этот отказ продиктован жестокими политическими мотивами»[193]. 17 августа В. М. Молотов заявил британскому послу А. Керру в ответ на претензии по поводу отказа в предоставлении советских аэродромов американцам, помогающим Варшаве: «Советское правительство считает варшавское предприятие чистой авантюрой, сопряженной с бесполезными жертвами по вине тех, кто затеял его. Поэтому советское правительство не хочет иметь никакого прямого отношения к этому делу и не желает взять на себя ответственности за него». Нарком высказал свое мнение о том, что «лица, затеявшие авантюру в Варшаве, хотят уклониться от ответственности и свалить ее на советское правительство». Он имел в виду прежде всего «клику» К. Соснковского.

Тогда А. Керр усилил нажим: «Отсутствие сотрудничества с советской стороны нанесет ущерб советско-польским отношениям». Кроме того, бездействие СССР в отношении Варшавы, несмотря на обещание И. В. Сталина, которое было главным козырем С. Миколайчика в пользу компромисса с Москвой, подорвет позиции С. Миколайчика, вернувшегося в Лондон с намерением уговорить правительство принять советские условия. В. М. Молотов парировал: «Нет необходимости доказывать, что советский народ понес наиболее значительные потери, чем кто-либо другой в борьбе за общее дело и, в частности, за освобождение Польши»[194]. В связи с варшавским восстанием немцы сосредоточили силы на варшавском направлении, чтобы воспрепятствовать соединению Красной армии с варшавянами. В августе — первой половине сентября Красная армия потеряла 289 тыс. солдат и офицеров 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов[195].

Чтобы побудить советского лидера изменить свою позицию, 20 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль написали: «Мы думаем о том, какова будет реакция мирового общественного мнения, если антинацисты в Варшаве будут на самом деле покинуты»[196].

В ответ на подобные настояния В. М. Молотов предупредил А. Гарримана, что по реакции на эти события Москва как раз и будет судить о том, кто друг и кто враг Советскому Союзу[197]. И. В. Сталин возложил всю ответственность за напрасные жертвы восставших варшавян на Т. Бур-Комаровского: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию». Вместе с тем глава Советского государства заверял: «Не может быть сомнения, что Красная армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков»[198].

Союзники не были заинтересованы осложнять отношения с И. В. Сталиным, поскольку того требовало завершение войны в Европе. Кроме того, в Вашингтоне и Лондоне имели в виду более масштабные перспективы будущей войны с Японией, и именно в этом плане прежде всего стоял вопрос об использовании советских аэродромов союзной авиацией, тем более что уже 9 сентября запрет на это был снят[199].

14 сентября 1944 г. Красной армии и действовавшим вместе с ней польским частям удалось освободить правобережную часть Варшавы. 16—20 сентября предпринимались попытки переправить через Вислу усиленный польский десант в помощь варшавянам, но ему так и не удалось закрепиться на левом берегу и 24 сентября пришлось вернуться на правый берег. 23 сентября в беседе с А. Гарриманом и А. Керром И. В. Сталин рассказал об оказании советской военной помощи Варшаве, проявив понимание в отношении варшавян «без следа прежней мстительности» (как отметил в своем отчете А. Гарриман)[200]. 2 октября Т. Бур-Комаровский капитулировал в Варшаве. В городе погибли около 200 тыс. человек.

Между тем в сентябре — октябре 1944 г. череда дипломатических событий свидетельствовала об успешной реализации основных целей советской дипломатии в Финляндии, Восточной Европе и на Балканах. Эти успехи заставили У. Черчилля ускорить переговоры с И. В. Сталиным.

27 сентября 1944 г. британский премьер сообщил о намерении встретиться с И. В. Сталиным и уже 9 октября прибыл в Москву. Одним из главных, намеченных для обсуждения с главой советского правительства, был польский вопрос. Сообщая об этом В. М. Молотову,

А. Иден добавил: вопрос, «который, к сожалению, доставляет нам неприятности»[201]. Одновременно британская дипломатия организовала визит С. Миколайчика в советскую столицу. Пригласили и руководителей Крайовой Рады Народовой, Б. Берута с Э. Осубкой-Моравским. 13 октября с С. Миколайчиком беседовал И. В. Сталин, давший понять премьеру эмигрантского правительства, что условием соглашения с ним является признание границы по линии Керзона[202]. У. Черчилль поддержал позицию Москвы как неизбежную цену компромисса. К тому же он стремился ускорить соглашение С. Миколайчика с ПКНО. 14 октября А. Иден сообщил В. М. Молотову, что вдвоем с премьер-министром они «все утро упорно работали с поляками»[203].

С. Миколайчик не уступал двойному давлению со стороны И. В. Сталина и У. Черчилля, отказываясь признать границу по линии Керзона, что для Польши означало потерю Львова и Восточной Галиции с ее нефтяными запасами. Другим спорным вопросом был политический. Речь шла о создании польского правительства, объединяющего «лондонцев» и «люблинцев» под председательством С. Миколайчика. СССР и ПКНО требовали для последнего убедительного большинства, против чего протестовал С. Миколайчик. У. Черчилль выступал за паритет между лондонскими и люблинскими представителями[204].

Затягивание переговоров беспокоило англо-американских союзников. А. Гарриман считал, что раскол среди поляков и длительное сохранение контроля люблинского правительства над польской территорией чревато усилением зависимости ПКНО от СССР и углублением внутреннего раскола между поляками, а потому предложил У. Черчиллю, пока тот в Москве, усилить нажим на С. Миколайчика, но переубедить польского премьера не удалось.

И. В. Сталин и У. Черчилль встретились с представителями ПКНО, добившись согласия договориться с С. Миколайчиком, предложить ему пост премьера и ввести в состав правительства нескольких «лондонцев», оставив большинство мест за представителями ПКНО. По сути, это было возвращением к августовским предложениям, но в кардинально изменившихся условиях: «лондонцы» и их опора в Польше больше не могли иметь иллюзий относительно возможности установить контроль над столицей Польши без содействия советских войск, а тем более в противовес им и дружественным СССР польским силам Сопротивления. После подавления варшавского восстания отряды, подчиненные эмигрантскому правительству в самой Польше, были серьезно ослаблены. В то же время для С. Миколайчика, несмотря на слабость его дипломатической позиции, принятие советских условий без согласия членов его правительства было равносильно разрыву с его политической средой. Единственной его надеждой была решительная поддержка англо-американцев, но она не оправдалась.

14 октября В. М. Молотов и А. Иден снова обсуждали возможность создания коалиционного правительства в Польше. С. Миколайчик не соглашался с требованием Б. Берута, который хотел три четверти мест в будущем польском правительстве для люблинских представителей. Оправдывая С. Миколайчика, А. Иден заметил, что если бы тот пошел на уступки Б. Беруту, то его бы в Лондоне просто сочли перебежчиком. Тогда В. М. Молотов согласился, чтобы в случае признания правительством С. Миколайчика границы по линии Керзона, в будущее польское правительство вошли 40% из лондонского, 40% из люблинского правительств и 20% представителей освобожденной Польши. С. Миколайчик должен был поехать в Лондон добиться поддержки кабинета в этом вопросе, чтобы сразу же вернуться[205], но 24 ноября пришло сообщение о его отставке. Он не смог договориться о признании границы по линии Керзона.

Отставка С. Миколайчика исключила промежуточное для Москвы решение и осложнила решение польского вопроса в духе, благоприятном для англо-американских союзников. В декабре Лондон и Вашингтон были предупреждены о готовящемся признании Советским Союзом люблинского правительства, что означало окончательный отказ от соглашения с лондонскими поляками. Британскому премьер-министру, сообщившему об отставке С. Миколайчика, И. В. Сталин 8 декабря 1944 г. ответил, что для него министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве «теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с

польским народом... Я считаю, что теперь наша задача заключается в том, чтобы поддержать Польский комитет в Люблине и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним»[206].

На просьбу Ф. Рузвельта повременить с признанием Люблинского комитета И. В. Сталин ответил, прибегнув к демагогической ссылке на демократическую процедуру: он-де бессилен выполнить это пожелание, поскольку 27 декабря 1944 г. Верховный совет уже сообщил на запрос поляков, что намерен их признать[207]. Расхождения в польском вопросе между СССР и англо-американскими союзниками сохранялись до Ялты — они признавали разные правительства Польши. Однако подобные разногласия не были в тот момент определяющими в отношениях между союзниками, то есть теми, о которых И. В. Сталин говорил в докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции: «Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав»[208].

После того как была выведена из войны Болгария и советские войска вступили на ее территорию, для Советского Союза открылась возможность содействовать освобождению Югославии. Главной предпосылкой такой возможности была социально-политическая близость с силами, возглавившими югославское вооруженное сопротивление оккупантам. Ими руководил коммунист И. Б. Тито.

29 ноября 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии провозгласило себя верховным органом, совмещающим законодательную и исполнительную власть[209]. Югославский Антифашистский совет национального освобождения (ЮАСНО) в тот же день запретил молодому королю Петру II, жившему в эмиграции в Лондоне, возвращаться в Югославию до конца войны. Было принято постановление, что после войны вопрос о форме правления в стране будет решен всеобщим плебисцитом. Тогда же был образован Национальный комитет освобождения Югославии во главе с И. Б. Тито с функциями временного правительства. К началу 1944 г. в Народно-освободительной армии Югославии у И. Б. Тито было до 300 тыс. человек.

В тот же период советское правительство разрешило сформировать на территории СССР югославскую воинскую часть для вооруженной борьбы против фашистской Германии. Инициатива исходила от оказавшихся в СССР солдат и офицеров югославской армии — перебежчиков и пленных, принудительно мобилизованных немцами на советско-германский фронт. Командиром части был назначен подполковник югославской армии М. Месич. 16 февраля 1944 г. И. Б. Тито и И. Рибар направили им полное энтузиазма приветствие, в котором подчеркивалась глубокая симпатия руководителей антифашистской борьбы в Югославии к Советскому Союзу и Красной армии. В приветствии говорилось: «Вы — первый вооруженный отряд наших народов, который борется за свободу своей родины на советской земле рядом с Красной армией. Расскажите советским народам и их героической армии, как велика наша любовь к ним, как благодарны мы Красной армии за ее авангардную роль в освобождении порабощенных стран»[210].

Вскоре СССР обменялся с главным командованием Народно-освободительной армии Югославии военными миссиями. 5 марта 1944 г. советская миссия во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым прибыла в Югославию[211]. А 12 апреля в Москву прилетел руководитель военной миссии НКОЮ генерал-лейтенант В. Терзич. В составе миссии был коммунист генерал М. Джилас[212]. Было ясно, приехали не просто союзники, а товарищи. На встрече с В. М. Молотовым М. Джилас подчеркнул: «У нас нет никаких секретов от Красной армии» и попросил содействовать в установлении прямой радиосвязи миссии со штабом И. Б. Тито с возможностью пользоваться позывными и шифрами, предоставленными советским командованием[213]. Беседы В. М. Молотова с М. Джиласом имели особый, товарищеский, доверительный тон. Нарком сообщил югославскому генералу, что в переписке И. В. Сталин обещал И. Б. Тито не решать без него македонский вопрос, заметив, что Болгария, захватившая во время войны часть Югославии, является другом врагов СССР, а Югославия — союзницей СССР. Но что в Болгарии «коммунисты не могут отвечать за болгарское правительство»[214].

Визит И. Б. Тито в СССР. Апрель 1945 г.

Далее в беседе речь зашла о политическом и общественном устройстве Югославии после освобождения. В. М. Молотов напомнил: «Сталин тогда написал Тито, что мы против советизации Югославии». М. Джилас согласился: «Ставить сейчас вопрос о советах было бы авантюрой». Он высказался за создание демократической республики, но «не французского, а монгольского типа: промышленные предприятия надо будет отобрать у тех, кто предал народ»[215]. 19 мая В. Терзича и М. Джиласа принял И. В. Сталин[216]. СССР начал оказывать И. Б. Тито военную помощь, политическую и дипломатическую поддержку.

В свою очередь, правительство Великобритании, предоставившее на время войны убежище большинству европейских правительств в изгнании, надеялось, что благодарностью за гостеприимство станет уважение этими странами послевоенных британских интересов. В качестве влиятельного члена тройки великих держав-союзниц У. Черчилль чувствовал себя ответственным за восстановление суверенных прав укрывшихся в Англии правительств. В первую очередь это относилось к Польше. Не в меньшей степени — к Югославии, поскольку Балканы исторически были зоной, в которой Лондон стремился укрепить свое влияние. В то же время У. Черчилль видел, что сила и авторитет на территории Югославии все больше оказываются на стороне руководителя внутреннего вооруженного Сопротивления И. Б. Тито. Активная помощь и хорошие отношения с ним могли способствовать взятой на себя У. Черчиллем миссии. При этом он стремился заручиться содействием советской дипломатии и весной 1944 г. регулярно сообщал В. М. Молотову о своих контактах с И. Б. Тито. Это был посреднический диалог, целью которого являлся поиск договоренностей между И. Б. Тито и королем Петром II. В свою очередь, король Петр II стремился продемонстрировать максимум уважения и симпатии к Советскому Союзу. В официальном сообщении о своем бракосочетании с Александрой Греческой он назвал советских руководителей «Дорогие и Великие друзья»[217].

У. Черчилль знал о непримиримой враждебности между И. Б. Тито и военным министром эмигрантского королевского правительства Д. Михайловичем и старался содействовать удалению его партии из правительства короля. 25 февраля У. Черчилль написал маршалу о своем решении «в качестве первого шага» отозвать английских офицеров связи от Д. Михайловича и интересовался, не повредит ли этот шаг перспективам сближения короля и И. Б. Тито. В заключение У. Черчилль просил его снизить требования к королю[218]. В ответе от 27 марта И. Б. Тито отказался пойти навстречу желанию короля, ссылаясь на закон ЮАСНО от 29 ноября 1943 г.: «Король лишен возможности возвратиться в Ю. до конца войны, когда всеобщим плебисцитом будет решен вопрос о форме правления в стране... Присутствие Драже Михайловича на свадьбе короля Петра произвело самое неблагоприятное впечатление на наш народ»[219].

15 апреля 1944 г. последовало очередное личное послание У. Черчилля В. М. Молотову о беседе с югославским королем Петром II[220]. Накануне У. Черчилль советовал королю немедленно отправить в отставку правительство Б. Пурича и «организовать небольшое правительство... из людей, не особенно приятных Тито, но еще поддерживающих честные отношения с сербским народом». Таким образом, можно было бы устранить неприемлемую для компромисса с И. Б. Тито фигуру — военного министра Д. Михайловича. У. Черчилль писал: «Я рекомендовал королю вести себя тихо. Моя переписка с Тито весьма приятна»[221]. У. Черчилль дал понять, что в вооруженной борьбе с немцами намерен полагаться на И. Б. Тито, ведь «именно он в Югославии борется с Германией».

Ответ В. М. Молотова был сдержанным. Нарком не очень верил в целесообразность договоренностей тогдашнего королевского правительства с И. Б. Тито и не стремился к интенсивному диалогу с британским премьером по югославскому вопросу. В глазах И. В. Сталина решающим стал прямой диалог с И. Б. Тито. В. М. Молотов писал: «Трудно из Москвы судить о том, что могут дать переговоры с королем Петром, который связан с генералом Михайловичем, давно уже полностью дискредитировавшим себя. Изменения в югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу... Соглашение с маршалом Тито было бы действительно в интересах союзников»[222].

Советский Союз усилил политическое и военное содействие И. Б. Тито. В мае 1944 г. немецкий десант в районе Дрвара пытался захватить руководство НКОЮ и верховный штаб югославской армии. На выручку срочно были отправлены советские самолеты, которым удалось спасти маршала и все руководство Народно-освободительной армии Югославии[223].

Советы У. Черчилля королю не пропали даром. 16 июня 1944 г. было заключено соглашение между королевским правительством и И. Б. Тито. Сменивший прежнего премьера И. Шубашич сообщил в обращении к В. М. Молотову 9 июля 1944 г., что создал коалиционное правительство с включением представителей национально-освободительного движения, и предложил перевести советского посла при югославском правительстве из Каира в Лондон, а также назначить югославского посла в Москве «для скорейшего возобновления взаимного сотрудничества»[224].

Это обращение поддержал британский посол А. Керр. Вначале В. М. Молотов ответил уклончиво. В своем послании И. Шубашичу от 15 июня он использовал сослагательное наклонение: «Советское правительство приветствовало бы объединение всех сил, борющихся в Югославии против гитлеровской Германии, против ее ставленников... Недича, Павелича, Михайловича». Но в то же время он написал, что вопрос об обмене послами с югославским правительством в Лондоне «целесообразно было бы рассмотреть позднее»[225].

Однако уже 19 июня, после получения реакции И. Б. Тито на соглашение в Югославии, на повторный запрос И. Шубашича и А. Керра нарком дал положительный ответ и согласился лично встретиться с югославским премьером[226]. Соответствующее письмо И. Б. Тито было написано еще 5 июля, но передано главой военной миссии в Югославии генералом Н. В. Корнеевым только 17 июля. В письме говорилось: «Мы сделаем все, чтобы соглашение провести в жизнь» и избежать гражданской войны в Югославии. Кроме того, И. Б. Тито давал

Встреча И. Б. Тито в Москве

понять, сколь различны интересы двух партий компромисса — королевской, опирающейся на британцев, и коммунистов, контролировавших Народно-освободительную армию и полагающихся на помощь СССР. Маршал предупреждал: «Мы будем твердо защищать те достижения, которые наш народ завоевал столь большими жертвами... Мы придаем большое значение приближению Красной армии к Балканам, т. к. это означало бы предотвращение осуществления этих, для нас роковых, планов». Под роковыми планами подразумевалось восстановление в Югославии довоенного политического и социального строя. И. Б. Тито писал: «Если бы союзники высадились на Балканах, они бы поставили этот вопрос острее», англичане хотят воспрепятствовать созданию демократической федеративной Югославии[227].

В сентябре 1944 г., пройдя через Румынию и Болгарию, Красная армия приблизилась к границам Югославии. 21 сентября И. Б. Тито прилетел в Москву, чтобы договориться о военном взаимодействии. Незадолго до этого был опубликован указ о его награждении высшей советской полководческой наградой — орденом Суворова 1-й степени[228]. У И. Б. Тито были непростые отношения с сербами, поддерживавшими короля Петра II, поэтому он просил советское правительство, «чтобы войска Красной армии перешли границу в Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда»[229].

Красная армия вступила на территорию Югославии в конце сентября 1944 г. Чтобы не осложнять внутреннее положение в югославском Сопротивлении, официально это было представлено как инициатива советского командования, которому требовался плацдарм на югославско-венгерской границе для борьбы против германских и венгерских войск в Венгрии. В соответствующем сообщении ТАСС от 29 сентября 1944 г. говорилось, что советское командование обратилось к НКОЮ и командованию югославской армии с просьбой дать согласие на временное вступление Красной армии на территорию Югославии, граничащую с Венгрией. Югославская сторона согласилась при условии, что «на территории расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ»[230].

Продвижение Красной армии в Болгарии и Югославии было ударом по балканской стратегии У. Черчилля[231], который не мог больше откладывать встречу с И. В. Сталиным в ожидании результатов президентских выборов в США. 9 октября британский премьер-министр в сопровождении министра иностранных дел А. Идена прилетел в Москву. Одной из целей их визита было обсуждение ситуации на Балканах, которые британцы не хотели бы выпустить из сферы своего влияния. А. Иден сказал В. М. Молотову, что он «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено». Одной из претензий Лондона к Москве являлся визит И. Б. Тито к И. В. Сталину. «Несколько месяцев назад Тито нашел убежище на острове Вис под охраной британцев, — пояснил А. Иден. — Британское правительство вооружало Тито и спасло его от гибели. Но тот, не уведомив Лондон, поехал в Москву и заключил соглашение о болгарских войсках в Югославии»[232], в то время как британцы не хотели бы, чтобы присоединение воевавшей против них Болгарии к антигерманскому лагерю произошло столь естественным образом.

Через несколько дней, добившись признания советских интересов в Болгарии, В. М. Молотов изложил суть соответствующих договоренностей И. В. Сталина и И. Б. Тито. Сославшись на условия соглашения с союзниками о невозможности нахождения болгарских войск на территории Югославии без одобрения на то советского командования и маршала И. Б. Тито, нарком заявил: «Такое согласие имеется. Это тем более выгодно потому, что это вредно немцам»[233].

Между советской и британской дипломатиями начался активный торг за влияние на дела в балканских государствах, включая Югославию, на завершающем этапе войны. Из предыдущей переписки У. Черчилля с В. М. Молотовым и И. Б. Тито можно понять, что договоренность о процентном соотношении интересов была нужна британскому премьеру, в частности, как заявка на участие в политическом урегулировании в Югославии в период освобождения. Лондон отстаивал интересы королевского правительства, надеясь обеспечить тому политическую роль и место в Югославии в период освобождения. В результате

дискуссий В. М. Молотова с А. Иденом договорились о равном влиянии и Великобритании в Югославии. Первостепенным в тот момент для Москвы было решение о влиянии в Болгарии в пользу СССР[234].

Позже стороны вернулись к вопросу о судьбе югославского королевского правительства. В. М. Молотов не возражал против того, чтобы И. Б. Тито встретился с И. Шубашичем и чтобы вместе с А. Иденом обратиться к ним обоим с выражением одобрения их встречи и пожеланием достигнуть договоренности между собой[235].

20 октября 1944 г. советскими и югославскими войсками был освобожден Белград. В боях за город погибли 8 тыс. советских солдат и офицеров. Руководство НКОЮ переехало в столицу, где 1 ноября 1944 г. И. Б. Тито и И. Шубашичем было подписано соглашение об образовании единого югославского правительства. Вопрос о государственном строе послевоенной Югославии был оставлен до достижения окончательной победы над Германией.

18 ноября И. Шубашич, совмещавший функции премьер-министра и министра иностранных дел королевского югославского правительства, прибыл в Москву вместе с заместителем председателя НКОЮ Э. Карделем[236]. 23 ноября их принял И. В. Сталин. Он одобрил образование объединенного югославского правительства на основании соглашения, заключенного И. Б. Тито и И. Шубашичем, считая его необходимым для «объединения всех истинно демократических народных сил в борьбе против общего врага и в создании федеративной Югославии»[237].

Советский Союз и Франция

В начале 1944 г. подготовка к открытию второго фронта во Франции вступила в завершающую стадию. Союзники спешили договориться о возможности восстановления французского суверенитета на освобождаемой территории. 16 января 1944 г. В. М. Молотов получил проект заявления от имени правительств США, Великобритании и СССР относительно Франции. Его предполагалось опубликовать после того, как верховное союзное главкомандование выработает мероприятия для осуществления связи с властями оккупированных стран (французскими, голландскими, бельгийскими, норвежскими) для ведения гражданских дел на период вторжения.

17 января 1944 г. британский поверенный в делах Д. Бальфур попросил, чтобы инструкции для обсуждения проекта «Основной схемы управления освобожденной Францией», подготовленного союзниками, были даны Москвой советскому представителю в ЕКК Ф. Т. Гусеву как можно скорее, «желательно в ближайшие дни»[238].

Еще в марте 1943 г. Комиссия по вопросам перемирия (комиссия К. Е. Ворошилова) обсудила первоначальный проект, а также текст Декларации трех правительств, переданный В. М. Молотову послом США А. Гарриманом. Комиссия в оба проекта внесла поправки, имевшие принципиальное значение. Они должны были ограничить компетенцию англо-американской военной администрации на французской территории и обеспечить политические интересы Французского комитета национального освобождения и ФКП — первой партии внутреннего Сопротивления — в ходе и после вторжения союзников. В то же время СССР не доверял профессиональным французским военным, людям правых убеждений и, возможно, более терпимым к маршалу А. Петэну, чем к коммунистам. Поэтому в Москве первоначально склонны были отдавать предпочтение ФКНО, созданному на основе внутреннего Сопротивления.

Советский проект «Основной схемы управления освобожденной Франции» отличался от англо-американского тем, что более активная роль в создании гражданской администрации во Франции в нем отводилась внутреннему Сопротивлению (ФКНО с участием коммунистов). В советском варианте говорилось: «При вступлении на французскую территорию одной из

первых задач верховного союзного главнокомандующего будет... установление тесной связи с группами сопротивления внутри Франции, оказание этим группам всемерной поддержки и обеспечение сотрудничества как по военным, так и по гражданским вопросам... Верховный главнокомандующий... не должен иметь дел и отношений с режимом Виши, за исключением задачи по его ликвидации». Для усиления акцента на борьбу с вишистами в советском проекте говорилось о необходимости беспощадной борьбы французских патриотов также и против пособников немецких захватчиков[239].

Впрочем, И. В. Сталин не доверил бы принципиальные политические вопросы и англо-американскому военному командованию, предпочитая оставлять их в компетенции союзных правительств: в большой тройке он мог отстаивать свои интересы лучше, чем перед лицом не подчиненных ему военных властей союзников. Поэтому московский проект трехсторонней правительственной декларации к французскому народу отличался от варианта, предложенного США. Во-первых, высадка союзных войск во Франции не рассматривалась в нем как военная оккупация страны; во-вторых, была гарантирована передача гражданского управления французам уже по мере освобождения французской территории. Американский же вариант лишь допускал такую передачу, «поскольку это возможно», оставляя вопрос на усмотрение главнокомандующего[240].

В варианте, предложенном Москвой, предусматривалось создание (а не восстановление, как предлагали американцы) французского правительства и национальной администрации в освобожденных районах. ФКНО, по мнению СССР, имел «больше оснований, чем главнокомандующий французских войск или французские военные власти, о которых говорилось в пункте 3 англо-американской схемы, представлять интересы французского народа». Как и в случае Бельгии, советский вариант предусматривал назначение французами (ФКНО, а не военными властями) по согласованию с тремя союзными правительствами комиссара по гражданским делам вместо представителей Французской военной миссии связи, предложенных англо-американским проектом. В Москве считали, что «поскольку освобождение Франции является делом союзных правительств, постольку и решение вопроса о том, когда должен быть снят военный контроль над гражданской администрацией Франции, должно быть отнесено к компетенции этих правительств». В англо-американском проекте говорилось: «Верховный главнокомандующий должен поддерживать равновесие между различными политическими группами» внутри страны. В Москве внесли поправку: «Поскольку раздробленность политических партий и групп всегда являлась отрицательным моментом политической жизни Франции, задачей (союзного главнокомандующего) является в сотрудничестве с ФКНО принять все меры к максимально возможному объединению всех тех групп и партий, которые сочувствуют делу союзников».

СССР стремился в период освобождения кардинально подорвать позиции антикоммунистических правых сил, поддерживавших режим Виши, поэтому в советский проект было добавлено предложение «считать враждебным делу Объединенных Наций сотрудничество французских граждан как с немцами, так и с режимом Виши, и заменить этим указание союзниками на французов, которые сотрудничали с врагом»[241].

Проект союзников, исправленный с учетом советских замечаний, был передан Ф. Т. Гусеву в марте 1944 г. Дальнейшая работа над проектом «Основной схемы управления освобожденной Францией» разворачивалась с апреля по ноябрь 1944 г.[242] и была поручена Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при Наркоминделе (комиссия М. М. Литвинова), составленной из патриархов советской дипломатии: М. М. Литвинова, С. А. Лозовского, Д. З. Мануильского.

Выступление М. М. Литвинова на одном из первых обсуждений записки «Об обращении с Францией» отразило двойственность его позиции: «Франция так низко пала, как никогда еще ни одна великая держава. Правда, благодаря инициативе де Голля отдельные французские патриотические элементы стали собирать национальные силы за границей и в некоторой мере приобщились к борьбе против Германии. Это, однако, отнюдь не искупает вины Франции как государства... Вопрос в том, должны ли мы поднять Францию из той пропасти,

в которую она свалилась, и помочь ей стать вновь на ноги и как ни в чем не бывало вновь облечься в тогу великой державы... в интересах ли нашего государства искусственное возрождение Франции, можем ли мы рассчитывать на более успешное сотрудничество с ней... и будет ли она на нашей стороне при тех расхождениях между Объединенными Нациями, которые могут и, вероятно, будут иметь место по окончании войны». М. М. Литвинов далее напомнил: «Де Голль на днях заявил, что в случае расхождения демократий с СССР Франция должна занять свое место в борьбе за интересы Западной Европы»[243].

Однако необходимо было принять во внимание, что в то время политический замысел И. В. Сталина в отношении Франции отвечал державной логике, соответствующей интересам союзничества с западными демократиями и геополитическим интересам СССР после войны. Преобразования внутри ФКНО, признание Ш. де Голля в качестве его руководителя, объединение «Сражающейся Франции» и сил внутреннего Сопротивления — все эти события разрушали догматические схемы в духе классового подхода и открывали новые перспективы политического переустройства Западной Европы. Сам же М. М. Литвинов напомнил: «Наша комиссия с одобрения правительства должна подготовлять свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»[244].

Французский вопрос надлежало решать, исходя из геополитических интересов СССР. С. А. Лозовский выступил в пользу восстановления международного веса Франции, считая необходимым поддержать эту страну в качестве противовеса британскому послевоенному преобладанию в Западной Европе, сыграв на неминуемых англо-французских империалистических противоречиях. Советские интересы в этом случае представлялись зеркальным отражением британских. У. Черчилль также вступался за Ш. де Голля, поскольку возрождение Франции после освобождения могло стать противовесом непререкаемому континентальному могуществу СССР. С. А. Лозовский заметил: «Крест ставить на Франции нельзя. В интересах ли Советского Союза не поддерживать возрождения Франции, как силы... которая может оказать известное противодействие Англии?» И предсказал, что противоречия незамедлительно возникнут из-за политики Англии по развалу Французской империи[245]. Д. З. Мануильский поддержал коллегу: «Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан. Мы должны разжигать в ней (Франции. — *Прим. ред.*) стремление стать великой державой».

М. М. Литвинов относился строже прочих к Франции, призывая не слишком полагаться на ее лояльность в будущем: «Несомненно, Англия и США будут выталкивать Францию и стараться дать ей пятое место в директории. Это значит, что Англия будет иметь два голоса и Америка будет иметь два голоса, свой и Китая. Вокруг Франции всегда будут группироваться все европейские малые державы»[246]. Бывший министр лучше других мог оценить беспрецедентные геополитические возможности, открывшиеся советской дипломатии благодаря ее победоносным армиям. «Мы сейчас должны дорожить авантажным... положением единственной сухопутной державы в Европе, и мы ни с кем этого положения делить не должны. Ничего мы авансом Франции давать не должны, в особенности того, чего нельзя взять обратно»[247]. М. М. Литвинов писал: «Де Голль предъявляет претензии на участие в послевоенной директории. Мы должны решительно противодействовать таким претензиям. Нас не должны вводить в заблуждение никакие французские дружественные жесты вроде посылки в Москву Пьера Кота, имеющие лишь целью дразнить, пугать или склонить к уступкам Англию и Америку, с которыми Франция в основном будет, по всей вероятности, сотрудничать против нас»[248].

В то же время М. М. Литвинов допускал другой сценарий, учтенный в советском проекте «Об обращении с Францией»: «Не исключается возможность, что Франция пойдет другим путем, и там установится власть, на дружбу с которой мы сможем прочно рассчитывать... Надо поддерживать с Алжирским комитетом (ФКНО. — *Прим. ред.*) и с французскими властями, которые придут ему на смену, наилучшие отношения, не скупясь на заявления о дружбе и общности интересов»[249]. Столь разноречивые суждения М. М. Литвинова в рамках одного и того же проекта продиктованы осторожностью, вытекающей из шаткости его собственного

положения и неизбежной в условиях не определившегося еще вектора развития политической ситуации во Франции.

Между тем приближение высадки союзников и освобождения страны, а также рост политического авторитета Ш. де Голля выдвинули на первый план вопросы дипломатической стратегии. Будущие советско-французские отношения должны были определяться геополитическими расчетами.

Г. Димитров рекомендовал коммунистам — членам ФКНО А. Марти и Р. Гюйо воздержаться от мелочных придирок к Ш. де Голлю внутри комитета, сосредоточившись на основных вопросах ведения войны, включавших создание боеспособной французской армии для борьбы с немцами, помощь внутреннему вооруженному Сопротивлению и чистку армии и государственного аппарата от коллаборационистов. Обсуждение коммунистического проекта новой конституции Франции Г. Димитров назвал преждевременным. В центре внимания коммунистов должны были стоять задачи борьбы с оккупантами и освобождения страны. Участие в широком антифашистском фронте было главным залогом расширения политического авторитета компартии.

Требовалось устранить сомнения в патриотической природе ФКП и даже рекомендовалось не выказывать «излишнее усердие в защите СССР, чтобы не давать возможности противникам представлять ФКП как агентуру Москвы», но отстаивать франко-советскую дружбу как основу восстановления внешнеполитического веса страны[250]. Советское руководство стремилось приложить все усилия, чтобы в ходе освобождения Франция не превратилась в зону ответственности англо-американского военного командования, проводя линию на признание суверенных прав ФКНО.

События ускорялись, высадка союзников в Нормандии была близка, и 11 апреля 1944 г. советник посольства США в Москве М. Гамильтон (в отсутствие А. Гарримана) «в срочном порядке» поставил перед В. М. Молотовым вопрос об отношении СССР к американскому проекту директивы на случай занятия французской территории[251].

3 июня 1944 г., за три дня до высадки союзников во Франции, Французский комитет национального освобождения во главе с Ш. де Голлем провозгласил себя временным правительством Французской Республики (ВПФР), не дожидаясь политического решения трех великих держав.

Первые военные успехи союзников в Нормандии и перспектива освобождения Франции поставили на повестку дня вопрос о признании правительства Ш. де Голля. 28 июня А. Гарриман известил В. М. Молотова, что Ш. де Голль собирается посетить США. Нарком ответил, что в отношениях с ВПФР советское правительство решило присоединиться к той позиции, которую займут правительства Великобритании и США. А. Гарриман, в свою очередь, заметил, что В. М. Молотов «оставляет им самые трудные проблемы», намекая на трудности переговоров с Ш. де Голлем. В. М. Молотов парировал, что в настоящий момент «имеются более трудные проблемы»[252]. В самом деле, в отношениях с союзниками вопрос о политическом положении во Франции не фигурировал в перечне наиболее острых, таких как положение на Балканах или в Польше.

В. М. Молотов знал, что вопрос о поездке Ш. де Голля в Москву неоднократно поднимался французской стороной с осени 1942 г., но И. В. Сталин не спешил встречаться в главой «Сражающейся Франции», и непосредственная подготовка к визиту началась только с августа 1944 г. по инициативе Ш. де Голля. Директор по политическим вопросам французского МИДа М. Дежан сообщил сотруднику советского представительства в Алжире, что после своих поездок в Лондон и Вашингтон председатель ВПФР был бы рад посетить СССР в случае, если из Москвы последует соответствующее приглашение[253].

16 октября, во время визита У. Черчилля в Москву, А. Иден вручил В. М. Молотову меморандум о признании администрации Ш. де Голля временным правительством. Советский нарком тогда еще выразил недовольство публикациями в английской прессе о якобы имеющемся несогласии на этот счет у США и СССР, заявив, что Москва одобрила согласованное заявление о признании. В нем сообщалось, что «французская администрация пользуется,

Встреча Ш. де Голля в Москве

по-видимому, поддержкой большинства населения, хорошо сотрудничает с союзным верховным командованием и прилагает все силы для восстановления демократической основы французской политической жизни» и что генерал Д. Эйзенхауэр «готов согласиться на просьбу французской администрации об объявлении большей части Франции «внутренней зоной», в которой ответственность за гражданскую администрацию стала бы полностью делом французских властей». Британское правительство высказало надежду, что «советское правительство также пожелает признать французскую администрацию временным правительством Франции и условиться... о том, чтобы соответствующие сообщения о признании были объявлены одновременно»[254].

23 октября 1944 г. советский полпред во Франции А. Е. Богомолов адресовал министру иностранных дел ВПФР Ж. Бидо заявление о том, что Советский Союз, «неизменно дружественно относясь к демократической Франции, приветствует» решения англо-американских союзников, подписавших с французскими властями соглашение «об установлении внутренней зоны Франции, включая Париж, под управлением французской администрации». Одновременно с правительствами США и Великобритании Советский Союз сделал заявление о признании временного правительства. Советским послом во Франции был назначен А. Е. Богомолов[255].

Первыми плодами этого признания для советской стороны стал закон ВПФР об амнистии, опубликованный 29 октября. В силу этого закона генеральному секретарю ФКП М. Торезу, который провел военные годы в Москве и Куйбышеве, было позволено беспрепятственно вернуться во Францию.

Подписание договора о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией

Советское правительство согласилось на приглашение ВПФР принять участие в Европейской консультативной комиссии «в качестве четвертого постоянного члена»[256]. Соответствующее совместное заявление трех послов союзных держав во Франции было сделано 11 ноября 1944 г.

Ш. де Голль хотел лично встретиться с И. В. Сталиным. Его целью было заключение с СССР договора о союзе против фашистской Германии и обсуждение германского и польского вопросов. Голлистская «политика престижа» требовала участия в становлении послевоенной Европы. Приглашение посетить СССР было передано Ш. де Голлю через посла А. Е. Богомолова 13 ноября, и уже 24 ноября Ш. де Голль отправился в СССР через Каир, Тегеран и Баку. По пути в Москву он захотел увидеть Сталинград. Его речь на развалинах города была призвана подчеркнуть принадлежность «Сражающейся Франции» к Объединенным Нациям и напомнить о ее участии в борьбе против Германии. Ш. де Голль передал от «сражающегося французского народа» привет «героическому Сталинграду — символу наших общих побед над врагом»[257].

Ш. де Голль прибыл в Москву 2 декабря. В тот же день французская сторона передала В. М. Молотову свой проект договора, который содержал напоминание о прежнем франко-советском пакте 1932 г. и включал заявление о невмешательстве во внутренние дела друг друга и заключение двусторонней военной конвенции. Эти положения были отклонены советской стороной, передавшей собственный проект 5 декабря[258]. Он содержал важное для СССР условие, взятое из англо-советского договора, об обязательстве не вступать ни в какие союзы, направленные против другой стороны.

Но камнем преткновения в переговорах стал польский вопрос. Граница Польши по линии Керзона на востоке и по Одеру — Нейсе на западе возражений у французской делегации не вызывала. Но И. В. Сталин хотел добиться от Ш. де Голля фактического признания люблинского правительства в обход эмигрантского правительства в Лондоне, признаваемого англо-американскими союзниками. Как раз во время визита Ш. де Голля, 6 декабря, в Москву прибыли Б. Берут и Э. Осубка-Моравский, и момент был подходящим для начала двусторонних контактов при советском посредничестве. И. В. Сталин и В. М. Молотов настаивали на том, чтобы ВПФР согласилось направить своего представителя в Люблин, с чем Ш. де Голль первоначально был категорически не согласен, поскольку намеревался отстаивать именно интересы польского правительства в изгнании.

Неуступчивость Ш. де Голля осложнила переговоры по главному для него вопросу — о союзническом договоре против Германии. У главы советского правительства был припасен неожиданный козырь. Он сообщил Ш. де Голлю о предложении У. Черчилля заключить вместо двустороннего договора Москвы с Парижем трехстороннее англо-франко-советское соглашение. Ш. де Голль оказался в двусмысленном положении, поскольку не был информирован Лондоном об этой инициативе. Тем самым хозяева напомнили гостю об относительной слабости международных позиций французского правительства в кругу грандов Объединенных Наций. Представителям Франции пришлось в срочном порядке искать аргументы для вежливого отклонения британского предложения.

Наконец, на встрече 8 декабря И. В. Сталин прямо связал заключение столь важного для Ш. де Голля двустороннего советско-французского договора с признанием французской стороной Люблинского комитета[259]. Визит подходил к концу, а переговоры грозили закончиться безрезультатно. 9 декабря дипломаты вернулись за стол переговоров. Ш. де Голль понял, что уважение прав польского правительства в Лондоне будет стоить его стране проваленного союзного договора с СССР. С оговорками ему пришлось согласиться на делегирование в Люблин в неофициальном порядке К. Фуше. При этом Ш. де Голль отказался внести в текст официального заявления фразу о том, что ВПФР и ПКНО согласились обменяться представителями. По распоряжению Ш. де Голля сообщение, указывавшее лишь на то, что «полковник Фуше направлен в Люблин», было опубликовано только через 15 дней после возвращения генерала из Москвы, чтобы скрыть прямую связь между договором и уступками в польском вопросе[260].

Таким образом, Ш. де Голль стал первым из западных союзников, сделавшим шаг навстречу ПКНО. Компромисс удовлетворил И. В. Сталина, и 10 декабря 1944 г. советско-французский договор был подписан[261]. Одна из главных целей французской делегации была достигнута. Франко-советский договор о союзе сроком на 20 лет[262], как и англо-советский союзный договор 1942 г., был направлен исключительно против фашистской Германии. Стороны обязались не участвовать в союзах и коалициях, направленных против одной из них, вести войну с Германией до победного конца, оказывать друг другу немедленную военную помощь «всеми находящимися в распоряжении средствами» в случае немецкой агрессии против одной из договаривающихся держав, в том числе и превентивную, а также оказывать друг другу экономическое содействие. Ш. де Голлю не удалось добиться от И. В. Сталина поддержки плана отторжения от Германии Рура и Рейнской области. Зато ему была обеспечена лояльность первой силы внутреннего Сопротивления — французской компартии. Восстановление международного веса Франции было для И. В. Сталина одной из гарантий против возрождения германской угрозы и американо-британского контроля над Западной Европой.

В то время как Ш. де Голль направлялся в Москву, И. В. Сталин, напутствуя М. Тореза перед отъездом во Францию, в личной беседе 19 ноября 1944 г. изложил свое видение ситуации во Франции. Главной задачей он назвал создание широкого левого блока против реакции, поэтому коммунисты должны были отказаться от линии, которая могла бы привести к расколу антифашистских патриотических сил. В частности, им рекомендовалось согласиться на разоружение своих отрядов. Оружие, впрочем, И. В. Сталин советовал не сдавать, а припрятать. Он настаивал на необходимости изменения тактики французских коммунистов: «Коммунисты стараются сохранить милицию. А это не пройдет. Создано правительство, которое признано Великобританией, Советским Союзом, Соединенными Штатами и другими державами, а коммунисты продолжают действовать по инерции. Между тем положение новое, другое, оно дало шансы де Голлю. Положение изменилось, и нужно сделать поворот. Коммунистическая партия не так сильна, чтобы она могла ударить правительство по голове. Она должна накапливать силы и искать союзников. Нужно принять меры к тому, чтобы в случае наступления реакции коммунисты могли иметь надежную оборону и могли бы сказать, что реакция нападает не на коммунистов, а на народ. Если же положение изменится к лучшему, то сплоченные вокруг партии силы пригодятся ей для наступления»[263]. М. Торез разделял геополитическое видение будущего Франции и с позицией И. В. Сталина, и с позицией Ш. де Голля и высказался за то, что его страна должна иметь сильную армию. И. В. Сталин добавил к этому только совет коммунистам «иметь в армии своих людей»[264].

В целом обстоятельства и результаты встречи Ш. де Голля с И. В. Сталиным создавали благоприятные предпосылки для послевоенного двустороннего сотрудничества в решении европейских задач советской внешней политики. Для обоих лидеров речь шла прежде всего о противодействии возможному повторению англо-американской политики 1920–1930-х гг. в германском вопросе.

СССР и германский вопрос

Подобно тому как главной задачей советской внешней политики в период освобождения было обеспечение скорейшего и полного разгрома фашистской Германии, центральным вопросом перспективного планирования являлось обращение с побежденной Германией. Мало было победить Германию и обеспечить Советскому Союзу плоды победы, требовалось исключить возможность германской агрессии против СССР на будущие десятилетия.

Разработкой проектов соглашений с побежденными странами была призвана заниматься Комиссия по вопросам перемирия под руководством К. Е. Ворошилова. Планы относительно Германии на период оккупации и после войны разрабатывала Комиссия по подготовке мир-

ных договоров и послевоенного устройства под руководством М. М. Литвинова. Присущая ему органика понимания смысла и фундаментальных целей советской дипломатии делает материалы, представленные бывшим наркомом, ценным свидетельством внешнеполитических замыслов Москвы.

В феврале 1944 г. М. М. Литвинов очертил круг вопросов, подлежащих изучению: разоружение Германии, изменение границ, государственное переустройство. 2 марта В. М. Молотову была представлена записка «Об обращении с Германией». В ней предусматривалось прежде всего разоружение и уничтожение германской военной промышленности. Державам-победительницам предстояло «сейчас же по заключении перемирия или еще до него создать военную комиссию по детальной разработке принципов разоружения Германии» и создать из представителей трех союзных правительств Главную контрольную комиссию для наблюдения за выполнением принимаемых решений. Проект М. М. Литвинова предусматривал единогласие в принятии принципиальных решений комиссии, что давало СССР наряду с союзниками право вето[265].

Поскольку материалы составлялись для Ф. Т. Гусева ввиду постановки в Европейской консультативной комиссии вопроса о расчленении Германии, для М. М. Литвинова важен был вопрос о сужении ее послевоенных границ. Проект предусматривал «отторжение таких территорий, которые перестанут быть немецкими землями и будут включены в состав соседних с Германией государств, имея в виду как территорию нынешней объединенной, так и возможную в будущем расчлененную Германию: Восточную Пруссию, Силезию, Шлезвиг»[266].

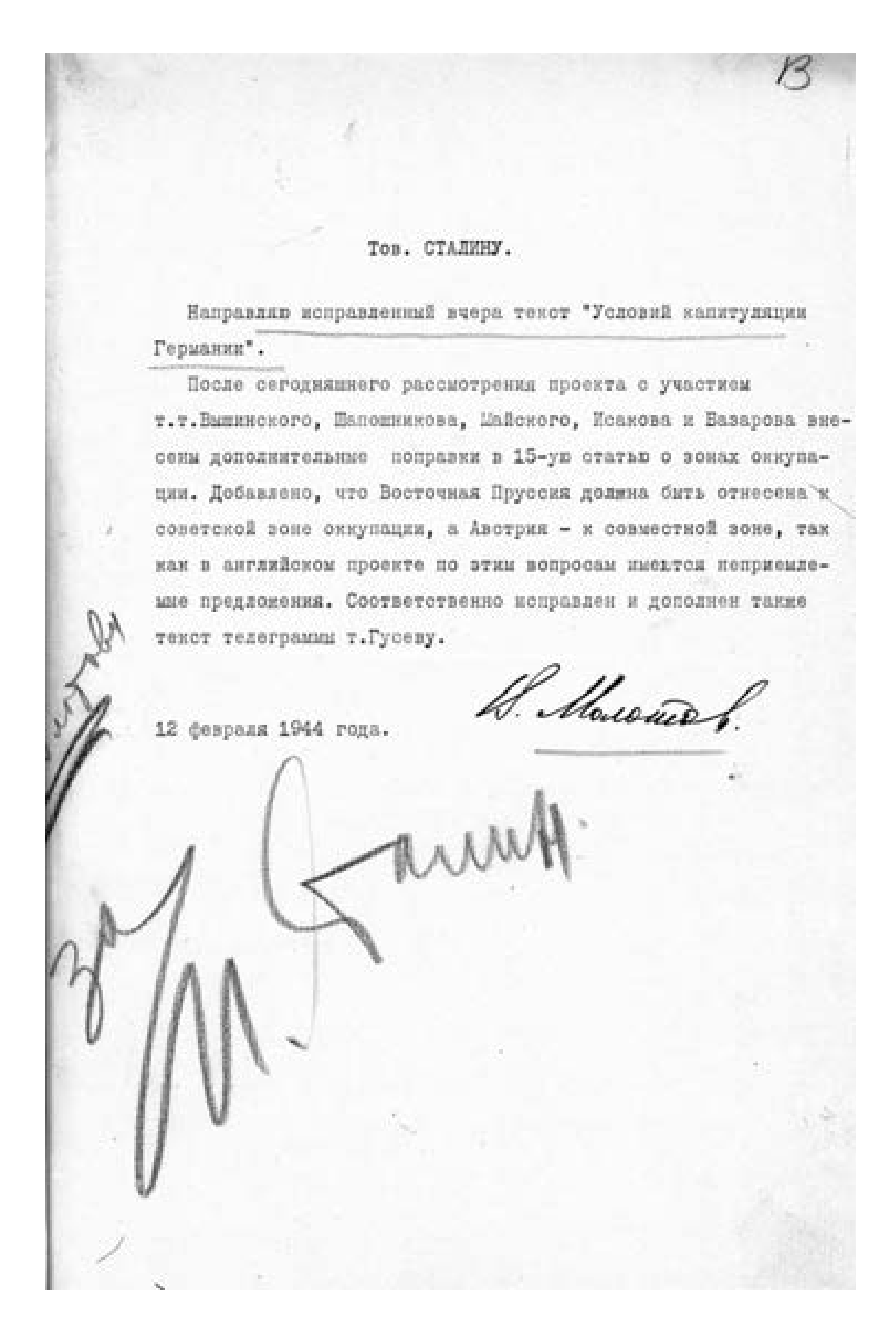
Далее в записке подробно рассмотрены планы передела границ Германии в пользу СССР и стран Восточной Европы. М. М. Литвинов предусматривал отторжение территорий, которые «перестанут быть немецкими землями». Он писал о желании англичан передать Польше Восточную Пруссию, поскольку еще после Первой мировой войны создание независимой Польши не мыслилось без присоединения Восточной Пруссии. Советская позиция в этом вопросе противостояла британской. М. М. Литвинов представил аргументацию этих возражений: «Поляки меньше всего могут подкрепить свои притязания на Восточную Пруссию доводами этнографического порядка». Речь шла о соображениях стратегического характера.

Далее М. М. Литвинов развил тезис о близости населения Восточной Пруссии к Литве и заключил: «Приобщение Кёнигсберга к литовской этнографической территории оказало бы большое влияние на дальнейшее развитие литовской национальности»[267]. Мемельскую область планировалось включить в состав советской Литвы, а границу Литвы «отодвинуть еще дальше на запад», причем М. М. Литвинов предлагал включить в состав Литвы Кёнигсберг и восточную часть Мазурских озер[268].

Следующим пунктом шел раздел Верхней Силезии в пользу Чехословакии: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину, тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»[269].

Несмотря на ссылки в предыдущем пункте на этнические и исторические факторы, они требовались лишь для подкрепления в случае необходимости позиции Москвы, но вовсе не были органичными советскому решению проблемы границ. Речь шла о правах победителей в отношении побежденного агрессора. М. М. Литвинов предвидел, что «любой мирный договор, который будет продиктован побежденной Германии, способен вызвать идею реванша. Задача в том, чтобы сделать невозможным осуществление этой идеи, и без ущемления интересов немцев здесь не обойтись. К тому же возможное переселение немцев из отторгаемых земель уменьшит, если совершенно не предупредит предмет движения ирредентизма»[270].

Наряду со стратегическим вторым центральным фактором удовлетворения территориальных интересов восточноевропейских стран за счет Германии и ее сателлитов были перспективы развития внутриполитической ситуации и отношения их правительств к СССР. В частности, М. М. Литвинов писал о возможности передачи Верхней Силезии и Восточной Пруссии Польше «при условии обеспечения со стороны последней добрососедских и дружественных отношений к СССР», на которые, впрочем, не особенно надеялись в Москве, пока интересы Польши представляло эмигрантское правительство С. Миколайчика.

13

Тов. СТАЛИНУ.

Направляю исправленный вчера текст "Условий капитуляции Германии".

После сегодняшнего рассмотрения проекта с участием т.т.Вышинского, Шапошникова, Шайского, Исакова и Базарова внесены дополнительные поправки в 15-ую статью о зонах оккупации. Добавлено, что Восточная Пруссия должна быть отнесена к советской зоне оккупации, а Австрия – к совместной зоне, так как в английском проекте по этим вопросам имеются неприемлемые предложения. Соответственно исправлен и дополнен также текст телеграммы т.Гусеву.

В. Молотов.

12 февраля 1944 года.

За И. Сталин

Записка В. М. Молотова И. В. Сталину

М. М. Литвинов не сомневался, что разделение Восточной Пруссии между Польшей и СССР и Верхней Силезии между Польшей и Чехословакией вызовет «бурные протесты со стороны Польши, но с ними считаться не приходится, Польша не будет считать себя удовлетворенной даже в случае получения всей Восточной Пруссии и всей Верхней Силезии», поскольку ей придется также смириться с новой восточной границей по линии Керзона[271].

В том же духе другой член комиссии С. А. Лозовский переключал обсуждение вопроса о передаче Трансильвании, населенной преимущественно венграми, от Венгрии к Румынии с исторических рассуждений на сущность вопроса: «Нам нужно исходить не из того, какая была расстановка сил по отношению к России, а из того, какова их позиция по отношению к СССР. Это — классовый вопрос, а не национально-территориальный»[272]. Вопреки предположениям союзники в целом согласились с подобным подходом.

При подготовке материалов для возможного обсуждения с союзниками присоединения Мемельской области к СССР предполагалось сослаться не столько на национальный принцип, сколько на право победителя по отношению к агрессору. В материалах комиссии М. М. Литвинова записано: «Мемельская область по своему национальному составу, бесспорно, является областью по преимуществу литовской... Руководствуясь принципом, что от Германии должны быть в первую очередь отобраны все территории, которые Гитлер после своего прихода к власти захватил путем насилия и давления, следует признать не имеющим никакой силы и кабальное соглашение, навязанное Гитлером Литве 22.III.1939 года, автоматически перешедшее к СССР по наследству после вступления Литвы в состав СССР»[273].

Помимо отторжения частей немецкой территории в пользу жертв гитлеровской агрессии М. М. Литвинов предусматривал расчленение Германского государства: «Нынешнее централизованное унитарное устройство Германии не может быть более терпимо... Действительное эффективное препятствие возрождению германского военного потенциала может быть создано только расчленением Германии, т. е. разделением ее на совершенно независимые государства». Внутриполитические преобразования, согласно записке Литвинова, должны были предусматривать создание демократического режима в Германии[274].

15 августа 1944 г. В. М. Молотову была отослана отдельная записка М. М. Литвинова «о перевоспитании германского народа», которым предстоит заняться союзникам после оккупации. «Англо-американцы этим уже занимаются. Если мы не займемся этим делом, то, очевидно, вся воспитательная часть в Германии окажется в руках американцев и англичан»[275]. Советской стороне надлежало подумать над тем, чтобы подготовить кадры и учебники для немецких школ и, возможно, согласовывать учебники с союзниками, если они будут предназначены не только для советской зоны оккупации. Это предложение — свидетельство того, что в дипломатических кругах СССР были те, кто допускал, как М. М. Литвинов, что союзническое сотрудничество не прервется с разгромом Германии.

Что касается вопроса о внутриполитическом режиме будущей Германии, то основой для советской позиции стали заключения комиссии К. Е. Ворошилова, взаимодействовавшей с советской частью Союзной контрольной комиссии в Германии. Комиссия К. Е. Ворошилова приступила к работе над подробным проектом документа о безоговорочной капитуляции Германии после завершения работы над первоначальными проектами условий капитуляции ее сателлитов. К тому времени, с января 1944 г., в Лондоне начала работу ЕКК, учрежденная решением Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав. Тогда же в ЕКК были переданы американский и британский проекты. Встал вопрос о советских условиях. Краткие, в основном военные условия проекта комиссии К. Е. Ворошилова были утверждены на заседании ЦК ВКП(б) и 13 февраля посланы Ф. Т. Гусеву для представления в ЕКК.

Одновременно шла работа по составлению более детальных проектов документов по нескольким группам вопросов, не вошедших в краткий проект. К ним относились дополнительные военные условия; условия возвращения военнопленных, насильственно уведенных и интернированных граждан Объединенных Наций; документы о ликвидации нацистского режима, выдаче военных преступников и контроле союзников над отношениями Германии

с другими странами; проект условий, касающихся экономики и обязательств по репарациям и реституции; проект протоколов об оккупации Германии и Австрии. Эти проекты были представлены В. М. Молотову по мере завершения, с апреля по ноябрь 1944 г.[276]

Советский проект условий капитуляции Германии был основан на принципе безоговорочной капитуляции. Он обсуждался на четвертом заседании ЕКК 6 марта 1944 г., и уже 17 марта представитель Великобритании У. Стрэнг подтвердил, что в этом пункте между союзниками достигнуто согласие[277].

Открывая обсуждение вопроса о будущем политическом устройстве Германии, К. Е. Ворошилов заметил, что надо различать две проблемы: ликвидировать в Германии нацистский режим и создать при помощи германского народа новые демократические органы управления. Эта работа, разумеется, должна проходить под постоянным руководством и контролем союзников, «отрицать же полностью возможность участия немцев в создании таких органов нельзя, ибо невозможно управлять 70-миллионным населением без помощи со стороны самого этого населения»[278].

К. Е. Ворошилов указал, что для успеха военной оккупации Германии необходимо согласие между союзниками и полное единство их требований к побежденным. «Нужна прежде всего сила и не только сила оружия, но и сила организации... Союзники должны организовать оккупацию Германии и контроль за деятельностью германских властей так, чтобы немцы не смогли использовать в своих интересах разногласия между союзниками или даже частичную несогласованность в отдельных вопросах». Для этой цели он предлагал создать единый консультативный орган, уполномоченный предварительно согласовать мероприятия, касающиеся всей Германии, прежде чем они будут предъявлены для выполнения германскому правительству[279].

1 июня 1944 г. К. Е. Ворошилов представил записку с изложением принципиальных отличий советского проекта условий капитуляции Германии от проектов союзников.

Во-первых, советский проект содержал указания на то, что все сданное Германией союзникам вооружение, военные корабли, боеприпасы и военное имущество являются военной добычей правительств СССР, Великобритании и США. Как видно, история с переходом военного флота Италии под контроль англо-американцев не прошла бесследно.

Во-вторых, подробно рассматривался вопрос о выплате Германией компенсаций военнопленным. Статьями 12 и 13 предусматривалось обязательство каждому союзному военнопленному выплатить то вознаграждение, которое причиталось ему за время нахождения в плену; каждому союзному гражданину, занятому на принудительных работах в Германии, — вознаграждение, исходя из ставок, установленных для германских рабочих соответствующей квалификации. Статья 14 указывала, что сумма этого вознаграждения должна быть включена в сумму репараций[280].

Третья группа проблем касалась денацификации и наказания военных преступников. Советская редакция статей 1–3 требовала полной ликвидации не только нацистской партии, но и всех примыкавших к ней организаций. Английский документ допускал сохранение некоторых «могущих быть названными» из этих организаций.

Гораздо большее внимание советская сторона уделяла гуманитарным вопросам. Статья 11 советского проекта намечала перечень мероприятий по ликвидации нацистской идеологии и нацистской системы образования, в то время как в американском документе об этом вовсе не было упомянуто, а в британском проекте говорилось лишь в общей форме. Кроме того, СССР настаивал на введении для всех лиц разрешительного порядка въезда и выезда из Германии. Американский проект не затрагивал вопросов об обращении с военными преступниками и изменниками, которые были крайне важными для советского руководства. Статья 13 советского проекта предусматривала выдачу и суд над военными преступниками[281].

Советский проект содержал более жесткие, чем у англо-американцев, требования по экономическим вопросам: контроль союзников над международными реками Рейном, Эльбой, Одером и Дунаем, передачу под их контроль собственности, прав и интересов не только государственных органов, но и частных компаний и фирм, запрещение передавать

эту собственность иностранцам, требование роспуска всех картелей и трестов, созданных за счет ограбления оккупированных стран. Статья 14 предусматривала создание межсоюзной комиссии по репарациям, передачу в распоряжение союзников золота, серебра и всех других валютных ценностей, находящихся в Германии и вне ее, конфискацию всех германских имуществ (физических и юридических лиц) на территориях Объединенных Наций. К. Е. Ворошилов заметил: «В британском проекте есть общее указание на этот счет, в американском — нет вовсе»[282].

12 июня К. Е. Ворошилов направил В. М. Молотову проекты протоколов об оккупации Германии и Австрии, которые должны были подписать союзные правительства и не предъявляться Германии, поскольку не требовали ее согласия. Речь шла о границах зон оккупации. В Германии демаркационная линия между зонами должна была пройти по границам провинций, а в районе Большого Берлина — по границам административных районов города. Советская зона равнялась 221 003 кв. км площади с населением 24 млн 684 тыс. человек, британская — 135 243 кв. км с населением 25 млн 898 тыс. человек, американская — 115 491 кв. км с населением 14 млн 538 тыс. человек по состоянию на 17 мая 1939 г. Для управления Берлином создавалась межсоюзная комендатура из трех комендантов — по одному от каждой союзной державы. Должность главного коменданта занимали по очереди представители оккупационных держав, сменяясь не более чем через каждые 10–15 суток[283].

В Австрии в основу разграничения был положен не территориальный признак, а численность населения и размещение промышленности. К советской зоне должна была отойти треть населения Австрии, большая часть промышленных предприятий и связь прямыми железнодорожными коммуникациями с Югославией, Чехословакией и Венгрией[284].

В конце сентября 1944 г. К. Е. Ворошилов сообщил И. В. Сталину и В. М. Молотову о скором завершении обсуждения вопроса о контрольном механизме союзников в оккупированной Германии после ее капитуляции и о том, что в Лондоне уже проходят подготовку для работы в контрольных союзных органах довольно большие группы британских и американских военных работников. К. Е. Ворошилов считал необходимым командировать в Лондон для такой подготовки соответствующее число советских офицеров и гражданских лиц, минимум 130 человек, заметив, что от США в ЕКК стажировались 175 офицеров[285].

Видимо, комиссия К. Е. Ворошилова не поспевала за стремительно нараставшим объемом работы. После некоторого дипломатического затишья, связанного с колебаниями союзников фашистской Германии, быстрое продвижение Красной армии заставило их возобновить переговоры о перемирии с Москвой. Необходимость постоянно отвлекаться на срочные задания по новой редакции соглашений о перемирии с сателлитами Германии, переговоры с которыми той осенью следовали одни за другими, не могла не тормозить согласование условий перемирия с Германией — досье первостепенной важности, но меньшей срочности.

А. Иден, пользуясь своим пребыванием в Москве, куда он приехал вместе с У. Черчиллем, вынужден был поторопить главу НКИД с окончанием работы над общим проектом соглашения. Британский министр вручил 16 октября 1944 г. В. М. Молотову представление о необходимости ускорить работу ЕКК. В нем говорилось о значении, которое придавало английское правительство тому, чтобы завершить «как можно скорее» совместные планы трех великих держав по предписанию Германии условий капитуляции и претворению в жизнь решения Московской конференции по восстановлению независимой Австрии. «Если эти совместные планы не смогут быть согласованы до краха Германии, то имеется реальный риск неразберихи и недоразумений, которыми немцы не преминули бы воспользоваться в своих попытках избежать возмездия», — считали в Лондоне[286].

Из документа следовало, что советский представитель Ф. Т. Гусев «пока не был в состоянии» обсудить проекты совместных заявлений и требований к Германии, представленные уже несколько месяцев назад ЕКК союзниками. Сотрудникам К. Е. Ворошилова понадобилось больше месяца, чтобы завершить подготовительную работу комиссии. 30 ноября он направил В. М. Молотову согласованные с союзниками проекты дополнительных условий капитуляции Германии на 35 листах. Суть этих условий состояла в том, что Германия должна

быть полностью оккупирована, лишена суверенитета и обязана выполнять указания правительств СССР, Великобритании и США по всем вопросам внутренней и внешней политики (разделы 2–4)[287].

Громадная подготовительная работа комиссий М. М. Литвинова и К. Е. Ворошилова послужила основой советской позиции в отношении Германии на приближавшейся конференции большой тройки в Ялте в феврале 1945 г. Исследователи единодушно называют эту конференцию апогеем сотрудничества стран антигитлеровской коалиции[288]. В ходе нее Советскому Союзу удалось закрепить основные дипломатические достижения 1944 г.

Взаимопонимание с союзниками стало возможным в условиях, когда не разгромлены были еще Германия и Япония и когда этот разгром и цена будущей победы, то есть решение главной, жизненной для правительств и народов задачи Объединенных Наций зависели от степени взаимного доверия и тесного взаимодействия трех держав. Советской дипломатии удалось воспользоваться этим недолгим периодом, когда стремление к согласию превалировало над разногласиями, чтобы реализовать национальные задачи в соответствии с замыслами руководства СССР.

Были выведены из войны малые страны — союзницы фашистской Германии: Финляндия, Румыния и Болгария. При этом советской дипломатии удалось обеспечить благоприятные условия для установления в этих странах лояльных к Советскому Союзу режимов. Решение политической судьбы Польши и Чехословакии также осенью 1944 г. переместилось из Лондона в Москву. Ключевыми в этом были практически одновременные, но противоположные по содержанию с точки зрения взаимоотношений с Москвой Варшавское и Словацкое национальные восстания. Еще до окончания войны Москва обеспечила стратегически выгодные изменения границы с Польшей и Чехословакией. Таким образом, были заложены условия для политических преобразований в Восточной Европе по периметру советских границ, соответствующих интересам Москвы.

Кроме того, советской дипломатии удалось настоять на участии в выработке схем союзного управления на западе Европы. Благодаря ее вмешательству национальным патриотическим правительствам и силам внутреннего антигерманского Сопротивления в освобожденных западными союзниками Бельгии, Франции и Италии было обеспечено участие в послевоенном урегулировании при уменьшении роли англо-американского военного командования. Признание правительства П. Бадольо в Италии и советско-французский союзный договор, заключенный с Ш. де Голлем, содействовали укреплению позиций Советского Союза в качестве великой державы — одного из центров европейской политики. В то же время изменение тактики коммунистическими партиями этих стран привело к единству антифашистских сил в духе Народного фронта и позволило им занять видное место в послевоенном политическом руководстве.

Советская дипломатия «переиграла» британцев на Балканах, в Болгарии и Югославии. Союзники признали также преобладание интересов СССР в Румынии и Венгрии, освобождение которой приближалось благодаря прорыву советскими войсками венгерско-германской обороны в районе озера Балатон. Заинтересованность англо-американских союзников в тесном военном взаимодействии с Красной армией, невозможном без преодоления дипломатических трений, стала дополнительным рычагом для обеспечения геостратегических и геополитических интересов СССР в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Советским послом в Лондоне и представителем в ЕКК был назначен Ф. Т. Гусев.

[2] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41.

[3] Там же. Д. 145. Л. 3.

[4] Там же. Д. 149а. Л. 13–17.

[5] Там же. Д. 141. Л. 3.

[6] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 132.

[7] Там же. П. 14. Д. 143. Л. 26.

[8] Там же. П. 1. Д. 9. Л. 22.

[9] Там же. Л. 33.

[10] *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия. 1941–1945 гг. М., 2000. С. 196.

[11] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 147.

[12] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 26–28.

[13] Там же. Д. 145. Л. 27.

[14] Конференция ООН по валютным и финансовым вопросам состоялась в июле 1944 г. в Бреттон-Вудсе.

[15] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 122.

[16] Там же. П. 14. Д. 143. Л. 82.

[17] Там же. П. 46. Д. 607. Л. 94.

[18] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 472–473.

[19] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 52–53.

[20] Там же. Л. 495.

[21] Там же. Л. 506.

[22] Там же. Л. 510.

[23] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 9.

[24] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 64.

[25] Там же. С. 91.

[26] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 90.

[27] Там же. Л. 84.

[28] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 59.

[29] Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С 123–132.

[30] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141.

[31] Там же. Л. 79–80.

[32] Там же. Д. 147. Л. 55.

[33] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 137.

[34] Там же. С. 280.

[35] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 33.

[36] Там же. Д. 143. Л. 80.

[37] Там же. Л. 81–84.

[38] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 152–153.

[39] В интервью в газете «Правда» 14 июня 1944 г.

[40] *Бережков В. М.* Указ. соч. С. 479.

[41] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 445.

[42] Национально-освободительный фронт (ЭАМ) создан 27 сентября 1941 г. для борьбы против германских, итальянских и болгарских оккупантов после оккупации Греции (6 апреля 1941 г.). В ЭАМ вошли Коммунистическая, Аграрная и Социалистическая партии, Союз народных демократов, профсоюзные и молодежные антифашистские организации. В декабре 1941 г. руководство ЭАМ приняло решение о создании повстанческой армии — Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС).

[43] Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 112.

[44] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 420–437.

[45] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.

[46] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 155. Л. 1.

[47] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 89.

[48] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 199.

[49] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110.

[50] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 85–86.

[51] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 199.

[52] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110–111.

[53] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 55.

[54] Там же. С. 68.

[55] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 112.

[56] Там же. С. 114.

[57] Там же. С. 115.

[58] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 201.

[59] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 3.

[60] Там же. Л. 169.

[61] Там же. Л. 170.

[62] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 177.

[63] Там же. С. 178–179.

[64] Там же. С. 219–220.

[65] Там же. С. 215–220.

[66] Там же. С. 221–228.

[67] Там же. С. 264.

[68] Граница установлена в 1940 г. договором между СССР и Румынией. Нарушена при нападении Румынии на СССР 22 июня 1941 г.

[69] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 105.

[70] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 202.

[71] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 149.

[72] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 2.

[73] Там же. Л. 8–9.

[74] Там же. Л. 37.

[75] Там же. Л. 48.

[76] Там же. Л. 53.
[77] Там же. Л. 56.
[78] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 132–133.
[79] Там же. С. 172.
[80] Там же. С. 175.
[81] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 116.
[82] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 184.
[83] Там же. С. 198.
[84] Там же. 199.
[85] Там же. С. 206.
[86] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 38.
[87] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 210.
[88] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 58.
[89] Там же. Л. 87.
[90] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 186.
[91] Там же. С. 187.
[92] Там же. С. 191.
[93] Там же. С. 195.
[94] Там же. С. 197.
[95] Там же. С. 198.
[96] Там же. С. 182–183.
[97] Там же.
[98] Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1976. Т. 1. С. 608.
[99] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 133–134.
[100] Там же. П. 22. Д. 228. Л. 38.
[101] Там же. Л. 45.
[102] Там же. Л. 47.
[103] Там же. Л. 46.
[104] Там же. Л. 49–51.
[105] Там же. Л. 53.
[106] Там же. Л. 66.
[107] Там же. Л. 55.
[108] Там же. Л. 57.
[109] Там же. Л. 62.
[110] Там же. Л. 45–46.
[111] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 286–291.
[112] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 80.
[113] Там же. Л. 87.
[114] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 151. Л. 15.
[115] Там же. П. 22. Д. 228. Л. 41.
[116] Там же. Л. 53.
[117] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 147.
[118] Там же. Л. 155.
[119] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 212.
[120] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 355.

[121] Там же.

[122] Там же. С. 116–125.

[123] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 154.

[124] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 121.

[125] Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 101–102.

[126] Подпольный военный совет Словакии создан в марте 1944 г.

[127] Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 116.

[128] Там же. С. 118.

[129] Там же. С. 123.

[130] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1978. Кн. 2. С. 328.

[131] Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 104.

[132] Там же. С. 113.

[133] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 183–186.

[134] Там же. С. 201.

[135] Там же. С. 203.

[136] Там же. С. 205.

[137] Коммунист. 1975. № 4. С. 70.

[138] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 66.

[139] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 215–217.

[140] Там же. С. 221.

[141] Там же. С. 225.

[142] Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 366–367.

[143] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 5–6.

[144] Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет подписан в Москве 12 декабря 1943 г. с чехословацким эмигрантским правительством Э. Бенеша.

[145] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 5.

[146] Там же. Л. 22.

[147] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.

[148] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 28.

[149] Там же. С. 29.

[150] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.

[151] Там же. С. 145.

[152] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 32.

[153] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 05. П. 27. Д. 309. Л. 11–15.

[154] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 33.

[155] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 20.

[156] Там же. Д. 608. Л. 12.

[157] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 145.

[158] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 119–120.

[159] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 144–145.

[160] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 110.

[161] Там же. С. 136.

[162] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 218.

[163] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 252–253.

[164] Там же. С. 213–215.

[165] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 14.

[166] Там же. Л. 12.

[167] Там же. Л. 56.

[168] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 154–155.

[169] Там же. С. 155.

[170] Там же. С. 157–159.

[171] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 236. Оп. 2712. Д. 198. Л. 340–342.

[172] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 49. Д. 667. Л. 8.

[173] Там же. П. 46. Д. 608. Л. 81.

[174] Там же. Л. 62.

[175] Ванда Василевская — председатель Союза польских патриотов. Польская писательница, с сентября 1939 г. жившая в СССР.

[176] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 63.

[177] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 162.

[178] Русский архив: Великая Отечественная война и Польша. 1941–1945 гг. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 206.

[179] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 81.

[180] *Frerejean A.* Churchill et Staline. Paris: Perrin, 2013. P. 299.

[181] Варшавское восстание в документах и архивах спецслужб. Варшава, М., 2007. С. 742.

[182] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 550. Л. 26.

[183] Там же. П. 46. Д. 608. Л. 83; 10 августа опубликован указ Президиума ВС СССР об амнистии всем польским гражданам, осужденным за преступления на территории СССР, исключая тех, кто осужден за особо тяжкие преступления (шпионаж, бандитизм, убийство) (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 167).

[184] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 101.

[185] Там же. Л. 81.

[186] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 164.

[187] Там же.

[188] Там же. С. 165.

[189] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 97–98.

[190] Там же. П. 23. Д. 242. Л. 16, 18.

[191] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 257.

[192] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 16.

[193] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 145.

[194] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 89–94.

[195] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 221.

[196] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 154.

[197] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 18.

[198] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 156.

[199] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 161.

[200] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1984. С. 214–215.

[201] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 39.

[202] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974. С. 271–272.

[203] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 57.

[204] Там же. П. 42. Д. 555. Л. 17–19.

[205] Там же. П. 22. Д. 228. Л. 84.

[206] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 287.

[207] Там же. Т. 2. С. 182.

[208] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 47.

[209] Его председателем избран Иван Рибар — белградский адвокат, один из лидеров Демократической партии и председатель Учредительного собрания Югославии (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 87).

[210] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 85.

[211] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 798. Л. 10; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 90.

[212] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 106.

[213] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 799. Л. 6, 9.

[214] Там же. Л. 29.

[215] Там же. Л. 30.

[216] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 136.

[217] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 12.

[218] Там же. П. 1. Д. 9. Л. 10.

[219] Там же.

[220] Там же. Л. 8–9.

[221] Там же.

[222] Там же. Л. 34.

[223] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 227.

[224] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 16.

[225] Там же. Л. 37.

[226] Там же. Л. 43.

[227] Там же. Л. 56.

[228] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 179.

[229] *Тито И. Б.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 148.

[230] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 236.

[231] *Бережков В. М.* Указ. соч. С. 476.

[232] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 40.

[233] Там же. Л. 66.

[234] Там же. Л. 51.

[235] Там же. Л. 53.

[236] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 308–309.

[237] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 796. Л. 24.

[238] Там же. П. 15. Д. 150. Л. 16.

[239] Там же. П. 16. Д. 157. Л. 1, 3.

[240] В советском проекте соответствующего документа, адресованного Бельгии, употреблена схожая формула: в случае Бельгии вопрос оставлен на рассмотрение главнокомандующего.

[241] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 16. Д. 157. Л. 7.

[242] Там же. П. 15. Д. 150. Л. 8.
[243] Там же. П. 14. Д. 141. Л. 3.
[244] Там же. Л. 3.
[245] Там же. Л. 9.
[246] Там же. Л. 18.
[247] Там же. Л. 20.
[248] Там же. Д. 146. Л. 24.
[249] Там же. Л. 29.
[250] Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 20–21.
[251] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 104; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 63.
[252] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 57.
[253] Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 249.
[254] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 225. Л. 35.
[255] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 274.
[256] Там же. С. 299.
[257] Россия — Франция. 300 лет особых отношений. С. 249.
[258] *Davieau-Pousset S.* Maurice Dejean, diplomate atypique. These de Doctorat d'Histoire du Centre d'Histoire de l'IEP de Paris, 2013. P. 226.
[259] На встрече И. В. Сталина с Ш. де Голлем 9 декабря.
[260] *Lacouture J.* De Gaulle. T. 2. Le Politique. Paris: Seuil, 1985. P. 94.
[261] Россия — Франция. 300 лет особых отношений. С. 264.
[262] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 326–330.
[263] Источник. 1995. № 4. С. 152–158; Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 22–23.
[264] Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 23.
[265] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 26.
[266] Там же. Л. 30.
[267] Там же. Л. 30, 46.
[268] Там же. Л. 78.
[269] Там же. Л. 66.
[270] Там же.
[271] Там же. Л. 2–6.
[272] Там же. Д. 141. Л. 49.
[273] Там же. Д. 142. Л. 136.
[274] Там же. Л. 110.
[275] Там же. Л. 171.
[276] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 8.
[277] Там же. П. 16. Д. 158. Л. 7.
[278] Там же. П. 15. Д. 150. Л. 117.
[279] Там же. Л. 118.
[280] Там же. Л. 20–21.
[281] Там же. Л. 51.
[282] Там же. Л. 16–24.
[283] Там же. Л. 67.
[284] Там же. Л. 65.
[285] Там же. Л. 81.
[286] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 225. Л. 27.
[287] Там же. П. 15. Д. 150. Л. 91–95.
[288] Ялта-45. Начертания нового мира. М., 2010. С. 28.

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Подготовка и открытие конференции

Вопрос о необходимости проведения новой конференции основных участников антигитлеровской коалиции, наподобие той, что состоялась в Тегеране, впервые встречается в переписке И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем летом 1944 г. Причем с инициативой ее проведения выступили руководители западных держав. В послании И. В. Сталину 19 июля президент США, имея в виду открытие второго фронта на Западе, успешные действия союзных войск в Италии и энергичное наступление Красной армии в Белоруссии, писал: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром и мною. Г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью». Ф. Рузвельт хотел провести эту конференцию в ближайшее время — в период между 10 и 15 сентября. «Я сейчас совершаю поездку по Дальнему Западу и должен пробыть в Вашингтоне несколько недель после своего возвращения», — писал он И. В. Сталину. Самым подходящим местом для встречи он считал северную часть Британских островов — Шотландию, расположенную приблизительно на полпути между Вашингтоном и Москвой, куда И. В. Сталину, по его мнению, было бы удобно добраться «либо на корабле, либо на самолете»[1].

На следующий день к предложению американского президента присоединился и У. Черчилль. Его послание, адресованное И. В. Сталину, было большей частью посвящено различным аспектам организации арктических конвоев и урегулирования польского вопроса, уже больше года омрачавшего отношения между союзниками. В заключение говорилось: «Весь мир восхищается организованным наступлением на Германию с трех направлений сразу. Я надеюсь, что Вы, Президент и я сможем встретиться в том или ином месте до наступления зимы. Это встречу стоит устроить ради несчастных людей повсюду»[2].

И. В. Сталин сдержанно отреагировал на предложение Ф. Рузвельта и У. Черчилля. 22 июля он ответил президенту США, что разделяет его мысль о желательности трехсторонней встречи в верхах, однако находит ее несвоевременной ввиду обстановки на советско-германском фронте: «Теперь, когда советские армии втянулись в бои по столь широкому фронту, мне невозможно было бы покинуть страну и отойти на какое-то время от руководства делами фронта»[3]. А свой ответ британскому премьер-министру И. В. Сталин целиком

посвятил изложению политики советского правительства по отношению к Польше в связи освобождением Красной армией города Люблина[4].

В следующем послании 24 июля У. Черчилль вернулся к вопросу о новой конференции руководителей трех держав. При этом он дал И. В. Сталину ясно понять, что вполне разделяет доводы Ф. Рузвельта в ее пользу и придерживается согласованных с ним позиций. «Вы, несомненно, — писал британский премьер, — уже получили телеграмму Президента с предложением о еще одной встрече между нами тремя на севере Шотландии приблизительно во второй неделе сентября. Мне нет необходимости говорить о том, как искренне правительство Ее Величества и я лично надеемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана». По мнению У. Черчилля, лучшим местом для проведения конференции был бы шотландский городок Инвергордон. О предполагаемой конференции У. Черчилль писал И. В. Сталину как о деле практически решенном: «Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать»[5].

Однако ни уговоры, ни мягкая попытка оказать давление на И. В. Сталина не возымели действия. В ответном послании У. Черчиллю 26 июля советский руководитель был краток. Он почти слово в слово повторил то, что уже писал по этому поводу американскому президенту: «Что касается встречи между Вами, г-ном Рузвельтом и мною... то и я считал бы такую встречу желательной. Но в данное время, когда советские армии ведут бои по широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время»[6].

И американский президент, и британский премьер-министр согласились с доводами И. В. Сталина. 28 июля ему об этом в доверительном тоне сообщил Ф. Рузвельт: «Я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с Премьер-Министром и со мной, но я надеюсь, что Вы будете помнить о таком совещании и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах». В ответе американскому президенту 2 августа И. В. Сталин подтвердил, что только в силу крайней необходимости был вынужден отклонить приглашение: «Я разделяю Ваше мнение относительно значения, которое могла бы иметь наша встреча, но обстоятельства, связанные с военными операциями на нашем фронте... не позволяют мне, к сожалению, рассчитывать на возможность такой встречи в ближайшем будущем»[7]. Таким образом, вопрос о сроках проведения конференции он оставил открытым.

В отличие от американского президента У. Черчилль не скрывал, что разочарован решением И. В. Сталина. 29 июля он дал это понять советскому руководителю: «Я должен с большим сожалением, но с полным пониманием принять то, что Вы заявляете по поводу нашей возможной встречи. Я предполагаю, что Вы также уведомили об этом Президента». 1 августа И. В. Сталин ему ответил: «По поводу невозможности в настоящее время нашей с Вами и Президентом встречи я тогда же известил Президента, объяснив мотивы»[8].

Ф. Рузвельт и У. Черчилль в середине сентября встретились в канадском Квебеке (так называемая Вторая Квебекская конференция). Здесь, во время двусторонних переговоров, на которых затрагивались вопросы не только ведения войны, но и послевоенного устройства Европы, они не могли не ощутить, что масштаб стоящих перед ними задач явно превосходит формат двусторонних отношений. Во всяком случае, после встречи в Квебеке они поспешили напомнить И. В. Сталину о своем предложении.

27 сентября У. Черчилль, не скрывая своего нетерпения, в «строго доверительном» послании советскому руководителю заявил, что огорчен его нездоровьем, поскольку по этой причине тот не может предпринимать «длительные путешествия по воздуху». Это было тем более печально, что Ф. Рузвельт собирался пригласить его в Гаагу, которая «была бы хорошим местом встречи». Правда, этот город еще занимали немецкие войска, «но возможно, что

ход войны, даже до Рождества, сможет изменить положение вдоль балтийского побережья в такой степени, что Ваша поездка не будет утомительной или трудной»[9].

И. В. Сталин ответил уклончиво и на это приглашение. 30 сентября он писал У. Черчиллю: «Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с Президентом. Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться». Зато против двусторонних переговоров с У. Черчиллем в советской столице И. В. Сталин не возражал, даже более того, выражал по этому поводу явное одобрение: «Я весьма приветствую Ваше желание приехать в Москву в октябре. Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность»[10].

Ф. Рузвельт в своем послании И. В. Сталину выразил удовлетворение предстоящей поездкой У. Черчилля в Москву, хотя и подчеркивал, что его больше порадовали бы переговоры с участием лидеров всех трех держав: «Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам». Американский президент предлагал И. В. Сталину рассматривать переговоры У. Черчилля в советской столице как предварительные, как своего рода подготовку «к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах»[11].

Против такой трактовки советско-британских переговоров И. В. Сталин не возражал. По завершении визита британской делегации в Москву, со второй половины октября 1944 г., тема совместной встречи в верхах все чаще поднималась в переписке руководителей трех держав. Кажется, что к этому времени сомнений в целесообразности ее скорейшего проведения ни у кого уже не осталось, и стороны приступили к обсуждению практических вопросов ее организации. Тогда впервые и прозвучало пожелание о том, чтобы провести новую конференцию большой тройки на территории Советского Союза, в одном из приморских городов юга европейской части страны. Высказала это пожелание американская сторона, а И. В. Сталин его горячо поддержал. 19 октября он писал Ф. Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы»[12].

Сам Ф. Рузвельт поддержал инициативу своего помощника. Впрочем, в ответном послании он призвал И. В. Сталина к осмотрительности в выборе места проведения конференции большой тройки: «Все мы должны изучить вопрос пригодности различных пунктов, где можно устроить нашу ноябрьскую встречу, то есть с точки зрения наличия жилых помещений, безопасности, доступности и т. д.». Американский президент не исключал возможности провести встречу где-нибудь в восточной части Средиземного моря в случае, «если бы мое прибытие в Черное море на судне оказалось слишком трудным или неосуществимым». В частности, по его словам, «условия на Кипре и Мальте с точки зрения безопасности и жилья удовлетворительны»[13].

Но И. В. Сталин, по-видимому, уже загорелся идеей провести встречу трех лидеров на территории Советского Союза. Он предпринял попытку развеять сомнения американского президента. «Если высказанная ранее мысль, — писал он Ф. Рузвельту 29 октября, — о возможности нашей встречи на советском черноморском побережье представляется для Вас приемлемой, то я считал бы весьма желательным осуществить этот план. Условия для встречи здесь вполне благоприятны. Я надеюсь, что и безопасный доступ Вашего корабля в Черное море к этому времени будет возможно обеспечить»[14].

У. Черчилля в это время больше беспокоили не вопросы, касавшиеся места проведения конференции, а европейские проблемы. 16 ноября в послании И. В. Сталину он поделился впечатлениями от переговоров в Париже с Ш. де Голлем, главой пока еще не признанного

союзными державами временного правительства Французской Республики. Упоминая о его требованиях, среди которых было и участие французских войск в оккупации Германии, британский премьер-министр заметил: «Ясно... что ничего подобного этому не может быть решено в таком вопросе, кроме как по соглашению с Президентом и Вами». Но наличие подобных вопросов, по мнению У. Черчилля, «еще более усиливает желательность встречи между нами тремя и французами в самом ближайшем будущем». Причем это не означало повышения международного статуса Франции до уровня трех других держав: «В этом случае французы участвовали бы в обсуждении некоторых вопросов и не участвовали бы в обсуждении других вопросов»[15].

И. В. Сталин согласился с мнением У. Черчилля о формате переговоров с Ш. де Голлем: «Я ничего не имею против Вашего предложения о возможной встрече между нами троими и французами, если и Президент с этим согласен». Но советский лидер не смог разделить оптимизма британского премьер-министра в оценке перспектив проведения конференции большой тройки: «Надо сперва сговориться окончательно о времени и месте встречи нас троих»[16].

Действительно, эти вопросы оставались открытыми. Президентские выборы в США прошли, но Ф. Рузвельт, одержавший на них уверенную победу, тянул с ответом на приглашение приехать в СССР. Он отправил И. В. Сталину подробное письмо, полученное в Москве 19 ноября, в котором изложил свои сомнения и размышления относительно места и времени проведения конференции большой тройки. Начиналось оно вполне обнадеживающе: «Все мы трое придерживаемся одного мнения, что нам следует встретиться в самое ближайшее время». Однако далее шли бесконечные оговорки и отговорки: «Некоторые факторы, главным образом географического порядка, делают это нелегким в настоящий момент». Одно из препятствий заключалось в том, что американский президент не мог отправиться в дальнюю поездку, из которой не сумеет вернуться в Вашингтон к Рождеству. Поэтому, заключал он, «было бы гораздо более удобным, если бы я мог отложить это на время после моего вступления в должность после 20 января». Ранее этого срока он тоже не мог уехать из американской столицы, потому что он должен «обратиться с ежегодным посланием к новому конгрессу, который соберется здесь в начале января». Кроме того, Ф. Рузвельту все меньше нравилась мысль о том, чтобы провести конференцию на советской территории. «Мои военно-морские органы, — говорилось далее в его письме, — решительно высказываются против Черного моря. Они не хотят идти на проводку крупного корабля через Дарданеллы или Эгейское море, так как это потребовало бы очень сильного эскорта»[17]. Ф. Рузвельт предпочел бы приехать в египетскую Александрию или Иерусалим, на которые якобы обратил его внимание У. Черчилль. Достаточно привлекательными ему казались и Афины.

В итоге Ф. Рузвельт попросил перенести конференцию большой тройки примерно на 28 или 30 января. И при этом явно добивался, чтобы она состоялась в каком-нибудь месте, равноудаленном от Москвы и Вашингтона, если не в географическом, то хотя бы в политическом и дипломатическом смысле. К концу января 1945 г. фронт настолько отодвинется на запад, уговаривал он И. В. Сталина, что «Вы сможете совершить поездку по железной дороге до какого-нибудь порта на Адриатическом море и... мы встретимся с Вами там, или... Вы сможете в несколько часов пересечь море на одном из наших кораблей и прибыть в Бари, а затем на автомобиле в Рим, или... Вы проследуете на этом же корабле несколько дальше, и все мы встретимся в каком-нибудь месте, например, в Таормине, в Восточной Сицилии, где в это время будет довольно хорошая погода». Как один из вариантов Ф. Рузвельт попросил И. В. Сталина рассмотреть предложение о том, чтобы «встреча состоялась где-нибудь на Ривьере, но это будет зависеть от ухода германских войск из северо-западной части Италии».

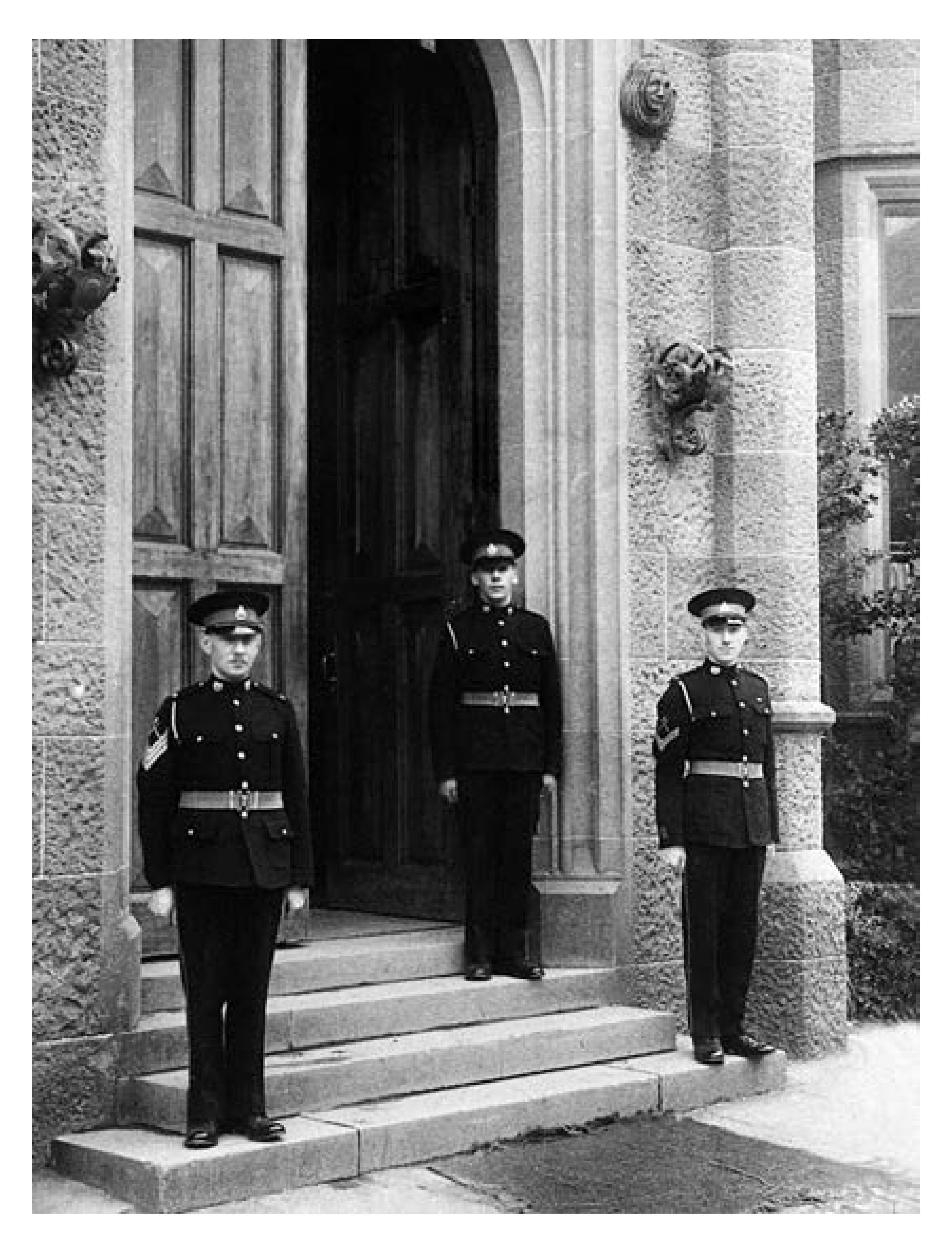
Ф. Рузвельт не исключал возможности, что вопреки всем его предположениям лидерам трех держав придется встретиться раньше планируемого срока, если в Германии внезапно рухнет нацистский режим и противник сложит оружие. Вместе с тем он не видел необходимости «откладывать встречу на более позднее время, чем конец января или начало февраля», и выражал надежду, что на этот раз положение на фронтах Красной армии не помешает И. В. Сталину предпринять дальнюю поездку.

Ливадийский дворец в Крыму

Внутренний двор Воронцовского дворца

Британские военнослужащие у входа в Воронцовский дворец

Прибытие У. Черчилля на аэродром Саки

Встреча Ф. Рузвельта на аэродроме Саки

В конце своего письма Ф. Рузвельт поднял существенный вопрос о статусе переговоров лидеров трех держав. Свою точку зрения он сообщил И. В. Сталину прямо и недвусмысленно: «Вы и я понимаем проблемы, стоящие перед каждым из нас, и, как Вам известно, я предпочел бы, чтобы эти беседы носили неофициальный характер, и поэтому я не считаю нужным составлять официальную повестку дня».

И. В. Сталин не стал скрывать своего разочарования решением Ф. Рузвельта отложить конференцию большой тройки и перенести ее куда-нибудь подальше от границ Советского Союза. Но, как видно из ответного послания американскому президенту, это дипломатическое состязание он отнюдь не считал проигранным. 23 ноября он написал Ф. Рузвельту: «Очень жаль, что Ваши военно-морские органы сомневаются в целесообразности Вашего первоначального предложения о том, чтобы местом встречи нас троих избрать советское побережье Черного моря. Предлагаемое Вами время встречи в конце января или в начале февраля у меня не вызывает возражений, но при этом я имею в виду, что нам удастся избрать местом встречи один из советских портовых городов. Мне все еще приходится считаться с советами врачей об опасности дальних поездок»[18].

Время шло, а вопрос о встрече лидеров трех держав оставался нерешенным. На фоне разногласий между союзными державами и по другим направлениям политики — от будущего Польши до создания международной организации безопасности — это многим внушало сомнения в прочности антигитлеровской коалиции. Судя по документам, первым из большой тройки, кто не выдержал этого напряжения, был Ф. Рузвельт. Ближе к середине декабря 1944 г. в послании И. В. Сталину он констатировал: «Перспективы нашей скорой встречи еще не ясны», но в то же время обратил внимание своего корреспондента на необходимость «как можно быстрее пойти вперед в деле созыва общей конференции Объединенных Наций по вопросу о международной организации, в чем, я уверен, Вы согласны».

Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем не дает ответа на вопрос, когда именно и каким образом стороны сумели разрешить спор о месте проведения встречи лидеров трех держав. Но 3 января 1945 г. в послании У. Черчиллю советский руководитель писал: «Мне известно о том, что Президент имеет Ваше согласие на встречу нас троих в конце этого месяца или в начале февраля. Я буду рад видеть Вас и Президента на территории нашей страны и надеюсь на успех нашей совместной работы»[19]. 5 января британский премьер выразил свое удовлетворение договоренностью, достигнутой между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом: «Я жду этой важнейшей встречи, и я доволен, что Президент Соединенных Штатов готов предпринять это далекое путешествие».

Отметив обострение разногласий между западными союзниками и СССР по польскому вопросу, У. Черчилль подчеркнул, что в создавшейся обстановке «самое лучшее — это встретиться нам троим вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру». Он также предложил слово «Аргонавт» в качестве кодового обозначения конференции большой тройки[20]. И. В. Сталину выразительная метафора британского премьер-министра понравилась. 10 января он сообщил, что одобряет ее, и, со своей стороны, попросил у него согласия на то, чтобы «в соответствии с полученным от Президента предложением... местом встречи можно было считать Ялту, а датой встречи — 2 февраля»[21].

Не дожидаясь ответа У. Черчилля, советский руководитель по дипломатическим каналам сообщил американской стороне о своем согласии с этим предложением. Об этом свидетельствует записка посла США А. Гарримана, адресованная народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову от 12 января 1945 г.: «Благодарю Вас за Ваше письмо от 10 января. В соответствии с этим письмом я проинформировал Президента о том, что Маршал Сталин не возражает против того, чтобы установить 2 февраля датой проведения встречи в Ялте и что Маршал Сталин согласен с выбором слова АРГОНАВТ для кодового названия»[22]. Не заставил себя ждать и У. Черчилль. 12 января он ответил И. В. Сталину короткой телеграммой: «Окэй и всяческие добрые пожелания»[23].

В. М. Молотов пожимает руку Г. Гопкинсу на аэродроме Саки перед началом Ялтинской конференции

В. М. Молотов, А. А. Громыко и Э. Стеттиниус на аэродроме Саки

Архивные документы проливают свет на некоторые, хотя и частные, но достаточно важные обстоятельства подготовки Ялтинской конференции. 5 января 1945 г. посольство США известило В. М. Молотова о том, что «в расписании Президента теперь предусмотрено прибытие его и его группы в Крым 1-го или 2-го февраля самолетом» и что для обеспечения его связи с Вашингтоном выделен флагманский десантный корабль «Катоктин»[24]. Уже 9 января американский посол А. Гарриман предоставил в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел «план устройства связи для обслуживания делегации Соединенных Штатов, участвующей в «Аргонавте». Этот план предусматривал установление радиотелетайпного канала между «Катоктином» и Вашингтоном[25]. В тот же день посольство Великобритании известило НКИД, что «в связи со встречей трех глав правительств... британское правительство хотело бы послать в Черное море пассажирский пароход «Франкония». Эта просьба отчасти мотивировалась тем, что «британскому правительству... известно, что Гарриман обращался к тов. Молотову В. М. с аналогичной просьбой, которая была удовлетворена»[26].

Организационная суета заметно нарастала по мере приближения сроков Ялтинской конференции. Но она не заслоняла, а может быть, даже подчеркивала доброжелательную атмосферу, которая возобладала в отношениях между западными и советскими дипломатами в это хлопотное время. Когда подготовительные работы вступили в завершающую фазу, лидеры трех держав приняли важное решение — не предавать чрезмерной огласке ход конференции. 21 января У. Черчилль телеграфировал одновременно И. В. Сталину и Ф. Рузвельту: «Я предлагаю не допускать представителей прессы на «Аргонавт», но каждый из нас будет иметь право привезти не более трех или четырех одетых в форму военных фотографов для производства фотосъемки и киносъемки. Фотографии и кинофильмы должны быть выпущены, когда мы сочтем это подходящим... Конечно, будут опубликованы обычные одно или несколько согласованных коммюнике». И. В. Сталин уже 23 января в ответной телеграмме одобрил предложение У. Черчилля[27]. И в тот же день в Москве была получена телеграмма Ф. Рузвельта, выражавшего согласие с мнением британского премьер-министра[28].

На Мальте в преддверии конференции большой тройки состоялись двусторонние британско-американские переговоры. Министры иностранных дел А. Иден и Э. Стеттиниус постарались согласовать позиции обеих сторон по тем вопросам международной жизни, которые предполагалось обсудить в Ялте. Начальники генеральных штабов обеих армий наметили план наступательных операций против Германии на завершающем этапе войны. Перед вылетом с Мальты У. Черчилль телеграфировал И. В. Сталину: «Предполагаемое время прибытия в Саки в 12 часов по московскому времени 3 февраля... Продолжим путь в Ялту на автомобиле»[29].

Эта поездка произвела неизгладимое впечатление на американского президента. Вернувшись в Вашингтон, он рассказывал: «Я видел примеры безжалостного и бессмысленного яростного разрушения... Ялта не имела никакого военного значения и никаких оборонительных сооружений... Мало что осталось от Ялты, за исключением руин и опустошения. Севастополь являл картину предельного разрушения, и во всем городе осталось меньше десятка нетронутых домов. Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, однако я видел Севастополь и Ялту, и я знаю, что на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианская добродетель»[30].

3 февраля 1945 г. главы американской и британской делегаций вместе с сопровождавшими их лицами благополучно достигли места назначения. В окрестностях Ялты в их распоряжение были предоставлены самые престижные исторические дворцы из тех, что меньше всего пострадали в результате военных действий. Ф. Рузвельт разместился в Ливадийском дворце, известном прежде всего как летняя резиденция русской императорской семьи. У. Черчилля поселили в Воронцовском дворце, который был и остается самым знаменитым архитектурным памятником Крыма. Юсуповский дворец, где остановился И. В. Сталин, был внешне не столь величествен, хотя и вполне соответствовал статусу главы могущественного государства. Но расположенный между Алупкой, где находится Воронцовский дворец, и Ливадией на западной окраине Ялты, он обеспечивал И. В. Сталину важное преимущество: позволял беспрепятственно видеться как с У. Черчиллем, так и с Ф. Рузвельтом. В то же время такое местоположение резиденции И. В. Сталина затрудняло их приватное общение между собой.

Почетный караул советских солдат на аэродроме Саки

В. М. Молотов, У. Черчилль и Ф. Рузвельт обходят строй советских солдат

Уже после полуночи 4 февраля А. Гарриман посетил В. М. Молотова, чтобы передать от американского президента благодарность за все обеспеченные ему удобства. Посол также сообщил, что Ф. Рузвельт приглашает И. В. Сталина заехать к нему во второй половине дня для личной встречи, после чего они вместе с У. Черчиллем могли бы принять участие в официальном открытии конференции. В. М. Молотов, со своей стороны, от имени И. В. Сталина предложил, «чтобы все заседания проходили в доме, где остановился президент». Кроме обмена взаимными любезностями В. М. Молотов и А. Гарриман во время этой ночной встречи обсудили в общих чертах распорядок работы конференции. По словам наркома, И. В. Сталин рассчитывал начать конференцию с обсуждения вопроса о Германии — сначала его военных, а потом и политических аспектов. Оказалось, что это, по выражению А. Гарримана, «в точности соответствует пожеланиям президента». Мнения И. В. Сталина и Ф. Рузвельта совпали и относительно продолжительности конференции — 5–6 дней[31].

В полдень 4 февраля В. М. Молотов встретился и с А. Иденом. Тот не возражал против согласованного ранее с А. Гарриманом распорядка работы конференции. Но по поводу ее продолжительности британский министр заметил, что это «будет зависеть от того, насколько быстро будут рассмотрены все вопросы». Ведь, по его мнению, кроме германского требовалось обсудить и другие сложные вопросы: о международной организации безопасности, о Польше. Воспользовавшись удобным моментом, В. М. Молотов как бы невзначай заметил, что «англичане и американцы уже переговорили друг с другом и тем самым облегчили дело конференции». Эта на первый взгляд невинная ремарка со всей очевидностью отражала обеспокоенность наркома возможностью сговора западных держав за счет советских интересов. А. Иден поспешил рассеять его опасения. Он утверждал, что «никаких переговоров между англичанами и американцами на Мальте не было», а У. Черчилль и Ф. Рузвельт почти не общались между собой. В итоге встречи советский и британский министры сошлись во мнении, что тематику дискуссий на конференции не следует ограничивать жесткой повесткой дня. Достаточно, по словам В. М. Молотова, «иметь некоторый порядок обсуждения вопросов»[32].

Первым из высоких гостей, кого посетил в Крыму И. В. Сталин, был У. Черчилль. В три часа пополудни 4 февраля началась их встреча в Воронцовском дворце. Главной темой разговора была обстановка на соответствующих фронтах. Оба лидера признавали, что Германия практически исчерпала возможности для активного ведения боевых действий. Ввиду недостатка угля и хлеба, по словам И. В. Сталина, «возможен внутренний крах до ее военного поражения». У. Черчилль согласился с таким прогнозом. Выслушав пояснения фельдмаршала Х. Александера о положении на фронте в Италии, И. В. Сталин высказал предположение о желательности переброски части сил союзников оттуда «через Адриатическое море для совместного наступления с Красной армией в районе Австрии». В ответ на это замечание британский военачальник заявил, что «в настоящее время у него нет в наличии свободных сил для этой операции» и, кроме того, «сейчас уже поздно приступать к ее осуществлению»[33].

По окончании беседы с У. Черчиллем И. В. Сталин в четыре часа дня уже входил в Ливадийский дворец. Ф. Рузвельт в самой резкой форме осудил вандализм оккупантов, говоря, что «поражен бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами в Крыму». По его сведениям, столь же возмутительно немецкие захватчики вели себя и в других странах, поэтому было бы справедливо «вернуть из Германии все те предметы, которые немцы туда увезли из других мест, в том числе из Крыма». И. В. Сталин согласился с американским президентом, что «немцы не имеют никакой морали», они «настоящие варвары». Оба лидера обменялись новостями о ходе военных действий на фронтах, затронули некоторые вопросы военного и политического сотрудничества. В частности, Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с просьбой «разрешить советским военным обсудить с военными представителями союзников военные вопросы во время нынешней конференции». А учитывая, что «армии союзников, наступающие с запада и востока, настолько близки друг от друга», он высказал пожелание, чтобы генерал Д. Эйзенхауэр «сносился непосредственно со штабом наступающих советских армий». В заключение главы государств подробно и откровенно обсудили политику союзников по отношению к освобожденной Франции[34].

В пять часов пополудни, когда все делегации были в сборе, И. В. Сталин неожиданно попросил именно американского президента открыть конференцию. Ялтинская, или Крымская, конференция большой тройки по характеру и важности принятых на ней решений заметно выделяется на фоне всех других международных встреч представителей союзных государств периода Второй мировой войны. Ее не без оснований называют неким прообразом мирной конференции, сравнивают по значению с такими событиями международной политики, как Венский конгресс 1814–1815 гг. и Парижская мирная конференция 1919 г.[35]

Конференция продолжалась дольше, чем первоначально рассчитывали ее участники, — восемь дней, с 4 по 11 февраля 1945 г. включительно. Основной формой ее работы были заседания глав правительств — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Их так и называли — «заседания конференции», и проводились они в Ливадийском дворце. Там же были подписаны итоговые документы. Совещания министров иностранных дел, на которых прорабатывались те или иные вопросы по поручению глав правительств, являлись вспомогательной формой работы конференции. У. Черчилль свидетельствовал: «Совместная работа министров иностранных дел была столь превосходной, что почти ежедневно проблемы, переданные на их рассмотрение, возвращались на наши совместные заседания в таком виде, что можно было достичь окончательного соглашения и принять устойчивые решения»[36]. Министры собирались на свои совещания поочередно в каждом из дворцов, занимаемых делегациями. Происходили также беседы между главами правительств и министрами иностранных дел вне основного формата, как бы на «полях» конференции. Всего состоялось восемь заседаний глав правительств и семь заседаний министров иностранных дел. Кроме упомянутых выше бесед В. М. Молотова с А. Гарриманом и А. Иденом, а также И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, состоявшихся 4 февраля до формального открытия конференции, имели место еще две подобные встречи: 8 февраля — беседа И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и 10 февраля — беседа И. В. Сталина с У. Черчиллем и А. Иденом[37].

Первой значительной публикацией материалов Ялтинской конференции явился сборник, подготовленный Государственным департаментом США в 1955 г.[38] Затем с учетом этого издания в 1984 г. в виде четвертого тома документальной серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» вышел сборник «Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.)», основанный на архивных документах советского внешнеполитического ведомства. Все документы в нем — записи заседаний, бесед, письма и записки, которыми обменивались между собой участники конференции, проекты решений и итоговые документы — приводятся на русском языке, причем, «как правило, по текстам, хранящимся в архивах»[39]. Затем вышла факсимильная публикация ялтинских документов и фотографий из личного архива И. В. Сталина[40].

Предчувствуя, что споры по повестке дня могли бы затянуться, участники конференции благоразумно от нее отказались. Каждая делегация получила, таким образом, право поставить на обсуждение те вопросы, которые ее больше всего интересовали. Но это еще не гарантировало, что дискуссия по ним действительно состоится. Дальше все зависело от того, хватит ли времени на обсуждение всех поставленных вопросов, поскольку изначально главы правительств на работу конференции отводили 5–6 дней, а также готовы ли к этому другие делегации.

Приоритеты, во всяком случае, обнаружились уже с самого начала конференции. Еще на стадии предварительных консультаций, в том числе бесед министров иностранных дел и глав правительств, проведенных за считаные часы до ее первого заседания, выяснилось, что советская сторона придает первостепенное значение вопросу о Германии как в его военных (скорейший разгром противника), так и политических аспектах (как победителям строить с ней отношения дальше). Американская сторона отдавала предпочтение вопросу о создании международной организации безопасности, а британская — польскому вопросу. При этом, как показали события, от обсуждения отдельных аспектов германской проблемы, связанных

с послевоенным урегулированием, американская и британская делегация хотели бы уклониться. Тогда как советская делегация с подозрением относилась к американским планам создания международной организации, опасаясь некоего нового пресловутого «единого фронта» империалистов против социалистического государства. Не стремилась она и к интернационализации польского вопроса. Еще в беседе с А. Иденом 4 февраля В. М. Молотов заявил: «Главное сейчас состоит в том, чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена»[41].

Но стороны понимали, что если они откажутся от обсуждения вопросов, которые хотя бы одна из них считает для себя главными, то они заведут конференцию в тупик. Такого поворота событий они по объективным причинам стремились во что бы то ни стало избежать, поэтому, скрепя сердце, соглашались на обсуждение неприятных для себя тем и прилагали усилия к поиску по ним взаимоприемлемых компромиссов.

Три указанных вопроса и стали центральными в дискуссиях на Ялтинской конференции. По этим вопросам на конференции были приняты самые важные по существу и резонансные с точки зрения общественности решения. Если судить по опубликованным материалам Ялтинской конференции, то на эти три вопроса приходилось не меньше половины объема всей работы, выполненной делегациями.

На конференции затрагивались и многие другие темы. Большое оживление вызвал вопрос о статусе Франции, претендовавшей на более значимую роль в составе антигитлеровской коалиции, чем другие освобожденные страны, и стремившейся войти в более тесные отношения с тремя державами. Сторонам понадобилось согласовывать свои взгляды по ряду положений американского проекта «Декларации об освобожденной Европе». Во время беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом 8 февраля обсуждался вопрос о помощи, которую Советский Союз мог бы оказать Соединенным Штатам в войне с Японией, и о перспективе вступления в эту войну СССР на стороне своих союзников.

Участники конференции проявили интерес к положению в отдельных странах Европы (Болгария, Румыния, Греция, Югославия) и Азии (Иран, Китай, Корея, Индокитай). Британская делегация постаралась привлечь внимание к вопросу о границах между Италией и Югославией, а также между Югославией и Австрией. Советская делегация поставила вопрос о пересмотре конвенции относительно режима черноморских проливов. В беседе И. В. Сталина с У. Черчиллем 10 февраля обсуждалась судьба военнослужащих обоих государств, освобожденных из немецкого плена в ходе наступательных операций союзных войск. По ряду перечисленных вопросов были приняты формальные решения или, во всяком случае, согласованы позиции, закрепленные в итоговых документах. Но некоторые из них в силу отмеченных выше причин — недостатка времени или принципиальных разногласий — остались нерешенными.

Во время конференции иногда возникали напряженные моменты, обычно при обсуждении каких-то спорных вопросов: о германских репарациях, членстве в будущей международной организации безопасности советских республик, формировании общепризнанного союзниками правительства Польши и некоторых других. Но в целом на заседаниях царила творческая, доброжелательная атмосфера. Годы спустя член советской делегации заместитель народного комиссара иностранных дел И. М. Майский писал: «Немалую роль в поддержании духа сотрудничества за столом конференции играл лично Рузвельт, с большим искусством выполнявший функции председателя. Он был спокоен, выдержан, остроумен и с полуслова улавливал мысль оратора. Он умел также вовремя предложить какое-либо решение или формулу, которые примиряли точки зрения спорящих»[42].

Открывая первое заседание конференции, американский президент сумел задать верную тональность предстоящим нелегким переговорам. Руководители трех держав, сказал американский президент, «уже хорошо понимают друг друга... Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира. Поэтому участники совещания могут приступить к своим неофициальным беседам... Нужно беседовать откровенно. Опыт показывает, что откровенность в переговорах позволяет быстрее достичь хороших решений»[43].

Германский вопрос

Военные аспекты

В соответствии с пожеланиями советской делегации на заседании глав правительств вечером 4 февраля обсуждалось положение на фронтах войны с фашистской Германией. И. В. Сталин не случайно настаивал на том, чтобы этот вопрос рассматривался в первоочередном порядке. Сделать это было важно не только по той очевидной причине, что не следовало пренебрегать любой возможностью, чтобы приблизить победу над врагом. Советский руководитель осознавал свое большое моральное преимущество перед союзниками, которое ему обеспечивали могущество и победы Красной армии. Тем самым он укрепил бы позиции советской делегации на переговорах с союзниками, которые, как он опасался (и неоднократно во время конференции давал это понять), действовали по уговору между собой и в отношении которых он формально находился в меньшинстве.

Открыв заседание, Ф. Рузвельт почти сразу же предоставил слово для доклада начальнику Генерального штаба Красной армии. Генерал А. И. Антонов сообщил об успешных результатах наступления, предпринятого советскими войсками в середине января по широкому фронту от Немана до Карпат. Он подчеркнул, что эту операцию советское командование планировало начать позже, при более благоприятных погодных условиях, однако учитывая «тревожное положение, которое в конце минувшего года сложилось на западном фронте в связи с наступлением немцев в Арденнах, Верховное командование советских войск дало приказ начать наступление... не ожидая улучшения погоды». На направлении главного удара Красная армия обеспечила себе более чем двойное превосходство в пехоте и подавляющее — в артиллерии, танках и авиации, что позволило достигнуть целей наступления: занять вражескую территорию глубиной до 500 км, овладеть Силезским промышленным районом, окружить крупные группировки немецких войск в Восточной Пруссии и других местах, разгромить 45 дивизий противника и т. д. В заключение А. И. Антонов сформулировал ряд пожеланий в адрес союзников, звучавших скорее как упрек: «Ускорить переход союзных войск в наступление на западном фронте», а также «ударами авиации... препятствовать противнику производить переброски своих войск на восток с западного фронта, из Норвегии и из Италии»[44].

Доклад А. И. Антонова произвел сильное впечатление на членов западных делегаций. Было заметно, что они растерялись. В ответ на приглашение И. В. Сталина задавать вопросы Ф. Рузвельт невпопад спросил: «Предполагает ли советское правительство перешивать германские железные дороги на более широкую колею?» А. И. Антонов ответил, что советское командование просто вынуждено это делать, поскольку трофейные поезда и вагоны «малопригодны для использования», но лишь «на минимальном количестве направлений». Со своей стороны, У. Черчилль, успевший собраться с мыслями, исправил оплошность, которую допустил несколькими часами ранее фельдмаршал Х. Александер. Британский премьер-министр предложил начальникам штабов союзных армий подумать над таким вопросом: «Не следует ли перебросить часть войск союзников (из Италии. — *Прим. ред.*) через Люблянский проход на соединение с Красной армией?»[45]

Затем с докладом выступил начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Судя по записи, он не особенно упирал на достижения союзных войск и даже признал, что «в течение некоторого времени операции на западном фронте развивались медленно из-за задержки в снабжении». Однако он заверил присутствовавших, что «последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы» и в текущее время накапливаются необходимые силы и средства для развертывания крупных наступательных операций во второй декаде февраля. Отдельно Дж. Маршалл остановился на действиях союзной авиации, влекущей «большие разрушения» на территории противника и совершающей «также налеты на пути сообщения». Он огласил якобы только что полученные сведения о том, что «были произведены налеты на железнодорожные составы с войсками, следовавшие на советско-германский фронт»,

при этом отметив, что главной целью бомбардировок с воздуха являются немецкие верфи, выпускающие подводные лодки усовершенствованной конструкции, поскольку «они могут представлять собой серьезную угрозу для судоходства союзников»[46].

У. Черчилль воспользовался этим замечанием американского генерала, чтобы пожелать успеха советским войскам, окружившим противника в Восточной Пруссии: «Сейчас очень важна скорость продвижения советских войск, поскольку Данциг является одним из мест, в которых сконцентрировано много подводных лодок». Одновременно он, учитывая, что британской и американской армиям предстоит в ближайшее время преодолеть мощную водную преграду в виде Рейна, попросил советских военных поделиться опытом, «в особенности, что касается форсирования рек по льду»[47].

Когда У. Черчилль закончил, И. В. Сталин задал ряд вопросов Дж. Маршаллу, выясняя различные обстоятельства подготовки союзников к наступлению: какова длина фронта, на котором предполагается осуществить прорыв; есть ли у немцев укрепления; будут ли у союзников резервы для развития успеха; какое количество танковых дивизий сосредоточили союзники на участке предполагаемого прорыва; сколько самолетов у союзников; каково превосходство союзников в пехоте и в артиллерии? Слушая ответы Дж. Маршалла, советский руководитель иногда вставлял свои замечания, суть которых сводилась к тому, что союзникам было бы полезно позаимствовать кое-что из советского опыта успешных наступательных операций.

Затем И. В. Сталин спросил: «Какие пожелания у союзников имеются в отношении советских войск?» У. Черчилль сказал, что «хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить глубокую благодарность и восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной армией в ее наступлении». И. В. Сталин принял это заявление как должное: «Зимнее наступление Красной армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга. Согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление... [но] считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Сталин, хочет, чтобы деятели союзных держав учли, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности». После таких слов и Ф. Рузвельт подтвердил, что «полностью согласен с мнением маршала Сталина»[48].

В итоге состоявшейся дискуссии главы правительств поручили начальникам военных штабов собраться на следующий день, чтобы «обсудить положение не только на восточном и западном фронтах, но и на итальянском фронте, а также вопрос о том, как лучше всего использовать наличные силы». В конце заседания У. Черчилль предложил посвятить следующий день работы конференции «политическим вопросам, а именно — о будущем Германии... если у нее будет какое-либо будущее». На эти слова живо отреагировал И. В. Сталин, возразив, что «Германия будет иметь будущее»[49].

Дискуссия, состоявшая на Ялтинской конференции на следующий день, выявила глубокие различия в подходах сторон к германскому вопросу. Западные представители явно пытались свести дело к текущим задачам управления поверженной Германией, не желая связывать себе руки решениями относительно ее будущего положения и устройства. Советскую делегацию, напротив, занимали в первую очередь именно вопросы будущего устройства Германии и ее отношений со странами, пострадавшими от германской оккупации во время войны.

Открывая 5 февраля заседание глав правительств, Ф. Рузвельт заявил: «Нам следовало бы выбрать вопросы, относящиеся к Германии. Вопросы же мирового порядка... могут быть отложены. Один из вопросов... — это вопрос о зонах оккупации. Речь идет не о постоянной, а о временной оккупации. Вопрос этот становится все более и более актуальным. Следует также обсудить вопрос о желании Франции иметь свою собственную зону оккупации в Германии. Оккупация связана с вопросом о контрольном аппарате».

Едва Ф. Рузвельт закончил, И. В. Сталин предложил свою программу обсуждения германского вопроса. Акценты в ней были расставлены совершенно иначе. Он считал необхо-

А. И. Антонов

Х. Александер

Дж. Маршалл

димым, во-первых, рассмотреть «предложения о расчленении Германии», а также напомнил об обмене мнениями, который имел место по этому поводу между главами трех держав в Тегеране и между ним и У. Черчиллем в Москве в октябре 1944 г. Поскольку ни в Тегеране, ни в Москве никаких решений не было принято, это следовало сделать теперь. Во-вторых, необходимо было, чтобы союзники договорились между собой и о статусе послевоенной Германии. И. В. Сталин так сформулировал стоящую перед ними задачу: «Допустим ли мы образование в Германии какого-либо центрального правительства или ограничимся тем, что в Германии будет создана администрация, или если будет решено все же расчленить Германию, то там будет создано несколько правительств по числу кусков, на которые будет разбита Германия?» В-третьих, советского руководителя беспокоил вопрос: «Оставят союзники или нет правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует?» По его мнению, методы, которыми действовали западные державы в связи с капитуляцией Италии в 1943 г., вряд ли применимы по отношению к Германии. Наконец, в-четвертых, требовалось решить «вопрос о репарациях, о возмещении Германией убытков, вопрос о размерах этого возмещения». В заключение своего выступления И. В. Сталин пояснил, что не выдвигает альтернативной программы дискуссии, а просто предлагает обсудить указанные вопросы лишь «дополнительно к вопросам, поставленным президентом»[50].

Предложенные И. В. Сталиным темы дискуссии фактически и обсуждались на Ялтинской конференции в первоочередном порядке.

Политические аспекты

Ф. Рузвельт сразу же оценил другой масштаб подхода советского руководителя к германской проблеме: «Вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния (Германии после войны. — *Прим. ред.*)». Но он не возражал против расширения поля дискуссии, скорее, наоборот, даже поддержал эту идею. По мнению американского президента, вопросы, поставленные И. В. Сталиным, прямо «вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии... Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии». И. В. Сталин сразу подхватил его слова. Если союзники, заметил он, «предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать»[51].

Однако с этим предложением не согласился У. Черчилль. Не возражая в принципе против раздела единой Германии на ряд небольших государств, он высказался против любых скоропалительных мер. Британский премьер-министр утверждал, что «самый метод проведения границ отдельных частей Германии слишком сложен для того, чтобы этот вопрос можно было решить здесь в течение пяти-шести дней». Такому решению, по его словам, должны предшествовать «весьма тщательное изучение исторических, этнографических и экономических фактов и длительное обсуждение этого вопроса в течение недель в подкомитете или в комитете, которые будут созданы для детальной разработки предложений и представления рекомендаций в отношении образа действий».

Казалось бы, У. Черчилль достаточно ясно изложил свои взгляды по вопросу о разделении Германии. Но было очевидно, что эта проблема болезненно задевала британские интересы и его собственные убеждения. Если бы его самого, продолжал британский премьер-министр, спросили, как разделить Германию, он не знал бы, что ответить, «только смог бы лишь намекнуть на то, как ему казалось бы целесообразным сделать это». Да и это предположение он не смог бы высказать без оговорок и «должен был бы сохранить за собой право изменить свое мнение, когда он получил бы рекомендации комиссий, изучающих этот вопрос». Но в глубине души У. Черчилль убежден, что первопричина всех зол, постигших народы Европы и саму Германию, — это сильная милитаристская Пруссия. Отсюда он делал вывод: «Если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена». Поэтому его личное мнение, что «создание еще одного большого Германского государства на юге, столица которого могла бы находиться в Вене, обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией. Население Германии было бы поровну поделено между этими двумя государствами».

Ф. Рузвельт и У. Черчилль обсуждают планы союзников на Ялтинской конференции

Лидеры большой тройки за столом переговоров на Ялтинской конференции

Считая, что вопрос о расчленении Германии нуждается в дополнительной проработке, У. Черчилль вместе с тем определенно высказался в пользу ее территориального ослабления. В частности, он согласился с тем, что она «должна потерять часть территории, которая сейчас уже в значительной степени завоевана русскими войсками и которая должна быть отдана полякам». Не исключено, что она будет вынуждена ужаться не только на востоке, но и на западе: «Имеются также вопросы, связанные с Рейнской долиной, границей между Францией и Германией, и вопрос о владении промышленными районами Рура и Саара, которые обладают военным потенциалом (в смысле возможного производства там вооружения)». Но по этим вопросам У. Черчилль пока не имел готовых решений: «Следует ли эти районы передать Франции или следует их оставить в ведении немецкой администрации, или установить над ними контроль мировой организации, или следует создать кондоминиум великих держав на длительный, но ограниченный период времени — все это требует рассмотрения».

Резюмируя свои доводы, У. Черчилль подчеркнул, что одно дело — его личное мнение, а другое — его позиция как премьер-министра: он «не может от имени своего правительства высказать определенные мысли» по вопросу, по которому отсутствует консолидированное мнение кабинета. Тем не менее он уверен, что «британское правительство должно согласовать свои планы с планами союзников», поэтому он выходит с предложением о создании союзниками некоей организационной структуры, или, по его формулировке, «аппарата для рассмотрения всех этих вопросов. Такой аппарат должен будет подготовить доклады правительствам, прежде чем правительства примут окончательные решения».

Таким образом, британский премьер-министр четко обозначил свою позицию: вопрос о расчленении Германии следует вынести за скобки дискуссий в Ялте. В остальном же, по его мнению, все обстоит более или менее благополучно: «Союзники неплохо подготовлены к принятию немедленной капитуляции Германии. Все детали этой капитуляции разработаны и известны трем правительствам». Фактически британский премьер-министр предложил вернуться к порядку рассмотрения германского вопроса, предложенному в начале заседания американским президентом. Главам правительств только и остается, утверждал У. Черчилль, что «официально достичь соглашения о зонах оккупации и о самом аппарате контроля в Германии». А далее все должно пойти как по маслу: «Если предположить, что Германия капитулирует через месяц, или через 6 недель, или через 6 месяцев, то союзникам останется лишь занять Германию по зонам»[52].

Но И. В. Сталина доводы британского премьер-министра не убедили. Допустим, заметил он, что «какая-нибудь группа в Германии» заявит о низложении А. Гитлера и объявит себя новым правительством, подобно тому, как это произошло в Италии с Б. Муссолини, неужели союзники согласятся «иметь дело с таким правительством»?

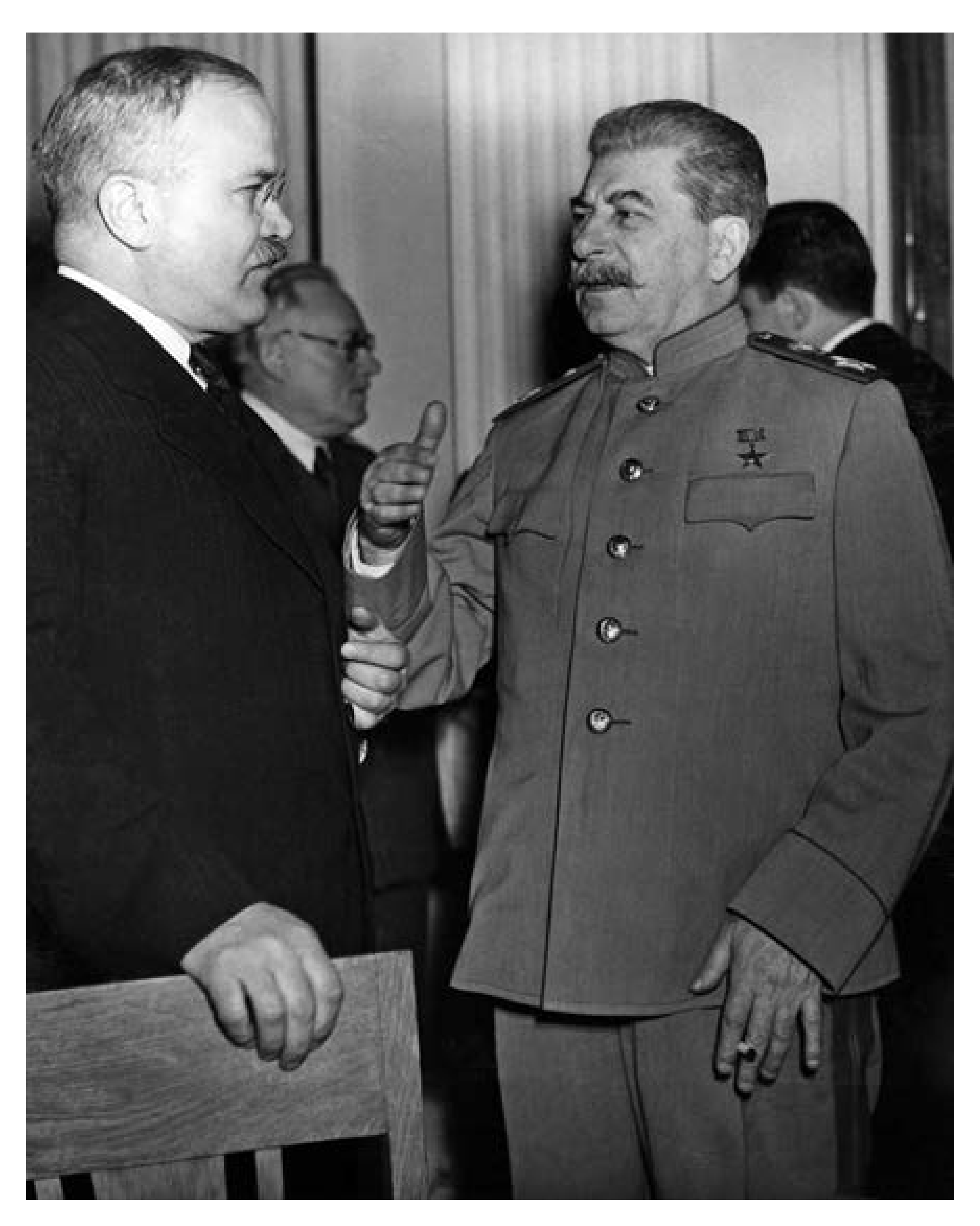
У. Черчилль в ответ на реплику советского руководителя вновь пустился в пространные рассуждения. Прежде всего он пояснил, что не хотел бы предрекать возможный ход событий в Германии. Но если допустить, что «с предложением о капитуляции выступят Гитлер или Гиммлер», то союзники его не примут: «Ясно, что союзники ответят им, что они не будут вести с ними переговоры как с военными преступниками». Всё в таком случае останется по-прежнему, война будет продолжаться. Но возможно, что события примут другой оборот: «Гитлер постарается скрыться или будет убит в результате переворота», а в Германии «будет создано другое правительство, которое предложит капитуляцию». Возникнет новая ситуация, учитывая которую, руководители трех держав должны будут немедленно «проконсультироваться друг с другом», чтобы решить, «можем ли мы говорить с этими людьми». И тогда возможны варианты: «Если мы решим, что можем, то им нужно будет предъявить условия капитуляции. Если же мы сочтем, что эта группа людей недостойна того, чтобы с ней вести переговоры, то мы будем продолжать войну и оккупируем всю страну». По мысли британского премьер-министра, и в том, и в другом случае союзники получат полное и ничем не ограниченное право распоряжаться будущим Германии. Даже если там появятся «новые люди», они будут вынуждены подписать «безоговорочную капитуляцию на условиях, которые им будут продиктованы». Союзники не станут торговаться с ними об их будущем: «Безоговорочная капитуляция дает союзникам возможность предъявить немцам дополнительное требование о расчленении Германии»[53].

Советские, американские и британские дипломаты во время Ялтинской конференции

Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, государственный секретарь США Э. Стеттиниус и министр иностранных дел Великобритании А. Иден на переговорах в Ялте

И. В. Сталин и В. М. Молотов на Ялтинской конференции

И. В. Сталин возразил У. Черчиллю: «Требование о расчленении — это не дополнительное, а очень существенное требование». Этими словами советский руководитель четко обозначил свои разногласия с британским премьер-министром.

Дискуссия между главами советской и британской делегаций приняла острый характер, и Ф. Рузвельт счел нужным вмешаться. Он с сожалением констатировал, что, «кажется, маршал Сталин не получил ответа на свой вопрос, будем ли мы расчленять Германию». Вместе с тем американский президент дал понять, что не отвергает и доводы У. Черчилля. Фактически он призвал стороны к компромиссу, выразив мнение, что вопрос надо решить в принципе, а детали можно отложить на будущее.

И. В. Сталин не замедлил согласиться с американским президентом. Но поскольку У. Черчилль хранил молчание, Ф. Рузвельт продолжал, обращаясь главным образом к своему британскому коллеге: «Премьер-министр говорит о невозможности в настоящий момент определить границы отдельных частей Германии, о том, что весь этот вопрос требует изучения. Правильно. Но самое важное все-таки решить на конференции основное, а именно: согласны ли мы расчленять Германию или нет?» Ф. Рузвельт не усматривал ничего предосудительного в том, чтобы наряду с обычными условиями капитуляции сообщить немцам, что «Германия будет расчленена».

Президент напомнил о том, что на конференции большой тройки в Тегеране он «высказывался за децентрализацию управления в Германии». Он объяснил свою прежнюю позицию тем, что еще в молодости был поражен высокой степенью самоуправления отдельных провинций единого Германского государства: «В Баварии или в Гессене были баварское или гессенское правительства. Это были настоящие правительства. Слова «рейх» еще не существовало». Между тем союзники должны считаться с переменами, которые произошли в Германии за годы нацистской диктатуры: «В течение последних 20 лет децентрализация управления была постепенно ликвидирована. Все администрирование сосредоточилось в Берлине». Поэтому Ф. Рузвельт пересмотрел свои прежние взгляды: «Говорить в наши дни о планах децентрализации Германии — значит, увлекаться утопиями». В нынешних условиях он не видел «иного выхода, кроме расчленения», но пока и у него не было ответа на вопрос о том, каким образом нужно расчленить Германию, на сколько частей — «на 6–7 или меньше». И хотя этот вопрос еще требовалось изучить, по мнению Ф. Рузвельта, «уже здесь, в Крыму, следует договориться о том, скажем ли мы немцам, что Германия будет расчленена». Конкретно он предложил, «чтобы в течение 24 часов три министра иностранных дел подготовили план процедуры изучения расчленения Германии, и тогда можно было бы составить подробный план расчленения Германии в течение тридцати дней».

Это предложение не встретило возражений со стороны У. Черчилля. Хотя он и остался при своем мнении, продолжая утверждать, что «нет необходимости информировать немцев о той будущей политике, которая будет проводиться по отношению к их стране», тем не менее выразил готовность «принять принцип расчленения Германии и учредить комиссию для изучения процедуры расчленения».

И. В. Сталин заявил, что «вполне понимает соображения Черчилля, что сейчас трудно составить план расчленения Германии». Но он и не требует, чтобы немедленно был составлен конкретный план, однако настаивает на том, что указанный «вопрос должен быть решен в принципе и зафиксирован в условиях безоговорочной капитуляции»[54].

В итоге стороны приняли предложение Ф. Рузвельта о том, чтобы министры иностранных дел рассмотрели на своем заседании «возможность включить слова «расчленение Германии» или другую формулировку» в статью 12 условий безоговорочной капитуляции, разработанных Европейской консультативной комиссией[55].

Однако и министры иностранных дел, собравшиеся на свое первое заседание в полдень 6 февраля, не смогли преодолеть разногласия, возникшие накануне между советской и британской делегациями. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус, взявший слово первым, попытался выступить в роли посредника между ними. Впрочем, он не скрывал, что поддерживает доводы британской делегации, прозвучавшие накануне. Он усомнился в

реалистичности советской позиции по спорному вопросу, заявив: «Прежде чем три правительства смогут принять согласованное решение о расчленении Германии, необходимо будет провести большую исследовательскую работу».

Сначала госсекретарь предложил наркому согласиться с тем, что «на этом совещании министры договорятся о принципах»: «Слово «расчленение» можно было бы вставить в пункт (а) статьи 12 условий безоговорочной капитуляции... затем этот вопрос должен быть передан на рассмотрение в Европейскую консультативную комиссию». В. М. Молотов явно воспринял это предложение как попытку «заболтать» важный вопрос. Он решительно возражал госсекретарю: «Нужно зафиксировать в условиях капитуляции определенное мнение союзников о необходимости расчленения Германии». Тогда Э. Стеттиниус спросил советского наркома, нельзя ли включить в условия безоговорочной капитуляции более эластичную формулировку — «право расчленить». Но и в этом случае он натолкнулся на энергичное сопротивление советского коллеги, не допускавшего никакой двусмысленности: «За союзниками признается не только право расчленить Германию. Союзники определенно высказываются за расчленение Германии». Наконец, последняя уловка, к которой прибегнул Э. Стеттиниус, заключалась в том, чтобы апеллировать к авторитету руководителей трех держав. Он спросил В. М. Молотова: «Недостаточно ли того, что вчера на заседании глав правительств принцип расчленения Германии был принят?» Но и этот аргумент не смог поколебать наркома. Он невозмутимо отвечал: мол, хорошо, что они приняли этот принцип, «его следует теперь зафиксировать в документе», то есть в итоговом документе конференции. Британский министр иностранных дел А. Иден попросту взял, что называется, тайм-аут, заявив, что «он должен будет посоветоваться с Черчиллем». На этом заседание министров и закончилось, не приняв никакого решения[56].

Можно догадаться, с каким волнением участники конференции, собравшиеся в четыре часа дня 6 февраля в Ливадийском дворце на заседание глав правительств, ожидали доклада министров о выполнении поручений, полученных ими накануне. Отсутствие компромисса по вопросу, которому советская делегация придавала большое значение, не предвещало ничего хорошего. Ф. Рузвельт, открывший заседание, был даже готов предоставить трем министрам дополнительное время для завершения работы, однако этого не понадобилось. В. М. Молотов сообщил, что «советская делегация согласна с предложением Э. Стеттиниуса в отношении расчленения Германии» и что свое альтернативное предложение нарком снимает. Взявший затем слово госсекретарь сказал: «Таким образом, по этому вопросу достигнуто единодушное решение. Статья 12 будет дополнена словами «и расчленение Германии». Это решение приветствовал британский премьер-министр. У. Черчилль заявил, что «очень благодарен Молотову», а сам он пока «не имел возможности доложить данный вопрос кабинету», но «уверен, что кабинет согласится с принятым решением». Также он выразил удовлетворение, что «соглашение достигнуто в нынешней форме»[57].

Впрочем, о деталях достигнутого компромисса министры иностранных дел договорились только на следующий день, 7 февраля, когда в полдень собрались на заседание в Юсуповском дворце. В. М. Молотов напомнил, что накануне «на совещании глав трех правительств было достигнуто согласие о включении слова «расчленение» в статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии без каких-либо других дополнений». Он предложил подумать, как поступить далее: «Рассмотреть формулировку статьи 12 здесь, на совещании, или поручить это дело комиссии?» Министры приняли решение создать с этой целью комиссию в составе заместителя народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинского, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана и директора европейского отдела Государственного департамента США Ф. Мэттьюса.

Кроме того, В. М. Молотов предложил создать комиссию и «для изучения процедуры расчленения Германии». Эта комиссия, по мнению наркома, должна была постоянно находиться в Лондоне. Поэтому он рекомендовал назначить ее председателем А. Идена, а членами — советского и американского послов в Великобритании Ф. Т. Гусева и Дж. Вай-

нанта. Э. Стеттиниус усомнился, не подорвет ли такое решение авторитет Европейской консультативной комиссии, но В. М. Молотов успокоил его: «Иден, Гусев и Вайнант — это такая комиссия, что авторитет ЕКК будет сохранен». Во всяком случае, продолжал нарком, «поскольку речь идет лишь об изучении процедуры расчленения, то было бы лучше поручить этот вопрос специальной комиссии. Возможно, что на второй стадии этот вопрос мог бы быть передан ЕКК». А. Иден, со своей стороны, не только согласился работать в указанной комиссии, но даже поделился некоторыми соображениями относительно ее задач. Она, по словам британского министра, «пойдет дальше, чем изучение процедуры... Если будет признано необходимым расчленение Германии на отдельные государства, то неизбежно надо будет решить вопросы о времени расчленения, о границах новых государств, о взаимоотношениях этих государств между собой и с другими государствами... надо будет изучить положительные и отрицательные стороны расчленения». В. М. Молотов спросил британского министра: «Является ли изложенное Иденом задачами комиссии?», на что тот ответил утвердительно. Э. Стеттиниус и В. М. Молотов согласились с его предложениями.

Когда в тот же день на заседании глав правительств В. М. Молотова попросили доложить о результатах дискуссии министров, он сообщил: «На совещании стоял вопрос о расчленении Германии. По нему принято два решения: поручить А. Я. Вышинскому, г-ну Кадогану и г-ну Мэттьюсу отредактировать окончательно статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии, имея в виду включение в текст статьи 12 слова «расчленение»; поручить изучить вопрос о процедуре расчленения Германии комиссии в составе г-на Идена, г-на Вайнанта и Ф. Т. Гусева»[58].

О репарациях

5 февраля на заседании глав правительств И. В. Сталин предложил свою программу дискуссии по германскому вопросу. Обменявшись мнениями о расчленении и капитуляции Германии, делегации намеревались идти дальше по списку, предложенному главой советской делегации. В этой связи У. Черчилль поднял «вопрос о правительстве Германии». Но И. В. Сталин, прервав его, заявил, что «предпочитает обсудить вопрос о репарациях». Тем самым он обозначил еще один из приоритетов советской внешней политики на ближайшую перспективу.

Делегации не возражали против предложения И. В. Сталина. При этом Ф. Рузвельт выразил готовность обсудить общие принципы политики союзников по этой проблеме: «Вопрос о репарациях имеет несколько сторон. Во-первых, малые страны, такие как Дания, Норвегия, Голландия, также пожелают получить репарации с Германии. Во-вторых, возникает вопрос об использовании германской рабочей силы». Поинтересовавшись, «какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз», американский президент веско заявил: «Что касается Соединенных Штатов Америки, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила».

И. В. Сталин заметил, что хотя «к обсуждению... вопроса об использовании германской рабочей силы советское правительство пока еще не готово... у Советского правительства имеется план материальных репараций». Услышав заявление советского руководителя, У. Черчилль насторожился: «Нельзя ли кое-что узнать о советских репарационных планах?» И тогда И. В. Сталин предоставил слово заместителю народного комиссара иностранных дел И. М. Майскому, который изложил основные положения советского плана материальных репараций:

1. Репарации должны взиматься с Германии не деньгами, а натурой;

2. Эти натуральные платежи осуществлять в двух формах: «а) единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее, по окончании войны (фабрики, заводы, станки, суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранные предприятия и т. п.) и б) ежегодные товарные поставки после окончания войны»;

3. Выплата репараций должна привести к экономическому разоружению Германии, что «означает изъятие 80% оборудования тяжелой промышленности Германии (металлургия, машиностроение, металлообработка, электротехника, химия и т. д.)»; что касается авиастроительных и специализированных военных предприятий, а также заводов по производству синтетического топлива, то они должны быть изъяты полностью, на 100%;

4. Единовременные изъятия из национального богатства должны быть осуществлены в течение двух лет по окончании войны, а весь срок репараций устанавливается в 10 лет;

5. Над экономикой Германии установить строгий контроль со стороны СССР, США и Великобритании, причем сохранять его и по истечении срока выплаты репараций;

6. Учитывая необъятные масштабы ущерба, причиненного другим странам, разумно ограничиться тем, что потребовать от Германии возмещения только прямых материальных потерь (разрушение или повреждение домов, заводов, железных дорог, научных учреждений, конфискация скота, хлеба, частного имущества граждан и т. д.), но поскольку даже эти потери превышают сумму возможных репараций, «придется, очевидно, установить известную очередность в получении возмещения теми странами, которые имеют на него право. В основу этой очередности должны быть положены два показателя: а) размеры вклада данной страны в дело победы над врагом и б) размеры прямых материальных потерь данной страны. Страны, имеющие высшие показатели по обеим рубрикам, должны получить репарации в первую очередь, все остальные страны — во вторую очередь»;

7. Было бы справедливо получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 млрд долларов;

8. Для разработки репарационного плана союзников на базе указанных принципов должна быть создана особая репарационная комиссия из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в Москве.

Главы британской и американской делегаций с противоречивыми чувствами выслушали сообщение И. М. Майского. С одной стороны, они, безусловно, признавали право любой страны на возмещение ущерба, который им причинила агрессия Германии, но с другой — им показались нереалистичными и даже вредными принципы, положенные в основу советского репарационного плана.

Первым высказал свое мнение У. Черчилль, призвав вспомнить уроки Первой мировой войны: «Репарации доставили тогда большое разочарование. От Германии удалось получить с большим трудом всего лишь 1 миллиард фунтов». Но, по его словам, «даже и этой суммы нельзя было бы получить», если бы Соединенные Штаты и Великобритания не инвестировали в германскую экономику значительные капиталы. Британский премьер-министр воздал должное Советскому Союзу, который принес на алтарь победы больше, чем любая другая страна. С пониманием он отнесся и к намерению советских руководителей получить из Германии столь необходимое стране промышленное оборудование. Но он удивлялся: разве непонятно, что «из разбитой и разрушенной Германии невозможно будет получить такие количества ценностей, которые компенсировали бы убытки даже только одной России». Снова и снова обращался он к известной исторической аналогии: «Англичане в конце прошлой войны тоже мечтали об астрономических цифрах, а что получилось?» Кроме того, от германской агрессии понесли ущерб и другие страны, в том числе Великобритания. Помимо прямых материальных потерь — «большая часть ее домов разрушена или повреждена», пострадали ее торговля и финансы. Причем У. Черчилль дал понять, подвергая тем самым сомнению обоснованность одного из базовых принципов советского репарационного плана, что общий ущерб от войны для экономики его страны намного перекрывает размер прямых материальных потерь. Великобритания была вынуждена распродать свои заграничные активы, закупать за границей половину необходимого продовольствия, увязла в долгах. «Никакая другая страна, — утверждал У. Черчилль, — из числа победителей не окажется в конце войны в столь тяжелом экономическом и финансовом положении, как Великобритания». И тем не менее он отверг бы предложение «поддержать английскую экономику путем взимания репараций с Германии», поскольку «сомневается в успехе»[59].

И. В. Сталин на переговорах с президентом США Ф. Рузвельтом во время Ялтинской конференции

И. В. Сталин выходит из Ливадийского дворца в Ялте

Британский премьер-министр предлагал подумать и о том, что будет с Германией, если снова повесить на нее бремя репараций: «Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли, в конце концов, так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?» И. В. Сталин заметил, что «все эти вопросы, конечно, рано или поздно встанут». В итоге У. Черчилль поддержал идею создания «репарационной комиссии, которая вела бы свою работу в секретном порядке»[60].

Затем слово взял Ф. Рузвельт. Чтобы объяснить свое отношение к основным положениям советского репарационного плана, он также воспользовался историческими аналогиями, заявив, что «тоже хорошо помнит прошлую войну и помнит, что Соединенные Штаты потеряли огромное количество денег». Президент упомянул о 10 млрд долларов, которые ссудили Веймарской Республике американские банкиры, а также о германской собственности, конфискованной во время Первой мировой войны, которая потом была возвращена немцам. Он заверил своих партнеров, что теперь по отношению к Германии США не будут повторять прежних ошибок: «Несмотря на великодушие Соединенных Штатов, которые оказывают помощь другим странам», он не собирается «гарантировать будущее Германии». Прежде всего США, по словам президента, «не хотят, чтобы в Германии жизненный уровень населения был выше, чем в СССР», поэтому американское правительство стремится «помочь Советскому Союзу получить из Германии все необходимое».

Но вместе с тем Ф. Рузвельт поддержал и мнение У. Черчилля, что «нужно немного подумать о будущем Германии». В частности, он не допускал сомнения в том, что «в Германии нужно будет оставить столько промышленности, сколько нужно, чтобы немцы не умирали с голоду». Ф. Рузвельт признал, что «наступило время для создания репарационной комиссии по изучению нужд СССР и других европейских стран». Не возражал он и против того, чтобы эта комиссия заседала в Москве. Предложение назначить советскую столицу местопребыванием комиссии поддержал и британский премьер-министр[61].

Казалось бы, вопрос был исчерпан, но И. М. Майский посчитал своим долгом ответить на критику советского репарационного плана, прозвучавшую из уст премьер-министра и президента. Он заявил, что неправомерно ссылаться на неудачу с взысканием репараций после Первой мировой войны, поскольку причина этой неудачи «крылась не в том, что общая сумма репараций с Германии была слишком велика», а в том, что «союзники требовали с Германии репарации не в натуре, а главным образом в деньгах». Из-за того что Германия по тем или иным причинам не смогла обеспечить себе «необходимого количества иностранной валюты», провалился и весь репарационный план. По убеждению советского дипломата, этого бы не произошло, «если бы союзники были готовы получать репарации в натуре». Впрочем, союзники и сами «поощряли немцев к невыполнению своих репарационных обязательств», инвестируя крупные капиталы в экономику Германии. Чтобы на этот раз избежать неприятностей, советская делегация как раз и предложила «взимать репарации в натуре». Вместе с тем И. М. Майский выразил надежду, что и Запад не повторит прежних ошибок, «США и Англия на этот раз не станут финансировать Германию после окончания войны».

Размер репараций, продолжал И. М. Майский, на которые претендует Советский Союз, отнюдь нельзя признать для Германии непосильным, ведь 10 млрд долларов — это «всего лишь 10% государственного бюджета Соединенных Штатов» или 2,5% годового бюджета Великобритании мирного времени. «Можно ли в таком случае говорить о чрезвычайности выдвигаемых Советским Союзом требований? Ни в коем случае. Скорее, можно говорить об их излишней скромности». Также И. М. Майский отметил, что подозрения, будто бы СССР задался целью «превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну», совершенно несправедливы. Несмотря на расходы по выплате репараций, Германия «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и легкой индустрии. Для этого имеются все условия. Никаких специальных ограничений в отношении двух только что названных отраслей германской экономики советским репарационным планом не предусмотрено». К тому же нужно учитывать, что «послевоенная Германия будет совершенно свободна от расходов на вооружения, ибо будет полностью разоружена»,

и одно «это даст большую экономию». Поэтому можно не сомневаться, заключил советский дипломат, «немецкому народу будет обеспечено приличное существование»[62].

Главы делегаций внимательно выслушали доводы советского дипломата. Когда он упомянул о том, что после войны Германия будет свободна от бремени военных расходов, У. Черчилль воскликнул: «Да, это очень важное обстоятельство!» Но когда И. В. Сталин предложил создать репарационную комиссию здесь же, на конференции, премьер-министр заявил, что, по его убеждению, в этом сейчас нет необходимости: «На конференции нужно лишь принять решение, что должна быть создана репарационная комиссия, которая в дальнейшем рассмотрит претензии и те активы, которые будут в наличии у Германии, а также установит приоритеты при их распределении». У. Черчилль согласился с тем, что следует определить очередность в получении репараций. Но предложенные советской стороной критерии показались ему несправедливыми: «Было бы желательно при фиксации очередности учитывать не только вклад нации в дело победы, но также и пережитые ею страдания». Впрочем, добавил он, «по любому из этих признаков СССР занимает первое место». У. Черчилль воздержался от детальной оценки репарационного плана, представленного советской делегацией, сославшись на то, что «для его рассмотрения требуется время».

Такой результат не устраивал И. В. Сталина. Глава советской делегации подчеркнул, что «даже самая лучшая комиссия не сможет дать многого, если она не будет иметь надлежащих руководящих линий для своей работы. Необходимо теперь же, на этой конференции, наметить такие руководящие линии». И. В. Сталин попытался отстоять и предложенные советской стороной критерии, в соответствии с которыми определялась бы очередность получения репараций отдельными странами. Он заявил, что «основным принципом при распределении репараций должен быть следующий: репарации в первую очередь получают те государства, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Эти государства — СССР, США и Великобритания». Для большей убедительности И. В. Сталин повторил: «Возмещение должны получить не только русские, но также американцы и англичане и притом в максимально возможном размере». В ответ на прямой вопрос И. В. Сталина, согласны ли они с его мнением, Ф. Рузвельт ответил, что согласен, У. Черчилль — что не возражает.

Далее советский руководитель обратил внимание американской и британской делегаций на то, что «при подсчете активов, которыми Германия будет располагать для уплаты репараций, надо исходить не из нынешнего положения, а принимать во внимание те ресурсы, которыми Германия будет располагать по окончании войны, когда все население вернется в страну, а фабрики и заводы начнут работать». Тогда, продолжал он, Германия будет обладать значительно большими материальными возможностями, чем теперь, поэтому первоочередные получатели германских репараций «смогут рассчитывать на довольно значительное возмещение своего ущерба». И. В. Сталин закончил выступление пожеланием, умеренность которого оценили все присутствующие: «Хорошо было бы, чтобы обо всем этом поговорили между собой три министра иностранных дел и затем доложили конференции». У. Черчилль не стал спорить и поддержал мнение о том, что «конференция должна наметить главные пункты директив для комиссии».

На следующий день, 6 февраля, министры не успели выполнить соответствующее поручение глав правительств. Как отмечалось выше, все время у них ушло на дискуссию по другому важному вопросу — о расчленении Германии. По предложению В. М. Молотова они перенесли вопрос о репарационной комиссии на следующее заседание[63].

Лишь 7 февраля министры иностранных дел приступили к обсуждению вопроса о репарациях. Советские предложения огласил эксперт народного комиссариата иностранных дел С. А. Голунский. Если сравнить их с основными положениями советского репарационного плана, которые изложил И. М. Майский на заседании глав правительств 5 февраля, то имеются по крайней мере два важных отличия. Изменились критерии определения очередности получения репараций отдельными странами. И. М. Майский говорил о двух критериях: вкладе в победу и размере прямых материальных потерь. Из нового варианта предложений

второй критерий выпал, и остался единственный — вклад в победу. «Репарации, — говорилось в документе, который зачитал С. А. Голунский, — в первую очередь получают те страны, которые вынесли на своих плечах главную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Все остальные страны получают репарации во вторую очередь». Кроме того, в новом варианте впервые определялся общий размер репараций, которые должна была выплатить Германия, причем с их разверсткой по основным странам: соответственно 20 млрд долларов, из которых СССР получал 10 млрд, Великобритания и США вместе — 8 млрд, все остальные страны — 2 млрд[64].

Затем слово взял В. М. Молотов, который постарался обосновать содержащиеся в советских предложениях количественные показатели. Прежде всего он заявил, что поскольку Советский Союз претендует на репарации в размере 10 млрд долларов, «было бы несправедливым, если бы мы не указали суммы репараций, причитающихся США и Соединенному Королевству». И далее он почти слово в слово повторил доводы, к которым ранее уже прибегнул И. В. Сталин. «Возможно, — заметил нарком, — что США и Соединенное Королевство не интересуются станками и другим промышленным оборудованием, но они интересуются такими видами репараций, как сырье, инвестиции и т. п.». В. М. Молотов также пояснил, что, по мнению советской делегации, репарации должны равными долями состоять из «единовременных изъятий из национального богатства Германии» и ежегодных товарных поставок. В стоимостном выражении размер каждой доли равняется 10 млрд, итого — 20 млрд долларов. Нарком подчеркнул, что все количественные показатели советского плана глубоко обоснованны. Согласно приведенным им расчетам, «намечаемые изъятия составят около 13–14% всего национального богатства Германии», тогда как ежегодные товарные поставки — «всего лишь 5–6% послевоенного национального дохода Германии». Таким образом, сказал в заключение В. М. Молотов, «советская сторона твердо стояла на почве реальных возможностей Германии, не увлекаясь никакими фантастическими планами»[65].

Выслушав В. М. Молотова, британский и американский министры воздержались от общей оценки советских предложений, сославшись на то, что сначала должны их тщательно изучить. Впрочем, А. Иден высказал пожелание, чтобы не только «военные усилия служили базой при определении репараций», но и понесенные народами жертвы: «Надо упомянуть оба указанных принципа, так как в противном случае сложится впечатление, что мы забираем себе всё, игнорируя малые нации». Но ни он, ни Э. Стеттиниус не возражали против предложения наркома «считать согласованным вопрос о том, чтобы доложить совещанию глав трех правительств о нашем решении продолжить изучение репарационного вопроса здесь, в Крыму, а также о том, чтобы создать репарационную комиссию, которая немедленно приступит к работе в Москве»[66].

После обмена мнениями слово снова было предоставлено эксперту НКИД, который зачитал советские предложения о создании Межсоюзной репарационной комиссии[67]:

1. Комиссия состоит из трех представителей, по одному от СССР, США и Великобритании, каждый из представителей может привлекать к работам комиссии любое количество экспертов;

2. Задачей комиссии является разработка подробного плана взимания репараций с Германии на основе принципов, принятых Крымской конференцией трех держав;

3. Правительства СССР, США и Великобритании определят, когда к работам комиссии будут привлечены представители других союзных стран, а также формы их участия в работе комиссии;

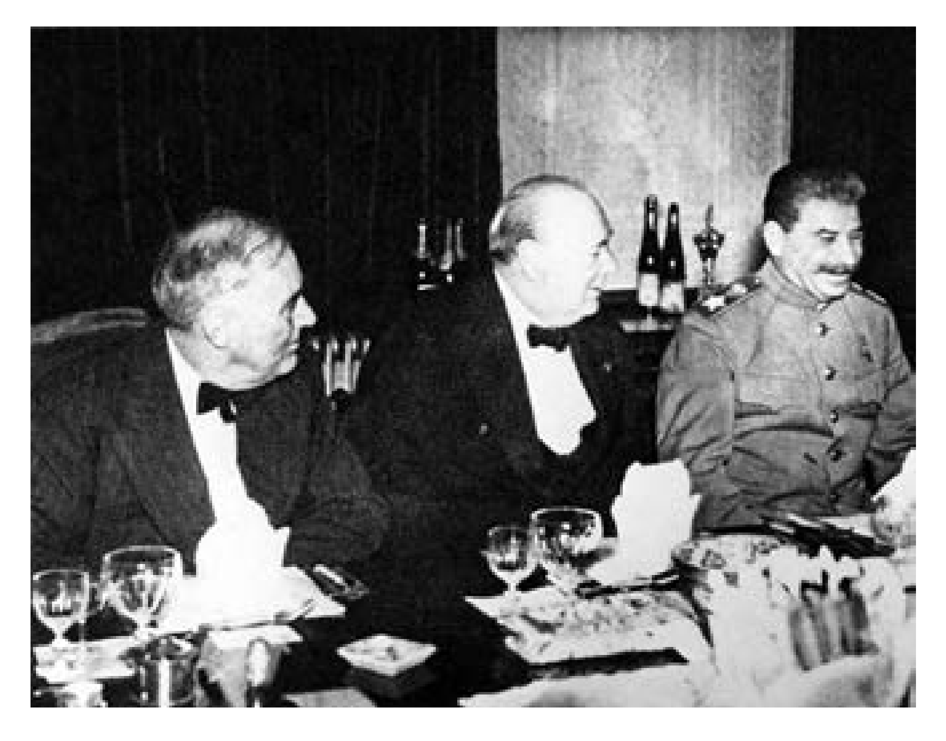
4. Работа комиссии ведется в строго секретном порядке;

5. Местом пребывания комиссии является город Москва.

Выслушав эксперта, А. Иден заявил, что «это прекрасные предложения». Э. Стеттиниус также одобрил их, но с оговоркой, что «принципы взимания репараций подлежат еще одобрению конференцией глав трех правительств». Вместе с тем он посетовал, что новая комиссия будет дублировать деятельность других организационных структур, создаваемых союзниками. По его словам, «вопрос о германской промышленности будет обсуждаться в трех

У. Черчилль и А. Иден входят в Ливадийский дворец в Ялте

И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт на банкете во время Ялтинской конференции

местах: в ЕКК, в репарационной комиссии в Москве и в контрольном совете для Германии». Он высказался за создание некоего координирующего центра. А. Иден, со своей стороны, заметил, что вопрос о германской промышленности тесно связан с более широким вопросом о будущей безопасности, о чем надо упомянуть в решении.

В ответ В. М. Молотов резонно возразил, что «репарационная комиссия должна заняться вопросом германской промышленности, поскольку это связано с репарациями», поэтому вопрос о будущей безопасности для нее «является не главным, а второстепенным». К тому же, подчеркнул нарком, «будущая безопасность является не только делом... комиссий, но и делом правительств». С этим замечанием В. М. Молотова все согласились и поручили ему подготовить проект решения министров для доклада главам правительств[68].

В тот же день, 7 февраля, В. М. Молотов доложил главам правительств, что на совещании министров относительно репараций принято следующее решение:

1. Считать согласованным вопрос о том, чтобы в первом параграфе советских предложений сделать ссылку также и на понесенные жертвы;

2. Местом пребывания комиссии по репарациям установить город Москву; считать необходимым, чтобы комиссия приступила к работе немедленно после одобрения принципов взимания репараций;

3. Продолжить во время Крымской конференции рассмотрение внесенных В. М. Молотовым двух документов по репарационному вопросу: об основных принципах взимания репараций с Германии и об организации межсоюзной репарационной комиссии.

К обсуждению обоих документов стороны вернулись спустя два дня — столько времени понадобилось американской и британской делегациям на изучение советских предложений. В полдень 9 февраля в Ливадийском дворце открылось очередное заседание министров иностранных дел, на котором Э. Стеттиниус передал своим коллегам текст американских предложений по вопросу о репарациях. Как пояснил госсекретарь, они «исходят в основном из предложений, внесенных советской делегацией на рассмотрение трех министров».

Действительно, те разделы американского документа, где речь шла о принципах очередности, формах взыскания репараций, по существу (за исключением второстепенных деталей) совпадали с советским проектом основных принципов взимания репараций с Германии, представленным 7 февраля. Однако какие-либо количественные показатели размера репараций и их разверстки между странами отсутствовали. Вместо этого говорилось: «Московская комиссия прежде всего изучит вопрос об общей сумме германских репараций в форме изъятия из национального богатства и ежегодных товарных поставок после окончания войны. Проводя это изучение, комиссия рассмотрит, какие совместные шаги должны быть предприняты с целью уничтожения или сокращения производства различных важных отраслей германской промышленности с точки зрения общей демилитаризации Германии. В первоначальной стадии своей работы комиссия примет во внимание предложение советского правительства об общей сумме репараций в 20 миллиардов долларов для всех видов репараций»[69].

Естественно, это никого ни к чему не обязывающее положение не понравилось советским представителям. И. М. Майский, присутствовавший на заседании министров, потребовал последнюю фразу изменить, предложив более мягкую по сравнению с советским проектом, но все же принудительную формулировку: «Репарационная комиссия в своей работе будет исходить из цифры 20 миллиардов долларов как базы для дискуссии». В. М. Молотов, со своей стороны, заметил, что было бы достаточно указать минимальную сумму репараций, причитающуюся Советскому Союзу, то есть 10 млрд долларов.

Ни с той, ни с другой поправкой Э. Стеттиниус не согласился. Было бы лучше, заметил он, «передать вопрос о суммах репараций на рассмотрение репарационной комиссии», а в настоящее время никаких обязательств в этом отношении он на себя взять не может. Впрочем, он не исключил, что можно будет гарантировать Советскому Союзу предоставление «50% от общей суммы репараций». Такая формулировка не встретила возражений у В. М. Молотова, хотя он отметил, что предпочел бы зафиксировать размер советской доли в 10 млрд

долларов, поскольку пока не ясно, окажется эта сумма «меньше или больше 50% от общей суммы репараций».

Прениям по этому вопросу положил конец Э. Стеттиниус, заявивший, что «сейчас не может дать согласие на то, чтобы указать общую сумму 20 миллиардов долларов как основу для обсуждения в репарационной комиссии и чтобы 50% от этой суммы пошло для СССР». Никаких конструктивных предложений не смог внести и А. Иден, поскольку до сих пор «не получил ответа из Лондона по вопросу о репарациях». Но ему было известно, что У. Черчилль выступает «против того, чтобы сейчас указывать определенную сумму репараций». Все же А. Иден попытался приободрить советских представителей, добавив: «СССР может быть уверен в том, что союзники понимают интересы СССР в этом деле».

В итоге решение относительно принципов взимания репараций с Германии было, как говорят дипломаты, зарезервировано, то есть Э. Стеттиниусу предоставлено дополнительное время для консультаций с президентом, а А. Идену — для выяснения позиции членов военного кабинета в Лондоне. Зато проект положения о репарационной комиссии был принят в редакции, предложенной советской стороной[70].

Уже на заседании глав правительств, состоявшемся спустя несколько часов, во второй половине дня 9 февраля, Э. Стеттиниус мог сообщить, что по единственному пункту разногласий «между советской и американской делегациями достигнут компромисс, а именно: московская репарационная комиссия положит в основу своей работы общую сумму репараций в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок в 20 миллиардов долларов, из которых 50% предназначаются Советскому Союзу». А. Иден не участвовал в этом соглашении, поскольку все «еще не получил указаний из Лондона»[71].

Только на следующий день, 10 февраля, А. Иден смог представить британские предложения относительно принципов взимания репараций с Германии, одобренные военным кабинетом. Они существенно отличались от варианта, согласованного ранее советской и американской делегациями. В них говорилось, что репарации должны распределяться не только в соответствии с вкладом в победу отдельных стран, но и с размером «понесенных ими материальных потерь», как это было в первоначальном советском проекте. Однако к вышеупомянутым критериям британская сторона добавила еще один критерий: «Во внимание должны быть приняты также поставки странам-получателям (репараций. — *Прим. ред.*) со стороны других вражеских стран». Согласно британскому документу, репарации должны взиматься не в двух, а в трех формах — не только в виде единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок, но и в виде использования «германского труда и перевозок на грузовиках». Наконец, последний пункт гласил: «При установлении общей суммы репараций... должны быть приняты во внимание планы по расчленению Германии, потребности оккупационных сил и необходимость Германии время от времени получать достаточное количество иностранной валюты от ее экспорта для оплаты текущего импорта и предвоенных претензий Объединенных Наций к Германии»[72].

Разъясняя этот пункт британских предложений, А. Иден заявил, что «англичане хотели бы избежать такого положения, при котором им пришлось бы кормить немцев». Тем более он исключал возможность «указывать какие-либо цифры», то есть размеры репараций, «до изучения вопроса в репарационной комиссии». Вполне осознавая, какое впечатление на других министров, прежде всего на советского, произведут британские предложения, он примирительно добавил, что «английская делегация согласна с принципами, но весь вопрос о репарациях должен быть изучен репарационной комиссией». В. М. Молотов не скрывал своего разочарования жесткой позицией британской делегации: «При таком положении нет базы для работы репарационной комиссии», то есть нельзя дать ей конкретных ориентиров[73].

В тот же день, 10 февраля, тема репараций была поднята во время двусторонних переговоров между И. В. Сталиным и У. Черчиллем. Советский руководитель спросил своего собеседника, не «пугает ли англичан предложенная советской делегацией цифра репараций с Германии». У. Черчилль ответил, что «получил телеграмму от военного кабинета, в которой британское правительство высказывается против фиксирования определенной суммы ре-

параций уже в настоящее время». А. Иден, участвовавший в этой встрече, также попытался свалить ответственность на членов кабинета министров. В Лондоне, заметил он, «не существует комиссии по репарационным вопросам, подобной комиссии Майского», поэтому там и «не могут судить о цифре, названной советской делегацией». Во всяком случае, позиция британского правительства остается прежней: оно «согласно с принципом репараций... что касается суммы репараций, то... этот вопрос лучше всего можно было бы изучить в репарационной комиссии в Москве»[74].

Тема репараций была продолжена и 10 февраля на заседании глав правительств. И. В. Сталин пытался нащупать почву для компромисса с союзниками в данном вопросе. Сначала он предложил принять следующее решение: «Три державы согласны в том, что Германия должна оплатить товарами (или в натуре) наиболее существенные убытки, причиненные ею в ходе войны союзным нациям. Поручить репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах возмещения убытков, предложив взять за основу советско-американскую формулу, и о результатах доложить правительствам». Он пояснил, что советско-американское соглашение принять сумму в 20 млрд долларов как базу для дискуссии останется в силе, но не будет обнародовано до тех пор, пока все три державы, включая Великобританию, не сочтут такой шаг необходимым.

Ф. Рузвельт поддержал компромиссное предложение советского руководителя. Но У. Черчилль остался непреклонен: «Конференция не может связывать себя никакими цифрами до того, как репарационная комиссия исследует вопрос и придет к определенным заключениям». Зачитав выдержки из своей переписки с военным кабинетом, он подчеркнул, что «англичане считают совершенно невозможным называть сейчас какую-либо сумму репараций».

В итоге И. В. Сталин предложил еще одну редакцию соответствующего решения, в которой уже не упоминались никакие количественные показатели:

1. Главы трех правительств согласились, что Германия должна возместить в натуре убытки, причиненные ею в ходе войны союзным странам;

2. Поручить московской репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах убытков, подлежащих возмещению, и о своих выводах доложить правительствам.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявили, что согласны с новым советским предложением[75].

К утру 11 февраля советская делегация подготовила новый документ — «Протокол о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии». Он был передан Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, когда главы правительств собрались на свое последнее заседание, посвященное обсуждению итогового коммюнике конференции. В этот документ вошли основные положения прежних проектов решения репарационного вопроса, одобренные всеми тремя делегациями. Но спорный вопрос об общей сумме репараций был изложен в новой редакции, которая учитывала особую позицию британской стороны. В отношении определения общей суммы, а также ее распределения между пострадавшими от германской агрессии странами советская и американская делегации договорились о следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение советского правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2 должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях московской комиссией не могут быть названы никакие цифры. Вышеприведенное советско-американское заключение было передано московской комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению[76].

Ознакомившись с этим документом, У. Черчилль не высказал никаких существенных замечаний. Не возражал против него и А. Иден, но попросил отложить его обсуждение «до просмотра всего текста коммюнике». Участники конференции так и поступили. В конце заседания, когда они вернулись к обсуждению протокола, Ф. Рузвельт сказал, что проект этого документа, предложенный советской стороной, «для него приемлем». У. Черчилль также заявил, что, «за исключением некоторых стилистических изменений... согласен с проектом протокола»[77].

Международная организация безопасности

Процедура голосования в Совете Безопасности

6 февраля, воспользовавшись замечанием британского премьер-министра, обеспокоенного возможными негативными последствиями вывода американских войск из Европы после войны, Ф. Рузвельт заметил: «Вопрос о сроке пребывания американских войск в Европе зависит от состояния американского общественного мнения. Например, если удастся создать организацию, подобную намеченной в Думбартон-Оксе (конференции представителей СССР, США и Великобритании. — *Прим. ред.*), то участие США в оккупации может оказаться и более длительным». Сославшись на то, что министры иностранных дел тянут с выполнением поручений, которые им накануне дали главы правительств, президент предложил не терять времени зря и непосредственно «приступить к обсуждению вопроса о международной организации безопасности».

Поскольку никто не возражал, Ф. Рузвельт попросил госсекретаря Э. Стеттиниуса проинформировать глав правительств о работе над созданием этой организации. Тот отметил, что определенные вопросы, поднятые в Думбартон-Оксе, «были оставлены для дальнейшего рассмотрения и разрешения в будущем». Из них самым важным он назвал «вопрос о том, какая процедура голосования должна применяться в Совете Безопасности», подвергавшийся «непрерывному интенсивному изучению со стороны каждого из трех правительств» со времени завершения конференции в Думбартон-Оксе. Свои предложения по этому вопросу еще 5 декабря 1944 г. президент США направил И. В. Сталину и У. Черчиллю. И «в соответствии с советскими и британскими замечаниями» этот документ был подвергнут незначительной корректировке. Его последнюю редакцию Э. Стеттиниус и огласил на заседании глав правительств.

Согласно этому документу, «решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов», а по всем другим вопросам — «большинством в семь голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов». При этом любая страна — член Совета Безопасности, вовлеченная в международный спор, «воздерживается от голосования при принятии решений». По мнению госсекретаря, «американское предложение находится в полном соответствии с особой ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира... требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры». Вместе с тем было учтено и то существенное обстоятельство, что «мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес, — дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений»[78].

Советская делегация настороженно отнеслась к документу, представленному американской делегацией. И. В. Сталин поинтересовался, нет ли там чего-нибудь нового по сравнению с посланием президента от 5 декабря 1944 г. Получив вполне ожидаемый ответ Ф. Рузвельта: «То же самое, лишь с небольшими редакционными изменениями», И. В. Сталин пожелал ознакомиться с этими изменениями. В итоге В. М. Молотов заявил, что «советская делегация... хотела бы изучить предложение Стеттиниуса» и поэтому «предлагает отложить обсуждение вопроса до завтрашнего дня».

Однако отсрочка, судя по всему, не входила в планы других делегаций. Дискуссия была продолжена. Слово взял У. Черчилль, который формально согласился с предложением В. М. Молотова, мол, «не должно быть излишней поспешности в изучении столь важного вопроса». Вместе с американцами У. Черчилль признавал, что «вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав». Но в то же время он подчеркнул: «Мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы мы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств». В противном случае, по словам У. Черчилля, «дело выглядело бы так, как будто три главные державы претендуют на управление всем миром».

Взглядам Э. Стеттиниуса и особенно У. Черчилля на безопасность, в основе которых лежали принципы баланса сил и интересов больших и малых государств, И. В. Сталин противопоставил собственное мнение, выражавшее его глубокую озабоченность опасностью раскола коалиции в преддверии победного завершения войны[79]. Он заявил: «Самое... важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача».

Возвращаясь к вопросу о процедуре голосования, И. В. Сталин обратился к участникам конференции с вопросом: правильно ли он понимает, что все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории: споры, для разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций, и споры, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций? Ф. Рузвельт и У. Черчилль подтвердили, что И. В. Сталин понимает правильно.

Советский руководитель продолжал: правильно ли он понимает, что при обсуждении конфликтов первой категории предполагается не только свобода дискуссий, но требуется также единогласие постоянных членов Совета при принятии решения? Причем он в особенности хочет удостовериться, что в этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании, иначе говоря, что «держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь». Что же касается конфликтов второй категории, то «держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании». Ф. Рузвельт и У. Черчилль и на этот раз заверили его, что он все понимает верно.

И. В. Сталин пояснил, что Советский Союз больше всего заинтересован не в прениях по тому или иному вопросу, «а в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь решения принимаются с помощью голосования». У. Черчилль заметил на это, что у Великобритании всегда будет возможность сказать своим недругам «нет», то есть применить право вето. Премьер-министр подчеркнул, что «власть международной организации не может быть использована против трех великих держав». Его слова подтвердил А. Иден, отметивший, что «страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав».

Ф. Рузвельт, подводя итоги обмена мнениями, заявил: «Единство великих держав — одна из наших целей... американские предложения содействуют достижению этой цели». Разрешая свободу дискуссий в ассамблее, по мнению президента, «великие державы будут демонстрировать то доверие, которое они питают друг к другу». И. В. Сталин согласился с мнением Ф. Рузвельта и предложил перенести обсуждение данного вопроса на следующее заседание[80].

7 февраля главы правительств по предложению И. В. Сталина вернулись к вопросу о процедуре голосования в Совете Безопасности. От советской делегации выступил В. М. Молотов. Он с похвалой отозвался о докладе, который накануне сделал Э. Стеттиниус: «Мы довольны этим докладом. Мы получили ряд разъяснений и считаем, что теперь некоторые вопросы, в которых мы заинтересованы, стали более ясными». Позитивный отзыв из уст наркома заслужил и британский премьер-министр: «Мы также внимательно выслушали, что... говорил Черчилль». Вывод В. М. Молотова гласил: «Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности»[81].

Главы американской и британской делегаций не скрывали своей радости в связи с заявлением наркома. Ф. Рузвельт отметил, что «он счастлив слышать о согласии советского

правительства с его предложениями», и констатировал большой прогресс, достигнутый на конференции. Ему вторил У. Черчилль, имевший полное право считать, что своим дипломатическим успехом Ф. Рузвельт во многом обязан и его личным усилиям. Премьер-министр выразил «горячую благодарность советскому правительству за тот огромный шаг, который был им сделан навстречу общим взглядам, выработанным в Думбартон-Оксе». Он выразил также уверенность, что «соглашение трех великих держав по этому важнейшему вопросу вызовет радость среди всех мыслящих людей»[82].

Членство советских республик

Выступая на заседании глав правительств 7 февраля, В. М. Молотов, сообщив о согласии с американскими предложениями по процедуре голосования, «коснулся еще одного вопроса, который был поднят в Думбартон-Оксе, но не был там разрешен... вопроса об участии советских республик в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей». Нарком не стал вдаваться в историю вопроса, заметив лишь, что как позиция советского правительства по этому вопросу, так и отношение к ней британского и американского правительств хорошо известны. Но теперь советская делегация выходит с новым предложением: она «считает правильным и справедливым, чтобы три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». В. М. Молотов упомянул об Украине, Белоруссии и Литве. Предвидя вопрос, мол, какие для этого имеются основания, нарком пояснил: «Названные республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы». По просьбе американского президента В. М. Молотов уточнил, что речь идет только о том, чтобы эти республики стали членами ассамблеи[83].

Ф. Рузвельт был явно озадачен новой советской инициативой. Он отметил, что вопрос об участниках-учредителях и без того очень сложен. Не ясно, например, какие страны из числа участвовавших в войне с Германией должны быть приглашены на учредительную конференцию. Еще труднее ответить на вопрос, «следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны»... которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войну». Между тем сроки поджимают: «Все в Соединенных Штатах хотят, чтобы эта конференция состоялась возможно скорее. Говорят о желательности созыва ее в конце марта». Президент признал, что «вопрос об Украине, Белоруссии и Литве очень интересен», но и он также требует изучения. Кроме того, советская инициатива явно противоречит согласованным принципам устройства международной организации: «Если мы дадим какой-либо стране больше одного голоса, то нарушим правило, что каждый член организации должен иметь только один голос»[84].

У. Черчилль со всей очевидностью понял, что советская делегация предлагает Западу широкий компромисс по вопросу о международной организации безопасности, своего рода пакетное соглашение: приняв американские предложения по процедуре голосования в Совете Безопасности, она ждет аналогичной реакции на свою инициативу. Вместе с тем он защищал интересы Британского содружества наций, многие члены которого также не без оснований претендовали на равноправное участие в международной организации.

Премьер-министр и начал с вопроса о легитимных правах членов содружества: «В Британской империи существуют самоуправляющиеся доминионы, которые в течение четверти века играли заметную роль в международной организации безопасности, потерпевшей крах перед началом нынешней войны», все они «работали на пользу дела мира и демократического прогресса... без колебаний вступили в войну против Германии», причем сделали это по собственной воле. Конечно, продолжал У. Черчилль, с советскими республиками вопрос сложнее, но он «выслушал предложение советского правительства с чувством глубокой симпатии». Учитывая заслуги «столь великой нации, как Россия, с ее 180-миллионным населением», было бы странно, если бы она имела только один голос в международной организации. Поэтому У. Черчилль «был бы очень рад, если бы президент на предложение советской делегации дал ответ, который нельзя было бы считать отрицательным». Впрочем, сам он тоже пока воздер-

И. В. Сталин и В. М. Молотов

жался от прямого ответа, поскольку не смел «выйти за пределы своих полномочий», ограниченных кабинетом и парламентом. Ему требовалось время, «чтобы обменяться мнениями о советском предложении с министром иностранных дел и военным кабинетом в Лондоне»[85].

По предложению Ф. Рузвельта конференция поручила министрам иностранных дел обсудить вопрос о членах, месте и дате созыва учредительной конференции международной организации безопасности[86].

На заседании министров, которое состоялось на следующий день, 8 февраля, Э. Стеттиниус повторил в основном аргументы американского президента, прозвучавшие накануне: мол, он «пока не представляет, как решить вопрос о членстве советских республик», поскольку в «предложениях, разработанных в Думбартон-Оксе, предусмотрено, что каждое государство будет иметь один голос». Но в выступлении госсекретаря прозвучали и новые нотки. Президент ему якобы заявил, что «вопрос, поставленный советской делегацией, его весьма заинтересовал и что он заслуживает сочувственного рассмотрения»[87].

Позитивная подвижка произошла и в позиции британской делегации. А. Иден утверждал, что правительство его страны не только поддерживает вступление советских республик в число членов международной организации, но и «готово заявить об этом в любой подходящий момент».

В. М. Молотов в своем выступлении на заседании министров трех стран попытался развеять, как ему казалось, последние сомнения западных делегаций. Он упомянул о том, что хотя «Канада и Австралия входят в состав Британской империи», это «не является препятствием для их членства» в международной организации. Он напомнил также об изменениях, которые в феврале 1944 г. были внесены в конституцию СССР и которые «дают союзным республикам право выступить на международной арене». Нарком подыграл своим коллегам и на поле, на котором советским дипломатам всегда трудно было вести дискуссии с представителями «западных демократий». Он заявил: «Развитие в Советском Союзе идет в сторону расширения прав союзных республик и расширения их демократических основ». Самый убедительный аргумент в поддержку советской позиции он припас напоследок: «Нет необходимости говорить о политическом, экономическом и военном значении Украины, Белоруссии или Литвы». Показав, что предложения советской делегации соответствуют требованиям легитимности, В. М. Молотов пожелал без проволочек «прийти к соглашению и сегодня же принять решение» по вопросу о членстве трех советских республик в международной организации[88].

Фактически никто ему не возражал. Э. Стеттиниус признал, что «советские республики могут быть приняты в число членов до первого заседания ассамблеи организации». А. Иден, со своей стороны, также считал, что «Объединенные Нации могут согласиться увеличить число членов-инициаторов международной организации». По словам британского министра, «он готов был бы поддержать», чтобы к последним были причислены две советские республики. Судя по записи, В. М. Молотов не стал вступать в дискуссию с А. Иденом из-за количества республик. Наоборот, нарком сразу же ухватился за его предложение и попросил сделать к нему следующее добавление: «Три министра иностранных дел договорились о целесообразности предоставить место двум или трем советским республикам». Э. Стеттиниус замялся, мол, «сначала нужно встретиться, договориться, а затем пригласить советские республики». Но А. Иден подсказал ему выход из затруднительного положения: в повестку дня учредительной конференции нужно поставить «вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации». Идея британского министра госсекретарю понравилась, но до обсуждения этого вопроса с президентом он воздержался брать на себя какие-либо обязательства. Вместе с тем Э. Стеттиниус выразил надежду, что «США смогут дать благоприятный ответ до конца сегодняшнего дня». В завершение дискуссии А. Иден не скрывал оптимизма: «Можно считать, что по этому вопросу состоялась договоренность»[89].

На заседании глав правительств 8 февраля А. Иден доложил: «Министры иностранных дел рассмотрели вопрос о дате созыва конференции, о членстве в международной органи-

зации 2–3 советских республик, а также вопрос о том, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. Было решено рекомендовать созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США... Конференция должна будет установить список первоначальных членов международной организации. При этом делегаты Великобритании и Соединенных Штатов поддержат СССР в том, чтобы в числе первоначальных членов организации были две советские республики. Рассмотрение всех деталей приглашения поручено специальной подкомиссии»[90].

В ходе дискуссии, состоявшейся между главами правительств, Ф. Рузвельт предложил утвердить доклад министров, но с поправкой, что «на конференцию приглашаются все Объединенные Нации, которые объявили войну против общего врага до 1 марта». И. В. Сталин сразу насторожился: значит ли эта поправка, что и советские республики должны будут подписать декларацию Объединенных Наций до указанного президентом срока? Не случится ли так, что на том формальном основании, что они не подписали декларацию, им могут отказать в статусе первоначальных членов? Ф. Рузвельт и У. Черчилль постарались рассеять сомнения советского руководителя, заверив его, что это вопрос технический, решение уже имеется, и этого достаточно. И. В. Сталин был удовлетворен, получив эти заверения. Его просьбу упомянуть Украину и Белоруссию в решении министров иностранных дел президент и премьер министр удовлетворили. На этом конференция признала «вопрос о Думбартон-Оксе» исчерпанным[91].

Вечером 8 февраля И. В. Сталин поздравил всех участников конференции с «завершением работы, начатой в Думбартон-Оксе». Благодаря принятым решениям, по его словам, «заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира — это большое достижение. Это поворотный пункт». Подчеркнул И. В. Сталин и прочность уз, которые связывают Советский Союз с двумя другими державами: «В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды».

К вопросу о международной организации, в том числе и в связи с советскими республиками, конференция возвращалась еще не раз. Накануне ее закрытия, 10 февраля, Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину послание, в котором поделился беспокойством из-за «возможных политических трудностей», подстерегающих его дома в связи, как он деликатно выразился, с «количеством голосов, которыми будут располагать великие державы в ассамблее международной организации». Принятие Украинской и Белорусской республик в члены ассамблеи международной организации может вызвать нарекания «на наличие у Соединенных Штатов лишь одного голоса в ассамблее». Ф. Рузвельт просил И. В. Сталина согласиться на предоставление «дополнительных голосов в ассамблее с целью уравнять положение Соединенных Штатов», мотивируя это необходимостью получить одобрение конгрессом и народом США политики президента. В ответном послании И. В. Сталин признал, что «поскольку число голосов Советского Союза увеличивается до трех в связи с включением в список членов ассамблеи Советской Украины и Советской Белоруссии», было бы справедливо «также увеличить количество голосов для США». И. В. Сталин допускал, что, как и Советский Союз, США могли бы обладать тремя голосами, а также выражал готовность, если понадобится, поддержать это предложение[92].

О советских республиках еще раз вспомнили 11 февраля, когда главы правительств на своем последнем заседании обсуждали проект заключительного коммюнике. И. В. Сталин предложил тогда дополнить раздел, посвященный конференции Объединенных Наций, фразой: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию». Однако Ф. Рузвельт и У. Черчилль его не поддержали. Президент ссылался на то, что «оглашение этого решения в настоящее время создало бы для него политические затруднения в США». При этом он уверял советского руководителя, что будет придерживаться достигнутых договоренностей: «Американцы поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов организации». У. Черчилль тоже предвидел «большие

трудности и споры» в случае упоминания в коммюнике советских республик. Он опасался, что «британские доминионы могут заявить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса». Он предлагал «соглашение об Украине и Белоруссии записать в решениях конференции», не подлежавших публикации. И. В. Сталин не стал настаивать на своем дополнении[93].

Польский вопрос и «Декларация об освобожденной Европе»

В намеченном главами правительств порядке работы польский вопрос значился под четвертым номером, после военных и политических планов союзников в отношении фашистской Германии, а также учредительной конференции Международной организации безопасности. До него очередь дошла 6 февраля, на третий день работы конференции, когда У. Черчилль и предложил обсудить польский вопрос.

Ф. Рузвельт, явно предвидя жаркую схватку между У. Черчиллем и И. В. Сталиным, с самого начала принял на себя роль непредвзятого посредника в их споре. Он афишировал стремление правительства США к справедливому решению польского вопроса, отрицая наличие у него каких-либо тайных расчетов.

Открывая общую дискуссию, президент обозначил именно те аспекты польского вопроса, которые в продолжение войны вызывали наибольшую озабоченность союзников, — границы и правительство Польши. Он отметил, что «Соединенные Штаты находятся далеко от Польши», но в его стране «проживают 5–6 миллионов лиц польского происхождения», и их громадное большинство признает, что восточная граница Польши должна проходить по линии Керзона. Это, по словам Ф. Рузвельта, «совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране», но союзники должны учитывать обостренное самолюбие поляков, которые «всегда очень озабочены тем, чтобы не потерять лицо». И у Советского Союза имеется возможность удовлетворить это желание поляков: «Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона». Президент пояснил, что не настаивает на своей просьбе, но рассчитывает, что советское правительство примет ее во внимание.

Однако, по мнению Ф. Рузвельта, «наиболее существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства». Имея в виду временное правительство Польской Республики, образованное при поддержке Советского Союза на освобожденной территории в городе Люблине, он заявил, что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство», поскольку «народу Соединенных Штатов кажется», что оно «представляет лишь небольшую часть польского народа». Американцы, по словам президента, выступают за то, чтобы в Польше было образовано «правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других». Такое правительство действительно представляло бы народные массы страны и пользовалось бы их поддержкой. Поскольку оно, скорее всего, будет временным, то совершенно неважно, каким способом его будут формировать. По мнению самого Ф. Рузвельта, сначала можно было бы создать «президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков», на который и была бы «возложена задача создания временного правительства». Президент заметил, что это единственное предложение, которое он «привез с собой из Соединенных Штатов за три тысячи миль», и в заключение своей речи выразил надежду на то, что после войны «Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом»[94].

Затем слово было предоставлено У. Черчиллю. Британский премьер-министр явно добивался, чтобы его позиция по польскому вопросу выглядела сбалансированной. С одной стороны, он «постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении бри-

танского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется советским правительством, то есть с оставлением Львова у Советского Союза». Призыв американского президента к советским властям о территориальных уступках как средству утолить самолюбие поляков не нашел поддержки у У. Черчилля. Он подчеркнул, что «претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве». С другой стороны, премьер-министр отметил, что «больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ. Он хотел бы, чтобы у поляков была родина, где они могли бы жить так, как им кажется лучшим».

У. Черчилль отрицал какие-либо корыстные мотивы британской политики в польском вопросе: «У Великобритании нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это — дело чести Великобритании». Поэтому он возражал бы против любого решения, если оно «не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме». Но и полякам следует предъявить жесткие требования: свободная Польша должна твердо усвоить, что впредь исключаются «с ее стороны враждебные намерения или интриги против Советского Союза». Впрочем, за поляков британский премьер-министр готов уже сейчас поручиться: «Мы... не просили бы о том, чтобы Польша была свободной, если бы у нее были враждебные намерения в отношении Советского Союза».

По мнению У. Черчилля, участники Ялтинской конференции не могут разъехаться по домам, «не предприняв практических мер по польскому вопросу». Сложилось недопустимое положение, когда «существуют два польских правительства, в отношении которых союзники придерживаются разных мнений». Хотя сам он никогда особенно не симпатизировал лондонским полякам, среди них есть умные и честные люди, с которыми «британское правительство находится в дружеских отношениях». У. Черчилль признает необходимость создания нового правительства для Польши, такого, «как то, о котором говорил президент». И оно должно оставаться у власти до тех пор, пока «польский народ сможет свободно избрать такое правительство, которое будет признано Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами, а также другими Объединенными Нациями, ныне признающими польское правительство в Лондоне». Решение о создании нового польского правительства следует, по мнению премьер-министра, принять прямо на Ялтинской конференции[95].

И. В. Сталин выслушал У. Черчилля не перебивая. И. М. Майский, присутствовавший на заседании, записал в своем дневнике: «Я видел, что в течение речей Рузвельта и Черчилля, особенно Черчилля, Сталин приходит в состояние все большего волнения»[96]. Взяв слово, И. В. Сталин постарался пункт за пунктом опровергнуть основные доводы британского премьер-министра. Допустим, заявил он, что для британского правительства вопрос о Польше является вопросом чести, но для нас, для русских, это не только вопрос чести, но также и безопасности. По признанию И. В. Сталина, «у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи». По сравнению с царизмом Советский Союз осуществил крутой поворот в своих отношениях с польским народом: «Царское правительство стремилось ассимилировать Польшу», тогда как Советское государство «пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости».

Но при этом, подчеркнул И. В. Сталин, нельзя забывать и о том, что «с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства». На сути этих проблем советский руководитель остановился подробнее. Дело, заявил он, не сводится к тому, что «Польша — пограничная с нами страна». Все обстоит гораздо серьезнее, поскольку «на протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». И. В. Сталин напомнил участникам конференции уроки обеих мировых войн: за последние 30 лет немцы дважды «прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну». Он предложил им задуматься над вопросом: «Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу?» И сам же ответил на него: «Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он

может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши». Путем подобных умозаключений И. В. Сталин постарался обосновать вывод, который должен был обезоружить критиков его политики: «Нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Затем И. В. Сталин высказал мнение по конкретным аспектам польской проблемы, затронутым Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Относительно восточной границы Польши И. В. Сталин заметил, что линию Керзона придумали западные политики и дипломаты на Парижской мирной конференции 1919 г. Это было сделано не только без участия, но даже «вопреки воле русских». В частности, против линии Керзона возражал В. И. Ленин, поскольку «не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область». Но с тех пор советское правительство отступило от позиции Ленина. «Вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо». Воспользовавшись выражением Ф. Рузвельта, советский руководитель предложил ему вообразить, «с каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву».

Но одновременно советский руководитель дал понять, что компромисс между союзниками по вопросу о границах Польши возможен. Правда, его нужно искать не там, где предлагает американский президент, не на востоке. «Нет, — заявил И. В. Сталин, — пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе». По его словам, сами поляки заинтересовались подобной возможностью. Он сослался на свой разговор с премьер-министром польского правительства в Лондоне С. Миколайчиком, осенью 1944 г. посетившим с визитом Москву, который был «очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе». И. В. Сталин уточнил, что речь идет о притоке Одера, протекающем на значительно большем расстоянии от довоенной польско-германской границы, чем Восточная Нейсе. Советский руководитель попросил Ф. Рузвельта и У. Черчилля поддержать его предложение о том, что «западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе».

Далее И. В. Сталин откровенно высмеял У. Черчилля. Он высказал предположение, что премьер-министр оговорился, когда предложил создать польское правительство прямо здесь, на Ялтинской конференции: «Как можно создать польское правительство без участия поляков?» Его называют диктатором, считают его недемократом, однако, утверждал И. В. Сталин, у него «достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков... Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия». Трудность заключается в том, что именно лондонские поляки этому препятствуют. Когда С. Миколайчик находился в Москве, вспоминал И. В. Сталин, была устроена его встреча с представителями люблинского правительства, и в результате обмена мнениями между ними наметились «даже некоторые пункты соглашения». Советский руководитель не исключал, что оставалось совсем немного «для завершения шагов по организации польского правительства».

Но все рухнуло. С. Миколайчик, по словам И. В. Сталина, «был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что... отстаивал соглашение». Нынешние его руководители не только выступают против соглашения с люблинским правительством, но и всячески поносят его, называя «собранием преступников и бандитов». Неудивительно, что люблинское правительство, переехавшее тем временем в Варшаву, «не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников». Короче говоря, И. В. Сталин не знает, как тех и других можно было бы свести вместе. Точнее, он был бы «готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех». Он даже был бы не против того, чтобы пригласить в Ялту или в Москву для переговоров варшавских поляков.

Но фактически И. В. Сталин признал, что не видит целесообразности в таких действиях, доверительно сообщив Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, что как Верховный главнокомандующий прежде всего озабочен сохранением «порядка и спокойствия в тылу Красной армии», воющей против Германии. И по большому счету ему безразлично, какое правительство будет обеспечивать этот порядок, важно лишь, чтобы советским солдатам «не стреляли в спину». Но он вынужден констатировать, что если «варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами», то от «агентов лондонского правительства», от так называемых «сил внутреннего Сопротивления мы не имеем ничего, кроме вреда». Последние убивают советских военнослужащих, нападают на склады с оружием, игнорируют приказы военных властей — словом, нарушают все законы войны. «Они жалуются, — добавил И. В. Сталин, — что мы их арестовываем... Если эти «силы» будут продолжать нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать»[97].

И. М. Майский отметил в дневнике: «Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом, тем мрачнее делались лица Рузвельта и Черчилля»[98]. После заключительной фразы И. В. Сталина американский президент решил прервать прения и предложил перенести обсуждение польского вопроса на следующее заседание. Однако У. Черчилль, задетый за живое доводами И. В. Сталина, не унимался. Он высказал предположение, что советское и британское правительства пользуются различными источниками информации. По данным британского правительства, поддерживаемое СССР правительство Польши вряд ли «представляет хотя бы 1/3 польского народа». Но дело даже не в этом: столкновения между политическими противниками могут привести к кровопролитию. Британское правительство, заявил премьер-министр, осуждает нападения на Красную армию сторонников польского правительства в Лондоне, но вместе с тем не может признать и легитимность люблинского правительства. Ф. Рузвельт призвал премьер-министра к сдержанности, назидательно заметив: «Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль»[99]. У. Черчилль ему ответил: вот, мол, и «надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству». И. В. Сталин поддержал премьер-министра: «Это обязательно нужно сделать»[100].

Таким образом, дискуссия 6 февраля показала, что, несмотря на острые разногласия, ни одна из сторон не отказывалась от поиска взаимоприемлемого компромисса по польскому вопросу. При этом Ф. Рузвельт и У. Черчилль со всей очевидностью рассчитывали, что признание ими линии Керзона в качестве советско-польской границы заставит И. В. Сталина смягчить свою позицию относительно правительства Польши. Их расчеты перечеркнуло предложение советского руководителя о компенсации территориальных потерь Польши на востоке посредством значительного расширения ее границ на западе за счет Германии. Ни отклонить это предложение, ни тем более взять назад свои твердые обещания относительно линии Керзона было немыслимо. Вполне сознавая слабость своей переговорной позиции, Ф. Рузвельт и У. Черчилль были вынуждены уступить И. В. Сталину, пойти навстречу его пожеланиям. Во всяком случае, уезжать из Ялты, не достигнув соглашения с И. В. Сталиным по польскому вопросу, они не хотели и не могли.

Эти противоречивые чувства, по всей видимости, и побудили Ф. Рузвельта вечером 6 февраля обратиться к И. В. Сталину с личным посланием. В первых его строках президент выражал глубокую озабоченность отсутствием согласия между тремя великими державами относительно «политического положения в Польше». Это, предупреждал он, чревато серьезными последствиями: «Признание Вами одного правительства, а нами и британцами — другого в Лондоне... выставляет нас в плохом свете перед всем миром». Найдется немало людей, кто подумает, что «между нами существует раскол, чего в действительности нет». Что касается самого Ф. Рузвельта, то он «исполнен решимости не допустить раскола» между США и СССР. Более того, он выражал уверенность, что наверняка найдется «способ примирить наши разногласия». В частности, президент признал убедительным довод И. В. Сталина о том, что Красная армия, «продвигающаяся к Берлину, должна иметь обеспеченный тыл». Соглашался он и с тем, что союзники «не должны терпеть какое-либо временное правитель-

За подготовкой документов

У. Черчилль у Ливадийского дворца

ство (в Польше. — *Прим. ред.*), которое будет причинять... неприятности этого рода». Но, со своей стороны, и И. В. Сталин должен понять, что, как писал Ф. Рузвельт, «мы не можем признать люблинское правительство в его теперешнем составе... Если бы мы разъехались при наличии открытых и явных разногласий между нами по этому вопросу... весь мир считал бы, что мы закончили нашу работу здесь с прискорбными результатами».

Президент напомнил, что во время дискуссии 6 февраля И. В. Сталин высказался о возможности пригласить в Ялту варшавских поляков. Эта мысль показалась Ф. Рузвельту плодотворной. Учитывая, писал он, что «все мы в равной степени стремимся урегулировать это дело», он позволил себе «немного развить» ее и «предложить, чтобы мы немедленно пригласили сюда, в Ялту» наиболее влиятельных членов люблинского правительства[101], а также двух или трех лиц из числа тех «поляков, которые... были бы желательны в качестве представителей других элементов польского народа[102] для создания нового временного правительства, которое мы все трое могли бы признать и поддержать». Президент считал возможным договориться с этими лицами о временном правительстве в Польше, причем такое правительство «должно включать некоторых польских деятелей, находящихся за границей»[103]. Лишь при этом условии США и Великобритания, по мнению Ф. Рузвельта, «были бы готовы рассмотреть... условия, на которых мы отмежевались бы от лондонского правительства и вместо него признали бы новое временное правительство»[104].

Открывая в четыре часа дня 7 февраля заседание глав правительств, Ф. Рузвельт подчеркнул, что «для него не столь важна та или иная граница Польши» и что на самом деле он «больше всего интересуется вопросом о польском правительстве». Причем, по его мнению, можно оставить пока в покое такие понятия, как «законность или постоянство польского правительства», учитывая, что «в Польше в течение нескольких лет не было вообще никакого правительства». Президент США настаивал на том, чтобы при содействии трех держав в Польше было создано такое временное правительство, которое бы обеспечило проведение свободных выборов. Ф. Рузвельт призвал участников конференции внести в обсуждение этого вопроса «что-нибудь новое, что-то такое, что было бы похоже на струю свежего воздуха».

После отчета министров иностранных дел о выполнении ими поручений конференция вернулась к дискуссии по польскому вопросу. Первым взял слово И. В. Сталин, который сообщил, что получил послание американского президента. Огласив содержащиеся в нем предложения, советский руководитель выразил сомнение в их осуществимости: он не представляет себе, «где можно найти тех лиц, которые названы в послании Рузвельта... не знает их адресов и боится, что участники настоящего совещания не смогут дождаться приезда поляков в Крым». Вместе с тем советский руководитель дал понять участникам конференции, что готов к конструктивному сотрудничеству с ними в целях преодоления имеющихся разногласий. Он заявил, что идя «навстречу пожеланиям Рузвельта», советская делегация разработала свой проект решения по польскому вопросу, и предложил участникам конференции заняться другими делами, пока его перепечатают.

Действительно, спустя короткое время В. М. Молотов известил, что «текст советских предложений по польскому вопросу готов, и он хотел бы вручить его английской и американской делегациям». Советские предложения были следующими:

1. Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5–8 километров в пользу Польши;

2. Считать, что западная граница Польши должна идти от города Штеттина (для поляков), далее на юг по реке Одер, а дальше по реке Нейсе (Западной);

3. Признать желательным пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов;

4. Считать желательным признание пополненного временного польского правительства союзными правительствами;

5. Признать желательным, чтобы временное польское правительство, пополненное указанным в пункте три способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши;

6. Поручить В. М. Молотову, господину А. Гарриману и господину А. Керру обсудить вопрос о пополнении временного польского правительства совместно с представителями временного польского правительства и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств[105].

Компромиссный характер советских предложений не подлежал сомнению. Поэтому первая реакция американской и британской делегаций на предложения В. М. Молотова была скорее положительной. Ф. Рузвельт признал, что они «представляют определенный прогресс». У. Черчилль назвал их шагом вперед. Но президента, равно как и премьер-министра, покоробило выражение «эмигрантские польские круги». Ф. Рузвельт заметил, что «вовсе не обязательно привлекать к участию в польском правительстве непременно лиц из эмиграции. Можно будет найти подходящих людей и в самой Польше». У. Черчилль, со своей стороны, указал, что во время Французской революции XVIII в. эмигрантами называли людей, изгнанных французским народом. Поляки же, о которых идет речь, были изгнаны Гитлером. Поэтому премьер-министр предложил слово «эмигранты» заменить выражением «поляки, находящиеся за границей». И. В. Сталин с его предложением согласился.

Усомнился У. Черчилль в обоснованности советских предложений относительно западной границы Польши. Он посоветовал сделать такую оговорку: «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять». Кроме того, в случае значительного расширения территории Польши на запад могут возникнуть трудности с «выселением большого количества немцев». Впрочем, самого У. Черчилля, по его признанию, «такая перспектива отнюдь не страшила». Тем не менее И. В. Сталин поспешил развеять его опасения и заверил, что для тревоги нет никаких оснований: «В тех частях Германии, которые занимает Красная армия, немецкого населения почти нет». В итоге, Ф. Рузвельт и У. Черчилль обещали изучить советские предложения, чтобы затем обсудить их на следующем заседании[106].

Дискуссия по советским предложениям состоялась на заседании глав правительств 8 февраля. Представители советской и британской делегаций и на этот раз не сумели воздержаться от полемических выпадов. Напротив, Ф. Рузвельт, взявший слово первым, старался говорить только по существу вопроса. Он не возражал против советского плана урегулирования в отношении восточной границы Польши, который отчасти учитывал пожелания самого президента. Ф. Рузвельт согласился даже «с предоставлением Польше компенсации за счет Германии». Он одобрил присоединение к Польскому государству «Восточной Пруссии к югу от Кёнигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера», но идее отодвинуть польско-германскую границу до Западной Нейсе не нашел оправдания. Впрочем, главным препятствием на пути к соглашению он считал разногласия не о границах, а о правительстве Польши.

Советское предложение «пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями» не произвело впечатления на американского президента. Во всяком случае, он его не поддержал и выступил с инициативой проведения в Москве переговоров между дипломатами трех держав и польскими политиками об образовании в Польше нового правительства, правительства национального единства. По мысли Ф. Рузвельта, в результате этих переговоров должен возникнуть президентский совет с функциями главы государства, который «займется созданием правительства из людей, имеющихся в варшавском правительстве, из демократических элементов внутри Польши и за границей». Образованное таким образом временное правительство Польши будет обязано «провести выборы в учредительное собрание», которое выработает новую польскую конституцию. И только затем можно будет сформировать постоянное правительство Польши. Изложив свой план, Ф. Рузвельт добавил: «Когда будет создано временное польское правительство национального единства, то наши три правительства его признают»[107].

В выступлении американского президента именно последняя фраза больше всего заинтересовала И. В. Сталина: значит ли это, что «в указанном случае будет ликвидировано лондонское правительство»? Получив от Ф. Рузвельта и У. Черчилля утвердительный ответ, советский руководитель уточнил, кому тогда достанется «национальная собственность

Польши, которой сейчас распоряжается польское правительство в Лондоне»? Ф. Рузвельт категорически заявил: «Собственность Польши, находящаяся за границей, автоматически перейдет к новому польскому правительству». С мнением президента охотно согласился и У. Черчилль.

В. М. Молотов, выступавший затем от имени советской делегации, пункт за пунктом раскритиковал предложения Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Коротко упомянув о разногласиях относительно Западной Нейсе, нарком предложил участникам конференции спросить поляков, что они сами об этом думают. Можно не сомневаться, утверждал он, что «поляки выскажутся за линию, предложенную советским правительством».

Равным образом, по словам В. М. Молотова, союзники не могут «игнорировать тот факт, что в Польше уже существует правительство и что оно находится в Варшаве» — это фактическое правительство, и если президент и премьер-министр будут настаивать на своем мнении, то «поляки могут с ними не согласиться». Зато приняв решение о том, что «нынешнее правительство должно быть расширено и пополнено», союзники ничем не рискуют, ибо успех обеспечен. Важное преимущество членов существующего правительства в Варшаве по сравнению с зарубежными деятелями В. М. Молотов усматривал в том, что одни «тесно связаны с национальными событиями в Польше», а другие «не участвовали в решающих событиях». Поэтому соглашение между союзниками возможно только на основе советских предложений — «нынешнее польское правительство должно быть расширено».

В. М. Молотов дал четко понять, что предметом переговоров может быть лишь «вопрос о том, сколько новых членов и кто именно должны быть в него введены». В этой связи нарком позитивно оценил пожелание Ф. Рузвельта провести в Москве переговоры о составе польского правительства: «Советская делегация согласна с тем, чтобы такое поручение было дано Гарриману, Керру и мне». Не возражал он и против участия в этих переговорах самих поляков. Но, предупредил он, может случиться так, что «члены временного польского правительства (в Варшаве. — *Прим. ред.*) не захотят иметь дело с некоторыми лицами».

Когда Ф. Рузвельт поинтересовался, как советская делегация относится к его проекту учреждения в Польше президентского совета, В. М. Молотов прямо заявил, что считает это предложение опрометчивым. Если его принять, то «вместо одной трудной проблемы у нас будут две трудные проблемы... в результате трудности увеличатся, а не уменьшатся». Кроме того, заметил он, на освобожденной территории Польши уже действует учреждение представительной власти — Крайова Рада Народова, «законный орган, который тоже может быть расширен». Ведь, утверждал он, «Крайова Рада и временное правительство — временные органы» власти в Польше. По сути, и СССР, и его союзники преследуют «одну общую цель: возможно скорее провести выборы, которые позволят создать постоянные органы управления»[108].

У. Черчилль взял слово после В. М. Молотова. Его совершенно не убедил довод главы НКИД, что после выборов в Польше временное правительство неизбежно уступит место постоянному. Разумеется, У. Черчилль не отрицал, что многие поводы для недоразумений между союзниками исчезли бы, «если бы в Польше произошли свободные выборы на основе всеобщего голосования». Великобритания, по его словам, незамедлительно признала бы «всякое польское правительство, которое появилось бы в результате этих выборов, и отвернулась бы от лондонского правительства». Но, подчеркнул он, британскому правительству внушает тревогу не то, что произойдет в Польше после выборов, а то, что может случиться «в промежуточный период до того, как станет возможным организовать выборы»[109].

Ф. Рузвельт обратил внимание участников конференции на совпадение их мнений в одном важном пункте: «В Польше возможно скорее должны быть проведены всеобщие выборы»[110].

И. В. Сталин видел причину недовольства У. Черчилля нынешним временным правительством Польши в том, что оно «не избрано». Он попросил премьер-министра принять во внимание, что «во Франции правительство де Голля тоже не избрано». Но это не мешает союзникам поддерживать с ним отношения, даже подписывать соглашения. «Почему, — спра-

шивал И. В. Сталин, — от Польши требовать большего, чем от Франции?» В действительности же положение «не так трагично, как его рисует Черчилль». Если отбросить предубеждения, «не придавать излишнего значения второстепенным» деталям, «сконцентрировать внимание на главном», то, по мнению советского руководителя, польский вопрос «можно успешно разрешить». Во всяком случае, «легче реконструировать существующее временное польское правительство, чем создавать совсем новое».

Когда советский руководитель закончил, Ф. Рузвельт еще раз попытался перевести дискуссию в деловое русло: «Когда будет возможно проведение свободных выборов в Польше?» И. В. Сталина ответил: «Через месяц, если не произойдет какой-либо катастрофы на фронте». Услышав это обещание, слово взял У. Черчилль: «Разумеется, свободные выборы успокоили бы умы в Англии. Британское правительство поддержало бы новое правительство, и все остальные вопросы отпали бы». Премьер-министр вспомнил и о законных интересах Советского Союза, которые только что был готов принести в жертву политическим идеалам: «Конечно, мы не можем просить ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте. Но если бы оказалось возможным через два месяца провести выборы, то создалась бы совершенно новая ситуация, и никто не мог бы этого оспаривать»[111].

Проработать новые предложения и идеи главы правительств поручили министрам иностранных дел. Их заседание 9 февраля и началось с обсуждения, как выразился Э. Стеттиниус, «главного вопроса — о Польше». Государственный секретарь не скрывал, что цена этого вопроса для американского правительства очень высока: «В США идет напряженная внутренняя борьба по вопросу об их вступлении в международную организацию безопасности», именно поэтому так важно найти «решение, которое удовлетворит общественное мнение США». Э. Стеттиниус выражал готовность американской делегации к компромиссам: «Мы согласны... с предложением советской делегации снять вопрос о президентском совете». А коль скоро все участники конференции разделяют мнение, что «поляки сами должны решать свои дела», он не видит причин, из-за которых они не могли бы прийти к соглашению.

А. Иден тоже пожаловался на «трудности в польском вопросе»: «Многие считают, что, согласившись на линию Керзона, правительство Великобритании сурово обошлось с поляками». Он не исключал, что британское правительство может ошибаться «в своих оценках люблинского правительства». А. Иден дал понять, что британская делегация настаивает на создании «нового правительства Польши» главным образом по политическим соображениям — для нее это «было бы наиболее удобным способом разрешения польского вопроса»[112].

Однако В. М. Молотов продолжал стоять на том, что речь может идти только «о реорганизации польского правительства путем включения в существующее временное правительство Польши представителей демократических элементов из самой Польши и из-за границы». Ссылаясь на высказывания руководителей западных делегаций, он утверждал: «Вопрос о выборах в Польше признается всеми нами главным вопросом». Поскольку выборы состоятся в ближайшее время — И. В. Сталин не исключал, что уже через месяц, а У. Черчилль полагал, что в двухмесячный срок, — «многие трудности» будут сняты. Но в любом случае, заметил нарком, нужно проявлять благоразумие, поскольку «вопрос о выборах в Польше является не только польским вопросом, но и вопросом о тыле Красной армии».

В ходе заседания Э. Стеттиниус внес новые предложения американской делегации по польскому вопросу[113] для обсуждения на совещании министров. После ознакомления с этими предложениями слово взял В. М. Молотов. Он фактически отверг предложенную американцами компромиссную формулу реорганизации действующего в Польше правительства «на базе всех демократических сил» с привлечением в его состав деятелей из-за границы. Нарком подчеркнул, что «реорганизация правительства должна быть проведена на базе временного правительства Польши», мотивировав позицию советской стороны тем, что переговоры с поляками будут трудными и могут затянуться, а между тем «временное польское правительство должно продолжать свою работу по поддержанию порядка в тылу Красной армии».

Положение казалось безвыходным. Э. Стеттиниус напомнил В. М. Молотову, что для правительства США возникли бы трудности, если бы оно согласилось рассматривать «временное польское правительство... базой для создания нового правительства». А. Иден вообще предлагал отказаться от «упоминания, на какой базе» будет организовано новое правительство Польши. Когда Э. Стеттиниус спросил В. М. Молотова, не возражает ли он хотя бы против определения «правительство национального единства», тот уклонился от ответа: «Это предложение можно будет обсудить»[114].

На заседании глав правительств, состоявшемся вечером того же дня, 9 февраля, Э. Стеттиниус доложил о том, что по «формуле» польского правительства «три министра иностранных дел пока не достигли соглашения». Но едва государственный секретарь закончил свою речь, как с поистине сенсационным заявлением выступил В. М. Молотов. Он сообщил, что «советская делегация принимает за основу американское предложение. Советская делегация хочет без дальнейших оттяжек выработать общее мнение, сделав некоторые поправки к американскому проекту». В американском проекте слова «на базе всех демократических сил» В. М. Молотов предлагал заменить «на базе более широкого демократизма». Наконец, он просил уточнить, что в выборах смогут принять участие все «нефашистские и антифашистские» демократические партии. Единственное, против чего он категорически возражал, было право послов трех держав контролировать проведение в Польше выборов. «С указанными поправками, — подытожил нарком, — советская делегация считает американские предложения приемлемыми».

Услышав это заявление, У. Черчилль не смог сдержать эмоции: «Возможность соглашения уже носится в воздухе... участники конференции почти держат в своих руках большой ценности приз». Казалось, премьер-министр не может поверить своему счастью. Он призвал участников конференции не торопиться с отъездом из Ялты, потому что нельзя «погубить дело из-за того, что конференции не хватило 24 часов. Если для достижения решения нужны эти 24 часа, то их необходимо найти. Нельзя забывать одного: если участники совещания разъедутся, не достигнув соглашения по польскому вопросу, то вся конференция будет расцениваться как неудача»[115]. Ф. Рузвельт объявил в работе конференции получасовой перерыв.

Первым после перерыва выступил Ф. Рузвельт. Он выразил общее мнение американской и британской делегаций: «Участники конференции близки к соглашению. В этом вопросе действительно достигнут большой прогресс». Ф. Рузвельт высказал предположение, что «теперь дело сводится лишь к некоторой разнице в словах». Президент США попытался отстоять свое предложение о наделении послов трех держав в Польше правом контроля над выборами: «Нужно сделать какой-то жест, укрепляющий в них уверенность в том, что выборы в Польше будут справедливыми и свободными».

У. Черчилль предложил дополнить декларацию о Польше мотивировочной преамбулой: «Новое положение создалось в связи с полным освобождением Польши Красной армией. Это требует создания полностью представительного временного польского правительства, которое теперь имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до освобождения Польши». Как и американский президент, У. Черчилль указал советской делегации на необходимость контроля над подготовкой и проведением выборов: «Не могут ли быть англичанам предоставлены соответствующие возможности, которыми... охотно воспользовались бы также американцы, чтобы видеть собственными глазами, как улаживаются в Польше существующие раздоры?» В порядке взаимности британское правительство готово содействовать тому, чтобы наблюдатели от СССР, США и Великобритании присутствовали на выборах в Югославии, Греции и Италии. Эти страны и сами того желали бы, пояснил премьер-министр, «чтобы заверить великие державы в их нормальном проведении». Для контраста он привел пример Египта, где, по его словам, «любое правительство, проводящее выборы, всегда побеждает»[116].

И. В. Сталин в ответном слове пообещал, что партии, стоящие в оппозиции к нынешнему правительству Польши, примут участие в выборах, если они не фашистские. Когда У. Черчилль выразил сомнение в том, правомерно ли «проводить водораздел по линии фашистский

и нефашистский», И. В. Сталин сослался на проект «Декларации об освобожденной Европе», предложенный американской делегацией. В этом документе, по его словам, «различие между фашизмом и антифашизмом проводится очень четко... Пример Польши будет примером осуществления на практике принципов декларации об освобожденной Европе»[117].

Министры иностранных дел на своем заседании, состоявшемся в тот же день, 9 февраля, продолжали дискуссию по поводу отдельных слов и формулировок: «представительное правительство», «фашистский», «антифашистский», «демократический» и других. Работу над текстом декларации о Польше министры возобновили 10 февраля. Э. Стеттиниус, открывший это совещание, сообщил о согласии американской делегации исключить из нее положение о контроле послов над подготовкой к выборам. В. М. Молотов предложил заменить это положение обязательством США и Великобритании установить дипломатические отношения с правительством национального единства, когда оно «будет сформировано должным образом». А. Иден не согласился с такими изменениями в документе, сославшись на мнение премьер-министра, но на этот раз он остался в меньшинстве[118].

Это дело показалось У. Черчиллю и А. Идену настолько важным и срочным, что послужило основанием для их встречи с И. В. Сталиным еще до начала заседания глав правительств. Они предложили дополнить декларацию положением о том, что по докладам своих послов державы «будут осведомлены о положении в Польше». Против такой банальности И. В. Сталин не возражал[119]. У. Черчилль впоследствии отметил в своих воспоминаниях: «Это было наибольшее, чего мне удалось добиться»[120].

На заседании глав правительств, состоявшемся 10 февраля, А. Иден огласил текст заявления о Польше, согласованный министрами иностранных дел на своих совещаниях накануне вечером и утром текущего дня. Только теперь члены делегаций обратили внимание на то, что уделив много времени и внимания «формуле» правительства, они забыли высказаться в документе о границах Польши. Ф. Рузвельт предложил вообще оставить этот вопрос на усмотрение мирной конференции. С ним не согласился У. Черчилль, отметивший важность «достигнутого соглашения о восточной границе Польши». Но если, продолжал премьер-министр, опубликовать только это соглашение и ничего не сказать о западной границе, «то народ сразу же спросит: а какова граница Польши на западе?». Поэтому, по его мнению, «что-то все-таки должно быть сказано о западной границе». У. Черчилль предложил «найти какую-либо подходящую формулу», не оставляющую сомнений в том, что «Польша должна получить прирост территории к западу и к северу и что при решении этого вопроса мнение польского правительства будет учтено». И. В. Сталин и Ф. Рузвельт с этим предложением согласились. К концу заседания британская делегация представила «проект добавления к заявлению о Польше относительно ее границ». С поправками Ф. Рузвельта он и был принят[121].

Каждый из участников конференции имел основание гордиться решением по польскому вопросу как своим персональным дипломатическим успехом. Стороны достигли соглашения с большим трудом. Но исследователи обратили внимание на то, что доводам И. В. Сталина, которыми мотивировалась советская позиция, У. Черчилль и Ф. Рузвельт не смогли противопоставить серьезных возражений. Высказывается предположение, что на самом деле они смирились с неизбежностью существенных уступок Советскому Союзу по польскому вопросу еще до Ялты[122]. Именно поэтому главы западных делегаций, начав с громогласных деклараций, в итоге свели дискуссию к поиску приемлемых для себя политкорректных формулировок.

Однако все участники конференции при этом сознавали, что борьба за будущее Польши и всей Европы продолжается и ее исход решениями, принятыми в Ялте, отнюдь не предопределен. На утреннем заседании глав правительств 11 февраля при обсуждении проекта заключительного коммюнике У. Черчилль по поводу места, касающегося Польши, заметил, что предвидит большую критику в адрес английского правительства, «в особенности со стороны лондонских поляков, и обвинения его в том, что оно сдало свои позиции СССР». Премьер-министру ответил Ф. Рузвельт: «В Соединенных Штатах в десять раз больше поляков, чем у Черчилля в Англии, но он тем не менее будет всемерно защищать декларацию

о Польше». И. В. Сталин сохранял молчание[123]. На последнем заседании глав правительств вечером 11 февраля соответствующий раздел протокола Ялтинской конференции был принят без поправок и замечаний[124].

Достижение компромисса по польскому вопросу открыло в Ялте путь к принятию «Декларации об освобожденной Европе», подготовленной Госдепом США. Этот документ представлял собой попытку установить общую ответственность великих держав за установление демократических порядков в освобожденных странах Европы и тем самым противодействовал концепции сфер влияния.

В. М. Молотов попытался внести в декларацию пункт о том, что при подборе кандидатур во временные правительственные структуры освобождаемых стран Европы следовало бы отдать предпочтение лицам и партиям, «наиболее активно принимавшим участие в движении Сопротивления»[125]. Впоследствии он вспоминал: «Мы подписали очень важную декларацию. Сталин в самом начале с большим трепетом к этому относился на Ялтинской конференции, в 1945-м. Об освобождении народов Европы. Пышная декларация. Американцы дали проект. Я к Сталину пришел с этим документом, говорю ему: «Что-то уж чересчур». — «Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнить потом по-своему. Дело в соотношении сил»[126]. Уступки советской делегации позволили принять «Декларацию об освобожденной Европе».

Принятая декларация провозглашала: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия»[127].

Участников Ялтинской конференции устраивало и то обстоятельство, что не предусматривалось никакого эффективного контроля над реализацией положений декларации в странах Европы. Осталось лишь положение о взаимных консультациях по общему согласию. «Декларация об освобожденной Европе» ориентировала на ликвидацию влияния в политической жизни нацистских и фашистских группировок, на развитие европейских стран по пути демократии.

Дальний Восток

Обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий официально участниками Ялтинской конференции не обсуждалась. СССР был связан с Японией договором о нейтралитете. Но Ф. Рузвельт остро нуждался в советской помощи для борьбы с японской агрессией, поэтому не мог себе позволить упустить благоприятную возможность и поднять этот вопрос в неофициальном порядке. Еще 5 февраля 1945 г. президент обратился к И. В. Сталину с посланием, в котором предлагал обсудить ряд вопросов советско-американского военного сотрудничества в ожидании «разрыва между Россией и Японией»[128]. Беседа руководителей советской и американской делегаций на эту тему состоялась 8 февраля, за полчаса до начала заседания глав правительств.

Ф. Рузвельт попросил И. В. Сталина дать согласие на создание американских авиабаз на советской территории — в Комсомольске-на-Амуре или в «другом подходящем районе». Свою просьбу он мотивировал тем, что «не хочет высаживать войска в Японии», поскольку «высадка будет сопряжена с большими потерями». Президент рассчитывал «подвергнуть Японию сильной бомбардировке» — настолько разрушительной, чтобы заставить ее сложить оружие, «не высаживаясь на острова». В связи с необходимостью обслуживания авиабаз Ф. Рузвельта беспокоил и вопрос о «линиях снабжения через Тихий океан и Восточную Си-

бирь». Как он пояснил И. В. Сталину, речь шла о доставке из США морским путем грузов, предназначенных для американских военнослужащих.

Советский руководитель нашел просьбы Ф. Рузвельта заслуживающими внимания, но одновременно дал понять, что президент немного забегает вперед. «Все это хорошо, — заметил И. В. Сталин, — но... как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии». При этом он сослался на свои беседы с А. Гарриманом в Москве в декабре 1944 г.[129]

В ответ Ф. Рузвельт твердо обещал, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу», как того и желал И. В. Сталин. Что же касается других советских требований, то их удовлетворение президент ставил в зависимость от согласия Китая и Великобритании. Он признался, что пока еще не обсуждал с Чан Кайши вопрос о передаче в пользование Советскому Союзу незамерзающего порта Дайрен на юге Ляодунского полуострова, кроме того, сначала нужно договориться о международно-правовой стороне дела. Президент усматривал два способа предоставления СССР прав на пользование этой гаванью: «создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии», и сдача его в аренду. Сам Ф. Рузвельт признавал нежелательным последний из указанных способов. Свою позицию он мотивировал тем, что намеревался в будущем склонить Великобританию к отказу от аренды Гонконга, поэтому ему будет трудно убедить У. Черчилля принять искомое решение, если тот узнает, что Советский Союз получит в аренду порт на севере Китая.

Эти доводы не произвели никакого впечатления на И. В. Сталина. Он спросил, а что думает президент «о сохранении статус-кво Внешней Монголии», то есть Монгольской Народной Республики, поддерживаемой СССР. Но хотя Ф. Рузвельт и пытался обнадежить советского руководителя, оказалось, что и по этому вопросу он с китайцами еще не обменялся мнениями. Ничего более президент не смог сообщить и относительно Китайско-Восточной железной дороги: он «пока не говорил об этом с Чан Кайши», но уверен, что «по этому вопросу можно будет договориться». Впрочем, как и в случае с незамерзающим портом, он снова пустился в рассуждения о том, что аренде Советским Союзом этой железной дороги Ф. Рузвельт предпочитал установление контроля над ней «со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей».

И. В. Сталин не скрывал своего разочарования. Согласно записи беседы, он, не дослушав президента, заявил: «Если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии». Ф. Рузвельт даже не пытался возражать и поспешил сменить тему, но И. В. Сталин остановил его, заметив, что «международный контроль приемлем для Советского Союза»[130].

В финальной части беседы оба лидера затронули некоторые другие вопросы, касающиеся положения на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий: о будущем Кореи, положении в Китае и Индокитае. Кроме того, И. В. Сталин согласился на удовлетворение двух других просьб Ф. Рузвельта: о предоставлении американцам аэродрома в районе Будапешта для заправки горючим и базирования самолетов, участвующих в боевых вылетах против Германии, и о разрешении американским специалистам изучить результаты бомбардировок, осуществленных союзной авиацией в Восточной и Юго-Восточной Европе. Со своей стороны, Ф. Рузвельт предложил на льготных условиях предоставить Советскому Союзу часть тоннажа американского морского флота, которая высвободится после войны. И. В. Сталин, явно обрадованный намерением президента, заметил, что «это будет другим замечательным мероприятием Соединенных Штатов». Он пояснил, что сравнивает последнее предложение Ф. Рузвельта с таким «изобретением американцев», как ленд-лиз, которое оценил исключительно высоко: «Если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно затруднена»[131].

По свидетельству У. Черчилля, в тот же день, 8 февраля, во время конфиденциальной беседы он поинтересовался у И. В. Сталина: «Чего русские хотят на Дальнем Востоке?» И услышал в ответ, что «они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как

Порт-Артур». Премьер-министр горячо поддержал это желание: «Мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время Русско-японской войны, были восполнены»[132].

Впрочем, мнение У. Черчилля особого значения не имело, поскольку он не участвовал в советско-американских переговорах по Дальнему Востоку. 10 февраля, когда советская делегация представила американцам свой проект соглашения, Ф. Рузвельт его забраковал, потребовав внести ряд поправок: Порт-Артур и Дайрен передавались Советскому Союзу, но не в аренду, а на правах вольного порта, тогда как маньчжурские железные дороги переходили под совместное советско-китайское управление. Указал президент и на необходимость договоренности по этим вопросам с Китаем. Ознакомившись с поправками, И. В. Сталин уже в конце дня сообщил Ф. Рузвельту, что не возражает против предоставления Дайрену статуса вольного порта, находящегося под международным контролем, но обязательно с уточнением, что «в этом порту должны быть гарантированы преобладающие интересы Советского Союза». Что же касается Порт-Артура, он продолжал настаивать на его аренде в качестве «морской базы СССР». Президент США принял предложенный ему компромисс. Аналогичным способом были преодолены разногласия относительно железных дорог в Маньчжурии — совместное управление, но с гарантией соблюдения интересов СССР. Кроме того, президент обещал заручиться поддержкой советско-американского соглашения со стороны Чан Кайши[133]. Отредактированный таким образом документ главы правительств подписали 11 февраля. На согласованных условиях Советский Союз принял на себя обязательство вступить в войну против Японии «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе»[134].

Соглашение по Дальнему Востоку стало одним из самых секретных документов, подписанных руководителями трех держав в Ялте. О нем не упоминалось ни в протоколе работы Крымской конференции, ни тем более в официальном сообщении для печати, опубликованном 13 февраля. Никто из лиц, причастных к нему, — ни министры иностранных дел, редактировавшие его текст, ни главы правительств, его подписавшие, — не проронил о нем ни полслова в своих публичных заявлениях об итогах встречи. По свидетельству У. Черчилля, завеса секретности окружала это соглашение вплоть до новой и последней конференции большой тройки в Потсдаме. Впрочем, в своих воспоминаниях он сознается, что сам же допустил утечку информации: 5 июля У. Черчилль сообщил о соглашении премьер-министрам доминионов[135].

Была ли оправдана такая секретность? Американские исследователи склоняются к положительному ответу: «Она гарантировала Советскому Союзу военную безопасность, откладывала любую возможную реакцию китайского правительства или китайских коммунистов на соглашение и предотвращала активные дебаты в Соединенных Штатах, которые ослабили бы единство союзников»[136].

Единство в войне и мире

Советское дипломатическое ведомство быстро определилось с оценками решений, принятых в Ялте. 15 февраля 1945 г. И. М. Майский подготовил «проект информационной телеграммы нашим послам и посланникам за границей по вопросу о Крымской конференции». В документе указывалось, что ее участники приняли, кроме упомянутых в официальном сообщении для печати, «еще ряд решений, не подлежащих опубликованию». И. М. Майский перечислил их в следующем порядке:

1. О расчленении Германии;
2. О репарациях;
3. О голосовании в Совете Безопасности;

4. О так называемой «территориальной опеке» над менее развитыми народами;

5. «Польский вопрос занял на конференции очень много времени и неоднократно обсуждался как на заседаниях самой конференции, так и на совещаниях трех министров иностранных дел (эти совещания происходили ежедневно параллельно с общими заседаниями конференции и обычно подготовляли для нее проекты решений). В конечном счете была принята опубликованная в коммюнике декларация, в основу которой легли наши предложения»;

6. «На конференции т. Сталин сделал заявление о том, что конференция в Монтрё устарела и требует пересмотра в смысле предоставления больших прав и возможностей СССР. Англичане и американцы в принципе не возражали против пересмотра конвенции»;

7. «Англичане и американцы пытались поднять на конференции вопрос об Иране (конкретно о выводе из Ирана союзных войск и об эксплуатации нефтяных источников Ирана), однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса»;

8. «Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам[137], также по вопросу о репарациях»[138].

Сохранились замечания, которые к проекту И. М. Майского в тот же день, 15 февраля, сделал А. Я. Вышинский. Большей частью они носят уточняющий характер, но по крайней мере в одном случае внесенная им правка меняла смысл оригинала. А. Я. Вышинский предложил исключить из проекта следующую фразу, относящуюся к иранским делам: «Однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса». По-видимому, заместитель наркома нашел ее слишком откровенной. А. Я. Вышинский потребовал заменить ее более туманной формулировкой: «Советская делегация представила свои возражения против обсуждения этого вопроса, указывая, что для такого обсуждения нет оснований»[139].

Наркомат иностранных дел отслеживал отзывы на Ялтинскую конференцию, приходящие из-за рубежа. Судя по документам, они были довольно противоречивы. 18 февраля генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е. Д. Киселев сообщал А. Я. Вышинскому: «Реакция на Крымскую конференцию в США в общем чрезвычайно благоприятна, за исключением совершенно определенной прессы и группировок, от которых атаки на решения конференции можно было предвидеть заранее». Автор этого письма все же советовал руководству НКИД не терять бдительности, поскольку «польские реакционные силы и их американские покровители уже начали широко задуманную кампанию давления на членов федерального сената с целью подготовки их в свою пользу для решающего момента ратификации сенатом мирного договора». Генконсул сослался на своих американских информаторов, которые якобы предупреждали его «о чрезвычайно бурной активности всех реакционных польских организаций». Они, согласно этим данным, развернули «национальную кампанию писем и телеграмм сенаторам от имени якобы шести миллионов поляков американских граждан, надеясь создать впечатление мощного народного движения против предателей Польши»[140].

Но главное, что интересовало советских дипломатов, была реакция официальных властей, в особенности первых лиц западных держав: как они поведут себя после завершения конференции и не откажутся ли от обещаний, на которые были столь щедры? Как отмечалось выше, эти вопросы волновали И. В. Сталина еще в Ялте.

27 февраля 1945 г. У. Черчилль выступил в Палате общин британского парламента с речью[141], в которой энергично защищал решения, принятые в Ялте. Большое внимание он уделил польскому вопросу, в частности отметив, что территориальные требования СССР к Польше «всегда основывались на линии Керзона». Но предъявляя свои претензии, «русские всегда предлагали предоставить Польше полную компенсацию за счет Германии на севере и западе». Свою позицию по вопросу о польской границе на востоке У. Черчилль определил четко и ясно: «Я никогда не скрывал от палаты, что лично я считаю, что русское требование справедливо и правильно». Опровергая подозрения в свой адрес, премьер-министр пояснил: «Если я являюсь сторонником такой границы для России, то это не значит, что я склоняюсь

перед силой... я считаю это справедливейшим разделом территории, который может быть произведен при всех обстоятельствах между двумя сторонами, чья история была так тесно связана и так переплеталась».

Вместе с тем У. Черчилль подчеркивал, что важнее границ для него всегда была свобода Польши. Одно время он опасался, не станет ли Польша «протекторатом Советского государства, вынужденным против своей воли, под давлением вооруженного большинства принять коммунистический или тоталитарный строй». Но теперь премьер-министр готов сообщить депутатам, что «маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суверенная независимая Польша будет сохраняться». Однако если кому-то и этого недостаточно, то знайте, продолжал У. Черчилль, «международная организация в свое время также возьмет на себя некоторую степень ответственности в этом вопросе». В итоге, не останется никаких оснований для сомнений в том, что «будущая судьба поляков будет находиться в их руках». Правда, с единственной оговоркой: поляки «должны будут честно проводить, в гармонии со своими союзниками, политику, дружественную по отношению к России».

Защищая решения Ялтинской конференции по польскому вопросу, У. Черчилль даже признал правомерность поддержки Советским Союзом люблинского правительства. Действия СССР, дал он понять, конечно, вызывают вопросы, но чрезвычайные обстоятельства его оправдывают: «Русские, проводившие и подготовлявшие военные операции величайших размеров против сердца Германии, имели право на то, чтобы коммуникации их армии были защищены упорядоченным тылом, находящимся под властью правительства, действующего в соответствии с их потребностями».

У. Черчилль твердо заявил, что с оптимизмом смотрит в будущее отношений с Советским Союзом: «Впечатление, сложившееся у меня от поездки в Крым и от всех других случаев общения, таково, что маршал Сталин и другие советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями... Я считаю также, что они — хозяева своего слова... Никогда никакое правительство не выполняло точнее свои обязательства даже в ущерб самому себе, нежели русское советское правительство». Впрочем, предупреждал он депутатов, нельзя предаваться иллюзиям: «Мы вступаем в область неизведанного, и на каждом этапе перед нами встают вопросы. Было бы ошибкой заглядывать слишком далеко вперед. В настоящее время можно надеяться ухватиться лишь за одно звено в цепи судьбы». Но с ответственностью можно утверждать, что благодаря встрече в Крыму горизонт заметно расчистился, «узы, связывающие три великие державы, и их взаимопонимание возросли». В заключение Черчилль заявил: «И я уверен, что перед человечеством открыты лучшие перспективы, чем те, которые оно знало в прошлом веке»[142].

Не заставил себя ждать и Ф. Рузвельт. 1 марта 1945 г. он выступил перед членами конгресса. Его речь больше напоминала лекцию или доклад на научной конференции, тем не менее все основные акценты были четко расставлены[143]. По словам президента, Ялтинская конференция преследовала две главные цели: обеспечить скорейшую победу над Германией, причем с минимальными потерями, и обеспечить порядок и безопасность в мире после хаоса войны. Если ее участники и не достигли вполне этих целей, то хотя бы подошли к ним на близкое расстояние. Во всяком случае, по сравнению со встречей лидеров трех стран в Тегеране они добились ощутимого прогресса. Там тоже военные руководители «трех самых мощных стран разработали планы дальнего прицела», но между гражданскими руководителями состоялся лишь обмен мнениями. В Тегеране не было подписано «никакого политического соглашения», и участники той встречи даже к этому не стремились. Напротив, продолжал Ф. Рузвельт, «на Крымской же конференции наступило время прийти к решению особых вопросов в политической области, и всеми сторонами были приложены огромные усилия к тому, чтобы достигнуть соглашения».

Президент перечислил задачи, стоявшие перед конференцией в Ялте: решить проблемы оккупации и контроля над Германией; устранить немногие остававшиеся разногласия относительно международной организации безопасности; обсудить общие политические и экономические проблемы, касавшиеся всех районов, которые были или будут освобождены от

Лидеры большой тройки после окончания Ялтинской конференции

Проводы делегаций союзников

нацистского ига, а также «особые проблемы, созданные Польшей и Югославией». По мнению Ф. Рузвельта, все эти задачи были успешно решены. На Ялтинской конференции, заявил он, «было достигнуто единодушное соглашение по каждому пункту». Даже более того, уточнил президент: «Я могу сказать, что мы достигли единства мыслей и нашли путь к совместному сотрудничеству». Ф. Рузвельт категорически осудил планы мирового господства, кто бы их ни вынашивал: «Не может быть американского, английского, русского, французского или китайского мира... Должен быть такой мир, который основывается на сотрудничестве всего человечества».

Не мог Ф. Рузвельт обойти молчанием и польский вопрос. Примечательно, что в своей речи он воспользовался аргументами, к которым в Ялте прибегнул И. В. Сталин в обоснование советской политики. «На протяжении всей истории, — заявил президент, — Польша была коридором, через который совершались нападения на Россию. Дважды на протяжении жизни нашего поколения Германия нападала на Россию через этот коридор. Для обеспечения европейской безопасности и всеобщего мира необходима сильная и независимая Польша». Ф. Рузвельт признал, что принятое на конференции решение о «границах Польши было компромиссом». Вместе с тем он утверждал, что «линия Керзона представляет собой справедливую границу между двумя народами», хотя и не исключал, что решение по польскому вопросу, принятое в Ялте, нельзя назвать безупречными. Но президент не допускал сомнения в том, что «при данных обстоятельствах» оно «является самым лучшим из возможных соглашений для свободного, независимого и процветающего Польского государства».

Ф. Рузвельт не побоялся назвать Ялтинскую конференцию «поворотным пунктом в американской истории». В ближайшем будущем он обещал представить на рассмотрение сената и американского народа документ, который, по его словам, «определит судьбу Соединенных Штатов и судьбу всего мира на будущие поколения». Речь шла, разумеется, об учреждении международной организации безопасности. Перед лицом событий такого масштаба, утверждал президент, «не может быть среднего решения... Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы должны будем нести ответственность за мировой конфликт».

По мысли президента, Ялтинская конференция должна стать вехой в мировом развитии: «Эта конференция означает конец односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, системы равновесия сил и всех других способов, к которым прибегали на протяжении столетий и которые не имели успеха». Имея в виду, по всей видимости, не только себя, но и других лидеров большой тройки, Ф. Рузвельт заявил: «Мы предлагаем заменить все эти системы всеобщей организацией, к которой смогут присоединиться в конечном счете все миролюбивые страны».

Оставляя в стороне вопрос о том, какими соображениями руководствовались при этом премьер-министр и президент, отметим лишь следующее. Если их высказывания и не противоречили букве достигнутых в Ялте договоренностей, то в них безошибочно угадывалось стремление связать советских руководителей узами некоей моральной ответственности, которую те на самом деле на себя не принимали. Какие еще мотивы побуждали У. Черчилля без достаточных оснований заявлять о желании советских руководителей жить «в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями», а Ф. Рузвельта — ручаться за «единомыслие» союзников? Главным образом, далеко не тщетная предосторожность. Ведь в случае, если бы «что-то пошло не так», они всегда могли бы возложить ответственность на советскую сторону, якобы обманувшую их ожидания.

В этой связи уместно напомнить, что в годы холодной войны широкую популярность на Западе приобрел тезис о том, будто бы именно Советский Союз нарушил обязательства, принятые на себя в Ялте, особенно в отношении стран Восточной Европы. Саму же Ялтинскую конференцию там долгое время изображали как пример «советского диктата», которому якобы не имели возможности противостоять западные лидеры, и как один из символов политико-идеологического «раскола Европы» после Второй мировой войны. Подобная на-

сквозь политизированная трактовка Ялтинской конференции подвергалась резкой критике в советской литературе[144].

Более взвешенные оценки и суждения относительно решений Ялтинской конференции и их значения даются в работах западных историков, опубликованных уже после окончания холодной войны. Французский автор обобщающего труда по истории международных отношений послевоенного периода отмечает: «В Ялте ни о каком «разделе» (Европы. — *Прим. ред.*) речи не шло. Если в мире к этому времени наметились линии размежевания, то это произошло не по взаимному согласию, не благодаря формальным договоренностям участников конференции, а просто вследствие фактического соотношения сил, в то время относительно более благоприятного для русских, чем для западных союзников... Ялта представляла собой попытку зафиксировать сложившееся соотношение военных сил и договориться хотя бы о временных правилах сосуществования (modus vivendi)»[145].

Американские исследователи пошли еще дальше по пути критики предвзятых концепций минувшей исторической эпохи. Главное упущение Ялтинской конференции они усматривали не в решениях, которые ею были фактически приняты, а в тех разногласиях между участниками, которые в итоге так и не удалось урегулировать. Если оценивать эту конференцию с точки зрения принятых на ней решений, то, считает историк, ее можно признать несомненным успехом. Однако ее участники, прежде всего Ф. Рузвельт и И. В. Сталин, не смогли преодолеть противоречий в принципиальных подходах к проблемам послевоенного урегулирования. Поэтому, «если копнуть глубже, то мы будем вынуждены признать скорее неудачными переговоры в Ялте, оставившие нерешенными слишком много животрепещущих проблем»[146].

Разногласия, имевшие место между союзниками по ряду проблем, сделали свое дело: «Все эти дестабилизирующие факторы... привели к усилению трений, которые неизбежно должны были возникнуть на завершающем этапе войны и способствовали развязыванию холодной войны»[147].

В связи с этим правомерным будет вопрос: «кто из трех лидеров первым изменил курсу на сотрудничество», провозглашенному Ялтинской конференцией? Вину за это западная историография традиционно возлагает на И. В. Сталина, ссылаясь на признание им в январе 1945 г. люблинского правительства как на решающее доказательство. Однако И. В. Сталин не заслуживает упрека в намерении поставить своих союзников перед свершившимся фактом. Наоборот, советский руководитель явно предвидел дискуссии по этому вопросу на самой конференции и проявлял намерение открыто защищать свою позицию перед союзниками — что называется, был готов предстать перед их «судом». С куда большим основанием названия односторонних заслуживают действия западных держав в период после Ялтинской конференции, предпринимавшиеся «без всякого предварительного уведомления советской стороны». Сам И. В. Сталин прибегнул к подобному методу «не ранее, чем Черчилль и Рузвельт начали досаждать ему своими кознями после Ялты»[148].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 158.
[2] Там же. Т. 1. С. 286.
[3] Там же. Т. 2. С. 159.
[4] Там же. Т. 1. С. 287–288.
[5] Там же. С. 288–289.
[6] Там же. С. 291.
[7] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 161.
[8] Там же. Т. 1. С. 293–294.
[9] Там же. С. 305–306.
[10] Там же. С. 307.
[11] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 171.
[12] Там же. С. 174.
[13] Получено в Москве 25 октября 1944 г.
[14] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 176.
[15] Там же. Т. 1. С. 322–323.
[16] Там же. С. 323.
[17] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 177–179.
[18] Там же. С. 179.
[19] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 344.
[20] Там же. С. 347–348.
[21] Там же. С. 350.
[22] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. Д. 61. Л. 27.
[23] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 352.
[24] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. Д. 61. Л. 3.
[25] Там же. Л. 8.
[26] Там же. Л. 6.
[27] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 356.
[28] Там же. Т. 2. С. 196.
[29] Там же. С. 359.
[30] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 71.
[31] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 41.

[32] Там же. С. 42–43.
[33] Там же. С. 44–45.
[34] Там же. С. 45–48.
[35] *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge, 2010. P. 282.
[36] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 23.
[37] Вне основного формата конференции по поручению глав правительств проводились также совещания штабов армий трех держав, на которых изучались возможности более тесной координации военных действий советских и союзных войск (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 13).
[38] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955.
[39] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 4.
[40] Ялта-45: Начертания нового мира. М., 2010.
[41] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 43.
[42] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. М., 1971. С. 698.
[43] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 49.
[44] Там же. С. 49–52.
[45] Там же. С. 52.
[46] Там же. С. 53–54.
[47] Там же. С. 54–55.
[48] Там же. С. 56–57.
[49] Там же. С. 58–59.
[50] Там же. С. 59–60.
[51] Там же. С. 60.
[52] Там же. С. 60–62.
[53] Там же. С. 62.
[54] Там же. С. 63–64.
[55] Там же. С. 64.
[56] Там же. С. 78–79.
[57] Там же. С. 80.
[58] Там же. С. 108.
[59] Там же. С. 72–73.
[60] Там же. С. 73.
[61] Там же.
[62] Там же. С. 74–75.
[63] Там же. С. 80.
[64] Там же. С. 106–107.
[65] Там же. С. 103–104.
[66] Там же. С. 105.
[67] Там же. С. 107.
[68] Там же. С. 105–106.
[69] Там же. С. 156.
[70] Там же. С. 151–152.
[71] Там же. С. 162, 171.
[72] Там же. С. 184.

[73] Там же. С. 181.
[74] Там же. С. 195–196.
[75] Там же. С. 199–201.
[76] Там же. С. 215.
[77] Там же. С. 205, 207.
[78] Там же. С. 81–82.
[79] *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. P. 287.
[80] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 89.
[81] Там же. С. 111.
[82] Там же. С. 112–113.
[83] Там же. С. 111–112.
[84] Там же. С. 112.
[85] Там же. С. 113–114.
[86] Там же. С. 115.
[87] Там же. С. 122.
[88] Там же. С. 123.
[89] Там же. С. 123–124.
[90] Там же. С. 135, 146.
[91] Там же. С. 138.
[92] Там же. С. 241–242.
[93] Там же. С. 205.
[94] Там же. С. 90–91.
[95] Там же. С. 91–92.
[96] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 506.
[97] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 93–95.
[98] *Ржешевский. О. А.* Сталин и Черчилль. М., 2010. С. 294–295.
[99] Американский президент явно сгустил краски: польский вопрос как вопрос большой европейской политики возник в XVIII в. в связи с ослаблением польской государственности и разделами Польши.
[100] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 96.
[101] Берут и Осубка-Моравски.
[102] Рузвельт предлагал рассмотреть кандидатуры епископа Сапеги из Кракова, Винцента Витоса, Жулавски, Буяка, Кутшебы.
[103] Миколайчика, Грабски и Ромера.
[104] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 119–120.
[105] Там же. С. 116, 120–121.
[106] Там же. С. 116–117.
[107] Там же. С. 139, 146–147.
[108] Там же. С. 140–141.
[109] Там же. С. 141–142.
[110] Там же. С. 142.
[111] Там же. С. 143–144.
[112] Там же. С. 149–150.
[113] Эти предложения были внесены Э. Стеттиниусом прямо на заседании министров иностранных дел 9 февраля. Их главные положения заключались в следующем: американская делегация снимала свой

проект создания в Польше президентского совета; предлагалась компромиссная формула преодоления разногласий по характеру польского правительства: «Теперешнее временное правительство Польши будет реорганизовано во вполне представительное правительство на базе всех демократических сил в Польше с включением демократических деятелей Польши из-за границы, причем это правительство будет называться «временным правительством национального единства»; это правительство «должно было принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы... в которых все демократические партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов»; за выполнением польским правительством своих обязательств должны были наблюдать послы трех держав (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 155).

[114] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 153–154.

[115] Там же. С. 161.

[116] Там же. С. 165–166.

[117] Там же. С. 166–167.

[118] Там же. С. 180–181.

[119] Там же. С. 192–194.

[120] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6-ти т. Т. 6. Триумф и трагедия / Пер. с англ. М., 1998. С. 217.

[121] В тексте добавления вместо слов «три державы» У. Рузвельт предложил поставить «главы трех правительств». Как он пояснил, «если будет сказано «три державы», то он как президент должен будет поставить этот вопрос на обсуждение в конгресс, чего желательно избежать» (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 197–198, 202–203).

[122] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Пер. с англ. М., 2004. С. 365.

[123] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 206.

[124] Там же. С. 223.

[125] *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 121.

[126] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 76.

[127] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 186–189.

[128] Там же. С. 134; Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 198.

[129] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1984. С. 269–274.

[130] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 129–131.

[131] Там же. С. 133.

[132] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 220.

[133] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 459–462.

[134] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 254–255.

[135] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 220–221.

[136] *Фейс Г.* Указ. соч. С. 464.

[137] По югославскому вопросу в Ялте была принята рекомендация немедленно ввести в действие соглашение Тито — Шубашич и образовать временное объединенное правительство на основе этого соглашения.

[138] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 37. Л. 2–6.

[139] Там же. Л. 7–8.

[140] АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 43. Л. 4–5.

[141] Там же. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 8–9, 12–16, 23–24.

[142] *Winston S.* Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963. N. Y., 1974. P. 1–86.

[143] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 67–68, 73, 75–78.

[144] Ялтинская конференция 1945 г. Уроки истории. М., 1985. С. 135–145; *Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1988. С. 249–250.

[145] *Milza P.* Les relations internationales de 1945 à 1973. P., 1996. P. 34.

[146] *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. P. 400–401.

[147] Ibid. P. 403–404.

[148] Ibid. P. 404–405.

СССР И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Советская дипломатия на завершающем этапе разгрома фашистской Германии

Советское руководство высоко оценило результаты Крымской конференции руководителей трех союзных держав, прошедшей 4—11 февраля 1945 г. В проекте информационной телеграммы послам и посланникам СССР заместитель наркома И. М. Майский отмечал: «Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер, и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам, а также по вопросу о репарациях»[1].

В центре внешнеполитической деятельности СССР после Ялты стояли задачи победоносного завершения войны против фашистской Германии и ее союзников и сохранения антигитлеровской коалиции при последовательном отстаивании государственных интересов Советского Союза. Решения Крымской конференции предусматривали безоговорочную капитуляцию и оккупацию Германии, «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»[2].

Усилия советской внешней политики по реализации решений Крымской конференции опирались на мощные победоносные удары Красной армии. В грандиозном наступлении от Балтийского моря до Дуная участвовали силы семи советских фронтов — трех Белорусских и четырех Украинских. 3 февраля завершилась крупнейшая наступательная операция Красной армии — Висло-Одерская, в результате которой советские войска вышли на рубеж, удаленный от Берлина на 60 км, а 13 февраля была полностью ликвидирована будапештская группировка врага. В январе — апреле были разгромлены мощные немецкие восточнопрусская и восточнопомеранская группировки, 9 апреля взят Кёнигсберг, а к 25 апреля ликвидирована группировка немецких войск на Земландском полуострове, разгрому подверглись вражеские войска в Верхней и Нижней Силезии. Соединения 1-го Украинского фронта вышли к реке Нейсе и заняли выгодное положение для нанесения ударов на берлинском и дрезденском направлениях. В марте — апреле войска 3-го и 2-го Украинских фронтов развернули наступление на венском направлении. 13 апреля была освобождена столица Австрии — Вена. В результате Венской наступательной операции советские войска овладели южными подступами к Германии и ускорили окончательное освобождение Югославии[3].

Колонна немецких военнопленных в Варшаве

Жители польского города Лодзь приветствуют советские войска

Советские артиллеристы ведут огонь в предместье Берлина

Советская штурмовая группа со знаменем движется к Рейхстагу

В это же время завершились последние приготовления к решающему удару Красной армии по Берлину. К Берлинской операции, начавшейся 16 апреля, привлекались войска 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов: 20 общевойсковых, четыре танковые и четыре воздушные армии, девять отдельных танковых и механизированных корпусов, часть сил Балтийского флота и Днепровская военная флотилия. 24 апреля была полностью окружена франкфуртско-губенская группировка противника (около 200 тыс. человек), на следующий день советские фронты, обойдя Берлин с северо-запада и юго-запада, соединились в районе Потсдама и взяли в кольцо войска берлинского гарнизона. 25 апреля в районе Торгау на Эльбе встретились советские и американские войска. С 26 апреля по 2 мая войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов осуществили ликвидацию немецкой группировки в Берлине. В ночь с 30 апреля на 1 мая советские бойцы водрузили знамя Победы над зданием Рейхстага в Берлине[4].

Одновременно с Берлинской операцией войска 2-го и 4-го Украинских фронтов вели сражения по разгрому немецкой группы армий «Центр» в Чехословакии. После разгрома берлинской группировки противника войска 1-го Украинского фронта также были повернуты против группы армий «Центр». Основная масса окруженных немецких войск 10–11 мая была взята в плен[5].

Еще до Крымской конференции представители трех союзных держав проделали большую работу по согласованию принципов будущей политики в отношении побежденной Германии. Основная подготовка соответствующих соглашений велась в Европейской консультативной комиссии (ЕКК). В июле 1944 г. она выработала документ о безоговорочной капитуляции Германии, утвержденный СССР 21 августа, а 12 сентября был подписан протокол о зонах оккупации и управлении Большим Берлином. В дополнение к этим договоренностям 1 мая 1945 г. были внесены изменения в документ о безоговорочной капитуляции Германии[6].

Приближение полного поражения Третьего рейха вызывало необходимость согласования позиций по вопросу о репарациях с Германии. На конференции в Ялте была учреждена Московская комиссия по репарациям в составе представителей трех союзных держав. 21 июня 1945 г. советская делегация в Комиссии по репарациям внесла свои предложения, которые сводились к осуществлению германских репараций за счет изъятий из национального богатства страны в течение двух лет после капитуляции и ежегодных товарных поставок в течение десяти лет. Общую сумму репараций предлагалось оценить в 20 млрд долларов, а ее распределение между способами взимания планировалось установить в ходе работы комиссии. Межсоюзная репарационная комиссия приняла советские предложения за основу для дискуссии[7].

9 июля 1945 г. В. М. Молотов собрал совещание по вопросу о репарациях с участием ряда высших советских руководителей. Была уточнена позиция СССР по этой проблеме: общая сумма намеченных репараций оставалась без изменений, при этом предлагалось на две трети покрывать ее за счет изъятий из национального богатства Германии в течение первых двух лет и на одну треть — за счет товарных поставок в течение десяти лет после капитуляции[8]. В ходе дальнейшей подготовки к Потсдамской конференции советское руководство модифицировало свою позицию и стало предлагать соотношение 50 на 50%.

В Ялте также обсуждался вопрос о возможном территориальном разделении Германии. 7 марта 1945 г. в Лондоне состоялось первое заседание Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии, в которую вошли представители трех союзных держав. На этом заседании советский представитель Ф. Т. Гусев заявил, что перед комиссией «стоит вполне конкретная задача: выработать конкретный план такого территориального устройства Германии, при котором немцы не могли бы возродить свою военную мощь, и опасность германской агрессии в будущем могла бы быть устранена навсегда». Он указал также, что «меры общего разоружения и демилитаризации, а также экономического разоружения Германии должны быть добавлены мерами такого территориального устройства Германии, когда прусский милитаризм будет вырван с корнями»[9].

Однако к концу марта советская позиция была уточнена. 24 марта нарком В. М. Молотов направил послу СССР в Лондоне Ф. Т. Гусеву телеграмму, в которой ему поручалось внести в Комиссию по изучению процедуры расчленения Германии следующее предложение: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». В этой связи послу Ф. Т. Гусеву предлагалось принять английские предложения директивы работы комиссии. Далее нарком пояснял: «Как Вам, тов. Гусев, известно, англичане и американцы, которые первые поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, нужно внести указанное выше предложение»[10].

Второе совещание Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии состоялось 11 апреля 1945 г. в Лондоне. Все члены комиссии согласились с довольно обтекаемым проектом директивы, выработанной британским представителем У. Стрэнгом, и «с интерпретацией советским представителем решений Крымской конференции по вопросу о расчленении Германии»[11]. После этого совещания комиссия больше не собиралась вплоть до своего роспуска в августе 1945 г.

Отказ СССР от расчленения Германии был закреплен в обращении И. В. Сталина к советскому народу 9 мая 1945 г. Глава советского правительства заявил: «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»[12].

К марту 1945 г. стало ясно, что значительная часть территории Германии будет занята советскими войсками. С учетом этой перспективы стали разрабатываться планы использования в советских интересах немцев-антифашистов. Неслучайно И. В. Сталин в середине марта говорил заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитрову: «Нужно, чтобы появились немцы, которые бы действовали, чтобы то, что еще можно, спасти для жизни немецкого народа. Организовать муниципалитет, наладить хозяйственную жизнь и прочее на занятых и занимаемых Красной армией немецких территориях. Создать местные органы управления, из которых впоследствии вышло бы и германское правительство»[13].

Тогда же Г. Димитров и его заместитель А. С. Панюшкин направили В. М. Молотову и Г. М. Маленкову записку об организации и содержании политической работы в Германии в связи с продвижением Красной армии. Ее политорганы должны были сосредоточить в своих руках руководство пропагандой, которую предлагалось вести по двум направлениям: от имени Красной армии и от имени немцев-антифашистов. Рупором немецких антифашистов призвана была стать вновь организуемая газета. 29 марта Г. Димитров направил В. М. Молотову докладную записку, содержащую «список первой группы немецких военнопленных антифашистов, которые могли бы быть использованы по созданию органов управления на занятой Красной армией территории Германии»[14].

Кроме того, имелось еще одно соображение, весомое для советского руководства, — решение вопроса о репарациях с Германии. Характерно, что на первом заседании Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии американский представитель Дж. Вайнант поставил вопрос о соотношении этих двух предложений: о репарациях с Германии и о расчленении Германии. По информации посла Ф. Т. Гусева, «Вайнант заявил, что если мы верим в то, что можно получить репарации с Германии, то невозможно это предложение сочетать с расчленением Германии»[15].

25 февраля 1945 г. при Государственном Комитете Обороны был создан Особый комитет по Германии под руководством Г. М. Маленкова. Этот комитет, не связанный с НКИД, организовал учет и вывоз военных трофеев и репараций с оккупированных Красной армией немецких территорий[16].

Доведение до победного завершения вооруженной борьбы против фашистской Германии требовало сохранения антигитлеровской коалиции. Советское руководство считало, что

К. Вольф

А. Даллес

решения Крымской конференции создавали для этого благоприятные предпосылки. Вместе с тем приближение победы над общим врагом усиливало взаимную подозрительность и недоверие. Еще в январе 1945 г. заместитель наркома М. М. Литвинов в специальной записке «О взаимоотношениях с США» отмечал: «Воздействие на общественное мнение будет влиять в ту и другую сторону на характер и длительность тех трений между обеими странами, которые могут оказаться неизбежными»[17].

С другой стороны, в США набирала силу линия на противодействие росту влияния СССР в послевоенном мире. В начале апреля 1945 г. в американском управлении стратегических служб был подготовлен меморандум «Проблемы и цели политики США». «Документ представлял собой серьезный аналитический материал, содержащий новые политические ориентиры для всей глобальной стратегии США на послевоенное время. По своему содержанию он предвосхищал стратегию «сдерживания» СССР как главной потенциальной «угрозы» интересам США в послевоенном мире и создание «центров силы» в Европе и Азии под американской эгидой как путь противодействия этой угрозе»[18].

Это нарастание взаимного недоверия в полной мере проявилось в бернском инциденте в марте — апреле 1945 г. Речь шла о секретных переговорах, которые велись в Швейцарии главным представителем СС в Италии генералом К. Вольфом и одним из руководителей американской разведки А. Даллесом. Контакты в Швейцарии были санкционированы президентом Ф. Рузвельтом. Обергруппенфюрер СС К. Вольф прибыл в Берн не только с целью установить контакт с американцами, но и для обсуждения конкретной программы вывода из войны американских сил на севере Италии, которую он изложил партнерам по переговорам[19]. Предполагалось продолжить переговоры с представителями командующего группой союзных армий в Италии британского фельдмаршала Г. Александера.

12 марта В. М. Молотов получил от послов Великобритании и США краткую информацию о контактах в Берне, запросивших мнение советского правительства по этому вопросу. Через несколько дней В. М. Молотов писал А. Гарриману: «В тот же день, 12 марта, я сообщил Вам, что советское правительство не возражает против переговоров с генералом Вольфом в

Берне с тем, чтобы в этих переговорах приняли участие офицеры, представляющие советское военное командование»[20]. При этом советское руководство надеялось, что правительство Соединенных Штатов положительно воспримет это предложение.

Однако в американских правящих кругах возобладало отрицательное отношение к участию советских представителей в переговорах с К. Вольфом. А. Гарриман сразу же рекомендовал Вашингтону отклонить советское предложение на том основании, что в Берне осуществлялись лишь предварительные контакты по конкретным военным вопросам. Посол советовал занять жесткую позицию в отношении подключения советских представителей к переговорам: «Русские на нашем месте никогда не пригласили бы западных представителей и расценят наше согласие как признак слабости, поощряющий к новым требованиям»[21]. Президент Ф. Рузвельт поддержал эту позицию, не без оснований рассматривая Италию как сферу влияния западных держав.

Получив 16 марта американский отказ, В. М. Молотов реагировал на него резко отрицательно. В тот же день в письме послу А. Гарриману он утверждал: «Отказ правительства США в участии советских представителей в переговорах в Берне явился для советского правительства совершенно неожиданным и непонятным с точки зрения союзных отношений между нашими странами». Советское правительство отказывалось дать свое согласие на контакты в Берне и требовало прекратить уже начатые переговоры[22]. Еще более жестким было письмо наркома послу А. Гарриману от 22 марта, в котором В. М. Молотов заявил: «Таким образом, в Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования с одной стороны и представителями английского и американского командования с другой. Советское правительство считает это совершенно недопустимым и настаивает на своем заявлении, изложенном в моем письме от 16 марта сего года»[23].

Столь жесткая советская реакция объяснялась отчасти и тем, что на заключительном этапе войны немцы оказывали упорное сопротивление на восточном фронте и не вели активных боевых действий на западном. К тому же И. В. Сталин опасался какого-либо сговора лидеров западных союзников с немцами, который лишил бы его плодов победы, добытой колоссальным напряжением всех сил советской страны и громадными человеческими потерями. И как свидетельствует замысел У. Черчилля в отношении возможной военной конфронтации с СССР, его опасения не были беспочвенными[24]. В мае 1945 г. объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании подготовил по поручению У. Черчилля план экстренной операции «Немыслимое», где были сформулированы цели, направления возможных ударов западных союзников против Красной армии и вероятные результаты операции. Общий вывод британского военного руководства довольно пессимистично заключал: невозможность достижения «быстрого ограниченного успеха» и угроза втягивания «в длительную войну против превосходящих сил»[25].

Сам британский премьер хорошо понимал обеспокоенность И. В. Сталина. 23 марта У. Черчилль писал А. Идену: «Я хорошо понимаю встревоженность русских тем, что принятие нами капитуляции (немцев. — *Прим. ред.*) на западе или юге ликвидирует сопротивление нашим армиям, которые дойдут до Эльбы или даже Берлина прежде медведя»[26].

Именно в обстановке кризиса в советско-американских отношениях, вызванного бернским инцидентом и обострением разногласий по польскому вопросу, в Москве было принято решение существенно понизить уровень советской делегации на конференции по учреждению Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско и не посылать В. М. Молотова в США[27].

Тем временем представители Вашингтона и Лондона попытались продолжить переговоры с представителями германского командования в Италии. Встреча состоялась 19 марта в маленьком швейцарском городке Аскона. Главный итог конференции в Асконе заключался в том, что она порождала надежды на возможность скорого прекращения военных действий немцев на юге и западе и заключение сепаратного мира[28]. Однако после этого швейцарские переговоры стали давать сбои.

В третьей декаде марта обсуждение бернского инцидента переместилось на самый высший уровень. 25 марта президент Ф. Рузвельт направил маршалу И. В. Сталину послание, в котором старался всячески преуменьшить значение контактов в Берне, утверждая, что речь шла только о проверке сообщения о возможности капитуляции части или всей германской армии, находящейся в Италии[29].

Глава советского правительства ответил 29 марта весьма жестким посланием: «Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александером. Это обстоятельство нервирует советское командование, создает почву для недоверия». Далее И. В. Сталин утверждал, что немцы имеют далеко идущие замыслы: «сдаться в плен и открыть фронт союзным войскам». Послание И. В. Сталина завершалось критикой в адрес руководства США: «Должен Вам сказать, что если бы на восточном фронте где-либо на Одере создались аналогичные условия возможности капитуляции немцев и открытия фронта советским войскам, я бы не преминул немедленно сообщить об этом англо-американскому военному командованию и попросить его прислать своих представителей для участия в переговорах, ибо у союзников в таких случаях не должно быть друг от друга секретов»[30]. В этом послании Ф. Рузвельту И. В. Сталин ясно сформулировал свои опасения сепаратных договоренностей с германским командованием, которые позволили бы немцам открыть фронт западным союзникам и сдаться им в плен.

Тем временем переговоры в Швейцарии были завершены. В послании И. В. Сталину, полученном 1 апреля, Ф. Рузвельт продолжил усилия, направленные на то, чтобы преуменьшить значение бернского инцидента: «Никаких переговоров о капитуляции не было, и если будут какие-либо переговоры, то они будут вестись в Казерте все время в присутствии Ваших представителей… Я должен повторить, что единственной целью встречи в Берне было установление контакта с компетентными германскими офицерами, а не ведение переговоров какого-либо рода»[31].

Однако И. В. Сталин был не склонен закрыть бернский инцидент. 3 апреля он лично написал послание Ф. Рузвельту, наиболее жесткое в ходе обмена мнениями с президентом США по этому вопросу: «Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они на основании имеющихся у них данных не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кёссельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия… И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США. Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами»[32].

В ответном послании, которое было получено 5 апреля, президент США писал: «Будучи убежден в том, что Вы уверены в моей личной надежности и в моей решимости добиться вместе с Вами безоговорочной капитуляции нацистов, я удивлен, что советское правительство, по-видимому, прислушалось к мнению о том, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сначала Вашего полного согласия»[33].

В ответ И. В. Сталин избрал более примирительный тон. 7 апреля он писал Ф. Рузвельту: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля. У меня речь идет о том, что в ходе переписки между нами обнаружилась разница во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе… Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми»[34].

Бернский инцидент был полностью закрыт посланием президента Ф. Рузвельта, полученным 13 апреля: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы»[35].

Каковы же были причины столь болезненной реакции И. В. Сталина на бернский инцидент? Советское руководство имело основания не доверять союзникам в этом вопросе, располагая обильной информацией о происходящем в Берне и других тайных контактах союзников с немцами, в том числе через различных посредников. Агенты и информаторы советской разведки в управлении стратегических служб, в Лондоне, Париже, столицах нейтральных государств регулярно сообщали о многочисленных «мирных происках» немецкой агентуры с целью достижения сепаратных соглашений с западными союзниками на завершающем этапе войны[36]. Накладываясь на повышенную нервозность финала изнурительной войны, эта обильная информация создавала у советского руководства крайне негативный контекст восприятия бернского инцидента.

Послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту выявляют искреннее беспокойство советского лидера в связи с быстрым продвижением войск западных союзников на запад. Не достигли ли они какого-то соглашения с немцами? В начале апреля 1945 г. эта проблема была для руководства СССР чрезвычайно актуальной в связи с вопросом, кто первым овладеет столицей Германии. По соглашениям союзников, Берлин входил в советскую зону оккупации, и главнокомандующий требовал от советских военачальников энергичных действий по организации его штурма.

Однако и союзники не отказались полностью от идеи взять Берлин. Позднее маршал Г. К. Жуков отмечал: «Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само верховное командование экспедиционными силами союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин. Так, 7 апреля 1945 г., информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр говорил о своей готовности продвигаться на Берлин, если это будет возможно без больших потерь. Он заявил: «Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию»[37].

Упомянутое выше послание американского президента советскому лидеру, полученное в Москве 13 апреля, стало последним в переписке Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным. Вечером 12 апреля 1945 г. президент США Ф. Рузвельт скончался. Американское посольство в Москве получило информацию о смерти президента в ночь на 13 апреля. Нарком В. М. Молотов высказал пожелание сразу же, ночью, посетить посла США. В своем докладе в Вашингтон об этом визите А. Гарриман отмечал, что В. М. Молотов «казался очень расстроенным и взволнованным... Я никогда не видел его таким искренним».

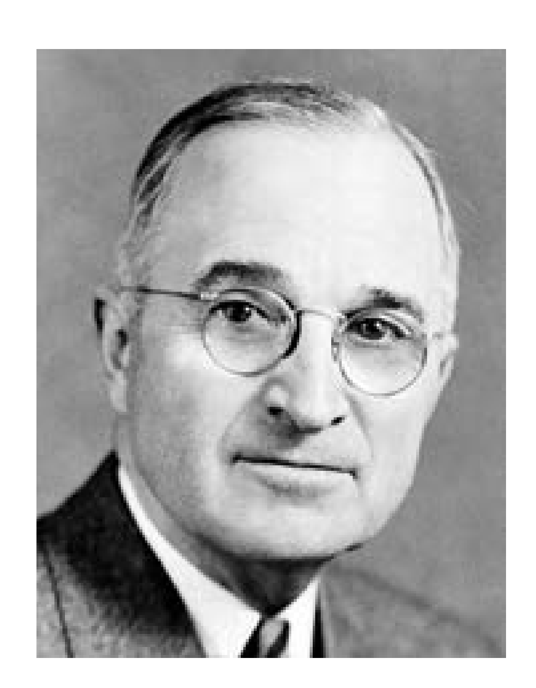
Вечером того же дня А. Гарримана принял И. В. Сталин. Посол информировал советского лидера об обстоятельствах смерти Ф. Рузвельта и о его преемнике — президенте Г. Трумэне. При этом американский посол заверял, что Г. Трумэн будет продолжать внешнюю политику Ф. Рузвельта. И. В. Сталин ответил: «Советское правительство полагает, что Трумэн будет продолжателем дела Рузвельта. Со своей стороны, советское правительство окажет ему в этом поддержку всеми своими силами»[38]. Опытный дипломат А. Гарриман использовал благоприятный момент, чтобы вернуться к вопросу о поездке В. М. Молотова в США для участия в конференции по учреждению Организации Объединенных Наций. Соблазн продемонстрировать стремление к сотрудничеству с новым президентом и получить о нем информацию через В. М. Молотова перевесил все возражения — И. В. Сталин обещал А. Гарриману организовать поездку наркома на конференцию в Сан-Франциско. На следующий день В. М. Молотов в письме А. Гарриману подтвердил планы своего вылета в США.

Похороны Ф. Рузвельта

Советский лидер был искренне огорчен кончиной своего партнера по большой тройке. Для руководства СССР Ф. Рузвельт был в это время, пожалуй, наилучшим американским президентом. В соболезновании И. В. Сталина президенту Г. Трумэну говорилось: «Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»[39]. Тон, заданный И. В. Сталиным, был подхвачен и развит советской пропагандой. «Мы потеряли одного из величайших государственных деятелей, которых когда-либо знал мир, и великого человека», — заявил посол СССР в США А. А. Громыко. Советские газеты писали о Ф. Рузвельте: «величайший политик мирового масштаба», «выдающийся борец за дело демократии и прогресса»[40].

Новый президент США Г. Трумэн занял более жесткую позицию в отношении Советского Союза, в первую очередь в связи с развитием событий в Восточной Европе. Сторонники ужесточения курса в отношении СССР незамедлительно воспользовались сложившейся обстановкой. 11 мая 1945 г. президент Г. Трумэн подписал директиву о немедленном прекращении запланированных поставок Советскому Союзу. На следующий день была не только остановлена погрузка судов в американских портах, но и повернуты суда, уже направлявшиеся в СССР. Правда, решение о немедленном прекращении всех поставок по ленд-лизу было быстро пересмотрено, однако советской стороной этот эпизод воспринимался не как недоразумение, а как проявление стремления оказать нажим на СССР, используя финансово-экономические рычаги[41].

Г. Трумэн

Встреча советских и американских войск на Эльбе. Апрель 1945 г.

Майор 58-й гвардейской стрелковой дивизии и солдаты 69-й пехотной дивизии США на берегу реки Эльба в Торгау

Советские военнослужащие фотографируются с американцами во время встречи на Эльбе

Мост Трумэна через Эльбу

Советские военнослужащие на берегу реки встречают прибывающих американцев

И все же антигитлеровская коалиция выстояла до победоносного завершения вооруженной борьбы против блока агрессоров. Наступление армий союзников с востока и с запада приближало их соединение на территории Германии. 25 апреля войска 1-го Украинского фронта вышли к реке Эльбе в районе германского города Торгау, где они встретились с подходившими с запада частями 1-й американской армии. По предложению У. Черчилля лидеры трех союзных держав подготовили обращения к войскам по случаю этого события. В связи со встречей на Эльбе Верховный главнокомандующий маршал И. В. Сталин обратился с приветствием к Красной армии и войскам союзников: «Победоносные армии союзных держав, ведущих освободительную войну в Европе, разгромили германские войска и соединились на территории Германии. Наша задача и наш долг добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать. Эту задачу и этот долг перед нашим народом и перед всеми свободолюбивыми народами Красная армия выполнит до конца. Приветствую доблестные войска наших союзников, стоящие теперь на территории Германии плечом к плечу с советскими войсками и преисполненные решимости выполнить свой долг до конца»[42].

А. Гитлер 30 апреля покончил жизнь самоубийством. В ночь на 2 мая немецкий гарнизон Берлина во главе с генералом Г. Вейдлингом капитулировал. Советские войска полностью овладели столицей Германии. Фашистская Германия потерпела тотальное военное поражение, ее государственное и военное руководство согласилось на безоговорочную капитуляцию всех своих вооруженных сил. К сожалению, при организации подписания этого акта его англо-американские инициаторы игнорировали развернутый документ о капитуляции, подготовленный Европейской консультативной комиссией. Условия капитуляции, разработанные ЕКК при активном участии советской дипломатии, означали слом фашистской государственной машины и уничтожение милитаризма, что в новых условиях представлялось У. Черчиллю и главнокомандующему союзными экспедиционными силами в Европе отнюдь не обязательным. Попытка отказа от уже согласованного документа в деле подписания капитуляции была одним из первых шагов на пути отхода от сотрудничества с СССР в решении послевоенных вопросов, в частности германской проблемы[43].

7 мая в 2 часа 30 минут представитель верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-полковник А. Йодль по поручению главы правительства гросс-адмирала К. Дёница подписал в Реймсе, в штабе верховного главнокомандующего силами союзников в Западной Европе генерала Д. Эйзенхауэра, протокол о полной капитуляции германских вооруженных сил. Это был краткий документ о военной капитуляции. От Советского Союза документ подписал начальник советской военной миссии в Париже генерал-майор И. А. Суслопаров. Правда, при этом была сделана оговорка, позволявшая заменить подписанный протокол более общим документом о капитуляции, принятым союзными государствами.

В тот же день И. В. Сталин сообщил по телефону Г. К. Жукову в Берлин: «Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед верховным командованием союзных войск. Я не согласился с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители верховного командования союзных войск. Представителем Верховного главнокомандования советских войск назначаетесь вы»[44].

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, который привез всю необходимую документацию. В середине дня прибыли представители верховного командования союзных войск: британский маршал авиации Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Делатр де Тассиньи. В Берлин были доставлены также германские военачальники: генерал-фельдмаршал В. Кейтель, адмирал флота Х. фон Фридебург, генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Они имели полномочия от ставшего рейхспрезидентом гросс-адмирала К. Дёница подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Подписание капитуляции Германии в Реймсе. 7 мая 1945 г.

Генерал-майор И. А. Суслопаров пожимает руку Д. Эйзенхауэру на подписании Акта о капитуляции Германии в Реймсе

Церемония подписания акта о капитуляции началась в полночь 8 мая в зале бывшего немецкого военно-инженерного училища в Карлсхорсте, в восточной части Берлина. Руководил церемонией маршал Г. К. Жуков. Представители верховных командований вооруженных сил СССР и союзных войск заняли места за столом у стены зала. За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, в зале сидели генералы Красной армии. На церемонии также присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты.

Г. К. Жуков открыл заседание и распорядился пригласить в зал представителей германского главного командования. Немцев посадили за отдельный стол, недалеко от входа. В. Кейтель подтвердил готовность подписать Акт о безоговорочной капитуляции и предъявил документ о полномочиях германских представителей, подписанный К. Дёницем. Маршал Г. К. Жуков предложил немцам подойти к столу союзников и подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Фельдмаршал В. Кейтель и генерал-полковник Г. Штумпф подписали подготовленный документ, и после этого германским представителям было предложено покинуть зал. Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии было закончено в 00 часов 43 минуты 9 мая 1945 г.[45] В Советском Союзе 9 мая было объявлено праздником Победы.

Подписав этот документ, немецкие представители согласились на безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил Германии на суше, на море и в воздухе. Был отдан приказ всем германским вооруженным силам прекратить военные действия в полночь 8 мая 1945 г., оставаться на своих местах и полностью разоружиться. Германское верховное командование обязалось обеспечить выполнение всех приказов верховных командований Красной армии и союзных экспедиционных сил. Подписанный акт не мог служить препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени[46].

В обращении И. В. Сталина к советскому народу 9 мая говорилось: «Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами... С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»[47]

Советское руководство настойчиво выступало за реализацию согласованных решений союзников об управлении побежденной Германией. Однако на западе страны в городе Фленсбурге еще некоторое время существовало нацистское правительство гросс-адмирала К. Дёница, которого А. Гитлер, уходя из жизни, назначил рейхспрезидентом. Обосновавшись недалеко от границы с Данией, К. Дёниц сформировал свое правительство и пытался продолжить вооруженную борьбу, в первую очередь «во имя спасения возможно большего числа немцев от большевиков». Несмотря на подписание акта о капитуляции фленсбургское правительство продолжало действовать, и это обстоятельство вызывало беспокойство и недовольство в Москве.

20 мая советское правительство предприняло резкий демарш против функционирования фленсбургского правительства. Тогда же И. В. Сталин, обращаясь к В. М. Молотову, сказал: «Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров»[48]. В. М. Молотов заверил И. В. Сталина, что советская делегация на следующий день отправится в Германию. Советские требования оказали воздействие на позицию западных союзников. 23 мая британские власти во Фленсбурге выполнили приказ генерала Д. Эйзенхауэра распустить правительство К. Дёница, арестовать всех его членов и представителей германского верховного командования.

Подписание Акта о капитуляции Германии. В. Кейтелю подают текст Акта. г. Берлин, 8 мая 1945 г.

В июне после некоторых колебаний президент Г. Трумэн все же не последовал призывам У. Черчилля не отводить американские войска с территории советской зоны оккупации. Соглашение о зонах оккупации в Германии и об управлении районом Большого Берлина стало реализовываться. В конце мая было объявлено о создании Контрольного совета из представителей верховного командования четырех союзных держав, призванного «осуществлять высшую власть в Германии на время оккупации»[49].

Тем временем 12 мая в ЕКК была одобрена «Декларация о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами четырех союзных держав» (утверждена СССР 19 мая)[50]. 5 июня в Берлине маршал Г. К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал Б. Л. Монтгомери и генерал Ж. Делатр де Тассиньи, имея полномочия своих правительств, подписали эту декларацию, констатировавшую полное поражение и безоговорочную капитуляцию германских вооруженных сил. Четыре союзные державы подчеркнули: «В Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и выполнение требований держав-победительниц». В этих условиях правительства четырех союзных держав заявили, что они «берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство, или власть. Взятие на себя такой власти, прав и полномочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии». Правительства четырех оккупирующих Германию держав обязались впоследствии установить границы Германии или любой ее части.

АКТ О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил находящихся в настоящее время под немецким командованием, - Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных Экспедиционных сил.

2. Германское Верховное командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 час по Центрально-Европейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзных Верховных Командований, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

Акт о военной капитуляции Германии (лист №1)

3.-

Подписано 8 мая 1945 года в гор. БЕРЛИНЕ.

От имени Германского Верховного Командования:

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Г.ЖУКОВА

По уполномочию Верховного Командующего экспедиционными силами Союзников
ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ
ТЕДДЕРА

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий Стратегическими Воздушными Силами США
ГЕНЕРАЛ
СПААТС

Главнокомандующий Французской Армией
ГЕНЕРАЛ ДЕЛАТР де ТАССИНЬИ

Акт о военной капитуляции Германии (последний лист)

Далее в декларации раскрывались требования четырех правительств к Германии. Все германские вооруженные силы должны были прекратить вооруженные действия, разоружиться и оставаться в местах своей дислокации. Это же требование относилось к германским самолетам, военно-морским кораблям и торговым судам. Все предприятия военно-промышленного комплекса, а также все военные установки и разработки должны были быть предоставлены в распоряжение союзников в целости и сохранности. Все военнопленные союзных держав должны были быть освобождены. Главных нацистских лидеров предлагалось арестовать и передать представителям союзников. Правительства союзных держав заявили о готовности осуществить полное разоружение и демилитаризацию Германии. В декларации объявлялось: «Представители союзников навяжут Германии дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования, возникающие в результате полного поражения Германии»[51].

На следующий день было опубликовано краткое изложение соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о контрольном механизме в Германии, зонах оккупации Германии и управлении районом Большого Берлина[52].

Декларация четырех держав-победительниц от 5 июня намечала согласованный курс на демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии. Для реализации намеченной программы действий создавался Контрольный совет из четырех главнокомандующих, призванный совместно решать вопросы, затрагивающие Германию в целом. Управление районом Большого Берлина возлагалось на Межсоюзническую комендатуру. В свою очередь, советское руководство сформировало Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) по управлению советской зоной оккупации. Главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главноначальствующим СВАГ был назначен маршал Г. К. Жуков.

Принятие важных решений союзников по германской проблеме способствовало согласованию их позиций и по существенным аспектам австрийского вопроса. Правда, ситуация в Австрии отличалась от положения в Германии. Еще на Московской конференции министров иностранных дел трех держав была принята «Декларация об Австрии». Союзники подчеркнули, что «они рассматривают присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 года, как несуществующее и недействительное». Они заявили о том, что желают видеть Австрию свободной и независимой и тем самым дать возможность австрийскому народу, как и другим соседним государствам, определиться с собственной политической и экономической безопасностью[53].

Немаловажным было и то, что после освобождения Вены советскими войсками в столице Австрии 27 апреля при согласии СССР было образовано коалиционное временное правительство во главе с социал-демократом К. Реннером. Вашингтон пытался добиться согласования вопроса об австрийском правительстве между четырьмя союзными державами. В ответ Москва заявила, что «советские войска, ведущие на территории Австрии борьбу против немецких захватчиков, не могут обойтись без организации на освобожденной территории Австрии управления из местных людей»[54]. Конечно, в Москве рассчитывали на формирование в Австрии дружественного СССР режима, при котором австрийские коммунисты могли бы принять активное участие в управлении страной, однако стремления «коммунизировать» Австрию у советского руководства не было. Для СССР приоритет состоял в том, чтобы отделить Австрию от Германии и создать надежные барьеры на пути к аншлюсу в любой форме. Кроме того, Австрия не входила в пояс безопасности непосредственно на границах Советского Союза. Характерно, что в январе 1945 г. заместитель наркома М. М. Литвинов в своей записке о блоках и сферах влияния включил Австрию в нейтральную зону[55].

В июле 1945 г. в ЕКК были выработаны соглашения о контрольном механизме в Австрии, зонах оккупации в этой стране и управлении ее столицей Веной. Австрия была разделена на четыре зоны оккупации, а Вена оккупирована совместно вооруженными силами четырех держав-победительниц. Создавалась Союзническая комиссия по Австрии, перед которой были поставлены следующие основные задачи:

«а) добиться отделения Австрии от Германии;

b) обеспечить скорейшее создание центрального австрийского административного аппарата;

c) подготовить почву для образования свободно избранного австрийского правительства;

d) обеспечить до того времени поддержание удовлетворительного административного управления в Австрии»[56].

Дальнейшее развитие событий показало, что решения, принятые летом 1945 г., обеспечили развитие Австрии в качестве независимого демократического государства.

СССР и Чехословакия

Важным направлением внешней политики СССР рассматриваемого периода было развитие отношений со странами Восточной и Юго-Восточной Европы и формирование советской сферы влияния в этом регионе. Особое место при этом отводилось Чехословакии. Еще в декабре 1943 г. был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Союзные отношения с Чехословакией рассматривались в Москве как важный инструмент укрепления позиций СССР в Восточной Европе. С другой стороны, руководство Чехословакии во главе с президентом Э. Бенешем реалистично оценивало возрастание влияния СССР в послевоенной Европе и выступало за достижение взаимопонимания с Москвой. Еще в 1942 г. Э. Бенеш доказывал польскому деятелю В. Сикорскому, что «надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной армией»[57]. К концу войны это убеждение Э. Бенеша только окрепло, поэтому он выбрал путь из Лондона на родину через Москву.

Президент Э. Бенеш с сопровождавшей его группой лиц находился в столице СССР с 17 по 31 марта 1945 г. По прибытии в Москву он сделал следующее заявление: «Наш путь на родину, освобождаемую героическим усилием Красной армии и всех наших союзников, ведет через Москву. Это подчеркивает еще большее значение нашей общей дружбы и наших союзнических отношений»[58]. Во время пребывания в Москве Э. Бенеш имел встречи и беседы с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и другими советскими деятелями. Чехословацкая сторона выразила пожелание в ходе переговоров руководителей двух стран обсудить следующие вопросы: границы Чехословакии с Германией, Венгрией и Польшей; выдворение из Чехословакии немецкого и венгерского населения; Карпатская Украина; хозяйственное положение на освобожденной территории страны; чехословацкая доля в репарациях с Венгрии; вопросы транспорта; дальнейшая организация чехословацкой армии; взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией; политика СССР и ЧСР в отношении Германии; дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР[59].

Стремление чехословацкого руководства добиться возвращения страны к домюнхенским границам не вызвало каких-либо возражений со стороны И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вопрос о выдворении из Чехословакии немецкого и венгерского населения оказался более сложным. В. М. Молотов попросил уточнений, о каком количестве населения идет речь. Президент ЧСР пояснил, что имеется в виду выселить из Чехословакии не менее 2 млн немцев и до 400 тыс. венгров. В принципе, СССР положительно относился к этим пожеланиям руководства ЧСР о перемещении населения[60].

Во время войны президент Э. Бенеш неоднократно заявлял о своей готовности согласиться на включение Закарпатской Украины в состав СССР, чтобы обеспечить Чехословакии общую границу с Советским Союзом. В письме И. В. Сталина Э. Бенешу от 23 января 1945 г. говорилось: «Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решить. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны, когда это найдут целесообразным оба правитель-

ства. Прошу верить, что у советского правительства нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой Республики и ее престижу. Наоборот, советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле ее освобождения и восстановления»[61]. Эти договоренности были подтверждены в Москве в марте 1945 г. При этом советская сторона настояла на обмене письмами между Э. Бенешем и И. В. Сталиным, при котором президент ЧСР подтвердил обещание передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу. В беседе с В. М. Молотовым 24 марта Э. Бенеш отметил важность присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу, во-первых, потому что «СССР станет соседом с Венгрией, во-вторых, он перейдет за Карпаты»[62].

В ходе бесед с Э. Бенешем И. В. Сталин предложил трансформировать чехословацкий корпус в армию. СССР готов был предоставить вооружение для 10 дивизий этой армии.

Переговоры Э. Бенеша в Москве проходили в духе заверений И. В. Сталина о готовности оказать всяческое содействие в деле освобождения и восстановления Чехословакии. Помимо вопросов, поставленных Э. Бенешем, в Москве обсуждались формирование нового правительства Чехословакии и его программа. Из 25 членов нового правительства семеро представляли коммунистов, трое — социал-демократов, трое — чешских социалистов, четверо — словацких демократов, трое — народную (католическую) партию, а пятеро были беспартийными. Возглавил правительство близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер. Коммунисты получили важные посты двух вице-премьеров[63].

Был принят проект программы будущего правительства. Во внешнеполитическом разделе программы говорилось: «Выражая безграничную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неизменной ведущей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной великой славянской державой на востоке». Предусматривалось установление союзнических отношений со славянскими странами: Польшей, Югославией и Болгарией; проведение курса на поддержку стремления к сближению «новой и подлинно демократической Венгрии, а также независимой и демократической Австрии с соседними славянскими народами и государствами»[64].

В целом визит Э. Бенеша в Москву подтвердил особую роль Чехословакии в антигитлеровской коалиции. Был закреплен курс на укрепление отношений СССР с Чехословацкой Республикой.

Готовность Советского Союза оказать содействие в освобождении Чехословакии от германских оккупантов была подтверждена в ходе Пражской наступательной операции советских войск, осуществленной 6–11 мая 1945 г. Территория Чехословакии была полностью очищена от немецких захватчиков.

К вопросу о судьбе Закарпатской Украины стороны вернулись после завершения войны в Европе, летом 1945 г. В ходе переговоров делегации Чехословакии в Москве в июне был согласован текст соответствующего договора. И. В. Сталин поставил вопрос о заключении этого договора в ходе беседы с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером в Кремле 28 июня. З. Фирлингер информировал, «что текст договора уже почти согласован и что речь идет сейчас только о некоторых статьях протокола к договору». И. В. Сталин поинтересовался, удобно ли сейчас чехословацкому правительству подписывать этот договор, заметив: «Мы не торопим вас. Как вы считаете удобным, так и поступайте в данном случае». З. Фирлингер ответил, что «чехословацкое правительство считает момент для оформления договора подходящим и поэтому само внесло предложение о подписании договора»[65].

Договор между СССР и ЧСР о Закарпатской Украине был подписан в Москве 29 июня 1945 г. По этому договору Закарпатская Украина в соответствии с пожеланием ее населения и на основании дружественного соглашения между двумя договаривающимися государствами воссоединялась с Советской Украиной и включалась в состав УССР[66]. В результате мирного присоединения Закарпатской Украины с городами Ужгород и Мукачево СССР получил границу с Чехословакией и Венгрией. Таким образом, Советский Союз завершил Великую Отечественную войну, имея с Чехословакией отношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

Польский вопрос

Советское руководство прилагало энергичные усилия, чтобы добиться приемлемых для СССР решений по польскому вопросу. Напряженные дискуссии о Польше, проходившие на конференции в Ялте, завершились принятием компромиссного соглашения, согласно которому действующее в Польше временное правительство должно было быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением деятелей как из самой Польши, так и поляков из-за границы[67]. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявили о готовности признать новое правительство сразу после его создания. Учреждалась комиссия в составе наркома В. М. Молотова, послов А. Гарримана и А. Керра для проведения в Москве консультаций с членами временного правительства и другими польскими демократическими деятелями с целью реализации принятого в Ялте решения.

Ситуация в самой Польше была чрезвычайно сложной. Временное правительство нуждалось в росте общественной поддержки и международном признании. Отсюда его готовность принять рекомендации великих держав о расширении состава правительства. С другой стороны, шансы эмигрантского правительства на возвращение в страну становились все более иллюзорными, а борьба ориентировавшегося на него антикоммунистического подполья — все более бесперспективной. Среди лондонских поляков распространялось реалистическое понимание сложившейся ситуации.

Созданная в Ялте трехсторонняя комиссия не смогла играть роль нейтрального посредника для организации переговоров между различными группировками поляков. С самого начала ее работы начались споры о том, каких польских деятелей следует пригласить для предварительных консультаций. Жесткая советская позиция была намечена уже в предложениях А. Я. Вышинского по польскому вопросу, представленных В. М. Молотову 16 февраля. Предлагалось выделить демократическим деятелям из Польши и из-за границы пять мест из двадцати в будущем правительстве (трое из страны и двое из-за границы). Обсуждение всех вопросов в трехсторонней комиссии должно было проходить с участием лидеров люблинских поляков: Б. Берута, Э. Осубка-Моравского и М. Роля-Жимерского. С этими же деятелями предлагалось согласовать список кандидатов в состав правительства[68]. Тем самым руководители действовавшего временного правительства фактически получали право решающего голоса при его реорганизации.

Не менее жесткую позицию занимал В. М. Молотов. В период подготовки признания Москвой временного правительства Польши (в самом начале января 1945 г.) он так сформулировал свои замечания: «Польша — большое дело! Но как организовывали правительства в Бельгии, Франции, Греции и т. д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т. к. это зона действий англо-американских войск»[69]. Тем самым В. М. Молотов стремился реализовать на практике ту концептуальную установку, которую сформулировал И. В. Сталин во время ужина с югославскими коммунистами в апреле 1945 г.: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может»[70]. Польша непременно включалась Москвой в советскую сферу влияния с установлением в ней близкого социально-политического строя. В начале марта 1945 г. И. В. Сталин говорил маршалу Г. К. Жукову: «Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем. Мы хотим раз и навсегда иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ»[71].

СССР последовательно поддерживал временное правительство Польши. Сразу после окончания Крымской конференции в Москву была приглашена делегация этого правительства, которую ознакомили с решениями, принятыми в Ялте, и с постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 февраля по вопросам Польши. В документе ГКО говорилось: «Впредь до окончательного определения западных и северных границ Польши на будущей мирной конференции западную границу Польши следует считать по линии

западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением города Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до реки Нейсе (западной) и отсюда по реке Нейсе (западной) до чехословацкой границы»[72]. Тем самым к Польше отходили германские территории вплоть до реки Западная Нейсе, бóльшая часть Восточной Пруссии (за исключением города Кёнигсберга с прилегающим районом), балтийское побережье, включая Данциг и Штеттин. Советская поддержка польских территориальных притязаний закрепляла внешнеполитическую ориентацию Польши на СССР.

Во время приема В. М. Молотовым делегации временного правительства Польши 20 февраля нарком подчеркнул значение предстоявших в трехсторонней комиссии переговоров, «поскольку переговоры будут идти об очень важном, по существу, главном вопросе»[73]. Трехсторонняя комиссия, сформированная в Ялте, начала свою работу 23 февраля. В. М. Молотов последовательно настаивал на тексте решений Крымской конференции на русском языке, уполномочивших комиссию «проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего временного правительства и с другими польскими демократическими деятелями как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего правительства»[74].

И. В. Сталин и В. М. Молотов подчеркивали необходимость именно реорганизации временного правительства Польши, сохраняя преобладание в нем коммунистов и близких к ним лиц. Западные представители, взаимодействуя с польскими деятелями в Лондоне и с руководством «подпольного государства», добивались такого расширения правительства, которое изменило бы его просоветскую ориентацию.

Правда, в начале переговоров с западными послами В. М. Молотов вроде бы проявлял склонность к поискам компромисса. На первом заседании комиссии 23 февраля было решено послать приглашение представителям временного правительства Польши прибыть в Москву для консультаций. Удалось предварительно договориться и о потенциальных участниках консультаций из самой Польши и из-за границы. Однако В. М. Молотов настаивал на том, что «было бы очень полезно для комиссии ознакомиться с мнением польского временного правительства». Британский посол А. Керр поставил резонный вопрос о том, что будет делать комиссия, если варшавское правительство не одобрит список приглашаемых в Москву лиц. Советский нарком дипломатично ушел от прямого ответа, заявив, что «члены комиссии не подчинены варшавскому правительству, а подчинены своим соответственным правительствам, и они могут иметь независимое мнение». Хотя, на его взгляд, «было бы полезно узнать мнение временного польского правительства о приглашаемых лицах. Затем можно было бы решить, как поступить»[75].

Ответ временного правительства Польши получился жестким и категоричным: «Предлагаемая консультация требует участия в ней демократических лидеров, отражающих волю народа и защищающих принципы, на которых основаны решения Крымской конференции. Этому условию, к сожалению, не отвечает состав лиц, предложенный в Вашем письме вследствие политической односторонности его подборки». Особое внимание было уделено кандидатуре экс-премьера С. Миколайчика, который, по утверждению Варшавы, «в своих неоднократных заявлениях в печати за последнее время нередко выступал против решений Крымской конференции». В телефонограмме в Москву председателя Крайовой Рады Народовой Б. Берута и советского посла в Польше В. З. Лебедева предлагался альтернативный список кандидатур для консультаций[76].

Категоричная позиция Варшавы вызвала не менее жесткую реакцию Лондона. 27 февраля В. М. Молотов получил записку британского посла А. Керра, содержавшую резкую оценку ответа временного правительства Польши. А. Керр писал: «Из телеграммы, полученной из Варшавы, видно, что г-н Берут либо совершенно неправильно понял все то, что имело место в Крыму в отношении Польши, или что он действует с недобрыми намерениями и насмехается над комиссией. Вся телеграмма говорит о том, что он считает свое правительство и выдвинутых им кандидатов единственными выразителями мнения демократических кругов в Польше и что они желают диктовать свою волю комиссии. Этого нельзя допустить».

Британский посол настаивал на том, что комиссия должна прислушиваться к мнению всех польских демократов. А. Керр предлагал десять дополнительных кандидатур для участия в московских консультациях[77]. Английское правительство утверждало, что приглашение представителей временного правительства Польши в Москву способно нарушить равновесие между различными группами польских демократических деятелей. Лондон выражал настойчивое пожелание одновременного прибытия в Москву различных групп поляков для участия в консультациях[78]. Возражения британского правительства привели к отмене приглашения в Москву представителей временного правительства Польши. По поводу кандидатур других деятелей для участия в московских консультациях в трехсторонней комиссии выявились принципиальные разногласия.

В ходе последующих дискуссий в комиссии по Польше В. М. Молотов настойчиво отстаивал основополагающие подходы советского руководства к консультациям в Москве. По мнению советского руководства, быть приглашенными для консультации могли только такие демократические деятели, которые признавали решения Крымской конференции и способны были развивать дружественные отношения с СССР. Отсюда возражения наркома против участия в консультациях С. Миколайчика. В. М. Молотов доказывал, что в Ялте речь шла о реорганизации временного правительства Польши, поэтому это правительство должно рассматриваться как «база, основное ядро» для формирования будущего коалиционного правительства. В. М. Молотов трактовал ялтинские решения по Польше таким образом, что представители временного правительства должны были пользоваться приоритетом в процессе московских консультаций[79]. Представители США и Великобритании настаивали на приглашении в Москву максимально представительного круга демократических деятелей из Польши и из-за рубежа. А. Керр и А. Гарриман категорически отвергали право варшавского правительства отвергать те или иные кандидатуры для консультаций.

К концу марта выявилась безрезультатность консультаций в трехсторонней комиссии. Нарком В. М. Молотов четко сформулировал советскую позицию в памятной записке, направленной послу США А. Гарриману 22 марта. Советская сторона вновь настаивала на том, что реорганизованное польское правительство должно быть образовано на базе временного правительства Польши. В связи с этим советское руководство отвергало подход к варшавскому правительству лишь как одной из трех групп демократических поляков. В. М. Молотов подчеркивал, что комиссия должна консультироваться в первую очередь с временным правительством Польши. Советское руководство выдвигало следующие основные положения для организации московских консультаций: «а) комиссия должна исходить в своей работе из того основного положения Крымской конференции, что временное польское правительство является базой для нового временного польского правительства национального единства с включением в его состав демократических лидеров из Польши и поляков из-за границы; б) комиссия должна безотлагательно приступить к проведению порученной ей консультации, для чего прежде всего должны быть вызваны представители временного польского правительства». При этом категорически отвергалось участие в консультациях сторонников эмигрантского польского правительства, включая и С. Миколайчика[80].

Руководители Запада признавали, что советские позиции на переговорах были явно сильнее. Ф. Рузвельт в своем послании У. Черчиллю 29 марта отмечал, что ялтинское соглашение «делает бóльший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах»[81]. Еще более выигрышную для СССР оценку сложившейся ситуации давал французский посол в Москве Ж. Катру. В шифрованной телеграмме он сообщал 30 марта в Париж: «Что касается Кремля, то он хладнокровно наблюдает эффект, который производит на англосаксонские правительства его неуступчивость в польском вопросе и его уклончивая, а в чем-то и нелояльная позиция по вопросу о конференции в Сан-Франциско. До настоящего времени он не проявил никакой готовности к компромиссу. Он стремится реализовать дипломатический успех, достигнутый в Ялте, который принес ему молчаливое признание его преобладания в тех регионах, которые мы знаем. Польша — это краеугольный камень его политической системы. Он присутствует там, и только он один там присутствует. Он обладает там силой.

Это позволяет ему господствовать и проявлять твердость и непреклонность»[82]. В конце марта переговоры трехсторонней комиссии в Москве зашли в тупик.

В начале апреля разногласия между лидерами большой тройки по польскому вопросу выплеснулись на самый высокий уровень. В посланиях У. Черчилля и Ф. Рузвельта, полученных в Москве 1 апреля, премьер-министр и президент изложили свое видение польской проблемы. Они протестовали против права советского правительства или временного правительства Польши накладывать вето на те или иные кандидатуры поляков, которых предлагалось пригласить в Москву для консультаций. Ф. Рузвельт подчеркивал при этом, что реорганизация польского правительства мыслилась таким образом, «чтобы создать новое правительство». У. Черчилль отдельно останавливался на случае с С. Миколайчиком, «который в британском и американском мире рассматривается как выдающийся польский деятель за пределами Польши»[83].

В своих ответах Ф. Рузвельту и У. Черчиллю И. В. Сталин обвинял послов западных держав в отходе от решений Крымской конференции по польскому вопросу. Советский лидер настаивал, что именно временное польское правительство «должно послужить ядром нового правительства национального единства. Послы же США и Англии в Москве отходят от этой установки, игнорируют существование временного польского правительства, не замечают его, в лучшем случае ставят знак равенства между одиночками из Польши и из Лондона и временным правительством Польши. При этом они считают, что реконструкцию временного правительства надо понимать как его ликвидацию и создание совершенно нового правительства»[84]. И. В. Сталин решительно возражал против такого подхода и настаивал на том, что приглашаться в Москву для консультаций могли только такие польские деятели, которые признают решения Крымской конференции, включая решение о польско-советской границе по линии Керзона, и «стремятся на деле установить дружественные отношения между Польшей и Советским Союзом». Он подчеркивал значение Польши для обеспечения безопасности Советского Союза и отстаивал такую реконструкцию польского правительства, при которой «ядром будущего польского правительства национального единства должно быть временное польское правительство». И. В. Сталин предлагал ограничиться вызовом в Москву восьми польских деятелей (пяти из самой Польши и трех из Лондона), причем обязательным предварительным условием должны были стать консультации с временным правительством Польши. А при определении соотношения министров этого правительства и вновь привлекаемых деятелей следовало ориентироваться на югославский прецедент, давший явный перевес сторонникам новой революционной власти[85]. Что касается кандидатуры С. Миколайчика, то И. В. Сталин настаивал на признании им решений Крымской конференции по польскому вопросу и открытого заявления, что «он стоит за установление дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом»[86].

У. Черчилль в своих посланиях вновь выделил кандидатуру С. Миколайчика, довольно популярного в Польше. Британский премьер информировал И. В. Сталина о заверениях С. Миколайчика, что «тесная и прочная дружба с Россией является краеугольным камнем будущей польской политики». Польский деятель заявил о своем согласии с ялтинскими решениями в отношении будущего Польши и о создании правительства национального единства. И. В. Сталин выдвинул дополнительное требование о признании С. Миколайчиком решений Крымской конференции относительно восточных границ Польши. В ответ У. Черчилль подтвердил, что С. Миколайчик принимает крымские решения в целом, включая ту часть, которая касается восточных границ Польши по линии Керзона с оставлением Львова за Советским Союзом[87]. В ответ И. В. Сталин снял свои возражения против приглашения С. Миколайчика в Москву для консультаций[88].

Развернутое изложение позиций У. Черчилля и Г. Трумэна по польскому вопросу содержалось в их совместном послании И. В. Сталину, полученном в Москве 18 апреля. Западные лидеры отвергали обвинения в том, что они намерены игнорировать временное правительство Польши в Варшаве. Они подчеркнули: «В действительности спорный вопрос между нами заключается в том, имеет или не имеет право варшавское правительство

налагать вето на отдельные кандидатуры для участия в совещании. По нашему мнению, такого толкования нельзя найти в крымском решении». Руководители Великобритании и США предлагали немедленно пригласить в Москву трех представителей временного правительства, трех деятелей из лондонских поляков и двух авторитетных лиц из Польши, не связанных с временным правительством. Таким образом, представители политических сил, не связанных с варшавским правительством, получили бы численный перевес. Эти польские деятели могли бы предложить комиссии имена других потенциальных участников совещания, «чтобы все главные польские группы были представлены при обсуждении». В заключение У. Черчилль и Г. Трумэн категорически отвергали применение к Польше югославского прецедента[89].

Однако И. В. Сталин настаивал на том, что временное правительство Польши «должно быть ядром, т. е. главной частью, нового, реорганизованного правительства национального единства». Он вновь выдвигал югославский пример как образец для Польши. В послании У. Черчиллю советский лидер делал намек на раздел сфер влияния в Европе между СССР и Великобританией: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции»[90].

Таким образом, в переписке на высшем уровне в апреле 1945 г. не удалось найти компромисс по польскому вопросу. Последующий обмен посланиями между И. В. Сталиным с одной стороны и У. Черчиллем и Г. Трумэном с другой подтверждал сохранявшиеся разногласия между лидерами большой тройки. Их письменный обмен мнениями был завершен И. В. Сталиным 10 мая, когда он в послании Г. Трумэну заявил: «Как мне кажется, Вы не согласны считаться с временным польским правительством как основой будущего правительства национального единства и не согласны с тем, чтобы временное польское правительство заняло в этом правительстве место, которое ему принадлежит по праву. Должен сказать, что такая позиция не дает возможности достигнуть согласованного решения по польскому вопросу»[91].

Тем временем непосредственные переговоры переместились в Вашингтон, куда нарком В. М. Молотов прибыл 22 апреля, начиная свою поездку в США. Согласившись на визит В. М. Молотова в Соединенные Штаты, И. В. Сталин продолжил избранную им внешнеполитическую линию — сохранение взаимодействия с Вашингтоном и Лондоном. Руководство СССР добивалось его признания равноправным партнером в международных делах и согласия союзников на формирование советской сферы влияния в Восточной Европе.

14 апреля нарком В. М. Молотов подтвердил в письме послу А. Гарриману свой выезд в США в ближайшее время. А еще через день, 16 апреля, заместитель наркома А. Я. Вышинский в беседе с А. Гарриманом сообщил о безусловной поддержке советским руководством временного правительства Польши в Варшаве. А. Я. Вышинский информировал посла о намерении правительства СССР заключить договор о дружбе и союзе с польским временным правительством. Посол заявил о необходимости дождаться формирования нового польского правительства и намерении Вашингтона официально сформулировать свое отрицательное мнение. А. Я. Вышинский согласился выслушать американскую сторону, но «дал понять, что заключение договора не может стоять ни в какой зависимости от замечаний американского правительства, если такие замечания и последуют»[92].

18 апреля НКИД СССР получил письмо поверенного в делах США в Москве Д. Кеннана, в котором сообщалось об отрицательном отношении правительств США и Великобритании к заключению советско-польского договора. Ответ А. Я. Вышинского был жестким и категоричным, исключавшим всякие дискуссии на эту тему: «Подписание договора между Советским Союзом и Польшей в духе договоров, заключенных с Великобританией, Чехословакией и Югославией, вполне своевременно и полностью отвечает стремлениям и жизненным интересам польского и советского народов. Это шаг является, таким образом, вполне естественным и, поскольку он направлен на укрепление дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом, не должен был бы вызывать какого-либо беспокойства»[93].

Как раз в то время, когда В. М. Молотов направлялся в США, в Москву 19 апреля прибыли польские руководители во главе с президентом Крайовой Рады Народовой Б. Берутом. 21 апреля в Кремле состоялось подписание советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Значение этой акции было подчеркнуто тем, что с советской стороны договор подписал лично И. В. Сталин. По своему содержанию этот документ действительно был аналогичен договорам, заключенным Советским Союзом с Чехословакией, Францией, Югославией[94]. Однако в сложившейся конкретной ситуации смысл его подписания был совершенно иным. И. В. Сталин продемонстрировал твердость и непреклонность в поддержке временного правительства Польши. Заключение договора во время продолжения трехсторонних переговоров по польскому вопросу приобретало особое значение, укрепляя легитимность временного правительства и его международно-правовое положение. Договор стал важным дипломатическим инструментом включения Польши в советскую сферу влияния.

Ставка советского руководства на временное правительство в Варшаве обрекала переговоры министров иностранных дел в Вашингтоне на неудачу. Тем более что «Молотов имел жесткое указание Сталина твердо держаться уже заявленной позиции и уклоняться от попыток союзников «решить вместе с тобой польский вопрос в Америке», ссылаясь на отсутствие там представителей временного польского правительства»[95].

Несовместимость позиций СССР с одной стороны и США и Великобритании с другой по польскому вопросу ясно выявилась в ходе совещания министров иностранных дел трех держав 22 апреля в Госдепартаменте США. В. М. Молотов по-прежнему настаивал на том, что «исходной позицией при решении польского вопроса должна быть договоренность о том, что новое польское правительство должно быть создано на основе временного польского правительства в Варшаве и что оно должно быть дружественным по отношению к Советскому Союзу». Советский нарком пытался в завуалированном виде ссылаться на концепцию сфер влияния. Он подчеркнул, что «Польша находится в зоне действий наших войск», так же как Франция, Бельгия и Голландия находятся в зоне действий войск союзников, «и советское правительство не вмешивается в дела формирования правительств этих стран, в которых активно участвуют правительства Англии и США». А. Иден и Э. Стеттиниус пытались доказывать, что в Ялте было принято решение о создании нового польского правительства, и выразили удивление поспешным заключением советско-польского договора[96].

Три министра иностранных дел продолжили обсуждение польского вопроса в ходе совещания 23 апреля. В. М. Молотов вновь и вновь подчеркивал, что при решении вопроса о лицах, приглашаемых для консультации в Москву, необходимо посоветоваться с временным правительством Польши и «без консультации с представителями польского временного правительства нельзя принять решения». Советский нарком пытался ссылаться на югославский прецедент, но эти доводы были отвергнуты министрами Великобритании и США. Достигнуть каких-либо договоренностей не удалось[97].

Дискуссии трех министров иностранных дел были продолжены в Сан-Франциско 2 мая, однако договориться о списке польских деятелей, приглашаемых в Москву для консультаций, вновь не удалось. Единственная уступка, на которую пошел В. М. Молотов, было его согласие на участие в консультациях С. Миколайчика. К тому же этот вопрос уже нашел положительное решение в переписке И. В. Сталина с У. Черчиллем. В. М. Молотов предложил продолжить обсуждение польского вопроса в Москве, посоветовавшись с варшавскими поляками[98].

Во время пребывания В. М. Молотова в Вашингтоне к обсуждению польского вопроса подключился и Г. Трумэн. Правда, во время первой встречи с В. М. Молотовым 22 апреля американский президент заверил в своей решимости осуществить решения, принятые в Крыму и Думбартон-Оксе[99]. Однако во время следующей беседы с наркомом 23 апреля он заявил, что американские и британские предложения по польскому вопросу «являются весьма справедливыми и благоразумными... США не могут участвовать в учреждении такого польского правительства, которое не будет представлять демократических элементов

польского народа». Г. Трумэн обвинил советское правительство в нарушении решений по Польше и недвусмысленно связал решимость союзников сотрудничать в послевоенное время с приемлемым решением польского вопроса[100]. В целом тон, избранный Г. Трумэном, был напористым и жестким. В Москве высказывания президента США расценивали крайне негативно: «Трумэн фактически послал Молотова к черту»[101]. Отсюда делался вывод об отходе нового президента от курса Ф. Рузвельта на сотрудничество с СССР.

Подобные выводы были сделаны не только в Москве. Французский дипломат М. Дежан отмечал в августе 1945 г.: «Напряженность между Америкой и СССР, несомненно, достигла своей кульминационной точки в первые дни конференции в Сан-Франциско. Президент Трумэн, казалось, отказался от самих основ политики своего предшественника. Но это была только внешняя сторона дела. Очень скоро он отдал себе отчет в опасностях такой ситуации и употребил все средства, чтобы восстановить более сердечные отношения»[102].

Почему же президент Г. Трумэн предпринял шаги к улучшению отношений с Советским Союзом? Наверное, правящие круги США были не готовы перейти к открытой конфронтации с СССР. Слишком грозной представлялась эта держава на евроазиатском пространстве. По американским данным, Вооруженные силы СССР насчитывали летом 1945 г. около 16 млн человек[103]. Сказывался и фактор войны с Японией. Для ее скорейшего победоносного завершения Соединенные Штаты нуждались в участии СССР в войне на стороне союзников. К тому же руководители США были заинтересованы в завершении создания ООН и начале функционирования этой организации. В Вашингтоне продолжалась борьба между приверженцами курса Ф. Рузвельта и сторонниками более жесткой политики в отношении СССР. Приходилось считаться и с американским общественным мнением, в котором к концу войны доминировало стремление к взаимопониманию и сотрудничеству с Советским Союзом. Британское посольство в Вашингтоне отметило в ежеквартальном отчете за июль — сентябрь 1945 г.: «Несмотря на то что крайне правые продолжают свои обычные нападки на советскую политику и ее цели в Восточной Европе... общим чувством в отношении Советского Союза остается ограниченный оптимизм. Русофобов, которые говорят о неизбежной войне между Соединенными Штатами и СССР, широко осуждают»[104].

Визит Г. Гопкинса в Москву и его результаты

Наиболее важной американской акцией стала миссия в советскую столицу помощника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса, убежденного сторонника сотрудничества с СССР. Весьма характерны были указания, переданные из Вашингтона американскому бюро военной информации в Москве: «Выбор президентом Трумэном наиболее доверенного советника господина Рузвельта служит лишним доказательством продолжения внешней политики Америки с курсом на хорошие отношения с Россией»[105].

Г. Гопкинс прибыл в Москву в качестве специального уполномоченного президента Г. Трумэна вечером 25 мая 1945 г. и оставался в советской столице до 7 июня. Во время визита Г. Гопкинс имел шесть встреч с И. В. Сталиным, провел переговоры с другими руководителями СССР. В ходе этих бесед обсуждался широкий круг вопросов. Г. Гопкинс заверял И. В. Сталина: президент Ф. Рузвельт считал после Ялты, что «несмотря на различия в политической и экономической идеологии наших двух стран, Соединенные Штаты и Советский Союз смогут сотрудничать и после войны, для того чтобы обеспечить прочный мир всему человечеству». Американский представитель утверждал, что президент Г. Трумэн полон решимости продолжать курс Ф. Рузвельта и намерен соблюдать все соглашения покойного президента с И. В. Сталиным, но для проведения этой политики он нуждался в поддержке общественного мнения США, которое обеспокоено состоянием отношений с Россией[106].

Беседы И. В. Сталина с Г. Гопкинсом проходили в откровенной, доверительной атмосфере, что способствовало их положительным результатам. Ряд вопросов, вызывавших взаимное недоверие, был урегулирован легко и быстро. Так, И. В. Сталин заявил о назначении маршала Г. К. Жукова советским представителем в Контрольный совет по Германии. Советское руководство проявляло большую заинтересованность в благоприятном для СССР решении вопроса о репарациях и в работе созданной в Ялте трехсторонней репарационной комиссии. США предлагали дополнительно включить в ее состав Францию, но Советский Союз возражал. Г. Гопкинс согласился начать переговоры репарационной комиссии в Москве без участия Франции. Посланец Г. Трумэна выразил полную готовность Вашингтона передать СССР причитающуюся ему часть германского флота.

Советский лидер выразил недовольство тем, как было осуществлено американцами прекращение поставок по ленд-лизу — «оскорбительным и неожиданным образом». Он заявил, что любые попытки давления на СССР были бы большой ошибкой. Г. Гопкинс заверил, что США «не пытались использовать ленд-лиз как средство давления». И. В. Сталин сказал, что верит Г. Гопкинсу и полностью удовлетворен его заявлением относительно ленд-лиза, но надеется, что тот учтет, как это выглядело с другой стороны.

Ключевой темой этих встреч стал польский вопрос. В первой же беседе с И. В. Сталиным Г. Гопкинс отметил, что ухудшение отношения американского общественного мнения к Советскому Союзу связано с неспособностью США и СССР договориться о реализации ялтинских договоренностей о Польше. Он подчеркнул, что польскому народу должно быть предоставлено право провести свободные выборы и самостоятельно определить свою государственную систему. Во время беседы в Кремле 27 мая Г. Гопкинс заверил, что у Соединенных Штатов «нет никаких особых интересов в Польше и никакого особого желания создать там правительство какого-то определенного характера. Мы можем согласиться с любым правительством в Польше, приемлемым для польского народа и в то же время дружественным к советскому правительству». Американский представитель выразил обеспокоенность тем, что предварительные шаги по воссозданию Польши были предприняты Советским Союзом в одностороннем порядке совместно с варшавским правительством[107].

Глава советского правительства в своих высказываниях подчеркивал значение Польши для безопасности СССР: «Россия жизненно заинтересована в том, чтобы Польша была и сильной, и дружественной... у Советского Союза нет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела Польши». Ответственность за отсутствие договоренностей в московской комиссии И. В. Сталин возложил на Англию, заявив, «что Советский Союз хочет иметь дружественную Польшу, а Великобритания хочет возродить систему санитарного кордона на советских границах». Советский лидер признал факт односторонних действий СССР в Польше и объяснил их логикой войны против Германии и присутствием сил Красной армии в Польше. Он выделил вопрос о составе будущего польского правительства, которое, по его мнению, могло бы включить четырех или пятерых демократических деятелей из самой Польши и из-за границы. И. В. Сталин подчеркнул, что если им с Г. Гопкинсом удастся договориться о составе нового правительства, «то после этого не останется никаких разногласий, поскольку все мы согласны насчет проведения свободных и невоспрепятственных выборов и никто не намеревается вмешиваться во внутренние дела польского народа»[108].

В связи с этим заявлением И. В. Сталина Г. Гопкинс заверил: США в духе Ялты признают, что «члены нынешнего польского режима составят большинство нового польского правительства». Он также дал понять, что Соединенные Штаты «могут согласиться на предложенные Москвой количественные квоты при советских уступках по персональному составу лиц, приглашаемых на консультации»[109].

В ходе бесед в Кремле обсуждались различные кандидатуры в состав реорганизованного польского правительства. Добившись принципиального согласия Г. Гопкинса на преобладание люблинских поляков в новом правительстве, И. В. Сталин проявил готовность пойти на уступки по отдельным кандидатурам. Так, он подтвердил согласие на приглашение в Москву для консультаций экс-премьера эмигрантского правительства С. Миколайчика, основателя

и одного из руководителей крестьянской партии «Стронництво Людове» В. Витоса, правого социалиста Я. Станчика. В результате встречи И. В. Сталина с Г. Гопкинсом 6 июня было достигнуто соглашение о приглашении в Москву для консультации четырех представителей временного правительства, пяти демократических деятелей из Польши (из них трое по англо-американскому предложению) и трех польских деятелей из Лондона (из них двое по англо-американскому предложению). Вашингтон и Лондон согласились одобрить достигнутые с Г. Гопкинсом договоренности[110].

Глава советского правительства добился бесспорного политико-дипломатического успеха. Он в полной мере использовал заинтересованность Г. Трумэна в возрождении «духа Рузвельта» в отношениях между США и СССР. И. В. Сталин умело играл на разногласиях между Вашингтоном и Лондоном, поскольку президент США был меньше связан с лондонскими поляками, чем британский премьер. Советский лидер не скупился на заверения в проведении в Польше свободных и демократических выборов. Обеспечив преобладание просоветских деятелей в реорганизованном правительстве, И. В. Сталин уступил по поводу отдельных кандидатур для консультаций, справедливо считая это не таким уж важным. Он также пошел на уступки Г. Гопкинсу по другим обсуждавшимся вопросам. В частности, это касалось правил голосования в Совете Безопасности ООН и обязательств СССР о вступлении в войну против Японии. По последнему вопросу Г. Гопкинс сообщал в Вашингтон: «Сталин не оставил у нас никакого сомнения в том, что он намерен начать военные действия в августе»[111].

Президент Г. Трумэн заявил на своей пресс-конференции 13 июня: «Я думаю, что если мы сохраним спокойствие духа и будем терпеливыми, то мы достигнем договоренностей, поскольку русские так же сильно стремятся уживаться с нами, как и мы с ними. Я думаю, что они продемонстрировали это очень убедительно в ходе последних переговоров»[112].

Результаты бесед Г. Гопкинса в Москве позволили возобновить работу трехсторонней комиссии по польскому вопросу. 11–12 июня комиссия согласовала список польских деятелей для участия в консультациях о составе будущего правительства. 13 июня в печати была опубликована информация о списке лиц, приглашаемых в Москву для консультаций[113]. Сторонники С. Миколайчика оказались в меньшинстве, к тому же они были разобщены. Важным фактором в ходе консультаций стала поддержка советским руководством временного правительства Польши и близких к нему лиц.

Обсуждение состава реорганизованного правительства проходило в Москве 16–21 июня с участием членов трехсторонней комиссии по Польше. 22 июня московские консультации были завершены, о чем заявили в совместном коммюнике В. М. Молотов, А. Гарриман и А. Керр. В состав правительства были введены двое деятелей из самой Польши и трое из-за границы, включая и С. Миколайчика. Формирование нового правительства национального единства Польши было закончено 29 июня. Премьер-министром коалиционного правительства остался социалист Э. Осубка-Моравский, вице-премьерами стали коммунист В. Гомулка и С. Миколайчик. Сторонники С. Миколайчика получили в новом правительстве четыре портфеля из двадцати одного. При этом все силовые министерства возглавили представители временного правительства. 30 июня это правительство было признано Францией, а 5 июля — Великобританией и США. «Фактически это была крупная победа советской дипломатии, так как ключевые посты в коалиционном правительстве в действительности оказались в руках коммунистов и их сторонников»[114].

Существование в Варшаве просоветского правительства обеспечило подписание 16 августа 1945 г. договора между СССР и Польшей о советско-польской государственной границе. По этому договору, граница устанавливалась вдоль линии Керзона с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров[115].

Советское руководство добилось после Второй мировой войны выгодных для СССР границ на западе и востоке. В. М. Молотов позднее говорил: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей»[116].

Плакат Кукрыниксов.
1941

Плакат Кукрыниксов.
1942

Плакат П. Д. Магнушевского.
1943

Плакат Л. Н. Орехова, А. Г. Петрова.
1943

Плакат В. Н. Селиванова.
1943

Плакат Л. С. Самойлова.
1943

Плакат И. С. Астапова, В. И. Курдова, Ю. И. Петрова.
1944

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

Плакат И. С. Астапова, В. И. Курдова.
1944

Плакат Л. Я. Ельковича.
1944–1945

Плакат Н. А. Долгорукова.
1945

Политика СССР на юго-востоке Европы, Ближнем и Среднем Востоке

Основной опорой политики СССР на юго-востоке Европы в рассматриваемый период стала Югославия. В Ялте была принята рекомендация немедленно ввести в действие «соглашение Тито — Шубашича» и образовать временное объединенное правительство на основе этого соглашения, подписанного в Белграде 1 ноября 1944 г. и, будучи компромиссом по форме, дававшего явный перевес сторонникам новой революционной власти[117]. Во исполнение этого решения 7 марта 1945 г. было создано временное правительство Демократической Федеративной Югославии во главе с И. Б. Тито, при этом доктор И. Шубашич занял пост министра иностранных дел.

В следующем месяце правительственная делегация Югославии во главе с маршалом И. Б. Тито посетила Москву. Визит делегации в СССР проходил с 5 по 17 апреля 1945 г., в ходе него стороны обменялись проектами договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Во время беседы В. М. Молотова с И. Шубашичем 6 апреля нарком отметил, что подготовленные проекты договора не содержат существенных отличий: «Югославия хочет того же самого, что и Советский Союз, и следовательно, они могут легко договориться»[118].

11 апреля в Кремле был подписан советско-югославский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. СССР и Югославия брали обязательства продолжать борьбу против Германии до окончательной победы, а также сотрудничать во всех международных действиях, направленных на обеспечение мира и безопасности народов. Ключевая статья договора гласила: «Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон оказалась бы в послевоенный период вовлеченной в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с каким-либо государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении». СССР и Югославия брали обязательства не участвовать в союзах, направленных против другой стороны, и действовать после войны в духе дружбы и сотрудничества[119].

Выступая при подписании этого документа, В. М. Молотов подчеркнул, что договор «закрепляет отношения дружбы и тесного сотрудничества, сложившиеся между народами СССР и Югославии в их совместной борьбе против общего врага — немецких захватчиков»[120]. Договор создавал надежную базу для развития отношений союза и сотрудничества между СССР и Югославией после войны.

В ходе переговоров И. Б. Тито в Москве большое внимание было уделено отношениям между Югославией и Болгарией. Лидер болгарских коммунистов Г. Димитров также находился в это время в Москве. Руководители коммунистических партий двух балканских стран выступали за их объединение в федерацию, однако относительно путей формирования такой федерации существовали принципиальные разногласия: вхождение Болгарии в качестве одной из республик в состав Югославии или объединение двух государств на равноправной основе[121].

В результате бесед И. В. Сталина с И. Б. Тито и Г. Димитровым были достигнуты договоренности о развитии отношений между Югославией и Болгарией. На первом этапе предусматривалось восстановление дипломатических отношений между Белградом и Софией, что должно было поставить точку на их враждебности в прошлом. На втором этапе предлагалось заключение договора о сотрудничестве и взаимопомощи двух стран. На третьем этапе оба государства должны были подготовить формирование общей федерации, методы создания которой в тот момент не уточнялись[122]. Это решение позволяло советскому лидеру держать в своих руках рычаги влияния и на Югославию, и на Болгарию и таким образом усилить свое воздействие на ситуацию на Балканах.

Расхождения между И. В. Сталиным и И. Б. Тито проявились во время конфликта вокруг Триеста в мае — июне 1945 г. Область Триеста принадлежала Италии, в которой ее

называли Венеция-Джулия, в Югославии — Юлийская Крайна. Ее население было смешанным по этническому составу: в самом Триесте большинство составляли итальянцы, а в прилегающей сельской местности — словенцы и хорваты. В процессе освобождения Триеста от фашизма в мае 1945 г. его заняли отряды Народно-освободительной армии Югославии. В то же время с запада в него вошли англо-американские войска, закрепившиеся в порту. Великобритания и США стремились сохранить Триест за Италией, а руководство новой Югославии заявляло о своей решимости присоединить эту область к Федеративной республике. Судя по архивным документам, в апреле советское руководство согласилось поддержать позицию Югославии.

15 мая англо-американцы обратились по вопросу о Триесте напрямую к И. В. Сталину, рассчитывая, что он сможет побудить И. Б. Тито пойти на уступки. В своем послании У. Черчилль предложил установить в спорной области военное управление под властью союзного командующего для осуществления соответствующего административного контроля[123].

В результате обсуждения этого вопроса в Кремле И. В. Сталин стал нацеливать И. Б. Тито на достижение компромисса: согласие на установление в спорном районе военной администрации союзников при сохранении югославской гражданской администрации и участии югославской армии в контроле над Юлийской Крайной. И. В. Сталин считал, что тем самым югославы получали возможность вести борьбу хотя бы за часть спорной территории без риска серьезных осложнений с англо-американцами[124]. Подобная линия расходилась с более масштабными устремлениями Белграда. И. В. Сталин поддерживал югославов в вопросе о Триесте, но не очень решительно.

Однако руководители Великобритании и США не приняли предлагавшийся компромисс. У. Черчилль рассматривал триестский кризис как показательную пробу сил на юге Европы. 15 мая премьер писал командующему союзными войсками в Италии генералу Г. Александеру: «Если западные союзники не смогут противостоять захватническим и другим претензиям Тито и согласятся на какой-нибудь хилый компромисс, это может породить гораздо большую угрозу, чем та, с которой мы сталкиваемся сейчас в верховьях Адриатики. Меня крайне беспокоит общий настрой русских, особенно если они сочтут, что перед ними стоят лишь измотанные войска и дрожащие от страха органы власти... Если мы не проявим сейчас силу воли, то нас будут гнать от края до края»[125]. Неслучайно именно в мае по указанию У. Черчилля британские военные руководители разрабатывали план операции «Немыслимое», предусматривавший военное противостояние с СССР.

В конце мая англо-американцы потребовали для союзного командующего права по своему усмотрению менять методы гражданского управления в районе Триеста и ограничивать там численность югославских войск. Вашингтон и Лондон осуществляли энергичный нажим на югославское руководство. И. В. Сталин также побуждал И. Б. Тито пойти на уступки. По некоторым свидетельствам, в начале июня руководство СССР направило И. Б. Тито телеграмму, требуя от него вывести в течение 48 часов югославские войска из Триеста. И. В. Сталин аргументировал свое требование тем, что не хочет из-за триестского вопроса быть ввергнутым в новую мировую войну[126]. Югославские руководители вынуждены были отступить. Триестский кризис завершился подписанием 9 июня соглашения между правительствами Югославии, США и Великобритании об учреждении временного военного управления в области Венеция-Джулия. В ходе кризиса выявилось различие в подходах Москвы и Белграда к явлениям международной жизни. И. Б. Тито смотрел на кризис с региональной точки зрения, стремясь к лидерству Югославии на Балканах. И. В. Сталин рассматривал события мировой политики в глобальном масштабе, вписывая Триест в свои более общие замыслы.

Советское руководство внимательно следило за ситуацией в Болгарии и Румынии и оказывало несомненное влияние на внутриполитические процессы в этих странах. В Болгарии в это время действовало коалиционное правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым. В его состав входили представители компартии, Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), социал-демократической партии, народного союза «Звено».

При этом руководители Советского Союза советовали коммунистам действовать более взвешенно, не спешить, не забегать вперед. В связи с предполагавшейся сменой правительства в Софии в июле 1945 г. Г. Димитрову намекали на неуместность в сложившихся условиях устранения из кабинета видного деятеля партии БЗНС Н. Петкова и других земледельцев. Болгарским коммунистам рекомендовалось проявлять «бóльшую осторожность и терпимость и прочее»[127]. Позиция советского руководства к политической ситуации в Болгарии ужесточилась в августе 1945 г., после Потсдама.

Советский Союз рассматривал Румынию в качестве важного элемента пояса безопасности на юго-востоке Европы. В сентябре 1944 г. Румыния признала факт своего поражения в войне на стороне фашистской Германии и заключила с великими державами соглашение о перемирии. Контроль над выполнением соглашения о перемирии был возложен на Союзную контрольную комиссию (СКК) из представителей СССР, Великобритании и США, которую возглавил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. СКК призвана была контролировать все направления политической, экономической и культурной жизни. В Румынии были размещены контингенты советских войск.

«Советский фактор приобрел здесь важное, а подчас и решающее значение в становлении коалиционной власти. Советское руководство считало для себя непременным условием поддержки этой власти участие в ней представителей левых сил и в первую очередь коммунистов»[128]. Правительственный кризис в ноябре — начале декабря 1944 г. завершился формированием в Бухаресте правительства во главе с генералом Н. Радеску, сосредоточившим в своих руках ключевые силовые министерства.

С февраля 1945 г. Национально-демократический фронт (НДФ), объединявший левые силы, начал активные выступления против правительства Н. Радеску, обвиняя генерала в намерении разжечь в стране гражданскую войну. 24 февраля НДФ организовал в Бухаресте и некоторых других городах антиправительственные демонстрации, в ряде случаев произошли перестрелки между манифестантами и правительственными войсками. Министры НДФ потребовали немедленной отставки правительства Н. Радеску и наказания лиц, ответственных за применение силовых методов.

27 февраля в Бухарест прибыл заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, курировавший в советском руководстве румынские вопросы. На следующий день А. Я. Вышинский «сделал королю Румынии заявление о необходимости немедленно уволить правительство Радеску как неспособное обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной армии, и поощряющее деятельность железногвардейцев и других агентов Германии»[129]. В тот же день генерал Н. Радеску подал королю Михаю заявление об отставке правительства, которое и было принято.

В ходе правительственного кризиса А. Я. Вышинский добивался формирования правительства Национально-демократического фронта во главе с П. Грозой[130]. Король и его окружение пытались настаивать на участии в правительстве «исторических партий»: царанистской и либеральной. Однако этот вариант широкой правительственной коалиции натолкнулся на решительное противодействие НДФ. Во время беседы с королем 3 марта П. Гроза подчеркнул, «что, принимая во внимание политическое положение, другого выхода, кроме создания коалиционного демократического правительства, не имеется, и возможностей для совместного сотрудничества Национально-демократического фронта и исторических партий нет»[131]. Твердая позиция НДФ, имевшая советскую поддержку, привела к формированию 6 марта правительства П. Грозы. Таким образом, в новом правительстве «пост премьера и военное министерство получили представители НДФ, а министерство внутренних дел — КПР»[132].

В ходе правительственного кризиса представители Великобритании и США в Румынии выражали свое недовольство методами его разрешения, но делали это достаточно осторожно. США пытались повлиять на развитие ситуации в Румынии, но встретили жесткий советский отпор. В. М. Молотов писал 27 февраля послу А. Гарриману: «Советское правительство считает весьма важным обеспечение порядка и спокойствия в Румынии, являющейся тылом Красной армии. Однако нужно сказать, что нынешнее румынское правительство оказалось

неспособным обеспечить порядок и спокойствие в тылу Красной армии, как оказалось неспособным честно выполнять условия соглашения о перемирии. Это создает серьезное беспокойство и тревогу у советского правительства»[133]. С аргументом о необходимости обеспечить порядок и спокойствие в тылу Красной армии было трудно спорить.

К тому же США и Великобритания не обладали реальными рычагами воздействия на положение в Румынии. «Что касается румынской ситуации, — писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю 11 марта, — то Аверелл (А. Гарриман. — *Прим. ред.*) поднял и продолжает поднимать этот вопрос с Молотовым, апеллируя к «Декларации об освобожденной Европе»... но Румыния — неподходящее место для пробы сил»[134]. Очевидно, в какой-то степени сказывалось согласие У. Черчилля в октябре 1944 г. на преобладание Советского Союза в Румынии. Лондон и Вашингтон вынуждены были примириться с включением Румынии в советскую сферу влияния.

В конце мая 1945 г. И. В. Сталин предложил У. Черчиллю и Г. Трумэну возобновить дипломатические отношения с Румынией, Болгарией и Финляндией[135]. Однако западные лидеры соглашались восстановить дипломатические отношения с Финляндией, но не с Румынией и Болгарией. При этом Г. Трумэн и У. Черчилль указывали на отсутствие в Румынии и Болгарии демократических режимов, представляющих волю народа. Глава советского правительства пытался отстаивать свою точку зрения, ссылаясь на то, что вооруженные силы Румынии и Болгарии «принимали активное участие в разгроме гитлеровской Германии»[136], но переубедить партнеров по большой тройке ему не удалось.

И. В. Сталин старался соблюдать «процентное соглашение» с У. Черчиллем, по которому Греция отходила в зону британского влияния. В январе 1945 г. он говорил Г. Димитрову, имея в виду стремление греческих коммунистов развязать вооруженную борьбу против монархических прозападных сил в Греции: «Я советовал, чтобы в Греции не затевать эту борьбу. Люди ЭЛАС не должны были выходить из правительства Папандреу. Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная армия спустится до Эгейского моря. Мы не можем этого сделать. Мы не можем послать и в Грецию свои войска. Греки совершили глупость»[137].

В целом обеспечение советского влияния на Балканах являлось важным аспектом внешней политики СССР, который стремился установить контроль на Черном море и в зоне проливов. Рассуждая в июне 1945 г. о послевоенной системе территориальной опеки, М. М. Литвинов в качестве возможных подопечных территорий Советского Союза намечал Эритрею, Сомали, Ливию, Палестину. При этом заместитель наркома делал вывод: «Предпосылкой получения и удержания нами любых из перечисленных объектов представляется наш контроль над проливами и свободный выход нашего максимально усиленного флота из Черного моря»[138].

Отсюда и стремление Советского Союза к пересмотру конвенции в Монтрё, определявшей режим черноморских проливов. Обсуждение этого вопроса в Ялте привело к соглашению о том, что «три министра иностранных дел на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения советского правительства в отношении конвенции в Монтрё и сделают доклады своим правительствам». И договорились проинформировать об этом Турцию «в надлежащий момент»[139]. После Крымской конференции В. М. Молотов заявил турецкому послу в Москве С. Сарперу, что советское правительство «не удовлетворено конвенцией в Монтрё и считает, что ее следует пересмотреть»[140].

В феврале 1945 г. Ближневосточный отдел НКИД четко сформулировал интересы Советского Союза: «Наиболее выгодным для СССР решением вопроса было бы сочетание двустороннего советско-турецкого соглашения о проливах, подкрепленного реальными гарантиями его проведения в жизнь, с соглашением между тремя великими союзными державами, предусматривающим непротивление Англии и США... двустороннему советско-турецкому соглашению. Несколько менее выгодным, но также приемлемым решением вопроса была бы регламентация режима проливов всеми черноморскими странами, причем и соглашение черноморских стран следовало бы сочетать с соглашением между тремя великими союзными державами»[141].

Объявление Турцией войны Германии и Японии 23 февраля 1945 г. побудило советское руководство активизировать свою позицию в отношении Анкары. В марте в Москве было принято решение прекратить действие советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете. 19 марта В. М. Молотов сделал заявление о желании советского правительства денонсировать названный договор, поскольку «вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение Второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении»[142].

В июне 1945 г. состоялись переговоры В. М. Молотова с турецким послом в СССР С. Сарпером об урегулировании отношений между двумя государствами. Турецкое правительство предложило заключить двусторонний союзный договор. Однако советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия удовлетворение Турцией советских предложений: восстановление границы, существовавшей до завершения Первой мировой войны, то есть возвращение Советскому Союзу районов Карс и Ардаган, отошедших к Турции в 1921 г.; пересмотр режима черноморских проливов, установленного конвенцией в Монтрё, а также согласие Турции на создание советских военно-морских баз в районе проливов. В беседе с С. Сарпером 18 июня В. М. Молотов подчеркнул, что «базой договора явится урегулирование всех претензий, включая территориальные вопросы и вопрос о проливах»[143]. Турция отказалась удовлетворить советские требования.

Что касается территориального вопроса, то речь шла о передаче Советскому Союзу бывших армянских и грузинских территорий общей площадью 26 500 кв. км, отошедших к Турции в 1921 г.[144] По вопросу о проливах, как отмечалось в справке НКИД (сентябрь 1945 г.), СССР добивался отмены конвенции в Монтрё и определения режима проливов заключением двустороннего соглашения между Москвой и Анкарой. При этом СССР должен был получить не только право участвовать совместно с Турцией в контроле над соблюдением правил прохода судов через проливы, но и возможность их совместной защиты силами двух стран[145].

Впоследствии В. М. Молотов критически оценивал действия советской дипломатии на турецком направлении: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не совсем правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 г., после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело»[146].

Весной — летом 1945 г. Советский Союз усилил свою активность в Иране. С августа 1941 г. на территории Северного Ирана находились советские войска, введенные туда для пресечения деятельности прогерманских кругов. По договору 1942 г. (СССР, Великобритания, Иран) войска должны были быть выведены с территории соседней страны не позднее чем через шесть месяцев после окончания войны.

Во время войны советские геологи обнаружили на севере Ирана перспективные залежи нефти. В сентябре 1944 г. Иран посетила советская правительственная делегация во главе с заместителем наркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе. Делегация добивалась предоставления иранским правительством Советскому Союзу эксклюзивной нефтяной концессии на севере Ирана, однако иранское руководство отклонило просьбу Москвы. 2 декабря 1944 г. меджлис принял закон, запрещавший главе правительства предоставлять концессии и даже вести переговоры о них до окончания войны. Информатор ЦК ВКП(б) в Тегеране связывал действия иранского руководства с влиянием проанглийских сил. По его мнению, Англия действовала через иранский парламент, который, являясь ее послушным орудием, «смог оказать сильное сопротивление нашей первой попытке расширения экономических интересов (отклонение предложения о концессиях)»[147].

Вопрос о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии становился ключевым в отношениях между Москвой и Тегераном. В ответ на предложение иранского руководства обсудить возможность создания смешанного советско-иранского общества по разведке и добыче нефти в Северном Иране нарком В. М. Молотов в конце февраля 1945 г. заявил, что «иранское предложение не может быть базой для каких-либо переговоров... Советское

правительство считает единственным своим предложением по нефтяному вопросу сделанное им предложение о концессии в Северном Иране»[148]. При этом советское руководство стремилось укрепить собственные позиции в Иране и не допустить усиления там влияния Великобритании и США.

В мае 1945 г. иранское правительство обратилось к СССР, Великобритании и США с предложением о досрочном выводе их войск с территории страны, ссылаясь на окончание войны в Европе. Англия поддержала это пожелание Тегерана, однако Москва избрала линию на затягивание пребывания советских войск в Иране. Мотивы советской позиции ясно излагались в докладной записке С. И. Кавтарадзе В. М. Молотову от 25 мая: «Вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций... Реакционные и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране. Поэтому считал бы правильным оттянуть момент вывода наших войск из Ирана и добиться возможного обеспечения наших интересов после их вывода (главным образом путем получения нефтяной концессии, а в крайнем случае — создания акционерного общества с преобладающим нашим участием)»[149]. Тем самым затягивание вывода советских войск из Ирана ставилось в прямую зависимость от получения СССР экономических и политических уступок от Ирана.

Другим инструментом советской дипломатии в Иране стала поддержка автономистского движения азербайджанцев, компактно проживавших в прикаспийских районах страны, в которых находились контингенты Красной армии. Азербайджанцы являлись в Иране угнетенным национальным меньшинством, были лишены права на обучение и издание литературы на родном языке, не имели своего самоуправления.

В июне 1945 г. Народному комиссариату иностранных дел СССР и ЦК компартии Азербайджана было поручено подготовить предложения по решению азербайджанского вопроса. 11 июня был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б), а 6 июля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление об инициировании в Южном Азербайджане и других северных областях Ирана движения, которое ориентировалось на подготовку к образованию в составе Иранского государства национально-автономной азербайджанской области с широкими правами. Для осуществления этой работы предлагалось создать на севере Ирана Азербайджанскую демократическую партию. Намечались основные программные установки этой партии, направленные на осуществление социальных и культурных реформ. Для защиты деятелей и активистов этого движения предусматривалось создание боевых групп, обеспеченных оружием иностранных образцов. Сепаратистское движение в Иранском Азербайджане должно было развиваться под лозунгами борьбы за предоставление этой провинции широкой автономии[150]. В июле в Баку были проведены секретные совещания по созданию Азербайджанской демократической партии, возглавить которую предлагалось коммунисту С. Дж. Пишевари.

Одновременно советское руководство осуществляло меры по подготовке к организации нефтедобычи на севере Ирана. 21 июня Государственный Комитет Обороны принял постановление «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране», в котором предусматривалось осуществление ряда конкретных мер для его реализации[151].

На пути к Потсдаму

Несмотря на существующие проблемы, летом 1945 г. еще сохранялось сотрудничество ведущих стран антигитлеровской коалиции. В мае 1945 г. американские деятели поставили вопрос о новой встрече в верхах. Бывший американский посол в Москве Д. Дэвис предложил такую встречу И. В. Сталину 14 мая. И 20 мая советский лидер дал согласие на ее проведение[152].

Вопрос о встрече большой тройки был поставлен Г. Гопкинсом во время его бесед с главой советского правительства в Москве. И. В. Сталин ответил, что уже послал президенту Г. Трумэну телеграмму, предлагая Берлин в качестве места их предварительной встречи[153].

Действительно, в ходе предварительных контактов через бывшего посла США в Москве Д. Дэвиса советские руководители называли Берлин в качестве возможного места встречи руководителей трех держав. На следующий день после беседы с Г. Гопкинсом И. В. Сталин информировал У. Черчилля: «Приехавший в Москву господин Гопкинс поставил от имени Президента вопрос о встрече трех в ближайшее время. Я думаю, что встреча необходима и что удобнее всего было бы устроить эту встречу в районе Берлина. Это было бы, пожалуй, правильно и политически»[154]. 30 мая И. В. Сталин сообщил президенту США Г. Трумэну: «О Вашем предложении насчет встречи трех г-н Гопкинс передал мне сегодня. Я не возражаю против предложенной Вами даты встречи трех — 15 июля»[155]. Таким образом, было согласовано время и место проведения новой встречи руководителей СССР, США и Великобритании — середина июля 1945 г., район Берлина.

В июне 1945 г. Наркоминдел начал подготовку материалов к новой встрече большой тройки. Приказом по наркомату от 20 июня была образована комиссия во главе с А. Я. Вышинским по подготовке материалов к предстоящему совещанию руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании[156]. Общий перечень вопросов, которые могли быть поставлены на обсуждение Берлинской конференции, был одобрен В. М. Молотовым 28 июня. Он включал более 40 вопросов, распределенных по 16 разделам[157]. Большинство разделов были связаны с проблемами определенных стран (от Германии до Японии), но предусматривалось обсуждение и общих вопросов (ленд-лиз, наказание военных преступников и прочее). Ответственность за подготовку материалов возлагалась на заместителей наркомов и заведующих отделами. Весь аппарат НКИД включился в подготовку справок и досье для руководства страны. Наряду с проблемами, представлявшими несомненный интерес для всей большой тройки, в документе наркомата фигурировали и вопросы, в обсуждении которых был заинтересован именно Советский Союз. Так, например, в разделе «Турция» были выделены территориальные проблемы между СССР и Турцией, а также вопрос о проливах; в разделе «Иран» предполагалось обсуждение нефтяных концессий в этой стране.

Не случайным было и то, что В. М. Молотов вставил в первоначальные предложения комиссии во главе с А. Я. Вышинским отдельный вопрос о территориальной опеке. Уже 20 июня посол в Вашингтоне А. А. Громыко передал государственному секретарю США Э. Стеттиниусу письмо, в котором выражалось желание советского правительства «получить под свою опеку какие-либо территории»[158]. В тот момент это пожелание правительства СССР не встретило возражений со стороны руководства США. Сказывалось и то, что Вашингтон сохранял заинтересованность во вступлении СССР в войну против Японии.

В целом в период подготовки Потсдамской конференции СССР выступал за продолжение сотрудничества ведущих государств антигитлеровской коалиции. Об этом свидетельствовало и позитивное отношение Москвы к американскому предложению об учреждении Совета министров иностранных дел (СМИД), переданному А. Гарриманом В. М. Молотову 8 июля 1945 г. СМИД в составе министров СССР, Великобритании, США, Франции и Китая призван был в качестве первоочередной задачи заняться «составлением с последующим представлением Объединенным Нациям проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией» и урегулированием нерешенных территориальных вопросов в Европе. Позже его можно было бы использовать для подготовки мирного договора с Германией[159]. В связи с решением о создании Совета министров иностранных дел в Потсдаме было признано нецелесообразным дальнейшее существование Европейской консультативной комиссии[160].

Вместе с тем советское руководство стремилось последовательно отстаивать государственные интересы СССР, что проявлялось не только в предложениях Советского Союза к Турции и к Ирану, но также и в постановке вопроса о создании военно-морских баз СССР в Северной Норвегии и на датском острове Борнхольм[161].

2 июля нарком внутренних дел Л. П. Берия доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову об окончании подготовительных мероприятий по приему, размещению и охране участников предстоящей конференции руководителей трех держав в Потсдаме. Советская делегация планировала добираться до Потсдама на поезде. Для обеспечения ее безопасности по пути следования привлекались 1515 оперативных сотрудников НКВД, более 17 тыс. военнослужащих наркомата и восемь бронепоездов войск НКВД[162]. К середине июля советская сторона была готова к проведению новой встречи большой тройки.

Весной 1945 г. советская внешняя политика опиралась на нарастающие успехи Красной армии, завершившиеся победоносным штурмом Берлина и освобождением Праги. Фашистская Германия была повержена, ее представители подписали Акт о безоговорочной капитуляции. СССР, США и Великобритания выработали и провозгласили общие принципы обращения с побежденной Германией. Советское руководство добивалось сохранения антигитлеровской коалиции, реализации решений Крымской конференции, не допуская их ревизии. Весной — летом 1945 г. СССР надеялся на сохранение сотрудничества с западными союзниками при одновременном отстаивании гарантий собственной безопасности. Советский Союз получил выгодные послевоенные границы и заложил основы сферы своего влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе. Упорная борьба по вопросам состава правительств в Польше, Болгарии и Румынии завершилась преобладанием советских подходов. Вместе с тем советскому руководству не удалось реализовать свои замыслы в отношении Ирана, Турции, зоны проливов. Все больше ощущалось политическое соперничество СССР с Великобританией и США, что способствовало нарастанию недоверия между руководствами ведущих держав антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 608.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 247–248.

[3] См.: *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф, 1945. М., 2010. С. 6–34.

[4] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С 386–406.

[5] См.: *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 35–36.

[6] АВП РФ. Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 15; Отчет о работе Европейской консультативной комиссии. М., 1947. С. 119.

[7] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 18. Д. 182. Л. 113.

[8] Там же. Л. 115–116.

[9] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. С. 611.

[10] Там же. С. 626.

[11] Там же. С. 695–696. Примечания.

[12] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 193.

[13] *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949 г.). София, 1997. С. 471.

[14] Коминтерн и Вторая мировая война. В 2-х ч. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 483–485.

[15] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. С. 610.

[16] Там же. С. 22–23.

[17] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 25. Д. 209. Л. 37–38.

[18] Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 108.

[19] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 303–304.

[20] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1984. С. 332.

[21] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 303.

[22] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 332–333.

[23] Там же. С. 339.

[24] Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 98–123.

[25] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 614–615.

[26] Международная жизнь. 2010. № 7. С. 117.

[27] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 306.

[28] Международная жизнь. 2005. № 1. С. 112.

[29] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 211–212.

[30] Там же. С. 213–215.

[31] Там же. С. 218–220.
[32] Там же. С. 220–221.
[33] Там же. С. 222.
[34] Там же. С. 223.
[35] Там же. С. 228–229.
[36] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 304.
[37] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 594.
[38] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 357.
[39] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 229.
[40] Известия. 14 апреля 1945 г.; Красная звезда. 14 апреля 1945 г.
[41] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 326–328.
[42] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 186.
[43] *Лебедева Н. С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров. Из истории Второй мировой войны. М., 1989. С. 281.
[44] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 637–638.
[45] Там же. С. 641.
[46] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947. С. 261–262.
[47] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 193–194.
[48] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 667.
[49] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 267.
[50] АВП РФ. Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 15; Отчет о работе Европейской консультативной комиссии. С. 119.
[51] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 273–281.
[52] Там же. С. 282–284.
[53] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 354.
[54] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 381.
[55] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 60.
[56] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 371.
[57] Славяноведение. 1996. № 6. С. 78.
[58] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 144.
[59] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 51. Л. 15.
[60] Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М., Новосибирск, 1997. С. 176.
[61] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. С. 476–477. Примечания.
[62] Славяноведение. 1996. № 6. С. 83.
[63] *Марьина В. В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 320.
[64] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 245–246.
[65] Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 230.
[66] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 309–310.
[67] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 251.
[68] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 588. Л. 2.
[69] Там же. Л. 1.
[70] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.
[71] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 591–592.

[72] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 153.

[73] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 585. Л. 4.

[74] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 260.

[75] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. М., 2004. С. 621.

[76] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 588. Л. 9–10.

[77] Там же. Д. 587. Л. 18–20.

[78] Там же. Л. 24.

[79] Там же. Д. 589. Л. 23–29, 34–46.

[80] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 639–641.

[81] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 301.

[82] Archives Nationales (Paris). Archives privées de M. Georges Bidault. Carton 457, dossier AP 82.

[83] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 366; Т. 2. С. 216–217.

[84] Там же. Т. 2. С. 226.

[85] Там же. С. 227–228.

[86] Там же. С. 371.

[87] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 381, 383.

[88] Там же. С. 389, 392.

[89] Там же. С. 384–386.

[90] Там же. С. 390–392.

[91] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 248.

[92] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 322.

[93] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 363.

[94] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 — декабрь 1945 г. М., 1974. С. 414–416.

[95] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 322.

[96] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 648–649.

[97] Там же. С. 653–660.

[98] Там же. С. 672–679.

[99] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 367.

[100] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. С. 650–651.

[101] *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1995. С. 31.

[102] Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques (Paris). Papiers Maurice Dejean. Vol. 82. F. 116.

[103] История международных отношений. В 3-х. Т. 3. Ялтинско-Потсдамская система. М., 2012. С. 13.

[104] Союзники в войне. М., 1995. С. 338.

[105] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 44. Д. 689. Л. 53.

[106] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. Т. 2. М., 1958. С. 614–616.

[107] Там же. С. 615, 628–629.

[108] Там же. С. 616, 630–631.

[109] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 333.

[110] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 40. Д. 596. Л. 1.

[111] *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 634.

[112] *Gaddis J. L.* The United States and the Origins of the Cold War 1941–1947. N. Y., 1972. P. 235–236.

[113] Известия. 13 июня 1945 г.

[114] *Duroselle J. -B., Kaspi A.* Histoire des relations internationales de 1945 à nos jours. T. 2. Paris, 2001. P. 34.

[115] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 386–388.

[116] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.

[117] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 251–252.

[118] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 879. Л. 25.

[119] Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 10–12.

[120] Там же. С. 12–13.

[121] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 460, 463.

[122] Там же. С. 474.

[123] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 418–421.

[124] Сталин и холодная война. М., 1998. С. 48–50.

[125] Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 10–11.

[126] Сталин и холодная война. С. 56.

[127] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 487.

[128] Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов. М., 1998. С. 7.

[129] Там же. С. 99.

[130] Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 196.

[131] Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов. С. 106.

[132] Там же. С. 12.

[133] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 624.

[134] *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 299–300.

[135] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 427.

[136] Там же. Т. 2. С. 260–261.

[137] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 460.

[138] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 174. Л. 60–61.

[139] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 263.

[140] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 47. Д. 758. Л. 3.

[141] Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 63.

[142] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 146.

[143] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 47. Д. 758. Л. 6–13.

[144] Там же. Д. 762. Л. 15.

[145] Там же. Л. 8.

[146] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 102.

[147] Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 28.

[148] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 464. Л. 2.

[149] Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 31.

[150] *Гасанлы Дж.* СССР — Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006. С. 91–92.

[151] Там же. С. 89–90.

[152] СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 2. 9 мая 1945 — 3 октября 1946 г. М., 2000. С. 44.

[153] *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 620.

[154] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 426

[155] Там же. Т. 2. С. 256.
[156] АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 1.
[157] Там же. Л. 15–18.
[158] Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 704–705.
[159] АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 2. Д. 31. Л. 2.
[160] Там же. Л. 14.
[161] АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 17.
[162] Там же. Д. 5. Л. 32–38.

СССР И СОЗДАНИЕ ООН

Советский Союз и вопрос о всеобщей организации безопасности в начале войны

Начало обсуждению и разработке планов послевоенного устройства мира, включая создание всеобщей организации безопасности с целью недопущения возникновения новых очагов международной напряженности, было положено практически одновременно с вступлением Советского государства в войну против нацистской Германии и ее союзников в Европе. При этом инициаторами включения данной проблематики в повестку дня мировой политики явились западные державы, образовавшие позднее вместе с СССР ядро антигитлеровской коалиции. Так, уже 14 августа 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт в ходе их личной встречи на борту британского линкора «Принц Уэльский» близ Ньюфаундленда подписали так называемую Атлантическую хартию, которая явилась своеобразным прологом к формированию международно-правовых основ будущей ООН.

Правда, в силу декларативного характера этого документа его положения формально не считались юридически обязательными для его участников. Однако сформулированные в декларации принципы в дальнейшем были одобрены и признаны в качестве идеологического концепта нового, послевоенного международного порядка не только правительствами США и Великобритании, но и властями других государств, выступавших в тот период за полный разгром гитлеризма. Наряду с мыслями о необходимости уважения права всех народов свободно избирать себе форму правления, восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, «которые были лишены этого насильственным путем», и «окончательной ликвидации нацистской тирании» в Атлантической хартии выражалась надежда на «установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды»[1]. В то же время в восьмом, заключительном, пункте этой декларации говорилось о необходимости разоружения всех государств-агрессоров «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности»[2].

После некоторых колебаний в сентябре 1941 г. с одобрением основных принципов Атлантической хартии выступило и советское руководство. Разумеется, официальная Москва не скрывала своего разочарования тем обстоятельством, что данный документ был разработан и опубликован «без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны с гитлеризмом»[3]. Дипломатический представитель СССР в Великобритании И. М. Майский даже заявил по этому поводу главе британского

внешнеполитического ведомства А. Идену, что сепаратный характер Атлантической хартии создал впечатление «будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом богом, который призван судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну»[4]. Однако, принимая во внимание необходимость налаживания союзнического сотрудничества с Великобританией, а также укрепления военно-политических контактов с находившимися в шаге от вступления в мировой конфликт Соединенными Штатами, советские власти в итоге пошли на смягчение своей позиции в отношении Атлантической хартии и объявили о присоединении к ней.

24 сентября 1941 г. в ходе проходившей в Лондоне межсоюзнической конференции И. М. Майский огласил декларацию правительства СССР, в которой выражалось полное одобрение основных принципов Атлантической хартии при условии, что их практическое применение «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны»[5]. Наряду с этим в указанном документе, хотя и в весьма общей форме, впервые с начала Великой Отечественной войны излагалась собственная точка зрения руководства СССР по вопросу о создании будущей системы всеобщей безопасности. В частности, в декларации говорилось: «Перед нашими странами стоит также чрезвычайно важная задача определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма. Советский Союз глубоко убежден в том, что эта задача также будет успешно решена и что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы»[6].

Впрочем, в начале войны формирование основ будущего мира, в том числе создание международной организации безопасности, не входило в число приоритетных направлений внешней политики СССР. В условиях, когда Советскому государству приходилось фактически в одиночку нести на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистской Германии, внимание его правительства было сфокусировано прежде всего на решении конкретных задач военного времени. Тогда как обсуждение вопросов, связанных с созданием нового международного порядка, представлялось советскому руководству менее актуальным делом, по сравнению с осуществлением намеченных им планов по расширению состава и документальному оформлению антигитлеровской коалиции, а также оказанием союзниками эффективной вооруженной помощи Стране Советов.

Кроме того, по мнению советского руководства, успешному продолжению его диалога с властями Великобритании и США по различным аспектам организации послевоенного мира с самого начала препятствовал отказ последних признать западную границу СССР в том виде, как она сформировалась к июню 1941 г. Ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не желали поддержать позицию Советского Союза в данном вопросе, считая нелегитимным включение в его состав Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также территорий, утраченных Финляндией по итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Очевидное несовпадение взглядов советского и британского правительств по этой проблеме явилось одной из основных причин затягивания проходивших между ними переговоров о заключении двух важных соглашений: о союзническом сотрудничестве в период боевых действий и его продолжении после окончательного разгрома нацистской Германии. Еще в ходе первого в период Великой Отечественной войны визита А. Идена в Москву, состоявшегося с 16 по 22 декабря 1941 г., И. В. Сталин прямо заявил своему собеседнику, что вопрос о границах СССР (независимо от общего вопроса о границах в Центральной и Западной Европе) «представляет для нас исключительную важность»[7], и настаивал «на введении пункта о признании советских границ в договоре о послевоенной организации мира и безопасности»[8].

В свою очередь, британские представители придерживались мнения, что положительное для СССР решение вопроса о границах 1941 г. означало бы немедленное одобрение запад-

ными державами части будущего мирного договора, для чего, по словам А. Идена, тогда еще не наступило время[9]. К тому же англичане не желали участвовать в дискуссии по столь сложной проблеме без американцев, также не признававших последние территориальные приобретения Советского государства. Как выразился в одной из бесед с И. В. Сталиным руководитель британской дипломатии, он был связан «своим обещанием Рузвельту не принимать на себя каких-либо обязательств в данной сфере без предварительной консультации с Соединенными Штатами»[10]. И это обещание наряду с некоторыми другими важными обстоятельствами вынуждало правительство Великобритании уклоняться от внесения в союзный договор с официальной Москвой каких-либо конкретных положений, касавшихся послевоенного устройства.

В итоге, переговоры о заключении столь необходимого как для СССР, так и для Великобритании договора о союзе в войне против фашистской Германии и ее сообщников в Европе, а также сотрудничестве и взаимной помощи после войны продолжались более полугода. Чтобы добиться их успешного завершения и ускорить открытие второго фронта[11], советская сторона в вопросе о границах решила пойти навстречу своим главным союзникам.

26 мая 1942 г. по личному распоряжению И. В. Сталина глава НКИД В. М. Молотов подписал в Лондоне британский проект союзного договора, в котором не только отсутствовало какое-либо упоминание о внешних рубежах СССР[12], но и не содержалось никаких конкретных планов организации будущего миропорядка, что, впрочем, не умаляло важного исторического значения этого документа. Укрепив свой военный союз в борьбе против нацистской Германии и подтвердив обоюдную приверженность принципам, изложенным в Атлантической хартии, его участники также заявили о желании «объединиться с другими единомышленными государствами» в принятии предложений об общих действиях после уничтожения гитлеризма «в целях сохранения мира и сопротивления агрессии».

Вместе с тем, несмотря на отсутствие в советско-британском договоре 1942 г. конкретных статей, относившихся к формированию послевоенной системы всеобщей безопасности, его заключение сыграло весьма заметную роль в предыстории образования ООН. С одной стороны, с подписанием этого документа практически завершилось документальное оформление антигитлеровской коалиции[13], из которой в годы Второй мировой войны и родилась вышеупомянутая организация. А с другой, содержание советско-британского договора перекликалось с положениями ряда других международных актов, разработанных вскоре после нападения нацистской Германии на СССР и проложивших дорогу к возникновению ООН.

К числу последних относились прежде всего советско-польская межправительственная декларация о дружбе и взаимной помощи и так называемая Вашингтонская декларация, больше известная как Декларация Объединенных Наций. Первая из них была подписана 4 декабря 1941 г. в ходе официального визита в Москву главы эмигрантского правительства Польши генерала В. Сикорского. Ее значение в контексте проблематики ООН определялось тем важным обстоятельством, что наряду с заявлением о военном сотрудничестве двух стран в борьбе с «немецко-гитлеровским империализмом» в тексте декларации присутствовало положение о том, что обеспечение в будущем прочного и справедливого мира «может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз». Причем решающим фактором при создании такой организации должно было стать «уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех союзных государств»[14]. Иначе говоря, советско-польская декларация от 4 декабря 1941 г. явилась первым принятым в рамках антигитлеровской коалиции документом, в котором содержался конкретный призыв к созданию в послевоенный период всеобщей организации безопасности.

Что же касается Декларации Объединенных Наций, то ее роль в истории создания ООН была еще более значимой. Своим появлением на свет 1 января 1942 г. она способствовала сплочению под знаменами антигитлеровской коалиции всех воющих и уже находившихся к тому времени в состоянии войны со странами фашистского блока государств. 26 участников этой декларации, включая СССР, обязались сотрудничать друг с другом и «не заклю-

чать сепаратного перемирия или мира с врагами». При этом усилиями советской стороны, принявшей на себя основной удар германской военной машины и потому стремившейся сфокусировать внимание союзников на вооруженном противостоянии именно с нацистским государством, в указанный документ было включено положение о том, что к нему в дальнейшем могли присоединиться исключительно те «нации, которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом»[15]. Однако надо заметить, что первоначальный англо-американский проект Декларации Объединенных Наций предусматривал последующее распространение ее действия не только на новых членов антигитлеровской коалиции, но и на страны, сражавшиеся против других участников тройственного пакта, в частности против Японии, не находившейся, как известно, тогда в состоянии войны с СССР.

Вскоре после подписания Вашингтонской декларации, присутствовавшее в ее официальном названии словосочетание «Объединенные Нации» прочно вошло в дискурс представителей государств, участвовавших в борьбе против нацистской Германии. С 1942 г. Объединенные Нации стали синонимом антигитлеровской коалиции. В связи с этим неудивительно, что разработанный позднее в рамках большой тройки проект всеобщей организации получил одноименное название.

Правда, до наступления коренного перелома в войне представители ведущих держав антигитлеровской коалиции старались не заострять внимания на обсуждении вопросов, связанных с определением характера и структуры этой организации, а также формулированием прав и обязанностей ее участников, справедливо полагая, что для решения столь важных задач мировой политики подходящий момент еще не наступил.

Одним из немногих исключений в данной связи можно, пожалуй, считать переговоры наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с американским президентом Ф. Рузвельтом, которые проходили в конце мая — начале июня 1942 г. в Вашингтоне и имели целью обмен мнениями по проблеме скорейшей организации второго фронта в Европе. В ходе этих переговоров тогдашний хозяин Белого дома неожиданно для своего собеседника заговорил о печальном опыте Лиги Наций в деле поддержания мира в 1930-е гг., попутно изложив в общих чертах собственный план организации в будущем так называемой «международной полицейской силы» для того, «чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25–30 лет»[16].

В соответствии с указанным планом обязанности «мировых полицейских» должны были возложить на себя четыре ведущие державы антигитлеровской коалиции — США, СССР, Великобритания и Китай[17], представлявшие половину населения земного шара и обладавшие в совокупности достаточной силой для обеспечения всеобщей безопасности. Остальным государствам предстояло полностью разоружиться, взяв на себя обязательство не предпринимать в будущем никаких секретных попыток восстановления своего военного потенциала. В противном случае им неминуемо пришлось бы столкнуться с жесткой реакцией «мировых полицейских», наделенных в плане президента США даже правом совместного осуществления блокады и бомбардировок территории нарушителей международного порядка.

Вместе с тем, отвечая на вопрос В. М. Молотова о месте и роли Франции в американском проекте послевоенного устройства мира, Ф. Рузвельт заявил, что данное государство исключалось им из числа участников соглашения, ибо значительное расширение «предполагаемого объединения» за счет привлечения новых членов, по крайней мере на начальном этапе, таило в себе опасность, «что большое количество полицейских может затеять драку в своей среде»[18]. Однако в случае принятия США, СССР и Великобританией соответствующего решения другие страны, в том числе и Франция, по мнению Ф. Рузвельта, все же могли в дальнейшем присоединиться к международной полицейской силе. Таким образом, судьба послевоенного мира напрямую зависела бы от политической воли и согласованных действий трех вышеназванных держав, в ведении которых должно было находиться управление всеобщей системой безопасности.

Через три дня после того, как Ф. Рузвельт впервые изложил советскому наркому иностранных дел свои соображения по этому вопросу, В. М. Молотов сообщил ему, что советское правительство разделяет мысль об организации объединенной полицейской силы[19]. Однако в указанный период советское руководство полагало гораздо более важным добиться от президента США гарантий выполнения данного им ранее обещания об открытии второго фронта в Западной Европе в 1942 г. Поэтому его представители считали нецелесообразным продолжение дискуссии с правительством Ф. Рузвельта по поводу каких-либо инициатив, относившихся к послевоенному устройству мира, до тех пор пока оно не внесет окончательную ясность в вопрос о сроках переброски американских войск на Европейский континент.

Сформулированный Ф. Рузвельтом в 1942 г. тезис о необходимости предоставления ведущим державам антигитлеровской коалиции особого, привилегированного статуса в рамках послевоенной системы международной безопасности, пусть и в несколько ином виде, позднее все же нашел отражение в разработанном представителями большой тройки проекте ООН.

Проблематика ООН на конференциях в Москве, Тегеране и Ялте

Крупные победы, одержанные Красной армией под Сталинградом и на Курской дуге, а также военные достижения англичан и американцев в Средиземноморье способствовали усилению интереса основных членов антигитлеровской коалиции к практическому решению вопросов, связанных с формированием будущего мира. Советское руководство приняло самое активное участие в конкретизации сформулированной ранее союзниками идеи о создании нового международного порядка, даже несмотря на продолжавшуюся по вине США и Великобритании задержку с открытием второго фронта в Европе. Так, 4 сентября 1943 г. правительство СССР утвердило решение об образовании в рамках НКИД Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым[20]. В задачи данного органа входило составление подробных рекомендаций и прогнозов по различным аспектам формирования новой системы международных отношений, включая учреждение всеобщей организации безопасности.

Руководство СССР одобрило предложения администрации Ф. Рузвельта о скорейшем подписании основными державами антигитлеровской коалиции специальной декларации по вопросу о всеобщей безопасности, где наряду с упоминанием о совместной борьбе союзников против общих врагов говорилось о необходимости создания в ближайшем будущем международной организации по поддержанию мира. По просьбе американской стороны они согласились детально обсудить составленный ею проект такого документа на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, созванной в октябре 1943 г. с целью определения повестки дня намечавшейся в скором времени встречи лидеров государств большой тройки. Причем вопреки ожиданиям западных союзников, которые, очевидно, готовились к проведению длительных переговоров с советской стороной по согласованию основных пунктов разработанной ими декларации, содержание последней не вызвало каких-либо принципиальных возражений у правительства СССР.

Правда, советское руководство скептически отнеслось к изначальному предложению американцев о привлечении Китая к решению вышеназванного вопроса. При этом оно исходило прежде всего из того, что китайские представители не участвовали в работе Московской конференции министров иностранных дел большой тройки, в ходе которой советская сторона и рассчитывала добиться окончательного утверждения устраивавшего ее варианта декларации о всеобщей безопасности. На переговорах с главой британского МИДа А. Иденом и госсекретарем США К. Хэллом, проходивших во время данного форума, В. М. Молотов стремился убедить иностранных коллег в целесообразности подписания указанного документа тремя главными державами антигитлеровской коалиции даже в случае неприсоедине-

ния к нему Китая. «Не обязательно добиваться того, чтобы она (декларация. — *Прим. ред.*) стала декларацией четырех, — отмечал нарком в одном из своих выступлений. — Если мы успеем в процессе конференции получить согласие Китая на эту декларацию, то она станет декларацией четырех, а если же мы этого не успеем, она может остаться декларацией трех. Цель моего предложения заключается в том, чтобы предложенная г-ном Хэллом декларация, встречающая наше принципиальное сочувствие и поддержку, могла стать в процессе нашего обсуждения окончательным документом и не зависела бы от согласия четвертого государства, не участвующего в нашем совещании»[21].

По словам В. М. Молотова, ожидание согласия китайцев на присоединение к тексту декларации могло привести к серьезной задержке с приведением ее в действие «в интересах всех Объединенных Наций». Нарком иностранных дел СССР ссылался на предшествовавшую Московской конференции личную переписку И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, из которой следовало, что последний изначально «не считал, что этот документ обязательно должен быть декларацией четырех государств, и не настаивал, чтобы на этом совещании был принят какой-либо документ от имени четырех государств»[22].

Присоединение китайской стороны к совместной декларации ведущих держав антигитлеровской коалиции по вопросу о всеобщей безопасности могло привести, по мнению В. М. Молотова, к резкому ухудшению отношений между СССР и Японией, войны с которой советское руководство стремилось тогда всячески избежать. «Когда наши союзники бьют японцев, напавших на них, то мы, советские люди, говоря по секрету, приветствуем это, — заявил он главам иностранных делегаций. — Но если будет участвовать Китай в такой технической комиссии[23], то это даст повод к придиркам к Советскому Союзу со стороны Японии. Лучше бы поэтому такого повода не давать»[24].

И все же, несмотря на предпринятые усилия, представители СССР на Московской конференции так и не смогли добиться согласия западных союзников на заключение декларации по вопросу о всеобщей безопасности в трехстороннем формате. Как вспоминал позднее госсекретарь США К. Хэлл, правительство Ф. Рузвельта изначально полагало, что «концепция участия четырех держав должна быть сохранена, даже если на этот раз и не удастся достичь соглашения», поскольку «Китай был слишком важным фактором как в настоящее время, так и в будущем, чтобы отчуждать его»[25]. Поэтому во время своего пребывания в Москве осенью 1943 г. К. Хэлл и другие члены американской делегации при поддержке англичан упорно добивались от советских представителей признания Китая в качестве четвертой державы, подписавшей указанную декларацию[26]. Хотя многие из них отчетливо осознавали, что основной груз ответственности за практическую реализацию положений этого документа предстояло нести на своих плечах трем безусловным лидерам антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании.

Выражая серьезную заинтересованность в принятии совместной декларации по вопросу о всеобщей безопасности еще в ходе Московской конференции, советское правительство в итоге согласилось ее подписать в предложенном западными союзниками формате. 30 октября 1943 г., в заключительной день работы конференции, главы дипломатических ведомств СССР, США и Великобритании, а также китайский посол в Москве Фу Бинчан поставили свои подписи под текстом данного документа, внеся тем самым значительный вклад не только в дело укрепления военно-политических отношений между ведущими членами антигитлеровской коалиции, но и в разработку практических мер по созданию будущей ООН. В четвертом пункте принятой декларации прямо говорилось о том, что ее участники «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»[27].

Принимая во внимание тот факт, что ключевым звеном антигитлеровской коалиции являлся все же союз СССР, США и Великобритании, советское руководство предложило англичанам и американцам обеспечить этим державам первостепенную роль в определении

дальнейшей судьбы задуманной ими же организации. Так, за несколько дней до подписания указанной декларации официальная Москва выступила с инициативой создания специальной советско-англо-американской комиссии с местопребыванием в одной из столиц большой тройки с целью предварительной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей организации безопасности. Формально это предложение предусматривало возможность включения в состав такой комиссии на определенной стадии работы представителей других Объединенных Наций, однако в целом советская сторона разделяла точку зрения американского руководства, озвученную на Московской конференции госсекретарем США К. Хэллом, о том, что «главное бремя всей этой работы падет на плечи наших трех правительств»[28].

Судя по откликам западных дипломатов, инициатива СССР о создании особой комиссии трех держав была воспринята руководством США и Великобритании как весьма своевременное и важное для всех участников большой тройки предложение. Как американцы, так и англичане сразу же заявили о своем согласии принять участие в работе данной комиссии, что и было отражено в решениях Московской конференции министров иностранных дел. В секретном протоколе конференции признавалось желательным, чтобы представители СССР, США и Великобритании «провели предварительный обмен взглядами по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности, имея в виду, что эта работа будет проведена прежде всего в Вашингтоне, а также в Лондоне и Москве»[29]. Тем самым три ведущие державы антигитлеровской коалиции четко дали понять всем остальным Объединенным Нациям, что дальнейшая разработка и претворение в жизнь конкретных планов по созданию подобной организации зависели в первую очередь от их собственной политической воли и активности на данном направлении.

Вскоре эту мысль озвучили и сами лидеры держав большой тройки, впервые встретившиеся все вместе в Тегеране через месяц после закрытия Московской конференции министров иностранных дел. Несмотря на то что основным пунктом в повестке дня этого саммита являлся вопрос об открытии второго фронта в Европе, его главные участники сочли также возможным провести предварительный обмен мнениями и о послевоенном сотрудничестве союзников в интересах обеспечения всеобщей безопасности. В частности, как вспоминал впоследствии бывший военный советник Ф. Рузвельта адмирал У. Леги, президент США тогда «потратил немало времени, объясняя подробности своего плана создания международной организации по сохранению мира, ядром которой явятся Объединенные Нации»[30].

Суть этого плана, частично перекликавшегося с его более ранней идеей о «мировых полицейских», сводилась к учреждению в рамках такой организации трех органов. Первым из них, по мнению американского президента, должна была стать общая ассамблея, которая состояла бы из всех членов «Объединенных Наций» и существовала бы для того, чтобы каждое государство, включая малые страны, могло свободно выразить свое мнение по вопросам международной безопасности. Однако «никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций», у этой ассамблеи не имелось бы. Кроме того, Ф. Рузвельт предлагал также создать исполнительный комитет международной организации в составе СССР, США, Великобритании, Китая, двух европейских, одной латиноамериканской, одной азиатской страны, одной страны Среднего Востока и одного из британских доминионов, который должен был заниматься решением всех невоенных вопросов, связанных, в частности, с сельскохозяйственной, продовольственной и экономической проблематикой. И наконец, третьим звеном в общей структуре всемирной организации безопасности Ф. Рузвельт хотел сделать особый полицейский комитет, участниками которого являлись бы четыре ведущие державы антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритания и Китай. В обязанности этого комитета входило бы наблюдение за сохранением мира и недопущение новой агрессии со стороны Германии и Японии. При этом, по словам Ф. Рузвельта, в случае возникновения какой-либо реальной угрозы послевоенному порядку члены полицейского комитета имели бы возможность действовать быстро и более эффективно, чем Лига Наций в предшествовавший период. Страны — нарушители будущего мира могли быть подвергнуты ими карантину, бомбардировке и даже оккупации[31].

Следует отметить, что И. В. Сталину в целом понравились предложения президента США относительно возможной структуры всеобщей организации безопасности. В ходе бесед с Ф. Рузвельтом в Тегеране глава советского правительства в принципе одобрил разработанную американцами схему, назвав ее хорошей. Однако, по его мнению, указанный план все же не мог обеспечить другим государствам надежные гарантии ненападения в будущем со стороны Германии и Японии, способных при определенном стечении обстоятельств восстановить через некоторое время свой военный потенциал. В связи с этим И. В. Сталин предложил другим лидерам большой тройки рассмотреть вопрос о предоставлении новой международной организации безопасности или ее отдельным учреждениям более широких прав и полномочий в деле поддержания всеобщего мира, чем это предусматривалось в проекте американского президента. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — говорил он, в частности, Ф. Рузвельту, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Этот орган, который будет создан, должен иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их»[32].

Более того, принимая во внимание важность намеченной союзниками задачи по недопущению возрождения в будущем германской и японской агрессии, а также опасаясь недовольства малых стран Европы изложенной Ф. Рузвельтом схемой международной организации безопасности, И. В. Сталин поначалу склонялся к идее создания не одной, а сразу двух подобных организаций, носивших не мировой, а региональный характер. По его замыслу, первое из этих учреждений в составе только СССР, США, Великобритании и, возможно, еще какого-нибудь европейского государства должно было заниматься исключительно поддержанием мира в Европе. В то время как обеспечение безопасности в других регионах земного шара, в частности на Дальнем Востоке, находилось бы в ведении другой комиссии, получившей впоследствии название дальневосточной или, может быть, мировой[33].

Впрочем, сторонником данной идеи И. В. Сталин оставался совсем недолго, ибо президент Ф. Рузвельт практически сразу отверг его предложение о членстве США в европейской региональной организации, заявив, что лишь «такое огромное потрясение, как нынешняя война», могло «заставить американцев направить свои войска за океан»[34]. И, судя по всему, представленные им в пользу такой позиции аргументы показались советскому лидеру вполне убедительными. Тщательно взвесив еще раз все за и против учреждения отдельного европейского органа безопасности, И. В. Сталин, в конце концов, пришел к выводу, что «лучше создать одну мировую организацию»[35]. При этом, как показали дальнейшие события, своих взглядов в данном вопросе он больше не менял.

Как известно, участники Тегеранской конференции большой тройки не приняли специального решения о создании всеобщей организации безопасности, согласившись с тем, что определение ее непосредственных контуров должно было стать предметом последующего рассмотрения. Однако сформулированная ими идея о необходимости тесного сотрудничества СССР, США и Великобритании в деле формирования основ будущего миропорядка все же нашла свое отражение в «Декларации трех держав», подписанной на этом саммите 1 декабря 1943 г. И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. «Мы уверены, — говорилось в ней, — что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения»[36]. В то же время в этом документе содержалась мысль о том, что три ведущие державы антигитлеровской коалиции будут приветствовать вступление «в мировую семью демократических стран» всех государств, «народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости»[37].

Вскоре после возвращения И. В. Сталина из Тегерана советское руководство поручило комиссии М. М. Литвинова заняться подготовкой конкретных предложений и рекомендаций, связанных с разработкой основных принципов деятельности намеченной союзниками международной организации безопасности. У советской стороны, по-видимому, тогда еще не существовало четкого представления обо всех деталях функционирования будущей ООН, поскольку сама идея ее создания возникла в правящих кругах держав большой тройки, можно сказать, практически спонтанно. Однако подходящий момент для активизации работы советской дипломатии на указанном направлении властями СССР был выбран правильно. «К началу 1944 г., когда развернулась эта работа, исход великой войны был уже предрешен. Неизбежный разгром двух главных врагов России на западе и востоке, превращение СССР... в ведущую военную державу мира, признанного лидера победоносной антигитлеровской коалиции, новые отношения сотрудничества с ведущими демократиями Запада — все это открывало широкие стратегические горизонты, сулило возможность коренной перестройки прежнего миропорядка в интересах СССР»[38].

Как свидетельствуют архивные материалы, комиссия М. М. Литвинова в целом справилась с решением поставленной перед ней задачи, хотя работа ее участников, особенно на начальном этапе, была сопряжена с немалыми трудностями. Главная проблема, с которой столкнулись М. М. Литвинов и его коллеги в конце 1943 — начале 1944 г., заключалась в том, что им пришлось, образно говоря, с чистого листа разрабатывать советский проект новой международной организации безопасности. К началу их работы над данным проектом в СССР, впрочем как и в западных странах, в отношении будущей ООН существовала только одна четкая идея, которая сводилась к тому, что этот универсальный орган по поддержанию мира должен принципиально отличаться от Лиги Наций, доказавшей в 1930-е гг. свою полную несостоятельность в деле предотвращения агрессии.

Вместе с тем в Москве, Лондоне и Вашингтоне ясно осознавали, что предшественница ООН являлась единственным в истории примером реально существовавшей международной организации, в обязанности которой входило обеспечение всеобщей безопасности. И следовательно, в процессе разработки конкретных предложений и рекомендаций по проблемам создания нового подобного учреждения неизбежно пришлось бы обращаться к детальному изучению идеологических основ и практической деятельности Лиги Наций, формально продолжавшей свое существование даже в период мирового конфликта.

Это понимали и в НКИД, поэтому во многих аналитических материалах комиссии М. М. Литвинова, связанных с проблематикой ООН, содержались ссылки на исторический опыт Лиги Наций, которая, по сути, являлась тогда для представителей Советского Союза единственным осязаемым ориентиром в указанной сфере. «При явном всеобщем признании необходимости создания или воссоздания какой-либо организации международной безопасности, — писал весной 1944 г. М. М. Литвинов, — разработанных конкретных проектов такой организации почти не существует, если не считать большого количества всяческих утопических планов, исходящих от людей как будто не от мира сего, совершенно игнорирующих реальность и руководящихся лишь своими благочестивыми пожеланиями. При всяком подходе к данному вопросу мысль неизбежно обращается в сторону Лиги Наций и ставит вопрос о дальнейшей судьбе этой организации»[39].

Подтверждением вышесказанному может, в частности, служить подготовленная в рамках НКИД в декабре 1943 г. докладная записка «Основные принципы статута международной организации по охране безопасности и мира», непосредственным автором которой являлся один из участников комиссии М. М. Литвинова — видный отечественный историк и дипломат Б. Е. Штейн. В тексте указанного документа излагались некоторые предварительные соображения советских экспертов по различным аспектам деятельности намеченного союзниками всемирного органа. При этом рассмотрение наиболее важных на тот момент вопросов, связанных с определением состава участников, сферы деятельности и структуры последнего, осуществлялось в записке через призму подробного освещения практического опыта Лиги Наций.

Рассуждая о возможных участниках будущей всеобщей организации безопасности, Б. Е. Штейн отмечал, что к таковым могли относиться только государства, которые подписали и присоединились к Вашингтонской декларации 1 января 1942 г., в то время как члены фашистского блока исключались из списка кандидатов на вступление в новое межгосударственное объединение. По мнению автора записки, для Германии и ее союзников следовало установить «специальный испытательный срок (5—10 лет), после истечения которого вопрос об их участии в М. О. может быть пересмотрен»[40]. В связи с этим он ссылался на статут Лиги Наций, не предусматривавший, как известно, членство государств четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции) в женевской организации на начальном этапе ее существования[41].

Говоря о составе главного исполнительного органа будущей международной организации безопасности — Совета, Б. Е. Штейн предлагал ограничить его только четырьмя великими державами — СССР, США, Великобританией и Китаем, которые подписали 30 октября 1943 г. совместную декларацию Московской конференции министров иностранных дел. Причем, как следовало из его дальнейших рассуждений, эта идея являлась отнюдь не новой для мирового сообщества, ибо «четвертый проект Вильсона, внесенный им на рассмотрение комиссии, созданной Парижской мирной конференцией для обсуждения Лиги Наций, заключал в себя пункт, согласно которому Совет Лиги... состоял лишь из представителей 5-ти держав (США, Великобритании, Франции, Италии, Японии)»[42].

Впрочем, несмотря на заимствование Б. Е. Штейном отдельных положений из идейного багажа Лиги Наций, следует все же признать, что в представленном им проекте устава новой международной организации по охране безопасности и мира имелись также и принципиальные отличия от статута ее исторической предшественницы. Эти отличия проявились, в частности, в позиции автора записки по вопросам об определении сферы деятельности указанной организации, а также о распределении полномочий между ее основными органами. Так, по мнению Б. Е. Штейна, компетенцию последней следовало ограничить проблемами, прямо и непосредственно связанными с укреплением коллективной безопасности и поддержанием всеобщего мира. Остальные же вопросы международного сотрудничества, включая социальное законодательство, охрану женского и детского труда, борьбу с наркотиками, проституцией, фальшивомонетчеством и так далее, нужно было решительно исключить из сферы деятельности намеченного к созданию всемирного органа. «История Лиги Наций показала, что ее активность в области перечисленных выше проблем... извращала действительную картину общей деятельности Лиги Наций в области основных политических вопросов. Огромное количество конференций, комитетов, совещаний и т. д., создававшихся Лигой Наций по вопросам, не имевшим отношения к созданию условий коллективной безопасности, придали Лиге Наций характер постоянно действующей организации и порождали ложное представление о ее роли»[43].

Кроме того, разработанный Б. Е. Штейном проект предусматривал предоставление Совету международной организации по охране мира и безопасности исключительного права вынесения решений (на основе принципа единогласия его членов) по применению принудительных мероприятий против агрессоров, находившегося прежде в ведении Общего собрания (Ассамблеи) Лиги Наций, и закреплял за ним руководство осуществлением этих мероприятий. Вместе с тем он обязывал всех членов данной организации в случае вынесения Советом соответствующего вердикта принимать участие в применении санкций против нарушителей порядка, что также не соответствовало нормам и традициям Лиги Наций. «Никакие ссылки на нейтралитет, географические и иные условия не могут служить основанием для отказа в осуществлении санкций, — отмечал в своей записке Б. Е. Штейн. — Если такой отказ будет все же иметь место, государство, отказавшееся принять участие в осуществлении санкций, подлежит исключению из М. О.»[44].

Еще одной отличительной особенностью представленного Б. Е. Штейном проекта являлась заложенная в нем идея о недопустимости вмешательства международной организации безопасности во внутренние дела своих участников. Эта идея касалась в первую очередь

крайне актуального и болезненного тогда, в том числе и для СССР, вопроса об урегулировании взаимоотношений отдельных государств с различными национальными меньшинствами, которые проживали на их территории. Поэтому неудивительно, что Б. Е. Штейн предлагал исключить указанный вопрос из компетенции будущей международной организации. «Опыт Лиги Наций показал, что конфликты в этой области обычно искусственно раздувались государствами, которым выгодно было покровительствовать нацменьшинствам в других государствах и этим ослаблять их. За время своего существования Лига Наций не разрешила ни одного спора между нацменьшинством и государством его проживания. Таким образом, дискуссии по этим вопросам не только не способствовали улучшению международной обстановки, но, наоборот, всячески ее отравляли»[45].

Наконец, нельзя не отметить и сформулированный Б. Е. Штейном тезис об обязательном отказе международной организации по охране мира и безопасности от рассмотрения вопросов, связанных с колониальной проблематикой. С точки зрения этого дипломата и историка, система мандатов, которая применялась Лигой Наций для управления бывшими заморскими владениями Германии и Японии, а также арабскими провинциями распавшейся после Первой мировой войны Османской империи, исторически себя не оправдала, ибо представляла собой новую форму эксплуатации зависимых территорий со стороны колониальных держав. К тому же такая система «создавала очаги разногласий и противоречий между различными государствами», поэтому ее необходимо было полностью отменить. Таким образом, заключал Б. Е. Штейн, будущая мирная конференция могла заниматься колониальной проблематикой «лишь в весьма ограниченном масштабе»[46], подразумевая под этим прежде всего решение вопроса о дальнейшей судьбе итальянских колоний и подмандатных территорий Японии.

Изложенные выше идеи и предложения получили дальнейшее развитие в материалах, подготовленных другими участниками комиссии М. М. Литвинова. При этом сотрудники последней пытались найти приемлемые решения и по целому ряду других важных проблем, которые могли возникнуть в процессе создания будущей ООН. Так, в одной из своих докладных записок по этой теме М. М. Литвинов указывал на недопустимость перенесения в Общее собрание (Ассамблею) универсальной организации по поддержанию мира характерного для Лиги Наций принципа единогласия, а также подверг критике предложение некоторых западных политиков и экспертов о том, чтобы всякое решение нуждалось в одобрении всех ее членов. Кроме того, он обращал внимание советского руководства на необходимость наделения Общего собрания исключительно рекомендательными функциями при одновременном расширении прав и полномочий Совета, что, по его мнению, являлось крайне важным моментом именно для советской стороны. «При известной враждебности капиталистических стран в отношении СССР, которая, надо думать, сохранится и после войны, не может быть допущено принятие каких бы то ни было решений против воли СССР, — писал М. М. Литвинов. — Это достигается тем, что всякое решение международной организации должно предварительно приниматься или утверждаться Советом и что в этом Совете требуется единогласие»[47].

Наряду с этим глава комиссии выделял еще две серьезные проблемы, которые следовало учесть советскому руководству при определении его окончательной позиции по вопросу о создании всеобщей организации безопасности. Первая из них заключалась в неизбежном засилье государств Латинской Америки в подобном международном учреждении, что было характерно и для Лиги Наций. Так, по выражению М. М. Литвинова, в 1930-е гг. «американские страны, составлявшие около одной трети членов Лиги, образовали компактную массу, выступавшую совершенно солидарно во многих случаях, особенно в тех, которые совершенно не затрагивали Американского континента. Они фактически задавали тон на общих собраниях и в отдельных комиссиях. Многие из этих стран находились под влиянием Англии, и их представители в Лиге соответственно использовались Англией»[48]. В новой международной организации безопасности, по его мнению, представителям Американского континента предстояло попасть под влияние США, которые использовали бы их в собственных интересах.

Решение данной проблемы М. М. Литвинов видел в отстранении латиноамериканских государств от участия в делах, касающихся Европы. Добиться этого, как он полагал, можно было «либо путем создания вместо одной международной организации нескольких так называемых региональных организаций... или, еще лучше, путем создания внутри общей международной организации отдельных континентальных секций» при условии, что «каждая секция будет заниматься вопросами безопасности, затрагивающими интересы стран этой секции»[49]. Такое разделение, в полной мере соответствовавшее доктрине Монро, также отвечало бы и интересам США, поскольку в случае его осуществления неамериканские государства лишились бы возможности влиять на дела Западного полушария. Другими словами, М. М. Литвинов предлагал создать в рамках будущей международной организации безопасности европейскую, американскую, азиатскую и африканскую секции при формировании их состава строго на основании принадлежности государств к тому или иному региону земного шара[50]. При этом четыре великие державы, входившие в Совет глобального органа, должны были участвовать в работе всех секций, что подчеркивало бы их особую роль в деле поддержания мира.

Еще одним весьма важным вопросом М. М. Литвинов полагал определение процедуры мирного разрешения международных конфликтов, которой «Объединенные Нации придают очень большое значение». По его мнению, наиболее вероятным вариантом решения указанного вопроса являлось возвращение к практике Лиги Наций, заключавшейся в том, что урегулирование подобных споров осуществлялось либо Постоянной палатой международного правосудия, либо Ассамблеей Лиги, либо ее Советом, где решения принимались на основе принципа единогласия, но при этом голоса спорящих сторон не учитывались. Однако использование данной процедуры в рамках будущей ООН грозило обернуться для СССР возникновением целого ряда трудностей. Так, на решениях, затрагивающих интересы советской стороны, могло отразиться «неприязненное или враждебное отношение к Советскому Союзу большинства, если не всех остальных членов Организации»[51]. Исходя из этого, М. М. Литвинов рекомендовал включить в компетенцию руководящего органа — Совета предварительное решение вопроса о том, угрожает ли миру та или иная конфликтная ситуация и является ли ее урегулирование обязательным для международного сообщества[52]. «Подобное решение имеет шансы быть принятым. Тем более что, голосуя за отсутствие в каком-либо споре опасности нарушения мира, государство тем самым обязуется не прибегать к оружию для разрешения этого спора»[53].

Стоит отметить, что мнение М. М. Литвинова и его коллег по большинству указанных выше проблем в целом совпадало с общими настроениями, которые царили тогда в советском руководстве в отношении будущей ООН. Именно поэтому практически все решения советской стороны по поводу данной организации принимались с учетом рекомендаций, составленных экспертами НКИД. Однако, желая избежать возможного срыва начавшегося между союзниками предварительного обмена мнениями по проблемам создания нового международного органа всеобщей безопасности, СССР счел необходимым в некоторых вопросах пойти на существенные уступки другим державам большой тройки, чья позиция в отдельных случаях заметно отличалась от советской точки зрения.

В мае 1944 г., когда в правящих кругах СССР, США и Великобритании уже в целом сложилось достаточно четкое представление о будущих контурах такой организации, администрация президента Ф. Рузвельта предложила своим главным партнерам по антигитлеровской коалиции провести в скором времени в Вашингтоне переговоры, посвященные разработке основных положений ее устава. При этом американцы настаивали на привлечении представителей Китая к обсуждению вопроса о всеобщей организации безопасности, обращая внимание союзных правительств на возможное усиление роли китайского фактора в послевоенном мире. Так, в частности, в ходе одной из своих бесед, состоявшихся тогда с советским и британским послами в Вашингтоне — А. А. Громыко и Э. Галифаксом, госсекретарь К. Хэлл заявил по этому поводу: «Китай имеет... по крайней мере 50 шансов из 100 стать действительно крупной страной и в случае улучшения его экономического положения может

представлять в будущем колоссальный рынок для США, СССР и Англии. Поэтому... было бы нежелательно оставлять Китай в стороне при обсуждении таких вопросов, как вопрос о создании международной организации по поддержанию мира... Кроме того, устранение Китая от участия в переговорах вместе с представителями США, Англии и СССР произвело бы отрицательное впечатление в стране, отрицательный психологический эффект на общественное мнение»[54].

Выступая за привлечение китайской стороны к переговорам большой тройки по проблемам учреждения вышеупомянутой организации, Ф. Рузвельт и другие члены его администрации понимали, что предложенный ими формат этих переговоров не вполне устраивал советское руководство. В ходе намеченной в Вашингтоне встречи представителей союзных держав могли быть затронуты различные вопросы борьбы против милитаристской Японии, следствием чего явилось бы ухудшение советско-японских отношений. Вот почему после некоторых раздумий американцы предложили правительству СССР использовать на предстоявшей конференции ту формулу переговоров, которая была применена главами четырех ведущих государств антигитлеровской коалиции на саммитах в Каире и Тегеране. Указанная формула предусматривала одновременное проведение западными союзниками отдельных встреч с представителями СССР и Китая. При этом власти США недвусмысленно дали понять Москве и Пекину, что «оба цикла переговоров будут происходить в одном и том же месте», но вместе с тем «будут полностью отделены друг от друга»[55].

Советское руководство в целом одобрило американское предложение об организации в Вашингтоне двойных консультаций по вопросам послевоенной безопасности. В начале июля 1944 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил представителям США и Великобритании о готовности своего правительства принять участие в этих переговорах. Однако в Москве полагали, что основную роль в формировании будущей ООН должны были все же играть представители держав большой тройки. В связи с этим И. В. Сталин и его соратники скептически отнеслись к идее правительства Ф. Рузвельта об одновременном проведении США и Великобританией переговоров с СССР и Китаем. На их взгляд, намеченная накануне советско-англо-американская конференция по указанной проблематике являлась более важным событием в рамках антигитлеровской коалиции и, следовательно, должна была предшествовать аналогичной встрече западных союзников с представителями Китая. Исходя из этого, советская сторона предложила американцам и англичанам разграничить по времени их переговоры с дипломатами двух других союзных держав с тем, «чтобы сначала имел место один цикл переговоров, а после его окончания — другой цикл переговоров»[56].

Правящие круги США и Великобритании в конечном итоге согласились в этом вопросе пойти навстречу СССР. 31 июля 1944 г. американский посол в Москве А. Гарриман уведомил главу НКИД о том, что его руководство приняло решение «провести переговоры с представителями Китая после того, как будут закончены англо-советско-американские переговоры»[57].

Наряду с этим советская сторона считала нецелесообразным на первой стадии трехсторонних переговоров обсуждать весь спектр проблем, связанных с созданием всемирной организации безопасности. По мнению советского руководства, участникам вашингтонской встречи следовало ограничиться изучением только наиболее важных вопросов и принципов, касающихся создания ООН. К числу последних оно относило цели и задачи этого учреждения, его состав и основные органы — Общее собрание, Совет, Международный суд, Генеральный секретариат (их компетенция, функции и обязанности), а также средства предотвращения и подавления агрессии. В то же время разработка устава всеобщей организации по поддержанию мира рассматривалась им в качестве следующего этапа переговоров.

12 августа 1944 г. правительствам США и Великобритании был вручен советский меморандум, в котором излагались предложения официальной Москвы по указанным вопросам. Правда, в отличие от американского и британского аналогов[58] данный документ не содержал никаких положений о методах и процедуре создания намеченной союзниками универсальной организации безопасности. Кроме того, в нем отсутствовало какое-либо упоминание о социально-экономических направлениях деятельности будущей ООН, поскольку власти

СССР не желали «размывать» сферу компетенции глобального органа по поддержанию мира за счет включения в нее вопросов, не имевших прямого отношения к военным аспектам международной безопасности.

«Советское правительство, — говорилось по этому поводу в меморандуме, — видит также большую пользу и придает серьезное значение сотрудничеству между народами в области экономической, социальной, технической и других областях. Для такого рода деятельности, по мнению советского правительства, может быть создана отдельная международная организация, не связанная с международной организацией безопасности, или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов. Поэтому в настоящем меморандуме не затрагиваются вопросы, выходящие за пределы международной безопасности и сохранения мира. К обсуждению и разработке таких вопросов можно будет приступить впоследствии, когда это будет признано необходимым»[59].

Представителям СССР довольно быстро удалось убедить своих западных партнеров в необходимости взять именно советский меморандум за основу для обсуждения на Вашингтонской конференции ведущих держав антигитлеровской коалиции. Соответствующее решение было принято в самом начале англо-американо-советских переговоров о создании международной организации безопасности. Хотя, как отмечал в своем донесении в НКИД глава делегации СССР на этих переговорах, посол СССР в Вашингтоне А. А. Громыко, англичане и американцы все же «зарезервировали за собой право поставить на обсуждение и другие вопросы, не затронутые советским меморандумом»[60].

Конференция держав большой тройки, местом проведения которой стал старинный особняк Думбартон-Окс на окраине американской столицы, проходила с 21 августа по 28 сентября 1944 г.[61] Формально данный форум имел статус всего лишь неофициальных «исследовательских» переговоров СССР, США и Великобритании по вопросам учреждения международной организации безопасности, однако эта дипломатическая встреча стала одной из самых результативных в период Второй мировой войны. В ходе нее были разработаны «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», которые включали договоренности союзников по девяноста процентам всех вопросов, касавшихся создания ООН, что само по себе являлось колоссальным достижением. Несмотря на различия позиций и идеологических подходов держав большой тройки к решению той или иной проблемы международной политики, последних объединяло стремление сформировать для будущих поколений прочную и эффективную систему коллективной безопасности. Добиться этого лидеры антигитлеровской коалиции могли, только демонстрируя готовность сотрудничать и идти навстречу друг другу.

Так, участники конференции в Думбартон-Оксе достаточно быстро достигли общей договоренности о будущем названии (Объединенные Нации), целях, принципах и основных органах международной организации безопасности. Правда, при выработке определения ее главной цели представители западных держав, особенно англичане, первоначально возражали против включения в устав какого-либо упоминания об агрессии. В частности, глава британской делегации на этом форуме А. Кадоган убеждал своих иностранных коллег, что лучше вообще избегать таких слов, как «агрессия» и «агрессор», поскольку те якобы «могут вызвать в будущем сомнения и неопределенность»[62]. Однако, принимая во внимание позицию советской стороны, настаивавшей на том, что в обязанности будущей ООН должно также входить определение агрессора в каждом конкретном вооруженном конфликте, западные дипломаты, в конце концов, пошли в этом вопросе на уступки. Таким образом, основной целью новой организации было объявлено «поддержание международного мира и безопасности и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и обеспечения мирными средствами урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира»[63].

Вместе с тем в число других приоритетных целей упомянутого выше универсального органа участники конференции в Думбартон-Оксе включили также развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в разрешении экономических, социальных и иных гуманитарных проблем. Причем на этот раз именно представители СССР согласились пойти навстречу англичанам и американцам. Следуя директивам руководства СССР, предписывавшим советским делегатам «избегать разногласий и споров по второстепенным и несущественным вопросам», они в итоге не стали настаивать на своей изначальной точке зрения о создании специальной организации для координации международного сотрудничества в социальной и экономической областях. В связи с этим положения соответствующего раздела в уставе будущей ООН были одобрены СССР, США и Великобританией практически без прений.

Более того, стороны достаточно быстро смогли договориться и по поводу основных принципов функционирования намеченной организации. Так, согласно их решениям, деятельность последней должна была основываться на «принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств». При этом ее членам предписывалось выполнять взятые на себя в соответствии с уставом обязательства и «разрешать свои споры мирными средствами», воздерживаться от того, «чтобы угрожать силой или использовать силу каким-либо образом, не совместимым с целями организации»[64]. В то же время в обязанности участникам будущей ООН вменялось оказание ей всемерной помощи в любом действии, предпринятом в соответствии с положениями ее устава. Это, в свою очередь, предполагало, что они «будут воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого организацией предприняты действия превентивного или принудительного характера»[65]. Кроме того, было оговорено, что новое международное учреждение безопасности обеспечит, чтобы государства, не состоявшие в его рядах, действовали бы в соответствии с изложенными выше принципами, «поскольку это может быть необходимо для поддержания международного мира»[66].

В конструктивном русле прошло на конференции в Думбартон-Оксе и обсуждение вопроса об основных органах новой организации по поддержанию мира. Участники этого форума были практически единодушны в том, что к числу таковых следовало отнести Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, Международный суд и Секретариат. Кроме того, в соответствии с их договоренностями в рамках организации допускалось также создание целого ряда вспомогательных органов, существование которых международное сообщество могло признать необходимым.

Последнее решение касалось прежде всего деятельности Экономического и Социального совета, подчиненного только Генеральной Ассамблее, но не связанного с Советом Безопасности, занимавшегося вопросами обеспечения мира. Этот орган западные союзники СССР предложили учредить с целью содействия урегулированию экономических, социальных и других проблем, а также для координирования усилий различных международных институтов, осуществлявших свою деятельность в указанной сфере. Причем, убеждая советскую сторону в необходимости принять их инициативу, они особо отмечали, что решения Социального и Экономического совета и Генеральной Ассамблеи по упомянутым выше вопросам «не будут иметь обязательного характера, в отличие от решений Исполнительного совета (Совета Безопасности. — *Прим. ред.*) по вопросам обеспечения мира и безопасности»[67]. Это важное дополнение со временем помогло западным союзникам преодолеть возражения представителей СССР. В конце концов, А. А. Громыко и другие советские делегаты согласились включить Экономический и Социальный совет в число вспомогательных учреждений будущей ООН, подчеркнув, однако, что основным направлением деятельности данной организации они считают все же охрану мира и безопасности.

Что же касается состава и полномочий самой Генеральной Ассамблеи, то на конференции в Думбартон-Оксе представители держав большой тройки достигли принципиальной договоренности о том, что участниками этого органа должны стать все члены универсальной организации. По их мнению, каждое из государств могло обладать в Ассамблее только одним голосом. В то время как в компетенцию последней они включили избрание непостоянных

Советская делегация на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г.

членов Совета Безопасности, членов Экономического и Социального совета, Международного суда (совместно с Советом Безопасности), а также назначение по рекомендации Совета Безопасности генерального секретаря организации, утверждение общего бюджета и распределение расходов между государствами-участниками. Более того, по настоянию советской стороны Генеральной Ассамблее было предоставлено право по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации любого ее участника, «который систематически нарушает принципы, содержавшиеся в статуте»[68]. Постановления Ассамблеи по всем вышеназванным и другим важным вопросам должны были приниматься большинством в две трети голосов ее членов, а для решения организационных дел достаточным объявлялось простое большинство.

Согласно решению держав большой тройки Генеральная Ассамблея была правомочна не только обсуждать общие принципы и вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, но и разрабатывать собственные рекомендации. К числу таких вопросов относилась, в частности, проблема разоружения, вошедшая в сферу компетенции будущей ООН благодаря усилиям представителей СССР. В отличие от англичан и американцев, которые предлагали ограничиться упоминанием в уставе организации только формулировки «регулирование вооружений», советские дипломаты изначально настаивали на включении в

текст этого документа термина «разоружение» как лозунга будущего, полагая, что международному сообществу, несомненно, придется заниматься указанной проблематикой «если не сейчас, то через 5–10 и более лет»[69]. И, как видно из принятых в Думбартон-Оксе решений, этот аргумент в конечном итоге был принят западными союзниками во внимание.

Наконец, весьма продуктивным оказалось и проведенное тогда обсуждение вопросов о Секретариате ООН, процедуре поправок и мероприятиях переходного периода, а также о Международном суде. В частности, по поводу последнего было решено, что он явится основным судебным органом этой организации. Одновременно представители большой тройки договорились о том, что условия присоединения не членов ООН к данному документу будут определяться в каждом случае Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Однако при этом в ходе переговоров в Думбартон-Оксе им так и не удалось определиться с положениями самого статута Международного суда, что в целом отвечало интересам советской стороны, опасавшейся включения в него пункта об обязательности юрисдикции главного судебного органа ООН для всех государств-членов. «Наше отношение к Международному суду, — писал М. М. Литвинов, — должно определяться предположением, что при любом его составе и любом уставе мы не можем рассчитывать на его полную справедливость и беспристрастие в делах, касающихся Советского Союза»[70]. В связи с этим советская делегация в Вашингтоне целенаправленно добивалась от западных дипломатов согласия перенести разработку статута этого специализированного учреждения на более позднюю стадию переговоров[71].

Конференция в Думбартон-Оксе решила далеко не все важные проблемы, касавшиеся создания ООН. В частности, представители держав большой тройки не смогли достичь взаимопонимания в вопросе о первоначальном членстве в новой международной организации безопасности, вызвавшем среди участников этого форума острые дискуссии. Так, согласно положениям советского меморандума от 12 августа 1944 г. инициаторами и первоначальными членами организации должны были являться государства, подписавшие в свое время Декларацию Объединенных Наций и присоединившиеся к ней. В случае принятия данного принципа правительство СССР рассчитывало включить в число учредителей ООН все 16 входивших в него тогда союзных республик, что позволило бы советской стороне ослабить представлявшуюся вполне реальной угрозу создания в рамках данного международного учреждения проамериканского и пробританского блоков государств из числа большинства стран Латинской Америки и доминионов Великобритании. В связи с этим послу А. А. Громыко и его коллегам по делегации было предписано строго придерживаться позиции советского руководства по поводу состава новой организации. Правда, советская сторона не настаивала, чтобы вопрос о членстве союзных республик в будущей международной организации был окончательно решен именно на переговорах в Думбартон-Оксе[72].

28 августа 1944 г. А. А. Громыко впервые озвучил перед представителями США и Великобритании предложение о включении советских республик в список учредителей ООН. А несколько дней спустя в поддержку указанной инициативы открыто выступил и сам И. В. Сталин, ссылаясь, в частности, на принятые незадолго до этого поправки к союзной конституции, которые предоставляли отдельным советским республикам формальное право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, а также обмениваться с ними представителями и заключать соглашения. «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение, — писал И. В. Сталин 7 сентября 1944 г. президенту Ф. Рузвельту. — После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года правительства союзных республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в советской конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания международной организации»[73].

Утверждено СНК СССР
9 августа 1944г.

ДИРЕКТИВЫ К ПЕРЕГОВОРАМ
О СОЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ.

1. Переговоры с Правительствами США и Великобритании в Вашингтоне по вопросу о Международной организации безопасности Советское Правительство рассматривает, как первоначальную стадию обсуждения данного вопроса. Главная задача обсуждения этого вопроса на данной стадии заключается в обмене мнениями представителей трех правительств в целях выработки основных положений для создания международной организации безопасности.

2. Наряду с официальными переговорами по созданию международной организации безопасности советским представителям необходимо также иметь беседы частного порядка с отдельными американскими и английскими представителями по вопросам, которые требуют предварительного зондажа. Вопросы, требующие такого предварительного зондажа, указываются ниже.

3. При переговорах в Вашингтоне следует поставить на обсуждение лишь наиболее важные вопросы, которые изложены в специальном Меморандуме о международной организации безопасности. Делегация должна предложить наш Меморандум принять за основу, но не настаивать на этом.

4. Наибольшее значение мы придаем предложениям, касающимся компетенции руководящего органа (Совета), состава этого органа и принципа единогласия при голосовании четырех держав в Совете.

5. Совету мы отводим решающую роль в будущей международной организации безопасности. Мы считаем, что именно этот орган должен нести главную ответственность за сохранение международной безопасности, в силу чего он и должен быть наделен необходимыми для этого правами и обязанностями. Вопрос о взаимоотношениях между Общим Собранием и Советом имеет важное значение, так как от того или иного решения этого вопроса будет в значительной мере зависеть все направление работы организации и, прежде всего, эффективность принимаемых организацией мер предотвращения и подавления агрессии. Роль Совета в организации не должна быть умалена. Нужно, чтобы Совет на деле мог осуществлять руководящую роль в работе организации

Директивы правительства СССР советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе.
9 августа 1944 г. (лист № 1)

Тем не менее англичане и американцы отказались поддержать идею о столь значительном расширении представительства СССР в ООН за счет включения в нее всех 16 советских союзных республик. В частности, руководитель британской делегации на конференции в Думбартон-Оксе А. Кадоган полагал, что при рассмотрении упомянутого выше вопроса могла возникнуть проблема «международной легализации этих республик»[74], являвшаяся, как известно, одним из главных камней преткновения в отношениях между самими участниками большой тройки. Президент США Ф. Рузвельт в своем послании И. В. Сталину также призывал последнего не настаивать на обсуждении советской инициативы до окончательного учреждения международной организации безопасности и до того, как она приступит к выполнению своих функций[75].

Более того, представители США и Великобритании фактически отвергли предложение СССР о недопущении в ООН фашистских государств и государств фашистского типа как несоответствующих основным принципам этой организации. Осуждая фашизм как таковой, они тем не менее заявили советским дипломатам о том, что значение слова «фашист» со временем может измениться и, следовательно, было бы нецелесообразным включать его в основной документ (устав). Вместе с тем американцы и англичане считали невозможным точно определить, являются ли такие страны, как, например, Португалия и Япония, фашистскими, в связи с чем глава делегации США на переговорах в Думбартон-Оксе Э. Стеттиниус даже заметил, что «средний американец не понимает никакого другого типа государства, кроме американского»[76]. А его коллега Л. Пасвольский при этом добавил, что в случае принятия советского предложения всем первоначальным членам ООН придется выдать своего рода «сертификат, что они здоровы и не заражены фашизмом»[77].

Со своей стороны, англичане и американцы предлагали включить в число инициаторов новой организации участников антигитлеровской коалиции и так называемые присоединившиеся нации, к которым они относили все страны, порвавшие отношения с Германией, хотя и не объявившие ей войну. Свою позицию в данном вопросе они мотивировали, в частности, тем, что вышеназванные государства принимали участие в конференции в Бреттон-Вудсе, а также в ряде других международных форумов, организованных в период войны под эгидой Объединенных Наций. Однако подобная аргументация не показалась представителям СССР достаточно убедительной. В итоге, не сумев достигнуть взаимоприемлемой договоренности, участники ограничились принятием компромиссной формулы, согласно которой членами будущей ООН могли стать «все миролюбивые государства». При этом было оговорено, что окончательное решение вопроса о членстве во всемирной организации безопасности переносилось на более позднюю стадию переговоров между представителями держав большой тройки.

Полемику на конференции в Вашингтоне вызвали и некоторые вопросы, связанные со статусом Совета Безопасности — главного руководящего органа ООН. Делегации держав большой тройки достаточно быстро смогли договориться о составе и функциях последнего, согласившись, в частности, с тем, что он должен состоять из представителей 11 государств — участников ООН, по одному от каждого. При этом было решено, что СССР, США, Великобритания, Китай и в надлежащее время Франция[78] получат статус постоянных членов Совета Безопасности, в то время как шесть остальных, непостоянных, мест в нем предстояло занять государствам, избранным Генеральной Ассамблеей. Пребывание этих государств в Совете определялось двухгодичным сроком при условии, что «три из них выбывают ежегодно» и «не могут быть переизбраны немедленно»[79]. Таким образом, для всех членов ООН создавалась возможность поочередного участия в работе ее важнейшего органа.

Одновременно представителям ведущих держав антигитлеровской коалиции удалось достичь взаимопонимания и по вопросу о полномочиях Совета Безопасности, на который они возложили главную ответственность за поддержание мира и безопасности. Было договорено передать данному органу полномочия по расследованию любой ситуации, «которая может привести к международным трениям или вызвать спор». При этом предусматривалось, что все члены ООН в обязательном порядке станут соглашаться с его решениями и выполнять их в соответствии с положениями статута организации. Совет должен был призывать конф-

ликтующие стороны к урегулированию их разногласий путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или при помощи других мирных средств по их выбору, а в случае неэффективности таких средств ему полагалось искать иные пути для устранения угрозы миру.

«Совет Безопасности, — говорилось в принятом на конференции в Думбартон-Оксе итоговом документе, — уполномочивается определять, какие дипломатические, экономические или другие меры, не связанные с использованием вооруженной силы, должны применяться для осуществления его решений, и призывать членов организации применять эти меры. Такие меры могут включать полный или частичный разрыв железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- и других средств сообщения и разрыв дипломатических и экономических отношений»[80]. Далее отмечалось, что в случае, если, по мнению Совета Безопасности, указанные меры все же оказались бы недостаточными, он имел право «предпринять такие действия при помощи воздушных, морских или наземных вооруженных сил, которые могут быть необходимы для поддержания или восстановления международного мира и безопасности»[81].

Эти силы по призыву руководящего органа и в соответствии с особыми межгосударственными соглашениями должны были предоставить в его распоряжение все члены ООН. Командование же ими предполагалось осуществлять при помощи специального органа — Военного штабного комитета в составе начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей, который союзники планировали создать для разработки рекомендаций и оказания содействия Совету по всем вопросам, относившимся к его военным потребностям.

Несмотря на достигнутые договоренности, участникам конференции в Думбартон-Оксе так и не удалось решить два ключевых вопроса, связанных с будущей деятельностью Совета Безопасности: первый из них касался четкого разграничения прав и полномочий между этим органом и Генеральной Ассамблеей, а второй затрагивал порядок голосования в Совете Безопасности. Представители всех держав большой тройки соглашались с тем, чтобы принятие Советом решений по важнейшим проблемам сохранения мира должно было быть обусловлено единогласием его постоянных членов, но в то же время американцы и англичане настаивали на неучастии в голосовании тех великих держав, которые являлись заинтересованной стороной в споре.

В частности, президент Ф. Рузвельт, обсуждавший тогда данный вопрос с послом А. А. Громыко, полагал, что если бы СССР, США, Великобритания, Китай и впоследствии Франция все же поставили себя в привилегированное положение по сравнению с другими государствами, то «малые страны, безусловно, возражали бы против этого, а возможно, и совсем не согласились бы принять участие в организации»[82]. При этом, по мнению Ф. Рузвельта, предоставление великим державам особых прав при решении Советом Безопасности конфликтных дел, затрагивающих их собственные интересы, «противоречило бы исторической традиции»[83].

В свою очередь, советские делегаты на переговорах в Думбартон-Оксе категорически возражали против какого-либо отступления от принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, справедливо опасаясь, что предложенный западными союзниками порядок голосования в упомянутом выше органе мог превратить ООН в инструмент навязывания воли одних государств другим странам, особенно СССР. В директивах, полученных ими из Москвы, по этому поводу говорилось следующее: «Роль Совета в организации не должна быть умалена. Нужно, чтобы Совет на деле мог осуществлять руководящую роль в работе организации, но при этом нельзя допустить такого положения, когда организация или отдельные ее органы могли бы принимать решения, обязательные для всех четырех постоянных членов Совета без согласия всех этих четырех членов. Для этого нужно установить порядок, при котором решения Совета по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, принимались бы большинством голосов при условии согласия всех постоянных представителей в Совете. Такое правило обеспечит нам возможность не допускать

принятия Советом решений, которые противоречили бы нашим интересам. Этот принцип (согласие всех постоянных представителей в Совете) является весьма важным, и советский представитель обязан настаивать на его принятии»[84].

По мнению советской стороны, наиболее приемлемым решением сложившейся проблемы могло стать установление особой процедуры голосования при разборе в Совете Безопасности дел, напрямую затрагивающих интересы какой-либо из великих держав. Отстаивая эту точку зрения, А. А. Громыко и другие советские делегаты отмечали, что подобной позиции изначально придерживалось и правительство США, хотя в дальнейшем Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение пересмотрели свои взгляды в этом вопросе. Вместе с тем они ссылались на решения предшествующих встреч представителей большой тройки, которые предусматривали обязательное согласие ведущих держав антигитлеровской коалиции при разработке основ будущего миропорядка.

К решению вопроса подключился и сам И. В. Сталин, призвав американскую администрацию не нарушать заключенных ранее межсоюзнических договоренностей. «Предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешаны один или несколько членов Совета, имеющих статус постоянных членов, мне представляется правильным, — писал он Ф. Рузвельту 14 сентября 1944 г. — В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем. Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав»[85].

Советским дипломатам на конференции в Думбартон-Оксе так и не удалось убедить англичан и американцев в необходимости соблюдения принципа единогласия великих держав при принятии всех важнейших решений Совета Безопасности. Как бы подводя черту под этой дискуссией, руководители делегаций США и Великобритании Э. Стеттиниус и А. Кадоган недвусмысленно дали понять послу А. А. Громыко, что никаких шансов на изменение их позиции в этом вопросе нет. Более того, американская сторона предложила отложить обсуждение возникшей проблемы до конференции Объединенных Наций, что, по понятным причинам, не устраивало советское правительство. Поэтому, давая оценку итогам проходившего в августе — сентябре 1944 г. форума представителей СССР, США и Великобритании, А. А. Громыко впоследствии отмечал: «Рубеж, перекрывавший путь к решению вопроса о праве вето, окончательно так и не был преодолен на переговорах в Думбартон-Оксе. Мы тогда шутили: три союзные державы никак не могут овладеть этим рубежом, в то время как их войска успешно преодолевают один за другим укрепленные рубежи фашистских армий и одерживают блестящие победы в боях». Несмотря на это, «у советской стороны сохранялась уверенность, что и американцы, и англичане внесут коррективы в свою позицию»[86].

Первые заметные подвижки в этом вопросе обнаружились уже в конце 1944 г. Принимая во внимание твердость позиции советской стороны в отношении принципа единогласия, а также учитывая заметный рост числа сторонников данного принципа в правящих кругах самих США[87], президент Ф. Рузвельт обратился к правительствам СССР и Великобритании с новой инициативой, касавшейся порядка голосования в Совете Безопасности. В своих посланиях И. В. Сталину и У. Черчиллю от 5 декабря 1944 г. он предложил достичь приемлемого для всех великих держав компромисса путем одобрения ими трех важных положений, которые сводились к следующему: каждый член Совета Безопасности должен был иметь один голос; решения этого органа по вопросам процедуры следовало считать принятыми в случае, если за них проголосовали семь из его членов; решения Совета Безопасности по всем другим вопросам могли считаться принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов, с условием, что сторона, уча-

ствующая в споре, будет воздерживаться от голосования при принятии решений, связанных с мирным урегулированием спора.

Комментируя свое предложение, Ф. Рузвельт отмечал, что со стороны американцев оно являлось заметной уступкой в пользу позиции СССР. «Вы видите, — писал он И. В. Сталину, — что это требует единогласия постоянных членов во всех решениях Совета в отношении определения угрозы миру так же, как и в отношении действий для устранения подобной угрозы или для подавления агрессии или других нарушений мира. С практической точки зрения я вижу, что это необходимо, если такого рода действия должны быть осуществимыми. Поэтому я готов в этом отношении согласиться с точкой зрения, выраженной Вашим правительством в его меморандуме, представленном на совещании в Думбартон-Оксе по вопросу о международной организации безопасности. Это, конечно, означает, что каждый постоянный член всегда будет иметь голос при принятии решений такого характера»[88].

Предложение президента Ф. Рузвельта получило дальнейшее развитие в памятной записке Государственного департамента США, которая в начале января 1945 г. была вручена посольству СССР в Вашингтоне. В этом документе подтверждалась приверженность американского руководства идее обязательного единогласия постоянных членов Совета Безопасности во всех случаях «устранения угроз миру и пресечения нарушений мира». К тому же в нем было сказано, что указанный принцип следовало применять и при решении большинства других важных вопросов, включая, в частности, прием в организацию новых членов, временную приостановку членства отдельных государств, вывод из состава организации, восстановление прав и привилегий временно исключенных членов, а также выбор Генерального секретаря[89]. Однако в записке дипломатического ведомства США все же присутствовало упоминание о том, что при принятии решений, направленных на мирное урегулирование спора, постоянный член Совета Безопасности, замешанный в этом споре, должен был воздерживаться от голосования. И это обстоятельство поначалу заставляло советское руководство сдержанно реагировать на выдвинутую американцами инициативу.

Излагая в очередной раз основные доводы советского руководства в пользу поддержки принципа абсолютного вето, И. В. Сталин 26 декабря 1944 г. писал президенту Ф. Рузвельту: «Разумеется, что попытка отстранить на какой-либо стадии одного или нескольких постоянных членов Совета от участия в голосовании по указанным вопросам, а теоретически можно допустить и такой случай, когда большинство постоянных членов окажется устраненным от участия в решении вопроса, может иметь пагубные последствия для сохранения международной безопасности. Такое положение противоречит принципу согласованности и единогласия решений четырех ведущих держав и может повести к противопоставлению одних великих держав другим великим державам, что способно подорвать дело всеобщей безопасности. В недопущении этого малые страны заинтересованы не менее, чем великие державы, так как раскол среди великих держав, объединившихся на задачах обеспечения мира и безопасности всех миролюбивых стран, чреват самыми опасными последствиями для всех этих государств»[90].

Спустя несколько недель советская сторона все же согласилась дать зеленый свет предложенному официальным Вашингтоном новому порядку голосования в Совете Безопасности. Это решение в Москве мотивировали прежде всего тем, что инициатива американцев лишала великие державы возможности пользоваться правом вето только при рассмотрении процедурных вопросов, в то время как в остальных случаях деятельность Совета Безопасности должна была неизменно основываться на принципе единогласия его постоянных членов. Таким образом, ни одно важное решение этого органа, в том числе об исключении из ООН отдельных государств или применении в отношении них экономических, политических, военных и каких-либо других санкций, все равно не могло быть принято без согласия СССР. Кроме того, на заключительном этапе войны И. В. Сталин рассчитывал добиться от президента Ф. Рузвельта ощутимых уступок при решении других важных проблем, которые напрямую касались организации будущего мира в Европе и потому представляли для руководства СССР особый интерес.

Окончательно вопрос об использовании права вето в Совете Безопасности был решен в ходе личных переговоров лидеров СССР, США и Великобритании, состоявшихся в феврале 1945 г. в Ялте. На Крымской конференции И. В. Сталин, в конце концов, смог добиться от западных союзников официальных заверений в том, что советская держава даже в качестве участника какого-либо международного спора, согласно его же собственному определению, «не будет выведена за дверь» при голосовании в главном руководящем органе ООН. Вследствие этого американское предложение о порядке принятия решений в Совете Безопасности перестало рассматриваться советской стороной как противоречащее интересам СССР, что в итоге нашло отражение в достигнутых в Ялте договоренностях[91].

Вместе с тем на Крымской конференции советская делегация вновь вернулась к разговору об участии союзных республик СССР в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей. Как уже отмечалось, из-за негативной позиции правящих кругов США и Великобритании данный вопрос не получил своего разрешения на переговорах в Думбартон-Оксе. В связи с этим советское руководство стремилось добиться смягчения позиции западных союзников в отношении расширенного представительства СССР в ООН еще до созыва ее учредительной конференции, в рамках которой, как предполагали в Москве, общий расклад сил между государствами должен был сложиться не в пользу Страны Советов. «Американцы и англичане возражают против нашего предложения о включении в число первоначальных членов наших советских республик, — писал накануне Крымской конференции М. М. Литвинов. — Они даже предлагали исключить из протоколов совещания в Думбартон-Оксе всякое упоминание о нашем предложении. Если снять наше предложение, то советские республики смогут лишь впоследствии, уже после выработки устава, подать заявления о вступлении в организацию. Поскольку новые члены будут приниматься Генеральной Ассамблеей большинством в две трети голосов и лишь по рекомендации Совета Безопасности, то можно заранее сказать, что за принятие их вряд ли выскажется установленное большинство в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Таким образом, советские республики (в лучшем случае за исключением некоторых из них) не только не будут первоначальными членами, но и вообще членами будущей организации»[92].

Правда, лоббируя свое предложение о включении союзных республик СССР в список инициаторов международной организации безопасности, советское руководство все же отдавало себе отчет в том, что власти США и Великобритании ни при каких обстоятельствах не могли допустить вступления в ООН всех 16 субъектов союзного государства. Поэтому на переговорах в Ялте И. В. Сталин выдвинул новую, более реалистичную, по мнению как отечественных, так и западных экспертов, инициативу, предусматривавшую признание трех или, по крайней мере, двух союзных республик в качестве членов-учредителей. К числу последних лидер СССР предложил отнести Украину, Белоруссию и Литву. При этом в дальнейшем он счел возможным оставить в данном списке только первые две республики, понесшие колоссальные человеческие и материальные потери в борьбе против фашистских агрессоров и готовые, по его словам, в оперативном порядке подписать Декларацию Объединенных Наций.

В то же время глава советского правительства высказался против приглашения на учредительную конференцию ООН так называемых присоединившихся стран, в поддержку которых активно выступали западные союзники СССР. Аргументируя свою позицию, он заявил, что «странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны»[93]. Поэтому, как следовало из его дальнейших рассуждений, право на участие в столь важном форуме Объединенных Наций могли получить только те государства, которые уже являлись или собирались в скором времени стать членами антигитлеровской коалиции.

В итоге, встреча в Ялте в целом оправдала ожидания СССР в отношении принятия этих двух советских инициатив. Руководители союзных держав согласились пригласить на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, открытие которой было намечено

на 25 апреля 1945 г., всех членов антигитлеровской коалиции (по состоянию на 8 февраля 1945 г.), а также тех из присоединившихся наций, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.[94] Вместе с тем они одобрили идею допуска к первоначальному членству в ООН находившихся в составе СССР Украины и Белоруссии. Но одновременно Ф. Рузвельт и У. Черчилль убедили И. В. Сталина не настаивать на подписании этими республиками до 1 марта 1945 г. Декларации Объединенных Наций, заверив советского лидера в том, что данное обстоятельство никаким образом не могло помешать Украине и Белоруссии войти в число учредителей новой международной организации безопасности[95].

Более того, западные деятели фактически уговорили И. В. Сталина не придавать огласке постановление ялтинской встречи по поводу будущего членства Украины и Белоруссии в ООН до созыва конференции Объединенных Наций, поскольку это якобы могло стать причиной возникновения больших трудностей и споров. Так, например, по словам премьер-министра Великобритании, в случае опубликования решения о советских республиках британские доминионы могли заявить протест против обладания одним государством правом нескольких голосов, поэтому ему было необходимо прежде подготовить их по этому вопросу[96]. В то же время президент Ф. Рузвельт заявил в данной связи о своем стремлении «избежать войны с ирландцами в США»[97]. Таким образом, англичане и американцы рассчитывали, очевидно, оставить себе некое поле для маневра, чтобы в дальнейшем у них была возможность затягивать реализацию формально одобренного ими предложения о расширении советского представительства в ООН за счет включения в нее Украины и Белоруссии.

Стоит также отметить, что участники Крымской конференции по инициативе американской стороны кратко обсудили вопрос о территориальной опеке, который, по выражению М. М. Литвинова, был «глухо упомянут» союзниками в ходе переговоров в Думбартон-Оксе. После непродолжительной дискуссии И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт признали необходимость создания в рамках будущей ООН международной системы опеки. Согласно их замыслу, последняя могла применяться только к существующим мандатам Лиги Наций к территориям, «отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны», а также к любой другой территории, «которая может быть добровольно поставлена под опеку». При этом предполагалось, что вопрос об определении конкретных территорий, требующих международной опеки, не войдет в повестку дня намеченной в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, а «явится предметом позднейшего соглашения»[98]. Хотя каждый из союзников отчетливо осознавал, что колониальная проблематика (в различных ее аспектах) неизбежно должна была стать одной из наиболее обсуждаемых тем на учредительном форуме ООН.

Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско

Сразу после завершения крымских переговоров глав правительств большой тройки ведущие державы антигитлеровской коалиции приступили к непосредственной подготовке конференции Объединенных Наций, в ходе которой со всей очевидностью проявились наметившиеся между ними на заключительном этапе войны разногласия. Так, 5 марта 1945 г. во исполнение принятых в Ялте решений администрация Ф. Рузвельта от имени правительств США, СССР, Великобритании и Китая[99] направила 39 государствам включая Австралию, Бельгию, Боливию, Гаити, Доминиканскую Республику, Египет, Индию, Ирак, Либерию, Люксембург, Нидерланды, Новую Зеландию, Парагвай, Филиппины, Саудовскую Аравию, Турцию, Южно-Африканский Союз и Эфиопию, согласованный союзниками текст приглашения на переговоры в Сан-Франциско. Несколько позднее аналогичные приглашения получили еще две страны — Ливан и Сирия.

Прибытие В. М. Молотова и А. А. Громыко на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско. 1945 г.

Советская делегация на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско

В. М. Молотов и А. А. Громыко отправляются на заседание конференции Объединенных Наций

Советский посол в США А. А. Громыко и председатель исполкома подготовительной комиссии ООН Ф. Ноэль-Бейкер за беседой перед заседанием

В то же время американцы категорически возражали против прибытия в Сан-Франциско делегаций Украины и Белоруссии, мотивируя свою точку зрения тем, что их участие в намеченном форуме «могло бы создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации»[100]. В частности, по словам госсекретаря США Э. Стеттиниуса, согласно ялтинским договоренностям правительство Ф. Рузвельта «согласилось поддержать на конференции в Сан-Франциско предложение, чтобы эти две советские республики были допущены к первоначальному членству во всемирной организации, когда эта организация будет создана, но никакого обязательства не было принято в отношении присутствия представителей этих республик в Сан-Франциско». К тому же американская администрация оставляла «на усмотрение конференции решить, принять ли советское предложение, которое правительства Соединенных Штатов и Великобритании согласились поддержать»[101].

Вполне естественно, что подобное толкование западными союзниками ялтинских договоренностей с самого начала вызвало резкое неприятие со стороны советского руководства. По мнению официальной Москвы, эти договоренности не оставляли сомнений в том, что «вопрос о допущении Украины и Белоруссии к первоначальному членству должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско» и что затем, после принятия последней положительного решения, украинцам и белорусам следовало обеспечить «полноправное участие в работе названной конференции в качестве первоначальных членов всеобщей международной организации безопасности»[102].

Поэтому советская сторона настаивала на выполнении американцами их прежнего обещания, предвидя продолжение возникшей в данной связи между союзниками дискуссии непосредственно уже в ходе предстоявшего форума. Более того, советское руководство не могло также примириться с нежеланием правящих кругов США и Великобритании пригласить на конференцию Объединенных Наций представителей непризнанного ими прокоммунистического польского временного правительства. Излагая свою позицию в этом вопросе, оно обращало внимание американцев и англичан прежде всего на то, что намеченная в Ялте реорганизация действовавшего в тот период в Варшаве правительства к весне 1945 г. еще не завершилась. Следовательно, на учредительной конференции ООН вообще могло не оказаться представителей Польши, что, с советской точки зрения, «было бы невозможно объяснить» широкой международной общественности.

Решение возникшей проблемы советская сторона видела только в приглашении на переговоры в Сан-Франциско делегации польского временного правительства, «как осуществлявшего власть на всей территории Польши и пользующегося поддержкой польского народа»[103]. При этом Москва обращала внимание руководителей союзных держав на то, что советское руководство с самого начала не возражало против участия в намеченной конференции целого ряда небольших государств (Гаити, Либерия, Парагвай и другие), которые тогда не имели дипломатических отношений с СССР.

В свою очередь, официальные Лондон и Вашингтон были убеждены, что приглашение на учредительный форум ООН варшавских поляков «фактически противоречило бы решениям Крымской конференции». В связи с этим они настаивали на том, что «участие Польши в Сан-Франциско... должно быть зарезервировано за временным польским правительством национального единства, о котором было достигнуто согласие в Ялте, а не за одной из групп, из которых предстоит создать новое правительство»[104]. Их позиция в этом вопросе до созыва самой конференции в Сан-Франциско так и осталась неизменной.

Усилению напряженности в отношениях между СССР и другими участниками большой тройки накануне открытия конференции в Сан-Франциско способствовало и то обстоятельство, что в начале весны 1945 г. советскому правительству стало известно о проведении в Берне американцами и англичанами закулисных сепаратных переговоров с представителями германского военного командования. Эта новость вызвала сильное раздражение у советских властей, которые стали справедливо упрекать руководство западных держав в том, что дипломатические маневры за спиной Москвы наносят ощутимый вред союзни-

ческим отношениям. В одном из своих посланий президенту США И. В. Сталин писал: «Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников?.. Я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»[105].

Эта ситуация даже побудила советское руководство заявить, что глава НКИД не будет принимать участие в предстоявшей конференции Объединенных Наций, как это планировалось изначально. Еще за месяц до открытия данного форума советская сторона уведомила правительства США и Великобритании о невозможности приезда В. М. Молотова в Сан-Франциско в связи с необходимостью его присутствия на очередной сессии Верховного Совета СССР, намеченной на апрель 1945 г. При этом она также сообщила, что главой делегации СССР на переговорах о создании ООН будет назначен советский посол в США А. А. Громыко. Таким образом, советское правительство стремилось убедить правительства союзных держав в ослаблении своего интереса к учредительной конференции всеобщей организации безопасности, работу которой, как следовало из предшествовавших дипломатических маневров англичан и американцев, последние рассчитывали направить в выгодное для них русло.

Отказ В. М. Молотова от поездки в Сан-Франциско, значительно снижавший статус конференции Объединенных Наций, вызвал в правящих кругах США и Великобритании неподдельную озабоченность. Так, например, узнав о намерении властей СССР снизить уровень своего представительства на этом форуме, президент Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Мы весьма высокого мнения о личных качествах и способностях посла Громыко и уверены, что он успешно представлял бы Советский Союз. Тем не менее я не могу не испытывать глубокого разочарования в связи с тем, что г-н Молотов, по-видимому, не предполагает присутствовать на конференции... Все державы-инициаторы и большинство других стран, участвующих в конференции, будут представлены своими министрами иностранных дел. Принимая это во внимание, я опасаюсь, что отсутствие г-на Молотова будет истолковано во всем мире как признак отсутствия должного интереса со стороны советского правительства к великим задачам этой конференции»[106].

Президент США настаивал на присутствии советского наркома на конференции и просил И. В. Сталина разрешить В. М. Молотову приехать в Сан-Франциско «по крайней мере, для участия в весьма важных первых заседаниях»[107]. В итоге нарком иностранных дел СССР присутствовал лишь на первых заседаниях конференции[108]. Давая согласие на поездку В. М. Молотова в Сан-Франциско, советское руководство рассчитывало посредством этого визита прежде всего прояснить позицию нового главы США в отношении договоренностей, которых союзники достигли в Ялте и Думбартон-Оксе[109].

В данной связи стоит отметить, что состоявшиеся накануне открытия конференции Объединенных Наций переговоры советского наркома иностранных дел с Г. Трумэном и некоторыми представителями его администрации оставили у советских руководителей двоякое чувство. С одной стороны, они, несомненно, были удовлетворены заявлением нового президента США о его намерении осуществить принятые в Ялте и Думбартон-Оксе решения, «как если бы эти решения были подписаны им самим»[110]. Но с другой, их настораживал тот факт, что по целому ряду важных для СССР вопросов, в частности о приглашении делегаций Украины, Белоруссии и временного польского правительства на конференцию в Сан-Франциско, позиция США по-прежнему оставалась неизменной. И это обстоятельство вынуждало В. М. Молотова и других членов возглавляемой им советской делегации серьезно готовиться к затяжным дискуссиям с союзниками уже непосредственно в рамках учредительного форума ООН.

Глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско А. А. Громыко подписывает Устав ООН. 26 июня 1945 г.

В соответствии с ялтинскими договоренностями И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта конференция Объединенных Наций начала свою работу 25 апреля 1945 г. Ее открытие в Сан-Франциско совпало с исторической встречей советских и американских войск на Эльбе в районе германского города Торгау, что само по себе было очень символично. В условиях, когда до полного разгрома нацистской Германии оставались считаные дни, участники антигитлеровской коалиции приступили к окончательному решению вопроса о создании универсальной системы международной безопасности, призванной не допустить в будущем повторения ужасов Второй мировой войны. При этом конференция в Сан-Франциско стала самым представительным международным форумом со времен Лиги Наций. В ее работе приняли участие свыше 850 делегатов от 50 государств мира[111], включая министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и других стран.

Несмотря на разницу политических систем, экономического развития, социальной структуры и культурно-исторических традиций государств — участников конференции Объединенных Наций, все они выступали за создание международной организации безопасности, признавая важность единства и особую ответственность великих держав за поддержание мира, поскольку те «без всяких условий пожертвовали своими сынами в интересах человечества»[112]. В то же время многие из государств — участников конференции считали необходимым отметить ключевую роль Страны Советов в разгроме фашистского блока, «имея в виду победы ее могучих армий в Европе и особенно ее героическую борьбу под Ста-

линградом»[113]. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско фактически без прений было поддержано советское предложение о включении Украины и Белоруссии в число государств — учредителей ООН, вследствие чего делегации этих союзных республик смогли принять участие в работе данного форума[114].

Более того, вопреки первоначальной позиции западных союзников, которые стремились поставить у руля конференции американского представителя Э. Стеттиниуса, большинство Объединенных Наций одобрили предложение СССР о формальном соблюдении в этом вопросе принципа равенства четырех великих держав, выступивших в роли инициаторов международной встречи в Сан-Франциско. Выдвигая упомянутое выше предложение, В. М. Молотов четко дал понять делегатам других государств, что в случае его отклонения советская сторона воздержится от своего дальнейшего представительства в президиуме данного форума. И это предупреждение возымело действие. 27 апреля 1945 г. главы делегаций стран-участниц приняли решение о поочередном председательстве советского, американского, британского и китайского представителей на пленарных заседаниях учредительной конференции ООН с оговоркой, правда, что заседаниями ее Руководящего и Исполнительного комитетов, а также совещаниями четырех председателей будет все же руководить госсекретарь США.

Стоит также отметить, что Объединенные Нации в большинстве своем с пониманием отнеслись к тому обстоятельству, что в рамках их переговоров главные вопросы фактически решались не на общем собрании всех делегаций, а в узком кругу представителей великих держав (включая Францию), встречи которых проводились регулярно[115]. Как вспоминал впоследствии А. А. Громыко, возглавивший с отъездом В. М. Молотова советскую делегацию в Сан-Франциско, совещания большой пятерки и их направляющая роль на конференции «публично не афишировались, но все участники этого форума о них знали и в целом принимали их как должное. Война приучила ко многому»[116]. Причем, оценивая значение таких встреч, А. А. Громыко отмечал, что их проведение диктовалось не просто целесообразностью, но и необходимостью: «Гораздо труднее пришлось бы искать решения проблем, ежедневно выслушивая на широких собраниях и заседаниях с участием всех делегаций многочисленные речи, пересыпавшиеся часто изрядной порцией пустозвонства»[117].

Обсуждение важнейших положений Устава ООН проходило преимущественно в конструктивном русле. Как и предполагалось, в основу данного документа легли «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», разработанные на переговорах ведущих держав антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе, при этом некоторые из них были существенно доработаны и дополнены новыми положениями. В частности, участники конференции в Сан-Франциско приняли решение о включении в Устав ООН преамбулы, отсутствовавшей в изначальном проекте и провозглашавшей в качестве основной цели этой организации поддержание всеобщего мира и безопасности[118]. В ней говорится: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе... решили объединить наши усилия для достижения этих целей»[119].

В то же время ряд существенных дополнений был внесен в первую главу Устава ООН, посвященную целям и принципам данной организации. По инициативе советской стороны в нее было включено положение о том, что всеобщая организация безопасности нацелена «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Было принято и предложение СССР о том, чтобы ООН осуществляла международное сотрудничество в том числе «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии»[120].

Со своей стороны, советская делегация поддержала предложение ряда участников конференции (Австралия, Боливия, Бразилия, Египет, Иран, Мексика, Новая Зеландия и другие) о включении в первую главу пункта об уважении территориальной целостности и политической независимости государств. Было принято и предложение о закреплении в основополагающем документе ООН положения о недопущении вмешательства этой организации во внутренние дела своих членов, сделав, однако, оговорку, что «этот принцип не затрагивает применения принудительных мер» в случаях, определенных уставом.

Значительной доработке на конференции в Сан-Франциско подверглась вторая глава Устава ООН, касавшаяся членства в новой международной организации, поскольку на переговорах в Думбартон-Оксе так и не было выработано взаимоприемлемого решения по указанному вопросу. В связи с этим участникам учредительного форума ООН пришлось потратить немало сил и времени, чтобы разработать принцип первоначального членства в организации и условия приема в ее состав новых членов. После долгих обсуждений на конференции в Сан-Франциско при активном участии советских дипломатов было принято решение о том, что инициаторами всеобщей организации безопасности станут государства, присутствовавшие на этой конференции или ранее подписавшие Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Эта формула позволяла со временем включить в число первоначальных членов ООН также и Польшу, которая в тот момент уже была близка к созданию на ее территории правительства национального единства. 23 июня 1945 г. на заседании Руководящего комитета конференции Объединенных Наций главы делегаций СССР, США, Великобритании и Китая согласились оставить место в конце устава для подписи представителей нового польского правительства. При этом они дали понять делегатам других стран, что «такая подпись может быть поставлена, как только новое правительство будет признано официально государствами — участниками ялтинского соглашения»[121].

Затяжной характер приобрела на конференции в Сан-Франциско и дискуссия по вопросу об условиях приема в организацию новых членов. Ряд участников этого форума, особенно из числа латиноамериканских государств, настаивал на включении в ее устав положения об универсальности ООН, с тем чтобы, как выразился тогда министр иностранных дел Эквадора Камило Понсе Энрикес, «в любой ближайший или отдаленный период в организацию могли быть допущены все суверенные государства мира и те государства, которые могут обрести суверенитет в последующем»[122].

Представители СССР категорически возражали против такого подхода к определению критериев членства в новом всемирном учреждении. В предложенном принципе универсальности ООН они видели «немедленное приглашение вступить в организацию нейтральным странам, а возможно, после заключения мира также и вражеским странам»[123], что, с точки зрения советской стороны, являлось абсолютно недопустимым. Как и на переговорах в Думбартон-Оксе, делегация СССР последовательно выступала за недопущение фашистских государств в будущую семью Объединенных Наций. И во многом именно благодаря ее усилиям на конференции в Сан-Франциско в итоге было принято решение о том, что членство в ООН станет возможным для всех миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в ее уставе обязательства и которые, «по суждению организации», могут и желают эти обязательства выполнить. В то же время участники данного форума договорились о том, что прием в члены любого такого государства будет осуществляться постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

Советским дипломатам также удалось добиться сохранения в уставе важного положения о праве Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации страны, систематически нарушающие ее принципы. Несмотря на то что некоторые делегации на конференции в Сан-Франциско выступали против наделения названного органа подобным правом, которое, по их мнению, могло привести к освобождению отдельных государств от взятых ими по уставу обязательств, представители СССР все же настояли на упоминании в этом документе о намерении ООН активно бороться с нарушителями международного мира и безопасности.

На конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. А. А. Громыко прощается с Г. Трумэном. 1945 г.

Ряд малых и средних государств изначально высказывался в пользу существенного расширения полномочий Генеральной Ассамблеи ООН при одновременном ограничении прав и возможностей Совета Безопасности. Причем некоторые решительно осуждали особое положение великих держав в рамках всемирной организации, ибо, по их мнению, «это... означало бы совершенно недемократическую привилегию»[124]. По этому вопросу разгорелась жаркая дискуссия.

Главными критиками советской точки зрения в вопросах о полномочиях и статусе Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН выступали делегации британских доминионов (Австралия, Новая Зеландия, ЮАС и Канада), а также большинства стран Латинской Америки. Поскольку эти государства практически не были затронуты пламенем Второй мировой войны, они с меньшим пониманием относились к инициативам, с которыми СССР выступал на конференции в Сан-Франциско. В то же время их позиция по многим важным проблемам, обсуждавшимся в процессе разработки Устава ООН, напрямую зависела от взглядов западных держав, что нередко позволяло последним оставаться фактически в тени ожесточенных споров с представителями СССР. «В этой обстановке делегация Советского Союза показала образец дипломатического искусства, проявила блестящее мастерство и умение отстаивать основные принципиальные позиции, продемонстрировала в то же время готовность сотрудничать и идти, где это возможно, на разумные компромиссы»[125].

Наиболее заметной оказалась разница в позициях СССР и малых стран по вопросу о том, какие дела могли стать объектом применения вето и какие — нет. Решение этого вопроса предполагало достижение между участниками учредительной конференции ООН догово-

ренности о четком разграничении сфер компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, что, как выяснилось, сделать было очень непросто. Так, советская делегация последовательно отстаивала в Сан-Франциско идею о том, что решение важнейших проблем войны и мира являлось прерогативой Совета Безопасности. При этом она выступала за одобрение ялтинской формулы о порядке голосования в указанном органе, предусматривавшей, что «по всем вопросам, по которым в Совете Безопасности может быть голосование, за исключением вопросов чисто процедурных... или особых случаев... требуется единогласие постоянных членов Совета»[126].

Однако представители британских доминионов и ряда латиноамериканских государств с самого начала не желали соглашаться с такой точкой зрения. «Мы не хотим быть низведены до положения тех, о ком говорят: «Их дело не спрашивать почему, а делать или умирать», — сказал премьер-министр и министр иностранных дел Новой Зеландии П. Фрэзер. — Я ни на секунду не упускаю из вида то обстоятельство, что великим державам неизбежно должен принадлежать доминирующий голос по вопросам, которые требуют применения вооруженной силы. Но, очевидно, будет возникать трудность на пути принятия предложения, согласно которому великие державы сохраняют за собой право в каждом важном случае говорить, будет организация действовать или нет, будут они сами связаны или нет. В то же время они наделяются полномочием лишать малые державы не только права голоса, но и участия в этих вопросах. По нашему мнению, полномочия Генеральной Ассамблеи должны быть поэтому настолько широкими, чтобы дать этому органу право рассматривать любой вопрос, входящий в сферу международных отношений... Мы также предлагаем, чтобы когда Совет Безопасности потребует применения санкций, для этого необходимо было одобрение Ассамблеи и чтобы все члены были связаны этим решением Ассамблеи»[127].

В свою очередь, англичане и американцы были не против расширения полномочий Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности, а также ограничения применения принципа единогласия великих держав при вынесении решений в главном руководящем органе ООН. В случае реализации этих планов они могли добиться для себя механического большинства голосов как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее, в рамках которой им фактически была обеспечена поддержка всех зависимых от них государств, включая британские доминионы и страны Латинской Америки. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско представители западных держав настаивали на иной, отличной от советской трактовки, интерпретации решений Крымской конференции.

Так, например, 21 мая 1945 г. в ответ на просьбу того же П. Фрэзера о разъяснении ялтинской формулы советник британской делегации А. Кадоган без согласования с советской стороной заявил, что при отсутствии единогласия постоянных членов Совета Безопасности последний правомочен: выступить в качестве арбитра в случае просьб сторон; назначить расследование спора или ситуации, могущей привести к международным трениям; принять или не принять к рассмотрению сообщение какого-либо государства о наличии угрозы миру и безопасности; решить вопрос о том, угрожает ли спор поддержанию международного мира и безопасности и следует ли призвать стороны к решению спора мирными средствами[128]. Такое толкование никак не вытекало из договоренностей, достигнутых лидерами держав большой тройки в Ялте.

Чтобы не допустить отступления остальными Объединенными Нациями от первоначальной трактовки ялтинской формулы голосования в Совете Безопасности, представителям СССР на конференции в Сан-Франциско предписывалось давать максимально жесткий отпор всем попыткам исказить истинный смысл решений Крымской конференции. В частности, в проекте директивы НКИД для советской делегации говорилось следующее: «Не подлежит сомнению, что некоторые малые нации с согласия США и Англии пытаются разными путями ограничить принцип единогласия постоянных членов Совета и что выступления новозеландцев и Кадогана были заранее подстроены. Предлагаем вам немедленно добиться созыва совещания пятерки и указать там на серьезность создавшегося положения, угрожающего сорвать всю проделанную конференцией работу, ибо совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*)

ни в коем случае не примирится с прямыми или обходными изменениями ялтинского решения о голосовании в Совете». Далее советской делегации давалось указание заявить о том, «что правительства, участвующие в конференции, не могли не знать, что ялтинское решение является одной из основ, на которых созывалась конференция, и они приглашались на нее, и что они должны с этим считаться»[129].

В то же время, желая добиться одобрения ялтинской формулы на конференции Объединенных Наций, правительство СССР сочло возможным согласиться с принятием такого ее толкования, в соответствии с которым решение о рассмотрении того или иного вопроса в Совете Безопасности причислялось к разряду процедурных. И это обстоятельство, безусловно, повлияло на исход общих прений в Сан-Франциско. В итоге, принцип единогласия, явившийся результатом тесного сотрудничества держав большой тройки в годы Второй мировой войны и без которого просто не мыслилось само существование ООН, был окончательно закреплен в уставе этой организации, что стало большим успехом и заслугой советской дипломатии. Во многом благодаря усилиям именно представителей СССР в данном документе появилась и статья десятая, ограничивающая полномочия Генеральной Ассамблеи выработкой только рекомендательных, не имеющих обязательной силы решений, что окончательно сняло все вопросы в отношении главенствующей роли Совета Безопасности в рамках ООН.

Достаточно острый характер приобрело на конференции в Сан-Франциско и обсуждение вопроса о создании международной системы опеки, идея которой изначально принадлежала американцам. Так, еще на Московской конференции министров иностранных дел большой тройки госсекретарь США К. Хэлл предложил В. М. Молотову и А. Идену обсудить проект декларации Объединенных Наций по вопросу национальной независимости. В этом документе в качестве одной из задач антигитлеровской коалиции провозглашалось предоставление в возможно кратчайшие сроки полной независимости всем колониальным народам. В то же время в нем содержалось положение о необходимости принятия на себя Объединенными Нациями «особой ответственности, аналогичной опеке или попечительству», в отношении населения бывших колоний вражеских государств, подобно тому, как это сделали державы-победительницы после Первой мировой войны (мандатная система Лиги Наций)[130].

И хотя из-за негативной позиции англичан никакого решения о зависимых странах на Московской конференции не было принято, переговоры по этому вопросу все же продолжались (Крымская конференция), что и позволило включить разработку принципов международной системы опеки в повестку дня учредительной конференции ООН. Важно отметить, что в рамках последней речь шла не о выдаче новых или перераспределении существующих мандатов на управление зависимыми территориями, а только об установлении самого механизма территориальной опеки. Определение конкретных колоний, подлежащих попечительству со стороны Объединенных Наций, как было договорено союзниками еще в Ялте, предполагалось сделать предметом специальной международной конференции.

В связи с тем что на переговорах в Думбартон-Оксе вопрос о создании международной системы опеки вообще не обсуждался, разработка соответствующих разделов в Уставе ООН осуществлялась уже непосредственно в процессе учреждения этой организации. С собственными предложениями в указанной области выступили тогда все пять великих держав, что само по себе не предвещало скорого достижения договоренности между ними.

Как и следовало ожидать, наиболее консервативной в данном вопросе оказалась позиция англичан и французов, обладавших в тот период самыми крупными колониальными империями в мире и не желавшими, чтобы намеченная Объединенными Нациями международная система территориальной опеки каким-либо образом ограничила их права на собственные колонии. Например, во французском проекте вообще ничего не говорилось о предоставлении независимости колониальным народам как конечной цели этой системы. К тому же

он ограничивал круг подопечных ООН территорий только подмандатными территориями Лиги Наций и территориями, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате настоящей войны[131].

В предложениях англичан к двум названным категориям территорий добавлялась третья: любая другая территория, которая добровольно может быть взята под опеку государством, под чьим суверенитетом или протекцией она находится. В целом британский проект был направлен на сохранение старой мандатной системы, действовавшей в межвоенный период. В частности, в нем прямо говорилось о том, что «никаких ревизий существующих мандатов Лиги Наций, осуществляемых государствами — членами Объединенных Наций, не должно производиться без согласия заинтересованной державы-мандатария»[132].

В свою очередь, американский проект отражал стремление США усилить собственное влияние в отдельных районах мира, контролировавшихся прежде европейскими колониальными державами. И одновременно он был нацелен на сохранение под контролем американцев стратегически важных пунктов в бассейне Тихого океана, которые те оккупировали в ходе вооруженного противостояния с Японией. При этом, как отмечали сами представители США на конференции в Сан-Франциско, в вопросе об островных владениях они не собирались идти ни на какие уступки, что подтверждалось и в донесениях советской делегации в НКИД. Так, в частности, 2 июня 1945 г. А. А. Громыко сообщал советскому руководству о том, что на одном из частных совещаний с американцами последние прямо заявили делегатам СССР, «что на ряде территорий, которые должны быть поставлены под опеку, США построили большое количество аэродромов, линий коммуникаций и приобрели некоторые торговые интересы... Американское правительство хочет полностью сохранить свои права на эти приобретения и решительно будет настаивать на том, чтобы это было оговорено в главе по территориальной опеке»[133].

С учетом вышесказанного представители США настаивали на передаче в исключительное ведение Совета Безопасности всех функций ООН в отношении стратегических округов (островов в Тихом океане), включая утверждение мероприятий по опеке, их изменений и поправок. В то время как решение вопросов, связанных с организацией международной опеки над всеми другими, не имевшими стратегического значения подопечными территориями, следовало, по их мнению, передать Генеральной Ассамблее и действующему под ее руководством Совету по опеке.

Что же касается позиции советского правительства в данном вопросе, то ее формирование происходило под влиянием двух важных факторов. С одной стороны, ее определяли общие принципы советской внешней политики, изначально осуждавшей любые формы колониализма и поддерживавшей борьбу зависимых народов за освобождение от колониального гнета. Еще при вступлении в Лигу Наций в 1934 г. СССР решительно отказался участвовать в ее мандатной деятельности. В связи с этим закономерно, что на учредительном форуме ООН советские представители выступали за включение в устав новой организации положений о самоопределении народов, а также равенстве прав больших и малых наций. «Для советской делегации ясно, что с точки зрения интересов международной безопасности мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы зависимые страны поскорее могли выйти на дорогу национальной независимости, — отмечалось в заявлении В. М. Молотова на пресс-конференции в Сан-Франциско 7 мая 1945 г. — Этому должна помочь специальная организация Объединенных Наций, которая должна действовать в духе ускорения осуществления принципов равноправия и самоопределения народов. Советская делегация примет активное участие в рассмотрении этого вопроса»[134].

С другой стороны, советское руководство стремилось обеспечить для СССР как великой державы некоторое влияние на деятельность Совета по опеке, что с учетом принципов формирования этого органа представлялось чрезвычайно трудной задачей. «Согласно нынешним американским предложениям такое влияние мы можем иметь лишь в отношении так называемых стратегических округов... в качестве члена Совета Безопасности. В отношении

же других опекаемых территорий наше влияние совершенно проблематично, если мы сами не потребуем себе какой-либо территории для опеки, т. к. нет никаких гарантий, что мы будем в числе сторон, которые будут назначены Генеральной Ассамблеей в Совет опеки»[135]. Исходя из этого, советская сторона настаивала на обязательном включении в состав Совета по опеке представителей всех постоянных членов Совета Безопасности, а также добивалась для Генеральной Ассамблеи и подчиненного ей Совета по опеке права осуществлять «проверку выполнения даваемых ими указаний и рекомендаций путем посылки на опекаемые территории уполномоченных и инспекторов»[136], что изначально не предусматривалось в Лиге Наций.

В итоге, после долгих обсуждений изложенные выше инициативы СССР все же были одобрены всеми остальными великими державами, что и нашло отражение в Уставе ООН. Так, в тринадцатую главу этого документа, посвященную Совету по опеке, была включена статья 86, согласно которой состав данного органа должен формироваться, в частности, из тех членов Совета Безопасности, «которые не управляют территориями под опекой». В то время как статья 87 Устава ООН предписывает Совету по опеке «устраивать периодические посещения соответствующих территорий под опекой в согласованные с управляющей властью сроки»[137].

Кроме того, по предложению советской стороны на конференции в Сан-Франциско было решено включить в основополагающий документ ООН указание на независимость как одну из целей опеки над соответствующей территорией наряду с самоуправлением, что придало СССР тогда большой моральный авторитет среди представителей развивающегося мира. Благодаря усилиям советской делегации в Уставе ООН также появилась статья, предусматривающая, что система опеки не распространяется на непосредственных членов организации, «отношения между которыми должны основываться на уважении принципа суверенного равенства».

Наконец, еще одним важным событием на конференции в Сан-Франциско стала разработка при активном участии советских представителей декларации в отношении несамоуправляющихся территорий, которая вошла в Устав ООН в качестве отдельной одиннадцатой главы. Благодаря этой декларации действие основополагающего документа Организации Объединенных Наций было распространено и на все зависимые территории, не входившие в систему международной опеки. В то же время она фиксировала, хотя и в весьма общих выражениях, принятые на себя членами ООН обязательства в отношении народов, которые «не достигли еще полного самоуправления». В частности, в первой статье говорилось о том, что государства, ответственные за управление зависимыми территориями и колониальными владениями, «признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом»[138]. Вместе с тем вторая статья данного документа вписывала деятельность отдельных членов ООН в колониальной сфере в общемировой контекст. В соответствии с ней последние соглашались, что их политика в отношении несамоуправляющихся территорий «должна быть основана не менее, чем в отношении их метрополий, на общем принципе добрососедства, с надлежащим учетом интересов и благополучия остального мира в делах социальных, экономических и торговли»[139]. Таким образом, была заложена необходимая база для полной ликвидации колониальной системы в последующие после Второй мировой войны годы.

Конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием ее участниками 26 июня 1945 г. Устава ООН — единственного международного договора, определяющего четкие обязательства всех государств земного шара в послевоенный период и являющегося своеобразным фундаментом нового мирового правопорядка. Чтобы вступить в силу и тем самым, образно говоря, вдохнуть жизнь в Организацию Объединенных Наций, этому документу предстояло еще пройти ратификацию во всех пяти великих державах, а также в большинстве других стран — инициаторов вышеназванного универсального учреждения. Однако никто из

первоначальных членов ООН не сомневался, что данный процесс не займет слишком много времени, поскольку главное было уже сделано.

Благодаря появлению на свет Устава ООН, в котором Объединенные Нации провозгласили в качестве своей важнейшей цели избавление грядущих поколений от бедствий войны, были заложены основы прочной и эффективной системы всеобщей безопасности, которой так не хватало человечеству накануне мирового конфликта 1939–1945 гг. В связи с этим неудивительно, что глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско А. А. Громыко впоследствии называл день подписания указанного документа одним из самых незабываемых в своей жизни[140].

В целом создание ООН стало несомненным достижением государств — участников антигитлеровской коалиции. При этом советской внешней политике удалось отстоять свои основные принципиальные позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1944. С. 148.

[2] Там же.

[3] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 256.

[4] Там же. С. 265.

[5] Там же. С. 323.

[6] Там же. С. 322.

[7] Там же. С. 519.

[8] Там же. С. 528.

[9] Там же. С. 529.

[10] Там же. С. 521.

[11] Как свидетельствуют некоторые документы, в ходе советско-британских переговоров конца 1941 — первой половины 1942 г. англичане пытались убедить представителей СССР в том, что в случае их отказа от внесения в союзный договор каких-либо конкретных пунктов, касавшихся формирования будущего мира, Москве и Лондону было бы легче уговорить американское правительство открыть второй фронт.

[12] Согласившись подписать предложенный англичанами текст союзного договора, В. М. Молотов все же счел необходимым заявить от имени советского правительства, что «в вопросе о границах мы остаемся на наших прежних позициях» (См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941—1943 гг. М., 1984. С. 176).

[13] Окончательной датой создания антигитлеровской коалиции принято считать 11 июня 1942 г., когда между правительствами СССР и США было заключено соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

[14] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. С. 479.

[15] Там же. С. 570.

[16] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941—1943 гг. С. 176.

[17] По поводу Китая Рузвельту все же пришлось сделать оговорку, что участие этого государства в предполагаемом соглашении будет в конечном итоге зависеть от того, сможет ли оно «создать централизованное правительство» и «быть полицейской силой по отношению к Японии».

[18] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941—1943 гг. С. 177.

[19] Там же. С. 189.

[20] В состав комиссии вошли такие видные политические деятели, дипломаты и ученые, как Д. З. Мануильский, С. А. Лозовский, Я. З. Суриц, Б. Е. Штейн и академик Е. В. Тарле.

[21] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 122.

[22] Там же. С. 122—123.

[23] Речь идет о технической комиссии по возникающим военным проблемам. Ее создание предусматривалось пунктом 6 первоначального проекта совместной декларации четырех держав. Впоследствии, принимая во внимание опасения СССР по поводу возможного ухудшения советско-японских отноше-

ний из-за присоединения Китая к этому документу, американская сторона предложила исключить из его текста вышеупомянутый пункт.

[24] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). С. 127.

[25] Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 375.

[26] *Дин Дж.* Странный союз / Пер. с англ. М., 2005. С. 29.

[27] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). С. 347.

[28] Там же. С. 202.

[29] Там же. С. 339.

[30] Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. С. 421.

[31] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 114—117.

[32] Там же. С. 117.

[33] Там же. С. 116.

[34] Там же. С. 116.

[35] Там же. С. 169.

[36] Там же. С. 175.

[37] Там же. С. 175.

[38] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 241.

[39] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 2.

[40] Там же. Д. 298. Л. 1.

[41] Прием этих государств в Лигу Наций не был обусловлен определенным сроком. Однако в статуте организации все же упоминалось о возможности установления для них некоторого испытательного периода.

[42] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298. Л. 6.

[43] Там же. Л. 2.

[44] Там же. Л. 9.

[45] Там же. Л. 10.

[46] Там же. Л. 10—11.

[47] Там же. Д. 299. Л. 13 об.

[48] Там же. Л. 23.

[49] Там же. Л. 23.

[50] В данной связи глава комиссии также отмечал, что Австралия, Новая Зеландия и другие острова, расположенные в бассейне Тихого и Индийского океанов, должны были стать членами азиатской секции при условии, что в последнюю не войдут страны, участвовавшие в работе американской, европейской и африканской секций (например, Канада и Южно-Африканский Союз).

[51] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23 об.

[52] По мнению М. М. Литвинова, такие решения должны были приниматься Советом единогласно, даже если какой-либо из его членов являлся бы одной из спорящих сторон.

[53] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23 об.

[54] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 40.

[55] Там же. С. 64.

[56] Там же. С. 66.

[57] Там же. С. 93.

[58] Свои меморандумы о международной организации безопасности правительства США и Великобритании вручили советскому руководству соответственно 18 и 22 июля 1944 г.

[59] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 96.

[60] Там же. С. 104.

[61] С 29 сентября по 7 октября 1944 г., согласно достигнутым ранее между союзниками договоренностям, в Думбартон-Оксе прошли аналогичные переговоры представителей США, Великобритании и Китая.

[62] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 111.

[63] Там же. С 214.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] Там же. С. 215.

[67] Там же. С. 127.

[68] Там же. С. 216.

[69] Там же. С. 191.

[70] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 6. Л. 62.

[71] В итоге, участники конференции в Думбартон-Оксе договорились вернуться к рассмотрению данного вопроса в ходе последующих переговоров о создании ООН. При этом они пришли к общему мнению, что статутом Международного суда «явится либо (а) статут Постоянной палаты международного правосудия, который будет оставаться в силе с такими изменениями, которые могут оказаться желательными, либо (в) новый статут, при подготовке которого в качестве основы должен быть использован статут Постоянной палаты международного правосудия».

[72] Исторический архив. 1995. № 4. С. 78–82.

[73] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1976. С. 167.

[74] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 136.

[75] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 166.

[76] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 194.

[77] Там же.

[78] Такая оговорка в отношении Франции объяснялась в первую очередь тем, что в момент проведения конференции в Думбартон-Оксе еще не существовало признанного всеми четырьмя ведущими державами антигитлеровской коалиции временного французского правительства.

[79] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 217.

[80] Там же. С. 221.

[81] Там же. С. 221.

[82] Там же. С. 167.

[83] Там же. С. 166.

[84] Директивы Политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г. // Исторический архив. 1995. № 4. С. 79.

[85] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 168–169.

[86] *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 237–238.

[87] Бывший госсекретарь США Э. Стеттиниус впоследствии отмечал в своих мемуарах, что в его стране в 1944 г. не только многие военные эксперты, но и большинство дипломатов уже «сходились на необходимости вето во всех вопросах, касающихся экономических и военных санкций» (*Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. L., 1950. P. 27).

[88] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 183.

[89] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 657–658.

[90] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 189.

[91] Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1971. С. 195.

[92] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-б. П. 61. Д. 20. Л. 3.

[93] Тегеран — Ялта — Потсдам. С. 157.

[94] Там же. С. 194.

[95] Там же. С. 159–160.

[96] Там же. С. 182.

[97] Там же.

[98] Там же. С. 196.

[99] В соответствии с решениями Крымской конференции представители держав большой тройки провели консультации с руководством Китая и Временным правительством Франции, которым было предложено принять участие в приглашении других государств на конференцию в Сан-Франциско. Китайская сторона поддержала эту инициативу. В то время как Временное правительство Франции согласилось присоединиться к направлению вышеназванных приглашений только при условии, что решения, принятые без участия французов в Думбартон-Оксе и Ялте, будут рассматриваться не в качестве основы для выработки устава будущей ООН, а исключительно как основа для предстоявших переговоров. И поскольку остальные великие державы сочли это условие неприемлемым, официальный Париж отказался участвовать в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско, хотя и подтвердил высказанное им ранее намерение направить своих представителей на этот форум.

[100] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 78.

[101] Там же. С. 87–88.

[102] Там же. С. 83.

[103] Там же. С. 69.

[104] Там же. С. 89.

[105] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 345.

[106] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 210.

[107] Там же. С. 210.

[108] Нарком иностранных дел СССР принимал участие в работе конференции в Сан-Франциско в период с 25 апреля по 8 мая 1945 г. После этого обязанности главы советской делегации на учредительном форуме ООН перешли к А. А. Громыко.

[109] Согласно достигнутому с американской стороной предварительному соглашению, перед открытием учредительной конференции ООН В. М. Молотову предстояло провести краткие переговоры с президентом Г. Трумэном в Вашингтоне.

[110] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 367.

[111] В ходе работы конференции в Сан-Франциско 46 ее первоначальных участников приняли решение пригласить также на этот форум представителей Украины, Белоруссии, Аргентины и Дании.

[112] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 143.

[113] Там же. С. 224.

[114] Согласившись пригласить на конференцию Объединенных Наций делегации Украины и Белоруссии, большинство ее участников под влиянием западных держав отказались все же поддержать предложение СССР о допуске на этот форум представителей действовавшего тогда в Варшаве польского временного правительства.

[115] Помимо встреч делегатов пяти великих держав время от времени на конференции в Сан-Франциско проходили и совещания в более узком формате: СССР, США и Великобритании, а иногда только СССР и США. При этом в ходе встреч советских и американских представителей были достигнуты наиболее существенные договоренности.

[116] *Громыко А. А.* Указ. соч. С. 242.

[117] Там же.

[118] Непосредственным автором текста данной преамбулы стал глава делегации ЮАС на конференции Объединенных Наций фельдмаршал Я. Смэтс.

[119] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 585.

[120] Там же. 586.

[121] Там же. С. 388.

[122] Там же. С. 196.

[123] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 305. Л. 48.

[124] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 231.

[125] *Федоров В. Н.* Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2007. С. 34.

[126] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 508–509.

[127] Там же. С. 238.

[128] Там же. С. 477–480.

[129] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 25–26.

[130] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). С. 306–309.

[131] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 418–420.

[132] Там же. С. 422.

[133] Там же. С. 511.

[134] Там же. С. 425.

[135] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 2.

[136] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 430.

[137] Там же. С. 612.

[138] Там же. С. 607.

[139] Там же. С. 608.

[140] *Громыко А. А.* Указ. соч. С. 278.

БЕРЛИНСКАЯ (ПОТСДАМСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ ИТОГИ

Подготовка конференции

В дипломатической истории Второй мировой войны Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 17 июля — 2 августа 1945 г., занимает особое место. Если предшествующие ей межсоюзнические встречи большой тройки в Тегеране и Ялте проходили в ходе войны и, естественно, много внимания уделяли военным вопросам и путям приближения победы над общим врагом, то конференция в Потсдаме (кодовое название «Терминал») была встречей победителей над фашистской Германией и ее союзниками. Лидеры антигитлеровской коалиции — И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль и сменивший британского премьер-министра в ходе конференции К. Эттли — собрались в столице поверженного Третьего рейха, чтобы заложить основы послевоенного мира.

Состоявшаяся на стыке эпох, на рубеже войны и мира встреча в Потсдаме за прошедшие годы и десятилетия обросла изрядным количеством мифов и легенд, несущих на себе отпечаток разочарований и несбывшихся надежд народов на мирное послевоенное будущее. Свою роль здесь сыграли эпоха холодной войны и биполярной конфронтации с их упрощенным, черно-белым видением прошлого и сменившая ее современная глава мировой истории, отмеченная пока еще неопределенностью и неустойчивостью складывающегося нового миропорядка.

Неослабевающий интерес к последней встрече союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны вполне понятен. В мировой истории крупные дипломатические события, связанные с подведением итогов больших войн и послевоенным урегулированием, будь то Венский конгресс или Версальская конференция, всегда пользовались повышенным вниманием среди исследователей. Тем более что речь шла об окончании самой кровопролитной войны в истории человечества, покончившей с фашизмом, перевернувшей мир и на своем заключительном этапе возвестившей о начале ядерного века.

Едва ли кто тогда, в летние дни 1945 г., в обстановке победной общественной эйфории и радужных надежд миллионов простых людей во всем мире на светлое будущее предвидел, что имевшиеся разногласия между союзниками, хотя и закономерно усилившиеся к концу войны, когда пришла пора делить плоды общей победы, перерастут в непримиримый раскол между ними и после товарищества по оружию в рядах великой коалиции разведут их по разные стороны баррикад. Спады и подъемы в межсоюзнических отношениях в ходе войны,

конечно, случались, взаимные обиды возникали, подозрения в отношении намерений друг друга тоже имелись в избытке, тем более что благодаря разведкам была известна не только парадная, но и неприглядная закулисная сторона событий, но все-таки считалось, что в той или иной дипломатической комбинации основным игрокам удастся поладить между собой и найти новую действенную формулу продолжения сотрудничества в послевоенное время.

В то время во многих странах, в том числе в США и Великобритании, доминировали следующие общественные настроения: «Война была закончена, Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистичным; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма. Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. захлестнула многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию»[1].

Когда же вопреки доминирующим общественным настроениям сотрудничество между вчерашними союзниками переросло в открытую вражду и на смену войне горячей, в которой они выступали единым фронтом против общего врага — фашизма, пришла война холодная уже между ними, это вызвало политическую потребность на Западе скорректировать взгляд на Потсдамскую конференцию, как, впрочем, и на историю антигитлеровской коалиции в целом. В этой связи союз СССР, США и Великобритании стал изображаться как «противоестественный», «аномальный» и «случайный», а сама Потсдамская конференция чуть ли не как форум, возвестивший начало холодной войны.

В свою очередь, в Советском Союзе происхождение холодной войны изображалось как стремление США и их новых союзников доминировать над миром за счет интересов СССР и «других свободолюбивых народов», чему с советской стороны и был дан отпор на Потсдамской конференции.

В действительности все было куда сложнее. Имело место столкновение двух крупнейших геополитических мегапроектов послевоенного переустройства мира и его социальной реорганизации между главными победителями во Второй мировой войне, окрашенных в идеологические тона, которым в Потсдаме в продолжение линии Ялты удалось найти приемлемый и, к сожалению, временный компромисс.

В вопросе определения места и времени проведения Потсдамской конференции споров между союзниками не было. Сама ситуация после окончания военных действий в Европе не предполагала различных толкований. Один из тостов, предложенных по окончании переговоров И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Крыму, прозвучал за следующую встречу союзников в Берлине. Трудно было что-либо противопоставить очевидной логике подвести черту войне в столице поверженного Третьего рейха, хотя в узком кругу Г. Трумэн рассуждал о том, что настал черед И. В. Сталина приехать в Соединенные Штаты. «Президент сказал, — говорилось в ходе одного из совещаний в Белом доме, — что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску»[2]. Во всяком случае, каких-либо практических последствий эти идеи не имели и не стали предметом серьезных обсуждений между союзниками.

Сама по себе организация встречи в освобожденном советскими войсками Берлине в советской зоне оккупации рассматривалась в Москве как признание заслуг и вклада Советского Союза и его армии в разгром фашизма и освобождение народов Европы от нацистской тирании. Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, выбор, скорее всего по техническим соображениям, пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам, где хорошо сохранился оставленный семьей наследного принца Вильгельма дворец Цецилиенхоф. Но выбор Потсдама имел и глубоко символическое значение. Война вернулась туда, откуда

она пришла. Именно в самом центре Потсдама, перед гарнизонной церковью — усыпальницей прусских королей Фридриха Вильгельма Первого и Фридриха Второго, 21 марта 1933 г. престарелый фельдмаршал и рейхспрезидент О. фон Гинденбург преодолел себя и скрепил рукопожатием назначение А. Гитлера канцлером Германии. С этого момента время для немцев неудержимо шло к национальной катастрофе. В Потсдаме трагический круг истории замкнулся.

Сложнее оказалось определиться со временем проведения конференции. Каждая сторона имела свои предпочтения, а порой, и скрытые мотивы. Меньше всего сроки проведения конференции волновали советскую сторону, которая стремилась к согласованному решению, устраивающему все союзные государства. Единственный мотив, который при этом приходилось учитывать, был Парад Победы, намеченный на 24 июня и определявший рабочий график советского лидера. С подготовкой конференции до этой даты стороны явно не укладывались, поэтому в остальном Москва отдала инициативу в этом вопросе Лондону и Вашингтону и терпеливо ждала предложений с их стороны.

А вот между западными союзниками возникли серьезные разногласия, которые отражали различные подходы Г. Трумэна и У. Черчилля к предстоящим ответственным переговорам с советской стороной и пониманию ими значения политики с позиции силы в дипломатии. Стоит ли говорить, что армии всегда незримо присутствовали за столом переговоров союзников в годы войны, военная составляющая являлась неотъемлемой частью дипломатических успехов или неудач в межсоюзнических отношениях. И военно-политическая ситуация с окончанием войны в Европе благоприятствовала Советскому Союзу — под ударами Красной армии пал Берлин.

Первым вопрос о скорейшем проведении трехсторонней встречи в верхах поставил 6 мая, еще до официальной капитуляции Германии, У. Черчилль в своей переписке с новым американским президентом. Он хотел склонить на свою сторону пока еще неопытного в вопросах большой политики президента США. У. Черчилль считал необходимым, как подчеркивалось в его послании Г. Трумэну, «как можно скорее провести встречу трех глав правительств»[3]. Его логика была цинична и проста. Конференцию следовало провести как можно быстрее, пока еще англо-американские войска занимали в Европе выигрышные позиции в нарушение соглашения об оккупационных зонах, а самое главное — пока американцы не начали вывод своих войск из Европы на Дальний Восток для войны с Японией. Заодно У. Черчилль ставил под сомнение и целесообразность проведения трехсторонней встречи в советской зоне оккупации под тем предлогом, что англо-американцы уже дважды ездили «на поклон» к И. В. Сталину.

Надо сказать, что с окончанием войны поведение У. Черчилля все больше отличало ощущение собственного бессилия в отношениях с главными союзниками — русскими и американцами, не говоря уже о его реальных возможностях определять ход событий. У. Черчилль любой ценой пытался перетянуть американцев на свою сторону и не допустить советско-американского сближения за счет британских имперских интересов. Пока был жив Ф. Рузвельт, надеявшийся осуществить новый передел мира прежде всего за счет проигравших войну держав оси, а также формальных американских союзников, ослабленных войной старых колониальных держав, У. Черчиллю это не удавалось. Он все больше оказывался на обочине мировой политики, где действовал безжалостный принцип соотношения военных и экономических потенциалов[4].

В вышедшей недавно в США работе о Бреттон-Вудской конференции, заложившей основы послевоенной международной экономической системы и закрепившей верховенство доллара, действующей с некоторыми модификации и по сей день, подробно повествуется о том, как Соединенные Штаты приступили к реализации планов своего послевоенного могущества в мире в ущерб Великобритании и ее системе имперских преференций. Конференция проходила с участием представителей 44 государств, но сценарий от начала до конца был написан под диктовку Соединенных Штатов, обладавших двумя третями мирового золотого запаса.

Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Дж. М. Кейнс, успешно отстаивавший интересы своей страны еще на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно настаивал не позволять американцам использовать войну «как возможность выколоть глаза Британской империи» и жаловался, что британский МИД был слишком расположен уступать американскому нажиму. «Если окажется, что умиротворять некого, то Форин-офис окажется безработным», — возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Н. Чемберлена. Но у Британии не было козырных карт, чтобы сыграть с американцами на равных[5].

И хотя в период между Бреттон-Вудсом и Потсдамом Ф. Рузвельта не стало, инерция его политики примирения с И. В. Сталиным в Европе и на Дальнем Востоке и учета интересов Советского Союза как часть его «великого замысла» глобального передела послевоенного мира в интересах США, к неудовольствию У. Черчилля, пока еще действовала. Более того, толкала его на поспешные и непродуманные поступки, которые оборачивались серьезными политическими просчетами. Это было характерной чертой политики У. Черчилля в период между капитуляцией Германии и Потсдамской конференцией, которая стоила ему, «герою войны» и кумиру консерваторов, поста премьер-министра на парламентских выборах в июле 1945 г. В телеграмме из Лондона в НКИД от 27 июля 1945 г. советское посольство сообщало: «Результаты выборов свидетельствуют о том, что большинство английских избирателей отчетливо поняло, что победа консерваторов могла бы привести к войне с СССР... Консерваторы не учли, что народ устал от шестилетней войны и не желает быть вовлеченным в новую, тем более с Советским Союзом»[6].

В это же время американцы продолжали играть «собственную игру» и относились к англичанам как к младшим партнерам, которых по-прежнему можно было использовать в качестве тарана в отношениях с русскими в деликатных вопросах. Однако это не мешало англичанам и американцам и при новом президенте США быть, что называется, на одной волне. Именно это имел в виду И. В. Сталин, когда говорил маршалу Г. К. Жукову, что после смерти Ф. Рузвельта У. Черчилль быстро столкуется с Г. Трумэном. Но раньше времени американцы предпочитали все карты англичанам не раскрывать, что в первую очередь касалось их далеко идущих планов в отношении предстоящей мирной конференции и особенно атомной бомбы, информацию о которой они собирались выложить на стол переговоров в решающий момент.

Поэтому Г. Трумэн в ответ на настойчивые призывы У. Черчилля как можно раньше (чуть ли не в начале июня!) провести встречу в верхах повел себя весьма уклончиво, что вызывало большое раздражение премьер-министра, поскольку не укладывалось в его стратегический замысел. Раздражение еще больше усилилось, когда англичанам стало известно, что в окружении Г. Трумэна обсуждался вопрос о желательности его двусторонней встречи с И. В. Сталиным за день-два до начала трехсторонней встречи, что напоминало о традициях рузвельтовской дипломатии.

У. Черчилль категорически отказался участвовать во встрече, которая выглядела бы как продолжение сепаратной советско-американской встречи «за его спиной». Поведение У. Черчилля было несколько странным на фоне регулярных англо-американских встреч в годы войны и имевших место нескольких двусторонних советско-английских, среди которых выделялась состоявшаяся в октябре 1944 г. по инициативе англичан известная встреча в Москве по вопросу о разделе послевоенной Европы на сферы влияния.

Американцы в вопросе созыва конференции на тот момент избрали наилучшей тактикой «поспешать медленно». «Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба»[7], — признавала позднее дочь американского президента. При этом в Белом доме предпочитали переложить на англичан всю тяжесть переговоров с Москвой. В этой обстановке в большую политическую игру включились те, кто был искренне обеспокоен ухудшением отношений между союзниками после смерти Ф. Рузвельта и стремился остановить опасное сползание к конфронтации между ними.

Служащие и паровоз 7-й колонны НКПС, доставившей советскую делегацию на Потсдамскую конференцию

Главный вход дворца германского кронцпринца. г. Потсдам, 1945 г.

Среди них выделялся бывший посол США в Советском Союзе в довоенные годы Д. Дэвис, о котором И. В. Сталин говорил, что «с ним можно иметь дело», а также Г. Гопкинс и один из немногих чиновников в Госдепартаменте, который был близок к Ф. Рузвельту, — Ч. Болен. При всей своей обеспокоенности состоянием дел они не считали, что ситуация безнадежна. По их мнению, надо было лишь приложить дополнительные усилия и проявлять понимание советских интересов, гибкость и готовность идти на компромиссы. Есть основания считать, что к этой группе советников, в отличие от «линии Гарримана» и стоявших за его спиной недоброжелателей Москвы, начал больше прислушиваться после череды первых дипломатических неудач и новый президент США.

К тому же это был тот исторический период, когда наступала новая эпоха, мир стоял перед судьбоносным выбором и все еще были возможны альтернативные варианты развития отношений между победителями в ближайшем будущем. Первая попытка заявить американское лидерство и ревизовать наследие Ф. Рузвельта с приходом в Белый дом нового человека явно не удалась и лишь обозначила паузу в отношениях с важным союзником, каким действительно в то время являлся Советский Союз, в самый неподходящий момент.

Речь идет и о жесткой по форме беседе нового президента в Вашингтоне с главой НКИД В. М. Молотовым в конце апреля 1945 г., ставший реакцией многозначительное согласие советского правительства направить его на конференцию в Сан-Франциско во изменение своего решения. Первоначальный отказ был связан с явно вызывающим по форме и недружественным по содержанию прекращением поставок в СССР по ленд-лизу и попытками превратить в предмет торга вопрос о выводе англо-американских войск из советской зоны оккупации, не говоря уже о ставшем известным в Москве планировании военных действий против советского союзника с привлечением разбитых частей вермахта (операция «Немыслимое»), вдохновителем которой выступал У. Черчилль.

Следует отметить, что советское руководство в это время проводило крайне осторожный и сдержанный курс и избегало отвечать ударом на удар, хотя у многих в Москве, особенно из числа военных, и возникало желание поставить партнеров на место. В западных столицах приходилось учитывать и состояние общественного мнения на гребне победы над фашизмом, не готового к резкой смене курса в отношении союзника за столь короткий отрезок времени. «Для западных правительств было непросто переключиться с изображения Советского Союза в качестве славного военного союзника на изображение его в роли нового и опасного врага»[8].

Своеобразие военно-политической ситуации летом 1945 г. заключалось в том, что для Советского Союза война закончилась в Берлине и это повышало уровень его дипломатической маневренности, в то время как для Соединенных Штатов и Великобритании война еще продолжалась на Тихом океане, более того — вступала в решающую фазу, что, естественно, связывало им руки. Предстояла высадка на Японских островах, и число возможных жертв с американской стороны, судя по сражению за Иводзиму, согласно выкладкам военных, могло измеряться сотнями тысяч солдатских жизней, не говоря уже о продолжительности боев (согласно тем же прогнозам, вплоть до весны 1946 г.).

Военные соображения оставались мощным сдерживающим фактором в политическом планировании США в период подготовки мирной конференции. Всю войну Вашингтон настойчиво добивался вступления СССР в войну против Японии. И столь же последовательно в Москве делали все возможное, чтобы избежать войны на два фронта, нейтрализуя нередко провокационные действия со стороны США. В то же время И. В. Сталин взял на себя четкие обязательства в Ялте вступить в войну на Дальнем Востоке после разгрома фашистской Германии и собирался этим обязательствам неукоснительно следовать.

Военная необходимость связывала руки Вашингтону в преддверии Потсдамской конференции и настраивала президента Г. Трумэна на примирительный лад. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — признавал Г. Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители»[9].

Особняк, в котором размещался руководитель советской делегации И. В. Сталин

16 мая Г. Трумэн на пресс-конференции в осторожной форме заявил о возможности новой встречи большой тройки. Параллельно с двух сторон при полном неведении англичан и в обход Госдепартамента между Кремлем и Белым домом напрямую шел активный дипломатический зондаж с уточнением практических деталей при посредничестве посольства СССР в Вашингтоне, в котором активную роль сыграл Д. Дэвис. Именно по этому каналу американцам сообщили из Москвы 20 мая о согласии И. В. Сталина с идеей конференции и местом ее проведения в районе Берлина.

Однако все-таки главную роль в согласовании будущей конференции и определении узловых вопросов ее повестки дня имел визит в Москву в конце мая 1945 г. Г. Гопкинса. Его статус в отношениях с советскими руководителями был совершенно особым и опирался на взаимное доверие и прошлый опыт. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Г. Гопкинс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом»[10].

В послании И. В. Сталину от 20 мая 1945 г. Г. Трумэн, ссылаясь на возникающие трудности при обсуждении сложных и важных вопросов на расстоянии, сообщал о своем желании, «пока не представится возможность для нашей встречи», направить в Москву «г-на Гарри Гопкинса с послом Гарриманом с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами». В тот же день И. В. Сталин дал ответ, в котором говорилось: «Принимаю с готовностью Ваше предложение о встрече с г-ном Гопкинсом и послом Гарриманом. Дата 26 мая меня вполне устраивает»[11]. По тону ответного послания было легко понять, что советская сторона оценила предложенный шаг.

Как ближайший соратник Ф. Рузвельта Г. Гопкинс оставался верен наследию покойного президента. Встретившись перед отъездом с А. Гарриманом, Ч. Боленом и одним из «ястребов» в окружении Г. Трумэна военно-морским министром Дж. Форрестолом, он подверг критике политику У. Черчилля в отношении СССР и явно усматривал в ней корень зла в отношениях с русскими, поэтому предлагал дистанцироваться от нее.

Дворец Цецилиенхоф

Интерьеры дворца

Судя по инструкциям Г. Гопкинсу, Г. Трумэна волновало прежде всего то, чтобы его требования на переговорах в Москве не выглядели чрезмерными, и важнее всего был успех, а не максимально поднятая планка. Он явно стремился избежать, например, превращения вопроса о ситуации в освобожденных странах Восточной Европы в камень преткновения между Москвой и Вашингтоном и откровенно разъяснял своему эмиссару, что был бы готов довольствоваться проведением там формальных выборов. Явно в примирительном тоне он считал нужным говорить в Москве и в отношении разгоравшегося тогда по инициативе У. Черчилля конфликта вокруг Триеста, в который, поддерживая своего нового союзника И. Б. Тито, вынужден был втянуться И. В. Сталин. По мнению президента США, если бы в Кремле сделали какой-нибудь примирительный жест перед американской общественностью, этого могло оказаться достаточно. Таким образом, президент настраивал своего посланца на примирительный лад, хотя, хорошо зная его, мог смело этого и не делать[12].

В Москве Г. Гопкинса ждали радушный прием и нелицеприятная сталинская критика политики нового американского руководства. Называя вещи своими именами, И. В. Сталин прямо сказал, что в отношениях США с Советским Союзом наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. В качестве примера он привлек внимание собеседника к прекращению поставок по ленд-лизу, при этом добавив, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату. Посланец Белого дома, как мог, старался сгладить впечатление, произведенное действиями новых американских руководителей, и взывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом.

В ходе переговоров, вместивших шесть встреч с главой советского правительства и отмеченных, по словам присутствовавшего на переговорах А. Гарримана, «исключительным доверием и редкой доброжелательностью», удалось снять некоторые проблемы, омрачавшие подготовку конференции. Был, наконец, согласован вопрос о реорганизации польского правительства на основе «ялтинской формулы», то есть приглашения в него прозападных деятелей. В Вашингтоне и Лондоне сочли, что Г. Гопкинс добился «оптимального решения» в сложившихся условиях. Основным итогом переговоров Г. Гопкинса в Москве явилось окончательное решение созвать новую встречу руководителей СССР, США и Великобритании в середине июля. Советская сторона назначила своего представителя в Контрольный совет по Германии и уточнила сроки вступления СССР в войну против Японии во исполнение ялтинских обязательств.

На обратном пути из Москвы Г. Гопкинс намеренно сделал остановку в Берлине, чтобы своими глазами увидеть место проведения конференции. Он не скрывал своего удовлетворения тем, что Москва согласилась с американским предложением о сроках ее проведения. Не посвященный в тайные замыслы нового президента, он всего лишь добросовестно выполнил возложенное на него поручение.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков писал, что при их встрече Г. Гопкинс сказал: «Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные переговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много «горючего материала»[13].

При встречах с американскими представителями в Европе Г. Гопкинс убеждал их в серьезности советских намерений идти по пути сотрудничества с США и считал, что главной опасностью является возможность возрождения германского милитаризма. По новым меркам Вашингтона, эти мысли едва ли можно было назвать своевременными. 8 июня, когда Г. Гопкинс отбыл из Москвы, А. Гарриман направил Г. Трумэну отчет об итогах его встреч в Кремле, в котором отмечал, что «Гарри выполнил первоклассную работу». В отчете, в частности, говорилось: «Я думаю, что визит Гопкинса оказался куда более успешным, чем можно было предположить. Хотя еще остаются и будут оставаться и впредь нерешенные с советским прави-

тельством проблемы, я уверен, что его визит создал намного более благоприятную атмосферу для Вашей встречи со Сталиным»[14]. А. Гарриман понимал, что президенту на тот момент нужен был успех в отношениях с Москвой, а не конфронтация. Остальное, как считали в ближнем окружении президента Г. Трумэна, должен был решить главный козырь — атомная бомба.

С началом Второй мировой войны дорогу ядерным исследованиям в США и практическому созданию атомного сверхоружия открыл именно президент Ф. Рузвельт. Ядерная программа США, получившая кодовое название «Манхэттенский проект», поначалу не имела никакого отношения к СССР и не была инициативным выбором администрации президента США, а началась под сильнейшим давлением со стороны мировой научной элиты, среди которой видную роль сыграли А. Эйнштейн и Н. Бор, в ответ на имеющиеся сведения о начале работ по созданию ядерного оружия в нацистской Германии («Проект U»).

Возможность реализации германского уранового проекта и создания атомной бомбы — фантастического по разрушительной силе оружия вызывала серьезную обеспокоенность в среде ученых-ядерщиков, особенно тех из них, кто на собственном опыте жизни в Германии был знаком с человеконенавистнической идеологией нацистов и их расовыми теориями. «Я уверен, что Гитлер не стал бы колебаться и мгновение перед тем, как применить атомные бомбы против Англии»[15], — признавал министр вооружений и военного производства Третьего рейха А. Шпеер. Успей немцы создать ядерную боеголовку, и ракеты «Фау-2» обрушили бы на Лондон совсем другой груз. Оценивая сведения, полученные по каналам советской разведки о немецком «Проекте U», И. В. Курчатов писал: «Материал исключительно интересен. Он содержит описание конструкции немецкой атомной бомбы, предназначенной к транспортировке на ракетном двигателе «Фау»[16].

Англо-американская кооперация в атомных исследованиях и совместная работа в годы войны, тайно закрепленная соглашением на Квебекской конференции в августе 1943 г., были для англичан мерой скорее вынужденной, нежели выполнением союзнического долга. Англичане опережали американцев и имели к тому времени уже большой научный и практический задел, что вызывало в Вашингтоне большую ревность. Поэтому именно американцы в 1941 г., пользуясь возможной угрозой германского вторжения на Британские острова, предложили англичанам объединить усилия в создании атомной бомбы. Летом 1942 г. между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем была достигнута договоренность о сосредоточении всех работ в США, и британский проект «Тьюб Эллойз» объединился с «Манхэттенским проектом». К этому времени исследования подошли к стадии промышленного производства, на которое у Лондона не было средств. Американцы, убедив англичан объединить усилия на своей территории и осуществлять совместный проект, в дальнейшем лишили их доступа к атомным секретам. В итоге англичане, будучи первопроходцами в этой области, создали атомное оружие на три года позже СССР.

Первоначально применение ядерного оружия планировалось американцами против Германии, а не только Японии, хотя эти факты на Западе старательно замалчиваются. Сегодня это кажется невозможной ситуацией, но тогда считалось, что война все спишет. Весь вопрос заключался во времени. В военных кругах США супербомба долгое время не рассматривалась как нечто принципиально новое. По мнению адмирала У. Леги, начальника штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами США и одновременно председателя Комитета начальников штабов и военного советника президента Ф. Рузвельта, это была всего лишь «более мощная взрывчатка». Англо-американские ковровые бомбардировки Дрездена в феврале 1945 г. с применением обычных фугасов мало чем отличались по числу жертв от последствий первой ядерной бомбардировки Хиросимы[17].

Выбор целей в рамках «Манхэттенского проекта» был осуществлен в 1944 г., когда война против нацистской Германии все еще продолжалась. Поэтому предполагалось применение атомного оружия против Германии и Японии, что предусматривало различную тактику. Специально прикомандированный к «Манхэттенскому проекту» английский ученый, специалист по взрывотехнике У. Пенни занимался отработкой этой тактики применительно к архитектурным и конструкционным особенностям немецких и японских городов.

Как вспоминал после войны П. Тиббетс, пилот бомбардировщика Б-29, сбросившего первую атомную бомбу на Хиросиму, в Адриатическом море уже был найден остров в качестве базы дислоцирования американских бомбардировщиков на Европейском театре военных действий. П. Тиббетсу было приказано подготовиться «для нанесения бомбовых ударов одновременно в Европе и по Японии». Однако к весне 1945 г., еще до того как первая атомная бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом, «поэтому планы были ограничены Японией». Таким образом, Германия стояла на волосок от ядерных бомбардировок, и ее судьбу решило стремительное наступление Красной армии, хотя сегодня это и может показаться невероятным сценарием[18].

Генерал НКВД П. Судоплатов вспоминал, как в октябре 1942 г., вскоре после первого доклада Л. П. Берии о начале ядерных работ в США, И. В. Сталин принял на своей даче в Кунцево академиков В. И. Вернадского и А. Ф. Иоффе. В. И. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил обратиться к Н. Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться информацией и вместе проводить работы по атомной энергии. На это И. В. Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако он согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным[19].

Между тем советские ученые, предлагая прямой разговор с главным союзником по ядерной тематике, имели в виду, что в американском истэблишменте, допускавшем известную свободу мнений, до поры до времени уживались разные точки зрения, были и те, кто считал необходимым поделиться с Москвой ядерными секретами еще до того, как бомба станет реальностью. И это были не только ученые с мировым именем, встревоженные перспективой атомной монополии США, такие как Э. Ферми, Л. Сциллард, Р. Оппенгеймер или В. Буш из лаборатории в Лос-Аламосе, где готовилось к испытанию первое ядерное устройство.

Для решения некоторых послевоенных проблем, касающихся применения ядерного оружия, военный министр США Г. Стимсон с одобрения Г. Трумэна учредил под своим председательством так называемый Временный комитет. В него вошли имеющие отношение к «Манхэттенскому проекту» видные ученые, военные и политические деятели. Впервые этот комитет собрался на заседание в полном составе 31 мая 1945 г., то есть когда уже полным ходом шла подготовка к Потсдамской конференции. Обсуждался вопрос об атомной политике, включая степень допустимости международного обмена информацией по этой проблеме.

Научный руководитель «Манхэттенского проекта» Р. Оппенгеймер предложил сделать шаги навстречу концепции «открытого мира», предложенной Н. Бором, что подразумевало свободный обмен информацией по ядерной проблематике с СССР. В ответ на это Г. Стимсон выразил сомнение в возможности такого сотрудничества, однако Р. Оппенгеймера неожиданно поддержал главный американский военный стратег генерал Дж. Маршалл, начальник штаба сухопутных войск США. Он заметил, что неуступчивость СССР скорее надуманна, нежели реальна и проистекала из вполне обоснованного беспокойства русских за безопасность своего государства. Генерал Дж. Маршалл «был уверен: нам не следует бояться того, что русские, узнав о нашем секрете, раскроют его японцам. Он поднял вопрос, насколько желательно пригласить двоих передовых советских ученых, чтобы они были свидетелями испытания Trinity («Троицы»)»[20].

Дж. Маршаллу возразил назначенный Г. Трумэном новым госсекретарем Дж. Бирнс, бывший сенатор из американской провинции, которого Ф. Рузвельт обещал сделать своим вице-президентом на выборах 1944 г., но в последний момент передумал. Дж. Бирнс «высказал опасение: если мы поделимся информацией с русскими, даже в общих чертах, Сталин захочет стать нашим партнером... Бирнс высказался о том, что наиболее желательно было бы форсировать исследования и производство, связанные с ядерной программой, чтобы быть уверенными: мы опережаем русских — и в то же время прилагать все усилия для улучшения

наших политических связей с СССР. С этим предложением согласились все присутствующие». Дж. Бирнс был в числе тех американских политиков, кто расчетливо предвидел, «насколько ценным козырем может быть ядерное лидерство США в послевоенных советско-американских отношениях»[21].

И все-таки преувеличивать значение ядерной бомбы в качестве дипломатического оружия в ходе переговоров в Потсдаме не следует. Американцы еще не «вжились в образ» монопольных обладателей сверхоружия и в основном учитывали как сложившееся в Европе реальное соотношение сил, мощь СССР и искусство советской дипломатии, так и ближайшие задачи своей политики на Дальнем Востоке. Именно поэтому Потсдамская конференция пошла по оптимальному сценарию для всех ее участников и привела к весомым результатам.

Задачи и сверхзадачи в Потсдаме

Главный вопрос Потсдамской конференции — это ясное представление о позициях ее участников, их целях и задачах, которые в ходе напряженных переговоров становились совместными решениями. Тщательное изучение протоколов конференции и подготовительных материалов к ней, сопоставление свидетельств участников и очевидцев тех событий дают представление о подходе советской стороны к переговорам во дворце Цецилиенхоф.

Советской делегации предстояло решить поистине сверхзадачу: закрепить итоги войны, сохранить плоды победы и при этом не допустить раскола между союзниками, чтобы продолжить сотрудничество с ними в послевоенное время в интересах безопасности Советского Союза, восстановления его экономики и международной стабильности. Проще говоря, обессиленному войной Советском государству была нужна длительная передышка, а еще лучше — перспектива прочного мира на обозримое будущее, чтобы сосредоточиться на решении внутренних задач.

Советские цели на переговорах органично вытекали из всего предшествующего опыта СССР и дореволюционной России и носили скорее геополитический, прагматический, нежели идеологический характер. Существовал своего рода национальный консенсус на всех уровнях социальной лестницы, что колоссальные жертвы советского народа, принесенные в ходе войны на алтарь победы, не должны быть напрасны. Это рассматривалось советским руководством как своеобразный наказ народа своим руководителям. В. М. Молотов вспоминал: «Нам надо было закрепить то, что завоевано». И. В. Сталин, по его словам, был полон решимости не упустить исторический шанс и не «дать себя надуть», как это часто проделывал Запад с Россией в предыдущих войнах[22].

На практике это означало укрепление территориальной безопасности Советского государства, закрепление в пользу СССР новых границ в Европе и на Дальнем Востоке, а самое главное — ликвидацию санитарного кордона и превращение сопредельных государств в надежных соседей и союзников Советского Союза.

Среди российских историков в основном сложился консенсус в отношении того, что на этапе освобождения Восточной Европы и первых послевоенных месяцев с советской стороны речь велась не о «советизации» или «социализации» освобожденных государств, а ставилась расплывчатая задача поддержки в этих странах дружественных режимов левого и антифашистского толка.

На уровне межведомственных согласований перед Потсдамской конференцией вопросы политического характера власти освобожденных государств затрагивались в самых общих чертах, а упор делался на их внешнеполитической ориентации и отношениях с Советским Союзом. В то время в Москве, видимо, стремились уходить от острых вопросов о социальной природе этих государств и их будущем политическом устройстве, чтобы не воскрешать довоенные страхи на Западе, вызванные «мировой коммунистической революцией». Тон

советского руководства и его риторика были скорее общедемократическими, пацифистскими и антифашистскими, нежели классово-непримиримыми и воинственно-идеологическими.

Генерал П. А. Судоплатов вспоминал: «Накануне Потсдамской конференции наши оценки были еще более оптимистичны. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на прочный союз и сотрудничество с нами. Наши военно-политические рекомендации по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной нами зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию прогрессивную группу в немецком руководстве»[23].

Вопрос заключался в том, как убедить Запад согласиться с таким коренным поворотом в жизни народов Европы, означавшим, по сути, вхождение их в орбиту влияния Москвы. И здесь руководство СССР решило реализовать далеко не оригинальную, но проверенную международной практикой идею сфер влияния. По возможности советская сторона не вмешивалась в революционные события в Италии, Греции и других странах Западной Европы, где оккупационные англо-американские войска и местная администрация под флагом демократии действовали жестко, восстанавливали довоенные социальные порядки и изолировали левые силы.

Впрочем, сводить все к присутствию иностранных войск в освобожденных государствах, как это делают некоторые современные авторы, не следует[24]. Конечно, присутствие иностранных войск всегда было важным ресурсом для родственных по природе и близких по духу внутренних сил.

Не стала исключением и Восточная Европа на заключительном этапе Второй мировой войны. Присутствие Красной армии, бесспорно, сказалось на внутреннем раскладе сил. Но главное заключалось в том, что в Европе еще в довоенный период произошел глубокий раскол элит и возник непримиримый конфликт между властью и народом. Вся Европа, и прежде всего Восточная, более склонная к соглашательству с сильным в конкретный исторический момент, была поражена страшной довоенной болезнью — коллаборационизмом, тягой правящих кругов к установлению фашистских и профашистских порядков.

Ответственность местных элит перед народом за роковой выбор, обернувшийся национальной катастрофой, была велика. Не важно, уступили они нацистам без борьбы (как в Чехословакии) или по своей воле и в своих интересах (как в Венгрии и Румынии) пошли на сговор с ними и приняли на их стороне участие в агрессивной и проигрышной войне. Повсеместный рост левых сил был закономерной реакцией на глубокий нравственный и общественно-политический кризис в Европе. Никто не может сказать, как выглядела бы ситуация без влияния внешних факторов с той и другой стороны. Советскому Союзу важно было в сложившихся после окончания войны в Европе условиях отстоять свои интересы и сохранить сотрудничество с Западом. Потенциально это была зона повышенной политической турбулентности.

Хорошо известно, ценой каких лишений и жертв Советский Союз завоевал победу. Страна лежала в руинах, и советское правительство не без оснований рассчитывало, что США (о надорвавшей в войне свои силы Англии говорить не приходилось) примут участие в ее восстановлении. Посылы на этот счет с американской стороны во время войны делались неоднократно, начиная с Московской конференции 1943 г. Оставалось, правда, неясно, какую цену американцы потребуют за свою помощь. Надеждами на послевоенное сотрудничество и желанием сократить военные расходы объяснялось и стремление советского руководства не обострять отношения с США и уступать им, если это не затрагивало коренные государственные интересы СССР.

Американские транспортные самолеты на берлинском аэродроме Гатов во время Потсдамской конференции

Британский премьер-министр У. Черчилль обходит строй почетного караула союзных войск на берлинском аэродроме Гатов

Однако как будет выглядеть мир после окончания мировой войны, политики затруднялись ответить. Они, можно сказать, на ощупь следовали по незнакомому маршруту, поэтому многое зависело в то переходное время от государственных деятелей. Что касается подхода США к предстоящей конференции, то он был изложен в подготовленных для президента в стенах Госдепартамента и военного ведомства документах, отличавшихся по большей части желанием не уступать Советскому Союзу и добиваться выгодных для Вашингтона решений.

Особенно негативную роль в предстоящих переговорах играли американские представители в восточноевропейских странах — Барнс, Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и другие, которые разжигали страсти и в утрированном свете представляли события на местах, пытались продвинуть к власти лояльных США политических деятелей из числа довоенной элиты, включая откровенных коллаборационистов, и настойчиво искали пути для реставрации довоенных порядков. В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы порвал с ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий. Американский представитель в Болгарии М. Барнс сообщал 9 июля 1945 г., что, по его мнению, «война в Европе не кончилась, а вступила в новую фазу», в ходе которой «старое противостояние Англии, Соединенных Штатов и России против Германии превратилось в противостояние России против Англии и Соединенных Штатов»[25]. Как считали американцы, им удалось нащупать болевые точки СССР, поэтому особенно большое значение они придавали вопросу о германских репарациях и послевоенной помощи в восстановлении советского хозяйства.

После более чем пятимесячного многозначительного выжидания, последовавшего за советскими предложениями от 3 января 1945 г. о предоставлении СССР кредита в 6 млрд долларов, посол А. Гарриман реанимировал этот вопрос и 9 июня в беседе в Народном комиссариате иностранных дел СССР заявил, что, по мнению его правительства, «долгосрочные кредиты являлись важным элементом в послевоенных отношениях между нашими двумя странами». Правда, не без скрытого смысла он многозначительно добавил, что для заключения такого соглашения потребуется получить санкцию конгресса.

Между собой деятели администрации Г. Трумэна называли вещи своими именами. Новый министр финансов Ф. Винсон, сменивший Г. Моргентау, в специальном меморандуме для президента отмечал: «Наличие таких кредитов укрепит вашу позицию на предстоящей встрече большой тройки. Советский Союз отчаянно нуждается во внешней помощи для своего восстановления». В первые дни работы Потсдамской конференции сенат одобрил бюджет Экспортно-импортного банка, часть которого предназначалась для кредитования торговли с Советским Союзом. При обсуждении сенатор Р. Тафт цинично заявил, что президент «должен предложить Сталину 1 млрд долл. в качестве откупного при решении других вопросов»[26].

Военный министр Г. Стимсон, который как распорядитель колоссальных бюджетных средств считал себя «духовным отцом» нового оружия и лучше других был осведомлен о закулисной стороне дела, попытался концептуально обосновать новый курс в отношении СССР. В подготовленном им для президента Г. Трумэна меморандуме «Размышления об основных проблемах, которые стоят перед нами» от 19 июля 1945 г. отвергалась возможность сотрудничества США с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» в общественных системах двух государств и высказывалась мысль о необходимости коренных перемен в советском строе в качестве непременного условия осуществления такого сотрудничества[27]. В дальнейшем подобные взгляды легли в основу философии холодной войны. Но тогда такой настрой едва ли помог бы президенту США вернуться домой триумфатором в глазах общественного мнения.

Позиция У. Черчилля перед конференцией была смесью раздражения и воинственности, а нередко и откровенного обструкционизма по основным вопросам, что грозило конференции неизбежным провалом и поэтому не всегда получало поддержку со стороны американской делегации. В информации советского посла в Лондоне Ф. Т. Гусева накануне конференции указывалось, что в ходе состоявшейся беседы премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — категорично заявил У. Черчилль, — или мы

сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»[28]. По сути, это был уже готовый сценарий холодной войны.

Для американцев по многим причинам столь жесткий сценарий был неприемлем на тот момент. Скорее всего, именно с целью не давать повода для критики с советской стороны и не выделять роль У. Черчилля в англо-американских отношениях Г. Трумэн отказался, как это делал в свое время и Ф. Рузвельт, от встречи с премьер-министром в Лондоне перед конференцией. И оказался прав. Первое, что спросил И. В. Сталин у Г. Трумэна при встрече в Потсдаме: не встречался ли тот уже с У. Черчиллем?

Прибыв в Берлин на день раньше И. В. Сталина, два западных деятеля воспользовались советским гостеприимством и отправились осмотреть столицу поверженного Третьего рейха. Зрелище было ужасным и не оставило их равнодушными. Посетив разгромленную при штурме рейхсканцелярию, премьер-министр поучительно произнес: «Отсюда Гитлер собирался править миром. Сколько их было таких, и все оскандалились». Захваченный советскими солдатами гитлеровский бункер произвел сильное впечатление и на президента США. «Вот что бывает, когда переоценивают свои возможности», — вырвалось у него[29]. В свою очередь, реакция И. В. Сталина на увиденное в поверженной столице Третьего рейха была жесткой и лишенной сантиментов: «Так будет и впредь со всеми любителями военных авантюр»[30].

Впечатления участников перед началом переговоров были многообещающими, однако извлекать уроки даже из новейшей истории способны далеко не все. Потсдамскую встречу следовало бы назвать конференцией «с двойным дном». За день до ее официального открытия, 16 июля, на базе американских ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико произошло первое успешное испытание ядерного устройства, специально приуроченное к открытию конференции. Куратор проекта со стороны спецслужб генерал Л. Гровс был готов пренебречь крайне неблагоприятными погодными условиями, только чтобы поспеть к сроку. Поздно вечером в тот же день по каналам военного ведомства в Потсдам пришла на имя Г. Стимсона краткая шифровка: «Состоялось сегодня утром. Диагноз пока не полный, но результаты удовлетворительные и уже выше ожиданий». Мощность ядерного взрыва составила почти 19 киллотонн в тротиловом эквиваленте, что в четыре раза превышало прогноз. Найденные на расстоянии 800 ярдов[31] от эпицентра взрыва тела диких кроликов полуиспарились[32].

Дискуссии и решения

Президент США наверняка уже владел полученной информацией, когда на следующий день отправился на свою первую встречу с И. В. Сталиным за пять часов до официального открытия конференции. В ходе состоявшейся беседы он подчеркнул, что «очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». В ответ И. В. Сталин заверил: «Со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США», при этом заметив, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык»[33]. На первом пленарном заседании он предложил Г. Трумэну исполнять председательские обязанности, видимо, желая этим подчеркнуть особое отношение к Соединенным Штатам.

Даже сухие отредактированные протокольные записи заседаний конференции передают большое напряжение и эмоциональный накал за столом переговоров во дворце Цецилиенхоф. Главные участники, вероятно, чувствовали, что они вершат судьбы мира. Центральное место занимали проблемы европейского урегулирования, прежде всего германский вопрос. К тому времени проблема расчленения Германии, которую, согласно американскому «плану

Моргентау» предполагалось превратить в деиндустриальное пасторальное государство, стала уже неактуальной. Директива американского Объединенного комитета начальников штабов, за которой скрывался пресловутый план, была отменена другой, официально закреплявшей новые цели: объединение западной зоны Германии и поощрение германского самоуправления. «Для американцев в первую очередь Германия быстро переставала быть врагом»[34].

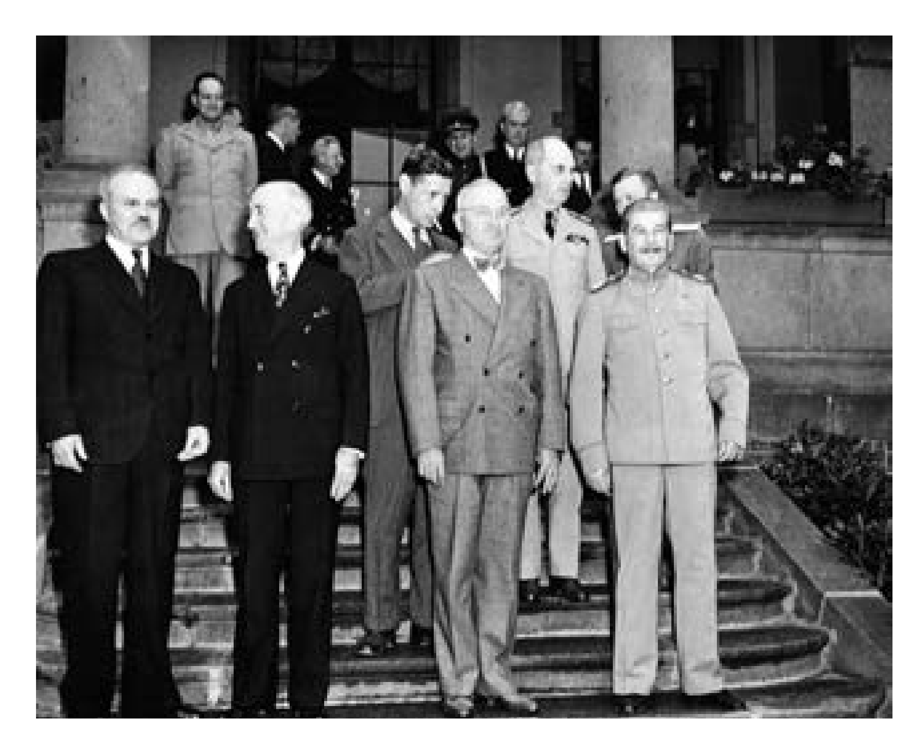
В Москве к концу войны не верили в осуществимость расчленения Германии и участвовали в обсуждении постольку, поскольку не хотели вносить разлад в отношения с западными союзниками. В то же время все сходились на том, что важно было никогда не допустить повторения новой агрессии с немецкой земли и создать в Европе прочные гарантии сохранения длительного послевоенного мира. Поэтому политические условия обращения с Германией на послевоенный период, знаменитые четыре «Д» — демократизация, демилитаризация, денацификация и декартелизация, были легко согласованы между участниками конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что германский милитаризм и нацизм будут искоренены и в будущем приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе». Как будет выглядеть послевоенная Германия с точки зрения своей политической системы, структуры власти и государственного устройства, тогда еще точно никто не знал, хотя стороны и имели свои скрытые предпочтения, но на тот момент все участники исходили из того, что она сохранится как единое целое и избежит раскола. Однако некоторые нюансы в дискуссии настораживали уже тогда.

У. Черчилль, который в традициях английской политики хотел восстановить место Германии в нарушенном войной европейском балансе сил, заявил в ходе второго заседания конференции: «Главный принцип, который мы должны рассмотреть, заключается в том, должны ли мы применять однородную систему контроля во всех четырех зонах оккупации Германии или будут применены различные принципы к различным зонам оккупации». В ответ последовало замечание И. В. Сталина: «Этот вопрос как раз предусмотрен в политической части проекта. Я так понял, что мы стоим за единую политику». Г. Трумэн его поддержал, и У. Черчилль ретировался, увидев совместный фронт своих партнеров[35].

Серьезные разногласия обнаружились, когда перешли к обсуждению положения в освобожденных государствах. Тон задал президент Г. Трумэн. Настроенный Госдепартаментом США на жесткое противостояние, он потребовал «немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии» в качестве условия установления с ними дипломатических отношений и последующего заключения мирных договоров. При этом Г. Трумэн считал возможным, руководствуясь чисто американской логикой, которая со временем получила ярлык «двух стандартов», проявить особое расположение к Италии и предложить оказать ей поддержку в вопросе о вступлении в только что созданную Организацию Объединенных Наций. Вероятно, американская делегация исходила из того, что если удалось преобразовать польское правительство, то почему такое невозможно с другими странами-сателлитами.

Это был политический вызов, но И. В. Сталин к этому оказался готов. Он не стал вступать в спор по существу и доказывать, что ситуация в двух названных странах была безупречной с точки зрения выполнения подписанной в Ялте «Декларации об освобожденной Европе», а лишь ограничился замечанием, что она не лучше и не хуже, чем в других освобожденных странах, то есть объединил положение дел в Европе — как в той зоне, где стояли советские войска, так и там, где воцарилось западное влияние. При этом особый упор он делал на наиболее одиозный пример — сохранение у власти режима Ф. Франко, который, формально не объявляя войны СССР, направил в поддержку А. Гитлера войска на восточный фронт — «голубую дивизию». Глава советской делегации, переведя разговор, явно поставил в неловкое положение своих партнеров, заставив их оправдываться. Он спокойно, без нажима излагал свои мысли, подчеркнув, что режим Ф. Франко был навязан испанскому народу извне, а не

И. В. Сталин, Г. Трумэн, Дж. Бирнс и В. М. Молотов у крыльца резиденции президента США на Потсдамской конференции

Делегации большой тройки за столом переговоров на Потсдамской конференции

Маршал Польши М. Роля-Жимерский у дворца Цецилиенхоф в Потсдаме

И. В. Сталин, Г. Трумэн и К. Эттли на Потсдамской конференции

Советская делегация во время перерыва в заседании

возник естественным путем, и продолжал подпитывать полуфашистские режимы в других странах Европы. Вот где была настоящая проблема для европейской демократии. Подводя черту, И. В. Сталин заметил: «Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко». Примечательно, что И. В. Сталин не потребовал свержения режима Ф. Франко или его реорганизации, на чем настаивали партнеры по переговорам в отношении Болгарии и Румынии, а всего лишь призывал к его моральному осуждению. В результате Г. Трумэн предложил передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Таким образом, если в Тегеране и Ялте И. В. Сталин и Ф. Рузвельт оппонировали друг другу на равных, то в Потсдаме советский лидер ненавязчиво демонстрировал свое дипломатическое превосходство над своими партнерами.

Между тем борьба по вопросу освобожденной Европы продолжалась с неутихающей силой. США постарались добиться ускоренной нормализации международного положения Италии, где американцев все устраивало, и продолжали требовать перемен в Болгарии и Румынии. Дело дошло до того, что американская делегация предложила подписать два отдельных документа с рекомендациями по Италии и другим странам — сателлитам Германии, в то время как советская сторона выступала за единый документ. Англичане, в свою очередь, мотивировали собственную неготовность установить дипломатические отношения и согласиться со вступлением Румынии и Болгарии в ООН тем, что правительства этих стран представляли «коммунистическое меньшинство».

Это выглядело как откровенное давление Запада на страны Восточной Европы, а использование в этих целях вопроса их международного признания было равнозначно отказу им в легитимности. Дипломатический торг подошел к опасной черте, и на такой основе компромисс был невозможен. Нарастающее раздражение чувствовалось и в реакции главы советской делегации, которому пришлось назвать вещи своими именами. И. В. Сталин сказал, что у Италии имелись большие грехи перед Россией, итальянские войска вторглись на Украину, воевали на Дону и Волге вместе с вермахтом — «так далеко они забрались в глубь нашей страны». Но при этом он заметил, что необходимо оставить чувство обиды и мести, поскольку «в политике надо руководствоваться расчетом сил», и предложил перейти к политике облегчения положения бывших союзников Германии всех вместе и начать с восстановления дипломатических отношений с ними, имея в виду страны Восточной Европы, так как с Италией к этому времени дипломатические отношения уже установили США и СССР. «Могут возразить, что там нет свободно избранных правительств. Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены. Нет таких правительств во Франции, в Бельгии. Однако ни у кого нет сомнений по вопросу дипломатических отношений с этими странами»[36].

Тем не менее западные партнеры продолжали упорствовать в занятой позиции. Американцы задавали тон, а англичане выступали в их поддержку. Вопрос грозил торпедировать всю конференцию. 24 июля, когда в Потсдам пришел подробный отчет о ядерном испытании, в тоне Г. Трумэна послышались металлические нотки: «Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным»[37]. В ответ на этот ультиматум И. В. Сталин, следуя столь же безапелляционной манере, заблокировал вопрос о легитимизации положения в Италии, лишив ее поддержки при вступлении в ООН, и наотрез отказался присоединиться к американскому проекту резолюции.

В конечном счете, после хождения по кругу и топтания на месте участникам удалось найти «резиновую» дипломатическую формулу, которая при всей ее расплывчатости все-таки не допускала откровенной дискриминации указанных стран. В протоколе конференции было записано, что правительства трех держав, «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Это трудно было назвать

твердым обязательством со стороны западных партнеров, скорее расплывчатым соглашением, которое оставляло почву для дальнейшей борьбы за страны Восточной Европы в ходе подготовки с ними мирных договоров.

Разработкой этих договоров предстояло заняться созданному решением конференции Совету министров иностранных дел (СМИД) пяти держав: СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. Советской делегации, должно быть, уже тогда стало ясно, что Запад не отказался от борьбы за Восточную Европу и будет стремиться ограничить влияние там Советского Союза. Каждая сторона защищала свои политические позиции, что ясно говорило о появлении первых признаков будущего раскола Европы.

Не менее остро в Потсдаме проходило и обсуждение польской проблемы, которая в годы войны наиболее полно вместила в себя межсоюзнические противоречия по послевоенному устройству мира. Политическая ситуация в Польше, приход к власти там просоветских сил не устраивали Лондон и Вашингтон, особенно с учетом шестимиллионной польской диаспоры в США, большей частью враждебно настроенной к Советскому Союзу. Но в тот момент, не отказываясь от борьбы за Польшу, им пришлось под давлением обстоятельств пойти на признание польского временного правительства расширенного состава на основе «ялтинской формулы» и прекратить отношения с польским правительством Т. Арцишевского в Лондоне. У. Черчилль даже заявил в начале работы конференции: «Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, как я рад улучшившемуся положению в Польше за последние два месяца»[38]. Надежды на укрепление в Польше позиций своих сторонников американцы и англичане связывали с предстоящими в Польше выборами.

В связи с этим большое значение приобретал в Потсдаме вопрос о закреплении новой западной границы Польши, лишь в самых общих чертах согласованный союзниками в Крыму. По сути, речь шла о суверенитете и государственности Польши, возрождавшейся после нацистской оккупации в новых территориальных границах. Для Советского Союза это был также чувствительный вопрос его территориальной безопасности, связанный с послевоенным миром в Европе и созданием прочных гарантий против новой агрессии со стороны Германии. Неслучайно И. В. Сталин говорил, что проблема Польши — это «вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Скорее всего, в силу комплекса этих причин вопрос о западной границе Польши был превращен союзниками в предмет острого политического торга. Новая западная граница рассматривалась ими как большой шаг навстречу послевоенной Польше, политическая ситуация в которой им была еще не ясна до проведения там выборов и могла, как они считали, эволюционировать в любую сторону.

29 июля Г. Трумэн угрожающе заявил, что «поляки не могут получить всего, чего они хотят, что и так он делает им большую уступку». Важно было склонить маятник в сторону Запада. Поэтому президент США первоначально вообще предложил отложить признание польско-германской границы по Одеру — Нейсе до мирной конференции, что противоречило согласованному в Ялте с его предшественником решению о переносе польской западной границы путем приращения польской территории на севере и западе. Словно не ведая о том, кто стал первой жертвой германской агрессии, он мотивировал свой отказ тем, что это ущемит интересы Германии, лишит ее четверти пахотных земель и угольных ресурсов и тем самым помешает выплате ею репараций. Последнее должно было рассматриваться как сигнал в сторону И. В. Сталина. У. Черчилль оказался еще более категоричен, заявив в ходе заседания 21 июля 1945 г.: «Я считаю, что поляки не имеют права взять себе эту часть Германии»[39].

Реакция И. В. Сталина была юридически взвешенной и опиралась на достигнутые в Ялте решения по Польше и конкретное положение дел, которое сложилось в результате наступательных операций Красной армии, повлекших за собой массовый исход немецкого населения с этой территории в глубь Германии. Кроме того, он предпринял неожиданный ход и предложил пригласить в Потсдам польскую правительственную делегацию для выяснения ее мнения, чтобы соблюсти демократические приличия и спросить мнение заин-

тересованных лиц, а не действовать за их спиной. С этим трудно было спорить, поэтому вопрос приобретал невыгодную для Лондона и Вашингтона публичность в глазах польского общественного мнения.

Естественно, приглашенные на конференцию поляки, независимо от их политических взглядов, с жаром отстаивали общенациональные интересы. С высоты времени можно сказать, что «размен» территорий был выгоден Польше. Наметившемуся согласию уже не могли помешать попытки англичан оставить поле для дальнейшего торга и навязать полякам границу по Восточной Нейсе. В конечном счете, вопрос решился на компромиссной основе в пользу поляков. Хотя окончательное решение было отложено до мирного урегулирования, в протоколе конференции четко указывалось, что под управление Польского государства переходили бывшие германские земли к востоку от линии рек Одер — Западная Нейсе.

Потсдамская конференция в большей степени, чем другие саммиты большой тройки, была отмечена жестким дипломатическим торгом как в больших, так и в малых вопросах. Борьба шла буквально по каждому пункту повестки дня. Г. Трумэн и Дж. Бирнс, приехавшие на конференцию с мыслью «не уступать русским», широко практиковали тактику пакетных соглашений или увязок между собой порой не связанных проблем с целью выторговать для США наилучшие условия.

Главным средством давления на Советский Союз и получения от него существенных уступок стали репарационная проблема и другие вопросы, представлявшие жизненно важный интерес для истощенной войной советской экономики. Если Ф. Рузвельт на межсоюзнических встречах любил пускаться в длинные рассуждения о благодарности советскому народу за принесенные им на алтарь победы жертвы, то для Г. Трумэна, известного своей циничной фразой в начале войны о пользе для США уничтожения русских и немцев «как можно больше», моральная сторона вопроса просто не существовала.

Трудно сказать, на что рассчитывали на конференции большие прагматики И. В. Сталин и В. М. Молотов, когда пытались пробудить у своих партнеров сочувствие к положению советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Во всяком случае, эта тема не раз поднималась советской стороной на переговорах при обсуждении репарационной проблемы. И. В. Сталин на заседании 25 июля говорил: «Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже (чем Великобритании. — *Прим. ред.*). Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России». В. М. Молотов неоднократно напирал на то, что война обошла стороной территорию Соединенных Штатов и нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу[40].

Едва ли сказанное советскими представителями было способно разжалобить западных политиков, зато лишний раз подтверждало их оценки бедственного положения СССР после войны и укрепляло в мысли использовать это положение к своей выгоде. Получалось, что в Потсдаме закладывалась схема на весь послевоенный период отношений как с Советским Союзом, так и позднее с Россией.

Если в Крыму Ф. Рузвельт по подсказке Г. Гопкинса пошел навстречу интересам СССР и согласился принять цифру в 20 млрд долларов как основу для взыскания репараций с Германии, из которых 10 млрд причиталось бы Советскому Союзу, то У. Черчилль, не желая связывать себе руки, отказался это сделать. В Потсдаме и Г. Трумэн, ссылаясь на то, что положение проигравшей войну Германии оказалось якобы намного тяжелее прогнозов, также отошел от взятых его предшественником обязательств. За спиной президента стояла фигура крупного калифорнийского нефтепромышленника Э. Поули — американского представителя в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве, деятельность которого завела проблему репараций в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Один из членов американской делегации отмечал: первые шаги Э. Поули «ясно показали Советам, что в действительности его предложения преследовали цель ревизовать ялтинские договоренности»[41].

Высшие офицеры СССР и США на встрече начальников генеральных штабов
во время Потсдамской конференции

Британские фельдмаршалы Х. Александер и Г. Уилсон на прогулке с военным министром Г. Симпсоном

Советские дипломаты А. Я. Вышинский и А. А. Громыко беседуют с Дж. Бирнсом на аэродроме

Британские дипломаты А. Керр и А. Кадоган во дворце Цецилиенхоф

Экономический блок проблем в Потсдаме оказался самым запутанным и, наверное, именно поэтому менее всего изученным в отечественной литературе. Репарационная проблема была, конечно, центральной, но не единственной. Вместе с ней в тугой узел увязывались и другие экономические вопросы, требовавшие справедливого решения: германского золота, активов, ценных бумаг и инвестиций за рубежом, немецкого военного и торгового флота. При их обсуждении кипели страсти, просматривались интересы крупных западных корпораций и их довоенные связи с немецкой промышленностью. В этой области, в переводе на дипломатический язык, наиболее ощутимо проявились различия между государственной экономикой СССР и рыночной экономикой Запада.

Ради получения немецких репараций, прежде всего столь нужного стране промышленного оборудования, советская сторона отказалась от получения германских активов, инвестиций, ценных бумаг в западных зонах оккупации, что, ко всему прочему, было, вероятно, связано с трудностями состыковать их с командной советской плановой экономикой, а также от так называемого германского золота, награбленного со всей Европы. «Мы потеряли страшно много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить», — говорил И. В. Сталин на заседании 31 июля 1945 г., когда обсуждалась репарационная проблема[42]. В стремлении к осязаемым немедленным выгодам, которые, в конечном счете, оказались весьма скромными, он был готов пойти навстречу Западу в интересующих его вопросах. Поэтому изумлению сталинским великодушием среди западных политиков не было предела, какое-то время они даже не могли поверить в свою удачу.

Представление дает состоявшийся обмен мнениями по этим вопросам 1 августа 1945 г., накануне закрытия конференции. Так, Дж. Бирнс докладывал конференции, что в предварительном порядке на уровне министров советские представители согласились отказаться от претензий в отношении германских заграничных активов, золота, захваченного у немцев, и акций германских предприятий в западных зонах. При этом было добавлено, что если сказанное предварительно не будет подтверждено официально, то уже согласованные проценты изъятия промышленного оборудования из западных зон станут неприемлемы для США и Англии. В разговор включился И. В. Сталин, который сказал, что германские инвестиции в Восточной Европе сохраняются «за нами», а все остальное остается «за вами».

Г. Трумэн не мог поверить сказанному: «Речь идет только о германских инвестициях в Европе или и в других странах?» И. В. Сталин ответил: «Я скажу еще конкретнее: германские инвестиции, которые имеются в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, сохраняются за нами». Наступил черед англичан выразить изумление советской широтой. Сменивший А. Идена на посту английского министра иностранных дел Э. Бевин переспросил: «Германские инвестиции в других странах сохраняются за нами?» На что И. В. Сталин подтвердил: «Во всех других странах, в Южной Америке, в Канаде и т. д. — это все ваше». В это невозможно было поверить, и Э. Бевин на глазах терял самообладание: «Следовательно, все германские активы в других странах, расположенных к западу от зон оккупации Германии, будут принадлежать США, Великобритании и другим странам? Это также относится и к Греции?» На что последовало короткое сталинское: «Да».

Э. Бевин уступил трибуну Дж. Бирнсу, которого интересовало, как это относится к вопросу об акциях германских предприятий. И. В. Сталин ответил: «В нашей зоне они будут у нас, в вашей зоне — у вас». Но Дж. Бирнс решил добиться полной ясности, напомнив, что накануне американцы сделали вывод: СССР не будет претендовать на акции в западной зоне. И несмотря на утвердительный ответ И. В. Сталина, он опять уточнил: «Если предприятие находится не в Восточной Европе, а в Западной Европе или в других частях света, то это предприятие остается за нами?» Глава советского правительства подтвердил: «В США, в Норвегии, в Швейцарии, в Швеции, в Аргентине (общий смех) и т. д. — это все ваше».

Взяв слово, Э. Бевин вновь спросил, готов ли генералиссимус отказаться от всех претензий по германским заграничным активам, которые находятся вне зоны русских оккупационных войск. И. В. Сталин терпеливо подтвердил это, и тогда в разговор опять вмешался Дж. Бирнс, уточняя позицию советской стороны в отношении золота. И. В. Сталин коротко

заявил: «Мы уже сняли наши претензии на золото». Но Дж. Бирнса все еще продолжал интересовать вопрос, как понимать советское предложение об активах Германии в других странах. И. В. Сталин в который раз пояснил: «Мы оставляем за собой только те, которые находятся в восточной зоне», и добавил, что жертвы гитлеровской агрессии, Чехословакия и Югославия, сюда не войдут, а восточная половина Австрии войдет. Потерявший от русской щедрости ориентиры, Э. Бевин переспросил: «Ясно, что активы, принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты?» Реакция И. В. Сталина под громкий общий смех была молниеносной: «Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем»[43].

Смех смехом, но на фоне разоренной страны сталинская щедрость, выглядевшая как пренебрежение интересами своего народа, казалась по меньшей мере странной и озадачивающей. Было это издержками личной дипломатии вождя или он руководствовался реальным, по его выражению, «расчетом сил»? Советские внутренние подготовительные документы к конференции не дают ответа на этот вопрос. Вполне возможно, что это явилось импровизацией на месте, когда выяснилось, что иначе будет трудно решить крайне волнующую СССР проблему репараций, особенно с учетом советского желания получить германское оборудование по максимуму «сразу и немедленно» не только из восточной, но и из западной зоны.

Допустима и другая версия: в условиях, по сути, уже разделенного мира, живущего каждый по своим законам, единственной гарантией победителя получить свое являлось присутствие армии на захваченной территории. Примером стали действия войск союзников, нарушивших согласованные в ЕКК границы советской оккупационной зоны в Тюрингии и Саксонии. Побежденную Германию стали буквально рвать на части, причем тон задавали те, кого война коснулась в меньшей степени. Из советской зоны, «пока не пришли русские», которые в это время штурмовали Берлин, за спиной доблестного союзника подготовленные заранее специальные команды под руководством полковника американской контрразведки из русских эмигрантов Б. Паша (Пашковского) начали эшелонами вывозить не принадлежащее им высокотехнологичное оборудование, научные кадры, дефицитное сырье, прежде всего уран, и многое другое. Подготовленная маршалом Г. К. Жуковым по прямому указанию И. В. Сталина справка на этот счет выглядела просто ошеломляющей и, положенная на стол конференции, заставила Г. Трумэна оправдываться и обещать вернуть украденное у союзника[44].

В этой связи германская собственность в той или иной движимой или недвижимой форме вне зоны прямого советского контроля при всем ее заманчивом объеме не имела практической ценности в глазах И. В. Сталина и могла послужить разменной монетой при решении более конкретных и, как тогда казалось, более насущных вопросов. Это получило подтверждение в дальнейшем с наступлением холодной войны, когда, несмотря на все уступки И. В. Сталина на конференции, добиться от западных держав выполнения репарационных поставок из западных зон в существенных масштабах так и не удалось.

В протоколе конференции было зафиксировано, что репарационные претензии Советского Союза будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей. Конкретная сумма репараций при этом по настоянию западных держав опускалась. Кроме того, Советскому Союзу полагались дополнительно 15% оборудования из западных зон в счет эквивалентных по стоимости поставок сельскохозяйственных и сырьевых товаров из своей зоны и 10% оборудования из западных зон без каких-либо оплаты или возмещения.

Нельзя не отметить известное противоречие между принципами и практикой обращения с Германией в оккупационный период. Если на декларативном уровне провозглашалось обращение с Германией как с единым экономическим целым, то решение репарационной проблемы предполагалось осуществить, в основном придерживаясь зонального принципа, что хотя и явилось единственным выходом из создавшегося положения, но вместе с тем сеяло первые семена будущего раскола Германии сперва на западную и советскую зоны, а затем и на два сепаратных государства.

Частью решения вопроса о захваченной победителями германской добыче являлся и вопрос о немецком военном и торговом флоте. Здесь И. В. Сталин не собирался уступать и настойчиво добивался получения Советским Союзом его законной доли, как бы ни старался У. Черчилль под надуманными предлогами отсрочить это решение. Интернированный англичанами немецкий флот казался им удобным средством давления в дипломатической игре в Потсдаме. В первый же день работы конференции И. В. Сталин прямо спросил У. Черчилля, почему он отказывает русским в получении их доли германского флота. Премьер-министр попробовал уклониться от ответа, пустившись рассуждать на тему о том, что было бы лучше: потопить флот или его разделить. На это глава советского правительства твердо заявил, что флот надо разделить, ну а если У. Черчиллю угодно, то он может потопить свою долю. Ошеломленный сталинским натиском, британский премьер-министр угрожающе ответил: «В настоящее время почти весь германский флот в наших руках». И. В. Сталин откликнулся многозначительной фразой: «В том-то и дело, в том-то и дело». Начало было, что и говорить, многообещающим, хотя козырь в руках У. Черчилля в итоге оказался слабоват. Флот пришлось разделить, причем поровну, как говорилось в подписанном протоколе, «между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами» не позднее чем 15 февраля 1946 г.[45]

Советская делегация противилась увязке различных вопросов между собой и их разменам, настаивая на рассмотрении и решении вопросов по существу на основе их собственного веса и значения. Тактика увязывания, которую практиковали на конференции американцы и которой особенно увлекался Дж. Бирнс как бывший сенатор, переносилась из стен американского конгресса на дипломатические переговоры. Внешне это выглядело крайне цинично и на самом деле навязывало новый, купеческий стиль европейской дипломатии. Поражала удивительная прямолинейность, с которой американцы ворвались в формировавшуюся веками европейскую политику.

Высоко ценивший рафинированную манеру поведения Ф. Рузвельта, И. В. Сталин не принимал новый американский стиль ведения переговоров. В ходе одиннадцатого заседания конференции Дж. Бирнс, которому Г. Трумэн все чаще передоверял излагать позицию США, заявил, что американские предложения по вопросу о репарациях были внесены как часть общих, касающихся трех спорных вопросов — о репарациях, западной границе Польши и приглашении стран-сателлитов в Организацию Объединенных Наций. Он также сообщил, что делегация США идет на уступки в отношении западной границы Польши и допуска в ООН при условии достижения соглашения по всем трем вопросам. И. В. Сталин тут же резко возразил: «Они не связаны друг с другом, это разные вопросы». Однако Дж. Бирнс, чувствуя за собой поддержку президента, повторил, что США не согласятся пойти на уступки в отношении польской границы, «если не будут достигнуты соглашения по двум другим вопросам».

По всем меркам это выглядело как примитивный шантаж на уровне провинциальных американских торговцев. Остается только удивляться сдержанной силе сталинского ответа: «Г-н Бирнс здесь предлагал, чтобы все эти три вопроса были связаны в одно целое. Я понимаю его точку зрения: он предлагает такую тактику, которую он считает целесообразной. Вносить такие предложения — это право каждой делегации, но советская делегация, независимо от этого, будет голосовать по каждому из этих вопросов отдельно»[46]. Несмотря на твердость занятой позиции, в Потсдаме советской делегации приходилось уступать по второстепенным вопросам, чтобы добиться согласия в более важных и принципиальных. Но неудачи конференции не желал никто, и поэтому участникам приходилось искать и находить компромиссы.

Хотя Вторая мировая война велась ради высоких идеалов, целей, принципов и свобод, закрепленных в Атлантической хартии, на самом деле она, как и свойственно большим войнам, привела к изменению геополитической карты мира и его переделу. Вопрос заключался в том, удастся ли победителям осуществить этот передел упорядоченно дипломатическим путем в ходе конференции в Потсдаме на основе взаимной кооперации или же новые противоречия, уже заявившие о себе, помешают им это сделать. Каждая сторона, оценивая свой вклад в победу, отстаивала собственные интересы и считала, что она заслуживает большего. Исключением являлись те, кому не нашлось места за столом конференции или кто оказался в лагере побежденных.

Маршал Советского Союза И. В. Сталин на прогулке возле дворца Цецилиенхоф
с президентом США Г. Трумэном

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль на Потсдамской конференции

В Москве с удовлетворением отмечали, что в ходе предварительного дипломатического зондажа западные партнеры положительно отнеслись к ряду территориальных вопросов, волновавших советских руководителей за пределами зоны их непосредственного влияния. Речь шла, например, в давних традициях русской дипломатии об изменении невыгодного СССР статуса черноморских проливов и получении там права иметь военную базу, о восстановлении утерянных Россией прав по итогам Первой мировой войны на некоторые территории на Кавказе (Тао-Кларджетия — грузинский Лазистан и Карская область), о получении СССР своей доли колониального наследства, в частности заявленной с советской стороны претензии на управление итальянскими колониями, и о многом другом. В западной литературе эти советские планы обычно рассматривались как примеры коммунистической или имперской экспансии, хотя при этом замалчивались и обходились стороной еще более амбициозные программы США и Великобритании по переделу мира в свою пользу или удержания временно оккупированных территорий.

Разногласия в этой связи между победителями не замедлили проявиться в Потсдаме, когда И. В. Сталин коснулся вопроса об итальянских колониях в Африке. Реакция У. Черчилля, если затрагивались британские имперские интересы, была по обыкновению весьма болезненной и сводилась к тому, что «британская армия одна завоевала эти колонии» и поэтому вопрос считался исчерпанным. Возмущенный такой откровенной британской жадностью, Г. Трумэн смог лишь удивиться: «Все?». Реакция И. В. Сталина под общий хохот собравшихся за столом была еще более характерной: «А Берлин взяла Красная армия». У. Черчилль, почувствовав, что оказался в меньшинстве, попробовал лавировать, пустившись в рассуждения, что рассматривался якобы вопрос о том, не подойдут ли некоторые из итальянских колоний для расселения там евреев. В это время на Западе как раз обсуждался вопрос о создании «национального очага» для выжившего после гитлеровского холокоста еврейского населения. Однако И. В. Сталин вернул У. Черчилля к сути вопроса, потребовав указать, каким государствам итальянские колонии будут переданы под опеку, если Италия, как заявил в британском парламенте А. Иден, их потеряла. У. Черчилль вновь уклонился от ответа, и вопрос был передан на обсуждение министрам иностранных дел[47].

Ведя переговоры с союзниками, советское руководство исходило также из того, что СССР становился после войны великой державой и мог встать в один ряд с другими «владыками морей», и таким образом, его флот имел заинтересованность в выходе в Средиземное море и Мировой океан. Это остро ставило вопрос пересмотра конвенции в Монтрё о режиме проливов, которая обрекала советский черноморский флот на зависимое от Турции положение, а также о получении в проливах Босфор и Дарданеллы советской военной базы. Как заявил своим собеседникам И. В. Сталин, права Советского Союза по конвенции в Монтрё такие же, как права японского императора. Кроме того, с советской стороны на конференции был поставлен вопрос и о том, что в случае заключения с Турцией союзного договора, предложенного самой Анкарой, СССР должен был вернуть себе территории Карса и Ардагана, утерянные в период революционной смуты и распада Российской империи.

Однако в этой острой дипломатической игре И. В. Сталин переоценил свои возможности и недооценил противодействие союзников, взявших под защиту Турцию. По этому вопросу не было единства и в советском руководстве, в частности против осторожно выступал В. М. Молотов, если верить его воспоминаниям, хотя и вынужден был проводить линию вождя. «Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили... Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки... В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Милюков требовал, — Дарданеллы! Сталин: «Давай, нажимай! В порядке совместного владения». Я ему: «Не дадут». — «А ты потребуй!»[48]

Первым на советские претензии весьма остро среагировал У. Черчилль. На протяжении веков Турция была камнем преткновения между двумя империями, так как контролировала ворота Британской Индии и выход на Ближний Восток — зону жизненно важных колони-

альных интересов Лондона, подкрепленных после войны возросшей ролью нефти в мировой политике. В английском внешнеполитическом ведомстве обеспокоенно говорили, имея в виду также и присутствие советских войск в Иране, что Россия после войны «трется» о Британскую империю. Поэтому У. Черчилль прямо заявил, что он не сможет «поддержать предложение о создании русской военной базы в проливах» и не думает, «чтобы Турция согласилась с этим предложением». Так начинался путь, который меньше чем через два года привел Англию к передаче своих полномочий по охране «стратегического перекрестка» «старшему брату», взявшему под опеку Турцию и Грецию под флагом «доктрины Трумэна», чтобы остановить советское продвижение, как боялись в Вашингтоне, к ближневосточной нефти.

Но тогда, в Потсдаме до этого было еще далеко, и американцы предприняли неожиданный ход, предложив И. В. Сталину объединить проблему проливов с вопросом о международных внутренних водных путях. Конкретно речь шла о том, чтобы объявить судоходство по Дунаю и Рейну полностью свободным в духе нового издания доктрины «открытых дверей» для Европы, как в XIX в. это было сделано в отношении Китая под лозунгами «свободы торговли» и «равных возможностей». Судя по всему, американское предложение в увязке с проливами застигло И. В. Сталина врасплох и сразу же насторожило. Он интуитивно почувствовал скрытый подвох и тут же спросил, о каких конкретно водных путях идет речь. Г. Трумэн с обезоруживающей прямотой ответил, что обо всех, имея в виду страны Европы, расположенные по Дунаю и Рейну. Идея Г. Трумэна предусматривала создание «временных навигационных органов», в которых американцы, разумеется, собирались играть не последнюю роль. Было ясно, что Америка не рассталась с мыслью «подвинуть» Советский Союз в зоне его главных интересов. Тут было о чем задуматься. Глава советской делегации не хотел импровизировать и попросил таймаут[49]. Как он любил говорить: «На слух хорошо, но надо вчитаться».

В итоге, вся трудолюбиво выстраиваемая советской дипломатией новая геополитическая конструкция давала трещину. Такой размен Москве был невыгоден. Баланс интересов оказался нарушен. Г. Трумэн продолжал настаивать, чтобы эти два вопроса были рассмотрены вместе, и И. В. Сталин пришел к выводу, что в отношении проливов не удастся достичь соглашения, «поскольку наши взгляды весьма расходятся». Все последующие настойчивые попытки американцев вернуться к обсуждению представленного ими документа о «свободной и неограниченной навигации по международным внутренним путям» успеха не имели. И. В. Сталин в несвойственной ему резкой и раздраженной форме даже отказался включить этот вопрос в коммюнике конференции. «Нет в этом нужды... — сказал он Г. Трумэну, вложив в эти слова всю свою обиду на неблагодарность союзника. — Вопрос о водных путях возник в качестве бесплатного приложения к вопросу о проливах. И почему отдается такое предпочтение вопросу о внутренних водных путях перед вопросом о проливах, я не понимаю»[50]. Сухим остатком для Советского Союза в этой части переговоров явилось, пожалуй, лишь окончательное решение вопроса о присоединении к СССР части Восточной Пруссии с городом Кёнигсбергом, согласованное еще в Крыму. С этим спорить союзникам было невозможно, поскольку там стояли советские войска.

В научных кругах до сих пор идут споры, прав ли был И. В. Сталин, отстаивая интересы Советского Союза за счет проигравших войну стран. Считается, что это было вызовом западному миру, ускорившим наступление холодной войны и усугубившим тяготы послевоенного восстановления для советского народа. Получается, что одним победителям было можно, а другому, внесшему основной вклад в победу, — нельзя. Логика, надо прямо сказать, по меньшей мере странная и односторонняя. В некоторых столицах ею руководствуются и по сей день, без тени смущения считая: что положено одним, то не положено другим. На самом деле в истории войн не было такого случая, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво. И. В. Сталин играл по правилам, принятым в то время, и понимал политику как искусство возможного, хотя при этом и допускал некоторые просчеты.

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль пожимают руки на Потсдамской конференции

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль в перерыве между заседаниями

Групповой портрет лидеров большой тройки

В Потсдаме поднималась и тема справедливого суда над нацистскими преступниками, так как параллельно между тремя державами шла интенсивная подготовка к работе Международного военного трибунала над главарями нацистской Германии в Нюрнберге.

Всю войну Ф. Рузвельт и У. Черчилль состязались между собой в кровожадности в отношении неизбежной расправы над А. Гитлером и его преступной кликой. В Каире в 1943 г. они пришли к выводу, что нацистских преступников следовало расстреливать на месте без суда и следствия. На второй Квебекской конференции в 1944 г. они договорились о немедленной ликвидации главарей Третьего рейха. У. Черчилль считал, что следовало просто расстрелять первую сотню нацистских вождей, и мрачно шутил, что готов проявить великодушие и увеличить время с момента обнаружения крупного нациста до его расстрела с одного до шести часов. С таким настроением У. Черчилль приехал в Москву в октябре 1944 г. и с удивлением обнаружил, что его воинственность там не поддерживают. Информируя Ф. Рузвельта о своих переговорах с И. В. Сталиным, У. Черчилль сообщал: «Дядя Джо повел себя неожиданно сверхреспектабельно, мол, «не должно быть никаких казней без суда, иначе мир решит, что мы боимся процессов». Я указал на трудности в международном праве, но он повторил, что не должно быть смертных казней без суда»[51].

Настроения западных союзников начали меняться только под воздействием общего переосмысления ими ситуации в Европе и назревающей смены политической парадигмы по принципу «друзья — враги». Это уже можно было почувствовать в ходе обсуждения темы военных преступлений в Потсдаме. Вопрос сам по себе вроде бы представлялся очевидным, но неожиданно между союзниками возникли разногласия при его обсуждении. Англичане и американцы выступили против упоминания конкретных имен военных преступников и предложили оставить это на усмотрение главного обвинителя трибунала — американского судьи Р. Джексона, вокруг имени которого в США создан подлинный культ несгибаемого борца с фашизмом. Утверждалось, что упоминание конкретных имен якобы могло помешать работе трибунала, хотя имена главных нацистов были и так у всех на слуху. На самом деле к тому моменту американцы еще не решили, как быть с некоторыми немецкими промышленниками и финансистами, которые привели А. Гитлера к власти и создали его военную машину, а поэтому тянули время. Многие из них имели тесные связи с крупными американскими корпорациями, чьи имена могли всплыть в ходе процесса и вызвать нежелательный общественный резонанс. Как несколько позднее инструктировал американского обвинителя заместитель министра обороны США Р. Паттерсон, «не может быть и речи о том, чтобы позволить русским судить промышленников ввиду многочисленных связей между германскими и американскими экономиками до войны, так как это создаст великолепную возможность скомпрометировать США в ходе процесса»[52].

Трудно сказать, знал ли И. В. Сталин об этих тайных озабоченностях союзников, когда решительно озвучил советскую точку зрения. «Имена, по-моему, нужны, — заявил он. — Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других». Брошенный камень, судя по всему, попал в цель. Г. Трумэн вынужден был заметить: «Все они мне не нравятся». И. В. Сталин между тем продолжал отстаивать свою линию и обратился к англичанам, поинтересовавшись, почему заместитель А. Гитлера Р. Гесс, чей полет в Лондон в канун войны вызвал сильные подозрения Москвы о новом англо-германском сговоре, сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности. Э. Бевин вынужден был оправдываться и обещал предать его суду. Добившись желаемого эффекта, И. В. Сталин предложил не позднее чем через месяц опубликовать первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников. Все согласились.

Следует, однако, отметить, что суд над промышленниками так никогда и не состоялся. Старика Круппа фон Болена, 75-летнего пушечного короля, крестного отца «Большой Берты», обстреливавшей в годы Первой мировой войны Париж, нашли в его поместье в Австрии и после медицинского освидетельствования с участием советских врачей сочли невменяемым.

А дело его сына Альфреда по настоянию англичан, несмотря на возмущение французов, было отложено в долгий ящик. Финансовый гений Третьего рейха Я. Шахт, обеспечивший А. Гитлеру неограниченный кредит на Западе перед войной, несмотря на протесты советского обвинения, пользовался особым расположением западной Фемиды.

В секретных инструкциях, направленных из Москвы советским обвинителям в Нюрнберге, говорилось: «Шахт — ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни. Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это немецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта»[53].

Один из американских следователей на процессе — Ф. Адамс — свидетельствовал, что на английского судью Дж. Лоуренса сильное давление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком М. Норманн, известный «умиротворитель» фашистской Германии и довоенный приятель Я. Шахта. «Мы считали, — отмечал Ф. Адамс, — что Норманн убедил Лоуренса, что банкиры не могут быть преступниками»[54]. В итоге Я. Шахт был полностью оправдан и освобожден в здании суда.

Война привела в движение огромные массы людей, лишила привычной мирной жизни, изломала судьбы. Многие из них оказались в лагерях для военнопленных по обе стороны фронта. С открытием в 1990-е гг. российских архивов эта тема заняла видное место в современной исторической науке.

В Потсдаме вопрос о скорейшем возвращении советских военнопленных домой был поставлен советской делегацией в связи с имевшимися фактами препятствования этому со стороны властей союзников. В ответ на сбивчивое объяснение У. Черчилля И. В. Сталин заметил: «Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину, а наоборот, помогать им возвратиться домой»[55]. Речь шла о соглашениях с США и Великобританией, подписанных 11 февраля 1945 г. во время Крымской конференции относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками союзников. Соглашения предусматривали мероприятия по защите, содержанию и репатриации военнопленных и гражданских лиц, освобожденных союзными вооруженными силами, вступившими в Германию. Дело было в том, что советские военнопленные, как правило, содержались немцами в Западной Европе, оккупированной союзниками, а военнопленные США и Великобритании — на территории, освобожденной Красной армией. Разумеется, их количество было несопоставимо, и основную массу узников концлагерей составляли попавшие в плен советские военнослужащие.

Судя по тону ряда памятных записок, отправленных советской стороной в адрес американской и английской делегаций в ходе Потсдамской конференции в отношении содержания и репатриации советских военнопленных, этот вопрос становился серьезным «яблоком раздора» в отношениях между союзниками. В представленных документах указывалось, например, что в британском лагере в Италии из советских военнопленных в количестве 10 тыс. человек, а не 150, как первоначально сообщала британская сторона, была сформирована целая дивизия, командный состав которой подобран из немецких офицеров. При этом выяснилось, что лица, желавшие вернуться на родину, как указывалось, «подвергались плохому обращению, вплоть до избиений». Такие же трудности, судя по другим представлениям с советской стороны, чинились британскими властями в Норвегии и самой Англии в отношении выходцев из Прибалтийских республик и областей Западной Украины и Белоруссии, которые содержались вместе с немецкими военнопленными и к которым советские представители не допускались[56].

В дополнение к проблеме военнопленных с советской стороны в ходе предпоследнего заседания большой тройки 1 августа 1945 г. был поставлен вопрос о враждебной СССР деятельности белоэмигрантов и других лиц и организаций в американской и английской

зонах оккупации в Германии и Австрии. Дело осложнялось тем, что многие военнопленные и интернированные, а не только бывшие власовцы и белоэмигранты вроде атамана П. Н. Краснова, сотрудничавшие с нацистами по доброй воле или по принуждению, не проявляли желания вернуться на родину, опасаясь возмездия. Сталинские слова, сказанные в начале войны, чтобы остановить массовую сдачу в плен, что «нет военнопленных, а есть предатели», не были забыты.

В ряде случаев союзники оказывались в сложном положении, вынужденные, чтобы не обострять отношения с СССР, передавать чуть ли не силой некоторых перемещенных лиц. Это, конечно, не означает, что не шли активная вербовка советских военнопленных, их запугивание репатриацией на родину и принуждение наиболее ценных специалистов остаться на Западе. Словом, это была великая человеческая трагедия на заключительном этапе войны, которая напоминала о себе еще многие десятилетия. По сообщению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф. И. Голикова, только к 7 сентября 1945 г. западными союзниками были выданы 2 229 552 человека, а всего по итогам 1945 г., после советского дипломатического нажима в Потсдаме, репатриированы 5 236 130 советских граждан[57].

Характерно, что в Потсдаме не было ни устных, ни письменных жалоб на положение западных военнопленных, освобожденных в немецких лагерях Красной армией. Этих жалоб и быть не могло, потому что к тому времени советские власти, действуя с опережением графика, уже в основном завершили репатриацию военнопленных союзников. Их основная масса, большей частью американцы, выезжали через транзитный пункт в Одессе. Несмотря на трудности и неразбериху военного времени, а также разные представления о бытовом комфорте, советские власти не стремились превратить этот вопрос в средство давления на союзников. Как признавал глава американской военной миссии в Советском Союзе генерал Дж. Дин, которого трудно было заподозрить в избытке симпатий к русским, «условия, созданные советской и репатриационной комиссией в Одессе, были настолько хорошими, насколько можно было ожидать. Хотя они создавались на ходу, но неуклонно улучшались на протяжении всего периода пребывания там наших солдат»[58].

Начало ядерного века

Потсдамская конференция шла к своему финалу в ускоренном и уплотненном режиме. Одним вопросам подводилась окончательная черта, другие давали богатую пищу для размышлений на будущее. В тугой политический узел сплелись обретенная американцами атомная бомба и предстоящая на Дальнем Востоке решающая схватка с Японией. Вовлеченным в этот новый алгоритм оказался и Советский Союз, придерживавшийся в годы войны пакта о нейтралитете с Японией.

Американцев раздирали противоречия. С одной стороны, только что успешно испытанная бомба вроде бы давала им дополнительный шанс самостоятельно, без русской помощи, справиться с японцами и тем самым лишить И. В. Сталина его доли трофеев, то есть возможности претендовать на участие в управлении побежденной Японией. Но, с другой стороны, машина уже была запущена, и без большого скандала и риска ее трудно было остановить, да и бомба еще не была испытана в боевых условиях и могла неожиданно дать осечку. Во всяком случае, американские военные продолжали придерживаться консервативной стратегии и считали, что с учетом возможности переброски миллионной Квантунской группировки войск из Северного Китая на Японские острова «с русскими все-таки было надежнее, чем без русских». К ним вынужден был прислушиваться и Г. Трумэн.

При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме, зная уже об успешном испытании в США нового оружия, он тем не менее по собственной инициативе поставил

вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. В советской записи беседы зафиксировано: «Трумэн говорит, что дела у союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась английская помощь. Но США ожидают помощи от Советского Союза. Сталин отвечает, что Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово. Трумэн выражает свое удовлетворение по этому поводу»[59].

Мало того, И. В. Сталин думал о том, как ускорить начало боевых действий против японцев. Поэтому 16 июля 1945 г., то есть еще накануне беседы с Г. Трумэном и официального открытия конференции, глава советского правительства позвонил из Потсдама главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому и поинтересовался ходом подготовки операции и возможностью переноса сроков наступления на десять дней ранее. А. М. Василевский, сославшись на большие организационные трудности, ответил отрицательно и просил не менять первоначальный план. Смирившись с военной необходимостью, И. В. Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный главнокомандующий воздержался от разъяснения мотивов, вызвавших его вопрос, маршал А. М. Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»[60].

Советская разведка дважды информировала советское руководство о сроках предстоящего испытания ядерной бомбы в Аламогордо: первый раз — 13 июня и второй — 4 июля. Однако, как свидетельствует генерал П. А. Судоплатов, «мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии»[61]. Вероятно, в умах даже прагматиков из разведки не укладывалось, что в шаге от победы, когда судьба Японии была уже предрешена, может быть принято решение об использовании против нее столь бесчеловечного сверхоружия. Между тем еще в июне, то есть задолго до полигонных испытаний, военными в Вашингтоне был подготовлен список из пяти японских городов в качестве целей для нанесения атомных ударов.

Во всяком случае, И. В. Сталин перед первой встречей с Г. Трумэном уже знал, что американцы добились большого успеха и вырвались вперед в ядерной гонке. О взрыве в пустыне под Аламогордо первого американского атомного устройства глава советского правительства узнал из доклада Л. П. Берии еще до встречи с Трумэном. И. В. Сталин был очень недоволен, и его раздражение понятно, поскольку американцы нас опередили. А на вопрос, как обстоят дела у нас, Л. П. Берия доложил, что потребуются еще год-два, поскольку советский проект находился на том уровне, который не позволял ответить на вызов американцев раньше[62].

Ситуация была закономерна. Страна в годы войны не могла позволить себе отвлекать средства от срочных военных нужд на перспективные цели завтрашнего дня. Если американцам в разгар войны ядерная программа обошлась в 2 млрд долларов, что по тем временам было колоссальной суммой, и они превратили страну, как говорил Н. Бор, в одну большую фабрику, на которой над созданием бомбы работали 130 тыс. человек, то советские создатели ядерного оружия получили в 1942 г. из правительственной казны на исследовательские цели и приобретение оборудования за рубежом 30 тыс. рублей[63]. Не говоря уже о том, что в США бежали, спасаясь от нацистской угрозы, лучшие научные умы мира. Над созданием бомбы в Лос-Аламосе трудились 12 нобелевских лауреатов. Только когда бомба стала мрачной реальностью, грубо и зримо вторглась в мировую политику, на ее создание в СССР были брошены все возможные средства.

Поэтому, когда через несколько дней после начала конференции Г. Трумэн после долгих колебаний созрел для того, чтобы поставить в известность своего боевого союзника о появлении у американцев «нового оружия сверхразрушительной силы», И. В. Сталин был невозмутим. Эта невозмутимость и нежелание поддерживать как бы случайную беседу объяснялись лишь тем, что глава советского правительства был уже в курсе событий и не считал нужным помогать американцу запоздало соблюсти приличия в отношении союзника. Он, внимательно выслушав Г. Трумэна, ограничил свою реакцию лишь сдержанным «спасибо»,

как об этом повествует находившийся с ним маршал Г. К. Жуков, и не стал продолжать беседу. И так все было ясно: требовалось как можно быстрее наверстывать упущенное.

Потсдамская конференция явилась первым сигналом для Москвы, что американцы постараются максимально ограничить советское участие в дальневосточных делах, прежде всего в управлении послевоенной Японией. Соответствующий сигнал был дан при подготовке и подписании Потсдамской декларации с требованием безоговорочной капитуляции Японии. Формально СССР, не участвовавший в войне с Японией, мог и не подписывать эту декларацию с требованием в адрес японских милитаристов сложить оружие. Но в Москве считали, что будет правильнее продемонстрировать единство с союзниками в дальневосточных делах, и поэтому обратились с просьбой к американцам отложить подписание декларации до ознакомления с ней советского правительства. Однако США под надуманным предлогом отказались это сделать и передали текст декларации уже тогда, когда он был отправлен в прессу для публикации. Тем самым СССР был поставлен перед свершившимся фактом. И. В. Сталин был возмущен таким отношением и не преминул назвать вещи своими именами, сообщив союзникам в ходе десятого заседания об очередной просьбе японцев к СССР о посредничестве: «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Дж. Бирнс так объяснил это В. М. Молотову после очередного заседания большой тройки 27 июля 1945 г.: «Декларация не была представлена Молотову раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент не хотел создавать затруднения для советского правительства»[64].

В этом дипломатически безукоризненном ответе заключалось копившееся всю войну раздражение американцев в отношении советской политики соблюдения строгого нейтралитета в войне на Дальнем Востоке. После капитуляции Японии были отброшены и дипломатические приличия. Когда В. М. Молотов в беседе с А. Гарриманом попробовал коснуться темы об участии СССР в оккупации Японии и желательности наделения маршала А. М. Василевского такими же полномочиями, какими обладал американский командующий генерал Д. Макартур, ему было сказано в довольно грубой форме, что США воевали четыре года, а Советский Союз — всего лишь четыре дня, но хочет иметь такие же права, как Соединенные Штаты. Американцы не собирались ни с кем делиться плодами победы на Дальнем Востоке. На это, правда, можно было ответить, что за четыре дня Советскому Союзу удалось сделать уж никак не меньше, чем США за четыре года.

В американском массовом сознании прочно укоренилась мысль о том, что именно бомба спасла многие человеческие жизни и решила судьбу Японии, положив конец Второй мировой войне. Парадоксально, но такого взгляда на прошлое придерживаются и японцы. Если для США это служит моральным оправданием первого и единственного применения атомного оружия по мирным целям, то с Японии снимает позор капитуляции как единственно возможного и продиктованного гуманными соображениями решения в тех условиях. Между тем истина, как известно, в деталях, точнее — в их точном и последовательном изложении.

В наши дни, спустя много лет после описанных событий, в солидном американском журнале «Форин полиси» появилась статья под характерным заголовком «Не бомба победила Японию, а Сталин». Ее автор У. Уилсон аргументированно доказывает, что ни угрозы со стороны Г. Трумэна «стереть Японию в порошок», ни ядерные бомбардировки Хиросимы 6 августа и Нагасаки 9 августа не заставили японскую военщину сложить оружие[65].

Большие надежды Соединенные Штаты весной и летом 1945 г. возлагали на воздушную войну против Японии. Американские ВВС проводили столь же безжалостные и масштабные воздушные налеты на японские города, как и в Германии. Так, если в 1942–1944 гг. американская авиация осуществила всего 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то лишь в марте 1945 г. она бомбардировала японские города 91 раз, а количество самолето-вылетов составило 3509. Но наибольшая интенсивность налетов приходилась на июль, когда было совершенно 20 859 самолето-вылетов. Всего в ходе воздушной войны на острова собственно Японии было сброшено 160,8 тыс. тонн американских бомб, из них 147 тыс.

тонн — стратегическими бомбардировщиками B-29, способными нести бомбовую нагрузку каждый весом от семи до девяти тонн[66].

После поражения фашистской Германии и ее европейских союзников Япония оказалась в безвыходной стратегической ситуации, один на один с коалицией великих держав. Но ее сухопутная армия по-прежнему отличалась высокой боеспособностью и сильным моральным духом. Под ружьем находились почти 4 млн человек, из которых 1,2 млн отвечали за оборону Японских островов. Эти войска были сосредоточены в основном на юге, на острове Кюсю, откуда ожидалось американское вторжение. Боевой дух самураев не был сломлен, и американцы понимали, что в случае высадки, планировавшейся на начало ноября, их ждет крайне жесткая встреча.

Поэтому японская верхушка в оставшееся время очень надеялась выторговать для себя почетные условия капитуляции, но для этого важно было удержать от вступления в войну Советский Союз. На заседании Высшего совета еще в июне 1945 г. его участники пришли к выводу, что если СССР вступит в войну, «это определит судьбу империи». Заместитель начальника штаба японской армии Т. Кавабэ на том совещании заявил: «Поддержание мира в наших отношениях с Советским Союзом — это непременное условие продолжения войны»[67]. Японцы ошибочно исходили из того, что Советский Союз не заинтересован в усилении США на Дальнем Востоке и, пользуясь своим нейтральным статусом, захочет сыграть роль посредника в тихоокеанской войне, чтобы не допустить полного разгрома Японии.

Эти расчеты рухнули, когда 8 августа в соответствии с взятыми обязательствами СССР объявил войну Японии и присоединился к Потсдамской декларации. «Когда русские вошли в Маньчжурию, они просто смяли некогда элитную армию, и многие их части останавливались лишь тогда, когда заканчивалось топливо»[68]. За быстрым разгромом Квантунской группировки последовал стремительный десант советских войск на Южный Сахалин, а в двухнедельный срок планировалось осуществить вторжение на самый северный из Японских островов — Хоккайдо. Шансов у Японии не оставалось. 15 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. И подлинной причиной здесь явилась не атомная бомба, а стремительное наступление советских войск.

Потсдамская конференция подвела черту под шестилетним периодом Второй мировой войны и обозначила исторический рубеж между войной и миром. Вместе с тем она отразила новую ситуацию, возникшую в мире в результате победы стран антигитлеровской коалиции над блоком государств-агрессоров. Ценой миллионов человеческих жизней и колоссальных разрушений одни глобальные противоречия были разрешены, а другие только начинали заявлять о себе в связи с изменением геополитической карты мира, его новым переделом и столкновением интересов между победителями во Второй мировой войне.

В целом участникам Потсдамской конференции удалось на время, впрочем весьма недолгое, смягчить наметившиеся разногласия и не допустить открытого разрыва между собой. Тогда трудно было в полной мере оценить подлинные масштабы и глубину этих разногласий, так как открыто еще не заявили о себе идеологические факторы. Стороны предпочитали договариваться там, где это было возможно, проявляли известную терпимость и гибкость, понимание интересов друг друга и откладывали на потом трудные вопросы.

И если об «атмосфере одной большой семьи», по выражению Ф. Рузвельта в Крыму, говорить уже не приходилось, то не было еще и открытой враждебности и воинственности, ставших отличительными чертами холодной войны. Видимо, поэтому перед расставанием с партнерами И. В. Сталин, отдавая дань традиционной союзнической вежливости, сдержанно заявил: «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной»[69].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Berlin I. Personal Impressions. N. Y., 1981. P. 156—155.

[2] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945 (in two volumes). Vol. 1. Washington, 1960. P. 13.

[3] Defending the West. The Truman — Churchill Correspondence, 1945—1960. Westport, 2004. P. 57.

[4] *Brendon Piers.* The Decline and Fall of the British Empire. 1781—1997. London, 2007. P. 372—414.

[5] *Steil Benn.* The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keines, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton Univ. Press, 2013. P. 292—298.

[6] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 416.

[7] *Truman Margaret.* Harry S. Truman. N. Y., 1973. P. 283.

[8] *Gaddis John Lewis.* We Now Know. Rethinking Cold War History. N. Y. 1998. P. 32.

[9] The Memoirs of Harry S. Truman. Vol. 1. The Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 411.

[10] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 366.

[11] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 250.

[12] Новая и новейшая история. № 3. 2013. С. 18.

[13] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 367.

[14] *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941—1946. N. Y., 1975. P. 474—475.

[15] *Speer Albert.* Inside the Third Reich. N. Y., 1970. P. 303.

[16] *Лота В. И.* Ключи от ада. Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. М., 2009. С. 72, 188—189, 192.

[17] См.: *Ирвинг Д.* Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944—1945 гг. М., 2005.

[18] См.: *Борисов А. Ю.* Уроки второго фронта, или Могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989.

[19] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 215.

[20] *Бэггот Дж.* Тайная история атомной бомбы. М., 2011. С. 374—375.

[21] Там же.

[22] *Чуев Ф.* Молотов: полудержавный властелин. М., 2002. С. 102, 115.

[23] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 204.

[24] См.: *Applebaum A., Curtain I.* The Crushing of Eastern Europe, 1944—1956. Doubleday, 2012; *Рис Лоуренс.* Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.

[25] *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, The Soviet Union and the Cold War. 1933—1947. Chicago, 1980. P. 148.

[26] *Борисов А. Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны. 1941—1945 гг. М., 1983. С. 251.

[27] The Truman Presidency. The Origins of the Imperial Presidency and The National Security State. N. Y., 1979. P. 123.

[28] Советско-английские отношения во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 386.

[29] *Борисов А. Ю.* Так начиналась «холодная война». М., 1983. С. 80.

[30] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 369.

[31] 1 ярд — 0,914 м.

[32] *Rhodes R.* The Making of the Atomic Bomb. N. Y. 1986. P. 658, 685. Полный текст самого документа см: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945 (in two volumes). Vol. 1. P. 1360.

[33] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сб. документов. М., 1980. С. 42.

[34] *Judt Tony.* Postwar. A History of Europe since 1945. London, 2007. P. 125.

[35] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 66.

[36] Там же. С. 102.

[37] Там же. С. 181.

[38] Там же. С. 64.

[39] Там же. С. 133.

[40] Там же. С. 197.

[41] *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 430.

[42] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 251, 253.

[43] Там же. С. 272–276.

[44] Там же. С. 392–399.

[45] Там же. С. 54.

[46] Там же. С. 250.

[47] Там же. С. 141; Подробнее: *Чичкин А.* Неизвестные союзники Сталина. 1940–1945 гг. М., 2012. С. 42–82.

[48] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 102–103.

[49] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 144, 158.

[50] Там же. С. 286.

[51] *Bower T.* Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany — A Pledge Betrayed. London, 1981. P. 82, 84.

[52] *Higham Ch.* Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi-American Money Plot. 1933–1949. N. Y., 1983. P. 232.

[53] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 2. Д. 3. Л. 9; Нюрнбергский процесс: уроки истории. М., 2007.

[54] *Bower T.* Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany — A Pledge Betrayed. P. 347; *Walden G.* How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood. Bloomberg, 2006; *Шахт Я.* Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–194 гг. М., 2011.

[55] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 189.

[56] Там же. С. 362, 428, 445.

[57] *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945 гг. М., 2010. С. 223–224.

[58] *Deane J.* The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation With Russia. N. Y., 1947. P. 265.

[59] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 43; Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. N. Y., 1980. P. 53.

[60] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 468–469.

[61] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 203–204.

[62] *Обухов В. Г.* Уран для Берии. Восточный Туркестан в атомном проекте Кремля. М., 2010. С. 91.

[63] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 72.

[64] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 218, 222.

[65] *Wilson Ward*. The Bomb Didn’t Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? «Foreign Policy». May 29, 2013.

[66] *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 116.

[67] *Wilson Ward*. The Bomb Didn’t Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? «Foreign Policy». May 29, 2013.

[68] Ibid.

[69] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 300.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Выработка позиции СССР по вопросу вступления в войну с Японией

Вопросы места и роли СССР в борьбе народов против милитаристской Японии с первых лет японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе находились в центре внимания советского руководства.

Отношения Советского Союза со своим соседом Китаем в годы японской агрессии строились на основе подписанного 21 августа 1937 г. договора о ненападении. Согласно первой статье этого договора стороны взаимно обязывались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, совершившим нападение на одну из сторон, и в течение всего конфликта воздерживаться от всяческих действий или соглашений, которые могли бы неблагополучно отразиться на стороне, подвергшейся нападению. Договор не возлагал на советскую сторону прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, но и не препятствовал осуществлению такой помощи, не давая Японии формального повода обвинять СССР в его антияпонской направленности.

Китайская сторона не была полностью удовлетворена содержанием договора. Чан Кайши ставил задачу вовлечь Советский Союз в китайско-японскую войну. Он предлагал заключить китайско-советский военный союз или подписать специальный пакт о взаимопомощи. 26 ноября 1937 г. китайский руководитель направил И. В. Сталину телеграмму с просьбой послать советские войска в Китай «для спасения опасного положения в Восточной Азии»[1]. Впоследствии Чан Кайши неоднократно командировал своих специальных представителей с личными посланиями к И. В. Сталину и другим советским руководителям с целью убедить их в необходимости вступления СССР в войну против Японии.

Для Советского Союза было очевидно, что противодействие Китая японской агрессии способствует отвлечению, хотя бы временно, японских вооруженных сил от реализации планов нападения на советские дальневосточные районы. Исходя из этого, а также поддерживая справедливую войну Китая против японских захватчиков, СССР оказывал китайскому правительству значительную финансовую и материальную помощь, включая вооружение, направлял военных советников и инструкторов. В то же время стратегия Советского Союза

состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта — на Западе и Востоке, и эта стратегия сохранялась до 1945 г., что не помешало СССР дать решительный отпор японским вооруженным вылазкам в районе озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939).

США обратились к Советскому Союзу за помощью в ведении войны против Японии сразу же после нападения японских вооруженных сил на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. Уже на следующий день Вашингтон поставил вопрос о предоставлении американским ВВС баз на советском тихоокеанском побережье. А 11 декабря посол СССР в США М. М. Литвинов передал президенту Ф. Рузвельту ответ советской стороны, в котором говорилось, что когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, предпринять такой шаг было бы рискованно, так как Япония может атаковать СССР[2].

Впоследствии с американской стороны просьбы предоставить американским ВВС базы для бомбардировок Японии на советском Дальнем Востоке продолжали поступать. США, Великобритания и Китай были весьма заинтересованы во вступлении СССР в войну с Японией. Так, 20 декабря 1941 г. находящийся в Москве министр иностранных дел Великобритании А. Иден в ходе беседы с И. В. Сталиным обратился с просьбой об оказании помощи в борьбе с Японией. Советский руководитель ответил, что СССР в настоящий момент еще не готов к этому[3]. А в августе 1942 г. эта тема была поднята специальным представителем президента США А. Гарриманом на встрече с И. В. Сталиным. Глава советского правительства заявил, что Япония исторически является русским противником и ее поражение имеет существенное значение, и хотя обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время, несомненно, вступит в нее[4].

Вполне объяснимо, что после нападения Германии на Советский Союз основная задача советской политики на Дальнем Востоке заключалась в том, чтобы не допустить возникновения второго, восточного фронта. Советское руководство серьезно опасалось возможности войны на два фронта и стремилось не давать Японии оснований для нападения на СССР. Посол СССР в США М. М. Литвинов на встрече с американскими журналистами 10 августа 1942 г. заявил, что Россия не будет предоставлять Соединенным Штатам право использовать базы во Владивостоке и Сибири, так как это втянет Россию в войну с Японией, а Россия хотела бы избежать возникновения для нее второго фронта на Востоке, который раздробит ее силы. Советский посол, писала газета «Вашингтон пост», одновременно заявил о «тяжелой ответственности, которая ложится на плечи союзных лидеров, отказывающихся открыть второй фронт»[5].

Вашингтон, пытаясь втянуть СССР в войну с Японией, в то же время уклонялся от активных действий в Европе. 14 августа 1942 г. советник посольства СССР в США А. А. Громыко сообщил В. М. Молотову, что за последние год-два США неизмеримо укрепили свою военную мощь, но в «этой подготовке нет, однако, целеустремленности направить основную массу своих ресурсов против Гитлера как основного и наиболее опасного врага. Правительство США основную массу этих ресурсов направляет против Японии»[6].

В свою очередь, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, сообщая У. Черчиллю о своей встрече с И. В. Сталиным в декабре 1941 г., писал, что советский руководитель считает вероятным нападение Японии на СССР[7]. Об этом свидетельствует и письмо И. В. Сталина У. Черчиллю от 3 сентября 1941 г.: «Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск»[8]. Вероятность японской агрессии в отношении СССР была вполне реальна, особенно с учетом успехов немецкого продвижения в глубь советской территории. При этом советское правительство подчеркивало важность открытия второго фронта, что позволило бы Советскому Союзу противостоять не только Германии, но и Японии, если она начнет войну против СССР.

Впервые советское руководство информировало США о намерении СССР вступить в войну против Японии в ходе Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Тогда состоялась беседа И. В. Сталина с гос-

секретарем США К. Хэллом, в ходе которой советский руководитель заявил, что Советский Союз поможет американским и британским войскам одержать победу над Японией после разгрома Германии. Однако эту информацию, по просьбе главы советского правительства, следовало передать Ф. Рузвельту в совершенно секретном порядке. Госсекретарь незамедлительно сообщил об этой беседе президенту США специальным шифром. В своих мемуарах К. Хэлл отметил, что был «поражен прямым, точным и ясным обещанием И. Сталина»[9].

На Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) перед советской делегацией стояла главная цель — добиться от США и Великобритании твердого обязательства открыть второй фронт в Европе в 1944 г. Союзники же, прежде всего Ф. Рузвельт, были заинтересованы получить от И. В. Сталина обещание вступить в войну с Японией. Зная о подобных ожиданиях Вашингтона и Лондона, советская делегация уже в самом начале конференции дала позитивный ответ на них, что было положительно встречено американским президентом, который начал 28 ноября первое пленарное заседание конференции с обсуждения войны на Тихом океане, и советская позиция подкрепила его настрой на скорейшее открытие второго фронта в Европе, способствуя преодолению пассивно-негативного подхода к этой проблеме У. Черчилля.

После выступления Ф. Рузвельта с обзором стратегии США в войне с Японией выступил И. В. Сталин: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы держать оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом на Японию»[10].

29 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт вручил И. В. Сталину две памятные записки. В первой, озаглавленной «Предварительное планирование военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана», ставился вопрос о прямой или косвенной помощи СССР, «если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов», о возможности использования советских дальневосточных портов вооруженными силами США в войне с Японией, о целесообразности расширения военно-морских баз США для приема советских подводных лодок и эсминцев при опасности нападения со стороны Японии в случае открытия военных действий между СССР и Японией, а также о желательности получения военно-разведывательной информации о Японии. Во второй записке, озаглавленной «Предварительное планирование военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана», предлагалось немедленно приступить к подготовке условий для приема от 100 до 1000 американских четырехмоторных бомбардировщиков в Приморском крае с целью разрушения японских промышленных центров сразу же после начала войны между СССР и Японией[11].

И. В. Сталин принял эти записки для изучения. Ответ был дан В. М. Молотовым на встрече с послом США А. Гарриманом 25 декабря 1943 г. По сути, советская сторона позитивно реагировала только на обращение о снабжении США военной разведывательной информацией, касающейся Японии. Положительного ответа на другие вопросы относительно антияпонского военного сотрудничества не последовало со ссылкой на то, что они либо требуют дальнейшего изучения, либо их реализация представляется затруднительной[12].

На Тегеранской конференции между лидерами большой тройки впервые состоялся обмен мнениями о возможных условиях вступления Советского Союза в войну против Японии. Вообще, обсуждение вопросов войны с Японией планировалось на заседаниях Каирской конференции руководителей США, Великобритании и Китая (конец ноября 1943 г.), в которых Советский Союз не принимал участия, но в качестве наблюдателя там присутствовал заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский. И выраженное в ходе Тегеранской конференции согласие И. В. Сталина с положениями Каирской декларации о лишении

Японии территорий, «захваченных при помощи силы и в результате своей алчности», свидетельствовало о намерении СССР вернуть по меньшей мере Южный Сахалин, который Япония захватила в результате поражения России в развязанной Токио войне.

В ходе бесед в рамках конференции президент США по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом Ф. Рузвельт говорил о Порт-Артуре и Дайрене (Дальнем), которыми ранее пользовалась Россия на правах аренды[13]. Он предложил превратить Дайрен в свободный порт, а И. В. Сталин высказался за использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы. У. Черчилль, традиционно настроенный не идти на серьезные уступки Советскому Союзу, не выдвинул против этого каких-либо возражений, а напротив, говорил о согласии с тем, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах... Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне»[14].

Японскому руководству не было известно о тегеранских договоренностях, касающихся Японии. Однако в Токио по мере все новых побед советских войск над немецко-фашистским агрессором и на фоне укрепления союзнических связей СССР, США и Великобритании начали более определенно проявляться опасения относительного того, что Москва может отказаться от пакта о нейтралитете. Японской дипломатией в 1943—1944 гг. были предприняты усилия, направленные на то, чтобы получить от советского руководства подтверждения позиции о соблюдении нейтралитета. С этой целью Япония начала демонстрировать «стремление улучшить свои отношения с Советским Союзом» и пошла на ликвидацию японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине (предоставленных под японским давлением при установлении дипломатических отношений в 1925 г.[15]), о чем была достигнута советско-японская договоренность 30 марта 1944 г. Советская сторона обязалась при этом выплатить компенсации в размере 5 млн рублей.

И. В. Сталин в беседе 2 февраля 1944 г. с послом США А. Гарриманом оценил указанное изменение японской позиции относительно концессий, несмотря на то что Япония была весьма заинтересована продолжать получать северосахалинские нефть и уголь, как свидетельство того, что «японцы очень напуганы, они очень беспокоятся за будущее... Японцы всячески стараются расположить нас в их пользу... идут на большие уступки»[16].

Одновременно японское руководство, предвидя поражение фашистской Германии, предприняло попытку спасти немецкого союзника, а заодно и посеять недоверие между Вашингтоном и Лондоном с одной стороны и Москвой с другой путем предложения своих посреднических усилий по прекращению советско-германской войны. Несмотря на ясно выраженную позицию советского правительства о невозможности заключения мира с фашистской Германией и требование о безоговорочной капитуляции немецких войск, высокопоставленные японские деятели, в том числе министр иностранных дел М. Сигэмицу и военный министр Г. Сугияма, неоднократно (последний раз в сентябре 1944 г.) ставили перед Москвой вопрос о приеме японской «специальной миротворческой миссии». Токио неизменно получал отказ советского руководства обсуждать с японской стороной вопрос о каких-либо переговорах с Германией для заключения мира[17].

Уже через семь месяцев после совещания в Тегеране Ф. Рузвельт и У. Черчилль стали предлагать провести новую встречу большой тройки. Такая настойчивость не в последнюю очередь была связана с намерением поторопить Советский Союз с принятием решения о вступлении в войну с Японией. Однако И. В. Сталин, ссылаясь «на обстоятельства, связанные с военными операциями на фронте», отклонял эти предложения.

В начале октября 1944 г. в Москву в сопровождении министра иностранных дел Великобритании А. Идена прибыл английский премьер-министр У. Черчилль. В ходе переговоров, в которых принимал участие посол США в СССР А. Гарриман, обсуждались и планы участия Советского Союза в войне против Японии. В разговоре с А. Гарриманом и А. Иденом И. В. Сталин заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии при условии, если США окажут ему помощь в создании необходимых для этого

материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке. Глава советского правительства представил список советских заявок на американские поставки, которые впоследствии составили основу программы «Майлпост»[18].

14 октября глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дж. Дин во время встречи И. В. Сталина с У. Черчиллем ознакомил советского руководителя со стратегическими задачами, которые США намеревались возложить на СССР в войне с Японией: ликвидация Квантунской армии; обеспечение развертывания ВВС США и СССР на Камчатке и в Приморье для бомбардировки Японии; сотрудничество с ВМС и ВВС США, в том числе предоставление им базы ВМС и баз ВВС на Камчатке; оккупация Южного Сахалина. При этом Дж. Дин подчеркнул, что США рассчитывают на вступление СССР в войну с Японией в самые кратчайшие сроки, через полтора-два месяца после капитуляции Германии, и немедленное начало планирования операций против Японии. При этом И. В. Сталин заверил союзников в том, что СССР вступит в войну с Японией, но на определенных политических условиях[19].

Впервые глава советского правительства сформулировал условия вступления СССР в войну с Японией на встрече с послом А. Гарриманом, причем по инициативе последнего, 14 декабря 1944 г. «Советский Союз, — сказал И. В. Сталин, — хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии»[20].

В Государственном департаменте США посчитали территориальные пожелания советского лидера чрезмерными и предложили президенту США передать после войны Южный Сахалин и Курильские острова под международную опеку. В свою очередь, внешнеполитическое ведомство Великобритании полагало, что требования Советского Союза в отношении Южного Сахалина носили законный характер, а в отношении Курильских островов — не соответствовали условиям Каирской декларации, поскольку они были приобретены Японией не в результате войны, а по российско-японскому соглашению мирного времени (по договору 1875 г. за Россией признавалось владение островом Сахалин, а за Японией — всеми Курильскими островами)[21].

При этом игнорировался тот факт, что на переговорах в Портсмуте после окончания Русско-японской войны 1904—1905 гг. японская делегация заявила о том, что война аннулировала все прежние двусторонние договоры, касающиеся территориального размежевания между двумя странами. Таким образом, у Советского Союза были все основания считать вопрос о Курильских островах подпадающим под соответствующие положения Каирской декларации.

Президент США не принял предложения американского Госдепартамента и британского МИДа. Ф. Рузвельт, узнав о запросах И. В. Сталина, «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904—1905 гг.»[22].

На Ялтинской (Крымской) конференции (4—12 февраля 1945 г.), где главное внимание было уделено европейским проблемам в связи с приближающимся полным разгромом фашистской Германии, эти условия И. В. Сталина составили основу для обсуждения проблем Дальнего Востока. Хотя эти вопросы не фигурировали в качестве центральных, поскольку, по сути, они были решены на встрече И. В. Сталина и Ф. Рузвельта 8 февраля 1945 г.

Еще до начала обсуждения на Ялтинской конференции дальневосточных проблем Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину послание, в котором содержалось согласие с условиями

СССР вступления в войну против Японии. В своих мемуарах А. А. Громыко, в то время посол СССР в США, подробно рассказал о реакции И. В. Сталина на послание американского президента. Попросив перевести послание, И. В. Сталин, «по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова. Этим письмом Сталин остался весьма доволен»[23].

Ф. Рузвельт не только не считал советские условия вступления в войну с Японией чрезмерными или неприемлемыми, но, судя по всему, был готов пойти на удовлетворение и более существенных советских запросов. Американский президент, размышляя о будущем международных отношений после войны, рассчитывал на создание такой системы, при которой были бы обеспечены прочный мир и безопасность, а гарантами этого выступали бы прежде всего США и СССР. Поэтому он придавал чрезвычайно важное значение поддержанию дружеских, доверительных отношений с советским руководителем, желая видеть в нем не соперника и тем более не противника, а единомышленника.

В свою очередь, И. В. Сталин пошел навстречу просьбам Ф. Рузвельта. На заседании 8 февраля американский президент получил согласие советского руководителя на предоставление США авиабаз в Комсомольске-на-Амуре или Николаевске для бомбардировок Японии. Не исключалась возможность предоставления таких баз и на Камчатке. И. В. Сталин согласился с просьбой Ф. Рузвельта о предоставлении возможности снабжать по морю необходимыми материалами американские авиабазы в Приамурье, но при этом исключил участие Советского Союза в оказании помощи США в войне с Японией вплоть до вступления СССР в эту войну на стороне союзников. А затем поинтересовался мнением Ф. Рузвельта о политических условиях, которые он сообщил 14 декабря 1944 г. А. Гарриману. Президент ответил, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу» в конце войны. При этом глава советского правительства пояснил, что хочет вернуть России ранее ей принадлежавшее. На это Ф. Рузвельт сказал: «Это представляется мне весьма обоснованным предложением нашего союзника. Русские хотят вернуть себе то, что у них было отторгнуто»[24].

Американский президент подтвердил свое предложение, сделанное в Тегеране, чтобы Советский Союз получил Дайрен как свободный порт, умолчав о Порт-Артуре, поскольку он еще не беседовал по данному вопросу с Чан Кайши, как и о статус-кво Внешней Монголии, то есть о сохранении провозглашенной ею в 1921 г. независимости от Китая. По китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению 1915 г. Монголии предоставлялась автономия, а не независимость от Китая. Относительно аренды КВЖД Советским Союзом Ф. Рузвельт выразил уверенность в возможности найти способ доступа СССР к этой дороге после его беседы с Чан Кайши. При этом он говорил не об аренде, а установлении над ней контроля со стороны смешанной советско-китайской комиссии. Была достигнута договоренность, что эти условия вступления Советского Союза в войну с Японией будут носить совершенно секретный характер. По вопросу о Корее, после изгнания японцев, стороны договорились об установлении, насколько это возможно, короткого срока опеки со стороны СССР, США и Китая, имея в виду по истечении этого срока предоставить ей независимость. В заключение беседы И. В. Сталин одобрил усилия союзников по объединению на севере Китая сил Чан Кайши и коммунистов в интересах единого фронта против Японии.

В выработке соглашений по дальневосточным проблемам У. Черчилль фактически не участвовал либо предварительно не информировался о договоренностях по ним И. В. Сталина и Ф. Рузвельта. Неслучайно министр иностранных дел Великобритании А. Иден рекомендовал У. Черчиллю не подписывать ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока в связи с тем, что ни Великобритания, ни Китай не участвовали в переговорах о его содержании. Однако английский премьер-министр, исходя из того, что это соглашение не затрагивает серьезно британские интересы, и учитывая просьбу союзников, подписал его[25].

У. Черчилль признавал в своих мемуарах: «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте»[26].

По итогам беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом 8 февраля был подготовлен совершенно секретный документ — Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, которое 11 февраля подписали их руководители.

Соглашение предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии при условии:

«1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

a) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

b) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

c) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов».

При этом в соглашении особо подчеркивалось, что «главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»[27]. Этот пункт — убедительный аргумент против тех заключений определенных исследователей и политиков, которые в 1950-е гг. начали утверждать, что ялтинские соглашения являются не более чем декларацией согласованных позиций союзников для завершения Тихоокеанской войны, неким «протоколом о намерениях». Нет сомнения, что положения этого соглашения носят юридически обязательный характер для стран-подписантов.

Другое дело, что в конце 1940-х гг. США начали, руководствуясь логикой холодной войны, отказываться или пересматривать соглашения с Советским Союзом военного времени. Это проявлялось в их курсе на подготовку мирного договора с Японией, когда Вашингтон, стремясь создать в советско-японских отношениях территориальную проблему, придумал «юридический казус» — включил в текст договора статью, по которой Япония «отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.», не упомянув, однако, что эти территории возвращаются и отходят к Советскому Союзу, как это было предусмотрено Ялтинским соглашением. Поскольку в тексте статьи не говорится, в пользу какой страны изымаются эти территории, возник юридический казус — отсутствие фиксации их принадлежности какой-либо стране.

Подписывая Ялтинское соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну против Японии, советское руководство наряду с выполнением союзнического долга исходило из национальных интересов страны. Несмотря на наличие пакта о нейтралитете, СССР справедливо рассматривал угрозу своей безопасности со стороны Японии в качестве вполне реальной. На протяжении всей войны против фашистской Германии Советский Союз вынужден был держать на Дальнем Востоке крупную группировку войск — от 15 до 30% боевого состава своих вооруженных сил. В начале мая 1945 г., то есть до начала массовой переброски советских войск на Дальний Восток, дальневосточные границы прикрывала группировка численностью около 1,2 млн человек[28]. Таким образом, японская угроза вынуждала советское руководство держать крупные формирования вооруженных сил на Дальнем Востоке, столь необходимые СССР в боевых действиях против нацистской Германии.

Китайский фронт и его учет во внешней политике СССР

Китай в работе Ялтинской конференции не участвовал по двум основным причинам. Во-первых, приглашение главы гоминьдановского правительства означало бы открытое признание того, что на встрече обсуждались и дальневосточные проблемы, а по мнению союзных держав, это было преждевременно. Кроме того, имелись серьезные опасения, что китайские представители не смогут сохранить в секрете ялтинские договоренности относительно вступления Советского Союза в войну против Японии.

На конференции в Крыму стороны пришли к единому мнению ничего не сообщать китайцам о ялтинских договоренностях по дальневосточным проблемам до тех пор, пока для этого не наступит подходящий момент. И. В. Сталин считал, что это можно будет сделать после переброски с западного фронта на Дальний Восток 20–25 дивизий. Очевидно, что сохранение секретности диктовалось необходимостью обеспечить незаметную переброску советских войск, не спровоцировать Японию на упреждающие контрудары, исключить возможные попытки Токио выйти из войны, заключив секретное соглашение с Китаем.

Вместе с тем у участников Ялтинской конференции имелось понимание, что договоренности, касающиеся китайских интересов, будут окончательно решены между Советским Союзом и Китаем на двусторонней основе. В Ялтинском секретном соглашении был пункт о том, что Советский Союз заключит «с национальным китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»[29].

Китайская сторона была ознакомлена с договоренностями Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И. В. Сталина относительно условий вступления Советского Союза в войну с Японией лишь в ходе советско-китайских переговоров по заключению двустороннего договора о дружбе и союзе, проходивших с 30 июня по 14 августа 1945 г. Существенное значение имело обязательство СССР во всех вопросах советско-китайских отношений иметь дело только с центральным правительством Китайской Республики как единственно законным, что рассматривалось последним как отказ Москвы от оказания помощи КПК в ее борьбе за свержение гоминьдановского режима.

Следует отметить, что при выработке советской политики в отношении Китая на завершающем этапе Второй мировой войны советское правительство исходило из того, что отношение руководителей США и Великобритании к китайскому союзнику было неоднозначным. С одной стороны, звучали, особенно от американцев, заявления о том, что период «зависимых отношений» ушел в прошлое. С другой — когда чанкайшистское правительство поставило на конференции в Квебеке 11–24 августа 1943 г. вопрос о предоставлении Китаю равного с союзниками положения в военно-стратегических межсоюзнических органах и совещаниях, ему в этом отказали, поскольку Вашингтон и Лондон не собирались допускать китайцев к участию в определении союзнической стратегии. Президент Чан Кайши был приглашен на Каирскую конференцию 22–27 ноября 1943 г., однако с ним обсуждались только дальневосточные вопросы. Особо отрицательно к полноправному подключению Китая к американо-английским совещаниям по всем стратегически проблемам относился Лондон. У. Черчилль опасался остаться в меньшинстве в случае блокирования США с Китаем, что представлялось вполне вероятным.

Президент Ф. Рузвельт неоднократно выражал недовольство деятельностью Чан Кайши, который, по его заключению, предпочитал не воевать с японцами, а был озабочен главным образом проблемой сохранения власти над Китаем и сдерживанием КПК и не спешил использовать полученную американскую помощь в войне с японскими войсками. Вместе с тем американский президент полагал, что при всех недостатках Чан Кайши более сильной фигуры в Китае не существует[30].

Китайский фронт являлся важнейшей составной частью военных действий на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Протяженность китайско-японского фронта достигала

5 тыс. км. В войне участвовали китайская армия численностью до 5 млн человек, японская армия — около 2 млн, войска марионеточного государства Маньчжоу-Го — свыше 1 млн. К концу 1930-х гг. Китай потерял треть своей территории с населением 170 млн человек, важнейшие сырьевые и промышленные центры.

Японское руководство рассматривало Китай в качестве источника материальных ресурсов, как базу для дальнейшей экспансии в Азиатском регионе. При этом Китай оценивался как слабое государство, находящееся в стадии раскола, неспособное к объединению и организации серьезного отпора японским войскам. И Китай, действительно, не мог создать прочный единый национальный фронт борьбы с японской агрессией. Главную роль в военных действиях играли вооруженные силы гоминьдановского правительства во главе с главнокомандующим Чан Кайши, который в целом пользовался поддержкой не только президента Ф. Рузвельта, но и И. В. Сталина.

В то же время Советский Союз способствовал созданию вооруженных сил КПК, которые вошли в состав Национально-революционной армии Гоминьдана. Однако эти войска (8-я и Новая 4-я армии КПК) избегали крупных сражений с японскими вооруженными силами. В свою очередь, Чан Кайши нередко проводил карательные походы против районов, находившихся под контролем КПК. В результате Япония имела возможность увеличивать состав Квантунской группировки войск, перебрасывая войска с китайско-японского фронта.

По мере поражений японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре военных действий Япония стала уделять больше внимания укреплению своих позиций в Северном Китае. Он все более рассматривался японским командованием как военный плацдарм для предстоящей защиты собственно японской территории и, возможно, как база для передислокации руководящих органов страны в случае вступления союзных войск на Японские острова.

В апреле — декабре 1944 г. японская армия провела крупные наступательные операции в Южном Китае, разгромив около 100 гоминьдановских дивизий общей численностью до 700 тыс. человек, обеспечив сквозные коммуникации от Маньчжурии до Индокитая и захватив 36 американских аэродромов, размещенных в Китае. К лету 1945 г. японские войска захватили 45 крупнейших городов Китая, включая Пекин, Нанкин, Шанхай, Ханькоу, с населением более 60 млн человек. В руках Японии оказалось около 90% всей железнодорожной сети Китая. Лишь в середине 1945 г. союзникам удалось восстановить свои позиции в Южном Китае[31], в значительной мере благодаря тому, что в конце июня японская императорская ставка приняла решение «увеличить мощь своих сил на Маньчжурском плацдарме и перебросить туда как можно большее количество войск, действовавших в Китае», и, соответственно, сократить масштабы военных действий на китайском фронте.

Хотя китайские войска в разное время насчитывали от 5 до 6 млн человек, они не смогли провести ни одной серьезной наступательной операции. Однако, несмотря на оккупацию к лету 1945 г. огромных территорий Китая, Японии не удалось полностью оккупировать страну и заставить гоминьдановское руководство капитулировать.

Война принесла огромные беды и разрушения Китаю. Председатель КНР Ху Цзиньтао, находясь в мае 2010 г. в Москве по случаю 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, отметил, что потери Китая в войне с Японией составили более 35 млн человек[32].

Как известно из решений Ялтинской конференции, Советскому Союзу предстояло урегулировать с Китаем ряд важных вопросов. Подход к отношениям с Китаем после Ялты И. В. Сталин изложил на встрече с Г. Гопкинсом, который с 25 мая по 7 июня 1945 г. находился в Москве в качестве специального представителя президента Г. Трумэна. Г. Гопкинс начал обсуждение с советским руководством дальневосточных проблем с вопроса о том, выполнит ли Советский Союз обязательство вступить в войну с Японией, и поинтересовался приблизительной датой. И. В. Сталин заявил, что СССР будет готов к 8 августа, но прежде Китай должен принять советские пожелания, согласованные в Ялте. При этом И. В. Сталин подчеркнул, что Советский Союз «не намерен пересматривать вопрос о китайском суверенитете над Маньчжурией и другими районами Китая», также отметив, что «Внешняя Монголия, как

и в настоящее время, останется независимой республикой». Он определенно высказался в пользу того, что Китай должен быть единым суверенным государством[33].

Таким образом, важнейшим историческим фактом является то, что Советский Союз и Китай были союзниками во Второй мировой войне и внесли существенный совместный вклад в дело разгрома японского милитаризма.

Вступление Советского Союза в войну против Японии

После завершения конференции в Ялте советское руководство осуществило необходимые шаги по реализации принятых на ней решений. Прежде всего 5 апреля 1945 г. был денонсирован пакт о нейтралитете, то есть за год до истечения срока его действия, как это предусматривалось в третьей статье. В. М. Молотов, приняв в тот день японского посла Н. Сато, от имени советского правительства сделал следующее заявление: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР и возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и Соединенными Штатами Америки с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным. В силу сказанного выше... советское правительство настоящим заявляет правительству Японии о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 года»[34].

Денонсировав пакт, Советский Союз однозначно дал понять японскому руководству о реальной перспективе вступления СССР в войну с Японией. Это было серьезное предупреждение японскому правительству о бесполезности дальнейших боевых действий. Однако в Токио отнеслись к нему легковесно и продолжали необоснованно рассчитывать на возможный раскол в рядах союзников или же, в прямо противоположном плане, — на влиятельное посредничество Москвы в достижении Токио почетного мира с Вашингтоном и Лондоном.

В Токио существовало мнение, что у них имеется запас времени — год до истечения срока действия пакта, до 13 апреля 1946 г. В ходе беседы японского посла с В. М. Молотовым, которая состоялась после заявления о денонсации пакта, Н. Сато настойчиво пытался добиться от советского наркома подтверждения того, что Советский Союз будет соблюдать нейтралитет до истечения пятилетнего срока действия. Конечно же, советский министр не мог обсуждать с послом Японии все варианты развития событий, ход которых в полной мере зависел от японского руководства, его решимости прекратить или продолжать войну. В конечном итоге В. М. Молотов дал дипломатичный, уклончивый ответ, пояснив, что по истечении пятилетнего срока действия договора советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до его заключения. Японский посол отметил, что в таком случае японское правительство будет согласно с таким толкованием[35], хотя разъяснение министра никоим образом не давало повода японской стороне надеяться на то, что в случае продолжения ею агрессии СССР останется в стороне.

Если Советский Союз был твердо настроен следовать ялтинским договоренностям с союзниками, то позиция Вашингтона после кончины Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. и вступления на пост президента Г. Трумэна начала претерпевать серьезные изменения. Новый президент США первоначально заявлял о приверженности политике, проводимой его предшественником, однако одновременно начал ее пересмотр, полагая, что наступило время проводить жесткий курс по отношению к СССР.

Сторонником такого подхода выступал посол США в Москве А. Гарриман, который на встрече с Г. Трумэном 20 апреля и на заседании правительства в Белом доме 23 апреля ут-

верждал, что Советский Союз не выдержит противоборства с США и отступит при первых же признаках готовности Соединенных Штатов продемонстрировать силу. Он предложил пересмотреть ялтинские соглашения, в том числе касающиеся дальневосточных проблем. Конкретно, имелось в виду включить всю Корею в зону американской ответственности и усилить внимание к Китаю, чтобы не допустить преобладания в нем «влияния Кремля»[36]. Г. Трумэн согласился с таким подходом и подчеркнул: «Русские нуждаются в нас более, чем мы в них. Я намереваюсь быть твердым в отношениях с советским правительством»[37].

Однако высшие американские военачальники, включая военного министра Г. Стимсона и начальника Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) Дж. Маршалла, хотя и не возражали в принципе против перехода Вашингтона к жесткой политике в отношении Москвы, но считали применение ее преждевременным до разгрома Японии, осуществить который, по их мнению, без советской помощи было крайне сложно.

Принимая во внимание необходимость участия СССР в разгроме японских вооруженных сил и принуждения страны к капитуляции, военное, военно-морское министерства, а также ОКНШ высказались против меморандума Госдепартамента от 12 мая 1945 г. за подписью исполняющего обязанности его главы Дж. Грю, в котором предлагалось обусловить выполнение США ряда ялтинских решений некоторыми дополнительными требованиями американской стороны. В том числе выдвигалось предложение побудить Советский Союз оказать давление на руководство китайской компартии с тем, чтобы «помочь нам в наших усилиях объединить Китай под руководством Чан Кайши», получить согласие Москвы на образование на американских условиях правительства для обеих частей Кореи. Особо примечательным было следующее положение меморандума: «Прежде чем мы дадим окончательное согласие на аннексию Советами Курильских островов, как оговорено в ялтинских соглашениях, желательно получить от советского правительства обещание разрешить нашим гражданским самолетам приземляться на этих островах».

Однако, по заключению военных ведомств, выдвижение дополнительных требований к СССР могло бы серьезно осложнить, а возможно, и вовсе лишить США советской военной помощи в разгроме Японии, но никоим образом не воспрепятствовать получению Москвой всего того, что ей «обещано в Ялте без всякого одобрения или согласия союзников»[38]. И эта точка зрения возобладала.

Направленный американским президентом в Москву в качестве его личного представителя Г. Гопкинс, входивший в ближайшее окружение Ф. Рузвельта и пользовавшийся уважением и доверием советских руководителей, 28 мая 1945 г. на встрече с И. В. Сталиным отметил, что Объединенный комитет начальников штабов США нуждается в информации о возможных сроках вступления Советского Союза в войну против японских войск в Маньчжурии для того, чтобы увязать с этими сроками операции американских вооруженных сил. И. В. Сталин в ответ назвал 8 августа.

Что касается Японии, то в беседе с Г. Гопкинсом И. В. Сталин приветствовал решение требовать ее безоговорочной капитуляции, хотя и заявил, что «японцы будут сражаться до конца». Говоря о будущем Японии, советский руководитель высказался за «полное уничтожение японской милитаристской касты, которая в противном случае всегда попытается взять реванш», а также за то, чтобы покончить с институтом императора в Японии. «Если нынешний император, — сказал он, — предсказуем, то следующий может иметь агрессивный характер». Тем не менее, как обратил внимание американский представитель, советский лидер «считал, что с Японией можно обойтись более снисходительно, чем с Германией»[39]. Очевидно, И. В. Сталин исходил из того, что с точки зрения советских интересов Японию следует наказать за прошлые агрессивные действия как в отношении России, так и Советского Союза, но учесть тот факт, что Япония на протяжении всей войны СССР с Германией и ее союзниками так и не решилась напасть на Советский Союз. В ходе беседы И. В. Сталин обозначил заинтересованность Советского Союза участвовать в послевоенной оккупации Японии.

Советские солдаты у моста через реку в Маньчжурии

Расчет советской 76-мм пушки меняет позицию

Моряки Амурской военной флотилии на улице города в Маньчжурии

Старший лейтенант Постригонь оказывает помощь раненому бойцу

С начала 1945 г. американские вооруженные силы прочно удерживали стратегическую инициативу на Тихоокеанском театре военных действий. Однако блокада Японских островов с моря и массированные авиационные бомбардировки японских городов не сломили решимости японского руководства продолжать войну. Япония продолжала контролировать обширную территорию — от Курильских островов на севере Тихого океана до Соломоновых островов на юге. В этом регионе боевые действия вели несколько японских армий.

Крупная группировка войск в составе восьми армий находилась в Китае. В Маньчжурии дислоцировались Квантунская группировка, включавшая пять армий. Кроме того, в подчинении японского военного командования находились войска марионеточных Маньчжоу-Го, нанкинского режима и кавалерийские части князя Дэвана (Тонлопа) Внутренней Монголии, а на Корейском полуострове дислоцировалась японская Корейская армия. С началом Советско-японской войны они действовали в составе 1, 3-го и 17-го фронтов Квантунской группировки[40]. На территории собственно Японии имелись значительные сухопутные и военно-воздушные войска в составе нескольких армий и отдельных дивизий. Всего личный состав японских сухопутных войск насчитывал более 5,5 млн человек[41].

По численности сухопутных войск на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий Япония превосходила сухопутные силы США и Великобритании почти в два раза, но в три раза уступала по количеству самолетов и почти в пять раз — по количеству боевых кораблей основных классов[42]. Правящие круги Японии рассчитывали на то, что ожесточенное сопротивление позволит не только затянуть войну, но и заставит США и Великобританию пойти на компромиссное завершение конфликта.

Американское военное командование, планируя в марте 1945 г. операции по разгрому Японии, исходило из необходимости осуществления высадки американских войск на острова собственно Японии в составе не менее 5 млн человек. При этом завершение боевых действий, учитывая опыт ожесточенных боев американских войск с японцами, планировалось в лучшем случае на конец 1946 г.[43] Что касается японских вооруженных сил в Китае, особенно мощной Квантунской группировки войск, то американский Объединенный комитет начальников штабов однозначно считал необходимым привлечь Советский Союз к «изгнанию японской армии с материка». Таким образом, высшее военное руководство США исходило из того, что полный разгром вооруженных сил Японии невозможен без участия советских войск[44].

Американские военные понимали, и это было отражено в доктрине ОКНШ, что заставить японцев капитулировать в короткий срок можно только путем нанесения решающего поражения стратегически важной группировке японских войск в огромном регионе северо-востока Китая и в Корее. Именно здесь имелись промышленная и сырьевая база, крупные стратегические запасы вооружений, что позволяло вести длительную войну, нанося большие потери американским войскам.

С учетом этого военное командование США не планировало участие американских войск в операциях в Маньчжурии, а доказывало политическому руководству страны необходимость привлечения Советского Союза к разгрому японских вооруженных сил в Китае. В противном случае, как утверждали американские военные стратеги, для окончательной победы на Японией потребуются дополнительно 18 месяцев войны, при этом американские потери составят более 1 млн погибших, а английские — свыше 500 тыс. человек[45]. Военный министр Г. Стимсон писал исполняющему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: «Вступление России в войну против Японии будет иметь далеко идущий военный эффект, почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни»[46].

Несмотря на активизацию в Вашингтоне противников участия СССР в войне против Японии, полагавших, что это приведет к росту авторитета и популярности Советского Союза в Азии, что не отвечало интересам США, американские военные убедили Г. Трумэна в необходимости сотрудничества с Советским Союзом в деле окончательного разгрома Японии. Как признавал в своих мемуарах Г. Трумэн, в связи с все более фанатичным сопротивлением японцев члены его кабинета, высшее военное командование и он сам «рассматривали вступление России в войну как все более настоятельное и необходимое»[47].

Экипаж советского бомбардировщика

Уничтоженная советскими войсками японская 150-мм бронебашенная установка

Советские солдаты на привале у костра

Брошенная японская техника

Только в битве за один остров Окинаву американцы потеряли более 41 тыс. солдат и офицеров. Именно поэтому, как отмечал американский президент, самая неотложная причина его поездки на Потсдамскую конференцию (17 июля — 2 августа 1945 г.) заключалась в том, чтобы «получить от Сталина личное подтверждение готовности вступить в войну против Японии»[48].

Возможность военной операции против Японии начала рассматриваться советским военным руководством еще в 1944 г. По воспоминаниям Маршала Советского Союза А. М. Василевского, летом 1944 г. после окончания Белорусской операции И. В. Сталин сказал, что ему будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. Первоначальные расчеты передислокации советских войск на границу с Маньчжурией были сделаны в Генеральном штабе уже осенью 1944 г.[49] Согласованный руководителями трех держав в Ялте срок вступления в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе, по словам А. М. Василевского, не стал неожиданностью для советского военного командования, так как еще до поездки в Крым И. В. Сталин поручил ему и А. И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии[50].

Постановлением ГКО СССР от 3 июня 1945 г. № 8916 сс/ов был утвержден состав советских войск и сил, предназначенных для переброски к границам Маньчжурии. Для этой грандиозной операции было выделено 690 частей (36 дивизий), которым надлежало прибыть в места передислокации в 946 специально подготовленных для этого эшелонах. Эта переброска войск началась уже с конца весны 1945 г.: с мая по 8 августа на границу с Маньчжурией в рамках беспрецедентной стратегической операции по перегруппировке советских войск на Восток были перевезены более 403 тыс. военнослужащих, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовика, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей[51]. К 9 августа советские войска на Дальнем Востоке насчитывали 1747 тыс. человек, 5250 танков, 5171 боевой самолет[52]. Всего к августу 1945 г. на Дальнем Востоке были развернуты одиннадцать общевойсковых, одна танковая, три воздушные армии, объединенные в три фронта, а также Тихоокеанский флот. Для общего руководства фронтами было создано Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

28 июня Ставкой Верховного главнокомандования был утвержден план войны с Японией, по которому все подготовительные мероприятия планировалось закончить к 1 августа 1945 г., а к самим боевым действиям предписывалось приступить по особому приказу. Перед войсками была поставлена задача ударами из МНР, Приамурья и Приморья расчленить войска Квантунской группировки, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и полностью ликвидировать разрозненные части противника[53].

Утром 24 июля в рамках проведения Потсдамской конференции лидеров большой тройки состоялось заседание Смешанного англо-американского комитета начальников штабов, а днем — совместное заседание членов Смешанного американо-британского комитета начальников штабов с представителями Генерального штаба Красной армии. На этих заседаниях было подтверждено, что Маньчжурия и Северная Корея отнесены к сфере операций советских войск и эти операции будут осуществлены параллельно с вторжением американцев на острова Кюсю и Хонсю. 26 августа в ходе дальнейших консультаций были окончательно разграничены зоны операций и достигнута договоренность об обмене группами связи[54].

Хотя наступление советских войск готовилось максимально скрытно, в японском руководстве, особенно после денонсации Москвой пакта о нейтралитете и завершения разгрома фашистской Германии, присутствовало понимание реальности угрозы войны Советского Союза против Японии. 6 июня на заседании Высшего совета по руководству войной его членам был представлен документ, в котором говорилось: «Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия

против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»[55].

Поэтому нельзя считать, что объявление 8 августа 1945 г. Советским Союзом войны Японии стало абсолютной неожиданностью для японского руководства. Конечно, ему не была известна точная дата наступления советских войск, однако понимание неизбежности вооруженного выступления Москвы на стороне союзных держав присутствовало. По свидетельству заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил Японии Т. Кавабэ, участие Советского Союза в войне «давно ожидалось, но это не означало, что мы были хорошо готовы к этому»[56].

В японских правящих кругах пристально следили за всеми нюансами отношений между Москвой, Вашингтоном и Лондоном, делая расчет на «неизбежность острых и непримиримых противоречий между социализмом и капитализмом», которые не позволят США и Великобритании привлечь СССР к участию в войне против Японии. Однако с 1944 г. появлялось все больше свидетельств того, что эти расчеты могут не оправдаться. Особо обеспокоило японское правительство выступление И. В. Сталина 6 ноября 1944 г. на праздновании 27-й годовщины Октябрьской революции. В докладе подчеркивалось усиление сотрудничества СССР, США и Великобритании и впервые открыто среди агрессивных государств была названа Япония. Примечательно, что этот доклад был почти полностью опубликован в японской печати, включая оценку Японии как агрессивного государства. Выступление И. В. Сталина четко свидетельствовало о том, что советское руководство рассматривает Японию в качестве общего противника союзных держав и соответственно СССР.

Хотя ялтинские договоренности держались в секрете, в японском руководстве не могли не понимать, что в Ялте неизбежно должен был стоять вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии. Уже 15 февраля 1945 г. на заседании Высшего совета по руководству войной представители военной разведки и министерства иностранных дел доложили о своих выводах относительно возможности того, что Советский Союз весной расторгнет советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и вступит в войну с Японией[57].

После денонсации пакта о нейтралитете в японском руководстве, особенно в министерстве иностранных дел, основными задачами японской стратегии были определены: добиваться в том числе, если потребуется, путем уступок Советскому Союзу, включая территориальные, сохранения Москвой нейтралитета, а также попытаться привлечь советское руководство к посредничеству в переговорах Токио с Вашингтоном и Лондоном о заключении компромиссного мира. При этом не исключалось, что контакты с советским руководством по указанным вопросам могут быть истолкованы США и Великобританией как намерение договориться с Японией за спиной союзников и таким образом в качестве «дополнительного эффекта» будут способствовать их разобщению и даже расколу.

20 апреля министр иностранных дел С. Того в беседе с послом СССР в Токио Я. А. Маликом просил передать министру иностранных дел В. М. Молотову его пожелание встретиться с ним, если тот будет возвращаться в Москву из Сан-Франциско с конференции 25 апреля по учреждению ООН через Сибирь[58].

После разгрома фашистской Германии, который произвел на японское руководство удручающее впечатление, группировка, выступавшая за поиски компромиссного мира в противовес представителям военной верхушки, настаивавшей на продолжении войны всеми возможными средствами, активизировала свою деятельность. 14 мая на совещании Высшего совета по руководству войной, в состав которого входили премьер-министр, военный министр, министр военно-морского флота, министр иностранных дел, начальники штабов армии и флота, было принято решение предпринять дипломатические шаги с целью предотвратить вступление СССР в войну, добиться его благоприятного отношения к Японии и при его посредничестве мира с Англией и США[59].

На совещании С. Того высказался за то, чтобы Япония ради достижения указанных целей была готова сделать значительные уступки Советскому Союзу. При этом участники совещания не выдвинули возражений против его предложения вернуть СССР Южный Сахалин, а также

восстановить «в общих чертах положение, которое существовало до русско-японской войны при условии вынесения за скобки вопроса об автономии Кореи, который будет решаться по усмотрению Японии, и нейтрализации Южной Маньчжурии»[60].

В своем решении Высший совет одобрил возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, северной части Курильских островов, прав на железные дороги в Маньчжурии, проход через Сангарский пролив между островами Хоккайдо и Хонсю, предоставление сферы влияния во Внутренней Монголии, а также аренды Порт-Артура и Дайрена. Соответствующий документ, согласно воспоминаниям С. Того, «был подписан участниками совещания... После согласования наших мер в отношении СССР я информировал Высший совет о своем намерении доверить бывшему премьеру Хирота проведение предварительных переговоров с советским послом»[61]. Примечательно, что указанные уступки почти полностью совпали с теми предложениями, которые МИД Японии разрабатывал еще в сентябре 1944 г. с целью заинтересовать Советский Союз в сохранении пакта о нейтралитете[62].

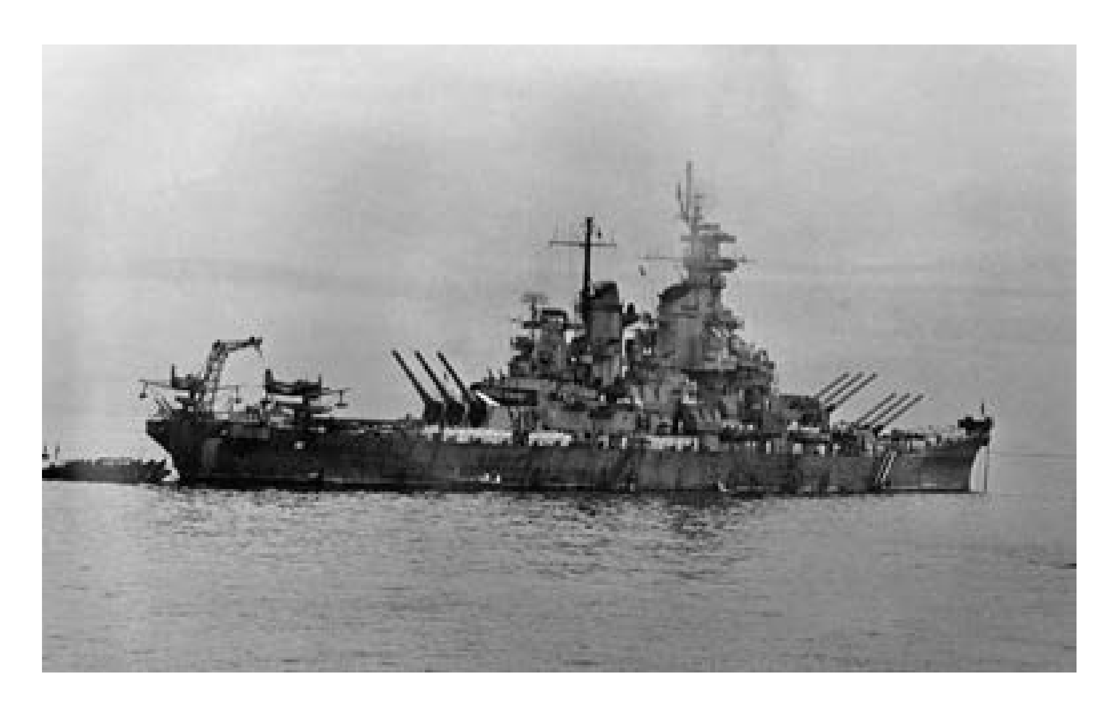
В соответствии с решениями Высшего совета министр иностранных дел С. Того поручил бывшему премьер-министру К. Хироте встретиться с послом СССР в Японии Я. А. Маликом и довести до сведения советского руководства готовность японской стороны улучшить отношения с СССР, пока «пакт о нейтралитете находится еще в силе. А также передать предложение заключить двустороннее соглашение о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения между двумя странами»[63]. К. Хирота должен был действовать секретно, как неофициальное лицо. Его первая встреча состоялась с Я. А. Маликом 3 июня 1945 г., а на следующий день — еще одна.

Докладывая в Москву о содержании высказываний К. Хироты, посол информировал о том, что японское руководство заинтересовано в «установлении мирных и дружественных отношений с СССР и готово оформить это в договорном порядке». На очередной встрече 29 июня К. Хирота сообщил, что при условии заключения между Японией и СССР соглашения о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения между двумя странами японская сторона была согласна на нейтрализацию Маньчжоу-Го и готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться советской нефтью, и обсудить «все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить»[64].

В ответ на информацию о своих беседах с К. Хиротой Я. А. Малик 8 июля получил указание от В. М. Молотова «не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждение японских предложений... не дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры ваши беседы». После таких инструкций советский посол начал избегать встреч не только с К. Хиротой, но и другими высокопоставленными японскими представителями[65].

Сознавая, что канал связи с Москвой через советского посла не работает, а также в связи с сообщениями о готовящейся встрече глав правительств трех союзных держав С. Того предложил направить в Москву бывшего премьер-министра принца Ф. Коноэ в качестве специального представителя императора Хирохито. 12 июля император одобрил это предложение, и на следующий день посол Японии в Москве Н. Сато на встрече с заместителем министра иностранных дел С. А. Лозовским, вручив послание императора, просил согласия на приезд в СССР его специального представителя. Примечательно, что послание императора не имело адресата, хотя Н. Сато и выразил пожелание, чтобы с ним «ознакомились глава государства Калинин и глава советского правительства Сталин». Кроме того, отмечалось, что поскольку «США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца... в результате неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих стран... и Его Величество, будучи крайне обеспокоен в этой миссии, изъявил пожелание, чтобы... в кратчайший срок был восстановлен мир»[66].

Решение о направлении в Москву Ф. Коноэ, полномочия которого по ведению возможных переговоров с представителями советского руководства не были оговорены, а также безадресное послание императора весьма неконкретного содержания свидетельствовали о полной растерянности в японских правящих кругах относительно хода войны, а также об отсутствии реалистичного видения ситуации вокруг Японии и понимания политики союзных держав.

Американский линкор «Миссури» на якорной стоянке в Токийском заливе

Генерал Ё. Умэдзу подписывает Акт о капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г.

Американский адмирал Ч. Нимиц подписывает Акт о капитуляции Японии

Японские мирные жители молятся у токийского моста Нидзёбаси в день объявления о капитуляции Японии

18 июля в Москве С. А. Лозовский передал ответ советского правительства на послание императора. В нем указывалось, что «высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ». В заключение говорилось: «Ввиду изложенного советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ, о которой говорится в Вашей ноте от 13 июля»[67].

24 июля Н. Сато получил телеграмму от С. Того. Министр поручал ему сообщить советскому правительству, что задачи миссии Коноэ заключаются в том, чтобы просить руководство Советского Союза о посредничестве с целью окончания войны. В его задачу также входило ведение переговоров с советским правительством об укреплении советско-японских отношений. 25 июля на встрече с С. А. Лозовским посол Японии передал эти разъяснения советской стороне, но в ответ никакой реакции не последовало[68].

28 июля на очередном заседании в Потсдаме И. В. Сталин информировал Г. Трумэна и нового премьер-министра Великобритании К. Эттли о том, что Япония обратилась к Советскому Союзу с предложением о посредничестве и сотрудничестве и что советское правительство эти предложения не приняло[69].

Выступив с Потсдамской декларацией, большая тройка рассчитывала на то, что она может быть принята японским руководством, и таким образом необходимость участия Советского Союза в войне против Японии отпадет. Однако 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию. Вслед за этим 30 июля посол Японии Н. Сато в беседе с С. А. Лозовским вновь передал обращение японской стороны с просьбой о посредничестве Советского Союза с тем, чтобы Япония смогла избежать безоговорочной капитуляции[70]. Расчеты японского руководства на то, чтобы с помощью советского посредничества оттянуть наступление неизбежного поражения и добиться почетного мира, не оправдались. Несостоятельными оказались и прогнозы о возможности, если не предотвратить вступление в войну против Японии СССР, то хотя бы задержать его сроки.

17 июля в ходе Потсдамской конференции Г. Трумэн, обращаясь к И. В. Сталину, сказал: «США ожидают помощи от Советского Союза в войне против Японии». И. В. Сталин заявил, что СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в боевые действия в середине августа[71]. На заседании в Потсдаме начальников штабов трех держав — СССР, США и Англии генерал армии А. И. Антонов подтвердил, что советские войска концентрируются на Дальнем Востоке и Советский Союз вступит в войну против Японии в указанные И. В. Сталиным сроки.

Текст Потсдамской декларации был подготовлен в Вашингтоне еще до начала Потсдамской конференции, но его передали для подписания У. Черчиллю и Чан Кайши только 24 июля. После получения от них согласия содержание декларации от 26 июля было передано по радио, а 27 июля опубликовано в газетах. Советское руководство не было предварительно ознакомлено с содержанием декларации, а лишь информировано о нем на том основании, что Советский Союз не находился в состоянии войны с Японией. Тем не менее с учетом предстоящего вступления СССР в войну с Японией такое отношение к союзнику нельзя не рассматривать как по меньшей мере недружественное.

Правящие круги Японии понимали, что Потсдамская декларация ставит вопрос об определенных изменениях в системе управления страной и принятие условий, содержащихся в ней, будет фактически означать согласие на проведение таких изменений. Хотя в Потсдамской декларации содержалось требование о безоговорочной капитуляции, в японском руководстве после ознакомления с ее текстом, переданным американским радио, сложилось мнение о возможности вступить с союзными державами в переговоры с тем, чтобы добиться пусть и небольшого, но пересмотра неблагоприятных для Японии положений декларации, а также уточнить некоторые из них. Поскольку подписи Советского Союза под декларацией не было, это расценивалось как возможность предпринять новые попытки привлечь Москву к осуществлению посреднических усилий.

Министр иностранных дел С. Того на состоявшемся 27 июля заседании Высшего совета по руководству войной выступил за принятие Потсдамской декларации. Его поддержал премьер-министр К. Судзуки. Однако начальник генерального штаба ВМФ С. Тоёда предложил выступить с заявлением правительства, отвергающим декларацию «как абсурдную» и не подлежащую рассмотрению. В конечном итоге, военная верхушка убедила премьер-министра К. Судзуки отвергнуть декларацию, что и было им сделано. На пресс-конференции 28 июля он заявил, что Потсдамская декларация является лишь перефразированием Каирской декларации 1943 г. и правительство Японии намерено игнорировать ее (в дословном переводе «убить молчанием»)[72].

Таким образом, японское руководство приняло решение тянуть время, продолжая боевые действия. Расчет делался на то, что союзники еще окончательно не определились в своей политике в отношении Японии и могут смягчить требования, выдвинутые в Потсдамской декларации. При этом японские политики исходили из того, что идеалист Ф. Рузвельт умер, харизматичный и решительный У. Черчилль проиграл в Англии выборы и ушел со своего поста, а Советский Союз, которому выгодно иметь Японию на своей стороне в противовес Вашингтону и Лондону, еще окончательно не ответил на японский зондаж относительно его посредничества в переговорах Токио с англо-американским альянсом об условиях прекращения войны.

Политика японского руководства не спешить с принятием Потсдамской декларации, ничем не обоснованные расчеты на раскол в лагере союзных держав стали роковой ошибкой, принесшей огромные страдания и бедствия японскому народу. Непринятие японским руководством Потсдамской декларации послужило для Вашингтона оправданием применения в войне с Японией ядерного оружия. Однако были и другие причины.

Получив информацию о завершающей стадии создания атомного оружия и выслушав разъяснения военных о его предполагаемых разрушительных возможностях, президент Г. Трумэн пришел к заключению относительно того, что атомная бомба предоставляет США серьезные рычаги воздействия на мировую политику и значительно усилит средства давления на Советский Союз. Президент Г. Трумэн и его окружение исходили из того, что «атомная бомба должна быть использована прежде всего в качестве мощного сдерживающего фактора на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию». Назначенный 3 июля 1945 г. госсекретарем США Дж. Бирнс полагал, что атомная бомба нужна больше для того, чтобы «сделать Россию более управляемой в Европе», нежели нанести поражение Японии[73]. Он убеждал Г. Трумэна в том, что «бомба дает нам возможность продиктовать наши условия в конце войны»[74]. А 26 июля в беседе с военно-морским министром Дж. Форрестолом он отмечал, что более всего озабочен тем, как бы «окончить все дела, связанные с Японией, до вступления в войну России». И добавил при этом, что только таким образом можно будет лишить СССР Дайрена и Порт-Артура[75].

В начале мая 1945 г. президент США учредил комитет из представителей военных и ученых для выработки рекомендаций по применению атомной бомбы. 1 июня члены комитета достигли согласия в том, что ее следует использовать возможно скорее против Японии и сбросить там, где имеется военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, а также осуществить это без предварительного предупреждения японцев. В качестве конкретных целей комитет рекомендовал города Хиросиму, Кокуру, Ниигату и Киото. Впоследствии вместо Киото был определен город Нагасаки. В тот же день после утверждения указанных рекомендаций президентом США американским авиационным частям был отдан приказ не подвергать вышеупомянутые города авиационным бомбардировкам с тем, чтобы иметь полное представление о масштабах разрушений после применения атомной бомбы.

С получением в свое распоряжение оружия огромной разрушительной мощи в американском руководстве усилились позиции тех политических деятелей и военных руководителей, которые выступали против вступления СССР в войну против Японии на том основании, что теперь советская помощь в разгроме японской военной машины не является актуальной. Так,

военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике, что США «уже более не нуждаются в советской помощи».

Однако в целом американское руководство не считало целесообразным отказываться от участия СССР в войне против Японии. К тому же с учетом всех обстоятельств вряд ли это было возможным, когда Советский Союз уже фактически закончил приготовления к началу военных действий. Кроме того, имелось сомнение, что только применение ядерного оружия, а в то время США располагали всего двумя атомными бомбами, побудит японское руководство к капитуляции. Перед началом Потсдамской конференции объединенный разведывательный комитет США представил президенту Г. Трумэну документ, в котором подчеркивалось, что «вступление Советского Союза в войну окончательно убедило бы японцев в неизбежности полного поражения»[76].

Следует учитывать и тот факт, что, несмотря на рост неприязни американского руководства и лично Г. Трумэна к Советскому Союзу, Вашингтону приходилось считаться с возросшими в результате победы над Германией политическими и экономическими возможностями СССР и учитывать наличие соглашений между союзниками военного времени. Неслучайно в своих мемуарах госсекретарь Дж. Бирнс писал: «Я должен откровенно признаться, что испытал бы чувство удовлетворения, если бы русские решили не вступать войну... Однако соглашение было заключено, и мы вынуждены были придерживаться своих обязательств»[77].

И все же американское руководство рассчитывало на то, что Япония капитулирует до вступления СССР в войну, и это лишит советское руководство права претендовать на «свою долю» в победе. В этой связи Вашингтон оказывал давление на Китай, чтобы он затягивал переговоры с Советским Союзом о заключении договора о дружбе и союзе и о согласии на те условия советского участия в войне против Японии, которые затрагивали китайские интересы и были согласованы в Ялте. Как признавал Дж. Бирнс, «продолжение переговоров между Сталиным и Чан Кайши затянуло бы вступление в войну СССР, а японцы тем временем могли бы капитулировать. Президент разделял эту точку зрения»[78].

Действительно, Китай на переговорах пытался оспаривать ряд согласованных на Ялтинской конференции договоренностей об условиях вступления СССР в войну с Японией. Китайские представители выступили против признания независимости Внешней Монголии, то есть Монгольской Народной Республики, возражали против преимущественного положения СССР в Порт-Артуре и Дайрене, настаивали на передаче Китаю построенных Россией КВЖД и ЮМЖД, а также обслуживающих их промышленных предприятий.

Однако советской стороне удалось преодолеть сопротивление китайской делегации и зафиксировать в подписанном 14 августа 1945 г. договоре о дружбе и союзе свои основные интересы. По этому договору Советскому Союзу возвращалось утраченное в результате поражения России в Русско-японской войне 1904—1905 гг. право на использование военно-морской базы Порт-Артур и порта Дайрен. Советский Союз обеспечил право на совместное с Китаем использование Маньчжурских железных дорог — КВЖД и ЮМЖД, а также на совместное владение с китайской стороной крупными промышленными объектами, связанными с функционированием этих железных дорог. Стороны договорились об укреплении дружественных отношений и широкого сотрудничества, главной целью которого объявлялось предотвращение возрождения японской агрессии. При этом имелось в виду принятие обеими сторонами мер, которые сделали бы невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией.

6 августа американский бомбардировщик Б-52 сбросил на не имевший какого-либо серьезного военного значения город Хиросиму атомную бомбу, от взрыва которой погибли более 90 тыс. человек, были ранены 40 тыс. человек, а еще десятки тысяч японцев умерли впоследствии от радиоактивного облучения. После атомной бомбардировки Хиросимы в тот же день Белый дом выступил с официальным заявлением, в котором сообщалось об истории создания огромной разрушительной силы атомного оружия, а также содержалось предупреждение Японии, что в случае отказа от капитуляции ее «ожидает с воздуха такой поток разрушений, которого никогда не знала земля»[79].

Однако у Японии оставалось достаточно сил и средств, чтобы продолжить военные действия и на территории Китая и Кореи, и на Японских островах. Поэтому японское руководство не считало атомную бомбардировку достаточным основанием для прекращения боевых действий. Ситуация кардинально изменилась лишь после вступления в войну против Японии Советского Союза.

Заявление о вступлении с 9 августа Советского Союза в войну с Японией было передано народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым японскому правительству через японского посла в Москве Н. Сато на встрече с ним 8 августа. В заявлении отмечалось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония остается единственной державой, стоящей за продолжение войны, и она отклонила требования США, Великобритании и Китая от 26 июля о безоговорочной капитуляции. Тем самым, как было отмечено, предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву. «Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Союзу с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира. Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года... Ввиду изложенного советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»[80].

Формально Советский Союз вступил в войну с Японией ранее истечения срока действия советско-японского пакта о нейтралитете (действовал до апреля 1946 г.). Однако, заявив 5 апреля 1945 г. о том, что пакт «потерял смысл», и о желании его денонсировать, советское правительство совершенно четко предупредило японское правительство о своем фактическом отказе от выполнения обязательств по содержанию пакта. Кроме того, во второй статье пакта говорится о том, что нейтралитет будет соблюдаться в том случае, если «одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Япония соблюдала, хотя и совершая многочисленные провокации на советской границе, нейтралитет, когда Советский Союз подвергся агрессии со стороны фашистской Германии. В то же время Япония инициировала нападение на Соединенные Штаты, Китай и вооруженные силы Англии, не будучи объектом агрессии. С этой точки зрения у советского правительства были основания руководствоваться не пактом, а обязательствами перед своими союзниками по антифашистской коалиции, что и было сделано.

Сразу же после встречи В. М. Молотова с японским послом Н. Сато в Кремль был приглашен американский посол А. Гарриман, которому И. В. Сталин сообщил о вступлении Советского Союза в войну с Японией. Президент Г. Трумэн 9 августа заявил о том, что «Правительство США... радушно приветствует участие в этой войне нашего славного и победоносного союзника»[81]. Премьер-министр Великобритании К. Эттли подчеркнул: «Объявление сегодня войны Советским Союзом против Японии является демонстрацией солидарности между союзными державами... Великобритания приветствует это великое решение Советской России»[82].

Выступая в Палате общин уже в качестве бывшего руководителя британского правительства, У. Черчилль признал, что когда он и президент США рассматривали планы операции против Японии, разработанные военачальниками обеих стран, никто не мог сказать, сколько будет потеряно жизней британских и американских солдат, «как долго Япония будет продолжать оказывать сопротивление на огромном количестве территорий, которые она захватила, и в особенности на территории собственно Японии». У. Черчилль заявил, что было бы ошибкой полагать, будто объявление Советским Союзом войны Японии было ускорено применением атомных бомб[83].

В послании И. В. Сталину 9 августа Чан Кайши подчеркивал: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. В самом начале оборонительной войны Китая Советский

Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности»[84].

Вступление Советского Союза в войну стало ударом для японской правящей элиты, как гражданской, так и военной. Политически и дипломатически оно разрушило какие-либо надежды на окончание войны с помощью советского посредничества. Император Японии Хирохито приказал лорду-хранителю печати К. Кидо «быстро овладеть ситуацией, поскольку Советский Союз объявил нам войну и начал сегодня боевые действия»[85].

9 августа в 11 часов состоялось заседание Высшего совета по руководству войной. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил премьер-министр Японии К. Судзуки, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»[86]. Теперь уже возражений против принятия Потсдамской декларации выдвинуто не было. Вместе с тем высказывалось мнение о том, чтобы настаивать на сохранении «национальной государственности, то есть прежде всего неприкосновенности императорского дома» как на непременном условии принятия декларации. Военные выдвинули дополнительные условия: по возможности избежать оккупации Японии, самостоятельно осуществить разоружение и наказать военных преступников. Если эти условия не будут приняты, то японские военные руководители, особенно представители армии, выступали за продолжение боевых действий на японской территории.

Незадолго до полуночи 9 августа было созвано заседание Высшего совета по руководству войной уже в присутствии императора, в котором принимали участие премьер-министр, министр иностранных дел, министры родов войск, начальники штабов, председатель Тайного совета барон К. Хиранума. Премьер-министр К. Судзуки доложил императору о разногласиях по вопросу о Потсдамской декларации: принять при условии, что не будет никакого требования, которое могло бы нанести ущерб установленному традицией статусу императора, или принять с дополнительными условиями, выдвинутыми армейским командованием. Поскольку раскол во мнениях сохранялся, в том числе и на заседании в присутствии императора, премьер-министр «попросил прощения за необходимость смиренно испросить императорское решение». Император высказался в том духе, что «полагаться на уверенность родов войск в окончательной победе нельзя», и сейчас, «вынося невыносимое, он принимает условия Потсдамской декларации с тем, чтобы сохранить национальную государственность»[87].

Ранним утром 10 августа через правительство Швейцарии, представлявшее интересы Японии, США было передано сообщение-нота о том, что «правительство Японии готово принять условия, перечисленные в совместной декларации, опубликованной в Потсдаме 26 июля 1945 г. главами правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая и затем подписанной советским правительством, при условии, что обозначенная декларация не содержит какого-либо требования, которое наносит ущерб прерогативам Его Величества как суверенного правителя»[88].

В ответе, поступившем в Токио 12 августа и направленном Государственным департаментом США от имени правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая правительству Японии, говорилось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав» и что «форма правительства Японии, в конечном счете, будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа»[89].

В министерстве иностранных дел Японии при переводе текста для правительства были несколько изменены акценты в вопросе, касающемся императора, так как существовало опасение, что фраза «власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав» вызовет укрепление позиций группировки, выступающей за продолжение военных действий. Поэтому в переводе на японский язык было записано, что «власть императора и японского правительства будет ограничена союзными державами»[90].

Даже в таком виде ответ вызвал недовольство у части правящих кругов Японии, в том числе у председателя Тайного совета барона К. Хиранумы, представителей военных кругов, премьер-министра К. Судзуки[91]. На заседаниях кабинета министров военный министр К. Анами продолжал настаивать на необходимости продолжать добиваться изменения условий капитуляции и готовиться к проведению «еще одного сражения». Его поддерживали министр внутренних дел Г. Абэ и министр юстиции Х. Мацудзака.

14 августа в связи с отсутствием единства среди членов кабинета министров относительно реакции на ответ союзных держав у императора вновь было собрано совещание. Представители армии повторяли свою позицию: поскольку отсутствует уверенность в сохранении японской национальной государственности, «нет иного выхода, кроме продолжения борьбы даже ценой сотни миллионов жизней»[92]. Всё решило выступление императора, который заявил, что он «при зрелом рассмотрении условий внутри страны и за ее пределами, и особенно учитывая ход войны, твердо решил принять Потсдамскую декларацию». При этом он отметил, что исходит из отсутствия в Потсдамской декларации положений, имеющих в виду подрыв национальной государственности Японии. «Однако если в настоящий момент войну не прекратить, боюсь, что национальная государственность будет уничтожена и народ погибнет»[93]. Совещание закончилось, по свидетельству С. Того, весьма эмоционально: «Слушая речь императора, все присутствующие плакали»[94].

Вывод императора о том, что монархию удастся отстоять, был не в последнюю очередь сделан на основании того, что ни в Потсдамской декларации, ни в других документах союзных держав прямо не говорилось о ликвидации императорского правления в Японии.

Поздним вечером 14 августа был подготовлен императорский рескрипт о принятии Потсдамской декларации, который сразу же направлен правительствам США, Великобритании, СССР и Китая через правительство Швейцарии. 15 августа по радио выступил император, сообщивший о принятии условий Потсдамской декларации и своем решении прекратить войну. 16 августа всем войскам был передан приказ прекратить военные действия, а 17 августа император обратился с посланием к солдатам и офицерам японской армии, в котором основной причиной капитуляции назвал вступление в войну Советского Союза, при этом атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не упоминались. В обращении говорилось: «Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране повлекло бы за собой новые жертвы и страдания и могло бы привести к потере основ нашей Империи»[95].

Получив сообщение о вступлении Советского Союза в войну, японское военное командование, однако, приняло решение начать военные действия против СССР, отдав директиву Квантунской группировке войск «повсеместно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза». Японским экспедиционным войскам в Китае было приказано оказать помощь в этом войскам Квантунской группировки[96]. В соответствии с этими директивами японские войска вели ожесточенное сопротивление наступавшим советским войскам.

Однако войска Красной армии, хорошо подготовленные, имевшие опыт войны с немецко-фашистскими армиями, вооруженные первоклассным по тому времени оружием под руководством военного командования, неоднократно проводившего крупнейшие военно-стратегические операции, в короткий срок сломили оборону японских войск в передовых районах и быстрыми темпами продвигались по территории Маньчжурии.

Приказ императорской ставки войскам армии и силам флота о прекращении войны, отправленный 16 августа, не был, однако, своевременно доведен до войск Квантунской группировки. 17 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский направил в связи с этим главнокомандующему войсками Квантунской группировки войск генералу О. Ямаде радиограмму, в которой, в частности, потребовал от японского военачальника «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен»[97]. Ультиматум советского главнокомандующего был подкреплен решительными действиями войск. Чтобы ускорить процесс капитуляции и немедленно взять под контроль наиболее

важные объекты на территории противника, 18–23 августа в крупнейших административных центрах Маньчжурии и Северной Кореи были высажены воздушные десанты.

Несмотря на продолжение на ряде направлений сопротивления японских войск, разоружение Квантунской группировки было завершено к концу августа. На Южном Сахалине боевые действия завершились 25 августа, на Южных Курильских островах — 1 сентября. В ходе боевых действий японские войска потеряли около 84 тыс. солдат и офицеров, в плен были взяты более 640 тыс. японских военнослужащих, включая генерала О. Ямаду[98]. Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек[99].

В ходе советской военной кампании возник ряд осложнений в советско-американских отношениях. В подписанном 14 августа верховным главнокомандующим вооруженными силами союзных держав генералом Д. Макартуром «Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил не было указаний о том, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это могло расцениваться как отход Вашингтона от ялтинских договоренностей о переходе Курил к Советскому Союзу. Получив 15 августа текст приказа, переданного в телеграмме Г. Трумэна, И. В. Сталин предложил внести в него следующие поправки: включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо от города Румои до города Кусиро. Объясняя свою позицию в пользу оккупации советскими войсками территории собственно Японии, И. В. Сталин отметил, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы сильно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»[100].

Вопрос об оккупации острова Хоккайдо обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР с участием советских военачальников еще 26–27 июня 1945 г. в ходе рассмотрения готовности к началу военных действий на Дальнем Востоке. Хотя никакого решения по этому вопросу тогда принято не было, по указанию И. В. Сталина осуществлялась подготовка десантной операции на остров Хоккайдо, о чем маршал А. М. Василевский регулярно докладывал лично Верховному главнокомандующему. 18 августа ему был направлен приказ о подготовке к высадке на остров Хоккайдо с 19 августа по 1 сентября[101].

17 августа был получен ответ на предложения И. В. Сталина от Г. Трумэна. В нем содержалось согласие «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Предложение об оккупации советскими войсками части острова Хоккайдо было отвергнуто без каких-либо объяснений[102].

В связи с отказом допустить советские войска на остров Хоккайдо соответствующий приказ А. М. Василевскому был отменен. Недовольство И. В. Сталина позицией Г. Трумэна выразилось в отказе удовлетворить просьбу США предоставить базы на Курильских островах. Советский руководитель реагировал на эту просьбу довольно резко, подчеркнув, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзного государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории»[103].

Японские войска в Китае капитулировали перед гоминьдановскими войсками, на чем особенно настаивал Чан Кайши. Для принятия капитуляции гоминьдановские войска на американских кораблях и самолетах перебрасывались из западных и юго-западных районов Китая в Шанхай, Пекин, Тяньцзин, Гуанчжоу и другие крупные города. На Китайском театре военных действий была принята капитуляция 1280 тыс. японских и 1460 тыс. марионеточных войск[104].

Одновременно войска КПК, дислоцированные в Северном и Центральном Китае, начали продвижение в районы расположения японцев. Начались столкновения вооруженных сил КПК с гоминьдановскими войсками. Руководство КПК рассчитывало на поддержку своих

действий против Гоминьдана Советским Союзом и на вовлечение советских войск в гражданскую войну. Однако в тот период СССР придерживался положений договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. и проводил политику невмешательства во внутренние дела Китая.

Тем не менее разгром Квантунской группировки войск, освобождение Маньчжурии Красной армией от японской оккупации создали для КПК возможность для формирования в северо-восточных районах страны своей опорной базы. Хотя Советский Союз не вмешивался во внутренние дела Китая, советские войска и советская военная администрация, находясь в этих районах около года, серьезно ограничивали попытки гоминьдановского руководства взять под свой контроль Северо-Восточный Китай. По мере вывода из Маньчжурии советских войск Чан Кайши начал направлять туда гоминьдановские войска, которые заняли южную часть Маньчжурии, но не решились на продвижение в глубь маньчжурской территории.

В советском руководстве в конечном итоге был взят курс на фактический отказ признания центрального правительства Китайской Республики единственным законным правительством этой страны. Хотя И. В. Сталин заверял находившегося в Москве в конце декабря 1945 г. — начале января 1946 г. по поручению Чан Кайши его сына Цзян Цзинго в неизменности поддержки руководства Китайской Республики, начался процесс передачи Маньчжурии в руки администрации, сформированной китайской компартией. К концу 1946 г. Маньчжурия оказалась полностью под контролем КПК, превратилась в военно-революционную базу, с которой вооруженные силы компартии развернули наступление по всей территории страны, разгромили гоминьдановские войска, а 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе состоялась официальная церемония подписания Акта о капитуляции Японии. С японской стороны этот документ от имени императора и правительства Японии подписали министр иностранных дел М. Сигэмицу и представитель имперской ставки Японии начальник генерального штаба Ё. Умэдзу, от союзных держав — генерал Д. Макартур, от США — адмирал Ч. Нимиц, от Китайской Республики — Су Юнчан, от Великобритании — Б. Фрезер, от СССР — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, затем представители Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. В Акте о капитуляции Японии провозглашалось принятие Японией условий Потсдамской декларации союзных держав — США, Китая и Великобритании, к которым присоединился Советский Союз.

Вторая мировая война, развязанная державами оси — Германией, Италией и Японией и приведшая к невиданным в истории человечества гибели людей и материальным разрушениям, завершилась полным разгромом и капитуляцией агрессоров. Советский Союз, вынесший основную тяжесть борьбы с вооруженными силами гитлеровской Германии и ее союзниками на Европейском театре военный действий, сыграл огромную роль в обеспечении ускоренного завершения войны на Востоке. Вступление СССР в войну против Японии и разгром наиболее боеспособной более чем миллионной японской Квантунской группировки войск явились решающими факторами в принятии Токио решения о безоговорочной капитуляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Советско-китайские отношения. 1937—1945 гг. Документы и материалы. Т. IV. Кн. 1. 1937—1944 гг. М., 2000. С. 163.

[2] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 145.

[3] *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941—1942 гг. М., 1997. С. 58.

[4] *Deane I.* The Strange Alliance. N. Y., 1947. P. 226.

[5] Library of Congress. The Collection of the Manuscript Division. The Papers of Raymond Clapper, Container 50.

[6] АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 6. Л. 15.

[7] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 289.

[8] Там же. С. 291.

[9] *Hull C.* Memoirs. Vol. 11. N. Y., 1948. P. 1309—1310.

[10] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 95.

[11] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 109—110.

[12] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 471—472.

[13] Там же. Т. 2. С. 271—272.

[14] *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy. L., 1954. P. 389.

[15] При заключении пакта о нейтралитете японская сторона обязалась ликвидировать эти концессии не позднее октября 1941 г., однако не сделала этого, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза, который после нападения фашистской Германии вынужден был не ставить этот вопрос, чтобы не давать Токио повода для осуществления военных акций против СССР.

[16] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 20—21.

[17] См. подробнее: *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. С. 388—390.

[18] FRUS. Vol. 1. The Conference at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1961. P. 368.

[19] Journal of North Asian Studies 14,3 (FALL 1995). P. 3—49.

[20] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 270—273.

[21] *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. М., 2006. С. 189.

[22] *Rose L.* After Yalta. America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 25.

[23] *Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 1. С. 189—191.

[24] *Willmot C.* Stalin's Great Victory. N. Y., 1950. P. 830.

[25] *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. P. 340—342.

[26] Ibid. P. 295.

[27] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 111–112.

[28] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 434.

[29] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 111–112.

[30] *Кузнец Ю. Л.* От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970. С. 148–149.

[31] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 775.

[32] Российская газета. 10 мая 2010 г.

[33] Здесь и далее о беседе: The National Archives General Records of the Department of the State, Summary of Hopkins — Stein Conversation, 1945. June 1945.

[34] Известия. 6 апреля 1945 г.

[35] *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945 гг. М., 1995. С. 266–267.

[36] *Harriman A.* Peace with Russia. L., 1960. P. 4–5, 70.

[37] *Truman H. S.* Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. Washington, 1955. P. 72.

[38] *Кузнец Ю. Л.* Указ. соч. С. 259.

[39] The National Archives. General Records of the Department of the State. Summary of Hopkins-Stalin Conversation; 1945. June 1945.

[40] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. С. 592; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. С. 456–459.

[41] *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1964. С. 164, 169.

[42] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэнси (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1979. С. 981, 1006–1007.

[43] *Stimson H., Bundy McG.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619.

[44] FRUS. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945. Washington, 1960. P. 905.

[45] Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Washington, 1949. P. VIII; The Japan Times. August 15, 1984; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. P. 545; *Зимонин В. П.* Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. М., 2011. С. 108.

[46] Command Decisions. Ed. by R. Greenfield. Washington, 1987. P. 503.

[47] *Truman H. S.* Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. P. 314.

[48] Ibid. P. 411.

[49] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. С. 501.

[50] Освободительная миссия на Востоке. М., 1976. С. 3.

[51] История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 2. М., 1980. С. 193.

[52] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. С. 472.

[53] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 563.

[54] FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). P. 345, 350–353.

[55] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 541.

[56] Hasegawa Tsuyoshi. The Atomic Bombs and the Soviet Invasion: What Drove Japan’s Decision to Surrender // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus.

[57] *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 295.

[58] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 269. Д. 4. Л. 75–76.

[59] Сюсэнсироку гаймусё. Документы об окончании войны. МИД Японии. Токио, 1952. С. 330.

[60] *Того С.* Вспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 441.

[61] Там же. С. 441.

[62] *Кошкин А. А.* Указ. соч. С. 299.
[63] *Того С.* Указ. соч. С. 441.
[64] Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19/77. 15 октября 1996 г. С. 43–53.
[65] Там же. С. 53.
[66] АВП РФ. Ф. 013 Оп. 7. П. 7. Д. 71. Л. 43.
[67] Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990. № 19 (77). С. 54.
[68] АВП РФ. Ф. 013. Оп. 7. П. 7. Д. 71. Л. 44–48.
[69] *Славинский Б. Н.* Указ. соч. С. 292.
[70] Там же. С. 294.
[71] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 мая — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 43.
[72] *Того С.* Указ. соч. С. 46–62.
[73] *Зимонин В. П.* Атомные бомбардировки Японии: военные и политические последствия // Независимое военное обозрение. № 28. 30 июля 2010 г.
[74] *Truman H. S.* Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. P. 85.
[75] The Forrestell Diaries. N. Y., 1951. P. 55–56, 78.
[76] The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941–1945. Washington, 1955. P. 87.
[77] *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y., 1947. P. 208.
[78] *Byrnes J.* All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 291.
[79] FRUS. Vol. 2. The Conference of Berlin (Potsdam), 1945. P. 1376–1377.
[80] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 362–363.
[81] *Tompkins P.* American-Russian Relations in the Far East. N. Y., 1949. P. 297.
[82] Правда. 10 августа 1945 г.
[83] Правда. 19 августа 1945 г.
[84] Правда. 16 августа 1945 г.
[85] *Бикс Г.* Хирохито. Создание современной Японии. М., 2002. С. 425.
[86] *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955. С. 264; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 362–363.
[87] *Того С.* Указ. соч. С. 472.
[88] Там же. С. 472.
[89] Сборник документов МИД СССР. 1943–1946 гг. М., 1946. С. 30.
[90] *Синобу Сэйдзабуро.* Сэнго нихон сэйдзиси (Политическая история послевоенной Японии). Токио, 1965. Т. 1. С. 112.
[91] *Брукс Л.* За кулисами японской капитуляции. М., 1971. С. 202–210.
[92] *Того С.* Указ. соч. С. 483.
[93] Там же. С. 483.
[94] Там же. С. 484.
[95] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 576.
[96] Там же. С. 558–559.
[97] Правда. 17 августа 1945 г.
[98] ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 23. Л. 12; Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191; Ф. 129. Д. 17777. Л. 30; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М., 1962. С. 504–505.
[99] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 177; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование военной кампании на Дальнем Востоке. М., 1993. С. 223, 303.
[100] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989. С. 285.

[101] *Черевко К. В., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 октября 1945 г.). Рассекреченные архивы. С. 254.

[102] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 286.

[103] *Grew J. C.* Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945, Part II. Boston, 1952. P. 1456–1458.

[104] *Горбачев Б. Н.* Третий фронт — азиатская часть Второй мировой войны // Независимое военное обозрение. № 32. 27 августа 2010 г.

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НКИД в системе органов Советского государства

Анализируя советскую дипломатию в годы войны, следует исходить из того, что она воплощала в жизнь внешнюю политику государства, а не олицетворяла ее. Ее главными задачами являлись поддержка дипломатических сношений с другими государствами и международными объединениями, проведение переговоров, подписание международных договоров и прочее.

В соответствии с утвердившимся в современной международно-политической науке определением дипломатию следует рассматривать прежде всего как организационно-политический механизм реализации внешнеполитического курса государства, совокупность правительственных и неправительственных институтов, которые определяют набор несиловых инструментов, приемов и средств, используемых нацией для защиты своих интересов в международных отношениях[1].

Для объективной характеристики внешней политики важно выявить место дипломатии и включенного в нее института дипломатической службы[2] в сложившейся в годы Великой Отечественной войны системе государственных органов СССР.

Война стала событием, подвергшим проверке на прочность и способность к слаженной работе весь советский государственный аппарат. С началом войны потребовались незамедлительная реорганизация органов управления всех уровней, перераспределение кадровых ресурсов и материальных средств. Система органов государственного управления мирного времени не позволяла осуществлять принятие решений с должной оперативностью. Война изменила задачи внешней политики, потребовала значительной корректировки форм дипломатической активности. Как внешние, так и внутренние функции государственного аппарата в годы войны оказались сосредоточены на мобилизации всех ресурсов для сохранения суверенитета и целостности государства, на идеологическом, морально-политическом обеспечении успешной освободительной войны, победы над врагом. Выдвинутый в первые дни войны лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» отражал массовые настроения советских людей. Важной задачей дипломатии военного времени было привлечение внешних

союзников, обращение к международному общественному мнению, мировым рабочему и коммунистическому движениям.

Роль дипломатии и эффективной деятельности дипломатической службы в условиях войны не ослабевала. Потенциал дипломатии, как не раз в нашей истории, оказался особенно востребованным в трудные времена. Взаимодействие с другими государствами, удержание их в нейтральном статусе и поиск новых союзников, обеспечение связей с соратниками по общей борьбе с агрессором приобретали жизненно важное для страны значение. Народному комиссариату иностранных дел (НКИД) СССР требовалось поддерживать в рабочем состоянии множество организационных структур, в том числе представительств и консульств за рубежом, связь с которыми в условиях войны была затруднена. Дипломатическая деятельность в годы войны помимо обычной для ведомства работы включала вопросы организации военного сотрудничества, разведки, продвижения новых государственных торгово-экономических интересов, сопровождения крупных проектов военных поставок, пропаганды и контрпропаганды, а также целый ряд других, не всегда востребованных в условиях мира функций.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз потребовало отказа от обычных форм управления, перехода к его мобилизационной модели, основы которой уже были сформированы в годы первых пятилеток. Государственному аппарату предстояло обеспечить управляемость страной, мобилизовать население на борьбу с угрозой оккупации, организовать работу индустриального комплекса в условиях эвакуации для обеспечения фронта вооружением и боеприпасами.

В условиях военного времени произошла существенная перестройка государственного аппарата. Необходимость концентрации всех сил и ресурсов ведомств, подведомственных учреждений для направления их работы на ослабление врага в условиях Великой Отечественной войны привела к ускоренной централизации государственного управления. Вся полнота власти была сосредоточена в Государственном Комитете Обороны (ГКО) — новом чрезвычайном органе власти, не предусмотренном Конституцией СССР 1936 г. ГКО был наделен неограниченными полномочиями, его постановления имели силу законов военного времени, а во главе его стоял И. В. Сталин. Вместе с тем созданные в 1941 г. чрезвычайные органы власти и управления были изначально объявлены временными[3]. Они не имели собственного большого штата сотрудников, опирались на аппарат конституционных органов, действуя через партийные, государственные структуры и общественные организации. ГКО был образован 30 июля 1941 г. специальным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, союзного Совнаркома и ЦК ВКП(б)[4].

Важным обстоятельством является то, что конституционные органы власти в СССР в годы войны не были упразднены. Для мирового сообщества их существование являлось важным атрибутом Советского государства, поскольку их представители осуществляли межгосударственные контакты. Для процесса принятия внешнеполитических решений и легитимации международных соглашений, заключенных Советским Союзом, имело значение то, что высшим органом власти оставался Верховный Совет СССР. В годы войны Президиум Верховного Совета СССР продолжал принимать важнейшие правовые акты, в том числе о ратификации международных договоров, связанных с войной и ее завершением[5]. В его полномочия входило создание органов исполнительной власти, в частности Совета народных комиссаров (СНК) СССР, который являлся другим важным конституционным центром оперативного принятия внешнеполитических решений.

В свою очередь, СНК был лишен законодательных прав и мог издавать только подзаконные акты. Входившие в его состав наркоматы делились на три категории: общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские. СНК СССР в годы Великой Отечественной войны работал в непосредственном контакте с ГКО. В рамках СНК осуществлялось руководство внешними сношениями, обеспечивалось межведомственное координирование работы всех наркоматов, так или иначе связанных с внешней политикой, торговлей, финансами, доставкой и распределением помощи из-за рубежа.

НКИД СССР, относившийся к категории общесоюзных наркоматов, стал играть существенно более значительную роль, чем в мирное время. Являясь структурой исполнительной ветви власти, НКИД оставался одним из основных конституционных органов внешних сношений. Руководитель Народного комиссариата иностранных дел, как и главы других ведомств Советского Союза, председатели комитетов и комиссий, утверждался Верховным Советом СССР.

В предвоенный период роль центральных органов власти и управления усиливалась не только в СССР. Мир к началу Второй мировой войны изменился. Мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг., а также гонка вооружений накануне и в годы войны привели к значительному усилению роли государственного регулирования в экономической сфере. В большинстве развитых стран масштабы огосударствления экономики намного превосходили уровень периода Первой мировой войны[6]. Созданная в предвоенное десятилетие в СССР строго централизованная система управления экономикой, базировавшаяся на государственной собственности, позволила быстро сосредоточить все ресурсы на военном производстве.

В годы войны прошли проверку на эффективность базовые социалистические принципы управления страной. Действовавший основной закон страны закрепил положение коммунистической партии, определив ее ключевую роль в системе советского государственного управления[7]. Партия оставалась ядром системы власти и инструментом управления страной, упрочив этот статус в военное время. Значительно усилилась сцепка партийного и государственного руководства. Проделанная в 1930-е гг. работа по «чистке» партийных рядов и увеличению их численности способствовала расширению возможностей низовых партийных организаций. Осуществление принципа партийности в управлении страной происходило через подбор, воспитание и расстановку партийными органами кадров, связанных с организацией и руководством людьми[8]. Механизм отбора и проверки управленческих кадров действовал при введении категории номенклатуры для сколько-нибудь важных должностей в государственном аппарате, которые рассматривались и утверждались партийными комитетами[9]. И. В. Сталин требовал «каждого работника изучать по косточкам»[10] с точки зрения происхождения и социальной принадлежности.

НКИД не был исключением в этом отношении. Дипломатическая служба как специализированное ведомство внешних сношений в государственной исполнительной власти, реализовывавшее внешнюю политику, всегда занимала особое место в системе государственных институтов[11]. В советское время она, как и все прочие управленческие структуры, была полностью подчинена партийному руководству, нацелена на защиту классовых интересов трудящихся. Внешняя политика социалистического государства строилась с учетом политических задач, она «была пронизана идеологией только одного из социальных классов»[12]. Как и внутренняя, она определялась на съездах партии, пленумах ее Центрального комитета и затем осуществлялась государственными органами. В силу своего особого положения в иерархии органов управления ВКП(б) монопольно определяла государственный курс, а партийные документы носили нормативный характер, содержали административные предписания. И. В. Сталин определял единолично как персональный состав высшего эшелона управления, так и принципы государственной службы[13], но не занимал государственных постов вплоть до 6 мая 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны в ЦК партии появился Отдел международной информации. Его создали после расформирования в 1943 г. Коминтерна. Во главе был поставлен А. С. Щербаков, затем его сменил Георгий Димитров. Партийный контроль над дипломатической службой стал непреложным правилом, хотя уже с конца 1920-х гг. в СССР действовала практика согласовывать на Политбюро ВКП(б) любые тексты документов, директивы советским делегациям на международных переговорах и важные заявления дипломатов. Даже дипломатическая переписка с другими странами должна была получать одобрение партийного руководства.

Обсуждение текущих вопросов, в том числе связанных с дипломатической работой, заменялось иногда рассылкой опросных листов, телефонными звонками, по результатам которых утверждались важные документы. Для обсуждения конкретных внешнеполитических вопросов создавались комиссии Политбюро, где руководители НКИД порой оказывались лишь рядовыми членами. Перед войной внешнеполитические вопросы в Политбюро, по сути, решали Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин и Председатель СНК СССР В. М. Молотов, которые вникали во все серьезные вопросы и направляли деятельность наркомов. В сложные предвоенные годы, когда внешняя политика СССР претерпевала смену курса, оставаясь в своей должности главы советского правительства, В. М. Молотов был одновременно назначен народным комиссаром иностранных дел и руководил НКИД с мая 1939 г. по 1946 г.[14] С осени 1939 г., после начала Второй мировой войны, И. В. Сталин продолжал активно заниматься внешней политикой. В мае 1941 г. В. М. Молотова освободили от обязанностей главы правительства, а председателем Совнаркома по решению Политбюро от 4 мая 1941 г. стал И. В. Сталин. Этот шаг обычно объясняют тем, что в условиях войны в Европе, будучи только лидером партии, он, с протокольной точки зрения, оставался для зарубежных партнеров фигурой, не облаченной властными полномочиями в государстве. Первым заместителем И. В. Сталина в партии стал А. А. Жданов, а в правительстве — бывший руководитель Госплана, профессиональный экономист, доктор экономических наук Н. А. Вознесенский, которому одновременно поручили руководить Советом по оборонной промышленности. 19 июля 1941 г. И. В. Сталин занял пост руководителя Народного комиссариата обороны СССР, а 8 августа того же года стал Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР.

В январе 1944 г. на пленуме ЦК ВКП(б) был одобрен закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим НКИД из союзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Принятый Верховным Советом СССР 1 февраля 1944 г. закон и последующие изменения, внесенные в основной закон страны, предоставили республикам право внешних сношений. Соответственно, НКИД и Народный комиссариат обороны были преобразованы, утратив статус союзных комиссариатов. Это решение было принято почти за год до учреждения ООН и направлено на формализацию прав союзных республик, которым впредь разрешалось вести собственную внешнюю политику.

Субъектами международного права были признаны только Украина и Белоруссия. Они вместе с представителями союзной власти приняли участие в апреле 1945 г. в международной конференции в Сан-Франциско, где была создана ООН. Наряду с другими странами они стали ее учредителями и активными участниками. УССР избиралась непостоянным членом Совета Безопасности, Экономического и Социального совета ООН, участвовала в работе ЮНЕСКО и других международных организаций. Обе республики вступили в двусторонние отношения с соседними странами. Украина подписала с Польшей в сентябре 1944 г. соглашение о взаимном обмене населением. Позже от имени СССР и УССР были заключены международные договоры, конвенции и соглашения с Польшей, Чехословакией, Венгрией, которые устанавливали режим государственных границ.

Остальные союзные республики не реализовали свои возможности по развитию международной деятельности. Деятельность созданных во всех республиках комиссариатов иностранных дел носила номинальный характер. Некоторые из них не имели специальных зданий и размещались в отдельных кабинетах при республиканских правительствах. Сотрудники республиканских наркоматов иностранных дел вводились в составы общесоюзных делегаций, направлявшихся за границу с визитами по различным поводам.

Следует отметить, что в различные периоды истории дипломатия нашей страны оставалась важным способом обеспечения ее государственных интересов. Особенностью отечественной дипломатической службы всегда оставалась нацеленность на обеспечение суверенности и целостности страны, наращивание внешнеполитических возможностей государства.

В целом задачи и средства, использовавшиеся советской дипломатией накануне и в годы Второй мировой войны, соответствовали господствовавшим в то время принципам и нормам международной жизни. Героическая борьба советского народа и его вооруженных сил против блока агрессоров сделали Советское государство поистине одной из крупнейших мировых держав — мир узнал армию-освободительницу[15]. Были определены геополитические ориентиры, созданы биполярные внешнеполитические комбинации, предпринятые для реализации геополитических целей, выработаны дипломатические средства, которыми все это могло быть подкреплено.

В начале Второй мировой войны советская дипломатическая служба оформилась в традиционный для любого государства аппарат, предназначенный реализовывать внешнеполитические интересы государства. К этому времени НКИД заметно укрепил свой правовой и социально-политический статус. Ликвидация дипломатической изоляции первых лет существования Советского государства требовала постоянного наращивания его международной дипломатической активности. Успешно прошедшая полоса дипломатических признаний, установление официальных отношений с ведущими странами мира, определявшими главные направления мировой политики тех лет, позволили сформировать в советской внешней политике собственные концептуальные подходы.

На тот момент СССР был уже прочно включен в систему международных связей. Появилась новая плеяда дипломатических кадров, проявивших себя на загранработе и в управленческом аппарате, получивших опыт работы в Лиге Наций (хотя СССР и был исключен из нее в 1939 г.), активно участвовавших в целом ряде предвоенных международных конференций.

Под влиянием необходимости органично воспринять общепринятые международные дипломатические обычаи и регламенты российская дипломатическая традиция, прерванная в 1917 г., была возрождена и смогла по-своему обогатить мировой опыт. Постепенно ушла на второй план прежняя, опиравшаяся на идеологические догмы и классовый подход ориентация советской внешней политики, проводимой в условиях враждебного окружения. Она продолжала существовать на словах, но все чаще на деле ее заменяли соображения реальной политики, прагматического решения насущных задач государства на мировой арене.

Усиливавшееся на рубеже 1930—1940-х гг. соперничество стран германского блока и государств, занимавших ведущие позиции в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, прежде всего Великобритании и Франции, а также США, заставляло советское руководство проявлять особую бдительность. Это было насущной потребностью, продиктованной тенденциями международной обстановки, очевидным сползанием мира в очередную мировую войну. Искусство дипломатии заключалось в выделении на каждом новом этапе смены расстановки сил в мире предполагаемого нового противника. Этим искусством молодая советская дипломатия вполне владела.

Внешнеполитическое положение нашей страны перед нападением фашистской Германии 22 июня 1941 г. было сложным. Перед советской дипломатией стоял целый комплекс непростых задач. Народный комиссариат иностранных дел СССР должен был так выстраивать свою работу, чтобы обеспечить руководству страны максимальную свободу для внешнеполитического маневрирования. Новые направления внешнеполитического курса и дальнейшее усложнение международной обстановки, изменение расстановки сил в мировой политике потребовали реорганизации работы советского внешнеполитического ведомства, которому предстояло вести каждодневную работу в условиях военного времени, круг решавшихся вопросов постоянно расширялся, а нужные для работы ресурсы комиссариата сокращались.

Работники НКИД в полной мере ощутили на себе превращение страны в единый военный лагерь. В июне 1941 г. в связи с резким обострением международной обстановки был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», жестко регламентировавший деятельность всех советских учреждений. Сотрудники государственных и партийных органов должны были крепить общественную, государственную, военную и трудовую дисциплину, мобилизовать все силы на разгром фашизма. С началом войны многие наркоматы, в том числе НКИД, перешли на круглосуточный режим работы[16]. Значительно

возросла потребность в том, чтобы оперативно ориентировать посольства и консульства на деятельность в новой обстановке.

Численный состав НКИД уменьшился после того, как 22 июня 1941 г. в соответствии с мобилизационным планом был объявлен призыв военнообязанных. В начале июля 1941 г. ГКО санкционировал создание дивизий народного ополчения. Работа аппарата НКИД оказалась чрезвычайно затруднена, поскольку движимые патриотическими чувствами практически все молодые сотрудники записались в народное ополчение или ушли на фронт добровольцами, а оставшиеся порой находились на рабочих местах сутками[17]. Когда участились налеты вражеской авиации на Москву, дипломаты после напряженной работы в наркомате ночами дежурили, охраняя служебное здание от зажигательных бомб. Служащие НКИД вместе с другими москвичами участвовали в сооружении противотанковых рвов вокруг столицы. По воспоминаниям ветеранов, многие сотрудники стали донорами, регулярно сдавали кровь для раненых[18].

НКИД был одним из подразделений советского правительства. Его работа строилась в предвоенные годы по принципу твердой централизации. Это положение стало еще более явным с началом Великой Отечественной войны. Прямой контроль над дипломатической службой со стороны военно-политического руководства страны осуществлялся на протяжении всей войны. И. В. Сталин не только определял направления внешней политики страны, но и, опираясь на принцип партийности в кадровой работе, стремился контролировать ведомственные вопросы НКИД, «с постоянным вниманием относился к внешнеполитическим делам, деятельности советской дипломатии»[19].

Бессменным советским наркомом иностранных дел во время войны являлся В. М. Молотов. Ближайший соратник И. В. Сталина он был одним из самых авторитетных советских политиков. До войны в Кремле, на втором этаже здания правительства работали две приемные В. М. Молотова, обслуживавших аппараты обоих возглавляемых им учреждений[20]. Документы в здание НКИД на Кузнецком Мосту несколько раз в день возили сотрудники центрального аппарата. Вместе с ним до августа 1943 г. на время эвакуации НКИД из Москвы там же трудились секретариат наркомата из 7–8 человек во главе с Б. Ф. Подцеробом и небольшая группа дипломатов. Помимо В. И. Ерофеева помощниками наркома работали В. М. Бережков, В. Н. Павлов, С. А. Афанасьев, О. А. Трояновский[21].

С августа 1942 г. по 1946 г. В. М. Молотов являлся первым заместителем Председателя СНК СССР по общим вопросам. Ему приходилось ежедневно просматривать и подписывать множество документов. Будучи крупным государственным деятелем, В. М. Молотов за годы своего пребывания в наркомате проявил недюжинные способности и своеобразный дипломатический талант. Его имя вошло в историю мировой дипломатии. Англичане в 1939 г. за неуступчивую и твердую манеру вести переговоры говорили, что он напоминал «улыбающийся гранит»[22].

По словам Бориса Бажанова, бывшего секретаря И. В. Сталина, В. М. Молотов был человеком очень работоспособным, невозмутимым и исполнительным. По многочисленным воспоминаниям сотрудников, он «с характерной требовательностью и тщательностью вникал не только в крупные направления работы, но и во всякого рода мелочи, что дисциплинировало всех сотрудников в центре и за рубежом»[23]. Секретариат наркома вел большую работу по подготовке важных дипломатических документов. В. М. Молотов, в свое время являвшийся редактором «Правды», особенно внимательно вычитывал ноты, заявления, тексты договоров, а также проекты ответов И. В. Сталина на послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта в годы войны. Секретариат оформлял устные распоряжения наркома послам[24].

Формы дипломатической работы с приходом В. М. Молотова в наркомат трансформировались. В отличие от М. М. Литвинова, новый нарком требовал беспрекословного подчинения, дисциплинированности, сам играл ведущую роль в переговорах по особо значимым вопросам, определял кадровую политику, согласовывая с главой государства назначения в руководящем звене управления. В воспоминаниях А. А. Громыко дана характеристика степени влияния наркома: в решении конкретных вопросов отношений с другими странами

многое зависело от В. М. Молотова, «от него и возглавляемого им министерства исходило большинство наших предложений в международных делах. Это относится и к периоду войны, который мне особенно знаком, поскольку почти все наши важные внешнеполитические шаги, так или иначе, касались США как союзной державы»[25].

И. В. Сталин сам определял, кто должен входить в руководящий аппарат внешнеполитического ведомства, лично подбирая партийные кадры. Первым заместителем наркома во время войны (с 6 сентября 1940 г. по 1946 г.) был назначен давний соратник И. В. Сталина доктор юридических наук А. Я. Вышинский[26]. Его статус в государстве также был весьма значительным — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВКП(б). В НКИД А. Я. Вышинский пришел, оставаясь заместителем Председателя СНК СССР. Он принес в наркомат «прокурорский стиль» общения с подчиненными. В годы войны не без его влияния в наркомате была установлена железная дисциплина. Перспектива отчитываться перед заместителем наркома за допущенные в работе ошибки не доставляла особой радости дипломатам и административно-техническому персоналу.

Среди трех заместителей наркома вплоть до очередной реорганизации ведомства в 1944 г. в разные годы были такие имевшие тот или иной дипломатический опыт сотрудники, как В. Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С. А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М. М. Литвинов (с 10 ноября 1941 г.), И. М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С. И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), А. Е. Корнейчук (с 23 мая 1943 г. по 2 февраля 1944 г.) и М. И. Алиев (с 22 ноября 1943 г. по 3 сентября 1944 г.)[27].

В. М. Молотов как представитель советского партийно-государственного руководства считал своими главными задачами реализацию на практике решений партии, предоставление в распоряжение ЦК ВКП(б) достоверных сведений и квалифицированных рекомендаций. Он строго соблюдал субординацию и партийную дисциплину, никогда не действовал по собственному усмотрению, не выходил за рамки полномочий, полученных от высшего руководства страны, этого же требовал и от своих подчиненных. Главным в советской дипломатии тех лет было сознательное самоограничение: каждый должен был заниматься тем, что ему поручено, точно и буквально исполнять указания руководства[28]. Будучи осторожным и педантичным человеком, он проявлял профессиональный подход для поиска способов реализации поставленных советским руководством задач. С этой точки зрения нарком являлся классическим партийным дипломатом. За несколько лет он при значительном участии И. В. Сталина сформировал структуру мощного, работоспособного и беспрекословно исполнительного государственного учреждения[29].

В НКИД был введен режим строгой секретности. Сотрудникам запрещалось хранить даже самые обезличенные выписки из каких-либо служебных документов или записи. В этих условиях ведение дипломатами личных дневников полностью исключалось. Подлежали изъятию черновые записи, сделанные по ходу перевода бесед руководства с иностранцами. Строжайшей завесой секретности были окружены встречи в верхах в Тегеране, Ялте и Потсдаме. О принятых на них решениях знал крайне ограниченный круг работников НКИД СССР. Даже заместитель наркома С. А. Лозовский, ведавший отношениями со странами Дальнего Востока, не был информирован о принятом в Ялте обязательстве СССР вступить в войну с Японией[30].

Приход в наркомат В. М. Молотова совпал с возобновлением в подразделениях Совнаркома СССР работы коллегий[31]. Это способствовало некоторому повышению коллегиальности в решении тактических и текущих проблем. К работе НКИД стали активнее привлекать профессиональных переводчиков, экспертов, ученых, заключения которых использовались в работе ведомства. Нарком не читал и не говорил на иностранных языках, что считал своим главным недостатком для дипломатии[32]. Нарком всегда сам составлял свои выступления, надиктовывая текст, и в наиболее важных случаях согласовывал его с И. В. Сталиным.

Несмотря на режим ограничений при общении с иностранцами, сотрудники НКИД должны были вести работу с представителями иностранного дипломатического корпуса в Москве. Нарком считал это важной задачей, особенно в свете необходимости упрочения

антифашистской коалиции. Послы Великобритании и США находились под особой опекой наркомата. Периодически с ними встречался сам нарком или их приглашали к И. В. Сталину.

С началом Великой Отечественной войны в НКИД была проведена незначительная децентрализация, что диктовалось необходимостью оперативно решать конкретные вопросы текущей работы зарубежных представительств в условиях затруднительного получения предписаний из Центра. В июле 1941 г. было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». В целях оперативного принятия решений были расширены права НКИД и ряда других наркоматов в области использования финансов, распределения материальных ресурсов, строительства и приобретения недвижимости за рубежом.

В. М. Молотову трижды пришлось реорганизовывать структурные подразделения центрального аппарата Наркомата иностранных дел. Первые структурные подразделения НКИД были проведены в соответствии с внешнеполитическими задачами в 1939 г. За годы Великой Отечественной войны центральный аппарат НКИД реорганизовывался еще дважды — в 1941 и 1944 гг. Всякий раз основное внимание было сосредоточено на повышении эффективности работы отдельных подразделений наркомата, усилении ответственности всех его звеньев и должностных лиц.

22 июня 1939 г. решением коллегии была утверждена новая структура НКИД, построенная с учетом региональной специализации подразделений в соответствии со степенью приоритетности отношений СССР с конкретными странами. Этот подход показал свою эффективность в военные годы. В результате реорганизации наркомат приобрел достаточно стройную структуру, четко очерченные функции отделов.

Советской дипломатии пришлось реагировать и на изменение формы государственного единства. В течение предвоенного периода количество союзных республик в нашей стране выросло с семи до шестнадцати. НКИД принял участие в демаркации новых государственных границ СССР. В июне — августе 1940 г. уполномоченным ЦК ВКП(б) по Латвии был назначен первый заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, считавшийся знатоком международного права, способным обеспечить советской стороне необходимые преимущества при заключении договоров с иностранными государствами[33]. Потребовалось обновить распределение стран по региональным отделам наркомата. Страны, в которых прежде располагались советские представительства, перестали существовать, и задачи работы в соседних с ними государствах требовалось пересмотреть.

Принципиальная схема сформированной В. М. Молотовым в предвоенные годы структуры НКИД СССР просуществовала почти до конца войны, хотя в нее постоянно вносились те или иные изменения. Вскоре отпала необходимость в существовании отделов стран Восточной Европы и Прибалтики. 1-й Западный отдел, который курировал отношения со странами Прибалтики, Скандинавией, Польшей, и 3-й Западный, ведавший отношениями с Англией, Францией, Бельгией, Италией, Испанией, южноамериканскими испаноговорящими странами, стало возможным объединить. 2-й Западный отдел занимался отношениями со странами Средней Европы, Балканскими государствами и США. Канада в эти годы не поддерживала дипломатических отношений с СССР, хотя в 1924 г. и признала его де-юре[34]. Было создано два восточных отдела: 1-й Восточный занимался отношениями со странами Ближнего и Среднего Востока, Турцией, Ираном, Афганистаном, Йеменом; 2-й Восточный курировал отношения с Китаем, Японией, другими дальневосточными странами. В начале 1941 г. в наркомате появился отдел Балканских стран.

Помимо территориальных отделов важное место в структуре НКИД СССР с первых лет существования наркомата отводилось функциональным подразделениям. Сложные внешнеполитические задачи, решение которых НКИД СССР был призван обеспечивать, не исключали наличия внутриведомственных проблем, требовавших пристального внимания руководства. Наркомату приходилось решать вопросы информационно-аналитической, организационно-управленческой и кадровой работы. Дипломатическая служба нуждалась для нормальной работы в протокольном, документационном, административно-техниче-

ском, финансово-экономическом обеспечении. Среди функциональных подразделений были отделы финансовый, административно-хозяйственный, консульский, протокольный, правовой, экономическая часть, а также отделы кадров, по учету государственных имуществ, учебный, печати и Литиздат.

Перевод работы ведомства в режим военного положения потребовал очередной реорганизации. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. в НКИД были осуществлены временные изменения[35]: преобразована структура управленческого аппарата ведомства, произошло значительное сокращение штатов. 13 ноября 1941 г. на заседании Коллегии НКИД был утвержден временный штат на ноябрь — декабрь 1941 г. по центральному аппарату ведомства, действовавший до 1944 г. Подразделения, способные выполнять параллельные действия, были слиты, а часть из них закрыта. Структура НКИД, согласно этому решению коллегии, формировалась из нее самой, секретариата народного комиссара, секретариатов трех заместителей наркома. Имелись также Генеральный секретариат и 10-й отдел (связи).

Основные изменения коснулись территориальных подразделений. Так, были сокращены и перегруппированы отделы, ведавшие европейскими странами. 1-й Европейский отдел занимался сложными дипломатическими отношениями с Францией, Бельгией, Голландией, Испанией, Португалией, Швейцарией, Швецией, Норвегией, Данией и Финляндией. 2-й Европейский отдел все внимание уделял организации сотрудничества с Великобританией и ее доминионами. 3-й Европейский отдел отслеживал и анализировал политику стран фашистского блока: Германии, Италии, Венгрии, Румынии. 4-й Европейский отдел занимался отношениями с Болгарией, Югославией, Грецией, Чехословакией, Польшей. В рамках реорганизации 1941 г. были объединены два Американских отдела: помимо США единый Американский отдел стал вести отношения со странами Центральной и Южной Америки. В других территориальных отделах изменения не производились. Сохранились Средневосточный отдел и три Дальневосточных отдела. В целях экономии ресурсов принятый временный штат предусматривал объединение Валютно-финансового отдела и Управления делами. Другие функциональные подразделения оставались отдельными единицами[36]. Созданная структура НКИД СССР сохранялась вплоть до 1944 г.

Отдельным важным подразделением, расположенным в здании НКИД на Кузнецком Мосту и связанным с обеспечением связи Центра и посольств за рубежом, была дипкурьерская служба — Отдел дипкурьерской и местной связи. В условиях войны от ее сотрудников требовались четкость, преданность делу, порой настоящий героизм при обеспечении конфиденциальной связи с зарубежными представительствами и учреждениями. Провоз дипломатической почты, правила встреч и отправки дипкурьеров определялись нормами международного права и традицией. В НКИД СССР были выработаны единые требования к курьерским листам, способам упаковки дипломатических вализ[37]. Дополнительный объем работы выпал на долю этой службы в период эвакуации наркомата. Часть сотрудников перебазировалась в Куйбышев, другие оставались в Москве и не прерывали работу, не считаясь с трудностями и лишениями. Дипкурьерам приходилось многократно пересекать линию фронта на боевых самолетах, зачастую под огнем вражеских орудий и авиации. Они доставляли столь необходимые для работы дипломатов инструкции и донесения на советских и союзнических военно-транспортных судах, под угрозой атаки немецких подводных лодок. В годы войны в ходе выполнения служебных заданий погибли дипкурьеры Н. Д. Шмаков, И. М. Хромов, Д. М. Червяков и М. И. Кольцов[38].

В связи с тяжелой обстановкой на фронтах уже с 7 июля 1941 г. в работе центрального аппарата были предусмотрены меры по подготовке к возможной эвакуации[39]. Следует отметить особую роль одного из важнейших функциональных подразделений — Политархива НКИД СССР. Именно его фонды по плану эвакуации должны были быть перемещены в глубь страны в первую очередь. В. М. Молотов придавал большое значение сохранности документов. Уместно вспомнить образную характеристику ценности архивных дипломатических материалов, данную когда-то наркомом Г. В. Чичериным: «НКИД нуждается в документах, как РККА нуждается в патронах»[40].

Генеральный секретарь НКИД А. А. Соболев согласовал с руководителем союзного Совета по эвакуации, председателем Совета национальностей в годы Великой Отечественной войны Н. М. Шверником план вывоза Политархива. Подготовка к переезду в глубь страны началась с ревизии, отбора наиболее важных материалов и документов строгой секретности. Заведующий Политическим архивом НКИД СССР И. К. Зябкин с несколькими архивистами и привлеченными сотрудниками территориальных отделов проделали огромную работу по систематизации и отбору документов, подлежащих обязательной эвакуации, среди которых были подлинники международных договоров, карт с демаркацией государственных границ, а также ноты и приказы по наркомату, материалы секретариатов наркомов, их заместителей и Коллегии НКИД, личные дела сотрудников. Допуск к материалам Политархива было трудно получить даже ответственным сотрудникам наркомата, настолько высокий режим секретности работы он имел.

К 17 июля 1941 г. было упаковано и готово к отправке 510 ящиков, общий вес груза достигал 26 тонн. В конце июля — августе большая часть архивных материалов была доставлены в город Мелекесс Куйбышевской области для дальнейшей систематизации и научной обработки фондов. В сложных условиях нехватки самого необходимого для работы, в обстановке секретности поистине героическими усилиями немногочисленных сотрудников архивного управления документы были приведены в рабочее состояние. Это подразделение в короткие сроки возобновило выполнение запросов аппарата. Уже в 1942 г. в Куйбышев, куда эвакуировался Наркомат иностранных дел, из Мелекесса было отправлено по запросам руководства НКИД более 3,5 тыс. архивных дел[41].

Архив вывезли первым, а переезд сотрудников НКИД состоялся после того, как в столице была объявлена общая эвакуация государственных учреждений. С 20 октября вводилось осадное положение. В сентябре — октябре 1941 г. в условиях быстрого продвижения немецко-фашистских войск к Москве в Куйбышев поэтапно был эвакуирован штатный состав НКИД (сотрудники с семьями). Часть семей была направлена в Куйбышевскую область, Казань и другие тыловые районы и города страны. Сотрудники наркомата, эвакуированные в Куйбышев, жили в стесненных условиях общежития, технические сотрудники ютились в учебных аудиториях и институтских залах. Семьи были эвакуированы в другие районы. Скудное питание и работа на износ подрывали здоровье. Преодолевая невзгоды, дипломаты выполняли все возложенные на них обязанности.

Во время эвакуации НКИД в Куйбышев работу наркомата возглавлял А. Я. Вышинский, прибывший туда осенью 1941 г. Под его руководством осуществлялась связь с советскими представительствами за рубежом, координировалась работа всех советских учреждений, задействованных в сфере внешней политики. Благодаря его влиянию и свойственному ему стилю руководства в короткие сроки было выполнено распоряжение И. В. Сталина: организована эвакуация в Куйбышев и размещение сотрудников иностранных посольств и миссий с семьями. На момент начала Великой Отечественной войны СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами, но едва ли половина из них согласилась оставить в полном составе свой дипкорпус в условиях бытовых лишений на территории воюющего государства. Острая нехватка продовольствия, отсутствие приспособленных помещений для обустройства иностранных посольств не помешали руководству НКИД обеспечить дипкорпус специальными пайками, бытовыми товарами, отоплением квартир и другими удобствами.

Подъему патриотических настроений в стране способствовало то, что руководство страны оставалось в Москве. 7 ноября 1941 г. И. В. Сталин принимал парад войск на Красной площади. Как его ближайший соратник заместитель по руководству Государственным Комитетом Обороны В. М. Молотов также должен был оставаться в столице. Он работал в Кремле с небольшой группой помощников вплоть до возвращения сотрудников Наркомата иностранных дел из эвакуации в 1943 г.

Заведующий 4-м Европейским отделом (Балканские страны) Н. В. Новиков вспоминал, что на ответственные встречи и переговоры с представителями стран — союзниц по антигитлеровской коалиции, проводимые В. М. Молотовым и И. В. Сталиным, из Куйбышева

вызывали его и некоторых других заведующих отделами[42]. Вынужденное разделение аппарата наркомата на две части значительно усложняло работу, сказывалось на слаженности и оперативности. Некоторым работникам практически регулярно приходилось ездить с документами между Куйбышевым и Москвой, что в условиях военного времени было сложно. Нередко они вынуждены были ночевать в служебных кабинетах, не возвращаясь домой сутками.

Задачи дипломатии и дипломатической службы корректировались руководством по мере изменения международно-политической обстановки и положения на фронтах. После победы в битве под Москвой некоторые сотрудники НКИД СССР были отозваны с фронта. В 1942 г. число работавших в оперативных отделах стало возможным увеличить и довести общий штат ведомства до 522 человек.

С осени 1943 г., после побед под Сталинградом и Курском, стало очевидным, что Красная армия способна самостоятельно изгнать немецко-фашистских захватчиков за пределы нашей страны. Наметился новый этап в деятельности НКИД СССР: дипломаты стали действовать наступательно, опираясь на реальную мощь государства. Необходимость пристального наблюдения за действиями других стран на международной арене, анализа дипломатических акций союзников и изменившейся тактики противников потребовала от руководства страны смещения прежних внешнеполитических приоритетов. Это не могло не отразиться на деятельности Наркомата иностранных дел.

Поражение германских войск, утрата ими стратегической инициативы сняли и такую прежде крайне актуальную задачу, как необходимость удержания нейтральных стран от перехода на сторону фашистской Германии. После победы Красной армии под Сталинградом активизировалась дипломатическая активность на южном направлении. Страны региона, прежде всего Турция, предприняли шаги для активизации двустороннего политического диалога с СССР. Стало ясно, что расстановка сил в регионе может коренным образом измениться. Советскому Союзу необходимо было выработать новую тактику в отношениях с целым рядом стран, особенно с теми, которые традиционно развивали сотрудничество с Советским государством. Это было важно еще и потому, что англо-американские союзники открыто проявляли заинтересованность в этом регионе, стремясь распространить там свое политическое влияние и получить выгоды от торгово-экономического сотрудничества. Всё это требовало пристального наблюдения со стороны НКИД СССР.

Прежний руководитель Средневосточного отдела С. И. Кавтарадзе, хорошо зарекомендовавший себя в работе с турецкой стороной при непосредственном кураторстве заместителя наркома В. Г. Деканозова, 3 сентября 1943 г. получил новое назначение и также стал одним из заместителей В. М. Молотова. На его место заведующего Средневосточным отделом руководство назначило сотрудника центрального аппарата И. В. Садчикова. В мае 1944 г. было решено разукрупнить Средневосточный отдел. Из него выделили самостоятельный Ближневосточный отдел, главой которого назначили бывшего советника посольства в Афганистане И. В. Самыловского[43].

Наметившийся в 1943 г. кризис внутри фашистского блока окончательно снял угрозу внешней агрессии на дальневосточных рубежах. Стало возможным сократить число территориальных отделов, курировавших страны этого региона, с трех до двух. 3-й Дальневосточный отдел, занимавшийся Монголией, Синьцзяном, претендовавшим на «особые отношения» с СССР, и Тувой, был расформирован. В августе 1944 г. Тувинская Народная Республика присоединилась к СССР и была включена в состав РСФСР, а Синьцзян окончательно попал под контроль гоминьдановского правительства Китая[44].

На втором этапе войны советские дипломаты активно участвовали в выработке принципов послевоенного устройства мира на демократических началах, устранения угрозы новых вооруженных конфликтов, обеспечения международной безопасности. Международный авторитет Советского Союза как государства, вносившего наибольший вклад в разгром армий фашистского блока, значительно упрочился. Количество переговоров, обменов визитами, в том числе встреч на высшем уровне, стремительно увеличивалось. Во многих случаях мнение

представителей СССР на международных и двусторонних межгосударственных встречах становилось решающим.

Новой в практике внешнеполитической деятельности СССР формой работы стала личная дипломатия руководителя государства и главы внешнеполитического ведомства. Сотрудникам аппарата НКИД пришлось осваивать международные правила дипломатического сопровождения регулярного обмена личными посланиями между лидерами СССР, Великобритании и США, протокольного обеспечения совещаний в верхах, на которых решались принципиальные вопросы ведения военных действий, открытия новых фронтов и послевоенного урегулирования.

Проведение двусторонних и многосторонних встреч и совещаний с министрами иностранных дел других государств требовало значительной подготовительной работы и экспертных заключений в сфере международного права. Большое количество времени затрачивалось на многочисленные контакты дипломатов более низкого звена, занимавшихся текущей оперативной работой. В ходе войны значительное развитие получила практика принятия двусторонних и многосторонних деклараций, создания разного рода смешанных комиссий для решения конкретных вопросов сотрудничества или урегулирования споров. Работая бок о бок со своими зарубежными коллегами советские дипломаты получали бесценный практический опыт, повышали свою профессиональную компетенцию.

На заключительном этапе войны, с выходом советских войск на западные границы СССР, переносом боевых действий на территории восточно-европейских стран, началом освободительного похода Красной армии по территории Восточной и Центральной Европы круг задач, стоявших перед НКИД, еще больше расширился. Наряду с созданием условий для быстрейшего разгрома фашистской Германии и ее сателлитов перед советской дипломатией первоочередной целью встала выработка принципов послевоенного урегулирования, дальнейшего расширения международных контактов, приобретения новых союзников, с которыми необходимо было налаживать торгово-экономическое сотрудничество. В этот период нарком В. М. Молотов провел третью реорганизацию ведомства. К концу войны штат Наркомата иностранных дел вырос и в 1944 г. достиг 756 человек[45]. Появилась возможность не только разукрупнить территориальные, но и создать новые функциональные отделы, а также разгрузить наркома, увеличив число его заместителей.

Рост международного авторитета СССР в конце войны обусловил его включение в целый ряд процессов, определявших мировую политику, а также участие в большинстве существовавших в те годы международных политических, экономических и гуманитарных организаций. Повысились требования к уровню советского представительства при участии в международных встречах и конференциях. Это нашло выражение в увеличении заместителей наркома с трех (утвержденных временным штатом 1941 г.) до восьми человек. В число новых заместителей вошли бывшие послы в Великобритании — И. М. Майский, в США — М. М. Литвинов (с августа 1943 г. по возвращении из-за границы и до 1946 г.), С. И. Кавтарадзе и А. Е. Корнейчук, а также перешедший из ЦК компартии Азербайджана М. И. Алиев[46].

Другие итоги последней в военные годы реорганизации НКИД сводились к следующему. 16 февраля 1944 г. из 1-го Европейского отдела выделили часть стран отдельного региона и передали курирование ими 5-му Европейскому отделу. Это были страны Северной Европы — Швеция, Норвегия, Финляндия и Дания. Руководителем нового отдела назначили бывшего советника посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне П. Д. Орлова. 1-й Европейский отдел продолжал курировать страны Западной Европы, и руководить им оставили М. Г. Сергеева.

Особая нагрузка в конце войны ложилась на 3-й Европейский отдел, в ведении которого оставались Германия и ее бывшие союзники. С 1945 г. на него были замкнуты три комиссии по урегулированию германского вопроса, впоследствии переведенные в аппарат политического советника при главнокомандующем Группы советских оккупационных войск в Германии. Руководителем его был назначен вернувшийся из загранкомандировки заведующий этим отделом в период 1941–1942 гг. А. А. Смирнов. Исходя из важности стоявших перед 3-м Евро-

пейским отделом задач, его штат увеличили до 14 человек. Самым многочисленным по штату стал 2-й Европейский отдел, где с 1944 г. работали 20 человек, что отражало большой интерес советской дипломатии к развитию отношений со странами Британского содружества[47].

27 июня 1944 г. Американский отдел был разделен. Во главе Отдела США поставили С. К. Царапкина, увеличив штат сотрудников до 13 человек. Отделом Латиноамериканских стран стал руководить К. А. Михайлов, бывший посол в Афганистане и Иране. В. С. Геращенко поручили организовывать работу вновь созданного Экономического отдела, состоявшего из 17 человек.

На протяжении войны не столь заметной, но совершенно необходимой для нормальной работы наркомата была служба функциональных отделов. В. М. Молотов много сделал для четкого регламентирования их работы, о чем свидетельствуют приказы по НКИД СССР. Сотрудники Протокольного отдела и Отдела печати выезжали в командировки по стране, в том числе в прифронтовые районы, сопровождая иностранных журналистов и дипломатов с риском для собственной жизни. В таких поездках погибли сотрудники Отдела печати М. К. Васев и В. В. Кожемяко, многие получили ранения.

Отдельного внимания заслуживает принятый 1 февраля 1944 г. закон о предоставлении союзным республикам права вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и создавать собственные ведомства иностранных дел. При этом за высшими органами власти Союза ССР сохранялись право устанавливать общий порядок во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами и представительство в международных отношениях в целом. Принятие этого закона, вызванного к жизни сугубо внешнеполитическими соображениями, не привело к изменению в общей системе и порядке работы НКИД СССР. Руководители республиканских наркоматов получили возможность участвовать в работе коллегии союзного Наркоминдела.

Народным комиссаром иностранных дел РСФСР был назначен А. И. Лаврентьев (1944–1946), который в 1943 г. был заведующим 1-м Европейским отделом, а в 1943–1944 гг. руководил Ближневосточным отделом союзного НКИД. Как правило, в аппарат республиканских наркоматов назначались по совместительству только их руководители, которые уже занимали высокие должности в республиках. НКИД РСФСР, например, долгое время размещался всего в одной комнате здания союзного наркомата, а его штат состоял из помощника наркома и секретаря-делопроизводителя. Таким образом, острой необходимости в налаживании контактов союзного и республиканских комиссариатов не было, и на работе НКИД СССР этот закон отразился мало.

Следует отметить, что структура аппарата Наркомата иностранных дел СССР в годы войны оставалась гибкой и достаточно легко трансформировалась при возникновении новых задач. Главными принципами деятельности центрального аппарата дипломатического ведомства оставались централизм, субординация, обеспечение максимально эффективной реализации курса, определенного главой государства.

Какой бы сложной ни была расстановка сил на мировой арене, с какими бы трудностями ни сталкивалась наша страна при выстраивании внешнеполитических приоритетов и стремлении сыграть на противоречиях великих держав, невозможно отрицать факт, что к 1941 г. Советский Союз представлял собой мощную силу, с которой приходилось считаться международному сообществу. Лучшим свидетельством этому являлось расширение дипломатических отношений по всем внешнеполитическим направлениям. Число стран, установивших отношения с Советским Союзом перед началом Великой Отечественной войны, достигло 26. Установление дипломатических отношений сопровождалось обменом дипломатическими представительствами. Помимо этого, СССР имел торговые соглашения с целым рядом государств до установления с ними дипломатических отношений, там работали советские консульские пункты. Были страны, к примеру Канада, признавшие СССР, но не установившие с ним до 1941 г. дипломатических отношений. Народный комиссариат иностранных дел СССР отвечал за налаживание полноценных межгосударственных отношений со всеми странами-партнерами.

В целом, решая главную задачу внешней политики, НКИД СССР был призван наилучшим образом обеспечить успешное проведение внутриполитических мероприятий и сделать все возможное для нейтрализации угроз безопасности страны.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла коррективы в работу советских дипломатических представителей за рубежом. 22 июня 1941 г. почти все советские посольства в оккупированных немцами европейских странах прекратили работу. За три месяца до этого, 22 марта 1941 г., Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило инструкцию «О взаимоотношениях полпредов в Германии, Турции, Италии, Румынии и Болгарии с торгпредами, военными атташе и работниками других советских учреждений в этих странах», составленную наркомом В. М. Молотовым. Тогда еще сохранялась надежда отсрочить войну, и важно было скоординировать деятельность советских заграничных учреждений на проблемном направлении — в странах фашистского блока. Когда этого сделать не удалось, главными центрами дипломатической работы оказались советские посольства в Лондоне, где послом с 1932 г. был опытный дипломат И. М. Майский, и в Вашингтоне, куда в ноябре 1941 г. послом был назначен М. М. Литвинов.

Советская дипломатическая служба к этому времени приняла сложившиеся формы, выработала способы ведения переговоров и другие методы, которыми и добивалась решения поставленных задач. Существенно изменился ее статус, который был приведен в соответствие с общепринятыми международными нормами. Еще до начала Великой Отечественной войны существовавшая с первых лет становления Советского государства традиция именовать представителя страны в иностранных государствах просто полномочным представителем (полпредом) была отменена. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. вместо прежнего наименования были введены принятые в мировой дипломатии ранги чрезвычайных и полномочных послов, посланников, а также поверенных в делах[48]. Это исключило протокольные недоразумения, особенно при проведении официальных торжественных церемоний, ликвидировало неравенство советских полномочных представителей (полпредов) за границей в отношении их зарубежных коллег и определило их место в дипломатическом корпусе страны пребывания[49].

Деятельность посольств осуществлялась по регламентам, сформированным в общих чертах еще в первые годы советской власти. Штат посольств за границей варьировался в зависимости от интенсивности двусторонних отношений, но, как правило, был невелик. Содержание посольств требовало немалых средств, а в условиях жесткой экономии военного времени достаточные ресурсы находились не всегда. Тем не менее в штате посольства помимо самого посла обычно работали советник, первый секретарь, военный атташе (иногда и военно-морской атташе) и генеральный консул (при отсутствии сети консульских пунктов). Предусмотрен был также технический персонал: секретари, в том числе секретарь консульства, завхоз, шифровальщик, охрана из ОГПУ (затем — НКВД). Общение с иностранцами за рубежом было разрешено только дипломатам. Технический и административный персонал посольств не имел такой возможности. Беседы с журналистами, посещение посольств других стран без сопровождения коллег были ограничены и проводились с разрешения руководства.

В посольствах, как и в самом наркомате, действовала жесткая централизация управления. Посол лично отвечал за порученный участок работы, должен был проявлять требовательность к подчиненным. Посольствам в годы войны было предписано собирать информацию обо всех советских гражданах, находившихся на территории соответствующего государства и обязанных регистрироваться в посольстве. Они также отвечали за координацию работы представительств различных общественных и государственных организаций и ведомств, находившихся за границей и привлекавших к работе советских людей. Продолжала действовать инструкция, предписывавшая советским должностным лицам, находившимся за границей, отчитываться о своей работе перед послом в стране пребывания, подчиняться его распоряжениям, выполнять его указания. Это касалось и торгпредов. Посол сохранил право без консультаций с Москвой по своему усмотрению откомандировывать в Москву в 24 часа

сотрудников любого советского учреждения, организации и предприятия, находившихся за границей, если считал их поведение подозрительным[50].

От работавших за рубежом дипломатов требовалась деятельность «сильной идеологической направленности и жесткой боевитости»[51]. В замкнутых коллективах посольств действовали партийные ячейки. На партийных собраниях проводилась политико-воспитательная работа с кадрами и даже допускалась товарищеская критика посла[52].

В. М. Молотов, будучи главой советского правительства, был заинтересован в максимальном сохранении административно-командной, строго иерархичной, с доминированием принципа жесткой субординации системы. В качестве наркома он выражал недовольство любым отступлением от принципа централизованной дипломатии. В сложной военной обстановке самостоятельная политическая инициатива послов была, по его мнению, недопустима и опасна. Вспоминая об этом времени, В. М. Молотов отмечал, что в его ведомстве не могло быть сильных дипломатов, поскольку в сложной обстановке инициативу проявлять послам было невозможно. «Опытных дипломатов у нас не было, но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные»[53]. Они должны были точно исполнять его указания, «были в кулаке у Сталина» и самого наркома. Наказанию подлежали любые попытки послов в нарушение субординации обращаться к партийному руководству.

В наркомате была проведена работа по запрещению всякой активности послов, не согласованной с Центром. Послабления допускались только в материально-хозяйственной сфере работы полпредств. Такую строгость в наркомате объясняли тем, что за рубеж было направлено много неопытных, вновь набранных сотрудников[54]. Посол получал указания напрямую из территориального отдела НКИД, а в особо деликатных случаях — от заместителей или самого наркома В. М. Молотова. В условиях войны во время краткосрочных поездок в Москву полпреды из особенно важных для СССР стран изредка попадали на прием к И. В. Сталину и напрямую получали от него указания, однако подобные ситуации носили исключительный характер[55].

В военное время усилилась опасность провокаций в отношении сотрудников советских посольств даже на территории государств, объявивших о нейтралитете. Особенно часто это возникало после 1941 г. в Японии, Турции, Иране. Вокруг советских дипломатов за границей разворачивалось соперничество иностранных разведок. В особом положении в этой связи оказались представители советской разведки, отправляемые из Москвы в полпредства. Взаимоотношения дипломатов с чекистами складывались непросто. НКИД всегда отстаивал принцип старшинства посла в загранпредставительствах. Сотрудники НКВД, как и военные атташе, резиденты внешней разведки и Наркомата обороны обязаны были по распоряжению В. М. Молотова предоставлять послам свою информацию в полном объеме. Они должны были обо всем информировать посла, который со ссылкой на источник сам составлял телеграммы в Центр. Послы, в свою очередь, должны были отчитываться о секретных переговорах с представителями иностранных правительств только перед своим руководством в Москве.

В новых условиях дипломатическая служба СССР, ее зарубежные представительства столкнулись со множеством трудностей военного времени. Появился целый ряд краткосрочных, но не терпевших отлагательства задач. Они были связаны как с организационным обеспечением текущей работы (связь, технические вопросы, финансирование, охрана зданий полпредств, переезды дипломатов по территории воюющих государств), так и с информационно-идеологической работой и решением ряда гуманитарных задач.

Например, сотрудникам советской дипломатической службы надо было в срочном порядке организовать возвращение на родину советских специалистов, ученых, деятелей культуры, застигнутых войной в загранкомандировках. Гораздо более сложным делом было организовать выезд на родину советских граждан, застигнутых войной на территории государств, объявивших СССР войну, разорвавших с ним дипломатические отношения или подвергшихся фашистской оккупации. В связи с этим необходимо было найти среди нейтральных государств те, которые согласились бы принять на себя защиту интересов Советского Союза и его граждан за рубежом. Немногочисленные сотрудники советского посольства в

Германии сразу после начала войны настойчиво добивались возвращения на Родину более тысячи советских граждан, ставших заложниками ситуации[56]. Сотрудники центрального аппарата НКИД сумели заручиться посредничеством находившихся в Москве миссий Швеции и Болгарии. Общими усилиями был произведен обмен советских и германских граждан через территорию Турции[57]. Тогда на границе СССР и Турции в Ленинакане был обменен на германского посла в СССР Ф. фон Шуленбурга советский посол в Германии, заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов[58].

Усложнение профессиональных задач сопровождалось материальными трудностями, которые почувствовали на себе сотрудники дипломатической службы. Страдали, голодали и работали на пределе сил в годы Великой Отечественной войны все советские люди, и дипломаты несли свою ношу лишений. Расходы на содержание советских посольств, и так всегда жестко регламентированные, с началом войны были значительно урезаны. В ряде удаленных стран советским дипломатам задерживали выплату зарплаты. Были сокращены резервные секретные финансовые фонды посольств, из которых оплачивались приемы по различным поводам, финансировалась информационно-пропагандистская деятельность и производилась закупка сувениров для политических и общественных деятелей страны пребывания.

Все расходы следовало заранее планировать и отправлять на них запросы в Центр. С переходом на военное положение в СССР сотрудники посольств также стали поочередно работать в круглосуточном режиме. Не всегда можно было соблюдать в военные годы и введенную решением Политбюро ЦК ВКП(б) еще в 1938 г. норму для всех работающих за границей проводить отпуск в СССР[59]. Даже дорога к месту назначения стала занимать существенно больше времени и была отнюдь не безопасна. Например, М. М. Литвинов, назначенный в 1942 г. послом СССР в США, вынужден был добираться в Америку кружным путем — через Тегеран, Багдад, Сингапур и Филиппины. Особенно опасными стали маршруты следования из СССР к месту назначения за границей и обратно, пересекавшие Северное море и Атлантический океан, где в первые годы войны фашистские подводные лодки топили все гражданские суда.

Существенной не только моральной, но и материальной поддержкой для сотрудников Наркомата иностранных дел было принятое 28 мая 1943 г. постановление СНК СССР «О введении форменной одежды для дипломатических работников НКИД, посольств и миссий СССР за границей». Повседневная форма военного образца вводилась с 1 ноября 1943 г. для руководящих сотрудников центрального аппарата НКИД. Она была универсального серого цвета, погоны крепились на шинель, предусматривались фуражки с эмблемами. Общему руководящему составу и дипломатам зарубежных представительств полагались расшитые вензелями черные парадные мундиры, брюки с лампасами, папахи и кортики, которыми все названные сотрудники были обеспечены в течение полугода. Позже помимо парадной появилась зимняя и летняя форма для дипломатов. В условиях военного дефицита товаров и низкого жалованья возможность получить пошитую в ателье наркомата качественную одежду была большим подспорьем. Форма заставляла подтягиваться, а также избавляла советских дипломатов от необходимости приобретать дорогостоящие смокинги и фраки, обычные для иностранных послов[60]. На форменной одежде были знаки различия в соответствии с присвоенным рангом, звезды на погонах выполнялись золотым шитьем. Послу полагались генеральские погоны и металлическая эмблема в виде двух скрещенных пальмовых ветвей. В условиях военного времени форменная одежда символизировала повышение авторитета и политического статуса дипломатической службы, придавала ее обладателям уверенности в ходе официальных контактов по долгу службы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1943 г. «Об установлении рангов для дипломатических работников НКИД, посольств и миссий СССР за границей» вводились личные ранги Чрезвычайного и Полномочного Посла, Чрезвычайного и Полномочного Посланника (1-го и 2-го классов), советника (1-го и 2-го классов), первого и второго секретаря (1-го и 2-го классов для каждого), третьего секретаря и атташе. Высшие ранги (послов и посланников) присваивались указом Президиума Верховного Совета СССР, по остальным

рангам издавался приказ по наркомату. Введение дипломатических рангов упорядочивало прохождение дипломатической службы, способствовало ее профессионализации и приближало к международным стандартам. По структуре и форме она приобретала черты военной организации.

Важнейшей частью работы посольств был сбор информации по конкретной стране, ее соседям, а также другим государствам. Во время Великой Отечественной войны эта задача приобретала порой жизненно важное значение для воюющей страны. Связь была нерегулярной, неделями задерживались почта и советские газеты. Послы выполняли поручения из Центра и должны были отчитываться об этом в своих телеграммах. Вопросы достоверности и сохранности информации были крайне важны.

Нарком В. М. Молотов уделял большое значение секретности в работе. Активизация иностранных разведслужб в условиях, когда приходилось обсуждать с партнерами по переговорам не только политические, но и военные вопросы, выстраивать сложные схемы стратегии многосторонних переговоров, планировать встречи в верхах и поездки руководства страны, заставляла сотрудников советской дипломатической службы проявлять повышенную бдительность.

Для руководства страны было важно знать также, что интересует иностранцев, находившихся на территории СССР. Это относилось не только к дипломатам, но и к немногочисленным журналистам из зарубежных издательств и информационных агентств. Став наркомом, В. М. Молотов на несколько месяцев отменил цензуру для иностранных корреспондентов. К практике тщательного контроля официально передававшихся иностранцами из Москвы информационных материалов вернулись с началом войны в Европе.

Еще в ходе первой реорганизации НКИД, проведенной В. М. Молотовым в 1939 г., были сформированы секретные части непосредственно в отделах, прежде всего территориальных, ведущих переписку с заграничными представительствами. Телеграфная связь оставалась в условиях войны самым быстрым способом передачи информации. Отдел шифросвязи с приходом в НКИД В. М. Молотова получил название 10-го отдела, его штат увеличили. Этот отдел, как и Политический архив, нарком передал под контроль В. Г. Деканозова — своего заместителя, близкого к Л. П. Берии, обладавшего соответствующим опытом прежней работы в качестве заместителя начальника Главного управления государственной безопасности НКВД.

Не следует забывать, что страна вынуждена была вернуться к практике секретных договоров, обычной для дипломатии царской России, которую большевики разоблачали в 1917–1918 гг. Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., был снабжен секретным протоколом. А 28 сентября В. М. Молотов и И. фон Риббентроп подписали второй договор «О дружбе и границе», сопровождавшийся новыми секретными соглашениями[61]. Эти соглашения и протокол были частью тонкой дипломатической игры, но отдельными статьями нарушали существовавшие в то время нормы международного права, решая судьбу третьих стран без их ведома. Это обстоятельство побудило руководство страны отрицать сам факт его существования и тщательно оберегать засекреченный документ, подписанный В. М. Молотовым[62].

В обстановке строгой секретности был подписан ряд протоколов по итогам встреч в верхах лидеров большой тройки. Там тоже были отражены соглашения по разделу сфер влияния в Германии, странах — участницах фашистского блока, Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в ряде других регионов мира. Так, 9–18 октября 1944 г. в Москве проходила встреча И. В. Сталина с У. Черчиллем по вопросу послевоенных сфер влияния в придунайских странах Европы и на Балканах. Никаких документов главы государств не подписывали, но сохранились упоминания о достигнутых договоренностях и записи бесед.

Чем ближе было окончание войны и напряженнее шли переговоры с союзниками по поводу послевоенного переустройства, тем важнее становилось обеспечение конфиденциальности указаний руководителей страны советским военачальникам и дипломатам. 9 марта 1945 г. появился новый регламент порядка рассылки шифротелеграмм НКИД СССР. Наиболее важные политические телеграммы из-за границы рассылались, минуя начальников

отделов и заместителей наркома, только И. В. Сталину и В. М. Молотову. Это было отчасти оправданно, но иногда мешало руководителям советской дипломатии получать всеобъемлющую информационную картину[63].

В работе советской дипломатической службы за рубежом в годы Великой Отечественной войны появились новые направления. С возрастанием роли личной дипломатии главы государства и наркома иностранных дел не только сотрудникам центрального аппарата НКИД, но и сотрудникам советских посольств пришлось осваивать сравнительно новые для себя правила дипломатического сопровождения визитов высокого уровня, согласования с протокольными службами других государств порядка организации многосторонних совещаний и конференций. Это была хорошая школа. Наработки в ходе такого рода мероприятий были в дальнейшем широко использованы при обучении молодых советских дипломатических кадров.

Известно, что И. В. Сталин предпочитал не покидать территорию страны. В годы Великой Отечественной войны он выезжал только на Тегеранскую и Потсдамскую конференции в зоны, находящиеся под контролем советских войск. Переговоры по организации визитов руководителей иностранных государств входили в обязанности посольств СССР. Это была специфическая работа, в которой приходилось тщательно соблюдать секретность.

Заграничные поездки по поручению советского лидера совершал В. М. Молотов. Впервые он выехал за границу в Берлин по приглашению германского правительства 13 ноября 1940 г. Тогда ему пришлось встречаться с А. Гитлером, И. фон Риббентропом и другими деятелями рейха[64]. В дальнейшем рабочие поездки В. М. Молотов совершал как нарком иностранных дел. Всякий раз перед поездкой он лично готовил директивы, предварительно согласованные с И. В. Сталиным. В ходе любых переговоров нарком настойчиво добивался, чтобы партнеры приняли именно советскую позицию, руководствуясь полученными от партии и правительства инструкциями. У В. М. Молотова сложился определенный стиль ведения переговоров, за который он получил в западном дипломатическом сообществе прозвище Господин Нет. Помощник В. М. Молотова В. И. Ерофеев, впоследствии ставший послом, вспоминал, что нарком после объявления своей позиции в ответ на все возражения просто много раз повторял одно и то же.

У. Черчилль в мемуарах сравнивал его с роботом, но называл «остро отточенным» дипломатом, ни разу не допустившим ненужную полуоткровенность. Во время поездок его встречали советские послы, сотрудники посольств участвовали в дипломатическом сопровождении наркома. Так, А. А. Громыко встречал его вместе с послом в США М. М. Литвиновым во время визита в Вашингтон[65]. В условиях войны такие рейсы были чреваты многими опасностями. Ставший знаменитым перелет В. М. Молотова 19 мая 1942 г. в Англию с подмосковного аэродрома Раменское на бомбардировщике ТБ-7 проходил над оккупированной территорией, был долгим и опасным, предполагал пересечение линии фронта. Как вспоминал впоследствии маршал авиации А. Е. Голованов, командовавший авиацией дальнего действия, еще в марте 1942 г. И. В. Сталин поручил ему лично, соблюдая строжайшую конспирацию, разработать маршрут полета В. М. Молотова в Лондон. Полет был очень тяжелым как по метеоусловиям, так и по боевой обстановке. По воспоминаниям наркома, бомбардировщик атаковали немецкие истребители, а в районе Рыбинска самолет, на котором он возвращался, был обстрелян нашим истребителем[66].

В конце войны в практике НКИД СССР возникла еще одна новая для дипломатов форма деятельности: группы ответственных сотрудников наркомата в качестве консультантов были прикомандированы к командующим фронтами, войска которых вступили в Германию, Австрию и другие европейские страны.

Работа советских посольств в годы Великой Отечественной войны была многогранна и требовала от дипломатических сотрудников творческого подхода. Им приходилось много выступать с разъяснениями сущности шагов советского руководства. Эти выступления проходили не только на митингах, но и в прессе, на радио стран пребывания. Координировали посольства и деятельность многочисленных общественных организаций, стремившихся ока-

зать советскому народу помощь в борьбе с фашизмом: помимо комитетов Красного Креста это были профсоюзные, религиозные, пацифистские, ветеранские организации, различные антифашистские движения. Не оставались советские дипломаты в стороне от организаций рабочего и коммунистического движений. После официального роспуска Коминтерна в 1943 г. связи представителей этих партий с сотрудниками советских посольств не прерывались.

В целом, в годы войны дипломатическая служба страны вносила посильный немалый вклад в ускорение разгрома врага. Успешно решалась задача упрочения антифашистской коалиции, открытия второго фронта в Европе, улучшения имиджа и повышения авторитета Советского государства за рубежом, признания его в качестве великой державы — полноправного участника международных отношений. Советские дипломаты деятельно участвовали в разработке основ послевоенного урегулирования, организации работы ООН и признании в качестве основы международных отношений принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. При этом советская дипломатическая служба не переставала заниматься повседневной работой по обеспечению военных поставок союзников по антигитлеровской коалиции; вопросами, связанными с предотвращением нападения на СССР милитаристской Японии, недопущением сепаратных переговоров кого-нибудь из союзников с агрессором за спиной Советского государства, обеспечением беспрепятственного транзита военных поставок из США в Советский Союз через Иран, Мурманск и Дальний Восток, а также многими другими вопросами.

В целом советская дипломатия, опираясь на героическую борьбу Вооруженных сил Советского Союза, успешно решала задачи, вытекавшие их внешнеполитического курса СССР.

Военная дипломатия накануне нападения Германии на СССР

В конце 1940 — начале 1941 г. аппараты военных атташе при посольствах СССР действовали в столицах 20 государств. Они представляли интересы Наркомата обороны СССР и Генерального штаба Красной армии. Одновременно руководители этих аппаратов являлись советниками дипломатических представителей по военным вопросам[67]. Деятельностью советских военно-дипломатических представительств руководило Управление специальных заданий Генерального штаба, которое возглавлял опытный военный дипломат генерал Н. В. Славин.

Советские военно-дипломатические представительства действовали при посольствах СССР в Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, США, Швеции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии и Японии. Аппараты советских военных атташе при советских посольствах также действовали в Афганистане, Ираке, Иране, Китае, Литве, Латвии, Польше, Эстонии. Военные связи с представителями военной авиации иностранных государств поддерживали аппараты военно-воздушных атташе, которые действовали при посольствах СССР в Берлине, Лондоне и Париже.

Военно-морские атташе, которые представляли интересы Наркомата ВМФ СССР, действовали при советских посольствах в Великобритании, Германии, Испании, Италии, США, Турции и Японии. Аппараты военных, военно-воздушных и военно-морских атташе возглавляли высокообразованные генералы и офицеры, которым поручалось изучать в странах пребывания широкий круг вопросов военного и военно-политического характера, вести оперативную работу, связанную с поддержанием и развитием связей между военными ведомствами СССР и страны пребывания.

Руководители и сотрудники аппаратов военных и военно-воздушных атташе изучали вооруженные силы стран пребывания, своей деятельностью способствовали развитию военно-технического сотрудничества, организовывали поездки официальных советских военных делегаций и ответные визиты представителей военных ведомств в СССР, посещали воинские

части и знакомились с боевой учебой войск стран пребывания, содействовали обучению советских военных специалистов в странах предназначения, занимались распространением объективных сведений о Красной армии и советской военной технике, а также решали другие задачи военно-дипломатического характера. В целом, аппараты советских военных атташе решали широкий круг информационных, организационных и представительских задач.

Одними из важных сфер деятельности руководителей аппаратов военных атташе являлись изучение направленности внешнеполитического курса страны пребывания и оценка военно-политической обстановки в регионах ответственности. После начала Второй мировой войны советские военные дипломаты, действовавшие в основных европейских государствах, получили из Москвы указание изучать и оценивать реальные цели внешней политики нацистской Германии, Италии, Японии и других стран, входивших в состав фашистского блока. В заданиях, которые направлялись советским военным атташе, неоднократно указывалось на необходимость объективной оценки отношения А. Гитлера и нацистского руководства к Советскому Союзу.

Выполняя указания Генерального штаба, советские военные дипломаты, действовавшие в 1940 г. и первой половине 1941 г. в столицах европейских государств, первостепенное внимание уделяли сбору сведений, которые могли бы позволить объективно оценить направленность внешнеполитического курса фашистской Германии в отношении СССР. В одном из указаний Центра военным атташе ставилась следующая задача: «В оценке различного рода сведений и слухов надо исходить из общей международной ситуации и из того, от кого поступают эти сведения... Собирайте факты, анализируйте их и с учетом международной обстановки делайте свои выводы»[68].

Советские военные атташе, действовавшие в Берлине, Будапеште, Бухаресте, Риме, Хельсинки и столицах других европейских государств, в период с июня 1940 г. по июнь 1941 г. направили в Центр значительное количество донесений, в которых достаточно объективно оценивали нарастание военной угрозы со стороны нацистской Германии, тайно осуществлявшей подготовку к вероломному нападению на Советский Союз. Наиболее результативно в этот период действовали военные атташе генералы В. И. Тупиков, И. А. Суслопаров и А. Г. Самохин. В донесениях этих военных дипломатов не только указывались реальные признаки подготовки Германии к войне против СССР, но и объективно оценивалось постепенное нарастание военной угрозы.

Через десять дней после подписания А. Гитлером директивы № 21 помощник по авиации военного атташе при полпредстве СССР в Германии полковник Н. Д. Скорняков сообщил в Москву: «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года»[69]. Эти сведения он получил от И. Штебе, которая в тот период работала в германском министерстве иностранных дел и имела возможность получать достоверные сведения от высокопоставленного чиновника Рудольфа фон Шелиа[70].

Активизировав подготовку к нападению на Советский Союз, германское командование усиленно маскировало проводимые мероприятия. Дезинформационные сведения распространялись по различным, в том числе и военно-дипломатическим каналам, и предпринимались в целях введения в заблуждение прежде всего советских военной разведки и военных дипломатов, которые действовали в Берлине, Риме, Бухаресте, Будапеште и столицах других европейских государств. Следует справедливо отметить, что некоторые дезинформационные сведения были тщательно подготовлены, вследствие чего иногда воспринимались некоторыми руководителями аппаратов советских военных атташе как достоверные и использовались для подготовки донесений в Центр.

В это время усиленно распространялись сообщения о том, что весной или летом 1941 г. Германия активизирует военные действия против Англии, которая якобы являлась главным противником Третьего рейха. Распространение подобного рода сведений осуществлялось в Берлине, а также по дипломатическим каналам в столицах государств фашистского блока. Делалось это искусно, как правило, информация на доверительной основе и целенаправленно доводилась до сотрудников официальных советских представительств, в том числе и воен-

ных дипломатов. Поэтому в Москву от некоторых военных атташе поступили сообщения, в которых излагались дезинформационные сведения. В частности, 13 мая 1941 г. из Рима в Москву военный атташе сообщил: «На 15 июня страны оси готовят большое наступление против Англии»[71].

По мере нарастания военной угрозы со стороны фашистской Германии Генеральным штабом Красной армии принимались меры по укреплению аппаратов военных атташе квалифицированными специалистами. Так, в начале 1941 г. в Тегеран на должность военного атташе был направлен полковник Б. Г. Разин, в Софию — генерал И. А. Иконников, в Пекин — генерал В. И. Чуйков, в Токио — капитан 2 ранга И. А. Егоричев, в Берлин — генерал В. И. Тупиков.

Распространением сведений дезинформационного характера активно занимались и сотрудники военно-дипломатической службы военного министерства Венгрии. 13 марта 1941 г. советский военный атташе в Будапеште полковник Н. Г. Ляхтеров был приглашен в военное ведомство Венгрии, где ему сообщили, что среди дипломатического корпуса в Будапеште распространяются ложные слухи о подготовке Германии и Венгрии к нападению на СССР. Советскому военному атташе было предложено совершить поездку по стране, посетить пограничные с СССР районы Венгрии и сделать собственные выводы.

Полковник Н. Г. Ляхтеров направил в Москву донесение, в котором подробно изложил содержание переговоров в отделе внешних сношений венгерского военного ведомства, сообщил, что венгерская печать также сделала опровержение о якобы проводившейся в стране мобилизации и концентрации войск на советской границе, и уведомил о договоренности с «военным министерством о поездке на Карпатскую Украину с 17 по 20 марта»[72].

Перед поездкой советского военного атташе венгерские власти предприняли необходимые меры по сокрытию следов подготовки к нападению на СССР: все было тщательно замаскировано, войска передислоцированы, военная техника скрыта. В ходе поездки полковник Н. Г. Ляхтеров и его помощник никаких признаков избыточного сосредоточения войск в районе границы выявить не смогли, о чем военный атташе поспешил сообщить в Москву. Это донесение из Будапешта было доложено И. В. Сталину, наркому иностранных дел В. М. Молотову, наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову[73].

Тревожные сообщения в Москву направлял советский военный атташе И. А. Суслопаров. Так, 27 марта 1941 г. он сообщил о том, что создаваемая немцами группировка войск направлена главным образом против Украины, которая должна стать продовольственной базой Германии[74]. А 21 июня от него поступила информация, предоставленная ему руководителем нелегальной резидентуры военной разведки Л. Треппером, действовавшим во Франции: «По достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года»[75]. На бланке этого донесения И. В. Сталин написал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите»[76].

Тревожные и в достаточной степени объективные донесения, как теперь можно судить, направлял в Центр генерал В. И. Тупиков, назначенный на должность военного атташе при посольстве СССР в Берлине в январе 1941 г. Во второй половине марта 1941 г. он направил в Москву «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941 г.», содержавший более 100 листов машинописного текста, 30 схем организационных структур боевых частей германской армии, состав общей группировки сил вермахта, схему группировки военно-воздушных сил Германии и другие военные сведения[77].

Во второй половине апреля в Москву поступил его очередной доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941»[78]. Анализируя состояние советско-германских политических отношений, генерал В. И. Тупиков сообщал в Москву о том, что столкновение Германии с СССР — «вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных», так как германское руководство, инициировавшее открытую антисоветскую пропагандистскую кампанию, не может на долгий период планировать устойчивость советско-германских отношений на антисоветской основе[79]. Он подчеркивал, что группировка германской армии с осени 1940 г.

неизменно смещается на восток и приближается к советской западной границе. По оценке советского военного атташе, «качественное состояние вооруженных сил по признакам политико-моральным, обученности и оснащенности сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, так как уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения»[80]. В своих докладах он сообщал: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»[81].

Достоверные сведения, свидетельствовавшие о подготовке Германии к войне против СССР, шли и от военного атташе при советском посольстве в Югославии генерала А. Г. Самохина. В начале марта 1941 г. он сообщал в Москву: «От министра двора в Белграде получены сведения о том, что германский генеральный штаб отказался от атаки Британских островов. Ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку. К этому сейчас готовятся вооруженные силы Венгрии, Румынии и Болгарии»[82].

В целом, деятельность военных атташе при дипломатических представительствах СССР в Берлине, Будапеште, Париже, Риме, Белграде по вскрытию подготовки нацистской Германии к нападению на Советский Союз характеризовалась поступлением в Центр в основном достоверных информационных донесений, составленных на основе сведений, полученных от различных источников. Среди них были министры, авторитетные журналисты, военные дипломаты США, Великобритании и других стран, руководители крупных военно-промышленных корпораций и сотрудники военных министерств. Советские военные атташе, действовавшие в столицах европейских государств, не имели доступа к секретным военным документам нацистской Германии, тем не менее в целом они правильно оценивали нарастание военной угрозы и информировали командование Красной армии о подготовке Германии к нападению на СССР.

В предвоенные годы успешно решал информационные задачи в Берлине военно-морской атташе капитан 1 ранга М. А. Воронцов. Весной 1941 г. он информировал Наркомат ВМФ о состоянии военно-морской промышленности Германии, реализации программ военно-морского строительства и базировании военно-морских сил Германии, а также направленности внешнеполитического курса руководства Третьего рейха[83]. В мае 1941 г. в своих донесениях он неоднократно сообщал о подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза. Однако от него поступали не только достоверные, но и сведения, распространяемые Германией с целью дезинформации. Так, 15 мая 1941 г. он ошибочно сообщил в Москву о том, что столкновение с СССР до окончания войны Германии с Англией исключено, но уже 13 июня передал в Москву информацию о том, что «немцы в период с 21 по 24.06.1941 года наметили внезапный удар против СССР. Удар будет направлен по аэродромам, железнодорожным узлам и промышленным центрам, а также по району Баку»[84].

В середине июня 1941 г. военно-морской атташе М. А. Воронцов был вызван в Москву для личного доклада наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову о состоянии военно-политической обстановки в Германии и возможных перспективах развития отношений между СССР и Германией. После окончания Великой Отечественной войны адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов в своих мемуарах писал: «В 20.00 пришел М. А. Воронцов, только что прибывший из Берлина. В тот вечер Михаил Александрович минут 50 рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил, что нападения надо ждать с часу на час. «Так что же все это значит?» — спросил я его в упор. «Это война!» — ответил он без колебаний»[85].

Таким образом, основными направлениями деятельности советских аппаратов военных, военно-воздушных и военно-морских атташе в предвоенный год являлись: решение информационных задач в военной и военно-политической области; оказание содействия в реализации двухсторонних межгосударственных договоров и соглашений в военной и военно-технической сфере; обеспечение визитов советских правительственных и военных делегаций; решение других представительских задач по заданиям Управления специальных заданий Генерального штаба Красной армии.

Участие военной дипломатии в организации международного сотрудничества

С началом Великой Отечественной войны советские военно-дипломатические представительства, действовавшие в европейских странах — союзниках фашистской Германии, были подвергнуты силовому воздействию со стороны органов контрразведки и полиции этих государств. В Берлине, Бухаресте, Будапеште, Риме и Хельсинки военно-дипломатические представительства были блокированы, а сотрудники аппаратов советских военных атташе интернированы. Своевременно и оперативно принятые военными атташе меры позволили уничтожить все документы, регламентировавшие деятельность военно-дипломатических представительств, а также всю их секретную переписку с Центром, шифры и коды.

В июне 1941 г. свою деятельность продолжили аппараты военных атташе при советских дипломатических представительствах в Болгарии, Великобритании, Швеции, Иране, Ираке, Афганистане, США, Китае и Японии. Были созданы новые военные аппараты, которые стали действовать в Аргентине, Канаде и Мексике.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз внесло серьезные изменения в деятельность советской военной дипломатии. Главными задачами военно-дипломатических представительств стали: содействие формированию системы международного сотрудничества в условиях войны; обеспечение работы советских правительственных делегаций на международных конференциях; содействие военному и военно-экономическому сотрудничеству стран антигитлеровской коалиции; добывание сведений о военных планах нацистской Германии; оценка отношения правительств США и Великобритании к войне Германии против Советского Союза.

В июле — октябре 1941 г. внешнеполитические ведомства СССР, США и Великобритании приступили к поиску путей организации международного военного сотрудничества. Аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе тоже были подключены к решению этой важной и новой для них задачи. Первые переговоры о возможных перспективах и направлениях военного и экономического сотрудничества начались в конце июня 1941 г., когда в Москву прибыла английская военная и экономическая миссия во главе с послом С. Криппсом. В состав делегации входили генерал М. Макфарлэйн и контр-адмирал Дж. Майлс[86].

Встречаясь с руководителем британской делегации, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил о необходимости открытия союзниками второго фронта в Европе, целесообразности обусловить взаимную помощь в войне против фашистской Германии соглашением политического характера. Руководитель английской делегации на это предложение ответил уклончиво, дав лишь понять, что к политическому соглашению с СССР правительство Англии пока не готово. Обсуждался также вопрос и об организации военного сотрудничества между СССР и Великобританией.

27 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в ходе очередной встречи с С. Криппсом выразил заинтересованность СССР в усилении англичанами воздушных бомбардировок Германии. Вопрос о военном сотрудничестве в беседах с С. Криппсом поднимался трижды. Английский посол заявлял, что в принципе британское правительство готово сделать все, чтобы помочь советскому правительству в его борьбе против гитлеровской Германии. Вместе с тем он подчеркивал, что английский флот не может взяться за какую-либо операцию, не зная, в чем, собственно, она будет состоять.

Во время третьей встречи с В. М. Молотовым член британской делегации генерал М. Макфарлэйн заявил, что его задача состоит в том, чтобы поскорее получить подробные сведения о действиях и планах советских войск, и в этом случае английское командование выработает соответствующий план собственных военных операций.

Встречались члены британской военной миссии и с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, при этом обсуждались проблемы безопасности северных морских коммуникаций, а также

были достигнуты соглашения об обмене военно-технической информацией по электромагнитным минам и достижениям в области радиолокации.

В ходе встреч В. М. Молотова и Н. Г. Кузнецова с британским послом С. Криппсом сформировалась идея обмена между СССР и Великобританией военными миссиями, которым предстояло в перспективе решать все вопросы советско-британского сотрудничества в военной области. В Москве считали, что главная задача военных миссий должна была состоять в содействии усилиям правительств двух государств, направленным на взаимодействие в военной области и создание предпосылок, которые могли бы способствовать скорейшему открытию второго фронта в Европе[87].

12 июля 1941 г. в Москве было подписано соглашение «О совместных действиях правительства Советского Союза и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии»[88]. При подписании этого соглашения присутствовали И. В. Сталин, заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов. По поручению английского правительства соглашение подписал британский посол в СССР С. Криппс, которого сопровождали сотрудники посольства и весь состав британской военно-экономической миссии в Москве. Советско-английское соглашение стало первым политическим документом, положившим начало формированию антигитлеровской коалиции. Подписание этого соглашения создало необходимую нормативно-правовую базу для последующего развития сотрудничества между СССР и Великобританией в войне против фашистской Германии и активизации взаимодействия аппаратов военных атташе.

Пребывание посла С. Криппса в Москве инициировало ответный визит в Лондон советской военной миссии. По решению И. В. Сталина руководителем этой миссии был назначен заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал Ф. И. Голиков, который также был начальником Разведывательного управления Генерального штаба. Перед выездом из Москвы Ф. И. Голиков был принят наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, наркомом внешней торговли А. И. Микояном и начальником Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошниковым. Накануне вылета в Лондон генерала Ф. И. Голикова пригласил для инструктивной беседы И. В. Сталин. В состав миссии также входили контр-адмирал Н. М. Харламов, полковник Н. Н. Пугачев, полковник В. М. Драгун, военный инженер 2 ранга П. И. Баранов[89].

Ф. И. Голиков прибыл в Лондон 8 июля 1941 г. и находился в британской столице четыре дня. Руководитель советской военной миссии провел переговоры с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом и руководителем военного ведомства Г. Маргесоном. Уже после окончания Великой Отечественной войны, вспоминая встречу с Г. Маргесоном, Ф. И. Голиков писал: «...бросались в глаза политические антипатии и нежелание военного министра Англии видеть Красную армию своим боевым союзником». Переговоры Ф. И. Голикова с начальниками штабов английских вооруженных сил в целом завершились положительно. Обещание У. Черчилля об оказании Советскому Союзу помощи в войне против фашистской Германии начало обретать конкретные формы[90].

Во время визита советской военной делегации в Лондон речь шла о достижении договоренности с английским правительством об организации совместных действий против общего противника. Советская делегация в ходе встреч с руководителями командования британских вооруженных сил пыталась добиться договоренности о последовательном осуществлении с участием британских вооруженных сил нескольких операций против германских войск. По поручению командования Красной армии Ф. И. Голиков настаивал на создании общего с англичанами фронта на севере Европы, куда, по мнению советской стороны, англичане могли бы направить свои военно-морские силы, авиацию и несколько пехотных дивизий. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Великобританией, а также между СССР и США. Ф. И. Голиков также предложил представителям британского военного ведомства осуществить высадку войск на севере Фран-

ции, сообщив, что в Москве считают особенно важным осуществление этой «французской операции». В ходе встреч с представителями британского командования генерал Ф. И. Голиков говорил о необходимости начать боевые действия английских войск на Балканах, что позволило бы ослабить напряжение на советско-германском фронте[91].

В результате работы, проделанной в Лондоне советской военной миссией Ф. И. Голикова, британское правительство уже в конце июля 1941 г. приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей «Томагавк» из числа тех, которые поставили Англии Соединенные Штаты. Ф. И. Голиков добивался от британской стороны передачи СССР 700 истребителей «Томагавк», находившихся в то время в Каире, однако английское правительство эту просьбу отклонило, ссылаясь на недостаток своих боевых самолетов на Ближнем Востоке[92]. 20 июля британское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб, магнитных мин, парашютов и других материалов. О других, ранее обещанных поставках в Советский Союз, Ф. И. Голикову в Лондоне договориться не удалось.

Визит миссии Ф. И. Голикова в Лондон не внес новых импульсов в процесс формирования системы военного сотрудничества СССР и Великобритании, в чем было крайне заинтересовано советское правительство. Тем не менее благодаря этой поездке советской военной миссии в Лондон все же удалось расширить взаимопонимание между представителями военных ведомств двух государств, закрепить рабочие контакты, заложить основы для формирования международного сотрудничества, первые контуры которого были определены в ходе визита в Москву британской военной и экономической миссии во главе с послом С. Криппсом. Переговоры позволили также определить параметры и основные направления советско-британского сотрудничества в военно-экономической области.

Поездка генерала Ф. И. Голикова и сопровождавших его офицеров в июле 1941 г. в Лондон явилась первой попыткой советской военной дипломатии в условиях начавшейся Великой Отечественной войны расширить взаимодействие с военными ведомствами государств, которые могли войти в состав антигитлеровской коалиции. Документы свидетельствуют, что английская сторона «нехотя пошла на то, чтобы связать себя военно-политическими обязательствами»[93]. Во время нахождения советской военной миссии в Лондоне организацией ее деятельности в британской столице занимались сотрудники аппарата военного атташе при советском посольстве. Содействие генералу Ф. И. Голикову во время его встреч с британскими официальными лицами оказывали военный атташе полковник И. А. Скляров и его помощник майор Б. Ф. Швецов.

В середине июля 1941 г. по указанию И. В. Сталина генерал Ф. И. Голиков во главе военной миссии был направлен в Вашингтон для ведения переговоров с американскими официальными лицами. В ходе беседы И. В. Сталин четко определил задачи, которые должен был решить руководитель советской военной миссии во время переговоров с американскими официальными лицами. Советский Союз был заинтересован в приобретении в США отдельных образцов оружия, военной техники, военных материалов, продуктов и медикаментов. Ф. И. Голиков также должен был выяснить отношение американского правительства к формированию политического союза в форме антигитлеровской коалиции, способного добиться победы над фашистской Германией. Обеспечение деятельности советской военной миссии в Вашингтоне осуществлял военный атташе полковник И. М. Сараев.

Переговоры Ф. И. Голикова с представителями Государственного департамента и министерства обороны США проходили сложно. В то время американские официальные лица не верили в то, что Красная армия сможет сдержать натиск наступавших фашистских армий, переломить обстановку на фронте и добиться победы, поэтому они и не проявляли своей заинтересованности в оказании какой-либо помощи Советскому Союзу[94]. В ходе визита в Вашингтон руководитель советской военной миссии с помощью советского посла К. А. Уманского добился встречи с Ф. Рузвельтом, которая состоялась 31 июля 1941 г. Ф. И. Голиков рассказал Ф. Рузвельту о трудностях, которые возникли во время переговоров с представителями министерства обороны и Госдепартамента США. Руководитель советской военной миссии попросил американского президента лично вмешаться в процесс налаживания советско-

американского сотрудничества, содействовать формированию реальной антигитлеровской коалиции, способной противопоставить фашистской Германии объединенные возможности демократических государств. В целом, в результате поездки в Вашингтон генералу Ф. И. Голикову удалось добиться позитивных результатов, которые определили контуры будущих договоров о поставках американских военных материалов в СССР.

Таким образом, визиты советской военной миссии в Лондон и Вашингтон оказали положительное влияние на развитие сотрудничества СССР с США и Великобританией в военной, военно-экономической и военно-политической сферах[95]. Важным документом, расширявшим рамки сотрудничества СССР и Великобритании в войне против Германии, стал советско-английский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»[96], подписанный 26 мая 1942 г. в Лондоне. Договоренностей удалось достичь и с американской стороной: 11 июня 1942 г. было подписано соглашение между правительствами СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»[97].

Советско-британский и советско-американский договоры, подписанные в 1942 г., завершили формирование нормативно-правовой базы, на основе которой в последующие годы осуществлялось военное, военно-политическое и иное сотрудничество СССР, США и Великобритании в войне против нацистской Германии. Этими и другими подобными двусторонними соглашениями и договорами руководствовались в своей деятельности и аппараты советских военных атташе, действовавшие в Вашингтоне, Лондоне и столицах других государств, входивших в состав антигитлеровской коалиции. Этими же международными документами регламентировалась деятельность советских военных миссий, действовавших в Лондоне, при главкоме союзных войск в Италии, главнокомандующем Национально-освободительной армией Югославии, а также на завершающем этапе Второй мировой войны — при штабе американского генерала Д. Макартура.

Суровые условия Второй мировой войны заставили союзников по антигитлеровской коалиции использовать в борьбе против агрессора самые разнообразные формы военно-дипломатической деятельности. Сотрудники аппаратов военных атташе и военных миссий принимали активное участие в организации конференций глав государств и правительств, многосторонних и двусторонних рабочих встреч представителей военных ведомств, заседаний межправительственных рабочих органов по вопросам международного военного сотрудничества. Военные дипломаты, выполняя указания начальника Генерального штаба Красной армии, организовывали обмен разведывательными сведениями о противнике с союзниками, передавали захваченные образцы военной техники и оружия, содействовали обмену опытом в организации диверсионной борьбы в тылу противника.

Масштабной была деятельность советской военной миссии в Лондоне. Руководитель миссии контр-адмирал Н. М. Харламов лично занимался организацией конвойных операций, которые начались летом 1941 г. Он решал вопросы, связанные с поставками в СССР вооружения и военных материалов, контролировал их своевременную погрузку на транспорты и отправку в советские северные порты под охраной советских и британских кораблей сопровождения. 6 июня 1944 г. на одном из британских военных кораблей контр-адмирал Н. М. Харламов принял участие в форсировании Ла-Манша в районе Нормандии и лично присутствовал при высадке англо-американских войск на французское побережье[98]. После завершения служебной командировки и возвращения Н. М. Харламова в Москву советскую военную миссию в Лондоне возглавил генерал А. Ф. Васильев.

12 июля 1942 г. советское правительство установило дипломатические отношения с Канадой, что создало предпосылки для расширения военного сотрудничества между двумя государствами и открытия в Оттаве аппарата военного атташе, руководителем которого был назначен полковник Н. И. Заботин.

Формирование антигитлеровской коалиции позволило консолидировать силы в войне против нацистской Германии, максимально использовать имевшиеся в распоряжении демократических государств ресурсы, своевременно принимать военные решения, адекватные

складывавшейся на фронтах обстановке. Были созданы и условия для активного военного сотрудничества, которое выражалось в координации усилий государств, воевавших против Германии и ее союзников, согласовании отдельных военных операций, использовании территорий дружественных стран для базирования воздушных и морских сил, обмена разведывательными сведениями.

Важнейшими событиями на пути формирования и становления антигитлеровской коалиции явились решения правительств Великобритании и США о поддержке СССР в войне против Германии, заключение советско-английского соглашения от 12 июля 1941 г., декларация 26 государств, советско-английский договор и советско-американское соглашение, подписанные в 1942 г.[99] В подготовке этих важных документов активное участие принимали и советские военные дипломаты.

Острые военные и военно-политические проблемы, возникавшие в отношениях между СССР, США и Великобританией, разрешались в ходе личных встреч И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля во время международных конференций. В организации этих встреч активное участие принимали сотрудники Наркомата иностранных дел СССР, командование Генерального штаба Красной армии и Управления специальных заданий Генштаба, а также советские военные атташе и руководители военных миссий. Наиболее сложные и важные вопросы рассматривались в ходе работы Тегеранской (1943), Ялтинской (1945) и Потсдамской (1945) конференций[100]. В организации этих конференций принимали активное участие сотрудники аппаратов советских военных атташе.

Наиболее сложно и трудно было организовать первую встречу лидеров СССР, США и Великобритании, которая проходила в Тегеране с 28 ноября — 1 декабря 1943 г. В период подготовки советской правительственной делегации к этой конференции важную роль сыграли аппараты военных атташе, которые действовали в Лондоне, Вашингтоне и Тегеране.

По заданию начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А. М. Василевского военные атташе генерал И. А. Скляров в Лондоне и половник И. М. Сараев в Вашингтоне должны были информировать Генштаб Красной армии об основных военных вопросах, которые планировали обсудить в ходе дискуссий президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Руководителя советской правительственной делегации, готовившейся к поездке в Тегеран, более всего интересовал один вопрос: когда же союзники примут на себя обязательство об открытии второго фронта в Европе?

Генерал И. А. Скляров первым направил ответ на запрос Центра. 9 октября 1943 г. он сообщил в Москву: «Второй фронт в Западной Европе не открывается по чисто политическим соображениям. Считается, что русские недостаточно ослаблены и все еще представляют собой большую силу, которой опасаются как в Англии, так и в Америке. В Англии уже создана 500-тысячная экспедиционная армия, которая содержится в полной готовности и которая обеспечена всем необходимым, в том числе и флотом для высадки на континенте... Более всего наши союзники боятся вторжения русских в Германию, так как это может, как здесь считают, вызвать коммунистические революции во всех странах Европы»[101].

Эти сведения основывались на документах, полученных на доверительной основе офицером аппарата военного атташе. И. А. Склярову стало известно, что разработка плана вторжения союзных войск в Европу проходила вполне успешно и в целом была завершена в июле — августе 1943 г., когда на советско-германском фронте шло танковое сражение на Курской дуге. Изучая содержание плана операции «Оверлорд», И. А. Скляров обратил внимание на то, что в этом важном документе было всё, кроме сроков начала его реализации, и если бы англичане и американцы действительно хотели высадить свои экспедиционные войска во Франции летом 1943 г., то они могли бы это сделать.

И. А. Скляров имел в Лондоне широкие связи среди политических и военных деятелей, поддерживал дружеские отношения с военными дипломатами стран антигитлеровской коалиции. Многие из них обладали сведениями о Германии и ее вооруженных силах, что представляло интерес для Генерального штаба Красной армии. Бывая в британском военном ведомстве, на приемах в дипломатических миссиях, встречах с представителями британского

правительства, генерал И. А. Скляров в ходе дружеских бесед с представителями союзников обменивался сведениями о Германии, текущих событиях на фронте и перспективах взаимодействия СССР, США и Великобритании. Для достижения победы над фашистской Германией нужно было знать не только когда, куда именно, сколько и какие дивизии направит А. Гитлер, но также понять и замыслы союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Ценные сведения направил в Центр и сотрудник аппарата военного атташе при советском посольстве в Вашингтоне майор Л. А. Сергеев. Он сообщил о том, что «Госдепартамент и военное командование не верят в возможность договориться с советским правительством по послевоенным вопросам. Они боятся, что Союз будет основной силой в Европе. Отсюда тенденция не спешить со вторым фронтом, дабы обескровить Советский Союз и диктовать ему свою политику»[102].

Л. А. Сергееву удалось добыть подробные сведения о результатах переговоров президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Англии У. Черчилля в Квебеке. О позиции союзников по вопросу открытия второго фронта Л. А. Сергеев докладывал в Москву: «...руководители США и Англии решили в этом году второй фронт не открывать... Выражено согласие на созыв конференции с участием СССР, направленной по существу к затяжке времени. На этой конференции предполагается основным вопросом поставить послевоенные проблемы. На конференции союзники укажут, что в этом году открыть второй фронт через Францию и Голландию уже поздно и что единственная возможность для этого времени — весна 1944 года. Основным стимулом созыва конференции в Квебеке был неожиданный переход Красной армии в наступление»[103].

Указанные в донесении сведения свидетельствовали о том, что проект плана операции составлен, но ее проведение обусловливалось многими причинами. В частности, командования вооруженных сил США и Великобритании могли открыть второй фронт в Европе лишь тогда, когда нацистская Германия будет окончательно ослаблена войной против Советского Союза, германские войска не смогут оказать англо-американцам серьезного сопротивления и будут не в состоянии сдерживать наступление войск союзников. Эта информация оказалась полезной для подготовки главы советской делегации В. М. Молотова к переговорам с руководителями внешнеполитических ведомств США и Великобритании в ходе Московской конференции, которая проходила с 19 по 30 октября 1943 г.

Сведения, полученные военными дипломатами в Вашингтоне и Лондоне, объективно освещали отношение правительств США и Великобритании к открытию второго фронта и позволяли скорректировать подготовку советской правительственной делегации к Тегеранской конференции.

12 ноября генерал И. А. Скляров сообщал в Центр: «На коктейле 10 ноября имел длительную беседу с бригадиром Киркман. Говоря о положении на западном фронте, я сказал, что теперь самый лучший момент нанести по Германии удар с запада и тем самым ускорить окончание войны. На вопрос, какой же момент вы считаете наиболее благоприятным для нанесения удара по Германии с запада, Киркман ответил, что таким моментом может стать развал Германии и ее неспособность вести эффективную оборону на западе. Я его спросил, не помешает ли высадке ваших войск плохая погода? На это он ответил, что в случае развала Германии мы высадим наши войска, несмотря ни на какую погоду»[104].

Вся информация, поступающая от военных атташе, как правило, докладывалась И. В. Сталину, В. М. Молотову и первому заместителю начальника Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову и была учтена при подготовке советской правительственной делегации к переговорам с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем о сроках открытия второго фронта в Европе.

Важным условием принятия И. В. Сталиным окончательного решения о проведении встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем были добытые разведчиками ГРУ сведения о позиции США и Великобритании по наиболее важным вопросам предстоящей конференции — в том числе о позиции союзников по Ирану. В подготовке Тегеранской конференции активное участие принимал советский атташе в Иране полковник Б. Г. Разин. В середине октября

1943 г. он сообщил в Москву о том, что сопровождал шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви во время посещения им советского гарнизона, дислоцированного в Мешхеде. Молодой монарх, которому в 1943 г. исполнилось 22 года, остался доволен встречей с советскими офицерами. На приеме, устроенном в его честь, шах заявил «о своей симпатии к Советскому Союзу и Красной армии».

Во время пребывания в Тегеране И. В. Сталин заслушал отчет военного атташе полковника Б. Г. Разина о его работе, интересовался общим состоянием иранской армии, рассказал о посещении шаха и мероприятиях по организации в Иране танковой и авиационной школ с нашей материальной частью и инструкторами. В ходе встречи с военным атташе руководитель советского правительства дал следующие указания: «Шах и его ближайшие помощники запуганы английским влиянием, но придерживаются нашей ориентации, что нужно поддерживать, поощрять их намерения и подтверждать нашей работой»[105]. И. В. Сталин сообщил военному атташе, что советское правительство предполагает выделить иранцам около 20 самолетов и такое же количество танков, указал на необходимость подбирать иранские кадры, которые бы могли пройти обучение в СССР. В завершении беседы он сказал: «Внимательно смотрите за обстановкой и помогайте иранцам»[106].

Аппаратами советских военных атташе, действовавших в Лондоне и Вашингтоне, была проделана значительная работа и в период подготовки Ялтинской конференции, которая проходила в Крыму с 4 по 12 февраля 1945 г.[107] Военные атташе генерал И. А. Скляров, половник И. М. Сараев и майор А. Ф. Сизов, который был назначен военным атташе при правительствах стран антигитлеровской коалиции, действовавших в Лондоне, подготовили и направили в январе 1944 г. в Москву значительное количество донесений, в которых были отражены цели и задачи правительств США и Великобритании на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Усилия военной дипломатии по организации военного сотрудничества с США и Великобританией

С первых дней Великой Отечественной войны советское правительство, организуя противодействие агрессору, проявило заинтересованность в организации военного сотрудничества с США и Великобританией. Советскому Союзу было крайне важно усилить противодействие гитлеровским войскам не только на советско-германском, но и на других фронтах, формирование которых зависело от воли и желания правительств Великобритании и США.

По мере изменения обстановки на советско-германском фронте, а также после внезапного нападения Японии на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, которое произошло 7 декабря 1941 г., в Вашингтоне и Лондоне отношение союзников к идее военного взаимодействия с Советским Союзом начало меняться.

Интересы верховного командования вооруженных сил США в Москве представляла военная миссия, деятельностью которой руководил генерал Дж. Дин. Британскую военную миссию в Москве в 1942–1944 гг. возглавлял генерал Ж. Мартель, а с 1944 по 1945 г. — генерал М. Б. Берроуз. Американские военные дипломаты в 1942 г. неоднократно высказывались за вступление Советского Союза в войну против Японии. С таким же настоятельным предложением обращались к И. В. Сталину президент Ф. Рузвельт в ходе работы Тегеранской и Ялтинской конференций, а также его преемник Г. Трумэн во время Потсдамской конференции.

Первым совместным актом военного характера можно считать введение в августе 1941 г. советских и английских войск в Иран. Эта военно-политическая операция была согласована правительствами СССР и Великобритании и проведена командованиями вооруженных сил этих стран в целях недопущения использования гитлеровской Германией территории Ирана

для реализации своих планов в войне против СССР и последующего завоевания Британской Индии[108]. Несмотря на то что правительство Ирана 26 июня 1941 г. заявило о своем нейтралитете, в Москву от советского военного атташе, действовавшего в Тегеране, поступали сведения об активизации германской военной разведки в Иране, посещении Тегерана адмиралом В. Канарисом, а также о том, что профашистские силы в Иране готовились осуществить государственный переворот[109]. Подобное развитие событий в Иране могло создать угрозу использования иранских аэродромов германской военной авиацией для нанесения ударов по объектам советского тыла.

Правительство Великобритании опасалось потерять свой контроль над нефтяными промыслами в Иране, которые осуществляли крупнейшие британские нефтяные компании. Поэтому, когда в Иране мятеж профашистских сил был подавлен, У. Черчилль заявил о желательности с «русскими провести совместную кампанию»[110] в Иране и поручил 11 июля объединенному комитету начальников штабов вооруженных сил Великобритании рассмотреть вопрос о возможности проведения совместно с Советским Союзом операции в Иране. В предварительном порядке этот вопрос обсуждался И. В. Сталиным в беседах с британским послом С. Криппсом, когда оценивались возможности поставок британских военных грузов в СССР не только по северному пути в Архангельск или Мурманск, но и через Персидский залив и территорию Ирана. Советский посол И. М. Майский также обсуждал этот вопрос с У. Черчиллем. Советское правительство, принимая решение о вводе войск в Иран, действовало на основании советско-иранского договора, подписанного 26 февраля 1921 г.

25 августа 1941 г. силы Красной армии вступили на территорию Ирана. В операции принимали участие войска нескольких армий и советская авиация, а также корабли Каспийской флотилии. В тот же день на территорию Ирана вступили англо-индийские войска. Они оккупировали юго-западные территории Ирана и порты в Персидском заливе.

30 августа У. Черчилль в личном секретном послании сообщал И. В. Сталину: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к вам, который не может быть перерезан»[111]. Отвечая на послание У. Черчилля, И. В. Сталин 3 сентября так оценил совместную советско-английскую военную операцию: «Дело с Ираном действительно вышло неплохо. Но Иран — только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»[112].

Введение контингента советских войск в Иран потребовало расширения деятельности сотрудников аппарата военного атташе, которым руководил полковник Б. Г. Разин. Советские военные дипломаты проводили разъяснительную работу среди офицеров иранских вооруженных сил, с которыми им приходилось общаться, а также представителями местной власти, объясняя им цели присутствия советских войск на территории Ирана.

Дальнейшее военное сотрудничество между СССР, Великобританией и США строилось на основе подписанных двухсторонних соглашений и договоров, но осуществлялось с преодолением значительных условностей и трудностей как объективного, так и субъективного характера. Это сотрудничество осуществлялось по разным линиям и в различных формах. Суть его состояла в согласовании военных усилий по разгрому фашистской Германии на суше, на море и в воздухе. В 1942—1943 гг. военное взаимодействие наиболее активно осуществлялось в сфере обеспечения безопасности северных морских коммуникаций и конвоев и проведения челночных бомбардировок с использованием советских военных авиабаз.

В Лондоне этой работой занимался контр-адмирал Н. М. Харламов. В августе 1943 г. он был вызван в Москву для доклада и во время пребывания в столице приглашен на прием к И. В. Сталину. В ходе беседы с Верховным главнокомандующим контр-адмирал обратился с просьбой направить его на действующий флот. Указав на важность работы, которую выполняет Н. М. Харламов в качестве главы советской военной миссии, И. В. Сталин сказал, что его просьба может быть удовлетворена только после того, как войска союзников высадятся во Франции[113].

Находясь на военно-дипломатической работе с 1941 по 1944 г., контр-адмирал Н. М. Харламов, возглавляя советскую военную миссию в Лондоне, активно добивался «налаживания

тесного взаимодействия с союзниками по антигитлеровской коалиции, в первую очередь с англичанами. Здесь плечом к плечу с работниками Наркомата иностранных дел он прошел все перипетии дипломатической борьбы за открытие второго фронта», внес большой вклад «в организацию и обеспечение северных морских коммуникаций, поставок вооружения и стратегических материалов»[114].

Аппараты военных атташе и военных миссий, действовавших в Лондоне, Москве и Вашингтоне, решали вопросы, связанные с нанесением авиацией союзников бомбовых ударов по военным объектам противника. Авиационные подразделения и группы трех государств действовали самостоятельно. Совместными усилиями Генерального штаба Красной армии и представителей главного командования США были согласованы вопросы обеспечения челночных операций американских бомбардировщиков, вылетавших с баз Средиземноморья, и их посадки на советские аэродромы, дислоцированные на территории Украины, для дозаправки и получения нового боевого запаса. При обратном перелете к своим авиабазам в Великобритании эти самолеты наносили бомбовые удары по военным объектам противника[115].

Практика челночных операций себя полностью оправдала и за исключением некоторых мелких недоразумений, возникавших в ходе переговоров генерала Дж. Дина с советскими официальными лицами, наносила противнику ощутимый урон, одобрялась и поддерживалась советским командованием. Для базирования бомбардировщиков союзников на советской территории в 1944 г. были определены авиабазы в районе Полтавы, Миргорода и Пирятина. Эти три населенных пункта были практически полностью разрушены в период оккупации их германскими войсками, и рассчитывать на какие-либо удобства американские летчики не могли. Главную резиденцию представители американского командования 15 апреля 1944 г. разместили в Полтаве, где им оказывали всю возможную помощь сотрудники Управления специальных заданий Генерального штаба и генерал Н. В. Славин.

В конце мая 1944 г. аэродромы были полностью оборудованы и в преддверии форсирования англо-американскими войсками пролива Ла-Манш начались челночные операции американских бомбардировщиков. Через канал военных миссий США и Великобритании в Москве командование союзников не позднее чем за двое суток информировало Генеральный штаб Красной армии о том, когда и какие именно объекты (населенные пункты, аэродромы, транспортные узлы, промышленные предприятия) на территории Германии планируется подвергнуть бомбовым ударам[116].

Представители военных миссий США и Великобритании по указанию своих штабов иногда информировали советское командование о результатах нанесенных авиационных ударов по объектам противника. Например, 28 февраля 1944 г. исполнявший обязанности главы британской военной миссии контр-адмирал Д. Фишер и глава военной миссии США генерал Дж. Дин направили генералу Н. В. Славину для доклада начальнику Генерального штаба Красной армии обобщенный отчет об объединенных бомбардировках американской и британской авиацией объектов на территории Германии[117]. В нем, в частности, указывалось, что в январе 1944 г. бомбардировочная авиация союзников в ходе шести налетов сбросила на Берлин 10 571 тонну бомб. В результате этих налетов было выведено из строя «большое количество заводов, производящих авиамоторы и детали самолетов»[118]. В ходе ударов по Берлину, совершенных в ноябре 1943 г., было, «как показала фоторазведка, разрушено до 4% зданий Берлина, а приблизительно 14% серьезно пострадало»[119].

Взаимодействие в области совместного использования военно-воздушных баз осуществлялось и на других направлениях. Так, реализуя военные решения Тегеранской конференции, Государственный Комитет Обороны принял решение в целях оказания помощи Национально-освободительной армии Югославии (НОАЮ) создать советскую авиационную группу на базе союзников в городе Бари[120]. В состав авиационной группы особого назначения включалась эскадрилья военно-транспортных самолетов, предназначавшихся для переброски военных грузов для югославской армии.

Одновременно были согласованы условия создания при штабе маршала И. Б. Тито советской военной миссии. Британское внешнеполитическое ведомство попросило наркома

иностранных дел СССР В. М. Молотова предоставить подробные сведения о персональном составе будущей миссии. Генерал Н. В. Славин сообщил в Лондон, что главой миссии при штабе И. Б. Тито назначен генерал Н. В. Корнеев, его заместителем — генерал А. П. Горшков, вторым заместителем — генерал С. В. Соколов. Советская военная миссия при штабе И. Б. Тито должна была «ознакомиться с существующим положением и собирать необходимую информацию для советского правительства»[121]. Об этом нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов также сообщил в Лондон. Британская военная миссия уже действовала при штабе НОАЮ.

По мере освобождения балканских и средиземноморских стран от германской оккупации расширялась сфера деятельности советской военной дипломатии в этом регионе. Там, где не было возможности создавать военные миссии, для установления контактов с руководителями антифашистских сил представители Генерального штаба Красной армии направлялись в качестве офицеров связи. Они должны были действовать при штабах национальных сил Сопротивления, обеспечивать по мере необходимости их связь с Москвой, решать другие задачи и оценивать состояние и перспективы развития внутриполитической обстановки. То есть фактически выполнять задачи военно-дипломатического характера.

В начале 1945 г., например, в качестве представителя Генерального штаба Красной армии при верховном штабе Народно-освободительной армии Албании был назначен майор К. П. Иванов. Сообщения этого офицера в Центр о внутриполитической обстановке в Албании были в достаточной степени точны, своевременны и часто использовались для подготовки донесений И. В. Сталину. В одном из сообщений, например, майор К. П. Иванов доложил в Москву о трудной обстановке в Албании и силах, которые мешали нормализации ситуации в стране: «Ухудшающееся с каждым днем продовольственное положение и экономическая зависимость крестьян от беев, сохранившаяся вследствие непроведения до сего времени земельной реформы, создают угрозу перехода части населения на сторону реакции. Создающееся внутриполитическое положение усугубляется вмешательством англичан во внутреннюю жизнь Албании»[122].

Приближавшийся весной 1945 г. крах Третьего рейха спровоцировал усиление борьбы за раздел «наследства» гитлеровской Германии. В связи с этим в Албании, в ее территориальных водах, активизировались военные формирования британских вооруженных сил. Эти изменения замечал и правильно оценивал майор К. П. Иванов. Используя его донесения в Центр, начальник Главного разведывательного управления генерал И. И. Ильичев докладывал И. В. Сталину: «Майор Иванов сообщает, что в Албании и албанских территориальных водах не прекращается провокационная деятельность англичан. В конце января 1945 года английскими военными кораблями в районе порта Саранда в одном километре от берега была захвачена шедшая с грузом албанская баржа. Спустя несколько дней этот же корабль захватил другую баржу с войсками албанского правительства и попытался разоружить находившихся на ней солдат и офицеров»[123]. Также в сообщении говорилось: «На днях небольшая группа английских солдат, возглавляемая офицером, пыталась высадиться без разрешения албанского правительства и местных властей на побережье Албании. Эта попытка не удалась». Офицер связи при верховном штабе Народно-освободительной армии Албании майор К. П. Иванов весной 1945 г. в целом объективно докладывал в Москву о состоянии обстановки в Албании и обеспечивал по мере необходимости связь албанского штаба с Генеральным штабом Красной армии. Его информационные донесения свидетельствовали о том, что уже весной 1945 г. англичане прилагали максимум усилий, чтобы создать в Албании правительство, в котором влияние Советского Союза было бы сведено к минимуму[124].

В это же время в Греции действовали советские офицеры связи подполковники Г. М. Попов и В. А. Троян, присутствие которых в этой стране вызвало недовольство британского МИДа, о чем свидетельствуют обращения министра иностранных дел А. Идена и посла в СССР А. Керра в Наркомат иностранных дел СССР. Руководители британской дипломатии просили предоставить им сведения «о посылке советской миссии в Грецию, а также разъяснение по поводу посылки советской миссии в Албанию». Советский посол в Лондоне

Ф. Т. Гусев посетил 5 сентября 1944 г. британского министра иностранных дел и вручил ему ответ по поводу прибытия советских военных дипломатов в Грецию[125].

Важную роль в переговорах советского посла в Швеции А. М. Коллонтай с представителем Финляндии о выходе ее из войны на стороне фашистской Германии сыграл военный атташе подполковник Н. И. Никитушев. Действуя в годы Великой Отечественной войны в столице Швеции, он активно поддерживал рабочие контакты с военными атташе Великобритании и США. Установив, что немецкое командование тайно использует территорию нейтральной Швеции для переброски своих войск из Норвегии в Финляндию и обратно, а также воздушное пространство Швеции для немецкой боевой авиации, военные дипломаты трех государств антигитлеровской коалиции инициировали усилия своих правительств, направленные на запрещение немецких транзитных перевозок. Весной 1944 г. переброски немецких войск через Швецию прекратились[126]. После выхода Финляндии из войны подполковник Н. И. Никитушев установил контакты с финским военным атташе и до окончания Великой Отечественной войны поддерживал с ним взаимовыгодные отношения.

В годы войны в трудных условиях действовал в Софии аппарат советского военного атташе, которым руководил полковник С. Д. Зотов. В январе — апреле 1945 г. он направил в Москву несколько важных донесений об обстановке в Болгарии, которые были доложены И. В. Сталину, а также наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову и Г. М. Димитрову[127].

Выход Венгрии из состава союзников Германии сопровождался рядом серьезных проблем. Офицеры штаба США и Великобритании, который находился в Казерте, первыми установили контакты с представителями регента Венгрии адмирала М. Хорти. За семь дней до вылета официального представителя М. Хорти в Казерту американский посол в Москве У. Гарриман информировал наркома иностранных дел В. М. Молотова об условиях, на которых венгерское правительство могло бы заключить перемирие. В Москве критически отнеслись к предложениям венгерской стороны, которая требовала предоставить время для вывода из Венгрии частей германской армии и сохранить венгерским вооруженным силам оружие и снаряжение, «чтобы дать им возможность поддерживать порядок в Венгрии и защищать страну от возможного немецкого нападения»[128]. Не вызывало сомнения, что представители адмирала М. Хорти, сотрудничавшего с А. Гитлером на протяжении всей войны против СССР, не хотели бы допустить прихода Красной армии на территорию Венгрии.

Нарком иностранных дел СССР сообщил союзникам, что советское правительство в принципе не возражает против переговоров с представителем Венгрии в Италии, если он обладает законными полномочиями. Однако у прибывшего в Казерту 23 сентября венгерского генерал-полковника И. Надаи официальных документов, удостоверяющих его полномочия, не оказалось. Тем не менее англичане предложили СССР и США приступить к переговорам.

25 сентября 1944 г. на одном из участков 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал армии И. Е. Петров, произошло событие, которое, как выяснилось, тоже имело отношение к проблеме выхода Венгрии из гитлеровской коалиции. Через линию фронта ночью перешла группа венгров, являвшихся членами неофициальной делегации венгерских патриотов, которой руководил барон Э. Ацел. Среди них были инженер И. Дудаш, книгоиздатель И. Фауст и сотрудник одного из банков А Глессер. Венгры прибыли на территорию, занятую советскими войсками, для выяснения возможностей и желания советского командования принять официальную венгерскую делегацию. Цель прибытия — обсуждение условий заключения перемирия. С членами венгерской неофициальной делегации встретился командующий фронтом генерал армии И. Е. Петров, затем венгерских парламентеров направили в Москву, где их принял представитель международного отдела Центрального комитета ВКП(б).

После окончания переговоров делегация барона Э. Ацела возвратилась в Венгрию, а через некоторое время на одном из участков 1-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев, на советскую сторону прибыла официальная венгерская делегация во главе с генерал-полковником Г. Фараго. Маршал И. С. Конев встретился с руководителями делегации, имел с ним беседу и организовал вылет венгров в

Москву. 5 ноября начались переговоры, в которых принял участие заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов[129].

В первый день переговоров руководитель венгерской делегации сообщил, что Венгрия готова прекратить военные действия против Советского Союза и вместе с советскими войсками воевать против немцев, а также предоставить советским войскам возможность свободного продвижения по территории Венгрии в любом направлении[130]. 6 октября 1944 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вручил главам дипломатических миссий Великобритании и США памятную записку, в которой сообщил о начавшихся переговорах и заявлениях руководителя венгерской делегации. В ходе переговоров советское правительство предложило поручить заключение перемирия представителям СССР, США и Великобритании, выработать условия и, если венгерское правительство примет эти предварительные условия, подписать их в Москве.

Германское командование делало всё, чтобы не допустить выхода Венгрии из войны, удержать венгерскую столицу и особенно нефтяной район Надьканижа. В Будапеште был осуществлен государственный переворот. Замена адмирала М. Хорти на лидера организации «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши оказала неоднозначное влияние на солдат и офицеров венгерской армии. Командование вермахта поддержало Ф. Салаши и считало главной задачей войск группы армий «Юг» задержать продвижение советских войск в Венгрии и не допустить их к юго-восточным границам Германии[131].

В ходе военных операций в Европе связь командования Красной армии с национальными силами Сопротивления осуществляли: в Югославии — генерал Н. В. Корнеев, в Словакии — майор И. И. Скрипка[132], в Чехии — майор А. В. Фомин[133], в Польше — лейтенант И. А. Колос[134]. Военно-дипломатическая работа этих генералов и офицеров была связана с выполнением ответственных заданий и проходила в условиях боевой обстановки.

Находясь при штабе И. Б. Тито, генерал Н. В. Корнеев, например, осуществлял связь между руководителем Национально-освободительной армии Югославии и И. В. Сталиным. Так, 5 июля 1944 г., когда генерал Н. В. Корнеев был вызван в Москву для доклада о положении дел в Югославии, И. Б. Тито передал ему два письма, одно из которых было адресовано И. В. Сталину, а второе — наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову.

В письме И. В. Сталину И. Б. Тито сообщал: «Заверяю Вас, что прибытие Вашей военной миссии в Югославию имело для нашей национально-освободительной борьбы большое значение, поскольку и наши народы, и наша армия еще больше убедились в том, что в лице Советского Союза они имеют самого большого и самого искреннего друга. Хотя глава Вашей военной миссии генерал Корнеев будет подробно докладывать Вам о положении дел здесь, я все же хотел бы остановиться на нескольких наиболее важных вопросах»[135]. Далее он изложил ряд вопросов и высказал предложение о необходимости их обсуждения в Москве.

В письме В. М. Молотову лидер югославского Сопротивления высоко оценил дипломатическую и материальную помощь, оказанную Советским Союзом Югославии ранее, и выразил надежду, что эта помощь будет предоставляться и в будущем, так как «она в эти судьбоносные дни необходима больше, чем когда бы то ни было», что «НОАЮ быстро увеличивается, и, если мы вовремя получим оружие, у нас в Сербии будет в короткий срок не менее 10 дивизий»[136].

Находясь в Москве, генерал Н. В. Корнеев поддержал предложение о визите И. Б. Тито в Москву и обосновал необходимость расширения материальной помощи югославской армии. Рекомендации главы советской военной миссии при штабе НОАЮ были учтены советским правительством. Государственный Комитет Обороны 7 сентября 1944 г. принял постановление о расширении помощи Югославии. В нем, частности, указывалось: «В целях улучшения практической работы по снабжению НОАЮ, лучшей организации подготовки кадров офицерского и сержантского состава специалистов в СССР и переправки их в Югославию ГКО постановляет: «Сформировать спецотдел НКО численностью 15 военнослужащих и три вольнонаемных. Начальником СО утвердить тов. Беднякова А. Ф. Подчинить СО НКО начальнику Главного разведывательного управления»[137].

Генерал Н. В. Корнеев сопровождал маршала И. Б. Тито во время его визита в Москву, который начался 21 сентября 1944 г. В целом, советская военная миссия во главе с генералом Н. В. Корнеевым в годы Великой Отечественной войны внесла существенный вклад в развитие военного и военно-политического сотрудничества между СССР и Югославией.

Лейтенант И. А. Колос был направлен в Варшаву, где вспыхнуло вооруженное восстание, организованное польским правительством в эмиграции. Это восстание было слабо организовано, не имело необходимой материальной поддержки от англо-американцев, в связи с чем и обречено на полный провал. По просьбе премьер-министра С. Миколайчика, который в это же время побывал в Москве и имел встречу с И. В. Сталиным, советское правительство решило оказать помощь восставшим полякам. Прибыв в Варшаву 21 сентября 1944 г., лейтенант И. А. Колос установил контакт с руководством восставших, обеспечил связь с командованием 1-го Белорусского фронта, координировал поставки по воздуху в Варшаву советских военных грузов, оружия, патронов и продовольствия[138], а также выполнял некоторые другие задачи, часть из которых вполне можно было отнести к военно-дипломатической сфере. Спецкомандировка И. А. Колоса в восставшую Варшаву завершилась 2 октября 1944 г. Через 20 лет, в 1964 г., правительство Польской Народной Республики наградило И. А. Колоса орденом «Крест Храбрых», а в 1994 г. Правительство Российской Федерации присвоило И. А. Колосу звание Героя России[139].

В начале 1944 г. активизировались контакты по военной линии между СССР, США и Великобританией. Выполняя решения Тегеранской конференции, генеральные штабы трех государств приступили к окончательному планированию стратегических наступательных операций на советско-германском и западном фронтах. Эти операции должны были начаться приблизительно в одно и то же время и преследовать единую цель — нанести германской армии сокрушительное поражение и приблизить победное окончание войны в Европе.

Союзники готовились провести летом 1944 г. высадку англо-американских войск в Нормандии, освободить Францию и развернуть наступление в направлении Берлина. А советский Генеральный штаб планировал в это время операцию «Багратион», направленную на полное освобождение Белоруссии от немецких войск и перенос боевых действий на территорию стран Восточной Европы.

Согласование мероприятий, которые должны были организовать и провести генеральные штабы в области дезинформации германского верховного командования весной 1944 г., осуществлялось посредством военных миссий США и Великобритании в Москве. Руководителями этих миссий поддерживались контакты с начальником Управления специальных заданий Генерального штаба Красной армии генералом Н. В. Славиным. По заданию британского имперского генерального штаба глава военной миссии генерал М. Берроуз в марте — апреле неоднократно обращался к генералу Н. В. Славину по вопросам организации совместных усилий, направленных на введение противника в заблуждение. Сотрудничество весной 1945 г. с главой английской военной миссии было четким, интенсивным и результативным. В одном из своих посланий генералу Н. В. Славину генерал М. Берроуз выразил свое удовлетворение проделанной работой, которая оказалась, по мнению британского генерального штаба, чрезвычайно полезной в период проведения операции «Оверлорд»[140].

Глава американской военной миссии генерал Дж. Дин был недоволен интенсивностью подготовки советского Генерального штаба к операции «Оверлорд». Прибыв в апреле 1944 г. в Вашингтон, он сообщил о своем субъективном впечатлении американскому командованию. Официальный представитель объединенного штаба американских вооруженных сил пригласил советского военного атташе генерала И. М. Сараева и сообщил ему о мнении генерала Дж. Дина. По этому поводу генерал И. М. Сараев докладывал в Москву: «Глава военной миссии США в Москве генерал Дин вернулся в Вашингтон и доложил о натянутых взаимоотношениях в Москве. Дин считает, что только крупное изменение политики в отношении русских может повлиять на улучшение взаимоотношений и условий для работы»[141].

В ходе проведения стратегических наступательных операций на западном и советско-германском фронтах взаимодействие по военно-дипломатической линии продолжалось.

Контр-адмирал Н. М. Харламов был приглашен для участия в форсировании пролива Ла-Манш[142], а генерал Дж. Дин вместе с генералом Н. В. Славиным посетил штаб командующего 3-м Белорусским фронтом генерал-полковника И. Д. Черняховского. Суммируя свои впечатления о поездке на фронт, генерал Дж. Дин не без удовлетворения писал: «Совместные бомбардировки западных союзников лишили немцев нефти, поэтому большинство немецких артиллерийских и транспортных средств, которые мы видели, использовали лошадей. Таким образом, русским, с их превосходящим моторизованным и механизированным вооружением, удалось превосходить немцев в маневренности и живой силой, и техникой. К этому же следует учесть и американскую помощь. Кроме уже упомянутых грузовых автомобилей в городе находилось большое количество американских танков «Шерман», подбитых огнем немецкой артиллерии, и стоявших без движения»[143].

Вопросы военного сотрудничества Советского Союза с Великобританией и США обсуждались в ходе работы Ялтинской конференции, проходившей 4—11 февраля 1945 г., и Потсдамской конференции, состоявшейся в июле 1945 г. В преддверии боевых действий на Дальнем Востоке члены американской делегации выдвинули ряд выгодных для них предложений. Первое из них заключалось в том, чтобы Советский Союз разрешил США создать на его территории две станции слежения за погодой: одну — в Хабаровске, другую — в Петропавловске. Еще два предложения относились к согласованию северной границы для проведения морских и воздушных операций вооруженными силами США и СССР. Четвертое предложение касалось создания группы связи для организации взаимодействия между штабами союзников на Дальнем Востоке. Пятая просьба была связана с договоренностью об использовании советских авиа- и морских опорных пунктов[144]. Все эти предложения были разработаны руководителем американской военной миссии в Москве генералом Дж. Дином. По окончании первого заседания адмирал У. Леги вручил список с этими просьбами начальнику Генерального штаба Красной армии генералу армии А. И. Антонову.

На втором заседании генерал армии А. И. Антонов сообщил американцам, что маршал И. В. Сталин передал президенту Г. Трумэну ответ на вопросы комитета начальников штабов США. По просьбе американских военных генерал армии А. И. Антонов изложил соображения советского Генерального штаба об обслуживании американских метеостанций сокращенным составом специалистов. Получило одобрение предложение и об обмене группами офицеров связи между советским и американским главными штабами. Представителем Ставки Верховного командования на Дальнем Востоке при штабе генерала Д. Макартура был назначен генерал К. Н. Деревянко.

Американские радио- и метеорологические станции были размещены там, где и просил адмирал У. Леги[145]. Когда же Советский Союз обратился к правительству США с просьбой об открытии подобных советских станций на американской территории, это предложение было отвергнуто под предлогом того, что американское законодательство запрещает размещать на территории США иностранные военные объекты.

После того как американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, советские военные дипломаты, действовавшие в японской столице, получили из Москвы задание собрать сведения о результатах атомных бомбардировок. В 1945 г. аппарат военного атташе в Токио возглавлял подполковник К. П. Сонин, а его помощником был капитан А. Ф. Косицын. Аппарат военно-морского атташе при посольстве СССР в Токио возглавлял капитан 1 ранга А. И. Родионов, переводчиком в этом аппарате был лейтенант Н. П. Кикенин, свободно владевший японским языком.

Выполняя задание, военные дипломаты посетили разрушенные бомбардировками Хиросиму и Нагасаки[146]. Несколько позже эти опустевшие населенные пункты посетил и военный атташе подполковник К. П. Сонин. В отчетах о посещении Хиросимы и Нагасаки офицеры военного и военно-морского атташе подробно описали увиденное, оценили причиненные разрушения и предоставили собранные образцы, которые были необходимы советским ученым[147].

В годы Великой Отечественной войны целеустремленно решали ответственные задачи аппараты военных и военно-морских атташе, которые действовали в нейтральных стра-

нах — Афганистане, Швеции и Турции. На протяжении всей войны в Анкаре, например, активно действовал аппарат военного атташе, который возглавлял полковник Н. Г. Ляхтеров, назначенный на эту должность после возвращения в Москву из Будапешта. Находясь на военно-дипломатической работе в Анкаре, он поддерживал рабочие контакты с представителями военных, дипломатических и правительственных кругов Турции, разъяснял внешнеполитический курс советского правительства, направленный на достижение победы над гитлеровской Германией, разоблачал попытки германской дипломатии и военной разведки втянуть нейтральную Турцию в войну против Советского Союза, обеспечивал выполнение официальных запросов как советского Генерального штаба к турецкой стороне, так и высшего турецкого командования, обращавшегося с различными просьбами к командованию Красной армии. Такие же задачи решал аппарат советского военно-морского атташе при посольстве СССР в Турции, которым руководил контр-адмирал К. К. Родионов, в конце 1945 г. назначенный советским послом в Греции и руководивший деятельностью этого посольства до сентября 1947 г.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны значительную информационно-пропагандистскую работу среди местного населения проводили члены военных советов фронтов, которые после изгнания немецких войск с территории Советского Союза освобождали Польшу, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Румынию и другие европейские государства. Члены военных советов фронтов взаимодействовали с местными органами национального управления, оказывали им помощь в организации их деятельности, разъясняли внешнеполитический курс советского правительства, выполняя, по сути, широкий круг дипломатических задач, решение которых способствовало нормализации жизни в этих странах.

Аппаратами советских военных, военно-морских и военно-воздушных атташе руководили высокообразованные офицеры и генералы Красной армии, а также офицеры и адмиралы Военно-морского флота. Благодаря их усилиям и усердию, профессиональному подходу к решению военно-дипломатических задач удавалось своевременно устранять противоречия, которые возникали между военными ведомствами стран антигитлеровской коалиции, укреплять их взаимодействие и создавать благоприятные предпосылки для развития международного сотрудничества в военной и военно-экономической областях.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство осуществляло военно-экономическое и техническое сотрудничество с США, Великобританией и Канадой, которое строилось на основе договоров и соглашений. Военные и иные материалы по ленд-лизу поступали в СССР по трем маршрутам: северному, южному — «Персидский коридор» и дальневосточному — через Тихий океан. Наиболее активно использовались южный и северный маршруты, позволявшие, насколько это было возможно, сокращать время поставок в СССР оружия, военной техники, боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

В Лондоне вопросы, подлежавшие согласованию, с британскими представителями обсуждал глава советской военной миссии контр-адмирал Н. М. Харламов. Он успешно выполнял эти задачи. В своей деятельности в Лондоне контр-адмирал Н. М. Харламов руководствовался указаниями Главного морского штаба ВМФ СССР, который совместно с представителями ВМС Великобритании разработал основы взаимодействия английских и советских кораблей в северных водах. Н. М. Харламов поддерживал постоянные контакты с британским адмиралтейством и оперативно решал все вопросы организации и защиты союзных конвоев. В 1943 г. контр-адмиралу Н. М. Харламову довелось обеспечивать транзит через Панамский канал пяти советских подводных лодок из Владивостока на Северный флот. Во время стоянки в одной из военно-морских баз в Великобритании на эти лодки было установлено новое английское оборудование (гидроакустика и радиолокация).

В целом, военно-экономическое и военно-техническое сотрудничество стран антигитлеровской коалиции, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, являлось дополнительным фактором, который способствовал достижению победы Советского Союза в войне против фашистской Германии. Координацией усилий в этой области также занимались главы советских военных миссий в Великобритании, США и Канаде.

Сотрудничество в области обмена сведениями о противнике военно-дипломатических служб СССР, США и Великобритании, в которое также были вовлечены военные дипломаты Бельгии, Чехословакии, Польши, Югославии, а также некоторых других стран антигитлеровской коалиции, являлось важным направлением, обеспечивавшим деятельность армий союзников в войне против фашистской Германии. Это взаимодействие регламентировалось двухсторонними соглашениями и договорами[148], строилось на взаимовыгодной основе, развивалось не без трудностей, но в целом было позитивным, целенаправленным и результативным. Главной особенностью сотрудничества в области обмена сведениями о противнике являлось то, что сведения о Германии и ее вооруженных силах добывали разведывательные службы СССР, США и Великобритании, которые в связи со спецификой своей деятельности не имели права вступать во взаимодействие друг с другом. Более того, в предвоенные годы эти разведывательные службы занимались сбором сведений о вооруженных силах государств, интересы которых им пришлось защищать в ходе Второй мировой войны.

Решением Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Советского Союза И. В. Сталина приоритет в области обмена разведывательными сведениями о противнике осуществлялся в основном через Управление специальных заданий Генерального штаба, деятельностью которого руководил генерал Н. В. Славин[149].

Впервые вопрос об организации обмена сведениями о Германии инициировал британский посол С. Криппс. 18 июля 1941 г. он направил заместителю наркома иностранных дел СССР послание, в котором просил передать в распоряжение англичан всю корреспонденцию германских граждан, проходящую через СССР[150].

В свою очередь, руководство НКИД СССР предложило Генеральному штабу с участием НКВД подготовить перечень вопросов, на которые было бы «желательно получить информацию от англичан»[151]. Такой перечень был подготовлен и передан в английское посольство. В нем, в частности, отмечалось, что хотелось бы получить сведения о «количестве, дислокации и нумерации крупных соединений германских войск, находящихся собственно в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Италии, Болгарии, на Балканском полуострове, а также в глубине западной Польши, в Словакии, Венгрии и Румынии»[152]. Был также проявлен интерес к сведениям о том, где дислоцируются новые формирования для германской армии, какие перевозки германских войск и вооружения отмечаются в направлении восточного фронта и в Финляндию, кто возглавляет армейские группировки на восточном фронте, какие изменения происходят в высшем командном составе, где находятся главная ставка командования вооруженных сил Германии и ставка А. Гитлера[153].

Так начиналось сотрудничество между СССР и Великобританией в области обмена разведывательными сведениями о фашистской Германии. В 1942—1943 гг. англичане передавали советскому командованию некоторые сведения о фашистской Германии, ее вооруженных силах и новой боевой технике. Обмен разведывательными сведениями о противнике и его планах между СССР и Великобританией осуществлялся в основном через Управление специальных заданий Генерального штаба. Используя сведения, полученные советской военной разведкой, И. В. Сталин через советского посла в Лондоне И. М. Майского информировал У. Черчилля о том, что Германия планирует применить на восточном фронте боевые отравляющие вещества. Благодаря своевременному обмену этими сведениями планы А. Гитлера по применению химических отравляющих веществ были сорваны.

С советской стороны инициатором обмена разведывательными сведениями между штабами советской и британской армий был глава советской военной миссии в Лондоне контр-адмирал Н. М. Харламов. Он наладил взаимодействие с руководством британской военной разведки, начальниками основных департаментов военного ведомства, руководителями министерства экономической войны, другими британскими государственными учреждениями, располагавшими сведениями о фашистской Германии.

Контр-адмирал Н. М. Харламов хорошо понимал, что обмен разведсведениями о противнике между СССР и Великобританией может осуществляться только на условиях

взаимности. Ему часто приходилось преодолевать сопротивление не только высоких должностных лиц в Лондоне, ответственных за советско-британское военное сотрудничество, но и в Москве, тем не менее он практически ежемесячно докладывал «изменения в боевом составе, дислокации и организации войск немецкой армии за прошедший месяц по данным военного министерства Великобритании».

В 1944 г. Н. М. Харламов был отозван в Москву, а советскую военную миссию в Лондоне до окончания Великой Отечественной войны возглавил генерал А. Ф. Васильев, который продолжал выполнять задачи в области обмена сведениями о противнике с британским командованием.

В Москве сведения советской разведки о германской армии получал глава британской военной миссии генерал Ж. Мартель (с февраля 1944 г. — генерал М. Берроуз). В начале мая 1943 г. он сообщил в советский генеральный штаб информацию о подготовке немецким командованием нового наступления в районе Курской дуги[154]. Генерал М. Берроуз также часто делал запросы о сведениях разведывательного характера о Германии в Генеральный штаб Красной армии.

11 мая 1944 г. генерал Н. В. Славин сообщал начальнику ГРУ генералу И. И. Ильичеву о том, что глава британской военной миссии генерал М. Берроуз обратился к нему с письмом, в котором сообщал: «Начальник Главного управления военной разведки военного министерства Великобритании 25 апреля принял господина контр-адмирала Харламова и господина генерала Васильева и ознакомил их с мнением британского Генерального штаба по следующим вопросам:

1. Категории немецких дивизий на Западе и их боеспособность. Меры, принятые Германией по снабжению Венгрии и Румынии, и ее дальнейшие намерения.

2. Мнение Великобритании о способностях Румынии и Венгрии оказывать сопротивление.

3. Формирование новых германских дивизий и дивизий ее сателлитов, а также будущие возможности.

4. Укрепления, сооруженные Германией на восточном фронте, в частности на границах с Венгрией и Румынией»[155].

Глава британской военной миссии в СССР получил подробные ответы на все вопросы, которые интересовали начальника главного управления военной разведки военного министерства Великобритании.

Обмен разведывательными сведениями о противнике носил, как правило, эпизодический характер и осуществлялся с учетом многих достаточно серьезных ограничений. Представители генштабов двух стран передавали друг другу сведения, как правило, в тех случаях, когда поступали личные письменные или устные просьбы представителей военных миссий двух стран. Оценивая сотрудничество советских и британских разведывательных служб в годы Великой Отечественной войны, можно сказать, что в целом оно было полезным, но ограничивалось строгими требованиями, изложенными в секретных инструкциях специальных служб СССР и Великобритании.

В 1943–1944 гг. активную роль в развитии сотрудничества с британскими и американскими военными штабами в области обмена разведывательными сведениями о противнике играли советские военные миссии при штабах командующих объединенными силами союзников на южном и западном театрах военных действий в Европе. Советскую военную миссию при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками в 1944 г. возглавил генерал А. П. Кисленко. Главой советской военной миссии во Франции при штабах союзных войск в ноябре 1944 г. стал генерал артиллерии И. А. Суслопаров. Он поддерживал связь Ставки ВГК со штабом командующего американскими войсками в Европе генералом Д. Эйзенхауэром и принимал участие в предварительном подписании Акта о капитуляции германских вооруженных сил в Реймсе 7 мая 1945 г.

Руководители советских военных миссий, находясь при штабах союзников, часто выполняли просьбы американских, британских, французских и югославских генералов, передавая

им разведывательные сведения о Германии, Италии, Венгрии и Японии и их вооруженных силах, которые получали через Управление специальных заданий Генштаба Красной армии.

Менее продуктивно осуществлялось взаимодействие в области обмена сведениями о противнике между генеральными штабами армий СССР и США. В 1941 г. американское командование с интересом отнеслось к обмену сведениями о Германии. Однако военные представители США сразу же потребовали, чтобы в Москве американскому военному атташе было предоставлено право дважды в неделю посещать советский Генеральный штаб, где он мог бы работать с секретными документами, в которых отражались советские оценки положения на советско-германском фронте. В Москве требование американцев было отвергнуто. Советская сторона готова была передавать американцам сведения о германской армии, но выступала против предоставления им оперативных документов советского Генерального штаба.

Вопрос обмена сведениями о противнике между штабами вооруженных сил СССР и США вновь возник только в конце 1943 г., когда американцы завершали планирование операции «Оверлорд». Командование вооруженных сил США было крайне заинтересовано в получении дополнительных разведывательных сведений о Германии и ее вооруженных силах. Помощник американского военного атташе при союзных правительствах обратился с письмом к советскому военному атташе генералу И. А. Склярову с просьбой уточнить, не перебрасывали ли японцы 52, 53 и 54-ю дивизии в Маньчжурию. Однако из Москвы пришел ответ: «...с американцами и англичанами мы ведем обмен информацией по немецкой армии. По японской армии обмена сведениями не происходит»[156].

24 декабря 1943 г. в Москву прибыла группа американских специалистов в области разведки, которую возглавлял директор Управления стратегических служб (УСС) генерал У. Донован. Цель визита — активизация обмена разведывательными сведениями о Германии и Японии. В ходе переговоров с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым и представителями внешней разведки НКГБ была достигнута договоренность о сотрудничестве разведок СССР и США[157]. По итогам переговоров У. Донована в Москве 4 февраля во все подразделения Управления стратегических служб была направлена инструкция «Развединформация, которую следует передавать СССР». В этой инструкции указывалось, что России может быть «передана оригинальная разведывательная информация УСС, которая полезна стране, ведущей войну против Германии»[158].

В Москве и Вашингтоне стали готовиться к официальному обмену представителями разведывательных служб, однако это сотрудничество было свернуто, так и не успев обрести какие-либо конкретные формы. Против сотрудничества УСС с советской разведкой выступили шеф американского Федерального бюро расследований Э. Гувер и некоторые другие влиятельные американские политики. Президент Ф. Рузвельт направил в Москву своему послу У. Гарриману телеграмму, в которой сообщил о том, что обмен между США и СССР представителями разведывательных служб откладывается на неопределенное время.

В течение апреля — мая 1944 г. глава американской военной миссии в Москве генерал Дж. Дин передал руководителям Управления внешней разведки НКГБ информационные материалы о Германии общим объемом более двух тысяч листов, в основном это был справочный материал. Незначительная часть переданных материалов (87 листов) приходилась на разведывательные сводки по отдельным вопросам[159]. Американская разведка, без сомнения, владела значительным объемом достоверной информации о Германии и ее вооруженных силах, но такие сведения американцы советским представителям не передавали.

Обмен сведениями о противнике с военными представителями других стран антигитлеровской коалиции (Чехословакия, Польша, Бельгия, Франция и другие) осуществлялся более продуктивно. В Лондоне организацией взаимодействия в информационной области с представителями военных органов союзников занимались советские военные атташе генерал И. А. Скляров и полковник А. Ф. Сизов.

В 1942 г. А. Ф. Сизов проделал значительную работу по расширению своих полезных связей среди военных дипломатов представительств стран антигитлеровской коалиции в

Лондоне, территории которых были оккупированы немецкими войсками. Он установил хорошие отношения с помощником военного атташе Чехословакии подполковником Л. Свободой, польским подполковником С. Гано, начальником чехословацкой военной разведки полковником Ф. Моравецем, начальниками разведывательных служб Бельгии, Голландии, Норвегии, Франции и Югославии, которые находились в британской столице. Сотрудничество в области обмена сведениями о противнике осуществлялось на бескорыстной основе, было оперативным, результативным и качественным.

В состав аппарата военного атташе полковника А. Ф. Сизова входили инженер-капитан П. Тюрин, лейтенант П. Никонов, лейтенант административной службы Ю. Жемчужников. В 1944 г. полковник А. Ф. Сизов направил в Москву 425 донесений и значительное количество документальных материалов. Многие донесения полковника А. Ф. Сизова были использованы для подготовки специальных сообщений И. В. Сталину, В. М. Молотову и начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому[160].

На завершающем этапе войны в сфере обмена сведениями о противнике между СССР, США и Великобританией возникли серьезные проблемы, что потребовало личного участия И. В. Сталина в их разрешении. Так, в марте 1945 г. И. В. Сталин был вынужден обратиться к президенту США Ф. Рузвельту, высказав мнение советского правительства о недопустимости без ведома СССР ведения американскими представителями переговоров с немецким генералом К. Вольфом относительно заключения соглашения о капитуляции германских войск в Италии англо-американским войскам. Ведение таких переговоров нарушало ранее подписанные советско-английские и советско-американские соглашения[161]. После обращения И. В. Сталина к Ф. Рузвельту в Москве и Вашингтоне было согласовано присутствие на этих переговорах представителя СССР, которым стал генерал А. П. Кисленко[162], который в конце апреля 1945 г. в Казерте принял участие в церемонии подписания акта о капитуляции группировки германских войск, дислоцированных в Северной Италии.

В одном из своих посланий Ф. Рузвельту И. В. Сталин сообщил о том, что сотрудники военных миссий США и Великобритании передали в Генеральный штаб Красной армии недостоверные сведения о переброске 6-й немецкой танковой армии СС на советско-германский фронт[163]. «В феврале этого года, — писал 7 апреля 1944 г. И. В. Сталин, — генерал Маршалл дал ряд важных сообщений Генеральному штабу советских войск, где он на основании имеющихся у него данных предупреждал русских, что в марте месяце будут два серьезных контрудара немцев на восточном фронте, из коих один будет направлен из Померании на Торн, а другой — из района Моравска-Острава на Лодзь. На деле, однако, оказалось, что главный удар немцев готовился и был осуществлен не в указанных выше районах, а совершенно в другом районе, а именно в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта»[164]. Американская сторона попыталась опровергнуть утверждение И. В. Сталина, но сделать этого ей не удалось. Утверждения советского руководителя основывались на достоверных фактах, своевременно добытых разведкой Наркомата обороны СССР.

Советская военная дипломатия в 1941—1945 гг. вполне успешно выполняла свои основные функции — коммуникационную и информационную. Военные дипломаты обеспечивали ведение советскими представителями переговоров по военным, военно-политическим и военно-экономическим вопросам, содействовали заключению межгосударственных соглашений и договоров, принимали участие в расширении межгосударственных связей в военной области, организовывали обмен сведениями о противнике и тем самым своими усилиями, укрепляя антигитлеровскую коалицию, способствовали победному завершению Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л.* Эффективность дипломатии. СПб., 2009. С. 13.

[2] Дипломатическая служба помимо собственно функций внешнеполитического характера обеспечивала информационно-аналитическую, организационно-управленческую, кадровую работу. В ее задачи всегда входило протокольное, документационное, административно-техническое, финансово-экономическое обеспечение внешнеполитических структур государства. В ее задачи также входит обеспечение безопасности дипломатических структур и лично служащих (См.: Дипломатическая служба. М., 2002. С. 327).

[3] ГКО просуществовал чуть больше четырех лет — с 30 июня 1941 г. до 4 сентября 1945 г.

[4] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 31.

[5] Зачастую этот законодательный орган без дискуссий ратифицировал международные договоры и соглашения, которые были заключены представителями исполнительной власти, дипломатами по согласованию с партийным руководством от имени СССР. С 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР был уполномочен производить ратификацию и денонсацию международных договоров, а также в необходимых случаях объявлять военное положение, не дожидаясь очередной сессии Верховного Совета СССР.

[6] *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914—1980 гг. М., 1999. С. 283.

[7] В Статье 126 Коммунистическая партия Советского Союза названа «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (См.: *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории советской конституции. М., 1987. С. 310).

[8] Эта задача была закреплена еще в 1923 г. на XII съезде РКП(б).

[9] Государственная служба (комплексный подход). М., 2000. С. 90.

[10] *Сталин И. В.* Сочинения. В 16-ти т. М., 1947. Т. 5. С. 225.

[11] *Барышников Д. Н., Костюк Р. В., Ткаченко С. Л.* Указ. соч. С. 14.

[12] Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 368.

[13] Государственная служба (комплексный подход). С. 90.

[14] С 1946 г. НКИД был преобразован в Министерство иностранных дел, а его руководитель В. М. Молотов до 1949 г. был министром иностранных дел.

[15] *Морен Э.* О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Пер. с фр. М., 1995. С. 142—143.

[16] Российская дипломатия: история и современность. С. 43.

[17] *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата. Записки 1938—1947 гг. М., 1989. С. 87—88.

[18] Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей. М., 2002. С. 37.

[19] *Ерофеев В. И.* Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 113.

[20] 30 июня 1941 г. В. М. Молотов после назначения заместителем председателя Государственного Комитета Обороны продолжил работать в Кремле.

[21] Олег Трояновский: из когорты выдающихся дипломатов. Сб. статей. М., 2010. С. 112.

[22] *Демидов С. В.* Международные отношения в Европе в 1919—1939 гг. М., 2001. С. 197.

[23] *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 114.

[24] Там же. С. 120—123.

[25] *Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 324.

[26] А. Я. Вышинский — выпускник юридического факультета Киевского университета (1913). В 1935—1939 гг., прокурор СССР. С 31 мая 1939 г. по август 1944 г. был заместителем председателя СНК СССР,

курировал культуру, науку, образование и репрессивные органы, сектор административно-судебных учреждений и НКВД (1939–1940), правовой отдел.

[27] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. В 3-х т. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 274.

[28] *Млечин Л. М.* Министры иностранных дел. Внутренняя политика России: от Ленина и Троцкого до Путина и Медведева. М., 2011. С. 129.

[29] *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 113.

[30] Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. Т. 4. М., 1997. С. 7.

[31] Коллегии не работали в 1934–1938 гг.

[32] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 99.

[33] *Исраэлян В. Л.* Дипломатия — моя жизнь. Из личного архива российского дипломата. Очерки. М., 2006. С. 78.

[34] Официальные дипломатические отношения между двумя странами сначала на уровне миссий, а затем с преобразованием в посольства были установлены только в июне 1942 г.

[35] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 274.

[36] Правовой отдел, Консульский отдел, Протокольный отдел, Отдел печати, Отдел диппочты, Отдел кадров, Политархив, Библиотека.

[37] Вализа (от фр. valise postale — почтовый мешок) — дипломатическая почта (сумка, пакет, конверт) дипкурьера, пользующегося неприкосновенностью.

[38] Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей. С. 37–38.

[39] АВП РФ. Ф. 048. Оп. 33. П. 10. Д. 10. Л. 146.

[40] Там же. Ф. 04. Оп. 59. П. 437. Д. 57714. Л. 33.

[41] В 1943 г. первая партия архивных документов, а в феврале 1944 г. — последняя были возвращены в Москву.

[42] *Новиков Н. В.* Указ. соч. С. 104.

[43] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 294.

[44] *Панюшкин А. Г.* Записки посла. М., 1981. С. 256–263.

[45] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 301.

[46] Там же.

[47] Там же. С. 302.

[48] Дипломатическая служба. С. 34.

[49] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 гг. Т. 2. 1917–2002 гг. С. 241.

[50] *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 214.

[51] *Ерофеев В. И.* Указ. соч. С. 113.

[52] Об ошибках в работе посла парторг посольства мог сообщать в партийную организацию наркомата.

[53] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 178.

[54] Там же. С. 98.

[55] *Исраэлян В. Л.* Указ. соч. С. 78.

[56] *Бережков В. М.* Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 88–94.

[57] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 116. Д. 92. Л. 34–37, 107–115; СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Т. 1. М., 1996. С. 641.

[58] *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг. Справочник. М., 1999. С. 167–168.

[59] За время отпуска сотрудник проходил проверку НКВД.

[60] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 105.

[61] Риббентроп имел в кругах немецкой элиты репутацию посредственности, усердно поддерживавшей взгляды Гитлера на политику в отношении Великобритании (См.: *Дирксен фон Г.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Пер. с нем. М., 2001. С. 160; *Ханфштангль Э.* Мой друг Адольф, мой враг Гитлер / Пер. с англ. Екатеринбург, 2006. С. 278–279).

[62] В 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял специальное постановление, где признал секретные договоренности с Германией «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания».

[63] *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 231.

[64] Записи бесед опубликованы: Документы внешней политики СССР. В 24-х т. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 36–47, 63–78.

[65] *Громыко А. А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 77.

[66] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 68–69.

[67] Дипломатический словарь. В 3-х т. Т. 1. М., 1971. С. 162.

[68] *Кондрашов В.* Собирайте факты // Родина. № 6. 2011. С. 2.

[69] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.

[70] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: дела и люди. СПб., М., 2003. С. 531.

[71] *Кондрашов В.* Указ. соч. С. 5.

[72] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 210.

[73] Там же. Л. 213–214.

[74] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 45.

[75] Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.

[76] Там же. С. 56.

[77] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 43.

[78] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693–793.

[79] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. М., 2010. С. 58.

[80] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 140–152.

[81] *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 100.

[82] Российское военное обозрение. 2008. № 7. С. 42.

[83] *Бабаянц Ю. А., Богомолова А. О., Бойко В. И. и др.* Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 454.

[84] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 492–493.

[85] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1980. С. 370.

[86] *Харламов Н. Г.* Трудная миссия. М., 1983. С. 23.

[87] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. С. 123.

[88] Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1973. С. 240.

[89] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. С. 132.

[90] Новая и новейшая история. 1969. № 3–4.

[91] *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 31.

[92] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 100.

[93] Там же. С. 93.

[94] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. С. 136.

[95] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. С. 101.

[96] Дипломатический словарь. Т. 3. С. 240–241.

[97] Там же. С. 233.

[98] *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 213–214.

[99] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 860.

[100] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 1978–1980. Т. 2, 4, 6.

[101] *Лота В. И.* Без права на ошибку. М., 2005. С. 352.

[102] Родина. 2014. № 1. С. 136.

[103] Там же. С. 137.

[104] *Лота В. И.* Без права на ошибку. С. 363.

[105] Родина. 2014. № 1. С. 141.

[106] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. С. 402–403.

[107] Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сб. документов. М., 1979.

[108] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 865.

[109] *Лота В. И.* Сорвать «Эдельвейс». Советская военная разведка в битве за Кавказ (1942–1943). М., 2010. С. 481.

[110] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. Военный союз / Пер. с англ. М., 1995. С. 244.

[111] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 17.

[112] Там же. С. 20.

[113] *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 167–168.

[114] *Хужоков В.* Адмирал Н. М. Харламов: военно-дипломатическая деятельность в Великобритании (1941–1944) // Военно-промышленный курьер. 3 декабря 2008 г. № 47.

[115] *Дин Дж.* Странный союз / Пер. с англ. М., 2005. С. 99–115.

[116] *Попов И.* Взаимоотношения между военными командованиями союзников в годы Второй мировой войны. Документальная справка. http//www. milresource. ru/Spravka-2. html.

[117] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 318–324.

[118] Там же. Л. 319.

[119] Там же.

[120] *Сергиенко А. М.* АГОН — авиационная группа особого назначения. М., 1999. С. 35.

[121] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. М., 2009. С. 265–266.

[122] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 11246. Д. 3. Л. 20–21. Помета: «Доложено Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Микояну, Булганину, Антонову, Димитрову».

[123] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 11246. Д. 3. Л. 37–37 об.

[124] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 284.

[125] Там же. С. 300.

[126] *Лота В. И.* Бури над Скандинавским плацдармом // Красная звезда. 1, 3 ноября 2005 г.

[127] Димитров Георгий Михайлович (1882–1949), видный деятель болгарского и коммунистического движения, в 1933 г. был арестован в Берлине по провокационному обвинению в поджоге Рейхстага. В 1934–1945 гг. находился в СССР. С 1946 г. — председатель Совета министров Народной Республики Болгария.

[128] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 315.

[129] *Попов Е. В.* «Венгерская рапсодия» ГРУ. М., 2010. С. 212.

[130] Там же. С. 217.

[131] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 163.

[132] *Студентский И.* Тайная миссия в словацкое восстание. М., 1999.

[133] *Лота В. И.* Последний бой майора Фомина // Российское военное обозрение. 2007. № 9. С. 55–60.

[134] *Колос И. А.* По заданию Центра. Записки разведчика. М., 1989.

[135] Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. С. 15–17.

[136] *Трго Ф., Ленкович М.* Исторические решения Тито. Белград, 1980. С. 221.

[137] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 301. Л. 110.

[138] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974. С. 255.

[139] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 138.

[140] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 315.

[141] *Попов И.* Взаимоотношения между военными командованиями союзников в годы Второй мировой войны. Документальная справка. http//www. milresource. ru/Spravka-2. html.

[142] *Харламов Н. М.* Указ. соч. С. 192.

[143] *Дин Дж.* Указ. соч. С. 186.

[144] *Корабельников В., Симонов В., Бойко В. и др.* Победа на Дальнем Востоке и военная разведка. М., 2007. С. 28.

[145] *Александров А.* Великая победа на Дальнем Востоке. М., 2004. С. 118–119.

[146] *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С. 276–277.

[147] Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 70–71.

[148] Советско-английское соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Великобритании в войне против Германии от 12 июля 1941 г.; Советско-американское соглашение от 11 апреля 1942 г. о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии (См. Дипломатический словарь. Т. 3. С. 240).

[149] Красная звезда. 2008. № 29. С. 20–26.
[150] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 266–267.
[151] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 6564. Д. 2. Л. 16.
[152] Там же Л. 20–23.
[153] Там же.
[154] Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 74.
[155] Российское военное обозрение. 2009. № 6. С. 50.
[156] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24184. Д. 4. Л. 882.
[157] Очерки истории российской внешней разведки. В 5-ти т. Т. 4. М., 1999. С. 400.
[158] Там же. С. 401.
[159] *Dean John R.* The Strange Alliance. The Story Of Our Efforts at Cooperation with Russia. London, 1947. P. 55.
[160] *Лота В. И.* ГРУ: испытание войной. С. 424.
[161] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 196.
[162] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* Указ. соч. С. 403.
[163] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 261.
[164] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 207.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика Советского Союза послужила одним из факторов достижения победы над фашистским блоком в Европе и милитаристской Японией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она оказалась адекватной тем стратегическим вызовам, которые встали перед СССР в связи с началом Второй мировой войны, а затем и с нападением нацистской Германии и ее союзников на нашу страну. Выступая 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии, И. В. Сталин дал образную, но точную оценку роли дипломатии в войне: «Не забывайте, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте»[1].

В 1939—1941 гг. главные усилия советской дипломатии были направлены на улучшение геополитического положения СССР в интересах укрепления обороноспособности страны. Делалось все возможное, чтобы если не предотвратить, то максимально отсрочить войну. Этой цели служили и советско-германские договоры 1939 г., которые стали вынужденным дипломатическим шагом после того, как попытки создать широкую систему коллективной безопасности и переговоры Советского Союза с Великобританией и Францией о заключении военного союза не дали положительного результата. Почти два выигранных в этой дипломатической борьбе мирных года позволили провести в жизнь многие мероприятия, направленные на развитие индустриальной базы и укрепление военной мощи Советского государства.

В целом успешно, хотя и с определенными издержками для международного авторитета СССР, была реализована политическая линия на возвращение в состав страны некоторых территорий, утраченных в ходе революции и Гражданской войны: западных областей Белоруссии и Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии. Урегулирование конфликта с Финляндией также потребовало от советской дипломатии больших усилий.

Готовясь к войне против СССР, нацистская Германия рассчитывала на то, что его южные и восточные рубежи окажутся под угрозой нападения со стороны Турции и Японии. Советской дипломатии предстояло в этой связи сделать все, чтобы удержать эти страны от участия в агрессии. Как итог предпринятых усилий, в марте 1941 г. состоялся обмен нотами между СССР и Турцией, причем обе стороны взяли на себя обязательство соблюдать взаимный нейтралитет. В апреле 1941 г. был также подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией, что, без преувеличения, стало крупной дипломатической победой Москвы.

С началом войны советская внешняя политика должна была решать новые, исключительно сложные проблемы. Основные усилия сосредотачивались на четырех ключевых задачах: создании и укреплении антигитлеровской коалиции государств; подрыве и ликвидации союза фашистских и милитаристских держав; завершении войны в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями для народов; выработке прочных основ и гарантий послевоенного мира и безопасности. Впервые в истории советской дипломатии приходилось находить и

вырабатывать формы и принципы сотрудничества с теми, кто до этого обычно выступал в качестве явного или тайного противника.

Важной особенностью советской внешнеполитической деятельности была координация дипломатических мероприятий с действиями Вооруженных сил Советского Союза и союзных армий. Советская внешняя политика делала все для того, чтобы в конечном итоге обеспечить при решающей роли СССР полное поражение и капитуляцию агрессоров. Она отличалась деловым подходом к решению проблем, затрагивавших интересы десятков государств и сотен миллионов людей.

В сложной международной обстановке кануна и первого периода войны внешняя политика Советского Союза решила одну из важнейших задач: удалось сорвать попытку двух агрессивных группировок объединиться против него, предотвратить намерение реакции поставить СССР в невыгодные условия войны на два фронта — против фашистской Германии и милитаристской Японии.

Советский Союз внес большой вклад в решение задачи сплочения в военный союз всех действительных и потенциальных противников блока агрессоров. Руководство СССР сыграло активную роль в формировании и укреплении антигитлеровской коалиции, которая стала исторически уникальным военно-политическим объединением государств и народов. Большую роль в этом сыграли конференции руководителей трех великих держав, проходившие при участии высшего военного командования, совещания министров иностранных дел, дипломатическая переписка и другие формы внешнеполитических связей.

12 июля 1941 г. в Москве по предложению Советского Союза было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии, что стало первым, но очень важным шагом на пути создания антигитлеровской коалиции. Летом — осенью 1941 г. между СССР, США и Великобританией были заключены новые соглашения, и одновременно советское правительство устанавливало дипломатические контакты с национальным комитетом «Свободная Франция», а также с правительствами Польши и Чехословакии, находившимися в эмиграции. 29 сентября — 1 октября 1941 г. в Москве состоялась конференция полномочных представителей СССР, США и Великобритании, на которой была достигнута договоренность об англо-американских поставках вооружения, военных материалов и продовольствия в Советский Союз по ленд-лизу и обратных поставках стратегического сырья союзникам. Западные демократии и СССР, несмотря на весьма неоднозначное отношение друг к другу, оценивали тесное сотрудничество как условие взаимного выживания. В результате этого диаметрально противоположные общественно-политические системы стремились к союзу перед лицом общей угрозы.

К концу 1941 г. антигитлеровская коалиция в основном сложилась. На процесс ее сплочения несомненное влияние оказали важные военные события: контрнаступление советских войск под Москвой, начавшееся 5 декабря и показавшее, что СССР не сломлен и готов продолжать борьбу, а также нападение японской авиации на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор 7 декабря, предопределившее вступление США во Вторую мировую войну.

1 января 1942 г. представители 26 государств подписали в Вашингтоне Декларацию Объединенных Наций. Коалиция обрела общий программный документ о совместной борьбе против агрессоров. Союз антигитлеровских сил основывался на общих идеях противоборства с фашизмом и защиты суверенитета государств. В декларации, в частности, провозглашалось, что «полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир»[2].

Единые задачи, однако, не исключали наличия у каждой из сторон собственных политических мотиваций, что обусловливало сложный и противоречивый характер их сотрудничества. Руководители СССР придавали большое значение поддержанию духа равноправия и сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции, добивались последовательного претворения в жизнь принятых обязательств.

Советский Союз стремился обрести союзников и был заинтересован в получении комплексной помощи для ведения войны. Главной целью его внешней политики являлось приближение победы, а для этого требовалось увеличение вклада США и Великобритании в общее дело. Для достижения этой стратегически важной задачи порой приходилось преодолевать инертность западных союзников, нередко отдававших приоритет собственным, а не коалиционным интересам и стремившихся к облегченному для себя формату ведению войны. При этом требовалось постоянно учитывать наличие противоречивых тенденций в американской и английской политике, что являлось весьма нелегким делом, тем более что позиции недоброжелателей СССР были достаточно сильны.

Запад намеревался в максимальной степени использовать людской потенциал и военную мощь Советского Союза в борьбе с главными силами агрессоров, что, в свою очередь, позволяло ему сохранить силы и минимизировать собственные потери. Советская дипломатия делала все возможное для поощрения стран запада к увеличению их вклада в вооруженную борьбу.

Важнейшим международным условием достижения победы были изоляция, а затем и полный развал фашистско-милитаристского блока. Советская дипломатия умело использовала успехи вооруженных сил на фронтах в целях ускорения распада фашистской коалиции и полной изоляции нацистской Германии. Осуществлявшиеся внешнеполитические мероприятия способствовали усилению сопротивления фашизму со стороны народов Европы и укреплению уверенности в неизбежности краха «нового порядка». В 1944 г., когда войска фашистской коалиции понесли тяжелые потери, что вызвало резкое ослабление военного могущества Германии, а Красная армия, преследуя отступавшего противника, пересекла государственную границу СССР, по инициативе советского правительства были предприняты меры по выводу Финляндии, Болгарии, Румынии и Венгрии из войны на стороне Третьего рейха. Поскольку фашистская Италия вышла из войны еще в 1943 г., после Курской битвы и высадки англо-американских войск на острове Сицилия, потеря остальных европейских союзников поставила нацистскую Германию в положение практически полной военно-политической изоляции. Это стало немаловажным фактором на ее пути к окончательному поражению.

Исключительно важное значение советская внешняя политика придавала завершению Второй мировой войны в кратчайшие сроки. Ведущая роль советско-германского фронта в мировой войне, победы Красной армии над вермахтом обеспечивали возможность успешного осуществления внешнеполитических мероприятий в этом направлении. СССР выступил с рядом инициатив, осуществление которых ускорило разгром и ликвидацию противника. В частности, он явился инициатором борьбы за сокращение сроков ведения войны путем более тесного объединения военных усилий участников антигитлеровской коалиции. По инициативе Советского Союза принимались меры по оказанию экономической и военной помощи жертвам агрессии, налаживанию двусторонних и многосторонних военно-экономических связей. Его усилиями была оказана военная помощь народам и вооруженным силам Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, МНР, Китая, Франции, а также Румынии, Болгарии и Венгрии после их выхода из фашистского блока.

Много дипломатических усилий было сосредоточено вокруг темы ленд-лиза. Успешная реализация этой программы облегчила военное бремя СССР и сыграла важную роль в войне. Советской дипломатии удалось договориться о значительных объемах материальной помощи союзников в виде поставок оружия, продовольствия и материалов, однако для скорейшего разгрома агрессоров и уменьшения числа жертв войны требовалось большее.

Именно поэтому советское правительство и советская дипломатия настойчиво выступали за открытие второго фронта в Европе. Ставя этот вопрос на повестку дня, советские руководители исходили из того, что скоординированные по времени и месту удары по агрессору с востока и запада приведут к быстрейшему разгрому Третьего рейха, приблизят час освобождения порабощенных народов, позволят значительно уменьшить человеческие жертвы. Аргументы в пользу незамедлительного открытия второго фронта были достаточно

очевидными, тем не менее этого так и не удалось добиться в оптимальные сроки: ни в 1942 г., ни в 1943 г., вопреки обещаниям, данным Советскому Союзу Великобританией и США, второй фронт не был открыт.

Однако стремительное продвижение Вооруженных сил Советского Союза на запад, которое стало возможным в результате одержанных побед, заставило союзников отказаться от проводимой ими политики затягивания открытия второго фронта и выступить против нацистской Германии в Западной Европе. Впервые решение осуществить высадку англо-американских войск в Северной Франции весной 1944 г. (операция «Оверлорд»), хотя и с оговорками, было высказано союзниками на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Причем советское правительство заверило союзников, что предпримет наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску немецких сил с советско-германского фронта на западный. Кроме того, оно по собственной инициативе провело крупное стратегическое наступление на Правобережной Украине, что отвлекло значительные немецкие силы на восток и создало благоприятные условия для высадки союзного десанта.

С освобождением Красной армией от врага советской земли была достигнута одна из основных целей Великой Отечественной войны — обеспечение народам СССР свободы и независимости. Однако окончательная победа над Германией и ее сателлитами предполагала полный разгром немецкой военной машины и ликвидацию фашистского режима. Перенесение военных действий за пределы Советского Союза потребовалось и для оказания помощи народам Европы, оказавшимся под фашистским игом. Тщательно продуманные и настойчиво проводимые в жизнь меры советской дипломатии позволили обеспечить благоприятные условия для осуществления освободительной миссии в отношении одиннадцати европейских государств.

Установлению дружественных СССР политических режимов в Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польше, Албании, Югославии, Венгрии способствовали не только военная мощь Советского Союза, но и его огромный международный авторитет, оказавший огромное влияние на развитие национально-освободительного движения во всей Европе. Советский Союз использовал все возможности, чтобы установить или расширить дружественные связи с патриотическими силами стран Европы, боровшимися с фашизмом, оказать им помощь. Последние месяцы войны характеризовались стремительным ростом патриотических сил, их объединением в национальных масштабах, тесным переплетением антифашистской и классовой борьбы.

Вплоть до последнего дня А. Гитлер и его окружение, а на восточном фланге Второй мировой войны и японское руководство отчаянно пытались оттянуть окончание войны, возлагая надежды на обострение противоречий в лагере антигитлеровской коалиции, которые могли бы привести к ее развалу. Существовали различные планы достижения этой цели, но суть сводилась к тому, чтобы, обостряя противоречия между участниками антифашистской коалиции, спровоцировать их, в конечном итоге, на столкновение друг с другом.

В правящей верхушке Англии и США было немало сторонников заключения сепаратного мира с Германией вопреки ранее принятому решению союзников о ее безоговорочной капитуляции. Эта формулировка была предложена президентом США Ф. Рузвельтом еще в 1943 г. на конференции в Касабланке и вновь подтверждена на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств трех ведущих держав антигитлеровской коалиции (4–11 февраля 1945 г.). Советскому Союзу, являвшемуся решающей силой этой коалиции, пришлось в сложных международных условиях настойчиво добиваться завершения войны именно разгромом фашистского режима, а не каким-либо иным способом. Это было необходимо в том числе и для того, чтобы не позволить антикоммунистически настроенным кругам Соединенных Штатов Америки и Англии сохранить реакционное государство в Германии и таким образом впоследствии использовать его в качестве противовеса Советскому Союзу.

Вопросы послевоенного устройства в освобожденных странах, их границ, условия перемирия с бывшими странами фашистского блока оставались предметом ожесточенных

дипломатических споров на протяжении всего завершающего периода войны. Непростыми были и другие внешнеполитические вопросы: о статусе советских войск на территориях освобождаемых государств, о линии поведения в странах, сотрудничавших с Германией, и прочие. Принятие союзниками демократических решений по многим вопросам мирного урегулирования и послевоенного устройства мира стало возможным только благодаря наступательной позиции советской дипломатии, опиравшейся на фактор ведущей роли СССР в освободительной войне против фашизма.

Важнейшей задачей советской внешней политики было создание условий для обеспечения послевоенной безопасности страны. В 1942–1945 гг., опираясь на военные успехи Красной армии, руководство СССР последовательно наращивало усилия по реализации этой внешнеполитической линии. На Тегеранской, Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференциях большой тройки был успешно решен вопрос о будущих границах в Европе. Было принято решение о передаче СССР Кёнигсберга и прилегающего к нему района[3]. Все это стало одной из основ территориально-политического урегулирования в Европе после Второй мировой войны. Успешная внешнеполитическая деятельность советского руководства и договоренности, достигнутые в Потсдаме, создали также необходимые предпосылки для формирования Советским Союзом в Восточной и Юго-Восточной Европе союзнического пояса государств.

В Ялте в феврале 1945 г. советская дипломатия также добилась выгодного для СССР соглашения по вопросам Дальнего Востока. Лидеры США и Великобритании согласились с необходимостью восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а также привилегий СССР в Северо-Восточном Китае. Эти меры включали возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина с прилегающими островами; передачу ему Курильских островов, приоритет в открытии и освоении которых принадлежит России; интернационализацию торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза и восстановление аренды нашей страной Порт-Артура в качестве военно-морской базы; создание смешанного советско-китайского общества для совместной эксплуатации Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог[4].

Трудно переоценить значение конференций на высшем уровне лидеров большой тройки — СССР, США и Великобритании. Переговоры в Тегеране, Ялте и Потсдаме позволяли им согласовывать планы военных действий, вырабатывать общие принципы политики в отношении Германии и ее союзников, заложить основы демократического устройства послевоенного мира. Несмотря на имевшиеся разногласия и противоречия, во многом естественные для государств с различным социально-экономическим строем, антигитлеровская коалиция выдержала все испытания и добилась победы в вооруженном противоборстве беспрецедентного масштаба.

Советский Союз принял участие в острой борьбе за создание действенной международной организации по поддержанию мира, которая, как предполагалось, должна была стать надежным, подлинно универсальным инструментом послевоенного мира и безопасности и предотвращения новой войны. Соответствующие инициативы президента США Ф. Рузвельта последовательно поддерживались руководством СССР. Итогом сложной и напряженной совместной работы стало создание Организации Объединенных Наций.

Международная конференция, открывшаяся в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г., при самом активном участии советской делегации определила цели и принципы ООН, структуру и полномочия ее органов, возможности мирного урегулирования международных споров и действий в отношении актов агрессии, сформулировала принципы обращения с колониями и зависимыми территориями. Очень важным стало то, что советским представителям удалось отстоять принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности при решении всех политических вопросов, который и по сию пору доказывает свое ключевое значение в деле сохранения мира.

26 июня историческая по своему значению конференция завершила работу подписанием Устава ООН. Создание ООН явилось одним из важных политических итогов победы

антигитлеровской коалиции в войне, выражением объективной необходимости мирного сосуществования и сотрудничества в послевоенное время государств с различным социальным строем. Министр иностранных дел России С. В. Лавров справедливо отметил: «Устав ООН «запрограммирован» в качестве регулятора многополярного мира, который в нынешних условиях может обеспечить устойчивость современного миропорядка»[5].

Советский Союз вступил в послевоенную эпоху в ореоле главного победителя нацизма, важной силы коалиции, принявшей к концу Второй мировой войны формат широкого антифашистского объединения. Героические усилия советского народа и его Красной армии по праву заслужили уважение и восхищение во всем мире.

Одержанные победы, военная мощь и заметно возросший международный авторитет СССР помогли советской дипломатии достичь необходимых договоренностей с партнерами по антигитлеровской коалиции. К завершению войны СССР имел договоры о союзе или дружбе, послевоенном сотрудничестве и взаимопомощи с Великобританией, Францией, Чехословакией, Югославией, Польшей, Китаем. Советский Союз стал одним из учредителей Организации Объединенных Наций и постоянным членом ее Совета Безопасности. Если до Великой Отечественной войны СССР имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны их число выросло до 52[6]. Советский Союз наряду с США и Великобританией стал играть главенствующую роль в решении ключевых проблем мировой политики.

Советская дипломатия в ходе Великой Отечественной войны осуществила существенную перестройку своей деятельности, в которой умело учитывала специфику военной обстановки и реалии мировой политики. Ориентация на сотрудничество с западными державами потребовала заметной коррекции прежних жестких идеологических стереотипов и даже отказа от некоторых из них.

В результате внешняя политика СССР соответствовала своему высокому предназначению, в целом успешно решая вставшие перед ней сложные проблемы. В центре всей внешнеполитической работы стояли задачи противодействия блоку агрессоров, формирования и укрепления антигитлеровской коалиции. Особое значение приобрели военная дипломатия, деятельность военных миссий и военных атташе. Обсуждение и согласование планов военных действий, дискуссии по вопросам послевоенного устройства требовали напряженных усилий, поисков разумных компромиссов, твердого отстаивания государственных интересов.

Материал, изложенный в настоящем томе, позволяет лучше понять и осмыслить тот факт, что политическое и военное руководство страны, советский народ и Красная армия одержали Великую Победу не только кровью. Коллективный разум, непреклонная воля, стойкость и упорство стали важнейшими факторами победы. Однако для ведения победоносной войны с фашизмом и милитаризмом советская власть сумела найти опору не только в своей стране, но и у народов других стран.

Таким образом, внешняя политика Советского Союза в годы Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны была активно действующим фактором борьбы с агрессорами. И если Вооруженные силы СССР внесли решающий вклад в военный разгром фашизма, то советская внешняя политика занимала ведущую роль на международной арене в ходе войны и закрепления итогов победы антигитлеровской коалиции. В годы войны были созданы благоприятные предпосылки для укрепления позиций СССР в послевоенном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 229.

[2] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 — 31 декабря 1943 г. М., 1946. Т. 1. С. 194.

[3] Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. М., 1967. С. 352.

[4] Там же. С. 154.

[5] Цит. по: Международная жизнь. 2012. № 9. С. 4.

[6] Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 347.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

19. Заявление советского правительства о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете.
20. Заявление советского правительства об Австрии.
21. Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и временным правительством Французской Республики.
22. Договор между СССР и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине.
23. Заявление советского правительства о начале войны с милитаристской Японией.
24. Обращение И. В. Сталина к советскому народу об окончании Второй мировой войны.
25. Сообщение ТАСС о подписании акта о капитуляции Японии.

№ 1

Выступление по радио заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением нацистской Германии на Советский Союз

22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как Народному Комиссару Иностранных Дел заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что всё население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 — 31 декабря 1943 г. В 3-х т. М., 1946. Т. 1. С. 127–129.

№ 2

Декларация правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне

24 сентября 1941 г.

Настоящая конференция собралась в Лондоне в дни, когда гитлеровская Германия, поработившая и опустошившая ряд стран Европы, с особенной силой и неслыханной жестокостью ведет свою разбойничью войну против Советского Союза. Три месяца прошло с того дня, когда бронированные орды гитлеровской Германии вероломно напали на СССР, ворвались в пределы Советского Союза. Три месяца советский народ и его доблестная Красная Армия, Военно-Морской и Военно-Воздушный флоты ведут с подлым врагом героические бои, вынося на своих плечах всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора, угрожающего социальным и политическим завоеваниям свободолюбивых народов, угрожающего самим основам культуры и цивилизации.

В этой войне, навязанной гитлеровским фашизмом демократическим странам, решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия. Нельзя допустить, чтобы судьбам мирных и свободолюбивых народов угрожало иго нацизма, чтобы шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников, возомнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром.

Задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников, состоит в том, чтобы добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы, все свои средства, определить наиболее эффективные способы и методы осуществления этой цели. Эта задача объединяет в данный момент наши страны и наши правительства, делегировавшие своих представителей на настоящую конференцию.

Перед нашими странами стоит также чрезвычайно важная задача определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма.

Советский Союз глубоко убежден в том, что эта задача также будет успешно решена и что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы. Эти стремления воодушевляют все народы Советского Союза. Этими стремлениями руководствуется Советское правительство во всей своей деятельности и в своей внешней политике.

Советский Союз осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов. Советский Союз в своей внешней политике руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций. Во всей своей национальной политике, лежащей в основе государственного строя Советского Союза, Советский Союз исходит из этого принципа, в основе которого лежит признание суверенности и равноправия наций. Исходя из этого принципа, Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны.

Руководствуясь во всей своей политике и во всех своих отношениях с другими народами этими принципами, Советский Союз неизменно выступал со всей последовательностью и решительностью против всех нарушений суверенных прав народов, против агрессии и агрессоров, против всех и всяких попыток агрессивных стран навязать народам свою волю и ввергнуть их в войну. Советский Союз неустанно и решительно отстаивал и отстаивает в качестве одного из эффективных средств борьбы за торжество этих принципов, за мир и безопасность народов необходимость коллективных действий против агрессоров.

Стремясь к радикальному решению задачи обеспечения свободолюбивых народов от всех опасностей со стороны агрессоров, Советский Союз одновременно вел борьбу за полное всеобщее разоружение. Готовый достойно ответить на любой удар агрессора, Советский Союз в то же время всю свою внешнюю политику неизменно строил и строит на основе стремления к мирным и добрососедским отношениям со всеми странами, уважающими целостность и неприкосновенность его границ, будучи готов оказать всемерную поддержку народам, ставшим жертвами агрессии и борющимся за независимость своей родины.

В соответствии с неуклонно проводимой Советским Союзом политикой, опирающейся на указанные выше принципы и нашедшей свое выражение в многочисленных актах и документах, Советское правительство выражает свое согласие с основными принципами декларации* президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля, с принципами, имеющими столь большое значение в современной международной обстановке.

Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза.

Советское правительство вместе с тем считает необходимым с особой силой подчеркнуть, что основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма, заключается в

---

* Имеется в виду Атлантическая хартия от 14 августа 1941 г.

том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд.

Придавая большое значение правильному использованию всех материальных ресурсов и продовольствия в послевоенный период, советское правительство полагает, что важнейшей и повелительной задачей дня является организация правильного распределения всех экономических ресурсов и военного снаряжения под углом зрения быстрого и окончательного освобождения народов Европы от гнета кровавого гитлеровского режима.

Опубликовано: Документы внешней политики СССР.
Т. 24. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 331–323.

№ 3

Коммюнике о Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании

2 октября 1941 г.

Конференция представителей трех великих держав — СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, открывшаяся в Москве 29 сентября, закончила свои работы 1 октября.

Конференция состоялась на основании совместного послания президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Сталина и в соответствии с выраженным им согласием и имела своей целью, как говорится в означенном послании, решить вопрос, «как наилучшим образом помочь Советскому Союзу в том великолепном отпоре, который он оказывает фашистскому нападению», а также вопросы «о распределении общих ресурсов» и «о наилучшем использовании этих ресурсов в целях оказания наибольшей услуги их общим усилиям».

Делегации трех держав во главе с лордом Бивербруком, г-ном Гарриманом и В. М. Молотовым проводили свою работу в атмосфере полного взаимного понимания, доверия и благожелательства. Они были воодушевлены важностью стоявшей перед ними задачи оказания поддержки героической борьбе народов Советского Союза против разбойничьей гитлеровской Германии, от успеха борьбы с которой зависит дело возвращения свободы и независимости народам, покоренным фашистскими ордами. Они были воодушевлены возвышенностью дела избавления других народов от нацистской угрозы порабощения.

Конференция, в работах которой принял активное участие И. В. Сталин, успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободолюбивых народов.

Опубликовано: Документы внешней политики СССР.
Т. 24. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 349–350.

№ 4

Телеграмма посла СССР при союзных правительствах в Лондоне* А. Е. Богомолова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

23 октября 1941 г.

Сегодня у меня был чехословацкий государственный министр Рипка. Просил передать Советскому правительству, что, согласно тексту военного соглашения между СССР и Чехословакией, Чехословакия берет на себя обязательство вооружать те чехословацкие воинские части, которые будут сформированы на территории СССР. Рипка имел беседу с англичанами, и они заявили, что у них сейчас нет возможности снабдить чехов оружием и что в лучшем случае они предлагают послать их на Ближний Восток, с тем чтобы они присоединились там к частям английской армии. Рипка просит от имени чехословацкого правительства сделать исключение для них и вооружить советским оружием и обмундировать тот единственный чехословацкий батальон, который сформирован в СССР. Он просит сделать это исключение для Чехословакии, так как хотелось бы, из чисто политических соображений, иметь хотя бы маленькие воинские части, но борющиеся с немцами вместе с Красной Армией.

А. Богомолов

Опубликовано: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1960. С. 22.

№ 5

Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи

Москва
4 декабря 1941 г.

Правительство Советского Союза и правительство Польской Республики, исполненные духом дружеского согласия и боевого сотрудничества, заявляют:

1. Немецко-гитлеровский империализм является злейшим врагом человечества — с ним невозможен никакой компромисс.

Оба государства совместно с Великобританией и другими союзниками при поддержке Соединенных Штатов Америки будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков.

2. Осуществляя договор, заключенный 30 июля 1941 года, оба правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками.

В мирное время основой их взаимоотношений будут доброе соседское сотрудничество, дружба и обоюдное честное выполнение принятых на себя обязательств.

---

* Правительства европейских стран, временно находившихся под фашистской оккупацией (Чехословакия, Польша, Югославия, Норвегия, Греция и др.).

3. После победоносной войны и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира. Это может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз. При создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех союзных государств. Только при этом условии может быть восстановлена Европа, разрушенная германскими варварами, и может быть создана гарантия, что катастрофа, вызванная гитлеровцами, никогда не повторится.

По уполномочию правительства Советского Союза — И. Сталин

За правительство Польской Республики — Вл. Сикорский

Правда. 5 декабря 1941 г.

№ 6

Декларация Объединенных Наций

1 января 1942 г.

Общая Декларация Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Австралии, Бельгии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Чехословакии, Доминиканской Республики, Эль-Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Индии, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза и Югославии.

Правительства, подписавшие настоящую Декларацию, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей Декларации президента США и премьера Великобритании от 14 августа 1941 г., известной под названием Атлантической хартии, будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир, заявляют:

1) Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные и экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне.

2) Каждое Правительство обязуется сотрудничать с Правительствами, подписавшими настоящую Декларацию, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами.

К вышеизложенной Декларации могут присоединиться другие нации, которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом.

Учинено в Вашингтоне 1 января 1942 г.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 — 31 декабря 1943 г. В 3-х т. М., 1946. Т. 1. С. 194.

№ 7

Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны

26 мая 1942 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии,

Желая подтвердить условия Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным договором;

Желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

Желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими Объединенными Нациями при выработке мирного договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Великобритании от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

Желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае нападения на одну из Высоких Договаривающихся Сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе,

Решили с этой целью заключить договор и назначили в качестве своих полномочных представителей:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик — Вячеслава Михайловича Молотова, Народного Комиссара Иностранных Дел;

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии от имени Соединенного Королевства в Великобритании и Северной Ирландии — достопочтенного Антони Идена, члена Парламента, Министра Иностранных Дел Его Величества,

Которые по предъявлении своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть I

Статья 1. В силу Союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе как по взаимному согласию.

Часть II

Статья 3. 1. Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

2. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет договаривающейся стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон будет признана излишней ввиду принятия ими предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Объединенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья 6. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 8. Настоящий Договор подлежит ратификации в кратчайший срок, и обмен ратификационными грамотами должен произойти в Москве возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего Договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего Договора остается в силе на период 20 лет. После того, если одна из Договаривающихся Сторон в конце указанного периода в 20 лет не сделает за 12 месяцев до срока заявления о своем желании отказаться от Договора, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся Сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении прекратить его действие.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в Лондоне в 2-х экземплярах на русском и английском языках 26 мая 1942 года.

Оба текста имеют одинаковую силу.

В. Молотов
Антони Иден

Известия. 12 июня 1942 г.

№ 8

Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии

11 июня 1942 г.

Принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки заявляют, что они заняты общим делом, совместно со всеми другими одинаково мыслящими государствами и народами, направленным к созданию основ справедливого и прочного общего мира, обеспечивающего законный порядок им самим и всем другим народам;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки как участники Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 года подписались под общей программой целей и принципов, воплощенных в совместной Декларации, сделанной 14 августа 1941 года Президентом Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министром Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и известной под именем Атлантической хартии, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

И принимая во внимание, что Президент Соединенных Штатов Америки решил в развитие Акта Конгресса от 11 марта 1941 г., что оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов Америки;

И принимая во внимание, что Соединенные Штаты Америки оказывали и продолжают оказывать Союзу Советских Социалистических Республик помощь в деле сопротивления агрессии;

И принимая во внимание целесообразность того, чтобы окончательное определение условий, на которых Правительство Союза Советских Социалистических Республик получает указанную помощь, и выгод, которые взамен должны получить Соединенные Штаты Америки, было отложено до тех пор, пока не станет известен объем оборонной помощи и пока ход событий не сделает более ясными окончательные условия и выгоды, которые соответствовали бы общим интересам Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и содействовали бы созданию и поддержанию мира во всем мире;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки имеют общее желание заключить теперь предварительное Соглашение о предоставлении оборонной помощи и о некоторых соображениях, которые будут приняты во внимание при установлении вышеупомянутых условий, и поскольку заключение такого Соглашения было во всех отношениях должным образом разрешено, и все акты, условия и формальности, которые следовало произвести, выполнить или учинить до заключения такого Соглашения в соответствии с законами как Союза Советских Социалистических Республик, так и Соединенных Штатов Америки были надлежащим образом произведены, выполнены и учинены;

Нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные для этой цели соответствующими Правительствами, согласились о нижеследующем:

Статья I

Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять.

Статья II

Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей.

Статья III

Правительство Союза Советских Социалистических Республик не будет без согласия Президента Соединенных Штатов Америки передавать, формально или фактически, какие бы то ни было оборонные материалы или оборонную информацию, полученные им в соответствии с Актом Конгресса Соединенных Штатов Америки от 11 марта 1941 г., или разрешать пользование ими кому бы то ни было, кроме должностных лиц, служащих или агентов Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Статья IV

Если в результате передачи Правительству Союза Советских Социалистических Республик какого-нибудь оборонного материала или оборонной информации возникнет необходимость для этого Правительства принять меры или совершить платеж с целью полного обеспечения всех прав какого-либо гражданина Соединенных Штатов Америки, имеющего патентные права в связи с вышеупомянутыми оборонными материалами или информацией, то Правительство Союза Советских Социалистических Республик примет эти меры и произведет такие платежи по предложению Президента Соединенных Штатов Америки.

Статья V

Правительство Союза Советских Социалистических Республик по окончании существующего чрезвычайного положения вернет Соединенным Штатам Америки, по определению Президента Соединенных Штатов Америки, те из полученных по настоящему Соглашению оборонных материалов, которые окажутся не уничтоженными, утраченными или потребленными и которые, но определению Президента, смогут пригодиться для обороны Соединенных Штатов Америки или Западного полушария или смогут быть каким-либо иным образом использованы Соединенными Штатами Америки.

Статья VI

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик, будут полностью приняты во внимание все имущество, обслуживание, информация, льготы и другие выгоды, предоставленные Правительством Союза Советских Социалистических Республик после 11 марта 1941 г., полученные и принятые Президентом от имени Соединенных Штатов Америки.

Статья VII

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик в обмен за помощь, оказанную в соответствии с Актом Конгресса от 11 марта 1941 г., их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и

улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению путем соответствующих международных и внутригосударственных мероприятий, производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров, что составляет материальную основу свободы и благосостояния всех народов; к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле и к сокращению пошлин и других торговых барьеров и вообще к достижению всех экономических целей, изложенных в совместной Декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Соединенного Королевства от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик.

В возможно скором времени будут начаты переговоры между двумя Правительствами с целью определения, в свете господствующих экономических условий, наилучшего способа достижения вышеуказанных целей их собственными согласованными действиями, а также обеспечения согласованных действий со стороны одинаково с ними мыслящих правительств.

Статья VIII

Настоящее Соглашение вступит в силу с сего числа. Оно будет оставаться в силе до срока, который должен быть согласован между обоими Правительствами.

Подписано с приложением печатей в Вашингтоне в двух экземплярах 11 июня 1942 г.

Максим Литвинов,
посол Союза Советских Социалистических Республик в Вашингтоне

Корделл Хэлл,
государственный секретарь Соединенных Штатов Америки

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 24–27.

№ 9

Англо-советское коммюнике о посещении Лондона народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым

12 июня 1942 г.

В продолжение переговоров, состоявшихся в Москве в декабре 1941 года между Председателем Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик И. В. Сталиным и народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым с одной стороны и министром иностранных дел г-ном Антони Иденом с другой, по вопросу ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе, в Лондоне состоялись дальнейшие переговоры между г-ном Уинстоном С. Черчиллем, премьер-министром и министром обороны, и г-ном Антони Иденом, министром иностранных дел, с одной стороны и В. М. Молотовым, народным комиссаром иностранных дел СССР, с другой. Эти переговоры, которые велись в атмосфере сердечности и откровенности, закончились 26 мая подписанием

«Договора между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны».

Этот договор, текст которого публикуется сегодня, подписали от имени СССР В. М. Молотов и от имени Соединенного Королевства г-н А. Иден. В переговорах принимали участие посол СССР в Лондоне И. М. Майский и постоянный заместитель министра иностранных дел г-н А. Кадоган.

Оба правительства уверены в том, что этот договор послужит прочной базой для добрых отношений между обеими странами в будущем и еще больше укрепит тесное и сердечное взаимопонимание, уже существующее между Советским Союзом и Соединенным Королевством, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были информированы о ходе переговоров и заключении договора. Обе стороны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны.

Во время переговоров В. М. Молотова с премьер-министром Великобритании г-ном У. Черчиллем между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. В переговорах по этому вопросу принимали участие В. М. Молотов, И. М. Майский, генерал-майор Исаев, контр-адмирал Харламов, г-н Черчилль, г-н Эттли, г-н Иден и начальники британских военно-морского, военного и воздушного штабов. Были обсуждены также вопросы дальнейшего улучшения отправок самолетов, танков и других военных материалов из Великобритании в Советский Союз. Обе стороны были рады отметить единство взглядов по всем указанным вопросам.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 — 31 декабря 1943 г. В 3-х т. М., 1946. Т. 1. С. 283–284.

№ 10

Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР с премьер-министром Великобритании и послом США в СССР

12 августа 1942 г.

Присутствовали: Молотов, Ворошилов, Керр.
Переводчики: Павлов и Денлоп.

Черчилль заявляет, что самолет, на котором летели Брук, Уэйвелл, Теддер и Кадоган, должен был вернуться в Тегеран из-за аварии, и поэтому они будут в Москве завтра. Но он может сейчас же приступить к военным переговорам в общих чертах, а затем он предлагает обсудить все вопросы в деталях в присутствии английских и советских военных.

Сталин спрашивает, как прошло путешествие. Черчилль отвечает, что путешествие было очень приятным и он совсем не утомлен.

Сталин спрашивает, как обстоят дела в Каире. Черчилль отвечает, что он сообщит об этом в строго секретном порядке, так как это еще не опубликовано. Черчилль считал необходимым заменить Окинлека Александером, который хорошо дрался в Бирме. Помимо этого, в верховном командовании на Ближнем Востоке он произвел также и другие радикальные изменения. Он надеется, что в течение августа или сентября англичане выиграют битву в Египте. Англичане располагают в Египте более значительной армией, большим количеством самолетов, танков и артиллерии, лучшими коммуникациями, чем Роммель. Но

немцы обладают большим искусством в использовании тяжелых танков и противотанковых пушек. Черчилль обнаружил настроения боязни драться с немцами. Тем не менее, говорит Черчилль, мы перейдем к наступлению в августе или сентябре, используя подкрепления, которые будут получены из Англии и Индии. Мы надеемся, продолжает Черчилль, что победим немцев там, где они находятся в настоящее время. Он думает, что в настоящее время уже не существует опасности взятия Каира или захвата Суэцкого канала. Он очень обязан Сталину за 40 бомбардировщиков, которые Сталин любезно предоставил Английскому правительству. Черчилль организует в настоящее время отдельное командование для Персии и Ирака. Мы, говорит он, стараемся создать 10-ю армию для защиты юга Каспия. Но прежде очень важно выиграть битву в Египте и уничтожить Роммеля. В этом случае можно будет отправить большие подкрепления на Каспий. В сражении можно надеяться на успех, но нельзя это гарантировать.

Сталин говорит, что у нас пока дела на фронте идут нехорошо. Противник стремится прорваться к Баку и выйти на Сталинград. Было трудно предполагать, что немцы соберут так много войск и танков отовсюду из Европы. В настоящее время на нашем фронте находится Лист со своими войсками с Балкан, много итальянцев, венгров, немало румын. Нам не удалось остановить наступления. В виде контрмеры мы предприняли диверсию в сторону Ржева и Вязьмы. Здесь продвижение у нас идет неплохо. Цель этой операции состоит в том, чтобы заставить противника перегруппировать свои силы.

Черчилль спрашивает Сталина, считает ли он, что Гитлер имеет в своем распоряжении добавочную армию для того, чтобы выступить против Москвы с запада и с Воронежа. Сталин отвечает, что он не может этого сказать. Фронт большой. Гитлер может взять десятка два дивизий и создать кулак в любом месте. Для этого не надо иметь специальных резервов; для этого нужно два десятка пехотных и 2–3 танковые дивизии. Здесь, в Москве, у нас дело попрочнее, но нельзя гарантировать вероятность неожиданностей.

Черчилль заявляет, что он приехал для того, чтобы говорить о реальных вещах. Мы, говорит он, будем беседовать друг с другом как друзья. Черчилль надеется, что Сталин выскажет откровенно то, что он считает полезным предпринять в настоящее время.

Сталин говорит, что он готов к этому.

Черчилль заявляет, что, когда Молотов посетил Лондон, он, Черчилль, сообщил ему, что англичане постараются найти средства для осуществления эффективной диверсии путем нападения на германские позиции во Франции. Но Черчилль также сказал и вручил Молотову памятную записку о том, что он не может дать никакого обещания на этот год. После этого американцы и англичане тщательно изучили этот вопрос и пришли к выводу, что они не в состоянии предпринять операций в сентябре месяце, который является последним месяцем с благоприятной погодой, операций, которые имеют своей задачей отвлечение пехотных дивизий противника с русского фронта. Но, как известно Сталину, Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году. Для этой цели в 1943 году в Англию должен прибыть 1 млн американских солдат. Таким образом, американские экспедиционные силы составят весной 1943 года 27 дивизий, к которым англичане готовятся прибавить 21 собственную дивизию, причем почти половину этих сил будут составлять танковые дивизии. Пока что в Англию прибыло только 2,5 американские дивизии, но ожидаются большие транспорты войск в сентябре, октябре, ноябре и т. д. В настоящее время мне хорошо известно, что в 1942 году имеющееся в наличии количество дивизий не будет помощью для России, что, когда эти силы будут готовы в 1943 году, возможно, что немцы будут располагать более крупными силами для встречи англичан и американцев, чем в настоящее время.

Относительно вопроса о нападении на французское побережье я хочу изложить некоторые соображения. Мы располагаем десантными средствами для того, чтобы перевезти 6 дивизий для десанта на укрепленном побережье. Если эта высадка будет успешной, то для поддержания операций потребуется такое количество тоннажа, которым в настоящее время Англия и США не располагают. Мы в деталях изучили, говорит Черчилль, две операции, которые мы могли бы предпринять в сентябре нашими незначительными силами. Были

рассмотрены два района. Первая операция — это операция в районе Па-де-Кале на отрезке от Дюнкерка до Дьеппа. Эта операция имела бы своей целью оттягивание военно-воздушных сил противника во Францию, которые достаточно сильны для весьма напряженных боев. Мы не имеем достаточного количества сил, которые были бы в состоянии достаточно глубоко проникнуть на французскую территорию, чтобы оказать этим помощь СССР. Операция в Па-де-Кале имеет то большое преимущество, что мы господствуем в этом районе в воздухе и поэтому ее осуществление вызвало бы весьма тяжелые воздушные бои с противником. С другой стороны, противник знает об этом, и нет сомнений в том, что в этом секторе он может сконцентрировать против нас более значительные силы, чем те, которые мы можем перевезти в этом году. Вследствие значительных приливов и отливов в Дуврском проливе любые десантные операции связаны с большими трудностями. Одно преимущество, которое можно было бы извлечь из десанта, — это воздушные бои. Но представляется маловероятным, что это преимущество было бы достигнуто полным уничтожением экспедиционных сил и что противник торжествовал бы, а мы потерпели бы катастрофу. Далее, чтобы провести нападение на Па-де-Кале в этом году, нам пришлось бы прервать большие приготовления на 1943 год и отвлечь ведущих людей, затратить большую часть десантных средств. По этой причине мы не считаем разумным предпринять наступление в районе Па-де-Кале в этом году.

Сталин говорит, что можно было бы высадиться на Шербурском полуострове, занять острова в проливе и с них снабжать войска, действующие на полуострове.

Черчилль отвечает, что это невозможно сделать, так как английская истребительная авиация не может из-за дальности расстояния обеспечить господства над Шербурским полуостровом. Черчилль готов к тому, чтобы английские военные обсудили с маршалом Ворошиловым этот вопрос во всех деталях. Черчилль спрашивает Сталина, желает ли он, чтобы это обсуждение состоялось.

Сталин отвечает, что он не против этого обсуждения, но он хотел бы спросить Черчилля, правильно ли он понимает, что второго фронта в этом году не будет, что Английское правительство также отказывается от операции по высадке 6—8 дивизий на французском побережье в этом году.

Черчилль спрашивает Сталина, что он понимает под вторым фронтом.

Сталин отвечает, что он понимает под вторым фронтом вторжение большими силами в Европу в этом году.

Черчилль заявляет, что открыть второй фронт в Европе в этом году англичане не в состоянии, но они полагают, что второй фронт может быть создан в другом месте. Что касается операции по высадке 6—8 дивизий на французском побережье в этом году, то Английское правительство считает, что эта операция принесла бы больше вреда, чем пользы, и отрицательно отразилась бы на приготовлениях к операции большого масштаба в 1943 году. Черчилль боится, что это будет неприятным известием для Сталина, но он может заверить, что, если бы англичане и американцы знали бы, что, бросая 1 млн 500 тыс. — 2 млн человек, они смогли бы оказать помощь своему союзнику путем отвлечения значительных сил с русского фронта, они бы не остановились перед этим из-за возможных потерь. Однако если бы это предприятие не привело к отвлечению никаких сил, то оно испортило бы перспективы операций в будущем году и, следовательно, было бы большой ошибкой. Черчилль просит Гарримана высказать свою точку зрения. Гарриман заявляет, что присоединяется к соображениям Черчилля и не имеет к ним добавлений.

Сталин говорит, что он несколько иначе смотрит на войну. Он считает, что тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны. В меморандуме, который был передан в Лондоне Молотову, говорилось о том, что англичане предполагают высадить в этом году 6—10 дивизий на побережье во Франции. Если бы мы раньше знали, что они не могут этого сделать, мы могли бы дать им 3 корпуса для десанта с воздуха. Например, в Дорогобуже среди немцев было выброшено с воздуха 2,5 тыс. человек. Они великолепно дрались, и, когда отпала нужда, их посадили на самолеты и вывезли оттуда. Для того чтобы сделать войска настоящими, им надо пройти через огонь и обстрелы. Пока войска не проверены на войне, никто не может

сказать, чего они стоят. Сталин считает, что представляется случай испытать огнем войска. Он, Сталин, на месте Англии поступил бы иначе. Не надо только бояться немцев.

Черчилль раздраженно отвечает, что они не боятся немцев, и спрашивает Сталина, задавал ли он себе вопрос, почему Гитлер не предпринял в 1940 году вторжения в Англию, когда Англия имела едва 20 тыс. обученных людей, 200 пулеметов, 50 танков, в то время как Гитлер имел в своем распоряжении всякого рода баржи, парашютные войска и т. д. Если бы Гитлер напал в то время на Англию, то Черчилля не было бы в настоящее время в Москве.

Сталин отвечает, что высадка в Англии встретила бы сопротивление со стороны населения, в то время как высадка войск во Франции была бы встречена французским населением с сочувствием.

Черчилль заявляет, что именно в силу этого обстоятельства тем более важно не заставить французов подняться, ибо они принесли бы большие напрасные жертвы.

Сталин заявляет, что, если англичане не могут высадиться, он не настаивает и не требует этого. Однако он не может согласиться с аргументами, высказанными Черчиллем.

Черчилль заявляет, что он очень благодарен Сталину за его высказывания, но надеется, что Сталин разрешит обсудить английским и советским военным детали тех соображений, которые он сегодня изложил.

Сталин замечает, что вопросы должны решать политики, а не военные, которые являются консультантами.

Черчилль выражает свое согласие с этим заявлением Сталина и замечает, что в Англии военные тоже являются консультантами.

Далее Черчилль говорит, что второй фронт в Европе — это не единственный второй фронт. По мнению Английского и Американского правительств, можно было бы предпринять другие большие операции, которые были бы полезнее для общего дела. Мы не думаем, говорит Черчилль, что Франция является единственным местом, в котором может быть создан второй фронт. Американцы и англичане приняли решение о проведении другой операции, и Черчилль имеет полномочия Рузвельта сообщить русскому правительству об этой операции при условии сохранения полной секретности. Эту операцию можно сохранить в секретности только путем прикрытия ее другой операцией. Она должна быть проведена под руководством верховного командования США, которое уже назначило своих представителей в Англию. Операция носит название «Факел» и состоит в захвате Северного побережья Французской Африки. Для этой цели будут использованы 250 тыс. войск в составе примерно 7 дивизий США и 5 британских. Войска высадятся в нескольких пунктах побережья Северной Африки: в Касабланке, в Алжире и вплоть до Бизерты. Президент установил 30 октября самым поздним сроком для начала этой операции. Но мы, говорит Черчилль, прилагаем все усилия, чтобы начать ее осуществление в начале октября.

Сталин спрашивает Черчилля, информирован ли об этой операции де Голль.

Черчилль отвечает, что де Голль об этой операции не информирован, так же как он не был информирован о Мадагаскаре. Дело в том что де Голль и окружающие его лица много говорят, и поэтому Черчилль не хотел сообщать де Голлю об англо-американских планах. Черчилль заявляет, что захват французского побережья дал бы возможность очистить Средиземное море, получить базы для бомбардировки Италии — самого слабого союзника Гитлера, а также открыл бы дополнительные пути для вторжения на европейский континент в будущем году. Кроме того, Черчилль предполагает, что эта операция благоприятно повлияла бы на позиции Испании и Турции.

Сталин заявляет, что он вполне понимает операцию по захвату побережья Северной Африки с военной точки зрения. По его мнению, она обладает четырьмя преимуществами. В результате этой операции были бы открыты коммуникации через Средиземное море и союзники получили бы базы для бомбардировки Италии, вышли бы в тыл армии Роммеля и закрыли бы «оси» путь на Дакар. Но Сталин считает, что эта операция недостаточно обставлена в политическом отношении. Его интересует вопрос, будет ли сделана декларация в начале англо-американской операции против Северной Африки. Сталин считал бы, что

эту операцию было бы более полезно провести при участии де Голля или кого-либо из французских генералов.

Черчилль заявляет, что Американское правительство располагает большим количеством своих агентов в Северной Африке. Оно считает, что высадка англо-американских войск на побережье Северной Африки под американским флагом встретит весьма слабое сопротивление со стороны французского населения и может быть даже сочувствие. Кроме того, он полагает, что эту операцию можно будет изобразить как начало освобождения Франции и, таким образом, исключить представление о ней как о притязаниях Англии и США. Черчилль рассчитывает также, что в результате осуществления операции немцы предъявят серьезные требования к Виши, и правительство Виши будет вынуждено или потерпеть крах, или вообще сбежать. По его мнению, было бы крайне желательным столкновение немцев с правительством Виши.

Сталин заявляет, что он вполне понимает указанную операцию с военной точки зрения, и говорит: «Да поможет бог ее осуществлению».

Черчилль заявляет, что он сообщит о мнении Сталина Рузвельту. Затем Черчилль хотел бы перейти к следующему вопросу, который касается помощи южному флангу русского фронта при помощи английских воздушных сил для защиты Кавказа и Каспийского моря. Однако в настоящий момент он не может сделать определенного предложения о предоставлении СССР с этой целью 15 или более английских эскадрилий, так как англичане должны сначала увидеть, как будут развиваться операции в Египте.

Сталин отвечает, что мы были бы благодарны за помощь нам авиацией, так как в этом районе мы испытываем недостаток авиации.

В заключение беседы Черчилль говорит, что операция по захвату побережья Северной Африки является настолько очевидной, что о ней может говорить пресса. Поэтому важно представить дело так, что мы пойдем в другом направлении, что мы нанесем удар в районе Па-де-Кале. Ничего не должно быть сказано о том, что мы не будем атаковать противника на побережье Франции в этом году. Другой ширмой для операции «Факел» могло бы быть предположение противника, будто мы нападем в этом году на Норвегию. В Англии действительно подготавливается несколько арктических дивизий, и противник не может этого не заметить и будет думать о возможности нашего нападения на Норвегию в этом году.

Опубликовано: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. 1941—1943 гг. С. 265—271.

№ 11

Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР с премьер-министром Великобритании

15 августа 1942 г.

Черчилль заявляет, что он не имел намерения беспокоить Сталина, прекрасно зная, как он занят. Но, с другой стороны, он не хотел бы уехать из Москвы, не выразив ему благодарность за все любезности, которые ему были оказаны. Он, Черчилль, понимал, что то, что он должен будет сказать о втором фронте, будет больно слышать его русским друзьям, для которых это было бы ударом и разочарованием. Поэтому Черчилль полагал, что лучше ему самому приехать в СССР. Он считал это своим долгом. Он полагал также, что его приезд лучше докажет его искренность, чем телеграфная переписка через посла. Поэтому Черчилль просил говорить откровенно. Он хотел бы сказать, что у него нет ни мыслей, ни чувств против

того, что было сказано в беседе, хотя он не может согласиться с тем, что было сказано. Он надеется, что он ничего не сказал такого, что могло бы встать между ним и Сталиным, так как, помимо своей основной задачи, он прибыл в Москву для того, чтобы достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным, которое у него уже имеется с Рузвельтом и которое было бы большим преимуществом при разрешении всякого рода трудностей. Черчилль считает, что Сталин чувствует, что в этом отношении был достигнут успех. Это все, что он хотел бы сказать в настоящий момент.

Сталин говорит, что если речь идет об оценке приезда Черчилля, то он считает, что, чем бы этот обмен мнениями ни кончился, эта встреча имеет большое значение. Он и Черчилль узнали и поняли друг друга, и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия. Тот факт, что он и Черчилль встретились и познакомились друг с другом и подготовили почву для будущих соглашений, имеет большое значение. Он склонен смотреть более оптимистически на дело.

Черчилль выражает с этим согласие. Он говорит, что думал об американских войсках, прибывающих в Англию. По этому вопросу у него есть документ, который он не может передать, так как этот документ является собственностью Рузвельта. Но он хотел бы показать его Сталину, с тем чтобы он увидел, какие громадные усилия принимаются для того, чтобы увеличить силы союзников. Этот документ представляет собой расписание прибытия американских войск в Англию до 9 апреля 1943 года. Количество американских войск в Англии должно достичь к 9 апреля 1943 года 1 043 400. Конечно, возможны опоздания против плана.

Молотов спрашивает, сколько американских войск уже прибыло в Англию.

Черчилль отвечает, что около 85 тыс.

Сталин говорит, что Гитлер может отчасти помешать выполнению плана перевозки американских войск в Англию.

Черчилль отвечает, что в течение нынешней войны Англия перебросила около 1 млн войск почти без потерь. Все караваны с войсками хорошо защищены. Он не думает, что подводные лодки противника смогут принести в данном случае большой ущерб, хотя действия этих подводных лодок представляют самую большую опасность в деле переброски американских войск из США в Англию. Черчилль полагает, что между английскими самолетами-бомбардировщиками и нападениями подводных лодок существует некоторая форма соревнования. Но от этого соревнования не зависит результат войны. Черчилль готов терять с американцами ежемесячно до конца 1943 года 600 тыс. т. судов, и даже при этих потерях положение англичан и американцев к 1943 году в смысле тоннажа улучшится. Но он надеется, что такие большие потери не будут иметь места после того, как американцы организуют надежную систему конвоирования, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе. Черчилль заявляет, что его особенно обрадовала быстрая оценка четырех преимуществ операции «Факел», хотя он понимает, что эта операция не имеет прямого отношения к СССР.

Сталин спрашивает Черчилля, надеется ли он, что эта операция удастся.

Черчилль отвечает утвердительно. В случае успешного проведения операции она доставит Гитлеру и правительству Виши большие неприятности. Он весьма уверен в том, что операция увенчается успехом, так как защитники побережья окажут поискам союзников слабое сопротивление, а может быть, и дружественно встретят эти войска.

Сталин говорит, что хотя эта операция не связана прямо с Россией, но косвенно ее значение очень велико потому, что успех операции — это удар по «оси». В связи с этой операцией Сталин хотел бы спросить Черчилля, не нужно ли оккупировать Францию. Он полагает, что это было бы неплохо.

Черчилль отвечает, что, конечно, мы стремимся к тому, чтобы ввести большие армии в Италию, Францию с обеих сторон.

Сталин говорит, что это хорошо.

Черчилль заявляет, что в октябре месяце, когда будет осуществляться операция «Факел», немцы должны будут решить, что делать с южным берегом Франции, и они могут предъявить требования правительству Виши, которые правительство Петэна может не принять.

Английские бомбардировщики будут бомбардировать Сицилию и Италию и вынудят немцев оттянуть свои военно-воздушные силы для защиты этих территорий. При этом Гитлер не сможет снять свои войска и самолеты с западного берега Франции, так как он будет ожидать нападения англичан на побережье Франции. Чтобы держать Гитлера в состоянии напряжения в ожидании нападения на пролив, в августе будет проведен более серьезный рейд на французское побережье, чем раньше, если этому будет благоприятствовать погода. Этот рейд будет представлять собой разведку боем, в котором примут участие 8 тыс. человек и 50 танков. Эти войска проведут день и ночь на французском побережье, возьмут пленных и вернутся обратно в Англию. Черчилль хотел бы сравнить эту операцию с опусканием пальца в горячую ванну с целью измерения температуры. Так как англичане намерены сразу же покинуть побережье Франции, то французскому населению будут розданы листовки с предложением о том, чтобы они оставались дома, с тем чтобы немцы не отомстили французам, как это было раньше. Цель этой операции, во-первых, разведка и, во-вторых, поддержание впечатления, что должно произойти вторжение на континент. Черчилль полагает, что весьма важно не давать немцам повода думать, что в 1942 году не будет произведено десанта в Европе.

Сталин отвечает, что немцы скажут, что не удался десант.

Черчилль замечает, что немцы скажут, но и англичане тоже скажут свое.

Сталин говорит, что если операция «Факел» удастся, тогда все поймут, в чем дело.

Черчилль спрашивает Сталина, получил ли он его сообщение относительно результатов проводки конвоя на остров Мальта.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль говорит, что он получил дальнейшее сообщение о том, что на Мальту благополучно прибыли еще два танкера из состава конвоя, вернулись два крейсера, о которых думали, что они были потоплены. Теперь гарнизон Мальты имеет в своем распоряжении достаточно продовольствия и боеприпасов до будущего года, и поэтому бои в Египте в сентябре и операция «Факел» в октябре будут обеспечены.

Сталин говорит, что он мог бы передать некоторый опыт из операций на Черном море, когда мы снабжали отрезанный Севастополь. Предварительно в течение 2–3 дней мы предпринимали систематические налеты на немецкие аэродромы около Севастополя, и только на 4-й день — тоже под прикрытием авиации — в порт Севастополя вводились корабли со снабжением для Севастополя. При этом дело обходилось почти без потерь. Сталин спрашивает, как было на Мальте. По его мнению, вопрос заключается в авиации, действующей против аэродромов противника. Известно ли Черчиллю о том, какова роль авиации, и Сталин интересуется, как подобные операции проводятся у англичан.

Черчилль отвечает, что на Мальте трудности состоят в том, что там имеются только три аэродрома, в то время как противник располагает в Италии силами, которые в три раза больше, чем силы англичан, базирующиеся на Мальте. При этом англичане на Мальте вынуждены использовать аэродромы только для истребителей, и они лишены возможности иметь необходимое количество бомбардировщиков. Если англичане выиграют бои в Египте, то положение улучшится в этом отношении. Мы, говорит Черчилль, бомбим аэродромы противника, но мы слабее, чем немцы. Они располагают авиацией в количестве 450 самолетов, а англичане в районе Мальты — только 1/3 этого количества.

Сталин говорит, что мы используем истребители в качестве бомбардировщиков, причем каждый истребитель берет бомбовую нагрузку от 200 до 250 килограммов.

Черчилль спрашивает Сталина, не может ли он сообщить ему о положении на фронте.

Сталин выражает свою готовность и говорит, что положение на фронте в двух словах можно характеризовать следующим образом. Немцы собрали силы в районе Украины, где у них действуют Клейст, Лист, Бок и танковые армии. Немцы прорвали фронт и одним потоком пошли на Северный Кавказ, а другим — на восток, в сторону Сталинграда и Воронежа. Фронт был прорван, но у немцев не оказалось достаточного количества сил, чтобы развить успех. Немцы имели намерение двинуться со стороны Воронежа на Рязань, Елец в обход московского фронта, но это им не удалось потому, что они испытывают недостаток сил.

Черчилль благодарит Сталина за информацию. Далее он говорит о том, что он предупреждал Советское правительство о предстоящем нападении Германии на СССР. Первое его сообщение по этому поводу было весьма кратким и имело в качестве своей основы события в Югославии весной 1940 года. В тот день, когда Павел подписал с Германией пакт о нейтралитете, немцы отдали приказ об отправке трех из пяти танковых дивизий, находившихся на Балканах, в Краков. Немцы начали немедленную погрузку этих дивизий в железнодорожные вагоны. Через 10 дней в Югославии произошел переворот, и три танковые дивизии были возвращены для действий против Югославии. Когда он, Черчилль, узнал об этой переброске танковых дивизий с Балкан в Краков, он был уверен в том, что Германия нападет на СССР.

Сталин отвечает, что мы никогда в этом не сомневались и что он хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению.

В заключение беседы Черчилль сообщает, что, на основе самой последней информации, германский посол в Токио просил японцев выступить против СССР. Япония отказалась это выполнить.

Сталин благодарит Черчилля за информацию.

Опубликовано: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. 1941—1943. С. 279—283.

№ 12

Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту

16 февраля 1943 г.

12 февраля я получил от г-на Черчилля послание с дополнительной информацией о решениях, принятых Вами и г-ном Черчиллем в Касабланке. Ввиду того что, по сообщению г-на Черчилля, его послание является общим ответом, выражающим также и Ваше мнение, не могу не высказать Вам некоторых соображений, о которых я сообщил одновременно и г-ну Черчиллю.

Из указанного послания видно, что раньше намечавшиеся на февраль сроки окончания военных операций в Тунисе теперь откладываются на апрель. Не надо много доказывать, как нежелательна эта оттяжка операций против немцев и итальянцев. Именно в данный момент, когда советским войскам еще удается поддерживать свое широкое наступление, активность англо-американских войск в Северной Африке настоятельно необходима. Одновременность нажима на Гитлера с нашего фронта и с вашей стороны в Тунисе имела бы большое положительное значение для нашего общего дела и создала бы весьма серьезные затруднения для Гитлера и Муссолини. Тогда ускорились бы и намечаемые Вами операции в Сицилии и в восточной части Средиземного моря.

Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции, то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август — сентябрь. Мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета.

По имеющимся у нас достоверным сведениям, немцы за период времени с конца декабря, когда действия англо-американских сил в Тунисе почему-то приостановились, перебросили из Франции, Бельгии, Голландии и самой Германии на советско-германский фронт 27 дивизий, в том числе 5 танковых дивизий. Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение

для Гитлера, который ввиду ослабления англо-американских операций в Тунисе получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских.

Все это говорит за то, что чем раньше мы совместно используем создавшиеся в гитлеровском стане затруднения на фронте, тем больше оснований рассчитывать на разгром Гитлера в скором времени. Если не учесть всего этого сейчас и не использовать нынешний момент в наших общих интересах, то может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться. Для нас с Вами ясно, что не следовало бы допустить подобный нежелательный просчет.

Опубликовано: Переписка Председателя Совета министров СССР
с президентами США и премьер-министрами Великобритании
во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 182.

№ 13

Послание И. В. Сталина У. Черчиллю

24 июня 1943 г.

Ваше послание от 19 июня получил.

Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал. Эта сложность была также видна из Ваших сообщений.

Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и Президент отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с Президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году. В Вашем меморандуме, переданном В. М. Молотову 10 июня 1942 года, Вы писали:

«Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в количестве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке».

В начале нынешнего года Вы от своего имени и от имени Президента дважды сообщали о Ваших решениях по вопросу о вторжении англо-американских войск в Западную Европу с целью «отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта». При этом Вы ставили задачей поставить Германию на колени уже в 1943 году и определяли срок вторжения не позже сентября месяца.

В Вашем послании от 26 января сего года Вы писали:

«Мы совещались с нашими военными советниками и приняли решения об операциях, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Мы хотим немедленно сообщить Вам о наших намерениях. Мы полагаем, что эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году».

В следующем Вашем послании, полученном мною 12 февраля сего года, Вы, уточняя принятые Вами и Президентом сроки вторжения в Западную Европу, писали:

«Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь».

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское правительство не могло предполагать, что Британское и Американское правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет, наконец, открыт в 1943 году.

Поэтому, когда Вы теперь пишете, что «Россия не получила бы помощи, если бы мы бросили сотню тысяч человек через Канал в гибельное наступление», то мне остается напомнить Вам о следующем. Во-первых, о Вашем же собственном меморандуме от июня месяца прошлого года, когда Вы заявляли о подготовке к вторжению не одной сотни тысяч человек, а о количестве англо-американских войск свыше 1 миллиона человек уже в начале операции. Во-вторых, о Вашем февральском послании, в котором говорилось о больших подготовительных мероприятиях к вторжению в Западную Европу в августе — сентябре этого года, чем, очевидно, предусматривалась операция отнюдь не с одной сотней тысяч человек, а с достаточным количеством войск.

Когда же Вы теперь заявляете: «Я не могу представить себе, каким образом крупное британское поражение и кровопролитие помогло бы советским армиям», то не ясно ли, что такого рода заявление в отношении Советского Союза не имеет под собой никакой почвы и находится в прямом противоречии с указанными выше другими Вашими ответственными решениями о проводимых широких и энергичных англо-американских мероприятиях по организации вторжения в этом году, от которых и должен зависеть полный успех этой операции.

Я уже не распространяюсь о том, что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину.

Опубликовано: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 1. С. 73–75.

№ 14

Заявление правительства СССР о советско-польских отношениях

11 января 1944 г.

5 января в Лондоне опубликовано заявление эмигрантского польского правительства по вопросу о советско-польских отношениях, в котором содержится ряд неправильных утверждений, в том числе неправильное утверждение о советско-польской границе. Как известно, советская Конституция установила советско-польскую границу в соответствии с волей населения Западной Украины и Западной Белоруссии, выраженной в плебисците, проведенном на широких демократических началах в 1939 году. При этом территории Западной Украины, населенные в своем подавляющем большинстве украинцами, вошли в состав Советской Украины, а территории Западной Белоруссии, населенные в своем подавляющем большинстве белорусами, вошли в состав Советской Белоруссии. Несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 года, который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белорусов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена. Вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза не только не нарушило интересов Польши, а, наоборот, создало надежную основу для прочной и постоянной дружбы между польским народом и соседними с ним украинским, белорусским и русским народами.

Советское правительство неоднократно заявляло, что оно стоит за воссоздание сильной и независимой Польши и за дружбу между Советским Союзом и Польшей. Советское правительство вновь заявляет, что оно стремится к тому, чтобы установить дружбу между СССР и Польшей на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши. Осуществлению этой задачи могло бы послужить присоединение Польши к советско-чехословацкому Договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Успехи советских войск на советско-германском фронте с каждым днем ускоряют освобождение оккупированных территорий Советского Союза от германских захватчиков. Самоотверженная борьба Красной Армии и развертывающиеся боевые действия наших союзников приближают разгром гитлеровской военной машины и несут освобождение Польше и другим народам из-под ига германских оккупантов. В этой освободительной борьбе уже выполняет свои славные задачи Союз польских патриотов в СССР и созданный им польский армейский корпус, действующий на фронте против немцев рука об руку с Красной Армией.

Теперь открывается возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства. Но Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Только таким образом можно было бы установить доверие и дружбу между польским, украинским, белорусским и русским народами. Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 года. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая была принята в 1919 году Верховным советом союзных держав и которая предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза. Западные границы Польши должны быть расширены путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее отнятых Германией, без чего нельзя объединить весь польский народ в своем государстве, которое получит тем самым и нужный выход к Балтийскому морю. Справедливое стремление польского народа к

своему полному объединению в сильном и независимом государстве должно получить свое признание и поддержку.

Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом. Оно оказалось также неспособным организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше. Более того, своей неправильной политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам. Между тем интересы Польши и Советского Союза заключаются в том, чтобы между нашими странами установились прочные дружественные отношения и чтобы народы Польши и Советского Союза объединились в борьбе против общего внешнего врага, как этого требует общее дело всех союзников.

Опубликовано: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. Январь 1944 — декабрь 1945 г. М., 1974. С. 21–23.

№ 15

Договор о союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой

10 декабря 1944 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Временное Правительство Французской Республики,

Полные решимости довести совместно и до конца войну против Германии,

Убежденные в том, что, когда победа будет достигнута, восстановление мира на прочной основе и поддержание его в течение длительного времени в будущем обусловлены существованием тесного сотрудничества между ними и всеми Объединенными Нациями,

Решив сотрудничать в деле создания международной системы безопасности для эффективного поддержания всеобщего мира и для обеспечения гармоничного развития отношений между нациями,

Желая подтвердить взаимные обязательства, вытекающие из обмена письмами от 20 сентября 1941 г., относительно совместных действий в войне против Германии,

Уверенные в том, что заключение союза между СССР и Францией отвечает чувствам и интересам обоих народов, требованиям войны и нуждам мира и экономического восстановления в полном соответствии с целями, которые ставят перед собой Объединенные Нации,

Решили заключить с этой целью договор и назначили в качестве своих уполномоченных:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик — Вячеслава Михайловича Молотова, народного комиссара иностранных дел Союза ССР;

Временное Правительство Французской Республики — Жоржа Бидо, министра иностранных дел,

Которые после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет продолжать борьбу на стороне другой Стороны и на стороне Объединенных Наций до окончательной победы над Германией. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется оказывать другой Стороне помощь и поддержку в этой борьбе всеми находящимися в ее распоряжении средствами.

Статья 2

Высокие Договаривающиеся Стороны не согласятся вступать в сепаратные переговоры с Германией или заключать без взаимного согласия какого-либо перемирия или мирного договора ни с гитлеровским правительством, ни с каким-либо другим правительством или властью, созданными в Германии с целью продолжения или поддержания политики германской агрессии.

Статья 3

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются и по окончании нынешней войны с Германией совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны.

Статья 4

В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия против Германии, будь то в результате агрессии, совершенной этой последней, будь то в результате действия вышеприведенной статьи 3, другая Сторона немедленно окажет ей всю помощь и поддержку, которые будут в ее силах.

Статья 5

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 6

Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь после войны в целях облегчения и ускорения восстановления обеих стран и для того, чтобы внести вклад в дело благосостояния мира.

Статья 7

Настоящий договор ничем не затрагивает обязательства, взятые ранее на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по отношению к третьим государствам в силу опубликованных договоров.

Статья 8

Настоящий договор, русский и французский тексты которого имеют одинаковую силу, будет ратифицирован, и ратификационные грамоты будут обменены в Париже так скоро, как это будет возможно.

Он вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами и остается в силе в течение двадцати лет. Если, по крайней мере, за год до истечения этого периода договор не будет денонсирован одной из Высоких Договаривающихся Сторон, он остается в силе на неограниченный срок, причем каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может прекратить его действие извещением об этом за один год.

В удостоверение чего вышеуказанные Уполномоченные подписали настоящий договор и приложили к нему свои печати.

Составлено в Москве в двух экземплярах.

По уполномочию Президиума Верховного Совета СССР — В. Молотов

По уполномочию Временного Правительства Французской Республики — Бидо

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1946. Т. 2. С. 326–330.

№ 16

Проект информационной телеграммы послам и посланникам СССР о результатах Крымской (Ялтинской) конференции глав трех держав, подготовленной И. М. Майским

15 февраля 1945 г.

Крымская конференция, помимо опубликованного коммюнике, приняла еще ряд решений, не подлежащих опубликованию. В целях Вашей ориентации сообщаю наиболее важные из этих решений:

1) По вопросу о Германии в принципе было признано необходимым ее расчленение. Для выработки процедуры этого расчленения в Лондоне создана специальная Комиссия в составе Идена (председатель) и послов СССР (тов. Гусев) и США (Вайнант).

2) По вопросу о репарациях Черчиллем, Рузвельтом и тов. Сталиным был подписан протокол, основное содержание которого сводится к следующему: а) Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею союзным нациям; б) репарации в первую очередь получают те страны, которые вынесли на своих плечах главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом; в) репарации взимаются в трех формах: во-первых, единовременные изъятия в течение двух лет после окончания войны из национального богатства Германии (оборудование, фабрики, суда, подвижной состав, германские инвестиции за границей, акции предприятий, остающихся в Германии, и т. д.), причем эти изъятия производятся главным образом под углом зрения ликвидации военного потенциала Германии; во-вторых, ежегодные товарные поставки после окончания войны в течение ряда лет, число которых должно быть еще установлено; и, в-третьих, германский труд; г) для выработки детального плана репараций на вышеуказанных основах в Москве создается Межсоюзная Репарационная комиссия в составе представителей от СССР, США и Англии. Все вышеизложенное было принято тремя делегациями единогласно. Однако при определении общей суммы репараций из первых двух источников, т. е. в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок, единогласия достичь не удалось. Советское предложение сводилось к тому, чтобы определить эту сумму в 20 млрд долларов, из которых 10 млрд идет СССР, 8 млрд — США и Великобритании и 2 млрд — всем остальным странам. Делегация Соединенных Штатов согласилась принять советский план за основу обсуждения в московской Репарационной комиссии. Британская делегация считала невозможным назвать какую-либо цифру репараций впредь до рассмотрения всего вопроса московской Репарационной комиссией. Протокол фиксирует вышеуказанное советско-американское соглашение, а также иную точку зрения англичан. Протокол далее устанавливает, что совет-

ско-американское предложение передается на рассмотрение московской Репарационной комиссии в качестве одного из предложений, которые должны быть ею обсуждены.

3) По вопросу о голосовании в Совете Безопасности было принято такое решение: «а) Каждый член Совета Безопасности имеет один голос, б) Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в 7 голосов членов, в) Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в 7 голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений согласно разделу А главы 8 и согласно второй фразе первого абзаца раздела С главы 8». Конкретно это означает, что по вопросам, связанным с военными или экономическими санкциями, требуется единогласие всех постоянных членов Совета. По вопросам же, касающимся мирного урегулирования споров, такого единогласия не требуется, и постоянный член, вовлеченный в спор, не будет участвовать в голосовании. Далее, по нашему предложению, США и Великобритания обязались на конференции в Сан-Франциско поддержать предоставление права участия в качестве первоначальных членов в Международной Организации Безопасности Украинской и Белорусской ССР.

4) Американцы внесли на конференцию вопрос о так называемой «территориальной опеке» над менее развитыми народами. Черчилль решительно протестовал против этого, заподозрив у американцев наличие каких-то намерений против Британской империи. После заверения американцев, что речь не идет о территориях, принадлежащих союзникам, была принята резолюция, в соответствии с которой пять будущих постоянных членов Совета Безопасности еще до конференции в Сан-Франциско консультируются по вопросу о «территориальной опеке». Однако конкретное определение стран, подлежащих такой опеке, устанавливается позднейшим соглашением. В резолюции также указано, что «территориальная опека» может быть введена в трех случаях: а) для мандатов Лиги Наций, б) для территорий, отторгнутых от вражеских государств, и в) для стран, которые могут быть добровольно поставлены под опеку.

5) Польский вопрос занял на конференции очень много времени и неоднократно обсуждался как на заседаниях самой конференции, так и на совещаниях трех министров иностранных дел (эти последние совещания происходили ежедневно параллельно с общими заседаниями конференции и обычно подготовляли для нее проекты решений). В конечном счете, была принята опубликованная в коммюнике декларация, в основу которой легли наши предложения.

6) На конференции тов. Сталин сделал заявление о том, что конвенция в Монтрё устарела и требует пересмотра в смысле предоставления больших прав и возможностей СССР. Англичане и американцы в принципе не возражали против пересмотра конвенции, и ближайшему совещанию трех министров иностранных дел в Лондоне поручено рассмотреть те предложения, которые по данному вопросу будут сделаны Советским правительством.

7) Англичане и американцы пытались поднять на конференции вопрос об Иране (конкретно, о выводе из Ирана союзных войск и об эксплуатации нефтяных источников Ирана), однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса.

8) Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер, и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам, также по вопросу о репарациях.

Архив внешней политики Российской Федерации.
Ф. 017. Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 52–56.

№ 17

Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании в Крыму 4–12 февраля 1945 г.

За последние 8 дней в Крыму состоялась конференция руководителей трех союзных держав — Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля, Президента Соединенных Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина при участии Министров Иностранных Дел, Начальников штабов и других советников.

О результатах работы Крымской Конференции Президент США, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и Премьер-Министр Великобритании сделали следующее заявление:

I.
Разгром Германии

Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага. Военные штабы трех союзных наций в продолжение всей Конференции ежедневно встречались на совещаниях. Эти совещания были в высшей степени удовлетворительны со всех точек зрения и привели к более тесной координации военных усилий трех союзников, чем это было когда-либо раньше. Был произведен взаимный обмен самой полной информацией. Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга.

Наши совместные военные планы станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное рабочее сотрудничество между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны. Совещания трех наших штабов будут продолжаться всякий раз, как в этом возникнет надобность.

Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения.

II.
Оккупация Германии и контроль над ней

Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена в Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными правительствами через их представителей в Европейской Консультативной Комиссии.

Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы,

раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно также другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций.

III.
Репарации с Германии

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере.

Будет создана Комиссия по возмещению убытков, которой поручается также рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам. Комиссия будет работать в Москве.

IV.
Конференция Объединенных Наций

Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов.

Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей Конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско в Соединенных Штатах будет созвана Конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить Устав такой организации соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С Правительством Китая и Временным Правительством Франции будут немедленно проведены консультации, и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с Правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию.

Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован.

V.
Декларация об освобожденной Европе

Мы составили и подписали Декларацию об освобожденной Европе. Эта Декларация предусматривает согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами. Ниже приводится текст Декларации:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: a) создавать условия внутреннего мира; b) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; c) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств — сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

VI.
О Польше

Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное Польское Правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы

более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое Правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н В. А. Гарриман и сэр Арчибальд К. Керр уполномочиваются, как Комиссия, проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие Правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы трех Правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех Правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VII.
О Югославии

Мы признали необходимым рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое Югославское Правительство, как только оно будет создано, заявило:

1. Что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и таким образом будет создан орган, именуемый Временным Парламентом;

2. Что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным Собранием.

Был также сделан общий обзор других балканских вопросов.

VIII.
Совещания министров иностранных дел

В течение всей Конференции, кроме ежедневных совещаний Глав Правительств и Министров Иностранных Дел, каждый день имели место отдельные совещания трех Министров Иностранных Дел с участием их советников.

Эти совещания оказались чрезвычайно полезными, и на Конференции было достигнуто соглашение о том, что должен быть создан постоянный механизм для регулярной консультации между тремя Министрами Иностранных Дел. Поэтому Министры Иностранных Дел будут встречаться так часто, как это потребуется, вероятно, каждые 3 или 4 месяца. Эти совещания будут происходить поочередно в трех столицах, причем первое совещание должно состояться в Лондоне после Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации безопасности.

IX.
Единство в организации мира, как и в ведении войны

Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации представляет самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

У. Черчилль
Ф. Д. Рузвельт
И. В. Сталин

Известия. 18 февраля 1945 г.

№ 18

Заявление народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с предстоящим окончанием срока действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г.

19 марта 1945 г.

19 марта Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов в связи с приближением окончания срока действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете, заключенного 17 декабря 1925 г., сделал турецкому послу г-ну Сарперу от имени Советского правительства заявление для передачи Правительству Турецкой Республики.

В этом заявлении указывается, что Советское правительство, признавая ценность советско-турецкого договора, заключенного 17 декабря 1925 года, в деле поддержания дружественных отношений между Советским Союзом и Турцией, тем не менее считает необходимым констатировать, что вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении.

Ввиду изложенного Советское правительство заявило Правительству Турецкой Республики о своем желании денонсировать названный выше договор со всеми относящимися к нему приложениями в соответствии с положениями протокола от 7 ноября 1935 года, предусматривающими порядок его денонсации.

Турецкий посол г-н Сарпер ответил, что заявление В. М. Молотова он немедленно передаст Турецкому правительству.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1947. Т. 3. С. 146.

№ 19

Заявление советского правительства о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете

5 апреля в 3 часа дня Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов принял японского Посла г-на Н. Сато и от имени Советского правительства сделал ему следующее заявление:

«Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 года, т. е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и Соединенными Штатами Америки с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Посол Японии г-н Н. Сато обещал довести до сведения Японского правительства заявление Советского правительства.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1947. Т. 3. С. 166–167.

№ 20

Заявление советского правительства об Австрии

9 апреля 1945 г.

Громя немецко-фашистские войска и преследуя их, Красная Армия вступила в пределы Австрии и обложила столицу Австрии — Вену.

В отличие от немцев в Германии, австрийское население сопротивляется эвакуации, проводимой немцами, остается на месте и радушно встречает Красную Армию как освободительницу Австрии от ига гитлеровцев.

Советское правительство не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Советское правительство стоит

на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии. Оно будет проводить в жизнь эту декларацию. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений.

Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским войскам оказать свое содействие в этом деле австрийскому населению.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1947. Т. 3. С. 171.

№ 21

Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и временным правительством Французской Республики

5 июня 1945 г.

Германские вооруженные силы на суше, на море в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали, и Германия, которая несет ответственность за войну, не способна больше противостоять воле держав-победительниц. Тем самым безоговорочная капитуляция Германии осуществлена, и Германия поставила себя в зависимость от таких требований, которые могут быть сейчас или впоследствии ей навязаны.

В Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц.

Именно при этих обстоятельствах необходимо без ущерба для последующих решений, которые могут быть приняты по отношению к Германии, распорядиться о прекращении дальнейших военных действий со стороны германских вооруженных сил, сохранении порядка в Германии и об управлении страной и объявить те непосредственные требования, которые Германия обязана выполнить.

Представители Верховных Командований Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики, в дальнейшем называемые «представители союзников», действуя по уполномочию своих соответствующих правительств и в интересах Объединенных Наций, провозглашают в соответствии с этим следующую декларацию:

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики настоящим берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть. Взятие на себя такой власти, прав и полномочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии.

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики впоследствии установят границы Германии или любой части ее, а также определят статут Германии или любого района, который в настоящее время является частью германской территории.

В силу верховной власти, прав и полномочии, взятых на себя четырьмя правительствами, представители союзников объявляют следующие требования, возникающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, которые Германия обязана выполнить:

Статья 1

Германия и все германские военные, военно-морские и военно-воздушные власти и все вооруженные силы под германским контролем немедленно прекращают военные действия на всех театрах войны против вооруженных сил Объединенных Наций на суше, на море и в воздухе.

Статья 2

a) Все вооруженные силы Германии или находящиеся под германским контролем, где бы они ни располагались, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА и гестапо, а также все другие силы или вспомогательные организации, имеющие оружие, должны быть полностью разоружены с передачей своего вооружения и имущества местным союзным командующим или офицерам, назначенным представителями союзников.

b) Личный состав соединений и частей всех сил, упомянутых выше в п. «а», объявляется военнопленным по усмотрению Главнокомандующего вооруженных сил соответствующего союзного государства впредь до дальнейших решений и подчиняется таким условиям и распоряжениям, которые могут быть предписаны соответствующими представителями союзников.

c) Все вооруженные силы, упомянутые выше в п. «а», где бы они ни находились, остаются на своих местах впредь до получения распоряжений от представителей союзников.

d) Эвакуация упомянутых вооруженных сил со всех территорий, расположенных вне границ Германии, существовавших на 31 декабря 1937 года, осуществляется согласно указаниям, которые будут даны представителями союзников.

e) Отряды гражданской полиции, подлежащие вооружению только ручным оружием для поддержания порядка и несения охраны, будут определяться представителями союзников.

Статья 3

a) Все военные, морские и гражданские самолеты любого типа и государственной принадлежности, находящиеся в Германии или на оккупированных или контролируемых Германией территориях или водах за исключением тех, которые обслуживают союзников, должны остаться на земле, воде или на борту судов, впредь до дальнейших распоряжений.

b) Все германские или находящиеся в распоряжении Германии самолеты на территориях или в водах, не оккупированных и не контролируемых Германией или над ними, должны направиться в Германию или в такое другое место или места, которые будут указаны представителями союзников.

Статья 4

a) Все германские или контролируемые Германией военно-морские корабли, надводные и подводные, вспомогательные, а также торговые и другие суда, где бы они ни находились во время издания настоящей декларации, и все другие торговые суда какой бы то ни было национальности, находящиеся в германских портах, должны оставаться на месте или немедленно отправиться в порты или базы, указанные представителями союзников. Команды этих судов остаются на борту впредь до дальнейших распоряжений.

b) Все корабли и суда Объединенных Наций, находящиеся во время издания настоящей декларации в распоряжении или под контролем Германии, независимо от того, передано или не передано право владения ими в результате решения призового суда или как-нибудь иначе, должны направиться в порты или базы и в сроки, указанные представителями союзников.

Статья 5

а) Все или любой из следующих предметов, находящихся в распоряжении германских вооруженных сил или под германским контролем или в распоряжении Германии, должны быть сохранены неповрежденными и в хорошем состоянии и предоставлены в распоряжение представителей союзников для такого назначения и в такие сроки и в местах, которые они могут предписать:

1) все оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное оборудование, склады и запасы и всякого рода другие орудия войны и все остальные военные материалы;

2) все военно-морские суда всех классов, как надводные, так и подводные, вспомогательные военно-морские суда и все торговые суда, находящиеся на плаву, в ремонте, построенные или строящиеся;

3) все самолеты всех типов, авиационное и противовоздушное оборудование и установки;

4) все оборудование и средства связи и транспорта по суше, воде и воздуху;

5) все военные установки и учреждения, включая аэродромы и гидроавиабазы, порты и военно-морские базы, склады, постоянные и временные внутренние и береговые укрепления, крепости и другие укрепленные районы вместе с планами и чертежами всех таких укреплений, установок и учреждений;

6) все фабрики, заводы, мастерские, исследовательские институты, лаборатории, испытательные станции, технические данные, патенты, планы, чертежи и изобретения, рассчитанные или предназначенные для производства или содействия производству или применению предметов, материалов и средств, упомянутых выше п. п. 1, 2, 3, 4 и 5, или иным образом предназначенные способствовать ведению войны.

b) По требованию представителей союзников должны быть предоставлены:

1) рабочая сила, обслуживание и оборудование, необходимые для содержания или эксплуатации всего входящего в любую из шести категорий, упомянутых в п. «а»;

2) любые сведения и документы, которые представители союзников могут в связи с этим потребовать.

с) По требованию представителей союзников должны быть предоставлены все средства для перевозки союзных войск и органов, их имущества и предметов снабжения по железным дорогам, шоссе и другим наземным путям сообщения или по морю, рекам или по воздуху. Все средства транспорта должны содержаться в порядке и исправности, а также должны быть предоставлены рабочая сила, обслуживание и оборудование, необходимые для этого.

Статья 6

а) Германские власти должны передать представителям союзников в соответствии с порядком, который будет ими установлен, всех находящихся в их власти военнопленных, принадлежащих к Вооруженным силам Объединенных Наций, и представить полные списки этих лиц с указанием мест их заключения в Германии и на территории, оккупированной Германией. Впредь до освобождения таких военнопленных германские власти и народ должны охранять их жизнь и имущество и обеспечить их достаточным питанием, одеждой, кровом, лечебной помощью и денежным содержанием согласно их званиям и должностям.

b) Германские власти и народ должны подобным же образом обеспечить и освободить всех других граждан Объединенных Наций, которые заключены, интернированы или подвергнуты другого рода ограничениям, и всех других лиц, которые могут оказаться заключенными, интернированными или подвергнутыми другого рода ограничениям по политическим соображениям или в результате каких бы то ни было нацистских мер, закона или постановления, которые устанавливают дискриминацию на основании расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания или политических воззрений.

с) Германские власти по требованию представителей союзников должны передать контроль над местами заключения офицерам, которые могут быть назначены с этой целью представителями союзников.

Статья 7

Соответствующие германские власти должны представить представителям союзников:

a) полную информацию относительно вооруженных сил, упомянутых в ст. 2, п. «а», и, в частности, должны немедленно представить все сведения, которые могут потребовать представители союзников относительно численного состава, размещения и расположения таких вооруженных сил, независимо от того, находятся они внутри или вне Германии;

b) полную и подробную информацию относительно мин, минных полей и других препятствий движению по суше, морю и воздуху, а также о существующих безопасных проходах. Все такие безопасные проходы должны держаться открытыми и ясно обозначенными; все мины, минные поля и другие опасные препятствия по мере возможности должны быть обезврежены, и все навигационное оборудование должно быть восстановлено. Невооруженный германский военный и гражданский персонал с необходимым оборудованием должен быть предоставлен и использован для вышеуказанных целей, а также для удаления мин, обезвреживания минных полей и устранения других препятствий по указанию представителей союзников.

Статья 8

Не должно быть никакого разрушения, перемещения, сокрытия, передачи, затопления или повреждения того или иного военного, военно-морского, воздушного, судоходного, портового, промышленного и другого подобного оборудования и имущества, а также всех документов и архивов, где бы они ни находились, за исключением тех случаев, когда это будет указано представителями союзников.

Статья 9

Впредь до установления контроля представителей союзников над всеми средствами связи, все телеграфные, телефонные и радиоустановки и другие виды проволочной и беспроволочной связи как на суше, так и на воде, находящиеся под германским контролем, должны прекратить передачу, за исключением производимой по распоряжению представителей союзников.

Статья 10

На вооруженные силы, суда, самолеты, военное имущество и другую собственность, находящуюся в Германии или под ее контролем, на ее службе или в ее распоряжении и принадлежащие любой другой стране, находящейся в состоянии войны с какой-либо союзной державой, распространяются положения этой декларации и всех издаваемых в соответствии с ней прокламаций, приказов, распоряжений и инструкций.

Статья 11

a) Главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться представителями союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников.

b) Положения пункта «а» относятся к любому гражданину любой из Объединенных Наций, который обвиняется в совершении преступления против своего национального закона и чье имя, ранг, служебное положение или должность могут быть в любое время указаны представителями союзников.

c) Германские власти и народ будут выполнять издаваемые представителями союзников распоряжения об аресте и выдаче таких лиц.

Статья 12

Представители союзников будут размещать вооруженные силы и гражданские органы в любой или во всех частях Германии по своему усмотрению.

Статья 13

a) При осуществлении Верховной власти в отношении Германии, принятой на себя Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным Правительством Французской Республики, четыре союзные правительства будут принимать такие меры, включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, какие они сочтут необходимым для будущего мира и безопасности.

b) Представители союзников навяжут Германии дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования, возникающие в результате полного поражения Германии. Представители союзников или лица или органы, должным образом назначенные действовать по их уполномочию, будут выпускать прокламации, приказы, распоряжения и инструкции с целью установления этих дополнительных требований и проведения в жизнь других положений настоящей декларации. Все германские власти и германский народ должны безоговорочно выполнять все требования представителей союзников и полностью подчиняться всем этим прокламациям, приказам, распоряжениям и инструкциям.

Статья 14

Эта декларация вступает в силу в день и час, указанные ниже. В случае, если германские власти или народ не будут быстро и полностью выполнять возлагаемые на них данной декларацией обязательства, представители союзников предпримут любые действия, которые они сочтут целесообразными при этих обстоятельствах.

Статья 15

Настоящая декларация составлена на русском, английском, французском и немецком языках. Только русский, английский и французский тексты являются аутентичными.

Подписано 5 июня 1945 г. в городе Берлине.

По уполномочию Правительства Союза Советских Социалистических Республик
главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

По уполномочию Правительства Соединенных Штатов Америки
генерал армии Д. Эйзенхауэр

По уполномочию Правительства Соединенного Королевства
фельдмаршал Б. Л. Монтгомери

По уполномочию Временного Правительства Французской Республики
генерал Делатр де Тассиньи

*Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза
в период Отечественной войны. Документы и материалы.
В 3-х т. М., 1947. Т. 3. С. 273–281.*

№ 22

Договор между СССР и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине

29 июня 1945 г.

Президиум Верховного Совета Союза ССР и Президент Чехословацкой Республики, преисполненные желанием, чтобы народы Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республики жили в вечной искренней дружбе и чтобы им во взаимном тесном сотрудничестве была обеспечена счастливая будущность, решили с этой целью заключить Договор и назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета СССР — Вячеслава Михайловича Молотова, Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза ССР;

Президент Чехословацкой Республики — Зденека Фирлингера, Председателя Совета Министров, и Владимира Клементиса — статс-секретаря Министерства Иностранных Дел, которые, обменявшись своими полномочиями, найденными в должной форме и в полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Закарпатская Украина (носящая, согласно Чехословацкой Конституции, название Подкарпатская Русь), которая на основании Договора от 10 сентября 1919 года, заключенного в Сен-Жермен-ан-Лэ, вошла в качестве автономной единицы в рамки Чехословацкой Республики, воссоединяется в согласии с желанием, проявленным населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного соглашения обеих Высоких Договаривающихся Сторон со своей издавней родиной — Украиной и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Границы между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшие ко дню 29 сентября 1938 года становятся, с внесенными изменениями, границами между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой согласно прилагаемой карте.

Статья 2

Этот Договор подлежит утверждению Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкого Национального Собрания.

Обмен ратификационными грамотами будет произведен в Праге.

Настоящий Договор составлен в Москве, в трех экземплярах, каждый на русском, украинском и словацком языках. При толковании все три текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию Президиума Верховного Совета
Союза Советских Социалистических Республик
В. Молотов

По уполномочию Президента Чехословацкой Республики
Зд. Фирлингер,
В. Клементис

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1947. Т. 3. С. 309–310.

№ 23

Заявление советского правительства о начале войны с милитаристской Японией

8 августа 1945 г.

8 августа Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов принял японского Посла г-на Сато и сделал ему от имени Советского правительства следующее заявление для передачи Правительству Японии:

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

8 августа 1945 года».

В. М. Молотов заявил также г-ну Сато, что одновременно с этим Советский Посол в Токио Я. А. Малик передаст Японскому правительству настоящее заявление Советского правительства.

Посол Японии г-н Сато обещал довести до сведения Японского правительства заявление Советского правительства.

Правда. 9 августа 1945 г.

№ 24

Обращение И. В. Сталина к советскому народу об окончании Второй мировой войны

2 сентября 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую

мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу

отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Правда. 3 сентября 1945 г.

№ 25

Сообщение ТАСС о подписании Акта о капитуляции Японии

2 сентября 1945 г.

Сегодня в 10 час. 30 мин. по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находящегося в водах Токийского залива, состоялось подписание Акта о капитуляции Японии.

В начале церемонии подписания акта выступил генерал Макартур с заявлением, в котором говорится: «Я заявляю о своем твердом намерении, согласно традиции стран, которые я представляю, проявлять при выполнении моих обязанностей справедливость и терпимость, принимая в то же время все необходимые меры для обеспечения полного, быстрого и точного выполнения условий капитуляции. Мы собрались здесь как представители главных воюющих держав для того, чтобы заключить торжественное соглашение, посредством которого можно будет восстановить мир. Проблемы, связанные с различными идеалами и идеологиями, были разрешены на полях сражений всего мира, а потому не подлежат дискуссии или дебатам».

Затем генерал Макартур предложил японским представителям подписать Акт о капитуляции.

Акт о капитуляции Японии гласит:

«1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции».

Первым подходит к столу Мамору Сигемицу — министр иностранных дел нынешнего японского правительства. Он подписывает акт о капитуляции от имени императора, японского правительства и японской императорской ставки. Вслед за ним ставит свою подпись начальник японского генерального штаба генерал Умэдзу. Оба японских делегата отходят в сторону. Затем начинается церемония подписания документа представителями союзных наций, назначенными их правительствами присутствовать при подписании Японией акта о ее капитуляции. Генерал Макартур говорит: верховный главнокомандующий союзных держав подпишет теперь документ от имени союзных наций. Я приглашаю генерала Уэйнрайта и генерала Персиваля подойти со мной к столу для подписания документа. Генерал Макартур подходит к столу, на котором находится акт, за ним идут генералы Уэйнрайт и Персиваль. Генерал Макартур и вслед за ним Уэйнрайт и Персиваль подписывают документ. Затем от имени США документ подписывает адмирал Нимиц.

Далее к столу подходит представитель Китайской Республики генерал Су Юн-чан, начальник оперативного отдела китайского совета национальной обороны. Генерал Су Юн-чан подписывает документ от имени Китая.

Генерал Макартур приглашает представителя Англии. Адмирал Фрэзер подписывает акт.

Генерал Макартур говорит: сейчас акт подпишет представитель Союза Советских Социалистических Республик. К столу приближается генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Вместе с ним — двое военных: один — представитель флота и другой — от авиации. Генерал Деревянко подписывает документ.

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

После подписания акта о капитуляции Японии по радио передается из Вашингтона речь президента Трумэна.

Церемония подписания капитуляции, продолжавшаяся 45 минут, закончилась выступлениями генерала Макартура и адмирала Нимица.

Генерал Макартур в своей заключительной речи заявил, что все предыдущие попытки воспрепятствовать международным конфликтам и разрешить их не имели успеха, что повело к тяжелому испытанию войны. «В настоящее время предельная разрушительность войны исключает подобную альтернативу. Нам представилась последняя возможность. Если мы в настоящее время не создадим лучшую и более справедливую систему, то мы будем обречены.

Потсдамская декларация обязывает нас обеспечить освобождение японского народа от рабства. Моя цель заключается в том, чтобы осуществить это обязательство, как только вооруженные силы будут демобилизованы. Будут предприняты другие важные меры для того, чтобы нейтрализовать военный потенциал и энергию японской расы.

Свобода перешла в наступление. На Филиппинах американцы показали, что народы Востока и Запада могут шагать бок о бок при взаимном уважении и во имя всеобщего благополучия».

Адмирал Нимиц в своей речи сказал, что «свободолюбивые народы всего мира радуются победе и гордятся достижениями наших объединенных сил. Необходимо, чтобы Объединенные Нации неуклонно проводили в жизнь мирные условия, которые навязаны Японии. Необходимо будет также поддерживать силы нашей страны на таком уровне, который не допустит в будущем актов агрессии, направленных на уничтожение нашего образа жизни. Теперь мы обращаемся к великой задаче реконструкции и восстановления. Я уверен, что при разрешении этих проблем мы будем действовать с таким же искусством, находчивостью и проницательностью, как и при разрешении проблем, связанных с достижением победы».

Известия. 4 сентября 1945 г.

Документы по переговорам В. М. Молотова
в Лондоне и Вашингтоне в 1942 г.*

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-разметка	Экз. № 6-т. Микояну	Экз. № 11 1-й Отдел
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Берия	№ 12
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Маленкову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. Вышинскому	№ 14-т.
№ 5-т. Ворошилову	№ 10-т. Деканозову	№ 15-т.

Из Лондона № 9911 пол. 15 час. 40 мин. 29/X 1942 г. вх. № 3

9923, 9921, 9922, 991[illegible], 9934. Спец. №№ 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982

Вне очереди.

СТАЛИНУ.

Особая.

981.

1. Переходя к практическим выводам из анализа, данного в моих № 1955-64 я прежде всего должен оговориться, что не располагаю точными данными по ряду важных вопросов /в особенности о военных ресурсах Германии/. Поэтому, все мои дальнейшие предположения и расчеты могут быть лишь очень условны. В них могут быть также известные неточности, односторонность, ошибки. Тем не менее я все-таки решаюсь изложить Вам свои мысли в надежде, что на худой конец они пригодятся, как сырой материал, при построении наших стратегических и политических планов на будущее.

2. Итак, мое исходное положение сводится к тому, что Черчилль сознательно не стремится к поражению СССР, а лишь ищет легкой для Англии войны и хочет в этих целях использовать СССР. Наша задача при таких условиях, очевидно, состоит в том, чтобы не дать себя использовать, а наоборот самим использовать Англию в наших интересах. Вопрос, стало быть, стоит так: кто кого? Чтобы подойти к ответу на данный вопрос, прежде всего необходимо ориентироваться в военной ситуации и хотя бы приблизительно дать ответ на другой вопрос, а именно: на какую примерно длительность войны приходится рассчитывать? Мой ответ на этот последний вопрос сводится к следующему: если бы Англия и США сов-

---

* Рассекреченные документы ГАРФ и РГАСПИ. Опубликованы в Приложении к «Вестнику МГИМО — Университета»: Великая Победа: многотомное продолжающееся издание. Т. 9. Сталин в годы войны. М., 2013.

70

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА
Экз. № 6-т.
Экз. № 11-т.
» № 2-т.
» № 7-т.
» № 12-т.
» № 3-т.
» № 8-т.
» № 13-т.
» № 4-т.
» № 9-т.
» № 14-т.
» № 5-т.
» № 10-т.
» № 15-т.

Из 9911,9923,9921,9922,9913,9934 мин. / 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

дали эффективный второй фронт в Европе в 1942 г., как мы на том настаиваем, становой хребет германской военной машины несомненно был бы перебит в нынешнем году, и вся война в Европе могла бы быть закончена в 1943 году /на Тихом океане она протянулась бы, надо полагать, дольше/. Когда я говорю "становой хребет германской военной машины был бы перебит", я имею в виду, что немецкая армия окончательно потеряла бы способность к крупным наступательным операциям и вынуждена была бы перейти на позиции все более слабеющей обороны. Так как однако Англия и США эффективного второго фронта в 1942 г. не устроили, то я не вижу, как война может кончиться в 1943 г. С учетом политических и военных настроений в Англии /о чем подробнее ниже/ я склонен думать, что война сможет кончиться не раньше 1944 года, - особенно принимая во внимание, что немцы очень сильны в обороне, и что разбить их, даже когда они потеряют способность к наступлению, будет делом далеко нелегким. Таким образом, мне думается, что все наши планы и расчеты, как в отношении фронта, так и в отношении тыла, должны исходить из того, что война протянется, по крайней мере, два года.

3. Если это так, то основной нашей задачей должно являться такое маневрирование, такая экономия наших ресурсов - человеческих и материальных, - чтобы не придти к финишу в состоянии полного истощения, чего так хотелось бы англичанам /и американцам/.

71

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
" № 2-т.	" № 7-т.	" № 12-т.
" № 3-т.	" № 8-т.	" № 13-т.
" № 4-т.	" № 9-т.	" № 14-т.
" № 5-т.	" № 10-т.	" № 15-т.

Из 9911 .... № ... чел. ... час. 9934 мин. ___ 19__ г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-2-

Отсюда вытекают определенные выводы:

а. В отношении тыла - создание условий, которые позволили бы ему нормально функционировать, поскольку это вообще возможно в военных условиях. Здесь, насколько могу судить из Лондона, наиболее серьезной проблемой является продовольствие. Не касаясь мер внутреннего порядка для разрешения данной проблемы, думаю, что в области мер внешнего порядка следовало бы всемерно использовать для получения продуктов не только США, но и Канаду, где имеются очень большие запасы хлеба. Недавно заключенное нами в Лондоне соглашение о канадских кредитах для закупки канадской пшеницы является началом, но только началом. Надо поставить перед Гусевым, как его основную задачу, использование Канады в целях получения на подходящих условиях продовольственных продуктов для СССР. Я, со своей стороны, конечно, готов сделать все, что могу, в том же направлении в Лондоне.

б. В отношении фронта - наше генеральное наступление, которое должно будет окончательно изгнать немцев из нашей страны и перенести войну на территорию Германии, мне думается, следовало бы отложить до того момента, когда, с одной стороны, мы сумеем создать достаточно крупные воздушные армии и накопить подавляющее количество самолетов, танков и т.д., а, с другой стороны, англичане и американцы, наконец, будут готовы вести серьезные операции в Европе. До того же нам, видимо, придется в основном придерживать

72

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911 .... ф .... 9934 | 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

ся стратегии активной обороны, в которую, конечно, могут быть вкраплены отдельные наступательные операции большего или меньшего масштаба. Конечно, если бы внезапно обнаружилось, что Германия стоит накануне краха, было бы выгодно использовать ситуацию и открыть наше генеральное наступление, не дожидаясь Англии и США, однако в такой оборот событий для ближайшего будущего я плохо верю.

4. Если от этих общих соображений перейти к конкретным операциям, мне казалось бы, что в течение ближайшей зимы желательно было бы сделать следующее:

а. Снять осаду с Ленинграда,

б. Отогнать немцев от Сталинграда хотя бы до Донской луки, иначе в будущем году нельзя будет пользоваться Волгой, как транспортной артерией между Кавказом и остальным СССР и

в. Освободить север Финляндии и Норвегии от немцев.

Эта последняя операция чрезвычайно важна для обеспечения путей сообщения между СССР, с одной стороны, Англией и США, с другой. Опыт показал, что, пока не будет уничтожено германское разбойничье гнездо в указанном районе, мы постоянно будем иметь массу осложнений с подвозом военных и других грузов к нашим северным портам. Север - это сейчас наше главное "окно" во внешний мир. Мурманск и Архангельск способны переваливать большие количества грузов, они расположены сравнительно недалеко от фронта, они

73

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Н9911 .... № .... 9934 / 19 г. экз. № 7

- 5 -

такие /если немцы будут ликвидированны на севере Норвегии и Финляндии/ вне пределов досягаемости для врага. Владивосток в этом отношении хуже. Он под ударом у японцев, и расстояние его от фронта колоссально. Иранский путь, как Вы знаете, отличается малой емкостью. Конечно, надо максимально развивать все три линии нашей связи с внешним миром, но всейтаки северной линии видимо суждено остаться самой важной на долгое время. Для указанной операции следовало бы использовать англичан, а, может быть, и американцев, - в каких конкретных формах, я сейчас не буду обсуждать. Это дело специальных переговоров.

г. Все выше перечисленные операции представляются мне, так сказать, программой - минимум. Если бы удалось еще в течение зимы выгнать немцев с Северного Кавказа и вернуть Кубань, - было бы прекрасно, но, насколько это мыслимо, мне трудно судить.

5. Теперь несколько слов о будущей летней кампании. Очень многое тут будет зависеть от того, что станут делать в 1943 г. наши союзники. Пока совершенно очевидно только одно: конец этого и начало будущего года будут заняты операцией "Факела": В Лондоне рассчитывают, что если дела пойдут хорошо, то примерно к февралю все будет закончено. К этим расчетам я отношусь с большой осторожностью: до сих пор англичане в своих военных калькуляциях постоянно грешили в сторону излишнего оптимизма. Как бы то ни было, но после "Факела"/конечно, в случае его уда-

74

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ____ Экз. № 6-т. ____ Экз. № 11-т. ____
№ 2-т. ____ № 7-т. ____ № 12-т. ____
№ 3-т. ____ № 8-т. ____ № 13-т. ____
№ 4-т. ____ № 9-т. ____ № 14-т. ____
№ 5-т. ____ № 10-т. ____ № 15-т. ____

9911 9934

Из ____ № ____ пол. ____ час. ____ мин. ____ / ____ 19 ____ г. вх. № ____

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 3 -

чи/ станет вопрос: что же дальше? Тут могут быть два варианта /помимо северной операции, к которой англичане будут готовы во всяком случае не раньше начала 1943 г./ - второй фронт во Франции или операции в районе Средиземного моря /например, захват Сицилии, Сардинии, Балеарских островов, Крита, высадка в Италии, на Балканах и т.п./. Конечно, наш прямой интерес состоит в том, чтобы был осуществлен первый вариант. Однако, как я уже Вам раньше сообщал, у Черчилля имеется сильная тенденция, в случае успеха "Факела", искать "второго фронта" в районе Средиземного моря. Какой вариант в конечном счете одержит верх, не знаю. Сейчас об этом трудно гадать. Ясно лишь одно: мы должны будем приложить все усилия к тому, чтобы и в данном случае использовать англичан, то-есть чтобы был принят первый вариант. Если это действительно случится, то нам, очевидно, выгодно будет одновременно начать крупные наступательные операции на Востоке, но при этом маневрировать так, чтобы заставить англо-американцев на Западе по-настоящему драться и по-настоящему нести потери. Если однако, несмотря на все наши усилия, осуществится второй вариант /война в Средиземном море/, то, мне кажется, нам выгоднее было бы больших наступательных операций летом 1943 года не проводить, а удовлетвориться лишь ограниченными наступательными действиями, преследующими цель срыва возможной германской офензивы и частичного выправления наших позиций в различных

75

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т. 7

Из 9911 ....№........ 9234 / ____ 19__ г. экз. № 7

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 7 -

участках фронта. Генеральное же наступление придется отложить до того момента, когда Англия и Америка предпримут действительно серьезные операции в Европе - против Германии, а не против ее сообщников. Такой момент рано или поздно все-таки должен придти /не могут же миллионы армий бесконечно сидеть без дела/, и мы своим маневрированием могли бы в значительной степени приблизить его наступление.

6. В заключение несколько слов по поводу так называемой "единой стратегии" союзников. Сейчас, конечно, никакой "единой стратегии" нет. По существу СССР ведет свою собственную войну, Англия и США - свою собственную, причем даже между Англией и США нет достаточно полного контакта. Мне кажется, что отсутствие "единой стратегии" становится для нас все более невыгодным. Я прекрасно понимаю, что настоящая "единая стратегия" возможна только там, где все участники коалиции действительно воюют. До сих пор воевали мы одни, и об"единой стратегии" с Англией и США трудно было говорить. Сейчас однако положение меняется: союзники тоже начинают воевать, но, к сожалению, не там, где надо. Это обстоятельство об"ясняется в значительной мере отсутствием "единой стратегии", и оно же особенно остро напоминает о важности "единой стратегии". В самом деле, история "Факела" чрезвычайно показательна. Англичане и американцы собрались и приняли о нем решение. Мы не только не участвовали в обсуждении и выработке данно-

76

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Н. 9911 .... М. .... ч. 993 мин. ______ / ______ 19___ г. экз. № 7

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

го плана, но даже узнали о нем лишь постфактум, когда этот план начали уже проводить в исполнение. Присутствуй мы на англо-американской конференциях, возможно, что никакого "Факела" вообще не было бы, а союзные силы были бы брошены в каком-либо более плодотворном с нашей точки зрения направлении. И если бы даже "Факел" все-таки был принят, мы могли бы настоять, по крайней мере, на том, чтобы от него не пострадало снабжение СССР

7. Данный пример относится к прошлому, но вот о будущем: что будут делать союзники после окончания "Факела"? Куда они пойдут: во Францию или в Италию или на Балканы? Это очень важный вопрос. Кто будет его решать? Мне думается, что было бы совершенно нецелесообразно предоставлять решение данного вопроса только Англии и США. Нам тоже следовало бы принять в этом участие. Но как это сделать, если в ближайшие месяцы не будут заложены основы "единой стратегии" союзников? Или вопрос о воздушных бомбардировках Германии? Или вопрос о распределении между союзниками военной продукции США. Нам очень важно было бы принимать активное участие в решении всех таких вопросов, но это опять-таки невозможно без наличия "единой стратегии". Наконец, еще одно последнее соображение: в течение минувшего года постепенно складывалось сотрудничество Англии и США /хотя оно и сейчас далеко не полно/. Мы находились в стороне. Выгодно ли нам и дальше предоставлять возможность "западным демократиям" сбл

77

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 9911 № ... пол. ... час. ... мин. 9934 / ... 19... г. вх. № 5

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

жаться, укреплять существующие между ними связи, превращаться в англо-американский блок? Думаю, невыгодно, ибо на определенном этапе войны или после войны такой блок может повернуться против нас.

8. По вышеуказанным причинам я полагаю, что наступил момент, когда в целях использования Англии и США в наших интересах следовало бы приступить к созданию "единой стратегии" союзников. Как к этому легче всего подойти? Мне думается, что удобным началом явилась бы северная операция /Петсамо и так далее/. Она для нас выгодна, и англичане как будто бы ею интересуются. Полезно было бы, с той же точки зрения, также обсуждение предложений Черчилля об отправке англо-американской авиации на советский фронт.

От указанных операций не трудно было бы уже перейти к плану будущей летней кампании, к вопросу о втором фронте и так далее. Если данное предложение для нас приемлемо, то не следовало бы особенно откладывать соответственных шагов. В самом деле, если бы даже удалось договориться с союзниками о втором фронте во Франции весной 1943 года, то ведь при английских темпах потребовалось бы несколько месяцев на его техническую подготовку;

9. Времени же в распоряжении остается не так много. "Единая стратегия" естественно предусматривает наличие какого-то единого центра, который должен ее вырабатывать и проводить, -

78

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ____ Экз. № 6-т. ____ Экз. № 11-т. ____
№ 2-т. ____ № 7-т. ____ № 12-т. ____
№ 3-т. ____ № 8-т. ____ № 13-т. ____
№ 4-т. ____ № 9-т. ____ № 14-т. ____
№ 5-т. ____ № 10-т. ____ № 15-т. ____

Из 9911 .... № .... 9934 ____ 19__ г. экз. №____

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 16 -

как она должна быть организована? где находиться? каковы должны быть ее функции и полномочия?" Я не хочу сейчас касаться всех этих вопросов, но думаю, что они не неразрешимы.

10. На предыдущих страницах я изложил мысли, которые приходят мне в голову при наблюдении за нынешней военно-политической ситуацией. Возможно, что моя общая установка слишком пессимистична, и что война кончится легче и скорее, чем я допускаю. Я был бы, конечно, очень счастлив, если бы это было так, если бы мы могли раньше, чем я предполагаю, освободить десятки миллионов советских людей, страдающих от кровавого террора германских захватчиков. Все это Вам виднее. И, если в результате неправильных предпосылок/?/ я пришел к неправильным выводам, Вы меня поправите. В своем извинении могу только сказать, что мне приходится работать в Англии, а Англия - очень тяжелый союзник и способна настраивать человека на сумрачные мысли. Недавно Ллойд Джордж рассказал мне следующую любопытную историю: в конце прошлой войны он как-то беседовал с французским генералом Сарралем. Оба обсуждали трудности, связанные с ведением войны коалицией. Вспоминали конфликты, противоречия, несогласованности, отравляющие отношения между главами тогдашней Антанты. Под конец Саррайль со вздохом сказал: "Знаете ли г.премьер-министр, в результате опыта нашей войны я все более прихожу к выводу, что Наполеон, пожалуй, не был уж таким замечательным военным ге-

79

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 9911, 9923, 9920, 9922, 9910, 9934 мин. / 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 4 -

нием, как его обычно изображают".-"Почему Вы так думаете?" - с некоторым изумлением спросил Ллойд Джордж. На это французский генерал ответил: "Потому что Наполеон всегда вел войны против коалиций, а я знаю, что такое коалиция".

Возможно, что, когда Саррайль произносил эти слова, он прежде всего имел ввиду Англию: она была тяжелым союзником в прошлую войну. Она является тягостным союзником и в нынешнюю.

24/X-42 г. МАЙСКИЙ.

11-экз.ак.
отп.12-00.26/X.
вып.Абрамкин.

Верно: [подпись]

55

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т. Вышинскому	№ 10-т.	№ 15-т.

Из БЕРЛИНА № 13744 пол. 4 час. 25 мин. 14.XI 19 40 г. экз. № 2

13745, 13743, 13748.

ПРИНЯТА ПО ТЕЛЕФОНУ.

СТАЛИНУ. Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером 3 с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трех часовая беседа с Риббентропом. Пока сообщаю об этих беседах кратко. Подробности следуют.

Обе беседы не дали желательных результатов. Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния. Продолжение следует.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-й	Экз. № 11-й
№ 2-й Сталину	№ 7-й	№ 12-й
№ 3-й Сталину	№ 8-й	№ 13-й
№ 4-й Молотову	№ 9-й	№ 14-й
№ 5-й Деканозову	№ 10-й	№ 15-й

Из ЛОНДОНА № 4553 пол. 3 час. 10 мин. 22.У 1942 г. вх. № 2

4554, 4555, 4556. сп.02,3,4,5. <u>ВНЕ ОЧЕРЕДИ</u>.

СТАЛИНУ.

1. Сегодня состоялось два заседания - утром и днем; оба, примерно, по два часа. На утреннем заседании присутствовали с английской стороны Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, Сарджент /помощник Кадогана/ и в качестве переводчика Файербрес, с нашей стороны - я, Майский и Павлов в качестве переводчика. На дневном заседании присутствовали с английской стороны Иден, Кадоган, Сарджент и Файербрес. С нашей - я, Майский, Соболев и Павлов.

2. На утреннем заседании с Черчиллем я изложил цели моего приезда: обсуждение и, по возможности, решение вопроса о договорах и вопроса о втором фронте, упомянув о возможности рассмотрения и других вопросов. При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта, в связи с приглашением меня в США по этому вопросу. Черчилль не возражал, но присовокупил, что британское правительство тоже может быть найдет какие-либо "другие вопросы" для рассмотрения. Я согласился.

3. Утром Черчилль в нескольких весьма общих заявлениях высказался главным образом по первому вопросу, что ни в чем существенном не отличалось от того, что Иден раньше говорил

23

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ____ Экз. № 6-т. ____ Экз. № 11-т. ____
" № 2-т. ____ " № 7-т. ____ " № 12-т. ____
" № 3-т. ____ " № 8-т. ____ " № 13-т. ____
" № 4-т. ____ " № 9-т. ____ " № 14-т. ____
" № 5-т. ____ " № 10-т. ____ " № 15-т. ____

Из 4553, 4554, 4555, 4556 ____ час. ____ мин. ____ 19 ____ г. экз. № 2

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

Майскому. Черчилль заявил о важности итти в ногу с США и о нежелании нарушать "атлантическую хартию", ссылаясь на трудности с признанием наших проектов договоров в парламентских кругах Англии. Черчилль заявил, что целью британского правительства является обеспечение дружбы и доверия между тремя державами - СССР, Англии и США, ибо на плечи этих держав после победы ляжет руководство делами мира. Если такая дружба будет, все остальное приложится. Поэтому, де, не следует создавать затруднений в заключении договоров.

4. На это я ответил, что мы считаем нужным в первую очередь договориться с Англией, что при этом, конечно, стороны учтут мнение США и нежелательность нарушения хартии, но я подчеркнул, что из этого и исходят наши предложения о договорах, которые ближе к тому, что обсуждалось с Иденом в Москве, чем английские предложения. Поэтому мы и ограничились минимальными условиями, без которых общественное мнение в СССР не поймет и не признает каких-либо договоров, особенно после всех принесенных жертв и переносимых трудностей. Минимальным для нас является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс дополнительные минимальные гарантии безопасности, прежде всего на северо-западе и на юго-западе от границ СССР. Если британское правительство считает, что соглашение на данной базе

Зак. 540. 1-я Обр. тип.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-я.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-я.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 4553, 4554, 4536, 4556 пол. час. мин. 19 г. вх. № 2

- 3 -

сейчас невозможно, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятного будущего. В конце дискуссии Черчилль предложил мне встретиться с Иденом и попробовать договориться с ним о тексте договоров.

5. По вопросу о втором фронте Черчилль в утреннем заседании сделал краткое заявление, смысл которого сводится к тому, что британское правительство и американское правительство в принципе решили создать такой фронт в Европе, с максимально доступными им силами и в возможно кратчайший срок и к этому они энергично готовятся.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

5-экз.ЛС
отп.22.V.06-00
вып.Абрамкин.

Верно: [signature]

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

953

Инх. № 3046/ммм

36

Перевод с английского.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
2. мая 1942 года.

Уважаемый Посол,

В соответствии с договоренностью во время беседы вчера вечером я посылаю Вам проект письма, которое г-н Иден мог бы направить г.Молотову по вопросу о польской границе в ответ на предложенный г.Молотовым проект письма, которое г.Молотов предложил бы адресовать г.Идену по подписании Политического Договора. Совершенно ясно, что обмен этими письмами должен произойти в день подписания Договора и что этот обмен будет иметь одинаковую с Договором силу.

В советском проекте письма содержится ссылка на "договоренность, состоявшуюся некоторое время тому назад, между Председателем Совета Народных Комиссаров И.В.Сталиным и Премьер-Министром Польской Республики генералом В.Сикорским." Нам не совсем ясно, к какой договоренности относится эта ссылка, и Вы, наверное, согласитесь с тем, что мы должны ознакомиться с этой договоренностью, прежде чем мы сможем дать ответ на советский проект письма. Поэтому, когда мы ближе ознакомимся с указанной договоренностью, для нас может оказаться необходимым соответственно изменить проект ответа, который я Вам посылаю сегодня.

Есть еще один небольшой вопрос, в который нужно внести ясность. Последняя фраза советского письма гласит:

"При этом Советское Правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному соглашению между дружественными и союзными отношениями двух стран."

Вы согласитесь, что в этой фразе имеется какая-то ошибка в последних семи словах, т.к. они не имеют смысл. Не могли ли Вы препроводить нам правильный текст?

37

2.-

В отношении постановления статьи 5-ой английского проекта по вопросу о конференциях г-н Иден весьма озабочен тем, чтобы эти конференции не были бы направлены против Советского Союза. Нам кажется, что этому можно было бы эффективно противодействовать, дополнив существующий текст статьи словами "против агрессии или проникновения со стороны Германии и Италии". Тогда полный текст этой статьи будет следующий:

" Статья 5.

....

а) Поощрение региональных соглашений и конференций среди государств Центральной, Восточной и Юговосточной Европы, где такие соглашения или конференции являются желательными в целях обеспечения и укрепления политической, военной и экономической безопасности этих государств против агрессии со стороны Германии и Италии."

Верьте мне

искренне Ваш

В.О. САРДЖЕНТ.

Перевел -

(В.Павлов)

Верно: [signature]

ак.6.

38

Английский проект ответа
письма Идена по польскому вопро

Сэр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами.

Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской Республикой, имею честь информировать Вас о следующем:

В понимании Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве упоминание о границах в статье 3 договора не относится к границам Польши. Позиция Правительства Его Величества в этом отношении остается такой же, как она была охарактеризована в сообщении, сделанном польпра 30.УП.41г. в связи с подписанием соглашения, заключенного в тот день между Советским Союзом и Польшей.

Верно: [signature]

6-кк

Советский проект письма т.Молотова Идену по польскому вопросу. 39

Господин министр, подписывая сего числа договор между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе, я уполномочен правительством СССР заявить следующее:

Советское правительство считает само собой разумеющимся, что вопрос о послевоенных границах между Советским Союзом и Польской республикой составит предмет особого соглашения между правительством Польши и СССР, как об этом было в свое время условлено между председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В.Сталиным и премьер-министром Польской республики генералом Сикорским.

При этом Советское правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному согласию названных правительств в духе существующих между обеими странами дружественных, союзных отношений.

Примите и прочее.

Министру Иностранных Дел Великобритании г.А.Идену.

Верно: [signature]

6-кк

40

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА

СОВ.СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ У ЧЕРЧИЛЛЯ

22 мая 1942 года.

Присутствовали: т.т.Молотов, Майский, Соболев, генерал-майор Исаев, контр-адмирал Харламов.

Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, адмирал Дадли, Паунд, генерал- лейтенант Най, главный маршал авиации Портал, генерал-майор Исмей, бригадир Л.С.Холлис.
Переводчики: Файрбрас и Павлов.

Черчилль, открывая заседание, заявляет, что Молотов вчера высказал мнение, что вопрос о втором фронте является не только военно-техническим, но и политическим вопросом. Он,Черчилль, просил бы Молотова изложить взгляды советского правительства на второй фронт.

Молотов говорит, что вопрос о втором фронте в Западной Европе- это не новый вопрос. Он поднимался еще 10 месяцев тому назад.В последнее время он был поставлен по инициативе Рузвельта,который обратился в апреле к тов.Сталину с просьбой направить его,Молотова, в Вашингтон для переговоров с ним о втором фронте. При этом Рузвельт выразил пожелание, чтобы с ним, Молотовым, был направлен генерал.Это приглашение было принято советским правительством.Хотя инициатива принадлежит в данном случае США и Рузвельту,но, как представляет советское правительство, главная задача организации второго фронта вначале может пасть на Великобританию.Поэтому советское правительство считало необходимым,чтобы он,Молотов,перед поездкой в США обсудил эти вопросы с британским правительством и выяснил точку зрения английского правительства на этот вопрос в данный момент.Мы должны рассмотреть здесь этот вопрос,как союзники и как наиболее заинтересованные в данном вопросе страны. Советское правительство считает вопрос

77-М.

41

2.-

о втором фронте актуальным и срочным. Оно хотело бы, чтобы таким этот вопрос был признан и английским правительством. Молотов заявляет, что здесь ему нет необходимости подробно говорить, что советско-германский фронт имеет огромную протяженность, что это фронт весьма активный и напряженный уже в течение многих месяцев. Ему нечего доказывать не только военным, но и невоенным, что ближайшие недели и месяцы будут особенно напряженными и чреватыми опасностями для СССР, а значит и для наших союзников. Когда наши войска этой зимой били немецкую гитлеровскую армию, они в то же время готовились к событиям весной и летом 1942 года. Мы испытывали большое напряжение зимой, ведя наступательные операции в трудных условиях, но мы считали, что это будет наилучшей подготовкой к разгрому гитлеровской армии разбойников, ~~и угнетателей~~. Но Гитлер не собирается сдаваться. С ним можно покончить только силой и упорной борьбой, ~~борьбой не короткой и, конечно, тяжелой~~. Главная тяжесть борьбы и разгрома гитлеровских войск находится на плечах нашей армии. Она гордится этой честью. Особенно трудным периодом будут ближайшие недели и месяцы, когда должна быть предпринята отчаянная попытка гитлеровской армии, чтобы нанести Красной Армии удар. Отсюда вытекает сегодняшняя постановка вопроса о втором фронте. Присутствующим известно, что на обоих сторонах советско-германского фронта стоят огромные вооруженные силы с огромным вооружением. Свою и при этом почетную роль в поставках этого вооружения для СССР сыграли и играют Англия и США. Но сейчас вопрос стоит для нас более остро, чем когда-либо за период советско-германской войны и поэтому сейчас дело заключается не только в усилении снабжения, но и в открытии второго фронта, что стало теперь столь актуальным и срочным делом. Молотов говорит, что он еще не может сказать, как смотрит

британское правительство на вопрос второго фронта, так как он не знает этого. Но он, Молотов, хочет смотреть правде в глаза, видеть факты, как они есть. Мы представляем себе факты следующим образом: с обеих сторон стоят друг против друга и частично уже приступили к решающим летним операциям миллионы вооруженных людей. Мы не знаем точного соотношения сил обеих сторон. Но мы считаем вероятным и исходим из предположения, что силы противника превосходят наши силы, и этим об'ясняется трудное положение наших армий в данный период. Мы, во всяком случае, считаем, что в данный момент после тяжелых 11 месяцев войны с Германией и после того как Гитлер мерами насилия, гнета и принуждения ограбил почти всю Европу и навербовал в свою армию всякими средствами огромные полчища солдат из союзных с Германией стран, нам не приходится закрывать глаза на то, что перевес сил, возможно, находится на стороне нашего непримиримого врага.

Целью его (Молотова) визита является узнать, как рассматривает Британское Правительство перспективы оттягивания в 1942 году некоторого количества германских войск из СССР, где в настоящее время немцы, видимо, имеют преимущество в вооруженных силах. Следует припомнить, что Гитлер может собрать силы и ресурсы угнетенных и порабощенных им народов, населяющих большую часть Европы. Нельзя игнорировать опасность создавшегося теперь положения на нашем фронте борьбы с Германией.

Говоря конкретно, предложение, которое он должен сделать, состоит в следующем: могут ли Союзники Советского Союза и, в первую очередь, Великобритания оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос

разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и во всяком случае этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году. Могут ли это сделать Союзники? Нам бы хотелось, чтобы Правительство Великобритании ответило на этот вопрос.

Черчилль говорит, что во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережьи противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция в зубах воздушного сопротивления противника не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе. Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале оконечностью у Шербурга и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты

в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережьи противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограничены. В августе прошлого года на встрече в Атлантике сн.Черчилль, убедил Президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов,нужных для вторжения. Позднее, в январе этого года, Президент согласился, что США должны приложить еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, с нашей стороны, в течение более чем года выпускали такое количество судов, которое было возможно выпускать, учитывая потребности строительства судов для военно-морского флота и торгового флота, потерпевшего тяжелые потери.

В апреле Президент Рузвельт командировал г-на Гопкинса и генерала Маршалла в Лондон с предложением, чтобы США совместно с Великобританией в самое ближайшее время максимально облегчили бремя борьбы, которую ведет Россия. Мы немедленно согласились с этим предложением и в настоящее время происходит совместное изучение этого вопроса. Однако, нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1-е августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1-е сентября - 566 единиц. В 1943 году мы будем располагать значительно большим числом судов, и мы смогли бы высадиться на побережьи противника в пяти или шести пунктах в любом месте от Нордкапа до Байонны. Однако, Британское Правительство исполнено самой серьезной решимости рассмотреть

вопрос о том, что можно сделать в этом году, чтобы оказать столь необходимую помощь доблестным русским армиям, которые принимают на себя столь значительную часть военной мощи Германии и которые уже нанесли ей столь глубокие раны.

Нужно, однако, иметь в виду следующие два пункта: Во-первых, при самой доброй воле и старании невероятно, что какая-нибудь операция, которую мы могли бы предпринять в 1942 г., если бы она даже была успешной, оттянула бы значительное количество наземных вооруженных сил противника с восточного фронта. В воздухе, однако, положение иное; на различных театрах войны мы сковываем уже приблизительно 1/2 истребительной и 1/3 бомбардировочной мощи германской авиации. Если бы план проведения воздушных сражений над континентом оказался успешным, немцы предстали бы перед выбором: либо перед уничтожением всей своей истребительной авиации на Западе, либо перед необходимостью переброски части своих воздушных сил с Востока.

Второй вопрос относится к предложению г.Молотова, что наша цель должна состоять в том, чтобы оттянуть не менее 40 германских дивизий из России (~~включая дивизии, находящиеся в настоящее время на Западе~~). Следует отметить, что в настоящее время против нас в Ливии действует 11 дивизий "оси", из которых 3 германских, в Норвегии находится эквивалент 8 германских дивизий и 25 дивизий находятся во Франции и Голландии. Всего 44 дивизии.

Но мы не удовлетворены этим, и если можно сделать какое-либо усилие или составить план с условием, что он будет разумным и осуществимым для того, чтобы в этом году облегчить бремя, лежащее на России, мы не поколеблемся осуществить это. Ясно, что если бы ради действий во чтобы то ни стало мы предприняли бы некоторую операцию, которая окончилась бы несчастьем и дала бы противнику случай ликовать за наш счет, то это не принесло бы пользы ни делу России,

46

7.-

ни делу Союзников в целом. Резюме сказанного, таким образом, состоит в том, что мы и США сделаем все, что физически возможно, чтобы пойти навстречу русскому правительству и народу в этом деле.

Молотов говорит, что если будет позволено, то он хотел бы задать несколько вопросов.

Молотов спрашивает, разделяется ли точка зрения на второй фронт высказанная Черчиллем, так же и Рузвельтом, поскольку Черчилль в своем выступлении ссылался на правительство США ?

Черчилль отвечает, что американское правительство разделяет желание и решимость английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на европейский континент. Английское правительство расчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели как Англия, так и США будут располагать 1-1,5 миллиона американских и английских войск. Английское правительство готовится к высадке десанта, большого количества войск на большом количестве судов. Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активного участия из-за недостатка войск и десантных средств.

Молотов спрашивает Черчилля, правильно ли он его понимает, что в вопросе о создании второго фронта нет различия во взглядах американского и английского правительств ?

Черчилль отвечает , что различий во взглядах обоих правительств на этот вопрос не имеется. Как американцы, так и англичане изучают вопрос создания второго фронта и пока о дате открытия второго фронта не принято никакого решения.

Молотов спрашивает, какая максимальная часть (процент) английских войск участвовала в активных военных действиях в Европе и в Африке, если взять любой наиболее напряженный месяц войны 1942 года ~~с наибольшей активностью~~.

47

8.-

Черчилль отвечает, что в настоящее время на британских островах находится эквивалент 40 дивизий, из которых 20 являются действительно мобильными дивизиями. Эти дивизии не участвуют в военных действиях. Если бы они участвовали, тогда Англия не имела бы в своем распоряжении сил для защиты островов. Причем он должен сказать, что из этого количества дивизий ежемесячно покидает английские острова 50.000 войск для участия в военных действиях на Среднем и Дальнем Востоке. В апреле и марте месяцах Великобритания имела на Среднем Востоке, начиная от Персии и кончая Ливией, 16 дивизий, в Индии 7 дивизий. Причем английские потери в результате военных действий с японцами составляют 4-5 дивизий.

Молотов говорит, что советское правительство не сомневается в том, что британское правительство хотело бы, чтобы советские армии имели успех летом 1942 года. Союзники желают того же, что и мы. Но он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, как оценивает британское правительство перспективы летних боев для Красной Армии. Независимо от того, считает ли английское правительство эти перспективы благоприятными или неблагоприятными, или просто не ясными, он, Молотов, просил бы Черчилля, не стесняясь, высказать свое мнение по этому поводу.

Черчилль отвечает, что мы не знаем, каковы резервы или ресурсы Красной Армии. Прошел год с начала советско-германской войны. Многие военные специалисты других стран, включая германских, думали, что СССР скоро потерпит поражение. Вопреки этим предположениям, Гитлер потерпел ряд поражений, в особенности зимой. При этом бои на советско-германском фронте происходили и происходят в условиях, когда Красная Армия захватывает все больше и больше инициативу в свои руки. Английское правительство не может на основании информации своей разведки отметить концентрации зна-

чительных германских сил для большого наступления. Английское правительство отметило лишь, что германское наступление, которое было зафиксировано на май месяц, отложено теперь до середины июня. Это имеет существенное значение. Английское правительство полагает, что наступление Гитлера в этом году будет менее сильным, чем в прошлом году. Но мы в этом не уверены. Он, Черчилль, еще раз повторяет, что он не знает ресурсов советских армий и не спрашивает о них своих гостей.

Молотов говорит, что мы – советское правительство и великий народ СССР верим в свои силы. Но мы должны считаться и с возможностью серьезных опасностей. В связи с этим он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, какова будет позиция Великобритании, если СССР в 1942 году не выдержит в предстоящих боях напора, который Гитлер наверняка постарается сделать максимальным? Молотов говорит, что если можно получить ответ Черчилля на этот вопрос, то он хотел бы сообщить его своему правительству.

Черчилль сказал, что если русские будут побеждены или советская военная мощь будет серьезно подорвана немцами, Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления Советской Армии. Тем не менее, если против ожидания Советская Армия будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим

атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве. В конце концов, мощь Великобритании и Соединенных Штатов одержит верх. Нельзя пройти мимо того факта, что после падения Франции Великобритания одна противостояла в течение целого года многочисленным гитлеровским победоносным дивизиям, обладая лишь плохо вооруженными войсками. Но это явилось бы трагедией для человечества – такое продолжение войны, и совершенно искренней является наша надежда на русскую победу и горячо желание взять на себя нашу долю участия в сокрушении дьявольских сил. Он, Черчилль, хотел бы, чтобы г.Молотов понял, что заветным желанием Британской нации и армии является желание сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь мужественной борьбе русской армии и народа.

В заключение Черчилль просил Молотова принять во внимание трудность вторжения с моря. После того, как Франция вышла из войны, мы в Великобритании оказались почти безоружными – имели всего лишь несколько плохо вооруженных дивизий, меньше чем 100 танков и меньше чем 200 пушек. И все-таки Гитлер не сделал попытки вторжения по причине того, что он не мог завоевать господства в воздухе. Такая же трудность стоит перед нами в настоящее время.

В заключение он предлагает, чтобы генерал Исаев и адмирал Харламов встретились с генерал-лейтенантом Неем и вице-адмиралом лордом Л.Маунтбаттеном сегодня же и последние дадут детальные раз'яснения о специальных транспортных средствах, необходимых для высадки десантов.

Молотов спрашивает с оттенком иронии " Но каковы, собственно, перспективы такой встречи военных?"

50

11.-

Черчилль, несколько замявшись, все же предлагает устроить такую встречу.

Молотов соглашается с этим.

Молотов благодарит Черчилля за его ответ. Он повторяет, что мы глубоко верим в свои силы. Мы уже сделали не мало для того, чтобы покончить с Гитлером и сделаем еще больше для его полного разгрома. Мы верим в наши силы и в силы наших союзников.

Черчилль заявляет, что английское правительство искренне желает возможно скорее и на возможно большем фронте начать действовать, чтобы помочь СССР в его весьма тяжелой борьбе.-

Беседу записал (В.Павлов)

Верно: Молотов

Запись проверена и исправлена тов. В.М.Молотовым

Молотов

вв-3

41

СОВ.СЕКРЕТНО.

ДНЕВНИК
В.М.МОЛОТОВА.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С РУЗВЕЛЬТОМ
30 мая 1942 года.

Присутствовали: Начальник Штаба американской армии генерал Маршалл, Главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Кинг, Гарри Гопкинс. Переводчики: Кросс и Павлов.

Рузвельт заявляет, что он хочет, прежде всего, кратко изложить Маршаллу и Кингу сущность вопроса о втором фронте, обсуждение которого составляет предмет настоящего совещания. Рузвельт предупреждает, что это совещание является строго секретным.

Рузвельт сообщает присутствующим, что Молотов был в Лондоне. Он прибыл в Вашингтон по его, Рузвельта, приглашению для обсуждения вопроса о втором фронте в Западной Европе. Насколько ему, Рузвельту известно, Молотов был очень любезно принят английским правительством, но он не получил никакого определенного ответа на вопрос об открытии второго фронта в этом году. Задача Молотова состоит в том, чтобы добиться определенных результатов.Мы полагаем, что имеются основания для открытия второго фронта в 1942 году.Причина необходимости открытия второго фронта в 1942 году вызывается неблагоприятным положением на советско-германском фронте. Немцы имеют в своем распоряжении большие количества танков, самолетов и другого вооружения. Моральное состояние советских армий достаточно высокое. Однако, имеется опасность, что в результате превосходства немцев в вооружении, советские армии будут вынуждены отступить,оставив Москву и нефтяные источники Баку.Это возможное вынужденное отступление советских армий приведет к значительному ухудшению общего положения союзников. Это относится к 1942 году.

85.М.

а не к 1943 году. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 году.

Рузвельт говорит, что Маршаллу и Кингу известны физические трудности подобного предприятия, но положение очень серьезное и надо предпринять действия как со стороны британской, так и американской армий даже в том случае, если перспективы намеченной операции будут сомнительны. Мы должны предпринять эти действия несмотря на возможные жертвы, даже без видов на то, что десантной армии удастся удержаться на континенте.

Рузвельт спрашивает Молотова, правильно ли он изложил содержание вопроса о втором фронте.

Молотов отвечает, что он хотел бы дополнительно сказать несколько слов по этому поводу. Молотов говорит, что он считает вопрос о втором фронте в Западной Европе, во-первых, военным и во-вторых, политическим и больше всего политическим вопросом. Он говорит, что с этой точки зрения в создании второго фронта в Европе между 1942 и 1943 г. имеется разница. Он, Молотов, представляет себе эту разницу следующим образом. В 1942 г. почти все силы Гитлера сосредоточены на нашем фронте. При этом Гитлер, если не говорить о СССР, опирается почти на всю Европу, за исключением Швеции, не говоря о Швейцарии, которая не играет почти никакой роли. Гитлер опирается на всю Европу в войне не только против СССР, но и против Англии и США. Если дела на нашем фронте в 1942 году пойдут успешно, если мы задержим Гитлера на нынешней линии, то это, конечно, хорошо. Но надо считаться не только с этой положительной перспективой. Не исключено, что Гитлер будет настолько силен, используя людские и материальные ресурсы всей Европы, что германская армия сможет добиться серьезных успехов и мы (СССР) не выдержим удара. С этим

надо считаться, чтобы представить себе обстановку в 1943 году. В этом случае в 1943 году советский фронт не будет решающим фронтом. Наши силы будут подорваны. Силы Гитлера во многом возрастут. Трудности союзников увеличатся не только потому, что не будет такого сильного противника для германской армии, как Красная Армия в 1942 году, но и потому, что Гитлер будет опираться более уверенно на часть территории СССР, включая нефтяные районы. Такая перспектива может создаться в 1943 году. Обстановка будет более тяжелая, и тогда борьба против Гитлера будет более трудной, затяжной и потребует больших жертв.

Таким образом, вопрос о втором фронте - это вопрос, который надо решать не только с точки зрения соотношения сил в настоящее время. Это соотношение может измениться в пользу Гитлера. В 1943 году мы можем не иметь и половины преимуществ, которыми мы обладаем в настоящее время. Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 года чревата риском для СССР и большой опасностью для США и Англии. В 1943 году Гитлер может опереться на важные нефтяные источники СССР и вся тяжесть борьбы упадет на плечи Англии и США. Поэтому надо взвесить трудности борьбы с Гитлером в 1942 и в 1943 г.г., считаясь с тем, что в 1943 году эти трудности значительно возрастут.

Как конкретно обстоит дело с соотношением сил на советско-германском фронте? На обеих сторонах сосредоточены большие силы. Если об'ективно подойти к оценке соотношения сил, то количество войск и вооружения, набранного Гитлером почти со всей Европы, определяет это соотношение сил, видимо, в пользу Гитлера. Тем не менее, мы можем вести войну против Гитлера. Никто не знает, какие еще силы развернутся в нашей стране в борьбе против Гитлера. Таковы перспективы. Однако, худшая перспектива состоит в том, что благодаря некоторому перевесу сил на стороне Гитлера, нажим Гитлера будет непосилен для

СССР и Красной Армии. Если бы союзные Соединенные Штаты Америки и Великобритания смогли бы при описанном выше положении оттянуть с нашего фронта и сковать хотя бы 40 германских дивизий, то соотношение сил резко изменилось бы в нашу пользу. Мы были бы уверены, что в этом случае Гитлер был бы разбит в 1942 г. или, по крайней мере, был бы предрешен его крах в 1943 году. Мы ставим откровенно вопрос перед Рузвельтом, Маршаллом и Кингом – смогут ли США и Великобритания оттянуть и сковать эти 40 дивизий, из которых большинство уже не являются полноценными дивизиями ? Если они смогут это сделать, то вопрос, по крайней мере, в основном будет решен в 1942 году. Если США и Англия не в состоянии этого сделать, то мы будем продолжать нашу борьбу против Гитлера по существу один на один. Мы сделаем все, что можно для сокрушения Гитлера, а невозможного от нас никто не может требовать. В Лондоне я не получил удовлетворительного ответа на мой вопрос относительно второго фронта. Черчилль просил меня заехать на обратном пути в Лондон и обещал сообщить кое-что более конкретное по этому поводу. Он, Молотов, понимает, что главная тяжесть второго фронта выпадет на долю Англии, но это вопрос большой стратегии войны. Советское правительство знает, какую роль США играют в этих вопросах и поэтому не сомневается, что мнение Рузвельта, а также американской армии и флота имеет громадное значение для судьбы Гитлера. Молотов говорит, что он не скрывает того положения, которое может создасться для нашей армии летом этого года. Советское правительство хотело бы знать, могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы СССР против Гитлера или США еще не готовы к этому? Молотов указывает, что в том и в другом случае внесение ясности будет иметь большое значение.

Гарри Гопкинс просит переводчика Кросса еще раз дать резюме того, что было сказано тов.Молотовым и, если при переводе были допущены неточности в смысле заострения некоторых отрицательных фак-

45

5.-

тов, уточнить эти места.

Молотов говорит, что он может резюме сделать сам. Он указывает, что кратко положение дела заключается в следующем. Имеются трудности в 1942 году. В войне от трудностей вообще не уйдешь. Трудности возрастут в 1943 году, так как не будет крепкого фронта с нашей стороны против Германии, - следовательно, вопрос об открытии второго фронта надо решать положительно в этом году. Если отложить решение этого вопроса до 1943 года, то вся тяжесть борьбы против Гитлера выпадет на Великобританию и США. В этом заключается опасность не только для СССР, но и для Америки. Сейчас же исход войны против Гитлера может быть решен оттяжкой 40 германских дивизий с советско-германского фронта. Решить этот вопрос более выгодно сейчас, чем в 1943 году. Если Гитлер в 1942 году овладеет Европой в соответствии с его захватническими планами, к чему он сейчас стремится, - то трудностей для второго фронта в 1943 году будет гораздо больше, чем в этом году.

Рузвельт, обращаясь к Маршаллу и Кингу, говорит, что он хотел бы, чтобы они поняли следующее. Мы будем в 1943 году гораздо сильнее. Но может случиться, что Гитлер в 1943 году будет еще более силен, чем мы, и поэтому откладывание вопроса о втором фронте до 1943 года может не дать ожидаемых преимуществ. Это очень ясно выразил Молотов. Мы хотим открыть второй фронт в 1942 году. Это наша надежда. Это наше желание. Встает вопрос, возможно ли сделать это? При рассмотрении этого вопроса возникает проблема транспорта наших войск через Атлантический океан и затем через пролив из Англии в Европу. Мы будем продолжать совместно с армией и флотом изучать вопрос о том, что мы можем сделать, чтобы перебросить наши войска.

Генерал Маршалл заявляет, что вопрос об открытии второго фронта обсуждался. Имеются определенные выводы. По этому же вопросу он со-

вещался с англичанами в Лондоне. В настоящее время в Лондоне работают над проблемой второго фронта несколько американских офицеров, проводятся совещания, приготовления по выявлению и строительству необходимых десантных средств. Если все эти подготовительные работы будут успешно закончены в этом году, то станет возможным создание второго фронта в 1942 году.

Рузвельт спрашивает Маршалла, может ли Молотов передать Сталину, что американское правительство готовится к созданию второго фронта в 1942 году и что мы надеемся на создание второго фронта в 1942 году?

Маршалл отвечает, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт в 1942 году. Но он в качестве подчиненного военного чина хотел бы сказать следующее. Они оценивают серьезность положения на советско-германском фронте, выражая в то же самое время свое восхищение доблестным сопротивлением советских армий в течение 11 месяцев. Они, США, согласны с тем, что нужно принять решительные меры на европейском континенте для облегчения положения советских армий. Американские военные считают, что второй фронт в Европе может быть создан путем высадки десантов с британских островов. Американские военные делают все возможное для того, чтобы найти, построить и импровизировать достаточное количество тоннажа для десантов и перебросить возможно скорее этот тоннаж к британским островам. Он, Маршалл, был в Лондоне и лично занимался этим вопросом. Для этой же самой цели в Лондоне находится в настоящее время начальник Штаба Американских Военно-Воздушных Сил и начальник снабжения американской армии. Они стараются облегчить и ускорить выполнение задачи. Он,Маршалл, хотел бы быть откровенным. Он говорит, что проблема состоит в том, что они, американцы, имеют войска, которые получат вооружение, которые хорошо обучены.Имеются прекрасные танковые дивизии. Но имеются трудности в переброске этих войск в Англию и через пролив в Европу. Это - прежде всего вопрос необходимого количества десантных

средств. Они принимают все усилия для того, чтобы найти необходимое количество тоннажа и десантных средств и перебросить их в Англию. Говоря откровенно, разрешение проблемы усложняется еще и тем, что тоннаж требуется для снабжения СССР. Кроме того, имеются трудности в области авиации. США могут посылать самолеты в Англию воздушным путем. Но дело осложняется тем, что из США значительное количество самолетов отправляется в СССР. Наша цель состоит в том, чтобы принудить немцев вступить в воздушный бой. Это будет невозможно сделать до тех пор, пока нога союзных армий не вступит на континент Европы.

Маршалл говорит, что Молотов указывал на необходимость оттянуть с советско-германского фронта 40 германских дивизий. Они, американцы, не совсем так подходят к этому вопросу. Для них, прежде всего, имеет значение число дивизий, которые они смогут перевезти через пролив, чтобы вовлечь немцев в воздушные бои для уничтожения их авиации. В этом, по его мнению, заключается разница между взглядами, высказанными Молотовым, и взглядами, которых придерживаются американцы.

Рузвельт указывает, что то, о чем говорил Маршалл, не является различием взглядов. Он, Маршалл, изложил просто две стадии вторжения на континент. Высадка начального контингента войск вынудит немцев вступить в воздушный бой. После того, как германская авиация будет уничтожена, станет возможным произвести высадку дальнейших десантов. Когда на континенте будет сосредоточено достаточное количество войск, станет возможным отвлечение 40 германских дивизий с советско-германского фронта.

Далее Рузвельт говорит, что он хотел бы, чтобы адмирал Кинг об'яснил Молотову положение с посылкой конвоев в Мурманск. Дело в том, что при конвоировании караванов происходят военные действия в трех

измерениях. Во-первых, приходится оборонять караваны от нападения крупных германских военно-морских кораблей, например, от "Тирпица", во-вторых, от подводных лодок и, в-третьих, от нападений с воздуха.

Кинг заявляет, что проведение конвоев в Мурманск, а в настоящее время в Архангельск, приняло характер военных операций, так как эти конвои подвергаются нападению со стороны тяжелых германских кораблей, базирующихся в Тронхейме и Нарвике; со стороны подводных лодок, базирующихся в Нарвике и Киркинесе; со стороны германских самолетов с аэродромов, расположенных в Норвегии. Германские воздушные силы следят за следованием конвоев при выходе этих конвоев из Исландии, на всем пути до Мурманска и дальше. Когда немцы получают сообщение об отправке конвоя из Исландии, они приказывают своим подводным лодкам перехватить конвой. Следовательно, конвой должен быть защищен не только от местных атак со стороны подводных лодок, но и от возможных атак с воздуха. Необходимо, чтобы британские военно-морские силы посылали специальные корабли для наблюдения за передвижением германского военно-морского флота от баз, которые расположены ближе к маршрутам конвоев, чем базы британского флота в Скапа-Флоу. В этих условиях США пришлось усилить британский флот, чтобы англичане сумели выделить достаточное количество сил для прикрытия конвоев. Были приняты меры, чтобы прикрывать одновременно как возвращающиеся, так и направляющиеся в СССР конвои. Он, Кинг, хотел бы, чтобы советские военно-морские силы оказали помощь в деле конвоирования караванов при подходе к Мурманску, а также в деле защиты этих конвоев от германского военно-морского флота в районе Нарвика и Киркинеса. Положение с проводкой конвоев усложнилось в этом году, так как лед продвинулся в более южные районы моря и это обстоятельство затрудняет маневрирование конвоев. Конвои имеют меньшие возможности уйти от возможных нападений со стороны немцев.

49

2.-

Рузвельт говорит, что получены сообщения о том, что последний конвой, который прибыл в Мурманск вчера или должен прибыть туда сегодня, подвергся нападению германских самолетов. В результате из 35 судов был потоплен 1 эсминец, а 5 эсминцев и несколько судов повреждено. Немцы говорят о потоплении 17 пароходов. Рузвельт говорит, что мы должны считаться с потерями. Однако, положение должно улучшиться летом, когда лед уйдет на север и конвои будут иметь большую свободу маневрирования.

Далее Рузвельт говорит о том, что он хотел еще упомянуть о двух вопросах. Во-первых, об использовании американских бомбардировщиков для бомбардировки Румынии из Сирии и, во-вторых, о доставке американских самолетов через Аляску в Сибирь. По этому пути могли бы быть доставлены в СССР как самолеты, так и отдельные виды материалов и, следовательно, можно было бы высвободить некоторое количество тоннажа.

Молотов отвечает, что в отношении бомбардировки Румынии он полагает, что американские самолеты могли бы производить это не только с территории Сирии, но и с территории СССР. Что касается доставки самолетов через Аляску на Дальний Восток, то этот путь хорош для восточных районов СССР, а для западных районов он слишком далек.

Молотов заявляет, что он доложит тов.Сталину и Советскому Правительству относительно того, что он слышал от Рузвельта, Кинга и Маршалла в части оценки перспектив создания второго фронта в Европе

Беседу записал В.Павлов.

Верно: Молотов

вв-3.

Запись проверена и
исправлена тов. В.М.Молотовым
Молотов

1044 3267/рш 57

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. №
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-Й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4880 пол. 00 час. 50 мин. 1.VI 1942 экз. № 3

сп.40. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Из беседы с Рузвельтом обращает на себя внимание его заявление о способе охранения мира между народами после войны. Рузвельт развивает мысль, что для охраны мира потребуется некая полицейская сила, при чем эту полицейскую силу он мыслит в виде вооруженных сил трех или четырех стран: США, СССР, Англия и, может быть, Китай /если Китаю удастся создать центральное правительство/. По мнению Рузвельта все остальные страны, включая Францию, Польшу, не говоря о Германии, Италии и Японии, должны быть разоружены.

В ответ на это высказывание я заявил, что в такой конкретной форме нам еще не приходилось выслушивать соображения по этому вопросу, что у меня есть опасение насчет отношения к этому вопросу со стороны некоторых стран, как например Франции, Польши, Турции, что вопрос важный и требует изучения.

Эта тема не получила пока дальнейшего развития в беседах.

1-го июня буду иметь встречу с Рузвельтом.

9-экз.ДС
отп.1.VI.2-15
вып.Абрамкин.

31.V.42 г. МОЛОТОВ.

Верно: [signature]

По истечении 48-ми ч. с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

1061 № 3328 88

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
№ 2-т. Сталину	№ 7-т. Вышинскому	№ 12-т.
№ 3-т. Сталину	№ 8-т. Деканозову	№ 13-т.
№ 4-т. Молотову	№ 9-т. 10-й Отдел	№ 14-т.
№ 5-т. Берия	№ 10-т.	№ 15-т.

Из ВАШИНГТОНА № 4977 ч. 8 мин. 45 4.VI 1942 г. вх. № 3

4978 сп.50,51. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

31 мая Рузвельт вручил мне проект второго протокола и программы поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии на период с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г.

Основное содержание протокола следующее:

1. Для отправки из портов США и Англии будет предоставлено 3300000 коротких тонн в северные порты и 1100000 тонн в Персидский залив, то-есть всего 4400000 коротких тонн вместо заявленных нами американцам и англичанам по подсчетам американцев 8 миллионов тонн /Беляев обещает срочно произвести свой подсчет наших заявок в тоннаже/.

2. Мы должны выбрать из нашей заявки такие виды вооружения, оборудования и материалов, из числа предлагаемых нам США и Англией, которые укладывались бы в тоннаж 4400000 тонн.

3. Эта программа может частично изменяться в ходе войны.

4. США продлят финансовые соглашения на покрытие расходов по американским поставкам. Финансирование по английским поставкам будет происходить на основе кредитного соглашения от 16 августа 1941 г. по всему снабжению, а по военному снабжению на основе английского Ленд-Лиз, который еще подлежит обсуждению.

5. США предлагают поставки общим количеством в 7 миллионов коротких тонн стоимостью в 3 миллиарда долларов, из них 1100000

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

83

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ... Экз. № 6-т. ... Экз. № 11-т. ...
№ 2-т. ... № 7-т. ... № 12-т. ...
№ 3-т. ... № 8-т. ... № 13-т. ...
№ 4-т. ... № 9-т. ... № 14-т. ...
№ 5-т. ... № 10-т. ... № 15-т. ...

Из 4978 № 4977 пол. час. мин. 19 г. экз. № 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 2 -

тонн военного и военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1800000 тонн материалов, станков и оборудования стоимостью в 400 миллионов долларов и 4300000 тонн пищепродуктов стоимостью в 600 миллионов долларов. Разница между цифрами 7 миллиардов американских грузов и 4,4 миллиардов англо-американских поставок согласно пункта 1 настоящей телеграммы требует выяснения, что будет сделано Беляевым сегодня или завтра.

6. Англичане по проекту должны производить поставки и после 1 июля 1942 г. в масштабах прошлогоднего московского протокола. /Это не соответствует известному письму Бивербрука на имя Майского, в котором говорилось, что англичане взяли на себя обязательство производить поставки и после 1 июля на 50% больше предыдущего периода, а с 1 января 1943 г. увеличить эти поставки еще на 50 процентов.

Со своей стороны должен добавить следующее: проект протокола только переведен на русский язык и полный его текст сегодня начнем передавать в Москву на рассмотрение. После получения указаний инстанции этот проект должен быть обсужден комиссией Беляева с соответствующими организациями в Вашингтоне -что предусмотрено проектом.

Зак. 541. 1-я Обр. тип.

90

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА … Экз. № 6-т. … Экз. № 11-т. …
№ 2-т. … № 7-т. … № 12-т. …
№ 3-т. … № 8-т. … № 13-т. …
№ 4-т. … № 9-т. … № 14-т. …
№ 5-т. … № 10-т. … № 15-т. …

Из 4978 № 4977 пол. … час. … мин. … 19 … г. экз. № 3

- 2 -

Я не считал возможным заниматься сейчас этим вопросом в Вашингтоне или даже приступить к выяснению совместно с американцами отдельных пока неясных его пунктов.

3.VI.42 г. МОЛОТОВ.

<u>ПРИМЕЧАНИЕ</u>: Подчеркнутое запрошено.

9-экз.ЛС
отп.4.VI.12-45
вып.Абрамкин.

Верно: [подпись]

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

1/04 Исх № 3406/шиц

13

V

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА		Экз. № 6-т.	Маленкову	Экз. № 11-т.	
№ 2-т.	Сталину	№ 7-т.	Вышинскому	№ 12-т.	
№ 3-т.	Сталину	№ 8-т.	Деканозову	№ 13-т.	
№ 4-т.	Молотову	№ 9-т.	10-й Отдел	№ 14-т.	
№ 5-т.	Берия	№ 10-т.		№ 15-т.	

Из ВАШИНГТОНА № 5089 отд. 4 час. 20 мин. 7/VI 19 42 г. вх. № 3

5090, 5096, 5115, 5098, 5137.
5099, 5106, 5108, 5134,

спец.№.№ 1019, 1020, 1021, ~~1022~~, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, ~~1028~~, 1029, 1030.

Передаю тексты письма и второго протокола с программой поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии, которые 31 мая мне вручил Рузвельт:

1) Текст письма:

"Мой дорогой министр, героический вклад Союза Советских Социалистических Республик в общее дело борьбы за цивилизацию будет вечно воодушевлять все свободные народы. Ваше присутствие в Соединенных Штатах является символом единства наших целей и задач.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании желают тесно сотрудничать с Вашим народом в его грандиозной борьбе. Мы убеждены, что совместно с народом Союза Советских Социалистических Республик и другими об"единенными нациями мы навсегда уничтожим те темные силы, которые могли бы угрожать будущему миру народов.

Мы чрезвычайно единодушны в оказании Вам максимальной помощи в виде военного снабжения, сырья и продуктов. Совместно с премьер-министром Великобритании я имею честь вручить Вам настоящее заявление о размерах тех ресурсов наших правительств, которые мы в состоянии предоставить СССР на год от 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

Зак. 141. 1-я Обр. тип

14

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
" № 2-т.	" № 7-т.	" № 12-т.
" № 3-т.	" № 8-т.	" № 13-т.
" № 4-т.	" № 9-т.	" № 14-т.
" № 5-т.	" № 10-т.	" № 15-т.

№ 5089 5090 5096 5115 5098 5137 50099 5106 5108 5134. 3

- 2 -

С заверением в совершенном к Вам почтении, Франклин Д. Рузвельт.

Его Превосходительству Вячеславу Михайловичу Молотову, премьер-министру и Комиссару Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик".

2) Текст второго протокола: "Проект второго протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки и Великобританией на период с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

1) Правительства как Соединенных Штатов Америки, так и Об"единенного Королевства придают серьезное значение предметам вооружения, которые они могут предоставить Советскому правительству в наступающем году. В добавление к всевозможным ограничениям, вызванным недостатком судов, лимитирующим фактором в отношении северного пути является количество судов, которые могут быть конвоированы в порты назначения. Лимитирующим фактором в отношении южного пути является сухопутная транспортировка грузов из портов Персидского залива.

2) Наши правительства предоставят для отправки из портов США, Об"единенного Королевства и других стран в течение периода с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года приблизительно 3.300000 коротких тонн в северные порты и 1100000 коротких

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКГБ

15

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ... Экз. № 6-т. ... Экз. № 11-т. ...
№ 2-т. ... № 7-т. ... № 12-т. ...
№ 3-т. ... № 8-т. ... № 13-т. ...
№ 4-т. ... № 9-т. ... № 14-т. ...
№ 5-т. ... № 10-т. ... № 15-т. ...

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5137 5099 5106 5108 № 5134 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

-3-

тонн в порты Персидского залива. В связи с обстоятельствами, упомянутыми в параграфе первом, мы считаем, что это является наиболее практически выполнимой программой экспорта и в соответствии со всеми источниками, которыми мы сейчас располагаем. В мере тех пределов, которые диктуются время от времени вышеуказанными факторами, мы будем предоставлять необходимое количество судов, необходимых для перевозок той части программы, для которой не могут быть предоставлены суда СССР.

3) Расписание по поставкам, которые США могут поставить, было составлено с учетом программы требований, переданных правительству США правительством СССР. Расписание же поставок, предложенное об"единенным королевством, было составлено из расчета, что Россия желает продолжать получать снабжение в масштабах, согласованных на Московской конференции. Поставки, перечисленные в этих двух расписаниях, достигают приблизительно количества 8000000 коротких тонн.

4) Советскому правительству необходимо выбрать из этих двух расписаний поставок программу поставок такого снабжения и таких предметов вооружения, которая была бы в пределах тех количеств, которые упомянуты во втором параграфе. Эта программа должна включать все грузы, которые должны быть перевезены после 1 июля 1942 г., включая предметы, как по протоколу,

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

Снятие копий воспрещается

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ______ Экз. № 6-т. ______ Экз. № 11-т. ______
„ № 2-т. ______ „ № 7-т. ______ „ № 12-т. ______
„ № 3-т. ______ „ № 8-т. ______ „ № 13-т. ______
„ № 4-т. ______ „ № 9-т. ______ „ № 14-т. ______
„ № 5-т. ______ „ № 10-т. ______ „ № 15-т. ______

Из 5089 5090 5096 5115 6098 5099 5106 5108 5134 5137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел [illegible]

- 4 -

так и не по протоколу, которые уже заказаны или еще должны быть заказаны.

5) Нужно понимать, что эта программа может изменяться в силу непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть в ходе войны. Но Вы можете быть уверены, что будут приложены все усилия по доставке таких предметов вооружения, которые Вы наметите.

6) США с готовностью продлят финансовое соглашение и произведут соответствующее согласование для покрытия своей части предложенного нового протокола. Финансовое соглашение Объединенного Королевства будет продолжать действовать, как и в настоящее время, а именно на основе наличнo-кредитного соглашения от 16 августа 1941 года по покрытию расходов по всему снабжению, а также и на основе соглашения (взаймы и внаем), находящегося сейчас на обсуждении и рассчитанного для покрытия расходов по военному снабжению; условия вышеуказанного соглашения в принципе согласованы.

7) Мы, без сомнения, готовы через наших соответствующих официальных лиц обсудить с Вашими представителями в Вашингтоне все детальные вопросы, относящие к вышеприведенной программе, а также и соответствующие поправки, если такие потребуется.

Зак. 141. 1-я Обр. тип.

17

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ... Экз. № 6-т. ... Экз. № 11-т. ...
№ 2-т. ... № 7-т. ... № 12-т. ...
№ 3-т. ... № 8-т. ... № 13-т. ...
№ 4-т. ... № 9-т. ... № 14-т. ...
№ 5-т. ... № 10-т. ... № 15-т. ...

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 № 5137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 5 -

8) Прежде всего, мы хотим заверить Вас, что мы вполне сознаем жизненную важность Вашего фронта и чрезвычайную необходимость перевозок снаряжения в возможно большем об"еме и в возможно кратчайшие сроки.

9) Имея это в виду, мы будем рады время от времени пересматривать эту программу в целях выяснения возможности увеличения поставок и доставку военного снаряжения в СССР".

3) Текст программы поставок США: "Правительство США предлагает СССР следующую программу поставок общим количеством в 7000000 коротких тонн и стоимостью в 3 миллиарда долларов; из этого общего количества 1.100000 тонн военного, военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1.800000 тонн материала, станков и промышленного оборудования стоимостью в 400000000 долларов и 4.300000 тонн пищевых продуктов стоимостью в 600.000000 долларов.

Настоящая программа поставок была прдготовлена на основе того, что любой остаток на 30 июня 1942 года от действующего протокола, а также предметы, включенные в новый протокол, заявки по которым были приняты ранее и поставка которых запланирована на время после 30 июня 1942 года.x) Программа указывает возможности .... производства.

Зак. 341. 1-я Обр. тип

x) Видимо имеется пропуск слов. Запрошено.

18

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА ____ Экз. № 6-т. ____ Экз. № 11-т. ____

№ 2-т. ____ № 7-т. ____ № 12-т. ____

№ 3-т. ____ № 8-т. ____ № 13-т. ____

№ 4-т. ____ № 9-т. ____ № 14-т. ____

№ 5-т. ____ № 10-т. ____ № 15-т. ____

№ 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 5137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 6 -

В програме номенклатура предметов и основные классификации соответственны програме требований СССР, полученной 2 апреля 1942 года. По некоторым предметам предоставляемое количество является совместным предложением США и Об"единенного Королевства и записано общим числом в программах обоих правительства.

Группа 1. Вооружение и военное снаряжение.

Пункт 1. Самолеты.

Требуемое количество: 4200. Самолеты будут поставляться по октябрь 1942 года в среднем по 100 истребителей, 100 легких бомбардировщиков и 12 средних бомбардировщиков в месяц. Вопрос в отношении поставок остального количества самолетов на этот год будет зависеть от хода развития военных действий.

Пункт 2. Танки с вооружением.

Требуемое количество: 5250. 7500 танков с вооружением: в первые 6 месяцев, 1572 легких и 1428 средних танков, во вторые 6 месяцев, 2250 легких и 2250 средних танков, все по возможности в равных месячных поставках.

Пункт 3. Зенитные орудия 90 мм.

Требуемое количество: 204. 204 90 мм. зенитных орудий с полным боезапасом предоставляются в следующих размерах по 8 орудий в месяц в первой четверти, по 16 в месяц во второй

19

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА, № 2-т., № 3-т., № 4-т., № 5-т., № 6-т., № 7-т., № 8-т., № 9-т., № 10-т., № 11-т., № 12-т., № 13-т., № 14-т., № 15-т.

№ 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 5137 3

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 7 -

четверти, по 20 в месяц в третьей четверти и по 24 в месяц в четвертой четверти. Вспомогательные снаряжения будут предоставляться в том же размере, что и для войск США.

Группа 2.

Пункты 4 и 6. Зенитные орудия - 37 мм., 45 мм, 12,7-20 мм.

Требуемое количество: 3000 - 37 мм и 45 мм., 360 - 12,7 - 20 мм.

3360 заменяемых единиц, 37 мм. или спаренных 20 мм. на самодвижущейся установке без тяги должны поставляться по-квартально в следующих размерах: 300, 720, 1020, 1320.

Пункт 5. Противотанковых пушек 50-57 мм. с полным боезапасом.

Требуемое количество: 2100, 1900 - 57 мм. в размере 200 штук в месяц с октября по май и 300 штук в июне.

Пункты 7 и 8. Пулеметы с полным боезапасом 38 калибра и ручных пулеметов Томсона 45 калибра.

Требуемое количество: 120000 - 38 калибра. 127878 - 45 калибра, 240000 по 20000 в месяц 38 калибра в производстве.

Примечание: Боеприпасы для всего оружия будут поставляться в таком же размере как и для войск Соединенных Штатов и, если осуществимо, то в размере достаточном для ведения прицельного огня из оружия до выхода последнего из строя.

20

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из 5089 5090 5096 5116 5098 5099 5106 5108 5134 №5137

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 8 -

Группа 1. Продолжение.

Будут приложены усилия для снабжения запчастями в следующих размерах: запасные моторы 20%; запасные пропеллеры 20%; запасные части к самолетам 20% от стоимости самолета; запасные части к моторам 15% от стоимости мотора; запасные части к пропеллерам 15% от стоимости пропеллера; запасные части к танкам - для поддержания боевой способности танка в течение одного года; запасные части к грузовикам 10% от стоимости; запасные части к пушкам - для поддержания боевой способности пушки в течение 6 месяцев.

Действительные поставки запасных частей будут соответствовать тем запасным частям, необходимость в которых основана на опыте.

Выпуск запасных частей в Соединенных Штатах отстает и если фактические поставки будут ниже размеров упомянутых выше, они будут сделаны в такой же пропорции как и для войск Соединенных штатов.

Пункт 9. Разведывательные американские автомобили.

Требуемое количество: 24000. 6000 разъедывательных автомобилей по 500 в месяц и 18000 легких разведывательных бронеавтомобилей Джипс по 1500 в месяц.

Пункт 10. Грузовики. Требуемое количество: 120000 грузо-

21

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
„ № 2-т.	„ № 7-т.	„ № 12-т.
„ № 3-т.	„ № 8-т.	„ № 13-т.
„ № 4-т.	„ № 9-т.	„ № 14-т.
„ № 5-т.	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из 5089 5090 5096 5115 5098 5099 5106 5108 5134 5137

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

- 9 -

вых автомобилей в год по 10000 в месяц.

Пункт 11.

Полевые телефоны. Требуемое количество: 144000 полевых телефонов по 12000 в месяц, из которых половина звуковых.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 12. Провод для полевых телефонов. Требуемое количество: 1200000 километров. 480000 километров провода для полевых телефонов по 40000 километров в месяц.

Пункт 13. Толуол и тнт. Требуемое количество: 36000 коротких тонн толуола, 24000 коротких тонн тнт, 24000 толуола по 2000 тонн в месяц и 24000 тонн тнт по 2000 тонн в месяц.

Пункт 14. Нитроглицерин и другие типы прроха. Требуемые количество: 36000 тонн, типы и количество, которые будут предоставлены, - (будет) предметом дальнейших переговоров.

Пункт 15. Стереоскопические наблюдательные приборы для артиллерии. Требуемое количество: 1200 штук в 100 единицах. Нет совершенно.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 16. Военные полевые бинокли. Требуемое количество: 3000. Нет совершенно.

Пункт 17 . Мотоциклеты. Требуемое количество: 36000. 10500 мотоциклетов по 500 в месяц с июля по сентябрь и по

22

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
» № 2-т.	» № 7-т.	» № 12-т.
» № 3-т.	» № 8-т.	» № 13-т.
» № 4-т.	» № 9-т.	» № 14-т.
» № 5-т.	» № 10-т.	» № 15-т.

Из 5089 5090 5096 5115 5098 6106 5108 5134 5186 № 3

- 10-

1000 в месяц в дальнейшем.

Пункт 18. Тягачи для артиллерии. Требуемое количество: 7200. 2400 тягачей артиллерии по 200 в месяц, из которых часть будут иметь передачи малой скорости.

Пункт 19. Тобогганы (автосани). Требуемое количество: 2400. 2000 табогганов по 200 в месяц, начиная с сентября месяца по июнь включительно.

Группа 1. Продолжение.

Пункт 20. Радиоприемники различных типов.

Требуемое количество: 12000 приемников, 11500 радиоприемников различных типов. Определение типов подлежит дальнейшему обсуждению и будут поставляться в следующем количестве: 100 - в июле; 1100 - в августе и сентябре; 2350 - в октябре; 2475 - в ноябре; 1225 - в декабре; 525 - ежемесячно с января по июнь 1943 года.

Пункт 21. Радиопеленгаторы различных типов.

Требуемое количество: 1000 в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

Пункт 22. Радиопеленгаторы для установки на самолетах. Требуемое количество: 2500, в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

5/У1-1942 г. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

9-экз.мв.
отпеч.7/У1.14-35.
вып. Абрамкин.

Верно: [signature]

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

№28/3464/шиф 29

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. Маленкову	Экз. № 11-т.
„ № 2-т. Сталину	„ № 7-т. Вышинскому	„ № 12-т.
„ № 3-т. Сталину	„ № 8-т. Деканозову	„ № 13-т.
„ № 4-т. Молотову	„ № 9-т. 10-й Отдел	„ № 14-т.
„ № 5-т. Берия	„ № 10-т.	„ № 15-т.

Из ЛОНДОНА № 5222 пол. 22 час. 25 мин. 8.У1 1942 г. экз. № 3

сп.1375. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

По сообщению воздушного министерства самолет в 15 часов по лондонскому времени благополучно приземлился в Прествике /Шотландия/.

8.У1.42 г. Новиков.

9-экз.ЛС
отп.8. У1.22-50
вып.Абрамкин.

Верно: [подпись]

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в 10-й Отдел НКИД

106

Вручено Черчиллем
10.VI.42 г.
тов.Молотову.

Перевод с английского.

СЕКРЕТНО.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

После весьма тщательного и основательного изучения всех возможных шагов, которые мы могли бы предпринять, чтобы облегчить положение России, мы пришли к следующим выводам:

/I/ В соответствии с нашим соглашением мы будем максимально, насколько позволяют наши возможности, продолжать отправлять в Россию по опасному Северному пути и через Персию поставки самолетов, танков и другого вооружения.

/II/ На различных театрах войны мы уже в настоящее время сковываем в воздухе половину истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации с целью заставить немцев отвлечь с восточного фронта еще больше своих воздушных сил. Мы будем продолжать наши бомбардировки германских городов и промышленности, а также дневное наступление нашей бомбардировочной и истребительной авиации над территорией оккупированной Франции.

/III/ Мы отправили и будем продолжать отправлять значительное подкрепление в Ливию, где мы имеем против себя 11 дивизий оси, включая 2 германских танковых дивизии и 1 германскую моторизованную дивизию. Мы намерены заставить противника вести сильные бои на этом театре.

В течение последних 4 месяцев Мальта сковывала значительные германские воздушные силы в Сицилии. Одно время они располагали свыше 400 самолетов первой линии для бомбардировки острова. Мы отправили и будем продолжать отправлять большие подкрепления истребительной авиации, чтобы продолжать воздушные бои, которые там происходят.

/IУ/ Мы будем продолжать нашу политику рейдов на избранные точки континента. Эти рейды увеличатся в своих размерах и масштабах с течением лета. Этим самым мы мешаем немцам перебросить на Восточный фронт какое-либо количество из 33 германских дивизий, находящихся в Западной Европе, и мы держим, таким образом, немцев в состоянии постоянной тревоги и в неведении, в каком пункте последует следующая атака.

/У/ Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее раз"яснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако, ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы.

/УI/ Мы готовы, если эта мысль приемлема для русского правительства, отправить в Мурманск 4 истребительных и 2 истребительно-бомбардировочных эскадрильи с целью высвобождения русских военно-воздушных сил для операций на других участках русского фронта. Английские эскадрильи могли бы прибыть в Мурманск, примерно, в конце июля. Приемлемо ли это предложение нашим друзьям?

/УII/ Придает ли еще русское правительство какое-либо значение комбинированной русско-английской операции в районе Петса-

108

4.-

мо, подобно той, которая была предложена ранее? Если да, то мы были бы рады начать переговоры с русским штабом по этому поводу.

/УШ/Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в количестве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке.

Верно [signature]

Именной указатель

В

Г

Д

Е

Ё

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Географический указатель

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

Содержание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ**

ТОМ ВОСЬМОЙ

Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Стребков, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Э. А. Суровый*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 04.04.14. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ №   .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

